К нашим читателям

(Титульные листы) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 1—4.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

А. С. Пушкин

РОССІЙСКІЙ АРХИВЪ

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.

— — — — — — — — — —

Новая серия

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

Студия «ТРИТЭ»

НИКИТЫ МИХАЛКОВА

«РОССИЙСКИЙ АРХИВ»

Москва 2001

УДК-94(47)
ББК 63.3(2)5-7
Р 76

Федеральная программа книгоиздания России

Редакционная коллегия

Г. И. Вздорнов
А. Д. Зайцев
Н. С. Михалков
А. Л. Налепин (главный редактор)
Т. Е. Павлова
П. В. Палиевский
Т. В. Померанская
В. В. Шибаева

В подготовке издания принимали участие
А. Н. Дорошенко, С. Т. Парсаданян

Компьютерный набор
А. П. Мельникова

Компьютерная верстка
В. А. Данилов

Ответственность за археографическую подготовку текста несут авторы публикаций

Редакция благодарит ОАО Московской кондитерской фабрики
«Красный Октябрь» за спонсорскую помощь в подготовке этого тома

ISSN 0869-2009

ISBN 5—86566—035—7

© «Редакция альманаха «Российский архив», 2001

Налепин А. Л. К нашим читателям // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 7—8.

Десять лет назад вышел в свет первый том “Российского Архива”. Тогда, в 1991 году, редакция указала на побудительные причины необходимости появления на советском историко-культурном пространстве нового типа архивного издания, ориентированного на исторический документ, а не на субъективное его толкование. Обеспокоенные “удручающей картиной духовного несовершенства современного общества”, мы наивно полагали, что, поставив перед собой задачу утилитарно-просветительскую, мы сможем через конкретное историческое знание вернуть читающей публике утраченное за долгие десятилетия чувство непрерывности и преемственности исторического процесса.

Эту поистине глобально-грандиозную задачу мы хотели решить с помощью Книги, доступной всем, как человеку просвещенному, так и не отягощенному избытком гуманитарных знаний, но все же желающему сделать то самое интеллектуальное усилие, которое подчас творит невозможное. В какой-то мере эти ожидания оправдались. Издание получило своего читателя, о нем заговорили и заспорили специалисты, оно удостоено Государственной премии РФ, в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета была защищена дипломная работа, посвященная эдиционным принципам “Российского Архива”. И все же те горькие слова, которые были обращены к читающей публике России в 1991 году, по-прежнему, актуальны и ни в коей мере не устарели. Более того, если раньше, обеспокоенные историческим и духовным нигилизмом своих современников, мы старались противопоставить издание “Российского Архива” разного рода сиюминутным трактовкам отечественной истории, то сегодня роль “Российского Архива” видится еще и как воспитательная, поскольку угрожающе расширяется поток упрощенного коммерческого чтива, востребованного всеядным отечественным рынком.

Приступая к следующему этапу издания “Российского Архива” XXI века, к его Новой серии, мы оставляем неизменными публикаторские принципы. Изменение претерпело внешнее оформление издания. Мы отказались от традиционного рисунка на обложке томов, представляющего собой стилизованный фрагмент иконы XVII века “Древо Государства Московского” работы Симона Ушакова. Полагаем, что идея государственности, определенно продекларированная в томах “Российского Архива”, достаточно ясно ощущается на смысловом уровне и, уже нет необходимости в иной подсказке.

Поскольку тома “Российского Архива” выходят с периодичностью один том в год, то в новой серии “Российского Архива” не будет традиционной нумерации томов, а будет указан лишь год издания. Для уже вышедшей серии “Российского Архива” будет издан справочный том “Ключ-указатель”, что не только продолжит традицию русских серьезных научных изданий, но и поможет в работе исследователям и просто читателям.

Мы хотели бы оставаться несуетливым, интеллигентным (в высоком смысле этого слова) изданием, которое “в наш практичный и деньголюбивый век” будет все же следовать не капризам

изменчивого книжного рынка, а заветам пушкинского Пимена, который ночью в келье Чудова монастыря пишет перед мерцающей лампадой:

“Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду.
И, пыль веков от хартий отряхнуть,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

Главный редактор альманаха

А. Л. Налепин

“Назидательные правила” П. И. Фонвизина

Фонвизина П. И. Назидательные правила / Публ. [и вступ. ст.] Л. Л. Бойчук // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 11—15.

Предлагаемый документ позволяет понять принципы воспитания в семье Фонвизиных, семье, сыгравшей определенную роль в развитии русской общественной мысли, литературы, давшей двух деятелей декабристского движения.

Автором “Назидательных правил” является Павел Иванович Фонвизин, младший брат драматурга и публициста Дениса Фонвизина, родной дед Натальи Дмитриевны Фонвизиной и родной дядя ее мужа — декабриста Михаила Александровича Фонвизина.

П. И. Фонвизин родился в 1744 г. в один год с Николаем Ивановичем Новиковым, будущим писателем и издателем, и первые самостоятельные шаги в гимназии и университете были пройдены ими вместе. Еще в университете Павел Фонвизин обнаружил интерес к словесности, много занимался переводами из античных и европейских авторов, писал стихи, принимал участие в популярном университетском издании “Собрание лучших сочинений к распространению знаний”* в качестве переводчика, а в середине шестидесятых годов перевел с французского несколько художественных произведений**.

Эта деятельность принесла ему известность и, когда в 1772 г. Новиков издает свой “Опыт исторического словаря российских писателей”***, один из первых биографических справочников, то в этом словаре наряду со статьями о Ломоносове, Кантемире, Дашковой, Денисе Фонвизине он помещает и статью о Павле Фонвизине, говоря, что тот писал стихи, “из коих некоторые преизрядны”.

Но особенно значительными для отечественной культуры были годы директорства Павла Фонвизина в университете (1784—1796). На этом посту Фонвизин много сделал для организации науки в университете. В эти же годы при его непосредственном руководстве было построено новое здание университета на Моховой, выстроена и освящена университетская церковь, открыт университетский театр.

Пять лет “новиковского”, по выражению В. О. Ключевского, десятилетия (1779—1789), когда

Новиков приобрел в аренду университетскую типографию, совпали с годами директорства Павла Фонвизина.

Студенческое знакомство переросло в единомыслие и сотрудничество. Фонвизин был вхож в новиковский круг, состоящий из писателей, переводчиков, ученых. К этому же времени относится участие Новикова в ложе мартинистов****, которые имели большое влияние в университете благодаря "попустительству" Фонвизина как директора. По свидетельству его племянника декабриста М. А. Фонвизина, угроза ареста в связи с разгромом мартинистов нависла и над П. И. Фонвизиным. М. А. Фонвизин в своих записках* подробно описал случай, когда его дядя перед приходом полиции стремился уничтожить компрометирующие его бумаги, среди которых было и известное "Рассуждение о непременных законах", направленное на ограничение самодержавия, написанное Денисом Фонвизиным**. Документ этот был спасен отцом декабриста.

"Назидательные правила" обращены к его дочери Марии (в замуж. Апухтиной) и написаны по случаю ее предстоящего замужества. В 1798 г. П. И. Фонвизин овдовел, и все заботы по воспитанию детей легли на его плечи. В 1799 г. Марии было всего 20 лет, и, естественно, по мнению отца, она нуждалась в руководстве.

О ней известно, что она получила прекрасное образование, унаследовала вкусы и занятия своего отца, знала французскую поэзию, писала стихи, переводила французские романы, поэты посвящали ей стихи. В ОР РГБ хранится ее "Альбом"***, в котором имеются выписки из Парни, Молинари, Вольтера, Руссо, Боссюэ. Альбом уникален и стихами В. А. Жуковского, вписанными его рукой и посвященными юной Н. Д. Апухтиной, дочери Апухтиных, будущей жены декабриста М. А. Фонвизина.

Мария Павловна отличалась набожностью, увлекалась богословской литературой, ее дом всегда был полон странников и монахинь. Она долго сопротивлялась решению дочери ехать в Сибирь, но настойчивость Н. Д. Фонвизиной победила, и Мария Павловна взяла на себя заботу о внуках, в течение десятилетий она обращалась к властям с просьбой о разрешении свидания с дочерью. В 1842 г., так и не увидев дочь, почти ослепшая от горя и слез, она умерла.

Впоследствии Н. Д. Фонвизина напишет: "от матери унаследовала я мечтательность и пытливость немецкие..."****

С середины XVIII в. известны факты, когда родительское руководство выражалось в форме письменного "поучения", "наставления", "назидания"*****. То, что в нашем распоряжении документ середины XIX в., — свидетельство того, что эти "Правила" бытовали в семье Фонвизиных.

"Назидательные правила" содержат четыре основополагающих условия, от выполнения которых зависит благополучие жизни дочери: как стать добродетельной супругой, чадолюбивой и попечительной матерью, доброй госпожой и благоразумной хозяйкой. "Правила" продиктованы нравственно-этическими воззрениями XVIII в. на воспитание и жизненные ориентиры, но содержат уже и качественно новый взгляд на семейную жизнь, подразумевающий взаимоуважение мужа и жены.

Не в этой ли семейной традиции истоки непреклонного желания Н. Д. Фонвизиной разделить судьбу своего мужа? И не в этих ли этических принципах, внушенных Марии Павловне ее отцом, причина, заставившая ее в конце концов согласиться на поездку дочери в Сибирь?

Перед нами документ, созданный почти 200 лет назад, несущий на себе печать бытовой конкретности, позволяющий увидеть автора и адресата живыми людьми и еще раз убедиться в вечных человеческих ценностях, которыми жили наши предки и которые сохраняют свою значимость для нас и так нам нужны сейчас.

Мы долго, выражаясь языком библейской мудрости, “разбрасывали камни”. Настало время их собирать.

“Назидательные правила” публикуются по списку середины XIX в., хранящемуся в ОР РГБ. Ф. 319 — Фонвизины. Карт. 7. Ед. хр. 90, с сохранением языковых и стилистических особенностей автора.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА ПОКОЙНОГО РОДИТЕЛЯ НАШЕГО ПАВЛА ИВАНОВИЧА ФОН-ВИЗИНА ПИСАНО ИМ САМИМ В 1799 Г. В МОСКВЕ АПРЕЛЯ 17-ГО ЧИСЛА

Милый друг сердца моего Мария Павловна!

Ты вступаешь теперь в Священный союз брака, которого важность как по молодости твоей, так и по неопытности совсем тебе неизвестна, долг родительский, опаче моя к тебе сердечная любовь обязывает меня при сей столь важной в жизни твоей перемене, начертать тебе здесь некоторые дружеские наставления или краткие правила, которым я сам всегда держался и с ними благополучен и которым, если и ты последуешь, то под руководством будущего твоего супруга, несомненно будешь благополучна, — они состоят в следующих статьях.

1

Из настоящей приготовляющейся перемене твоей жизни должна ты заключить, что есть Вышнее провидение, которое несмотря ни на какие человеческие умствования и покушение управляет всеми их деяниями самовластно.

Следовательно, безумно бы было сопротивляться оному; и так первое правило благомыслящего человека должно состоять в сильном повиновении власти Всемогущего, который все устроит на благо. А дабы сим благом могла ты навсегда пользоваться, то первее всего, будь, мой сердечный друг, тверда в твоем законе, которая истина открыта тебе. Еще в твоем младенчестве сия твердость послужит тебе сильным щитом от всех прискорбий и душевных неудовольствий, могущих в течение жизни твоей с тобой приключиться, от которых, молю да сохранит тебя рука Всевышнего!

2

Будущий твой супруг, которого доброта души, кажется излита вся в очах его, с самой первой минуты, как я узнал его, стал мил сердцу моему, по елику мы все человеки, следовательно имеем все человеческие пороки, недостатки и слабости, то дабы они (если он их какие-либо имеет) не могли в нем усилиться и иметь влияние на блаженство твоей жизни, должна ты непременно исполнять с наистрожайшей точностью все должности, добродетельную супругу составляющие, — а именно при малейшем с стороны его удалении от должности супружней, при малейшем выступлении его из естественного его скромного нрава предпоставляй ему вместо щита природные твои изящные качества, добронравие и кротость.

Сими то одними орудиями, мой сердечный друг, предуспеешь ты укротить тотчас волнующийся дух его и возстановить опять блаженство твоей жизни, а дабы не только подобных удалений или отступлений, но и малейшего между Вами неудовольствия случиться не могло бы, то сделай себе единожды навсегда правило не подавать к таковым неудовольствиям ни малейшего поводу. Сие легко исполнить можно, ибо оно зависит от собственной твоей воли и никакого чуждого пособия не требует.

3

Старайся, чтобы взор твой, все мысли твои, желания, попечения, словом все способности ума

твоего, непрестанно устремлены были к единственному предмету, то есть к супругу твоему, и ничем бы другим, не развлекались. Тогда весьма легко тебе будет предупреждать все его желания, ибо одни усмотришь ты из глаз его, другие из поступок, третьи из телодвижений, и так далее; следовательно, не будет для вас существовать та злая минута, которая бы могла произвесть между Вами какое-либо неудовольствие; паче всего будь с ним искренна и старайся, чтобы не только какое-либо твое деяние, но ниже, помышление скрыто от него не было, а как будущий твой супруг есть человек умный, благоразумный, благовоспитанный, одаренный здравым разсудком, а паче всего весьма чувствительный, то и нельзя предполагать, чтоб он сам со своей стороны не держался тех же самых правил в разсуждении тебя, какие ты относительно к нему исполнять будешь, следовательно, держась с обоих сторон одних правил, будете вы иметь одни и те же чувства, одинакие чувства произведут одинакие склонности, и всякое деяние, не соответственное оным, будет с обоих сторон отвергаемо, а все сии взаимные угождения составлять истинное блаженство жизни вашей и принесут мне при наступающей старости лет моих совершенное удовольствие.

Вот, мой милый друг сердца моего, все то, что я желал сказать нащет личного твоего будущего супруга, поведения, каковым ознаменовать должна себя добродетельная супруга.

Теперь предложу тебе, некоторые нужные правила, коих точным исполнением приобретешь ты по достоинству почтенные титла чадолюбивой и попечительной матери и благоразумной хозяйки.

4

Предполагая, что со временем Бог благословит тебя детьми, нахожу я за нужное сказать тебе в нескольких словах мысли мои относительно исполнения долгу чадолюбивой и попечительной матери.

Любовь к детям, есть чувство естественное; следовательно, давать наставления как любить детей, есть совсем излишне, ибо по мнению моему, неродясь извергом рода человеческого, нельзя не любить того, что составляет часть собственного бытия нашего, хотя вопреки сего видим мы многих матерей, любящих одних детей до безумия, а других совершенно ненавидящих; таковые женщины не достойны священного именования матери, что же принадлежит до их воспитания, то желал бы я, мой милый друг! чтоб ты не вверяла его наемникам, а образовала их бы ум, склонности и душевные их способности сама. Ибо наймом доставляемое детям воспитание не произведет в них той нравственности, какою бы ты в них желала, а произведут всю нравственность их воспитатели. Я не говорю, чтоб при воспитании детей не занимать совсем чужого пособия, напротив того, нельзя обойтись, чтоб не вверять чужестранцам детей своих для обучения их наукам, языкам и прочему: но стараться должно, чтоб обучение их не сливалось вместе с воспитанием, которого никто столь прочно и основательно разположить не может, как родители.

Пуще всего старайся детей своих от себя не отдалять: я разумею сие о женском поле (ибо мужское воспитание под сие правило походить не может), но имей их всегда перед глазами.

А имея их непрестанно перед собой, легко будет тебе заметить все их душевные изгибы. Которыми и можно управлять по твоему благорассуждению. Не будь с ними слишком строга, ибо излишняя строгость родителей производит в детях страх; страх попирает в последних всю искренность; недостаток искренности производит между родителями и детьми взаимную холодность; и наконец сия та самая холодность разрушает между обоими все священные узы, самим естеством вечно связывать их определенные.

Напротив того, всякие детские как важные, так и малые пороки и преступления старайся истреблять в них собственным твоим благонравием. Выговаривай им за оные без всякого сердца, но с природною тебе чувствительностью и ласковостью своею старайся наконец довести их до того, чтоб они сами приходили сказывать тебе вины свои; сим способом приобретешь ты

заблаговременно все право на их к тебе искренность, которая и не допустит их впадать ни в какие важные пороки; ибо ты по благоразумию твоему будешь стараться предупреждать оные.

Теперь остается мне присовокупить к сему нечто касающееся до исполнения доброй госпожи и благоразумной хозяйки.

5

Ты входишь теперь полною Госпожою в такой дом, в котором слуги тебе незнакомы, равно как и ты им. Первое старание твое должно состоять в приобретении к себе их любви и подобострастного почтения. А как сие чувство подчиненных нам людей вообще приобретается не иначе, как ласковым с ними обхождением, то и советую тебе, мой милый друг, обходиться с ними со всею тою кротостью, какую ты от природы получила, без наималейших однако ж при том фамильярности; ибо первая употребляемая при самых даваемых повелениях заставляет подчиняемого исполнить оные со всевозможным рвением и точностью; а последняя по мере употребления оной от такового их похвального стремления немало отвлекает, ибо, как говорят французы (la familiarite engendre)* каковое изречение нахожу я весьма справедливым. Не бесполезно будет также верно и ревностно тебе служащим делать иногда отличные какие-либо награждения, ибо таковые, ничего для тебя незначащие награды, сильно однако ж добрых людей к продолжению ревностного служения их поощряют, наипаче всего не попускай того, чтоб кто-либо из твоих подчиненных мог воспользоваться полною твоею доверенностью; ибо ничто так легко не подвержено злоупотреблению, как доверенность, которой истинной цены они не знают, следовательно, и пользоваться ею не умеют. Веди их так, чтоб они при всем твоем ласковом с ними обхождении ни на секунду не забывали, что они слуги, а ты их госпожа; а ты не забывай также никогда, что они, человеки сии, взаимные с обоих сторон на памятовании будут удерживать все то, что не выходит из пределов, останется в естественном своем положении.

А как естественное вещей положение устроено самим Создателем вселенной, то и должно быть из всех наилучшее, каковым ты, держась сих правил, и будешь иметь удовольствие пользоваться.

Ведя себя таким образом относительно твоих подчиненных, не упускай ни на час из виду благосостояние общего вашего дома, которого внутреннее устройство принадлежит более к попечению хозяйки, нежели хозяина.

Под словом внутреннего устройства разумею я наблюдаемый во всех частях дома порядок, то есть: чтоб в доме ничего не было лишнего, а равным образом ни в чем в нужном и недостатка не было; ибо несмотрение за первым означает беспечную расточительность, пренебрежение последняго — гнусную скупость; и как между расточительностью и скупостью есть середина, умеренностью называемая, тот дом благоразумной хозяйки и требует держаться сей последней, яко единого и надежнейшего средства жить в удовольствии и спокойствии, чего, надеюсь, со стороны твоей и не будет упущено.

Теперь остается мне просить тебя, моего милого друга сердца моего, впечатлять сии сердцем и рукою моею начертанные правила в память твою — и держаться их со всею точностью, каковой благоденствие соотечественной жизни твоей от тебя требует.

Я уверен, как в бытие моем, что исполняя все вышеписанное, не можешь ты не быть благополучна, ибо сии правила почерпнуты из собственного моего опыта. А проведя жизнь тихую и благополучную, надеюсь, что не оставишь ты передать сии самые правила сестрам своим, також твоим детям, а те своим и так далее; следовательно, благополучие будет преследовать за тобою в роды родов, чего при благословении тебе совсем твоим потомством всем сердцем желает

Искренно любящий тебя
отец твой и вернейший друг твой Павел Фон-визин

Апреля 17 дня 1799 года в Москве

Публикация Л. Л. БОЙЧУК

Письмо А. С. Турчаниновой к Н. С. Ермолаеву

Турчанинова А. С. Письмо Ермолаеву Н. С., 12 мая 1804 г. / Публ. [и вступ. ст.] Л. К. Бажановой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 15—18.

Публикуемый документ принадлежит видному историку, источниковеду и археографу Е. Н. Кушевой. Она сама скопировала письмо своей прапрабабушки А. С. Турчаниновой и намеревалась его опубликовать, но комментарии к нему не написала, не успели мы с ней и обговорить их.

Александра Степановна Турчанинова (урожд. Ермолаева) приходилась теткой декабристу Дмитрию Петровичу Ермолаеву (1792—1840), офицеру Семеновского полка, разжалованному в солдаты и сосланному на Кавказ в канцелярию губернатора до 14 декабря 1825 г.

Письмо печатается с сохранением языковых и стилистических особенностей оригинала, с заменой вышедших из употребления букв и буквосочетаний на современные.

***

12 маия 1804 года

Милостивой государь мой любезнейший братец
Николай Степановичь.

Имела чювствительное удовольствие получить ваше мне приятное писмо за которое принашу мою чювствительнаю благодарность честь имею вас поздравить с прашедшими праздниками и са днем вашева ангела Етот день я весь провела с Казловскими у них княгиня была не здорова сказывала мне что всю ночь не спала ат беспакойства па мне.

Штож делать милой братец madame Garnerin 6 е число летала в шару но не без меня и как весело было летать што сказать не возможна только не верьте газетам лжи многа.

1. неправда што чювствовали несноснай жар.

2 я грамовыя удары ни аднаво.

3 я неправда што барометр был ниже Юти градусами, а вместо таво барометр весь разбит был аб деревьи и гагда ана апомнилась на нево пасматреть и сняла гаревавши што он испорчен то ртуть на меня патекла и я атряхивалась для таво что на мне был чюжой капот и я не хотела ево вымарать/

Ne m'en voules pas mon tres cher fre?re que j'avais un si grand desir de planer dans l'air qu'a la fin j'ai fini par me le permetre j'avais le te ms de la reflection parsque cette idee m'tst venu le 3 le balon devait s'enovler le 4 mais come Garnerin l'a re mi jusqu'au 6 tous les jours // j'ai ete dans une impatience que rien n'egale et a la fin me voila chez m-me Garnerin a 4 heures et demi apres midi affable d'un bonnet avecune dantelle que me couvre les veux un chapeau avec une dantelle qui couvre toutle la figure et un ruban rose avec un grand noeux que ve couvre le menton par dessu cela un voile de mousseline bien serre garni d'un large point qui me couvre toute la taille un surtout bien fonce qui ne m'appartient pas et donc les manches utait si larges que j'ai ete oblige de mettre sur mes bras au moins deux fois la l'epaisseur de mes bras pour que le surtout ai l'air de m'appartenir.

Nous voila en che min pour aller au vauxal et come on arretait plusieur foi la voiture pour ne pas imterompre le fil des voiture* как скора за кричю служивай ета mad. Garnerin каторая сама летит кричат другим стой а нас прапускают приехавши в ваксал я села в темнаю комнату штоп меня ни хто не видал а между тем пашел превеликай дождь и зделался гром а я в бальшом агарчении что не палечю на конец стал дождь преставать и mad. G. пришла ка мне с герал полицмейстером каторай после усильнай прозьбы стал переда мной на калени штоп я voile припаднела но я сказала aussitot vu sans voile par ame qui vive je reste* ушел потом намесник тоже после ево усильной прозьбе я приподняла voile и сказала ему en ete vous plus ascence votre excelence je n'ai pas l'honner de vous conaitre je suis content a t-il dit**, потом генерал палицмейстер пришел ка мне папрасил пазваление мне дать руку вести к шару и кагда павел то и гаворит што я была снисхадительнее против намесника нежели против нево то я на ета и сказала vous pouvez me recconaotre apre?s... on peux se fier a la faiblesse de la vue du marechal***.

Полет на воздушном шаре

На конец меня привели и гаворят што не угодна ли сесть а я ничево не вижу кой как села и в друг шлышу возле себя голас намесника каторай мне гаварит ни ужели вы не баитесь я ему отвечаю пантомимай што нет аднака наканец па нескольким вапросам атвечала что ни крошички а таво только и боюсь што атдумают лететь и мне не удастца патом вскоре меня павел апять тот же и я села в ету лодачку ощюпью так была закрыта што ничево не видала не только штоп меня хто видел и все так устроила што нихто бы не узнал и после ежелип не дурная погода апять васпоследовала ат каторай мы ис Царицына не прежде прихали как в 3 часа паутру и дождь шел то я и принуждена была падъехать пряма к маему дому меня же узнали в Царицыне К. и кнезья Грузинския патаму што voile взмок да меня же и вести не каму то принуждена была припаднять.

За тем пращайте милой братец желаю вам здаровья и удавольствия пребуду навсегда вам пакорнейшая к услугам преданная сестра и верный ваш друг

Александра Турчанинова

Жаль мне очень што вы сюды не едите и меня к себе не завети а я очень очень па вас милой братец скушна.

Публикация Л. К. БАЖАНОВОЙ

Прошение М. Г. Дубельт

Записка Ф. Н. Глинки о магнетизме / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 19—39. — Из содерж.: Глинка Ф. Н. Любопытный отрывок из моих записок. — С. 21—38.

Родоначальником так называемого "животного магнетизма" был в конце XVIII в. австрийский медик Ф. Месмер (1733—1815), доказывавший в своих работах, что человек черпает из Вселенной особую магнитную силу, благотворно воздействующую на организм, и при некотором навыке способен передавать эту силу другим людям, животным и даже неодушевленным предметам. Основанное на этой теории магнетическое лечение Месмера быстро вошло в моду в Австрии, затем во Франции. Несмотря на то, что в 1784 г. особым королевским указом Парижской академии наук было повелено исследовать деятельность Месмера, и авторитетная комиссия, в составе которой были А. Лавуазье, Б. Франклин, Гильотен и другие знаменитости, доказала, что никакого магнетизма не существует, а есть обман и массовая истерия, последователи Месмера продолжали его дело.

В начале XIX в. магнетизеры (барон Пюисегюр и другие) уже отказались от многих явно

шарлатанских приемов своего предшественника: не магнетизировали луну и деревья, перестали использовать знаменитые месмеровские “лоханки” — чаны с водой, из которой торчали металлические прутья, в свое время вызывавшие у прикасавшихся к ним пациентов Месмера бурные “магнетические” припадки. В результате и сами сеансы магнетизирования изменились: больные перестали впадать в буйство, биться в конвульсиях и проявлять иные признаки истерики, преобладавшие на заре магнетической практики. Зато был открыт “магнетический сомнамбулизм”, при котором больные погружались в сон и в сонном состоянии отвечали на обращенные к ним вопросы и проявляли иные признаки действия гипноза (термин “гипнотизм” был предложен в 1840-х гг. английским врачом-магнетизером Брэдом). Именно упражнения по вызыванию “сомнамбулизма” у больных стали целью занятий магнетизеров первой половины XIX в. Для погружения в сон использовались различные приемы: пристальный взгляд “глаза в глаза”, пассы руками, наложение рук. Считалось, что замагнетизированные сомнамбулы могут видеть кончиками пальцев, обладают даром ясновидения и способностью предсказывать будущее, а главное, умеют распознать свои и чужие болезни и назначить соответствующее лечение. Поскольку сомнамбулический эффект достигался не всегда, полагали достаточным, если действие магнетизма вызывало у пациента легкую сонливость, покраснение лица, повышение температуры и испарину. Кроме самих больных, магнетизировали воду, прохладительное питье, различные мази, используемые пациентами.

В Россию мода на животный магнетизм пришла в посленаполеоновские годы, хотя отдельные опыты этого рода производились заезжими магнетизерами и раньше. Мода продержалась до 1840-х годов, после чего сменилась увлечением спиритизмом.

В 1830-х годах большой известностью в Петербурге пользовалась “клиника” магнетизерки А. А. Турчаниновой, которая, как вспоминала современница, “...лечила без разбора все болезни; лечила старых и малых, прямых, косых, слепых и горбатых и «чающих движения воды»...”. Во время сеансов Турчаниновой, сопровождавшихся, для вящего эффекта, заунывными звуками стеклянной гармоники, на которой играл специально приглашенный музыкант, на пациентов “...нападало точно какое-то наитие, они начинали сами выдумывать, чем себя лечить... Особенно горбатые дети выдумывали даже разные машины и сами рисовали их... и заставляли... истязать себя на них...”*.

В числе магнетизеров-любителей в разное время было немало известных людей: герой Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Раевский, историк Н. И. Костомаров и другие. Очень популярен был магнетизм среди участников тайных обществ 1810—1820 гг., к числу которых принадлежал и Ф. Н. Глинка. Здесь в той или иной степени дань магнетизму отдали П. И. Пестель, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, Ф. П. Толстой и другие. В сибирские годы магнетической практикой занимался Н. А. Бестужев. В 1927 г. И. М. Троцкий опубликовал любопытную рукопись Бестужева о лечении в Петровском заводе А. П. Барятинского. Приводимые технические подробности, возможно, окажутся нелишними для предварения записки Глинки: “Больной сидел в креслах, я против него, большие пальцы рук против моих больших пальцев, его колени между моих ног и ноги вместе. Приемы руками следующие:

1) Действие как сказано выше,

2) Руки на плечах,

3) Проводя от плеч до больших пальцев 5 или 6 раз,

4) Большие пальцы против ложки, прочие по ребрам,

5) Большим током, от головы до колен и ниже.

В первом положении до тех пор, пока руки не примут одинаковую теплоту. Во втором — 4 или 5 минут, для третьего — минуты 2, для четвертого — около 5 минут”.

И в другом месте: “Полагая, что надо усилить магнетизм и действовать двойным током, я пригласил сегодня (С. П.) Труб(ецкого), сообщившись с ним, я просил его действовать, а сам стал сзади его, положа руки на плечи”**.

Автор записки Федор Николаевич Глинка (1786—1880) хорошо известен как литератор и как активный участник Союза Спасения и Союза Благоденствия (в 1816—1822 гг.). Видный масон, член ложи “Избранного Михаила” и “Великой ложи Астреи”, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, энтузиаст популярного в 1-й половине XIX в. метода взаимного (“ланкастерского”) обучения (в 1819—1825 гг. занимал посты 1-го и 2-го помощника председателя С.-Петербургского Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения). В 1820 г., будучи адъютантом петербургского генерал-губернатора гр. М. А. Милорадовича (с которым тесно дружески связан был с 1803 г.), заступался за опального А. С. Пушкина. В 1822 г., тяготясь службой, подал прошение об отставке, в результате чего был перечислен из гвардии в армию с сохранением полковничьего чина и положенного по чину жалованья и прочего содержания. Тогда же, в 1822 г., усилилась его религиозность и склонность к мистике, начались пророческие видения и т. п. С годами эти настроения усилились, усугубившись после тюремного заключения и ссылки, которой Глинка был подвергнут за участие в тайных обществах.

После 14 декабря 1825 г. и двукратного ареста он был переведен в гражданскую службу. Несколько лет служил, находясь под

надзором полиции, в Петрозаводске, затем в Твери и Орле. С 1834 г. надзор был снят, и Глинка жил в Москве, а затем в Твери, писал литературные воспоминания и мистические и патриотические стихи, широко занимался благотворительностью.

Записка о магнетизме может быть отнесена к 1850—1860-м годам и использует более ранние записи, современные описываемым событиям.

Текст публикуется по рукописи: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 27 (писарская копия с авторской правкой). На титульном листе имеются надписи двумя разными почерками: «I. Отрывок, II. Очень интересно.»

Ф. Н. ГЛИНКА ЛЮБОПЫТНЫЙ ОТРЫВОК ИЗ МОИХ ЗАПИСОК

Я не могу равнодушно вспомнить о последних месяцах 1824-го года. Это было, может быть, самое счастливое время в моей жизни. Прослужа около четырех лет полковником гвардии, я выпросил себе за милость переименование по армии и таким образом рассчитался со службою, которая в последнее время (когда я состоял уже при с.-п(етербургском) военном губернаторе)1 становилась для меня несносною по множеству дел, часто бездельных и хлопотно-беспрерывных, отнимавших у жизни всю ее позолоту. У поэта весь досуг его. Я носил мундир и жил в Петербурге, но был свободен, как воздух, и стал игрив, как рыба в воде. Я похож был на школьника, отпущенного на время каникулов в домовой отпуск. Отодвинув от себя весь груз мелочных, условных обязанностей, я пил и не мог досыта напиться из полной чаши привольной, безотчетной жизни. Конечно, чтоб пользоваться так роскошно, в таком широком объеме своею личною независимостью, надобно прежде намозолить пальцы от пера, натрудить грудь от сидячей, канцелярской жизни, просиживая по целым суткам в самом искривленном положении в виде французской буквы (Z) зет. Но эти страдания физические не значили бы еще ничего, если б не было притом душевных! Сколько раз грудь трещала от взрывов негодования (к несчастию, справедливого) при виде явной несправедливости, угнетения невинности, наглого насмеяния над законом и правдою2. Главною местною потребностию были скорость в производстве, исправность в очистке бумаг. Но никто не заботился об очистке совести!

Долго не мог я смыть с себя нагара и копоти душной канцелярской жизни, наконец освежился, оправился и забыл все! Тут настала для меня новая эпоха. Без завтра и вчера, ограничиваясь только одним своим сегодня, я мало-помалу выплыл из кипучего водоворота внешней жизни и

вплыл в тихое море беззаботности. Обеспеченный в дневном существовании, я не думал более ни о чем! И это недуманье разливало какую-то целительную силу по всему моему существу. Я чувствовал, что надорванная грудь моя успокаивалась, душа, вывихнутая обстоятельствами, мало-помалу входила в свое место; дух светлел, и все чувства распускались, развертывались, как растения после тяжелой зимы. Из всех дел самое труднейшее есть дело жизни, да!.. Трудное дело есть жизнь!.. и счастлив, кто может уберечь хоть немного детской, колыбельной теплоты сердца, пройдя сквозь стужу внешнего мира!

Во мне нашлось еще много этой теплоты. Я любил, верил и, видя в людях только хорошую сторону, со всеми был в хороших отношениях и не зачернял души ни мщением, ни злобою! Я вставал очень рано и, получа навык и способность ходить очень скоро, так сказать, облетал Петербург. Часто в одно и то же утро бывал на островах и в Екатерингофе и, знакомый с целым тогдашним и тамошним миром, везде был гостем или зрителем... В это время писал я свои аллегории и еще кое-какие мелкие стишки, которые все отзываются состоянием души той эпохи жизни. Вот три стиха. Тогда написанные:

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Я будто солнышком пригретый, в лодке сплю.
И под какою-то защитною рукою,
Несусь я жизненной рекою
И сладко, сладко мне: я всех и все люблю!

Тогда же написано другое стихотворение: “Много ли надобно?”

МНОГО ЛИ НАДОБНО?

Что нам для жизни?.. Уголок!
Для хлеба — нивы лоскуток!
Для садика — земли частичка...
И я, как маленькая птичка,
Беспечен, как она, и рад,
Когда в окно каких палат,
Или с высокого балкона
Смотрю на синево наклона
Далеких, сводистых небес,
На разноцветный летом лес;
Иль с башни Екатерингофа,
Где незамеченный сижу,

С одной сердечной полнотой,
Я с сердцем радостным гляжу
На дальний абрис Петергофа,
На перламутровый залив:
Как он стеклянист, как красив!

Как хороши, под парусами,
И с лентой флага — корабли! —
Откуда к нам они пришли?
На них дары чужой земли!
И под чужими небесами
Рожден их кормчий и пловец!
Различен позыв для сердец:
Иных манит прибытком ловля
К горам нерастопимых льдов,

Других с Индейских островов
Ведет в Кронштадтский рейд торговля...
А я, без сел и кораблей,
Картиной мира веселюся:
Где лягу — сплю, и не боюся
Неурожаев, ни мелей...
И вольным гостем у людей,
Бесконный я и беспалатный,
Любуюсь неба круглотой,
Глотаю запах ароматный
И сам не знаю чьих садов, —
Смотрю на сгибы берегов
Порой, на пенистые волны,
И, сытостью душевной полный,
Иду в мой маленький приют,
В мой уголок, известный редким,
Где ласточки — мои соседки,
И где мечты со мной живут!

Вот и еще одно стихотворение, в то же время написанное:

ДОСУГ

Мятежный мир наслал волненье и заботу
И двинул на меня полки своих сует:
И за работою работу
Мне предлагал засуеченный свет
И взял меня в свое безумное круженье...
Но отдал я Творцу на сбереженье
Мой утомленный жизнью дух
И Он — всещедрый!.. дал в отраду мне — терпенье,
А в наслаждение — досуг!..

Но я слишком увлекся в сторону. Скорее к делу. В это время познакомился я с Ниной А3. В первый раз встретил я ее в доме М4., одного из почтеннейших сановников в Петербурге. Там встречались мы очень часто — раза два, три в неделю. Нина, круглая сирота, дочь Генерал-Лейтенанта, родилась в Грузии5, и еще в пеленах из соседства Кавказа привезена одним родственником в Петербург к родному дяде6, преподававшему при дворе правила русского языка. Под его родственным покровом росла молодая полугрузинка. Оба великие князя (Михаил и нын(ешний) Государь Николай Павлович)7, навещая своего учителя, дарили малютку-Нину игрушками, которые сберегла она как память о золотых летах детства. Дядя ее умер, не оставя детей, и тетка8, любившая ее страстно, заменила ей мать. Сестра ее София9 осталась на Кавказе у мачехи10. О ней много и охотно рассказывал Грибоедов. София славилась ловкостью, ездила верхом как лихой наездник Кавказа и была прекрасна лицом. Нина также была очень миловидна и стройна, но не игрива... Какая-то задумчивость всегдашняя, беспрерывная задумчивость придавала ей важность не по летам. Часто, среди веселого общества, испытующий взор наблюдателя останавливался на чертах ее лица молодого, цветущего, но важного, бесстрастного, и хотел разгадать думу, глубокую думу, светлевшую в карих глазах ее. О ней можно было сказать, что она задумалась о чем-то еще в колыбели, и дума эта росла с нею, вместе с летами. Сама — живая молодая роза — она не смела прикоснуться к обольстительной чаше радостей земных, всегда увенчанной молодыми розами для тех, которые приступают к ней в первый раз. Слишком равнодушная к представлениям внешности, она как будто боялась углубиться в заманчивые лабиринты жизни и боязливо стояла у порога ее.

Она казалась гостьею, приостановившеюся только посмотреть на этот мир. Много было толков

Она казалась гостьею, приостановившеюся только посмотреть на этот мир. Много было толков между знакомыми о характере Нины, миловидной, но важной и благоразумной, как мы сказали, не по летам. Познакомясь короче в доме, я узнал ее тайну. Дума, неотразимая, властительная, превратившаяся в постоянное предчувствие, глубоко запала в ее душу и овладела всем ее существом. Раз увидела она во сне своего покойного дядю, который объявил ей, что жизнь ее будет слишком коротка и, подавая ей книгу (это было Евангелие), прибавил: “С этим тебе будет легче перейти в вечность!” С тех пор Нина казалась чем-то мимолетным, нездешним, каким-то растением иного климата, выставленным только на показ, до первой осенней бури.

Еще с весны Нина с своею тетушкою, которую она называла матерью, переехала в Царское Село. Не раз зазывали они меня приехать к ним в Царское, и я сделал это — целый день провел я у них и целый день разговаривали мы о предметах очень важных: о жизни, ее условиях, цели, о назначении человека, о нездешнем, о том, что видно только для души... Поводом к этим разговорам были недавние опыты животного магнетизма и речи ясновидящих, таинственные и возвышенные. Тут я узнал, к удивлению моему, что (кроме книг Св. Писания) Нина прочла много книг нравственных и тех, которые слывут в свете под именем мистических. Я заметил в ней необыкновенную чистоту сердца, ум здравый и основательный.

Между тем другое отличное от обыкновенных существо, Татьяна Борисовна Потемкина11 пригласила меня пожить с семейством ее на даче в 20-ти верстах от Петербурга. Там отвели мне прелестный домик. Я жил, как в клетке, весь облитый светом и зеленью. Вдали лежало огромное зеркало — Финский залив, в котором отражались все розы зари, все великолепие заката, часто объятого золотым пожаром. Иногда, как будто украдкою, скользили корабли, направляясь к синеватой, отдаленной черте. Это был Петербург.

Раз, когда золотой свет от свечи в моей комнате, свет, которому так радуемся после длинных летних дней, весело сиял в синеватых сумерках полуосеннего вечера, пришел ко мне князь А., брат хозяйки12. Мы жили с ним в самой искренней приязни. Большую часть ночи проговорили мы о вещах, о которых редко говорится в свете. Между прочим, он спросил, зачем ездил я в Царское. Я рассказал подробно все о знакомстве с А-ми и ее племянницею. Нину описал я такою, какою в самом деле ее нашел. “Мне казалось, что каким-то чудодейством молодая христианка второго или, много, третьего века со всею чистотою, со всем огнем веры, со всем, что отличало верных в благословенное утреннее время Христианства, перенесена в наш вечерний век холода и жалкого неверия...” Так говорил я о Нине. В глазах князя сверкнули две световые точки — семена какого-то великого замысла. Он захотел непременно познакомиться с Ниною и, если бы я поверил первому движению своего сердца, то мог тогда же бы сказать громко: “Он женится на Нине!” Выбор, побуждения и решимость князя делают честь его сердцу. Они не были материальны: в них не входил земной расчет.

Задумано и сделано. Князь, которому тогда все пути внешней жизни были гладки, все дорожки ведомы, все двери открыты, помчался в Царское, увидел Нину, но не мог познакомиться с нею ближе. Мы привыкли называть случаем непонятное для нас устроение дел. Случаем называем мы ту волю, ту руку, которая, всегда невидимо, но часто ощутительно, сводит разъединенные нити, связывает узлы, подбирает, как карта, по мастям (извините за сравнение) обстоятельства, вещи, ускоряет, замедляет, сдвигает события и слаживает (часто изумительно мастерски!) нечто целое. Случаем называем мы этот тайный, мимолетный шепот, который одному говорит: “иди туда!” Другому: “стань там!” И от этого “иди” и “стань” сбывается то, чему быть надобно. Итак, случай довершил то, что заронило слово, может быть, сказанное с умыслом, что развило воображение, а может быть и какое-нибудь высшее побуждение. Один мудрый сказал: “Браки написаны на небесах!” А мы прибавим: “написанное на небесах исполняется на земле!” Последние девять дней сентября (1824) как будто нечаянно залетевшие на берега Финского залива с берегов Байи из-под прелестного неба Неаполя (как говорил о них А. М. Потемкин13, долго живший в Неаполе), эти девять дней исчезли как девять прекрасных сновидений, и север взял свое! Небо подернулось серою подкладкою, волны залива всхолмились свинцовыми буграми, тучи и все визги и стоны, тоскливо носившиеся под серым выгибом неба, слились в одно: “Пора

домой!’’
Потемкины переехали в город. Нина переселилась также с своею тетушкою в столицу. По привычке бывать часто в доме М., они наняли насупротив этого дома верхний этаж в доме князя Крапоткина. Надобно же было случиться, что в нижнем жилье того же дома занимал квартиру князь Андрей. И так Нина была над ним! У Нины был балкон, на который она выходила, когда проглядывало солнышко. Я жил также немного наискось, только через улицу в доме Всеволожского14.

Раз подали князю дрожки. Лошади, сперва делавшие разные проделки, вдруг, лишь только занес он ногу садиться на дрожки, взбесились. Пристяжная взвилась и, попав, как-то заступив одною ногою в оглоблю, обрушилась на коренную, та завизжала и страшно рванулась в сторону. Ось зарасщепилась, дрожки затрещали и опрокинулись; прохожие зашумели, толпа зевак собралась. На уличный шум внизу вышли на свой балкон жительницы верхнего этажа. Нина, по самому простому побуждению, видя летящие на сторону дрожки и падающего в мундире человека, невольно воскликнула: “Ах!” Это восклицательное “Ах!” слилось с теми двумя точками, которые некогда сверкнули в глазах князя, и дело пошло в ход с удвоенною скоростью. Князь, осмотрясь после угрожавшей ему опасности, почел долгом идти вверх, представиться и благодарить за участие. С этого началось знакомство, которое, во всех отношениях, развивалось с быстротою поэтической мысли, ищущей выразиться. Есть цветок, который расцветает раз, только раз в течение целого столетия. Из дальних мест съезжаются люди посмотреть, как расцветает этот цветок. Говорят, что в минуту своего раскрытия он разливает кругом себя чудноусладительное благоухание. Вот минута блаженства, счастия для этого цветка! Целое столетие жизни, жизни страдательной, сжимается, сосредотачивается в этой одной и единственной минуте его жизни действительной!.. Прежде и после он только — обыкновенное растение. Есть такая минута и в жизни человека. Это минута, когда жених скажет невесте: “Я люблю тебя!”, это минута, когда невеста, при свидетелях, милых ее сердцу, вся облитая зарею девственного румянца, скажет жениху и любимцу души своей: “Я твоя!” В эту магическую минуту совершается одно из великих таинств Гармонии: двое сливаются воедино! Два живых и разумных атома, носившиеся в бурях жизни, соединяются в одно существо о десяти чувствах, соединяются на жизнь и на смерть, на нераздельность до гроба. Их души, как птички в двух тесно сдвинутых клетках, одна к другой ласкаются, их инстинкты знакомятся, их Ангелы обнимаются!.. Они не помнят минуты своего рождения, но минута, о которой мы говорили, есть минута второго рождения! То было счастие без сознания, это блаженство с сознанием.

В такую-то минуту, придя чрез несколько дней, застал я Нину, сидящую под портретом ее отца. Тетушка плакала, князь молчал, на ресницах его также дрожали слезы, но лицо его цвело и сияло от внутреннего света. Нина протянула мне руку и сказала: “Я счастлива”.

Осенние сумерки наступили; свечей не подавали, но нам было как-то светло. Все молчали... молчали... но сколько было разговору, сколько поэзии в этом упоительном молчании!.. Наконец засветили лампы, доложили о приезде гостей, и настало время обыкновенного человеческого быта — время прозы и существенности!

Ангелы без сумнения радовались, когда души двух странников, разлучившиеся где-то там, в доколыбельном мире, встретясь на одной точке, соединились в одно. Но и противные духи не дремали!.. “И мы здесь!” говорили эти исчадия зла, распространители клеветы и раздора. На другой же день начались толки и пересуды. Разнесся слух о каком-то сне, виденном Ниною, и это было поводом к стрекотанью между кумушками об этом чудном сне, хотя никто не знал, в чем состоял этот сон.

За несколько дней до решительного объяснения князя зашел я к А-м. Тетушка — это было утром — сказала мне:

— Какой чудный сон видала сегодня моя Нина!

По настоянию моему мне рассказали этот сон. Я просил записать его, что и было сделано на

По настоянию моему мне рассказали этот сон. Я просил записать его, что и было сделано на другой же день. С тех пор и до этого времени собственноручная записка Нины, в которой описан был ее сон, хранилась у меня. Князю прочел я эту записку, кажется, уже после его свадьбы. Нельзя не заметить, что Церковь, в которой венчали Нину, и особы при их бракосочетании были именно те, которые виделись ей во сне.

Обручась с Ниною, князь уехал в Москву просить благословения своей матушки. Нина с грусти сделалась больна. Всякий вечер я приходил к ним и, сидя около больной, писал к князю письма за себя и за невесту от лица ее и тетушки. В это время магнетизировал я доктора Лиондера15. Этот доктор морского ведомства, состоявший на самом маленьком жалованьи, был человек решительно бедный. Он давно был знаком со мной, лечил даром многих бедных по моему указанию, пользовал безденежно учеников Ланкастерской школы, где я был старшим членом16, и наконец сам занемог. Бедняк в полном смысле, он не был никем посещаем. Изредка заезжал к нему доктор, а болезнь была серьезная. Раз, когда я сидел у него, он, почувствовав приступ болезни, просил убедительно помагнетизировать его. Я согласился и, по неотступному настоянию его, продолжал магнетизирование. Он не засыпал, но чувствовал необыкновенное облегчение. Доктор его изумлялся скорой перемене к лучшему. И сам больной принимал магнетическое действие с какою-то необыкновенною жадностию, с каким-то исступленным услаждением. Однажды, когда он погрузился уже в полудремоту и я хотел прекратить пассы, он вдруг воскликнул: “Еще! Еще!” и стал что-то всасывать из моих перстов с такою жадностию, что мне сделалось страшно. Он хватал меня за руки, обвевал ими себя как опахалами, и пил из пальцев как будто струю живительную. Между тем лицо его цвело и он весь просветлялся. После этого он начал говорить и плакал навзрыд: “Я вижу мою бедную душу: она чуть теплится, чуть сверкает в самой темной, темной ночи”. Потом на вопрос, как лучше молиться? — отвечал:

— Покорность с упованием — уже молитва. (La soumission et l’esperance — c’est deja la prie?re).

Было еще одно лицо в семействе Ах-х, о котором я должен говорить: это двоюродный брат Нины — Александр17 — глухонемой. Кроме природной глухости он страдал в то время внутренним недугом. Взор его был рассеян, он не имел ни аппетита, ни сна, часто нападал на него страх и во всем теле чувствовал он утомление и расстройство. Впрочем, для меня было ново видеть его в безмолвно-говорливом кругу его товарищей. Тетушка разумела их язык мимический.

— О чем они так жарко разговаривают? — спросил я, видя их, размахивающих руками и рассыпающих множество жестов.

— Они рассказывают друг другу о вчерашней пальбе из пушек и вечерней иллюминации.

“Какой громкий разговор”, — подумал я, — “по крайней мере, разговор о громе и огне, и при этом ни одного звука, ни единого слова!” Не таков ли язык душ, язык сочувствия, язык внутренней молитвы? Но мы привыкли к словам, и только к словам! Возгласы, часто вопли и крики придают силу нашей словесной речи, Язык и уста везде наши первые орудия! Но в них ли источник истинного красноречия?

Князь возвратился из Москвы и занемог; Нина также только еще обмогалась. Жених и невеста обсылались снизу вверх и обратно. Около этого времени, когда внутренний недуг Александра усиливался, упросили меня его магнетизировать. Я придержусь теперь подлинных записок, составленных тогда по случаю магнетизирования Лиондера, Александра, а наконец, и самой Нины.

Расскажу еще несколько подробностей (не пеняйте за повторение!) о Лиондере. Нас познакомил Дероберти18, сказав, что он лечил многих бедных даром. Лиондер служил где-то в морском ведомстве, имел самое маленькое жалованье и никакой практики. Перекрещенный из Евреев, он хорошо выдержал экзамен на звание врача, но в Петербурге был круглым сиротою, без рода, без племени и без всякой протекции. По этому можно судить, как он жил бедно.

Раз он расхворался не на шутку. Доктор одного с ним ведомства езжал к нему редко: ему даже часто не на что было покупать лекарства. Болезнь его тянулась и, подстрекаемая горем жизни и недостатками, усиливалась.

Он просил меня, как я уже сказал, магнетизировать его. Я попробовал, и с первого раза он успокоился, но объявил, что спать глубоким сном не станет, а будет достигать только до приятной полудремоты, столько необходимой для восстановления его сил! Он жил в Коломне, за Крюковым каналом, в нижнем этаже. Огромная комната, довольно сырая, довольно холодная, из которой состояло все его жилье, разгорожена была ширмами. В одном углу, за этими ширмами, лежал он, успокоенный прикосновениями; в другом, противуположном, сидел я за столом с пером и записывал, по временам, слова больного.

Нина жила, с давнего времени, душа в душу с одною девушкою из высшей аристократии, я назову ее Волгиной19. Волгина страдала какою-то томностию; жизненные силы ее упадали, молодость блекла. Но доктора не понимали ее болезни, даже не находили нужным ее пользовать. Нина очень просила меня узнать от Лиондера, чем больна Волгина и чем ее лечить?

3-го Декабря 1824 года, на вопрос о состоянии здоровья Волгиной (а надобно знать, что больной не имел о ней никакого понятия!) он делал ответы, здесь представляемые:

— Эта девушка, — (я не сказал ему ни имени, ни прозвания ее), — больна. Причины болезни ее сложны: отчасти простуда, внутреннее беспокойство и беспорядок в периодических отправлениях. От этого боль в селезенке, беспокойство в животе, дряблость в теле и, по временам, нервная слабость. От этого же беспокойство в боках, гипохондрическая тоскливость и вообще неловкость во всем. Иногда желчь тревожится, и кожа ее суха и желтовата, — вот его слова. И все эти признаки действительно находились в особе, которую модные столичные врачи не хотели даже признать больною!

На вопрос: “чем лечить?” — был ответ:

— Ей надобно магнетизироваться. Начать должен мужчина, продолжать может дама. Воды магнетизированной не давать: для нее это еще крепко! Магнетизировать начать после поворота солнца на весну и продолжать два месяца. При магнетизме употреблять куренье и питье: 1) курить: можевелловых ягод — унцию и янтарю две драхмы растереть в порошок и окуривать все тело на ночь. 2) питье: в чайную ложку шалфейной воды класть одну каплю тинктуры амбры20 (серой амбры), по три чашки в день. Этим она излечится, будучи еще в девицах, а выйдя замуж, будет здорова и без всяких лекарств.

4-го декабря

Прежде чем я спросил о чем-либо Лиондера, он сам начал говорить:

— Я видел эту девушку сегодня во сне! — И вслед за тем описал довольно сходно рост, вид и очерк лица Волгиной. — Она скоро мелькнула передо мною с веселым светлым лицом и как будто что-то проговорила. Но я не расслышал или не понял, что она говорила.

— Отчего вы сами заговорили об этой девушке?

— Так!.. сам не знаю. Меня что-то нудит, что-то интересует в ней.

Странно! на него действовала сильная воля Нины, посредством моей воли, потому что я желал узнать и пересказать Нине все подробности о здоровье Волгиной.

И опять начал он говорить сам собою, о ней же:

— Ей лекарства при магнетизировании не нужно, кроме разве со временем, легкие очистительные средства. Ей нужна диэта: 1) чаю вовсе не пить. б) кофе редко, в) шоколаду и разгорячительного ничего. д) есть меньше мяса, более зелени, е) хорошо есть молочное, но когда заболит голова, молочное перестать, ж) яиц совсем не есть. Притом сидеть более на твердых мебелях, на мягком не сидеть... Магнетизировать ее слегка, очень осторожно: она чутка нервами. Начав магнетизировать — не манкировать.

— Сказать ли ей своим родителям, что хочет магнетизироваться?

— Сказать, непременно сказать!

С 9-го на 10-е декабря 1824 года

Вопрос: Может ли девица N пить вместо чаю какао?

Ответ: Нет! Это тоже пряное, тоже горячительное, а ей надобно утоляющее, например: оршад и проч.

В(опрос): Что ей пить по утрам?

От(вет): Может пить молоко гретое с белым хлебом. Ей также полезно пить вместо чаю траву тысячелистник — для вкуса можно с молоком.

Погодя немного и не дожидаясь вопроса, он сам сказал:

— Теперь мне вспоминается, что девушке, после всего, надобно пустить кровь из ноги.

Было уже одиннадцать часов. Ночь была бурная. После великого наводнения21 почти каждый вечер вода прибывала в каналах и всякий раз, как достигала она до колец, тревога распространялась по всем окрестным кварталам. Это продолжалось ровно до дня Рождества Христова.

Так было и в этот вечер. На улицах шумели, ручные фонари сверкали, любопытные сбегались к Крюковой канаве, но я привык уже к подобным явлениям и оставался спокоен. В одном конце длинной, длинной комнаты квартиры Лиондера стояли подержанные ширмы, в другом, противоположном, сидел я под окном. В комнате глубокое молчание. Вдруг больной сам собою заговорил:

Он: Вот я вижу эту девушку...

Я: Где вы ее видите?

Он: Перед тем, как ей явиться, я почувствовал нервное содрогание, как будто мороз по мне пробежал... И тотчас я увидел и вижу ее теперь... Вот она! Вот она!..

Я: Где вы ее видите?

Он: Здесь, подле печи, против меня...

Признаюсь, мне стало жутко... Я уверен был, что нас в комнате двое, а на деле выходило, что между нами стояла третья, которая вошла не отворяя двери, не докладываясь о приходе своем!

Я: В каком она виде стоит перед вами?

Он: В белом платье, с амарантовою22 шалью, которою и голова ее прикрыта. Этою шалью драпирована она очень искусно, как статуи древних ваятелей. Смотрите! В правой руке держит она корзину, из которой выглядывают два белых голубка*. Вот она улыбается и смотрит...

она корзину, из которой выглядывают два белых голубка. Вот она улыбается и смотрит...

смотрит на меня!

Я: Вы видите эту особу как будто в фантасмагории? Не правда ли?

Он: Нет, это ощутительнее. Я вижу ее совсем как наяву.

Я: Но вы сами говорите со мною наяву или во сне?

Он: Я не сплю, а только покоюсь.

Я: Вы говорили, что ей надобно пустить кровь, из которой же именно ноги? Мне надобно записать и сказать кому следует.

Он: Я думаю, что все равно.

Тем и кончилось. Вдруг больной закричал:

— Нет, не все равно: надобно пустить из правой ноги!..

Я: Почему ж Вы это теперь только узнали?

Он: А вот почему: она приподняла свою правую ногу и показывает мне пальцем на нее.

Я: Что делает теперь наша посетительница?

Он: Уходит... Вот идет и оглядывается... Идет... и еще оглянулась... удаляется... Все далее... далее... совсем скрылась, только видны ноги, одни башмаки... башмаки ее пепельного цвета! Ушла!.. Прощай... Ее уж нет... Напрасно, — продолжал он, — стараюся я опять ее себе вообразить. Напрягаю все мое воображение, усиливаюсь — все понапрасну! Нет, это не воображение! Это было истинное представление ее самой, я точно видел особу...

Где была в это время, в эти минуты девица Волгина? на бале? в концерте? или в кругу своей семьи? Я ничего не знаю, но больной Лиондер описал ее очень верно, кроме аллегорического ее костюма. Еще любопытнее было бы узнать, имела ли сама Волгина хоть какое-нибудь сознание о том, что входил в ее комнату человек, которого никогда не видала, который никогда ее не видал до минуты ее чудесного появления?

Когда настало урочное время, я поднял больного из его магнетической полудремоты. Он встал, ничего не говорил о девице Волгиной, и я не заводил о ней более речи.

В один из последовавших разов Лиондер сказал:

— Девушку жалеть надобно... Ей мешают старухи... Время не ждет! Теперь (в Декабре) золотое время. Природа начинает пробуждаться: силы жизни текут уже из своего начала для обновления творения. Весна очень раздражительна, лето томительно для магнетизирования: теперь (около Рождества Христова) самое лучшее время для действий магнетических! Волгиной магнетизм необходим, а при магнетизме и прописанные лекарства превосходны. Наконец, если очень станут манериться (это его выражение!) и не захотят, чтоб магнетизирование начал мужчина, то пусть начнет хоть девица, только надобно ее руководствовать изблизи и научить разным пассам (т. е. магнетическим приемам).

Тут показал он мне один пасс особенный (неизвестный) собственно для Волгиной:

— Этот пасс очень важен: он дает силу и способствует многому.

Все это дело расстроилось. Мнительность и сумнительность помешали магнетизированию

Все это дело расстроилось. Нищенность и сумнительность помешали магнетизированию

девицы, которой болезнь продолжалась и даже усиливалась.

Но я приступлю к переписыванию с черновых листков, современных самому действию, заметок моих (тогда же сделанных) о магнетизировании Александра и нечаянном усыплении Нины.

МАГНЕТИЗИРОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА, НЕЧАЯННЫЙ СОН НИНЫ

10 Декабря 1824 года

В квартире Е. Б. Ахвердовой, после вечернего чаю, начал я магнетизировать тогда очень больного глухонемого Александра, племянника хозяйки, двоюродного брата Нины. Больной положен на диван. Тетушка сидела на стуле с одной стороны, а Нина с другой. После первых пассов Нина заснула, но мы этого не приметили. Никто не обращал на нее внимания. Когда же кончили с Александром и оставили его успокаиваться, все увидели спящую Нину и стали над нею шутить. Вдруг, к общему удивлению, спящая заговорила:

— Я сплю! — Тетушка хотела до нее дотронуться. — Не прикасайтесь ко мне! — сказала она с особенною важностию. В тоне голоса ее было что-то торжественно-важное: — Не прикасайтесь ко мне и перестаньте шутить: я сплю.

Я: Отчего вы заснули?

Она: Я сплю за него (указывая рукою на Александра). И всякий раз, когда его будут магнетизировать, я буду спать вместо него, только говорить не всегда стану. Завтра говорить не буду. Буду говорить только когда надобно.

Я: Не надобно ли чего князю? (ее жениху, который в том же доме, внизу, лежал в болезни). Предписания докторов хороши ли?

Она: Докторское все хорошо исполнять! Между тем, и не сказывая доктору, поставить горчишник на одну левую икру: ему скоро будет легче (это говорено было тогда, когда мы все, и она сама в пробужденном состоянии, очень за него беспокоились). Будет здоров!

Когда князь пугал нас всех опасностью своей болезни, в дом Ах-вых ходил один юродивый — человек из простого звания, пожилой, весь в лохмотьях, и кажется, с веригами на теле. У входа на лестницу к князю встретил я этого человека, и так, по какому-то побуждению, сказал ему:

— Что, очень болен?.. — указывая наверх.

— Нет! — отвечал с твердостию юродивый. — Он причащается здравия.

Такой затейливый ответ из уст самого неуклюжего простяка изумил меня. Взойдя наверх, я услышал, что князь, как говорили окружающие, в бреду, но вслушавшись внимательнее, я заметил в этом бреду толк. И вот слова, которые князь произносил в мнимом горячечном бреду:

1) Оттого болезнь моя продолжается, что еще не решено, где и когда произойдет Благословение...

2) Je fais le partage de l'homme (во мне происходит разделение) — и потом:

3) Il faut que Je rendre (я должен отдать).

Я спросил: — Quoi?*

Он ответил: — l'excedent des forces (избыток сил).

4) Он говорил еще: — Федор Николаевич! Я вижу чудеса Божии**

4) Он говорил еще: — Федор Николаевич! Я вижу чудеса Божии — ...

Слова “Во мне происходит разделение” как-то ладились со словами юродивого, который кроме того говорил мне и еще много любопытного. Он указывал на будущие голодные годы и на то, что голод станет являться полосами, т. е. по местам. Заметив раз, что он как будто вглядывается во что-то, хотя перед ним ровно не было ничего, я спросил: “что ты видишь?” — “А вот!” — отвечал юродивый с смущенным лицом: — “Все кибитки! кибитки!... кибитки... Все кибитки, эх, много кибиток!..” И в голову не приходило мне тогда представить себе что-нибудь невыгодное о кибитках... Я подумал только: “Он бредит!..” Но ровно год спустя, после того, когда весь Петербург в точном смысле слова одет был трауром23, увидел я, проходя мимо Главного Штаба, что вдоль по улице стояли все кибитки, кибитки, кибитки... много кибиток!..

Но обратимся к словам Нины.

— Я причиною его болезни! — сказала она, — он сам виноват.

Я: Как это могло быть?

Она: Я огорчила его... Ласкаясь ко мне, он (по праву жениха) хотел меня обнять. Я обиделась и сказала: “Что это? Вы обходитесь со мною, как с простою девкою!” — эти слова так его тронули, что тут же кровь кинулась ему в голову.

Этот откровенный рассказ усыпленной открыл такое обстоятельство, о котором никто в доме не имел ни малейшего сведения.

Она: Однако теперь я могу ходить к князю и сидеть у его постели не более одного часу в сутки. Это не повредит больному. Скажите князю, что он меня уже слишком горячо любит! Этого не надо!

Я: Он верно любит Бога более вас?

Она: О! Конечно, конечно, но те недолго остаются на земле, кого слишком любят. Бог отзывает их... Надобно любить умереннее (помолчав и как будто надумавшись). Скажите, однакож, ему, чтоб он не охладел ко мне!.. Надобно, чтоб он любил меня более всех, но не более Всего!.. Может любить более всех... Он меня обожает: этого не должно! Скажите, чтоб он любил меня как человека, не как Бога! — сохрани Бог!!. Скажите князю, чтоб он мне никогда ничего, ничего, ни прямо, ни стороною не говорил о том, что я сказывала и сказать могу во сне... Из его намеков я могу догадываться и это вредно моему внутреннему я.

Я: Не нужно ли князю еще что-нибудь?

Она: Нет. Не ему (а он был болен), а мне (ее считали уже здоровою) нужно...

Я: Что же вам нужно? Что у вас?

Она: У меня сделалось от хины два затвердения очень близко сердца (около селезенки), пусть князь, когда совсем выздоровеет, намагнетизирует сам воды и даст мне по стакану на ночь. От этого — и очень скоро — оба затвердения разойдутся.

Кончив о себе, Нина заговорила об Александре (глухонемом), который не спал, а только успокаивался в легкой дремоте.

Нина: Я и князь молимся за душу его матери; надобно ему (т. е. Александру) и всем за нее молиться так: “Господи! Прости прегрешения матери моей*, рабы твоей Елизаветы24, и не наказывай меня за прегрешения матери моей!” (Мать его уже давно умерла!)

При этом Нина еще подтвердила, что сон ее за Александра полезен ему.

Чтоб сделать поверку предписанным средствам от Лиондера, у нее спросили о девице Волгиной.

— Да! Да! — отвечала она. — Ей непременно исполнять все, что ей предписано от Лиондера.

— Должно ли сказать об этом ее матери?

— Должно!.. Иначе Бог не благословит.

— Да как бы это лучше уладить?

— А вот как: сказать (Волгиным) просто, что я спала, и все, что предписано для их дочери будто бы я сказала... Прибавить к этому, что князь должен ее магнетизировать. Это ложь для добра; Бог прощает такую ложь. Но князь не иначе должен взяться за магнетизм, как совершенно выздоровев, иначе от сообщит свои болезни.

— Должно ли также показать матери Волгиной все записки (продиктованные Лиондером) о состоянии здоровья ее дочери?

— Все, все показать, чтоб она все знала, только сделать это должен князь. Он скажет, что обо всем этом узнал от меня, когда я спала. Со своей стороны князь упросит мать Волгиной, чтоб она никогда ничего не сказывала мне о том, что услышит от князя. И мне самой о болезни Волгиной и о том, что князь должен ее магнетизировать, говорить так, как будто это узнано от постороннего сомнамбула.

При вопросе еще о Волгиной спящая (с некоторою важностию) сказала:

— Убедите ее, чтобы она меня во всем, во всем слушалась. — Потом улыбнулась и продолжала: — Все пойдет хорошо, только чтоб меня во всем, во всем слушалась!!!.

К этому (опять важным тоном) прибавила:

— Скажите ей, что я говорю это не от себя... Волгина должна знать, что советы ей будет давать не я обыкновенная, но мой внутренний я. Эти советы будут не из головы, а от сердца! — Тут, помолчав немного, спящая сказала мне: — Сдуньте! я тотчас проснусь. Скажите князю, что это ничего, что я от вас заснула: я заснула для пользы больного и это так надобно!..

Я дунул. Нина проснулась и ничего не помнила.

— Посмотрите, — сказала она, — как у меня руки спотели. — Это и было так в самом деле. — Как я смешно заснула! — говорила она и притом шутила и ничего не помнила.

11 числа Декабря 1824-го года. Вечер

При магнетизировании Александра опять уснула Нина. Кто-то припомнил, что накануне она сказала, что говорить на другой день не будет, поэтому и хотели ее разбудить. Вдруг она заговорила:

— Не будите!

— Долго ли Вы будете спать?

— Я сама скажу, когда меня разбудить. — И с этим словом как будто утонула сама в себе и погрузилась в глубокое безмолвие. Бледность покрыла лицо ее.

— Не скажите ли чего о здоровье князя?

— Я теперь занята слишком важным делом: я сбираюсь молиться за князя. — И в самом деле, она долго оставалась в глубоко-безмолвном состоянии. Потом начала говорить: — Я не могу давать удовлетворительных ответов на счет здоровья других, потому что сама не совсем здорова. У меня три затвердения: одно от слез. Когда я грустила о князе (о своем женихе), то не плакала и слезы пали камнем у сердца. Другие два завала от хины.

— Что надобно делать?

— Для разогнания завала слезного постарайтесь меня испугать или огорчить очень чувствительно: это поможет. После, чтобы помириться со мною, скажите, что это сделать велел какой-нибудь сомнамбул. А для завалов, что от хины, можете вы (это говорила обо мне) магнетизировать воду, а князь чтобы только после ее благословлял. — За этим последовало молчание, и Нина, опять обращаясь ко мне, заговорила: — Послушайте! знаете, что я вам скажу: Вы с Александра слишком сильно сдували, надобно немного потише. — (Опять помолчав) — Послушайте! На вас тогда все сердились, когда вы сказали мне о болезни князя вдруг, без предупреждения, а знаете ли, что вы этим сделали мне большую пользу. Без этого я была бы очень больна. Тогда же чувствовала я это сердцем и на вас не сердилась. Да зачем сердиться? Ни на кого не должно сердиться: свое только сердце надрываешь.

— Хорошо ли составлены лекарства для Волгиной?

— Хорошо! Ей принимать их. — Без вопроса продолжала: — Волгина не совсем верит, не так, как надобно.

— Чем же помочь этому?

— А вот чем: один раз, когда Александра кончите магнетизировать, то, пробудив, вы пустите его вон, а Волгину введите ко мне; увидит и поверит.

— Можно ли Волгиной поговорить с вами наедине?

— Наедине, очень наедине, чтоб никого не было; тогда я скажу ей много... много...

— Как же ей с вами обходиться?

— Так: она будет стоять и спрашивать, а когда придет пора кончить, я скажу: “Молчи!” Тогда она выйдет, а вы войдете и меня разбудите.

— Александру сказать: когда будет прикасаться к магнетизированной воде, то прежде пусть вымоет руки... Александр сегодня был уже спокойнее, уже дремал; сила подкрадется потихоньку, как вода... — Обращаясь ко мне, она сказала: — Ваши мысли мне приятны: они от сердца... У вас головы нет!

— Я давно этого желал.

— Ну, так и есть... и у князя головы нет, а у меня (про себя) еще есть. Да скоро и у меня головы не будет. И то я уже начинаю быть такою: “лучше скажу глупо, только бы от сердца!..” Девице Волгиной Бог посылает болезнь для ее добра: будет и она верить!

Действительно, религиозные ощущения развивались уже в девице Волгиной, проявляясь в выражениях, которых нельзя было не запомнить. Как будто набравшись ясновидения от Нины (ибо мы все тогда жили в какой-то магнетической атмосфере), Волгина говорила: “И добрым дает Бог слезы (разговор был о несчастиях и огорчениях в жизни), чтоб они были еще добрее”.

“Le magnetisme animal est la fois rendue palpable (Животный магнетизм есть оличенная Вера)”*.

“Печали духовные (Les peines de l’esprits) сильнее всяких печалей материальной жизни”.

“Глубокое размышление лучше самого опыта открывает глубину истин”.

“Сердце человека есть бездна: никто не знает ее — даже сам человек — кроме одного Бога!”

“Лучшие мысли те, которые, ударяя лучом свыше, переломляются в сердце и оттуда — а не иначе! — отражаются в голове”(Les grandes pensees viennent du coeur, — сказал кто-то)**.

“У меня, — говорила Волгина, — когда я говорю о чем-нибудь выше житейской прозы, как будто кто-то ключом отпирает грудь под сердцем”.

О себе и князе Нина сказала:

— Мы будем очень счастливы! Присутствующие отвечали ей:

— Вы заслужили это...

— Не я, — возразила она, — а он (князь). — У него нет головы. Зато, сблизившись с ним, и я стала лучше... Я суждена была ему. Голова судьбе не верит. Но я действительно ему суждена и сама от него стала лучше!

— Можно ли сказать ему об этом? не возгордится ли он?

Она возразила с чувством: — Что может его возгордить? — Обращаясь ко мне: — Ну! теперь спрячьте вашу бумажку (где записывались ее слова), снимите со стола чернильницу и дуньте мне два раза в лицо: я проснусь... Тогда сходите к князю и нас к нему введите. — (Помолчав немного, прибавила): — Я сегодня спала за трех: за князя, за себя и за Александра: от этого и всем добро!

12 Декабря, в 8-часу вечера

Я начал магнетизировать Александра. Он задремал, а Нина заснула...

— Что скажете о князе?

— О нем что сказать? Он скоро будет здоров. Он болен от полноты чувств. Завтра ему не худо принять рвотное, если только доктор согласится. Сегодня ему принять ванну.

— Что скажете о себе?

— Сегодня же начните мне давать магнетизированную воду. Завалы мои растут; от этого и живот начал пухнуть. Завтра поеду в церковь.

— А что сделать с тою детскою шапочкою, которую вам сегодня неизвестная странница подала в церкви?

— Этого я теперь (и при этом значительно улыбнулась) не скажу! Ее спрятать до времени... Помолчав немного, она сама заговорила:

— Бедная Волгина! Как ей скучно! Ее держут как птичку в клетке! Мне повредили тем, что сегодня сказали о нашем магнетизме семейству Волгиных. От этого я не так ясно стала видеть.

— Почему же это так?

— Потому что они не верят и возмутились духом, а их смущение отлилось и на меня! Человек в смущении не может видеть ясно. Родители Волгиной не должны меня видеть

смущении не может видеть ясно. Родители Волгиной не должны меня видеть.

— Почему же?

— Они усумняться... и все испортится!

— А может ли сама Волгина поговорить с вами наедине?

— Да!.. Может... (это говорила она как бы нехотя), но жаль, что теперь я, кажется, уже не могу сказать ей всего, потому, что не так ясно стала видеть. Волгина тоже больна. Болезнь ее от беспокойства. Но скажите ей, чтобы Штофрегену25 не давала себя магнетизировать!

Удивленный этим замечанием и зная Штофрегена за сильного магнетизера, я сказал:

— Почему же отстранять человека, у которого такая большая сила анимальная?

— Да! — отвечала Нина с жаром. — Он сам анимал: пожалуй, лошадь замагнетизирует, но это все телесное, а не духовное! Я очень молюсь за Волгину. Родители ее боятся, чтоб она не влюбилась в князя... Как это смешно! Как это смешно!.. Как это смешно!.. Правда, она очень любит князя, более нежели брата, но это за то, что он меня сделает счастливою. Волгина хороша, а будет еще лучше, когда сердце ее наполнится верою. Она будет верить!

— Позволят ли Волгиной ездить к вам?

— Позволят.

— А князь должен ли что-нибудь говорить семейству Волгиных?

— Когда выздоровеет, то пусть послушается того, что я скажу.

— Показать ли в семействе Волгиных рецепт Лиондеров для дочери их?

— Нет!.. лекарства (Лиондеровы) хороши. Пусть их рассматривают как хотят; ничего не поймут, а рецепты показывать не надобно. Скажите князю, чтоб он не беспокоился от того, что не может молиться... — (Особенно относясь ко мне): — Знаете что? Напишите Буниной26 письмо: вы ее забыли. Она, бедная, больна!

— Да выздоровеет ли она?

— Когда нрав свой переменит.

Я должен сказать здесь слово об Анне Петровне Буниной. Незадолго пред тем она была в Петербурге, пользовалась славою поэта, приемом при дворе и во многих знатных домах и страдала жестокою болезнию: раком на груди. Государыня Мария Федоровна27 принимала в ней материнское участие. Государыня и другие благодетели Буниной убеждали больную решиться на операцию. Но болезнь пустила уже глубокие корни, и больная не решилась. Меня просили наведаться у ясновидящих, принесет ли ей пользу операция? Я воспользовался первым случаем и спросил.

Ясновидящий, о котором написана у меня целая тетрадь, тотчас сказал, что операция для больной пагубна, потому что кровь ее слишком испорчена. Он научил, однакож, меня, как помочь больной магнетически, не касаясь до нее руками. Я магнетизировал для Буниной фланель и воду, которую она пила. В короткое время все тело ее осыпалось частою высыпью. Врачи удивлялись и радовались этой перемене. Больная повеселела, начала переводить Блера28 и расцвела духом. Вдруг напало на нее безверие. Просыпаясь ночью, она (в полусомнамбулизме) сама предписывала себе лекарства и потом засыпала. Наутро, пробудясь, находила подле себя лист, исписанный ее рукою, и сама же на обороте начинала писать на себя опровержение, говоря: “Как

могла я написать что-нибудь дельное во сне?" В ней явно действовали два я: один, во сне, понимал и верил, другой, наяву, во всем сомневался. Это неверие наскучило мне. Я реже стал посещать Бунину, она не захотела еще потерпеть и полечиться и уехала к родным в степь, в Тамбовскую деревню. Там, среди усилившихся страданий, кончила она жизнь.

Обратимся опять к Нине. Я спросил ее:

— Что доктор Лиондер?

— Он добрый (она в пробужденном состоянии вовсе его не знала) — он выздоровеет, он будет здоров!.. Скажите князю, чтоб он не беспокоился (о своих делах), все будет хорошо!..

27 Декабря в 9 1/2 часов вечера

Я начал магнетизировать Александра. Нина, по обыкновению сидя поодаль в сторонке на диване, вдруг начала морщиться и сказала:

— Что это мне сегодня так спать захотелось?

Оставя Александра, я подошел к ней, перекрестил ее шесть раз, и признаки усыпления обнаружились еще явственнее. Я начал разговор:

— Вы спите?

— Да!

— Если вы в состоянии светлом, не скажете ли чего о себе? Что ваши завалы?

— Завал слезный уже разошелся, а два других (от хины) еще не распустились.

— Вода действует ли?

— Да, но медленно, потому что я беспокоюсь о князе.

— Отчего вздрагивали вы ночью? (об этом сказывала ее тетушка).

— Это от слабости нерв. Мне здорово гулять пешком в час или в два, до двух или до трех часов. Впрочем, гулять сколько захочется всякий день или как вздумается.

— Не нужно ли вам прикладывать на ночь к боку нагретую (магнетически) салфетку?

— Да, хорошо. Когда он (князь) совсем выздоровеет, то это можно будет делать. Мне также баня полезна, только легкая.

— Не скажете ли чего о князе?

— Он здоров; завтра может сойти к нам, только очень закутавшись. Ему очень остерегаться во всем, слушаться, исполнять

все повеления доктора.

— Нужно ли ему магнетизироваться?

— Я не вижу, для чего. Магнетизм ему не нужен. У него силы много. Недели через три он в состоянии будет и сам начать магнетизировать Александра. Он был в большой болезни! Теперь, слава Богу, начинает оздаравливать.

— Надобно ли ему заботиться о найме дома и других житейских надобностиях?

— Я уже сказала, чтоб он был спокоен: что Бог начал, то и кончит! Что за маловерие!!

— Хорошо ли, что мы на вас так нападаем, чтоб вы не очень сближались с князем в обхождении?

— Хорошо, но я и теперь, и в ясном состоянии не вижу причины, которую вы видите. Мне открыты только хорошие стороны вещей. Я вижу все хорошее — дурного ничего не понимаю. Магнетизм очень полезен для души! Я позабыла — вовсе позабыла — многое дурное, что прежде знала, а стала помнить многое хорошее, что прежде не ведала. Недавно одна девушка спросила меня о чем-то, я отвечала ей: “совсем этого не знаю!” Так отвечала я, хотя и знала то прежде, да забыла теперь, потому что оно было дурное.

— Перемена в вас приятна; в других не так, например, ваша подруга Волгина...

— Волгина занимается еще много вздором, оттого действие добра не так в ней заметно. Она меня слушала, да не совсем. Сегодня соглашается, назавтра опять по-своему.

Тут должен я приостановить мои магнетические записки, чтоб сказать несколько слов о девушке, которой имя мы еще не слыхали. Я бывал часто в доме Волгиных (я сказал уже, что это был один из домов тогдашней аристократии) и познакомился там с Клодиною29, племянницею почтенного хозяина. Клодина была веселая блондинка. Петербург не был ее родиною. Она взлелеяна югом, и в обращении была свободнее наших жеманных столичных красавиц.

К Клодине посватался один из первых тогдашних сановников, пылкий итальянец30, не утративший огня своей родины и под сединами, приобретенными вместе с орденами и почестями на севере. Клодина была молода и не хотела смешать на брачном изголовье своих золотых кудрей с сединами знатного искателя. Ее не на шутку убеждали, она, не в шутку, плакивала. Прижавшись к уголку в зале, которая менее других была освещена, она грустила и жаловалась. Однажды сказала она мне: “Сделайте милость, спросите у Нины, что мне делать? Сама не знаю, на что решиться?” Я спросил Нину в минуты ее просветления и получил ответ, который помещу в продолжение моего рассказа. Клодина вышла за знатного человека и после, как я слышал, уехала с ним в северную Италию, где в огромных маятностях31 своего мужа живет полувладетельною особою*.

Станем продолжать затем о магнетизировании Нины. Я сделал вопрос о Клодине.

— Ей внушится, — отвечала Нина, — из всех предлагаемых советов она сама будет знать, что выбрать. Что с нею сделается, то и будет ей хорошо. Она теперь борется сама с собою, к ней много будет приходить разных мыслей и на которой остановится, той пусть следует.

— Каков Александр? — спросил я.

— Ему хорошо. Он спал... Он молится. Он решительно начал переменяться в нраве и сделался тише. Через неделю можно давать ему на ночь по стакану магнетизированной воды. Теперь и через день можно его магнетизировать: все будет хорошо.

— Сколько вы будете сегодня спать?

— Час.

После этого Нина перешла в состояние высокого ясновидения. Лицо усыпленной светлело. Она, казалось, вошла в тесное соединение с тем миром, куда не достигаем мы в здоровом состоянии. От времени до времени из уст ее вырывались слова, речи, подававшие вести о вещах нездешних. Ее окружали мы — существа тяжелые, густо-одетые плотью, осуеченные делами жизни; она говорила как существо легкое, невинное, проясненное светом внутренним. Вообразите чистый

говорила как существо легкое, невинное, проясненное светом внутренним. Вообразите чистый свет восковой свечи, глубоко погруженной в прозрачной алебастровой вазе; вы не видите огня и светильника, но ясно видите просветление; такова была Нина.

— Иногда, — говорила она, — я вижу так высоко, что слова не в состоянии выразить видений моих. Да! Люди не могут понимать этого!

Еще не выходя из состояния просветленного, усыпленная заговорила опять, что она была суждена князю. Погодя немного, она сказала:

— Ну, теперь разбудите меня!

— Да полно, надобно ль вас будить? Ведь до часу еще пять минут.

— Не пять, а три минуты. — Всякий посмотрел на свои часы... так и было! — Пока вы подойдете ко мне, еще сделаете вопрос, то время и пройдет. Вы еще сделаете вопрос...

— Какой же вопрос? Не скажете ли чего-нибудь обо мне? Она сказала нечто... но я не записал того, что она мне сказала.

Между тем я подошел, дунул раз и Нина проснулась. Осматриваясь на все стороны, она ничего не помнила, как будто не спала и не говорила!

Генваря 9-го 1825 года

В это время Нина вооружилась всеми своими силами, чтобы не заснуть.

— Нет, — говорила она, — теперь уж вы меня не проведете! Я буду сторожить за вами и за собою. Ни за что на свете не засну. Я не хочу заснуть! — И с этим словом держала обеими руками веки свои, чтоб они не смыкались. Но только начал я магнетизировать Александра, руки Нины как будто растаяли, опустились, и ресницы вслед за ними захлопнулись; она сомкнула глаза и крепко заснула. Видя, что она спит, я начал спрашивать:

— Как вы себя чувствуете? Когда перестать воду?

— Я, слава богу, выздоравливаю. Завалы уже разошлись. Воду только до понедельника, а там мне здорово ходить (прогуливаться). Я буду здорова!

— Больше вам ничего?

— Ничего.

— А князю что?

— Князь здоров, ему не надо ничего.

Князь, бывший при этом сеансе*, спросил свою невесту:

— Надобно ли заботиться о доме? Нина отвечала:

— Разве я могу видеть дом там, где я нахожусь теперь? — и после этого по приемам и изменениям лица ее видно было, что она занималась созерцанием высшего мира.

— Что скажете об Александре? — спросил я.

— Ему лучше, ему хорошо. Магнетическое действие принесло ему большую пользу. Он покоен, стал тише, добрее, нравом кротче.

— Это по душе, а по телу что?
— И по телу стал он крепче, бодрее, здоровее.

— А слух его?

— Слух возвратить трудно, очень трудно; однако Бог все может. О слухе больше молиться. Магнетизировать его еще один

месяц — до 9-го февраля. Слух же, когда Господь благословит, и после придти может, ибо магнетизм и после прекращения манипуляций действует с пользою.

Мы видели, что Нина в последний раз отнекивалась, не хотела говорить о Волгиной. Теперь она разговорилась и заговорила о ней сама.

— Волгина действительно больна, и болезнь ее тем хуже, что действует в ней медленно, скрытно, без явных признаков. Кто же им виноват, этим Волгиным! Все церемонятся между собою. Бог вразумил их, и, пользуясь этим вразумлением, Волгина-дочь должна была просить своих родителей и просить тотчас — не упуская времени. Ей вредно упускать время! Моих слов недостаточно; я говорю, а Волгина пусть сама действует. Пусть просит порядочно, а не так как-нибудь... Нечего церемониться! От болезни она ко всему хладеет. Ей молиться усерднее!

— У князя будет ли уже довольно силы, чтобы магнетизировать Волгину?

— О, будет! На нее действовать легонько, по-сте-пен-но месяца два.

— Когда Александра сдать князю?

— Нет! лучше уж вы его докончите.

— Не скажете ли вы чего своей тетушке?

— Нет, ей ничего.

В это время (это было в начале 1825 года) покойная Государыня Елисавета Алексеевна32 видимо слабела в силах. Употребляли все средства обыкновенной медицины и даже вспадали на мысль о магнетизировании. Князь Г. был флигель-адъютантом Государя, который, в краткие минуты Своего Царственного досуга, часто и милостиво выслушивал его длинные диссертации о предметах религии и предметах, которые не преподаются в Университетах и Академиях*. При одном из таких случаев князь объяснил Государю о свойствах и действиях животного магнетизма и показал некоторые пассы, или приемы, магнетических манипуляций. В это же время возникло прение между записными врачами и вольнопрактикующимися по части животного магнетизма: первые требовали запрещения магнетизма в России. Главою этой партии, если не ошибаюсь, был Вилье33. На противной стороне стоял Штофреген и другие врачи, занимавшиеся открыто и с особенным успехом способами животного магнетизма.

По поводу этого прения Медико-хирургическая Академия составила всеподданнейший доклад, в котором дело животного магнетизма рассмотрено было ученым и обстоятельным образом. В эту эпоху Генерал-Губернатором Петербурга был Милорадович. Раз, возвратясь из дворца, он сказал мне.

— Представь себе, душа моя, — (это его поговорка), — с каким благоразумием Государь наш разрешает трудные, предлагаемые ему, задачи. Сей час были у него с докладом о животном магнетизме. Государь спросил меня: “Знаешь ли ты что-нибудь о магнетизме?” Я отвечал просто-напросто: “Ничего не знаю, Государь! Слыхал про чудеса этого лечения, но ничего о нем не читал и самому не довелось быть свидетелем”. “Вот видишь, — сказал Государь, — есть две стороны и два мнения по этому делу. Я должен был решить, быть или не быть магнетизму в

стороны и два мнения по этому делу. Я должен был решить, быть или не быть магнетизму в России. Получа доклад, я сделал предварительный запрос, может ли магнетизм приносить вред? Врачи, не обинуясь, отвечали: “Вреда магнетизм принести не может, а есть люди, воображающие, что он даже приносит и пользу!” Тогда я написал в резолюции: “не для чего запрещать то, что не приносит вреда, а может иногда послужить утешением больного. Только употребление магнетических средств подчинить сведению и приличному надзору привилегированных врачей”.

На этой достопамятной резолюции, достойной Государя просвещенного, основано существование животно-магнетического лечения в России**.

И вот теперь, сидя перед спящею Ниною, своею невестою, князь, желая скрыть смысл вопроса своего от присутствующих, спросил ее:

— А тот человек, о котором я говорил, верит ли он магнетизму? Нина отвечала:

— Наружно.

— А может ли он магнетизировать Ту? (здесь разумел он высокую особу).

— Может. У него силы много. Ей и воду давать можно, чрез две недели по начатии манипуляции, по стакану на ночь.

— Можно ль ей помочь?

— Очень трудно.

— Так ли я показал? (приемы магнетизма).

— Так.

— Можно ли дать Ему читать Делеза34?

— Можно.

Я спросил Нину о Лиондере, которого еще продолжал магнетизировать. Нина сказала:

— Он, бедный, теперь очень беспокоится от крайней нищеты, а впрочем, он выздоровел от водяной... Его уже не надобно магнетизировать: магнетизм даст ему много лишней силы.

В заключение моего рассказа я должен поместить слово об одном обстоятельстве, которое ускользнуло из общей цепи повествования.

Магнетизируя Нину, я сам научился многому, и более всего научился верить магнетизму. Сердце всегда шло впереди: оно видело — и верило, но голова рассуждала и часто (а это бывало очень часто!) ужасно упрямилась и умничала: “Не обманывают ли меня? Не обманываюсь ли я? Да полно, так ли все это? Да ведь на это нужны доказательства! Чем подтвердить?” Так я, сам с собою и сам для себя часто говаривал, и в голове моей волновались сомнения, как облака на русском осеннем небе.

В этом состоянии души или, лучше сказать, головы моей, я называл свою голову во множественном числе “профессорами”, и когда видал факт (явление), думал про себя: “Я-то верю, да профессора не поверят”. Никто в мире не знал о том, что я (в тайне про себя) называл голову свою профессорами. Вдруг, один раз, когда я, пораженный одним явлением, подумал про себя: “Ну, теперь уже и профессора поверят!” — Нина стала улыбаться.

— О чем это? — спросил я.

Нина подозвала меня к себе таинственно и сказала вполголоса:

— Я знаю, что вы голову свою называете профессорами. Теперь, видите ли, и они поверили.

Этим кончились наши магнетические занятия. Этим кончилась и для меня эпоха моего сердечного и политического мира*! Нина вышла замуж и, сначала холодно принятая аристократическим родством своего мужа, сделалась потом любимицею всего семейства. Открылась война с Турками35. Князь уехал в армию, произведен в генералы и отличился смелою атакою на неприятельскую конницу на дороге в Трапезонд.

Нина осталась беременною, родила и умерла36. Перед смертью она повторяла:

— Позовите скорее священника! Что скажет князь мой, узнав, что я умерла, не вкусив тела и крови Господа Нашего Иисуса Христа?

Во время болезни Нины (еще прежней болезни), я написал романс “Тоска больной Нины”, для которого впоследствии сделал превосходную музыку Алябьев37. Гампель38, глухонемой живописец, нарисовал в один вечер (он был дружен с Александром) Нину, когда она лежала больною; этот рисунок и теперь у меня хранится. И вот, что осталось после земной жизни Нины, которая, воспитываясь у дяди своего Ах...ва, обучавшего Великих Князей Николая и Михаила Павловичей, получала игрушки из рук великих учеников своего дяди, а потом сын ее (сын кн. Андрея Борисов(ича)), питомец и любимец Тат(ьяны) Борисов(ны) Потемкиной, играл в куклы с порфирородными сынами Государя, который в отрочестве дарил сам куклами мать его. Вот вся история Нины, которая жила и любила. О ней можно сказать: “Et rose elle a vecu autant que vivent les Roses — l’espace d’un matin!”**

Волгина также вышла замуж за достойного человека и (как и предсказывало Лиондер), исцелилась от всех своих недугов. Сам Лиондер, совершенно выздоровевший, сгрустился от тяжкой бедности, заболел в другой раз и умер в больнице. Более всех выиграл Александр. Он успокоился, пополнел, пободрел, освежился и женился. Спустя несколько бурных для меня лет, когда я был в Твери Советником39 и стоял однажды на крыльце своей квартиры, близ которой останавливались Дилижансы, я услышал резкий крик из окна одной кареты. Экипаж остановился, из него выскочил человек дородный, свежий, с крестом на шее. Он бросился меня обнимать и, вынув дощечку, написал: “Я служу, я здоров, я женат, — я счастлив!” Это был Александр.

“Зачем же, — спросит кто-нибудь, — потратили вы время, рассказывая о вещах, которым, при нынешнем состоянии ума и науки, никто уже не верит, и рассказывая тоном, над которым в наше время смеются? Мы не верим фактам, этим игрушкам былого, не верим тайному шепоту сердца*; для нас нужно, сударь, чтоб современный ум, твердый, могучий, мыслительный, ощупав все своими пытливыми пальцами, сказал нам ясно и определительно свое великое Да, и тогда мы подумаем и поверим”. Что отвечать на это? Поводившись (хоть поневоле) с приказными, я заговорю их языком. Прокурор подает голос. Этот голос противуречит местным современным интересам и произволу судебных властей. Честный голос прокурора нечестно прячут под сукно, а дело вершат по-своему и пируют, веселятся на празднике личных выгод. Но голос прокурора, и скрытый, и забытый, не вовсе потерян. Бумага пришита к бумагам; голос приобщен к делу. Настанет время, придет Верховный Ревизор, станет рассматривать правду и неправду и спросит: “Почему же неуважен Голос, свидетельствовавший об Истине?!.”*

Ф. Глинка

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ф. Н. Глинка состоял адъютантом при петербургском военном генерал-губернаторе графе М.

А. Милорадовиче (1771—1825) с марта 1819 по июнь 1822 г.

2 О злоупотреблениях, с которыми приходилось в это время иметь дело Ф. Н. Глинке, см.: Базанов В. Г. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск. 1949. С. 19—21.

3 Ахвердова Нина Федоровна (18...—1828), в замуж. княгиня Голицына.

4 Семья адмирала графа Николая Семеновича Мордвинова (1754—1845), находившегося с Ахвердовыми в родстве.

5 Отец Н. Ф. Ахвердовой — Федор Исаевич Ахвердов (1774—1820), генерал-майор, правитель Грузии в 1807—1811 гг. Нина была его дочерью от 1-го брака с княжной Юстипиани.

6 Ахвердов Николай Исаевич (1754—1817), генерал-лейтенант, вице-губернатор Колыванского наместничества в 1788—1797 гг., архангельский губернатор в 1797—1798 гг. Литератор.

7 Сыновья Павла I — Вел. кн. Николай Павлович (1796—1855), будущий император Николай I, и Михаил Павлович (1798—1849). С 1799 г. Н. И. Ахвердов преподавал им русский язык, историю, географию и арифметику.

8 Ахвердова (урожд. Меллер) Екатерина Борисовна (1772—1852). Дочь Б. И. Меллера, родная племянница военного министра (с 1819 г.) барона П. И. Меллера-Закомельского (1755—1823).

9 Ахвердова Софья Федоровна (1810—1830), сестра Н. Ф. Ахвердовой, с апреля 1827 г. жена Николая Николаевича Муравьева (в будущем Муравьева-Карского) (1794—1866). А. С. Грибоедов увлекался С. Ахвердовой и некоторое время считался соперником Муравьева.

10 Ахвердова (урожд. Арсеньева) Прасковья Николаевна (1786—1851), вторая жена генерала Ф. И. Ахвердова с 1815 г. До 1830 г. жила в Тифлисе, была дружна с семьей князя А. Г. Чавчавадзе (сам он был опекуном Софьи Ахвердовой), воспитывала в своем доме Нину Чавчавадзе (в замуж. Грибоедову). Была хорошо знакома, кроме Грибоедова, с А. С. Пушкиным, В. К. Кюхельбекером. М. Ю. Лермонтов приходился ей троюродным племянником.

11 Потемкина (урожд. княжна Голицына) Татьяна Борисовна (1801—1869), известная благотворительница; славилась свою набожностью. Под Петербургом ей с мужем принадлежало имение Гостилицы, о котором, возможно, пишет Глинка. В Гостилицах была устроена одна из первых в России школ взаимного обучения (“ланкастерских школ”) для крестьян, что, вероятно, способствовало сближению Потемкиной с Глинкой.

12 Голицын Андрей Борисович (1791—1861), князь, флигель-адъютант Александра I, генерал-майор (с 1828), брат Т. Б. Потемкиной. В 1822—1823 гг. был председателем С.-Петербургского Общества учреждения училищ по методе взаимного обучения, где секретарем был Ф. Н. Глинка. Известный мистик. О нем см.: Гордин Я. А. Мистики и охранители. СПб. 1999.

13 Потемкин Александр Михайлович (1787—1872), муж Т. Б. Потемкиной, петербургский губернский предводитель дворянства.

14 Мордвиновы, как и Глинка, жили в описываемое время на Екатерининском канале, возле Мариинского театра: Мордвиновым принадлежал нынешний дом 14 по Театральной площади; Глинка снимал квартиру в доме 35 по пр. Римского-Корсакова. Дом князя Крапоткина, известный также как дом Конторы адресов, имеет № 18 по Театральной площади. Глинка снимал здесь квартиру в 1820—1822 гг.

15 О докторе Лиондере, безденежно пользовавшем учеников Петербургского училища взаимного обучения, которое курировал Ф. Н. Глинка, см.: Выписка из отчетов комитета... С.-

Петербургского общества учреждения училищ по методе взаимного обучения... // "Сын Отечества". 1823. № 10. С. 98.
16 Речь идет о школе, открытой в 1818 г. Вольным обществом учреждения училищ по методе взаимного обучения на углу Вознесенской и Садовой улиц в доме Шабишева. Председателем Вольного общества был граф Ф. П. Толстой, его помощниками — Ф. Н. Глинка и Н. И. Греч.

17 Племянник Е. Б. Ахвердовой — сын Андрея Борисовича Меллера, генерал-майора артиллерии.

18 Дероберти Павел Максимович (ок. 1794—?), поэт, приятель Ф. Н. Глинки и А. А. Дельвига.

19 Под этим псевдонимом скрыта младшая дочь адмирала графа Н. С. Мордвинова — Наталья Николаевна (1794—1882), вскоре после описываемых событий (в апреле 1825 г.) вышедшая замуж за Александра Николаевича Львова (1790—?), впоследствии тайного советника, камергера. Уже упоминавшийся Н. Н. Муравьев-Карский в ранней юности был влюблен в Н. Н. Мордвинову, в 1816 г. просил ее руки, но получил отказ и с горя отправился на Кавказ. Возможно, этот роман объясняет сравнительно долгое безбрачие "Волгиной".

20 Унция, драхма — аптекарские меры веса. Унция = 8 драхм = 25, 6 г. Тинктура — спиртовая настойка.

21 Известное ноябрьское наводнение 1824 г., воспетое в "Медном всаднике" А. С. Пушкина.

22 Цвет красного дерева: темный красно-коричневый с лиловым оттенком.

23 Имеется в виду траур по умершему Александру I и подавленное настроение в обществе после декабрьского мятежа 1825 г., вслед за чем в Петербург стали привозить (в кибитках) множество арестованных.

24 Меллер (урожд. Огарева) Елизавета Николаевна (1768—1816), дочь генерал-поручика Николая Гавриловича Огарева (ум. 1789).

25 Штофреген Кондратий Кондратьевич, лейб-медик.

26 Бунина Анна Петровна (1774—1829), поэтесса. Воспитывалась в доме Н. И. Ахвердова. В 1817—1823 гг. жила в Петербурге, затем уехала к родным в Рязанскую губернию, где через 6 лет умерла от рака.

27 Мария Федоровна (1759—1828), Императрица, вдова Павла I.

28 Блер (Блэр) Хьюго (1718—1800), шотландский религиозный писатель и проповедник. Перевод А. П. Буниной его "Нравственных и философических бесед" вышел в Москве в 1829 г.

29 Кобле Клавдия Фоминична (р. 1801), племянница (по жене) адмирала графа Н. С. Мордвинова. У ее отца, Ф. А. Кобле (1761—1828), одесского коменданта в 1801—1828 гг., было имение на Украине (см.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М. 1989, ук.).

30 Речь идет о маркизе Филиппе Осиповиче Паулуччи (1779—1849), губернаторе Эстляндии с 1819 г. и Курляндии и Лифляндии с 1821 г. В 1829 г. вместе с женой он навсегда покинул Россию.

31 Здесь: имения, владения (от слова "иметь").

32 Елизавета Алексеевна (1779—1826), Императрица, жена Александра I. Была больна туберкулезом, от которого умерла, лишь на несколько месяцев пережив Императора.

33 Вилье Яков Васильевич (1768—1854), лейб-медик.

33 Виллье Яков Васильевич (1798—1854), лейб-медик.

34 Делез Ж., французский медик начала XIX в., автор ряда брошюр по магнетизму.

35 Речь идет о русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

36 Сын Голицыных Борис Андреевич (1828—1870) родился 17 мая 1828 г., Нина Федоровна умерла 16 июня 1828 г.

37 Алябьев Александр Александрович (1787—1851), композитор.

38 Гампель (Гампельн) Карл Карлович (1790—188?), художник, автор камерных портретов в технике акварели и литографии; глухонемой.

39 В 1830—1832 гг. Ф. Н. Глинка, находясь в тверской ссылке, служил советником тверского губернского правления.

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Записка Ф. Н. Глинки о магнетизме

Письма М. Н. Волконской и А. Г. Муравьевой к В. А. Муравьевой

Любарская Т. Г. Письма М. Н. Волконской и А. Г. Муравьевой к В. А. Муравьевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 39—41.

Публикуемые письма принадлежат Марии Николаевне Волконской и Александре Григорьевне Муравьевой. Одну из них ее умирающий отец назвал самой удивительной женщиной, какую он знал. О другой современник писал: “В делах любви и дружбы она не знала невозможного: все было легко, а видеть ее была истинная отрада”*.

Они решили отправиться за мужьями в Сибирь, едва оглашен был приговор над участниками событий 14 декабря 1825 г. Их не удержали условия, поставленные государем, согласно которым “невинная жена, следуя за мужем-преступником в Сибирь”, должна была “оставаться там до его смерти”. Детей брать с собой запрещалось. Тем же, которые могли родиться в Сибири, уготована была одна судьба — “в казенные крестьяне”. Несмотря на все это, оставив детей у родных, М. Н. Волконская и А. Г. Муравьева, преодолев тысячи верст, уже в феврале 1827 г., почти одновременно, оказались в Нерчинском крае.

До выхода на поселение узники были лишены права переписки. За них стали писать женщины — М. Н. Волконская, А. Г. Муравьева и другие, последовавшие за ними. Писали и от своего имени, и копируя письма каторжан. Каждая по 10—20 писем в неделю.

Одним из тех, кто, благодаря М. Н. Волконской и А. Г. Муравьевой, установил связи с находившейся в Петербурге женой, был Артамон Захарович Муравьев (1793—1846).

Его судьба почти не привлекала внимания исследователей. Между тем, ему отводилось значительное место в декабрьских 1825 г. событиях на юге. Был он к тому же троюродным братом М. С. Лунина, Никиты и Александра Михайловичей Муравьевых, Сергея, Матвея и Ипполита Муравьевых-Апостолов, родством своим и окружением как бы обреченным на участие в тайных обществах.

Прапорщиком, окончив в 1811 г. Школу колонновожатых, Артамон Муравьев вступил в службу. Участвовал в сражениях под Кенигсвартом, Бауценом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом и после битвы под Парижем в 1814 г. с лейб-гвардии Кавалергардским полком, как свидетельствует его "Формулярный список о службе и достоинстве", вернулся "по окончании кампании обратно в российские границы"*.

Прикомандированный к корпусу графа М. С. Воронцова, Муравьев вскоре — вновь во Франции. Он посещает лекции знаменитых профессоров. Собирает большую библиотеку. Увлеченный медициной, изучает ее в лучших клиниках. И только в 1817 г., сопровождая в качестве адъютанта генерала де Ламберта, возвращается в Россию. В 1817 г. стал членом Союза спасения, затем — Союза благоденствия. Уже командиром Ахтырского гусарского полка в 1824 г. вступил в Южное общество. Муравьев был сторонником быстрых и решительных действий одиночек, берущих на себя тяжкий грех цареубийства, несущих кару за это и расчищающих дорогу положительным преобразованиям.

Он был арестован в Бердичеве 31 декабря 1825 г. На следующий же день его жена получила записку: "Мой ангел, будь спокойна, надейся на Господа, который по божественной своей доброте не оставляет невинных. Береги себя ради детей, а я буду жить только ради тебя"**.

Спустя восемь дней Муравьева доставили в Петербург, в Петропавловскую крепость.

А Вера Алексеевна Муравьева (1790—1867) уже была на пути в Петербург. И это при том, что на руках у нее осталось трое малолетних детей. Едва приехав в столицу, она через влиятельных родственников добилась разрешения на переписку с мужем. В ответ на ее письмо Артамон Захарович написал 13 января 1826 г.: "Как найти достаточно выразительные слова, чтобы сказать тебе, что я испытал, получив твое письмо... Обожаемый ангел, успокойся относительно моего здоровья: осудив меня на это тяжкое испытание, Господь сохранил мне физическую силу..."***

Он находил возможность посылать вести о себе и тогда, когда это было запрещено.

"...Несравненный друг! Солдат, который принесет эту записку, сжалился надо мною и согласился за 50 рублей передать тебе это письмо. Судьба моя достойна жалости, но я здоров; лишь бы ты сохранила ко мне свою любовь и привязанность, я вынесу все... Не говори об этой записке даже своей сестре... Не питай ко мне ненависти, не отвергай меня, это все, о чем я молю Бога..."****

"...Милый друг, которого разлуку ежедневно горькими слезами оплакиваю. Я чувствую себя хорошо и пишу эти несколько строк, не зная еще, смогу ли их тебе доставить. Небом заклинаю тебя, пиши мне тем же путем и пользуйся тем же способом..."*

В "Росписи государственным преступникам приговором Верховного уголовного суда осужденным к разным казням и наказаниям" среди причисленных к I разряду, "осужденных к смертной казни отсечением головы", значился и Артамон Муравьев. Император смягчил приговор: Муравьеву определено было 20 лет каторги и последующее поселение.

В июле 1826 г. Муравьев был отправлен в Сибирь. Перед самым отъездом он вновь переслал жене письмо. "1826 г. 21 июля. 7 часов вечера." ..."Все существование мое в тебе и детях заключается — любовь, почтение и благодарность мои к тебе за твои чувства ко мне, невзирая ни на что, не могут быть мною описаны... Я не впаду в отчаяние; лишь бы ты берегла бы себя..."**

Вера Алексеевна собиралась сразу же отправиться за мужем в Сибирь. Об этом сообщал 26 августа 1826 г. из Иркутска жене В. Л. Давыдов, отправленный на каторгу в одной партии с Муравьевым: "Вера Алексеевна Муравьева едет тоже к мужу, если можно будет тебе ехать вместе, это бы меня много успокоило — она так добра"***. Однако ни в 1826, ни в последующие годы не отправилась В. А. Муравьева за мужем. Супругам не суждено было встретиться. Умер А. З. Муравьев на поселении в дер. Большая Разводная 4 ноября 1846 г. Вера Алексеевна надолго

пережила его, сосредоточив все заботы на единственном оставшемся в живых сыне.

О том, что Муравьева писала мужу, мы знаем из писем, которые из Читы шли к ней то в Петербург, то в Москву. Их писали М. Н. Волконская и А. Г. Муравьева.

Из множества дошедших до нас сибирских писем Вере Алексеевне Муравьевой отобраны 22 письма, написанных по поручению А. З. Муравьева.

Письма написаны по-французски и даны в переводе Л. Л. Тривуш. Автографы хранятся в РО ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН. Ф. 605, А. З. Муравьева: 1) Ед. хр. 74. Л. 1—4; 2) Ед. хр. 74. Л. 13—16; 3) Ед. хр. 68. Л. 9—12; 4) Ед. хр. 68. Л. 13—16; 5) Ед. хр. 68. Л. 17—20; 6) Ед. хр. 74. Л. 21—24; 7) Ед. хр. 68. Л. 25—28; 8) Ед. хр. 74. Л. 29—32; 9) Ед. хр. 68. Л. 41—44; 10) Ед. хр. 68. Л. 45—48; 11) Ед. хр. 68. Л. 49—52; 12) Ед. хр. 74. Л. 64—67; 13) Ед. хр. 75. Л. 8—11; 14) Ед. хр. 69. Л. 5—8; 15) Ед. хр. 75. Л. 19—22; 16) Ед. хр. 69. Л. 13—16; 17) Ед. хр. 69. Л. 17—20; 18) Ед. хр. 69. Л. 21—24; 19) Ед. хр. 69. Л. 25—28; 20) Ед. хр. 69. Л. 33—36; 21) Ед. хр. 75. Л. 56—59; 22) Ед. хр. 70. Л. 1—4. Авторские подчеркивания сохраняются.

Муравьева А. Г. Письмо Муравьевой В. А., 3 января 1828 г. Чита // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 41—42.

1

(Чита). 3 января 1828 г.

Милая добрая кузина, не могу выразить, какое удовольствие мне доставило письмо моей свекрови1 от 9 ноября, в котором, говоря о скором Вашем приезде в Москву, она мне сообщает, что Вы, наконец, решились ехать к своему бедному мужу. Предполагая поговорить с Вами на эту тему подробно еще до получения этого письма, я теперь могу писать гораздо более свободно и откровенно.

Выслушайте меня внимательно, милая кузина, поверьте, что я говорю как искренний друг, глубоко заинтересованный в Вашей судьбе. Вы знаете, что я не могу ни видеться, ни говорить с Вашим мужем, но поскольку он живет в одном доме с Никитой2, я знаю его настроение. Хотя их несчастье невозможно выразить словами, но все же Артамон переносил бы его безропотно, если бы его сердце не терзала непрерывно мысль о Ваших страданиях, о которых он узнает из Ваших писем. Он говорит: я не могу и не имею никакого права осуждать то решение, которое приняла моя жена. Хотя из-за него он лишается единственного блага, которое ему остается на земле. Но он хотел бы Вас видеть если не (счастливой), то по крайней мере спокойной, считая, что жертва, которую Вы приносите Вашим детям, прекрасна и похвальна. Милая кузина, последуйте совету, который наша взаимная дружба позволяет мне дать Вам, примите твердое и окончательное решение, проникнитесь той истиной, что в Вашем положении Вы не можете исполнить одновременно два одинаково священных долга. Исполните тот, который подскажет Ваше сердце, и Вы увидите, что это единственный способ обрести душевный покой, которого Вам не хватает. Если именно дети требуют Ваших забот и Вашего присутствия, оставайтесь и не пишите больше мужу о своей надежде приехать к нему, когда сыновья перестанут нуждаться в Вас. Ваше существование в этом мире драгоценно, и особенно для них. Через несколько лет Вам будет намного труднее, чем сейчас, расстаться со своими детьми, особенно в их положении. То, что я говорю, вероятно, жестоко, но поверьте, Вы найдете силы и мужество, именно следуя моему совету, а поступая так, как Вы поступаете сейчас, Вы в конце концов станете жертвой непрерывных терзаний, на которые Вы себя обрекаете. Я была растрогана, когда Никита рассказал мне, что пережил кузен, когда он сообщил ему о том, что пишет его матушка. Он воскликнул: вот первое счастливое мгновенье за два года! Но, увы! Это блаженство было недолгим, ибо Ваше письмо от 3 ноября, которое он получил спустя несколько часов, опять вернуло его в обычное состояние. Не обижайтесь на меня, милая Верочка, за мое письмо, я

никогда в жизни не умела ни говорить, ни писать ничего, кроме того, во что верила всем сердцем; а главное, любя всегда своего кузена, я хотела бы его видеть более счастливым. Целую Вас от всей души и желаю более спокойного года.

Целую детей.

А. Муравьева

Кузине Вере.

Муравьева А. Г. Письмо Муравьевой В. А., 26 февраля 1828 г. Чита // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 42—43.

2

Чита. 26 февраля 1828 г.

Милая, добрая кузина Верочка, наконец-то я получила письмо от Вас, которого ждала с таким нетерпением. С огорчением вижу, что мои письма принесли Вам гораздо больше огорчения, чем утешения, но что поделаешь, мне не везет, когда я вмешиваюсь в чужие дела. Это со мной случилось всего лишь во второй раз в жизни, и, как видно, я слишком простодушна, чтобы браться за это. Все, что я могу сказать: если Вам когда-нибудь понадобится адвокат, Вы сможете найти более красноречивого, чем я, но никогда — более искреннего, преданного и сдержанного. Если бы я была (нрзб.) и в России, я бы взяла Ваших детей, но что об этом говорить. Когда речь идет о семейных делах, я прихожу в отчаяние от мысли, что эти письма читают3, и останавливаюсь на каждом слове. Вспомните, что я оставила в России сестру, очень хорошую сестру, она скоро выйдет замуж и, конечно, не откажется дать немного счастья существам, которые так страдают4. Вы понимаете, что бедная моя свекровь тут ничем не может помочь, она живет лишь надеждой соединиться со своими сыновьями, и если ей дадут понять, насколько мала эта надежда, это будет для нее последний удар. А что я могу поделать, милая кузина, — сколь бы ни были несчастны те, кого я люблю, я все же имею слабость дорожить их жизнью. Мне хорошо известно и меня возмущает поведение женщины, о которой я Вам уже однажды говорила. Я о нем догадалась еще до того, как узнала все наверное. Я видела достаточно до своего отъезда, и поверьте мне, что никто в мире не винит Вас. Если Вы думаете, что я позволяю себе порицать или даже осуждать Ваше поведение, то Вы жестоко ошибаетесь и очень плохо знаете мой образ мыслей. Достаточно того, чтобы в моем присутствии сказали об одной из наших подруг по несчастью: “А почему она не едет?” — я выхожу из себя. Я не могу себя сравнивать ни с кем. Мое положение сильно отличается от положения многих других, у меня есть человек десять, которым я могу доверить своих детей.

Простите же меня, если мои письма причинили Вам боль, я была этим так огорчена, что целый день только об этом и могла думать. Я не имею никакого права говорить с Вами так, как я это делала в последних письмах; в жизни своей я не позволяла себе давать советы кому бы то ни было, особенно когда об этом и не просят, поистине лишь судьба и несчастная мягкость характера заставили меня поступить против своих правил. Нельзя класть палец между молотом и наковальней. Выведите меня, ради Бога, из затруднения своим окончательным ответом на тот вопрос, который я много раз задавала и который не буду повторять. Я обещаю, что это последнее мое деловое письмо к Вам, подожду, пока время и обстоятельства не научат меня притворяться. До сих пор я писала Вам очень регулярно, чтобы сообщить о здоровье мужа, сказать, что действительно люблю Вас от всего сердца и что понимаю весь ужас такого положения. Артамон чувствует себя хорошо, и это чистая правда, что же касается душевного состояния, то при Вашем уме и знании характера мужа мне нечего сказать. Если бы он мог любить Вас меньше, его было бы меньше жаль. Когда я представляю себе, что Вы оставляете своих больных детей, и думаю обо всем, что Вы вынесли, я не могу представить себе, как Вы еще живы, дорогая кузина. Есть вещи, которые выше моего понимания. Прощайте, прощайте и не обижайтесь на меня ради Бога

вещи, которые выше моего понимания. Прощайте, прощайте и не обижайтесь на меня ради Бога.

Ваша кузина А. Муравьева

Для большей верности я адресую это письмо сестре. Если Вы достаточно доверяете мне (на это, впрочем, я не имею никакого права надеяться) и если захотите что-нибудь сообщить мне в тайне от своего мужа, напишите два письма, потому что он уже несколько раз спрашивал у Никиты, не получала ли я писем от Вас, и я нахожусь в очень трудном положении, так как сразу же сожгла первое письмо, как Вы просили.

Дорогая Верочка, только что вернулась после короткого свидания с Никитой и распечатала письмо, чтобы написать, что Ваш муж был счастлив узнать, что Вы в Москве. Я уверена, что Вы и сами испытали от этого некоторое удовлетворение, ведь это все-таки немножко ближе к Сибири. Артамон очень огорчен из-за всех неприятностей, которые Небу угодно было Вам послать, и из-за всех обстоятельств, которые мешают исполнению его самых горячих желаний. Он нежно обнимает Вас, целует Вам руки и ноги.

Вере Муравьевой.

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 3 марта 1828 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 43—44.

3

Читинский острог. 3 марта 1828 г.

Никто не получил от Вас писем с этой почтой, милая и добрая Вера. Дай Бог, чтобы не здоровье Ваше было тому причиною. Известие о болезни сына очень обеспокоило Вашего мужа, как он страдал за Вас! Надеюсь, что следующая почта нас успокоит. Я очень глубоко сочувствую Вашему положению. Милая Вера, минуты нет, чтобы я не думала о Вас и о бедном Вашем Артамоне. Не знаю, кто из Вас двоих более несчастен. Ваше последнее письмо очень меня успокоило во многих отношениях: вижу, что мои письма нашли путь к Вашему сердцу. Вы поняли меня, милая Вера. Отдайте же справедливость и доброй Александрине, как могли Вы подумать, что ей пришло в голову давать Вам советы!

Здоровье Вашего мужа довольно хорошо, как говорит Сергей5, но он печален, подавлен до последней степени. Пишите ему часто, как Вы это делали последнее время. Артамон был очень доволен Вашим письмом, я это знаю от мужа, которому он об этом говорил. Вы все время спрашиваете меня о подробностях, милая Вера, но я не могу Вам их сообщить. Подумайте, ведь я не вижу Вашего мужа и слышу о нем только во время своих свиданий. Сергей говорит, что он очень похудел, но в остальном здоровье его хорошо; он очень прилежно ходит на работу, а досуги его посвящены лечению и уходу за больными товарищами6. Известие о приезде г-жи Давыдовой7 произвело на Вашего мужа такое впечатление, что сердце разрывалось, глядя на него. Он забился в самый темный угол тюрьмы, чтобы не быть свидетелем радости моего дяди8. Он сразу вспомнил, что Вы должны были год тому назад приехать вместе с ней.

Александрина недавно получила письма от почтенной своей свекрови, где речь идет и обо мне. Передайте, пожалуйста, милая Вера, мою благодарность доброй Екатерине Федоровне за память обо мне. Скажите ей, что Александрина совершенно здорова и питает к ней глубочайшее почтение. Она беспрестанно рассказывает мне о ней. Ей случалось несколько раз ночевать у меня, и во сне она все время зовет (...), няню, детей. Это женщина, очень глубоко чувствующая и достойная привязанности.

Прощайте, милая Вера, желаю Вам спокойствия. Храни Вас Бог ради мужа и детей. Поверьте, никто лучше меня не понимает Вашего положения.

никто лучше меня не понимает Вашего положения.

Мария Волконская

Целую Ваших милых детей, отец их благословляет, как и Вас, единственное его утешение на этом свете.

Ее Высокопревосходительству милостивой государыне Екатерине Захаровне Канкриной

В С. Петербурге.

На Большой набережной в доме графа Шувалова.

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 7 апреля 1828 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 44.

4

Читинский острог. 7 апреля 1828 г.

Я получила, милая Вера, письма Ваших очаровательных детей; наивное выражение их нежности к несчастному отцу тронуло меня до слез. Я не могла преодолеть своего желания поделиться этим чувством с любезным нашим Артамоном. Г-н комендант10 оказался настолько добр, что позволил передать ему эти письма. Скажите Левиньке11, что мне очень тяжелы его упреки и что я обязательно ему напишу, как только соберусь с духом: писать ребенку — это слишком живо напоминает мне того, которого я потеряла12. Мне всегда было приятно написать ему несколько строчек на его языке, которые няня читала ему.

Посылаю это письмо на имя Екатерины Федоровны, чтобы успокоить Вашу добрую и почтенную тетушку13 в отношении Александрины. Она вынесла посланное ей Богом жестокое испытание14 с покорностию и трогательною преданностию мужу. Она боится показать даже тень печали и удивительным образом принимает все на себя. Смерть ребенка была ей очень тяжела; она ожидала, что умрет мать15, уже приготовилась к этому. Здоровье ее не пострадало, она много плачет, но и улыбается, когда мы говорим ей что-нибудь забавное. Словом, Александрина — воплощенная супружеская преданность, она никогда не позволяет себе пасть духом, и Никита для нее единственный в целом мире.

Заверяю Вас на прощание, милая Вера, что муж Ваш здоров; говорят, что письма детей доставили ему невыразимое удовольствие.

Я буду Вам писать на имя тетушки Вашей
и прошу поцеловать ей руку от преданной Вам

Марии Волконской

Ее высокоблагородию милостивой государыне Вере Алексеевне
Муравьевой

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 6 мая 1828 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 44—45.

5

Читинский острог. 6 мая 1828 г.

Я получила с последней почтою письмо или, вернее, записку от Вас, милая и добрая Вера. Вы

жалуетесь на мое молчание. Я столько выстрадала в последнее время. Смерть бедного моего ребенка отняла у меня будущее. А если и меня не будет, что останется чудному и несчастному моему Сергею! Но вернемся к Вам, милая и добрая Вера. С искренним огорчением вижу, что Вы обижаетесь на меня, как и на Александрину, за то, что мы писали о своих мыслях по поводу глубокой грусти, коей проникнуты Ваши письма. Ради Бога, прошу Вас простить меня, если я Вас этим огорчила; подумайте, по какой причине я это сделала; поверьте, что я прекрасно понимаю, что не имею права делать Вам замечания, особенно касательно самых интимных отношений. Вы должны понимать, что все это я пишу не от себя, меня об этом просят16.

Здоровье Вашего мужа довольно хорошо, он получает Ваши письма весьма регулярно. Кроме того, он имеет известия от тетушки Вашей, которая часто пишет о Вас Никите. Этот последний вполне здоров, как и его брат17 и кузен18. Я это знаю от Александрины и, кроме того, видела их издалека, когда они шли на работу; на вид они — само здоровье. Что до бедной (нрзб.), она19 не очень хорошо себя чувствует, здоровье ее слабеет; грудью она никогда не страдает, но ослабела и очень похудела. Хорошая погода вернет ей силы, а главное, если ей окажут милость быть заключенною вместе с дорогим Никитушкою, она очень быстро поправится.

После смерти моего Николино я более, чем когда-либо, хочу полностью разделить судьбу мужа. Видеть его лишь два раза в неделю — свыше моих сил. Я чувствую, что не выдержу этого;

душе моей нужен покой, и я могу его найти лишь рядом с Сергеем. Прощайте, милая Вера, поцелуйте от меня руку почтенной Вашей тетушке. Я прошу ее не беспокоиться об Александрине. Я позволила себе рассказать ей о ней, лишь когда узнала, что Александрина этого избегает. Прощайте еще раз, от всего сердца обнимаю Ваших очаровательных детей. Большое спасибо за консервы, которые Вы мне обещаете. Я их сохраню для тех, кто подвержен ангине. Что же касается других вещей, я на Вас сердита, милая Вера, за расходы на меня. Я еще ничего не получила, но уже сержусь.

Для Веры Муравьевой.
Ее превосходительству милостивой государыне

Екатерине Федоровне Муравьевой в Москве.

Ваша золовка20 ответила две недели тому назад на мое письмо, написанное в апреле прошлого года. Я ей сразу же

написала, что если она будет столь же аккуратна все пятнадцать лет, что я проживу здесь, переписка с нею не займет у меня много времени. Впрочем, письмо ее доставило мне большое удовольствие благодаря привязанности ее к любезному моему Артамону.

(М. Волконская)*

Муравьева А. Г. Письмо Муравьевой В. А., 19 мая (1828) Чита // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 45—46.

6

Чита. 19 мая (1828)**

Милая кузина, в последний раз я получила записочку от Вас вместе с Марией Волконской. Я совсем не требую, чтобы Вы писали мне, так как вижу, что Вы чувствуете себя в некотором роде обязанной отвечать мне. Это меня огорчает, ибо я не соблюдала никогда и не хочу соблюдать с Вами таких церемоний. У Вас столько огорчений, г-жа Фонвизина21 мне все

соблюдать с Вами такие церемонии. У Вас столько огорчений, Рика Фонвизина21 мне все рассказала, и у меня сердце кровью обливается, когда я думаю или говорю о Вас. Состояние

Ваших дел очень мучает и Артамона. Вы понимаете, что я знаю все это от моего мужа, ибо я не имею возможности его видеть. Он умоляет Вас не тратить на него более 500 руб. в год. Не беспокойтесь о его здоровье. Если бы он мог меньше любить Вас, он был бы более благоразумен, но рассудок редко может приказывать сердцу. Я сделаю все, от меня зависящее, и буду заботиться о нем всеми силами. Я буду писать Вам всегда, не ожидая ответов. Пишите мне все, что угодно, сердитесь, браните меня, я никогда не буду обижаться, говорю Вам истинную правду. Я так устала, что едва могу писать Вам. Здоровье мое в порядке, я никогда не испытываю никаких болей, но стала так слаба, что всякий пустяк меня утомляет чуть ли не до смерти. Я провожу время очень однообразно, стараюсь себя занять и быть по возможности спокойной; много вышиваю по канве и бисером. Для развлечения я считаю, сколько могу сделать стежков в день, — иногда выходит 1500, но никогда не меньше 1000 в день. Но что удивительно, это что я, которая никогда не была большой любительницей рисования, в Чите вошла во вкус, много рисую с натуры — собак, коров, — собираю дань со всего хозяйского двора. Обуреваемая этой несчастной страстью, я принимаюсь за рисование по три-четыре раза в день. Не уверена, что столь подробный рассказ обо мне и моих странностях может Вас интересовать, но это письмо должно Вас убедить, что я спокойна. А я, конечно, не была бы спокойна, если бы пришлось сообщать Вам дурные вести о здоровье кузена. Он здоров, чего нельзя сказать о моем бедном Никите, — мы с ним долго не проживем, все это уж слишком, замучилась наша душа***. И нам отказано в единственном, что могло бы сделать нашу жизнь сносной, — это быть заключенными вместе. Милая Верочка, мне приятно знать, что дети при Вас. Бедный Никоша22. Г-жа Фонвизина сказала мне, что он болен. Много у Вас огорчений со всех сторон. Артамон нежно целует Вас и своих сыновей и благодарит Вашу матушку за письмо. Прощайте, прощайте, будем надеяться на Бога*, уж хуже мудрено нам быть.

Ваша кузина и друг Ал. Муравьева

Г-жа Фонвизина нежно целует Вас.

Я знаю, что Вы часто видите мою тетушку Самарину23, скажите ей, пожалуйста, что я ни разу не получила от нее ни шелку, ни рисунков.

Кузине Вере.

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 15 июня 1828 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 46—47.

7

Читинский острог. 15 июня 1828 г.

Как справедливы Ваши упреки, милая Вера, и как я благодарна Артамону за то, что он передал Ваше письмо от 25 апреля моему мужу. Прочтя его, я поняла свою вину и спешу ее искупить. Извините прошлую мою неаккуратность во внимание к тому усердию, с коим отныне буду писать Вам. Ваш муж чувствует себя довольно хорошо, несмотря на страшную жару, которая здесь началась и от которой я страдаю больше всех. Он получает Ваши письма весьма регулярно, как и посылки. Я считала бесполезным писать Вам о сем последнем, будьте уверены, что ничто не теряется, все посылки доходят до нас в полном порядке, и если некоторые и задерживаются на несколько почт, то это из-за небрежности, с которой родственники пишут адреса и упаковывают посылки. Екатерину Федоровну в этом упрекнуть нельзя — все, что она посылает, так хорошо и тщательно упаковано, приходит таким свежим, что трудно поверить, что все это привезено за сотни верст. Артамон огорчен, что Вы столько тратите на него: одежды и белья у него больше, чем нужно, но чтобы не лишать Вас удовольствия исполнить его желание, он просит пополнить

его запасы курительного табака. Кроме того, ему нужен небольшой медальон, чтобы положить волосы детей. Надеюсь, что ответила сразу на все вопросы в Ваших письмах.

Только что приехавшая горничная Каташи24 сообщила, что видела Вас в Москве и решительно утверждает, что Вы рассчитываете приехать сюда по первому санному пути. Сергей говорит, что новость эта произвела на Вашего мужа потрясающее впечатление; он то верит в это, то теряет всякую надежду. Бедный Артамон, он решился принести последнюю жертву ради благополучия детей; он принял решение, думал, что простился с Вами навеки. Теперь он совершенно потрясен, не смеет верить в свое счастие, беспрестанно говорит об этом, просит меня устроить комнату для Вас рядом с моей, недалеко от тюрьмы, а через минуту отказывается; он плачет от радости вновь увидеть Вас, а затем им овладевает мрачное отчаяние. Такая неуверенность жестоко терзает его; он все время перечитывает Ваши письма и не находит в них ничего, подтверждающего эти слухи. Я очень сердита на тех, кто их ему передал. Скажите мне ради всего святого, правда ли, что Вы поручили этой женщине объявить, что скоро будете здесь? Если это так, напишите в первом же письме, успокойте Артамона. Он вообразил, что мы выдумали эту историю ради его спокойствия. Но ведь это значило бы уничтожить его совершенно и посмеяться над ним.

Милая Вера, как счастлива я за Вашего мужа, когда думаю, что Вы скоро приедете. Не откладывайте этого на долгие годы, напишите мне, расскажите о своих планах. Каким утешением для меня будет снова Вас увидеть! Когда Вы мне пишите, что приедете, как только дети перестанут в Вас нуждаться, это ни о чем не говорит, ведь детям всегда нужна мать, и дадите ли Вы мне гарантию, что я доживу до тех пор? Напишите, прежде чем ехать, что Вы можете это сделать без ущерба для милых Ваших ангелочков. Не думайте, милая и добрая Вера, что я опять

вмешиваюсь в чужие дела

. Поймите меня, если можете. Я невыразимо страдаю за Ваших бедных детей, но согласитесь, что больше переживаешь из-за тех мучений, которые видишь своими глазами, чем из-за тех, которые представляешь себе в будущем. Поверьте, что я живо чувствую весь ужас Вашего положения. Сердце Ваше разрывается, но что должно дать Вам некоторое утешение, так это мысль, что, какое бы решение Вы ни приняли, Вы исполните свой долг как истинная христианка — долг ли матери по отношению к своим детям, долг ли супруги по отношению к своему мужу, — и то, и другое одинаково священно. Если я увижу Вас здесь, разве смогу я не пожалеть детей Ваших?

Что еще сказать об Артамоне? Вчера в течение всего нашего свидания с Сергеем я говорила о нем, чтобы угодить Вам. Он окружил себя копиями Вашего портрета25 и все время меняет какую-нибудь деталь — то цвет платья, то драпировки, то рама ему больше не нравится, он делает другую из картона и цветной бумаги. Одним словом, он занят только Вами, думает только о Вас, несмотря на свой кажущийся стоицизм. Вот Вам подробности, милая и добрая Вера, ответьте мне сразу же, напишите, что понимаете меня и не сердитесь.

Наша женская колония скоро увеличится — приезжает г-жа Юшневская26. Если она поедет через Москву, пришлите мне, пожалуйста, еще Ваших прелестных конвертов. Прощайте, передайте от меня нежный привет добрейшей и почтенной Екатерине Федоровне; скажите, что милые ее дети вполне здоровы. Александрина очень поправилась, (...) — для нее бесконечное благо, и купание в реке будет ей полезно. Она весьма спокойна и часто очень весела. Прощайте еще раз.

Навеки преданная Вам

Мария Волконская

Целую дорогих Ваших ангелочков, письма их очаровательны; я их прочла и прошу продолжить писать мне также. Артамон как нельзя более признателен доброй и очаровательной мадмуазель Софи27 за заботу ее о детях и за постоянную дружбу к нему; он от всего сердца благодарит ее за добрые письма.

Для супруги г-на Артамона Муравьева.

Ее превосходительству милостивой государыне

Екатерине Федоровне Муравьевой в Москве.

Муравьева А. Г. Письмо Муравьевой В. А., 16 июня 1828 г. Чита // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 47—48.

8

Чита. 16 июня 1828 г.

Милая кузина, хотя я Вам писала с последней почтой, и сегодня мне нужно написать много писем, к тому же стоит ужасная жара и духота, не могу не поговорить с Вами об известной новости, которая совершенно потрясла Вашего бедного мужа. Недавно приехала горничная кн. Трубецкой, и я сразу же стала ее расспрашивать о своих. Вы понимаете, милая кузина, что я расспрашивала и о Вас и поторопилась передать через своего мужа Вашему все, что узнала. Я была бы очень разочарована, если бы то, что она сказала, не доставило мне удовольствия, а известному человеку — самое большое счастье — счастье встретить Вас с установлением санного пути. Приехавшая сказала, что Вы не только уверяли ее, но даже умоляли передать нам, что твердо решили пуститься в дорогу по первому санному пути. Хотя это в некотором отношении противоречило тем двум письмам, которые я получила после ее отъезда из России, но все подробности, рассказанные горничной, заставляют меня этому верить. Что же касается Артамона, милая кузина, Никита говорит, что невозможно представить себе его состояние. То он вне себя от радости и восхищается, то впадает в сомнения и подавленность — когда сравнивает Ваши письма с этой новостью. Ах, дорогая Вера, если бы хоть раз я могла написать для Вас одной28, я ручаюсь, что через три ночи Вы уже были бы с нами и простили бы мне те неточности, которые я допускала в своих письмах. Я двадцать раз через мужа просила кузена дать мне некоторые поручения к Вам, но он ни разу не дал мне положительного ответа. Он постоянно говорит, что Вы ему посылаете слишком много и, поскольку дела очень расстроены29, он не хочет, чтобы Вы тратились на него (это правда, что он ни в чем не нуждается). Прощайте же, милая кузина, ради Бога как можно скорее покончите с колебаниями, в которые все это ввергло Вас и особенно Вашего бедного мужа. Он сейчас в третий раз обретает надежду, уже покорившись необходимости ради детей пожертвовать единственным счастьем, которое оставалось ему в этом мире — счастьем увидеть Вас.

Что до меня лично, приношу Вам извинения за те немногие письма, которые я написала: они довольно неприятны, но Вы даже не представляете, в каких условиях я живу: один Бог знает, когда и как я пишу свои письма; я живу, как на постоялом дворе, как бывает, когда путешествуют в большой компании. Я редко вижу кн. Волконскую, поэтому никогда не знаю, написала ли она Вам. Я мало выхожу из дому, так привыкла, проведываю только больных, однако обещаю Вам быть более точной. Если я и виновата, это потому, что в последнее время у меня было столько огорчений*, что я и своим через силу писала. Нежно целую и люблю Вас по-прежнему. Одним словом, я не изменила и никогда не изменю своего отношения к Вам; уверяю Вас, какой бы сумасшедшей я не казалась, в других я ценю и уважаю разум.

Ваша сердцем и душой

А. Муравьева

Прошу прощения за пятна на письме, не думайте, что это от слез. Все проще, это всего лишь вода капает с моих волос, которые я смочила холодной водой. Извините, я спутала письма, это не Вас, а свекровь я прошу прислать мне губки и лавандовую воду.

Вере Муравьевой.

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 29 сентября 1828 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 48—49.

9

Читинский острог. 29 сентября 1828 г.

Ваш муж здоров, милая Вера, он получил Ваше письмо от 17 июля и следующее за ним письмо детей. Ваше столь продолжительное недомогание сильнейшим образом тревожит его. Я за Вас беспокоюсь еще более. Я знаю, как Вы владеете собою, и письмо от 17-го это доказывает. Милая Вера, у Вас неотступное горе, которое Вас не отпускает и которым Вы не хотите со мной поделиться. Боже, если бы я могла написать письмо только для Вас, как бы оно успокоило Вашу душу; Вы бы из него увидели, милая моя и добрая Вера, как восхищаюсь я Вами, как одобряю Ваши поступки. Александрина тоже Вас любит и очень уважает; она всегда встает на Вашу сторону против всех. Поверьте, милый друг, оказавшись в положении,

подобном

Вашему, я бы последовала Вашему примеру, если бы не надежда, которая порождает столько недоразумений.

Вы спрашиваете, милая Вера, почему я изменила адрес; отвечу попросту: не Ваша родственница30 меня к сему побуждает; однако вот уже почти 2 года, как я пользуюсь ее конвертом. Артамон получил от нее длинное письмо, как говорит Сергей. Я должна была на него ответить. Кажется, она хочет взять на себя заботу о Ваших детях. Муж Ваш очень ей признателен, он искренне привязан к ней, доверяет ей их будущее, но, что касается воспитания, мне кажется, что тут должны решать Вы. Ваша золовка питает к Артамону искреннюю симпатию, за которую он ей очень благодарен. Он ее умоляет только любить так же и Вас и не менять свое к Вам отношение, независимо от того, какое решение Вы примете.

Не обвиняйте меня в противоречиях, милый друг, подумайте, что я лишь посредник, может быть, я была им слишком. Не можете себе представить, сколь затруднительно и, главное, тягостно оказаться против своей воли доверенным лицом в семейных отношениях, в которых ничего не понимаешь. Причиняешь неприятности, не подозревая об этом. Кажешься нескромной, может быть, неделикатной, никоим образом того, конечно, не желая.

Но мне все же кажется, добрая моя Вера, что Вы меня понимаете, скажите мне это, по крайней мере, ради моего спокойствия. Мне следовало бы подражать Вашей кузине, которая просто сообщает, что здоров, но я так хорошо знаю, что этого совершенно недостаточно для Вашего сердца.

Ваш муж вполне здоров, повторяю. Он не всегда разумен по отношению к Вам — ведь он так Вас любит. Сегодня он решился пожертвовать всем ради детей, завтра его охватывает нежность к Вам, отсюда и в моих письмах такие взлеты и падения. Особенно в одном, написанном в уверенности, что Вы приедете, как только установится санный путь, — письмо это меня очень мучает. Ради Бога, напишите мне, добрый друг, что Вы об этом думаете, успокойте меня. Я настолько привыкла писать откровенно, что уже не думаю о том, что пишу, довольная тем, что делаю свое дело. Прощайте, добрая моя Вера, письмо Ваше от 17-го прекрасно, пишите чаще такие письма, это умиротворяет душу.

Прошу Вас передать мой нежный и почтительный привет достойной Вашей тетушке. Все ее Дети вполне здоровы. Только что видела Александрину на крылечке у своей кухни; она с аппетитом

завтракала большим куском говядины, запивая его малагою. К полудню у нас устанавливается прекрасная погода, но с утра мороз доходит до 14°. Александрина очень весела последнее время,

она много ходит пешком и обо всех заботится. Г-жа Фонвизина все время болеет, у нее кровь идет горлом, но это совсем не опасно, она такая крепкая. Что до меня, милая Вера, я плохо переношу осень и весну, я очень ослабела. Съездите к кн. Шаховской31, если Вы с ней знакомы, если нет — передайте ей, что брат получил доброе ее письмо и благодарит от всей души. Он вполне здоров, умоляет ее писать ему по адресу*: Его Пре(восходительство) Ива(н) Богда(нович) Цейдлер, гражданский губернатор в Иркутске.

Прощайте.

Мария Волконская

Письма Ваших детей неизменно приводят меня в восхищение, какая Вы счастливая, что они у Вас есть! Мой Николино многого мне стоил, все надежды ушли вместе с ним! Я была намного сильнее духом до этого несчастья.

Скажите кн. Барятинской-матери, что сын32 получил ее письмо, как и деньги на свое содержание; он ее благодарит со всею нежностью, которую к ней питает, и умоляет не ставить себя в затруднительное положение ради него, у него все есть.

Для Веры Муравьевой.
Ее превосходительству милостивой государыне

Екатерине Федоровне Муравьевой

в Москве.

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 19 октября 1828 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 49.

10

Читинский острог. 19 октября 1828 г.

Сергей говорит, милая Вера, что Ваш муж очарован письмом Вашим от 13 августа, которое он недавно получил. Он вполне здоров и весел, счастлив, что Вы поправились, а мадмуазель Софи вернулась — наконец, Вы менее одиноки, добрый друг мой.

Вы мне пишете, что свет Вас осуждает. Не обращайте на это никакого внимания, милая Вера, подумайте о том, что, когда Вы приедете сюда, тот же самый свет будет считать Вас сумасшедшей, как всех нас. Что касается нашего дамского общества здесь, я Вас уверяю, что оно живейшим образом сочувствует Вашему положению и восхищается Вами.

Александрина не пишет Вам потому, что занята сейчас ответом Вашей золовке, от которой Артамон получил письмо, третье по счету. Что еще написать? Ваш муж здоров, повторяю, я в этом уверена потому, что видела издали, как он идет на работу. Он хорошо выглядит, не очень изменился с тех пор, как я Вас видела вместе, только волосы совсем поседели.

Я пишу Вам сегодня не на адрес г-жи Канкриной, так как она получит известие о брате от кузины. Мне приятнее отправить это письмо Вашей почтенной тетушке, чтобы заверить ее в то же время, что все ее дети вполне здоровы.

Я очень тронута, милая и добрая Вера, всеми теми добрыми словами, которые Вы просите мне передать, — я уверена, что с Вашей стороны это не просто слова. Здоровье мое очень ослабело,

передаст, — я уверена, что с Вашим здоровьем все пройдет очень скоро, надеюсь поправиться зимой, осенью я всегда плохо себя чувствую. Прощайте, добрый друг, по почерку моему Вы должны понять, как я устала. Целую милых Ваших ангелочков, храни вас всех Господь.

М(ария) В(олконская)

Г-же Вере Муравьевой.
Ее превосходительству милостивой государыне

Екатерине Федоровне Муравьевой в Москве.

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 17 ноября 1828 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 50.

11

Читинский острог. 17 ноября 1828 г.

Наконец я получила ответ на письмо, в котором сообщала Вам о приезде горничной. Я хорошо понимаю, милый друг, все, что Вы должны были испытать, получая наши письма, понимаю и ту боль, которую Вы должны были чувствовать, будучи вынужденной разочаровать мужа. Успокойтесь, милая Вера. Уверяю Вас, что Артамон совершенно Вас не обвиняет, он и сам чувствует, как сильны те узы, которые удерживают Вас вдали от него. Он непрестанно молит Бога дать Вам силы исполнить то, что Вы на себя возложили. Тогда только он будет вознагражден за свое одиночество.

Милая Вера, не поддавайтесь снедающему Вас горю, подумайте о детях, которым Вы необходимы. Они от этого пострадают, а муж Ваш, готовый на все жертвы, посылаемые ему Провидением, никогда не перенес бы такого удара.

Эти последние слова были мне переданы Сергеем. Что до меня, я Вас знаю, я Вас понимаю. У Вас нет возможности приехать с детьми. Я прекрасно понимаю, сколь жестоко было бы для Вас покинуть их, не имея никого, кому можно было бы их доверить. Я восхищаюсь Вашим мужеством, добрая моя Вера, и надеюсь, что Артамон попросит написать сестре, чтобы Вы были спокойны в этом отношении. Милая Вера, чего Вам стоило отказаться от этой поездки! Я хорошо понимаю, что Вы должны были испытывать. Пока жив был мой сын, я не расставалась с надеждою увидеть его, привезти сюда. Теперь, когда у меня нет ребенка, я уже не могу судить о Вашем положении. Но в глубине души чувствую, как Вы несчастны.

Вы напрасно думаете, что Артамон не умеет достаточно оценить Ваше рукоделие. Если я не писала об удовольствии, которое ему доставил разрисованный Вами бумажник, то это по забывчивости. Поверьте, он так счастлив иметь Ваше рукоделие и так хочет получить еще, что ему никогда не покажется, что Ваших изделий у него уже достаточно. Поэтому не оставляйте этого дела и принимайтесь за ковер (...) средней величины, который доставит ему большое удовольствие. Прощайте, моя добрая и милая Вера, храни Господь Вас и Ваших детей. Прощайте, тороплюсь.

Преданная Вам сердцем и душою

М(ария) В(олконская)

P. S. Александрина и все ее близкие чувствуют себя хорошо.

Вере Алексеевне Муравьевой.

Муравьева А. Г. Письмо Муравьевой В. А., 18 декабря 1828 г. Чита // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 50—51.

12

Чита. 18 декабря. 1828 г.

Милая кузина, моя свекровь Вам, конечно, сказала, что мое молчание объясняется отсутствием генерала33. Теперь он возвратился, и я тороплюсь сообщить, что Ваш муж сейчас чувствует себя хорошо и все это время чувствовал себя очень хорошо. Письмо, в котором Вы ему сообщили о болезни старшего сына, крайне его обеспокоило. Сейчас, получив последнее Ваше письмо, он совершенно успокоился на этот счет. Я и сама была очень опечалена тем письмом, беспокоилась о Вашем Никите. Знаете, милая кузина, у меня есть Ваш портрет: я попросила мужа взять его у Артамона, потому что у него их целых три, и я рассудила, что по справедливости один портрет может быть у меня. Вы написали Артамону, что у Вас есть кое-что, доставляющее Вам удовольствие. Вам следовало бы объяснить, что Вы имеете в виду. Тем более, что утешения не сыплются на нас здесь чаще, чем на Вас*, и не случается нам радоваться. Пишу сегодня письмо Вашей золовке и, по моему обыкновению, без церемоний. Несмотря на мои весьма откровенные письма, она очень мила со мной; с некоторого времени она стала писать брату, что ему доставляет большое удовольствие, и я взялась по его просьбе сообщать ей о нем раз в месяц.

Прощайте, милая кузина. Артамон передал мне через Никиту просьбу написать К(атерине) З(ахаровне), что он Вас чтит еще больше за то, что Вы исполнили свой долг в отношении детей. Рано или поздно, как видите, справедливость всегда торжествует, и никогда не следует отчаиваться. Я как черт, который проповедует Евангелие, потому что у меня самой нет ни малейшей надежды. Прощайте, я очень устала.

А. Муравьева

Целую всех троих детей. Привет мадмуазель Софи.

Муравьева А. Г. Письмо Муравьевой В. А., 18 февраля 1829 г. Чита // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 51.

13

Чита. 18 февраля 1829 г.

Очень рада, милая кузина, что аккуратность моя в переписке дает Вам некоторое утешение. Чего бы я не сделала, чтобы утешить и бедного мужа Вашего, который так в этом нуждается! Я думаю, что для него, может быть, и хорошо, что ему не разрешают меня видеть: раз Вас здесь нет, то видеть меня только надрывало бы ему сердце. Он покорился своей участи, но горечь разлуки с Вами чувствует глубоко и непрестанно. На здоровье его начинает сказываться та жестокая борьба, которая происходит в его душе последние два с половиной года. Он думает только о Вас, говорит только о Вас. А когда дело идет о горестях такого рода, то Вы понимаете, что даже если бы я видела его каждый день, то не могла бы дать ему никакого облегчения. Когда на душе покойно, можно даже в тюрьме желать быть в лучших условиях, иметь друзей. Но в горе человек скорее склонен считать, что, точно в насмешку, о нем заботятся будто о малом ребенке. Если мое письмо огорчает Вас, на этот раз вините только меня: сердце мое разрывается, глядя на кузена, и я не могу этого скрыть, ибо он взял за правило молчать и старается нести свой крест если не с твердостию святого, то по крайней мере со смирением христианина*. Взглянули бы вы на него, так бы не оставили его.

Прощайте, целую Вас, милая кузина. Я страдаю за вас обоих, но сама даже не знаю, кого мне больше жаль. Целую Ваших детей. Меня очень порадовало то, что Вы пишете о моей Кати34.

Пишите мне о них. Артамон обнимает Вас от всего сердца. Любил бы он Вас меньше, был бы счастливее.

А(лександра) М(уравьева)

У Вашего мужа нет носовых платков.

Для Веры Муравьевой.

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 19 февраля 1829 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 51—52.

14

Читинский острог. 19 февраля 1829 г.

Не сердитесь на меня, милый друг, за то, что я некоторое время не писала Вам. С тех пор, как это поручено другой35, я должна была подавлять желание столь часто общаться с Вами. Будьте уверены, что это произошло не по моей вине, совсем наоборот, мое рвение, может быть, слишком далеко зашло. Вот уже два года, как письма Ваши стали потребностию моего сердца. Я чувствую себя обязанной Вам за ту истинную дружбу, которую Вы все время ко мне проявляете. Я буду продолжать писать Вам, милая Вера, Каташа тоже будет писать, и Вы от этого только выиграете.

Сергей глубоко тронут теми добрыми словами, которые Вы ему передаете через мужа и через меня. Он просит передать Вам свое глубокое почтение. Здоровье его хорошо, слава Богу. Мы оба радуемся, что Александрина теперь вместе с мужем36. Надо надеяться, что придет и наш черед. Я чувствую себя неважно, слабость, болит грудь. Как я была тронута искренним Вашим беспокойством обо мне. Надеюсь, что к лету силы вернутся ко мне.

Будьте добры, милый друг, передайте прилагаемое письмо г-же Юшневской, если она еще не уехала от Вас. Ее муж очень хочет, чтобы она еще отложила свой отъезд до следующей зимы, чтобы привести в порядок, насколько это возможно, все дела. Я сильно сомневаюсь, что она согласится на это после трех лет волнений. Муж ее идет на это из чувства долга, но заверьте ее, что сердце его разрывается при мысли о столь долгой разлуке. Он приносит себя в жертву долгу. Конечно, Марии Казимировне37 нужно привести в порядок дела, но неужели для этого нужен еще год? Достаточно четырех месяцев. Предупредите ее, пожалуйста, что, если она хочет приехать с дочерью, ей не следует пускаться в путь без требуемых бумаг38, в противном случае она испытает все возможные неприятности в Иркутске, и дочь ее не сможет переехать через Байкал без специального разрешения Его Императорского Величества.

Прощайте, милая моя Вера. Муж Ваш здоров и любит Вас невыразимо. Да соединит вас Небо как можно скорее. Прощайте — Господь да будет с Вами и Вашими детьми.

М. Волконская

Если Мария Казимировна уехала, отправьте прилагаемое письмо по адресу*: Его Высокоб(лагородию) Семену Петровичу Юшневскому39 в Тульчине.

Муравьева А. Г. Письмо Муравьевой В. А., 1 апреля (1829 г.) Чита // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 52.

15

(Чита). 1 апреля (1829 г.)

Милая кузина, недавно я имела удовольствие получить письмо от Вас, и мне было очень приятно видеть, что Вы, кажется, довольны мной. Если бы это зависело от меня, я своими письмами никогда не расстраивала бы Вас, но что же мне делать, я должна повиноваться и исполнять поручения, которые мне дают. Мне очень приятно, что визит моих детей доставил Вас удовольствие. Я представляю себе мою бедную матушку, которая так не любит расставаться с ними даже на несколько часов, ибо это все, что у нее теперь осталось. Мои дети — слабое утешение в ее положении, но это единственное ее достояние.

Муж Ваш чувствует себя хорошо, он причастился 30 марта и просил меня через Никиту Вам об этом сообщить. Кроме того, он просит меня сказать, что огорчен тем, что Вы экономите тогда, когда речь идет о Вашем здоровье. Вместе с тем, к детям Вы приглашаете одновременно нескольких врачей. Он считает необходимым дать Вам совет, прося не приглашать к ним особого доктора при каждом нездоровье, потому что хороший доктор одинаково должен уметь лечить все внутренние болезни, как и глазные. Когда речь же идет о Вашем здоровье, Вы удовлетворяетесь старыми рецептами! Все это его очень огорчает, и он просит Вас заботиться о своем здоровье, ибо, пожертвовав всем ради детей, даже последней надеждой увидеть Вас когда-нибудь, по крайней мере, хотел бы знать, что Вы здоровы. Ну вот, милая кузина, я выполнила его поручение. С нетерпением жду ответа на письмо, которое Вам написала. Я (нрзб.), что оно Вас огорчит, но меня буквально вынудили его написать. Я этому противилась так долго, как могла. Прощайте, будьте здоровы, целую Вас нежно. Чуть не забыла написать — муж Ваш настаивает и умоляет прислать ему Ваш портрет — такой, какой он просил. Я об этом уже писала, и мне поручено напоминать об этом в каждом письме, пока он его не получит.

Прощайте. Ваша сердцем и душой

А. Муравьева

Для Веры Муравьевой.

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 27 августа 1829 г. Читинск // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 53—55.

17

Читинск. 27 августа 1829 г.

Дорогая Вера, я счастлива, что снова передаю чувства Вашего мужа. Вы столько раз писали, что хотите этого, что я с двойной благодарностию — и к нему, и к Вам — передаю в точности то, что Ваш муж сказал моему. Я обязана это сделать по доверию его к нам, по моей дружбе к Вам и по причине того положения, в котором вы оба находитесь. Да облегчит мое письмо Ваши страдания. Оно должно их облегчить, потому что выражает чувства самые чистые, самые бескорыстные. Да, милый друг, Вы сами увидите, как далек в настоящий момент Артамон от того, чтобы думать о своем собственном положении. Ваше спокойствие, Ваше счастье, возможность Вас утешить — вот чем наполнена душа его. Сергей пришел ко мне в слезах и совершенно потрясенный тем состоянием, в котором он его увидел по получении Вашего портрета. Милая Вера, мы к вам обоим питаем такую искреннюю, такую большую привязанность, что уже по одной только этой причине я почитаю своим долгом говорить с Вами откровенно.

Итак, Артамон получил Ваш портрет, и это для него живое отражение того, что Вас угнетает и явственно снедает Ваше существование. Его сердце чувствует необходимость поделиться с Вами

тем, что он испытывает. Простершись у Ваших ног, в слезах благодарит он Вас за то, что Вы отозвались на его просьбу. Благодаря печальной реальности, которая открылась теперь его

глазам, он видит, чего стоило Вашему сердцу это стремление угодить ему. С такой правдивостью это обожаемое изображение говорит разбитому сердцу Артамона! Как оно ему показывает все Ваши страдания! Как подавляет его сравнение двух Ваших портретов, написанных с разницей всего в четыре года! Он не перестает повторять: "Это более того, что я заслужил от этого ангела!" С каким чистосердечием он признает свою неправоту, насколько он считает себя виноватым перед Вами в том, что допустил, чтобы чувство оскорбленного самолюбия проникло в ваши отношения. Он Вас умоляет считать, что в письмах, которые Вам будут писать за него с сегодняшнего дня, не будет чувств, чуждых его сердцу. Милый друг, это последнее признание весьма похвально, и Вы сумеете оценить то, как он обвиняет самого себя за те четыре года жизни, которые были так ужасны сами по себе. Милая Вера, не сверх ли сил Ваших тяготы, которые Вы на себя берете? Этот вопрос я часто Вам повторяю.

Ваш муж убежден, что, сколь бы похвальны не были Ваши жертвы в отношении детей, полное разрушение здоровья не позволит Вам исполнить сей труд. Их интересы требуют, чтобы Вы прежде всего думали о себе, о собственном спокойствии. Именно это заставляет его умолять Вас приехать к нему. Он напоминает Вам Ваше письмо от 30 мая 1827 года:

"Скажи мне, хочешь ли. друг мой, чтобы я к тебе приехала? Я оставлю детей, эта разлука будет мне легче: найдутся, конечно, добросердечные друзья, которые заменят им меня, и кроме того, милый Артамон, Господь их сохранит, он знает, ради какого святого и священного дела я их покидаю".

Да, милый друг, Господь их не оставит, было бы преступлением в этом сомневаться. Артамон просит Вам передать, что, хотя Ваш приезд сильно изменит его положение и даст ему новую жизнь, он искренне от этого отказывается, если Вы считаете, что разлука с детьми — выше Ваших сил. В этом случае Вы должны остаться, и он не только не будет питать в своем сердце ни малейшего недовольства Вами, но пока будет влачить свое тягостное существование, не перестанет Вас уважать и любить. Если он решился умолять Вас приехать, то единственно потому, что думал о Вашем жестоком будущем, а не о своем, ибо для него все кончено. Милая Вера, я так же взволнована, когда пишу Вам, как будете взволнованы Вы, читая мое письмо. Обдумайте все — его пламенное желание Вашего приезда, убеждение его, что Вы найдете свой покой рядом с ним. Наконец, проверьте свои чувства к детям. Подумайте, до какой степени им необходимо, чтобы Вы остались. Проникнитесь мыслью, что муж никогда не осудит Вашего решения, каким бы оно не было. Он беспрестанно упрекает себя в том, что жаловался на Ваши письма, на печаль, коей они проникнуты, так как он хорошо чувствует, что один он тому причиною; душа его от этого страдает. Он Вас заклинает простить его ради его несчастья и тех жестоких обстоятельств, в коих он находится. А в доказательство Вашего прощения поверяйте ему отныне все, совершенно все. Не сомневайтесь, что он будет молить Всемогущего за обожаемую Веру и в страданиях, которые не может облегчить, по крайней мере, будет плакать вместе с Вами.

Кончаю письмо, умоляю Вас простить его сестре те неприятности и огорчения, которые она могла Вам причинить. Подумайте, что все это из-за слишком большой привязанности к нему. Милый друг, он не сомневается, что Вы способны на великодушное забвение прошлого. Он просит написать ей сегодня (нрзб.) и надеется, что столь горячо желаемое сближение произойдет. Вы напрасно обвиняете мужа в безразличии и в том, что он отдаляется от Ваших родных. Милый друг, никогда никто не слышал от него ни одного слова антипатии, как раз наоборот, он признает свою вину перед ними за то, что навлек на Вас несчастие. Он просит сообщать ему все новости о Ваших родных (нрзб.)

P. S. Когда я уже собиралась отправить это письмо, пришло письмо от 9 июля от моего дядюшки Петра41 с самыми тревожными подробностями о Вас. Что с Вами делается, добрый друг мой, у

меня от этого душа переворачивается. я сочла своим долгом сооощить содержание этого письма Вашему мужу. Можете представить, что он испытал, узнав, что здоровье Ваше разрушается и что люди, которые видят Вас чаще, чем мой дядюшка, считают даже, что подавленность Ваша бывает порой более, чем устрашающей. Это заставляет Артамона не только повторить свою просьбу приехать, но и сказать, что, если Вам дорога Ваша жизнь, счастие Ваших детей, собственный покой, — приезжайте, и пусть ничто Вас не удерживает. Поверьте, что в этом — спасение вас всех. Состояние, в котором Вы находитесь, доводит до предела несчастие Артамона — не отказывайте в его просьбе. Лишь рядом с ним Вы найдете покой, я в этом уверена.

Милый друг, я слишком взволнована, чтобы продолжать это письмо. Дядюшкино письмо так меня огорчило, напугало, что я вчера целый день была больна. Прощайте, обнимаю Вас от всего сердца, да поможет Вам Бог и да внушит он Вам правильное решение. Оно в том, чтобы подумать прежде всего о сохранении собственной жизни.

Ваш друг навеки

М. Волконская

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 7 сентября 1829 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 55.

18

Читинский острог. 7 сентября 1829 г.

Милая и добрая Вера, хотя две недели тому назад я написала Вам длинное письмо о том, что муж хочет Вас видеть здесь, мне поручено повторить Вам это еще раз. После последних подробных известий о Вас, которые он получил, он умоляет не медлить более с приездом и не сомневаться в том, что Господь по справедливости и милосердию своему сохранит Ваших детей. Он знает, чего Вам стоит эта жертва, и в поступке Вашем увидит дело святое и священное. Он просит еще сказать Вам, что, не переставая благодарить Провидение за то, что оно дало вам обоим силы перенести так много жестоких испытаний, зная Ваше ужасное положение и подумав обо всем, он более не надеется, что Вы сможете перенести новые испытания. Наконец, он просит Вам сказать, что, если в благоприятном для него решении Вы столкнетесь с препятствиями, которые будут тяжелы для Вашей дочерней привязанности, что Вы не должны следовать никаким другим советам, кроме советов своего или его сердца, ибо он высказывает свое мнение, будучи уверенным, что только рядом с ним Вы найдете покой.

Милый друг, я Вам передаю точно, слово в слово то, что Ваш муж сказал моему. Помоги Вам Бог выбрать то решение, которое даст Вам надежный покой. Я не могу и не должна выражать свое мнение в деле столь большой важности, и, если бы я это сделала, мое мнение из-за большой моей дружбы к Вам было бы слишком пристрастным или выражало бы мою заинтересованность. Я не спрашиваю Вас о детях, потому что Артамон передал, что попросит написать о них Александрину.

Прощайте, милый друг, примите мою самую горячую благодарность за все, что Вы делаете и собираетесь сделать для Марии Казимировны. Милая, несравненная Вера, какое счастье встретить столь ревностного и деятельного друга, как Вы, когда нужно помочь несчастному и страдающему человеку! Награди Вас Господь! Прощайте, обнимаю Вас от всей души.

Ваш друг навеки М. Волконская

P. S. Передайте, пожалуйста, прилагаемое письмо Марии Казимировне или Семену Петровичу, который уже должен быть в Москве. Вот еще одно письмо, из коего Вы увидите, в каком беспомощном состоянии находится человек, попросивший меня написать. Этой рекомендации

будет достаточно для Вашего сердца, и мне нет нужды просить Вас за него, мой добрый друг. Перешлите это письмо, и Вы окажете большую услугу. Прощайте еще раз, обнимаю от всего

сердца и от всей души.

Ваша Мария Волконская

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 21 сентября 1829 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 55—56.

19

Читинский острог. 21 сентября 1829 г.

Милая Вера, я обещала писать Вам столь регулярно, сколь это возможно и, хотя я с некоторого времени не получаю Ваших писем, я попросила Артамона передать мне сегодня все, что он хотел бы сказать Вам.

Он получил Ваши письма от 23 и 30 июля и очень огорчен тем, что воды не помогли Вам. Он может это приписать лишь Вашим душевным страданиям. Смягчить их — единственное его желание, а единственное счастие, на которое он надеется, — увидеть, что Вы приняли окончательно то решение, которое обеспечит Ваше спокойствие. Он с замиранием сердца ждет ответа на наши письма, питает те же чувства и придерживается тех же мыслей, которые мы Вам излагали от его имени. Он в этом видит не только свое благо, но и единственный способ сохранить Вас для детей. Он здоров, как говорит Сергей, но печален и беспокоится за Вас.

Милая Вера, напишите мне подробно о своем здоровье, мой дядя Петр очень меня обеспокоил на Ваш счет. Позаботьтесь о себе, подумайте, что есть существа, для которых Вы — ангел-хранитель, подумайте хоть раз в жизни о себе самой, о собственном спокойствии.

Мы все думали о Вас 17 сентября42, особенно Ваш муж — все ему напоминает о счастии, когда он думает о Вас.

Вы, должно быть, уже получили мое письмо к г-ну Фаленбергу43. Позаботьтесь о его отправлении, милая Вера, и в довершение Ваших благодеяний сообщите мне новости, хорошие или плохие, о кузине моей Фаленберг44. Никто из членов этой семьи не ответил на мои письма, но я никогда не побоюсь быть назойливой, если речь идет о том, чтобы утешить друга моего мужа. Вы можете получить интересующие меня сведения у г-жи Кругликовой45, так как один из господ Чертковых46 находится в Воронеже, а имение, в котором живут г-жи Раевская47 и Фаленберг, расположено в 60 верстах от этого города. Скажите еще Марии Казимировне, мой добрый друг, что муж ее здоров и ждет ее с большим нетерпением. Он убедился, наконец, что эта бедная и достойная женщина найдет покой лишь рядом с ним. К ней применяют способы воздействия самые жестокие и недостойные.

Имение г-жи Раевской под Воронежем называется Аннино*.

Прощайте, обнимаю Вас от всей души. Помоги Вам Господь. Как нам хотелось бы получить как можно скорее хорошие вести о Вашем здоровье.

Нежно Вас любящая

М. Волконская

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 9 ноября 1829 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.:

Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 56—57.

20

Читинский острог. 9 ноября 1829 г.

Только что получила, милая Вера, письмо Ваше от 6 сентября, которое служит новым доказательством дружеского расположения ко мне. Милый друг, письмо это меня очень успокоило — я вижу, что Вы меня понимаете, я уверена, что Вы одобрили бы мое молчание, даже если бы я его и продолжила. Вспомните, что лишь уступая Вашим желаниям, я снова беру на себя поручения к Вам, и в этом мое извинение, если мои письма покажутся Вам странными. Ваше благорасположение ко мне убеждает меня в том, что Вы найдете в моих словах не мое личное желание повлиять на Ваше решение. Все, что Вы решите, будет в любом случае исполнением долга, потому что Вы поступаете в соответствии с велением души, а не побуждаемая к тому тем, что Вам пишут. Я Вам докажу, насколько я далека от мысли, что имею право проявлять инициативу в этом вопросе.

Милая Вера, если я могу дать Вам совет, то сообщите откровенно о своем решении, как и о причинах, по которым Вы его приняли.

Ваш муж поручил мне через Сергея передать Вам от него тысячи добрых слов. Он получил Ваше письмо от 6 сентября. Сейчас здоровье его хорошо. Он поправляется от ангины — Вы знаете, что у него бывают ангины. Они доставляют ему много страданий, но не опасны, лишь бы только он лечился, и на этом Вы должны настаивать. Он просит Вас, милый друг, передать его почтение Вашей матушке. Я отправляю это письмо в Новгород48 и очень рада, что знаю, наконец, где Вас найти. Прошу Вас сообщать мне свой адрес каждый раз, как Вы меняете место жительства, чтобы мои письма попадали прямо к Вам. Признаюсь, что мне неловко писать, когда они подвергаются предварительной семейной цензуре.

Тысячу раз благодарю Вас, милая Вера, за те труды, которые Вы на себя берете, чтобы выполнить мои поручения. Так трудно вынести окончательное решение в таких запутанных семейных отношениях, не выслушав обеих сторон. Я думаю, что мы обе поступим правильно, если не будем спешить в определении своего мнения. Тем не менее, милая Вера, сообщайте мне все, что узнаете. Мой муж питает такое уважение и такую искреннюю симпатию к тому, кому предстоят, быть может, новые и жестокие мучения, что сведения, которые Вы сообщите, будут интересовать его вдвойне.

Столь постоянный Ваш интерес к моему здоровью очень меня трогает, моя добрая и милая Вера. Я чувствую себя намного лучше, с тех пор как у меня душа спокойна. Заботы обожаемого моего Сергея возвращают меня к жизни. Мои боли в груди — нервного происхождения, а Вы знаете, как моральное состояние влияет на эти болезни, они проходят и вновь наступают с одинаковой легкостью. Ваша кузина чувствует себя хорошо, как и ее очаровательная девочка49. Напишите мне подробно о Кити, о Вере Вяземской50 и о моем добром дяде Петре. Прощайте, мой добрый друг, да хранит и да благословит Вас Господь.

Преданная Вам

М. Волконская

Муравьева А. Г. Письмо Муравьевой В. А., 18 ноября 1829 г. Чита // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 57—58.

21

Чита. 18 ноября 1829 г.

Не имея поручения писать Вам на этой неделе, милая кузина, я рада воспользоваться этим случаем и написать от себя, оправдаться и доказать Вам, что совершенно напрасно обвиняете Вы

меня в письме от 20 сентября, что я не интересуюсь Вами и отношу Вас к категории людей, которым пишу лишь по поручению и которых совершенно не знаю. Вы также сильно ошибаетесь, считая, что мне безразличны чувства, которые Вы ко мне питаете, и, главное, что я не понимаю Вашего положения. Я знаю, милая кузина, что Вы выстрадали за последние три года, и прекрасно понимаю, насколько жестокими были мои письма. Когда Вы получали от меня довольно пространные письма, в них не было ничего приятного. В последнее же время я Вам посылаю лишь сообщения о здоровье Вашего мужа, и это потому, что я дала себе слою никогда больше не писать от себя о Вашем приезде сюда. И я сдержу это слово. Я Вас этим мучила и слишком далеко зашла. Никогда, ни одной минуты не осуждала я Вас за решение остаться с детьми. На Вашем месте я поступила бы так же. Я уехала потому, что мне было на кого оставить детей моих. У меня нет состояния — ни в порядке, ни расстроенного, так что никакие дела не требовали моего присутствия в России. Но если бы будущее моих детей зависело от меня и если бы лишь устройством их дел я могла надеяться оставить им хоть небольшое состояние, я бы осталась, и ничто не заставило бы меня двинуться. Меня мало заботило бы мнение, которое могло бы сложиться у других о моем поведении. Господь воздаст Вам, ибо Вы несете крест много тяжелее нашего. Здоровье мужа Вашего хорошо, я никогда не буду обманывать Вас на этот счет. Если бы его здоровье изменилось, я бы сама написала об этом, даже не ожидая поручения. Он всегда был подвержен ангинам, и сейчас она временами бывает, но не чаще, чем раньше. Он не похудел, голова его поседела, но это со всеми нами случается, когда стареем, со мной первой, и я Вам ручаюсь, что у меня причиною тому не горе и не болезнь.

Я несколько раз писала Вашей золовке. Она может показать Вам эти письма. Я никогда не просила ее взять на себя заботу о Ваших детях, потому что, к счастию, Вы говорили со мной об этом предмете, и, зная Ваше мнение, я считаю волю матери слишком священной, чтобы позволить себе вмешиваться. Я сама, когда уезжала, сказала бедной моей матушке, что не хочу оставлять детей у нее, потому что из-за плохого здоровья она не сможет смотреть за ними как следует, а сестры мои слишком молоды51; с другой стороны, я была уверена, что свекровь сделает для детей больше, чем сделала бы я сама, и вообще только ее волю и только ее распоряжения будут знать девочки. И матушка не обижалась на меня за это ни одной минуты. Что касается до моего неоконченного письма о воспитании52, Вы понимаете, что я никогда бы не решилась вставить хоть слово от себя и, по правде говоря, я там ничего не поняла. Я очень глупа, как только встречается что-нибудь не совсем простое. Это для меня китайская грамота.

Я всегда узнаю с радостью, что моя сестра Софи общается с Вами. Говорю так не потому, что это моя сестра, а потому, что невозможно представить себе лучшей приятельницы, когда ты несчастна. И это не только благодаря ее мягкости и доброте, но и редкой уравновешенности.

Из-за пара, который стоит в комнате, мне придется бросить письмо и уйти. Прощайте же, моя добрая, милая кузина, нежно целую Вас и говорю в первый и последний раз, что люблю Вас сильно и по-настоящему. Я не буду повторять этого, потому что нет никого, кто бы хуже меня умел выразить нежность на бумаге и кто бы за это брался более неумело. Я воспитывалась в деревне* и совсем простая баба. Никита чувствует себя хорошо, целует Вам руку. Дочка и я чувствуем себя хорошо.

А. Муравьева

Волконская М. Н. Письмо Муравьевой В. А., 17 января 1830 г. Читинский острог // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 58—59.

Читинский острог, 17 января 1830 г.

Читинский острог. 17 января 1830 г.

Милая Вера, Ваш муж недавно получил Ваше письмо, столь решительное и столь трогательное одновременно. И вот я пишу для Вас его собственные слова, которые передал мне Сергей.

Вы легко можете представить себе, какое впечатление произвело на него Ваше письмо. В некотором отношении Вы не сказали ничего лишнего, понимая, что каждая строка будет копьем, мечом, который пронзит страданием его душу. Но не сомневайтесь в его нежности, разве он смог бы лишить Вас ее? Поверьте, что любовь его к Вам не может измениться, ибо это чувство стало одним из элементов его существования. Когда он решился настаивать на Вашем приезде, он думал, что Вы ждете лишь, чтобы он Вас позвал, что Вы сами того хотите. Из тех известий, что доходили до него, он узнавал, что вдали от него Вы таете на глазах. Ваш портрет послужил для него подтверждением этих мыслей, и душу его охватил смертельный ужас. Поэтому вполне естественно, что он счел своим долгом поддержать то, что он принял за собственное Ваше решение, и согласием своим устранить последние препятствия, Вас удерживавшие.

Теперь он просит передать Вам, милая Вера, что, выполняя свой материнский долг перед детьми, Вы исполняете самое сокровенное желание его сердца, хотя ему и тяжело пожертвовать всем, что у него есть самого дорогого в мире.

Вы пишете о правах его на Вас. Он их не признает, и даже если бы их имел, принял бы только то, что исходило бы от Вас добровольно, вследствие взаимной Вашей многолетней привязанности к нему, которую несчастье должно было укрепить еще более. Я повторяю, милая Вера, что ничто не может изменить чувств Артамона к Вам. Продолжайте писать ему со всею откровенностью и не скрывайте от него ничего. Если дети Вам дороги, то ему они тоже дороги, и письмо это — самое сильное доказательство его мужества, как и его самоотречения.

Я написала все, что мне было поручено, милая Вера, теперь позвольте добавить словечко в свою пользу. Не сомневайтесь, что без тех сведений, которые считала верными, никогда не решилась бы написать Вам свои предыдущие письма, совершенно невольно огорчив Вас и тем самым и себе причинив огорчения. Меня заверили, что от Вас самой слышали, что Вы ждете лишь твердого и решительного приглашения от мужа, чтобы покончить со всеми препятствиями, которые чинят Вашему отъезду родители, и чтобы приехать наконец. Я пишу лишь то, что меня просят написать, и всегда буду считать своим долгом быть как можно более точной в выполнении поручений, которые мне дают, оправдывать доверие тех, кто лишен — и навсегда — счастья общаться со своими родными. Одной я пишу, чтобы пригласить ее приехать сюда, другой — чтобы отсрочить отъезд, третьей — чтобы дать ей мужество не приезжать совсем, исполнить другие обязанности, которые лежат на ней. Я употребляю все свое красноречие, убеждая г-жу Юшневскую отложить свой отъезд, то же самое — чтобы заставить решиться г-жу Якушкину53 не покидать своих детей, а г-жу Розен54 настоятельно просят приехать зимой, не откладывая своего отъезда до лета, когда очень трудно путешествовать по Сибири. Сколько противоречий! Но можно ли судить о семейных отношениях, которые нам неизвестны? У каждого свой характер, свой взгляд на вещи и, главное, обстоятельства, более или менее горестные и затруднительные.

Не сердитесь же на меня больше, милый друг, не говорите, что мои письма Вас огорчают и подавляют. Господь мне свидетель, что я хотела лишь утешить. Он видит, как я Вас люблю, ценю и жалею. Прощайте, моя добрая Вера, сообщите мне о моей кузине Кити55. Что с ней? Неужели ее свекровь по-прежнему лишена всякой деликатности, всякого чувства? У меня нет никаких сведений о ее муже56 и я предполагаю, что он в большой беде и нужде. Это человек самого слабого здоровья, и он чувствует себя совершенно подавленным, как только у него возникает подозрение в сердечном расположении своих друзей. Кити следовало бы писать ему очень часто — она делала это весьма редко, когда он был здесь. И когда я думаю, что он, может быть, лишен там, как и в Чите, помощи родных, живет в нужде, то сердце мое сжимается.

Прощайте, моя добрая и бедная Вера, напрасно Вы на меня сердитесь, называете меня княгинею (Вы знаете, что у меня более нет этого титула57, и называете меня так, когда недовольны мною). Я всегда буду Вас любить.

Мария Волконская

Любарская Т. Г. Примечания: Письма М. Н. Волконской и А. Г. Муравьевой к В. А. Муравьевой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 59—61.

1 Муравьева (урожд. баронесса Колокольцева) Екатерина Федоровна (1771—1848), мать Никиты и Александра Михайловичей Муравьевых.

2 Муравьев Никита Михайлович (1795—1843), капитан Гвардейского генерального штаба, член Верховной думы Северного общества. Муж А. Г. Муравьевой (урожд. графини Чернышевой) (1804—1832).

3 В секретном всеподданнейшем докладе от 18 декабря 1826 г. министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына Николаю I сообщалось об исполнении изъявленной Императором воли «об учреждении в Тобольске перлюстрации для наблюдения за перепискою сосланных в Сибирь государственных преступников и их жен». К всеподданнейшему докладу на усмотрение Императора прилагалось специальное Положение об учреждении в Сибирском почтамте «под непосредственным надзором тамошнего почт-директора» секретной экспедиции для производства перлюстрации (ЦГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 237. Л. 61—62 об.). На докладе резолюция Николая I: «Быть по сему». Письма жен декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь, проходили также цензуру коменданта, канцелярии иркутского генерал-губернатора, III отделения.

4 А. Г. Муравьева имеет в виду своих детей, оставленных при отъезде в Сибирь на попечении родных. Неизвестно, о какой именно сестре говорится в письме: в 1828 г. вышли замуж и Софья Григорьевна Чернышева (1799—1847), и Елизавета Григорьевна Чернышева (1805—1858).

5 Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865), князь, генерал-майор, бригадный командир 19 пехотной дивизии, член Южного общества. Муж М. Н. Волконской (урожд. Раевской) (1805—1863).

6 О занятиях А. З. Муравьева медициной упоминается во многих воспоминаниях. См., в частности: А. Е. Розен. Записки декабриста. Иркутск. 1984. С. 261—263.

7 Давыдова (урожд. Потапова) Александра Ивановна (1802—1895), жена Василия Львовича Давыдова (1792—1855), члена Южного общества.

8 В. Л. Давыдов был сводным братом Николая Николаевича Раевского-старшего (1771—1829), отца М. Н. Волконской.

9 Канкрина (урожд. Муравьева) Екатерина Захаровна (1796—1879), графиня, сестра А. З. Муравьева.

10 Лепарский Станислав Романович (1754—1837), генерал-майор, комендант Нерчинских рудников и мест заключения декабристов в Чите и Петровском заводе. Через него посылались письма.

11 Муравьев Лев Артамонович (1823—1831). Сын А. З. и В. А. Муравьевых.

12 Двухлетний Николай (Николино) Волконский умер в январе 1828 г. в Петербурге в доме бабушки княгини Александры Николаевны Волконской.

13 Муравьева Е. Ф., свекровь А. Г. Муравьевой.

14 Имеется в виду смерть сына, оставленного вместе с двумя дочерьми А. Г. Муравьевой на попечение бабушки.

15 Чернышева (урожд. Квашнина-Самарина) Елизавета Петровна скончалась 16 февраля 1828 г. Об этом А. Г. Муравьева еще не знала.

16 Имеются в виду просьбы А. З. Муравьева, передаваемые через С. Г. Волконского. Женам дозволено было в Чите иметь с мужьями свидания дважды в неделю по одному часу в присутствии офицера.

17 Муравьев Александр Михайлович (1802—1853), корнет л.-гв. Кавалергардского полка, член Северного общества.

18 А. З. Муравьев.

19 Речь идет об А. Г. Муравьевой.

20 Е. З. Канкрина.

21 Фонвизина (урожд. Апухтина) Наталья Дмитриевна (1805—1869), жена Михаила Александровича Фонвизина (1787—1854), генерал-майора, члена Северного общества; приехала в Читу в марте 1828 г.

22 Муравьев Никита Артамонович (1820—1832), сын А. З. и В. А. Муравьевых.

23 Квашнина-Самарина Анна Петровна, фрейлина, с 1829 г. в отставке, сестра матери А. Г. Муравьевой.

24 Трубецкая (урожд. графиня Лаваль) Екатерина Ивановна (1800—1854), княгиня, жена князя Сергея Петровича Трубецкого (1790—1860), полковника, одного из руководителей Северного общества; приехала в Читинский острог в феврале 1827 г.

25 А. З. Муравьев привез в Благодатский рудник «портрет жены его, писанный на бумаге, за стеклом, оклеенный медью» (Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. Изд. 2-е, доп. М. 1977. С. 110).

26 Юшневская (урожд. Круликовская) Мария Казимировна (1790—1863), жена Алексея Петровича Юшневского (1786—1844), генерал-интенданта 2 армии, члена Южного общества. Ей разрешено было ехать в Сибирь 16 декабря 1828 г., приехала в августе 1830 г.

27 Митрополова Софья Ивановна, компаньонка В. А. Муравьевой.

28 А. Г. Муравьева имеет в виду перлюстрацию сибирских писем жен декабристов (см. прим. 3).

29 О тяжелом финансовом положении В. А. Муравьевой в это время см. в письме А. З. Муравьева Я. Д. Казимирскому от 27 августа (1845) (Сибирские письма декабристов. 1838—1850. Красноярск. 1987. С. 155—157).

30 Имеется в виду Е. З. Канкрина, на петербургский адрес которой длительное время шли письма, предназначенные В. А. Муравьевой.

31 Речь идет о сестре Шаховского Федора Петровича (1796—1829), князя, отставного майора Семеновского полка, члена Союза спасения и Союза благоденствия.

32 Барятинский Александр Петрович (1799—1844), князь, штаб-ротмистр, адъютант

32 Барятинский Александр Петрович (1799—1844), князь, штаб-ротмистр, адъютант Главнокомандующего 2 армии, член Южного общества.

33 Имеется в виду С. Р. Лепарский.

34 Муравьева Екатерина Никитична (1824—1870), дочь. А. Г. Муравьевой, оставленная на попечение бабушки Е. Ф. Муравьевой.

35 Е. И. Трубецкая, по поручению А. З. Муравьева также писавшая В. А. Муравьевой. Ее письма на французском языке хранятся в том же фонде Муравьева (ИРЛИ. Ф. 605). В отличие от писем М. Н. Волконской и А. Г. Муравьевой, они предельно лаконичны. Объясняется это тем, что Е. И. Трубецкая и В. А. Муравьева не были связаны близкими отношениями.

36 В рапорте Николаю I Лепарский просил «Всемилостивейшего соизволения на дарование прочим женам государственных преступников тех же прав, коими пользуется ныне Муравьева, в неразлучном соединении с мужем своим находящаяся, основанных на Высочайше утвержденных правилах». На рапорте Государь написал: «Я никогда не мешал им жить с мужьями, лишь бы была на то возможность». Как явствует из донесения коменданта от 1 июня 1829 года, высочайшая резолюция позволила ему разрешить всем женам декабристов иметь ежедневное свидание с их мужьями (Щеголев П. Е. Исторические этюды. СПб. 1913. С. 431).

37 М. К. Юшневская.

38 Согласно повелению Его Императорского Высочества Цесаревича Михаила Павловича (1798—1845) подольскому губернатору от 4 января 1829 г., М. К. Юшневской было объявлено о Высочайше утвержденных правилах для жен сосланных в Сибирь «государственных преступников», желающих ехать к своим мужьям, и выдан паспорт. См.: Декабристы. Материалы для характеристики. Под ред. П. М. Головачева. М. 1907. С. 49. Юшневской не разрешили взять с собой дочь от первого брака.

39 Юшневский Семен Петрович (1801 — после 1844), чиновник интендантства 2 армии, член Южного общества, брат декабриста А. П. Юшневского. Был заключен в Петропавловскую крепость, по отбытии заключения уволен от службы с установлением секретного надзора.

40 Лихарева (урожд. Бороздина) Екатерина Андреевна, жена Владимира Николаевича Лихарева (1803—1840), подпоручика квартирмейстерской части, члена Южного общества.

41 Давыдов Петр Львович (1782—1842), генерал-майор.

42 17 сентября (по ст. ст.) — день ангела В. А. Муравьевой.

43 Письмо адресовано было родственнику Фаленберга Петра Ивановича (1791—1873), подполковника квартирмейстерской части, члена Южного общества, находившегося в Читинском остроге.

44 Фаленберг (урожд. Раевская) Евдокия Васильевна (1803—1857), жена П. И. Фаленберга.

45 Кругликова (урожд. графиня Чернышева) Софья Григорьевна (1799—1847), сестра А. Г. Муравьевой.

46 Возможно, имеются в виду Чертковы, родственники А. Г. Муравьевой по сестре Чертковой (урожд. графини Чернышевой) Елизавете Григорьевне (1805—1858).

47 В письме к В. А. Муравьевой от 24 января 1830 г. М. Н. Волконская писала: «Главное заверьте Федора Ивановича (брата П. И. Фаленберга — Т. Л.), что брат его не думает и никогда даже ему в голову не приходила мысль пригласить Евдокию (жену П. И. Фаленберга — Т. Л.)

сюда. Все, чего он желает — получить письмецо, написанное ее рукою, изредка иметь о ней вести и знать, что она счастлива и спокойна. Этого я так и не смогла объяснить моей так называемой тетушке Раевской, которая совершенно мне не родственница, но однофамилица. Чтобы войти к ней в милость, я называю Фаленберга своим кузеном, но — увы! Я получаю лишь весьма малолюбезные письма от этой дамы» (ИРЛИ. Ф. 605. Ед. хр. 70. Л. 8).

48 Под Новгородом находилось имение Теребони, принадлежавшее А. З. Муравьевой.

49 Ноно, Ноннушка — Муравьева (в замуж. Бибикова) Софья Никитична (1829—1892), дочь А. Г. и Н. М. Муравьевых. Родилась в Чите.

50 По всей вероятности, речь идет о княгине Вере Федоровне Вяземской (1790—1886), жене поэта Петра Андреевича Вяземского (1792—1878).

51 Кроме упомянутых С. Г. Кругликовой и Е. Г. Чертковой, у А. Г. Муравьевой было еще три сестры: Муравьева-Карская Наталья Григорьевна (1806—1888); графиня Пален Вера Григорьевна (1808—1880); княгиня Долгорукова Надежда Григорьевна (1813 — не ранее 1854).

52 Имеется в виду письмо от 9 сентября 1829 г. Скорее всего написано оно под диктовку А. З. Муравьева. В нем излагаются его взгляды на домашнее обучение детей, «его мнение о способе воспитания, который он считает наилучшим» и которому предлагает следовать жене (ИРЛИ. Ф. 605. Ед. хр. 75. Л. 45—48).

53 Якушкина (урожд. Шереметева) Анастасия Васильевна (1807—1846), жена Ивана Дмитриевича Якушкина (1793—1857), отставного капитана л.-гв. Семеновского полка, члена Северного общества.

54 Розен (урожд. Малиновская) Анна Васильевна (1797—1883), баронесса, жена барона Андрея Евгеньевича Розена (1799—1884), поручика л.-гв. Финляндского полка, участника восстания на Сенатской площади.

55 Имеется в виду Е. А. Лихарева.

56 В. Н. Лихарев находился в Чите до окончания срока каторжных работ. С апреля 1828 г. — на поселении в г. Кондинске Тобольской губ.

57 В подписке, предложенной М. Н. Волконской иркутским губернатором, значилось: «Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, сделается естественно причастной его судьбе и потеряет прежнее звание...» (Записки княгини Марии Николаевны Волконской. С предисловием и приложениями издателя князя М. С. Волконского. СПб. 1904. С. 38).

Публикация Т. Г. ЛЮБАРСКОЙ

Письмо С. Н. Раевской к Е. Н. Орловой

Раевская С. Н. Письмо Орловой Е. Н., 20 августа (1863 г.) / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 61—64.

Софья Николаевна Раевская (1807—1881) — младшая дочь генерала Н. Н. Раевского. После того, как ее братья Александр и Николай были оправданы по делу 14 декабря 1825 г., Софья была пожалована во фрейлины. В 1835 г. она вместе с матерью и сестрой Еленой (1803—1852), тоже не вышедшей замуж, уехала в Италию. Получив свою долю наследства после смерти отца в 1829 г. и в 1852 г. став наследницей скончавшейся Елены, Софья Николаевна одиноко жила в

своем имении Сунки Черкассого уезда Киевской губернии, неподалеку от имения Смела Бобринских. Она выписывала русские и иностранные журналы, с интересом обсуждала в своих письмах текущие политические события в России и Европе; особенно ее занимали подготовка и проведение крестьянской реформы. В Москве и Петербурге Софья Николаевна бывала очень редко. Почти все 420 ее писем к старшей сестре Екатерине Николаевне Орловой (1796—1885) написаны из Сунков. Разобравшись в хозяйственных делах и расплатившись с долгами по имению, Софья Николаевна охотно помогала деньгами старшей сестре, что было непросто из-за болезненного самолюбия Екатерины Николаевны. Судя по письмам, Софья Николаевна относилась к сестре с большим вниманием и нежностью, разделяя все ее заботы и переживания, вникая в каждую мелочь, касающуюся слабеющего здоровья Екатерины Николаевны. В публикуемом письме Софья Николаевна сообщает обстоятельства кончины их сестры Марии Николаевны Волконской.

Автограф письма на французском языке хранится в ОР ГЛМ (Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 152). Слова, написанные по-русски, выделены курсивом; авторские подчеркивания сохраняются.

***

Я говорила тебе в одном из писем, что с наступленьем лета Маша1 не набралась сил настолько, чтобы семейство ее успокоилось, и что как ради нее, так и ради Кочубея2 решено было ехать осенью за границу.

В конце июня Нелли3 должна была навестить старого дядюшку своего мужа, но не могла решиться оставить мать одну (с Сережей4 и четой Поджио5) и рассудила взять ее с собою. Ехать надобно было верст за 100 по хорошей дороге. Маше очень понравилась такая идея, и приехавши в Кунчевку к старику Кочубею, она прекрасно себя чувствовала. Так как при доме есть церковь, она воспользовалась случаем, чтобы причаститься, чего не могла сделать зимою. Она очень любила фрукты, ей предложили тарелку вишни, которую она съела целиком. Это расстроило ей желудок, она сделалась больна. Когда немного полегчало, она вернулась в Воронки, там появилась желудочная болезнь с жестокими болями в желудке и задержаньем урины, от чего она ужасно страдала. Привезли доктора из Киева, да и Фишер оставался в Воронках. Она была так плоха, что объявили, будто она проживет не больше одного дня. Однако наступило легкое улучшение, вновь появилась надежда, и я приехала как раз в тот момент. Миша6 был там уже с неделю. Я сказала тебе, что нашла ее сильно ослабевшею, она не могла повернуться в постели, ее мучила лихорадка, коей припадки бывали по два раза с вечера до утра, с несколькими часами передышки днем. Пульс постоянно был 120 и более, от каждого прикосновенья она принималась кричать, так велика была ее худоба, а от того и чувствительность нервов. Доктор, приехавший из Киева, был не тот, что всегда ее лечил, последний не приехал. Однако он внушил ей большое доверие и добился, чтоб она 4 дня принимала хинин, в надежде унять лихорадку, которая ее изводила. Продержавши ее на строгой диете, ей позволили есть все, что она пожелает, чтобы набраться немного сил.

Хинин, к которому она питала отвращенье, ничуть не унял лихорадку и вызывал у ней ужасное нервное возбуждение. Когда на 4-й день оный отменили, она была счастлива. Фишер был против этого лекарства, по справедливости говоря, что лихорадка была симптоматическая и происходила от какого-то больного органа, но что он не может с уверенностью определить, какого именно. Покуда она принимала хинин, мы вообразили, что она понемножку набирается сил, но это была ошибка, с каждым днем пульс ее слабел, и вскоре мы заметили, что стали убывать и те немногие силы, которые у ней были. Она часто просила есть и хотела всего, но пожевавши чего-нибудь, откладывала на тарелку и по сути проглатывала лишь несколько ложек супу. Когда она забывалась в дремоте, ведь она почти не спала, у ней появлялась мысль о смерти, и она обращалась к Христу и Богоматери. Очнувшись, она надеялась оправиться от болезни, хотя иной раз падала духом. Она все просила, чтоб ее перевезли в Киев, будучи убеждена, что причиною так мучившей ее лихорадки был воздух в Воронках, и просила об этом до последнего вздоха! Невозможно было уверить ее, что ей следует набраться сил, чтобы можно было ее перевезти.

Доктора говорили, что это вещь невыполнимая. Скоро мы поняли, что надежды больше нет и что она скончается внезапно или протянет еще какое-то время. Голова ее стала слабеть, она все чаще заговаривалась даже с открытыми глазами, притом узнавала всех, в последние дни у ней бывало удушье, т. е. ей не хватало дыханья, потом припадки кашля с очень затрудненным отделеньем мокроты, наконец мокрота подступила к горлу и не давала ей дышать, наступил паралич легких. Это было не очень долго, но неотступно. Воспользовавшись минутою передышки, ее приобщили Святых Таин, она, казалось, поняла это, потом два раза глубоко вздохнула, и все было кончено.

Ее дети на возражали, и по желанию Фишера и моему он сделал вскрытие и нашел, что легкие совершенно здоровы, но легочная оболочка срослась вследствие воспалений, с чем она могла бы долго прожить; небольшое расширение в бронхах без важных последствий; сердце с очень легким уплотнением одного предсердия, зато печень перекрывала желудок, была полностью разрушена, а желудок испорчен. Еще 4 года тому назад Фишер, которому Маша позволила расспросить и осмотреть себя, сказал ей, что ее болезнь от печени и органов пищеваренья. Маша была так уверена, что у ней грудная болезнь, что возмутившись невежеством Фишера, обходилась с ним, как с болтуном, невзлюбила его и более не желала слушать. Фишер говорил: “Я знаю и пользовал все ее семейство, по цвету лица и расположению духа я убежден, что она страдает печенью, как и все Раевские”. Если бы Маша его послушала, то продлила бы свои дни.

Она очень дорожила жизнью из огромной любви к детям и потому всегда верила, что сможет выздороветь. Она очень хотела, чтобы приехали Сергей Григорьевич7 и невестка8. Сын ходил за ней с восхитительной нежностью, он оплакивал ее и сожалел об ней, как я оплакивала и сожалела о дорогом батюшке9. Он и принял ее последний вздох, я же не могла вынести сего зрелища и оставалась в соседней комнате.

Он сидел возле нее до 2 ч. утра, а я приходила в пять. Потом мы уже не осмеливались оставлять ее на 3 часа с горничною, и я стала приходить в 3 часа утра. После трех дней у меня не стало сил, и меня заменила г-жа Поджио, я же приходила в 6 и весь день была возле нее. Никто не мог лучше меня поправить подушки и поднять ее, и это меня изнурило, под конец это делал Миша, так как у меня уже не было сил. Я счастлива, что смогла быть полезною всем им, счастлива, что дала дорогой Маше это последнее доказательство любви и преданности. Но признаюсь, много раз я сожалела, что не могу сбежать, и говорила себе: “Не довольно ль того, что я видела, как умирали батюшка и матушка10, разве у Маши нет детей, чтоб исполнить сей долг?” Радость и счастие не для меня, моей участью всегда, видно, будут горе и печаль! Я сказала Мише и Нелли, которые очень мне благодарны: “Вы меня помните всегда в горести, не забывайте меня в радости!”

Нелли выказывает большую силу духа, чтобы не поддаваться горю из боязни причинить вред ребенку11. Она говорит: “Когда подниму его, тогда наплачусь вволю”. Маша похоронена в Воронках возле своего внука Кочубея12. Кочубеи собираются покинуть Воронки, несколько дней проведут у меня и отправятся на Дунай. Страданья сделали Машу очень раздражительною, за ней было трудно ходить. У ней было отвращенье к лекарствам, она не хотела их принимать. В те минуты, как ее нервы успокаивались, а страданья уменьшались, она снова становилась нежна и добра. Она часто называла тебя в бреду. Однажды она сказала: “Папа мой родной, ты за мною пришел!”

Вот пока все, что я могу припомнить, мои воспоминания так мучительны и печальны, что мне стоит труда об них распространяться.

Сего 20 августа

, (1863 г.) Сунки

Дорогая моя Катенька, вот уже 3 дня, как я вернулась, но я еще не опомнилась. Чувствую в себе гнетущую апатию. Приехавши, я обнаружила здесь пакет с дневником Ностица и фотографиями

моей бедной Сашок13! Машина болезнь была так изнурительна, ее смерть так мучительно на меня подействовала, что когда прошел первый момент, я уже об Сашеньке не думала. Эти письма и фотографии глубоко потрясли меня, а мысли об ней и печальное возвращение домой лишили последних сил. Узнавши о моем приезде, кузина14 тотчас навестила меня, я очень тронута таким знаком сочувствия и привязанности.

Я сообщила тебе подробности о Маше на отдельном листке, чтобы ты выбрала удобный момент для чтения. Нелли передала для тебя изображение Иерусалима на перламутре, которое очень любила ее мать, я добавила к оному одну половину шелкового платка, который Маша разрезала надвое, другую половину я оставила себе. С нее с мертвой сделали фотографию, мне обещали один экземпляр. Ты будешь поражена, как она походит верхнею частью лица на батюшку, а ртом на матушку. От худобы черты ее заострились, смерть довершила остальное. Твои письма, которые я рассчитывала найти здесь, были мне отправлены в Воронки, и нарочный еще не вернулся, что очень досадно! Я знаю, что Александр15 уехал по телеграмме, посланной в Болтышку16. А как ты себя чувствуешь? Теперь лишь нам двоим остается любить друг друга, дражайшая моя Катенька, да хранит тебя Господь, покуда я жива! Прощай, целую тебя тысячу раз. Если хочешь знать другие подробности о Маше, задай мне вопросы, теперь же голова моя пуста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Волконская Мария Николаевна.

2 Кочубей Николай Аркадьевич (1827—1865), муж Е. С. Кочубей.

3 Кочубей Елена Сергеевна (1835—1916), “Нелли”, дочь М. Н. и С. Г. Волконских; в 1-м браке была за Д. В. Молчановым, во 2-м — за Н. А. Кочубеем, в 3-м — за А. А. Рахмановым.

4 Молчанов Сергей Дмитриевич (1853—1905), сын Е. С. Кочубей от 1-го брака.

5 Поджио Александр Викторович (1798—1873), отставной подполковник, декабрист. С 1861 г. управлял имением С. Д. Молчанова — Шуколово Дмитровского у. Московской губ. С июня 1862 г. до осени 1863 г. жил в имении Н. А. Кочубея Воронки Козелецкого у. Черниговской губ. Умер и похоронен также в Воронках. Его жена — Поджио (урожд. Смирнова) Лариса Андреевна (1823—1892).

6 Волконский Михаил Сергеевич (1832—1909), князь, сын М. Н. и С. Г. Волконских. Обер-гофмейстер, статс-секретарь, член Государственного Совета, сенатор.

7 Волконский Сергей Григорьевич. В августе 1863 г. находился в имении своей невестки — Фалль Ревельского у. Эстляндской губ.

8 Волконская (урожд. светлейшая княжна Волконская) Елизавета Григорьевна (1838—1897), княгиня. Жена князя М. С. Волконского, внучка графа А. Х. Бенкендорфа.

9 Раевский Николай Николаевич (1772—1829), генерал от кавалерии, член Государственного Совета.

10 Раевская (урожд. Константинова) Софья Алексеевна (1769—1844), мать Е. Н. Орловой, М. Н. Волконской и С. Н. Раевской. Внучка М. В. Ломоносова.

11 Кочубей Михаил Николаевич (5 января 1863 — после 1900).

12 Кочубей Александр Николаевич (1859—1861).

13 Графиня А. А. Ностиц (урожд. Раевская), “Сашок”, скончалась 17 июля 1863 г. в Баден-

Бадене. В письме к родственникам жены граф И. Г. Ностиц подробно, день за днем, описал ее болезнь и смерть. Возможно, С. Н. Раевская получила копию с этого письма.

14 Бобринская Софья Александровна, графиня.

15 Раевский Александр Николаевич (1795—1868), камергер, отставной полковник.

16 Село Болтышка Чигиринского у. Киевской губ. — имение А. Н. Раевского.

Публикация и перевод Е. Л. ЯЦЕНКО

Письмо В. Н. Репниной к В. А. Репниной

Репнина В. Н. Письмо Репниной-Волконской В. А., 23 декабря 1831 г. / Публ., пер. [вступ. ст. и примеч.] Е. Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 64—71.

Варвара Николаевна Репнина (1808—1891) родилась в Москве, в лефортовском доме своего деда графа Алексея Кирилловича Разумовского (1748—1822). Ее родителями были князь Николай Григорьевич Репнин-Волконский (1778—1845) и Варвара Алексеевна (1778—1864), урожденная Разумовская. Княжна Варвара (Varette) воспитывалась дома, гувернантки и приглашенные учителя обучали ее русскому и иностранным языкам, истории, географии, арифметике, зоологии, танцам, музыке, рисованию. Закону Божьему ее учила сама княгиня Варвара Алексеевна. В октябре 1828 г. княжна Варвара была пожалована фрейлиной Императрицы Александры Федоровны. Как видно из публикуемого письма княжны Варвары к матери, написанного на французском языке, в это время она часто бывала на балах в Зимнем дворце и в домах своих родственников, но не очень веселилась на этих балах по сравнению с полтавскими, где как дочь генерал-губернатора Малороссии имела много кавалеров. По воспоминаниям Б. Н. Чичерина*, в эти годы княжна Варвара и поручик Лев Абрамович Баратынский (1806—1858), адъютант князя Николая Григорьевича, были влюблены друг в друга, но мать, Варвара Алексеевна, воспротивилась их браку, считая Баратынского недостаточно знатным. Он остался холостым, а Варвара так и не вышла замуж.

Проведя 1835—1839 гг. заграницей, в Германии, Швейцарии, Италии, княжна Варвара познакомилась с Н. В. Гоголем и впоследствии переписывалась с ним. Она присутствовала при чтении Гоголем “Ревизора” и “Записок сумасшедшего”, первую и вторую (не до конца) главы которых перевела на французский язык*. В 1843 г., живя в Малороссии, она познакомилась с Т. Г. Шевченко, который был принят в доме ее родителей, летом 1844 г. жил у них и написал портреты некоторых членов семьи Репниных. Княжна Варвара переписывалась с Шевченко, принимала дружеское участие в его судьбе, способствовала подписке на серию его гравюр “Живописная Украина”, которую Шевченко задумал для выкупа своих братьев из крепостного состояния.

В 50-ых годах княжна Варвара поселилась в Москве, где была всеми уважаема за доброту и отзывчивость. Будучи очень религиозной, она занималась благотворительностью, помогала бедным деньгами, хлопотала о несчастных, обращавшихся к ней за помощью в своих тяжбах. Всякая нужда, всякое горе были близки Варваре Николаевне; она открыла приют для бедных женщин в Петровском парке; она жалела арестантов и вязала для них шерстяные шапочки, чтобы зимой не мерзли их обритые головы.

Княжна Варвара была знакома с П. И. Бартеневым и в 1870—1890-х годах печатала свои заметки в “Русском Архиве”. Там же частично напечатаны ее воспоминания за 1814—1839 г., написанные на французском языке в 1880-е годы и посвященные ее внучатой племяннице

Елизавете Николаевне Орловой (1861—1940) Русский Архив. 1897. Тетр. 7 (РО ГЛМ. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 15—18). Иногда княжна Варвара печаталась под псевдонимом Лизварская (соединение имен младшей сестры Лизы и собственного). Этот псевдоним возник от названия Лизвар — так

княжна Варвара с сестрой Лизой назвали участок земли, который князь Николай Григорьевич выделил им в 1833 г. в Яготине Пирятинского уезда Черниговской губернии — наследственном имении их матери.

В конце жизни средства Варвары Николаевны были весьма скудны. Ее родственники ежемесячно присылали ей определенную сумму, которая почти вся переходила в руки бедняков. Жила она на Спиридоньевке; двор перед ее квартирой был полон бедными и нищими, что не нравилось хозяину дома, и он отказал ей в квартире. Княжна Варвара переехала на другую квартиру в один из ближайших переулков, но и во дворе новой квартиры наблюдалась та же картина. Ироничный муж ее племянницы, сын декабриста Николай Михайлович Орлов (1822—1886) говорил об этом: “Tante Varette fait de la vertu un vice”* С 1889 г. княжна Варвара жила в семье Орловых. Она скончалась на восемьдесят четвертом году жизни и была похоронена в Алексеевском женском монастыре.

Автограф письма хранится в РО ГЛМ (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 39). Слова, написанные по-русски, выделены курсивом.

***

Петербург, 23 декабря 1831 г.

Милая и добрая маменька!

Представь себе, что с субботы я не нашла ни минуты, чтобы тебе написать. Отослав свое письмо, я ездила с Сашенькой2 и ее мужем3 к бабушке4. Вернувшись домой, мы пообедали, и почти сразу после обеда я принялась одеваться, потому что моя тетушка Васильчикова5, которая должна была везти меня на бал, вернее, мои кузины6 прислали мне сказать, чтобы я была у них в 6 часов, чтобы они успели меня причесать. Я оделась у Сашеньки, она любезно одолжила мне фермуар, который Государь7 подарил ей на крестины Вареньки8. Ах, как я скучала на балу! Перед тем, как туда ехать, еще будучи у Васильчиковых, глаза мои дважды наполнялись слезами — так мне было грустно. Мои кузины, по крайней мере, Соня заметила мой сплин, и поскольку она добрейшая девушка, то она его поняла. Кроме меня и трех своих дочерей, тетушка сопровождала на этот бал еще двух девиц фрейлин Бороздиных9. Они приехали к тетушке, там я с ними познакомилась. Они совершенно мне не понравились, думаю, что и они того же обо мне мнения.

Дядя Дмитрий10 посадил с собой Лизу, тетя — Катеньку и меня, Соня была в карете девиц Бороздиных. Мы приехали прямо к моей бабушке Загряжской11, потому что тетя Адель должна была там причесываться. Бал был блестящий, но я там не веселилась. Я танцевала одну французскую кадриль с Базилем Кочубеем12, а другую с князем Долгоруковым13, женатым на Сен-При (я подозреваю, что сей кавалер был приведен для моей тетки Александрины Васильчиковой), один вальс с Кутузовым, а другой с князем Алексеем Салтыковым14. При выборе во время танцев я один раз танцевала с братом Васенькой15, один раз со Стенбоком16 и один раз со Смирновым17. Мы возвратились только в половине пятого. Тетушка по доброте своей отвезла меня.

За Катенькой чрезвычайно ухаживают. Невозможно выразить, как она довольна и счастлива быть на балу. Ее нельзя упрекнуть в кокетстве, нет, но в крайнем легкомыслии и ветрености — как она отличается от Сони! Когда мои старшие кузины заканчивали свой туалет, их отец вошел в комнату и, обращаясь к Лизе, посетовал, что Катенька, которую он только что видел, снова очень декольтирована. Он выходит и входит их мать: “До чего папа невыносим со своим декольте, он снова бранит Катенькино платье. Пойди, Лиза, взгляни и скажи ему свое мнение”.

Лиза взглянула и нашла, что хотя Катенька более декольтирована, чем она сама, но меньше, чем обычно. Она пошла и сказала об этом отцу. Родители постоянно из-за нее спорят. Один, быть может, излишне строг и суров, но это хороший недостаток, другая же балует Катеньку

немыслимым образом. Я очень рада, что у Васеньки прошла фантазия в отношении ее, он достоин чего-то лучшего, чем просто жена с милым личиком.

На балу единственные дамы, привлекшие мое внимание, это: г-жа Пушкина18, жена поэта — она в самом деле великолепна, я предпочитаю ее графине Завадовской19; а еще девицы Рибопьер20. Ах, маменька, какие очаровательные особы, какие прелестные лица, особенно их выражение — соединение живости и кротости, и притом какой тон, сколько достоинства, я никогда не видала подобного комильфо. Они очаровательны! Можно быть красивее, особенно чем младшая, но нельзя быть привлекательнее. Чем больше на них смотришь, тем больше хочется их видеть. Если бы я была мужчиной, думаю, влюбилась бы в них, едва увидав. Все в один голос ими восхищаются, и молодые, и старые от них в восторге. Как жаль, что они Рибопьер, а не русской фамилии. Не знаю, какое впечатление произвели они на Васеньку. Я не намерена делиться с ним своим восторгом. Когда он сделает выбор, я смогу ему сказать, что думаю о той особе, но я хочу избежать риска вскружить ему голову на чей-то счет.

На балу я увидала много новых лиц, как мужчин, так и женщин. Есть несколько девиц, которые выезжают в свет этой зимой. В толпе я заметила только княжну Гагарину — одну из дочерей того, кто перерезал себе горло. Она (1 сл. нрзб.), но очень хорошенькая, хотя весьма манерна и кокетлива, она мне совсем не понравилась.

Столько наговоров про других, пора рассказать и о себе. Слава Богу, я так скучала, что была степенна и даже молчалива и не отмечена ни в хорошем, ни в дурном. Этого я и желаю, особенно когда нахожусь дома и пишу к тебе, так как хотя я стала рассудительнее, чем прежде, но в свете желание нравиться не совсем меня покинуло. Слава Богу, опять же, что благодаря небольшому ко мне вниманию свет не кружит мне голову и находит меня довольно спокойной. Я гораздо больше боюсь общества близких знакомых, где не стесняюсь и легче выказываю свой характер.

На балу многие особы расспрашивали меня о тебе, но с особым усердием графиня Лаваль21 и графиня Строганова-Дега22! Это тот самый случай, когда пословица лжет, говоря, что “свой своего ищет”. Г-н Багреев23 подходил ко мне на минуту. Один польский я танцевала с г-ном Ло(н)гиновым24. Он сказал, что Мицкевич повышен в чине, что для Ломана Государь отказался это сделать, что у него, однако, есть небольшая надежда, но если Государь будет настаивать на отказе, то Ломан получит подарок; тем не менее он может носить мундир Института25. Вот что сказал мне Ло(н)гинов.

На другой день после бала я встала в 10 часов, и пришлось заняться новым туалетом, чтобы ехать к бабушке, которая повела меня к Государыне26. Из Дворца я возвратилась лишь во втором часу. Я спешила вернуться: бабушка сообщила мне о твоем письме, и я надеялась, что тоже получу письмо от тебя. Возвратившись домой, я нашла у Сашеньки г-на Мертенса27. Вскоре мне его принесли — твое письмо, за которое тысячу раз тебя благодарю. Продолжай, милая маменька, писать мне то, что ты называешь проповедями, я ценю все их значение, и они очень мне нужны, это лучшая узда, чтобы удержать меня на краю пропасти. Прочитав твое письмо и немного побеседовав с г-ном Мертенсом, я переоделась и опять поехала во Дворец. Обедала я у бабушки с княжной Варварой28 и моими кузенами Волконским29. Г-жа (фам. нрзб.) любезно сопровождала меня повсюду во Дворце, потому что м-ль Фабр30 причастилась, она весь тот день провела у своей кузины. Я была этому очень рада, так как она очень мало ее видит. В половине седьмого я простилась с бабушкой, она отправила меня в своей карете с Василиной. Одну минуту я видела у нее Васеньку — он дежурил в Эрмитаже. Остаток вечера я провела с Сашенькой.

На другой день, в понедельник, едва проснувшись, мы принимали м-ль Галли, а потом, кажется, портного. Это был Варенькин31 день рождения. Я пошла ее поздравить и принесла ей несколько игрушек. Когда она заснула, Сашенька отправилась покупать игрушки, чтобы устроить детям

игрушек. Когда она заснула, Сашенька отправилась покупать игрушки, чтобы устроить детям Рождественскую елку, я ее сопровождала. По возвращении домой пришлось заняться туалетом: к обеду были г-жа Дурново с мужем32, дядя Пьер33, дядя Никита34, Алина с мужем35, оба кузена Волконские, Васенька, Григорий Кушелев36, княгиня Лобанова37. М-ль Фабр не обедала внизу, она сослалась на головную боль и ограничилась супом и кусочком мяса. Моим кавалером был Дмитрий, и за обедом я сидела между ним и Полем Дурново, который кажется мне милейшим молодым человеком, мы прекрасно ладим.

Алина принесла с собой серебряную парюру, какие нынче очень в моде. Она попросила свою свекровь устроить лотерею. Это принадлежало г-ну Рихману, который, между прочим, получил пенсию в 500 руб. Алина, впрочем, сказала, что эта парюра назначается к продаже и что каждый предмет можно приобрести отдельно. Поскольку мне совершенно необходимо оригинальное украшение, я купила серьги, которые стоили 35 руб. Граф Григорий купил цепочку, которую я нашла очень красивой, но слишком дорогой, думаю, она стоит 95 руб. Дядя Пьер покупает и дарит мне бывшую там пряжку для пояса, а дядя Никита, не желая отставать, поспешил последовать столь прекрасному примеру и подарил мне пару браслетов. Итак, вся парюра продана, и Алина в восторге, что так хорошо исполнила порученное ей дело. И вдруг граф Григорий, увидав, что вся парюра у меня, подходит ко мне перед всеми и говорит: “Цепочка одна плачет”. После некоторого сопротивления я принуждена была принять ее. Алина, Александр Кушелев38 и даже строгая Сашенька говорили, что у меня нет причины отказываться от этого подарка, что в конце концов Григорий Кушелев мне вроде зятя. Обед был довольно веселый. Разумеется, все меня поддразнивали, особенно мои дядюшки и Поль Дурново. Я защищалась. Та знаешь, что в этом я не отстаю, но мне, однако, кажется, что я не перешла дозволенных границ, кроме некоторых шуток и (1 сл. нрзб.) о моих дядюшке и тетушке Робер.

Вечер того дня я провела у бабушки Загряжской, я там еще не была и знала, что она этим обижена. У бабушки были только мужчины. На минутку заезжала графиня Анна Толстая рожденная Перовская39. Васенька тоже приезжал, а вечер закончил у Булгаковых40. Тетушка Кочубей41, приняв ванну, не спустилась вниз, мы поднялись к ней: тетя Адель, Соня, Катенька и я. Лиза с нами не пошла. Там мы видели Демьяна Кочубея42, который вскоре ушел, еще г-на Багреева и моего дядю Алексея Васильчикова43. Дядюшка и тетушка Кочубей были очень любезны со мной. И снова увидала м-ль Аколышникову. Проведя у тети один час, мы спустились вниз и сели ужинать. Пока мы ужинали, на горизонте возник Базиль Кочубей. Я нахожу, что он меньше рисуется, чем прежде, но порядочный повеса.

В начале вечера мы сидели вокруг столика: оба Васильчиковы44, Васенька и я. Не знаю, как, но разговор зашел о набожности. Васенька заявляет, что в Великий пост будет говеть у Васильчиковых, как и прошлый год. В прошлый пост он исповедовался вовсе не у нашего духовника, а у духовника Васильчиковых. Катенька смеялась, говоря о том времени, она заявила, что было очень забавно, когда дядя Дмитрий и Васенька делали столько глупостей и тому подобного. Конечно, во всем, что она говорила, было много выдумки, но я нахожу, что не следует с такой легкостью говорить о столь серьезном деле. Молодому же человеку особенно нет надобности получать примеры такого рода. (След, предложение нрзб.) Я не постеснялась сказать Катеньке, что возмущена и даже не понимаю, как можно шутить о столь важном предмете. Я говорю тебе все это для того, чтобы ко времени Великого поста ты, так или иначе, добилась от Васеньки, чтобы он говел со мной. Если ты ему скажешь, что для тебя важно, чтобы твои дети говели вместе, то он, как добрый сын, это сделает. Но ради Бога, пусть он не догадывается, что я передала тебе этот разговор. Это могло бы настроить его против меня, и я буду в отчаянии, потому что с каждым днем люблю его все больше. Ты желаешь, чтобы мы с ним видались как можно чаще. Я очень бы этого хотела, но не получается.

Вчера утром я принимала Катерину Ивановну Дорофееву, прежнюю экономку Института, которая приехала сюда с интендантом из Батурина45, служащим на почте. Потом я бегала по магазинам с м-ль Фабр, чтобы хотя бы частично исполнить твои поручения. Я хотела отослать тебе все, но, к сожалению, это будет возможно только в субботу. Из лавок я вернулась к

Сашеньке, и мы поехали — м-ль Фабр, она с мужем и я — к бабушке, которая причастилась. Она непременно пожелала говеть. У бабушки были княгиня Лобанова с детьми и Алина с мужем. Мы осмотрели фарфоровую и хрустальную посуду, выставленную в одной из зал Дворца, это новогодние подарки, которые Государь предназначает разным особам. Мы вернулись к бабушке, а оттуда княгиня Лобанова, м-ль Фабр и я поехали к Олениным46. Нас не приняли, потому что они обедали. Княгиня Лобанова с детьми обедали у Сашеньки, а после обеда мы занялись приготовлениями к Рождественской елке.

Затем м-ль Фабр, княгиня и я провели вечер у Олениных. Мы застали там довольно большое общество. Там пели. Григорий Волконский собирался туда приехать, но сильно запоздал, потому что Государыня вызвала его к себе, чтобы послушать. Вечер прошел очень хорошо. Я была вполне благоразумна, но эта заслуга принадлежит не мне, а тому месту, где я сидела, — я почти все время была с дамами. Я видела Полетику47, который был очень рад меня увидать. Еще там были: Мейендорф48 с женой и свояченицей, это прелестные особы, особенно последняя — она некрасива, но любезна и комильфо; г-жа Шевич49 с дочерью и сыном; княгиня Одоевская50 с какой-то девицей; г-н Краевский51; г-н Веневитинов52 — брат того, который, говорят, умер от любви к моей тетушке Зинаиде53; два князя Салтыкова с княгиней; Стенбок54 — офицер-конногвардеец; оба молодых Соллогуба55; Мальцов56; Дмитрий и Григорий; Васенька, которого я видела только там, если бы я туда не приехала, то день прошел бы без встречи с ним; еще некоторые особы мне не известные. Некоторые остались ужинать, другие уехали раньше. Рубини57 — знаменитый певец, производящий фурор, г-н Краевский, Аннет58, княгиня Лобанова, Григорий и некто Ефреньев исполнили (2 сл. нрзб.), это было очень мило.

Тебе должно быть приятно, милая маменька, что я возвращаюсь с вечера у Олениных, не имея повода упрекать себя. Но несмотря на удовольствие беседовать с тобой, мне нужно кончать болтовню, время почты приближается. В ближайшие дни я надеюсь отдохнуть. В воскресенье большой бал при Дворе, в пятницу Рождественский выход, и я не хочу до тех пор проводить вечера вне дома. Ночные бодрствования не для меня, да и бедняжка м-ль Фабр совсем разбита после вчерашнего вечера. Прощай, милая и бесценная маменька, тысячу раз целую ручки тебе и папеньке59. Сегодня я опять увижу Васеньку, потому что мы с ним обедаем у Григория Кушелева. От этого обеда у меня заранее болит желудок. Миллион раз целую Лили60. Тысяча поклонов обитателям Полтавы. Все семейство Кушелевых-Безбородко в добром здравии, малышки61 просто прелестны. Прощай, милая и добрая маменька, м-ль Фабр целует тебя и напишет со следующей почтой.

Твоя преданная дочь

Варвара Репнина.

Начав запечатывать письмо, я получила огромный пакет, содержащий два письма ко мне от Лили и Евдокии62 и одно от г-на Малона63 к м-ль Фабр, со следующей почтой мы ответим на все это.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Репнина-Волконская (урожд. графиня Разумовская) Варвара Алексеевна (1778—1864), княгиня, мать княжны В. Н. Репниной. В это время жила в Полтаве с мужем и младшей дочерью.

2 Кушелева-Безбородко (урожд. княжна Репнина) Александра Николаевна (Сашенька) (1805—1836), графиня, старшая сестра княжны В. Н. Репниной. С 30 января 1829 г. жена графа А. Г. Кушелева-Безбородко.

3 Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич (1800—1855), граф, чиновник Министерства иностранных дел, впоследствии камергер, действительный тайный советник, сенатор. Зять княжны В. Н. Репниной.

4 Волконская (урожд. княжна Репнина) Александра Николаевна (1757—1834), княгиня, статс-

дама, обер-гофмейстерина. Вдова генерала от кавалерии, члена Государственного Совета князя Григория Семеновича Волконского (1742—1824). Как статс-дама имела собственное помещение в Зимнем дворце. Владелица дома на Мойке, где с октября 1836 г. жил и скончался А. С.

Пушкин. Бабушка княжны В. Н. Репниной с отцовской стороны.

5 Васильчикова (урожд. графиня Апраксина) Аделаида Петровна (Адель) (?—1851), жена Д. В. Васильчикова. Двоюродная тетка княжны В. Н. Репниной с материнской стороны; в то время вывозила княжну на балы.

6 Васильчиковы: Елизавета (1805—1890) в замужестве Протасова), фрейлина, Софья (1809—1887, в замужестве Васильчикова), Екатерина (1811—1874, в замужестве графиня Кушелева-Безбородко). Троюродные сестры княжны В. Н. Репниной; дочери А. П. Васильчиковой.

7 Николай I (1796—1855), Император с 1825 г.

8 Кушелева-Безбородко Варвара Александровна (15 декабря 1829—1896, в замужестве Кочубей), графиня. Ее восприемником при крещении был Николай I. Племянница княжны В. Н. Репниной.

9 Бороздины: Анастасия Николаевна (1809—1877, в замужестве княгиня Урусова), фрейлина, певица-любительница, “соловейко”, как назвал ее А. С. Пушкин и письме к жене от 3 октября 1832 г.; Ольга Николаевна (1807—1871) в замужестве Мосолова, фрейлина.

10 Васильчиков Дмитрий Васильевич (1778—1859), гофмейстер, впоследствии егермейстер (1832), обер-егермейстер (1838), член Государственного Совета (1846). Муж А. П. Васильчиковой.

11 Загряжская (урожд. графиня Разумовская) Наталья Кирилловна (1747—1837), кавалерственная дама. Не имея детей, воспитывала свою племянницу М. В. Васильчикову, сделала ее своей наследницей и выдала замуж за будущего канцлера В. П. Кочубея. Жила в семье Кочубеев. Двоюродная бабушка княжны В. Н. Репниной с материнской стороны.

12 Кочубей Василий Викторович (Базиль) (1812—1850), князь, чиновник Министерства иностранных дел, впоследствии камергер, действительный статский советник. Троюродный брат княжны В. Н. Репниной с материнской стороны.

13 Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), князь, флигель-адъютант, ротмистр л.-гв. Конного полка, впоследствии генерал-адъютант (1845), генерал-лейтенант (1849), военный министр (1852—1856), шеф жандармов (1856), обер-камергер (1866). Был женат на графине Ольге Карловне Сен-При (1807—1853).

14 Салтыков Алексей Дмитриевич (1806—1859), князь, чиновник Министерства иностранных дел, путешественник, писатель, художник.

15 Репнин Василий Николаевич (Васенька) (1806—1880), князь, в это время чиновник Министерства иностранных дел. Брат княжны В. Н. Репниной, которую неспроста занимают мысли о его женитьбе: незадолго перед этим в Берлине он полюбил графиню Александру Алопеус, дочь русского посланника в Пруссии графа Давида Максимовича Алопеуса (1769—1831), и посватался к ней. Но через несколько месяцев, когда в Яготине готовились к свадьбе, невеста ему отказала. Уже после женитьбы в 1833 г. на фрейлине Елизавете Петровне Балабиной (ск. 1883) Василий признавался сестре, что его любовь к жене нельзя сравнить с тем чувством, которое он испытывал к Александре Алопеус. Брак Василия оказался несчастливым, супруги жили раздельно, Василий был игрок, а его жена страдала мнительностью, а позднее манией преследования.

16 Возможно, Стенбок-Фермор Яков Иванович (ск. 1856), граф, офицер л.-гв. Конного полка.

17 Смирнов Николай Михайлович (1808—1870), камер-юнкер, чиновник Министерства иностранных дел, впоследствии калужский и петербургский губернатор, сенатор.
18 Пушкина (урожд. Гончарова) Наталья Николаевна (1812—1863), с 13 февраля 1831 г. жена А. С. Пушкина, который с 4 по 27 декабря 1831 г. находился в Москве.

19 Завадовская (урожд. Влодек) Елена Михайловна (1807—1874), графиня, известная петербургская красавица.

20 Речь идет о старших дочерях графа Александра Ивановича Рибопьер (1781—1865) и его жены графини Екатерины Михайловны (урожд. Потемкиной) (1788—1872): Аглае (1812—1842, в замужестве баронессе Зенден) и Софье (ск. 1881, в замужестве графине Голенищевой-Кутузовой).

21 Лаваль (урожд. Козицкая) Александра Григорьевна (1772—1850), графиня.

22 Строганова (урожд. графиня д'Альмейда-Оейнгаузен, в первом браке графиня д'Ега) Юлия Павловна (1782—1864), графиня, кавалерственная дама.

23 Фролов-Багреев Александр Алексеевич (1783—1845), действительный тайный советник, управляющий Государственным заемным банком.

24 Лонгинов Николай Михайлович (1779—1853), в то время статс-секретарь Комиссии по принятию прошений, заведовал всеми благотворительными и учебными заведениями, состоявшими под покровительством Императрицы Александры Федоровны.

25 Возможно, Мицкевич и Ломан служили в Полтавском институте благородных девиц, основанном княгиней В. А. Репниной-Волконской в 1820 г. на свои средства.

26 Александра Федоровна, Императрица.

27 Мертенс, полтавский знакомый семьи Репниных; доктор и ученый, участник первой русской кругосветной экспедиции 1803—1806 гг. под руководством капитан-лейтенанта И. Ф. Крузерштерна.

28 Волконская Варвара Михайловна (1781—1865), княжна, камер-фрейлина; сестра князя П. М. Волконского.

29 Волконские: Дмитрий Петрович (1805—1859), князь, с 1834 г. светлейший князь; впоследствии гофмейстер, и Григорий Петрович (1808—1882), князь, с 1834 г. светлейший князь; в то время чиновник Азиатского департамента, впоследствии гофмейстер. Певец-любитель. Двоюродные братья княжны В. Н. Репниной с отцовской стороны.

30 Фабр Сюзанна, родом из Женевы, бывшая гувернантка княжны В. Н. Репниной.

31 См. прим. 8.

32 Дурново (урожд. Демидова) Мария Никитична (1776—1847), кавалерственная дама, жена Дмитрия Николаевича Дурново (1769—1834), обер-гофмейстера, петербургского губернского предводителя дворянства.

33 Волконский Петр Михайлович (1776—1852), князь, с 1834 г. светлейший князь; генерал-адъютант, генерал от инфантерии, министр Двора и уделов (1826—1852), генерал-фельдмаршал (1843). Муж княгини Софьи Григорьевны (урожд. княжны Волконской) (1786—1868) — тетки княжны В. Н. Репниной с отцовской стороны.

34 Волконский Никита Григорьевич (1781—1844), князь, егермейстер, генерал-майор Свиты. Дядя княжны В. Н. Репниной с отцовской стороны.

35 Дурново (урожд. княжна Волконская) Александра Петровна (Алина) (1804—1859) и ее муж с июня 1831 г. камергер Павел Дмитриевич Дурново (Поль) (1804—1864), сын М. Н. и Д. Н. Дурново.

36 Кушелев Григорий Григорьевич (1802—1855), граф, флигель-адъютант, полковник; впоследствии генерал-лейтенант, член Военного совета. Брат графа А. Г. Кушелева-Безбородко.

37 Лобанова-Ростовская (урожд. графиня Кушелева) Александра Григорьевна (1796—1848), княгиня. Сестра графа А. Г. Кушелева-Безбородко и графа Г. Г. Кушелева.

38 См. прим. 3.

39 Толстая (урожд. Перовская) Анна Алексеевна (1796—1857), графиня, внебрачная дочь графа А. К. Разумовского — деда княжны В. Н. Репниной с материнской стороны. Мать поэта графа А. К. Толстого.

40 Булгаков Константин Павлович (1782—1835), тайный советник, петербургский почт-директор, и его жена Мария Константиновна (урожд. Варлам) (1796—1879).

41 Кочубей (урожд. Васильчикова) Мария Васильевна (1779—1844), княгиня, жена князя Виктора Павловича Кочубея (1768—1834), председателя Государственного Совета и Комитета министров (1827), канцлера (1834). Двоюродная тетка княжны В. Н. Репниной с материнской стороны.

42 Кочубей Демьян Васильевич (1786—1859), действительный тайный советник, член Государственного Совета, сенатор

43 Васильчиков Алексей Васильевич (1776—1854), действительный тайный советник. Двоюродный дядя княжны В. Н. Репниной с материнской стороны.

44 См. прим. 10 и 43.

45 Батурин — город Конотопского уезда Черниговской губернии, бывшая резиденция гетмана Малороссии графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728—1803), прадеда княжны В. Н. Репниной с материнской стороны.

46 Оленин Алексей Николаевич (1763—1843), директор Императорской Публичной библиотеки, президент Академии художеств, член Государственного Совета; двоюродный дядя княжны В. Н. Репниной с отцовской стороны, и его жена Елизавета Марковна (урожд. Полторацкая) (1768—1838).

47 Полетика Петр Иванович (1778—1849), тайный советник, сенатор, бывший дипломат. Был членом “Арзамаса”, близкий знакомый Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, К. Н. Батюшкова, И. И. Козлова, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского.

48 Мейендорф Александр Казимирович (1798—1865), барон, чиновник Департамента мануфактур и внутренней торговли; впоследствии русский торговый агент во Франции, камергер, посланник в Берлине. Его жена Елизавета Васильевна (урожд. баронесса д’Оггер) (1802—1873). Его свояченица Александра Васильевна Сенявина (урожд. баронесса д’Оггер) (ск. 1862).

49 Шевич (урожд. Бенкендорф) Мария Христофоровна (1784—1841), вдова генерал-лейтенанта И. Г. Шевича (1764—1813).

50 Одоевская (урожд. Ланская) Ольга Степановна (1797—1872), княгиня, жена писателя князя В. Ф. Одоевского (1804—1869).

51 Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, издатель.

52 Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872), чиновник Министерства внутренних дел, впоследствии сенатор; брат

Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805—1827), поэта, критика.

53 Волконская (урожд. княжна Белосельская-Белозерская) Зинаида Александровна (1789—1862), княгиня, жена князя Никиты Григорьевича Волконского.

54 См. прим. 16.

55 Соллогубы: Лев Александрович (1812—1852), граф, в то время прапорщик л.-гв. Измайловского полка, впоследствии дипломат; его брат Владимир Александрович (1813—1882), граф, в то время студент Дерптского университета, впоследствии чиновник Министерства иностранных дел, затем Министерства внутренних дел; писатель.

56 Мальцов Иван Сергеевич (1807—1880), чиновник Министерства иностранных дел, впоследствии камергер, действительный статский советник.

57 Рубини, Джованни Баттиста (1795—1854), итальянский тенор, несколько раз давал концерты в Петербурге.

58 Оленина Анна Алексеевна (Аннет) (1808—1888, в замужестве Андро), фрейлина, дочь А. Н. и Е. М. Олениных. Троюродная сестра княжны В. Н. Репниной с отцовской стороны.

59 Репнин-Волконский Николай Григорьевич (1778—1845), князь. После смерти генерал-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина (1734—1801) указом Александра I полковнику князю Н. Г. Волконскому были переданы фамилия и титул князя Репнина как старшему внуку последнего представителя рода. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии, генерал-губернатор Малороссии (1816—1834). В 1834 г. был несправедливо обвинен в неправильном расходовании казенных денег и отстранен от должности с назначением членом Государственного Совета. В 1836 г. уволен в отставку, до самой смерти находился в опале. Отец княжны В. Н. Репниной.

60 Репнина Елизавета Николаевна (Лили) (1816—1855, в замужестве Кривцова), княжна — любимая младшая сестра княжны В. Н. Репниной.

61 Речь идет о двух маленьких племянницах княжны В. Н. Репниной: Вареньке (см. № 8) и Сашеньке (30 ноября 1830 — 8 января 1833).

62 Псиол Евдокия Ивановна (р. 1817, в замужестве Лукашевич), дальняя родственница княгини В. А. Репниной-Волконской, воспитанница Полтавского института благородных девиц.

63 Малон, бывший (с 1820) гувернер князя В. Н. Репнина, в 1822 г. сопровождал его в Женеву для завершения образования молодого князя, в 1826 г. побывал с ним в Англии, Бельгии, Берлине.

Публикация и перевод Е. Л. ЯЦЕНКО

Аристократические святки

Аристократические святки / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 71—77.

Публикуемый документ дает представление о святочном развлечении петербургской аристократии — это программа бала-маскарада 6 января 1837 г. в китайских костюмах. В своих записках королева Вюртембергская Ольга, дочь Николая I, упоминает об этом "...китайском маскараде, третьем и последнем так называемом "бобовом" празднике. Все были в китайских костюмах. Высокозачесанные и завязанные на голове волосы очень украшали дам, особенно тех, у кого были неправильные, но выразительные черты лица. Папа был одет мандарином, с искусственным толстым животом, в розовой шапочке с висящей косой на голове. Он был совершенно неузнаваем. Бобовой королевой была старая графиня Разумовская, выглядевшая в своем костюме замечательно. Королем был старый граф Пальфи, венгерский магнат,.. очень веселый старик..."* Всего, согласно программе, в маскараде принимали участие семь особ Императорской фамилии и 118 членов высшего петербургского общества, причем некоторые семейства были представлены и родителями, и детьми, например, Адлерберги, Барятинские, Бенкендорфы, Виельгорские, Волконские, Нессельроде, Опочинины, Трубецкие, Фредериксы.

Подлинник документа хранится в РО ГЛМ (Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 34), напечатан типографским способом на французском языке. Курсивом выделены Августейшие особы, вписанные в программу рукой не установленного лица. В примечаниях титулы, звания и должности приведены, по возможности, по состоянию на 1837 г.

БАЛ-МАСКАРАД 6 ЯНВАРЯ 1837

Костюмы китайские

Бобовый король, Па-ли-фи

Королева, Фей-цанг

Наследный принц, Кан-ли

Его гувернер, Кинг-Ран

граф Пальфи1

графиня Разумовская2

барон Шиллинг3

князь Григорий Волконский4

Шесть королев

Минг-ти

У-ти

Ло-ти

Фан-ти

Стам-ти

Юнгт-ти

г-жа Захаржевская5

княжна Барятинская6

княжна Мария Трубецкая7

графиня Бенкендорф8

г-жа Крюденер9

г-жа Пашкова10

Принцы крови с желтыми поясами

Кинг-лу

Юнг-чин

граф Чернышев11

князь Лобанов

Придворные дамы Фей-цанг

княгиня Барятинская12

г-жа Вишнякова

княгиня Суворова13

княгиня Трубецкая14

г-жа Фредерикс15

графиня Строганов

1-ой

Великая княжна Ольга16

м-ль Ольга Калиновская17

2-ой

Великая княжна Мария18

графиня Воронцова19

Придворные дамы шести королев

3-ей

графиня Екатерина Тизенгаузен20

м-ль Толстая

4-ой

м-ль Чичерина21

княгиня Белосельская22

5-ой

м-ль Шереметева

графиня Потоцкая23

6-ой

м-ль Н. Бороздина

м-ль А. Фредерикс24

Обер-гофмаршал Двора, Ту-фан

граф Воронцов25

его помощники

граф Виельгорский26

г-н Всеволожский

Обер-камергер, Пинг-лу

Обер-шенк чайной церемонии, Ча-лу

князь Дмитрий Волконский27

граф Нессельроде-отец28

подающие чай

г-н Валуев

князь Мещерский

г-н Н. Баранов29

князь Н. Урусов30

Главный учитель антраша

граф Михаил Виельгорский31

Четыре младших сына

Па-ли-фи

Чинг-лой

Лу-ран

Лу-чин

Пан-кин

князь Василий Долгоруков[32]

князь Н. Долгоруков

г-н Траскин

г-н Захаржевский[33]

Их кормилица

Обер-шталмейстер, Лу-ринг

графиня Бобринская[34]

князь Сергей Голицын

его помощники

г-н Ушаков

г-н Юревич

Директор придворных увеселений

г-н Гедеонов[35]

Инспектор и гувернер придворных дам Фей-цанг

граф Григорий Строганов[36]

Начальник гвардии

Наследник Цесаревич[37]

Знаменосцы

граф Бенкендорф[38]

г-н де Раух[39]

граф Орлов[40]

граф Апраксин[41]

г-н Грюнвальд

г-н Мейендорф

граф А. Строганов

г-н Микулин

г-н Игнатьев[42]

г-н Киль[43]

Гвардейцы Па-ли-фи

И. Виельгорский[44]

Паткуль[45]

С. Адлерберг

Н. Адлерберг[46]

Д. Фредерикс[47]

Н. Фредерикс[48]

Р. Мердер[49]

Гвардейцы Па-ли-фи

князь Долгоруков 1-й

князь Долгоруков 2-й

князь М. Кочубей[50]

Маньчжурское войско

начальник

князь Ливен[51]

г-н Бибиков

князь Илья Долгоруков[52]

барон Фредерикс[53]

граф Гейден

Монгольское войско

начальник

г-н Кавелин[54]

г-н Литке[55]

г-н Адлерберг[56]

г-н Астафьев

Китайское войско

начальник

г-н Киселев[57]

г-н Философов[58]

г-н Нащокин59

г-н Гогель

г-н Александров60

Председатель суда Принцев

г-н Опочинин61

Старшие жрецы

Конфуция

Будды

Лао-Цу

князь Трубецкой62

г-н Кирилл Нарышкин63

г-н Жуковский64

Гар-лин, или Академия наук

Главный астролог

Лейб-медик

Вводящий послов

граф Протасов65

граф Панин66

г-н Татищев

г-н Уваров67

Послы:

1. Кашмира

жена посла

2. Далай-Ламы

его старший жрец

3. Киргизов

жена посла

г-н де Либерман68

м-ль В. Раух

князь Юсупов69

г-н Брунов70

г-н Перовский

Великая княжна Александра71

Министры

военный

иностранных дел

публичных фонарей

морской

Его Величество Император72

граф Нессельроде-сын73

князь В. Кочубей74

(пропуск в оригинале)*

Фрейлины

графиня Чернышева75

м-ль Е. Раух76

Фрейлины

м-ль Е. Фредерикс77

м-ль Сеславина

графиня Хрептович78

м-ль М. Опочинина79

м-ль А. Опочинина80

м-ль Бартенева 1-я81

м-ль Бартенева 2-я

княжна О. Трубецкая82

княжна Варвара Долгорукова

княгиня Долгорукова83

княгиня Долгорукова84

графиня Протасова85

г-жа Н. Толстая

г-жа Всеволожская86

Инспектриса вееров

Инспектриса зонтиков

Ее Величество Императрица87

Ее Высочество Вел. княгиня Елена88

Дочери Па-ли-фи

м-ль С. Фредерикс89

княжна В. Трубецкая90

княжна А. Трубецкая91

Их гувернер

князь Волконский92

Все костюмы, кроме костюмов послов, должны быть китайскими, цвета по желанию.

Лиц, которые желали бы получить сведения о костюмах, покорнейше просят обращаться к г-ну Гедеонову, директору Театров Е. И. В.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Пальфи, граф, венгерский магнат. "...Люди останавливались на улице, чтобы посмотреть вслед этому человечку в мадьярской одежде, с красным лицом и трубообразным носом, с волосами, зачесанными ежом..." (Из воспоминаний Королевы Вюртембергской Ольги. // Б. Н. Тарасов. Николай Первый и его время. М. 2000. С. 168.

2 Разумовская (урожд. княжна Вяземская, в первом браке княгиня Голицына) Мария Григорьевна (1772—1856), графиня.

3 Шиллинг фон Канштадт Павел Львович (1787—1837), барон, старший советик Министерства иностранных дел. Во время путешествия в Китай собрал значительную коллекцию китайских, маньчжурских, монгольских, тибетских рукописей. Изобретатель электромагнитного телеграфа, организатор первой в России литографии.

4 Волконский Григорий Петрович (1808—1882), светлейший князь, камергер.

5 Донец-Захаржевская (урожд. графиня Тизенгаузен) Елена Павловна (1804—1890).

6 Барятинская (в замуж. княгиня Кочубей) Мария Ивановна (1818—1843), княжна.

7 Трубецкая (в первом браке Столыпина, во втором браке светлейшая княгиня Воронцова) Мария Васильевна (1819—1895), княжна.

8 Бенкендорф (урожд. Донец-Захаржевская, в первом браке Бибикова) Елизавета Андреевна (ск. 1858), графиня.

9 Крюденер (урожд. графиня Дернфельд, во втором браке графиня Адлерберг) Амалия

9 Крюденер (урожд. графиня Лерхенфельд, во втором браке графиня Адлерберг) Амалия Максимилиановна (1810—1887), баронесса.

10 Пашкова (урожд. графиня Баранова) Мария Трофимовна (1803—1887).

11 Чернышев Александр Иванович (1786—1857), граф.

12 Барятинская (урожд. графиня Келлер) Мария Федоровна (1792—1858), княгиня.

13 Суворова (урожд. Ярцева) Любовь Васильевна (1811—1867), графиня Рымникская, княгиня Италийская.

14 Трубецкая (урожд. Вейс) Софья Андреевна (1796—1848), княгиня.

15 Фредерикс (урожд. графиня Гуровская) Цецилия Владиславовна (1794—1851), баронесса, подруга Императрицы Александры Федоровны.

16 Ольга Николаевна (1822—1892), Великая княжна, дочь Николая I (в замуж. королева Вюртембергская).

17 Калиновская (в замуж. княгиня Огинская) Ольга Иосифовна (ск. 1899), графиня, фрейлина.

18 Мария Николаевна (1819—1876), Великая княжна, дочь Николая I (в первом браке герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке графиня Строганова).

19 Воронцова-Дашкова (урожд. Нарышкина) Александра Кирилловна (1817—1856), графиня.

20 Тизенгаузен Екатерина Федоровна (1803—1888), графиня, камер-фрейлина.

21 Чичерина Екатерина Петровна (ск. 1874), фрейлина.

22 Белосельская-Белозерская (урожд. Бибикова) Елена Павловна (1812—1888), княгиня.

23 Потоцкая (урожд. княжна Салтыкова) Мария Александровна (1806—1845), графиня.

24 Фредерикс (в замуж. графиня Алопеус) Александра Петровна (1815—1901), баронесса.

25 Воронцов-Дашков Иван Илларионович (1790—1864), граф, обер-церемониймейстер, член Государственного Совета.

26 Виельгорский Матвей Юрьевич (1794—1866), граф, шталмейстер, состоял при Великой княжне Марии Николаевне; виолончелист.

27 Волконский Дмитрий Петрович (1806—1859), светлейший князь.

28 Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, вице-канцлер (с 1828), министр иностранных дел (1816—1856).

29 Баранов Николай Трофимович (1808—1883).

30 Урусов Николай Александрович (1808—1843), князь, адъютант Великого князя Михаила Павловича, поручик лейб-гвардии Измайловского полка.

31 Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856), граф, шталмейстер, почетный опекун С.-Петербургского опекунского совета (с 1832); композитор-дилетант.

32 Долгоруков Василий Андреевич (1804—1864), князь, флигель-адъютант.

33 Донец-Захаржевский Григорий Андреевич (1792—1845), флигель-адъютант, полковник лейб-гвардии Конного полка.

34 Бобринская (урожд. графиня Самойлова) Софья Александровна (1797—1866), графиня, подруга Императрицы Александры Федоровны.

35 Гедеонов Александр Михайлович (1791—1867), церемониймейстер, директор Императорских театров (1833—1858).

36 Строганов Григорий Александрович (1770—1857), граф, обер-камергер, член Государственного Совета.

37 Александр Николаевич (1818—1881), Великий князь, Наследник Цесаревич, с 1855 г. Император Александр II.

38 Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф.

39 Вероятно, Раух, фон, генерал, прусский военный атташе в Петербурге.

40 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф.

41 Апраксин Степан Федорович (1792—1862), граф, генерал-адъютант, состоял при Императрице Александре Федоровне.

42 Игнатьев Павел Николаевич (1797—1879), флигель-адъютант, директор Пажеского корпуса (1834—1846).

43 Киль Лев Иванович (ск. 1851), генерал-майор Свиты.

44 Виельгорский Иосиф Михайлович (1817—1839), граф, адъютант Великого князя Александра Николаевича.

45 Паткуль Александр Владимирович (1817—1877), адъютант Великого князя Александра Николаевича.

46 Адлерберг Николай Владимирович (1819—1892).

47 Фредерикс Дмитрий Петрович, барон, убит на Кавказе в 1844 г.

48 Фредерикс Николай Петрович (1819—1883), барон.

49 Мердер Петр Карлович (1819—1894), адъютант Великого князя Александра Николаевича, офицер лейб-гвардии Преображенского полка.

50 Кочубей Михаил Викторович (1816—1874), князь, корнет Кавалергардского полка.

51 Ливен Христофор Андреевич (1774—1838), светлейший князь, генерал-адъютант, член Государственного Совета; наставник Великого князя Александра Николаевича.

52 Долгоруков Илья Андреевич (1797—1848), князь, генерал-майор.

53 Фредерикс Петр Андреевич (1786—1855), барон, генерал-адъютант.

54 Кавелин Александр Александрович (1793—1850), генерал-лейтенант, воспитатель Великого князя Александра Николаевича.

55 Литке Федор Петрович (1797—1882), флигель-адъютант, контр-адмирал Свиты, воспитатель

55 Литке Федор Петрович (1797—1882), флигель-адъютант, контр-адмирал Свиты, воспитатель Великого князя Константина

Николаевича (1827—1892).

56 Адлерберг Владимир Федорович (1791—1884), флигель-адъютант, с детских лет друг Николая I.

57 Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, начальник V отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, член Государственного Совета.

58 Философов Алексей Илларионович (1800—1874), адъютант Великого князя Михаила Павловича, полковник.

59 Нащокин Павел Александрович (1798—1843), адъютант Великого князя Михаила Павловича, полковник лейб-гвардии Гусарского полка.

60 Александров Павел Константинович (1808—1857), флигель-адъютант, ротмистр лейб-гвардии Конного полка; побочный сын Великого князя Константина Павловича (1779—1831).

61 Опочинин Федор Петрович (1779—1852), шталмейстер.

62 Трубецкой Василий Сергеевич (1776—1841), князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, сенатор, член Государственного Совета.

63 Нарышкин Кирилл Александрович (1786—1838), обер-гофмаршал.

64 Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), в 1826—1841 гг. наставник Великого князя Александра Николаевича. Поэт, переводчик, критик.

65 Протасов Николай Александрович (1798—1855), граф, флигель-адъютант, обер-прокурор Святейшего Синода.

66 Панин Виктор Никитич (1801—1874), граф, статс-секретарь, товарищ министра юстиции.

67 Уваров Сергей Семенович (1786—1855), президент Академии наук, министр народного просвещения, сенатор.

68 Либерман, Август (ск. 1847), барон, прусский посланник в Петербурге (1835—1845).

69 Юсупов Борис Николаевич (1794—1849), князь, гофмейстер.

70 Бруннов Филипп Иванович (1797—1875), барон, старший советник Министерства иностранных дел.

71 Александра Николаевна (1825—1844), Великая княжна, дочь Николая I (в замуж. ландграфиня Гессси-Кассельская).

72 Николай Павлович (1796—1855), Император с 1825 г.

73 Нессельроде Дмитрий Карлович (1816—1891), третий секретарь канцелярии Министерства иностранных дел.

74 Кочубей Василий Викторович (1812—1850), князь.

75 Чернышева (в замуж. княгиня Долгорукова) Надежда Григорьевна (1813—1853), графиня, фрейлина.

76 Раух (в замуж. графиня Ферзен) Елизавета Федоровна, фрейлина.

77 Фредерикс Елизавета Петровна (1812—1866), баронесса.

78 Хрептович (урожд. графиня Нессельроде) Елена Карловна (1813—?), графиня.

79 Опочинина Мария Федоровна (1812—1863), фрейлина.

80 Опочинина Александра Федоровна (1814—1868), фрейлина.

81 Бартенева Прасковья Арсеньевна (1811—1872), фрейлина; певица-любительница.

82 Трубецкая (в замуж. Устинова) Ольга Васильевна (1820—?), княжна.

83 Долгорукова (урожд. княжна Салтыкова) Екатерина Александровна (1803—1852), княгиня.

84 Долгорукова (урожд. княжна Голицына) Екатерина Дмитриевна (1802—1881), княгиня.

85 Протасова (урожд. княжна Голицына) Наталья Дмитриевна (1803—1880), графиня.

86 Всеволожская (урожд. княжна Трубецкая) Софья Ивановна (1800—1852).

87 Александра Федоровна (1798—1860), Императрица с 1825 г.

88 Елена Павловна (1806—1873), Великая княгиня, супруга Великого князя Михаила Павловича.

89 Фредерикс Софья Петровна (1824—1882), баронесса.

90 Трубецкая (в замуж. графиня Эстергази) Вера Васильевна (1829—1861), княжна.

91 Трубецкая (в замуж. графиня Апраксина) Александра Васильевна (1827—1905), княжна.

92 Волконский Петр Михайлович (1776—1852), светлейший князь.

Публикация и перевод Е. Л. ЯЦЕНКО

Письма А. Н. Дубельт к мужу

Сидорова М. В., Якушкина М. М. Письма А. Н. Дубельт к мужу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 78—80.

В ГАРФ в личном фонде Леонтия Васильевича Дубельта хранятся 106 писем его жены — Анны Николаевны за 1833—1853 гг. адресованные “бесценному другу Левочке”. Это, очевидно, большая часть писем, которые за тридцатилетнюю супружескую жизнь написала к мужу Анна Николаевна. Писем за 1833—1848 гг. немного, так как в эти годы Анна Николаевна подолгу жила с мужем в Петербурге. Основная часть писем относится к 1849—1853 гг., когда она практически безвыездно жила в своем тверском имении Рыскино. Судя по содержанию писем, можно предположить, что это не все письма, написанные Анной Николаевной к мужу за эти годы. Вероятно, некоторые письма не сохранились. К сожалению, неизвестно, сохранились ли письма самого Дубельта к жене. Лишь малая часть их была опубликована в 1888 г. в ноябрьском номере “Русской Старины”, двоюродным племянником Леонтия Васильевича — Евгением Ивановичем Дубельтом. Тем большую ценность приобретают письма Анны Николаевны: ее обстоятельные ответы на вопросы мужа позволяют представить содержание писем самого Леонтия Васильевича.

Анна Николаевна Дубельт (1800—1853) происходила из старинного дворянского рода Перских. “Фамилии Перских многие Российскому престолу служили разные дворянские службы и жалованы были от Государя в 7160/1652 и других годах поместьями. Все сие доказывается

жалованными на поместья грамотами, означенным в присланное из Тверского дворянского собрания родословной книге и справками с отказных книг”*.

Мать Анны Николаевны, Елизавета Семеновна, была из древнейшего русского рода Мордвиновых и приходилась родной сестрой Николаю Семеновичу Мордвинову (1792—1869), адмиралу, члену Государственного Совета, члену Российской Академии Наук, председателю Вольного экономического общества. Отец Анны Николаевны, Николай Афанасьевич (1760—1832), служил по гражданскому ведомству, семья Перских долгое время жила в Киеве и была хорошо знакома с семьей Раевских.

В июле 1815 г. дежурным штаб-офицером корпуса, которым командовал генерал от кавалерии Н. Н. Раевский был назначен двадцатитрехлетний Л. В. Дубельт (1792—1862). По словам С. Г. Волконского, Дубельт стал “своим человеком” у Раевских. Очевидно, там и познакомилась Аннинька Перская с “бесценным другом Левочкой”. В 1818 г. они поженились, в октябре 1819 г. у них родился сын Николай, а в 1822 г. Михаил. В мае 1822 г. Леонтий Васильевич получил Старо-Оскольский полк, которым командовал до 1828 г. Затем отставка “по домашним обстоятельствам”, и семья Дубельтов переехала в Тверскую губернию, где находилось родовое имение Перских Рыскино, полученное Анной Николаевной в приданное. Анна Николаевна оказалась деловой и предприимчивой женщиной. Она прикупила близлежащие земли у соседских помещиков и повела хозяйство так, что имение постоянно давало доход, который позволял не только помогать мужу, с 1830 г. находившемуся постоянно в Петербурге, но купить и подарить ему дом в столице. В 1842 г. Анна Николаевна получила в наследство поместья в Московской губернии: село Петрищево и деревню Медведково Богородского уезда.

Умерла Анна Николаевна в феврале 1853 г., похоронена в Петербурге на Смоленском православном кладбище. После ее смерти по завещанию имения перешли к сыновьям: тверское к старшему Николаю, московское к Михаилу.

Николай Леонтьевич Дубельт (1819—1874) воспитывался в Пажеском корпусе, в 1837 г. был выпущен корнетом и определен в Кавалергардский полк, в 1841—1844 гг. был начальником школы кантонистов этого же полка. В 1844 г. назначен в чине штабс-ротмистра флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству и старшим адъютантом управления делами Императорской Главной квартиры и собственного Его Величества конвоя. В 1849 г. по Высочайшему повелению он был направлен в Вену для поднесения австрийскому императору ордена Св. Георгия, в том же году участвовал в “сражении против мятежных венгров” и за мужество и храбрость под крепостью Коморно награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом и произведен в полковники. В 1852 г. он был назначен командиром Белорусского Гусарского генерал-фельдмаршала графа Радецкого полка, в 1856 г. произведен в генерал-майоры. В 1869 г. он подал прошение об отставке по болезни. За выплату Дубельту полной пенсии ходатайствовал Вел. Кн. Николай Николаевич (старший): «Генерал Дубельт прослужил около 30 лет в войсках Гвардии как в мирное, так и в военное время, постоянно отличался добросовестным и отличным исполнением всех возлагаемых на него поручений и вполне заслуживает особой монаршей милости”*. В письмах Анны Николаевны за 1852 г. говорится о намерении Николая жениться. Называются две претендентки: Н. Львова и Сенявина. Однако, женился Николай Леонтьевич значительно позже на Александре Ивановне Базилевской. Детей у них не было. Умер Н. Л. Дубельт в 1874 г., “страдая сильными невралгическими припадками с ослаблением нижних конечностей”. Похоронен в Петербурге на Смоленском кладбище вместе с родителями. Согласно последнему формулярному списку за 1869 г. за Н. Л. Дубельтом “состояло имений в губерниях: С.-Петербургской, Тверской, Тульской и Псковской 8207 десятин земли, на которых поселено 1252 души”**.

Михаил Леонтьевич (1822—1900), как и брат, воспитывался в Пажеском корпусе и также был зачислен корнетом в Кавалергардский полк. Служил он преимущественно на Кавказе в Апшеронском полку. В 1852 г. "за отличие в делах против горцев "произведен в подполковники, в 1853 г. — в полковники. В 1853 г. М. Л. Дубельт как состоящий для особых поручений у министра внутренних дел был командирован в Смоленск для исследования причин развития цинги в воинских командах, в том же году освидетельствовал запасы продовольствия в Бессарабии, Новороссийском крае, в 1857 г. наблюдал за действиями по рекрутскому набору, производил инспекторский смотр Московского военного госпиталя. В 1856 г. Высочайшим приказом был назначен флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству. В ноябре 1863 г. уволен в отставку с мундиром "по домашним обстоятельствам". Жил в Москве, Петербурге, за границей. В 1886 г. подал прошение на имя Александра III об определении вновь на службу с предоставлением какой-либо должности. Император начертал: "Можно было бы попробовать дать ему место хоть коменданта, посмотрим будет ли способен. Уволить всегда есть возможность, если не годится"***.

Михаил Леонтьевич был определен комендантом Александропольской крепости. В 1890 г. в связи с упразднением должности коменданта уволен с пенсией и мундиром. В годовой аттестации о нем сказано: "здоровья слабого, умственных способностей удовлетворительных, нравственных качеств посредственных, воли слабой, не отвечает своему назначению, по преклонным летам и слабому здоровью не способен к самостоятельной деятельности"****.

Умер М. Л. Дубельт в Петербурге, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Одним из самых ярких и вместе с тем самым трагичным эпизодом его жизни была женитьба в феврале 1853 г. на дочери А. С. Пушкина — Наталье. О подготовке к свадьбе много говорится в письмах Анны Николаевны. Брак этот оказался неудачным, супруги разъехались в 1861 г., в 1864 г. Наталья Александровна получила вид на право проживания отдельно от мужа, а в 1868 г. — развод. Ее вторым мужем был принц Николай Вильгельм Нассауский. От брака Дубельта с Пушкиной осталось трое детей: Наталья (1854—1926), Леонтий (1855—1894), Анна (1861—1919). Двое старших детей воспитывались в семье Ланских, младшую дочь Анну воспитывала Александра Ивановна Дубельт (урожд. Базилевская) и ее сестра Елизавета Ивановна Суворова. Наталья Михайловна Дубельт впоследствии уехала к матери в Висбаден, в 1881 г. она вышла замуж за полковника Арнольда фон Бесселя (1826—1887). Их сын погиб во французском плену в 1945 г.

Леонтий Михайлович Дубельт учился в Пажеском корпусе, откуда из-за несчастного случая (ранения в грудь) был отчислен, затем обучался в Морском корпусе, который кончил с отличием. Был женат на княжие Агриппине Оболенской, детей у них не было.

Анна Михайловна (в семье ее называли Ниной) вышла замуж за А. П. Кондырева, служащего Министерства внутренних дел. Овдовев в 1900 г., она осталась с тремя маленькими детьми: Павлом (1892—1919), Натальей (1894—1903), Александром (1897—1915). Она постоянно нуждалась в средствах, неоднократно обращалась за помощью в Постоянную комиссию для пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Петербургской Академии наук, продавала и некоторые бумаги из семейного архива.

Письма Анны Николаевны Дубельт были проданы родственниками А. М. Кондыревой литературоведу Н. О. Лернеру. Лернер собирался подготовить их для публикации в сборнике "Звенья", издаваемом В. Д. Бонч-Бруевичем. Смерть Лернера в 1934 г. помешала осуществить эти замыслы. Вскоре письма были куплены Литературным музеем, где и хранились до 1951 г. После ликвидации рукописного отдела музея письма были переданы в ЦГАОР (ныне ГАРФ), где они хранятся и сейчас (Ф. 638. Оп. 1. Д. 26, 27).

Текст писем публикуется с сохранением орфографии середины XIX в. и языковых

Текст писем публикуется с сохранением орфографии середины XIX в. и языковых и стилистических особенностей автора, вышедшие из употребления буквы и буквосочетания заменены на современные; подчеркивания сохраняются, курсивом воспроизводятся приписки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 28 мая 1833 г. В. Волочек // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 80.

1

1833. 28 майя. В. Волочек

Милый Лева, вот я и в Волочке. Славно доехали! Я не чувствовала, как доехала, так было приятно; настоящая прогулка! Верно, и тебе будет приятно, мой друг, слышать и знать, что я весела, здорова и качусь припеваючи. Машинька и муж ея такие добрые, такие милые, что, кажется, каждый день, каждую минуту любишь их больше и больше. Какое это милосердие божие, что я с ними поехала! Жаль только, что бедный Степан Поликарпович не очень здоров, все время страдает флюсом и кашлем, все эти дни правая щека была так распухши, что жаль смотреть. Колин1 кашель почти прошел, а кроме того он совсем здоров.

Душинька Левочка, здоров ли ты? Мой ангел, береги себя хорошенько, и не забудь Карпу приказать сей час позвать доктора, если ты будешь нездоров. Пожалуйста, голубчик, спроси Вериньку, не забыла ли она отдать один Эрмитажный билет Марье Васильевне? А сию последнюю спроси, получила ли.

Хлопочи поскорее, душечка, найти жильцов вместо Наташи2, чтоб эти комнаты недолго стояли пустыми.

Поклонись Вериньке и Львовым.

Ты думаешь, что я из Волочка так и сворочу в Рыскино? Совсем нет, я провожу наших милых Лавровых до Выдропуска, там переночуем и завтра разъедемся. Уж ехать вместе до самого нельзя, так ли душинька?

Когда мы выехали из Петербурга, Дуняша забыла Надеждин камлотовый салоп, который ей было велено надеть в дорогу, и забыла его на дворе, повешенным на веревке. Спроси Карпа, видел ли он этот салоп и прибрал ли его? Как скучны наши девушки, всю дорогу ехали простоволосые и без всего, дали им салоп — так надо было его забыть! И вот то худо, если он пропадет. Прощай, душечка

милый мой, целую тебя от всей души.

От всего сердца обнимаю вас, бесценный Леонтий Васильевич, Слава богу, путь наш до сего времени был благополучен и к неизъяснимому моему удовольствию, как Анна Николаевна, так и милые молодые друзья мои Николинька и Мишинька3 здоровы. Сегодня мы с ними расстаемся и сколько жалеем, об этом уже и рассказать трудно. Желаю, чтоб вы были совершенно здоровы.

Преданный Вам душою С(тепан) Лавр(ов).

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 30 мая [1833 г.] Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 80—81.

2

30-го майя. Рыскино

Третьего дня писала я тебе мой милый друг, из Волочка, что мне грустно было расстаться с Машинькою, пока была возможность ехать еще с нею хоть одну станцию. Итак, мы из Волочка пустились в 9-ть часов вечера на своих лошадях в Выдропуск. Тут шоссе уже нету, а станция 33 версты, и мы приехали на место часу в третьем утра прямо в гостиницу, где, не раздевавшись, прилегли и уснули до семи часов. Тут встали, напились чаю, распростились и разъехались: Машинька в Торжок, а мы сперва к Благочинному на полчаса, а там в Рыскино. Погода последние два дня была чудесная, но вчера, в день нашего сюда приезда, почти в ту минуту, как мы въехали в наши владения, пошел дождь, который лил весь день и всю ночь. Сегодня немножко попрыскало, но зато холодно и очень ветрено. Я забыла тебе сказать, что мы долго ехали до Волочка по двум причинам: 1-е потому, что две ночи ночевали, а 2-е от того, что нашу коляску два раза чинили, ось сперва, а там шину, что взяло у нас по крайней мере часов шесть или более. Но нам не скучно было. Я в жизни не помню, чтоб мне была такая приятная дорога, кроме только, как когда мы ездили с тобою в коляске, одни, в Белоруссию, в первый год нашей женитьбы, тогда тоже мне было очень весело. Это удивительно, что за добрая, что за славная, что за милая Машинька.

31-го утро

Левочка, душинька, сделай милость, примись хорошенько похлопотать о том камне, за который нам денег не выдают. Подрядчик Митрофан Астафьев и сам не платит, и ссылается на майора Шванибаха, что тот ему денег не выдает, а за несколько сажень битого камня и совсем не заплатил ни гроша, говоря, что майор удержал эти деньги у себя. Похлопочи, душечка, прошу тебя не ленись.

Приехав сюда, я застала здесь первое письмо твое, милый друг. Ты был прав, душа моя, эта белая башня в Ижоре был точно пограничный столб, а не колокольня. Ты пишешь, что тебе приносят для корректуры листы моего романа Думаю я4. Пожалуйста, поправляй осторожно, чтоб не исправить навыворот. Да еще, мой друг, не забудь, что первый том оригинальный, аглицкий, у Смирдина5, для вырезки того листка, который по ошибке вырезали не по русски. Пожалуйста, душечка, постарайся, чтобы не пропал этот листок, чтоб его вклеили назад в книгу и чтоб книга не пропала. Когда кончут всю эту операцию, то возьми эту книжку к себе и прибери ее у себя, да не потеряй, и посмотри хорошенько, чтоб этот вырезанный листок был вклеен на место.

Когда я поехала из Петербурга, там остались неубранными: 1-е мои образа, привезенные отсюда, в позолоченном окладе: Божья матерь и Николай Чудотворец. Первый в твоем кабинете, а другой, кажется, в зале. Пожалуйста, береги их, чтоб были целы. Со стены их не снимай, но вели Карпу очищать с них пыль, также и с других образов. 2-е осталась зимняя лакейская ливрея, новая, на медвежьем меху в темной кладовой, ничем не завешена. Прикажи Карпу завернуть ее в толстую простыню, выколачивать мех почаще и беречь, чтоб моль не завелась. 3-е остались в комнате две коленкоровые занавески на стеклянных дверях. Вели их или прибрать, или беречь, чтоб не пропали, особливо когда Александра Константиновна6 будет у нас гостить, так чтоб ея девушки не увезли этих занавесочек. Ты не смейся, душинька, что я так хлопочу о них, ведь они сделаны были и висели, где ты думаешь? В Путивле! В новой пристройке! То как же мне расстаться с ними?

2-го июня

Вчера был у меня Благочинный, и я его расспрашивала о камне, точно ли майор Шванибах удержал деньги, он также утверждает, что деньги им задержаны, он во всем околодке задержал плату, у нас одних задержал более 150 (рублей), ибо за иные совсем не заплатил. Похлопочи, душечка, он такой обидчик, что это ужас. Он же и прошлаго года обижал и Потапа и будовских крестьян. Пожалуйста, не откладывай этого дела в долгий ящик. Бедные мужики работали целую зиму и им теперь платы не отдают. Подрядчика зовут Митрофан Астафьев, он живет в Выдропуске, а майор Федор Антонович Шванибах.

Хотела прислать тебе денег на этой почте, но Потап встретил меня только с 80-ю (рублями), и то на серебро, да я довезла 100 (рублей) ассигнациями, вот и все тут. Хлопочу, чтоб продать муки и послать к тебе хоть сколько-нибудь денег. Похлопочи же и ты за нас. Мельница готова, но все еще мелит с починкою. Все навещают меня да мешают мне, а я еще ни у кого не была. Всякой день гости, такая скука, да еще что за гости!

Досадно, что все больны: Mme Benoot и Миша в такой же сыпи, как был Коля в Петербурге и оба лежат в постеле.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 6 июня 1833 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 82—84.

3

1833. 6-го июня. Рыскино

Душа моя, я получила твои письма и посылку с прищепами, за все крайне благодарю тебя. Только досадно мне, что ты не знаешь себе цены и отталкиваешь от себя случай сделаться известным Государю7, когда этот так прямо и лезет к тебе в рот. Зачем ты не послушал Адлерберха8? Напрасно! Адлерберх не дитя, уж верно не предложил бы тебе ничего такого, что бы не могло быть сделано. Читая твое письмо, мне было смешно и досадно. Смешно сравнению твоему с журавлем, а досадно, что ты пятишься назад, когда добрые люди тянут тебя вперед. Поверь, что смелостию всегда выиграешь более. Отчего брат Петр, отчего А. Н. Мордвинов9 выигрывают? Смелостию. А напротив, боязливый человек всегда теряет. Нынче скромность вышла из моды, и твой таковой поступок не припишут скромности, а боязливости и скажут: “Видно у него совесть нечиста, что он не хочет встречаться с государем!” Послушайся меня, Левочка, ведь я не могу дать тебе худого совета, не пяться назад, а иди навстречу таким случаям, не упускай их, а, напротив, радуйся им.

Леонтий Васильевич Дубельт

Извини меня, мой голубчик, за мою проповедь, право от души говорю, желая тебе и детям добра. Не сердись душечка!

Вот что дурно, что мы как приехали сюда, все больны.

Mme Benoot очень была больна, еще и теперь насилу бродит и не может на свет смотреть и кашляет ужас как, и похудела бедняжка. Миша тоже прохворал сыпью, как Коля, и дней пять не выходил из горницы, а двое суток пролежал в постеле, в жару. Теперь моя очередь, у меня сыпи нет, но вся болезнь сосредоточилась в горле, которое так болит, да так болит, что хоть караул кричать. Особливо по ночам, это ужас! Я каждую ночь думаю, что у меня в горле воспаление. Ни глотать, ни говорить, ни дышать не могу без ужасной боли, голову всю разломит, жар несносный, пульс бьется шипче часовых секунд, во всем теле волнение, а боль в горле, как помнишь, зимою была у меня боль зубов? Ну, почти такая, и что всего досаднее, что ничто не помогает. Я переменяла полосканий разных, а боль тут как тут. Днем полегче, но к ночи усиливается, и всю ночь мучусь ужасно. Это с субботы, а сегодня вторник. Боль засела в горле, да и все тут! Что хочешь делай, а она не идет прочь. И так досадно, дела пропасть, надо везде присмотреть, а не смею из горницы выдти; жара ужасная, а я в теплой кацавейке, вся обвязана, окна и двери все закрыты — каково мучение! Зато погода славная. Дождичек изредка помачивает землю, но так осторожно, что грязи вовсе нет, а только смачивает землю сколько нужно. Дай, Бог, чтоб такая погода простояла все лето.

Анна Николаевна Дубельт

По твоему последнему письму, которое я получила вчера (оно от 1-го июня), ты должен быть теперь в Фалле10. Напиши, голубчик, все подробно, как ты доедешь и вернешься, все расскажи без изъятия. Я люблю знать, где, когда, что ты делал.

А вот что скверно! Деньги не даются как жар птица. Нет денег, да и только! Ничего не могу с рук сбыть. В шкатулке всего на все 130 (рублями), на все расходы, да и к тебе мне страх как хочется послать, ты, я думаю, также без денег, бедняжка. Я столько у тебя забрала, что не знаю, как и отдать. Уж настоящий журавль в болоте, увязла с носом и с ногами! Ты нос, а я ноги — ни того ни другого не могу вытащить! Напиши, Лева, как ты перебиваешься и можешь ли потерпеть моего подкрепления недельки две, три? Зачем ты мне ничего не пишешь о пребывании государя в Фалле, верно А. Н. Морд(винов) тебе рассказывал. Напиши, душечка, ведь знаешь, как я люблю слышать все, что касается до нашего славного Царя.

А у нас вот какие вести: 1-е — сегодня начали навоз возить, такая суматоха, что ужас. Хлопочут, кричат, настоящая ярмонка. 2-е — Анна Прокофьевна оставляет Медведевых и едет гостить к нам опять в Рыскино. Я рада ей, потому что люблю ея веселый нрав, и боюсь много иметь хлопот с нею. Она любит во всем учить и во все мешаться, а я этого не люблю.

Нынче малейшая неприятность вредна моему здоровью, и я боюсь, что я часто буду больна от того, что должна буду молчать или говорить по пустому.

Не знаю, писала ли я тебе, что мельница готова и очень красива, еще худо мелит, то ветру нет, то встретится починка. Сначала всегда так. Дай Бог только, чтоб уцелела. Прощай, мой милый, целую ручки твои за прищепы. Сегодня уж их привили.

Душечка, не забыл ли ты о студенте для математики. Коля совсем здоров.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 6 июля 1833 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 84—85.

4

6-го июля. Рыскино

Вообрази, Лева, как обидно, что я, такой аккуратный человек, пропустила Машиньку, не выставив для нее лошадей в Выдропуске, и допустила ее нанять в яму лошадей, чтоб снова приехать. Не знаю почему я ожидала ее только к 10-му, и потому надеялась, что до того еще получу от нее письмо, и только 4-го послала в город, послала, а она и тут. Прежде, чем человек вернулся из города, Машинька под вечер 4-го числа приехала к нам. Я себе простить не могу моей оплошности. Только что Машинька приехала, и письмо ее привезли, где она пишет, что 4-го полагает быть в Рыскине. Получи я это письмо днем раньше, я бы успела послать лошадей в Выдропуск. Так нет, провозилась, пока опоздала. Настоящая возюхина! Не правда ли?

Добрая Машинька пробыла у нас двое суток, завтра едет. Жаль будет и пусто будет очень, как они уедут, они такие добрые, такие милые люди, что нельзя их не любить от всей души. Эти два дня пролетели как две минуты.

Видайся с ними почаще и люби их, как они того достойны, прошу тебя, мой ангел. Степан Поликарпович так добр, умен, рассудителен, мил, что нельзя не любить и не уважать его от всего сердца. Я такого достойного человека, право, редко встречала. Только ты с ним похож да Сенюшка. Добрее вас трех и скромнее, право, на свете нет.

Машинька привезла мне счастье, только она приехала и деньги появились. Продала я ржи 60 четвертей за 930 (рублей) на монету, 210 (рублей) задатку оставлю себе на расходы, а 720

(рублей), когда получу, пришлю тебе. Так я рада, что могу прислать тебе денег! Мне хотелось было послать их тебе со Степ(аном) Поликар(повичем), но еще не получены. Обещают принесть в конце этой недели. Уж нечего делать, пришлю по почте.

Я хочу проводить наших милых Лавровых до Волочка и объехать туда на Выдропуск, потому что прямая дорога на Волочек очень грязна и очень дурна.

Вообрази, как обидно, оба эти дни, что Машинька здесь, все дождь идет, изредка прояснеет, и опять дождь. Ни разу не могли мы ни обедать, ни чаю пить на воздухе, ни даже на балконе. В саду гуляли раза два, все поднявши платье от мокроты, в калошах и то беспрестанно боясь промочить ноги. Нельзя ни посидеть, ни порядочно погулять по саду. Все бежит домой от дождя. Беда, да и только!

Я получила твое последнее письмо от 27-го июня. С нетерпением буду ожидать известия о

Думаю про себя, а еще с большим нетерпением буду ждать от тебя присылки хоть двух или хоть одного экземпляра. Ежели останется за нами, то уж ты не пожалей трудов, чтобы напечатать и объявить об этой книге в газетах. Только надо просто делать, как делают другие — объявить самому в газетах на свой счет да самому и похвалить, по крайней мере хоть объявлять почаще. Надо раздать и книгопродавцам, и на буксир потянуть Андрея Глазунова, нашего приятеля. Особливо объявлять в газетах как можно больше и чаще.

Приостановись давать денег, душечка, за нашего садовника. Его барин здесь, и садовник здесь просит денег* для уплаты оброку, так это будет двойная плата. Садовник говорит, что в Петербурге этот господин совсем ему не барин, а барин здешний майор Шванибах и что здесь ему надо и оброк вносить. Так эдак мы можем вдвойне платить нашему садовнику, что будет довольно убыточно — он очень добрый малый, послушен, смирен, но плохой садовник.

7-го июля, утро

Вообрази, Лева, что мы так вчера хохотали, что давно я не помню такой хохотни между нами; все нас смешило, а больше всех Анна Прокофьевна. Степан Поликарпович тебе расскажет, какая она шутиха. К этому, вздумала я подчивать моих гостей шеколадом после обеда. Павел, повар, сварил его и принес в горницу наливать. Он никогда не бывал с парадного крыльца ни в старом, ни в новом зале и заблудился; что всего смешнее, это то, что, беспрестанно желая скрыть себя и шеколадницу от нас, он поминутно попадал в ту комнату, где мы сидели, и не нашед ни приготовленных чашек, ни Аристара, кои оба были налицо в буфете, он с шеколадницею побежал стремглав назад в кухню, и опять мимо нас, и таким образом унес предмет наших ожиданий, шеколад, с собою. Нам так смешна стала эта беготня, что мы хохотали, как дети, и после уж все смешило нас.

Вечер

Машинька хотела сегодня ехать, но осталась за погодою, дождь ливмя льет целый день, сыро, холодно — достойное вознаграждение за прошедшие жары. Между тем Родивон Васильевич принес и остальные деньги за рожь, 720 (рублей) на серебро, которые я просила наших Лавровых к тебе довезть. Они взялись, и так, ты получишь от Степана Поликарповича 720 (рублей) на серебро, то есть 180 целковых (рублей), что составляет 675 (рублей) на ассигнации. Я полагаю этим заплатить 500 (рублей), что ты мне дал на дорогу, а остальными 175 (рублей) заплати какой хочешь долг. Кроме того, я еще останусь тебе должна, уж тут прошу тебя, мой голубчик, потерпи, пожалуйста — денег в виду нет, а коли будут, то еще пришлю для уплаты остальных долгов моих.

Посылаю тебе на показ рыскинский колос, еще незрелый, чтоб ты видел, как он хорош, и как зерна будут велики. Посылаю тебе еще две мерки задвижек к окнам. В зале у нас только 2

зерна будут велики. Посылаю тебе еще две мерки задвижек к окнам. В зале у нас только 2 задвижки у 7-ми окон, а в Торжке больше нет. Без задвижек же окна не держутся, и в большой ветер мы принуждены привязывать их платками к стульям. Сделай милость, пришли нам 5 пар задвижек по этой паре мерок; тут одна большая, другая маленькая, но обе к одному окну, надо по паре к каждому окну, итак, 5-ть больших и 5-ть маленьких задвижек, всего 10-ть, но не 10-ть пар,

а 10-ть задвижек, что составит 5-ть пар к 5-ти окнам. Задвижки медные все, на мерке нарисовано, где должны быть пуговки, за которые отворяют задвижки. Надо, чтоб все пуговки были в равном расстоянии от края, а то будет безобразно, если иначе. Пожалуйста, купи мне таких задвижек и пришли посредством дилижансовой конторы. Я за них в Торжке платила по 3 (рубля) 50 (копеек) за пару, или еще, кажется и по 3 (рубля) ровно, то уж ты не плати дороже 3 (рублей) 50 (копеек).

Ты не писал ни однажды, Лева, что ты сделал с нашим мальчиком, Ванюшкою, которого мы хотели в столяры отдать. Напиши, пожалуйста, что с ним делается, и где он.

Прощай, мой ангел, целую тебя от всей души, дети просят твоего благословения. Все здоровы.

Твой друг А. Дубельт

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 10 июля 1833 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 85—86.

5

1833. 10-го июля. Рыскино

Ну, Лева, проводила я своих Лавровых. Вчера вечером вернулась я из Волочка, куда провожала их. С ними отправила я к тебе письмо и 675 (рублей) денег по петерб(ургскому) курсу, а по здешнему 720 (рублей), то есть 180 целковых. Не взыщи, Лева, что я на Машиньку надела свою красную кацавейку, которую ты мне подарил. Это не значит, чтобы я тебя любила меньше Машиньки, а только то, что я Машиньку люблю больше кацавейки. Не брани меня, что я тебе не прислала варенья, сама привезу и вместе будем кушать.

Я просила тебя прислать мне задвижек, теперь попрошу еще прислать мне вместе с тем 3 пары медных крючков: широких, прямых, для балконных дверей, которые от ветра никак не держатся, что весьма неприятно. Я прилагаю здесь вырезанный бумажный крючок, по которому прошу тебя купить мне три пары таких, только потолще и на разные руки, ибо пара крючков должна быть на разные стороны, чтобы быть действительною. Пара платится 120 (копеек), так это сделает 3 (рубля) 60 (копеек). Прости меня, душинька, что я тебя так обижаю: послала денег, чтоб долг заплатить, да надавала коммисий!

Проводив Машиньку до Волочка, я там получила три письма твоих, из коих последнее от 7-го июля, писанное на двух пароходах при поездке твоей в Кронштадт. Прежде всего скажу тебе, мой дружечик, что я согласна с тобою, что надо оставить Думаю про себя за Смирдиным и не рисковать самим. Мы и не умеем хлопотать, да нам и не везет, так лучше и не браться. Только вот какой уговор я хотела бы сделать с Смирдиным, что если бы посчастливилось продать все первое издание, то второе уж было бы наше, а не его. Ты смеешься о 2-м издании, я не смею и надеяться на оное, но кто посчастливее, тем удается. Семейство Холмских также перевод, слог не лучше моего, а чрез полгода после появления его в свет уж не было ни одного экземпляра в книжных лавках. Впрочем, теперь не говори ни слова, пришли мне только отпечатанных экземпляра два сюда, когда будут готовы, а я буду стараться кончать скорее 2-й том.

Напиши, пожалуйста, какие полковники произведены в генералы, нет ли знакомых? 24 человека не шутка, я думаю теперь недалеко и до Брозе!

Ты думаешь, мои коммисии уж и все, совсем нет. Мне нужны еще башмаки, ботинками: они

стоят два (рубля) пара, кожаные. Вот тебе и мерка длины, в подъему чтоб были пошире. Мера длины башмака составляет меру подъема кругом ноги.

Ты часто ездишь в Петергоф, и оттуда бываешь на даче у дядюшки, как бы ты хорошо сделал,

если б когда-нибудь предложил Машиньке с мужем ее побывать там. Она, голубушка, ведь очень будет скучать в городе все лето одна, это была бы для нее прогулка. Втроем вы славно можете прокатиться в четырехместной коляске. Левочка, предложи им, пожалуйста. Да еще, прошу тебя, видайся с ними почаще, они тебя очень любят, и в их обществе, право, делаешься добрее и лучше. Они оба такие кроткие, такие рассудительные, такие милые люди; люби их, Левочка, и поддерживай нашу связь с ними, пожалуйста.

Что ты мне ни слова не пишешь о Катер(ине) Влад(имировне) Родзянко, где она, что ее дело о детях, взяла ль она наше фортепиано, кровати и диван, который ты хотел дать из своего кабинета? Когда она поедет из Петербурга, пожалуйста, возьми это все назад, чтоб не растерялось. Кланяйся от меня очень усердно Катер(ине) Влад(имировне) да напиши мне об ней.

Пока Машинька здесь была, дождь лил ливмя, так что она ничего не могла судить о нашем саде; везде было мокро, сыро, нельзя было ходить по дорожкам, не подняв платья, чтоб не замочить, везде лужи, даже ни разу не могли пить чаю на воздухе, не только в саду, но ни даже на балконе. А только что она уехала, как вот сегодня день прекрасный, тепло, сухо, и мы провели на воздухе много препиятных часов. И Анна Прок(офьевна), и я, и все мы вздыхаем, что не было такой погоды при Машиньке. Слава Богу, моя дурнота стала полегче, зато голова болит, но это все-таки лучше дурноты, которая всего несноснее.

Дети были очень рады твоим письмам. Они здоровы, умны, как нельзя больше, славные мальчики.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 24 июля 1833 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 86—87.

6

1833. 24-го июля. Рыскино

Я столько писем получила от тебя, Лева, на прошедшей неделе, что не знаю, на что и отвечать. Три письма по случаю да два по почте. А куды как весело их получать. На два первые я уже отвечала, третьего дни получила письмо чрез Петра Ивановича, да вчера два письма с почты от 17-го и 19-го с. м. Получила и Рижский бальзам, который очень кстати и за который очень тебя благодарю, голубчик. В письме твоем с Петр(ом) Ив(ановичем) ты обещаешь мне и детям подарки, которые будут нам очень приятны. Вот мы и стали думать, что бы это было такое, и не поверишь как любопытно знать, что это такое. Пришли поскорее, пожалуйста.

Жандарм твой из Москвы приехал сюда сей час, и я с ним пишу это письмо. С ним же посылаю тебе 22 целковых, что составляет по вашему курсу 82 (рубля) 50 (копеек). Это в щет тех ста (рублей), которые я тебя просила приплатить за Бенуа, по его поручению, в Петербурге. Я послала к тебе для этого 50 (рублей) ассигнациями — получил ли их? Итак, за мною еще 17 (рублей) 50 (копеек), которые также пришлю, как только будет возможность. Напиши, пожалуйста, все ли получил и отдал ли, как я тебя просила, по принадлежности.

Я забыла тебя попросить снестись с Наташей насчет ревизии. Мы с нею уговорились при первой ревизии переписать крестьян, которые перепутаны, то есть мои записаны у нее, а ея у меня, то она и была согласна это сделать, чтоб во время ревизии их переписать на свои места. Спроси ее, пожалуйста, хоть письменно, согласна ли она на это и если согласна, то устрой, что тут надо, — просьбу ли нам обеим подать, доверенность ли тебе дать. Пожалуйста, позаботься об этом

просьбу ли нам обеим подать, доверенность ли тебе дать. Пожалуйста, позаботься об этом, голубчик, а то после это будет стоить гораздо дороже. Если нужен будет писарь для ревизии, я попрошу тебя его прислать. Теперь у нас еще ничего об этом не слыхать.

Благодарю тебя, дружочек, за письма твои из Гатчины и Красного села. Описание кадетского

празднику, которое вы сочиняли с Гречем11, прекрасно. Только мне не нравятся эти слова на конце:

приидите и узрите! Они ни к чему, кажут или неискренны, или можно их почесть за шутку. Меня они очень насмешили, а после стало жаль, что они тут. Надо было бы так кончить без них.

Очень рада афишке, и еще более Веринькиному письму. Вот на него и ответ. Перешли, пожалуйста, или сам доставь. Очень рада была читать, что Наследник12 вспомнил о Николиньке. Смеялась разговору твоему с Константином Николаевичем13. Голубчики, если б они знали, как каждое их слово тешит нас!

Вторая часть

Думаю я про себя приходит к окончанию. Я бы продавала и первую без второй, потому что сказано в предисловии, что вторая часть явится в свет, когда благосклонность публики к первой части обнадежит переводчицу. Впрочем, ты лучше знаешь, если все советуют дождаться второй части, так, пожалуй и подождем.

Кажется, что я стала немного поздоровее, нежели с начала лета. По крайней мере, не думаю умирать каждый день. Еще надеюсь пожить хоть сколько-нибудь. Голова побаливает и дурнота бывает, но все-таки полегче, а на прошедшей неделе были денька два, что я совсем была здорова.

Прощай, голубчик. Посылаю тебе наружный план, или чертеж, или рисунок нашего дома. Это делал наш студент Аникин. Цветник перед балконом тот самый, который сделан в честь твоей треугольной шляпы и о котором Миша тебе писал. Посылаю тебе еще окорок домашней ветчины. Она очень вкусна, только прикажи ее хорошенько поварить, чтобы не была ни жестка ни солона. Хотела прислать домашнего сыру, да не хорош, хотела прислать варенья, да боюсь, что банка разобьется. Прилагаю еще два пакета от Бенуа и Аникина. Доставь их, пожалуйста, по принадлежности.

Дети целуют твои ручки. Я дала Коле прочитать, что Наследник о нем спрашивал. Вообрази, что он даже заплакал от радости.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., б. д. («Что ты за добрый, предобрый человек, мой Лева...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 110.

32

(б. г.)

Что ты за добрый, предобрый человек, мой Лева. Не знаю как тебя благодарить за труды твои и хлопоты о Ломиковском. Бумаги его я сама привезу тебе, потому что мне самой надо видеться с его тещей в Волочке, без меня ее не найдут и не будут уметь растолковать ей, что ей надо делать, а когда я буду в Волочке, так я сама все это устрою.

А за то, что ты такой добродетельный человек, то вот к тебе еще просьбы. Здесь Амалия Матвеевна Давыдова, и слезно просит о своем деле. Соперница ее подала апеляцию в феврале месяце, и теперь сама поехала в Петербург хлопотать об этом деле в свою пользу; то Амалия Матвеевна и боится, чтобы не решали в Сенате против ее. Дело во 2-ом Департаменте, она умоляет тебя постоять за нее и за старушку сестру ее мужа, чтобы кончили скорее ее дело, и так

как оно везде было решено в их пользу, поворожить, чтобы теперь не решили в Сенате дела против них и не отняли бы у них имения. Она так жалко меня просила, почти со слезами, что я обещала упросить тебя помочь ей вырвать от бесстыдной женщины имение, которое по всем правам и законам следует сестре, а не названной жене покойного Давыдова. Скажи хоть

словечко, есть ли какая надежда.

Прощай, душа моя, спать хочется и устала, весь день была с гостями, зато отдыхала все это время; а вчера была Марья Ивановна Рукина, а сегодня Давыдова и Благова. Я очень люблю эту последнюю, такая милая женщина. У нас тепло, как в бане, во всем верху по одной печке топили, а внизу так жарко, что я велела все трубы открыть. Впрочем, и на дворе только 4 градуса мороза. Как славно в деревне.

Целую тебя. Миша очень умен.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., б. д. («Всем благодеяниям и милостям пресветлейшего...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 106—107.

27**

(б. г.)

Ведомость

Всем благодеяниям и милостям пресветлейшего, высокоименитого и высокомощного Леонтия Васильевича Дубельта к покорной его супружнице, деревенской жительнице и помещице Вышневолоцкого уезда Анне, Николаевой дочери

1. Английская Библия

2. Календарь на 1847-й год

3. Ящик чаю

4. Ящик чаю

5. Денег 144 (рубля) серебром

6. Денег 144 (рубля) серебром

7. Винограду боченок

8. Икры огромный кусок

9. Свежей икры боченок

10. Миногов боченок

11. Сардинок 6 ящичков

12. Колбасов 6 миллионов сортов и штук

13. Осетрины полрыбы

14. Ряпушки копченой сотня

14. Ракушки кокосовой кости

15. Душистого мыла 9 кусков

16. Подробная карта Тверской губернии

17. Две подробные карты Швейцарии

18. Подробное описание Швейцарии, французская книга

19. Дюжина великолепных перчаток

20. Памятная книжка на 1847-й год

21. Альманах Готский на 1847-й год

22. Девять коробочек с чиненными перьями

22.* Бесконечное количество книжек почтовой бумаги

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., б. д. («Если Федор Фед(орович) в Питере...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 110.

33*

Если Федор Фед(орович) в Питере, отдай ему пожалуйста, то есть отошли прилагаемое письмо и счет. Если же он уехал сюда во Власово, то прочитай его письмо и вместо его потрудись исполнить. Пожалуйста, прошу тебя. Особенно нужно исполнить что я прошу о мальчике, который учится у Барановой на кухне. Но если Фед(ор) Фед(орович) в городе, ты не беспокойся тогда, он все сделает.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 9 января (1835 г.) Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 87—88.

7

(1835 г.) 9-го января. Рыскино

Милый Левочка, не можешь ли ты мне сказать словечко о моем переводе Блера? Извини, что я тебя беспокою этим вопросом, но как-то хочется знать судьбу моего детища.

18-го письмо это начато, девять дней тому, и все что-нибудь мешает продолжить. Осыпали меня здесь и свои дела и чужие, кто просит, кто за советом идет и едет. Думаю, что я ужасть как много помочь могу. Более всего меня занимает дело Алексея Степановича, которого явною злонамеренностию хотят погубить со всех сторон, хватаясь за все, что подает тень обвинения и упуская все, что может служить к его оправданию. Например, кричат: взял 2 (тысячи рублей) от исправника, а что он из этой суммы заказал поминовение в трех церквах и заплатил за самое погребение около 350 (рублей), — об этом не хотят ни справок, ни росписок принять. Обвиняют: взял ложки из кладовой и шелковый платок, а молчат, что ложки взял к столу, платок же надел на покойницу. Зачем распоряжался, говорят, но есть пословица: если бы знал, где упадешь, соломки бы подложил. Если бы он знал, что назовут расхищением заботу о погребении безродной женщины, не поехал бы на зов людей ее и вотчинного старосты, которые, как она умерла, не знали, что им делать и как ее хоронить.

Трудно пересказать все злонамеренные и пристрастные действия следователей и судей, в чьих

руках было это дело. Больнее всего, что тот же самый уездный предводитель Завальевский, который так жестоко поступал при этом следствии и старается погубить человека за 2 (тысячи рублей), принятые на погребение и поминовение бездетной женщины, которая оставила праправнучатным племянникам имения, хлеба и денег более чем на 200 (тысяч рублей), этого он губит, а извергов, которые жили 20-ть лет в Волочке воровством, грабежом и зажигательством, так тот же Завальевский старается оправдать. Я недавно видела одного священника из Вышневолоцкого Казанского Собора, который, будучи человек совсем посторонний, полковнику Станкевичу не может нахвалиться его действиями. Завальевский распускает слухи, будто Станкевич морил голодом обвиненных и употреблял разные истязания, чтоб исторгнуть от них сознание, но этот священник — вышневолоцкий житель и говорит, что ни истязаний, ни каких строгостей не было употребляемо, а виновные или доказывали друг на друга, или сознавались сами по убеждениям Станкевича. Вышневолоцкие жители, проведшие столько лет в беспрестанном страхе от грабежей и пожаров, не знали, как благо(дарить)

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 7 февраля [1835 г.] Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 88—89.

8

7-го февраля. Рыскино

Голубчик мой бесценный, бесподобный мой Левочка, уж как ты добр, так уму непостижимо. Как ты принял просьбу мою помочь Алексею Степановичу! При множестве твоих беспрерывных занятий другой бы посетовал на меня, что я еще тебя утруждаю, но ты сам чувствуешь столько участия. Не мудрено мне входить в это, у меня и время больше и я больше слышу об этом деле. Не мудрено содрогаться при мысли, что старик, отец 10-ти детей, приговорен в Сибирь за то, что имел неосторожность принять на себя хлопоты и расходы по погребению женщины, которую некому было похоронить. Если б я и не знала его, все бы содрогнулась, но зная это семейство столько лет, зная Алексея Степ(ановича) всегда с хорошей стороны, имев его около десяти лет отцом духовным, зная его нравственную жизнь, считая его всегда примерным священником и видя теперь, что он гибнет по злобе, по наговорам, потому только, что хотят погубить его, — как не приложить всего старания и не искать всех средств помочь ему!

Но ты, мой добрый и прекрасный, ты, обремененный кучею дел, не имея тех причин, как я, сильно чувствовать положение Алексея Степ(ановича), ты так же горячо, как и я, за него вступаешься и хвалишь меня за то, что я желаю помочь ему. У кого же, как не у тебя, мой ангел, научилась я желать добра ближнему и помогать ему, когда он того заслуживает?

Прошу тебя помочь Алек(сею) Степ(ановичу) не слепо, не только веря моим словам, но упросить кого следует рассмотреть дело и все находящиеся при нем бумаги, сличить, сообразить с желанием отыскать справедливость, а не подписывать решение только, чтоб прикрыть следователей, или, чтоб не читая дела, отделаться от него поскорее.

Например, показаний исправника есть два, первое, диктованное Завальевским, где он все слагает на Оглоблина; второе, писанное им самим в полной памяти, где он говорит, что первое его показание вынужденное, что его заставили все показывать на Оглоблина, угрожая посадить его в острог, если он этого не сделает. Первое показание, вынужденное, принимают за достоверное, второе же, которым он опровергает то, которое было ему диктовано, о втором молчат. Во всем производстве этого дела видна злоба, притеснение, пристрастие, злонамеренность и по меньшей мере незнание и лень. Вышневолоцкий уездный судья положил первый решение: лишить чести и звания! — а сам дела совсем не читал. Он сам это доказал, быв у меня, говорил то, чего совсем в деле нет и не было никогда. Утверждал, что есть такие-то бумаги, письма, справки, выражения, которых или нет, или совсем другое, нежели он говорил. Потом я слышала от человека, который

за этим делом следил, что этот судья действительно дела не читал, проводя ночи за картами, и когда придет поутру в присутствие, то, не выспавшись, скорее торопит все и всех, ничего не читает и не понимает, а о деле Алексея Степ(ановича) все бегал спрашивать предводителя Завальевского, как он прикажет. Уездный суд и дворянская опека в одном строении и комнаты рядом, притом судья зависит от председателя и притом еще судья человек очень слабоумный, а предводитель очень злой, хитрый и пронырливый. Все это очевидно из поступков Завальевского и незнаний судьи. Этот последний так врал мне самой об этом деле, что я ушам своим едва могла верить.

Мне кажется, милый мой Левочка, надо сыну Алексея Степ(ановича) подать просьбу в Сенат и написать письмо к графу Бенкендорфу, чтоб ты имел право вмешиваться официально в это дело. Как ты думаешь, не правда ли?

Еще скажу тебе некоторые обстоятельства в пользу Алек(сея) Степ(ановича). Он священником 38 лет, и все в одном Выдропуске, из этого лет 25 благочинным, устроил церковь свою до возможного совершенства; и тогда как здесь везде, во всех приходах, множество раскольников, в его приходе нет ни одного, решительно, и даже во всем благочинии очень мало, а в его собственном приходе ни одного раскольника, чего нельзя иначе приписать ничему, как тому, что его прихожане, видя его назидательную жизнь, не отклонялись от православия, почему же в других местах и священники меняются беспрестанно и раскольников пропасть. Это много зависит от самих священников. Алексей же Степанович прослужил почти 40 лет все на одном месте, был и молод и состарился, и всегда жизнь его была так похвальна, что прихожане любили его всегда, как отца, и когда везде кругом раскольники, у него в приходе ни одного. Человек, который так провел всю жизнь свою, может ли сделаться вором в 64 года? И можно ли такому старику не оказать вот столько снисхождения, чтобы не отнимать у него средств к оправданию?

Да и приговор незаконный. Нельзя приговорить без улики или сознания. Улик не было, ни доказательств неоспоримых, ни сознания никакого, а приговор сделан жестокий, безжалостный, почему? — Более не почему, как по слухам, а разве можно приговорить человека в Сибирь по слухам?

По делу он не только не виноват в такой степени, но почти прав. Вот и жанд(армский) капитан Васильев14 был в Волочке, узнавал об этом деле и написал записку, которую я тебе отдам, когда увижусь. В этой записке он говорит: “Невинный в том случае протоирей Оглоблин, который, видя в исправнике законного распорядителя, принял от него деньги на поминовение, не считая себя вправе требовать от него доказательств, была ли на то воля умершей, и не полагая такое действие противузаконным, потому что сие делалось отнюдь не тайно, и притом, подобные случаи по духовенству весьма обыкновенны. Следователями же употреблено самовластное распоряжение, не давая никакой возможности к оправданию, угрожая заточением всех в острог, и придав этому случаю значение необычайного преступления”.

Это говорит капитан Васильев, который Алек(сея) Степ(ановича) и не знает, а только как жандарм следил за этим делом из под руки.

Прощай, Левочка. Целую твои ручки и ножки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 14 июня 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 89—90.

9

1835. 14-го июня. Рыскино

Мы приехали сюда вчера, до обеда, ночевали в Выдропуске, доехали порядочно. Все здоровы,

только маленький Колюшка частенько плакал в дороге, и очень было жарко и душно в карете. Вот все наши похождения, милый Лева. Я не вхожу в подробности, потому что нечего рассказывать, все одно и то же, только мы этот раз дольше ехали. Первую ночь от Ижоры ночевали в Подберезьи, вторую в Яжелобицах, а третью в Выдропуске. Тут поутру я только что начала вставать и собираться ехать в Рыскино, как пришли мне сказать, что Муравьев Андрей

Ник(олаевич)15 проезжал в Москву, очутился в Выдропуске и желает меня видеть. Я поскорее оделась и видела его минуточку, потому что он ехал в дилижансе вместе с другими и не мог ждать. В Подберезье, в 2 часа утра, обогнал нас и отдал мне твое письмо. Спасибо за его отправку и за крестик, но этот крестик не Колюшкин, а Надеждин, от того он и нашелся не в кроватке, а в кирпичинке. Теперь я хорошенько расспросила, оне говорят, что это не крестик у них остался в кроватке, а образок финифтной с изображениями Св. Николая и Митрофания по обеим сторонам, образок на розовой ленточке и привязан был внутри, в кроватке, в головах. Вели, душечка, еще поискать, пожалуйста. Может быть, когда в день отъезда вынимали тюфячок из кроватки, так не вытащили ль тогда и образок. Вели поискать по всем углам, и в сору, и в коридоре, и в кухне, и везде, и в кладовке вели поискать, прошу тебя.

Колюшка очень смешил нас дорогой, когда был весел; он такой веселый и забавный мальчик, сколько у него штук разных и выдумок, что это прелесть. Я иногда хохотала до слез от него. Этого ребенка можно любить до безумия. Он, слава Богу, здоров, скажи это Александре Семеновне, когда ее увидишь, и поклонись ей от меня. Скажи также Александре Семен(овне), что Коля очень весел здесь в деревне, все гуляет, спит хорошо, кушает также и сегодня ни разу не плакал, тих и добронравен как всегда. Скажи также Алек(сандре) Семен(овне), что у Колюшки прорезался еще зубочек, это уж другой с тех пор как он у меня, и оба коренные.

Как мы все трое рады быть в Рыскине, Лева, ты не поверишь. У меня сердце так и прыгает от радости, одна только мысль, что ты один, меня тревожит, но ведь ты мало дома сидишь, так и не почувствуешь нашего отсутствия, а когда и дома, то занят. Не сердись на меня, Левочка, что я Коле куртку сняла и надела на него легкий сертучок, и галстук сняла. Нет возможности вынести этого жара, каков эти дни. Ему в куртке было так жарко, что жаль смотреть на него, она суконная, да еще и толстого сукна, да еще и на подкладке, настоящая мука. Уж прости меня, что я велела ему надеть легинький сертючок и снять галстук. А кабы ты видел, как он прекрасен в этом платье. Шея у него так бела, как у самой пренежной девушки, и к тому красивое лицо, ну загляденье, да и только. Притом же так велик, так ловок, и с голою шеею такое дитя — все это вместе прелестно. Этот костюм Колин напомнил мне старину, и я невольно поплакала. Вспомнила, как я была счастлива, когда Коля был мой собственный. И теперь я счастлива, что его мне дали, но теперь он дан мне взаймы, а не принадлежит собственно мне, как прежде. (Сколь) ко счастья отнял у меня этот корпус.

Твои десять золотых остались у меня целы, и потому их при сем возвращаю с превеликою благодарностию. Вот что худо, говорят, что в Каменном дурные дела делаются, что нанятой управитель заодно с Никифором, вместе пьют, продают бумагу в свою пользу и во всем очень плутуют. Я ничего с ними не сделаю, Лева, право, надо тебе приехать их унять. Я это не шутя говорю, ведь Каменное — дело не шуточное: ежели запустить это имение, жить нам очень будет худо. Я послала за управителем, увижу, что он скажет и что привезет, потом сама побываю в Каменном, и если увижу, что сама не в состоянии с ними справиться, то буду просить тебя приехать образумить этот народ.

Прощай, мой друг, дети целуют твои ручки, и мы все поздравляем тебя с наступающими твоими именинами.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 15 июня 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 90—91.

15-го июня. Рыскино

Милый Лева, во вчерашнем письме моем я забыла попросить тебя о двух вещах: 1-е чтобы приложить все твое старание прислать сюда учителя математики, это очень нужно. Коле теперь

надо проходить тригонометрию, и Долгорукий дал ему тетрадки, но без учителя трудно подвигаться вперед без ошибок. Если Бог поможет тебе приискать учителя, то надо, чтоб он знал и тригонометрию. Пожалуйста, не забудь. Постарайся поскорее это сделать, потому что здесь время ему много (то есть Коле) и он может очень хорошо приготовиться для 2-го класса. Примись хорошенько, душинька, ты верно сделаешь, когда твердо захочешь. 2-я просьба о Сенюшке, похлопочи, пожалуйста, о назначении его в Москву, сделай это для меня, если меня любишь хоть сколько-нибудь.

Ты хотел писать к Ростиславскому о запечатанном овсе, не пиши, его распечатали. Левочка, прилагаю здесь два образчика шерсти, вели мне купить точно таких теней хорошей шерсти, самой лучшей, мягкой (ибо бывает и жесткая). Она продается в Перинном ряду, Марко знает, а в 8-м, 11-м и 13-м номерах я всегда покупаю. Эти две тени между собой похожи, но есть разница, одна светлее, другая темнее. Еще в большом Гостинном дворе, в малой суровской линии, в лавке Сокова, под № 96-м, продают остатки ситцев, оставшихся после расчета Фоминой недели (когда обыкновенно купцы рассчитывают продажу целого года). Эти остатки продаются по 60 (копеек) за аршин. Я перед отъездом купила 20 ар(шин) такого ситцу по 60 (копеек), хотя просили сперва по 1 (рублю). Купила его для сестрициной и Петра Вас(ильевича) девушек, учащихся в магазине, а теперь сожалею, что не купила еще остаточков для Колюшкиных рубашечек. Там есть остатки прекрасных ситцев, которые и хороши и тонки, аршина по два или по два с половиною, как раз ему на рубашечку. В остатках можно купить этот ситец по 60 (копеек), а в кусках он продается по рублю и с лишком за аршин, то не вели покупать от большого куска. Пришли мне остатка два или три, аршина по три, хорошеньких узоров. Там был розовинький, очень миленький ситец, а если его уже нет, то хоть какие-нибудь, только чтоб были хороши, непременно из остатков по три аршина, и не дороже 60 (копеек), а если так нельзя? так и не надо, иначе не вели покупать.

Я в больших горях на счет Каменного. Вообрази, что нынче и половины не сделано бумаги против прошлогоднего. Самую-то большую воду, самое удобное время для делания синей бумаги они пропустили и вместо того, чтобы наготовить ее побольше, не сделали и половины против прежнего. То у них роли были неисправны, то воды много, то воды мало, а все говорят, что это произошло от того, что нанятый управитель и Никифор вместе все пьянствовали или делали бумагу для себя. Не знаю, правда ли это, но все-таки доходу будет с Каменного нынче очень мало. А все отпускные причиною, если бы Никифор не надеялся сделаться вольным, он бы старался нам хорошенько услужить, но эта надежда, а с другой стороны досада, что мы ему мешаем, внушают ему не только желание плутовать, лениться и делать нам назло, но еще вселяют какую-то к нам ненависть, которая может всячески нам повредить, тем более, что ведь доход наш в его руках. Сделай милость, Лева, не ослабевай в производстве дела об отпускных, чтоб скорее кончить — умоляю тебя.

Увидишь Александру Семеновну, поклонись ей от меня и скажи, что наш малютка очень здоров, весел, прекрасно спит по ночам, редко плачет и днем и целый день гуляет, каждый день становясь милее и всех к себе привязывает. Даже мужики им любуются, а он совсем их не боится, и когда увидит мужика, особливо старосту нашего Евстигнея, которого встречает чаще других, то закричит от радости, и, указывая на его бороду кричит кисс, кисс, и всем велит гладить его бороду, и удивляется, что никто его только в этом случае не слушает. Тут он начнет привлекать на себя внимание старосты, станет делать перед ним все свои штуки и стреляет в него ппа!, чтоб он пугался и начнет почти у его ног в землю кланяться (молиться богу), потому что его все за это хвалят, то он думает, что и староста станет хвалить его. А штука-то вся в том, что при мне Евстигней стоит вытянувшись и не смеет поиграть с ребенком, который не понимая причины его бесчувственности и думая, что он не примечен старостою, потому что сам не довольно любезен, всеми силами любезничает, хохочет, делает гримасы и пре[illegible] умора на него смотреть

всеми силами любезничает, хохочет, делает гримасы и проч., — умора на него смотреть.

Спроси Алекс(андру) Семеновну, не получала ли она писем от Машиньки после моего отъезда: где они и что пишут? Да попроси ее сделать милость спросить Машиньку, когда будет к ней писать, получает ли она исправно мои письма? Я уже четыре письма к ней писала.

Нам всем в Рыскине очень приятно и весело, дети купаются каждый день, только жаль, что погода портится каждый день после обеда, а иногда и до обеда. Сегодня такая была гроза, и град, и дождь проливной, что это ужас, немного рожь попортило, а она и то не очень хороша.

Прошу тебя, Левочка, не забудь о Каховском16, муже Надежды Васильевны, что он просится городничим в Ржев. Постарайся, чтобы это скорее сделали — напиши мне, был ли ты уж в Петергофе, что там делал и видел ли наше место? Что там сработаешь, напиши пожалуйста. Получил ли десять золотых, которые я на той неделе к тебе послала?

Левочка, сделал ли ты что-нибудь по письму графа Олизара17 к маминьке, которое она к тебе прислала, где он просит тебя о каком-то несчастном? Не оставь этого дела без внимания, прошу тебя. Все страждущие имеют право на наше участие и помощь. Тебе бог послал твое место именно для того, чтобы ты был всеобщим благодетелем. Напиши мне, кто это, о ком просил Олизар и что можно для него сделать, и что ты для него сделал.

Дети здоровы, Нельсон приехал благополучно и всякий день купается по нескольку раз, то в реке, то в пруду. Колиньке и мне Рыскино кажет(ся) еще красивее прежних лет, а Миша просто от радости на голове ходит. Старику Соуди так Рыскино понравилось, что он писал к своему приятелю в Петербург, что здесь настоящий рай. Вот каково наше Рыскино.

Целую твои ручки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 17 июня [1835 г.] Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 91—92.

11

17-го июня. Рыскино

Вот уж две недели, как не имею от тебя писем, Левочка. Что ты это сделался так ленив писать ко мне? Ждем мы также с нетерпением обещанного студента, хотя Коля и занимается сам, но все-таки с учителем лучше. Присылай же нам его, душечка.

Я в большом горе насчет денег: нет их, да и только! А как подумаю, сколько я тебе должна, так сердце и заноет, что нечем тебя выручить.

Я все не очень здорова: сперва, с приезда, было хорошо пошло, а теперь опять и слабость, и дурнота, и еще замучила к тому бессонница. Глаз не могу закрыть до 5-ти или 6-ти часов утра, голова меньше прежнего болит, но так как она слаба, то мне и думать, и говорить, и слушать других тяжело. Хочу на той неделе начать купаться, авось будет польза. Скучно быть такой хворой, ни что не тешит, ни что не мило.

Все прочие здоровы, дети очень веселы, купаются, ездят верхом, полют цветники, поливают их. И мне было бы очень весело, если б я была здорова, да если б были деньги, чтоб к тебе послать. Меня очень тревожит твое положение. Напиши, пожалуйста, что с тобою делается, и что делается с твоими финансами. Каково ты съездил в Фалль? Я еще не получила от тебя ни словечка после 1-го июня, когда ты писал ко мне перед отъездом из Петербурга.

Напиши, пожалуйста, что делает мой Думаю про себя, много ли его напечатано, и как ты

полагаешь с ним распорядиться? Ты хотел спросить, подождет ли Греч плату за печатание книги, пока продастся довольно экземпляров на такую сумму. Да и что сделалось с первым томом аглицким и с листком, который был из него вырезан? Напиши, пожалуйста, не поленись, Левочка.

Сделай милость, похлопочи о камне. Право, обида крайняя, и жаль бедных крестьян. Постарайся, Левочка, ты? если захочешь, все можешь сделать.

Прощай, мой друг, будь здоров, береги себя. Дети целуют твои ручки. Извини, что не пишут к тебе, — ведь это мне хлопоты. Присылай нам скорее студента.

А. Дубельт

Кланяйся Вериньке и Львовым, когда увидишь.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 21 июня 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 92—93.

12

1835. 21-го июня. Рыскино

Это письмо, милый Лева, будет совершенно деловое. Я получила твои три письма № 4-й, 5-й и 6-й. Вместе с тем получила копию с протеста прокурора и приказание твое достать от Благова документы на тех из мнимоотпущенных людей, которые приписаны к Каменному от Махина. Я писала об этом к Благим, но уверена, что они ничего не могут мне доставить, потому что у них и самих ничего нет на этот счет. Все эти бумаги надо достать в Твери, и потому я также писала к Алисову18 и просила его, посоветовавшись на этот счет с Ивановым19, секретарем Гражданской) Палаты, достать копии со всех нужных для сего документов. Прошу тебя, напиши и ты к нему то же самое, твое письмо подействует более моего и напиши, чтобы он все эти бумаги прислал прямо к тебе. Тут, я думаю, нужна копия с купчей, по коей Махино продано (если в ней упомянуто, что продавец отчислил этих людей за собою). Нужны копии с тех актов, по коим эти люди переведены из Махина в непроданное имение Мусина-Пушкина20; нужна копия с акта, по коему М(усин)-Пушкин наследовал сестрам своим; и еще с того акта, коим он объявлен банкротом и который последовал не так давно. Следовательно, когда было сказано, чтобы подвергнуть ответственности за долги все имение Мусина-Пушкина, какое у него есть или какое впредь отыскаться может, в то время уже части сестер его принадлежали ему и подвергались ответственности наравне с его собственным имением. Прокурор сам не знает, что говорит, когда упирается на Махино. Разве помещик не властен, продавая какое-либо имение, отчислять иных людей и оставить их за собою? А когда этот помещик весь в долгах, то и отчисленные люди должны также отвечать за долги, как и прочие. Пожалуйста, напиши к Алисову и попроси его прислать к тебе все эти нужные бумаги. Все эти акты должны быть в Твери, в судебных местах.

Ты мое это письмо прибери особо, Лева, чтоб иметь под рукою опровержение против протеста прокурора. Главное, надо бить на то, что Мусин-Пушкин не давал воли своим людям, и в доказательство, что он записал их в ревизию и что не оставил после себя духовной, а при себе не явил отпускных. Значит, что не было на то его воли. Закон, приводимый прокурором, говорит о людях, кои бы сами не успели явить своих отпускных в течение месячного срока, а не о таких, коим бы помещик не выдавал отпускных, им принадлежащих с лишком год после их написания и, не явив их нигде, предоставил бы ими пользоваться только после своей смерти, не оставив для того духовной. Все это доказывает и кроме подписей, что на это дело не было воли Мусина-Пушкина, если уж утверждают, что, находясь под запрещением, он имел право выпускать людей своих на волю.

Мне так жаль, что ты не хочешь, чтобы твоя бумага к прокурору была в деле. Там такие сильные опровержения, что всякого бы убедили, а теперь видишь, прокурор утверждает, что я не оказывала никакого сомнения на счет подписей, тогда как в твоей бумаге это сомнение изъявлено очень сильно, да и кроме того, я подала два прошения, одно в губернское правление, другое в уездный суд, где пишу, что эти отпускные подвержены сильному сомнению. Когда придет время,

Лева, пожалуйста, не упусти ничего этого из вида.

Доверенность я подписала, но еще не могла засвидетельствовать, для этого надо самой ехать в город.

Вообрази, Лева, что ящик мой с ковром и книгами, отправленный из Конторы транспортов 6-го июня с десятидневным транспортом и который бы уж 16-го июня должен быть в Волочке, еще и до сих пор не приехал! Прилагаю копию с квитанции и прошу тебя, милый друг, пошли сей час верного человека к Серапину узнать, что сделалось с нашею посылкою, и пожалуйста, поскорее, потому что там есть пропасть книг, которые нужны Коле здесь в Рыскине. Того и смотри, что мы получим эту посылку перед самым отъездом, когда нам надо будет ехать отсюда. Похлопочи, пожалуйста, чтобы поскорее ее к нам доставили и узнай, что с нею сделалось. Дети целуют твои ручки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 24 июня 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 93—94.

13

24-го июня. Рыскино. 1835

Вместе с этим письмом, Лева, получишь 4 книжки, французские, Adele et Theodore, которые отдай в библиотеку Плюшара21. Не забудь, что 28-го этого месяца срок нашему билету, и если ты не намерен абонироваться еще вперед, то надо все книги ему отдать. Я получила два письма твои по почте. В последнем ты уведомляешь меня, что Кат(ерина) Ник(олаевна) Орлова22 приехала в Петерб(ург) сей час после моего отъезда. Жаль, что мы не виделись, тем более, что она уезжает за границу. Напиши мне о ее детях, велики ли они, хороши ли, умны ли, учены ли, на кого похожи, с кого ростом? Если Катер(ина) Ник(олаевна) еще в Петербурге, поклонись ей и скажи, что мне очень жаль что мне все такая неудача с нею видеться. Я слышала, что ее ожидают в Петербург, но не думала, чтобы она приехала так скоро. Если бы я знала, что она будет в Петерб(урге) на другой день моего отъезда, я бы дождалась ее. Напиши мне, где будет жить Михайло Фед(орович)23 во все это время в Москве или в деревне, и как он решился остаться один на такое долгое время. А я здесь хлопочу с Каменным, все жалуются на управителя, а он на всех, а я жалуюсь на то, что мало будет нынче доходу. Однако с приезда я уже получила 6 (тысяч рублей), из коих 5750 (тысяч) посылаю завтра в Торжок выкупить вексель Безобразова, которому был должен Мусин-Пушкин.

Лева, пожалуйста, пришли математика для Коли. Очень нужно, и большую сделает пользу ему для 2-го класса. Он будет впереди товарищей, когда теперь поучится. Немки не надо, не присылай, а математика, чтоб знал тригонометрию, пожалуйста, пришли.

Дети купаются каждый день, а мне нет удачи; они поедут поутру, а я люблю купаться после обеда часу в шестом, но вообрази, что регулярно каждый день к полудню или к обеду соберутся тучи, пойдет дождь и сделается гроза, и мое купанье должно быть отложено до другого дня, а на другой день опять то же. Когда мы сюда приехали, первые дни такая была жара, что я не знала куда деваться; но теперь, слава Богу, только тепло, а не жарко.

Мы едим каждый день каменскую спаржу, она очень вкусна, тем более, что своя. Вообрази, как ее много. Нам привезли ее пуд, да до нашего приезда продали в Торжке 2 пуда с лишком. А

почем продали, как ты думаешь? По 5 (рублей) за пуд! Тогда как в Петерб(урге) она и теперь, я думаю, по 1 (рублю) за фунт платится. Будь эта спаржа в Петербурге, как бы ты ее покушал. Не правда ли? Извини, что так дурно пишу, очень устала, а надо сегодня с вечера отправить в город.

Прощай, мой милый.

Поклонись от меня Александре Семеновне и скажи ей, что наш Колюшка здоров и становится день ото дня милее и забавнее, только беда, что все хочет бегать и бегать один, чтоб никто не держал, так страшно, чтоб не упал. Он до сих пор не забыл ппа!, то есть будто стреляет из ружья, и все должны пугаться. Он очень памятлив. Здесь вдруг один стол показался ему похож на фортепиано, и вот теперь нет покоя ни одному ломберному столу в доме. Одно что Та! (то есть музыка) да и только! Всех заставляет играть, то есть бить пальцами по столу, а сам поет: ту, ту, ти, ти; потом видит, что музыка нехороша, то велит доску стола поднять, думая, что музыка спрятана под доскою, и как видно помня, что у фортепиана есть доска, которую надо отворить, чтобы играть. Это все расскажи Александре Семеновне, а также и то, что малютка начинает произносить несколько слов: папа, баба, нана, кка (это каша), атя (это Катя), только это атя он более произносит на удачу. Ко мне очень привык и очень меня любит.

Прощай, душечка. Дети целуют твои ручки, они здоровы.

Милый Левочка, еще раз прошу тебя за Александру Ивановну Соболевскую. Ради Бога, похлопочи за нее поскорее, ибо она в крайности, без куска хлеба. Ты знаешь, как они были бедны, а если и пенсию она не скоро получит, то каково это ей будет жить без копейки и при таких горестях, какие она терпит. Когда будешь просить за нее, упомяни, голубчик, что она родная внучка известного Беринга, который дал свое название проливу, отделяющему Азию от Америки. Ее отец был сын Беринга. Не молчи об этом обстоятельстве, друг мой, ибо, верно, оно очень подействует.

Еще прошу тебя за Алекс(андру) Иван(овну) Александровичеву. Выхлопочи ей также по ее желанию единовременное пособие, но чтоб было побольше, если можно. Потрудись, постарайся, голубчик, а я уж не знаю, как буду тебя благодарить за эти милости. Прикажешь, на коленях простою два часа перед тем письмом, которое привезет мне утешительное известие, что ты что-нибудь сделал по этому предмету. Дай Господи тебе успех на добрые дела.

Благодарю тебя, голубчик мой, за исполнение просьбы родных покойной сестры Анны Дмитриевны24, о перевезении тела ее в Калязин. Заметь, Лева, какое множество мы потеряли этот год родных и знакомых.

3-го июля

Я все очень нездорова, вчера не дописала тебе письма, как сделалось мне дурно. У меня беспрестанная дурнота, и холодные ванны не помогают. Особливо к вечеру, когда солнце сядет, тут и пойдет потеха. Не знаю, долго ли это продолжится, а очень скучно. Нет ни одного дня, чтоб я была здорова, если утро прошло, что я не хворала, так вечер уж я верно нездорова, а иногда и утро и вечер. Теперь голова меньше и реже болит, а главную роль играет дурнота в моей жизни. Нельзя сравнить, как я ослабела против прошлого года. Прощай, душинька, дети целуют твои ручки. Все здоровы, кроме меня.

Не у тебя ли моя рубашечка батистовая, в которой меня и Колю крестили? Кажется, ты ее взял к себе.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 5 июля 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 94—97.

Пятница. 5-го июля. Рыскино. 1835

Твое производство25, милый Лева, разумеется, всех нас очень обрадовало. Вчера приехал сюда Мудров, еще до обеда. Я уже не ожидала математика, потому что последнего письма твоего с

почты еще не получала, где ты пишешь, что нашел для нас Архимеда. И так, перестав уж ожидать его, я вместе удивилась и обрадовалась, что приехал он, ибо когда мне сказали, что приехал из Петербурга молодой человек, то я сей час догадалась, что этот господин должен учить нас математике. Я послала Мишу попросить у него твое письмо, а между тем с Колею рассуждаю о том, что как жаль, что этот учитель приехал так поздно, и что Коле не долго придется брать у него уроки. В это время бежит Миша на лестницу к нам, и слышу, что он пищит что-то очень весело. Вбежав в комнату он сказал нам: Savez-vous quoi? Maman, savez-vous quoi?* Я думала, что, верно, этот новый приезжий кто-нибудь из добрых знакомых, или Моисеев или Аникин. Кончилось тем, что Миша, указывая на адрес пакета, наконец объявил нам, что ты произведен. Я сперва была уверена, что ты написал так для шутки, потому что письмо шло не по почте, то ты верно шалил, надписавши Его Превосх(одительству), но распечатав письмо и начав его читать, по серьезному слогу и чувствам, тобою описываемым насчет детей, я удостоверилась, что ты не шутишь. В миг это известие разнеслось по всему дому, и не было конца радости и поздравлениям всех людей. Все очень рады, это видно на их лицах, но больше всех рада Александра Алекс, дочь благочинного, которая у меня опять гостит с самого моего приезда. Она прибежала ко мне в комнату, ну плакать, обнимать меня, благодарить Бога, так что ее восхищение продолжалось очень долго. Дети тоже очень шумно радовались, а я благодарила Бога за тебя и за них: за тебя, что твои неимоверные труды наконец награждены достойно, что ты, в твои лета, наконец на своем месте, и что в новом твоем звании ты можешь быть еще полезнее и еще более предаваться своей склонности быть общим благодетелем. За детей я порадовалась, что ты можешь быть им теперь еще полезнее прежнего. Дай Бог, только, чтоб ты был здоров.

План имения Рыскино

Что ж до меня касается, я чувствую себя, как в чужом пиру, в похмелье . Мне смешно, что и на меня простирается твое возвышение, когда я тут ни душой, ни телом не виновата. За себя я рада только тому, что может быть мужики и люди будут лучше слушаться.

Вчера я также получила еще три письма твоих по почте и письмо Машиньки Лавровой. Как мне жаль этих 600 (рублей), которые увез у тебя твой постоялец. Как хорошо, что у нас нет дома в Петербурге26. Мы бы никакого дохода не получали, все постояльцы уезжали бы от нас, не заплатив денег за постой. Спасибо, голубчик, за расчет об акциях. Я тому рада, что ты заплатил Коле Столыпину 5 (тысяч рублей), которые брал у него, терпеть не могу долгов. Скажи, пожалуйста, теперь уж ему ничего не должен, не правда ли? Слава Богу, что ты заплатил около 3 (тысяч рублей) долгу в сундук, и что теперь уж немного осталось на тебе долгу.

Теперь спешу оправдать нашего Николиньку. На него наклепали, что будто у него тетрадка риторики французской, писанная Рифе. Николинька брал ее, это правда, но уже очень давно, и очень задолго до своего отъезда сюда, отдал ее пажу 2-го класса Желтухину. Я сама переписывала ему почти всю риторику и потому знаю, что ему эта тетрадка не нужна уже давно, потому что у него двойной комплект риторических тетрадок. Притом, когда он ехал, я сама выбирала все его тетради и книги из комнатки у Бенуа, сама их дома перебирала и сама давала их укладывать в дорогу. Рифеевой тетрадки не только тут не было, но даже она давно уже и до того не нужна была Коле, потому что он до того еще времени имел у себя всю риторику переписанную и сам уже давал свои тетрадки другим пажам, когда оне были им нужны. Они так потеряли, верно, эту тетрадку, да и клеплют на Колю. Если же нужна им фр(анцузская) риторика для литографии, то предложи Колины тетрадки, оне в его бюро, в маленьких ящиках, за доскою, а ключи от бюро я отдала тебе перед отъездом, они на железном колечке. Сделай

милость, Лева, оправдай Колю перед Игнатьевым[27] и скажи, что если б Коля даже потерял эту тетрадку, то он бы непременно и в том признался, и я, бывая у него каждый день и наблюдая за каждым его шагом, и зная все, что он делал, в чем нуждался, что занимал у своих товарищей и когда отдавал, очень хорошо знаю, что не только Коля не завозил этой тетрадки в деревню, да и не имел уж в ней никакой нужды задолго до своего отъезда и даже до экзамена. Во время экзамена он твердил риторику при мне по своим собственным тетрадкам, а Рифеевой тетради и духу не было. Я так боюсь, чтобы Колю не очернили за глаза. В чем другом, а в этом он ни душой, ни телом не виноват.

Я здесь получила письмо от Дешевова, он пишет, что его дело лежит в Тверском губернском правлении без всякого действия, ни взад ни вперед нейдет. Милый Лева, напиши к тверскому губернатору, напомни ему его обещание кончить скорее дело Дешевова. Уж так или сяк, лишь бы скорее кончил. Пожалуйста, похлопочи, он нам много сделал пользы.

Ты писал в одном из своих писем, что муж Надежды Васильевны Каховской назначен городничим в Дорогобуж, и это хорошо, но как-то давали надежду, что он будет городничим в Ржеве. Это было бы лучше, и им этого хотелось. Скажи пожалуйста, отчего назначили его в Дорогобуж, а не Ржев? Писал ли ты об этом Надежде Васильевне, или она еще ничего не знает?

Посылку с шерстями и холстинками я еще не получала, а получила объявление с почты. Поблагодари Елисавету Николаевну за ее милую любезность, что ей угодно было потрудиться купить для меня эти мелочи. Я потому не хотела ее беспокоить, что для таких безделиц совестно было бы мне ее тревожить, тем более, что она живет на даче. Поблагодари очень, очень за меня.

Если имеешь средство, доведи до сведения Андрея Ник(олаевича) Муравьева, что благочинный по доносу дьякона на него о раскольниках не виноват, а архирей тому и рад, чтоб не сдержать слова, не посвящать его в протопопы. Попроси Муравьева постараться об окончании этого дела.

Много и премного благодарю тебя за присылку Мудрова. Хоть и мало времени остается, но Коля с своими способностями и прилежанием все-таки еще много успеет. С четверга до сегодняшнего дня, то есть в три дня, они уже прошли половину тригонометрии и уж прошли эту половину два раза. То есть в три дня Николинька теперь знает то, что его товарищи будут знать в октябре месяце, следуя постепенности курса. Кажется, есть надежда, что он от них не отстанет.

Левочка, кажется, я забыла в Петербурге в своем шкапу, который стоит в моей спальне, сверток с шерстями, всю голубую тень, в клубках, которые мне теперь здесь нужны для вышивания. Потрудись, пожалуйста, сам поискать этот сверток, не пускай туда Марки, прошу тебя. Этот сверток с шерстями должен быть на третьей полке от верху, с левой стороны; вся шерсть размотана в клубках: голубых, кажется, семь да серых два. Серых не присылай, они мне не нужны, а все синие и голубые пришли, пожалуйста, поскорее. За ними остановилась моя работа на пяльцах, где именно мне теперь приходится вышивать голубой цветок. Пожалуйста, сей час отыщи эти шерсти в шкапу и пришли их как можно скорее. Извините, ваше пр(евосходительст)во, что я вас так беспокою. Такую важную особу.

Маленький Колюшка был не очень здоров эти дни, должно быть, к зубкам, потому что в новом месте десны распухли. Но как тяжело и жаль видеть больного ребенка, это навело уныние на весь дом на несколько дней. Теперь, слава Богу, он почти совсем здоров и еще стал для меня милее за то, что я так о нем беспокоилась. Левочка, не давай моих писем читать никому, не поверишь comme cela me gene de vous ecrire, quand je sais, ou je crains, que mes lettres seront lues. Je ne puis vous ecrire a coeur ouvert, si vous n'etes pas le seul a lire ce que j'ecris Adieu, mon cher*.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 8 июля 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 97.

8 июля. Рыскино. 1835

Прилагаю здесь засвидетельствованную в суде доверенность, милый Лева, и копию с решения уездного суда на счет отпускных. В доверенности ошибка, которую надо исправить, сказано:

“После покупки мною сего имения”, а надо: “Еще до покупки мною сего имения”; — потому что мы купили имение 28 августа, а Полторацкий28 представил отпускные в суд в июле. Следовательно, это было до покупки, а не после. Я надписала карандашем еще до над словом после, то вели слово После выскоблить, а вписать Еще до. Только я не знаю, будет ли действительна эта доверенность по случаю твоего производства? Если можно, то оставь эту самую, ибо столько хлопот и издержек с засвидетельствованием: надо или мне ездить в Волочек, или книгу сюда привозить, все это хлопотно и стоит. Когда дело перейдет в Сенат, надо написать опровержение на протест прокурора, а то словесно нельзя опровергать. Благов поехал в Тверь добывать документы на тех людей, которые были приписаны к Махину по 7-й ревизии. Впрочем, эту часть прокурором протеста очень легко опровергнуть: обе сестры Мусина-Пушкина умерли лет 15-ть и 20-ть тому назад, их имения достались Мусину как единственному их наследнику. В то самое время и после того Мусин был в долгах, и все его имение под запрещением, а впоследствии он объявлен и банкротом; и во всех этих актах сказано: “Подвергнуть ответственности за долги все имение Мусина-Пушкина, какое у него есть и какое впредь отыскаться может”. Кажется мне, что Махино было продано прежде, нежели поданы были на Мусина все эти взыскания, и когда хотя на нем и были уже большие долги, но кредиторы еще молчали, а из казны он Махино выкупил или продал с переводом долга. При продаже же удержал некоторых людей за собою, которые, вследствие наложенного запрещения за частные долги и обнародованного постановления о его банкротстве, и должны подвергнуться вместе с прочим имением ответственности за долги. На счет людей, доставшихся Мусину-Пушкину от сестры его Мячковой, не приписанных по 7-й ревизии к Оздикову, и говорить нечего, потому что я же купила и Оздиково. Притом, все эти люди приписаны теперь самим Пушкиным по 8-й ревизии к Каменному, а мы купили имение не по 7-й, а по 8-й ревизии. Приписать же этих всех людей к Каменному помещик имел полное право, не возможно же, чтоб он приписал к своему имению людей, ему не принадлежащих. Ежели скажут, что отпускные даны по 7-й, а не по 8-й ревизии, то кроме уже того, что Мусин-Пушкин должен бы оговорить в ревизских сказках, что он этих людей отпустил на волю, да еще и то надо заметить, как бы он держал у себя эти отпускные год и три месяца, не являя их нигде и не отдавая их этим людям, несмотря на то, что новая ревизия должна была напомнить ему о их свободе, если б он дал ее им. Еще прокурор говорит, что я (не) оказала никакого сомнения на счет действительности подписей, тогда как в двух прошениях, 1-е в уездный суд, 2-е в губернское правление, я именно утверждаю, что подписи подвержены сильному сомнению. Да и в твоей бумаге к нему ты об этом говоришь, так зачем же он говорит такие пустяки. Когда Благов доставит ко мне отысканные им документы, я их пришлю к тебе, а между тем писал ли ты в Тверь к Алисову, чтоб он достал нужные бумаги.

Возвращаю письмо Машиньки Лавровой, которое прислала мне для прочтения Александра Семеновна. Поблагодари ее от меня, и пожалуйста, прежде чем отсылать ко мне Машинькины письма, читай их сам и давай их читать Александре Семеновне. Поклонись ей от меня и скажи, что Колюшка совсем здоров. Прощай, мой друг, какая-то у вас погода? А здесь чудо. Какой нынче благодатный год на все: рожь, яровое, фрукты, мед — всего пропасть и все отменное, всему полный урожай. Слава Богу. Только травы худы, сена мало, а всего, всего очень много, даже груш и слив, чего никогда не бывало.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 9 июля 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 98.

9-го июля. Рыскино

Милый Лева, сей час получила я твои два письма, от 3-го и 5-го июля, а также и приказ. Благодарю тебя, мой голубчик. Пишу наскоро, потому что сей час едут опять в город, везут чиновника, который привозил книгу росписаться в получении доверенности. С этим случаем я пишу и тороплюсь, чтобы не задержать чиновника. Тороплюсь тебе и то сказать, что я получила ящик с книгами, его тому дня три как привезли из города, и точно возили в Москву. Так жаль, что время столько потерялось и что теперь получили эти книги уж к концу нашего здесь пребывания. 2-е спешу тебе также сказать, чтоб ты не искал голубых шерстей в моем шкапу, ибо я нашла их здесь. Извини, дружочек, что я напрасно тебя беспокоила. Благодарю за книги, шерсти и ситцы, все исправно получила, только конфет еще не получала. Целую тебя от всего сердца. Пожалуйста, перешли прилагаемое письмо к пажу Адлербергу 2-му от Николиньки. Пиши побольше о самом себе, прошу тебя, мой друг. Пиши обо всем, что с тобою делается. Это письмо не в счет, потому что пишу второпях, и ты с меня примера не бери, а все пиши большие письма, не поверишь как, живя в деревне, письма читать приятно. Ты спрашиваешь, рады ли мы, что ты произведен? Разумеется, это очень весело, тем более, что и доход твой прибавится. Только при сей вернейшей оказии не премину напомнить о данном мне обещании: не позволять себе ни внутренно, ни наружно ни гордиться, ни чваниться и быть всегда добрым, милым Левою и не гордиться никогда, и на меня не керчать* и не сердиться, если что скажу не по тебе. Не надо никогда забывать, что как бы мы не возвышались, а все-таки над нами Бог, который выше нас всех и который не терпит гордости и чванства. Сказано: “Бог гордым противится, а смиренным дает благодать”. Будем же скромны и смиренны без унижения, но с чувствами истинно христианскими. Поговорим об этом хорошенько, когда увидимся, только ты вперед дай слово на меня не сердиться. Прощай, будь здоров, береги себя. Пришли мне, пожалуйста, копию с Николинькина формуляра, привезенного к тебе Бенуа, и мне хочется прочитать его. Ах, я все забываю сказать тебе, как я рада, что могла угодить тебе, со временем выплачу и остальные деньги, теперь еще не могу. Прощай.

Детям бы надо тебя поздравить, да ведь ты не взыскательный отец, а между тем уверен, что они рады твоему производству, право, больше тебя самого. Впрочем, вот пустая страница, пусть напишут строчки по две.

Cher Papa, je vous felicite de tout mon coeur de votre avancement; vous pouvez etre persuade

que ce bonheur m’a ete tre?s sensible, et que j’ai sincurement remercie Dieu pour sa bonte.

Votre respectueux fils

Nicolas Doubelt.

Mon cher Papa, je vous felicite de tout mon coeur avec votre avancement, et reste pour toujours

Votre trus respectueux fils

9 Juillet, 1835

M. Doubelt

Je vous remercie pour le livre, que vous m’avez envoye: le Dict[ionnaire] Encyclopedique.**

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., б. д. («Посылаю тебе, Левочка, две корзинки с яблоками...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 106.

Посылаю тебе, Левочка, две корзинки с яблоками, одна, плоская, с белыми сладкими яблоками, другая с розовыми сладкими яблоками; еще в тарелке сладкие наливные яблоки, самые нежные, так что не знаю, как они дойдут до тебя. Здесь вкус их отменный и они точно вкус имеют груши, а как ты груши любишь, то, я думаю, тебе эти яблоки понравятся. Но только не знаю, как они доедут. Ежели Соня довезет их и другие корзиночки в целости, и яблоки можно будет кушать с удовольствием, я пришлю еще яблоков с дилижансами из Выдропуска.
Целую твои ручки миллион раз, мой ангел, и благодарю за все славности, которые мне присылаешь. Уж сколько я получаю от тебя всего на свете, счету нет. Не знаю, благодарила ли я за наше жалование, мы его получили и разделили.

Приласкай Соничку, мой ангел, хорошенько и люби ее; она стоит нашей любви. Это такое доброе, чувствительное, милое и чудесное существо, какого я в жизни почти не встречала. В доброте сердца, в готовности служить ближнему, она достойная внучка твоей матушки, про которую рассказывают чудеса благотворительности. И какая она умненькая, какое любящее сердце, этого пересказать невозможно.

Прощай, мой ангел.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 15 июля 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 99.

17

15-го июля. Рыскино. 1835

Это письмо отдаст тебе Николай Леонтьевич Дубельт, молодой человек, которого я очень люблю, и которого, милый Лева, по дружбе твоей ко мне, прошу поместить в нашем доме и не отказать ему в содержании и покровительстве. Он заслуживает твое внимание своею скромностию и многими хорошими качествами. Если нужно, окажи ему всякую помощь, свози его представиться к Директору Паж(еского) корпуса Игнатьеву, обмундируй его к 22-му с. м. для получения приза, и в день сего праздника будь свидетелем его благополучия.

Я получила третьего дня твое письмо от 8-го с. м. Как жаль, если Машинька Дубельт29 не выдержит этой болезни, жаль не для нее, а для бедных родителей. Миленькая девочка, какое бы она была для них утешение.

В том же письме ты пишешь, чтобы я переменила доверенность, но она была уж засвидетельствована, когда я получила известие о твоем производстве. Я спрашивала у члена из суда и он говорит, что эта доверенность также будет действительна, как и новая, написанная новому твоему званию. Ты пожалуйста, Лева, если можно, не заставляй меня переписывать другой доверенности, в деревне это так трудно. Получила я от Алисова письмо, где он пишет, что в общем собрании советников и секретарей Гражданской Палаты опровергнуты подписи на отпускных, между тем он изготовил притом все нужные бумаги для производства этого дела в Сенате, а именно: 1-я купчая, по коей продано Махино; 2-е акты, по коим эти люди переведены из Махина в Каменное; 3-е акт, по которому Мусин наследовал сестрам своим и 4-е когда и за что был он объявлен банкротом. Алисов пишет, что копии со всего этого он доставит к тебе. В Гражданской Палате составят определение на этот счет, со включением всех вышеписанных справок. Пожалуйста, Левочка, употреби все старание, чтобы это дело скорее кончить. Оно очень всему мешает.

Вчера, совсем неожиданно, приехал ко мне Ал(ексей) Мар(кович) Полторацкий. Просидел у меня часа три, пил чай и очень был любезен. Рассказывал о своем горе, что Шварц взял над ним верх на счет заведения пансиона в Твери, и в самом деле это непонятно, чтобы такое благодетельное намерение, имеющее на своей стороне согласие 10-ти уездов, могло быть остановлено предводителем одного уезда Шварцем. Я понять не могу, отчего Шварц на это не

остановлено предводителем одного уезда Шварцем. Я понять не могу, отчего Шварц на это не соглашается и отчего его несогласие так важно, что могло остановить все это дело.

Прощай, мой друг, береги Николиньку, да, если можно, поскорее привози или присылай его опять ко мне в Рыскино. Напиши мне, точно ли 22-го июля будет раздача призов, и опиши потом как все будет происходить, если сам не приедешь рассказать обо всем.

У тебя теперь две должности, это правда, но дней на десять можно отлучиться. От этого Россия не пропадет, а для меня будет большое счастье. Впрочем, делай что можно, только, если сам не приедешь, так присылай Колю назад, без него мне здесь и тошно и скучно. Пусть поживет еще недельки две или три.

Вообрази, какой нынче урожай: мало, что рожь высока, что колос велик, но еще большая часть колосьев о шести рядах зерен, когда обыкновенно бывает о четырех рядах. А вообрази, что с рожью случилось: на днях была очень холодная ночь, почти мороз, этим холодом выжало нежный сладкий сок из молодых колосьев, сок потек по колосьям, как мед, в колосьях те зерна, откуда вытек сок, пропали, а народ говорит, что это сошла на рожь медовая роса. От утраты этих зерен много будет убытку.

Прощай, мой милый, смотри ж приезжай вместе с Колей, ужас как хочется на тебя посмотреть. Спешу кончить, закладывают коляски, пора ехать Коле в Волочек, а мне его провожать. Как холодно эти дни, это ужас, особливо к вечеру, точный октябрь. Прощай, голубчик.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 19 июля 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 99—100.

18

19-го июля. Рыскино

Ты верно догадался, милый Лева, что я была очень рада и очень счастлива видеть нашего дорогого Сенюшку у нас в Рыскине. Это такая была мне радость, что я пересказать не могу, особливо после отъезда Николиньки. Мне все так пусто и грустно, и брат с детьми своими приехали, как нарочно, чтоб меня рассеять. Поблагодари Сенюшку, пожалуйста, что он сюда заехал. Я просила его остановиться у нас, и уверена, что ты также будешь приглашать его. Уверена также, что ты со всей родственностию примешь участие в помещении сына его Николиньки. Да еще, скажи, Лева, в каком положении определение самого Сенюшки в Москву при страховом обществе, о чем хлопотал Львов Алек(сандр) Ник(олаевич)30. Напиши мне, есть ли надежда, чтобы Булгаков31 сдержал слово? Я уверена, что тебя не нужно просить принять в родном нашем Сенюшке живое участие во всех отношениях, когда ты принимаешь его и в чужих, и даже в людях совсем тебе незнакомых. Не правда ли, что ты каждую минуту будешь помнить, что я люблю Сенюшку, как родного брата? И что это за человек! Какой ум, какие правила. Какое счастье знать его и принадлежать ему так близко. Никто лучше тебя не может оценить такого редкого человека.

Я провожала Николиньку нашего до Волочка и там получила твои два письма, денег 75 (рублей) для людей и ящик с конфетами. Теперь не отвечаю на письма, потому что спешу кончить письмо. Сенюшка сей час едет, и мне не хочется задержать его. Буду еще на днях писать к тебе по почте, а теперь благодарю только за славные конфекты, а люди благодарят за гостинец. Как они были рады твой щедрости!

Наш Николинька должен уже быть в Петербурге, отдай ему прилагаемое письмо. Обнимаю вас обоих. Прощайте.

Маленький Колюшка все не очень здоров это время, часто плачет, худо спит и худо кушает — верно зубки идут. А когда он здоров, то так мил, что это прелесть. Жаль, что его частое хворанье

верно зубки идут. А когда он здоров, то так мил, что это прелесть. Жаль, что его частое хворанье помешает ему поправиться хорошенько для Машинькиного приезда.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 20/23 октября [1835 г.] Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 100—101.

19

Воскресенье. 20-го октября. Рыскино, вечер

Вашему Превосходительству объявляется трехдневный арест не на хлебе и на воде, а на бумаге и чернилах за то, что ваша дражайшая половина, то есть сожительница, проезжая чрез уездный город Вышний Волочек, и сегодня по утру, в десятом часу утра выехав из оного, не получила от вас письма, чего доселе никогда не случалось, за каковое преступление предписывается вам сидеть или стоять (все равно) у письменного вашего столика ровно три дня и в продолжение сего времени писать к вашей супруге разные письма, счетом не менее пяти в день, итого в три дня пятнадцать, а так как Николиньке чрез девять дней минет шестнадцать лет, то шестнадцатое письмо извольте написать ради его рожденья, и я непременно должна получить весь этот груз с первою же почтою, а ежели не с первою, так со второю, и так далее.

Вы может быть думаете, ваше превосходительство, что я с ума сошла или помешалась в уме моем. Нет, милостивый государь, это значит только, что я весьма в веселом духе, приехав благополучно в столицу своих владений, сюда в Рыскино, где так славно, тепло, уютно, удобно, хорошо. Блаженство, да и только! Не могу описать тебе, Левочка, что за счастье приехать сюда, даром, что теперь не лето, а все-таки славно! А как люди мне обрадовались, выбежали все с веселыми лицами, радость написана была у всех на лицах, и кто удостоился поцеловать у меня руку, то у тех от внутреннего волнения дрожали руки. Я приехала неожиданно, то надо было видеть, как из всех изб высыпали разные придворные лица. Только стоило взглянуть на них, чтобы удостовериться, как бедная твоя Аннинька любима в Рыскине. От того-то так меня и тянет сюда. А как это весело видеть около себя десятки людей, которые тебя любят, наперерыв кидаются тебе служить, лишь бы только удостоили им приказать что-нибудь. Я здесь точно окружена своим семейством, все в глаза мне смотрят и от этого, правда, я немного избалована. Даже в Выдропуске как мне обрадовались, даже в Волочке почтмейстер прибежал мне представиться. Житье мне здесь, да и только, все меня любят, а это так весело!

23-го октября, вечер

Вообрази, как странно, Лева, только что мы сюда приехали, пошел снег, и теперь настоящая зима, вчера и сегодня мороз в 10 и 12 градусов, так что дом трещит, но как ветру нет, то в комнатах очень тепло. Все бело кругом, настоящая зима, а дорогою так было тепло, что я думала осень еще долго простоит.

С самого моего приезда вот уже четвертый день я все разбираю книги и письма. Сегодня я перечитывала многие из твоих писем, которые ты писал мне из Бобруйска в Конотоп и Путивль, из Киева в Оболонь и из Путивля в Москву и Рыскино. Какие все милые письма! Я целовала их со слезами.

Вышний Волочок

Милый друг, ты приказал Мише отыскать мои письма, мы нашли их. Ты приказал их прислать тебе, позволь мне привезть их с собою, когда я приеду? Миша очень хлопочет, чтобы их переслать к тебе и все показывает твою записку, где сказано: “отыскать мои письма и прислать ко мне”. Но я думаю ведь не все равно, если ты получишь их месяцем ранее или позже, не правда ли? Прощай, мой голубчик. Люби меня, пожалуйста, люби. Право нет у тебя лучше меня друга на свете.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 29 октября 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 101—102.

20

29-го октября. 1835. Рыскино

Поздравляю тебя, милый Лева, с Колиным рождением. Сегодня ему 16 лет. А ты верно забыл об этом?

Я опять виновата перед тобою, опять у меня накопилось денег и опять я к тебе их не посылаю, а посылаю в Торжок выкупать вексель в 2750 (рублей ассигнациями). Это последний вексель, по которому мы должны Ульяне. После этого останется только выплачивать 25 (тысяч рублей) Ивашеву. Извини меня, Лева, что я не могла воспротивиться желанию выкупить этот вексель. Но Никифор обещает мне еще 3 (тысячи рублей) через 2 недели, тогда я пришлю к тебе не все, а сколько могу, ибо надо уже припасать 1000 (рублей) для Маминьки к 1-му генварю. По приезде моем сюда я уже получила с Каменного 2550 (рублей) на монету, да еще 3 (тысячи рублей) в виду чрез две недели. Славное Каменное! Только то несносно, что за все векселя надо платить ассигнациями, что чрезвычайно изменяет мои счеты. Как ни толкуй А. Н. Мордвинов, что это все равно, а право этот курс несносен. Например, теперь уже 16 (копеек) на рубль ассигнационный, то я должна внести теперь 3190 (рублей) вместо 2750 (рублей) за Ульянин вексель. Это 440 (рублей) разницы, а утешенья надо искать только в воображении; надо вообразить, что это все равно!

Когда этот вексель будет уплочен, то мы в нынешнем 1835-м году выплатим 11424 (рублей ассигнациями), а на монету это составит 13120 (рублей). Каков министр финансов?

Вот видишь ли, какой я тебе подробный даю отчет о своем управлении, расскажи же и ты мне что-нибудь о своих акциях. Неужели зарецкие мужики еще ничего не вносили, Левочка? Я боюсь, что ты опоздаешь дать денег Яишникову для Петергофского домика.

Какая странная здесь погода. Насыпало снегу, но землю не засыпало совсем, и пошли морозы, так что ни на колесах, ни на санях нельзя проехать. На колесах слизко и опасно, а на санях ехать худо и тяжело, потому что мало снегу.

Я получила твое письмо от 18-го с(его) м(есяца) и в большой претензии, что, прожив здесь неделю, получила от тебя только одно письмо. Смотри же, Лева, пиши ко мне по два письма в неделю, как прежде, а то я такой на тебя штраф наложу, что ты караул закричишь.

Ты пишешь, что купил сани и заплатил 550 (рублей) и чтоб я не вдруг испугалась этим цифрам, ты приклеил бумажку, которая на складке письма сложилась и отстала, и как только я развернула письмо, то эта бумажка первая привлекла мое внимание. А как она была отставши, то первая вещь, кинувшаяся мне в глаза, была сумма 550 (рублей).

Супруга твоя, каменская барыня, очень рада, чтоб ты себя тешил, лишь бы были средства и лишь бы эти сани стоили этих денег. Даст Бог, выплатим долги, будет чем за сани заплатить.

Прилагаемые две записочки отошли по принадлежности, а если будут ответы, перешли ко мне. В особом пакете получишь письмо для нашего Коли и 25 (рублей ассигнациями). Это ему подарок в день его рожденья. Отдай ему и поцелуй его за меня, моего дорогого дитя. Совсем ли он здоров? Миша опять очень здесь умен.

На днях, Левочка, ты получишь посылку с извощиком, в этой посылке ты найдешь овчинный тулуп, армяк из серого сукна и такие же шаровары. Все это прикажи отдать Мирону, тому мальчику, которого я прислала к тебе летом с Николинькой для отдачи его в ученье к

мальчику, которого я прислала к тебе летом с Николинькой для отдачи его в ученье к Всеволжскому. Белья дано ему было тогда же, но шубы и армяка у него не было. Если же, сверх моего чаяния, ему уже куплен тулуп, то этот присланный вели отдать, кому он будет нужен из людей, а если никому не нужен, то вели прибрать. Кажется у Миши, твоего маленького повара, нет шубы. Форейтору не вели давать, ему прошлую зиму сшили новую шубу.

Прикажи Марке, прошу тебя, если Марья Ник(олаевна) Лаврова или сестра Нат(алья) Ник(олаевна) пришлют попросить нашего портного, то чтобы никогда не отказывать.

Какой результат вышел с тем мальчиком, которого сестра Наташа хотела за воровство отдать в Сергиевскую пустынь, помнишь ли ты перед моим отъездом просил об этом Муравьева Андрея? Чем это кончилось, напиши пожалуйста, я обещала сестре, что это будет сделано, как ей хочется.

Ох! уж чувствую, что ты меня разбранишь за все эти распросы и хозяйственные распоряжения. Ну, кстати ли генералу и начальнику штаба заниматься тулупами и армяками? Да что ж делать, ваше превосходительство? Если вам это не угодно, так уж позвольте мне относиться прямо к Марке и уж с ним завести переписку о делах.

Прощайте, душинька, вы, я думаю, теперь чай кушаете, желаю вам хорошего аппетита, а мы только что откушали.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 9 ноября 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 102—103.

21

9-го ноября. Рыскино. 1835

Получила, получила! Ну, как я рада. Уж теперь не надо прыгать с балкона, уж и Евстигней не подаст на тебя просьбы в уездный суд, даром, что поехал в Торжок. Получила я наконец твой 2-й нумер. Это худо, что Захаржевский такую разницу сделал тебе в акциях, только я не очень понимаю этого дела. Может быть акции опять поднимутся? Притом и то мне кажется, что Захаржевский должен по настоящему заплатить тебе за акции ту цену, какая им была в то время, когда он их взял у тебя, а не ту, которая теперь существует. Ежели это дело пойдет на лад, напиши мне, Левочка, ибо мне теперь очень жаль, что твои планы разрушились. Как ни говори: что в деньгах!, а когда есть семейство и многие потребности в жизни, и долги, то нельзя не дорожить деньгами. Я сама не желаю лишнего, но признаюсь, что желала бы жить без долгу. Хорошо и можно без них обойтись, но видно ты без них обойтись не можешь, когда всегда в долгу. Так нельзя же и брезгать деньгами, мой голубчик. Извини мне, прости мне великодушно, и великолепно, и щедро, и милостиво мое рассуждение; но согласись, что я дело говорю.

Твоя княгиня Шаховская настоящая дура. Как можно быть такой сумасбродной и так волочиться за мужчиною, да еще женатым. Впрочем, может быть у нее и нет худого намерения, а мы ее браним.

Левочка, ты в этом письме найдешь иголку для шитья по канве. Вели, душинька, купить мне десяток таких иголок, оне по 10 (копеек) каждая, и пришли мне сюда поскорее. Прикажи Карпу; он мне их покупал, да ему же и ближе из корпуса, а продаются оне в Перинном ряду.

Как меня огорчает и пугает грусть твоя, Левочка, ты пишешь, что тебе все не мило и так грустно, что хоть в воду броситься. От чего это так, милый друг мой? Пожалуйста, не откажи мне в моей просьбе, пошарь у себя в душе и напиши мне, от чего ты так печален. Ежели от меня зависит, я все сделаю, чтоб тебя успокоить. Ты можешь быть уверен, что я себя не пожалею, собою пожертвую с удовольствием, лишь бы ты не был так несчастлив.

пожертвую с удовольствием, лишь бы ты не был так несчастлив.

Жаль Булгакова, если он был точно такой полезный человек, как ты описываешь. Кто-то будет на его месте.

Николинька наш от того не так часто пишет ко мне, что я ему велела сама писать ко мне только

по воскресеньям или по праздникам, когда он бывает дома. Впрочем, если б он и из корпуса находил бы средство иногда написать несколько строчек, оно было бы не худо. Но мне не хочется, чтоб он принуждал себя, если своей охоты нет. Я сама знаю как несносно писать письма по принуждению. Впрочем, поговори с ним об этом, твои слова будут в этом случае действительнее моих, потому что ты не за себя будешь говорить. Ты скажи ему, что хоть я и позволила ему писать к себе только раз в неделю, но что, вероятно, я не буду в претензии, если он станет писать почаще, а между тем и для него не худо показать мне тем свою любовь и усердие. Не нужно больших писем среди недели, два слова, что он здоров и меня помнит, а в воскресенье пусть опишет всю неделю поподробнее. Только ты все это скажи ему от себя, а не от меня; я пусть буду в стороне.

У нас было не только 12 градусов мороза, но было уж и 15 и 16 гр(адусов). Я всегда говорю, что в Рыскине холоднее Петербурга, место гораздо выше, здесь самое высокое место в России. Отсюда вытекают величайшие реки Волга, Дон, Днепр и Западная Двина во все четыре стороны.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 22 ноября 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 103—104.

22

22-го ноября. 1835. Рыскино

Сам ты золотой, что называешь мою дружбу золотою, милый Лева. Желаю и прошу Бога, чтоб она действительно могла быть тебе всегда полезна во всех отношениях.

Известие о болезни К. Н. Орловой меня поразило до крайности. Вот до чего доводят душевные страдания! Она еще не так стара, и притом не полна и не полнокровна, а имела удар. Ведь и отец ее умер от удара, и удар этот причинили ему душевные огорчения. Дай, Господи, чтобы это прошло.

От чего же ты называешь пороком, что Оболонская поехала в Америку? Мало ли людей ездят не только в Америку, но и кругом света, а их не называют порочными.

Речь Государева полякам отменно хороша, и я читала ее с полным чувством удовольствия и народной гордости. Только два места мне не нравятся, я тебе скажу, когда увидимся. Да как прекрасно Государь выражается по французски! На все молодец. Спасибо, голубчик, что ты сам трудился переписывать, целую ручки твои.

Спасибо за сына Иванова, спасибо и за желание твое взять Алисова или Дурнова в адъютанты по моей просьбе. Я думаю, Левочка, что так как обещано Алисову, то не надо предлагать этого места Дурнову, которому, притом, в Твери будет лучше, нежели в Петербурге, потому что мать его жены живет в 20-ти верстах от Твери. Нельзя ли довершить твоих благодеяний и сделать вот как: Дурнова принять в Корпус Жандармов и позволить ему пожить у тещи до определения его на место. К Алисову же написать и спросить его, хочет ли он быть у тебя адъютантом? Если хочет, так его и взять, а Дурнова на его место. Алисов будет для тебя лучший адъютант, нежели Дурнов, который меньше дела знает, и не так привык к бумажным делам, как Алисов. Этот очень проворен, усерден и умеет за дело взяться. Только я думаю, ему не понравится в Петербурге, и я думаю, что он будет сожалеть, что оставил Тверь, где гораздо дешевле жить и

служить покойнее.

За твою готовность исполнить желание мое в этом случае, целую твои ножки и чувствую твою милость более, нежели могу выразить.

Ты пишешь, чтобы я взяла листок бумаги и написала бы, кому мы еще должны за Каменное.

Счет короткий, в четырех словах: Ивашеву 27 (тысяч рублей) да Наташе 40 (тысяч рублей). Все другие долги уплочены, разумеется, кроме ломбарда. Теперь все мои мысли заняты собиранием 4 (тысяч рублей) процентов на те 66 (тысяч рублей), которые мы заняли в генваре месяце. Эти 4 (тысячи рублей) надо вносить 31-го генваря 1836-го года, то есть почти чрез два месяца. Вот я и толкую с утра до вечера и сама с собою, и с Евстигнеем, как бы накопить их к этому времени, и приказано Евстигнею, чтобы 15-го генваря уже 4 (тысячи рублей ассигнациями) были бы на почте в Волочке для отправки в Петербург. Не знаю, как-то он свою рысь покажет, а как он очень проворен, так я и надеюсь, что мое приказание будет исполнено.

Как я рада, Левочка, что ты одобряешь мое желание переменить комнату и уж, — ох ты мой голубчик! — уж ты ее и выкрасил. Ты пишешь, что уже и перешел в нее и ночуешь в ней. Скажи же мне, душечка, где спит Николинька, когда бывает дома? Если в прежней своей детской, так прикажи, чтобы Карп непременно спал в коридоре, и чтобы ни Марко, ни Дуняша, и никто другой...*

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 2 декабря 1835 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 104—105.

23

2-го декабря. 1835. Рыскино

Сей час приехала ко мне Ольга Александровна Благово и сказала, что Ивашев поехал в Петербург требовать от нас уплаты его долга. Если он станет требовать от тебя этой платы, пожалуйста, не давай ему денег, а скажи ему вот что: 1-е) Когда мы покупали Каменное, уговор был заплатить ему сперва 20 (тысяч рублей), а остальные выплачивать из доходов по мере возможности. 2-е) Несмотря на этот уговор, я вскоре после покупки заняла у сестры денег и отдала Ивашеву еще 30 (тысяч рублей), прежде чем он просил меня о том, что доказывает, что я забочусь ему выплачивать свой долг. 3-е) Он написал в данной мне росписке и в просьбе своей в суд, что остальные сверх 20 (тысяч рублей) деньги, он будет ждать, по взаимному нашему согласию. 4-е) Он жалуется, что кроме 50 (тысяч рублей), полученных им прошлого года, с тех пор он больше никакой платы не получал. Вместо того, в этом уже 1835-м году я заплатила ему более 3 (тысяч рублей) по двум векселям. Все это доказывает, что я стараюсь ему выплачивать. 5-е) Не могла выплатить нынче более упомянутых 3 (тысяч рублей), потому что заплатила Безобразову 5500 (рублей) и Ульяне 2700 (рублей) все (ассигнациями) и из доходов, которые получаются серебром из Каменного. 6-е) Наконец, если все это его не усовестит, скажи ему, что Василий Петр(ович) Мусин-Пушкин был ему должен, как он говорит, еще 1600 (рублей) без векселя, и он несколько раз намекал мне, что ожидает от меня этой платы. То объяви ему, что без документов я платить не обязана, а заплачу ему, пожалуй, эти 1600 (рублей) в награду за его терпение, если он не будет меня беспокоить и станет ждать уплаты из доходов: если же он непременно хочет получить теперь удовлетворение, то уж я не считаю себя обязанною платить этих 1600 (рублей).

Как бы то ни было, милый Лева, прошу тебя не платить ему без меня ничего, потому что ты во-первых, не знаешь наших счетов, а он человек очень опасный, а притом же я полагаю, что, дав письменное обещание ожидать терпеливо платы, получив уже 53 (тысячи рублей) в течение года, когда при Мусине-Пушкине, он не получил бы этой суммы и в десять лет. И, наконец, имея в виду получить 1600 (рублей) по доброй моей воле, не имея никакого на то права, он может взять

терпение и ожидать платы себе, как сказано, из доходов.

Ольга Александровна Благово еще сказывала мне, что Ульяна (которая, помнишь, приходила к тебе в Торжке и просила заплатить ей еще какие-то 6 (тысяч рублей), которые будто-бы Мусин-Пушкин был должен ей без векселя) хочет писать к тебе и просить тебя об этой уплате. Я уверена, что ты не станешь платить ей, мой друг, а предупреждаю тебя только, чтобы ты не удивился ее письму. Ей не только не следует платить без векселя, да и по векселю-то она получила 5700 (рублей) совершенно даром. Этой дуре не стоит и отвечать. Я получила твои письма под № 9-м и 10-м, а 8-го не получила. Теперь не отвечаю, потому что надо сидеть с гостями и надо непременно отправить письма сегодня вечером, чтоб завтра быть на почте деньгам, которые посылаю к маминьке. Прощай, мой друг.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 18 августа 1836 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 105.

24

18 августа. 1836. Рыскино

Ай! Караул! Что ты это со мною делаешь, Лева? В какое тонкое вводишь искушение, предлагая мне опять сюда приехать на четыре дня! Начинаю тем, что ручки твои целую 999 раз за твое милое желание сделать мне такое большое удовольствие и за то, что тебе самому так хочется опять побывать здесь. За это последнее надо расцеловать ручки до 999 999 раз; остальной же раз надо и тут и там оставить для свидания.

Я поставила себе теперь за правило делать все, что ты хочешь, мое солнце красное, соглашаться во всем на твои желания, мой ангел бесценный, и не поверишь как мне это приятно. Чтобы ты не затеял, я спорить и прекословить не буду, ибо дала тебе полное верющее письмо над собою и уверена, что ты не употребишь во зло моей доверенности, потому что ведь она засвидетельствована в уездном суде, я и в книге расписалась и заплатила за это два целковых. Так ведь ты, конечно, слишком великодушен, чтобы решиться разорять меня и заставить писать другую доверенность, и опять привозить сюда книгу, и опять платить два целковых! Не правда ли?

Но все-таки, какую бы полную доверенность кому не дать, ведь доверителю все-таки остается право сказать свое мнение, не так ли? И вот этим-то правом я и хочу воспользоваться.

Ты, мой сокол ясный, не воображаешь и вообразить не можешь, как я тосковала после твоего отъезда, еще и теперь я не совсем опомнилась, однако все-таки понемногу начинаю становиться покойнее, хотя это спокойствие вдвигается в душу очень медленно. Посуди теперь сам, что со мною опять будет, как ты опять здесь побываешь, и только на четыре дня! Ой, ой, ой, и подумать страшно, как я опять растоскуюсь, какое мне опять будет мученье угомонить себя после твоего отъезда, и опять уложить свои взбудораженные чувства. Ведь я чувствую не так, как другие, а вдесятеро сильнее, то сам посуди, что со мною будет. Я думаю, что уж тут я не выдержу, а и сама с тобой поеду отсюда, потому что решительно не в силах оставаться после тебя, когда ты уедешь. Так вот видишь, какая оказия! И потому прошу у тебя помилования, отпусти душу мою на покаяние, не погуби вконец, отец родной.

Если б это было на четыре недельки, тогда было другое, тогда бы я так запрыгала, что перескочила бы через все облака, которые ходят над Рыскиным, как бы высоки они ни были. Но четыре дня! Сам посуди, это не только прыгнуть, и высморкаться не успеть, а горевать не угомонишься! И не рада, да не могу успокоиться, вот и только! Что хочешь делай, разве сердце вырезать вон. Я бы и на это согласна, да здесь нет такого искусного оператора, а Арндт32 далеко, и сюда за этим не поедет.

Благодарю тебя, голубок мой бесценный, мильон и мильон раз, но что ж делать, когда я такая дура, что могчи нет. Не могу с собою справиться, да и только; не могу, и не могу. Прощай, милый Левочка.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 16 дек(абря) 1844 г. Рыскино // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 105—106.

25

16 дек(абря) 1844*

Милый и дорогой мой Левочка, позволь еще раз напомнить тебе о том, чтоб доложить графу о назначении Романиуса в Вильну, где и ему самому будет лучше, а Каховского в Смоленск.

Целую твои ручки и еще раз благодарю тебя от всей искренности души моей и сердца за все твои несчетные милости ко мне, за все попечения, ласки, за все внимание и участие, которыми ты не переставал осыпать меня все это время. Христос с тобою, мой бесподобный Левочка, будь здоров, береги себя и будь равнодушнее к неприятностям, какие могут с тобою встречаться. С меньшею чувствительностью и здоровье будет твое крепче, и дух спокойнее. Укрепи тебя Господь, много тебе труда, милый мой и бедный труженик. Дай бог тебе силы и твердости, но если несмотря на все усилия, все-таки уж станет не в мочь, то конечно лучше успокоиться, потому что здоровье первая вещь, без него и счастья нет в жизни.

Обнимаю тебя тысячу раз, ангел мой бесподобный, и молю бога, чтобы укрепил здоровье твое и силы. Прощай, Левочка, добрый мой и бесценный друг. Еще раз благодарю тебя за всю дружбу твою, участие, ласки и попечение. Трудно выразить, как я чувствую всякое малейшее внимание с твоей стороны, и как оно мне дорого. Целую твои ручки миллион раз.

Детям скажи, что люблю их, обнимаю и благословляю от всего сердца и от всей души.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 8 января 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 107—108.

28

8-го Генваря. 1849. Рыскино

Мишинька не писал мне, что он непременно наймет повара в Петербурге за 60 (тысяч рублей) в месяц; а только писал, что повара не едут на Кавказ дешевле этой цены. Зная его голову и твою слишком неограниченную доброту к нему, дорогой Левочка, я просила тебя не допускать его до такого дурачества, чтобы везти на Кавказ повара из Петербурга, хоть бы и за четвертую часть такой цены, как он пишет. Кто велит самому последнему кашевару ехать на Кавказ из Петербурга? А с другой стороны? какая пустая прихоть у Мишиньки везти с собою повара за 2 тысячи верст, будто и там не живут люди, которые ведь не умирают же с голоду? Приехав туда, он увидит, как едят другие, и сам сделает то же.

Если Мишинька надеется, что я отдам ему своего Фому, то я этого сделать не могу, потому что Фома необходим для моего спокойствия и здоровья. Желудок мой привык к его кушанью, а сверх того, он по хозяйству часто бывает мне нужен. У меня только и есть один повар и один лакей, из этого отдавать некого. Скорее же Миша, как сын и молодой человек, может перебиться как-нибудь, чем я в мои лета, да и чем Миша заслужил от меня такое пожертвование?

Хочет ехать на Кавказ, так пусть и терпит все тамошние недостатки, когда иначе сделать нельзя

Хочет ехать на Кавказ, так пусть и терпит все тамошние недостатки, когда иначе сделать нельзя. Притом же можно и там повара найти, который в состоянии сварить обед холостому человеку. Корсаковы ничем не хуже наших детей, а живут в Петербурге без повара, и уж верно, если один из них поедет служить в дальние провинции, то и не подумает припасать себе повара из Петербурга. Павел Матвеевич вчетверо нас богаче, а уж верно не позволит ни Матюше, ни которому другому из сыновей своих иметь повара даже дешевого, разве даст ему своего мальчика

поваренка с кухни. Что ж наши дети за принцы, чтоб у них все было, как у богатых и знатных людей.

Ты пишешь, Левочка, что потолкуешь об этом с Мишей. Да мне кажется, толковать с ним напрасно; его урезонить невозможно, а только не позволить ему такого дурачества, чтобы везти повара с собой на Кавказ из Петербурга, да и все тут. Там есть города поближе Петербурга; там сколько семейных людей, и все живут же, и уж верно обедают каждый день, а, конечно, поваров из Петербурга не выписывают.

Теперь позволь попросить тебя об одном деле. Здесь у нас есть соседка, Марья Александровна Чевакинская, незамужняя, следовательно, и бездетная. Она выпускает своих крестьян и дворовых людей на волю и делает их вольными хлебопашцами после своей смерти. Дело это долго обрабатывалось в Твери, и теперь отослано из Твери к министру внутренних дел. Вот и просит она тебя сделать милость, похлопотать у министра, чтобы поскорее утвердили ее бумаги и не отсылали бы их назад неутвержденными. Она женщина больная, любит своих крестьян столько же, как я своих люблю, и боится умереть прежде окончания этого дела. Помоги ей, Левочка, я принимаю в ней и ее крестьянах большое участие, и ты меня саму осчастливишь своим содействием в ускорении этого утверждения по положению и законам.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 23 января 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 108.

29

23-го генваря. 1849. Рыскино

Как это хорошо, дорогой Левочка, что Коля Корсаков женится на дочери Н. Н. Муравьева33. Дай бог ему счастья столько, сколько он заслуживает; он такой достойный молодой человек. И как я рада за Софью Николаевну и за брата Семена Николаевича, что бог им послал такую радость в такие тяжкие для них минуты. Пожалела я о тетушке Анне Семеновне34. Славная была старушка. Как мне жаль, что мне не удалось еще раз взглянуть на нее; я ее очень нежно и горячо любила с самого малолетства. Всегда находили, что я на нее похожа, и она меня всегда называла sa fille adoptive*. Когда матушка уезжала из Петербурга в Киев, тетушка Анна Семеновна ужасно ее просила оставить меня у нее, также и дядюшка Николай Семенович просил, чтоб меня у него оставить, и хотя матушка на это не согласилась, не менее того я всю жизнь помнила их лестное для меня желание. Тетушка Анна Семеновна мне всегда была дорога чрезвычайно и мне очень жаль, что наконец и ей пришлось нас оставить.

Как мне жаль, Левочка, что у тебя в канцелярии случилась такая неприятность35, и ты так огорчен ею. Неужели нельзя отыскать, кто это сделал? Ты пишешь, мой ангел, что похититель бумаг представил их как доказательство, что из III-го отделения можно получить за деньги какую хочешь бумагу. Ну, так если это известно, куда были представлены бумаги, то не может же быть, чтобы там приняли их от неизвестного. Как мне жаль тебя, Левочка, что при всех трудах твоих ты более видишь горя, чем радости, но что ж делать, Левочка, не мучься так, мой ангел. Здоровье твое дороже этих бумаг. Ведь ты не виноват в этой покраже, а если есть злодеи на свете, не ты тому причиною. Невозможно, чтобы тебя винили в этом случае, а если не винят те, от кого ты зависишь, то до других какое дело. На всех не угодишь. Эта неприятность доказывает, что у тебя есть враги, а это не мудрено, потому что всякий злой и дурной человек будет тебе

непременно врагом именно от того, что ты не похож на него. Следовательно, как дурных людей на свете много, и врагов должно быть у тебя довольно.

Ведь если бы хорошие люди старались вредить тебе, тогда было бы это прискорбно, а что негодяи делают зло, что ж тут удивительного! Конечно, такая неприятность очень тяжела, особенно при твоей чувствительности, но все-таки здоровье всего дороже, и я боюсь, что ты его расстроишь, принимая свое огорчение слишком горячо к сердцу. Неужели граф или Государь обвинят тебя? А если они не винят, то до других и дела нет.

Хоть я тебя уговариваю, но мне и самой очень за тебя больно. Сколько трудов тебе, сколько лишений всякого рода, а вместо награды огорчения и неприятности. Но чем тут помочь, Левочка? Без службы ты соскучишь, а служба другого рода будет не по тебе. Чернота человеческая везде проявляется, где бы ни жить, где бы ни служить, если же тебе службу переменить, надо вновь привыкать, а тут ты уже не только привык, но даже прирос. Мне кажется только то необходимо, чтоб ты не был так чувствителен к неприятностям, и как говорится по русски, плевал бы на них . Но и то правда, что это не от себя зависит.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 25 января 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 108—109.

30

25-го генваря. 1849. Рыскино

Сейчас получила я письмо твое, дорогой Левочка, где ты пишешь, что Марья Васильевна Столыпина36 при смерти от холеры. Хотя жаль ее, что в таких цветущих летах ей приходиться расстаться с жизнию, но всего больше пугает меня эта болезнь за Николиньку. Он сложения не крепкого; ну, как к нему также пристанет холера, а в Петербурге ее лечить совсем не умеют. Ты пишешь, что он всякий день бывает у больной; оно и похвально, и я думаю, что холера не прилипчива, но Боже сохрани, если и он занеможет! Сделай милость, Левочка, напиши мне, от чего сделалась холера у Столыпиной. Не может быть, чтобы от пищи, уж верно, она кушала не больше воробья или цыпленка. Должно быть, она занемогла от простуды. Сделай милость, Левочка, посоветуй Николиньке остерегаться простуды всеми средствами. Потом, хоть я струхнула за него, но ему не надо и думать о холере, это самое верное средство не занемогать ею. Остерегаться не значит бояться, остерегаться необходимо, а бояться ее отнюдь не должно.

Если же, Боже сохрани, пристанет холера, в Петербурге ее совсем лечить не умеют. Я удостоверилась, что холера ничуть так не страшна, как ее прославили доктора. Диета, спокойствие, тепло и самые легкие лекарства уничтожают ее очень скоро, только бы все это употреблять в пору и в меру. От чего же у меня здесь никто не умер? А были больные очень опасные. От того, что я лечила их просто, соображаясь с природою; не мудрила и не умничала, а лечила, как рассудок велит. Приближается весна, и я уверена, что холера опять у вас появится, и я нисколько не боюсь ее, потому что уверена с нею справиться. Как мне жаль, что время и занятия мои мне не позволяют, я бы выпросила себе в Твери или Петербурге холерный гошпиталь на свои руки с тем, чтобы мне дали полную волю распоряжаться, и уверена, что у меня мало бы кто умер, потому что холеру лечить право нетрудно. Малейшая безделица помогает, лишь бы успокоить больного и чтобы он не был расслаблен лекарствами до меня. Здесь были больные, которые на докторских руках непременно бы умерли, а у меня они и теперь живы. Тем более грешно не вылечить холеру, когда она продолжительна, как была у Марки, и теперь у Столыпиной. Я понять не могу, как тут не вылечить больного, когда время есть на то.

Бог с ними, это все доктора делают, они морят людей от того, что слишком мудрят и умничают. Да мне за вас-то страшно, особенно, не знаю почему, за Николиньку. Ради Бога, попроси его от себя и от меня беречься, а между тем не бояться холеры, и не думать, что она пристанет, а между

тем остерегаться пить воду, даже и квас пить умеренно. В холерное время вода ужасно опасна.

Дай Бог, чтоб вы все были здоровы. Не знаю, отчего эта холера у Столыпиной ужасно меня встревожила. Пока холера была в простом народе, я за вас не боялась; а теперь стало страшно и грустно.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 30 января 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 109—110.

31

30-го генваря. 1849. Рыскино

О Чевакинской*

Дорогой Левочка, ты пишешь, что дело о крестьянах г-жи Чевакинской кончено, и они уволены в свободные хлебопашцы под новым названием государственных крестьян, водворенных на собственных землях. Все это прописано в настоящем времени, и я боюсь, чтобы не уволили этих крестьян теперь, тогда как их помещица еще жива и желает их отпустить в свободные хлебопашцы только после своей смерти. При жизни же своей ей необходимо пользоваться всеми правами помещицы над ними, иначе она пойдет по миру, потеряв все, что имела.

Она стара и больна раком в груди, следовательно, проживет недолго, но все-таки ей будет очень плохо и обидно, если ее крестьяне отойдут от нее прежде ее смерти. Скажи, пожалуйста, Левочка, как утвержден этот акт? Так ли, как помещица желает, то есть чтобы ее крестьяне сделались вольными только после ее кончины, а не сей час после утверждения акта? Поспеши меня уведомить, мой ангел, а то меня беспокоит мысль, если не так выйдет, как она желала, и она заживо останется ни с чем.

Я принимаю в ней живое участие вот почему: у ней рак, и она была при смерти несколько раз; хотела делать операцию, ездила в Петербург, но операции сделать не решилась, а без операции никто не брался ее вылечить; здешние же доктора делали ей все хуже и хуже. Вот уже пошел другой год, как я принялась лечить ее своим манером, и хотя ее болезнь неизлечима, но ей стало гораздо лучше, она крепче, бодрее, веселее, и даже рана ее на груди и опухоль, и затвердение стали убавляться понемногу. Эти сношения пациентки с своим доктором произвели с ее стороны огненную ко мне привязанность, а с моей самое живое к ней участие. Вот почему я боюсь, чтобы ничто ее не растревожило, и если крестьяне отойдут от нее заживо, это ее убьет прежде времени, а я имею самолюбие надеяться, что ее вылечу, ежели не совсем, то почти совсем.

Поэтому, Левочка, ты понимаешь, что я принимаю в г-же Чевакинской двойное участие, как христианка в своем ближнем и как доктор в удачном лечении.

Поспеши, мой ангел, дать мне ответ, а я миллион раз целую твои ручки.

Еще притом умоляю тебя, мой милый и добрый Левочка, если паче чаяния станут в Министерстве государственных имуществ приводить в исполнение отпуск этих крестьян на волю теперь, до смерти помещицы, тогда сделай милость, устрой так, чтобы подождали ее кончины и не убивали бы ее за то, что она сделала благодеяние другим.

Впрочем, и в договоре у нее сказано, что она отпускает крестьян своих после своей смерти, то нельзя же этого переменить и отпустить их теперь, как мне кажется, когда сказано в отпускном акте, чтоб их отпустить после.

Я встревожилась об этом от того, что все действие утверждения у тебя прописано в настоящем

времени. Не сказал ты: будут уволены, а уволены; это как будто уж они с этого часа уволены. А может, я и ошибаюсь.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 10 февраля 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 111—113.

34

Рыскино. 10-го февраля 1849

Ангел мой Левочка, недели две или более тому назад, я послала к тебе огромный пакет в 12-ть лотов, в котором было от меня небольшое к тебе письмо и прошение Амалии Матвеевны Давыдовой в комиссию прошений; в письмеце моем, приложенном к той просьбе, я писала все, что нужно и что касается до этого дела. Получил ли ты этот пакет или не получал, что ты мне на это ни слова не отвечаешь? После того я писала к тебе еще раза два или три и уже получила все ответы на все последние мои письма, а о прошении Ам(алии) Мат(веевны) Давыдовой ни словечка, хотя оно гораздо прежде было послано.

Из Выдропуска этот пакет отправлен 22-го генваря, следовательно тому прошло уже 19-ть дней, а ты и виду не даешь, что получил его! Где ж он обретается? Нельзя ли сделать справку о нем? Бедная Ам(алия) Мат(веевна) теряет свое маленькое имение, все, что есть у нее, и теряет несправедливо; это прошение может быть спасет ее, и если оно пропало! — ускори, Левочка, отыскать его. Если же оно совсем пропало, то надо опять писать другое, и для этого надо скорее удостовериться об участи первого.

Ты пишешь, Левочка, что Николинька сбирается сюда и что, если тебе будет можно, и ты приедешь. Приезжайте, мои милые ангелы, я так буду счастлива вас видеть. Но ежели служба тебе этого сделать не позволит, надо предпочесть службу этой поездке. Ты принимаешь так много к сердцу, Левочка, случившуюся у тебя в канцелярии неприятность. Ведь ты не виноват, так что ж тебе так огорчаться? Скажи, пожалуйста, отчего это до сих пор не можно открыть похитителя? Ты такие трудные делал открытия, а это, кажется, еще легче. Ведь не птицей же вылетели бумаги из шкафа. Кто-нибудь вынул их. Не собачка принесла их в доказательство, что за деньги можно достать из 3-го отделения какую хочешь бумагу! Ведь это сделал и эти слова проговорил человек. Как же не найти, кто он! Неужели до сих пор и следа не найдено?

Из этой истории я всего более боюсь за твое здоровье, Левочка. Смотри равнодушнее, пожалуйста, на такие поступки людей. Что нам до их пороков, лишь бы сами не были порочные. Вспомни, что терпел Христос от людей, и как он молился за своих распинателей. Это неминуемая участь людей отличных, терпеть от негодяев. Мудрено ли, что на твоем месте ты нажил врагов? Еще я удивляюсь, что у тебя их так мало. Ты говоришь, Левочка, что все огорчения твои от службы. Служба потому доставляет тебе все неприятности, что ты исключительно занят ею. Займись одним хозяйством, только одно хозяйство и будет наводить тебе неприятности, потому что все другое будет от тебя дальше, следовательно менее будет тебя трогать. Займись торговлею, все твои неприятности будут от торговли, займись поэзией, сочинениями, ученостию — все твои огорчения проистекут от этих источников. Служба такая обширная, такая многосложная, как твоя, не может не содержать в себе неприятностей. Дело в том, чтобы чувствовать их наименее. Конечно, при твоем самолюбии, при твоей чувствительности, при том убеждении, что ты всего себя посвятил службе, — оно очень больно! Но здоровье всего дороже, а в твои лета можно его крепко расстроить такою продолжительною и постоянною печалью. Нет ничего мучительнее сердечной тоски, какая бы ни была тому причина. Грусть обращается даже иногда в привычку и может измучить человека до крайности. Конечно, иногда не от себя зависит унять свои чувства. Жаль, что сделалось так, а не так, да и только.

Тут как не рассуждай, а рукою горе из сердца не вынешь, пока не переменятся обстоятельства; и

Тут как не рассуждай, а рукою горе из сердца не вынешь, пока не переменятся обстоятельства, и что не делай, а боль сердца возьмет свое.

Извини меня, Левочка, что я надоедаю тебе моими рассуждениями. Ты скажешь: “Хорошо тебе толковать, как ты не имеешь 3-го отделения на руках и не отвечаешь ни за что, никому, ни в чем, что бы ни случилось в твоем хозяйстве!” Это правда, что участь русского помещика самая завидная на земле, но согласись, что и у меня есть огорчения: у меня есть муж, есть дети, а я всегда одна! Вижу кругом себя, все живут семействами, а я семейного счастия не знаю! Ну что ж делать. С обстоятельствами спорить не станешь. Как не верти, а все надо жить одной, да и впереди не видишь перемены. Вот мысли, которые мешают моему полному счастию, и что ж, я стараюсь не думать о том, что меня огорчает. Нельзя жить с семейством, надо утешать себя тем, что в моих руках. Так и ты делай, Левочка; ведь и у тебя есть утешений довольно.

Твое место навлекает тебе неприятности, но зато каким ты пользуешься почетом и влиянием. Ведь не то бы было, если б ты был дивизионный начальник какой-нибудь пехотной дивизии. Вот уж и утешение. На своем месте ты видишь дурную сторону людей, это правда, но сколько ты можешь делать добра; разве это не утешение? Ты трудишься неимоверно; но также подумай, Левочка, что почести и выгоды жизни не достаются даром тому, кто не родился в парче и бархате. Сын вельможи, если он чуть порядочный человек, летит на своем поприще вперед легко и весело. Но тот, который лезет вверх, поддерживаемый только самим собою, тот на каждой ступени этой лестницы отирает пот с лица, потому что на эту лестницу взлезать трудно. Зато помнишь пословицу: тише едешь, дальше будешь.

Идут быстро вперед и берут все приступом люди бойкие, смелые. Что ж делать, когда ты не родился таким? Ты смирен и скромен; тебе блеснуть своими достоинствами труднее, чем тому, кто умеет их выказывать. Но уж в этом себя переделать нельзя; а разве и тут нет утешения, что несмотря на твою скромность и твое смирение все-таки ты выше стал всех своих сверстников. Где Лизогуб и Орлов? Где Олизар и Муханов? Где остались за тобою все прочие твои сослуживцы и знакомые? Ты таки все себе идешь да идешь вперед. Будем благодарны Богу, Левочка, за Его милости, и примем от руки Его, как неизбежную долю человека, те небольшие огорчения, которыми угодно было ему иногда нас испытывать для очищения дел наших и нашей совести. Надо благодарить Его за то, что он в здешней жизни взыскивает с нас долги наши, потому что от этого на том свете расчеты наши будут легче.

Что ж касается до Петра Васильевича, то поделом ему; но я уверена, что по низости души своей, он не преминет кричать везде и всем, что это ты сделал, что у него отняли дивизию, и я боюсь, что ты опять будешь огорчаться. Плюнь на него, пожалуйста, он не стоит ни одной минуты твоего сожаления, ни твоего участия, а ему, может статься, несчастие послужит в некоторую пользу. Ты говоришь, Левочка, что он будет без куска хлеба! Да кто ж ему велел так жить, чтоб гневить и Бога и людей. Признаюсь, я нисколько не могу сожалеть о человеке, который сам виноват своему несчастию. Живи умно да справедливо, да совести не забывай, так никогда не попадешь ни в какую беду; а как всегда море по колено да все дураки, мы одни умны, да нас никто волоском не зацепи, а мы всех в зубы — так и свалимся, как Петр Васильевич, али как было и с самим великим Наполеоном. Ну да Бог с ним, не стоит из-за него бумаги марать.

Позволь мне попросить тебя, дорогой Левочка, если сам приедешь, привези с собой, а нельзя тебе приехать, так отпусти сюда в Рыскино с Николинькой моего любезного Федора Федоровича, я его ужасно люблю, и ежели служба ему не помешает, то страх рада буду его видеть, да и Николиньке будет здесь с ним веселее, чем с одними бабами, и то еще с деревенскими.

Сделай мне еще милость, Левочка, пришли мне с Николинькой или сам привези, в счет того будущего жалованья, которое ты по милости своей присылаешь мне каждую треть:

1-е баночку Pommade divine
*, из английского магазина; 2-е банку помады
a la fleur d’orange

a la fleur d'orange

** для моей седой головы; и 3-е летний небольшой зонтик, не самый маленький, а с длинною палочкою, темный или зеленый, только без бахромы, и не покупай в магазинах, потому что из магазинов зонтики от солнца слишком нежны для моих полевых прогулок. Помнишь, ты подарил мне прекрасный шелковый зонтик, когда я была в Петербурге? Я берегла его до нынешнего лета, а нынче как стала его употреблять, то прежде, чем лето кончилось, он весь изломался, пружины его так тонки и ломки, что чуть ветерок посильнее, его всего извертит и изломает, что уж я его даже шелчинками связывала, и так насилу доносила до осени. Купи мне зонтик в Гостинном дворе; их продают в Перинной линии, и прикажи купить средней руки, не маленький и не огромный, а средней величины, и сделай милость, простинький, без бахромы и без лишних прикрас, а только чтоб был прочный и его бы ветром не поломало. Я потому прошу тебя об этом, мой ангел, что привезти с собою удобнее, чем присылать по почте.

Николай Леонтьевич Дубельт

Целую твои ручки миллион раз и молю Бога о твоем здоровье.

Я сей час получила материю на платье и чай; целую твои ручки, а в другом письме поблагодарю.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 14 февраля 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 113—114.

35

14-го февраля 1849. Рыскино

Хоть ты мне прислал, дорогой Левочка, письмо Гамалея37, в котором он отказывается переменить участь Каменева38, но как Каменев отменно хороший человек, и если бы он худо служил, то начальство не давало бы ему беспрестанных поручений сверх его должности, как это делали с ним во все продолжение его службы в Палате государственных имуществ. Гамалей пишет, что это перемещение произошло в следствие ревизования Палаты доверенными чиновниками, и что с своей стороны Гамалей не находит возможности быть полезным Каменеву после распоряжения самого Министерства.

Я бы не беспокоила тебя, Левочка, после этого; но это место уполномоченного по специальному межеванию, которое теперь дают Каменеву, состоит в том, чтоб быть беспрестанно на месте, несмотря ни на какую погоду, и потом, вместо отдыха, сидеть над планами и терять зрение над ними. Каменев и то уж служил в Твери землемером и чуть не ослеп от планов; зрение у него слабое, здоровье так же; — как же ему опять заниматься должностью в роде той, от которой он уже однажды чуть не ослеп и не умер! Он человек отлично хороший, и я бы не просила тебя за него, если бы он этого не заслуживал. Если бы он был нехорош по службе, то получал бы выговоры, а вместо того, в доказательство внушаемого им доверия, он беспрестанно получал разные поручения и правил несколько разных должностей кроме своей. Это не знак ненадежного чиновника.

Гамалей пишет, что он не может ничего сделать против распоряжения министра, то милый мой, добрый, бесподобный Левочка, нельзя ли тебе попросить графа Орлова39 написать об этом письмо к министру, который, может быть, уважит ходатайство графа. Уж если нельзя Каменеву оставаться ассесором, так он желает быть окружным начальником по государственным имуществам в Волочке или Старице, где есть или скоро будет вакансия. Места окружных начальников дают людям самым ничтожным, а этот очень хороший человек.

Сверх того, что должность уполномоченного по специальному межеванию не согласна с летами, здоровьем и слабостию зрения Каменева, но и то еще его пугает, что эта должность временная,

межевание кончится, и он тогда ступай куда хочет. Это также перспектива незавидная.

Конечно, если бы он заслужил свою участь, то и говорить нечего; но должно быть, что его смещают по каким-нибудь несправедливым показаниям тех особенных чиновников, которые ревизовали Управление Палаты. От чего же они нашли в его делах неисправности, за которые он никогда не получал никакого выговора, а все еще усиливалось к нему доверие ближайшего

начальства? Разумеется, не мое дело судить и указывать, но все-таки я считаю христианскою обязанностию просить тебя искать Каменеву защиты у министра чрез графа Орлова. Если и это средство не поможет, тогда уж нечего делать, видно так Богу угодно.

Целую твои ручки миллион раз.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 28 февраля/6 марта 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 114—115.

36

28-го февраля 1849. Рыскино

Во всех последних письмах твоих, дорогой Левочка, я вижу, как ты сокрушаешься о Мишиньке. Но что ж делать, мой ангел, ведь он уже не дитя, надо ему дать волю избирать самому свою будущность, чтобы он после не роптал на нас, что мы помешали его призванию, его страстному желанию отличиться в военном поприще, что мы перебили ему дорогу и тому подобное. Ему 27 лет, как же ему не знать уже, что он делает? Притом, жизнь его в Петербурге слишком ничтожна и бесполезна, чтобы не наскучить ему. Все пустяки, все баклуши бить надоест, когда нет конца такой жизни. Ты скажешь, зачем оставаться у Ланского, служи во фронте. Да что ж такое фронт в Петербурге? Манеж, да Марсово поле, да маневры, да Красное Село! — а что тут пользы?

Ты и много трудишься, и многим жертвуешь службе, и не имеешь почти отдыха, иногда кряхтишь и страдаешь, но у тебя постоянное есть утешение в том, что ты трудишься с пользою. Для человека всего дороже быть полезным и иметь возможность отличиться на том поприще, где он поставлен. Труды, заботы, хлопоты, ночи без сна, дни без пищи, огорчения — все ничего не значит как скоро он знает и уверен, что все-таки он приносит пользу отечеству и ближним. А какую же пользу может принести Мишинька в Петербурге, даже во фронте? Между тем, такая бесполезная жизнь раздражает его, от скуки он блажит и балуется, нрав его делается нестерпимым, и даже страшно подумать, что при таких обстоятельствах, если б не было никакой перемены, он мог бы сойти с ума. А этого хуже на свете быть ничего не может. Лучше быть убиту. Сумасшествие та же смерть, но какие страдания.

6-го марта

Ну, Левочка, уж что не делай, а писать не хочется. Хоть как не говори, что я на Николиньку насмотрелась, но все как-то мыслей не сберешь. Такая рассеянность, такая лень одолела, все бы только с ним поболтать. Я бы хотела построже поступить с собою, да и тут расслабление, и прикрикнуть на себя не могу; а как человек сам к себе всегда снисходителен, то я и извиняю себя тем, что в кои веки придется на несколько дней так попраздновать, вот от того и сойдешь с ума. Прости, Левочка, твоя доброта также меня успокаивает, что ты не взыщешь за мою лень. Когда Николинька уедет, уж тогда-то напишу к тебе.

Теперь только скажу тебе, что и слов не наберешь и не отыщешь, которые могли бы описать мою радость видеть Николиньку. Ты сам любишь его без памяти, то можешь судить, что значит для меня его посещение, и как я тебе благодарна, что ты это устроил.

Благодарю тебя, мой ангел, за все вкусные и славные вещи, присланные с Николинькой. Мы их кушаем и подхваливаем, и тебя благодарим. За теплые чулки целую твои ручки, они очень для меня кстати, потому что я ношу теплые чулки и зимой и летом.

Как мы с Николинькой рады, что он назначен в Московскую поездку. Ему так этого хотелось, и сбылось его желание.

Целую твои ручки миллион раз и прошу тебя беречь свое здоровье.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 10 марта 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 115.

37

10-го марта 1849. Рыскино

Вот уже Николинька и на отъезде, дорогой Левочка. Благодарю тебя, что ты позволил ему приехать и устроил отъезд его из Петербурга. Пролетели десять дней, как молния, и завтра он отсюда уезжает. Первые дни мне будет очень скучно, и хотя конечно я рада, что посмотрела на него, а все-таки печаль после его отъезда заставит меня не раз воскликнуть: “Лучше бы он не приезжал!”

Переломить себя очень трудно, и долго с собою не справишься, что ни делай. Я это уже не раз испытала. Пойдут такие грустные размышления, откуда они возьмутся. Как я себя не уговаривай, что ведь до приезда Николиньки то же было, а я была же довольна и счастлива; зачем же теперь мне скучно? Зачем эта тишина, которая до его приезда мне очень нравилась, после него так кажется нестерпима? Как ни толкую сама себе, что надо себя успокоить и покориться обстоятельствам, а все какой-то бунтовщик засядет в сердце и не дает покоя. Весело встречать, а уж куда тяжело и скучно провожать.

А все-таки позволь попросить тебя, мой ангел, об одном деле. Уж так суждено судьбою, что я не могу написать тебе ни одного письма без того, чтоб не заключалось в нем ни одной просьбы. Дело это касается собственно до меня. Помнишь, что у меня отрезали землю от пустоши моей Васильевой, в пользу Выдропужских ямщиков. Дело это в межевой канцелярии решили в мою пользу и теперь оно уже несколько месяцев отправлено в Сенат на утверждение; а как не слыхать, чтобы оно подвигалось к концу и, вероятно, пролежит без внимания в Сенате несколько лет, если не похлопотать о нем, то и прошу тебя, Левочка, сделай милость, потрудитесь попросить кого следует, чтобы этому делу дали ход и сделали бы беспристрастное определение. Дело представлено в Сенат 4-го августа 1848-го года, за № 1871-м, вот уже 7 месяцев прошло, а о решении Сената нет ни слуху, ни духу; похлопочи, Левочка, чтобы это кончили поскорее.

Скажи, пожалуйста, отчего ты ни слова не отвечаешь, получил ли ты посланную от меня просьбу Ам(алии) Мат(веевны) Давыдовой в комиссию прошений, передал ли ты ее по адресу, и чего можно надеяться.

Я еще не поблагодарила тебя хорошенько за прекрасную шерстяную материю, которую ты мне прислал на платье к 3-му февраля; я сшила из нее себе платье и надеваю его, когда хочу отличиться своим туалетом. Еще ты мне прислал теплые чулки, прислал чаю, прислал штемпельных пакетов. Чего ты не прислал мне? Целую твои ручки тысячу тысяч раз и благодарю за все твои милости.

Как я рада, что Николинька поедет в Москву, он так этого желал, ему будет там весело и притом он, может быть, заедет на возвратном пути опять в Рыскино, хоть на несколько часов.

Прощай, мой дорогой Левочка, целую твои ручки миллионы раз. Благодарю тебя, мой ангел, за

все зонтики, которые ты прислал мне с Николинькой. Два большие я оставила себе, а маленькой с бахромой отдала Алек(сандре) Ал., другой же маленькой подарила ее племяннице, которая теперь у меня гостит; и все мы целуем твои ручки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 29 апреля 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 115—116.

38

29-го апреля 1849. Рыскино

Ангел мой, Левочка, у меня сидит наш новоторжский предводитель Сергей Дмитриевич Львов40. Он в большой тревоге за своего сына, капитана Егерского полка Львова, который арестован недавно по поводу последней истории, как вероятно тебе известно. Он так рассудителен, что говорит, если его сын виноват, он и получит заслуженное наказание, но в то же время утверждает, что сколько он знает своего сына, то ему кажется невозможно, чтобы он мог быть виновен. Я знаю и то, говорит он, что если он невинен, он будет оправдан, потому что у нас не стараются невинного сделать виновным, а совсем напротив, в этого рода делах, где дело рассматривается самыми благородными людьми, то дают всевозможные средства к оправданию. И потому, говорит Сергей Дмитриевич, я уверен, что участь моего сына в хороших руках; но как отец не могу не тревожиться. Он приехал нарочно узнать от меня что-нибудь о своем сыне, до какой степени он замешан и какие есть надежды к его оправданию. А как я ничего не знаю, то пишу к тебе, дорогой Левочка, сделай милость, напиши мне как можно скорее, до какой степени виновен или компрометирован капитан Львов, чтобы я могла сообщить это известие его отцу, которого я очень люблю и уважаю, как бесподобного предводителя, и которого мне жаль до крайности еще и потому, что он недавно потерял свою жену, с которою жил неразлучно 44 года в таком согласии и дружбе, что это было на диво всем. И какая это была женщина, все ее называли осуществленною добродетелью.

То вообрази, каково ему, бедному. Только что схоронить жену, еще не осушить слезы о ее кончине, а тут другая беда!

Не просит он защиты его сыну, если он виновен, не просит и снисхождения; но уверен будучи в справедливости и великодушии этого рода следствий, он только просит, чтобы в этой куче виновных не оставили его сына без внимания, и дали бы ему средство доказать свою невинность, если он невинен.

В заключение целую миллион раз твои ручки и ножки и еще повторяю мою просьбу: напиши поскорее и подробнее все, что касается до сына Сергея Дмитриевича Львова, и напиши так, чтобы я могла твое письмо прислать к нему для прочтения, чтобы он сам видел, что ты пишешь.

Обнимаю тебя, мой ангел.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 5/11 мая 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 116—117.

39

5-го мая 1849. Рыскино

Дорогой Левочка, как мне жаль тебя, что ты останешься один, и оба сына от тебя уедут. Пусто будет тебе без них. Что ж делать, сами мы хотели, чтоб они были военные. За Николиньку, мне кажется, опасаться нечего, его поход будет прогулка. Что ж касается до Миши, он так полон

самых блестящих надежд, что и мне сообщил какую-то уверенность. Дай Бог, чтобы сбылись его мечты и ожидания.

Если Бог сохранит дни его, то он конечно проложит себе хорошую дорогу. Когда он захочет, он чудесный молодой человек, умен, ловок и заставляет любить себя. Зиновьев41, принц Александр Гессенский42 оказывают ему очень много участия и даже дружбы. Видно же у него есть такие

качества, которые могут привязать к нему людей в таком положении, где они нисколько не нуждаются в Мишиньке, следовательно полюбили его безотчетно, по склонности и влечению сердца, а не по расчету или из видов. Он им нужен, поэтому их внимание и нежность к нему основаны на причинах, делающих честь Мишиньке.

Поэтому я надеюсь, что Мишинька приобретет и на Кавказе любовь начальников и товарищей. Он обворожителен, когда захочет. Я думаю, там немного таких майоров, как он, и вероятно его там оценят.

Он мне показывал и рассказывал все твои милости к нему, единственный в мире папашка! Таких отцов, как ты, не было, нет и не будет никогда. Господи! Какой ты добрый отец и какой добрый человек.

Вот и до меня как ты милостив. Заплатил 300 (рублей серебром) процентов Лестремну и хочешь еще уплатить ему за меня остальные 5 (тысяч рублей серебром). Но на это последнее пожертвование, ангел мой Левочка, я не согласна! Отъезд обоих сыновей и содержание их на чужой стороне обойдутся тебе недешево, то зачем еще и мне прибавлять тебе расходов и еще таких значительных. Даст Бог, я и сама справлюсь с уплатою Лестремну.

Но скажи, пожалуйста, Левочка, неужели и теперь будет у тебя выходить по 1000 (рублей серебром) в месяц, как выходило доселе. Уж конечно, ты убавил лошадей и людей; притом и на стол должно выходить в половину меньше. У детей бывали гости, а теперь Федор Федорович почти никогда дома не обедает, твой стол, одно блюдо, — сестра Алек(сандра) Конст(антиновна), я думаю, кушает немного, — то должны теперь на стол выходить суммы очень умеренные. Советую тебе и прошу тебя, мой ангел, в это вникнуть и назначить на содержание дома в месяц в половину против прежнего, потому что тебе деньги нужны будут для пересылки детям. Зачем же издерживать их понапрасну, когда половины семейства не будет в Петербурге.

Я потому тебе напоминаю об этом, что зная твою бессеребренность, я боюсь, что ты не обратишь на то внимания, а люди в доме и рады будут пользоваться твоею рассеяностию.

Ты столько осыпаешь меня своими благодеяниями, что не успеваю тебя благодарить. Еще, кажется, я не расцеловала твоих ручек за коляску, которую ты хочешь прислать ко мне. Только жаль, Левочка, что ты изубытчился так много. Я просила прислать коляску как она есть, и хотела кое-как вычинить ее здесь; ты же говоришь, что прежде июня она не поспеет, поэтому в ней много чинят и она будет дорого стоить. Жаль мне твоего кармана, Левочка.

11-го мая

Левочка, сделай милость, похлопочи о моем Васильевском деле в Сенате. Межевая канцелярия решила его в мою пользу; это решение представлено в Сенат 4-го августа прошлого 1848-го года. Отчего же, Левочка, так долго не могут его кончить. Теперь опять лето, опять травы, опять сенокос и опять выдропужские ямщики неправедно будут владеть моею землею. Умоляю тебя этим заняться и меня уведомить, отчего дело не идет вперед. Кому ты поручил его, Левочка, напиши пожалуйста.

После проезда Мишиньки мне не очень здоровится, и мне нужен лекарственный чай, который всегда делает мне пользу.

Прилагаю здесь ярлык, по которому прошу тебя, мой ангел, сделай милость, прикажи достать из аптеки этого чаю, пришли мне сюда как только можно. Вчера было 10-е мая; вероятно, Николинька наш выступил в Варшаву, как предполагалось. Жаль мне тебя, мой ангел, что ты остался один, но еще жалчее, что ты питаешь такие грустные мысли, будто детей больше не увидишь. Будто ты уж так стар, что не доживешь до свидания с ними? Сделай милость, не позволяй себе так думать; а только береги свое здоровье.

Целую твои ручки миллион раз.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 26 мая 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 117—118.

40

26-го мая 1849. Рыскино

Пока я писала тебе, дорогой Левочка, погода переменилась, и вместо того, чтоб тебе быть довольным, я думаю, теперь ты опять бранишь петербургский климат. Опять холодно, ветрено и нет охоты выйти из горницы. Но что ж делать, Левочка, ведь от нас зависит ехать в теплый климат; зачем же мы сами здесь живем? А уж ежели живем, то не будем себя понапрасну мучить бесполезным ропотом. Однако, ты все-таки извини меня, что я так разлетелась несколько дней тому назад с похвалами нынешней погоды. Но в самом деле, на прошедшей неделе так было тепло и хорошо, что нельзя было умолчать о том впечатлении, какое производил воздух, согретый солнцем до 28-ми градусов, постоянно. Даже все деревья, березки и прочие, стоявшие очень долго в почках, вдруг распустились и зазеленели почти в один день. Дорогой Левочка, в одном из моих писем я послала тебе ярлычок от лекарственного чаю, который необходим для моего здоровья, и просила прислать мне это(го) чаю поскорее; он мне очень нужен. Ты мне ничего не отвечаешь, мой ангел, нашел ли ты в письме этот аптечный ярлык, и что ты с ним сделал. Напиши, пожалуйста, мне на это ответ.

Ты говоришь, Левочка, что дай Бог, чтоб Мишинька помнил, что он только Дубельт, а не герцог Девонширский. Когда он здесь был, я нашла в нем удивительную перемену. Не только в нраве, но и в расчетливости, я заметила в нем успехи к лучшему. Его Александр ездил в Каменное проститься с матерью, и не имев терпения подождать, пока на дороге выкормят данную ему лошадь, нанял в Поведи подводу до Каменного за полтора рубля (серебром). Миша жаловался на эту издержку Александре Алексеевне и говорил, что его Александр очень безрассуден, что так бросает деньги; что ему теперь, то есть Мишиньке, надо беречь каждый рубль, а его камердинер так бросает деньги. Прежде этого никогда не бывало, чтобы Миша рубли считал, а теперь это меня обрадовало, что он обратил внимание на полтора целковых.

Я думаю, что вдалеке от родных, и зная, что вблизи баловать его некому, он будет смирнее и осторожнее. Прежние разы, когда он приезжал сюда, или во Власово, он всегда придирался к словам моим и поступкам до того, что мы поссоримся крепко. Этот же раз он был так мил и так любезен, что я не могла надивиться его мягкости.

Все это заставляет меня надеяться, что если Бог сохранит его и он останется жив, то Кавказ принесет ему много пользы, не только по службе, но и нравственной.

Прощай, Левочка, целую твои ручки и прошу тебя беречь свое здоровье. Как бы я желала, чтоб ты нашел времечко прокатиться иногда за город. Ты нынче совсем отказался от загородных прогулок, а ты прежде их так любил, и это для здоровья так полезно. Ты скажешь некогда, но ведь без графа дела будет меньше. А скажи, пожалуйста, на время его отсутствия кто будет управлять корпусом?

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 29 мая 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 29 мая 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 118.

41

29-го мая. 1849. Рыскино

Дорогой мой Левочка, прости меня, что я так часто беспокою тебя моими просьбами. Это письмо вручит тебе Иван Львович Каменев, за которого я уже просила тебя, и о котором ты уже и хлопотал в Министерстве государственных имуществ. Теперь Иван Львович едет сам хлопотать по своему делу в Петербург, и как он тебе не знаком, а имеет до тебя надобность, то и пишу это письмо, прося тебя, чтобы ты его принял милостиво и выслушал бы со вниманием; а потом помог бы ему советом своим и содействием.

Иван Львович такой человек, которого я люблю и уважаю как родного. Я его знаю очень давно, с отличной стороны.

Чем можешь, Левочка, помоги ему, сделай милость.

Дело в том, что у него отнимают место постоянное, а дают временное, притом его здоровье и глаза не выдержат нового назначения. Поручаю его твоим милостям, Левочка, помоги ему, как умеешь.

Целую твои ручки миллион раз.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 5 июня 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 118—119.

42

5-го июня. 1849. Рыскино

Как это страшно, дорогой Левочка, что ты был болен! Хотя ты сам, своей рукою уже пишешь мне, что ты совсем здоров, но все как-то сердце не на месте; боюсь, чтобы ты опять не занемог. Хорошо, что этот раз доктора помогли тебе, но я их боюсь смертельно, пуще всякой болезни.

У меня, зимою, была страшная боль в животе и в боку, которая продолжалась трое суток, но я доктора не призывала, а вылечилась сама очень просто, прикладывая к больному месту горячие салфетки и приняв раза два очень сильных пилюль с (нрзб.), от которых рецепт сохраняется у меня еще с Киева. Призови я доктора, он бы сказал, что у меня воспаление в кишках, и стал бы мучить да может статься еще бы и уморил. Я так уверена, что у тебя не было ни воспаления, ни начала воспаления, а просто ты чем-нибудь испортил свой желудок или застудил его, или скушал что-нибудь кислое, и от того тронулась у тебя слизь в желудке, что производит ужасную невыносимую боль. У меня также на днях была такая боль от двух стаканов лимонаду.

Слава Богу, что доктора помогли тебе; но как мне страшно за тебя вперед, Левочка, что ты один: все около тебя перепугаются, твоего Марки нет, никто за тобою ходить не умеет. Ах, Боже мой, так бы и полетела на тебя посмотреть, что с тобою делается.

Нет, Левочка, это не честолюбие, а конечно, как же не приятно, что наследник и вел(икая) кн(ягиня) Елена Павловна43 присылают узнавать о твоем здоровье. Их участие не может быть не дорого. Это участие для русского сердца все равно, что какой-нибудь орден, — и то, и другое надо заслужить. Мы не французы, чтоб брезгать своими владыками, они помазанники Божии и представляют нам провидение на Земле. Не из низости мы их любим, а из убеждения, что их власть над нами необходима для нашего счастия и для порядка в государстве, а когда любим их,

власть над нами необходима для нашего счастья и для порядка в государстве, а когда любят их, то их участие должно нас радовать и мы не можем быть равнодушны к нему.

Благодарю тебя, мой ангел, что ты, и нездоров будучи, не забываешь хлопотать, как, по моей просьбе об отпуске на волю крестьян Ивана Александровича Чевакинского, так и о моей Васильевской земле. Я только того прошу, чтобы утвердили решение межевой канцелярии, где сказано, чтобы отрезанную землю мне возвратить, а планы пересочинить на спорные дачи. Пусть

только утвердят это решение и предпишут здешним судом его исполнить. Я более ничего не прошу.

Поклонись от меня брату Павлу Матвеевичу и сестре Катерине Николаевне и поздравь их с производством их Матюши. Скажи, пожалуйста, Левочка, если он выпущен в Преображенский полк, так ведь и он пойдет в поход? Что ж будет с бедной Екатериной Николаевной?

Скажи мне, пожалуйста, что-нибудь о Екат(ерине) Ник(олаевне) Орловой; где она, что с нею? Ежели ее увидишь, очень нежно поклонись ей от меня и скажи ей, что я всегда помню и люблю ее по-прежнему. По смерти тетки ее Екатерины Алексеевны ей досталось имение недалеко от Власова; мы с нею теперь соседи. Целую твои ручки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 10 июня 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 119—120.

43

10-го июня. 1849. Рыскино

Ты пишешь, Левочка, что от Мишиньки не получал писем после Москвы. Это удивляет меня. Я получила от него письмо от 15-го мая, со станции за 40 верст до Астрахани, где он остановился на ночь, за темнотою, и чтобы в степи не заблудиться в песчаную метель, которая заметает дорогу и заносит странника, как зимою снегом. Он тут хотел, написав ко мне, писать к тебе, или даже уже и написал. Так я удивляюсь, отчего же ты так долго не получил письма его. Но, вероятно, теперь оно уже дошло до тебя, и ты знаешь, что делается с Мишей.

От Николиньки я получила письмо из Луги, а больше не получала. Ты обещал отослать ему в Псков мое письмо, которое не застало его в Петербурге. Получил он его или нет?

Дорогой Левочка, не знаю как тебя благодарить за твои хлопоты о нашей Васильевской земле. Я только того прошу, чтобы решили законно, а этого кажется требует сама справедливость. Закон говорит, что Живое урочище есть непременная межа, которую никакие обстоятельства изменить не могут. У меня отрезали землю и впустили чужого хозяина, за Живое урочище в мою дачу, тогда как в обеих межевых книгах сказано, и в выдропужской и в моей, что Живое урочище, ручей выдропужский составляет в сем месте непременную межу между нами. В этом обстоятельстве Межевая канцелярия удостоверилась и решила отдать мне обратно отрезанную землю, а планы как мой, так выдропужский и план тут же участвующей деревни Вязьмики пересочинить. Такое решение и справедливо и верно, только надо его утвердить и потом исполнить. Об исполнении же надо предписать здешним судам. Я вижу, дорогой Левочка, что ты постоянно хлопочешь об этом деле, и еще прошу тебя убедительно не отставать, пока оно совсем не кончится. Прости меня, мой ангел, что я тебе столько докучаю, но ведь я прошу только справедливости. Мне обидно, что всякий может мне отрезать нос безнаказанно. Чем же я виновата, что живу здесь одна, только от того, что муж и дети на царской службе? Был бы кто-нибудь из вас со мною, этого бы не случилось.

Я все сбираюсь и забываю написать тебе, Левочка, что выходит на поверку люди очень глупы, и как Господь милостиво и премудро нас научает. Помнишь, как мы все, помещики, два года тужили об опустошениях, наделанных червем на полях наших? А вышло, что это было

тужили об опустошениях, наделанных червем на полях наших? А вышло, что это было милосердие Божие! С тех пор, как червь выел озимь на наших нивах, у нас хлеба девать некуда, так он богато родится; потому, что червь этот, размножившись неслыханными миллионами на пашне, так и взрыхлил и удобрил собою, что с тех пор почти пахать земли нечего, так она стала мягка и рыхла. Никакими инструментами нельзя того сделать, что сделал червь с нашею пашнею. Зато, бывало, когда червь не ел озими, хлеба было так мало и он родился так худо, что крестьяне с рождества уже хлеб покупали; с тех же пор, как червь стал есть хлеб на нивах, родится его так

много, что не только купить, а и самому девать некуда. Вот штука-то! Вот еще образчик. В Каменном, без червя, намолачивали разного хлеба до пяти и шести сот четвертей, и этого было мало для прокормления тамошнего большого количества фабричных. Поэтому хлеба, четвертей до четырехсот, возили туда из Рыскина, как на прокормление тамошних людей, так и на семена. В эти же два года, как продолжались опустошения червя, хлеба в Каменном родилось так много, что не только отсюда не возили, но еще тамошнего лишнего остается до тысячи четвертей в год. Пропадали только засеянные осенью семена, а зато весною все это вознаграждалось в десятеро. На выеденных местах сеяли яровой хлеб, и он родился так изумительно, что никогда такого не видывали.

Этого мало, что весенний посев вознаграждал богатейшим образом за осенние опустошения, но вот уже три года та же пашня родит хлеб изумительно и все еще после червя так рыхла, что я думаю, лет шесть или и более, не зачерствеет.

Теперь надо наблюдать только то, что если когда покажется червь, тогда не бросать семян, не сеять ржи и оставить землю эту пустою до весны, а весною засеять ее яровым хлебом. Тогда и ржаные семена не пропадут; и земля все-таки от червя будет рыхлее, и яровое на той земле весною родится неимоверно хорошо, как потому, что червь разрыхлит землю, так и оттого, что положенный на той пашне навоз, не потеряв своей силы, доставит яровому хлебу, посеянному весною, урожай необыкновенный.

Бывало, как скажут: “Червь показался, червь ест озимь”, — станет грустно, хоть плакать. После же таких опытов, теперь сама станешь спрашивать: “А что, не видать ли червя?”

Впрочем, прошедшую осень озимь осталась цела, и нынче рожь бесподобная. Не рожь, а роща.

Еще вот какую выгоду сделал червь, что выучил крестьян засевать по два поля весною. Теперь, если навозу не достанет под рожь, можно безнавозную землю оставить не засеянною, а весною засеять ее овсом, и урожай будет выгоднее, чем от ржи, посеянной без навозу.

Пишу тебе все это, Левочка, для сообщения этих примечаний другим: ты знаешь всех журналистов, не скажешь ли им чего-нибудь из наблюдений моих о черве? Может быть это послужит в пользу другим помещикам, и тужить о появлении червя не будут, а еще будут его встречать с радостию как дар неба. Стоит только не тратить семян, и особенно не подсевать ржи вновь осенью, где съедено червем. Многие делали эту ошибку. Червь съест озимь, а чуть станут на той же земле сеять вновь, разумеется, червь опять съест, а они сеют опять, и таким образом вместо четверти теряли две и три на то же место.

Правило с червем вот какое: как скоро его приметят на пашне, тут ржи с осени не сеять, а весною то место засеять яровым. Тогда и ржаные семена не пропадут, а хлеба будет впятеро больше.

Что касается до меня, то и здесь и в Каменном, и меня и мужиков червь обогатил, и я теперь считаю, что это было чистое милосердие Божие, но мы его не поняли. Прощай, Левочка, кланяйся брату Павлу Матвеевичу и сестре Кат(ерине) Ник(олаевне). А я завтра еду в Каменное.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 3 июля 1849 г. Каменное // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Р[illegible] Архив, 2001. — [Т. XII]. — С. 120—121.

Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 120—121.

44

3-го июля. 1849. Каменное

Три года не болели у меня зубы, дорогой Левочка, и я не могла нарадоваться, что ни дождь, ни

ветер, ни стужа, ни сырость не вредила им. Я уж думала, что зубная боль совсем меня покинула, и что эта боль забыла вовсе, что у меня есть зубы. Зато теперь уж как она наверстывает свое трехгодичное отсутствие. Кажется, нет ни одного зуба во рту, который бы не болел у меня; даже те зубы, которые выкрошились, и те болят. Лицо беспрестанно пухнет, то та щека, то другая, ни одной ночи уснуть не могу, и есть могу только что-нибудь жидкое, даже белого хлеба, размоченного в чаю, не могу взять в рот без боли. К тому же я здесь в Каменном опять упала с дрожек. Лошади чего-то испугались, понесли, дрожки на бок, а я и слетела с них.

Ничего нет хуже, как в мои лета, что называется встряхнуться. Это составляет внутренний ушиб, гораздо хуже наружного. Внутренность мягкая и в ней образуется кровяной желвак, с опухолью. Пока это длится, ужасно беспокойно; желудок почти ничего не варит, все внутри чувствует боль и тошноту, а тут еще опухоль и постоянные флюсы. Оно, пожалуй, и терпишь, нечего делать. Я лежать не люблю, но как не совсем здоров человек, то всяким делом худо занимается, все в половину, как-нибудь. И так досадно, что в кои веки попаду в Каменное, тут бы заняться здешними делами, не тут-то было. Сегодня две недели, как я сюда приехала, а была здорова только один день. Все нездоровится, то от падения с дрожек, то зубы замучили. Надо скоро ехать отсюда, а я и половины не сделала, что бы должно.

Вот и еще очень верное дело пропустила. Не поздравила тебя вовремя с твоими именинами. 18-го июня я была в Толмачах, на пути в Каменное. Там, будучи по дорожному, я не собралась написать к тебе в этот самый день, а как приехала сюда, да затормошили меня зубы, то хоть и писала к тебе, но об именинах твоих и не написала ни слова. Прости меня, Левочка, ты ведь знаешь и, конечно, уверен, что и кроме именин твоих я всегда помню тебя, почитаю, удивляюсь твоим добродетелям и молю Бога постоянно, чтоб ты был здоров и счастлив. В день именин твоих, это было в субботу, я много думала о тебе; в вечеру того дня приехала ко мне в Толмачи Амалия Мат(веевна) Давыдова и ночевала в моем маленьком домишке. Разумеется, мы много с нею о тебе говорили. Она влюблена в тебя, потому что ты ей нужен и по старой привычке; я боготворю тебя по убеждению, что нет на свете человека лучше тебя, благороднее, великодушнее и добрее. Поэтому ты можешь судить, как нам приятно было с нею о тебе разговаривать.

И теперь приятно мне писать к тебе, но левая щека распухла и болит, то писать наклонившись тяжело и больно. Но все-таки не могу не поблагодарить тебя за все твои милости. Твои письма, известия о детях, присылка писем графа Орлова, которые приберу в свою шкатулку для нашего потомства, все лакомства от тебя полученные: ветчина, сыр, икра, апельсины, конфекты; коляска, которую уже привезли в Рыскино, но я ее еще не видала; обещание прислать мне копии с детских портретов; — все это такие доставляешь ты мне удовольствия, которые имеют двойную цену, как сами по себе, так и потому, что доказывают постоянную твою обо мне память.

Также порадовало меня письмо Греча и статейка, напечатанная в “Пчеле”. За все тебе спасибо, ангел мой Левочка.

Благодарю тебя также, милый друг, за твои хлопоты о нашей Васильевской земле. Ты пишешь, что Сенат решил в нашу пользу и послал предписание исполнять свое решение Межевой канцелярии. Это для пересочинения планов, но для возвращения мне этой земли, кажется, следует послать из Сената предписание в Тверское губернское правление, которое от себя предпишет Вышневолоцкому земскому суду снять неправильно поставленные столбы и возвратить мне во владение мою землю. Позволь, дорогой Левочка, еще тебя об этом деле побеспокоить, именно,

чтобы Сенат предписал Тверскому губернскому правлению сделать распоряжение возвратить мне эту землю. Межевая канцелярия будет планы пересочинять несколько лет, то это долго ждать, а как уже Сенат признал мое требование справедливым и находит, что землю следует мне отдать, то уж доверши свои благодеяния и похлопочи, чтобы ее отдали, не дожидаясь пересочинения планов, которые могут доставлены быть к своему месту и после. Теперь стоит только вынуть столбы, неправильно поставленные, и объявить по принятой форме от суда, при понятых и наших поверенных, что владение возвращается нам по-старому, до ручья.
Прилагаю здесь письмо Мишиньки, которое верно доставит тебе удовольствие. Его горячие к тебе чувства не могут не утешить тебя, тем более, что делают ему самому много чести.

А посылать ему много денег вдруг, я согласна, что не следует. Пусть лучше немножко перебивается, чем слишком много иметь денег в руках. Когда он докажет, что исправился от мотовства, тогда дело другое. Притом, он ведь и не просил прислать ему жалованье золотом прежде времени, а только просил присылать его вперед звонкою монетою, а не бумажками. Так и сделать.

Ангел мой Левочка, когда дети уехали из Петербурга, я писала тебе свое мнение, что теперь надо бы тебе определить поменьше денег на расход. Ты на это ничего не отвечал мне. Разве тебе не понравился мой совет? Ведь я не хочу тебя учить, мой бесценный, но неужели ты не позволишь мне сказать иногда своего мнения? Ведь я тебе не чужда, не правда ли?

Ты может быть подумал: “Какое Анниньке дело до моего хозяйства, я в ее хозяйство не вмешиваюсь”. — Друг мой сердечный, да я бы рада душою если б ты вмешивался в мое хозяйство и требовал бы от меня отчету. Но я знаю, что ты до этого не охотник, а притом и в том уверен, что у меня ни одна копейка не пропадет даром. Я несравненно тебя расчетливее, скупее. Если же я себе позволила напомнить тебе об уменьшении расходов, так это потому, что по твоей рассеянности, ты, пожалуй, забудешь, что расходов должно быть меньше; и хотя, конечно, сестра Алек(сандра) Константиновна усердно занимается твоим хозяйством, но ведь это не ее деньги, а что не свое, того не жаль. Притом, я не знаю, мастерица ли она хозяйничать. Теперь, конечно, пока Павел Матвеевич у нас, другое дело, но когда ты один!

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 20/23/25/26 июля 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 122—124.

45

20-го июля 1849. Рыскино

Сегодня Ильин день, Левочка, в Ильинском праздник, ярмонка, все веселы, поют песни, день чудесный, а мне просто грустно. Все меня окружающие веселы, потому что все с своими семействами, с родными, а я одна, а между тем и у меня есть семейство!

В будни, когда сельские работы занимают меня, я своего одиночества не чувствую, потому что о нем не думаю, но в праздник, когда все веселятся, а я одна скучаю, невольно призадумаешься, что жаль, зачем обстоятельства пошли такой чередой, что я семейного счастья не знаю. Мы видаемся ито редко, а видно никогда жить вместе не будем. Друг от друга отвыкли, и все наши удовольствия и радости врозь пошли. Теперь уж нам никак не собраться в одно гнездышко, как то бывало прежде, в Киеве и Клепалах. Ты скажешь: мы тогда были молоды! Но есть люди и гораздо старше нас, а живут счастливо и дружно вместе.

Воображаю, как ты рад был видеть Николиньку, и как он также был счастлив, что мог обнять тебя. Очень порадовали меня его и твои рассказы о милостях к нему царской фамилии. Приятно также, что он получил Австрийского Леопольда. А скажи, пожалуйста, можно ли носить этот орден в России?

Я, кажется, писала тебе, что наши оба старосты и все дворовые служили молебен за сохранение жизни и здравия детей наших. Ты мне ничего на это не отвечал, но ведь правда, что тебя тронула такая их привязанность к молодым господам своим, а вместе с тем и к нам? А как я довольна своими старостами и крестьянами, этого пересказать нельзя. Что за народ! Это чудо!

23 июля

Ну хорошо, Левочка, что ты написал ко мне, чтоб я замуж не выходила, а то ты расплачешься, как плакал во сне о моем замужестве! Не напиши ты мне о своих слезах, ведь я уж было совсем замуж собралась, — женихов слишком много. Теперь уж всем откажу, не хочу, чтоб ты плакал.

Шутки в сторону, а этот сон нехорош. Ты видел, что я замуж вышла, и плакал. Теперь для меня жених — гробовой камень, и если сны сбываются, так твой сон значит, что я умру, а ты обо мне поплачешь. Ну, да ведь и за гробом жизнь, да еще и лучше. Во всем воля Божия.

А вот это уж в самом деле и наяву очень нехорошо, что твои люди так глупо отказали князю Воронцову44. Я боюсь, чтобы он не стал на тебя сердиться. Мне кажется, Левочка, что тебе бы надо себя успокоить, нанять хорошего, умного надежного человека, которому бы не пожалел жалованья большого и которого бы взял по хорошей рекомендации. Это несносно проводить жизнь свою с дураками. Но я удивляюсь, что Александр оказался глуп. Хозяин, у которого он учился портному мастерству, не мог им нахвалиться; а также и то малое время, которое он пробыл у меня до отъезда своего в Петербург, я не могла нарадоваться его стараниям угодить мне, его примечательностию и желанием исполнять свою должность как можно лучше. Конечно, ему дела было у меня немного, но все-таки я никак не думала, по его приемам, чтобы он был так глуп, как ты пишешь.

А уж с этим я согласна, что ничего не может быть несноснее, как глупые слуги. Про Сидора и говорить нечего, тот, я всегда находила, примечательно глуп, но жаль и больно, что и Александр не умнее его, и что ты так неприятно окружен. Хорошего камердинера найти очень трудно, и, я думаю, можно такого человека отыскать только между людьми, жившими в хороших домах и хорошо знающих трудную науку служить в господском доме и покоить хозяина каждую минуту, в каждой мелочи. В старину люди были крепче, усерднее, исправнее и притом составляли как бы часть семейства своих господ. Тогда и бывали дворецкие, камердинеры, даже буфетчики необыкновенные, но теперь всяк думает о себе, и никто о своем господине позаботиться не хочет.

Вот, и я чрезвычайно довольна своими людьми, но как сравнить, сколько комнатная прислуга служит мне хуже старост моих и крестьян. Я это себе объясняю так, что посвящать жизнь свою мелочам труднее, чем важным делам. Старосты, крестьяне, все занимаются делами видными, значительными; оно им и самим любо, как их работа скоро и хорошо идет. А в комнате, около господ, все мелочи, которые, однако же, требуют постоянного напряжения, терпения, усердия, деятельности. Вот оно и наскучит, тем более, что нынче всякий лакей смотрит в императоры или по крайней мере в президенты какой-нибудь республики. Хотя, может быть, Сидор и Александр и не имеют намерения сбить с места Людовика Наполеона, но все-таки им кажется, что они ничем не хуже ни его, ни князя Воронцова, и это князю Воронцову как нельзя легче можно отъехать от твоего подъезда по их предписанию.

А все-таки, Левочка, тебе надо завести у себя хоть одного человека поумнее и подельнее, чем твои лакеи. Ты на таком месте, что может к тебе и наследник вдруг заехать, и с ним то же сделают, что с Воронцовым. Еще же мне кажется, мой ангел, что ты напрасно отказываешься от чести, которую хотят тебе сделать. Если Воронцов к тебе приехал, так верно от того, что хотел быть у тебя; иначе он прислал бы тебе карточку. То если бы ему и сказали, что тебя дома нет, все бы он мог догадаться, что это неправда, и все был бы недоволен. Лучше в другой раз прими его и вырази ему свою благодарность за сделанную тебе честь его посещением.

Извини меня, дорогой и милый Левочка, что я себе позволяю тебе давать советы, когда ты

житейские дела знаешь несравненно лучше моего. Но мне как кажется, так я и говорю; а это уж твое дело принять мое рассуждение или его прогнать.

Кто-то прислал мне в Рыскино два великолепных подносика, синие, с золотыми узорами, — такие подносики, что не стыдно и у князя Воронцова в Алупке подавать. Не знаю, какая причина занесла их сюда, а получила я их из Выдропуска. Ты ли это прислал или брат Павел Матвеевич, а в Выдропуске отдала на мое имя, должно быть, сестра Екатерина Николаевна. Кто из вас подарил мне их, тому бью челом и благодарю сто раз, только я таких парадных вещей не стою. Они пролежат у меня взаперти до моей смерти. Но благодарю премного за память*.

Ты скажешь, Левочка, так зачем же теперь и писать? Лучше же и написать, когда рабочая пора пройдет, если теперь нельзя трогать с места старосту и крестьян, чтобы севу не помешать.

Вот видишь, Левочка, оно бы и так, но рабочая пора пройдет в сентябре месяце, а до тех пор, если это правда, что староста худо поступает, крестьяне могут взбунтоваться. От этого я и прошу тебя теперь написать и попросить, чтобы принять меры, дабы старосту унять или крестьян, ежели они напрасно на него жалуются и доносят. Для этого можно послать в имение хорошего унтер-офицера, честного, которого бы подкупить было нельзя, и пока работы не позволяют вызвать старосту из имения, по крайней мере что-нибудь узнали бы достоверное о его поведении.

Оттого обо всем этом прошу тебя, мой ангел, что я думаю в этой просьбе ничего нет противузаконного. Жандармы для того и размещены по губерниям, чтобы наблюдать за общественным порядком; а порядок того требует, чтобы в имениях начальник, то есть староста, управлял справедливо, а крестьяне ложно бы на него не жаловались. Поэтому я полагаю, что твое письмо к тульскому штаб-офицеру не может нанести тебе никакой неприятности.

25-го июля

Опять просьба. Сосед здешний Иван Александрович Чевакинский, который отпускает крестьян своих на волю, пишет ко мне сегодня, что дело его из Твери опять отправлено к министру внутренних дел45 15-го июля, за № 699, и просит тебя опять похлопотать о дальнейшем ходе его бумаг. Я все боюсь за него, чтобы он еще заживо не остался без крестьян и земли; и его будет жаль, и нам покою не будет, хлопочи тогда за него. Он отпускает крестьян на волю, с землею, но с тем, чтобы они принадлежали ему и были в полном повиновении, пока он жив; а в бумаге министра сказано, что сей час по утверждении договора они уже не крепостные, а “государственные крестьяне, водворенные на собственных землях”. Как же будет жить помещик до своей смерти? Отчего же за его благодеяние его вдруг лишают имения, которое принадлежало бы ему до смерти, если б он не сделал такой милости своим крестьянам? Это что-то для меня очень бестолково. Как же надо делать, чтобы бездетному человеку и крестьян после смерти выпустить на волю и самому до смерти не остаться нищим?

26-го июля

Воображаю, каково тебе, Левочка, заседать в следственной коммисии46 и судить этих взбалмошных людей с их передовыми понятиями. Если нет вреда никакого, нельзя ли тебе написать, что затеяли эти сумасшедшие и чего они хотели? Неужели им нравятся заграничные беспорядки? Неужели они того же хотели и у нас? И все должны быть молокососы или люди бездомные, которым некуда главы преклонить. Напиши, пожалуйста, нет ли тут знакомых, и целы ли сыновья Алек(сандра) Ник(олаевича) Мордвинова. Пожалуй, и они чуть попали; ведь и они тоже с передовыми понятиями.

А скажи, Левочка, все эти господа очень виноваты, или только пустая блажь у них? И неужели между ими есть умные люди? Должно быть все совершенные дураки. Прощай, Левочка, целую твои ручки; брату Павлу Матвеевичу от меня поклонись. Сделай милость, перешли Николиньке прилагаемое письмо.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 1 августа 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 124.

46

1-го августа 1849. Рыскино

Ты меня так приучил, дорогой Левочка, получать от тебя частые письма, что мне тяжело, грустно и даже страшно, если долго нет от тебя известия. Редкая неделя пройдет, чтобы я не получила от тебя два, иногда и три письма, а теперь прошла неделя, я вчера и третьего дня посылала на почту, и от тебя не строчки, ни одного пустого пакета с твоим адресом. В Петербурге холера, у нас уж умер один человек; то когда ты долго не пишешь, мое беспокойство усиливается с каждым часом. Хоть и говорят, что: “point de nouvelles, veut dire bonnes nouvelles”*, — однако все-таки вернее и покойнее, когда своими глазами прочитаешь, что вы все здоровы. Сделай же милость, Левочка, не переставай писать мне так же часто, как всегда, хоть несколько строчек, лишь бы я видела твой почерк и прочитала бы, что и ты сам здоров и что нет о детях худых известий.

Скажи, пожалуйста, правда ли это, что наш садовник, который был в ученье, точно умер? Может быть, не наврали ль тебе по глупости наши люди? Здесь его мать, и я боюсь ей объявить это несчастие, а между тем боюсь и скрывать, чтобы ее кто вдруг саму не уморил внезапным известием. От кого ты знаешь о смерти, и точно ли это правда? Может быть умер в том же доме другой садовник, а тебе сказали, что умер наш человек. Напиши, Левочка, от кого ты знаешь о его смерти.

В одном из твоих писем есть доклад о сахарной бумаге, что ее долго нет в Петербурге. Это меня также до крайности удивляет, что ты знаешь об отплытии бумаги из Торжка, и знаешь, что она давно в походе и заботишься о том, что ее до сих пор нет в Петербурге. Благодарю тебя, мой ангел, за эту заботу. Я послала справку к Цвылеву о его барках, но такой тихий ход его барок меня не удивляет, потому что барки всегда очень тихо идут. Хотя нынче воды довольно, но рабочих на судах мало. Опасаясь холеры, никто на барки не нанимается. Впрочем, я думаю, что теперь бумага уже скоро придет в Петербург.

Не знаешь ли, что делается с Федором Федоровичем? Он обещал из Могилева заехать в Рыскино; 10-го числа этого месяца уже срок ему быть в Петербурге, а его в Рыскине не видать и не слыхать. Неужели он не заедет?

Поклонись от меня брату Павлу Матвеевичу. Дай Бог, чтоб вы все были здоровы и меня бы помнили. Ежели сестра Екатерина Николаевна возвратилась из Москвы, и ей поклонись от меня, и поблагодари брата и сестру за их приписки в твоих письмах. Я в то время ничего не отвечала оттого, что у меня нестерпимо зубы болели и я себя от боли не помнила.

Настал август и настали самые крупные работы: сев, жниво, уборка снопов. Разумеется, уж я теперь только и думаю о полевых работах, а чтобы заниматься с ними с спокойным духом, для меня необходимо знать, что вы все в целости. Не лишай же меня, Левочка, частых о себе известий, и хоть два слова напиши, но только почаще.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 20 августа 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 124—125.

47

20-го августа 1849. Рыскино

Дорогой Левочка, сделай милость, прилагаемое письмо перешли к сестре Ольге Дмитриевне Перской; я не знаю, как и куда ей адресовать в Москву.

Благодарю тебя, мой ангел, за присылку приказа о производстве Николиньки. Ты пишешь, что еще не можешь опомниться от радости. И я также. Не шутка иметь сына полковником! Да еще

какой полковник! — Молод, красавец собой, любим всею царскою фамилиею, скромный, добрый, прекрасного ума и необыкновенной нравственности. Мне теперь все кажется, что нет чина важнее полковника. Что такое фельдмаршал, это ничего не значит, а полковник, вот что важно.

На другой же день после получения известия я отслужила благодарственный молебен с коленопреклонением, что война47 кончилась, а Коля жив и цел, и еще полковник. Я благодарила Бога со слезами за милости Его на нас ниспосланные и так рада была освятить свою радость торжественным призыванием имени Божия. Потом, на другой день, сделала я обед для крестьян своих, и у меня обедало 150 человек, и я с ними разделила радость свою, и они все благодарили Бога и молили его за нового полковника и за всех нас. Эти простые добрые сердца, конечно, воссылали к Господу самую живую, искренную молитву, которую Бог всегда услышит.

А что ж ты, Левочка, не отвечаешь мне ничего на то, что наши старосты и все дворовые служили молебен за наших сыновей, когда узнали, что они оба в походе? Я тебе об этом два раза писала, а ты ничего не скажешь. Неужели такая привязанность тебя не трогает и ты равнодушен к ней?

Поблагодари брата Павла Матвеевича за его премилое письмо, которое я вчера получила и на которое буду отвечать сама; теперь тороплюсь не пропустить случая в Выдропуск, а между тем устала.

Целую твои ручки, ангел мой Левочка. Скажи, пожалуйста, когда мы с тобой увидимся, ты уж об этом и говорить перестал? Нельзя ли будет с новым полковником зимою сюда приехать или осенью? По шоссе не грязно, а осенью теплее; зимою же я боюсь для тебя больших морозов. А очень хочется повидаться.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 8 сентября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 125—126.

48

8-го сентября 1849. Рыскино

Дорогой Левочка, рассказывать тебе мою радость, когда приехал Николинька, невозможно, потому что нет таких выражений на человеческом языке, которые бы могли достойно рассказать ее. Я так была тронута его желанием меня видеть и показать себя мне в своем новом чине, что готова была целовать его ножки из благодарности и твои также заочно, что ты так милостиво согласился на его ко мне посещение. Он сделал крюку верст 500, ехал по ужасным дорогам; — все это, чтоб доставить мне счастие себя обнять. Я так это чувствую и так благодарю Бога, что внушил ему такое желание, что не могу без слез ни думать, ни говорить о том.

За несколько часов до его приезда я получила письмо с почты. Это было в воскресенье, 4-го числа, и как я никогда не читаю адреса, а спешу распечатать письмо от нетерпения узнать его содержание, то распечатала и твое письмо, которое ты писал к Николиньке сюда в Рыскино. Оно было подано мне вместе с письмами на мое имя. Читаю это письмо и не понимаю — писано не ко мне, к Николиньке, как же оно ко мне попало? Не дочитав до конца, где ты говоришь ему, что он хорошо сделал, что сперва ко мне заехал, я поняла только, что письмо к Николиньке и

расхохоталась, полагая, что ты прислал это письмо ко мне из рассеянности. Однако принялась опять читать его и вижу, что это не рассеянность и не ошибка, а ты приказываешь ему обнять маминьку и крепко поцеловать ее. Так вот что! Значит наш полковник сюда едет!

Разумеется, первое движение было объявить эту радость всему дому; сей час я велела своим лошадям ехать в Выдропуск за Николинькой, а сама пошла в поле, только так жаль, что не к Ильинскому, а в другую сторону, не думая, чтобы Николинька приехал так скоро. Между тем,

слышу, бегут за мною в погоню, я сей час воротилась, догадавшись, что верно он приехал, и мы встретились и обнялись в переулке у сада, потому что узнав, в которой я стороне, уж Николинька бежал мне навстречу. Мои лошади встретили его на дороге, а уж в Выдропуске не застали, он приехал на ямских, а мои лошади вернулись порожные. Завтра Николушка наш уезжает, и теперь тебе предстоит радость обнимать его и любоваться им.

Если б я была спокойна на счет Мишиньки, то не могла бы нарадоваться своему счастию, что вижу Николиньку в нынешнем году здесь в Рыскине уже четвертый раз, вижу его полковником, веселым, здоровым и таким же славным чудным молодым человеком, как всегда. Впрочем, иначе и быть не может, потому что уж теперь нельзя опасаться, чтоб он переменился. Он так был загоревши, как приехал, что я никогда не видела его таким арапчиком; теперь, слава Богу, пожив здесь, он повыбелился, пополнел, а я так рада, когда он бел и полон в лице, это к нему так идет, а я уж имею такую слабость, что с самого малолетства всегда была помешена на его красоте. Мне кажется, что прекраснее его никого на свете нет и не будет.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 20 сентября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 126.

49

20-го сентября 1849. Рыскино

Дорогой и милый Левочка, Амалия Матвеевна здесь и просит повторить твое милостивое ходатайство о ее деле в Сенате. Сенат требовал от Тверской гражданской палаты, в следствие просьбы, поданной Давыдовой, и Палата 3-го сентября, за № 464-м послала в Сенат ответ свой по делу Амалии Матв(еевны) — сделай милость, похлопочи, чтобы с нее не взыскивали долг ее Поярковой, пока не кончится дело о том, что Пояркова ей должна. Это называется встречный иск, и кажется есть постановление, что нельзя взыскивать долга с Петра Сергею, когда в то же время Сергей должен Петру, а надо прежде привести оба долга в известность. Сделай милость, Левочка, защити ее, ее положение нешуточное, она теряет единственный свой угол, если за нее не похлопотать, и теряет его несправедливо. Ее имение висит на волоске, и только этот встречный иск может спасти ее.

Каких ты бесподобных лакомств прислал мне для закуски, Левочка, это чудо. Все такое вкусное, свежее, что я давно не едала ничего, столь превосходного. Целую твои ручки миллион раз и прошу тебя поблагодарить от меня Александру Константиновну за прекрасный выбор присланных вещей, потому что, вероятно по твоей просьбе, она сама позаботилась прислать ко мне такую чудесную провизию.

Я еще не писала тебе, дорогой Левочка, как меня порадовало письмо князя Чернышева48 к твоему графу о твоих достоинствах. Дай Бог ему здоровья, что он умеет ценить твои редкие качества, и дай Бог здоровья графу Орлову, что он показал это письмо Государю. Это делает честь Чернышеву и доказывает, что он человек справедливый, уважающий достоинства людей. Оно утешительно и приятно видеть такое чувство в человеке, которого мнение может иметь столько влияния на дела государственные.

Ты делаешь мне выговор, Левочка, за мою откровенность в одном из моих писем. Виновата, мой

ангел, вперед не буду, но я полагаю, что ты напрасно беспокоишься. Все-таки, не велишь, так я и не буду писать откровенно, а за тот раз прости меня.

Миша получил контузию; оно и ничего, но за контузией может случиться щелчок и поважнее. Во всем воля Божия, а все сердце не на месте.

Благодарю тебя, дорогой Левочка, что ты с таким удовольствием принимаешь на себя хлопоты

по передаче Власова. Ты говоришь, мой ангел, что мою доверенность переписывают набело, а разве ничего не надо тут переменить или прибавить?

Это имение по двум обязательствам заложено в Опекунский совет, сроки 10-го июня и 10-го ноября, то я думаю, надо будет для этой передачи получить согласие Опекун(ского) совета, а без того присутственные места акта не совершат. Как скоро ты получишь от меня подписанную и засвидетельствованную доверенность, то надо прежде всего испросить согласие Совета.

Целую твои ручки, мой ангел, и очень радуюсь, что Коля с тобою и ты не один. Кланяйся брату Павлу Матвеевичу и его семейству, и всем, кто помнит меня и не бранит.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 27/29 сентября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 126—128.

50

27-го сентября 1849. Рыскино

Дорогой Левочка, 15-го числа было твое рождение, но я к тебе об этом не писала и тебя не поздравляла, приметив, что ты не любишь дня своего рождения и всегда тужишь, что тебе прибавляется лет. Но как ты уж сам меня уведомляешь, что тебе минуло 2757 лет, то и мне теперь таиться нечего, что я знаю твои лета. Ты не любишь поздравлений с рождением твоим, но позволь мне поздравить хоть себя, детей и всех, кто тебя ценить умеет, что ты две недели тому назад родился на свете, такой умный, такой славный, что и сам князь Чернышев тобою не нахвалится.

А вот это не умно, что ты изволил простудиться, провожая покойного великого князя49 от Обуховского моста до крепости пешком. Разве ты не знаешь, как твое здоровье дорого и необходимо? В твои лета, с твоим не крепким сложением, склонностию к простуде, отвычкою ходить пешком, ты прошел восемь верст в одном мундире и без шляпы на голове.

Право, Левочка, это непростительно! Был бы жив Марко, он бы тебя не пустил так ветреничать, а теперь я вижу, ты никого не слушаешься! Смотри, Лева, я приеду тебя няньчить и так возьму в руки, что ты не рад будешь своей прогулке от Обухова моста до крепости. Как можно в твои лета так шалить? Прожил 2757 лет на свете, а этого не подумаешь, что можешь занемочь так серьезно от такого подвига, что и сам последуешь за великим князем. Нас осиротишь, а ему пользы никакой не сделаешь. Хорошо, если все это кончится одним флюсом, да и флюс мучительное дело, а, Боже сохрани, может сделаться горячка или воспаление! Страшно подумать, какие могут быть последствия.

29-го сентября

Пока я это тебе писала, получила твое уморительное письмо, где ты рассказываешь, как сам себя в зеркале узнать не можешь, и как только одни толчки Сидора и Александра выводят тебя из недоумения, потому что кроме тебя они никого не бьют. Я так смеялась твоему рассказу, что ты слон не слон, верблюд не верблюд, а не человек, и смеялась тем охотнее, что твоя веселость доказывает, что тебе стало легче и видно очень легче, что ты так весел.

Странно, Миша как будто сговорился с тобою, и у него флюс, так, что правого глаза не видать. Впрочем, он тебе писал об этом, и вероятно теперь уже и его флюс прошел, как надеюсь твой также. Дай Бог, чтобы этим кончилось.

Я также не понимаю этой системы Кавказской войны: осаждать крепость несколько месяцев, проводить траншеи, терять людей и потом довольствоваться только тем, чтобы разрушить стены

крепости, потому что всю крепость с ее строениями разрушить невозможно, все что-нибудь из жилищ да останется, а чрез полгода или и менее, та же крепость опять воздвигнется, еще может быть, тверже прежнего. Зачем же раздражать этот народ по-пустому? У них разорили Чох, а они за то на каждом шагу, за каждым углом станут мстить нам, и опять станут толпами нападать на наши крепостцы, где только по 200 человек.

Ты обещал мне, Левочка, прислать реляцию о последней экспедиции против горцев, где, вероятно, будет говорено и о Мишиньке. Сделай милость, пришли мне эту реляцию поскорее, ежели она уже напечатана. Я думаю есть в "Русском Инвалиде", достань, сделай милость, тот номер, где напечатаны известия о кавказских делах и пришли мне. Я с большим нетерпением ожидаю этого удовольствия.

Ты был так милостив, писал мне, что мою доверенность на передачу Власова Николиньке переписывают, но до сих пор этой переписанной набело я не получила. Ведь мне надо ее подписать и засвидетельствовать, а время остается немного до 29-го октября. Мне бы хотелось кончить все совсем к этому дню и вручить Николиньке акт о передаче ему Власова в самый день его рождения. Сделай милость, Левочка, пришли мне поскорее подписать мою доверенность. Если ее в Петербурге без меня переписать нельзя, то пришли черновую; я здесь перепишу.

Ты пишешь, что брат Павел Матвеевич совсем основался в Петербурге и купил дом на Литейной, следовательно, недалеко от нас. Как мне жаль, что это не случилось, когда я живала в Петербурге, я бы тогда попользовалась этим соседством, а теперь оно для меня потеряно.

Прощай, дорогой Левочка, целую твои ручки миллион раз. Ах, еще забыла поблагодарить тебя за Малаховку. Шварц принялся очень усердно за дело и прислал мне сведения, которыми я очень довольна. Только ты ошибаешься, мой голубчик, что он посылал в Малаховку своего брата. Он посылал туда старосту своего брата, как писал мне о том. При случае поблагодари его за меня, дорогой Левочка, твоя благодарность будет для него приятнее моей и лестнее, — хотя и я также это сделаю с своей стороны.

Не пишу теперь ни к Коле, ни к Федору Федоровичу, потому что спешу отправить письмо в Выдропуск. Надежда едет туда лечить одну больную, то я хочу отослать письмо с нею, а то потом надо будет нарочно посылать.

Вот иные твердят, что я гонюсь за отрезанною у меня Васильевскою землею; "что, дескать, для Анны Николаевны 9-ть десятин! Что тут хлопотать, у нее земли и без того много!" — во первых, если так судить, то ежели везде соседи у меня будут землю отымать, а я буду всем уступать, то у меня, наконец, ничего не останется. Я примерно считаю, что на Васильеве отрезано 9-ть десятин, а может быть и больше; в Рылове соседка Бакунина затопляет своею мельницею 20-ть десятин, да отрезала от моей пашни неправильно до семи десятин, да в моем плане косит, не знаю почему, на 15-ти десятинах. Так это везде уступать? Притом на Васильеве ямщики отъятую землю не косят, а пускают татьевой скот; этот скот и по моей земле гуляет и остальной мой сенокос затаптывает; еще же на этой отнятой земле, где вода стоит, они эту воду спускают на мой же сенокос, который рядом, и остатки у меня портят то скотом, то водою. Все эти неприятности заставляют меня очень желать, чтобы это дело скорее кончилось, и выдропужских ямщиков отодвинули бы за ручей, как прежде было, чтобы они меня на моей земле не притесняли.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В. 3 октября 1849 г. Рыскино // Российский Архив:

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 3 октября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 128.

51

3-го октября 1849. Рыскино

Вчера получила я твое письмо от 28-го сентября, дорогой Левочка, где ты ничего не говоришь о своем здоровье, почему я и полагаю, что оно в порядке. Слава Богу.

Ты пишешь, Левочка, что Государь подарил тебе табакерку с своим портретом, а ты подарил ее детям. Мне кажется, мой ангел, что тебе следовало бы сохранить ее у себя — царский подарок, с портретом Государя, надо сохранять как святыню. Он дарит свой портрет, как милость, а ты отдаешь этот портрет другим, хоть и детям, но все-таки у себя его не оставил, как будто не дорожишь им. Они люди молодые, притом подарок царский сделан не им, у них эта табакерка будет валяться, это увидят, и пожалуй, перенесут куда не надо, что ты брезгаешь царским подарком и отдал его, а у себя сохранить не хотел. Мне кажется, Левочка, что тебе надо эту табакерку прибрать у себя в шкатулке, и пока ты жив, беречь ее у себя и никому не отдавать, после же тебя и без того она достанется детям и перейдет в их потомство, если у них будет оно.

Ты пишешь, Левочка, что Миша напрасно желает приехать в Петербург и что ему бы лучше оставаться там. Ангел мой, ведь хотя он и сам туда просился, а все-таки ему скучно с чужими, на чужой стороне. Дай ему душу отвести, взглянуть на родных. Нынче он уцелел, а кто знает, что его ждет впереди? Ну, как ты ему теперь отсоветуешь приехать повидаться с нами, а на будущее лето опять экспедиция и его не станет, поэтому мы с ним уж и не увидимся, тогда ты на старости лет вечно будешь тужить и себя упрекать, что не допустил его попользоваться счастием обнять еще раз людей, столь дорогих его сердцу. Он не просит денег на проезд, он для этого сберег из своего жалованья, то за чем же противиться такому натуральному и законному его желанию? Повредить службе его эта поездка не может, потому что он себя показал таким молодцом, так скоро заставил оценить себя, что мучиться ему и коптеть целую зиму на месте нет особенной надобности. С его нравом это даже опасно, он со скуки скорее там напроказничает, чем в Петербурге, где ему некогда будет дурачиться. Он так будет рад и счастлив видеть всех дорогих ему людей, что большая дурь и в голову влезть не успеет.

Наконец, я нахожу, что мы должны чем-нибудь его потешить за то, что он так блистательно вел себя во все продолжение экспедиции. Его мужество, благородство и храбрость делают честь не только ему, но и нам. Он прибавил нового лоску твоему и то уже прекрасному имени. Воинские достоинства ценятся высоко везде, во всех народах, и всегда высоко ценились во всех веках, потому что эти достоинства трудны и редки. Миша не какой опытный воин, застарелый на войне; тем более его храбрость и искусство блистательны! Все это заслуживает любви, похвал и награждения, а в настоящем случае ему нет высшей награды, как побывать в Петербурге и повидаться с теми, к кому привыкло и проросло его сердце. Не мешай такому прекрасному желанию, мой ангел, прошу тебя, напротив, помочь ему.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 6 октября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 129—130.

52

6-го октября 1849. Рыскино

Не знаю, Левочка, верить ли глазам своим, что ты обещаешь приехать сюда в течение этого месяца? И рада я душевно буду твоему приезду, и боюсь, что тебе будет здесь скучно одному, без детей и без дел. Это опасение отравляет мою радость. Я уж думаю, не лучше ли сделать так

детей и без дел. Это опасение отравляет мою радость. Я уж думаю, не лучше ли сделать так, чтобы тебе сюда приехать навстречу Мишиньке, когда Бог даст, он приедет с Кавказа, на пути в Петербург. Тогда вы здесь пробудете вместе, и весело будет нам слушать вместе его рассказы, а потом вы вместе и поедете в Петербург отсюда. Но и тут вот чего боюсь, что он приедет осенью поздно, то тебе будет холодно ехать, так как обыкновенно в ноябре бывает самая сильная стужа и морозы доходят до 25-ти градусов и свыше. Если же ты решишь приехать теперь, то привези с собою сестру Александру Константиновну, если можно оставить хозяйство без нее в Петербурге. Пусть Коля похозяйничает с Федором Федоровичем! Если ты привезешь

Александру Константиновну, а она решится расстаться с Соничкой50 на несколько дней, то я этому очень буду рада; и здесь тебе будет с нею веселее, да и дорогой она тебя побережет. Ты нынче часто хвораешь. Боже сохрани, занеможешь дорогой, и покою нет с тобою. Один, пожалуйста, не езди; это как-то страшно без Марки.

Михаил Леонтьевич Дубельт

Ежели увидимся прежде 29-го октября, то переговорим о сделке моей с Николинькой, о духовной и о прочем; а если не увидимся, то надо будет списаться о том, в чем должна состоять его духовная. Уповаю на милость Божию, что он не пошлет мне страшного несчастия пережить Николиньку, и что устроит по порядку природы так, чтобы Коля схоронил меня, а не я его! Но вперед ничего не узнаешь, и потому я включила эти строки в своей бумаге, что если бы он оставил нас бездетным, то имение опять должно обратиться ко мне. Не имение мне нужно, без Николиньки весь мир был бы для меня прахом, но участь крестьян моих меня озабочивает. Ты знаешь, что я люблю своих крестьян горячо и нежно; они также мои дети, и участь их, не только настоящая, но и будущая, пока могу ее предвидеть, лежит на моей ответственности. Так вот дело в чем: если, Боже сохрани, Коля не успел бы жениться и оставить Власово своему потомству, тогда, по закону, имение переходит Мише. Оно бы и ничего, да Миша-то в карты любит играть. Проиграет Власово — крестьяне и достанутся какому-нибудь картежнику. Даст Бог, этого не будет, и Коля женится, и будут у него дети, и достанется ему после меня Рыскино и прочее; но все-таки надо на всякий несчастный случай обезопасить крестьян, чтобы им не достаться в чужие и худые руки. Надеюсь, что и Миша исправится, и надеюсь, что ему не достанется Власова после Николиньки, и что оба они нас похоронят и каждый будет иметь свою семью; но как оба они теперь холостые и неизвестно, когда женятся и будут ли у них дети, то на всякий несчастный случай надо Коле сделать духовную; но в такой силе, чтобы обеспечить крестьян на вечные времена. Сделать ему духовную только на мое имя мало будет проку; я умру прежде его, вот и духовная нипочем. Если до тех пор у него будут дети, тем лучше, им и достанется; а ежели и он умрет бездетен, и меня не будет на свете, и Мишу подстрелят черкесы — тогда бедные власовцы куда пойдут? Поэтому духовную надо писать не в одном пункте, что только мне Власово поступит обратно, если Коля прежде меня отойдет бездетен, а надо писать духовную и на тот случай, что если мы все перемрем, то чтоб наши крестьяне не бранили нашу память, что их оставили сиротами в чужих и может быть жестких руках. Не так ли, Левочка?

Вчера получила я те газеты, где производятся за отличие против горцев те военные, которые принимали участие в деле 23-го августа, а нашего Мишиньки нет в том числе. Государь награждает, кто только повернется в сражении, а Миша целую экспедицию вел себя блистательно, как говорил князь Арбелиан Николиньке. Так видно Мишу не представили к награде? Отчего же так? Начальники осыпали его похвалами, а о нем в их донесениях и речи нет. Ежели скажут: “он там недавно!” — но Тимашев также одно лето пробыл на Кавказе и сделан был флигель-адъютантом и получил 3-ю Анну; и многие другие за одну экспедицию получили то награду, то крест, то чин, то флигель-адъютанта: Гейден, Ахматов и другие. За что же Миша оставлен без внимания, когда поступал не хуже других? В корпусе он ленился и нельзя было жаловаться, что он там не получил отличий, а на войне, как видно, его стихия, он вел себя молодцом, обратил на себя внимание и внимание особенно начальников, а в представлениях и как видно даже и в донесении о делах этого года о нем ни слова! Это обидно для Миши, Левочка; ты на таком месте, что можешь говорить за него. Вступись, мой ангел, чтобы ему отдали должную справедливость! Нельзя хлопотать за самого себя, а за сына можно, не только можно, но и

должно! При его пылкости, это Мишу обескуражит, что его оставили без внимания, несмотря на его блистательный дебют на военном поприще.

Целую твои ручки, дорогой и бесценный Левочка. Дай Бог поцеловать их в самом деле.

А как это смешно, что графу кажется, будто ты беспрестанно ездишь в деревню, тогда как с 1837-го года, то есть в течение 12-ти лет, ты был в деревне только один раз на 6-ть дней и с проездом. Впрочем, эта неохота отпускать тебя очень лестное для тебя чувство в нем. Кто необходим для нас, мы с тем человеком очень не любим расставаться, особенно отпускать его от себя. От тебя граф поедет не поморщась, а тебя отпустить для него каторга, потому что без тебя в Петербурге он останется как без рук. Это не дурно, что ему не хочется оставаться без тебя одному. Даже за это ему надо сказать спасибо.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 12 октября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 130—131.

53

12 октября 1849. Рыскино

Дорогой Левочка, сейчас получила я письмо твое, где ты тужишь о двух вещах: 1-е — что так тихо идет передача Николиньке Власова; 2-е — что Мишиньке сделана такая кровавая несправедливость.

Что касается до Власова, это домашнее дело. Мне хотелось подарить Коле акт передачи в день его рождения, но ежели дело продлится и позже того, что ж за беда! Лучше не торопиться, а сделать хорошенько. Я тебе писала, мой ангел, что если Коля сделает духовную только на меня, это действие будет не полно. Когда я включила две строчки в доверенность о возвращении имения ко мне, я думала, что это легко сделать и даже не встретит никакого препятствия. Вышло иначе, и уж если составлять ему духовную, надо в ней упомянуть, что делать с имением, если меня не будет на свете, чего я и надеюсь. А об этом лучше переговорить или списаться. Но все это не уйдет, это в наших руках, неделю позже или ранее, время терпит. А вот что не терпит отлагательства, это Мишино дело. Ты пишешь, Левочка, что тебе грустно? Но, мой ангел, умоляю тебя, не грусти, а действуй. Расскажи это обстоятельство графу Орлову, попроси его содействия. По его доброте, справедливости и любви к тебе, он или напишет к князю Аргутинскому, или доложит Государю, или поговорит* Воронцову; а этого так оставить нельзя и не должно. Когда же Мише отдадут справедливость, когда его убьют черкесы? За себя хлопотать нельзя, но за сына — это твоя обязанность, тем более, что ты имеешь на то все средства.

Я Мише не отдам Власова, чтоб он его в карты не проиграл, а за отличное его мужество горой постою. Чего он заслужил, то ему и следует, и не отстану от тебя, пока ты не раскричишься за него во все горло, так, чтобы на Кавказе услышали твой крик за Мишу и отдали бы ему должную справедливость. Тут терпение ни к чему не поведет; напротив, тут необходима настойчивость. Ты отец, кому же можно вступиться за него, как не тебе?

Я и прежде слышала, что на Кавказе пропасть интриг; теперь это очевидно. Не думаю, чтобы тут интриговал князь Аргутинский; его хвалят за благородство и высокий дух, притом какая ему надобность интриговать против Миши? А вероятно тот, кто составлял реляцию там, или уж не в Петербурге ли это сделали? Потому что Миша писал мне с полною уверенностию, что я прочту в “Инвалиде” его имя. Видно же он знает, что и его подвиги помещены в описании дела под Чохом.

Умоляю тебя, мой ангел, не оставляй этого обстоятельства без внимания, заступись за Мишу всем сердцем. Не грусти, а действуй! Не молчи с терпением, а кричи во все горло! Кому же тут и кричать, как не тебе? Надо бить железо, пока оно горячо; пройдет много времени, тогда и пора пройдет; а теперь-то и хлопотать. Целую твои ножки, не оставляй этого дела, постой за Мишу

пройдет, а теперь-то и хлопотать. Целую твои ножки, не оставляй этого дела, постой за Мишу всеми силами и всем умением твоим.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 28/31 октября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 131—133.

54

28-го октября 1849. Рыскино. Утро

Теперь уж верно ты доехал, дорогой мой ангел Левочка, и надеюсь, что доехал благополучно. Проводив тебя третьего дня в вечеру до кареты, мы вернулись наверх и все три, я, Алек(сандра) Алек(сеевна) и Ириша, пустились взапуски рыдать и плакать горькими слезами. Наконец, я первая взяла себя в руки и стала говорить о делах со старостами и земскими, между тем Ириша, у которой не случилось никакого дела для ее рассеяния, продолжала заливаться и фыкать. Я после некоторого времени позвала ее к себе для прислуги и поцеловала за то, что она так горько плачет о твоем отъезде, а она заплакала еще пуще, и едва могла выговорить: “Как же не плакать о нем, ведь жалко, — мы его как за какого бога считаем!”

Видишь, Лева, я правду говорю, что если бы мы жили во времена мифологические, когда благодетелей рода человеческого делали богами, ты был бы сделан богом, и верно, богом милости и правды.

Огорчило меня только то заключение, что как я перестала плакать первая, потом унялась Сашинька, а Ириша плакала дольше всех, так по этому видно, что она тебя любит наиболее из нас троих. Такое открытие меня озадачило и мне жаль стало, что я не плакала дольше всех, потому что мне кажется, я должна тебя любить и люблю более, чем Ириша. Как ты думаешь?

В разговоре моем со старостами в вечер твоего отъезда первое мое слово начиналось так: “А что? Каков ваш барин?”, и каждого из них в свою очередь ответ был следующий: “Ах, матушка, кажется таких господ да даже и таких людей на свете нет!” Ты, конечно, догадываешься, что я вполне согласна с ними.

Переночевав в тех самых комнатах, где мы с тобою сидели, поутру я пустилась в обратный путь, в Рыскино. Здесь все показалось так уныло, так пусто, что насилу я перенесла этот первый день без тебя. В твоей комнате еще и сегодня остался запах от сигарок, которые ты курил; это и приятно и грустно.

Сегодня дела идут своим чередом, даже их больше прежнего, потому что при тебе некоторые остановились, а и те, которые не останавливались, шли кое-как, потому что при тебе ничем заняться не хотелось, а все хотелось поболтать с тобою или с сестрою, о тебе же.

Хотя дел и довольно, но все как-то из рук валится оттого, что на душе не весело. Все кажется, как будто у меня что-нибудь отняли. Это такое блаженство наслаждаться такою беседою, как твоя. Столько ума, даже мудрости в твоих суждениях, что весь мир забудешь, слушая тебя.

Между прочим, не обо всем я переговорила с тобою, мой ангел. Удовольствие тебя видеть и слушать заглушало и память во мне и волю, эти дни при тебе я как будто летала на крыльях и земли под собою не чувствовала, и от того многое земное перезабыла; между прочим вот о чем: в доверенности на передачу Николиньке Власова, в конце сказано: “почему и прошу тебя совершить вместо меня законным порядком дарственную запись на означенное имение, с объявлением известной тебе оному цены, для чего и выдаю тебе сие верющее письмо, и прочее”.

Об этом-то я и забыла поговорить с тобою, какая тебе известна цена этому имению? Прошу тебя, мой ангел, не выставлять излишней цены: это могло бы иметь со временем какие-нибудь неприятные последствия для Николиньки. И потому, сделай милость, не выставляй более 70

неприятные последствия для Николиньки. А потому, сделай милость, не выставляй более 70 (тысяч рублей серебром), оно так и есть: за Власово заплочено 230 (тысяч рублей ассигнациями) да за перевезенцев 15 (тысяч рублей ассигнациями) — вместе и составляет 245 (тысяч рублей ассигнациями). Как видишь, именно 70 (тысяч рублей серебром). Более этой суммы мне выставлять не хочется; а зачем, теперь долго рассказывать, когда-нибудь скажу на словах.

Еще же, скажи пожалуйста, для чего нужно выставить цену в дарственной записи? Ведь пошлин не платится, так зачем цена? Узнай, Левочка, и напиши мне.

Сейчас приходила ко мне по делам скотного двора старшая и любимая моя скотница Федора Аксеновна и со слезами говорила о своем и всеобщем восхищении, как ты милостив и какие у них господа, и старые и молодые: “верите ли, матушка, говорит она, ведь все дивуются, какое нам счастье на свете жить; и на сердце радостно и на душе весело. Других господ ждут в деревню, у людей вся утроба от страха дрожит, а наших господ ждешь, как ангелов с неба. Уж нас все-то спрашивают, какому вы Богу молитесь, что вам счастья столько от господ?” Как это весело, Левочка, слышать, не правда ли?

Левочка, ангел мой, ты не вини меня, что я при тебе почти совсем не занималась попугаем, не думай, что всегда так бывает. Ты видел, как он любит меня; этого не могло б быть, если бы я не занималась им беспрестанно. Но при тебе мне было жаль проводить время с ним, а не с тобою. Если б приносить его вниз, его крик тебя беспокоил бы; притом не хотелось даже ходить наверх за ним. Ты один занимал все мои мысли, и даже твой подарок, попугай, который мне всегда так дорог, при тебе не мог отвлечь на себя моего внимания. Теперь он опять беспрестанно у меня на руках, и кусает и лижет их по-прежнему; а при тебе, уж извини, Левочка, что я и его даже забывала для тебя. Я в таком была упоении, как бывала только 16-ти лет от роду, у дядюшки Николая Сем(еновича) и у тетушки Анны Сем(еновны) на вечерах, где мы танцевали, и нас было столько девиц и кавалеров с нами, дорогих и любезных, что нельзя было описать той радости и того восхищения, какое мы чувствовали, танцуя просто, ненарядно в белых коленкоровых платьицах, но зато так весело, как было мне теперь с тобою.

29-го октября

Сегодня нашему Николушке минуло 30-ть лет. Шутка сказать, сколько времени прошло со дня его рождения. Я думаю, вы все сегодня вместе обедали, и брат Павел Матвеевич с семейством, верно, все были у нас и верно также меня вспоминали. А я воображаю, как Коля был счастлив, что ты приехал к его рождению; без тебя, я знаю, что ему было скучно, и хотя мне было жаль провожать тебя, но я радовалась за него, что день своего рождения он проведет с тобою. Обними его за меня, поздравь от меня и скажи ему, что мой подарок на его тридцатилетний день рождения — Власово. Он это знает, но все-таки скажи ему, что дарю ему это имение с полным и душевным желанием, чтобы оно его занимало и счастливило, и чтобы его трудами доведено бы было до высочайшей степени совершенства и давало бы ему 10 (тысяч рублей серебром) доходу в год. Целую твои ручки, мой ангел.

31-го октября

Ангел мой, Левочка, когда я говорю, что Власово мой подарок Николиньке на день его рождения, я говорю неправильно, ошибочно, совсем не так, как душа чувствует. Я должна сказать наш подарок, потому что мы вместе с тобою дарим Николиньке Власово. Если бы не твои милости и не было бы детям нашим такого великолепного от тебя содержания, я бы не могла прибавить столько имения, что почти удвоила полученное от батюшки наследство. Если бы ты не был так щедр и милостив к сыновьям нашим, я бы должна была их поддерживать, и тогда не из чего было бы мне прикупать имений. Хотя, конечно, я бы не так их баловала, как ты это делаешь, мой ангел, но все-таки не в чем было бы платить долгов, сделанных на покупку имений, если бы детям пришлось жить на моем содержании. Следовательно, я и считаю, что не я, а мы подарили Николиньке Власово, и прошу тебя, мой бесценный Левочка, не говорить и не думать, что Власово дано мною, а дано оно Николиньке нами.

После твоего отъезда из Выдропужской гостиницы, на другой день нашли мы с Сашинькой тебе дворецкого и камердинера. Он холостой человек, трезвый, неутомимый и честный, его чрезвычайно хвалят.

Я говорила с ним, и он готов служить у тебя за 15 (рублей серебром) в месяц. Не знаю, понравится ли он тебе, но его все чрезвычайно хвалят. Конечно, сначала, пока он не привыкнет, может делать ошибки, но с усердием и желанием угодить, может статься и будет служить тебе хорошо. Он теперь лакеем в Выдропужской гостинице, и успевает услужить всем проезжающим, которых, ты сам видел, какое множество. Между тем, хозяева им не нахвалятся. Может статься, что ты не захочешь взять его и затем, чтобы не отнимать его у хозяина; это правда, что это неприятно, но этот человек, однако, властен располагать собою и желает охотно служить тебе, наслышавшись об ангельской доброте твоей. Прикажи, как тебе угодно, так я и сделаю.

Землемер Пичугин был у меня в субботу с новыми планами и межевыми книгами, и я везде расписалась. Он чай пил у меня и ужинал, и мы все толковали о тебе и наших сыновьях, которых я показывала ему портреты! Я подарила ему 50 (рублей серебром) и он насилу взял их, взял только потому, что я объявила ему, что не выпущу его из дому, если он не примет моего подарка. Он вообще мне очень понравился суждениями своими, чувствами и правилами. Обожает Государя, полон христианских чувств, с восторгом говорит о счастии быть русским и жить в России. Все это мне было очень весело слушать, и я провела вечер субботы, день Николинькина рождения, весьма приятно. Теперь дело о Васильевской земле кончено совсем. У меня есть копия с указа, по которому сняты схожные признаки, поставленные губернским землемером; планы мне вышлются через год; признаки совсем сняты, и теперь я на этот счет совершенно успокоена; а как мне бы во всю жизнь свою не достигнуть окончания этого дела без твоей помощи, дорогой Левочка, то и кланяюсь тебе в ножки и благодарю тебя миллион раз за твое содействие.

Вот уже пять дней как ты уехал, а все еще нельзя привыкнуть к той пустоте, которую ты по себе оставил. Прощай, мой ангел, целую твои ручки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 5 ноября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 133—134.

55

5-го ноября 1849.

Рыскино Дорогой Левочка, ты уехал, а вслед за тобою просьбы. Пришли ко мне здешние окрестные вольные крестьяне просить, чтобы им оставили их окружного начальника Палеева, которого переводят в осташевский уезд, а здешние государевы мужички очень им довольны и уже послали прошение к министру, чтобы им Палеева оставить и от них не переводить, а тебе, как помощнику и защитнику всех и всякого, бьют челом и просят тебя у министра похлопотать, чтобы их прошение было исполнено. Просят и бьют челом 24 тысячи душ. Можно — помоги, нельзя — откажи. Они говорят, что и сам Палеев желает остаться с ними. Они говорят, что у них такого окружного начальника не было, а другой будет бог знает каков; просят же твоей защиты, по соседству.

Третьего дня получила я твое милое и дорогое письмо от 29-го октября, где ты уведомляешь меня, что ты благополучно проехал мимо всех разбойников и всех других ужасов, тебя окружавших, и достиг до кабинета графа Орлова, где олицетворял своим докладом мельницу, действующую при хорошем ветре.

Благодарю тебя миллион раз, мой ангел, что ты так весело и мило написал, это доказывает, что ты в хорошем расположении духа, следовательно здоров, чего на свете лучше быть ничего не может

может.

По твоей ангельской доброте ты же меня благодаришь за то, что меня же и всех меня окружающих ты осыпал своими несказанными и несчетными милостями. Не только облагодетельствовал нас своим приездом, который уже и сам по себе составляет блаженство превеликое, потому что видеть тебя и слышать, любоваться твоими удивительными поступками, твоею добротою, милостию, снисхождением, терпением — все это уже само по себе составляет какое-то неземное очарование; но еще как ты осыпал нас своими щедротами! Я не охотница до

подарков, но от твоей руки принимаю их с умилением и восторгом, потому что вижу в них память и доказательство той несказанной и неописанной доброты, которой нет названия. С какою любовию ты наделяешь всех! Нельзя описать, до какой глубины трогается сердце твоею небесною добротою. И что значит нравственная красота! Твои достоинства делают тебя таким красавцем, что кажется на свете нет такого. И по этой причине мы все в тебя влюбились.

Я только удивляюсь, чем я заслужила такое счастие, что принадлежу так близко такому превосходному человеку.

И ты еще благодаришь меня за мои милости, тогда как нет слов, как отблагодарить тебя за твои милости, как ко мне, так и ко всем жителям рыскинского государства.

Поклонись от меня сестре Александре Константиновне, брату Павлу Матвеевичу и сестре Екатерине Николаевне. Скажи Николиньке, что я его обнимаю от всего сердца. Кланяюсь также Федору Федоровичу и прошу его написать что-нибудь, уж я не помню, когда получила последнее письмо его; кажется это было еще в 1764 году.

Прощай, мой ангел, будь здоров и весел и пиши мне, как ты говоришь здесь со мною, а я не могла наслушаться твоих речей и налюбоваться ими. Иногда станет и теперь грустно, что не слышу твоих бесподобных рассказов, таких умных, милых, можно сказать, упоительных.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 13 ноября 1849 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 134—135.

56

13-го ноября 1849. Рыскино

Как мне не нравится, дорогой мой ангел Левочка, что ты так часто стал хворать. Опять был болен, ты, которому здоровье так необходимо. Сделай милость вспомни, от чего ты захворал этот раз и напиши мне. Слава Богу, что ты уже поправился, но я боюсь, чтобы это не повторилось опять, и это беспокойство меня мучит. Еще же мне не нравится, что тебе всякий раз делают клистир. Это средство не натуральное, и я слыхала, что кто часто употребляет его, не долговечен, а тебе ведь надо жить 10 (тысяч) лет. Притом клистир вещь мучительная, особенно при твоих геморроях. Сделай милость, Левочка, кушай всякий день леденец, не такой, как ты покупаешь в конфетных лавках, а такой, как продают на сахарных заводах. Всякий день, после обеда скушай два небольших кусочка и в вечеру после чаю хоть один; еще же чуть на желудке не совсем хорошо, скушай опять кусочек, другой. Этот леденец разводит слизь, предупреждает желудочные спазмы и производит отрыжку, а тем самым мешает ветрам скопляться в одно место, а у тебя от того и такая сильная боль, что накопляется слизи и ветров в желудке и кишках.

Еще же я нахожу, что касторовое масло не достигает цели. Оно слабо действует и его дают только детям. Лучше бы было, если б ты держал у себя всегда в запасе пилюли из чистого ревеню и принимал бы их по две и по три по мере надобности.

Сестра писала, что до приезда доктора тебя обкладывали горячими салфетками; скажи, пожалуйста, что ты чувствовал от них, было ли тебе от тепла их облегчение? Еще же скажи, мой

пожалуйста, что ты чувствовал от них, было ли тебе от тепла их облегчение? Еще же скажи, мой ангел, это лечение, клистир и касторовое масло не изнуряют ли тебя понапрасну?

Мне кажется, что это лечение временное, а тебе бы надо желудок очистить хорошенько. В нем, вероятно, накопилось слизи и дряни, и хотя ты мало кушаешь, но как ты подвержен запорам, то и малая пища обращается в клейкость, которая прилипает к внутренностям желудка и засоряет его. Берс говорил Николиньке, что у тебя делается эта боль от сидячей жизни. В этом я отнюдь не согласна. Какая же сидячая жизнь, когда ты всякий день съездишь к графу с Захарьевской к

Красному мосту, раз, а иногда и два раза в день, потом всякий вечер бываешь где-нибудь и проводишь время в разговорах, смеешься, следовательно твоя кровь имеет должное обращение. Выезжать еще больше нельзя, в твои лета оно было бы утомительно. Летом ты через день бываешь в Стрельне, кажется, и этой прогулки довольно; и в городе очень часто ходишь пешком в канцелярию.

Не от сидячей жизни, а от накопления слизи делается боль у тебя. А слизь накопляется от запоров. Тебе необходимо принимать хоть раз в месяц слабительное для очищения желудка; даже хоть в два месяца один раз, и принимать не касторовое масло, а ревенные пилюли, или еще лучше, я тебе пришлю пилюль удивительных.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 29 июня 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 135.

57

29 июня 1850 г. Рыскино*

Только что я по делам сестры Александры Константиновны написала тебе, дорогой Левочка, о вороных твоих старичках, как получила твое письмо, где ты пишешь, что отдал их сестре Екатерине Дмитриевне. Ну и пусть они у нее, я этому очень рада, оставь их ей хоть совсем, ежели они ей годятся, а мне они не нужны, я и без них обойдусь; мне будет приятно знать, что ей есть на чем выехать. Хотя они и очень старые, но у нее езда небольшая. Итак, Левочка, оставь сестре лошадок; пусть ими пользуется, пока ей угодно; пусть совсем их оставит, если ты на это согласен.

Я еще не говорила тебе, мой ангел, как мне весело с сестрою и с Соничкою. Сестра так добра и приветлива, Соня такой милый ребенок, что мы целый день болтаем и хохочем. Не видим, как время идет, потому что оно идет очень весело. Сестре Рыскино чрезвычайно нравится, она беспрестанно твердит, что она здесь как в раю. А мне радостно это слышать, потому что я нахожу сама, что Рыскино рай, и от всей души уважаю и люблю тех, кто так же думает о Рыскине, как и я.

Жаль, что опасения за твое здоровье заставляют сестру спешить в Петербург, а то бы я рада ее продержать здесь все лето, и кажется, она бы также и сама не соскучилась. Мы все собираемся вместе в Каменное, но дожди мешают. Помнишь, Лева, была у тебя от меня с письмом одна Вышневолоцкая мещанка Чернецкая, у которой взяли в солдаты единственного сына в последний набор? Она подавала лично просьбу Государю в Гатчине, в саду, и Государь велел ей отдать эту просьбу дежурному флигель-адъютанту, а этот дежурный был наш Николинька. Потом, ты мне писал, что вы относились к Бакунину51 об этом деле и он отвечал, что сын Чернецкой сдан правильно. По какому поводу вы относились к Бакунину, по словесной ли просьбе к тебе Чернецкой, или по поданной ею просьбе Государю? Она просит меня узнать, что сталось с ее просьбою, которую она в Гатчине подала Государю и которая по Его приказанию была ею, Чернецкой, отдана Николиньке. Сделай милость, вели разыскать, эта ли просьба была пружиною сношений ваших с Бакуниным, или она до сих пор лежит без действий, и где она находится?

Ты как-то писал мне, дорогой Левочка, что твои доходы от золотых приисков очень убавились от несправедливости, сделанной вам нарушением условий на счет процентов. На это я тебя спрашивала, зачем ты не хлопочешь, чтобы восстановить первобытное условие? Но ты мне ничего не отвечаешь. Скажи, пожалуйста, отчего же это переделать нельзя?

А как ты печально провел день своих именин, Левочка! Все по кладбищам, да на панихидах. Что же тебе это вздумалось, мой ангел, в этот день так грустить? А мы здесь вспоминали о тебе пятнадцать раз и я думала, что ты этот день проведешь с Азанчевскими. Прощай, мой добрый

бесподобный Левочка, сколько ты мне прислал лакомств с сестрою, и все такое вкусное и славное. Целую твои ручки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 10 июля 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 135—136.

58

10 июля 1850 г. Рыскино

Мой ангел, Левочка, Николинька пишет, что граф Апраксин хочет купить нашу Петергофскую дачу, чему я очень рада, и прошу тебя, мой друг бесценный, не дорожись и возьми цену умеренную. Хорошо, если бы он дал 12 (тысяч рублей) серебром — но, я думаю, он этого не даст, то согласись взять 10 (тысяч рублей) серебром. Только чистыми деньгами, а не векселями и никакими сделками. У графа Апраксина деньги не верны; до тех пор только и можно от него что-нибудь получить, пока купчая не подписана; и потому прошу тебя, не подписывай купчей, не получив всех денег сполна. Разумеется, издержки по купчей должны быть на его счет. Если же ты не имеешь довольно твердости и на себя не надеешься, что получишь все деньги сполна до подписания купчей, то подожди меня, когда я приеду, и я уж нашей дачи без денег не отдам. Граф Апраксин станет меньше давать на том основании, что он дачу переделал, но ведь мы его не просили и не принуждали, на то была его собственная воля и теперь его же выгода купить нашу дачу, потому что тогда все переделки останутся в его же пользу. Другие бы на нашем месте запросили у него Бог знает сколько, потому что ему не захочется потерять своих переделок. А уж 10 (тысяч рублей) серебром цена самая умеренная, потому что дача нам самим стоит 40 (тысяч рублей ассигнациями). Прошу тебя, мой ангел, дешевле 10 (тысяч рублей) серебром не уступать и без денег дачи не отдавать. Целую твои ручки и умоляю тебя исполнить мою просьбу.

Ты так добр, что позволяешь сестре Александре Константиновне погостить здесь еще столько, сколько мне угодно. Как я тебе благодарна за это, Левочка. Сестра так счастлива в деревне, и в самом деле, сам посуди, мой ангел, каково жить в городе летом. Она так тебя любит, что беспрестанно рвется в Петербург, чтобы ты не был один. Но уж позволь мне ее продержать еще немного; если я соберусь в Петербург, то мы вместе приедем, а до тех пор уж позволь ей поблаженствовать в деревне. Нам так весело, что мы не видим, как время идет; но ни она ни я не призадумались бы ни одной минутки и она хотела бы сейчас к тебе, если бы ее присутствие могло столько тебя счастливить, сколько счастливит ее деревня. Ты ведь не сидишь с нею, дома бываешь на минутку, а когда и дома, то занят. У тебя столько знакомых, столько приятелей, которые могут развлечь тебя лучше Александры Константиновны. Что касается до расходов, то я думаю без сестры должно выходить даже меньше, чем при ней. У нее часто бывают гости, а ты когда один, мало бываешь дома, то и расходов немного. Притом и то скажу, что мне обидно, будто бы ты без сестры не можешь обойтись три недели, когда без меня обходишься пять лет!

Да, вот как, ваше превосходительство, господин Александровский кавалер, ты уж и поневоле должен оставить здесь сестру, пока мне угодно, а то ведь я так серьезно приревную, знаешь, по-старинному, когда я ревновала тебя в старые годы; даром, что мне теперь за 50-ть лет!

Прощай, мой ангел, будь здоров, да не только гляди на мои пилюли, а прими их, если опять

заболит твой драгоценный живот. Ты вспомни, как он дорог всем, кто дорог тебе, и принимай мои пилюли, хоть не для себя, а для нас.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 23 июля 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 136—137.

59

23 июля 1850 г. Рыскино

Сейчас получили мы два ящика с провизией и ананасом, мой ангел Левочка, и целуем твои ручки миллион раз. Чудесный ананас, какой большой и пахнет превосходно и хоть немножко с одной стороны позаплесневел, но это ничего, и когда станем кушать, то обрежем края и будет славно, потому что внутри он должен быть цел и хорош. Сегодня кушать его не будем, а подождем сестры Екатерины Николаевны. Такой чудесный ананас ты бы мог себе оставить, или отослать Коле или Марье Павловне или Азанчевским, а ты его к нам прислал; и хоть мне жаль, что ни ты, ни Коля его не попробуете, но все-таки не знаю как тебя благодарить за твое милое и доброе желание нас полакомить таким чудом.

Ты пишешь, Левочка, что с ананасом посылаешь 5 (фунтов) конфет, но их мы не получили. Не потому, чтобы мне конфеты были необходимы, но пишу тебе это только потому, чтобы ты знал, что я их не получила. Может быть, они остались в конторе транспортов, или Александр или Сидор забыли их отправить.

Я рада сестре Азанчевской, но жаль, что не знаю настоящего дня ее приезда. Мне очень нужно съездить по хозяйству в Толмачи и Клошнево, а тут сиди и жди, не зная дня, когда она приедет. Пробудет здесь она несколько часов, а продождешь* ее неделю. Ты пишешь, Лева, что она выедет из Петербурга около 25-го числа, поэтому она здесь будет 25-го. Но ежели и после того она не приедет, то неужели мне все ждать ее, когда мне нужно ехать в другие места. Напиши, мой ангел, как ты думаешь.

Благодарю тебя, мой бесподобный Левочка, за твое согласие отдать Петергофский дом за 10 (тысяч рублей) серебром. Если будем дорожиться, то никогда не продадим его, а он теперь нам не с руки. Получить 10 (тысяч рублей) несравненно лучше, чем возиться с этим домом понапрасну. Одно только прошу тебя и умоляю, чтобы все деньги получить сполна и ничего не отсрочивать. Что отсрочишь, того уже наверное не получишь, а за что ж нам делать подарки графу Апраксину? И потому прошу тебя, мой ангел, ни за что на свете не соглашаться продать дом иначе, как получишь все деньги до числа при совершении купчей.

Теперь о сестре Александре Константиновне. Ты не думай, Левочка, что я ее удерживаю для себя, я не такая эгоистка, чтобы могла предпочесть свое удовольствие твоему спокойствию. Но удерживаю здесь сестру более по двум причинам: 1-е потому, что она так здесь счастлива и так скучает летом в Петербурге; 2-е что я боюсь за Соничку, как бы она слишком не соскучила здесь одна и это не повредило бы ее здоровью. Но все-таки сестра, кажется, скоро собирается отсюда.

Прощай, мой ангел, береги свое здоровье, целую твои ручки миллион раз.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 17 октября 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 139—140.

62

17 октября 1850 г. Рыскино

Как мне это не нравится, мой ангел Левочка, что ты опять сумел захворать и что всякий раз

Как мне это не нравится, мой ангел Левочка, что ты опять сумел захворать и что всякий раз местопребывание твоего недуга оказывается в животе. Ты пишешь, мой неоцененный, что ездивши в Царское Село, ты дорогою продрог. Как мне грустно, что твои люди не умеют подумать о тебе, если ты поехал слишком легко одетый, надо бы человеку, который ехал с тобою, взять для тебя в запас что-нибудь потеплее. Бывало Марк умел тебя кутать и при нем ты был здоровее теперешнего. Сестра Александра Константиновна не может входить в подробности твоего туалета, да ты и не позволяешь ей, а камердинеру твоему должно припасать для выезду твоего за город все нужное, чтобы ты не продрог и не простудился. Это известие о твоем

нездоровье навело на меня грусть. Слава Богу, что оно прошло, но все-таки грустно, потому что страшно вперед подумать.

Тверь

Ты говоришь, Левочка, что мои пилюли не помогли. Я думаю, мало для тебя двух пилюль, а надо три, притом надо их принимать уж не тогда, как схватит сильная боль, а как только нехорошо на желудке. Мне и другим здесь, кому даю три пилюли, делает пользу сейчас — как рукой снимет. Я не настаиваю, употребляй, мой ангел, что тебе помогает больше, только, главное, берегись простуды, когда она так много делает тебе вреда.

Я получила английскую и французскую иллюстрации и не знаю, как благодарить тебя за это удовольствие, которое ты мне доставил. Это самый приятный из французских журналов, и я с благодарностью его читаю. Тут много благоразумных статей, много остроумия и еще больше смешного. Французы мастера насмехаться и всего забавнее, когда они насмехаются над собою. Это ни с чем не сравненно.

Пока я тебе это писала, у меня побывала опять дочь Веры Андреевны с известием, что она съездила в Тверь и там обещали взыскание 300 (рублей серебром) с ее отца сложить за рекрута, а взыскать с него только складочные рекрутские деньги, всего 36 (рублей серебром). Только это еще не наверное, но как есть надежда, то, мой ангел, прошу тебя приостановить сбирать для них денег, как я тебя о том просила в предыдущем письме. Ежели не будут взыскивать 300 (рублей серебром) с Михайлова, то не для чего тебе и беспокоиться искать этих денег для него.

Не прошу тебя совсем это оставить, а подождать, чем кончится в Твери.

Позволь мне, Левочка, поговорить с тобою об одном обстоятельстве, которое меня несколько беспокоит. При частых и сильных наборах, что не знаешь, кого отдать в рекруты, в прошлом году у меня попал в рекруты солдатский сын. Я тогда не знала, что солдатских детей нельзя отдавать. Нынче мне растолковали случайно, “что единственного сына, прижитого в крестьянстве, солдата на службе или в отставке, отдавать в рекруты нельзя”. Вот я и беспокоюсь, чтобы не было мне неприятностей от этого и хлопот. Хоть никто об этом солдатском сыне теперь не говорит, но много есть людей, которые готовы мне повредить из зависти или какого-нибудь пустого мщения. Сама мать этого рекрута, солдатка, станет, может быть, просить на меня, а я сделала это не знавши. Посоветуйся, Левочка, не будет ли мне за это какой неприятности.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 19 сентября 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 137—138.

60

19 сентября 1850 г. Рыскино

Как я рада, Левочка, что ты прокатился по железной дороге до Сосницкой пристани и хоть сколько-нибудь освежился загородным и даже деревенским воздухом. Ты говоришь, мой ангел, что хотел было воротиться тотчас, да пожалел их. Спасибо, что пожалел. Вот

что когда будет вся дорога готова, ты пожалуи и в Спирово приедешь со мною пообедать. Вот славная будет штука! Дай Бог, дожить до этого времени.

Ты пишешь, Лева, что сестра Александра Константиновна ждала Соничку 15-го числа, в 10-ть часов утра, а я думаю, Соня приехала только в 10-ть часов вечера, потому что из Выдропуска выехала часу в девятом вечера, 13-го числа. Именно та карета, в которой она поехала, потребовала починки, не доезжая Торжка, и приехала в Выдропуск вместо 4-х часов пополудни, как было сказано в билете, приехала в 8 часов вечера.

20 сентября

Не успела я кончить своей первой страницы, как получила все ваши письма. Это удивительно, сколько раз и как страшно ломалась та карета, где сидела Соничка. То колеса вдребезги, то ось поломалась. Деньги берут с проезжих, а не могут держать экипажи в исправности. Как это им не стыдно!

Какое счастие для Сонички, что в том же поезде случилась г-жа Соловая, которая оказала ей столько ласк и попечений до того даже, что везла ее в своей карете. Это так меня тронуло, что я написала к ней записочку, чтобы поблагодарить ее, тем более, что ее внимание к Соничке было, может быть, отчасти и для меня.

Когда я Соню проводила в Выдропуске до почтовой кареты и хотела возвратиться в гостиницу, я встретила на крыльце некоторых дам, которые возвращались на свои места по каретам. Не знаю, кто они, на вид порядочное семейство, я решилась просить их за Соничку, чтобы в случае надобности они взяли ее под свое крылышко. Как будто я предчувствовала, что с ней будут такие беды. Одна из этих барынь сказала мне, что будет наблюдать за Соней, хоть они в разных каретах, и сделает это с тем большим удовольствием, что очень хорошо знает моих сыновей, что она госпожа Соловая и так далее. Обрадовавшись знакомому имени, я еще пуще стала просить ее за Соничку, не воображая, чтобы покровительство Соловой в самом деле так занадобилось бедной Соничке. Она верно так рассказывала, как ломалась именно та карета, в которой она ехала, и как Соловая берегла ее. Приписывая ее попечение некоторым образом моей просьбе и тронутая добротою г-жи Соловой, я написала записку, которую здесь и прилагаю. Не сделаешь ли ты, Левочка, такой милости, чтобы отвезти записку к Соловой самому? Она берегла Соню, конечно, также и для тебя; не худо поблагодарить ее. Будем учтивы, наживем друзей. Ее стоит поблагодарить, потому что без нее Соня пропала бы на большой дороге со своею каретой. Ежели сам поедешь к Соловой, возьми и Соню с собою, пусть и она еще раз поблагодарит ее. В Соничкины лета надо наживать побольше друзей на свете.

Скажи, Левочка, как прислужить исправнику Повало-Швейковскому к помещению малютки в казенное заведение? Подать ли надо прошение и кому? Или что другое надо предпринять? Напиши, пожалуйста, ни он ни я не знаем с чего начать. Научи, пожалуйста.

Целую твои ручки; сделай милость, окажи твое покровительство Швейковскому. Я так много ему обязана; это за меня его поблагодарить.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 29 сентября 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 138.

61

29 сентября 1850 г. Рыскино

Ангел мой, бесподобный, как же это можно, чтобы ты для меня беспокоился так много и отыскивал бы для меня конфет по моему вкусу. У меня с Соней был разговор о конфетах, и она расхваливала конфеты от Мецанелли, спросила меня, хочу ли я, чтобы в первый раз, как будут

по твоему позволению присылать мне конфет, прислать их от Мецанелли. Я сказала, хорошо, и к этому заметила, что конфеты Балле не очень мне нравятся, потому что у него все только один сахар, а хорошего вкуса мало. Но я это говорила никак не думая, что тем заставлю тебя самого, такого важного человека и Александровского кавалера, хлопотать о моих конфетах. Мне очень совестно, Левочка, прости меня.

Ты пишешь, мой ангел, что Соничка все твердит обо мне и меня выхваляет. Я слыхала, что пьянице кажется, будто все пьяны, так и доброму ангельчику все кажется, что все ангелы. Она и

здесь доводила меня иногда до слез выражением своей любви ко мне, и хотя, конечно, большое счастье внушить к себе такую горячую привязанность такому чистому и прекрасному сердцу, как Соничкино, однако все-таки я должна сознаться, к стыду моему, что не заслуживаю и миллионной части тех похвал, какие приписывает мне мой милый друг Соня. Я очень ее люблю, вот все мое достоинство; из любви к ней я с нею ласкова, и она по своей чувствительности уже и находит, что я такая, как ее пылкое молодое воображение меня ей рисует. Я очень рада ее привязанности и плачу ей взаимно; но что она меня так хвалит, я таких похвал не заслуживаю и ничем поддержать их не могу.

Помнишь, Лева, свою старую приятельницу, мельницу? Ну, она теперь перенесена на другое место и мельник другой; твой приятель Логин состарился, уж худо молол, и все соседи перестали возить на нашу мельницу. Теперь мельница славная, о шести крыльях и есть доходец, потому что молотье выходит хорошее. Теперь опять весь околодок везет к нам свои зерна и на нашей ветряной мельнице так завозно, что проходу нет от мешков, как бывает на водяных мельницах в хорошую воду. Но что странно: когда мельница стояла перед домом, ветер постоянно несколько лет сряду дул из-за дому и мельнице от дома была постоянная помеха. Теперь, как мельницу поставили на другое место, ветер переменился и вот уж другой месяц постоянно дует на мельницу из саду, так что ей опять помеха. И на прежнем месте и на теперешнем было и есть три вольных стороны, четвертая была из-за дому, теперь из-за саду. Но с трех вольных сторон ветер изредка появляется и все дует с той стороны, откуда помеха. Я толкую это тем, что Богу неугодно, чтобы я очень разбогатела, и все посылает мне небольшие неудачи, чтобы я жила посмирнее и поскромнее. Например, сколько раз это бывало, что и продаю хлеба и жду хорошей цены; наконец наскучит ждать, хлеб продам и через две недели, много через два-три месяца вдруг цена поднимается вдвое и втрое и тогда нечего продать. Мы не раз толковали об этой странности с братом Семеном Николаевичем — и ему также. Всегда Бог ему пошлет все нужное, иногда, он говорит, бывали такие случаи, что нежданно, будто с неба, ему необходимое свалится, как посылка, а лишнего никогда нет — вот и мне точно также.

Прощай, мой ангел, кланяйся брату Павлу Матвеевичу.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 31 октября 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 140—141.

63

31 октября 1850 г. Рыскино

Не думаю, мой ангел Левочка, чтобы Миша мимо тебя, исподтишка упрашивал своих знакомых, чтобы они тебя уговаривали перевести его обратно на службу в Петербург. Кажется, в нем нет такого лукавства, да и, кажется, он сам намерен послужить на Кавказе, потому что там и дом купил.

Не могу выразить тебе, Левочка, как стесняется сердце читать о твоих трудах, превосходящих твои силы. Страшно подумать, что в твои лета и (нрзб.) не только нет покою, но все труды свыше сил твоих. Что дальше, ты слабее, а что дальше, то больше тебе дела. Неужели, мой ангел, ты боишься сказать графу, что твои силы упадают и что тебе надо трудиться так, чтобы не терзать

здоровье.

Хоть бы это сделать, чтобы не так рано вставать, хоть бы ты попозже мог ездить с докладом к графу. Неужели нельзя этого устроить?

Пока ты был бодр и крепок, хоть и худощав, но ты выносил труды свои; а теперь уже силы не те — ты часто хвораешь, а тебя все тормошат по-прежнему как мальчишку. Уже и то подумаешь, не лучше ли тебе переменить род службы и достать себе место попокойнее?

Мне как-то делается страшно и грустно, когда подумаю, что такая вечно каторжная работа, утомляя тебя беспрестанно, может сократить неоцененную жизнь твою.

Благодарю тебя, Левочка, за перчатки; тебе говорили, что этого номера перчатки годятся только для монумента. Да это и правда, что я такая огромная, как монумент, и рука у меня ужасно большая. Притом я не могу терпеть тесных перчаток. Мне взойдут на руку перчатки и 81/4 номера, но руке тесно и пока не растянутся перчатки, рукам ужасно их носить. А этот 83/4 номер, уж так покойны, что наденешь их с первого разу без малейшего усилия и носишь их с большим удовольствием. Тебе Соничка напомнила об этих перчатках. Не думай, мой ангел, чтобы я просила ее о том; а как-то при ней, Ал(ександра) Ал(ексеевна) вспомнила что ты взял у меня сколько-то пар на промен и роздал в Рыскине моим фрейлинам, в том числе и ей, Ал(ександре) Ал(ексеевне) досталась пара или две. Соничка посмеялась и сказала: я дяденьке это напомню. А теперь я боюсь, чтобы ты не подумал, что это я ее просила беспокоить тебя о моих перчатках. Я бы и сама тебя попросила, если бы они были мне нужны, но у меня еще оставалось пары три. А теперь стало 9 пар, этого, я думаю, мне на всю жизнь довольно.

О сданном в рекруты солдатском сыне позволь мне прежде здесь коротенько разузнать. Он сдан уже тому полтора года, и никто о нем и не думает, да я полагаю, как мне, так и прочим, неизвестна статья о солдатских детях. Я боюсь, как мы объявим, то и пойдут хлопоты, а теперь все молчат, да никому и в голову не приходит, что этого сделать было нельзя. Впрочем, я тебя послушаюсь и сделаю, как ты велишь, только прежде чем на себя топор поднимать, дай мне здесь у знающих людей удостовериться, точно ли стоит об этом объявлять.

Может быть беда небольшая, как промолчишь, а как объявишь, то сделают из мухи слона. Помнишь, как я беспокоилась о петрищевской ревизии, что там было пропущено более 20-ти душ, и если бы тогда объявили, нестерпимые были бы хлопоты, да и штрафу бы я заплатила несколько тысяч рублей. А теперь пришла новая ревизия, поневоле разобрали хорошенько старую ревизию и нашлось, что нет пропускной ни одной души, а казалось, их пропущено двадцать, потому что была большая запутанность. Теперь их отыскали, потому что такое время пришло, что надо было распутать, и вышло, что я десять лет беспокоилась понапрасну.

Так и тут, я себе, может быть, сообразила, что этот рекрут сдан противузаконно, а может быть, эта статья до него и не касается. Дай мне прежде здесь узнать об этом хорошенько, тогда уж тебя буду беспокоить, когда здесь узнаю. И объявить то уж лучше здесь, чем в Петербурге. Там раскричатся, а здесь уладят потише, потому что ведь и те не правы, которые приняли его, хотя и знать им было нельзя, кто он такой, потому что в ревизии показан приемышем моего крестьянина, а не солдатским сыном. Но ты об этом не тревожься, Левочка, здесь мне скажут, опасно ли так оставить или нет; и ежели увижу, что опасно, сейчас объявлю или здесь или к тебе пришлю. Но зачем же соваться на неприятности, когда можно избежать их или устроить все потише и с меньшею ответственностью.

Да и если бы ты знал, какая дрянь эти солдатские сыновья. Оставшись сиротами, без отца, без матери, они растут без всякого надзора и делаются первыми негодяями в вотчине. Тотчас скажи, придет рекрутский набор — отдавать некого и, разумеется, скорее избавиться дрянного, одинокого шалунишки, чем расстраивать хорошую семью. Теперь же такие частые и сильные наборы, что этих солдатских сыновей остается пропасть в имении. Они никуда не годятся, а их не отдавать; а разоряй хорошего мужика, который украшает имение своим семейством

отдавать, а разорян хорошего мужика, который украшает имение своим семейством.

А пока я узнаю, Левочка, точно ли надо о моем рекруте беспокоиться, ты сделай милость об этом не разглашай и никому не говори; я сама тебя уведомлю. Даже домашним не говори. Теперь все молчат, никто об этом и не думает, а как пойдут разные толки, то, пожалуй, и надоумят кого-нибудь на меня пожаловаться, даже и понапрасну. Может я, не узнавши хорошенько, написала тебе недельно. Я здесь не делала никаких справок, а так сама себе вообразила, что сдан рекрут незаконно. То прежде времени разглашать не надо, а я узнаю повернее и тебе напишу.

Благодарю тебя, мой ангел Левочка, за присылку разных вещей и закусок, которые я получила и которых пересчитать нельзя, так их много. Мне только то жаль, что ты много тратишь денег на меня. Целую твои ручки миллион раз.

Напала зима, а я снег терпеть не могу, от этого мне бывает теперь скучно, особенно часто зубы болят и мешают заниматься. На прошедшей неделе так страшно болели, особенно по ночам, что я 8 ночей сряду не только не спала, но нигде в своем большом доме места не находила. Теперь, слава Богу, полегче, да и то хорошо, что днем, по крайней мере, не так мучительно зубы болят, как ночью. А то если бы круглые сутки та же боль, можно бы с ума сойти.

Была у меня на днях Амалия Мат(веевна) Давыдова. Она просила напомнить тебе о ее прошении, которое она недавно к тебе посылала о помиловании ее брата. Прощай, Левочка.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 2 ноября 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 141—142.

64

2 ноября 1850 г. Рыскино

Дорогой Левочка, ильинский сосед наш Александр Антонович Макалютин едет в Петербург и там, имея довольно важные дела, просит твоей помощи и защиты. Прими его, мой ангел, с обыкновенною твоею добротою, обласкай его и помоги ему, сколько тебе это будет возможно, не расстраивая своего драгоценного здоровья. Он человек умный и проворный; сам все найдет и отыщет; ты только научи его да где нужно своим крылышком прикрой.

Александр Антонович привезет тебе самое свежее обо мне известие; он просидел у меня весь вечер, вместе с Александрой Густафовной Дьяковой, бывшей Мечковой, и мы провели втроем этот вечер, то есть сегодняшний, очень приятно. Макалютин для деревни очень любезный собеседник, и с ним весело толковать; но если по обычаю деревенских жителей он станет отнимать у тебя время пустыми разговорами, ты останови его без церемоний и скажи, что тебе недосуг его слушать. Он не рассердится и оставит тебя в покое; а только наставь, научи и помоги ему по его делам.

Целую миллион раз твои ручки. Сделай милость, прикажи людям, чтобы Макалютину не отказывали. Мне хочется слышать, чтобы тебя прославляли и благодарили, особенно те люди, которых я вижу чаще других. Разумеется, нельзя принимать его во всякое время, когда ты почиваешь или хочешь, чтобы тебе не мешал никто. Но когда можно и ты можешь уделить ему 5 минут, то подари их ему, хоть потому, что он наш сосед, и потому, что мне хочется слышать от него похвалы о тебе, какие я от всех слышать о тебе привыкла.

Еще и еще целую твои ручки и целую сестру Соничку.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 17/26 ноября 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 142.

65

17 ноября 1850 г. Рыскино

Ну вот, Левочка, в самом деле какой Николинька беспечный! Как же это он уехал, не оставил никому доверенности на подание ревизских сказок! Но и старый Евстигней не прав. По моему, он виноват еще более Николиньки, потому что опытнее, да и это чисто его было дело заботиться о ревизии. Ведь не граф Орлов составляет и приготовляет дела в твоей канцелярии, а ты. Что ж Евстигней сидел и молчал до сих пор? Ему бы должно заблаговременно позаботиться и о доверенности и о составлении самих сказок, тем более что я ему еще с мая месяца писала.

Николинька, уехав в августе, никак не думал что до ноября не будет его в Петербурге; а однажды вне Петербурга, уж он, конечно, о Власове не вспомнит. Евстигней же живет во Власове и это его прямая обязанность была заботиться о том, чтобы срок ревизии не пропустить, тем более, что я уже давно ему о ревизии писала.

Я достала рекрутский устав, и нахожу, что статья, касающаяся до солдатских детей, не касается до помещиков, а до мещан, казенных крестьян, удельных и свободных хлебопашцев. Поэтому зачем же самому напрашиваться на неприятности. Ежели незаконно ничего не сделано, то зачем же выскакивать с обвинениями на самого себя понапрасну. Хоть бы и жалобы возникли, но когда эти жалобы будут неправильны, то и ответственности никакой на мне лежать не будет; а жаловаться понапрасну никому не помешаешь, если захотеть. Нынче так повадились жаловаться, что все так и лезут, правы или нет — лишь бы на кого пожаловаться.

26 ноября

Все это время я не писала к тебе, мой бесценный Левочка от того, что глаза болели; теперь получше, и я сажусь продолжать письмо свое.

На днях был у меня Дурнов; на днях же я посылала в Торжок к исправнику с вопросом о сдаче в рекруты солдатского сына. И Дурнов и исправник утверждают, что я напрасно встревожилась; что я полное право имела отдать в рекруты солдатского сына, рожденного в то время, когда тот солдат был моим крестьянином, и что 98-я статья рекрутского устава, где запрещено отдавать в рекруты солдатских детей, до помещиков не касается. Помещикам же по уставу предоставлено полное право распоряжаться сдачею и рекрутскими очередями по их усмотрению.

И потому об этом деле уже более нечего беспокоиться. Тут не сделано ничего беззаконного; а ты прости меня, мой ангел, что я напрасно тебя встревожила. Опасаясь сперва открыться здесь кому-нибудь, я оттого написала к тебе, чтобы ты удостоверился, до какой степени велика вина моя; но когда ты приказал, чтобы я непременно объявила об этом, то я захотела прежде узнать хорошенько, стоит ли того, чтобы мне обвинять себя — и вышло, что я совсем не виновата. Поэтому и объявлять нечего и винить себя незачем, и тревожиться нет надобности.

А что ты сделал с моим соседом Макалютиным, что он долго не возвращается, да и ты ничего не пишешь о нем. Приласкай его, Левочка, и помоги ему по делам его, все лучше, когда близкий сосед доволен нами и хвалит нас. Напиши мне, в каком положении дела его.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 17/26 ноября 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 142.

65

17 ноября 1850 г. Рыскино

Ну вот, Левочка, в самом деле какой Николинька беспечный! Как же это он уехал, не оставил никому доверенности на подание ревизских сказок! Но и старый Евстигней не прав. По моему, он виноват еще более Николиньки, потому что опытнее, да и это чисто его было дело заботиться о ревизии. Ведь не граф Орлов составляет и приготовляет дела в твоей канцелярии, а ты. Что ж Евстигней сидел и молчал до сих пор? Ему бы должно заблаговременно позаботиться и о доверенности и о составлении самих сказок, тем более что я ему еще с мая месяца писала.

Николинька, уехав в августе, никак не думал что до ноября не будет его в Петербурге; а однажды

вне Петербурга, уж он, конечно, о Власове не вспомнит. Евстигней же живет во Власове и это его прямая обязанность была заботиться о том, чтобы срок ревизии не пропустить, тем более, что я уже давно ему о ревизии писала.

Я достала рекрутский устав, и нахожу, что статья, касающаяся до солдатских детей, не касается до помещиков, а до мещан, казенных крестьян, удельных и свободных хлебопашцев. Поэтому зачем же самому напрашиваться на неприятности. Ежели незаконно ничего не сделано, то зачем же выскакивать с обвинениями на самого себя понапрасну. Хоть бы и жалобы возникли, но когда эти жалобы будут неправильны, то и ответственности никакой на мне лежать не будет; а жаловаться понапрасну никому не помешаешь, если захотеть. Нынче так повадились жаловаться, что все так и лезут, правы или нет — лишь бы на кого пожаловаться.

26 ноября

Все это время я не писала к тебе, мой бесценный Левочка от того, что глаза болели; теперь получше, и я сажусь продолжать письмо свое.

На днях был у меня Дурнов; на днях же я посылала в Торжок к исправнику с вопросом о сдаче в рекруты солдатского сына. И Дурнов и исправник утверждают, что я напрасно встревожилась; что я полное право имела отдать в рекруты солдатского сына, рожденного в то время, когда тот солдат был моим крестьянином, и что 98-я статья рекрутского устава, где запрещено отдавать в рекруты солдатских детей, до помещиков не касается. Помещикам же по уставу предоставлено полное право распоряжаться сдачею и рекрутскими очередями по их усмотрению.

И потому об этом деле уже более нечего беспокоиться. Тут не сделано ничего беззаконного; а ты прости меня, мой ангел, что я напрасно тебя встревожила. Опасаясь сперва открыться здесь кому-нибудь, я оттого написала к тебе, чтобы ты удостоверился, до какой степени велика вина моя; но когда ты приказал, чтобы я непременно объявила об этом, то я захотела прежде узнать хорошенько, стоит ли того, чтобы мне обвинять себя — и вышло, что я совсем не виновата. Поэтому и объявлять нечего и винить себя незачем, и тревожиться нет надобности.

А что ты сделал с моим соседом Макалютиным, что он долго не возвращается, да и ты ничего не пишешь о нем. Приласкай его, Левочка, и помоги ему по делам его, все лучше, когда близкий сосед доволен нами и хвалит нас. Напиши мне, в каком положении дела его.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 3 декабря 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 142—143.

66

3 декабря 1850 г. Рыскино

Левочка, ангел мой, позволь поклониться тебе в ножки и попросить за новоторжского исправника. Прилагаю здесь кучу бумаг: 1-е просьба о принятии маленькой Максимовой в заведение; 2-е свидетельство о дворянстве; 3-е свидетельство о здоровье; 4-е свидетельство о рождении; 5-е такое же об обучении. — Чем подавать ему прошение кругом, я рассудила взять у

него все бумаги и переслать их к тебе, а тебя прошу, мой бесподобный Левочка, передай их сам Гофману52 и попроси, чтобы малютку Максимову приняли, и ежели ее не примут, то я умру, — так и скажи ему.

В 1851 году будет прием в Смольный монастырь. Я советовала им просить помещения на Александровскую половину; но тут принимают не моложе 11-ти лет, а девочке только девятый год. На благородную же половину принимают и осьмилетних. Роду она дворянского хорошего, потому что состоит в 6-й книге, как по статусу благородной половины Смольного монастыря

предписано принимать. Старинного дворянского происхождения, но родились бедны и не могут воспитывать ее дома, а хочется дать ей образование. Нынче и в Торжке много образованных девиц из казенных заведений, также бедных родителей.

Максимову от того в просьбе поместили на благородную половину, что по летам ее на Александровскую половину не примут; но ежели примут, то они всем будут довольны, лишь бы девочку поместить. Они говорят: “За все будут благодарны”. Но мне не Максимовы важны, а новоторжский исправник; от имени его и просьба написана. Но не от того он мне важен, что просьба от него написана, а потому, что мне хочется ему угодить; а угодить хочется оттого, что я ему много обязана; а обязана оттого, что у меня в его уезде около 600 душ и всегда есть до него просьбы, которые он исполняет так превосходно, так справедливо и так скоро, что я не знаю, чем отблагодарить его. Немудрено, что я желаю воспользоваться настоящим случаем угодить ему.

Ежели прошение на имя Императрицы не так написано, то пришли нам сюда черновую форму, чтобы переписать вновь. Попроси хорошенько Гофмана, чтобы он поместил ребенка, а мне уж этим так одолжишь, что я готова благодарить тебя день и ночь.

Получила я календарь, за который целую твои ручки, и в нем положенную записку о деле рукинских крестьян. Ты пишешь, Левочка, что хлопотал за них потому, что считал дело их правым. Оно и есть правое, а это наследники теперь делают крючки, потому что им хочется имение получить. У Марьи Ивановны была мать Авдотья Ивановна, которая, будучи незаконнорожденною, получила от своего отца свое имение по купчей. Поэтому уж оно из рода вон? После того, мужа ее имение продавалось с публичного торга, она его выкупила, и поэтому оно также из рода вон. Теперь придираются к тому, что ей не дано было по данной. Да ведь и я купила Каменное без данной, и неужели Благовы будут мои наследники, ежели мой род прекратится? Дело в том, что у рукинских крестьян нет никаких документов; а наследники за рукинские же деньги отыщут документов сколько нужно.

Целую твои ручки миллион раз, мой ангел Левочка. Сестру и Соню обнимаю.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 4 декабря 1850 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 143.

67

4 декабря 1850 г. Рыскино

Дорогой Левочка, в той просьбе, которую я вчера к тебе отправила, была ошибка; пропущено одно слово. Ежели ты ее еще не отдал Гофману, то вот другое — не лучше ли переменить?

Целую твои ручки миллион раз, и более не пишу, чтобы поскорее отослать на почту этот пакет.

Что ты сделал с Макалютиным, что до сих пор его здесь нет? — а он мне нужен по моему собственному делу. Отправляй его из Петербурга поскорее, Лева; то есть помоги ему поскорее кончить дела свои.

Левочка, ангел мой, пришли мне, пожалуйста, штемпельных пакетов в два и три лота. У меня все вышли, а это так покойно.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., (1851 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 143—144.

68

(1851)

Недавно ты описывал мне, что бедную Александрову53 — mon oncle L'Empereur Nicolas* — разбили лошади, и к этому говоришь, что и я неосторожна с лошадьми. Но я другое дело: у меня дядя был Николай Семенович, а не Император Николай Павлович. У г-жи Александровой, вероятно, каждая лошадь стоит тысячу рублей серебром, а у меня клячонки, из которых самая лучшая не дороже 75 (рублей ассигнациями). У нее кучер получает конечно сто (рублей серебром) в месяц жалованья, а у меня кучером мой староста, который скорее сам умрет, нежели меня уронит или ушибет как-нибудь. Тебе, верно, про мою смелую езду рассказали сестра с Соничкой. Это оттого, что они обе ужасные трусихи, да притом Соня однажды с моих же дрожек упала и ушибла себе нос до крови, то ей не мудрено бояться. А со мной этого не случалось да и случиться не может, потому что я очень осторожная, мои лошади пресмирные, только шибко бегут, так это ничего, только очень весело и удобно. И Соничка оттого ушиблась, что соскочила с дрожек, а если бы усидела на них, то ничего бы и с нею не было. Но здесь она ужасно меня смешила своими опасениями за меня, как будто я езжу на каких-нибудь буйволах. А все-таки это доказывает ее ко мне привязанность, спасибо ей. Я и ночью не боюсь ехать на этих лошадях со своим кучером; раза два я ехала впотьмах от Выдропуска до Рыскина шибко бойко, легко и так хорошо, что ни разу меня не трехануло, даром что проселком ехали. Дорога знакомая, кучер надежный — чего же тут бояться? А на страшных лошадях я сама ни за что не поеду. А что бедная Александрова? Есть ли ей лучше? К этому я вспомнила, что от ушибу очень хорош рижский бальзам, а к этому я вспомнила, что ты мне обещал прислать этого бальзама, да видно забыл. Пришли мне его, Левочка, сделай милость. Я думаю, можно его и в Петербурге достать, а ежели нельзя, то верно у тебя есть частые сношения с Ригою и можно оттуда выписать. В деревне это чудесное средство. Не раз я им вылечивала такие ушибы и такие разрезы, от которых умереть можно, а рижский бальзам залечивает в несколько часов.

Скажи, пожалуйста, Левочка, куда писать к Николиньке. Он в разных местах, и я не знаю, где поймать его. Я думаю, как он пользуется теперь хорошею погодою там на юге, а у нас уж хорошая погода, наконец, прошла. Это лето было в наших краях самое южное, малороссийское, итальянское; зато какие были овощи, какие фрукты, это чудо. Персики, яблоки, сливы огромные и такие сладкие, что я отродясь не едала.

Потрудись, Левочка, прилагаемое английское письмо передать крестнику Шишкову. Кажется, он в Петербурге.

Ты пишешь, Левочка, что Коля наш в большой тревоге на счет полка, который дадут ему или нет. Мне кажется, что уж если не миновать ему полка, то чем скорее, тем лучше — пройти это болото, да и на другую должность. А то эта беда все-таки впереди, между тем время проходит даром. Если бы не давали ему полка, оно бы лучше, но когда Государю так угодно, вероятно, он не переменит своих мыслей по нашему желанию. Так уж лучше бы поскорее отделаться, да и только.

Прощай, мой ангел, целую твои ручки миллион раз. Будь здоров и весел. У нас уже снег и мороз в 10-ть градусов, а у вас как? Кланяйся брату Павлу Матвеевичу от меня.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., (1852 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив

свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 147—148.

72

(1852)

На сдачу гусарского полка никогда менее не берут и не дают, как 40 (тысяч рублей ассигнациями), как бы полк хорош ни был. Я слышала это от М. П. Родзянки, от его

родственников, в Михайловке от гусар, которые там стояли в окрестностях, и в Петербурге, и в Москве, от всех, знающих это дело. В течение шести лет моего здесь в Рыскине заточения, я никого не вижу и ни с кем не говорю о приеме и сдаче Гусарских полков; но, вероятно, в такое короткое время такие давнишние законы не могли измениться, и, ежели Николинька поделикатится, он может потом дорого за это поплатиться. Мне кажется, Левочка, всего лучше бы ему обратиться за советом на этот счет к ген(ералу) Типольду, который служа так долго в кавалерии, зубы съел на этом деле. Твои советы насчет поведения с офицерами превосходны, но в финансовом отношении насчет приема полка, ты, мой ангел, не можешь так знать хорошо, как Типольд, который сам командует Кавалерийским полком, и это у него не первый. Ум хорош, два лучше; но мне кажется, непременно надо с ним посоветоваться. Гусарские полки самые дорогие и потому и не надо зевать, когда принимаешь такой полк. Скажи пожалуйста, Левочка, от кого Николинька будет принимать свой полк?

Благодарю тебя, мой ангел, за твою милость, что ты приказал дать 10 (рублей серебром) моему крестнику на рубашечку. И он, и я, и его родители благодарят тебя. Деньги эти я положила особо для твоего тезки и отдам в сохранную казну при первом случае. Но, Бог знает, будет ли жить этот ребенок. Такой хворый, что каждый день при смерти.

Я все думаю, как лучше ехать мне к Николиньке. Мне хочется ехать на Петербург, чтоб и с тобою повидаться и чтобы ехать в Слоним по Варшавскому шоссе, а не проселком. Я рассчитываю, что на машине тоже будет стоить, ка!к и на почтовых, а в своей карете покойнее. Я свободна пить, есть, почивать, отдохнуть, как мне угодно. На машине, говорят, очень надоедает стук машины, рев ее, когда выпускают пар перед станциями, постоянное трепетание вагонов, храпение от хода всего поезда, шум кипящей воды, дребезжание всего железа, стукотня рам в окошках, а также и то, что нельзя уснуть спокойно; хотя кресла широкие, но все же в креслах мудрено уснуть. Притом, для поклажи очень неудобно и дорого за нее платить, по 60 (копеек серебром)) с пуда. Ежели ехать только в Петербург недели на две, то поедешь налегке, а ехать за тысячу верст на несколько месяцев, надо и белья побольше и вещей себе и людям. Поэтому я хочу поставить карету на полозки и ехать на почтовых, а из Слонима придется возвращаться уже на колесах, то я и колеса от кареты возьму с собою. Как ты думаешь, Левочка, посоветуй мне, как лучше ехать. Ведь в своем экипаже покойнее, хоть оно и дольше. Если бы я отсюда и на машине до Петербурга доехала, все же из Петербурга до Слонима не в чем ехать. Ежели в нашем большом возке, то как же я назад попаду, ежели в почтовой карете, то в мои лета и с непривычки очень беспокойно быть постоянно в зависимости. Так уж всего лучше ехать в своей карете до места и обратно так же. Не так ли?

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 10/13 января 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 144—145.

69

10 января 1852 г. Рыскино

Что это, Левочка, так давно нет писем от тебя? Здоров ли ты? Последнее было от 2 января, а сегодня уж 10-е. Если от недосуга, то Бог с тобой; если же ты нездоров, то это меня пугает. Когда сам не можешь, или слишком занят, вели кому-нибудь написать ко мне хоть два слова, что

Когда сам не можешь, или слишком занят, вели кому-нибудь написать ко мне хоть два слова, что ты здоров, а то привыкши получать от тебя такие частые письма, как пройдет неделя без писем, я и стану задумываться, и на сердце станет тяжело, и все так и кажется, что ты не занемог ли?

Благодарю тебя, мой ангел, за сообщение мне письма брата Павла Матвеевича. Добрый он родственник. Но напрасно, душечка ты мой, так хлопотал о сестре Ольге Дмитриевне. Навязываться очень неприятно кому бы то ни было. Я думала навестить ее, потому что мне говорили, будто бы она очень желает меня видеть. Но видно, это пустяки, то и Бог с нею. С какой стати мне ездить к ней, когда она этого не желает?

В самом деле, какие наши пустые русские барышни! Какое им дело вмешиваться в французские дела. Лучше бы их из Франции выслать, чем давать им срамить русское имя. Жаль, что Государь не прикажет нашему посланнику дать им предписание выехать из Парижа.

А в нашем Рыскинском Царстве вот что делается. У нашего прикащика Филимона родился сын, которого в честь вашего Превосходительства назвали Леонтием, а я буду его крестить, а потому моего крестника, а вашего тезку честь имею рекомендовать. Филимон в большой радости, у него три дочери, и насилу он дождался сына. Есть у него дочь Анна, моя же крестница, а теперь будет и Леонтий, мой же крестник.

Вчера сделалось несчастье на железной дороге. В Спирове, какой-то барин упал под вагон и колесом отрезало ему голову. Не знаю, кто он такой, говорят, какой-то чиновник.

Милый мой Левочка, ты так добр, все зовешь меня в Петербург хоть на недельку. Уж изволь дождаться теплой погоды, а то весьма неловко возиться с шубами и всяким кутаньем, когда надо так спешить и торопиться; пока выйдешь на станцию, да снимешь шубу, да опять ее наденешь, так и машина уйдет. Рассказывают, что одна барыня недавно вышла на станцию из вагона 2-го класса, а ее горничная из вагона 3-го класса. Как зазвенел колокольчик, горничная, будучи проворнее своей госпожи, поспела в свой вагон и села на свое место, а барыня осталась, и машина уехала без нее. Каково же ей было оставаться на станции целые сутки без горничной, без вещей и еще потерять деньги за взятое место в том поезде, где она села первоначально. А я, возьми в соображение, что я худо вижу, ноги так слабы, что я в комнате на гладком полу спотыкаюсь, да я на каждой станции останусь, и машина уедет без меня, а ведь ехать всю ночь, нельзя не выйти из вагона. Все-таки летом и легче и веселее; светло, окна не замерзши. Можно и в окно посмотреть и окно открыть, а зимою сиди закупоривши. Прощай, мой ангел, целую твои ручки. Благодарю тебя за чудесные закуски, которые я получила.

13 января

Прилагаю записку Цвылева к его сыну, по которой, мой ангел, прошу тебя получить 350 (рублей) серебром и распорядиться следующим образом. 26-го июля был срок платежа процентов в опекунский совет, следовательно 26-го этого месяца будут полгода, до которого не надо допустить. 26-го июля следовало внести серебром 142 (рубля) 80 (копеек); с тех пор начинается просрочка, не знаю сколько. 22 сентября еще срок платежа процентов; первый начальный взнос 87 (рублей) 60 (копеек) серебром — здесь просрочка небольшая, но как всего капиталу по этому займу остается только 192 (рубля) 74 (копейки), то мне захочется этот заем уничтожить, и оттого прошу тебя, мой ангел, все, что останется от 26-го июля, внести в уплату 22-го сентября, как и сколько причтется.

Ты мне квитанции присылаешь очень скоро и аккуратно; но все-таки позволь попросить тебя о них не забыть и переслать ко мне как скоро их получишь, потому что я всегда их ожидаю с большим нетерпением.

Скажи пожалуйста, Левочка, сестре Александре Константиновне, что я прошу ее меня извинить; она просила прислать широкого холста для закатыванья белья; я это и сделаю, и еще нужно толстого холста для обшивки посылок; но с тех пор, как я получила ее письмо, не было случая в Волочек. Как только зачем придется туда посылать, то я отошлю на машину вымеренные

Волочек. Как только зачем придется туда посылать, то я отошлю на машину вымеренные холсты.

С Катериной Николаевной, мой ангел, сделай милость не заводи хлопот. Зачем придираться? Ты говоришь: друг мой, что ежели она тебя позовет, ты также скажешь, как она, что у тебя свои гости. Душечка, бесподобный Левочка, оставь барыне пикироваться между собою, а ты будь выше таких пустяков. Ведь дети-то ее, а не твои, так что тебе за дело, что она ими распоряжается. Ты такой мудрый человек, тебе ли обращать внимание на все дрязги. Пусть ее блажит; ведь ты не опекун ее, у тебя и то много дела, что тебе соваться с барынями, которым от

нечего делать всякая дичь лезет в голову. Пускай другие капризничают; какое нам дело до них. Лишь бы мы были сами равнодушны к чужим капризам. Вот если жить в одном доме с капризною барынею, это хуже; но тебе что до Екатерины Николаевны? Слава богу, от нее не зависишь, не ее милостями живешь. Но лучше все-таки иметь в ней друга, чем врага. Я знаю, как она тебя уважает и любит, то зачем с ней ссориться? Оставь ей ее причуды, а сам будь великодушнее. Не отплачивай за неприятность неприятностию, спусти ей неделикатный поступок; она почувствует доброту твою и еще более будет любить тебя. А если не почувствует, ей же хуже; махни рукой, Бог с нею.

Извини меня, мой ангел, что я говорю свое мнение. Ведь впрочем во всем твоя воля, как хочешь так и делай. А знаю только то, что ты прислал мне Иллюстрацию, да Готский альманах, да памятную книжку, за которые низехонько тебе кланяюсь, благодарю и целую твои ручки миллион раз. Будь здоров и береги себя, помни, что ты уже в таких летах, что надо беречься. Не сделай, как Полозов. Остерегайся простуды пуще всего, зимою от простуды сущая беда.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 4 февраля 1852 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 146.

70

4 февраля 1852 г.

Сегодня дети уже уезжают, дорогой Левочка, а я еще не собралась сказать тебе, как я была счастлива их приезду. Эти дни мы провели так приятно и весело, что пересказать нельзя, особенно вчера, день именин моих.

Жаль, что вы не пускаете меня теперь в Слоним. На будущий год Николинька обживется там и мое посещение будет тогда вещь лишняя! Теперь, на первое время, чуть и нужнее бы, чтобы с ним был близкий человек, который бы беспрепятственно ободрял его. Но что же делать, Николинька сам не хочет, чтобы я ехала, а, разумеется, против его желания было бы безрассудно навязываться.

Благодарю тебя, мой ангел, за все присланные тобою подарки и лакомства. Ты мне сделал два подарка на мои именины, прислал мне материи на платье и прекрасный иконостас для нашей церкви. Миша вынул его сам из ящиков и расставил его в большом зале, около стен и мы по нескольку раз в день ходим им любоваться. Живопись на образах мне очень нравится, кисть мягкая и искусная. Жаль мне только, что все это так тебе дорого стоит и церковь наша не готова.

Не могу я много писать, мой ангел; и рассеянна я, и руки дрожат, и вот только скажу тебе, как я обрадовалась, когда узнала, что Николинькин дивизионный начальник наш старинный приятель Гротенгельм54.

Напиши ему, Левочка, и дай это письмо Николиньке, а в письме попроси Гротенгельма, чтобы он твоего сына любил, не оставлял бы его своими советами; а Николинька уж наверное будет заслуживать его дружбу к себе и расположение своим усердием и желанием исполнять свои обязанности по службе. Напишешь, Левочка, не правда ли? А мне пришлешь копию с твоего

обязанности по службе. Напишешь, Левочка, не правда ли? А мне пришлешь копию с твоего письма, мне хочется знать, что ты напишешь.

Зачем ты тратишь на Колю? Ведь он и сам богат. На что же это похоже, что у него деньги будут лежать в ломбарде, а твой дом скоро провалится тебе на голову? Я хотела стенку под кабинет сделать на свой счет, но слышу, что ежели тронуть дом, надо все переделывать. Зачем это ты, мой ангел, деньги, которые накопил на переделку дома, все их истратил на Николиньку, тогда как у него свои деньги есть? Конечно, твоя родительская любовь не имеет границ, я это знаю, но у нас у всех сердце болит, что его деньги будут лежать, а ты останешься в таком доме, где

становится жить опасно.

Извини мне этот выговор, но ведь ты не знаешь, как ты всем дорог нам и необходим для нашего счастья, то даже из любви к нам, ты должен беречь себя.

Прощай, Левочка, обнимаю тебя от всей души и молю Бога, чтоб ты был здоров и, елико возможно, весел. Что до Николиньки, то я уверена, что с его милым характером он всех привлечет к себе и все из любви будут еще лучше угождать ему, чтить из страха. Обнимаю тебя, мой ангел.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 25/26 февраля 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 146—147.

71

25 февраля 1852 г. Рыскино*

Как мне прискорбно, дорогой Левочка, что твой Александр сделался вором. Его бы следовало отдать в рекруты, но это мы всегда успеем. Ты спрашиваешь, мой ангел, что с ним делать? Пришли его сюда в Рыскино, авось он здесь исправится. Только сделай милость, не отдавай ему хорошего платья, я его сперва в горницу не возьму, то ему немецкое платье и не нужно. Пусть походит в Аром кафтане, за наказанье. Все здешние дворовые и лучше его поведением, да ходят же в Арых кафтанах, и ему это послужит к исправлению.

Ему даже и опасно отдавать хорошее платье. Он его пропьет и тем будет иметь средство поддерживать свои порочные склонности. Ежели он исправится, он будет нужен мне, ежели будет продолжать дурно вести себя, то при первом наборе отдам его в рекруты. Но прежде надо испытать, может быть он исправится.

26-го февраля

Вчера получила я письмо твое, Левочка, где ты пишешь, что нашему Николиньке такая дурная дорога. Неужели по шоссе проезду нет? Надо надеяться, что дальше, то меньше будет снегу и на колесах будет ехать хорошо. Но как же это полозни у него под дормезом изломались? Верно, были не кованые?

Ну, как я рада, Левочка, что иконостас не так дорого стоит, как я думала. А как ты пишешь, мой ангел, что образа и дерево с позолотою, с рамами, все это обошлось даже меньше тысячи серебром, так это уж и очень дешево, особенно по нынешней дороговизне. Ангел мой, ты радуешься, что мне нравятся иконостас и образа, да как же не нравиться? Ведь так мило и прекрасно; живопись примечательно хороша, иконостас чистенький и красивый, как же не нравиться? Сверх того, твой это дар, от чего эта святыня для меня вдвое драгоценнее.

Скажу тебе, Левочка, что есть одно обстоятельство, которое меня немного беспокоит. Николинька мне сказывал, что к его обозу ты хотел приставить жандарма. Вот я и боюсь, чтобы тебе за это не было какой неприятности. Поедет обоз по Варшавскому шоссе, кто-нибудь увидит

жандарма при обозе, спросит, донесет об этом. Беда! Уж ежели и дал ты жандарма, то уж графу своему скажи, чтобы в случае он мог постоять за тебя. Впрочем, ты, конечно, сам лучше знаешь, как поступить, только признаюсь тебе, что меня этот жандарм при обозе как-то беспокоит.

По милости твоей я получаю новые номера Иллюстрации. Скажи, Лева, прочитав их, к тебе отсылать или посылать их прямо к Николиньке? Но я думаю, если отсюда послать в Слоним, оно долго будет в дороге — как прикажешь распорядиться с этим, мой ангел?

Скажи, пожалуйста, что мне отвечать Благовой? Она просила о сыне и о внуке. О сыне Николинька просил П. Н. Игнатьева, чтобы его перевести на Кавказ, и Павел Николаевич обещал. А о внуке ее, круглом сироте, чем решено? Принят он или будет принят в Московский корпус или нет? Уж не знаю, поймешь ли ты это. Спать хочется.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 3 марта 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 148—149.

73

3-го марта 1852 г. Рыскино

Ты удивишься, Левочка, нашедши здесь кредитный билет в 3 (рубля серебром)? Эта бумажка фальшивая; не знаю, откуда она мне попала, но чем ее жечь, как бы оно следовало, я вздумала переслать ее к тебе. Может статься, не послужит ли она как-нибудь к отысканию мошенников, которые ее состряпали.

Ангел мой, благодарю тебя за справку о ремнях из гуттаперчи. Но зачем же их покупать? Они слишком дороги, да и тут сказано, что их надо употреблять, когда колеса в воде, а наша машина не в воде работает, и потому это была бы дорогая и напрасная издержка. Между тем, благодарю тебя за предложение купить эти ремни, но прошу тебя их не покупать — и дороги и не годятся нам. Я только об этих ремнях узнать хотела, что они такое. Теперь по крайней мере думать о них не стану и отложу всякие намерения заводить их у нас. А тебя, мой ангел, тысячу раз благодарю за твою всегдашнюю готовность помогать мне.

Сокрушаюсь я крепко о положении нашего Николиньки и страх боюсь, чтобы он не поплатился своим здоровьем. Скажи, пожалуйста, нельзя ли бы ему полка не принимать, пока смотр не отойдет. А то все вдруг, это можно в постель слечь, да и как же ему брать на свою ответственность чужие ошибки и недостатки. А не знаешь, Лева, от чего Государь послал из Петербурга делать смотр именно этой дивизии? Всегда так делается или вышел какой особенный случай?

Слава Богу, что ты, как пишешь, доволен так Мишинькой. За твои добродетели Бог посылает в детях утешение. А помнишь, как ты бывало унывал. Мое сердце угадывало вернее, когда я уверяла тебя, что и Миша будет хорош. Что ж делать, не всякий родится таким отменным, как Николинька. Он-то нас и избаловал, что видя от него одно утешение, мы не могли сносить пылкости Мишиной, которая была причиною всех его ошибок. Коля родился, рос и возмужал каким-то фениксом; Миша перенес все слабости и недостатки человеческие и теперь, очистившись в горниле опытности, почти сравнялся в нравственном отношении с Николинькой. А как они умны оба? Когда они вместе и их слушаешь, то надивиться не можешь, чтобы столько нашлось ума, рассудка, логики, даже мудрости в двух таких еще молодых головах. К Николиньке я привыкла, а Миша всегда такой резвый, ветреный, софист, как он сделался рассудителен, это меня восхищает. Иногда слушаю его с восторгом, сердце так и прыгает от радости, что он так умело и мило говорит. Славные дети, нечего сказать. Благодарю Бога, в особенности, что они тебя так утешают. Ты так много для них сделал по службе, так счастливил их своею добротою и щедростью, что надо тебе получать от них утешение, зато и любовь их к

тебе неописанна. Дай Бог тебе здоровья за Шепелева. Как он будет рад получить свои деньги.

Ты пишешь, Левочка, что не советуешь Александре Ал(ексеевне) выходить замуж. Но знаешь пословицу: "хоть щей горшок, да сам большой". Ей надоела зависимость и хочется пожить своим домком. Жить со мною, надо мне угождать, меня покоить, делать мою волю, а не свою, но уж она и немолода, ей хочется и на своей воле пожить и себя попокоить. Как же это иначе сделать, как не замужем? Не будет она жить богато, ни роскошно, но будет сама хозяйка, сама себе госпожа; а это-то ей и дорого в ее лета. Служить другим, зависеть от других ей наскучило. Хочется для себя пожить. Бог с нею, Левочка, пусть выходит замуж, не мешай ей.

Я сегодня получила твое письмо, мой ангел, где ты пишешь, что Кат(ерина) Ник(олаевна) Орлова приводила тебе дочь55 Марьи Ник(олаевны) Волконской, вышедшую замуж за Молчанова, чиновника особых поручений при Муравьеве. Ты жалеешь о молодой этой женщине и говоришь, не то бы она была, если бы отец56 не попортил ее будущности. Но слава Богу и то, что она вышла хоть за титулярного советника Молчанова. Фамилия хорошая, и ежели он сам порядочный человек, то родные жены подвинут его вперед очень скоро. Но как странно думать, что у Машиньки Раевской, этой еще в Киеве при нас едва выровнявшейся девице, которую замужем за Волконским я даже и не видела, — что у нее уже дочь замужем!

Забываешь, сколько лет прошло, а все представляется человек в том виде, в каком помнишь его в последнее свидание. Это чувство Вальтер Скотт сколь чудесно выразил в Астрологе, помнишь, там учитель Самсон, который потерял своего ученика Генриха лет шести, когда тот возвратился домой двадцатилетним молодым человеком, то бывший его гувернер Самсон при первой радостной встрече по его возвращении говорит ему, обнимая его со слезами:

"Ah! Bonjour mon cher Henri! Comment je suis content de vous revoir. A present nous reprendrons nos lecons interrompues par votre disparition. Nous reprendrons votre grammaire et calcul, etc.*

Самсону казалось, что его ученик все тот же маленький Генрих, который учился у него первым началам арифметики, а этот Генрих уж думал о женитьбе, был в Индии и так далее. Вот и мне все еще кажется, что я вижу Машиньку Раевскую лет семнадцати, высокую, тонкую, резвую, едва вышедшую из детства — а тут слышу, что уж у нее дочь замужем.

Увидишь Екатерину Николаевну Орлову, очень кланяйся ей от меня, спроси о ее сестрах Елене и Софье57, а также о брате ее Александре Николаевиче58 и его дочери. Какое там было цветущее семейство в Киеве, а теперь как все разбросаны! Кто в земле, кто в Италии, кто в Сибири, а какое было семейство.

Скажи пожалуйста, Левочка, чем кончилась история с власовской ревизией?

Возвращаюсь к Николиньке. Ты опасаешься, чтобы он не делал таких же промахов по службе, как сделал со своей ревизией; но я примечала всегда, что касается службы, то он очень аккуратен. Как он учился в корпусе, как приготовлялся к экзаменам — это была служба. Как были им довольны, когда он был полковым адъютантом; даже Великий Князь Михаил Павлович был доволен. В прошлом году в Кинбурге** он исполнил данное ему поручение с полным усердием. Теперь утопает в польской грязи для отыскания порученных ему рекрутских партий, и я уверена, не даст себе покою, пока не исполнит в точности все, что должно. Поэтому я и думаю, что он газеты читает только тогда, как нечего делать, а как скоро дело есть, он так же исправен, как и ты сам. Но ведь и газеты, особенно иностранные, составляют современную историю, и их нельзя не читать.

Благодарю, мой ангел, за чудесный чай и за все остальные закуски, которые я получила.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 7 марта 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 149—150.

74

7 марта 1852 г. Рыскино

Ты пишешь, Левочка, чтобы я не боялась 52-го года, что годы високосные опасны только до 29 февраля. Хоть я вполне в этом уверена, но я високосов не боюсь, но боюсь того, что в 1832 году скончался батюшка, в 1842 г. скончалась матушка, а ныне 1852 год. Вот чего я боюсь.

Странно, что у нас здесь происходит сильная натуральная оспа. Захватила всех детей, и те ее не избегли, у которых была привильная коровья оспа. Спроси, пожалуйста, знакомых медиков, от чего такой феномен?

Власовский правитель, Евстигней Абакумов, доставит тебе тысячу рублей серебром. Когда примешь от него эту сумму, мой ангел, сделай милость для его поощрения подари ему из этих денег по копейке с рубля, то есть ежели он выручит тебе тысячу (серебром) дай ему 10 (рублей серебром), ежели меньше, дай меньше, ежели больше, дай больше, по расчету. Притом скажи ему два-три ласковых слова, чтобы он всеми силами старался служить Николаю Леонтьевичу, а мы за то не оставим его. Чтобы возвышал доходы, улучшал пашню, берег леса, скот и вообще наблюдал бы все господские выгоды. Полученные от него деньги потрудись прибрать у себя, пока я или Николинька попросим тебя о том, что с ними делать.

Сделай милость, Левочка, пришли мне почтовой бумаги в листиках и такой же тонкой как эта, на которой теперь пишу. У меня как-то была, но такая толстая и грубая, что на ней писать трудно, да и больше лота тянет, а эта очень хорошая. Такой пришли. Ольга Александровна Благова спрашивает меня о переводе ее сына на Кавказ и о приеме внука ее Кондратского в Московский кадетский корпус. Что мне отвечать ей? О ее сыне Николинька просил П. Н. Игнатьева и он обещал. Сын этот вот что такое. Он дурно учился и его выгнали из Московского благородного пансиона. Он тогда вступил вольно-определяющимся в войска, около Черного моря, но как там долго не производят в офицеры, то ему хочется выслужиться на Кавказе и просит мать хлопотать о нем, а она мне покою не дает. Он служит рядовым, не помню в каком полку. Коля подал об этом записку Игнатьеву, где служит молодой Благов и куда просит, что б его перевели. Перевести его рядовым же в такой полк, который всегда в деле против горцев, не составляет огромной милости, а между тем молодому человеку открывает дорогу к выслуге. Сделай ты милость, Левочка, окажи помощь не для него, а для бедной матери. Как ни огорчил он ее, а все-таки материнское сердце болит за него.

Что касается до внука Кондратского, она пишет, ей говорили ее знакомые, будто бы читали в газетах, что он принят. Она сама в газетах не читала, а знакомым не верит и просит тебя, чтобы ты потрудился в этом удостовериться и меня уведомить, точно ли ее внук, Александр Кондратский, принят в Московский корпус, чтобы не пропустить срока, когда его туда представить. Сделай что можешь, Левочка. Еще раз благодарю тебя за помощь, оказанную Шепелеву. Общий ты благодетель всех и всякого. Дай Бог тебе здоровья.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 12 марта 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 150—151.

75

12 марта 1852 г. Рыскино

Ну вот видишь, мой ангел Левочка, ты не пустил меня к Николиньке, а ведь он может и много таких ошибок сделать в Слониме, как сделал в Петербурге; что поехал в дальнюю дорогу зимою на колесах? Оно проще было бы поставить дормез на полозки в Петербурге, а по своей

неопытности он сделать этого не догадался, да и промучился дорогой, да и пролежал на боку. Точно такие же простые случаи могут встретиться с ним и в Слониме, он не приметил или не сумеет предвидеть, да и опрокинется как-нибудь, чего Бог сохрани, но всякое может случиться. Если бы я была в Петербурге, я бы не допустила его ехать на колесах, потому что так много ездила зимою и знаю, в России в феврале ездить на колесах невозможно. То же самое может случиться и в Слониме, что он самой пустой вещи не приметит, а я бы смотрела во все глаза, да подчас и надоумила бы его. Ты боялся, Лева, что мое присутствие наделало бы ему развлечений? Да разве я гостья чужая, мой друг, что ему бы надо было возиться со мною? Я слишком люблю своих детей и могу сказать, слишком рассудительна, чтобы обременять их собою по-пустому.

Когда им досужно, очень натурально, что я желаю их видеть побольше, но где служба, тут совсем другое дело. Нужна я, со сцены не сойду, мешаю, я сейчас и за кулисы.

Что я не поехала, мне же лучше. На месте покойнее и тысяча серебром остались в кармане; но я желала ехать, чтобы ему быть полезной, а после истории о полозках еще более уверена, что я во многом бы помогла ему и его бы надоумила.

Ты говоришь, Лева, что как за Гатчиною есть люди, так они тоже люди и потому продали Николиньке дрянные полозки под его экипаж. Но я думаю, других, лучших не было. Где ж там достать хороших полозков? Коле следовало бы поставить дормез на зимний ход на месте в Петербурге, на полозки, крепкие прочные окованные железом, как следует. А то где же можно достать дорогой на какой-нибудь маленькой станции хорошие полозки, да еще окованные? Извини меня, Левочка, что я так много толкую о полозках, но это опять от того, что я опасаюсь, чтобы такие же истории и промахи не встретились с нашим гусаром и в Слониме. Несмотря на свои 32 года, живя постоянно под твоим крылышком, он мало знает трудности жизни и не привык с ними бороться.

А я как помогала ему в детстве и в юношестве, так помогала бы и теперь, не полком командовать, а усматривать те простые случаи жизни, которые кажутся иногда ничтожны, но бывают иногда чрезвычайно важны по своим последствиям. Жаль, что ты с Николинькой не пустили меня ехать за ним.

16 марта

Третьего дня, в пятницу, были у меня дорогие мои Корсаковы, обедали, пили чай и ввечеру уехали часу в осьмом, уже при свечах. Я так была им рада, что трудно выразить. Люблю их до безумия, а уже лет пять не видела. Они так меня расшевелили, что я чуть не поехала вслед за ними в Тарусово. Какие милые, умные, добрые, образованные люди! Как с ними весело время идет, да и то много значит, что эта привязанность с детства.

Целую твои ножки за чудесные закуски. Этакие славности ты прислал!

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 23 марта 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 151.

76

23 марта 1852 г. Рыскино

Господи, какой ты добрый, Левочка! Как твое внимание драгоценно. Так ты занят, а всякую безделицу помнишь. Какой чудесной провизии ты прислал для Корсаковых и как много. Этакие славности, это чудо, как все вкусно и свежо. Еще же и почтовых листиков как ты скоро мне прислал; уж я их получила и на них пишу. Вместе с листиками я нашла много почтовых пакетов однолотных и двулотных, за которые также приношу много чувствительную благодарность; но прошу тебя, мой ангел, более этих пакетов мне не присылать, потому что в Вышневолоцком почтамте их можно достать сколько угодно, и я уже несколько раз их покупала там.

почтамте их можно достать сколько угодно, и я уже несколько раз их покупала там.

Еще ты спрашиваешь меня о зонтике, отчего я заказывала зонтик в Твери, а не просила тебя об этом. Так это вот что было: у меня был старый зонтик, которого скелет весь был цел, а только изорвалась материя. Приехала ко мне Благова из Твери и увидела этот зонтик, посоветовала обтянуть его новой материей и взяла с собой этот оборванный зонтик. Из Твери она мне написала, что эта переделка будет стоить 4 (рубля серебром) — я послала ей деньги, а она при случае доставила мне зонтик, который очень хорош и еще послужит долго. Тебя беспокоить переделкою зонтика я бы не осмелилась; да в Петербурге оно и дороже и пересылка

затруднительна, а тут Благова взяла старый с собою в коляску, а новый привезла мне с собою Дурнова в возке, вот и все, скоро, дешево, удобно. Тебя, мой ангел, я о том прошу, что здесь не достать, а что здесь достать можно, то зачем же тебя беспокоить?

А что Благова желает сына перевести в те полки, где служба, как тебе говорил Наследник, равняется каторжной работе, так она этого желает по просьбе сына, которому хочется быть поскорее офицером; вероятно, по трудностям службы и производство в тех полках больше, — о переводе сына, Левочка, ты мне писал; теперь напиши мне что-нибудь о ее внуке, Кондратском, которого они просили определить в Московский корпус. Она меня беспрестанно об этом спрашивает, а я не знаю, что отвечать.

Каково-то у вас, а здесь погода чудесная, тепло, светло, снег тает, в оных местах уже земля начинает показываться. Нетерпение мучит однако ж, хочется поскорее настоящей весны: сухих дорожек, травы, зелени на деревьях. Предвесеннее время кажется очень продолжительно, потому что хочется, чтобы оно скорее прошло. Время распутицы очень надоедает, никуда послать нельзя — а сама ходить по снегу я никак не умею. Как-то была в Ильинском у обедни, зашла к священнику, а выходя от него, чтоб садиться в свои сани, поскользнулась да и полетела со всех ног ничком. Оно и смешно и неприятно да и можно ушибиться. А без снегу то ли дело, ходи себе сколько угодно по сухой земле. Прощай, Лева.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 31 марта (1852 г.) Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 151—152.

77

31 марта (1852)

Христос Воскрес!

Дорогой Левочка, поздравляю тебя с праздником и желаю, чтобы ты провел его беспечально. Не знаю что у вас там делается. Ты пишешь, мой ангел, что нет надежды удержать Мишу в Петербурге, ты сокрушаешься об этом. Но что же делать? Видно Богу так угодно. Миша сам виноват, что стремился на Кавказ, никого не слушая, ни на кого не смотрел и думал, что там заключается все его блаженство. Теперь сам видит, что на Кавказе служба тяжелая и самая неблагодарная. Ее бы надо поставить выше гвардейской, а она хуже армии, где награждаются за смотры точно так же, как за кавказские раны. Может статься, отъезд Миши на Кавказ послужит к его пользе.

Скажи, пожалуйста, Левочка, Слоним в Царстве Польском или нет? Я писала к Николиньке давно уже и до сих пор не вижу, чтобы он получил мое письмо. Как писать к нему, чтобы доходили письма повернее и поскорее.

Что-то у вас делается? Я давно не посылала за письмами, оттого что дорога совсем испортилась. Ни на санях, ни на колесах проезду нет, даже и верхом опасно, скользко, и лошади скользят и падают. Снегу сошло больше половины с полей, а на дороге ни снег, ни земля, где бугры

ужасные, а в другом месте голая земля, смерзшаяся комками. Самое неприятное время для праздника. Еще большая для меня неприятность, что все мои горничные нездоровы, их у меня пять: Надежда, Матрена, Ирина, Фекла и Дуняша. Из них Матрена лежит, Ирина лежит, Фекла давно лежит, остается в горничной одна Надежда с Дуняшей; к ним в помощь я взяла дочь Земского, — зато Надежда все по больным, то ходит, то ездит, а в горнице две девочки, которые еще и служить не умеют. Не знаю, скоро ли это кончится, а скучно жить без прислуги.

Извини, Лева, что я тебе пишу неинтересные вещи; да что ж делать, как интересного написать нечего. А как я тебе благодарна за эти листики, мой ангел. Эта бумага так хороша и на ней

писать ловко и приятно. Обнимаю вас всех и поздравляю с праздниками — тебя, Мишу, сестру, Соничку. Скучны нынче праздники, что погода не хороша.

Ты говел, Левочка, на страстной неделе и я также, и мы в тот же день причащались в страстной четверг. Я все дни тебя вспоминала. Верно? и Миша с тобою и Коля в Слониме также причащались в тот же день.

Я получила присланные тобою чай, окорок и колбасы. Благодарю тебя, мой добрый Левочка, за все твои милости. Целую твои ручки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 9 апреля (1852 г.) Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 152—153.

78

(1852) 9 апреля. Рыскино

Мой ангел Левочка, сделай милость, передай или перешли прилагаемое письмецо к нашему старинному приятелю Шольцу. Тут заключается его рецепт, по которому я на днях брала лекарство из Волочка; но мне кажется, что в вышневолоцкой аптеке сделана ошибка. И поэтому я прошу доброго Шольца сказать мне, так ли понял вышневолоцкий аптекарь его предписание и то ли вещество положено, какое следует. Кроме того, что кажется слово не то, но и действия оказываются другие. В 1831 году у нашего Миши была рвота — Шольц прописал ему рецепт, по этому рецепту рвота унялась очень скоро и я прибрала рецепт как спасительное средство от рвоты в деревне. В настоящее время есть у меня больная, которой муж по неосторожности дал рвотного недели четыре тому назад. С тех пор что ни съест она, что ни выпьет, все ее рвет, как, помнишь, было с покойным князем Гурьяловым в Киеве, тому также дали рвотного, его рвало три месяца и наконец он умер. Вот и мою больную также. Это жена нашего ильинского священника, женщина молодая, хороша собой, славная женщина, как и муж ее, славный человек и бесподобный священник. У них двое детей, из коих меньшая Наташа, моя крестница. А дети-то какие малютки: старшей 3 года, меньшой 5 месяцев. Муж и жена нежно любят друг друга, ему 30-ть, ей 22 года и она почти при смерти от этой рвоты. Кроме того, что мужу жаль жену потерять, но священнику не позволено жениться на другой. То посуди, каково в его лета остаться осужденным на вечное вдовство с крошечными детьми. Да это и меня замучит. Видя его горестное положение Ильинское так близко, сделавшись его кумою, я часто вижу и очень люблю его: этакого священника я еще нигде не встречала — по уму, образованности, добродушию, деликатности. По всем этим причинам я взялась лечить его жену, но что-то плохо идет. Ничем унять рвоты не можем. Был и доктор из Торжка, но он больше повредил больной, пробыв у нее короткое время и не успел хорошенько рассмотреть ее болезни. Чтобы унять

Александра Ивановна Дубельт

рвоту, я отыскала рецепт Шольца, который во время оно удивительно скоро помог Мише, послала рецепт в Волочек, привезли капли, дали больной, но ее стало пуще рвать от них. Я сличила аптечный ярлык с рецептом Шольца и мне кажется, что в аптеке сделана ошибка,

опасная для больной. Чтобы в этом удостовериться, посылаю рецепт самому Шольцу, он его писал, то лучше всех знает, что тут написано, посылаю также аптечный ярлык, чтобы Шольц мог судить, сделана ли в аптеке ошибка или нет. Больная в опасном положении, то мне нужен ответ и нужно получить рецепт Шольца обратно с пояснением как можно скорее. Сделай доброе дело, добрый мой Лева, устрой все это как можно поспешнее и перешли мне ответ Шольца елико возможно скоро. Жаль мне нашего священника до крайности, так что ничем заняться и развлечься не могу.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 13 апреля 1852 г. Рыскино // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 153—154.

79

13 апреля 1852 г. Рыскино

Дело Мишиньки, мой ангел Левочка, конечно так важно, что нельзя не задуматься над ним от всего сердца. Вот увижу его послезавтра, наговоримся вдоволь. Дай Бог, чтобы его выбор послужил к его счастию. Одно меня беспокоит, что состояние у нее невелико, и то состоит в деньгах, которые легко прожить. Миша любит издержки, а от 100 (тысяч рублей ассигнациями) только 4 (тысячи рублей ассигнациями) доходу. Как бы не пришлось им нужды терпеть. Но деньги дело нажитое. Мы с тобой женились бедны, а теперь богаты, тогда как брат Иван, Оболенские, Орловы были богаче, а теперь беднее нас. Всего важнее личные достоинства и взаимная привязанность. Кто бы ни были наши невестки, лишь бы не актрисы и не прачки, они всегда будут нам любезны и дороги как родные дочери. Не так ли, Лева? Но я не понимаю, отчего же не дали слова теперь, а отложили до осени? Ну, а как Миша передумает, как было с Сенявиной.

Ты не пишешь, как зовут нашу будущую невестку, но я спрошу Мишиньку об этом. Когда я заплачу долги свои, то мне будет чем поделиться с Мишинькой, но теперь я ничего не могу ему назначить больше того, что я даю, то есть тысячи (рублей) серебром. Разумеется, все что будет в моей власти отнять от себя и дать ему, будет ему отдано, но уплата процентов в опекунский совет много меня подкашивает. Твои золотые прииски59 также идут хуже прежнего. Много ли ты можешь дать Мишиньке в год?

Ежели это дело состоится, Левочка, Ланские60 согласны ли будут отпустить дочь свою на Кавказ, или Миша тогда перейдет в Петербург? Ты говоришь, Лева, что это дело пока надо содержать в тайне, а Николиньке можно писать об этом? Сестра Алек(сандра) Конст(антиновна) знает про то или нет? Напиши мне, для кого это не тайна?

Верно, уже Николинька писал тебе, как он желает, чтобы ты употребил полученные из Власова деньги — на заказ для себя нового дормеза? Он пишет тебе о тысячи рублях, но ты получил только 900. Однако у Евстигнея есть еще 100 (рублей серебром), которые он тебе доставит как только дорога позволит проехать от Власова до большой дороги. Умоляю тебя, Левочка, целую твои ручки и ножки, употреби эти деньги на сооружение для тебя нового дормеза. Ты нас всех этим разутешишь. Не упрямься, Левочка, это необходимо для твоего здоровья, которое всем нам так дорого.

Ты писал Лева, что жена Федора Федоровича при смерти. Что с нею теперь? А здесь наша ильинская попадья умерла 10-го апреля, вчера ее похоронили. Каково теперь нашему священнику век вековать одному?

Прощай, Левочка, береги свое здоровье. А как бедный Коля наш скучает! Хоть бы теперь ты позволил мне съездить к нему. Что смотреть на людские толки? Неужели мать не может навестить сына, когда он пропадает от скуки и одиночества? Или высватай его на Наташиньке

Львовой61, теперь бы ему необходимо жениться, а она невеста славная. Жаль упустить. Вот бы осенью обоих сыновей под венец в один день — то-то было бы славно, как бы душа радовалась. Похлопочи об этом, Лева, разумеется, с согласия Николиньки. Он тебя послушает. Прощай, мой ангел.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 16/19 апреля 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 154—155.

80

16 апреля 1852 г. Рыскино

Дорогой Левочка, вчера утром приехал Миша со своей большой собакой Татаром, которая преважно сидела возле него в коляске. Удивительно смирная собака по величине своей, красавица видом и шерстью и очень мне нравится привязанностью своею к Мише. После первых лобызаний и аханий над собакой пошли расспросы и толки о невесте. Первое дело мое было спросить его имя, а как узнала, что она Наталья Александровна62, что мать ее Наталья Николаевна, а старшая сестра Марья Александровна63 — ну я так и залилась страстною охотою женить нашего Николиньку на Наташеньке Львовой. И там невеста также Наталья Александровна, старшая сестра Марья Александровна, а мать Наталья Николаевна64. В один бы день сделать свадьбы и обе невестки и тещи одного имени, обе милые и славные, оба семейства чудесные. То-то бы радость, это чудо! Но конечно, надо чтобы Николинька сам захотел соединиться с Натальей Александровной Львовой, точно так как Мишинька сам желает быть мужем Натальи Александровны Пушкиной, а все бы не худо Николиньке это приговаривать, а сам он, пожалуй, жениться никогда не вздумает.

Получила я рецепты, записку Шольца и по милости твоей купленные в сергиевской аптеке лекарства. Но увы! Больной уже не существует. Она была очень слаба, но казалось ей будто стало лучше; в среду рвоты не было, боль под ложечкой миновалась — больная два раза уснула, два раза поела куриного бульона, сама собой без касторового масла и без промывательного имела натуральное испражнение. Чего бы лучше? Но к вечеру она захотела, чтобы поправили и перестлали ее постель, ее приподняли и ей сделался обморок. Не успела она придти в себя и отдохнуть от обморока, как в три часа ночи приехала к ней мать из-за 299 верст, которую больная давно не видела. Она много плакала, много говорила, много слушала, говорила сряду пять часов, не отпускала мать от своей кровати, все держала ее за руку — потом сказала, что хочет отдохнуть. Ее оставили, муж ее прилег на диванчике в той же комнате и сбирался уснуть, не спав всю ночь — как больная твердым голосом кликнула его по имени: “Никанорушка, поди сюда”. Он подошел, она сказала ему: “Ну, простимся теперь, я умру скоро”. Перекрестилась сама, минуты две подышала очень редко и скончалась в 8 час(ов) утра, в четверг на прошедшей неделе. Завтра будет ровно неделя как она умерла.

Теперь о дормезе. Левочка, не упрямься, мой ангел, сделай себе новый дормез, это необходимо для твоего здоровья, следовательно для нашего спокойствия. Почему ты не любишь нас и нашему счастию видеть тебя здоровым предпочитаешь щекотливость своего самолюбия? С твоим высоким умом, с такою любовью к семейству, ты отвергаешь наши просьбы, не хочешь потешить нас сбережением твоего здоровья, которое нам так дорого. Как можно считаться с родными детьми? У тебя есть деньги, ты им даешь, у тебя не случилось, ихние бери. Это в семействе должна быть вещь общая. На что это похоже, чтобы дети с родителями делились как чужие: это твое, это мое? Все должно быть общее. Воля твоя, Левочка, а это не хорошо. Это в тебе такая тайная гордость, которая не похвальна для христианина и отца семейства. Мы все умоляем тебя сделать себе дормез для твоего спокойствия и здоровья, а ты и слушать не хочешь. Ты этим доказываешь, что твое самолюбие дороже тебе твоего семейства, а разве это годится?

Извольте, сударь, ваше превосходительство, алмазный кавалер Александра Невского, извольте

Извольте, сударь, ваше превосходительство, алмазный кавалер Александра Невского, извольте непременно сделать дормез, точно такой, как вы отдали Николиньке. Денег у вас теперь нет, возьмите власовские. Можете их отдать, когда у вас будут деньги, а теперь не мучьте нас опасением, что вам не в чем покойно ездить по службе за город. Не то я поссорюсь с вами и в Петербург никогда не приеду, как не зовите. Неужели вам не страшен гнев мой? Где же это видано, чтобы муж жены не боялся?

Уж как хочешь, Левочка, ты мне и писем не пиши, пока не напишешь, что у тебя новый дормез, покойный и прочный, как тот, который ты отдал нашему гусару. Еще бы ты мог мне противиться, если бы я просила тебя сделать мне бриллиантовый убор на мою седую голову. Ты бы мог сказать тогда: “душинька, на что тебе бриллианты в деревне?” Но ты мне отказываешь в таком деле, которое касается до моего спокойствия, потому что тут твое здоровье в игре, то ежели ты меня не утешишь и не послушаешь, я тогда буду уверена, что ты тиран, самый упрямый тиран, буду это всем говорить, всем писать, даже своему вологодскому старосте напишу и в Париж, президенту республики напишу и каково тебе будет, что от Вологды до Парижа будет известно твое непослушание законной жене твоей, к которой сам Бог велел тебе прилепиться так, чтоб ты отлепился от отца и матери и прилепился бы к жене. Это значит, что все послушание, которым ты был обязан отцу и матери, ты должен переносить на жену и во всем ее слушаться, особенно когда она тебе дело говорит. Вот и выходит, что ты тиран, даром что у тебя явились алмазные знаки Александра Невского! Алмазные знаки сами по себе, а дормез сам по себе, а жена надо всеми, и над алмазами, и над дормезом, и над самим тобою. Из этого явствует, что ты должен прибавить сколько нужно к власовским деньгам и с покорностию написать мне: “Я заказал себе дормез и он будет готов тогда-то”. Слышишь, Левочка, никаких отговорок не принимаю, слепое повиновение, да и только!

19 апреля

Миша уехал вчера перед вечером. Он скучал ужасно и жаль, что, отпустив своего человека для свидания с матерью в Каменное, не мог раньше уехать. Если бы существовала между нами искренность, как бы следовало между матерью и детьми, он бы облегчил свою душу, сообщив мне свои тревожные мысли; но у них уже давно со мною такая упорная скрытность, что не добьешься ни одного откровенного слова на их собственный счет. Мое участие им не нужно, всегда у них чужие впереди.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., (1 мая 1852 г.) Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 155—156.

81

(1 мая 1852 г.)*

Извини Левочка, что я сделала на том листике большое чернильное пятно и сама не знаю как. Сегодня это было для меня сюрпризом для 1-го мая. Переписывать не хочется, так уж не взыщи, пожалуйста.

Ну, Лева, мы теперь отброшены от почтовых сообщений на сто верст. Вообрази, что Мишинькино письмо из Москвы, писанное им и отправленное ко мне 19 апреля, до меня дошло только 28-го. Десять дней в дороге, тогда как прежде доходили письма из Москвы в Выдропуск на другой день. Вот и из Петербурга получаю уже письма с большою остановкою. Но тут можно тем поправить, что стану за письмами посылать в Волочек. Хоть оно и втрое дальше чем до Выдропуска, но по крайней мере хоть толку добьешься, а вот Мишинькины письма идут через Москву, то прежде доходили через месяц, а теперь будут доходить через 6 недель, потому что от Москвы через Торжок, везде письмо будет лежать пока дойдет до Выдропуска. Теперь уже почта от Волочка до Твери по шоссе через Выдропуск и Торжок ходит только два раза в неделю, да должно быть везде письма по этим пунктам залеживаются, оттого и девять дней из Москвы. Вот

и близко от чугунной дороги, да стали далеко.

Ты верно знаешь, где Николинька и что с ним делается. Уж я от него недели четыре писем не получала. Ты мне писал и меня порадовал, что он принимается хорошо и им довольны. Дай-то Бог ему сил и умения.

Левочка, сделай милость, пришли мне шерсти по прилагаемому образцу моточка два: да шнурочков шелковых плоских для моей лорнетки, аршин десять. Еще просьба, подари мне семян горошку кормового. Он продается во всех семенных лавках, вели взять у Лисицына на Щукином

дворе. Мне нужно три пуда, а покупается он по 1 рублю 50 копеек (серебром) за пуд. Если можешь и не покажется тебе разорительно, то подари мне 4 рубля 50 копеек (серебром) на этот горошек, а ежели разорит тебя такая сумма, то хоть взаймы дай до первого случая. Он называется кормовой горошек. Пришли его мне по железной дороге в Волочек, а меня уведоми, что послал, чтобы мне его достать из Волочка. Извини, что я тебя беспокою всякими пустяками, да уж это у меня каприз такой.

Я оклеветала 1 мая, теперь второй час и теплота достигает 20-ти градусов на солнце. Но все-таки очень грязно и снег лежит большими кучами по разным местам, так что необходимо его откалывать с озими, чтобы озимь не подопрела.

5 часов пополудни

Ну вот и первое мая! Дождь льет как из ведра. Я было хотела съездить в поле озимь посмотреть и должна дожидаться пока дождь пройдет. Хорошо гулянье теперь в Екатерингофе, ежели такой же дождь как здесь пойдет.

11 часов вечера

Я все-таки ездила в поле, но под дождем, все время меня дождь мочил, но хоть на зеленеющую озимь полюбовалась. А какая грязь, вода, лужи, сколько снегу! В ином месте лежит он еще буграми в сажень вышиною. Прощай, Левочка, что то ты поделываешь? Здоров ли? Как-то давно нет от тебя известия.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 4/5 мая 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 156—159.

82

4 мая 1852 г. Рыскино

Сегодня воскресенье, вот я и думаю поутру: “Сяду я писать к Левочке и поскорее дам ответ на его вчерашнее письмо”. Еще не взяла я пера в руки, как мне доложили: “Земский из Каменного приехал”. Надо его принять, расспросить, рассмотреть отчеты, разобрать дела, отпустить обратную подводу сегодня же и потому написать письмо в Каменное сейчас. Вот я села писать в Каменное. Не успела написать заглавие, доложили: “Приехал из Клошнева Захар”. Надо принять Захара, расспросить о том, что делается в Клошневе, приказать, что делать вперед, рассчитаться с ним деньгами по разным предметам клошневского хозяйства. Отпустила Захара, принялась за Каменное письмо, доложили: “Гиркинский Петр пришел”. Надо позвать Петра, он заведывает Вешками; с ним также пошли толкования о прошедших делах и будущих работах, о разных выдачах, расплатиться с ним по расходам вешинского управления. С ним кончила, села за Каменное письмо, доложили: “Заказные горшки для молока привезли из Торжка”. — Надо горшки посмотреть, такие ли, а то все молоко отзывает глиной и от того с чаем сливки не вкусны. Горшки посмотрела, заплатила за них, села за Каменное письмо — доложили: “В Каменное надо гороху на посев, здесь надо полбы на крупу, пожалуйста ключи”. Кончила с

ключами, села за Каменное письмо, доложили:

“Из Каменного привезли 4 пуда хлопов для набивки кресел, что прикажете с ним делать?”. Надо позвать старостиху, велеть ей взять к себе хлопы, вытрясти их, вымыть, высушить, расчипать и отдать столярам для набивки кресел. При этом разные с ее стороны доклады и вопросы о завтрашних работах под ее веденьем, а с моей — приказание о том. Кончила со старостихою, села за Каменное письмо — доложили: “Никитский староста приехал”. Надо его позвать, расспросить, приказать. Отпустила его, села за Каменное письмо, доложили: “Толмацкий староста приехал”. Надо его позвать, с ним разговоров еще более, чем с другими, потому что

Толмачи подальше и староста не всегда может сюда явиться, оттого надо с ним перебрать прошедшее и будущее во всей подробности. В этот раз разговоры со всеми начальниками еще продолжительнее потому, что готовится везде земля под яровой сев, а мешают лужи, дожди и праздники. На этой неделе в четверг Вознесенье, в пятницу Николин день, а работ множество, а тут дождь льет, а там еще вода от снегу не сошла. Поди тут делай как хочешь! А сеять все-таки надобно и переговорить об этом все-таки необходимо, если так, то так, а если этак, то этак. Вот уж за Каменное письмо я села окончательно только в четвертом часу. Тут обедать. После обеда отправила обратных людей в Каменное и только теперь, часу в шестом после обеда, села писать к тебе, мой ангел, и отвечать на твои письма от 23 и 26 апреля, которые я вчера получила. Ты пишешь, что умер Жуковский65, Набоков66 и Тарас. Разумеется, для меня Тарас всего важнее, потому надо потолковать, как и кем заменить его.

Петергофская наша дача есть в наших владениях государство отдельное, следовательно, там должен быть правитель честный, надежный и неглупый. Таких людей хоть у меня и есть, но они все на местах, которые по своей важности относительно к моему спокойствию и карману стоят выше петергофского управления, я их отдать не могу. Другие, не так нужные здесь, не довольно образованы, чтобы занять должность в таком большом и аристократическом свете как Петергоф.

Тарас умер, но у него осталась нежная супруга, которая, как идут слухи, и во время его жизни заведовала более его самого делами дачи. У нее есть взрослая дочь, которая давно уже оказывает страстное желание выйти замуж. То мне кажется всего лучше женить на ней молодого человека, который под надзором ее матери и при собственном содействии может сделаться порядочным дворником на нашей даче. Женихи для Тарасовой дочери есть: 1-й в Петербурге живет, но по паспорту, брат Николинькина кучера Абрама — Алексей. Он очень порядочный малый, только несколько хром. Хромого не берут в военную службу, а венчаться это не помеха, если он будет угоден невесте и она ему. Есть еще у меня здесь ей три жениха, молодые парни лет по двадцати, расторопные и неглупые. Из четырех любого выбирай. Если из этих четырех посадить в дворники одного холостого или хоть и женить его, то он с женою, не Тарасовой дочерью, все-таки будет новичок и может наделать нам разных убытков и неприятностей, да и сам по неопытности попадется во многие хлопоты, которые поведут затруднение и ему и нам. Когда же новый дворник выступит из семейства Тараса, то его теща и жена, зная всю подноготную его должности, могут содействовать его образованию, помогать ему, потому что им обеим все тамошние дела совершенно известны и знакомы, и таким образом в исполнении дворнических занятий на нашей даче не будет другой перемены как та, что дворник будет называться не Тарас, а Алексей, Дмитрий или Павел. Но дела пойдут все так же, как и прежде шли, то есть порядочно.

Пока Тарас был жив, дочь его на нашей даче была лишняя, все просилась замуж или же отец просил, чтобы взять ее в Рыскино.

Когда Миша проезжал здесь недели три тому назад, он говорил мне, что сестре Александре Конст(антиновне) некому служить и ей хочется взять к себе Тарасову дочь в услужение. Тогда Тарас был жив, по его летам, 45 лет, мог продолжать службу еще лет двадцать, и потому я просила Мишу написать Алекс(андре) Конст(антиновне), что если ей угодно, пусть возьмет Тарасову дочь к себе в горничные. Но говорится: “нужда закон переменит”. Тогда Евгения Тарасовна была просто дочь петергофского дворника, надоевшая отцу своим взрослым

Тарасовна была просто дочь петергофского дворника, надоевшая отцу своим взрослым возрастом. Теперь она сделалась наследницею его престола, и брак с нею не только приносит хорошее место ее будущему супругу, но и для нас необходимо, потому что это самое удобное средство иметь хорошего или хоть порядочного дворника в Петергофе.

Я уверена, что сестра по своей дружбе к нам согласится пожертвовать горничной для пользы нашего Петергофского царства, а я со своей стороны постараюсь приискать ей горничную из дочерей Андрея Мануйлова, который живет в Москве. Но только и то надо сказать, что сестре недолго прослужит своя горничная; ребенка взять служить не сумеет, а взрослая девушка сейчас соберется замуж или что еще хуже без замужества сделается матерью. Не лучше ли сестре нанять себе горничную? Из демидовских воспитанниц есть много очень порядочных, хорошего поведения и которые по своей бедности рады приютиться.

Напиши мне, Левочка, как и что делать? Присылать ли жениха для Тарасовой дочери и доставить ли дочь Андрея Мануйлова из

Москвы для сестры?

5-го апреля, т. е. мая (1852)

Сейчас подали мне письмо твое от 30 апреля, дорогой Левочка, где ты говоришь о Мишиньке. Знаю я, что ему грустно, но, когда грустно, с кем же и делить грусть, как не с матерью. Пусть бы говорил все одно и то же, пусть бы только говорил о себе. Разве бы мне это наскучило? Моему участию нет конца, мне было бы утешительно разделить с ним его горе. Но тяжелее видеть, что сын только и думает, как бы ему уехать от матери поскорее. Что ему не нужно ее участие, что оно даже в тягость и что вместо утешения от беседы с матерью, дал бы Бог скорее избавиться от ее присутствия. Я это чувство тем более понимаю, что по несчастию сама то же самое испытывала в отношении к своим родителям. Но мои родители, ты сам знаешь, то ли были для меня, что я для своих детей?

Ты не имеешь права сказать, Левочка, мы и нас. Тебя они любят, я, конечно, посерьезнее и побольше их связываю. Я не из того общества, к которому они привыкли, новостей рассказать не могу, рассуждения мои надоели. Я это и чувствую в обыкновенное время и молчу, не жалуюсь. Оно в порядке вещей, хотя и грустно. Но когда сын думает жениться, когда душа его расстроена сильным огорчением, с кем же и делиться своими чувствами, как не с матерью? В чье сердце излить свою печаль, как не в сердце матери? А вот этого-то и нет между нами. Их отвычка от меня так сильна, что все на свете имеют более права на них, на их искренность и доверчивость, чем я. В этом нельзя ошибаться, когда доказательства на каждом шагу и уже столько лет. Я давно покорилась своей участи и редко, очень редко позволяю себе тужить о том, что не умела внушить своим детям той привязанности, какую бы желала. Разумеется, к нам имеют только те чувства, какие мы внушаем. Насильно мил не будешь никому. И потому я уже давно отложила пожелание быть приятною своим детям. Для этого надо переродиться, а в мои лета оно невозможно. Они слишком избалованы в том обществе, где проходит жизнь их, чтобы я могла быть им угодна, а мне не приходится перерождать себя, чтобы им найти во мне такую же светскую женщину, каких они постоянно видят перед собою.

Но я думала, что намерение Мишиньки жениться сблизит нас. Однако не тут-то было. Все так же я чужая, все так же мое участие ничто, мои советы в тягость, мои речи наводят скуку.

Видя, что и это ожидание не сбылось, что ни даже такая важная эпоха, как женитьба, не может меня сблизить с сыном, я разгрустилась и написала тебе несколько строк об этом. Но теперь я опять спокойна, опять вошла в ту же колею и опять покорилась своей участи быть каким-то кошмаром для своего семейства.

Но прошу тебя, Левочка, не выговаривай об этом ни которому из них. Должно быть я сама виновата, а будешь им выговаривать, они подумают, что я тебя ставлю против них, и еще более

меня не взлюбят. Лишь бы я исполняла в отношении их свои обязанности, а ежели моих усилий и пожертвований не ценят, если не смягчают моей тесной жизни участием и любовью, то что ж делать? Выговоры удалят их еще пуще от меня.

Ты говоришь, Левочка, что они любят меня. Это потому так кажется, что они говорят обо мне с похвалою, но за что им бранить меня? Они должны сознаться, что я недурная мать, я им посвятила всю жизнь свою, молодость — их воспитанию, зрелые лета и старость — приращению их состояния. Но мы отдаем справедливость и врагам, не только матери, которая доказала всею своею жизнью, что она не враг своим детям.

Привязанность, по моему, имеет самый верный, самый неоспоримый признак; это желание быть вместе с человеком, которого любим. Отчего Мишиньке тяжело уезжать из Петербурга? Потому что там остаются люди, а особенно невеста, которую он любит. Оно и натурально. Ну, а неужели это из любви ко мне он не мог дождаться минуты, чтобы от меня уехать? Неужели это из любви, что они оба выжили меня из Петергофа, из Красного Села, из Новой Деревни, из Петербурга?

Они любят меня не ближе как за 500 верст, за тысячу еще больше, за три тысячи верст меня обожают. Это не ошибочное понятие, а убеждение, основанное на долговременном опыте и многочисленных доказательствах. Точно так же и я любила матушку, когда я жила в Петербурге, а она в Киеве.

Опять повторяю, видно я сама виновата, что дети меня любят только за глаза. Что-нибудь во мне есть такое, что их отталкивает. Я не жалуюсь, а только тужу о том, что оно действительно так. Ты, Левочка, и не разочаровывайся на их счет. Тебя они точно любят. Они это доказывают не только на словах, а и на деле. Посмотри, как им тяжело расставаться с тобою. Этот признак вернее всякого.

Николинька теперь на чужой стороне скучает, а не хочет, чтобы я к нему приехала. Зовет на будущую зиму, а сбирается в отпуск в Петербург. Что же это, разве желание меня видеть? А кого видеть не желаешь, того и не любишь.

Прошу тебя, мой ангел, не пеняй им ни которому за меня. Это их еще более поставит против меня. Я уже давно привыкла к своему положению, знаю и покоряюсь тому, что семейное счастье не для меня создано, и стараюсь составить себе круг счастья из ваших успехов, из уверенности, что ты и дети здоровы, да из того, что мое хозяйство и жизнь в деревне утешают и подчас радуют меня. Прощай, Левочка. Береги свое здоровье.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 10 мая 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 159—160.

83

10 мая 1852 г. Рыскино

Дорогой Левочка, прилагаю здесь записку Цвылева — на получение 2500 (рублей серебром) не к сыну его, а к приказчику, которого надо искать там же, где живет сын Цвылева. Вели этого приказчика отыскать, мой ангел, и сообщить ему, чтобы он принял означенную сумму, но до получения записки ему не отдавай. Приказчик не сын, всякие бывают. Иной, пожалуй, и сплутует, поди потом хлопочи с ним. А как деньги получишь, то потрудись на записке Цвылева расписаться в получении и отдай ее приказчику. Прилагаю здесь еще записку, по которой прошу тебя, сделай милость, распорядись уплатою процентов этого года. Этой суммы достаточно только на три уплаты, прошу тебя внести именно за те сроки, которые у меня в записке означены. Не знаю сколько потребуется заплатить просрочки, но тут останется 82 (рубля серебром), которых будет достаточно с избытком.

[illegible], которые будут должны мне с процентами.

И прошу заплатить за сроки: 31 января, 23 февраля, 24 марта и есть между этим небольшая уплата в срок 5 февраля; но прошу тебя, Левочка, этот срок пропустить мимо, потому что время терпит до 5 августа и у меня есть в виду до этого времени прислать тебе денег, а ежели теперь вносить за 5 февраля, то это собьет мои расчеты и будет ни то, ни сё.

По уплате, следуемые три квитанции, сделай милость, потрудись мне прислать, как скоро их получишь. А за все труды твои по этому делу целую тысячу раз твои ручки.

В Твери умер начальник жандармской команды Ковен; о помещении его двух сироток по твоему ходатайству Государь приказал; но пока дойдет их очередь быть определенными, им жить негде. Ты был так милостив, сказал Дурнову, чтобы он прислал малюток к тебе, и что ты поместишь их у себя в доме. Вот Дурнов и спрашивает моего совета, он боится присылкою детей этих тебя беспокоить. И в самом деле, держать их наверху негде, а внизу у детей так все мило и хорошо отделано; эти девочки все мебели перепортят, зеркала перебьют, и кто же будет смотреть за ними? Они маленькие, одних оставлять нельзя. Если бы им можно пожить в Демидовском заведении67, пока им откроется вакансия в Сиротском институте. Это было бы очень хорошо. Но можно ли так сделать?

Я так много обязана Дурнову и так часто вновь и всегда докучаю ему своими просьбами, которыми он не только не тяготится, но постоянно их исполняет скоро и превосходно. Мне бы хотелось услужить ему, а как он спрашивает моего совета, то я желала бы дать ему ответ удовлетворительный, но признаюсь тебе, мой ангел, не хочется мне, чтобы эти девочки жили у нас в доме. Им больше жить негде, как внизу, а там они, как дети, все могут перепортить.

Ежели есть средство их поместить на время в Демидовском доме, то сделай милость, напиши мне, а я буду рада уведомить о том Дурнова, но ежели в Демидовском нельзя, то уж этим двум девочкам лучше оставаться в Твери до поступления...*

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 17/18/19 мая 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 160—161.

84

17 мая 1852 г. Рыскино

Ты, верно, удивишься, дорогой Левочка, что к тебе с этим письмом явится мой приказчик Филимон отсюда из Рыскина, в теперешнюю пору, когда по деревенским работам он здесь необходим. Но выше работы есть у нас с ним желание поучиться хорошему. И меня и его, моего помощника, прельщает описание хозяйства в Лигове у графа Кушелева68. Филимону хочется посмотреть, а мне хочется, чтобы он посмотрел, как там приготовляют землю под разный хлеб, как сеют траву для умножения сенокосов и проч. И потому, мой ангел, сделай милость, не откажи мне устроить так, чтобы мой Филимон видел Лигово, чтобы ему там позволили осмотреть и чтобы его наделили наставлениями и советами, какие нужны для того, чтобы посещение Лигова послужило нам в пользу.

Будучи в Петербурге, Филимону надо побывать и во Власове. Туда ему ехать лучше всего на почтовых и потому, мой ангел, прикажи взять ему подорожную до Чирновиц, а он поедет в Бегунку, оттуда своротит во Власово. В Лигою он заедет на обратном пути из Власова, и если может Евстигней отлучиться оттуда, то мне хочется, чтобы и он побывал в Лигове.

Я думаю, долго будет просить позволения у самого гр(афа) Кушелева. Пока его увидишь, много времени пройдет, а мне надо, чтобы Филимон скорее вернулся в Рыскино. Отпуск его, всего на все, дан ему только до будущего воскресенья, т. е. до 25 числа. Он теперь у меня один управляет

все, дай ему только до будущего воскресенья, т.е. до 25-го числа. Он теперь у меня один управляет рыскинскою отчиною и все на нем вертится, как на железной оси. И потому прошу тебя, мой ангел, устроить так, чтобы он мог побывать во Власове и в Лигове беспрепятственно в течение будущей недели, а в будущее воскресенье сесть уже на машину для отбытия в Волочек.

Хоть Филимон человек умный, но ум деревенский не то, что ум петербургский. В первый раз в Петербурге и помещик заблудится, не только крестьянин. Сделай милость, также дай ему Аристара съездить с ним во Власово, потому что Филимон не будет знать, ни где ему своротить с большой дороги, ни что заплатить за лошадей, которые повезут его.

Как Филимон в первый раз в Петербурге, мне хочется, чтобы он посмотрел, что успеет. Сделай милость, Левочка, доставь ему средства и в театре побывать и на острова взглянуть. Пусть на островах посмотрит, какая чистота и какой порядок, так и у нас в Рыскино постарается завести.

Я дала ему на проезд и на все его расходы 5 золотых; это значит 25 рублей 75 (копеек серебром). Если этого будет ему мало, то сделай милость, дай ему еще денег из моих, ежели останется от 82 (рублей серебром), которые ассигнованы мною на уплату просрочки по трем займам. Будучи в Петербурге ему захочется что-нибудь купить, а так как он отменно хорошо служит мне, то я рада его потешить при случае.

Сделай для меня милость, Левочка, приласкай моего славного Филимона, он такой нам слуга, каких я до сих пор...**

18 мая (1852)

Я хотела отправить Филимона сегодня, но оставила его до завтра, потому что кое-какие дела помешали, а между тем еще напишу к тебе что-нибудь, мой ангел Левочка. Я было просила тебя дать Аристара съездить с Филимоном во Власово и давать ему проводника в Петербурге, как он мест не знает, но рассудила, что у нас в доме нет лишних людей, и ты пишешь, что оба дворника в доме необходимы, то я даю кучера Николая. Поэтому ты уж от себя никого больше не давай. Кучера Николая, Левочка, не оставляй у себя, он мне здесь нужен. Антип уже стар, часто хворает, я хоть редко выезжаю, но все-таки мне без кучера нельзя. Если бы даже Николай стал проситься опять к тебе, не оставляй его, мой ангел, а отошли назад с Филимоном.

Вчера получила я два письма твои от 7 и 10 мая и одно от Миши из Ростова. Он и мне пишет о своих похождениях от Орла до Обояни. Пишет также, что в Белгороде был у старшей дочери Нат(альи) Н(иколаевны) Львовой, у Голицыной и много с нею говорил о возможности составить супружество между нашим Николинькой и ее сестрою Наташей. Кн. Голицына очень этого желает и говорит, что если ее сестра согласится, так матушка их и подавно. Мише видно также нравится этот проект, он просит меня даже нарочно съездить в Петербург, чтобы вместе с тобою устроить это дело. Но без согласия Николиньки приступать невозможно. Машинька Голицына говорила Мише, что дело с Поповым совсем кончено.

В твоих письмах, Левочка, ты говоришь, что Ланские тебя не пригласили бывать у них. А скажи-ка, сам Ланской отдал тебе твой визит или нет? Я сама думаю, что тут вряд ли будет толк. Девушка любит Орлова, а идет за Мишу, Орлов страстно любит ее, а уступает другому69. Дай Бог, чтобы все кончилось благополучно, а что-то мудрено.

Ты пишешь, Левочка, чтобы я назначила дни своим министрам, для того чтобы мне беспрестанно не мешали, но хозяйство такая вещь, что не терпит отлагательства. Я назначу такому-то министру вторник, а ему необходимо разрешение в воскресенье, другому прикажу докладывать себе в пятницу, а ему надо мне доложить о ходе его управления во вторник. Если бы только были у меня дела бумажные, то бы можно дни назначить, но всего больше дел словесных, да хоть и письменные дела, то все же по большей части о хозяйстве, которое требует, чтобы за ним следили и ему бы подчинялись, а не оно нам. Дни и числа меняются беспрестанно, одно дело гонит другое и ежели до положенного дня не принимать докладов, будет много упущений. В

гонит другое и ежели до положенного дня не принимать докладов, будет много упущений. В прошлом году начали землю готовить до Николы, а сеялись 15-го мая; нынче долго лежал снег, стояла вода, выехали в поле только 12-го мая, а засеялись здесь только вчера, а в Каменном еще и сеять не начинали. Но все это тем хорошо, что ты по крайней мере посмеялся моему рассказу. Твоя посылка в Волочке, сегодня привезут ее. Целую тысячу раз твои ручки.

19-го мая (1852)

Ангел Левочка, я писала тебе, что положу 70 (рублей серебром) в это письмо, но теперь я рассудила запечатать их особо. Это письмо дойдет до тебя через разные руки, то как бы деньги не

взманили кого-нибудь. Ты потребуй деньги от самого Филимона, когда тебе досуг будет позвать его к себе.

Прощай, Левочка, напиши мне с Филимоном, когда он будет назад в Рыскино отправляться.

19-го мая (1852)

Левочка, сделай милость, пришли мне апельсинов с Филимоном. Теперь апельсины у вас хороши, сладки. Письмо свое я уже запечатала, и теперь вспомнила об апельсинах. Извини, что я тебя беспокою много своими просьбами и поручениями.

А что-то ты замолчал об определении внука Благовых. Принят он или нет в Московский кадетский корпус? Благова меня спрашивает, что мне отвечать ей?

Апельсинов все-таки, пожалуйста, пришли. Целую твои ручки.

Печатаю облаткой, потому сейчас еду в Клошнево, то печать уже уложила с собою в сундук. Еду в твоих прекрасных дрожках, по хорошей дороге они отличны, теперь ехать по шоссе, то это будет славно и приятно до крайности.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 26 мая 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 161—163.

85

26 мая 1852 г. Рыскино

Первые слова Филимона, когда он возвратился из Петербурга, были: “Заберегли, матушка, меня в Питере, совсем заберегли! Леонтий Васильевич, отец родной! Кажется, таких людей на свете нет. Если бы не совестно, я бы плакал от доброты его. И как он добр ко всякому! В Демидовском всякую девочку приласкает. Были фокусы, он всякую поставит на такое место, чтобы ей получше видно было”. По всем рассказам Филимона, кажется не столько его обворожил Питер, как ты сам.

Благодарю тебя, мой ангел, за твои милости к Филимону. Я очень чувствую, что это все для меня; будь он приказчик Кушелева или Трубецкого, ты бы о нем и не подумал, а как он мне служит хорошо и меня тешит своим усердием и преданностию, то ты оттого и “заберег” его до самого нельзя.

Показывал он мне твои подарки, ситец и отдал мне билет, что ты прибавил своих 30 (рублей серебром), чтобы составить ему капитал во 100 рублей. “Ну как мне не служить, говорит Филимон, где ж такие господа, как у нас? Батюшка Леонтий Васильевич обещался моих положить 70 (рублей серебром) и то милость, ведь и эти деньги ваше же жалованье, а вместо 70-ти билет очутился во 100 рублей. Уж я не знал, как благодарить и ручки целовал и кланялся и все боюсь, что я мало благодарил его. Напишите вы ему, матушка, как я чувствую все его милости и

как должен стараться их заслуживать, а сам не смогу высказать".

Теперь у него 180 (рублей серебром), билеты у меня. Но скажи, Левочка, ничего ли это, что последний-то билет, во сто рублей, который он теперь с собою привез, написан на имя Филипа Федорова, а он Филимон Федоров?

Другой наш крестьянин, который хочет положить в сохранную казну 300 (рублей серебром), называется Василий Миняев, живет теперь Новоторжского уезда в деревне Кулаковке, а к осени переезжает Вышневолоцкого уезда в деревню Васильево. Сделай милость, когда получишь Воронины деньги, положи из них 300 (рублей серебром) на имя этого крестьянина и пришли мне билет, а этот мужичок здесь отдаст Вороне. Сверх этой суммы, что будет Ворониных, денег сюда не присылай, Лева; мне они занадобятся в Петербурге, а только наши, сколько их будет, чтобы здесь Вороне отдать.

Благодарю тебя, мой ангел, за твою готовность купить для меня молотильную машину, какие в Лигове, но она будет стоить более 400 (рублей серебром) — это сумма большая, а у тебя и без того расходов довольно. Когда буду в Петербурге, съезжу сама Лигово и эту машину посмотреть, тогда и увижу, как ее купить. Благодарю тебя за образ Св. Екатерины, как он хорош — не налюбуешься. Благодарю за бумагу и все письменные припасы, благодарю за апельсины. Какие вкусные, сладкие, сочные, это истинное наслаждение их кушать.

Буду благодарить и сестру и Соню за их горячее внимание к Филимону и за любовь к нему по той причине, что он несказанно мне предан. А и ты, Левочка, поблагодари сестру и поцелуй Соню за доброту их к моему приказчику. Если бы они нас так горячо не любили, не обращали бы внимания и на достоинства приближенных наших, а как мы с тобою и дети наши им невыразимо дороги, то и все, кто полезен нам, мил им и приятен пуще всякого.

Еще и другие наши крестьяне разутешили меня на чугунной дороге. Они стали там к подрядчику в работу, человек двадцать, и получив задатки по 4 рубля 50 (копеек серебром) на каждого, просили жандармского офицера Грищука доставить эти деньги ко мне, 86 рублей 50 копеек, дабы я употребила их по своему усмотрению, как я рассужу получше. Это так восхитило подрядчика, что он прибавил им по 1 (рублю серебром) на человека за их доверенность к своей помещице, а добрый Грищук с восторгом меня об этом уведомил, прислал ко мне эти деньги. Сумма небольшая, но для мужика она бесценна, потому что это плод кровавых трудов его, и несмотря на то, он верит своему помещику, что он не только его не обидит, но еще лучше его самого придумает, куда эти деньги употребить получше. Не правда ли, Левочка, что такие отношения с людьми, от нас зависящими, весьма приятны?

Еще же, это также веселит меня — как скоро подрядчики набирают рабочих, то мне отбою нет, чтобы я отпустила побольше своих крестьян к ним в работу, потому-де, говорят подрядчики, что ваших людей лучше нет, послушны, смирны, работают отлично, и с ними нет никаких хлопот. А иногда этих рабочих наших людей бывает человек семидесяти и более. И что восхищает меня, что все это делается ласкою и добром. Опять скажу, неволею к себе никого не привяжешь, а наши люди только из-за доброго слова так стараются. Им всего страшнее прогневить меня, а мой гнев состоит в том, что я не так ласкова к тому человеку, который провинился передо мною, вот все мое наказание. А как они боятся этого.

Как смешно это быстрое сообщение с Петербургом; Филимон поехал в Петербург, а я в Клошнево, в один день, почти в тот же час. Я приехала из Клошнева в субботу на воскресенье, в ночь, а Филимон также, только позже. Поэтому все равно, что съездить в Клошнево, то и в Петербург, разница времени небольшая.

Какая примерная привязанность у Филимона; Соничка пишет мне, что она его уговаривала пробыть еще хоть один день в Петербурге, посмотреть в нем, чего не видел: "Благодарствуйте, Софья Петровна, отвечал он, буду глядеть на Питер, меня за это никто не похвалит, а

потороплюсь к нашей матушке, да послужу ей, так это лучше будет´. Пусть же наши западные противники, просвещенные свободные народы представят такой поступок, каких можно найти тысячи в нашем грубом русском народе, которого они называют невольниками, serfs, esclaves!* Пусть же их свободные крикуны покажут столько преданности и благодарности к старшим, как у нас это видно на каждом шагу. У них бы залезь простолюдин из провинции в Париж, он бы там и отца и мать забыл! А у нас, вот слуга в первый раз в жизни попал в Петербург и не хочет дня промешкать, чтобы скорее лететь опять на службу. Его никто не принуждает, ему в Петербурге свободнее, веселее, но у него одно в голове, как бы получше исполнить свои обязанности к помещику. Поэтому помещик не тиран, не кровопийца, русский крестьянин не esclave, как они говорят. У невольника не было бы такой привязанности, если бы его помещик был тиран. Этакая преданность — чувство свободное, неволей не заставишь себя любить.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 3/5 июня 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 163—164.

86

3 июня 1852 г. Рыскино

Уж как ты добр, Лева, так из рук вон! Спрашиваешь, доволен ли Филимон сделанным ему приемом? Да ты принял его как какого-нибудь соседа, а не как приказчика, обласкал его, осыпал милостями, подарками; все те четыре дня, которые он провел под твоим крылышком, он как сыр в масле катался. Он говорил мне не один раз: “Что это, матушка, кажется на свете таких людей нет, каков наш батюшка Леонтий Васильевич! Плакать хочется от доброты его”. Он все боится, что мало благодарил тебя за твои милости, но чувствует их так сильно, что говорит, слов не найти, как высказать свою благодарность. А я так это все на свой счет принимаю и знаю, что ты осыпал его своими щедротами из любви ко мне — не правда ли?

Сестра и Соничка, со своей стороны, так лелеяли Филимона, что и рассказать не можно. Милая Соня писала мне, что пока был Филимон у нас в доме, она только и думала, как бы его потешить. Все это меня очень трогает, потому что доказывает их сильную ко мне привязанность. Я благодарила их как умела и ты, мой ангел, поблагодари их от меня. Все их и твои милости к Филимону относятся ко мне. Какой бы он ни был чудесный слуга, да не мне бы служил, им и тебе бы нужды не было до него, а как он мне хорошо служит, оттого-то вы и “заберегли” его, как он выражается. Дай Бог вам здоровья, всем милым моим, я принимаю ваши милости к Филимону за самый несомненный знак сильного расположения ко мне и не могу сама без слез вздумать о том, как вы меня любите нежно и горячо.

Поблагодари князя Трубецкого за его память обо мне. Я сама очень его люблю за его ум и доброту и всегда вспоминаю о нем с большим удовольствием. А вот бы славно, Лева, если бы ты его сосватал на овдовевшей графине Штейнбок-Фермор, урожденной Яковлевой. Она ведь еще не стара, ей будет лет не более как и князю Трубецкому. А как добра, а как богата. Все яковлевские миллионы к ней перейдут. Если бы она только пошла за него, а для него это партия славная. Конечно, теперь она так недавно овдовела, что не легче об этом и думать. Но все бы не мешало его надоумить, чтобы не упустить вдовушку. У нее сыщется женихов пропасть. Ее колоссальное богатство привлечет многих, она богаче графини Орловой, а сама хоть и не велика ростом, но зато мал золотник, да дорог. Ее доброта, кротость, смирение неописанны.

Левочка, ты уже другой раз упоминаешь, что получил из Власова 80 (рублей серебром), а ничего не говоришь о 250 (рублях серебром), которые, Евстигней пишет, тебе доставил для уплаты процентов в опекунский совет в срок до 10 июля за власовских перевезенцев. Если ты получил эти 250 (рублей), то сделай милость, внеси их в ломбард, 10 июля не далеко, получи квитанцию, оставь ее у себя, а мне напиши, что этот срок очищен.

Когда получишь Воронины деньги, Лева, положи вносить их в сохранную казну на имя нашего

Когда получишь Воронины деньги, Лева, подожди вносить их в сохранную казну на имя нашего крестьянина Василия Миняева. Прежде надо, чтобы он здесь Вороне заплатил, а то как бы мне за него не остаться в накладе. Деньги у него, и я слышу, что как он переезжает в другую деревню, с Кулаковки на Васильево, то может статься из находящихся у него 300 (рублей серебром) он истратит порядочную часть, потом ему нечего будет отдать Вороне, и я буду должна отвечать за него. То сделай милость, вот как поступи: когда получишь Воронины деньги, удержи их все у себя, ни сюда не присылай, ни в ломбард не клади, а только мне напиши, сколько их получил. Тогда наш крестьянин отдаст здесь Вороне сколько он может положить в сохранную казну, а я тебе об этом напишу. Сколько здесь будет отдано Вороне, столько ты и положишь из его денег в ломбард на имя нашего мужика Василия Миняева; остальные же Воронины деньги все-таки не

присылай сюда, я ему здесь отдам, а его деньги пусть останутся у тебя для моих расходов. Мне всегда в Петербурге деньги нужны.

Разумеется, я к Николиньке без его согласия не поеду, но мне грустно, что он меня не желает и что я для него не утешение, а помеха. Нет признака любви вернее, как желание быть вместе, а тот человек неприятен, которого видеть не хотим. Что же делать, насильно мил не будешь никому. Теперь Николинька зовет меня на будущую зиму, а вот вспомни слова мои, что тогда явятся новые отговорки и препятствия.

5-го июня (1852)

Какая удивительная погода вчера и сегодня, Левочка, вот я думаю ты доволен, если у вас тоже? А перед этим столько было дождя, что вода стояла везде, как весною, и ручьи разлились, как в апреле бывает после снегу. Из Каменного пишут, что на фабрике больше воды, чем весною было, а в Баховкине плотину прорвало от множества воды. И точно, дождь лил дня три сряду, днем и ночью, как из ведра; в иных местах пропасти открылись в три сажени глубиною, размыло землю дождем.

Несколько времени тому, Левочка, я просила тебя о деле Тесницких, которые подали прошение в первые три департамента Сената о воздаче им билета, подписанного покойною Рукиною на их имя. Ты мне ничего на это не отвечаешь, мой ангел. Получил ты мое письмо или нет?

Ты пишешь, что мы бунтовщики, что поставили на своем, и твой дормез явился пред тобою, как лист перед травою. Нет, мой ангел, не мы, а ты бунтовщик, что меня не послушался, не заказал себе нового на власовские деньги. Твой дормез остался у Николиньки и ему бы очень пригодился — не тратился бы он по-пустому, пересылая его к тебе, и тебе теперь старый дормез чинить почти то же обойдется, что новый бы сделать. А ты поупрямился, не послушался меня, вот, а все-таки будешь в дормезе ездить. Так лучше бы в новом, а этот бы остался у Николиньки.

Ведь ты один, а нас трое против тебя, то где тебе с нами справиться, когда заговор идет в пользу твоего здоровья? Как ни говори, а дормез все-таки покойнее для загородных прогулок, чем городская карета, у которой и рессоры не так мягки, и подушки не такие, и лечь в ней не лечь, как в дормезе.

Прощай, Левочка, уведомь меня поскорее, получил ли ты из Власова 250 (рублей серебром) для уплаты процентов 10-го июня и внес ли их в срок? Евстигней писал мне, что доставил тебе эти деньги, да тебе ли он их вручил — ты может быть о них и не знаешь? Напиши мне об этом деле поскорее. Целую твои ручки, обнимаю сестру и Соню и кланяюсь всем, кто меня помнит.

чугуннойЕсть в Волочке жандармский офицер Грищук, который много мне делает услуг относительно моих крестьян, работающих на дороге. При случае не забудь его.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 16 июля 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 164—166.

87

16 июля 1852 г. Рыскино

Как это странно, дорогой Левочка, и даже смешно, что сестра Александра Константиновна вчера обедала здесь в Рыскино, а сегодня обедает в Петербурге. Жаль мне самой, что я не решаюсь ехать по железной дороге, это должно быть очень весело. Да я все боюсь опоздать, и что без меня машина уедет, а я останусь одна на какой-нибудь станции. Еще то меня останавливает, что со мною большая свита и это дорого будет стоить, а я одна ехать не умею. Мне нужна Надежда,

нужна ей помощница, нужен лакей, нужен повар, нужна Алек(сандра) Алексеевна. Еще теперь Соня со мною, у нее Каглинская, еще взять надо и Филимона, потому что он без меня ни за что не останется. Это значит 9 мест, да назад 7 мест, так это будет дороже чем в собственном экипаже. Ты скажешь, Лева, на что мне столько людей? Да ведь доехать до Петербурга — нельзя не съездить во Власово, а туда невозможно ехать без прислуги.

Я забыла во вчерашнем моем письме с сестрою, Левочка, попросить тебя отдать ей оставшиеся от ломбарда 24 (рубля серебом) моих денег. Я ей надавала множество поручений; то сделай милость, отдай ей этот остаток, а с Вороной я здесь расплатилась и поэтому оные 24 (рубля серебром) мои.

Вот хорошо! Писала я к тебе вчера и ничего не сказала о том, как я радовалась приему, какой сделал тебе наш Батюшка Государь. Давно ты заслуживал такой милости, но все-таки тебе не счастливилось. Сделай мне, собственно мне теперь одолжение, не пяться прочь от Государя, как ты много раз делал. Он так мило приглашает тебя бывать у него, как захочешь; говорил тебе, что во всякое время тебя примет — неужели ты не воспользуешься этим приглашением? Левочка, это будет непростительно! Зачем терять и даже отталкивать такой прекрасный случай сблизиться с Государем? Вот уж я два письма от тебя после того получила и не в одном нет известия, чтобы ты воспользовался приглашением Государя у него бывать. А как он увидит, что ты прочь от него удаляешься, и он станет на тебя смотреть холодно. Надо дорожить таким лестным приглашением, мой ангел. Чтобы ты сказал, если бы в Демидовском доме, когда все дети бегут к тебе и тебя окружают, одна бы девочка пряталась от тебя и не хотела подойти? Ты бы конечно подумал, что она не любит тебя, и твое бы сердце не лежало к ней. Так и тут. Кого не подзовет Государь, все стремятся к нему, ты один при всяком случае пятишься от него. Ты считаешь это честностью и я уверена, что ему оно не нравится. Мы все любим, что когда кого к себе зовем, нам отвечали бы готовностию, любовью и радушием. Не надо лезть на глаза, я согласна; но когда зовут нас, и кто же? Зовет владыка России, первый человек в мире, такой высокий и славный царь обратил на тебя внимание, зовет тебя, хочет с собой сблизить, а ты от него прочь. Нет, Лева, этого не делай, а иди к нему.

Ты пишешь, что Коля прислал 1500 (рублей) вместо 1657 и больше прислать не может. Так можно взять из его денег, которые ты положил для него в коммерческий банк. Это сумма небольшая, 157 рублей, неужели у него не нашлось такой безделицы? А ежели не нашлось, так у него есть деньги в Петербурге, а у тебя его билеты, будут и какие-нибудь доходы, так эту недостающую сумму можно и пополнить.

Ты прислал мне справку о деле г-жи Тесницкой, — смотри, Лева, Тесницкой, а не Телесницкой, как ты неправильно ее называешь. Увы! Справка совсем не о том, о чем я просила. Г-жа Тесницкая умерла в Тверском остроге и дело с концом. Но я просила вот о чем: покойная Рукина назначила Тесницкой и ее дочерям и надписала своею рукой ломбардный билет в 5 (тысяч рублей ассигнациями) с процентами. Этот билет признан действительным, но денег Тесницким не отдают, а они в крайней бедности живут. Теперь они подали прошение в собрание Сената первых трех департаментов, где производится дело их. То сделай милость, прикажи сделать справку в том, как идет это дело о их билете и какой ход приняло прошение их, поданное по данной им доверенности г-ном Карамышевым.

Справка, которую ты мне прислал, Лева, и которую я получила вчера, содержит сведение о старухе Тесницкой, которая уже умерла. А нам нужно знать, скоро ли отдадут ее дочерям билет в 5 (тысяч рублей ассигнациями) с процентами, который Рукина назначила семейству Тесницких. Это дело теперь в первых трех департаментах Сената, туда же подано и прошение. Сделай милость, Левочка, вот об этом достань справку, что делается с билетом и с прошением Тесницких?

Прилагаю здесь расписку Вороны в получении 332 (рублей) 70 (копеек). Он написал, что получил эти деньги через почту, а вместо того я их ему отдала. Но это все равно. У крестьянина Василия Миняева оказалось 300 (рублей серебром) все сполна и он при мне отдал их Вороне. Остальные же 32 (рубля) 37 (копеек) Ворона получил от меня, но в расписке ошибся немного, вместо 87 (копеек) поставил 70 (копеек). Неужели для 17 (копеек) переписывать эту квитанцию? Он сам, Ворона, неграмотный, а кто писал, ошибся; то неужели надо эту расписку переписывать?

А за твою милость, что ты выхлопотал эти деньги, Ворона поклонялся мне в ноги и велел передать тебе его усердный поклон.

Билет Филимона для перемены пришлю с сестрою, Александрою Константиновною, когда она отсюда поедет обратно в Петербург.

Целую твои ручки миллион раз и прошу тебя избавиться от грыжи. Эта гостья совсем мне не по нутру; сделай милость, выгони ее из нашего дому, чтоб и духу ее не было в нашем семействе. А скажи, пожалуйста, не было ли грыжи у твоего батюшки70?

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 6 августа 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 166—167.

88

6 августа 1852 г. Рыскино

Помнишь, Лева, я тебя просила за одного Чернявского и ты был так добр, что принял труд хлопотать за него? По делу, по которому он был под судом, он оправдан, но, как видно, не хотят выпустить его совсем целого, то все-таки приговорили его к шестинедельному тюремному заключению, за какую будто бы дерзость по бумагам. Похлопочи, Левочка, чтобы его не сажали в тюрьму. Это тот Чернявский, которого сын здесь землемером, отличный человек, и я очень довольна и очень его люблю. Он еще недавно был у меня по моему делу и очень просил за своего отца-страдальца, чтобы его освободили от тюремного заключения. Сделай это для меня, Левочка, прошу тебя.

Другая просьба о Тесницких. Узнай, Левочка, и сообщи мне, в каком положении дело об их билете. Вместе с тем похлопочи за них, чтобы им этот билет выдали скорее.

Соничка уезжает отсюда через несколько часов и завтра утром будет у вас. Она такое милое дитя, что этого пересказать нельзя. Добротою она точно как была твоя матушка, а ее бабушка Марья Григорьевна71. Не видя своими глазами, нельзя вообразить, какой ангел эта Соничка. Дай Бог, чтобы наши невестки были такие. Приласкай ее, Левочка, и люби ее, как я ее люблю.

Благодарю тебя, мой друг сердечный, за все твои милые и ласковые письма. Для меня такое великое счастье и наслаждение получать их. Как мы все смеялись твоему разговору с Сидором по поводу похоронного марша поручика Бархатова и как ты думал, что этот Бархатов умер у тебя в доме скоропостижно.

В одном из твоих писем, Лева, ты говоришь, что Матрена, моя прислужница, очень ошибается

В одном из твоих писем, Лева, ты говоришь, что Матрена, моя прислужница, очень ошибается, если думает, что служба может быть вещь нетрудная. Но то-то и есть, что ее служба не была трудна при мне в последнее время. Под предлогом головной боли она приходила в горницу, когда хотела, и то ей было в тягость. Для моего спокойствия я просила ее только о том, чтобы заменить Надежду два или три раза в день, когда той необходимо выйти из горницы, но и того Матрена не хотела.

Однажды, в девятом часу утра я, неспавши целую ночь от бессоницы, только что заснула и вдруг мой попугай раскричался

так сильно и так долго, что я должна была сама встать, чтобы унять его, и когда я спросила, почему допустили его так раскричаться, когда известно, как его унять? Мне отвечали, что Надежда вышла, а Матрена еще не пришла, а другие его боятся. Позвав Матрену, я ей очень кротко стала выговаривать, что как уже 9-й час, то ей пора бы придти в горницу на смену Надежды, которой нельзя же не выйти из горницы, чтобы умыться, напиться чаю и устроить все другие дела. На это Матрена грубым и дерзким голосом стала доказывать, что ей невозможно приходить в горницу поутру, что у нее столько дела, что ей надо свою корову подоить, убрать молоко, истопить печь, сварить себе обед с мужем и пр., что она у меня покоя не знает, спит только три часа в сутки, от того больна, что ей нет покоя и что ей жизнь у меня хуже всех. Все это было сказано с таким гневом, что казалось будто она барыня, а я ее прислуга.

Видя ее дерзость и неблагодарность, я рассудила, что в мои лета, имея сама так мало покоя по множеству дел, страдая притом расстройством здоровья и имея необходимость в нравственном спокойствии — я не могу и даже не должна подвергать себя грубостям людей своих. Их много, а я одна, ежели мне сносить от каждого его капризы и дурной нрав, то мне слишком тяжело жить на свете, да и сил моих на это не достанет. И потому я сказала Матрене, что как ей так тягостно служить мне в горнице лично, то пусть она в горницу не ходит. Я помаленьку от нее отвыкну и уж лучше приму труд приучать новых себе служить, чем подвергаться слышать от нее такие неприятности. Но, разумеется, не служа при мне лично, уж она не будет получать и тех выгод, какими пользуются мои горничные.

Зная, что у нее есть лежачие деньги, я ей советовала нанимать какую-нибудь бабу доить ей корову, топить печь, чтобы ей было самой покойнее, она мне отвечала: “Вот я все найми, да купи! Из чего бы это сделать?” А я знаю, что у нее сотни лежат, и для кого, когда детей нет. И для кого ей обед готовить, она одна с мужем, не десять блюд ей надо.

Описываю тебе все эти обстоятельства, дорогой Левочка, помня, как ты года два тому назад сделал мне замечание, что я удалила от себя Матрену на время. Ты писал мне тогда, что не надо взыскивать с старых служителей, но, мой ангел, ведь у меня старых служителей таки довольно; ежели мне всем уступать, слишком бой будет не ровен. Ведь я также их старая госпожа, как они мои старые слуги. Ежели я должна их уважать столько, чтобы забывать саму себя, то и они со своей стороны должны делать то же. А то я буду им уступать, а они будут мне на голову садиться. Это будет не стройно. Мне довольно и того, что дел у меня много, и если еще к тому мне покориться тем, которые должны быть мне покорны, то это будет навыворот.

Когда старый слуга служит хорошо, я готова ценить и награждать его службу, но когда он предо мною забывается до дерзости, я должна оградить себя от этого и не иметь прямых сношений с тем или с тою, которая предпочитает свой каприз своим обязанностям. И потому, Лева, не брани меня, что я удалила Матрену, и не мешай мне поучить ее. Притом, я сделала именно то, что ей самой хотелось. Не велела ей ходить в горницу, а ей то и надо. Бог с нею, я отвыкну от нее, привыкну к другим и по крайней мере не буду слышать ее нестерпимых грубостей. У меня это было всегдашним правилом — удаляться от дерзких людей. Это одно средство сохранить свое спокойствие. Прощай, мой ангел, целую твои ручки и ножки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 16 августа 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия

ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 167—168.

89

16 августа 1852 г. Рыскино

Дорогой Левочка, я получила от тебя письма предводителей: губернского и вышневолоцкого с твоими ответами. Я полагаю, мой друг, пошли каждому из них по сколько тебе угодно денег и только. Спрашивать их нечего. Тут положения платы нет никакой, кто что даст. Сам Путятин дал 50 (рублей серебром). Многие из дворян давали по 20, 25 и 30 (рублей). Я послала 15 (рублей серебром) в оба уезда, а ежели ты пошлешь к каждому из двух предводителей, к тебе писавших, по 25 (рублей серебром), это будет великолепно, но можешь послать и меньше.

Благодарю тебя, Левочка, за все милые твои письма и за все твои милости. Постарайся, пожалуйста, о Чернявском, спаси его от тюремного заключения. Оправдали его, а сажают в тюрьму! Защити его, Левочка. Это доброе дело.

Рада я, что ты любишь Соничку. Она редкое существо. Какие у нее чувства, сколько ума, доброты. Знаешь, Лева, хорошо бы ее высватать за твоего адъютанта Демидова. Он человек добрый, и может быть Соничка была бы счастлива за ним. Он еще молод, жить вдовцом одному и скучно и грешно. Конечно, прежде всего надо знать, могут ли они сойтиться и жить счастливо, любя друг друга.

Ах, Левочка, если бы ты знал, какую ты задал мне задачу с нашими могилами! Я просила Соничку объяснить тебе это. Несколько лет тому назад я писала тебе, что не желаю быть похоронена в Рыскине, чтобы не сделать его тягостным для детей наших, и тогда ты понял меня и расхвалил, что я добрая мать, люблю истинно детей наших, потому что пекусь об их спокойствии и тогда, когда меня не будет. Теперь же, что с тобой сделалось, ты совсем мысли переменил по поводу каких-то речей Николиньки, сказанных без полного размышления — Николинька не испытал, а я-то знаю, каково видеть могилу близкого человека. Не испытав чего, нельзя судить. Вон, наша Александра Ал(ексеевна), спроси ее, каково ей бывать на могиле отца в Выдропуске? Она говорит, это хуже всякой пытки, это самая ужасная каторга. Она погостить у своего брата в Выдропуске двух дней не может. Точно также и нашим детям будет мучительно жить в Рыскине весело и не подумать, когда мы тут будем мешать их счастию. Николинька, что говорит, сам того не знает. Ведь он этого не испытал. Где ж ему приходилось жить возле гробницы близкого человека? А не испытавши этого, нельзя и судить, какое это наводит уныние.

Теперь и о себе скажу. Рыскино для меня рай. Я здесь счастлива, как в царствии небесном. Зачем отуманивать мое прекрасное убежище и отравлять остаток дней моих видом могил наших? Как христианка, я не боюсь смерти, потому что смерть для моих понятий есть соединение с Богом. Но, думая о смерти, я никогда не думаю о погребении и могиле. Это до меня не касается. Тут же, устроив могилы у самого почти дома, иметь их всегда в виду, я уже не только не буду наслаждаться полным счастием в Рыскине, но даже моя жизнь сделается грустна и печальна, и Рыскино опротивлет. Зачем же отнимать у меня мой рай земной.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 3 сентября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 168.

90

3 сентября 1852. Рыскино

Дорогой Левочка, 10-го мая надо было мне внести в опекунский совет 331 (рубль) 20 (копеек серебром) процентов, но я не внесла. Прилагаю теперь записку Цвылева к его сыну о выдаче 340

(рублей серебром), которые, сделай милость, внеси в ломбард, как проценты, так и просрочку — ее, кажется, не более 8-ми рублей с копейками, по примеру прежних годов. Получишь квитанцию, потрудись ее мне прислать.

Как я смеялась разговорам твоего Костиньки72 и как удивляет меня, что его так смешно воспитывали. Хотелось бы мне помочь тебе, моему другу, в этом случае. Ежели лета его позволяют, пришли его ко мне хоть на годик. Я им позаймусь и может быть немножко его порастормошу, что кроме исты и пыти, что-нибудь и другое ему на ум пойдет. Хоть в корпус его и примут, да ведь это будет страшное злоупотребление, а что из него выйдет? Тебе надо будет считать за величайшее одолжение, что такого мужичка приняли в кадеты, а ребенку от того

пользы не будет. Вряд ли при таком образовании он научится чему-нибудь в корпусе.

Ты так милостив, принимаешь такое живое участие в моей хорошенькой Лизаньке, как ты ее называешь. Не поможет ли в деле ее помещения то, что отец ее умер в Твери от холеры? В холерное время всего более были подвержены опасности священники, приобщая умирающих и хороня умерших. Может статься, это обстоятельство скажет что-нибудь в пользу маленькой дочери Марьи Алексеевны, а я забыла тебе об этом написать прежде.

Милостив ты и много милостив, мой ангел бесценный, и благодарю тебя и кланяюсь в ножки за наших каменских крестьян, что ты достал им такие славные места. Но мне жаль, что они тебя обманули, сказав, что я их прислала к тебе. Оно, конечно, я так люблю своих мужичков, что все сделанное для них мне дорого, как было бы сделано для меня самой; но возможно ли, чтобы я прислала к тебе столько человек и не написала бы о том с ними ни строчки. Я о их нашествии на тебя ничего и не знала, пока ты мне об этом не написал. Прости им их поступок, мой ангел, и не наказывай их ничем, потому что все-таки они наши и посвящают нашим выгодам всю жизнь свою и все свое время. Но впредь прошу тебя никому не верить, чтобы я прислала его к тебе и не написала об этом ни слова.

Скажи, пожалуйста, кто займет место князя Волконского73 и будет министром двора? Вот бы туда графа Орлова, а тебя сделать шефом жандармов; Орлов бы ездил с Государем, а ты бы управлял корпусом, а нашего Колю бы взял в начальники штаба. Ты расхохочешься, как я это легко все перемещаю, да размещаю, но сам хорошенько рассуди, что это дело возможное, лишь бы кто надоумил о том Государя. Пусть бы тебя только назначили шефом жандармов, а Колю бы ты сам взял.

А что-то он бедняжка теперь поделывает? Не нравится мне, что у него была лихорадка, это расслабит его и то некрепкое сложение. Боюсь я, что приближение царского смотра, да эта лихорадка, все вместе, не убухало бы его серьезно в постель. Так мне горько, что он не пускает меня к себе. Я бы придала ему бодрости, я бы рассеяла его панический страх, я бы берегла его здоровье. Он, верно, опасается, что я его бы ставила в угол, как бывало во время оно! — так неловко при гусарских офицерах. Верно так...*

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 13 сентября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 169.

91

13 сентября 1852. Рыскино*

Дорогой мой ангел, Левочка, пошли, пожалуйста, поскорее на станцию чугунной дороги, там для тебя есть три корзинки с яблоками и тюк с картофелем. Нынче чудный картофель, белый, чистый, как жемчуг, но жемчуг огромных размеров для жемчуга. И какой вкусный, это чудо; я не помню такого чудесного и вкусного картофеля, хотя всякий год здесь картофель отменно хорош, но уж нынче превосходный. Отведай, Левочка, и напиши, понравился ли тебе.

С яблоками три корзинки. Самая большая 170 яблоков, сладких, для тебя; другая также со сладкими яблоками для тебя же. В первой корзинке сладкие белые яблоки, во второй сладкие розовые разного сорта, кажется 54 яблока. Из этих 224-х отдай Соничке сколько рассудишь, десятка три, а прочие кушай сам.

Третья корзиночка — с кислыми яблоками — это для сестры Александры Конст(антиновны), она любит кислые, их тут 42 яблока. Нынче хороших яблоков нет, все червивые — и кислые, и сладкие, все в пятнах и нет ни одного яблока совсем чистого — которые посылаю, выбрала самые лучшие. Извини, мой ангел, если тебе не понравятся, я сама выбирала, со всем усердием и

старанием. Если же ты найдешь, что их можно кушать, я еще пришлю.

Целую твои ручки и благодарю за 145 (рублей серебром), полученные мною для меня и моей прислуги. Фома сверх того благодарит за порох и кормит меня почти каждый день чудесной дичью. Морских раков и сыру я еще не получила. Верно в Волочке, я туда завтра посылаю и мне эти славности привезут оттуда.

Все эти дни было много хлопот, а между прочим и сердце болело за Николиньку. Неизвестность очень мучительна, теперь его участь решена, а мы не знаем, в какую он попал категорию и как выдержал этот новый экзамен. Я боюсь, что при его страшной тревоге, не сделалось бы ему дурно. Ему этот смотр как страшный суд, пожалуй, сделается обморок, можно с лошади упасть.

У меня дворовая женщина, первая моя мастерица ткачиха, Зиновья насилу разрешилась сегодня от бремени, промучившись слишком трое суток родами. Молодец был бы ребенок, если б не родился мертвым; вообрази 121/2 вершков длиною и 5 вершков шириною в плечах. Зато досталось его матери, я уж думала, что она не перенесет этой муки и умрет. Три ночи и три дня она страдала — голова ребенка была 10 часов до половины снаружи, а сам оставался внутри — каково положение родильницы? Уж я хотела в Торжок послать за акушером, чтобы ребенка инструментами вынимать, дабы мать спасти, как, по счастью, Надежда прибежала меня обрадовать, что ребенка вытащили мертвого. Я прослезилась от радости, очень люблю эту Зиновью, она такая славная женщина и такая рукодельная.

А какое это счастье, что Надежда у меня такая мастерица больных лечить. Ежели сосчитать, то верно уже несколько сот человек остались в живых по ее милости. Она так мастерски уничтожает всякие болезни, лишь бы слушались. И какое это счастье в деревне иметь такую знахарку. В родах ли, в опасных ли случаях после родов и во всех скоротечных болезнях она всякую хворь как рукой снимет. Прощай, мой ангел Левочка, целую твои ручки и ножки, много есть о чем писать, да письма ждут этого в Волочек ехать. Ужо напишу.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 15 сентября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 169—170.

92

15 сентября 1852. Рыскино

Дорогой Левочка, пошли поскорее на станцию железной дороги за этими вещами, — если долго не пошлешь, яблоки испортятся.

Сегодня твое рождение, мой ангел. Не столько тебя, как себя и детей и всех знающих тебя и не знающих лично, а только знающих добрые дела твои, поздравляю, что такой человек, как ты, сегодня родился в мир, 60 лет тому назад, и все это время жил на пользу человечества и для украшения собою земного шара. Не думаю, что в наше время нашелся еще другой такой.

Ты верно скажешь, Лева: "Ох! шестьдесят лет!", — и при этом скривишься очень страшно. Но, мой ангел, уверь себя, что во всякие годы человек может пользоваться жизнью, украшать собою жизнь и быть полезным для других, что в своем роде есть также превеликое наслаждение. А чем старше человек, тем он может быть полезнее другим, по приобретенному влиянию в круге своих действий.

Если умножение лет приближает нас к смерти, то и тут, во-первых, очень часто умирают и моложе нас, а притом, разве смерть есть зло, когда она соединяет нас с Богом? Как бы рано не умереть, надо радоваться, что 20-тью или 40-ка годами ранее призваны в вечность.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 16 сентября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 170—172.

93

16 сентября. 1852. Рыскино

Сейчас получила я письмо твое, Левочка, где ты спрашиваешь, что делается с письмом Мишиньки, которое он писал к к(нягине) Голицыной о сватовстве Николиньки? Это письмо у меня, но я не решаюсь посылать его вот почему: если бы Миша послал его от себя, это было бы ничего, он говорил об этом с Голицыною, он и пишет о том же — тут нет никаких серьезных заключений и последствий. Но такое письмо послать тебе или мне Голицыной — уж это чисто формальное предложение, и я не могу пуститься на такой решительный шаг прежде, чем Николинька того пожелает или сблизится с девушкой и узнает ее покороче. Хотя письмо писано Мишей, но его запечатает твоя или моя печать, подпишет адрес на пакет твоя или мой рука. Это все равно, что предложение пошло бы от нас, а мы с тобою в таких летах и в сане родителей не можем поступать ветренно, необдуманно. Пошли это письмо Миша, оно ни к чему не обязывает, пошлешь его ты или я — оно делается делом уже серьезным, и хотя Николинька оказывает желание жениться на Наташиньке Львовой, но он так мало ее знает, а ты так мало ее хвалишь, что страшно пускаться опрометчиво на такое важное дело, притом, признаюсь тебе, что я думаю, он был бы счастливее с Сенявиной. Ты считаешь эту последнюю ветренною, светскою девушкой, но как Миша видел ее в деревне, она не оказала никакой ветренности, а напротив, много благоразумия. Это правда, что я сама желала женить Николиньку на Львовой, очень горячо этого желала* ее покороче. Я же, с своей стороны, боюсь способствовать к ускорению этого дела. Оно слишком важно, и Николинька наш слишком дорог, чтобы торопиться.

В пользу Наташи говорит ее семейство, доброе, прекрасное, почтенное. Также весьма хорошее состояние. Но ее личные достоинства нам вовсе не известны. Что она добрая и скромная девушка, это верно, но ведь и ум и дарование необходимы в подруге целой жизни, и до какой степени ее умственные и душевные качества могут счастливить Николиньку, это надо ему самому испытать. Ему надо зимою побывать в Петербурге, почаще ездить к тетушке Львовой и рассудить так, что ежели день ото дня ему там все уже лучше и приятнее, день ото дня девушка ему кажется милее и любезнее, то пусть идет все дальше. Если же с первых попыток оттолкнут его, если общество девушки покажется ему невесело, неприятно и не будет его счастливить, если он увидит, что нет в ней ничего, что бы могло привязать его в последствии так крепко, чтобы жить с нею душа в душу и любить ее больше самого себя, — в таком случае, по моему, лучше не жениться на ней. Женишься раз на всю жизнь, то каково же жизнь проводить с немилой женой?

Если Николиньке станет казаться его кузина привлекательна, но его будет удерживать опасение, чтобы ему не отказали, как Сиверсу и Голицыну, тогда чтобы знать, можно ли продолжать сближаться с Львовыми, я могу по старой дружбе и по родству, написать сестре Наталье Николаевне два слова:

“Ma che?re cousine, votre petite Nathalie plaot a mon fils Nicolas; mais ils se connaissent trop peu pour

se marier. Permettrez vous d'espferer, que si les jeunes gens s'accordent, mon fils n'aura pas de refus? S'ils ne se conviennent pas, c'est tout simple qu'on se retirera, chacun de son cote"**.

Торопиться очень страшно и оттого я не решаюсь послать Мишино письмо к Голицыной. Я сама его просила написать его, но я думала, Миша сам его пошлет. Между молодыми родственниками, оно бы и ничего, ни к чему бы и не повело, если бы Коле не стала нравиться Наташа. А от нас письмо послать, уж оно слишком было бы многозначительно, и если после того Николинька отшатнулся бы от Львовых, нас бы съели все родные.

Сочли бы девицу обиженною и основывали бы свои жалобы на том, что как, дескать, родители,

люди уже немолодые, могли бы рассудить, что значит такое письмо; как можно так шутить, такими важными делами!

Да оно и правда. Отошли Миша сам свое письмо, потом бы Коле не понравилась невеста, и он бы отстал от нее, тут жаловаться нечего, Миша писал к Голицыной по поводу своего с нею разговора и только брат о том не знал, ни родители. Но теперь, ежели ты или я письмо запечатаем, надпишем и отошлем от себя, уж это значит, что оно от нас — а мы не можем в этом деле действовать легкомысленно, на авось. Что простительно Мише, то нам не позволительно. От нас посланное, уж это значит, что мы вполне согласны просить руки Наташи для Николиньки, а нам это делать еще рано, когда он сам еще своей невесты хорошо не знает.

Теперь о Сенявиной. Она без состояния, но зато сама как очаровательна! Красота много привязывает в супружестве. Иметь жену такую милочку — большое счастье. Миша говорил, когда от них приехал, что говоря с ней удивляешься, может ли быть живой человек так хорош собою. К этому умна до бесконечности, начитанна, любезна, приветлива, отличная музыкантша, пишет масляными красками мастерски, говорит по-французски, по-английски превосходно. Жила в Петербурге, любила светский шум, наряды; живет в деревне — не скучает и зимою, пишет образы для своей церкви, занимается музыкой, чтением, учит меньшую сестру, и весела и довольна, как птичка. Разве это не сокровище, такая жена?

Ты видишь по письму Николиньки, как он любуется Сенявиной. Ее личные превосходства выше того, чего можно ожидать от Нат(аши) Львовой. Зато у этой состояние хорошее, и нет никакой привычки к светской роскоши, а у Сенявиной нет состояния и привычка светской богатой барышни. Но это можно было в ней находить, когда она жила в Петербурге и мать ее, желая ее пристроить, давала ей средства дурачиться, утопая в роскоши и нарядах. Но теперь, когда такой сильный толчок бросил Сенявину в деревню, когда она сама видит, что не только роскошничать, но даже лишнего ей ничего нельзя иметь, то с ее умом она уже наверное поняла свое положение и не только не прихотничает, а даже готова от всего отказаться, лишь бы ее сердце увлекалось достоинствами избранного ею мужа.

Ты как-то писал мне, Лева, что мать Сенявиной грубая глупая женщина, брат негодный, и все семейство нехорошо. Да какое дело до семейства, когда она сама хороша! Не с семейством жить, а с нею. Ты, например, не любил ни матушки, ни сестер, а меня ставил выше их, и я была тебе не противна. Какое дело до семейства, когда невеста существо превосходное, какова Сенявина?

Я не говорю, чтобы Николинька женился на Сенявиной, но полагаю, что ему надо хорошенько подумать и взвесить все обстоятельства, прежде чем решительно свататься на Львовой. Ну, а как он женится на Наташе, а потом встретит Сенявину да влюбится в нее? Что тогда будет?

Миша, побывав у Сенявиной прошедшую осень, так пламенно хвалил девушку, что я сама в нее влюбилась. Он заставил меня желать иметь ее невесткою. Когда же он передумал* то я стала думать, не имеет ли Коля желание соединиться с Сенявиной, и написала к нему. А он, видишь, что пишет? С каким восторгом говорит о Сенявиной:

"C'est le tipe et le comble d'une femme adorable et charmante, elle reunit tout ce qu'on peut desirer de

trouver dans une jeune personne: esprit, charme, caracte?re, education; talents, beaute peu commune“**.

После этого он заключает, что ей недостает только одного — состояния, а что привычка ее к роскоши так велика, что вышед замуж за Николиньку, она будет жить небогато. Повторяю, что она предавалась роскоши, когда это было ей позволено и когда ее родители в слепости своей думали тем доставить ей богатую партию. Они жили великолепно и одевали ее как великую княжну, чтобы всех уверить, что они чрезвычайно богаты и тем подцепить какого-нибудь князя Барятинского или Воронцова. Но когда теперь весь этот блеск рушился и молодая девушка видит, что ей приходится завянуть в деревне, то не может быть, чтобы она и теперь мечтала о богатстве и роскоши и предпочла бы бриллианты и шали такому мужу, как Николинька.

Все эти размышления останавливают письмо Мишиньки на столе моем вместо отправления его к Голицыной. Я вижу, что Сенявина сильно нравится Николиньке, а Наташа Львова нисколько. Что если он женится на последней, это будет по рассудку, а не по сердцу. По крайней мере, надо, чтобы он ее узнал покороче и удостоверился бы, может ли сколько-нибудь любить ее.

Если же она не притянет Колю и не привяжет его к себе, то Бог с нею и ее состоянием. Счастье дороже, состояние дело наживное, а счастья не наживешь с женою, которая не нравится. Когда мы с тобою женились, мы были бедны; Орловы, Облонские, Могилянские, брат и Елена Петровна были богачи. А теперь, кто в лучшем положении, они или мы? Так и дети наши, пусть не ищут состояния, а выбирают по сердцу себе невест. Миша так и сделал, мне бы хотелось, чтоб и Николинька женился, взяв себе невесту по душе, а не по сундуку ее. Богатство можно потерять, а личные достоинства останутся навсегда. И в бедности с очаровательною женою весело жить, а в довольстве с неприятною подругой не увидишь радости. Надо Коле написать, может ли нравиться ему Наташа Львова, так чтоб очень, а не понравится, то и Бог с нею.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 17 сентября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 172.

94

17 сентября 1852. Рыскино

По твоему приказанию, дорогой Левочка, я сегодня разбирала все письма, которые ты вверил моему попечению. Отыскала только два письма Жуковского, которые здесь прилагаю. Больше нет. Я все перебирала по листочку, перечитывала подписи, сличала почерки и кроме этих двух писуль не нашла ни строчки.

Получила я раки и сыр, мой ангел. Сыр превосходный, а раки, увы! Так испорчены, что в них черви завелись. Не знаю отчего это. Как ты написал мне, я сейчас поехала в Выдропуск, откуда привезли порох Фоме, который за этот порох кланяется тебе в ноги. Не видя раков в Выдропуске, я послала в Волочек. Там сказали, что посылка в Выдропуске, я опять послала в Выдропуск, оттуда и привезли мне эту посылку третьего дня. Уж не знаю, от чего раки испортились. Если от того, что путешествовали продолжительно, так и сыр бы от того испортился, а он и свеж и вкусен так, что чудо. Я думаю, что раки уже тебе достались несвежими, потому что невозможно им так испортиться в это время — развалились в кусочки и все в червях. Не менее того благодарю тебя, мой ангел, за твое желание меня полакомить. Это для меня всего дороже.

Одно из твоих последних писем заключалось такими любезными словами, что я прослезилась. Ты пишешь: “Будь здоров, мой голубчик Аннинька, и люби меня, как я тебя люблю”. Да ведь я тебя обожаю, Левочка, боготворю. Ты мой кумир, после Бога я лучше тебя ничего не знаю.

А как мне приятно, что ты желаешь моей любви, бесценный мой ангел, Левочка. Я всегда готова; только позволь себя любить.

Целую твои ручки, обнимаю тебя миллион раз и столько же раз целую ножки твои славные, которые всегда ходят на добрые дела.

Обнимаю милую мою Соничку. Сегодня день ее ангела.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 20 сентября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 172—174.

95

20 сентября 1852. Рыскино*

Ну, Левочка, я думаю тебе и сказывать нечего, такое блаженство принесли мне радостные письма, которые ты прислал мне и которые получила я третьего дня в 7 часов вечера. С тех пор и до сей поры я, конечно, пятьдесят раз их перечитала, так что знаю все четыре письма и твое пятое наизусть.

В тот вечер я не спала до 4-х часов утра, все сидела на диване и мечтала о том, как теперь Николинька доволен и счастлив, что не только этот страшный смотр с рук сошел, но еще с таким блеском для него. После таких трудов, беспокойств, тревоги физической и душевной, такая сладкая награда! Я понимаю, какая теперь радость у Коли на душе. И тем более ему весело, что он себе самому обязан своими успехами. Видишь, Лева, ты все говоришь, что наш Николинька вял и ни к чему не способен, что при его тихости и ангельской доброте он не сможет хорошо обделывать такие дела, которые требуют бойкости и распоряжений. А вот, мой друг, видишь, где нужно, каков наш Николинька? Хоть тихо и смирно, но он всегда достигает отменных результатов, потому что прилагает все свое старание и притом заботлив до бесконечности. У него твоя редкая исправность и твоя необыкновенная любовь к обязанностям по службе. Смотри же, папаша, перемени свое мнение о Николиньке и не считай его вялым, а молодцом, настоящим гусаром.

Уж я знаю, что наши дети, где нужно, никогда лицом не ударят в грязь, а всегда выйдут из дела с честью и похвалою. Они слишком умны и самолюбивы, чтобы им делать дело как-нибудь. Где не нужно, тут и хлопотать нечего, а как скоро где требуется, тогда нет меры их заботливости и стараниям. Коля это показал в корпусе и теперь над своим полком, Миша то же самое сделал на Кавказе. Они оба молодцы и когда нужно себя показать ни который не останется и за печку не спрячется.

Уж конечно, первые приятные впечатления на Государя сделали новые седла и новые конские приборы, которые ты по своей милости и родительской нежности так удачно устроил для Николиньки. Не шутка, как целый полк нарядных гусар выехал на конях в новой прекрасной сбруе! Видно и царю бросилось оно в глаза, несмотря на то, что его глаза привыкли к чистоте и наряду гвардейских полков. Но седла и сбруи могли понравиться Государю и помочь нашему Коле только в церемониальном марше, а уж на маневрах и ученье сбруя не спасла бы Николиньку, если бы полк худо учился. Тут уж чисто его собственное старание и забота. Если бы он полком не занимался, не то бы было, полк был бы посредственный, ан вместо того полк превосходный. Ведь уж это чисто его старанием и заботою. Не правда ли, Левочка? Если приписать это счастию, то ведь Суворов правду говорил, что со счастьем на скрипке не играют, надо тут и уменье. Уж не нашел бы Государь, что полк учился и маршировал отлично, если бы он все это делал плохо. Должно же быть, что полк исправен во всех отношениях, а уж такая исправность непременно происходит от полкового командира.

Рад и счастлив ты бесконечно, я это вполне знаю по своим собственным чувствам. Но еще же, Левочка, будешь писать к Николиньке, расхвали его попечение, старание и заботливость о полке. Твои похвалы придадут ему силы и охоты. Он, видишь, бедняжка даже похудел от трудов. Несмотря на свою дихоралку, он не переставал трудиться. Осыпь его своими похвалами за его

Несмотря на свою лихорадку, он не переставал трудиться. Осыпь его своими похвалами за его терпение и мастерство, он тебя обожает, твои слова его потешат до глубины души. Не скрывай от него всей твоей радости, мой ангел. Когда что не так, журим детей, когда же они утешают нас, необходимо им высказывать весь восторг наш и нашу благодарность. Ты, конечно, так и сделаешь, но я уверена, что моя просьба о том придаст твоим выражениям еще больше красноречия. Ты так добр ко мне, всегда исполняешь мои желания, поэтому что касается до детей, ты услышишь и исполнишь мою мольбу еще охотнее.

Я воображаю, как наш Коля был хорош в своем мундире, со своим эксельбантом*, на коне перед своим полком. Все гусары молодцы, а он их всех лучше и краше, настоящий гусарский полковой командир. Государь как нельзя лучше умел выбрать, какой дать ему полк. Из всех армейских конных полков, этот всех красивее, из всех армейских командиров, пехотных и конных, наш Коля всех молодцеватее. Слава Богу, что все наши беспокойства, Колины, твои, мои, так счастливо кончились. За все надо Господа Бога благодарить, он все нам посылает, всякую радость, все от него — он и сердце царево держит в руке своей, он и нашему Коле дал столько сил и уменья, что он достиг таких великолепных успехов, несмотря на столь короткое командование полком, несмотря на грусть и скуку своего одиночества и трудов не по вкусу. Сказано в писании: “всяк надейся на Господа, не постыдится и не погибнет!” И точно, только уповай на Его всемощную помощь, все будет для нас с успехом. Он и бодрость посылает, и уменье, он и все обстоятельства и все умы движет в пользу своих любимцев. Не так ли, мой ангел?

Все забываю тебе сказать, Лева, вообрази, что я несмотря на свои 53 года вышиваю бисером так же чисто и ровно, как лет 15-ть тому назад. Это меня восхищает, что я ничего не утратила из выгод своего близорукого зрения. У меня был не кончен большой воздух, теперь готовится своя церковь, то эти воздухи и поступят сюда, вот я и впялила в пяльца свой недоконченный воздух, вышитый до половины. Да как стала шить, то сама не надивлюсь, как эта работа у меня хорошо идет. Сама вдеваю шелк в иголки, а какие иголки, что в руках нечего держать. Не правда ли, Левочка, как это весело, что я так хорошо вижу сблизка? Вот выгода близоруких, что под старость очков не надо.

А сколько я сегодня гороху намолотила! Посеяно было 10 четвериков, а получила 196.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 7 октября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 174.

96

7 октября 1852. Рыскино

Дорогой Левочка, Миша приехал ко мне в пятницу, 3-го числа, хотел уехать вчера в понедельник, но по моей просьбе подарил мне еще денек и уезжает сегодня. Говорить тебе о моей радости, что еще раз он возвратился с Кавказа жив и целехонек — было бы лишнее. По твоим чувствам ты можешь судить о моих. Он весел и шалит как ребенок с милой Соничкой, которую люблю как дочь. Вдвоем они так меня смешат, что у меня иногда лицо запухнет от смеха, и тем охотнее я смеюсь, что на сердце легко и наполняет его глубокая благодарность к Богу, что не оплакивать приходится Мишу, а смеяться, то есть надседаться от смеху, от его шалости и дурачеств.

Теперь позволь тебя попросить, прилагаемое письмо с деньгами отправить к сестре Катерине Дмитриевне не с кем, как с Иваном Ив(ановичем) Клицою74, а его попроси и от себя и от меня помочь сестре вот в каком деле, да и ты сам, мой ангел, ей помоги. А в чем дело, тебе Ив(ан) Ив(анович) Клица расскажет, когда возвратится от сестры, или ты прочитай мое письмо к ней, а потом запечатай своей печатью и отошли к ней запечатанное.

Ежели ты ничего из моего письма к сестре не поймешь, то уже пусть дополнит рассказ этот г-н

Клица, которому сестра расскажет в чем дело, а ты, мой ангел, только в том ей помоги, что возьми подписку с того барина, который покупает сестрин вексель от Ланских, чтобы он ее не обманул. Он даст сестре 75 (копеек) за рубль, и я советую ей себя успокоить и этот вексель продать с вышесказанною уступкой. Но для этого сестре надо подать прошение, чтобы ей возвратили ее вексель, который находится при деле. А когда он будет возвращен, как бы этот барин, который покупает вексель, не прижал бы сестру, не стал давать бы ей меньше, или бы совсем не отказался и не оставил бы ее ни при чем. Ангел мой, помоги ей в таком важном для нее случае, для сестры этот вексель не безделица. А кому же ей и помогать, как не нам? Ближе нас никого нет у нее, да и как же не помочь родной сестре, когда чужим помогаем?

Вступись, мой ангел, за сестру, как бы за меня вступился. Она для меня то же, что для тебя брат Иван Яковлевич75. Она мне старшая сестра, моя крестная мать, содействовала в моем детстве моему воспитанию, следовательно и воспитанию наших детей, потому что она дала мне охоту и внушила желание учиться и учить меня, когда отъезжала от нас Анна Прокофьевна. За благодеяния, оказанные нам в малолетстве, мы должны отслуживать в лета зрелые, тем более, что теперь сестра по своему одиночеству нуждается в нашей помощи.

Не откажи, мой бесподобный Лева, помочь сестре советом своим и вмешательством. Целую твои ручки и ножки и благодарю за все присланные тобою лакомства и все вкусные вещи. Сестру Александру Константиновну обнимаю, хотела к ней написать, да уж не успею.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 11/13/15/17 октября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 174—177.

11 октября 1852. Рыскино

Успокоилась я на счет Мишиньки, дорогой Левочка, по крайней мере, в настоящее время знаю, что он в безопасности до апреля, а там, авось, Бог поможет пристроить его так, чтобы он не уезжал на Кавказ. А вот теперь беспокоюсь за Николиньку. Слышу со всех сторон, что он похудел от лихорадки, потому лихорадка его не прошла. А если похудел, то и ослабел. А в Гродненской губернии холера, следовательно и Слоним не в безопасности от холеры, потому что он в Гродненской губернии. На человека крепкого сложения, здорового холера и не подействует. В Петербурге была холера и к Николиньке не приставала, потому что он был здоров да и от холеры вдалеке. Но теперь совсем другое дело, ежели холера попадет в дивизию, она не минует и Колиного полка, а будет у него в полку, будет у него и в доме, может и к нему пристать, потрясенному лихорадкой. Будут у него солдаты больные холерой, ему нельзя их не навещать, и хоть холера не прилипчива, не менее того вид этой болезни, особенно корчи, сильно действуют на мысли и от мыслей пристает холера, особенно если к тому есть в теле некоторая простуда.

Все это меня очень тревожит, и я постоянно боюсь за Николиньку. Поехала бы к нему сейчас — да он меня не желает, а незванный гость хуже татарина. Сиди и мучайся на месте. Иногда думаешь, лучше бы детей не иметь. А то все мучься да страдай.

Дорогой Левочка, у меня есть просьба к тебе. Трое из моих крестьян, Новоторжского уезда деревни Седельникова, Николай Матвеев, Яков и Иван Александровы, ушли с весны в работу и до сих пор нет о них никакого известия. Другие и домой писали, и денег присылали, а эти трое как в воду канули. Ушли они отсюда на барках в Петербург. Нельзя ли поискать их в Петербурге. Живы ли они, или не попали в полицию за что-нибудь и гниют в какой-нибудь чижовке, тогда как здесь о них беспокоятся, полагая, что они пропали.

Есть в Петербурге здешней отчизны, деревни Рылова крестьянин Зиновий Финогеев. Прикажи ему сказать, чтобы он принес оброку за этот год 20 (рублей серебром), в получении дай ему расписку, а деньги отдай сестре Александре Константиновне на мои покупки. Где этот крестьянин живет в Петербурге, наши люди знают

крестьянин живет в Петербурге, наши люди знают?

Теперь о Костиньке76 и намерении его жениться на дочери купца Никонова. Ежели девушка хорошая и хорошо образованна, то давай Бог; если же она похожа на прочих купеческих дочерей, белится, румянится, жеманится и имеет скверные зубы — то никакие миллионы не спасут ее от несчастья быть не на своем месте. Впрочем, это до нас не касается. Костиньке жить с женою, а не нам, и мнение сестры Александры Константиновны несравненно в этом случае важнее моего. Хорошо взять миллион приданого за женою, дай Бог, чтобы это дело сбылось и чтобы Костя был своим выбором доволен. Желаю успеха и счастия. Напиши, Левочка, что будет из этого, оно очень любопытно. Только правду сказать, не совсем приятно иметь купца такою близкою роднею. Они всегда грубоваты, а как богачи, то еще вдвое от того грубее. Ну, да это

безделица в сравнении с выгодами, какие доставит это супружество семейству сестры Александры Константиновны.

Не знаю, как благодарить тебя за помещение моей хорошенькой Лизаньки в заведение. Ты писал, что ее поместили в Александровский институт, то я не знаю, Лева, куда это? Есть в Смольном Александровское отделение, есть на Васильевском острове Александровский институт, бывший дом трудолюбия, где воспитывалась Аннинька Карнаухова. То в которое из этих мест помещена моя Лизанька?

В которое бы то ни было, все-таки кланяюсь тебе в ножки и благодарю тебя, что ты ее поместил и все-таки не убил Гофмана. Дело обошлось без убийства, слава Богу, что ты Лизаньку поместил, все так рады. А вот беда, что нынче по шоссе так пусто, что тут происходят убийства, даже одному человеку опасно ехать ночью. У меня крестьянина чуть не убили. Хорошо, что в ярмарку из Торжка ехали выдропуские, настигли убийство; бивший убежал, а моего крестьянина подняли замертво, но он остался жив. Ехал из Торжка с возом капусты, другой пеший назвался из Будова и попросил взять его в товарищи, оба сели на возу, мой крестьянин сдремал — это было ночью, а гость со всей силы ударил его в голову сзади камнем, который он видно приготовил для этого. Мой крестьянин не ожидал такого угощения, упал на мостовую, а приятель с возу за ним и давай добивать своим камнем. Хорошо, что ехали люди, и разбойник оставил свою жертву, убежал, не забыв однако же унести с собою кушак и шапку своего пациента. Сделали розыск, нашлось, что убийца точно будовский житель, еще и сотской, а такие дела делает. Теперь он под судом, содержится в стану под арестом.

Любопытно, как люди склонны ко злу! В Торжке одна женщина задушила свою родную мать за то, что старушка увещевала ее вести себя хорошо и не водить в дом разных приятелей. Другая женщина бросила трехмесячного своего ребенка в реку. Его прибило к берегу, мать столкнула его подальше. Услышали крик ребенка и отняли его у этой безбожницы еще живого. Страшно, какие дела происходят на белом свете, но для тебя это не диковинка. Я думаю, что каждый день слышишь такие славности.

Еще благодарю тебя, Лева, за г-жу Благову. По твоей милости, внук ее, малолетний Кондратский помещен в Царском Селе, а сын переведен по своему желанию в береговую черноморскую линию. Спасибо тебе, мой ангел, что ты исполнил мою просьбу. Теперь позволь еще попросить о Тесницких, что делается с их билетом и скоро ли его им выдадут?

Я просила тебя о сестре Екатерине Дмитриевне. Душинька, Левочка, ей надо помочь, это святая обязанность. У нее никого нет кроме нас. Помоги ей, мой бесценный.

13 октября (1852)

Вчера с Мишинькиным камердинером Александром я получила разные вещи и лакомства; также письма от Миши, Сони и сестры Александры Константиновны. А ввечеру два письма от тебя, мой ангел, 8-го и 10-го числа. Как ты несказанно добр, мой ангел, что хотел устроить так, чтоб Миша венчался в Рыскине, дабы я могла присутствовать при этом торжестве, не предпринимая путешествия в Петербург. Доброте твоей нет предела! Но как же можно с моей стороны

путешествия в Петербург. Доброте твоей нет предела. Но как же можно с моей стороны надавать столько хлопот и тебе и Ланским. Шутка это, всем подниматься с места для моей прихоти. Ведь я могу ехать в Петербург, да только не хочется. Но для такого случая как не приехать! тут сердце будет так занято, что никакие церемонии и никакие скопища людей не помешают. Притом, Миша говорил мне, что ему не хочется парадной свадьбы. Он желает, чтоб никого постороннего не было; наше семейство да семейство Ланских и только. Я очень рада, что он так желает и вполне одобряю его намерение играть свадьбу как можно проще. Я уверена, мой ангел, что ты дашь ему волю в этом случае, потому что эта важная эпоха до него касается болееу чем до кого другого. Пусть он и распоряжается, как ему угодно. А мы с тобой будем только любоваться и плакать от радости.

Поэтому если не будет парадной свадьбы, не будет мне и трудно, и я приеду тем больше с удовольствием, что ты, мой ангел, пишешь, что будешь утешен моим приездом. Ланские меня связывать не могут, они составят с нами одну семью. А если чужих на свадьбе не будет, то мне и будет хорошо.

Левочка, пришли мне, пожалуйста, приказы, где нашему флигель-адъютанту отдается благодарность царская, в особенности. Ведь ты знаешь, как я люблю своими глазами прочитать все хорошее, что касается до наших сыночков. Пришли, пожалуйста.

Ты пишешь, что был в театре и видел только одну фигуру — нашу будущую невестку. Скажи, Лева, так ли она хороша собою,

как о ней говорят? Еще скажи, Лева, когда эти барыни сидели в ложе против тебя, видели они тебя, кланялись ли тебе или не обратили на тебя внимания?

Ты недавно писал, Левочка, что насчет выбора невест родители не должны вмешиваться в дела своих детей. Я совершенно с тобой согласна и ни за что вмешиваться не стану. Только говорю свое мнение, когда меня спросят. Ведь это можно, Левочка?

Благодарю тебя, мой ангел, за участие, какое ты принимаешь в сестре Екатерине Дмитриевне. Целую твои ручки и ножки за нее. Я думаю, Лева, не нужно будет и вексель требовать? Можно так сделать, я полагаю, что когда этот барин, который дает 75 (копеек) за рубль, заплатит деньги, то ему дать бумагу, акт, засвидетельствованный в присутственном месте, что его сестра передает ему свои права на этот вексель. Надо будет спросить, кто знает эти дела, можно ли так сделать, и я полагаю, что добрый Иван Иванович Клица, вероятно, не откажет отобрать эти сведения у кого, где и как следует.

15 октября (1852)

Сейчас был у меня крестьянин из деревни Страхин, которая находится в 5-ти верстах от Каменного. У этого крестьянина я часто брала тряпку на нашу фабрику, а теперь он приехал просить, чтобы похлопотать о его сыне-солдате, живущем в Петербурге, чтобы его оставили на месте, если это возможно, а не угнали бы за тридевять земель. Этот мой страхинский приятель едет теперь на машине к сыну в Петербург, а меня просит замолвить за него словечко. Он представил мне записку моей руки от 1845-го года, на которой сторгована была у него тряпка, на той же записке, хотя в настоящее время довольно грязной, я написала свое к тебе об этом мужичке челобитье. Помоги ему, Левочка, как умеешь, на счет его солдата-сына.

Я очень смеялась анекдоту в твоем письме о двух братьях и приросшей руке мертвого к руке живого брата. Смеялась тому, что ты говоришь, все этому верят! Да как же может быть такая вещь? Разумеется, выдумано, в назидание скрягам.

Жандармский офицер, который тебе привез мои яблоки из Волочка, есть тот самый Грищук, который мне много помогает по делам моим в Волочке в отношении к железной дороге. У меня беспрестанно стоят там крестьяне в работе, и этот г-н Грищук такой добрый для них и умный

защитник, что рассказать нельзя. По его милости все получают плату наивернейшим образом, всех их содержат отлично, берегут и каждый находит себе прекрасное место. Ежели этот господин Грищук еще будет в Петербурге, сделай милость, Левочка, скажи ему спасибо за меня. Теперь работы на чугунной дороге кончились, но до сих пор он оказывает мне всякую помощь, и я была бы тебе очень благодарна, мой ангел, если бы ты сказал ему доброе словечко из любви ко мне.

Вот и снег напал, и зима стала, и 7 и 8 градусов мороза каждый день. И пойдет это оцепенение природы месяцев на семь и более. Дай Бог терпения, а уж какая скучная вещь — зима! Тем скучнее она для меня, что я зимою всегда чувствую какое-то нездоровье, слабость, внутреннее

расстройство и для разнообразия частую бессонницу и с тем вместе зубные страшные боли. Нынче еще этого не было, а прежние зимы, особенно две прошедшие, я была совершенно измучена то глазною болью, то нарывами на глазах, то бессонницею, по два и по три месяца, так что все сутки я не спала боле полутора или двух часов и по целым ночам чувствовала то страшную зубную боль, то страшную тоску: так что во всем обширном моем доме не находила места. Вот за что и зиму не люблю, что она играет со мною такие штуки. Дай Бог, чтоб нынче без этого обошлось. А как пойдут сильные морозы, и ни в доме, ни в избах не натопишься. Все жмутся, зябнут, простужаются. Такая это скука. Много топить опасно, а топить как следует — холодно. Уж я думаю, ты и сам не большой охотник до зимы? Береги себя, Левочка, мой ангел, от простуды, теперь простудиться легко.

17 октября (1852)

Прилагаю здесь пакет от вышневолоцкого предводителя. Должно быть, ответ на твое письмо. Я давно его получила, да все забывала к тебе отправить. Рекрутская квитанция попала к тебе по ошибке, я ее получила и благодарю, что не задержал. Она нужна мне именно в сию минуту.

Посылаю тебе, мой ангел, дюжину полотенец, готовых совсем, обрубленных. Сидор говорил Соничке, что у тебя полотенца худы. Утирайся новыми на здоровье, только извини, что они толстоваты. Это от того, что очень плотны. Но кажется, что у тебя один вкус со мною на этот счет. Кажется, ты тонких полотенец не любишь как и я, потому что когда утираешься, тонкое полотенце не так воду в себя вбирает. Не так ли?

Получила я письмо от Софьи Николаевны Корсаковой, которая пишет, что помолвила дочь свою Веру за статского советника Ганскфельда. Его очень хвалит, только жаль, что он служит в Восточной Сибири и живет в Семипалатинске Томской губернии, за 3700 верст от Москвы. Жаль сестру Софью Николаевну, она так любит свою дочь Вериньку, никогда ни на одни сутки не расставалась с ней, а теперь такая дальняя разлука предстоит. Дай Бог счастья Вериньке. Она умная, добрая, славная девушка. Сделай милость, Лева, напиши от себя письмо к брату и сестре Корсаковым, поздравь их и пожелай их невесте всякого счастья. От меня не поздравляй, я сама напишу.

Извини, что нехорошо нынче пишу, у меня правая рука ослабла и болит, когда пишу.

Все забываю, Левочка, тебя поблагодарить за Надежду. Она получила твои 5 (рублей серебром) и целует твои ручки. Прощай, Левочка, обнимаю тебя. Пора отправлять Мишинькиного Александра, чтобы он на машину не опоздал.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 17 ноября 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 178.

98

17 ноября 1852, Рыскино

17 ноября 1852. Власово

Есть на свете сельцо Упрышкино *, дорогой Левочка, недалеко от Каменного; в этом Упрышкине живет одна барышня Любовь Кузьминична Зайончковская **. Она бедна, нам соседка, то и разумеется в трудных обстоятельствах ей не к кому обратиться. По бедности своей она в разное время перебрала у меня около ста рублей (серебром). Я это говорю тебе для того, чтобы ты знал мое к ней хорошее отношение и участие.

Теперь она приехала и просит твоей помощи вот в чем: у нее в Новгороде живут крестьяне, которых подрядчик не расчитывает***, и потому она сама хочет ехать в Новгород; но как бедная девушка — у нее всего с братьями 25 душ — не зная никого в Новгороде и без всякой протекции,

она боится, чтобы поездка не оказалась бесполезною, что было бы для нее, по ее малым средствам, очень чувствительно. И потому она просит тебя сделать милость, прислать для нее ко мне письмецо к жандармскому штаб-офицеру, служащему в Новгороде, Бычковскому, только о том, чтобы оказал ей, Зайончковской, всякую законную помощь ее делу. Напиши письмо к Бычковскому, ангел мой Левочка, и пришли это письмо ко мне, а я передам его Зайончковской и она с ним поедет в Новгород. Сделай милость, поспеши прислать нам письмо к Бычковскому, чтобы моей приятельнице поскорее можно ехать в Новгород хлопотать о своих крестьянах. Прилагаю здесь ее собственное письмо к тебе, и хоть писано оно едва понятным образом, но уж нечего делать, я не вправе удерживать чужого сочинения и по всем правилам честности обещала доставить его к тебе.

Другая просьба от Амалии Матвеевны Давыдовой****. Она показывала мне бумагу, полученную ею за твоим подписом, где сказано, что в конце этого года она, Амалия Матвеевна, может надеяться получить с Глушковской фабрики ***** свои 2800 (рублей серебром). Бумага написана в мае, а теперь ноябрь, то есть конец года. Вот Амалия Матвеевна и просит тебя сделать милость, войти в ее положение и похлопотать о выдаче ей этих денег. Притом просит тебя убедительно, если будут эти деньги, то не присылать их к ней сюда в деревню, а уведомить ее хоть через меня, чтобы она приехала за ними в Петербург. Здесь ей опасно держать у себя такую сумму, притом ехать с деньгами опять в Петербург также страшно ей одной, а деньги-то ей хочется положить в ломбард. То пересылать их взад и вперед только лишние хлопоты и издержки.

Целую твои ручки миллион раз, вообрази, сколько у меня теперь гостей: Амалия Матвеевна Давыдова, Александра Яковлевна Корачинская, Наталья Ивановна, мать Александры Алексеевны, и Сашинька Михайлова, которую ты выкупил из беды, собрав для нее денег за рекрута. Да еще вчера была та самая Зайончковская, о которой начинается письмо мое. Все это собралось вокруг меня в одно время гостить, так что все комнаты заняты постелями. И что смешно, все с делами, все за советом о делах своих. Я точно будто председатель какой палаты, все у меня спрашивают совета, как поступать и, разумеется, с просьбою помочь им по твоей милости в их затруднительных обстоятельствах. Обнимаю Мишу, сестру и Соничку. Храни Господь твое здоровье.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 9 декабря (1852 г.) Власово // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 178—179.

99

9-го декабря. (1852). Власово

Милый Левочка, благодарю тебя за грибы и за прекрасный календарь. Я получила и то и другое; любовалась и кушала с большим удовольствием. Целую также твои ручки за ковер г-жи Мордвиновой, который ты мне даришь. Привези мне его сам и подари 29-го этого месяца, в день моего рождения.

Помнишь Наталью Михайловну Пефт, у которой я купила Власово? Ну, она умерла. Неправда ли, что жаль ее? Ее очень хвалили, славная и преблагодетельная была барыня. Здесь, во Власове, ее все родною матерью называли. Муж ее очень огорчен, они очень дружно жили. Не зайдешь ли к нему, мой добрый Лева, чтобы показать участие к его горю? Это его потешит.

Помнишь Марью Ивановну Рукину, нашу рыскинскую соседку? Ну, и она умерла 23 ноября. Кто бы думал, что она так скоро отправится, она, от которой трепетала вся духовная братия всей Тверской губернии! Дай Бог, ей Царство небесное!

Дорогой Левочка, потешь меня, скажи мне что-нибудь о доходах твоих нынешнего года с

золотых приисков, сколько ты получил и что уплатил из долгов своих? Расскажи, пожалуйста, прошу тебя.

Сестра Катерина Дм(итриевна) тебе кланяется. Не могу тебе описать, как она добра и не взыскательна с нами. Деликатна, совестлива, терпелива, вообрази до чего: она встает в 6 часов утра, а я в 11, и чай пьем в 12, то есть в полдень. Никак не хочет, чтобы ей чай делали особо, и ждет пока я встану, целые 6 часов без пищи. Целый день не слыхать ее, сижу я, где хочу, делаю, что хочу, не только не вижу, чтобы она была недовольна, когда я проведу у себя целое утро или целый день, а ее оставлю одну, но даже совестится войти в ту комнату, где я сижу, чтобы мне не помешать. При всяком же случае говорит: “Как мне здесь хорошо, вы так меня балуете”. А какое участие принимает она во всем, что до нас касается. Если мне какая неприятность по хозяйству или по делам, она, голубушка, тужит и сетует больше меня. Видно, как это ее тревожит и беспокоит. Вот идет другая неделя, что она здесь, и так она всем довольна и так за все благодарит и так невзыскательна, что не только не слыхать ее, но видишь в ней какого-то доброго Ангела. И как она поправилась в лице, такой свежий цвет, что любо смотреть.

Добрая ночь, милый друг. Федор Фед(орович) пишет, что из 14 (тысяч рублей), которые ты по милости своей давал ему для меня, он возвратил тебе 10 (тысяч рублей). Так ли? Помнишь ли ты, что получил? Спасибо!

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 26 декабря 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 179—180.

100

26 декабря 1852. Рыскино

Поздравляю тебя, мой ангел Левочка, с Рождеством, Новым годом и с 54-летнею женою, потому что чрез три дня, как тебе известно, 29 декабря, стукнет мне 54 года. Но я прибавкою лет не скучаю, каждые лета имеют свое утешение. Было бы на сердце легко, а лета нипочем. Все дар Божий.

Смотри, как иногда вечер проходит приятно именно от того, что вечер. Утихла дневная суета, вечером и мысли смирные и расположение духа тоже и как-то отрадно и весело на душе, потому что вечером присядешь плотнее и займешься именно тем, чем нравится, утешаясь мыслию, что не грех вечером и отдохнуть, потому что днем довольно потрудился и поработал, а иногда и покряхтел.

Возьми, как сладко летом под вечер посидеть и полюбоваться природой, когда жар пройдет и воздух тих и уже не удушлив. Редко бывает гроза в вечеру и все как-то, и воздух, и люди, все делается приятнее к вечеру и добрее.

Возьми осень, не слякоть, а начало осени, как приятно собирать плоды летних трудов своих, как сердце успокаивается, что уже ни град, ни бури не уничтожат и не испортят ничего, что ты

сердце успокаивается, что уже ни град, ни буря не уничтожат и не испортят ничего, что ты посеял и пожал.

Так и наши лета с тобою; вечер дня, осень года. Мы теперь пожинаем, что посеяли, имеем надежду женить детей наших, детей добрых, почтительных, нежно к нам привязанных. Даст Бог, доживем до внучат. Как милы нам будут эти крошки.

Теперь не вечер жизни, мы с тобой вкушаем невыразимое счастье вспомнить, что многим были полезны, видим, что приобрели много любви, уважения от людей — твое имя гремит по всей России — меня любят и слушают в здешнем скромном уголку. А впереди Божие милосердие готовит нам поверх нашей несомненную лучшую жизнь. Спаситель умер за всех и кровь его

омоет прегрешения наши, и мы можем надеяться получить у него место, которое будем благословлять, никогда не тужа, никогда не старясь.

Для христианина прибавление годов не есть бремя, не есть приближение к смерти, а светлая дорога к соединению с Богом, источником всех благ, всех совершенств и всякого счастия, как здесь, на земле, так и там, на небесах.

Извини мне мою проповедь, Лева, так пришлось. А все-таки смерть желать запрещается, и все-таки окружать себя ее напоминовениями не нужно.

Благодарю тебя, Левочка, за три квитанции, которым я очень обрадовалась. Тут же я нашла записку о помещении наших крестьян на Варшавскую железную дорогу. Ты спрашиваешь, сколько их будет и какие будут условия? Их будет человек тридцать, а может быть, и больше, условия, какие тебе угодно, только бы их не обижали, то есть крестьян, и чтобы можно было им отойти домой летом, когда нужно. А тебя, мой ангел, прошу поскорее меня уведомить, какая полагается плата рабочим — простому работнику сколько и сколько хорошему каменщику , в месяц, буде есть каменная там работа, и как плата: помесячно или иначе ?

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 28 декабря 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 180—183.

101

28 декабря 1852. Рыскино

Какое приятное письмо* я получила вчера от тебя, мой дорогой Левочка. Ты пишешь, что Коля приехал, здоров, весел, получил 2-ю Анну, принят Государем и Государыней так милостиво. Уж я это письмо читала, читала и сверху вниз и снизу вверх раз двадцать.

И то меня радует, что Львовы сами желают нашего Николиньку, а ежели и он не прочь, то что же долго думать, и с Богом! Но все-таки надо, чтобы он сам это дело решил.

А уж за рябчики извини, Лева. Зачем же ни ты, ни Коля мне об этом ничего не сообщили. Я спрашивала и сестру Александру Константиновну, когда она здесь была, и Соничку — обе сказали, что ничего не знают. А из Вологды мне не писали, что приказ о рябчиках был написан рукою Николая Леонтьевича, я и думала, что это Сидор или Агафон дали приказ привозить по 100 пар. Мне из Вологды написали только, что “в нашу вотчину пришел приказ высылать по 100 пар рябчиков в Петербург, а нам, матушка, это очень трудно; мы сами стрелять рябчиков не умеем, покупаем их, да столько в нашей стороне их и не найдется, надо верст двести ездить их отыскивать, да и 25 пар мы посылаем с попутчиком, а на 100 пар надо особую подводу, это будет до ста рублей стоить взад и вперед”. То сам рассуди, от тебя ничего не слышу и не знаю, кто это приказал, потому что про Николинькину руку я мимоходом здесь от одного из плотников слышала и то не поверила. Конечно, мне бы надо было тебя спросить, но я все забывала. Теперь, когда вижу, что это твое желание и твой приказ, я велю им на мой счет покупать и возить по 100

когда вижу, что это твое желание и твой приказ, я велю им на мой счет покупать и возить по 100 пар рябчиков к тебе, чтобы не уморить тебя с голоду. Мне дорого угодить тебе, мой ангел бесценный, и я велю делать этот расход из оброку, потому что для самих крестьян оно было бы отяготительно. Вперед, пожалуйста, уведомь меня, если ты дашь куда какой приказ, а то и не знаешь, как понять, когда от тебя ничего не слышно.

Когда дети соберутся сюда ехать, напиши и мне, пожалуйста, заблаговременно, какого именно числа они выедут, чтобы за ними послать экипажи в Волочек. Пришли с ними и Соничку, без нее скучно будет. Она так оживляет всех нас своею живостью и милым характером, а также хочется обнять ее, мою милочку, ведь я ее как дочь люблю.

А знаешь, Левочка, мне кажется, Мише не надо бы уезжать теперь из Петербурга. Ты пишешь, что он и его невеста друг друга нежно любят, то зачем разлучать их? Мне не хочется быть причиной ее скуки. Она уж, конечно, будет скучать без Миши, то зачем же ей такую грусть причинять из-за меня, тогда как я всем сердцем желаю содействовать ее счастью и не причинять ей ни малейшего огорчения? Я помню, как в старые годы я скучала без тебя и как это было тяжело для меня. Один день покажется за сто лет, все немило, все сердце жмет, ждешь милого, не дождешься. Ведь с проездом пройдет дней пять. Каково же ей будет? Мы должны содействовать тому, чтобы их сближать, а не разлучать, еще таки служба, то другое дело, а тут на что же расставаться с невестой, когда я этого не требую? Сказано в Святом Писании: “отлепись от отца и матери и прилепись к жене”.

Постоянное пребывание вместе скрепляет любовь между супругами. Теперь они женихи, самое лучшее для них это время, то зачем же мне мешать их благополучию? Нет, Лева, не пускай Мишу ко мне, не хочу я разлучать невесту его с ним ни даже на несколько дней, не хочу огорчать ее ничем. Пусть она не знает от нас ни скуки, ни печали, пусть, пока мы живы, не проронит она от нас ни слезинки. А ведь она поплачет без него, а если нет, то ей надо себя удерживать, скрывать свою скуку, тогда как это несносно скрытничать, когда сердце болит. Не хочу, Левочка, мой ангел, не хочу, чтоб она, такая милая, славная грустила бы по моей милости, тогда как моя обязанность ее счастливить. Не в том любовь к детям, чтоб их держать у себя, а в том, чтобы содействовать их благополучию.

Наталья Александровна Дубельт

И потому прошу тебя, не пускай Мишу в Рыскино, да мне кажется, всем-то незачем сюда ехать. Ежели Коля решит сватовство свое и ежели свадьба его будет во время пребывания его в Петербурге, то уж нельзя ее решать позже февраля. Это не далеко, а уж, верно, Коля не попрепятствует мне приехать к нему на свадьбу, как я намерена была приехать на свадьбу Мишиньки? Вот тут и увидимся. Все эти поездки лишние расходы, а теперь деньги нужны вперед. Ежели Николинька ничем не кончит или сосватается, но свадьбу отложит до другого времени, то мне бы хотелось посмотреть на него до отъезда его в Слоним. Тогда ему надо сюда приехать. Если же он женится теперь, то зачем ему приезжать ко мне в январе, когда в феврале надо мне быть на его свадьбе? Увидимся тогда в Петербурге.

Итак, мой Лева, если до Великого поста наш Николай не женится, пришли его ко мне с Соней, когда заблагорассудишь, только напиши вовремя, чтобы мне успеть послать за ними в Волочек. Но ежели свадьба Николинькина будет в этот мясоед, то уж ему сюда и приезжать незачем, а я стану сама собираться в Петербург.

Может статься, Ланские согласятся подвинуть и Мишину свадьбу и сыграть ее вместе с Колиной. Ежели Мише придется ехать опять на Кавказ, то после Пасхи нельзя и свадьбы ему дожидаться. Пасха будет 19-го апреля, но на Святой неделе не венчают. Прежде нельзя венчаться, как в Фомино воскресенье, это 26-го апреля, а Мише надо быть на месте в начале мая. Уж это слишком тяжело сейчас после свадьбы в поход. Дай Бог, чтобы он остался в Петербурге, но как он не хочет перейти ни в кавалергарды, ни в конногвардию, то вряд ли можно его пристроить. Не

решится ли Наталья Николаевна Ланская сама попросить Государя для дочери, чтобы ей, такой молоденькой, не ехать в Шуру, не расставаться с мужем сейчас после свадьбы, чтобы он оставил Мишу в Петербурге; а как оставит, у него средств много. Он так милостив к ней, а она так умно и мило может рассказать ему положение дел, что, вероятно, он поймет горе молодых людей и поможет им. А уж ежели Мише неминуемо будет надо ехать на Кавказ, то после Пасхи свадьбы играть некогда и надо им венчаться до масляной; а как тут и Николиньке надо кончить свой коротенький роман, то уж за одно бы в один день или на одной неделе обе пары обвенчать, если все на то будут согласны, особенно женихи и невесты. Впрочем, это мое мнение, а пусть делают, как лучше. Я только к тому веду свою речь, что ежели обе свадьбы будут в этот мясоед, даже одна Николинькина, то ведь же я приеду на его свадьбу — неужели он этого не захочет? А ежели приеду, то это будет в феврале, потому незачем им и ездить в Рыскино в январе. Только лишние издержки и хлопоты, а я очень счастлива и так, когда знаю, что они здоровы и веселы, оба в таких прекрасных обстоятельствах, оба имеют такую приятную перемену жизни. И притом, Мишу не хочу разлучать с невестой, чтобы не огорчать ее, потому что она уж к нему стала привыкать и ей будет скучно без него, а Коле надо еще знакомиться с невестой, потому что время коротко и следовательно чрезвычайно дорого. Коля знает Наташу Львову только с виду, а этого мало, надо им узнать друг друга покороче. И оттого всякая отлучка, даже самая коротенькая, может повредить сближению его с девушкой, которая такую важную роль должна играть в его жизни.

Я говорю о женитьбе Николиньки с Наташей Львовой как о деле, которое должно, как видно, быть делом решенным. Он не прочь, со стороны невесты все этого желают, ты заодно с ними, то кажется и препятствий нет никаких. Мое же дело благословить сына, любить невестку, а о Сенявиной забыть совершенно. Куда Коля, туда и я. Мне казалось, что ему Сенявина нравится, и я толковала о ней, а как теперь все клеится с Львовыми, то и я всем сердцем буду этим довольна.

Теперь меня такое любопытство берет, не поверишь, как хочется узнать о решении Николиньки насчет его невесты. Все готово, теперь только от него зависит кончить. Ты писал, что князь Голицын звал его к себе обедать, там он виделся с Наташинькой. Мне ужасно хочется знать, как она ему кажется, что говорил он с ней и что из этого выйдет. И день и ночь думаю о наших сыночках и невыразимо счастлива, что они оба женихи в одно время. Иногда сама себе не верю, что доживу до этого блаженного дня, когда они будут женаты.

А знаешь, Лева, какая у нас в Рыскине странность. Наверху, в Колиной горнице, есть небольшой столик домашней работы с натуральными двумя готическими буквами, которые я всегда старалась угадать и никак не могла. Одна буква N, другая изломанный L, я все говорила, что это значит Nicolas Leontievitch, а теперь как посмотришь, то выходит NL и NP — Natalie Lvoff и Natalie Pouchkine. Этого рассказать нельзя, а надо видеть. Я тебе буквы не так здесь написала, не умею делать так, как они на столике, а как смотришь на эти самородные буквы, то так и видишь буквы первоначальные, составляющие шифры наших невесток. Я этот стол буду сохранять с большим старанием как странную игру природы, игру такую для нас пророческую. Дай Бог счастья обоим парочкам, а нам подольше ими любоваться.

Чудесный ты человек, Левочка, и дивный отец, что ты отдавал свои алмазные знаки за Мишиньку. Конечно, в наши с тобою лета успехи таких дорогих и чудных детей, как наши, несравненно приятнее всяких алмазов. Но тут уж видна вся воля провидения, воля Господня ничем изменена быть не может, надо ей повиноваться.

Я получила копию с твоей грамоты и в тот же день прочитала ее в газетах. Мне нравится, что Государь написал тебе такую грамоту — точно милое и любезное письмо. Изъявление благодарности тронуло меня до слез. Такой великий Государь благодарит своего подданного! Как это умно и великодушно. Всякий обязан ему служить даже безвозмездно, да и служить также и для своей выгоды. А он царь наш и, как говорят по-русски, Бог земной, он не только награждает, да еще и благодарит! Конечно, кто как служит. Тебя не только Государь, но я думаю и Господь Бог, когда Его увидишь, поблагодарит за все добро, сделанное в его прекрасном мире, хоть ты и

бранишь подчас этот мир, но все-таки он прекрасен, хоть я говорю и Господь скажет тебе спасибо за пользу, приносимую тобой человечеству, а все-таки спасибо царя вещь трогательная. Он так высоко над нами, что мог бы думать “и то довольно, что наградил”, а он еще и благодарит притом.

Благодарю Бога и тебя, мой бесценный Левочка, что ты удостоился получить такое лестное письмо от своего Государя, величайшего из монархов целого мира. Я столько раз перечитывала это царское послание и в газетах и в присланной тобою копии, что кажется наизусть выучила эту прекрасную высочайшую грамоту.

То-то, я думаю, ты ворчишь на погоду? Не знаю, как у вас, а здесь после совершенной оттепели, после двухнедельной чудной погоды опять снег, морозы до 10-ти градусов. Как будто весна отсрочена до Петровок. А тут-то и берет нетерпение, так страшно хочется лета.

Ты пишешь, Лева, что получил у Власова 900 (рублей серебром) и за исключением 9 (рублей), подаренных Евстигнею, у тебя осталось 891 (рубль серебром), ты спрашиваешь, что с ними делать? А вот что: закажи себе новый дорожный дормез. Ты свой отдал Николиньке, а сам остался при городской карете. Чем пересылать твой дормез из Слонима, что составит большую издержку, да и экипаж так пострадает от дороги, что заплатишь несколько сот рублей только его поправить — лучше заказать новый для тебя, а прежний оставить Николиньке, которому покойнее и приятнее разъезжать в дурную погоду в дормезе, чем в коляске, как она ни хороша; да оно и важнее для полкового командира. Это внушит к нему больше почтения, а чем более нас почитают подчиненные, тем управлять ими легче. Власовских денег, то есть 891 (рубль серебром), конечно, мало для сооружения нового дормеза, но прибавить к этому легче, чем вынуть из твоего одного кармана всю сумму, требуемую для дормеза. Еще же у нас такое множество старых экипажей, что их надо бы поубавить. Теперь случай это сделать, отдав самые ненужные каретнику в счет платы за новый дормез. А что, Левочка, как ты думаешь?

Помнишь, я послала тебе квитанцию Вороны, по которой надо получить с чем-то 300 (рублей серебром)*. Что, Лева, в каком положении это дело?

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 28/31 декабря 1852 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 183—184.

102

28 декабря 1852. Рыскино

Дорогой Левочка, извини меня, пожалуйста, что я иногда забываю благодарить тебя за твои милости. Я получила новый календарь, Готский альманах, ящичек чаю, ящичек превосходного английского сургуча и, верно, еще кое-что, теперь не припомню. За все, за все благодарю тебя и кланяюсь тебе в ножки, а также за те великолепные подарки, которые ты сделал нашей будущей невестке и о которых Миша пишет с восхищением.

А что мы ему подарим? Знаешь Лева, подари ему нашу петергофскую дачу. Он может ее продать, или по окончании срока найма жить в ней, или получать с нее доход, ежели рассудить опять отдавать ее внаймы. Как ты думаешь, Лева?

Кстати о починках и переделках на этой даче. Два года сразу делал там починки, кажется, крестьянин Павла Матвеевича, и так дорого берет, что почти весь доход с дачи уходит на починки. В течение 1852 года он перекрыл конюшню, положил нового тесу только наверх один ряд и подтесник старый, даже гвозди выправлял и клал старые, а взял за это 240 (рублей серебром). В старые годы нашей дачей занимался петергофский архитектор Комаров и все делал дешевле. За что же нам обогащать чужих людей, нам и самим деньги нужны. Когда надо

починить что-нибудь в Петергофе, то попроси Федора Федоровича написать Комарову и поручить починку ему. Он сделает также хорошо и вдвое дешевле. А если отдадим дачу Мише, то пусть продаст ее.

Получила я 145 (рублей серебром), Левочка, за которые благодарю тебя тысячу раз. Ты был так милостив, прежде присылал все мелкие новенькие бумажки — этот раз сторублевая.

Сделай милость, извини меня, что я беспокою тебя, и если можно, будь добр, если еще нам жалованье пришлешь, потрудись мелкими бумажками. Здесь менять затруднительно и всегда мелкие бумажки ужасно грязны и изорваны, а твои, бывало, новенькие, загляденье, как хороши.

31-го декабря (1852)

Ну, Лева, кажется, мне скоро подыматься надо к вам в Петербург? Миша пишет, что его свадьба будет перед масляной, а Колина еще прежде его. Я не знаю, на сколько времени отпущен Николинька?

Ожидаю с нетерпением известий, что у вас делается. Как бы хорошо, если бы обе свадьбы вместе сыграть в одно время и в той же церкви. Только сделай милость, не у Сергия, я что-то этой церкви и священников этих не люблю, а тут надо, чтобы при таком счастливом событии все чувства матери были в порядке. Молитва родителей в такой важный час много значит перед Богом; то надо, чтобы сердце матери не было сжато неудовольствием, а было бы вполне довольно и радостно. Тогда и молитва будет искреннее, глубже и полнее, следовательно и действительнее.

Есть обычай, чтобы родители не ездили в церковь, когда венчаются их дети. Но я непременно поеду и тебя поведу. Как нам не посмотреть на наших голубчиков, когда они будут стоять под венцом? Не правда ли?

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 7 января 1853 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 184—185.

103

7 января 1853. Рыскино

Вот тебе и на! Уж я думала, что Николинька совсем сосватан, а оно еще в долгий ящик пойдет. А я уж кой-кому и похвастала, что оба сына женятся. Так была уверена, что дело совсем решено, что к слову пришлось, я своей приятельнице Дурновой и в Тверь об этом написала, и того смотри, наш добрый Михаил Апполонович прилетит поздравить тебя по железной дороге в Петербург. Только не писала на ком, а написала, что оба женятся, да и только. Эта радость была для меня так велика, что я не могла вместить ее в себя, а теперь как вижу, что до решения еще далеко, то и боюсь, что преждевременным открытием этого события я не сделала бы вреда или неприятности нашему Николиньке.

Ты пишешь, Левочка, что дети хотят непременно ко мне приехать. Спасибо им. Но прошу тебя, Левочка, не пускай их. Ведь я сама скоро буду в Петербурге, то зачем же им сюда приезжать? Теперь надо деньги беречь, да и время коротко, надо мне собраться, а как они приедут, сборам моим будет помеха. Я всегда была возюхина, как то тебе известно, а теперь еще пуще. Столько лет не выезжавши отсюда и сделавшись старее прежнего, мне теперь собираться труднее. И потому, несмотря на удовольствие видеть детей, все-таки они мне помешают, тем менее им нужно приезжать сюда, что мы скоро увидимся в Петербурге.

Извини, что дурно пишу, я не очень здорова. С месяц страдаю невыносимою бессонницею, так

что всю ночь места не нахожу и засыпаю только около 6-ти часов утра. К этому пристала боль в горле, которая по ночам так усиливается и в горле делается такая опухоль, что всю ночь мучусь ужасно. Боль в горле огорчает меня тем, что нельзя будет ехать в Петербург, если не пройдет. Но я надеюсь, что до тех пор исчезнет, и я все-таки буду на свадьбе сыновей или хоть одного Мишиньки, ежели Николинькина не состоится. А на сколько времени он отпущен? То есть до какого числа ему можно оставаться в Петербурге? Напиши, Левочка, мне очень хочется это знать, даже нужно для моих соображений и распоряжений.

С каким нетерпением жду твоих писем, Лева. Все думаю, вот-вот получу хорошенькое известие, а нет еще. Ты пишешь, что Коле надо знакомиться с Наташей, оно и правда, да когда же им знакомиться, когда время так коротко, а Коля там и не бывает? Это-то, мой ангел, ничего,

посылай его почаще к тетушке Львовой, решать-то он пусть сам решает, а ездить туда надо его маленько подтолкнуть. Время проходит, надо ему знакомиться с невестой, уж когда он сделал предложение сам своею охотою, так видно желает на ней жениться. А это правда, что надо поближе узнать друг друга, то ты пожалуйста посылай его туда почаще. Предложение сделано и не отвергнуто, это главное; а теперь для своей же пользы ему надо почаще там бывать. Он сам вяло принимается, то надо его посылать туда, это не значит, что ты у него волю отнимаешь. Пусть решает напоследок, как хочет, а ведь надо же познакомиться поближе. Это его же польза.

Если же никак Мишиньку нельзя будет оставить в Петербурге и ему опять придется ехать на Кавказ, то ведь прежде свадьбы надо будет это Ланским объявить, чтобы их не обманывать. Еще же, Левочка, ты бы с Ланским посоветовался, не придумает ли он чего-нибудь хорошего для Мишиньки. Он его теперь так любит, что, верно, пожелает ему всего лучшего. Оставить Мишу в Петербурге флигель-адъютантом, мне кажется, невозможно, и потому лучше и не терять времени над такою трудною работою. А как время его отпуска быстро улетает, то пора предпринимать, мой ангел, что-нибудь такое, что было бы возможно. Ты не сокрушайся, на обещание не полагайся, мой ангел, в прошлом году тоже самое было — манили, манили, и все-таки Мише пришлось ехать на Кавказ. Так и теперь будет. Мне кажется, дорогой мой Левочка, что уже флигель-адъютантство лучше оставить. Лбом стену не прошибешь, а задумывать что-нибудь такое, что можно исполнить. Вот как я выше говорила, нельзя ли опять его перевести в кавалергарды или конную гвардию, к тестю в полк? Конечно, заводиться опять лошадьми и мундирами составит большой счет, но по крайней мере это дело возможное, как мне кажется. Иначе нельзя Мишу оставить в Петербурге. Хоть тяжело ему будет потерять 4 года службы и возвратиться в гвардию, так мало подвинувшись вперед. Но еще тяжелее оставить молодую прекрасную жену или выйти в отставку. Посоветуйся, Лева, с Ланскими, что они тебе скажут. Ум хорошо, два еще лучше. Они теперь нам не чужие и их участие к Мише так же сильно теперь, как и наша к нему любовь. Участь его связана с участию их дочери; Наталья Николаевна Ланская женщина умная, находчивая, она, может быть, или придумает или приищет что-нибудь такое, что всех нас обрадует, надоумит и утешит. А то скрывать от них этого дела не годится, они все думают, что Миша непременно останется в Петербурге, а тут вдруг сюрприз — Мише надо ехать на Кавказ! Ведь это будет им всем страшный удар, и они могут быть недовольны, что от них скрыли такое важное обстоятельство. Мне кажется, надо с ними поговорить и посоветоваться, что тут делать и как бы общими силами перетащить Мишу в Петербург.

Левочка, милый мой, а квитанции-то все еще нет у меня. Ты опять не забыл ли внести мои 260 (рублей серебром) в Опекунский совет за срок 10-го июня? 10 декабря был полугодичный срок, подвергающий имение описи и опеке, а у нас уже 16-е. Пожалуй, не скажут ни слова и сделают распоряжение. Сделай милость, пришли мне поскорее квитанцию, а также не замедли и те 380 (рублей серебром) внести за срок 23-го июня, которые я недавно тебе послала в виде записки Цвылева к сыну. И за Власово внеси 450 (рублей серебром) из власовских и Колиных денег. Учини все эти три взноса поскорее, мой бесценный, и пришли квитанцию ко мне, чтобы меня успокоить.

Сестра Над(ежда) Ник(олаевна) Мордвинова77 написала мне премилое письмо, где поздравляет с Мишиной женитьбой. Буду сейчас отвечать ей. Обнимаю тебя, мой дорогой Левочка

Мишиной женитьбой. Буду сейчас отвечать ей. Обнимаю тебя, мой дорогой Левочка.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 12 января 1853 г. Рыскино // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 185.

104

12 января 1853. Рыскино

Дорогой Левочка, Амалия Матвеевна едет в Петербург по делам своим, сделай милость, помоги ей получить деньги с Потешкиной фабрики. Ведь она не виновата, что там был пожар, да что же ей от этого терпеть и не получать своих денег? Ежели нужно возводить сгоревшее здание, то ведь и ей нужен кусок хлеба, она так же есть хочет, как и Потешкин. Теперь ей крайность, имение ее продают с публичного торга, и ей же самой надо его купить, чтобы не жить на улице. То учини христианское дело, мой ангел, доставь ей уплату потешкинских денег, чтобы она могла выкупить свое имение, а сгоревшее здание можно и погодить возводить немножечко, пока еще накопятся деньги. Если бы не продавалось имение с публичного торга, Амалия Матвеевна могла бы погодить, но сам посуди, что ей теперь делать? Деньги у нее есть, она ими может выкупить свое имение, а денег не отдают! Помоги ей ты, олицетворенная доброта, мой ангел милый и бесподобный. Дай ей уголок на старости лет, не дай ей умереть на чужих хлебах.

Мне жаль ее, Левочка, сделай милость, помоги ей. Целую тысячу раз твои ручки и ножки.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 6 февраля 1853 г. Власово // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 186—187.

106

6 февраля 1853. Власово

Я нездорова, дорогой Левочка, ослаблена и вряд ли смогу приехать на Мишину свадьбу. У меня огромный нарыв, который тихо подвигается к выздоровлению, вот я уже здесь целую неделю, а все мне хуже. Если же мне ехать в таком положении, стужа и напор шубы на плече так меня замучают и так увеличат нарыв, что потом и не вылечишь.

Мне очень хочется приехать, и если только будет маленькая возможность, я приеду хоть 16-го числа. Но если не приеду, это значит, что не смогла. Тогда благословлю его заочно, и хоть горько мне, а уже играйте свадьбу без меня и не откладывайте.

Левочка, отдай образ, чтобы обделать его в ризу; Миша знает. Надо заплатить за ризу 50 (рублей серебром). Выкупи этот образ и благослови им Мишу к венцу за нас обоих. Бог видит мою любовь к нему, а что ж делать, как мне приехать невозможно.

Нестерпимая боль не дает писать. Обнимаю вас всех и благодарю за письма тебя, Мишу, Соню, за присылку деревенских писем и за иллюстрацию. Прощай, Лева, целую твои ручки и прошу поцеловать ручки доброй сестры Екатерины Дмитриевны.

Сестру Сашиньку, Наташу, Соню, Мишу и бесподобную Наталью Николаевну Ланскую всех обнимаю и люблю.

Ты не пугайся, Лева. Мое положение мучительно, но не опасно.

Пришли мне спермацету в порошке, не в посылке, а в письме. Он мне необходим. Я больше желаю, чтобы Наташеньке дали шифр, чем Мишу сделали бы флигель-адъютантом. Он может получить это звание и после свадьбы, а ей уж нельзя. Не мешай, Лева. Государю разлавать свои

получить это звание и после свадьбы, а ей уж нельзя. Не мешай, Лева, Государю раздавать свои милости. Он промолвил слово, а уж на него и напали. Рассердится, ничего не даст ни Мише, ни Наташе. Миша будет полковником, может полк получит, а Наташе замужем уж шифр тю-тю. Не мешай, Лева, пусть воля Государя ничем не стесняется.

Последнее, к моей великой горести. Упокой, Господи, эту добрую, честную, благородную душу. Л. Дубельт. 22 февраля 1853.

Дубельт А. Н. Письмо Дубельту Л. В., 3 февраля 1853 г. Власово // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 186.

105

3 февраля 1853. Власово

Дорогой Левочка, едет в Петербург наш здешний крестьянин за своими делами, а между тем и до тебя есть ему дело, только не пугайся, не большое. Вот в чем оно состоит.

Здесь есть крестьянин, Тимофей Макаров, этот самый и вручит тебе письмо; он на свой счет выстроил в Теглицах каменный дом и каменную лавку, в которой торгует очень удачно. Теперь он хочет усилить свою торговлю и просит взаймы на два года полтораста рублей серебром за те самые проценты, какие получают из казенных кредитных установлений. Коля и я, мы на это согласны, деньги будут лежать все равно что в ломбарде, процент тот же, а своему мужичку поможем, он расторгуется, нам же это лучше.

Денег мы ему здесь дадим, а ты помоги нам только в том, что напиши условие, хоть на почтовой бумаге. Здесь написать некому.

Напиши условие от себя, это будет важнее. “Дал я крестьянину сына моего, такого-то Ораниенбаумского уезда деревни Теглиц Тимофею Макарову, полтораста рублей серебром на два года за казенные проценты, т. е. по 4 со ста на произведение домашней, дозволенной правительством торговли. Буде же он, Макаров, через два года оной суммы не внесет, то должен отвечать мне его товар, который я вправе у него остановить по расчету ссуженной ему суммы”. Вот так вели написать условие, мой Лева, то есть в такой силе, да сам и подпиши. Вели также копию списать с условия, подлинное мужичку отдай, а копию ко мне потрудись прислать. Не откладывай, пожалуйста, и утешь, прикажи сейчас условие написать. Без условия денег дать нельзя, а надо деньги отдать при мне, пока я здесь во Власове. Чтобы тебе не затрудняться, отдай это письмо для составления условия, тут все прописано и только стоит призвать кого-нибудь и отдать это письмо в руки.

Я здесь пятый день и в восторге, что Власово ничего не переменилось. Все цело, свежо и как будто вчера только я отсюда уехала. Мне все так рады, что не знают, что делать от радости. А то худо, что я нездорова. Насилу брожу, насилу сижу, насилу и это письмо пишу.

А ты напиши и мне что-нибудь, мой ангел, с этим мужичком.

Прощай, целую твои ручки. Всех обнимаю, написала бы ко всем, да сил нет.

Сидорова М. В., Якушкина М. М. Примечания: Письма А. Н. Дубельт к мужу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 187—190.

1 Старший сын Дубельтов.

2 Перская Наталья Николаевна (1803—1840), сестра А. Н. Дубельт.

3 Младший сын Дубельтов.

4 Речь идет о переводе А. Н. Дубельт (под псевдонимом Анна Ситникова) романа Эдуарда Нериса “Думаю я сам про себя”. Роман печатался в 1833—1834 гг. в типографии Н. И. Греча.

5 Смирдин Александр Филиппович (1795—1857), петербургский книготорговец, издатель, владелец книжного магазина, основатель журнала “Библиотека для чтения” (1839).

6 Дубельт (урожд. Замайская) Александра Константиновна, невестка Л. В. Дубельта, жена его брата Петра Васильевича Дубельта.

7 Николай I.

8 Адлерберг Владимир Федорович (1791—1884), участник войны 1812 г., с 1817 г. адъютант Вел. кн. Николая Павловича, помощник правителя дел следственной комиссии о декабристах, с 1828 г. директор канцелярии начальника Главного штаба, с 1832 г. начальник Военно-походной канцелярии, в 1852—1872 гг. министр Двора.

9 Мордвинов Александр Николаевич (1792—1869), участник войны 1812 г., управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1831—1839), впоследствии действительный тайный советник, сенатор.

10 Фалль — имение близ Ревеля, принадлежащее графу А. Х. Бенкендорфу (1783—1844), шефу жандармов и главному начальнику III отделения (с 1826).

11 Греч Николай Иванович (1787—1867), писатель, журналист. В 1812—1839 гг. редактор-издатель (с 1825 г. совместно с Ф. В. Булгариным) журнала “Сын отечества”. В 1831—1859 гг. совместно с Булгариным издавал газету “Северная Пчела”.

12 Александр Николаевич (1818—1881), Вел. кн., цесаревич; с 1855 г. Император Александр II.

13 Константин Николаевич (1827—1892), Вел. кн., управляющий Морским министерством, наместник в Царстве Польском (1862—1863), при Александре II председатель Государственного Совета.

14 Васильев Александр Дмитриевич (1801—?), с 1821 г. прапорщик гренадерского полка, в 1833 г. переведен в штаб Корпуса жандармов “состоять при шефе жандармов”.

15 Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874), чиновник Азиатского департамента МИД с 1827 г., обер-прокурор Синода (1833—1836), камергер с 1836 г.; поэт, писатель, автор книг духовного содержания, член Российской Академии.

16 Каховский Никанор Григорьевич (?—1845), отставной капитан-лейтенант, помещик с. Гифинского Смоленского уезда, полицмейстер в Велиже, с 1844 г. служил в штабе корпуса жандармов.

17 Олизар Густав Генрих Атаназы Филиппович (1798—1865), граф, польский поэт, масон, член лож “Совершенная тайна” и “Увенчанная добродетель”, член Патриотического общества. Во время польского восстания 1830—1831 гг. выслан на жительство в Курск, после польского восстания 1863 г. уехал в Дрезден.

18 Алисов Иван Александрович, в 1849 г. уездный предводитель дворянства в Тверской губернии.

19 Иванов Михаил Иванович, в 1849 г. губернский контролер Тверской казенной палаты.

20 Имеются в виду имения Василия Петровича Мусина-Пушкина, находившиеся в Тверской

20 Имеются в виду имения Василия Петровича Мусина-Пушкина, находившиеся в Тверской губернии (с. Махино и д. Марьино).

21 Плюшар Адольф Александрович (1806—1865), петербургский книготорговец и книгоиздатель, владелец типографии, издатель “Энциклопедического лексикона”.

22 Орлова (урожд. Раевская) Екатерина Николаевна, с 1821 г. жена М. Ф. Орлова.

23 Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., командир 16 пехотной дивизии в Кишиневе (1820—1823), член литературного общества “Арзамас”, глава кишиневского отделения “Союза благоденствия”. Привлекался по делу декабристов; благодаря заступничеству брата, А. Ф. Орлова (1896—1861), не был осужден; выслан в Калужскую губ. под надзор полиции; с 1831 г. разрешено проживание в Москве.

24 Рогозинские: Анна Дмитриевна, Ольга Дмитриевна, Екатерина Дмитриевна — сестры А. Н. Дубельт по матери, Елизавете Семеновне Перской (урожд. Мордвиновой, в первом браке Рогозинской) (1760—1842).

25 В 1835 г. Дубельт получил должность начальника штаба Корпуса жандармов и чин генерал-майора.

26 Впоследствии Дубельты купили дом в Петербурге (ул. Захарьевская, 12).

27 Игнатьев Павел Николаевич (1797—1880), граф (с 1879), генерал-адъютант, директор Пажеского корпуса.

28 Полторацкий Алексей Маркович (?—1843), тверской губернский предводитель дворянства (1815—1822).

29 Вероятно, Дубельт Мария Петровна (1825—1835), дочь А. К. и П. В. Дубельтов.

30 Львов Александр Николаевич, производитель работ IV округа в Главном управлении путей сообщений и публичных зданий.

31 Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе (1812—1819), московский почт-директор (1832—1856).

32 Арендт Николай Федорович (1785—1859), врач-хирург; с 1829 г. лейб-медик Николая I.

33 Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794—1866), участник Отечественной войны 1812 г., в 1829 г. бригадный командир резервной Гренадерской бригады, впоследствии наместник на Кавказе, член Государственного Совета.

34 Корсакова (урожд. Мордвинова) Анна Семеновна (1765—1848 или 1849), сестра Н. С. Мордвинова, тетка А. Н. Дубельт.

35 В декабре 1848 г. городской почтой было обнаружено анонимное письмо на имя Николая I. Письмо содержало вырезки из дел III отделения. Следственная комиссия под председательством князя А. Ф. Голицына обнаружила причастность к этому делу чиновника III отделения А. М. Петрова и П. К. Менькова, впоследствии редактора “Военного сборника”. Петров был сослан в Олонецкую губернию, Меньков, благодаря заступничеству генерал-фельдмаршала князя И. Ф. Паскевича, отделался двухмесячным пребыванием в действующей армии.

36 Столыпина (урожд. Трубецкая) Мария Васильевна, во втором браке (с 1851) за князем С. М. Воронцовым.

37 Гамалея Николай Михайлович (1795—1859), участник Отечественной войны 1812 г.; в 1830—

37 Гамалея Николай Михайлович (1795—1859), участник Отечественной войны 1812 г., в 1830—1832 гг. витебский, затем тамбовский гражданский губернатор, с 1837 г. директор 1 департамента Министерства государственных имуществ, в 1840—1856 гг. товарищ министра государственных имуществ, сенатор.

38 Каменев Иван Львович, в 1849 г. секретарь хозяйственного отдела Тверской палаты государственных имуществ.

39 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), с 1825 граф, с 1856 г. князь, участник Отечественной войны 1812 г., командир лейб-гвардии Конного полка с 1819 г., с 1836 г. член Государственного Совета (с 1856 — председатель), в 1844—1856 гг. шеф жандармов и начальник III отделения С. Е. И. В. канцелярии.

40 Львов Сергей Дмитриевич (1781—1857), новоторжский уездный предводитель дворянства; был женат на Татьяне Петровне (урожд. Полторацкой) (?—1848).

41 Зиновьев Николай Васильевич (1801—1882), генерал-адъютант, с 1849 г. состоял при Вел. князьях Николае, Александре и Владимире Александровичах.

42 Александр, принц Гессенский (1823—1888), брат Марии Александровны (1824—1880), урожд. принцессы Гессен-Дармштадской, жены (с 1841) цесаревича Александра Николаевича, с 1855 г. — российской Императрицы.

43 Елена Павловна (урожд. Фредерика Шарлотта Мария, принцесса Вюртембергская) (1806—1873), Вел. княгиня, жена Вел. князя Михаила Павловича; одна из основательниц Крестовоздвиженской общины сестер милосердия и Русского музыкального общества.

44 Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), князь с 1845 г., участник Отечественной войны 1812 г., с 1823 г. новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области, впоследствии главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказа.

45 Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), в 1828—1840 г. вице-президент Департамента уделов, в 1841—1852 гг. министр Внутренних дел.

46 Дубельт был членом Следственной комиссии по делу М. В. Буташевича-Петрашевского, возглавлявшего общество революционно настроенной разночинной молодежи в Петербурге.

47 Имеется в виду окончание Венгерской кампании 1849 г.

48 Чернышев Александр Иванович (1786—1857), светлейший князь (с 1849), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, участник Отечественной войны 1812 г., с 1827 г. сенатор, управляющий Главным штабом и Военным министерством, в 1832—1852 гг. военный министр, в 1848—1856 гг. председатель Государственного Совета.

49 Михаил Павлович (1798—1849), Вел. князь, брат Николая I, командир Гвардейского корпуса, главный начальник Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка, генерал-инспектор по инженерной части.

50 Дубельт Софья Петровна (1834—?), племянница Л. В. Дубельта, дочь А. К. и П. В. Дубельтов.

51 Бакунин Александр Павлович, в 1842—1853 гг. тверской губернатор, автор труда “Общее положение для всех губерний Российской империи, не состоящих на особых положениях”.

52 Гофман Андрей Логгинович (1798—1863), управляющий IV отделением С. Е. И. В. канцелярии, член Государственного Совета.

53 Александрова (урожд. княжна Щербатова) Анна Александровна (1808—1870), жена Павла Константиновича Александрова (1808—1857), побочного сына Вел. князя Константина Павловича (1779—1831) и французской актрисы Жозефины Фридрихс.

54 Гротенгельм М. М., в 1825 г. командир Киевского драгунского полка, знакомый Дубельта со времени службы в Киеве. Командовал Старооскольским пехотным полком.

55 Речь идет о Волконской Елене Сергеевне (1835—1916), которая в 1850 г. вышла замуж за Дмитрия Васильевича Молчанова (ск. 1857).

56 Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865), князь, генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., масон, член ложи “Соединенных друзей”, “Сфинкса”, “Соединенных славян”, член “Союза благоденствия” и Южного общества, арестован по делу о восстании 14 декабря 1825 г., осужден и приговорен в каторжную работу на 20 лет.

57 Дочери Н. Н. Раевского: Елена Николаевна (1803—1852), Софья Николаевна (1807—1881), с сентября 1826 г. фрейлина.

58 Раевский Александр Николаевич (1795—1868), сын Н. Н. Раевского, участник Отечественного войны 1812 г., за подозрение к причастности к декабрьскому восстанию был арестован, но вскоре освобожден с “очистительным аттестатом”, с 1826 г. камергер.

59 В 1834 г. с разрешения Николая I была учреждена компания на разработку золотых россыпей. Ее составили А. И. Чернышев, А. Х. Бенкендорф, В. Ф. Адлерберг, В. М. Позен, М. М. Брискорн и Львов. Дубельт имел в ней семь паев. Имел он также 10 паев в Золотоносной компании Толстого и Зотова и 10 паев на приисках в Верхнеудинском округе.

60 Ланские: Петр Петрович (1799—1877), командир лейб-гвардии Конного полка, генерал-адъютант; Наталья Николаевна (1812—1863), урожд. Гончарова, в первом браке Пушкина; замужем за Ланским с 1844 г.

61 Львова (в замуж. Корсакова) Наталья Александровна (1832—1859), внучка Н. С. Мордвинова.

62 Пушкина Наталья Александровна (1836—1913), младшая дочь А. С. Пушкина. В 1853 г. вышла замуж за М. Л. Дубельта; разведены в 1868 г., с 1868 г. в морганатическом браке с принцем Николаем Вильгельмом Нассауским.

63 Пушкина Мария Александровна (1832—1919), старшая дочь А. С. Пушкина; в 1860 г. вышла замуж за Л. Н. Гартунга.

64 Львова (урожд. Мордвинова) Наталья Николаевна (?—1882), дочь Н. С. Мордвинова, двоюродная сестра А. Н. Дубельт.

65 Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт, друг А. С. Пушкина.

66 Набоков Иван Александрович (1787—1852), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, председатель Следственной комиссии 1849 г. по делу М. В. Буташевича-Петрашевского, комендант Петропавловской крепости, член Военного совета, директор Чесменской богадельни.

67 Демидовский дом призрения трудящихся был открыт в 1833 г. на капитал 500 000 руб., пожертвованный А. Н. Демидовым. Состоял в ведомстве Императрицы Марии. Совмещал функции домов трудолюбия и дешевых квартир. Управление Демидовским домом вместе с званием его потомственного попечителя принадлежало наследникам учредителя. При Демидовском доме состояли действительные и почетные члены.

68 В хозяйстве графа Кушелева-Безбородко, состоявшем из деревень Лигово и Полюстрово всего 124 двора, 370 душ, “дворовые люди пользуются землею наравне с крестьянами и одинаково с ними отбывают барщину”. (“Приложение к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах”. СПб. 1860. Вып. IV. С. 24—25).

69 В ранней молодости, по свидетельству С. М. Загоскина, Н. А. Пушкина была влюблена в графа Николая Алексеевича Орлова (1827—1885), впоследствии посланника в Брюсселе, Вене, Париже, Берлине. Он также любил Наташу, хотел жениться, однако граф А. Ф. Орлов не допустил этого, заявив, что брак сына с Пушкиной был бы мезальянсом. (С. М. Загоскин. Воспоминания. // Исторический Вестник. 1900. № 7. С. 50).

70 Дубельт Василий Иванович, происходил из русских дворян, служил в армии в чине капитана. Согласно широко распространенной легенде, в бытность за границей в Испании похитил принцессу царствовавшего королевского дома Медина-Челли, увез ее в Италию, где с ней повенчался, впоследствии они жили в России.

71 Дубельт (по первому мужу Шперберг) Мария Григорьевна происходила, очевидно, из лифляндского дворянства.

72 Дубельт Константин Иванович (1841—1892), двоюродный племянник Л. В. Дубельта. Воспитание получил в Орловском кадетском корпусе, затем, отчисленный по болезни, поступил в юнкерское училище. Служил в 40-м пехотном Колыванском полку, затем в Ладожском полку в Варшавском военном округе. Был женат на Елене Ивановне (урожд. Држоржеске).

73 Волконский Петр Михайлович (1776—1852), светлейший князь, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, министр Императорского Двора и уделов (с 1826).

74 Клица Иван Иванович, в 1847—1862 гг. чиновник III отделения С. Е. И. В. канцелярии.

75 Шперберг Иван Яковлевич (1770—1856), брат Л. В. Дубельта по матери.

76 Дубельт Константин Петрович (1823—?), родной племянник Л. В. Дубельта. Окончил Пажеский корпус, служил в Семеновском полку, в 1856 г. назначен адъютантом к московскому военному генерал-губернатору, в 1867 г. прикомандирован к штабу местных войск Московского военного округа, в 1870 г. — Виленского военного округа. Женат на Евдокии Ивановне (урожд. Ригиной).

77 Мордвинова Надежда Николаевна (1789—1882), дочь Н. С. Мордвинова, двоюродная сестра А. Н. Дубельт.

Публикация М. В. СИДОРОВОЙ и

М. М. ЯКУШКИНОЙ

Русские кликуши: три взгляда современников

Аркадий, архиепископ. Из рапорта Аркадия архиепископа Пермского и Верхотурского Святейшему Правительствующему Синоду // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 190—195.

Из рапорта Аркадия архиепископа Пермского и Верхотурского1 Святейшему Правительствующему Синоду

15 июня 1840 г.

Секретно

Екатеринбургское Духовное правление рапортом мне от 27 минувшего мая донесло о появившихся в 1839 г. в селении Нижнем, принадлежащем к приходу Уткинской слободы Георгиевской церкви, кликушах и что по розысканию местного благочинного священника2 Флоровского с другим священником Евгением Оглоблиным дознано следующее:

1. Желая по возможности приблизиться к начальным причинам или источнику, из коего с такою быстротою разлились болезненные припадки беснующихся между жителями селения Нижнего, он, благочинный, обратился к ним с расспросами, кого они признают первыми виновниками введения сей болезни и кто особенно между ними играет роль чародеев, знахарей, называемых ими колдунами. Отзывы всего общества были одинаковы. С давнего времени, по мнению некоторых, лет двенадцать, сильные подозрения всегда падали на жену непременного г. Яковлева работника3 Тимофея Селянина, Евдокию, которая толи посредством трав или минеральных веществ садила на многих людей и скот наросты и отравляла птиц, кошек и собак. При страдании от нее многих из жителей и погибели животных тайные ее действия обнаружились, и жители принуждены двукратно доносить Уткинской г. Яковлева конторе4, дабы оная приняла со своей стороны законные меры к удержанию сей чародейки от вредных и погибельных ее действий на людей и бессловесных животных. После сей явки Евдокия Селянина до нынешнего времени не высказывала зловредных своих познаний.

Вторая, государственного крестьянина5 Ивана Вирачева жена Евдокия же, родная мать которой за производимые колдовства и доказанные злокачественные действия удалена в Сибирь.

Третья, непременного работника Никиты Лямкина жена Мария Павлова, взятая в замужество из Нижнетагильского завода, по уверению соседей, с самого прибытия в селение Нижнее подозревается в связи с нечистыми духами и колдовстве, от которой и прочие научились чародейству.

Все сии колдуны православного исповедания, но христианские обязанности вполне не исполняют: ко Св. причастию не ходят. До 1839 года поименованные чародейки столь открыто не оказывали своих вражеских познаний и не изрыгали яд злобы своей в чародействе на дальних, ближних, даже на родных в одном доме живущих с ними, и мужей, как от последней в семействе ее страждут четыре человека. С мая месяца как-будто по одному желанию колдуньев болезнь беснования подобно наводнению разлилась между жителями селения Нижнего и не только не прекращается, но даже после принятых мер и употребленных средств Комитетом врачей6 оказалось вновь двое больных — крестьянина Якова Аристова 18-летняя дочь Матрона и Тита Петрова Дроздова 8-летняя дочь Агрипина, и хотя вышеозначенные колдуньи по распоряжению г. исправника Волкова находятся теперь под стражей в Уткинском заводе, но несмотря на то, явились преемницы, подобные им, вдова Хиония Иванова Аристова и г. Демидова крепостного крестьянина жена Марфа Димитриева, которые первые опыты своих познаний оказали на вышепрописанных девицах Матроне Аристовой и малолетней Агрипине.

2. Когда уже по предварительным розысканиям дознаны и уличены виновницы, распространяющие заразу, он, благочинный Флоровский, с своей стороны за необходимое почел спросить жителей, какими средствами достигают чародейки своей цели, как действуют на организм страждущих или тех, которых они подвергают страданиям, подходящим к беснованию? Сего жители совершенно не могут утвердить. Одни говорят, а) может быть колдуньи действуют посредством отравительных веществ, смешанных с пищею или питием, которые употребивши здоровый человек вдруг начинает чувствовать давление под ложкой, тоску, потом производит различные движения членами, испускает пронзительные крики и некоторый род икоты и, наконец, обнаруживает сильное негодование на известных знахарей, которых при встрече готов (ежели бы беснующихся не удерживали) растерзать. Ежели больные не видят колдуньев, то, пришед в восторженное положение беснующихся, скороговоркой выкликают: “Дунька! Дунька!

Еленка! Еленка! Зато, зато посодила´´. От сего кликания называют страждущих кликушами. Все сии пароксизмы оканчиваются слезами, после коих страждущий переходит в положение здорового человека. Впрочем, как в последствие по наблюдениям можно было удостовериться, среди сильных таковых страданий из больных никто не лишается рассудка и как страждущие все почти женщины, при бесновании истерических припадков не выходят из границ благоприличия, не обнаруживают свое тело, как истинно беснующиеся, и тем подают повод опытному глазу отличать действия странных припадков от натуральной болезни.

Другие, имеющие более доверия к знахарям, утверждают: в) что чародеи, состоя в связи с темными духами, не употребляя никаких физических и посторонних средств, будь то бы самый воздух подчиняют своей силе, и воля их есть единственный состав всех страданий, которым они по злобе своей подвергают известное лицо. Стоит только им пожелать и болезненные явления на человеке обнаруживаются. Слыша сии неимоверные рассказы и желая опытом увериться в истине, он, благочинный, призывал одну из одержимых нечистым духом, именно жену крепостного г. Демидова крестьянина Ивана Феодорова Ванина, Елену Яковлеву, которая всеми доводами уверяла его, что она ни пищи, ни пития от золовки своей Марьи Павловой Лямпиной никогда не принимала и по существующей между ними с давнего времени вражде не входила к ней в комнату, но в одно время, увидев братьев своих, возвратившихся с поля, вышла на двор для свидания с ними, золовка ее, Мария, начала требовать с нее должные 30 коп. денег и, когда после многих просьб, убеждений и поручительства ее обождать на ей по неимению Мария осталась непреклонною в своем требовании, то в жару злобы своей сказала ей: “Помни же ты эти 30 коп.” В то же мгновение Елена сделалась больна, и доныне известные припадки, род бешенства, мучат ее повременно, как в сие время вышеписанное она могла объяснить ему, благочинному, уже после окончившихся с нею страданий, которые почувствовала еще при приближении своем к квартире его, но, успокоившись, приложилась к Св. Евангелию, Животворящему кресту и приняла св. Богоявленскую воду. Впрочем, женщина сия другим каким-либо натуральным болезням не подвержена, довольно полна, с румянцем на щеках и находится в цветущем здоровье. Впрочем, по прошествии таковых страданий все одержимые бесновaнием свободно занимаются домашними трудами.

Дабы видеть, как в собственных домах подвергаются страданиям, он, благочинный, посетил крестьянина Петра Аристова и сына его, Василия, коих жены, Евфимия и Мария, одержимы родом бесновaния. По вступлении его в комнату больные сначала ничего не чувствовали и спокойно рассказали ему, с которого времени подверглись страданиям. В одно время, сидя за кроснами, разговаривали между собой о распространяющейся в селении странной болезни, вдруг почувствовали давление под ложкой, засим последовала тоска, икота, пронзительный крик и слезы. К допущению болезни сей со стороны их не было никаких причин. Одинаковая пища, труды и одинаковый образ жизни устраняют всякое подозрение от того, чтобы колдуньи могли иметь случай в тот день подать им какую-либо отраву. Посреди таких разговоров женщины сии вдруг пронзительно закричали, заикали и старались скрыться от них, вовсе отрицались ограждать себя крестным знамением, призывать имя Господа Иисуса Христа и Св. угодников Божиих, но припадки сии скоро прекратились; больные сии у исповеди бывают ежегодно, у Св. причастия два года уже не были, Богоявленной воды при домах не имеют и в навечерии Богоявления Господня почти все жители селения Нижнего для окропления домов и пития оной не получают из церкви.

3. Удостоверившись собственным наблюдением, что страдающие при виде Святыни чувствуют не только судорожное движение и потрясение в теле, но к самим духовным особам имеют довольно сильное отвращение, обнаруживают страдания пронзительным криком, делают кривляния, трясутся всем телом в знак того, что будто бы нечистая сила зашевелилась в их сердце, припадки сии продолжаются до тех пор, пока, ослабев в силах и после пролития многих слез, приступают к Святыне. По недавнему появлению болезни из страждущих никто еще не приступал к таинству Евхаристии, если после подобных временных припадков они спокойно без отвращения истинно беснующихся могут приступить к Св. Евангелию и Животворящему кресту, может быть, и приступят к Св. причастию. Хотя эти явления страждущих, как выражается Комитет врачей, взятые отдельно и будучи рассматриваемы поверхностно, наведут уныние на самого строгого

наблюдателя, как действительно испытано им самим, благочинным, и принудят на время согласиться с мнением народным, состоящим в том, что чародейки имеют связь с нечистыми духами, расселяют их в людей, но, следя кратковременные пароксизмы страждущих, невозможно не увериться в противном, т. е. между больными есть разряды, из коих к первому принадлежат те, которые, как сами рассказывают, в такое-то время на обеде, на коем присутствовали и колдуньи, не оградив себя крестным знамением, ели и пили и с того времени подвергаются давлению под ложкой, ужасной тоске, иногда злобе. Здесь, может быть, могли иметь влияние отравительные средства.

Ко второму разряду отнести можно чисто притворно страждущих, что при постоянном наблюдении легко заметить можно. Хотя скрытные причины побуждают их принимать на себя

роль беснующихся, но из оттенка семейной жизни проблескивает истина, как в темную ночь вдали блестящий огонь, как видно иногда — жена красивая, муж безобразен или муж строг, но добрый хозяин, трудолюбив и христианин в полном смысле сего слова, жена, не привыкшая к занятиям, любит веселую и праздную жизнь и не охотница молиться, вот начинаются домашние несогласия, и нечистый дух тотчас является, а нечистый дух по уверению легковерных не терпит никаких выражений, и тогда явления беснующихся возобновляются часто, при каждой размолвке мужа с женой. Но сего рода страждущих немного, из большого количества он, благочинный, заметил одну женщину.

Какие же средства Комитет врачей употреблял для изгнания из страждущих злых духов? По мнению его — немедицинские, насильственные, противозаконные. Ежели по уголовным преступлениям на публичных площадях законами строго воспрещено совсем обнажать женщин, то при собрании четырех врачей и уткинского прикащика Ивана Китаева в присутствии большого числа людей раздевать и оставлять без рубашки женщин и 18-летних девиц, держать их с обеих сторон руки и распущенные волосы, потом, вовсе забыв человеколюбие, со льдом смешанной воды из пожарной машины выливать по одной и по две сороковых бочек на каждую страждущую, приказывая держащим оборачивать на все стороны и направлять биение воды на те места, в коих чувствуют присутствие духа, и язвительными сарказмами спрашивать обнаженных обливаемых: “Вышел ли нечистый дух?” — когда страждущие и принужденные выносить новые страдания от холодной воды при крепком сложении и поддержании посторонних, лишаясь физических сил, падали иногда без чувств или готовы были пасть, произносили выпытанное признание, что нечистая сила вышла и они не чувствуют в себе никаких более прежних болезненных припадков, то — освобождали их от сей жестокой операции, а больные, опасаясь снова подвергнуться испытаниям такого врачевания, уверяли Комитет врачей, что они находят себя в совершенном здравии, и как это было 16 и 17 числ июля при начале самого сенокоса, то освободившиеся от толь неистерпимых медицинских врачеваний и их родственники убедительно просили Комитет врачей уволить всех, кроме виновниц болезни их, в место жительства, благодаря за скорое излечение. Комитет, полагая, что в самое краткое время достиг выполнения возложенной на него начальством обязанности той цели, которую оно предполагало от него видеть, потребовал Уткинского завода и Уткинской слободы священников Михаила Алексеева и Евгения Оглоблина, которых страждущие сами пожелали, и хотя страждущие, из коих двое, Петра и Василия Аристовых жены Евфимия и Мария, объяснили ему, благочинному, что из подобострастия по совершении молебствия и целования Животворящего креста и Евангелия при пастырском духовном напутствовании все 23 человека пред Комитетом врачей сознались по совести, что присутствие духа в себе более не чувствуют и что им чрезвычайно легко, в чем дали от себя письменные подписки, но скоро исцеленные Комитетом врачей, возвратясь в домы свои с прибавлением простудных припадков, снова испытывают все прежние страдания, которые всегда возобновляются и увеличиваются по прибытии в селение Нижнее кого-либо из начальствующих по делу о кликушах. Приезд таковых посетителей одержимые болезненными припадками, не находясь в то время в селении, не видя едущих, не слыша ни от кого о приезде их, иногда разделены десятиверстным и более расстоянием, вдруг чувствуют расслабление во всем составе тела, необыкновенную тоску, начинают плакать и пронзительно кричать, иногда целый день бегают, совершенно неспособные не только к трудным работам, но и к самым легчайшим

занятиям. При самой встрече в селении с начальствующими лицами или духовными особами чувствуют к ним отвращение, непреодолимый страх, истерические припадки — то пронзительно кричат, хохочут, икают, а некоторые убегают в домы, что подтверждают следующие примеры.

Не в дальнем расстоянии от занимаемой им, благочинным, квартиры, он с священником Евгением Оглоблиным и непременным г. Яковлева работником Иоанном Диомидовым Кузнецовым осматривал лес, приготовленный для постройки часовни, навстречу к ним идет с водою Василиска Захарова Селянина жена Параскева самого скромного вида и по отзывам у соседей хорошего поведения, издалека увидев их, переменилась в лице, побледнела, едва с трудом держала ведро с водою, при дергании всех членов едва могла устоять на ногах, однако с слезами и всхлипыванием принужденно подошла к ним обоим для принятия благословения, после чего

физические силы ее истощились до такого положения, что она принуждена была прислониться к близстоящему забору и провести сильные первые пароксизмы болезни. По прибытии в квартиру его, благочинного, долго плакала и до трех раз усиливалась пить св. воду и влитую ей в рот извергла вон с рвотою. Имя нечистому духу — Плаксивый.

После вышеозначенной Параскевы Селяниной попадается непременный г. Яковлева работник Изосим Косьмин Сысоев, едущий на лошади верхом с женой своей Татианой, которая, увидев их тоже издалека, начала оказывать подобные прежней болезненные припадки, называя их еретиками, сскочив с лошади, скрылась в дом свой. Будучи приведена к нему, благочинному, на квартиру, несколько времени хохотала, плакала, пала на пол и подверглась судорожным движениям и роду легкого беснования, однако без повреждения здоровья. Отрицалась ограждать себя крестным знамением, но по прошествию сильных страданий пила святую Богоявленскую воду, от коей чувствовала тоже какое-то отвращение, как и другие подобные ей. Имя в ней сидящему духу — Хохотун.

По требованию его, благочинного, представлены были за отлучкою прочих только две женщины, над коими учинено было наблюдение. Хиония Александрова, Карпа Сысоева жена после продолжительных утешений и успокаивания при начавшемся роде беснования сначала не могла принять св. воды и приложиться к Св. Евангелию и Животворящему кресту, впрочем по прошествии первых припадков болезни с трудом могла сие исполнить. Больные сии не терпят ни в семейной, ни в общественной жизни ни малейших противуречий, от коих болезнь возобновляется во всей своей силе. В Хионии имя нечистому духу — Сидун, ибо у больной до окончания плаксивости и конвульсий беснования нет силы в ногах.

Ирина Михайлова, Моисея Аристова жена, довольно плакала и икала, но воду св. пила, приложилась к Св. кресту и Евангелию. Женщина сия, вероятно, ведя не слишком союзную жизнь с мужем своим, хотя старалась его, благочинного, уверить в противном, кажется, довольно искусно притворяется. Многие из больных, бывши на покосах за день до его приезда в селение Нижнее, как бывшие с ними уверяли его, благочинного, подвергались болезненным припадкам и говорили, что в селении кто-нибудь приехал из судей или начальников, другие же, подъезжая к селению, чувствовали припадки болезни, от того единственно, что предузнавали о приезде того лица, которое имеет с ними заняться.

4. Соображая все виды и роды болезненного положения страждущих, должно заключить то, что некоторые из них, пользуясь в крестьянском быту совершенным довольством, хорошего поведения, живя согласно с мужьями своими (ибо из страждущих почти все замужние женщины) и с семейными, не имея ни малейшей причины к принятию на себя притворного беснования, и какие заслуживают вполне сострадания и принятия необходимых мер к восстановлению прежнего их здоровья. Если Комитет врачей не находит более нужным употреблять никаких средств к излечению мнимостраждущих, то в недрах Матери Святой церкви, в священных ее таинствах несчастные сии должны искать избавления от жестоких страданий своих. Селение Нижнее, хотя на не большое пространство удалено от приходской своей церкви, но в оном с давнего времени существует раскол, некоторые из страждущих читают по-раскольнически

молитвы, вероятно, без начала не приступают к домашним занятиям. При раскрытии существующей заразы в селении Нижнем и при видимом отвращении больных от Святыни нельзя удалиться от вопроса: не скрывается ли в болезни страждущих тех темных начал, на коих раскол хочет основать свое мрачное здание, поселяя в страждущих начально отвращение к духовенству и Святыне правоверующей церкви, впоследствии привесть болящих как бы уже предварительно завлеченных в сети заблуждения, хочет чрез известную исправу удержать в скрытной своей ереси, подобно квакерской. Соображая все вышеприведенные обстоятельства и принимая предположения сии во внимание, которые, хотя несколько, подтверждают следующие его, благочинного, замечания.

В субботу 12 числа почти половина жителей знали уже о приезде их и слышали продолжительный звон к малой вечерне и, видя всегдашнюю нужду в священнослужении, никто не пришел к Богослужению. Жители оного селения весьма охладели к православной вере, весьма недостаточно любят Церковь Божию, но при таком положении духовного их состояния нет для них более средств, как читать над беснующимися от прогнания злых духов каноны, совершать молебны и по умягчении сердец их исповедать и приобщать Св. таин. Как от всего этого страждущие теперь уклоняются, надеясь найти помощь в человеческих средствах и прибегая к хитрым чародеям, всем известному им деревни Талицы, состоящей в приходе шайтанской Петропавловской Церкви, государственному крестьянину Ивану Филиппову Ропаникову, состоящему в связи с нечистыми духами, коих у него во власти находятся три, и который якобы излечал того же селения государственного крестьянина Андрея Алексеева Пьянкова жену и г. Демидова крепостного крестьянина Анания Скоробогатого жену Анисию, которые ныне подвержены беснованию, то для скорейшего прекращения распространяющейся заразы необходимо должно удалить из селения главных колдунов — Евдокию Селянину, Марью Лямкину, Евдокию Вирачеву и девку Елену Малямонову, о чем все общество убедительно просит, но не дается на меры, принятые врачами, а если колдуньи не выдворятся, то жители вышеозначенного селения все заражены будут одинаковою болезнию.*

Нижайший послушник

Аркадий архиепископ Пермский и Верхотурский7

Смирнов Н. М.Донесение калужского гражданского губернатора Н. М. Смирнова министру внутренних дел Л. А. Перовскому // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 195—196.

1

Донесение калужского гражданского губернатора Н. М. Смирнова8 министру внутренних дел Л. А. Перовскому

21 сентября 1846 г. г. Калуга

Господину министру внутренних дел

До сведения моего дошло, что в некоторых местах Калужской губернии распространяется большое число так называемых кликуш, т. е. крестьянских баб, полагающих, что они были испорчены неблагонамеренными людьми, которые в них поселили злого духа. Между прочими в имении помещицы Гиль, Калужского уезда, число кликуш распространилось до такой степени, что оно дошло до 30 на 180 душ. Эти кликуши несколько раз в день, и постоянно во время обедни и других богослужений в церкви, падали на землю, ломались, кричали и находились как будто бы в сильном исступлении. Кроме того, в селениях, где заводились кликуши, находится всегда какой-нибудь старый мужик или баба, слывущие в общем мнении колдуном и колдуньею, портившими крестьянских баб, которых не полюбят.

Постигая вполне все безрассудство народного поверья относительно кликуш и, быв уверен, что это не что иное как притворство или истерическое состояние, я почел нужным сделать сильный пример в губернии над кликушами для удержания их размножения. Посему я послал в имение г-жи Гиль исправника с уездным лекарем с тем, чтобы врач освидетельствовал физическое состояние кликуш, а исправник наказал тех, которые, быв признаны здоровыми, позволят кричать у обедни. Это средство было достаточно, чтоб вдруг исцелить 11 баб, а те 19 баб, которые оказались упорными, были привезены в Калугу. По освидетельствовании их инспектором Врачебной управы9 и старшим врачом богоугодных заведений только 4 женщины оказались слабо расстроенные нервами, но в несколько дней они совершенно поправились; прочие же бабы найдены были здоровыми и крепкими, посему я приказал их наказывать за всякий их притворный припадок, и чрез несколько дней этим средством они все были вылечены

столь совершенно, что ежедневно присутствовали у литургии с должным благоговением, почему и были возвращены домой.

Я долгом почел донести Вашему высокопревосходительству о вышеприписанном потому, что сколько мне известно, в великороссийских губерниях везде находятся кликуши и достаточно в каком-нибудь селении одной кликуши и одного мнимого колдуна, чтоб тотчас распространить число кликуш. Наблюдения же, сделанные мною над вышепоказанными бабами, меня вполне убедили, что в иных крестьянках это состояние не что иное, как притворство для избежания работ и даже для вселения к себе сожаления в народе, а в других — невольное влечение к подражанию от глупой уверенности, что они точно также испорчены. В том и другом случае, опасение наказания достаточно, чтоб совершенно исцелить кликуш, ибо сей страх побеждает притворство и дает нравственную силу, чтоб воздержаться от крика.

Имея в виду вышеизложенный пример, внимательно исследованный врачами и мною, я вменил в особенную обязанность земской и градской полициям иметь строгое наблюдение за кликушами в губернии, свидетельствовать их лекарями и тем, которые окажутся действительно больными, оказывать медицинское пособие, а совершенно здоровых из них наказывать полицейскими мерами. Этими средствами я надеюсь истребить в губернии кликуш, которые по временам распространяются в иных местах в значительном количестве.

В должности гражданского губернатора Н. Смирнов

Перовский Л. А. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел Л. А. Перовского Императору Николаю I // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 196.

2

Всеподданнейший доклад министра внутренних дел Л. А. Перовского Императору Николаю I

(Не позднее 29)10 октября 1846 г.

О мерах противу беснующихся или кликуш

В некоторых местах России народ верит в беснующихся или в людей, одержимых бесом, относя поверье это преимущественно к женщинам, коих именуют в подобном случае кликушами.

Пользуясь этим поверьем, бабы в деревнях иногда по нескольку вдруг прикидываются кликушами, избирая для сего в особенности воскресные дни, когда народ сходится в церковь, и неистовым криком и телодвижениями привлекают на себя общее внимание и сострадание.

Ныне состоящий в должности калужского гражданского губернатора статский советник Смирнов доносит, что в некоторых местах Калужской губернии кликуши чрезвычайно

Смирнов доложил, что в Калужской губернии кликуши [illegible]
размножились, так что, например, в имении помещицы Гиль, близ Калуги, их считалось до 30-ти на 180 ревизских душ. Освидетельствовав этих кликуш чрез врача, губернатор приказал наказывать их впредь розгами за каждый повторный припадок; вследствие чего они все выздоровели и беснование прекратилось. Статский советник Смирнов в то же время вменил в обязанность градским и земским полициям строго наблюдать за появлением кликуш, свидетельствуя их чрез врачей, оказывая врачебное пособие больным и подвергая притворнобеснующихся исправительному наказанию.

Считаю долгом всеподданнейше довести об этом до сведения Вашего императорского величества.

Загорский А. Выписка из журнала Медицинского совета // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 196—197.

Выписка из журнала Медицинского совета11

19 ноября 1846 г.

Слушана записка Департамента полиции исполнительной от 31 октября 1846 г. № 4724 о мерах, принятых калужским гражданским губернатором противу кликуш.

Имея ввиду, что нередко болезни, особенно с нервными припадками, оказывались притворными и что страх наказания принадлежит в таком случае к числу действительных средств к прекращению обмана, но, что не менее того, при особенном нервном расположении без всякого дурного умысла нервные припадки легко развиваются при одном взгляде на одержимого подобными припадками, Медицинский совет в отношении к кликушам, не отвергая притворства, может быть, в большей части одержимых этими припадками женщин и пользы в таких случаях мер устрашительных, считает однако обязанностию своею заметить, что даже и при видимом отсутствии наружных признаков болезненного состояния в некоторых случаях припадки эти могут находиться в тесной связи с глубоко вкоренившимся страданием нервной системы, причем страх наказания может иметь весьма пагубное действие на состояние здоровья; почему по мнению Совета необходимо приступать к подобным мерам с крайнею осмотрительностию и не иначе как по удостоверении Врачебной управы, что болезнь действительно притворная.

О таком своем заключении Медицинский совет положил уведомить Департамент полиции выпискою из журнала12

Ученый секретарь Александр Загорский

Атапин С. С., Лупанова В. М. Примечания: Русские кликуши: три взгляда современников // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 197.

1 Аркадий (Г. Ф. Федоров) (ок. 1786—1870), архиепископ Пермский и Верхотурский, известен миссионерской деятельностью среди иноверцев и старообрядцев в Пермской епархии.

2 Благочинный — должностное лицо в православной церкви, помощник епископа, осуществляющий надзор за церквами и духовенством одного из районов епархии — благочиния (от 10 до 30 церквей).

3 Непременный работник — приписанный к заводу крепостной крестьянин, получавший от завода содержание; по данным 1826 г. число непременных работников в России составляло около 30 тыс.

4 Имеется в виду контора Уткинского чугуноплавильного и железоделательного завода, принадлежавшего П. И. Яковлеву; завод находился в Екатеринбургском уезде Пермской

принадлежавшего Н. Н. Яковлеву, завод находился в Екатеринбургском уезде Пермской губернии.

5 Государственные крестьяне — “свободные сельские обыватели”; по данным 1835 г. составляли более одной трети крестьянского населения империи.

6 Комитет врачей создавался гражданской властью для исследования конкретных случаев обычно массовых заболеваний.

7 Рапорт архиепископа Аркадия был заслушан и принят “К сведению” в Синоде 10 июля 1840 г. Одновременно Аркадий послал подобное отношение пермскому гражданскому губернатору И. И. Огареву, который переслал отношение министру внутренних дел графу А. Г. Строганову. Реакция последнего была более чем определенной: “Местное екатеринбургское духовное начальство... увлекается само по-видимому существующим в помянутом селении и вообще между простолюдинами поверьем о возможности чародейства и колдовства над людьми и животными”. Получив отношение министра, обер-прокурор Синода граф Н. А. Протасов решил повторно обсудить дело о кликушах в Синоде. На этот раз Синод “поставил вид” архиепископу Аркадию за то, что он неосмотрительно передал пермскому губернатору И. И. Огареву “в буквальном изложении полученное от подведомственного духовенства донесение об означенном предмете, а то донесение написано сбивчиво и потому не отличавшее ясно обман от действительности, что послужило поводом к нареканиям гражданского начальства на духовенство”.

8 Смирнов Николай Михайлович (1808—1870), с 1845 г. по 1851 г. калужский губернатор, впоследствии петербургский губернатор, сенатор.

9 Врачебная управа — губернское медицинское учреждение в ведении Министерства внутренних дел; надзирало за больницами, качеством съестных припасов и т. п. Состояло из трех человек.

10 Датируется на основании делопроизводственной пометы; доклад был рассмотрен Николаем I без резолюции 2 ноября 1846 г.

11 Медицинский совет — высшее государственное врачебно-ученое, врачебно-полицейское и судебно-медицинское учреждение в России в составе Министерства внутренних дел. В 1846 г. в состав совета входили такие видные ученые, как Н. И. Пирогов, Я. В. Виллие и др.

12 Министр внутренних дел Л. А. Перовский секретным письмом от 10 декабря 1846 г. сообщил калужскому губернатору Н. М. Смирнову заключение Медицинского совета, чтобы “поставить в известность для надлежащего руководства”.

Публикация С. С. АТАПИНА и В. М. ЛУПАНОВОЙ

Атапин С. С., Лупанова В. М. Русские кликуши: три взгляда современников // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 190.

Русские кликуши: три взгляда современников

В XIX в. кликушество, некогда распространенное во многих странах, стало явлением сугубо русским: в то время, как в Западной Европе воспоминания о колдунах, одержимых бесами и юродивых сохранились в основном в легендах и исследованиях историков, в России чуть ли не повсеместно кликушество было обыденным делом. Согласно народному поверию, кликали, т. е. исступленно кричали, причитали, икали и корчились, те женщины (а изредка мужчины и дети), в которых по наветам местных колдунов вселялась нечистая сила (злой дух).

Отношение государства и церковной власти к кликушеству в России постоянно менялось: в XVII в. кликуш “отчитывали”, а привлекали к суду колдунов, чьи имена выкликали; при Петре I

в. кликуш "отчитывали", а привлекали к суду колдунов, чьи имена выкликали, при Петре I кликуш, напротив, стали предавать гражданскому суду; с 1842 г., считая "беснование" ничем иным, как обманом, их подвергали наказанию плетьми и содержанию в смирительном доме, и, наконец, с середины XIX в. возобладал взгляд на кликуш как на людей, которым требовалась медицинская помощь.

Публикуемые документы достаточно определенно свидетельствуют о трех подходах в России сороковых годов прошлого века к объяснению природы кликушества: 1) порча крестьянок колдунами (рапорт архиепископа), 2) притворство (донесение гражданского губернатора, доклад министра внутренних дел), 3) болезнь (заключение ученых медиков).

Документы публикуются по подлинникам (писарские рукописи, подписи — автографы),

хранящимся в РГИА. Ф. 796 (канцелярия Синода). Оп. 121. Д. 1006. Л. 1—14; Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 10. Д. 1097. Л. 1—4; 5—6; 9—9 об. Языковые и стилистические особенности документов сохраняются.

Письма М. А. Лопухиной к баронессе А. М. Хюгель

Бойко С. А., Яценко Е. Л. Письма М. А. Лопухиной к баронессе А. М. Хюгель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 198.

Лопухины, московское семейство, дворянская ветвь старинного русского рода. Некогда многочисленная семья, ко времени знакомства с М. Ю. Лермонтовым (1827 г.) состояла из отца Александра Николаевича (1779—1833) и детей: Марии, Алексея, Елизаветы и Варвары.

"Они были с нами как родные и очень дружны с Мишелем, который редкий день там не бывал", — вспоминал Аким Павлович Шан-Гирей (1818—1883), друг и родственник поэта. С Алексеем Лопухиным Лермонтов особенно сдружился во время учебы на словесном отделении Московского университета. К младшей, Варваре Лопухиной он пронес через всю жизнь светлое и трагическое чувство.

Старшая в семье Лопухиных Мария Александровна (1802—1877), автор писем к своей кузине и подруге Александре Михайловне Верещагиной, в замужестве баронессе Хюгель (1810—1873), была Лермонтову другом, умным, добрым и внимательным наставником. К ней поэт относился с особой почтительностью и безграничным доверием. Из всех дошедших до нашего времени лермонтовских писем самое большое количество — девять — адресованы Марии Александровне.

Она была одной из немногих, понявших истинную душу Лермонтова.

Жизнь ее сложилась не очень удачно: она никогда не имела собственной семьи, жила заботами своих сестер и брата. Теплая дружба связывала ее с двоюродной сестрой со стороны матери Александрой Михайловной Верещагиной (Сашенькой), которую вместе с Марией Лермонтов назвал "наперсницами своих юношеских мечтаний".

Верещагина тоже была очень дружна с юным поэтом и верила, что ее "дорогой Мишель" когда-нибудь "станет великим человеком".

В 1837 году Александра Михайловна вышла замуж за вюртембергского дипломата впоследствии министра иностранных дел барона Карла Эжена фон Хюгеля (1805—1870) и навсегда уехала из России, увозя с собой и свои девичьи альбомы, заполненные стихами и рисунками Лермонтова.

Живя в Штутгарте, баронесса А. М. Хюгель вела оживленную переписку с оставшимися на родине родными, друзьями и знакомыми, в том числе и с Лермонтовым. К сожалению, из переписки уцелело очень немногое, в том числе письма Марии Александровны Лопухиной. Их

переписки уцелело очень немногое, в том числе письма Марии Александровны Лопухиной. Их известно сорок шесть, с 1837 по 1847 год включительно. Отрывки из некоторых из них публиковались в работах И. Л. Андроникова и других исследователей.

В полном объеме письма впервые представлены читателям. Они дают нам ценнейшие сведения о Лермонтове. В письмах также очень широко представлены сведения о чрезвычайно близких ему людях — Лопухиных. Из писем много узнаем о быте и правах Москвы, о многочисленных дворянских родственных и дружеских связях. Путешествуя за границей, пребывая в Германии, Швейцарии, Италии, Мария Лопухина в письмах дает не только интересную панораму увиденных там достопримечательностей, но знакомит с обществом, ее окружавшим, как русским, так и иностранным.

Из писем рельефно проступает личность их автора. Мы узнаем, что она была в жизни очень веселым человеком, была очень образована, владела несколькими иностранными языками. Увлекалась театром, литературой, музыкой, интересовалась живописью. Отличалась остроумием.

Письма ее написаны на французском языке четким красивым почерком на листах различного формата. Хранятся они в ОР РГБ, Ф. 456.

При переводе писем М. А. Лопухиной использована лексика ее русских писем. Курсивом выделены слова и фразы, написанные в подлиннике по-русски, а также сохранены авторские подчеркивания текста.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 6 августа 1837 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 199—200.

1

Москва. 6 августа

Поклон госпоже баронессе! Виват, ура! Бывает же еще что-то на Руси! Поздравляю тебя от всего сердца, дорогой и добрый друг, ты не можешь сомневаться в искреннем участии, которое я принимаю в столь счастливом для тебя событии. Наконец-то вы обвенчались! Боже мой, как я счастлива узнать об этом! Говорят, зависть — большой недостаток, но могла ль я не завидовать участи твоей кузины Машеньки1, какая она счастливая, чего б я ни дала, чтоб побывать на ее месте! Как я надеялась быть на твоей свадьбе, но это не было угодно Господу. Надо думать, я очень дурна, так как Господь отказывает мне во всяком роде счастия. Верно, вы теперь приехали и устроились в своей новой квартире. Чего б я ни дала, чтоб увидать тебя хозяйкою дома, но такого счастия я, наверное, лишена навеки. Потому как, ежели уж сей год мы не смогли поехать заграницу, то на будущие года у меня более нет надежды. А какой хороший был повод, но ты знаешь, как Алеша2 ленив, а потому я не надеюсь, что без какого-нибудь торжественного повода у него появится желание хлопотать, а потом он женится, и тогда уж тем более придется от этого отказаться. Но к чему предварять события и заранее сетовать, я забываю, что говорю с новобрачной, у которой на уме совсем иное и которая теперь совсем не расположена выслушивать все мои жалобы и сетования. Поговорим про другое.

Ты пишешь, что недовольна, что я хочу писать к тебе по-французски, и будто это доказывает, что я недостаточно имею к тебе доверия. Мой добрый друг, ты ошибаешься, и очень сильно. Напротив того, я думала выказать тем самым всю дружбу, которую питаю к тебе, потому что любя тебя, я не желаю отделять тебя от того, что ты более всего любишь на сем свете, и я полагаю, что когда любишь кого и любишь сильно, то не можешь не оказывать ему полного доверия, потому что без этого какая ж дружба? Возможно ль, чтоб ты пожелала что-то скрыть от мужа, этому я не могу и не хочу верить. Тогда зачем ты хочешь, чтоб он не читал моего письма? Кроме того, тебе очень хорошо известно, что у меня никогда не бывает тайн, не от того,

что я не хочу в них признаваться, но мне в самом деле нечего скрывать. Изо всего семейства именно с тобой я всегда говорю наиболее откровенно, наиболее чистосердечно, и поверь, я и вперед не перестану этого делать. Не будь же недовольна мною, ну а ежели это все еще вызывает у тебя какие-то подозрения в моей искренности, скажи об этом, и я всегда стану писать к тебе по-русски. Вот мы и уладили это дело.

Что же сказать тебе о себе? Мой образ жизни так неизменен, что нечего особенно и рассказывать. Алеша уже месяц как в деревне, я же всякий день у сестрицы Вареньки3, где не очень-то развлекаюсь, как ты хорошо понимаешь. Ее девочка4 здорова и очень ее занимает, дай Бог, чтоб она смогла ее сберечь. Сама ж она, мне кажется, ежели бы была не так богата, да имела бы меньше средств на лечение, то и чувствовала бы себя лучше, теперь вот, помимо зубной боли, я не знаю у нее никакой болезни, и однако всякий день она глотает лекарства. Я

ожидаю дурного исхода благодаря такому лечению, она так расстроит свое здоровье, что станет как ее золовка5 — вот все, что я предвижу. Я немного беспокоюсь насчет Лизы6, ведь ты знаешь, что она пишет ко мне точно каждую неделю, но вот уже скоро две, как я не имею никаких новостей. Надеюсь получить их хотя бы в будущее воскресенье. Мадемуазель Сабурова7, с которой я вижусь довольно часто, здорова и все еще живет в Петровском парке8. Они совсем разделились, и мсье Николай начинает пользоваться своим богатством с женитьбы на девице Есиповой, что кузина Лидии Гагариной урожденной Рахмановой. Я видала его с невестою и, право, можно было помереть со смеху. Он, надо тебе сказать, вышел в отставку и в штатском платье выглядит лакеем более обыкновенного. Едва надев фрак, он сказал себе: “А не жениться ли?” — и начал бегать в поисках невесты. Уж не знаю, кто доставил ему знакомство с его невестою, юною девицей шестнадцати лет, она высока, полна, кровь с молоком, одним словом, это не подстега*, как он всех нас называет. После первой же встречи мсье влюбляется, а, кажется, через неделю, не сказав ей ни слова, он**

Моя бабушка9 целует тебя и поздравляет, она не перестает молиться за твое счастие. Целую м-ль Машеньку Ловейко-Хю 10. Надеюсь, она довольна своею новою фамилией?***

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 29/30 октября 1837 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 200—204.

2

Москва, 29 октября

Вчерашний день был очень счастливым для меня, дорогой друг, так как я получила сразу два твоих письма: письмо от 7 октября пришло утром, а сентябрьское мне вручили вечером и довольно забавным образом. Надо тебе сказать, что мы абонированы в театре, и вчера, в день абонемента, поехали на спектакль. Едва приехав, вижу, входит слуга твоей тетеньки Столыпиной11 (которая, как тебе хорошо известно, живет в доме Полторацких на Театральной площади). Так вот, вижу, он держит в руках письмо, я взяла его, тотчас распечатала и принялась читать. Как я благодарна тебе за то, что ты подумала обо мне, и, сказать по правде, я давно уже дулась на тебя, прости, прости, напрасно я роптала. Но только подумай: три долгих месяца я не имела от тебя известий. Умоляю тебя более так не поступать и сообщать мне новости хотя бы один раз в месяц. Пожалуйста, сделай это, не береги моих денег, такие расходы я бы делала с удовольствием. Нет, право, беда любить тебя, как я люблю, не раз я себе говорила: ежели б я могла любить ее меньше, то была бы спокойнее. Я была так грустна, в таком дурном расположении духа, что все это заметили, а потому, ежели не из жалости ко мне, то ради тех, которые страдают от моего дурного настроения, не ставь меня более в это положение, побереги мою репутацию, а то в конце концов станут говорить, что я злюка.

Я надеялась, что первое же твое письмо принесет мне известие о твоем замужестве, но ничуть не бывало. Вот, право, положение из неприятнейших: быть и венчанной, и невенчанной12. Но

почему ты прячешься — вот чего я не постигаю. Не все ль равно, коли вы повенчаны, не делайте пышной свадьбы, а отпразднуйте ее потихоньку, и никто не узнает, когда вы венчались. Право, неприятно быть принужденною прятаться, будто ты виновата. Мне кажется, я бы на твоем месте показывалась на публике. Подумай, ты уже носишь фамилию мужа, так на что парижским обывателям твое венчание в православной церкви, это нужно тебе, а не им, что им за дело до того? Они не могут относиться к тебе иначе как к законной супруге, ручаюсь, что именно муж твой стесняется этим. Какая, право же, досада, но я надеюсь, что в ближайшем письме ты мне скажешь, что вполне обвенчалась.

Теперь надо немного познакомить тебя с тем, что происходит у нас. Начну с того, что Москва нынче очень оживлена, так как здесь находится все Императорское семейство13. Их пребывание здесь будет довольно долгим, по крайней мере говорят, что Они останутся до половины декабря.

Вообрази, сколько праздников это сулит, все московские дамы, молодые и старые, представляются, я думаю, наша семья будет почти единственная не представлена. Но тебе хорошо известно, что я совсем не бываю в свете, Варенька ж имела такое намерение, но она снова беременна, а потому совсем не сможет выезжать. Что касается Лизаньки, то ее денежные дела не позволят ей огромных расходов, которых требуют все эти праздники. Уже почти пять недель, как Лизанька родила, у нее девочка, которую назвали Юлией. Ее маленькое семейство здравствует, дети прелестны, особенно маленькая Катенька необычайно мила, она некрасива, одни глазки хороши, но такая умница, такая забавная, что я совсем в нее влюбилась. И потом, она такой хороший ребенок, никогда ни каприза, ни слез, напротив того, послушна, понятлива и так доверчива, что ее любит каждый, кто только увидит. Что касается мальчика, он довольно хорошенький, но до сих пор не говорит и почти не ходит, а потому не так забавен, как его сестра. Алеша до сих пор не возвратился, все еще в деревне, но я жду его с минуты на минуту. Он получил трость и в восторге от нее, как скоро будет в Москве, то сам напишет дорогому кузену14, чтобы поблагодарить, пока же я делаю это за него. Также и я Баронесса А. М. Хюгель получила твой свадебный венец, благодарю, что ты его прислала, я сохраню его как дорогое воспоминание. Варенькина девочка здорова и обещает быть хорошенькой, похожа, однако же, на ее мужа15, а притом миленькая, как же сие согласовать, скажешь ты, но это так. Мой зять Трубецкой16 забавен более обыкновенного. Надо думать, он имеет намерение помириться с Алешей, потому что страшно ухаживает за Бахметевым, верно, хочет выбрать его посредником в этом деле. Покуда же очень с ним любезен и повсюду превозносит его прекрасные качества, говорит, что лишь недавно узнал его достоинства, что это человек, заслуживающий уважения, и, наконец, что это человек, которому он доверил бы свою жену и детей, ежели бы принужден был их покинуть. Словом, это неистощимый источник похвал, одна льстивее другой. Признаться, нет на свете человека менее последовательного, чем Трубецкой, он то бранит, то хвалит и превозносит, а после опять бранит, и все это за четверть часа. Такой муж есть истинное несчастье, какое уважение может он внушить своей жене? По-моему, мужчина посредственного ума, но с твердым характером лучше гения без характера. Впрочем, я, право же, была бы счастлива их примирению, дай только Бог, чтоб оно состоялось. Я очень боюсь, что оно не состоится или же продлится недолго, потому что при задиристом характере Трубецкого и раздражительном Алешином надеяться особенно нечего. Не умею тебе сказать, с каким нетерпением я ожидаю этой минуты. Это примирение, знаешь ли, почти как курьезный спектакль, и потом, право, очень странно будет видеть Алешу в их доме. Есть еще одно, чего я опасаюсь. Ты, верно, помнишь, что во время ссоры братец обещал пять лет платить проценты, ну так через год срок платежа кончается, и это намного охладит Алешу, потому что, надо тебе сказать, он уже высказывает такую мысль, и вот что говорит:
“Думаю, нынешней зимою Трубецкие постараются помириться со мною, потому как выгода сделает то, чего не смогло сделать чувство”. Ты понимаешь, что с подобной мыслью примирение не может быть очень искренно. А кто виноват, ежели он так думает? Право же, было б лучше сделать это четыре года назад, а не ждать так долго, можно было бы хоть избежать подозрений. Теперь же такрассуждают все, кто знаком с этим делом, потому что они тоже считают, сколько прошло лет. Словом, это злополучная история, и я была бы счастлива увидать ее конец.

Теперь, когда я рассказала о других, я должна была б закончить, рассказав о себе. Эта статья, однако же, наименее интересна, мне совершенно нечего сказать, вот разве что мне очень тебя недостает, и я до смерти без тебя скучаю. Вот как я провожу неделю: ежедневно бываю у обеих сестриц, четыре раза в неделю — в театре, ежели дают интересные пьесы, иначе я отказываюсь, остальное время делаю визиты к знакомым. Сегодня я обедаю у твоей тетеньки, а вечер проведу у Лизы, где должна быть мадемуазель Сабурова, которую я вчера видала и сообщила ей о получении твоего первого письма. Она сама хочет к тебе писать и вечером должна передать мне свое письмо. Свадьбы ее брата еще не было, но думаю, на будущей неделе он женится. Дай-то Бог, самый случай сказать: “два сапога — пара”, и ручаюсь, это будет пара подстать один другому. Я часто вижусь с Левицкими17, они всегда спрашивают о тебе и просили напомнить тебе о них. Как-то вечером я встретила там девицу Давыдову18, которая также выходит за иностранца, он из Берлина, из очень хорошей семьи, словом, граф, только фамилию я позабыла.

Она очень тобою интересовалась, просила сделать твой физический и нравственный портрет и находит, что ты превосходно поступила, выйдя за немца. Она мне много рассказывала про твою золовку г-жу де Линден, которую очень любит и отзывается о ней с самою лестною похвалою. Эта особа долго жила в Берлине и тотчас после своей свадьбы должна туда возвратиться. Отчего это ты не говоришь про мадемуазель Лизу Кобылину19 и про ее замужество, ты, верно, не знала, что она в Париже, а она, однако же, там и выходит за какого-то француза. Постарайся разузнать и в будущем письме подробно расскажи нам об этой свадьбе, а главное, не забудь нам сказать фамилию жениха.

Есть и для тебя несколько интересных свадеб, к примеру, графиня Анна Гудович20 выходит за князя Николая Трубецкого, брата Мансуровой. Не знаю, известен ли он тебе, это очень красивый молодой человек, ума довольно посредственного, но славный малый и к тому же владелец пяти или шести тысяч крестьян. Затем, граф Шереметев21 женится на мадемуазель Анне Шереметевой, которая, говорят, выходит за него совсем не по своей воле, так как имеет склонность к другому, но его родители не соглашаются на этот брак по причине небольшого состояния девицы. Затем, Софья Энгельгардт22 выходит за господина Путяту, брата того, что фигурировал в истории с госпожою Раевской23. Это брак по любви. Теперь покидаю тебя до завтра, потому что мне надо ехать к Бакуниным24 и передать им письмо Евдоксии25, а после я обедаю у твоей тетеньки. Итак, прощай до завтра.

Суббота, 30 октября

Доброе утро, я встала с постели и спешу приняться за письмо. Я начала бы с рассказа о вчерашнем дне, а потом поговорила бы о прочем. Итак, я поехала к Бакуниным, которые совсем не ожидали получить письмо, переданное мною. Они также пишут с сегодняшней почтою. Затем я поехала к твоей тетеньке Столыпиной, и она сообщила мне очень доброе известие, что разрешение на твой брак наконец отправлено, стало быть, в момент получения сего письма ты будешь вполне повенчана и тебе больше не придется прятаться. Слава Богу, ты будешь совершенно счастлива и тебе будет больше нечего желать. Девицы Бахметевы26, все еще живущие у тетеньки, засыпали меня вопросами о тебе. Софья прижимала руку к сердцу и вздыхала со всею силою своих легких на каждое мое слово, Ольга же пищала более жалостливым тоном, чем обыкновенно. Они очень забавны. У Софьи нынче много хлопот, она всякий день бывает в Кремле, чтобы увидать там Императорское семейство. Ее история с господином Фоминым еще не закончилась, потому как она состоит в постоянной с ним переписке. Право, я уже ничего не понимаю, надо быть такою безумной, какова мадемуазель Софья, чтоб поступать столь неосторожно. День я закончила у сестрицы, где застала мадемуазель Сабурову, которая вручила мне письмо к тебе, г-на Алексеева27 с его вечными каламбурами, не имеющими смысла, а также старого князя Друцкого28 с двумя сыновьями. Князь Иван много расспрашивал о тебе, поручил мне поздравить тебя с замужеством, кланяться и свидетельствовать свое почтение, словом, много приятных вещей, которые я не умею рассказать. Кроме того, он уверяет, что ты хорошо бы поступила, поручив ему продажу своего фортепьяно, которое, между прочим, еще не продано. Он говорит, что мы не умеем этого сделать, а он сможет, потому что продаст за пятьсот рублей. Я полагаю, таким образом продать

сделать, а он сможет, потому что продаст за пятьсот рублей. Я полагаю, таким образом продать нетрудно. Ну что, довольна ли ты мною — я тебе рассказала о князе Иване. А теперь поговорим о прочих вещах. Не знаю, писала ль к тебе тетенька, что твой дядя Баранов29 чуть было не оставил совсем свою жену. Жаль, что он не устоял, коли это началось, ему следовало бы совсем покинуть ее, потому что как же он может надеяться, что злая женщина станет доброю? Это значит желать невозможного, я думаю, что можно избавиться от любого недостатка, только не от злости, а особенно, когда сей недостаток доведен до крайности, как у этой женщины. Вообрази, что наказывая своих детей, она сечет их крапивою и обливает холодною водою, чтоб было больнее. Право, это какой-то тиран, а не женщина, и я не понимаю мысли о примирении с нею, может ли оно быть долгим, все начнется снова, что это за комедия! И я не вижу добродетели со стороны мужа в том, что он терпеливо сносит все эти ужасы. Как можно позволять мучить своих детей и ничего не делать, чтоб спасти их, избавить от страданий? По-

моему, это непростительная слабость. Твоя бабушка Баранова30 здравствует, она была огорчена неприятностью, что случилась с ее сыном, но ее огорчение было не из-за неприятного положения сына, а от того, что скажут об этом в обществе. Она опасалась, что пострадает репутация г-на Баранова, что вся вина падет на него. Вот что называется любить своих детей! Она ему постоянно твердила: “Дайте мне помереть, а после делайте, что хотите”. Госпожа Каблукова31 возвратилась, наконец, и ее милый Валерьян состоит при ней. Кажется теперь, когда ты далеко, это начнется горячее прежнего. Однако же к тебе она питает решительную ненависть, так как даже теперь не перестает бранить тебя. Ее дорогой Валерьян может гордиться такой ненавистью, ведь так же сильна и ее любовь к нему. Лиза Нарышкина вся сияет с тех пор, как возвратилась ее приятельница, ведь та уверяет, будто так приятно проводила время в Париже, что никогда б его не покинула, ежели бы не желание снова увидать свою любезнейшую Лизаньку. А бедная Лиза имеет глупость ей верить. Мадемуазель Хрущова отправилась в Петербург искать себе мужа, дай ей Бог найти. Она говорит, что новость об ее браке с Давыдовым ложна, что она не думает об этом и никогда на это не решится, я же думаю, что она это сделает. Госпожа Гурко уехала в Петербург, я очень о ней жалею, потому что она весьма любезна. Что тебе говорит Горяинов насчет своей золовки, знаком ли он с ней и каково его мнение об этой женщине?

Я нахожу, что ты прекрасно поступила, отказавшись от приглашения госпожи Засецкой, я тебе даже советую как можно реже видеться с нею, потому что это совсем не та женщина, что может быть членом твоего общества. Поверь, в конце концов она станет тебя стеснять, так как подобные женщины совершенно бесстыжи и думают восстановить свою репутацию, бывая в обществе порядочной женщины. Я нахожу, что ты слишком деликатна в подобных случаях. Пора, наконец, заканчивать письмо, право же, оно становится слишком велико. Но я так давно к тебе не писала, что никогда не закончу, ежели буду прислушиваться к себе. Умоляю тебя, пиши скорее и отвечай тотчас по получении моего письма. Я ничего не говорю касательно твоих дел, потому что Алеша еще не приехал, и я ничего не знаю в этом отношении. Как скоро он возвратится, я скажу ему передать тетеньке деньги, что ты просишь. Надеюсь, он еще застанет ее в Москве, она все ждет приезда Игнатьева32, который еще не вернулся. Кажется, я никогда не закончу, однако же пора, потому что я боюсь опоздать на почту. Прощай же, я бегу. Кланяйся моему кузену, скажи ему, что я поручаю ему по возможности чаще напоминать обо мне его жене и побуждать ее писать ко мне почаще и побольше. Мое почтение маменьке33, она, должно быть, в восторге от твоего мужа и, кажется, очень довольна расположением вас обоих к ней. Поцелуй Машеньку, не боишься ли ты оставлять ее под присмотром Евдоксии? Хорошим вещам она ее научит, ежели намеревалась дать ей рисовать обнаженных мужчин! Кланяйся ей, когда увидишь, и поблагодари за память. Забыла тебе сказать, что не имею вестей о Мишеле34, сказывали, что он будет прощен, но до сих пор ничто не подтверждает эту новость. Прощай, целую тебя, будь здорова, будь счастлива, но люби меня по-прежнему и не забывай, это было бы жестоко с твоей стороны, ведь я так люблю тебя и с каждым днем все сильнее.

Обе сестрицы с мужьями тебя целуют и благодарят за память. Лизанька хотела к тебе писать, но оставим это до другого раза, потому что она заставила бы меня ждать, и я пропустила бы почту*

Лотман М. А. Письма Хвостовой А. М., 11 ноября 1837 г. Москва // Российский Архив: История

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 11 ноября 1837 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 204—206.

3

Москва. 11 ноября

Надеюсь, ты не можешь обвинить меня в лености, дорогой друг, потому что нынче две недели, как я к тебе писала, и вот пишу опять. А все от того, что у меня нет мужа, ради которого я забывала бы друзей. Не обижайся на то, что я говорю, исправляйся и не будь так ленива. Ты имеешь столько оказий писать ко мне часто, а у меня нет другой, кроме почты. Это письмо берется отослать тетенька, послезавтра она едет в Петербург и там перешлет мое письмо в посольство или же его вручат курьеру, уж я не знаю, как будет. Она была даже столь любезна, что предложила посылать к ней все мои письма, чтобы всегда отправлять их со своими. Это меня отлично устраивает, и таким образом я смогу писать почаще. Ты не можешь себе представить, в каком несчастном положении была я все эти дни. Надо тебе сказать, что прошедшее воскресенье я ездила к Сабуровым, они снова находились в большом волнении по поводу мсье Николая, который был очень опасно болен. Приехала туда, мне говорят, что графиня Панина35 получила письмо от своего сына, который находится заграницей, и он сообщает, будто барон Хюгель, женатый на мадемуазель Верещагиной, имеет припадки умственного расстройства, будто маменька в отчаянии, будто на нее жалко смотреть и будто ты, вопреки неприятному положению, в котором находишься, делаешь все возможное, чтоб скрыть плачевное состояние своего мужа, но уже поговаривают об его замене. Поскольку в человеческой природе всегда верить всем дурным новостям, то и я твердо верю, что это правда, плачу и впадаю в отчаяние. Тем временем кто-то из гостей говорит, что новость вполне верна, но графиня Панина узнала ее не из письма своего сына, а ей сообщил оную господин Рюмин, недавно приехавший из Парижа. Вот тут и закончилась моя вера в истинность происшествия. Алеша, видя меня в столь сильном отчаянии, предлагает съездить к г-ну Рюмину, чтоб узнать от него подробности этой плачевной истории. Я с радостью принимаю это предложение, и Алеша сразу же едет туда, но не застает г-на Рюмина дома. Он расспрашивает его камердинера, который заявляет, что барин был не в Париже, а в Лозанне, откуда и возвратился шесть дней тому назад. Все это не очень утешило меня, так как я во что бы то ни стало хотела добраться до источника этой сплетни, чтобы совсем успокоиться. В то же время я не осмеливалась подымать слишком много шуму, так как опасалась скомпрометировать лиц, вовлеченных в это дело. Воротившись домой, нахожу там Вареньку, которая говорит, что приехала от Голицыных36, что князь Николай получил письмо от князя Федора37, сообщающего, что накануне того дня, как он писал к брату, у него был с визитом твой муж. Это успокаивало, но мне вздумалось спросить, от какого числа это письмо. Она ничего об этом не знала, и радость моя развеялась, так как это число могло быть таким же ранним, как и у письма, что получила я, Бог весть, что могло случиться с тех пор. Наконец, на другое утро Алеша узнает, что эта новость была напечатана в “Берлинской газете”. И вот он вместе с Бахметевым со всех ног бегает в поисках этой газеты, но им никак не удается ее найти. Наконец, во вторник утром является радостный Бахметев с кипою газет в руках и убедительно мне доказывает, что твой муж здесь не при чем. Это совершенно убедило меня, и я совсем успокоилась. Я поспешила сообщить эту новость мадемуазель Сабуровой, а она должна была передать ее дальше, чтоб заставить замолкнуть все сплетни. Право, как невыносима эта страсть распускать ложные слухи и объявлять новости, называя их самыми верными, а на деле зная о них не больше, чем те, кому их объявляют. Я налагала бы штраф на разносчиков небылиц, право, это было бы полезно. Меньше стало бы сплетен и праздных людей, они занялись бы более важными делами, чем разносить из дому в дом всякий вздор, да притом не беспокоясь, что есть родные, друзья и лица, которых это касается. Право, я чувствую, что злюсь даже теперь, только лишь подумаю об этом. Но что делать, меня вывели из терпения, а ты знаешь, ежели я вспылю, то уж не помню себя. Я не стала бы рассказывать тебе всю эту историю, но надо было тебе доказать, что чрезвычайно важно, чтоб ты почаще писала ко мне.

Поставь себя на мое место и только подумай, как неприятно мое положение, и не одним лишь огорчением, которое может причинить мне известие такого рода. Я ведь не могу им сказать: “Молчите, болтуны, вы не знаете, что говорите. Кузина пишет ко мне каждые две недели (хотя бы), и о такой новости, как эта, не смогла бы умолчать”. А потому пиши ко мне почаще, хотя бы из жалости, ежели не из дружбы. Я научу тебя одному способу, который, надеюсь, покажется тебе нетрудным, потому что ни за что на свете я не хочу стеснять тебя или хоть на миг лишать общества твоего мужа, он возненавидел бы меня за это, я же хочу его дружбы, во что бы то ни стало. Я также не хочу посягать на твой сон. Так вот что ты станешь делать: каждое утро, когда твой муж отправляется на службу или же занят своими делами, уделяй мне четверть часа или минут десять, ведь это немного, а мне подобного рода дневник был бы очень приятен, в нем ты день за днем рассказывала бы, что делаешь, и потом, это бы доказывало, что ты каждый день обо мне думаешь. Вот так незаметно пополнялось бы твое письмо, не слишком тебя утомляя, а

случись оказия, ты бы мне его послала. Ручаюсь тебе, ежели б я жила в Петербурге, то засыпала бы тебя письмами. Конечно, там оказии более часты, чем здесь. Тетенька взялась также переслать тебе ковровую подушечку, что я для тебя вышила. Дай Бог, чтоб ей удалось это сделать, я так хотела бы, чтоб ты смогла ее получить, было б грустно знать, что я трудилась над ней понапрасну. Надеюсь, она найдет верное средство доставить ее к тебе. Теперь я хочу немного познакомить тебя с тем, что касается нашего семейства.

Алеша приехал десять дней тому назад, и я совершенно счастлива, что он вернулся. Сейчас его нет дома, но я думаю, что он тоже собирается писать к тебе. Не знаю, будет ли у него время сделать это на сей раз, но намерение такое он имел. Варенька здорова, ее ребенок также. Лизанька совершенно оправилась и начала выезжать, она также хочет писать к тебе. Ее дети просто прелесть, особенно маленькая Катенька, право, эта девочка отрада для меня. Третьего дня она провела у нас весь день и впервые увидала Алешу, но совсем не робела, играла с ним и не хочет называть его иначе, как “дядя жених”. Братец целый день забавлялся с нею, и я уверена, что и ты полюбила бы ее, она так мила, так забавна, что нельзя иначе. И она знает твой портрет, который, между прочим, находится в моей комнате, я им завладела. Когда ее спрашивают, кто на портрете, она сразу отвечает: “тетенька немка”. До сих пор нет ничего похожего на примирение Трубецких с братцем, право, мне очень жаль, я надеялась, что этому придет конец, впрочем, это может быть случится, когда я меньше всего буду ожидать. Что касается меня лично, не скажу тебе ничего особенно интересного. Я немного хвораю и эти дни провела дома, верно, простыла, потому что кашляю, а дома оставалась скорей из осторожности, чем по необходимости. Однако завтра я хочу выйти, так как тетенька уезжает послезавтра38, и мне хотелось бы провести возле нее этот последний день. Ты не поверишь, как она добра, как полна внимания и любезности ко всем нам, но особенно к Алеше и ко мне. Сестры Бахметевы уехали неделю тому назад, Софья несколько раз поцеловала меня в лоб, будто я святыня, она вздыхала и плакала, словом, прощание было очень трогательно и прошло по всем правилам сентиментальных прощаний. Уже несколько времени я не была у твоей бабушки Барановой. Я чувствую себя виноватой пред нею, но что делать, мне кажется, что победить лень выше моих сил. Господин Игнатьев наконец приехал, и Пашенька очень счастлива, впрочем, это не делает ее более разговорчивой. Непостижимо, до чего она молчалива, право, ежели она не переменится, то совсем потеряет дар речи. Ее девочка39 уже ходит, но еще не говорит, она резва и весьма забавна, но очень дурнеет, впрочем, у нее режутся зубки, что может быть причиною такой перемены. Я нахожу, что Машенька40 очень изменилась к лучшему, ты не поверишь, как она похорошела, да к тому ж стала разговорчивой, зато Лизанька41 приводит меня в отчаяние, мне кажется, она с каждым днем дурнеет. Госпожа Евреинова42 с недавних пор в Москве, но, кажется, одна, так как живет у Зубовых43. Я виделась с ней лишь мельком на французском спектакле, но еще не ездила к ней, потому что она очень занята свадьбой своей кузины Оболенской, что состоялась третьего дня. Но на будущей неделе я к ней поеду. Дамы Левицкие не перестают о тебе интересоваться, они поручили мне напомнить тебе о них, а Юлия до сих пор сетует, что не смогла увидаться с тобою пред твоим отъездом, она просит тебе сказать, что для ее утешения ты должна скорее воротиться в Москву, чтобы дать ей возможность приехать к тебе. Я не могу удержаться, чтоб не сказать на это: “Жди, жди!” Не права ли я, радуясь, ежели смогу обнять тебя хотя бы через несколько лет?

Дамы Писемские44 также расспрашивали о тебе, я буду иметь счастье непременно дважды в неделю видеть их, так как они тоже абонированы в театре, они наши соседи слева. Их брат Павел также бывает там, и я боюсь, что видя его столь часто, сочту его слишком любезным, как бы это не перешло в несчастную страсть. Ты получила, наконец, разрешение на брак, я знаю это потому, что видела копию оного, которую переслали тетеньке. Не знаю, должна ль я повторить мои поздравления, ведь, по-моему, это уже сделано. Но признаюсь, меня очень радует, что ты вышла из своего заточенья, давно пора. Теперь ты станешь развлекаться, но пусть это не заставит тебя позабыть одну особу, которая жаждет, чтоб ты об ней помнила, ты, конечно, понимаешь, что я пекусь о себе.

Еще одна добрая весть для тебя: Мишель решительно прощен45, это уже не выдумка, так как сама бабушка46 об этом объявила, он прощен и снова переведен в лейб-гусары. Он приедет в

Москву в декабре месяце, потому что бабушка ждет его к Рождеству. На сей раз я, верно, не смогу и не захочу долго удерживать его, так как это значило бы повредить ему в глазах всех его родных. Как бы не позабыть сообщить тебе интересную новость, вот она: господин Юшков добился своего, он получил генерала и даже, говорят, назначен губернатором в Оренбург. Ежели эта новость верна, то я думаю на днях он будет в Москве, проездом в свое губернаторство. Сие последнее известие должно быть, наконец, столь приятным для тебя, что я не хочу портить впечатления, рассказывая что-нибудь еще. А потому откланиваюсь, да и правду сказать, я чрезвычайно устала. Прощай же, дорогой друг, надеюсь, ненадолго. Ежели б я имела надежду скоро получить письмо от тебя, то была бы покойнее. Но Бог весть, когда придет это счастье. Прощай, целую тебя очень нежно. Поклон твоему мужу, скажи ему, что я каждый день об нем думаю, мне досадно, что мое письмо никак не может быть ему интересно, потому что все подробности, о коих я пишу, не могут его занимать. Мое почтение маменьке, Машеньку целую. Ежели увидишь Евдоксию Бакунину, скажи ей, что я ее целую.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 18 апреля 1838 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 206—208.

4

Москва. 18 апреля

Дорогой друг, не могу передать тебе радость, которую я почувствовала, увидав твой почерк, я так давно была лишена оной. Впрочем, я не смею жаловаться, так как вижу, что при твоей занятости ты не имеешь лишнего времени для меня. Ежели только ты пообещаешь по-прежнему меня любить и не забывать совсем, я безропотно довольствуюсь тем временем, которое ты пожелаешь мне уделить. Из писем, при сем прилагаемых, ты узнаешь главную новость об Алешиной женитьбе на княжне Варваре Оболенской47. Я думаю, ты помнишь, мы всегда ему говорили, что Евреиновы словят его для своей сестры. Ну вот, так и случилось. Мадам всю зиму не оставляла меня, то она у нас обедала, то ужинала, то приезжала на целый день, затем последовали приглашения к ней. К тому ж они каждый день виделись на бале, так что Алеша был совершенно околдован, и теперь он влюблен. Не стану много говорить о невесте, ты ее знаешь, что же касается наружности, то она самая некрасивая из четырех сестер. Я предполагаю, что она мила, добра, а впрочем, как мне кажется, совсем пуста. После двадцать четвертого марта, когда брат был помолвлен, мы не поговорили и четверти часа, ей все нечего мне сказать, и она уверяет, будто очень смущается всякий раз, как должна ко мне обратиться. Бог весть, как могу я внушать робость, до сей поры, по крайней мере, я о том и не догадывалась. Что касается семьи, все они славные и добрые люди, но действуют на меня точно так, как семейство Ладыженских48, в их обществе я чувствую такую ж скуку и мне очень неловко. После такого начала ты станешь думать, будто я в отчаянии от Алешиной женитьбы, но вовсе нет, я очень этому рада, потому что вижу его таким счастливым, таким довольным своей участью, что не могу не разделять его радость. Поскольку я привыкла говорить с тобою откровенно, то скажу, что хотела бы для

Алеши жену более благовоспитанную, словом, что-нибудь получше. Но коли она ему нравится, что ж, тем лучше, неважно, каким путем дается счастье, лишь бы оно было, вот что главное, а я уверена, что они будут счастливы. Свадьба будет двадцать четвертого числа сего месяца, то есть через шесть дней, ты легко поймешь, сколько у нас в доме хлопот и суматохи. Я полагаю, что к концу мая или же в первых числах июня мы уедем в деревню, но я проведу там самое большее пару месяцев и вернусь в августе месяце к Лизиным родинам. Ведь говорила ж я тебе прошлый год, когда ты хотела меня уверить, что я приеду к тебе заграницу, ведь я всегда тебе отвечала: ”Ежели я не поеду с тобой, то не поеду вовсе, потому что брат женится, и этим все сказано”. Видишь, не напрасно я так говорила, я оказалась довольно догадлива, рассуждая таким образом. Теперь же больше меня не жди. Но оставим все это и поговорим о нашей свадьбе. Я хочу перечислить тебе все подарки, которые брат сделал своей невесте. Начал он, разумеется, с шали, которая изумительно красива. Затем он подарил ей прелестные часики и очень красивую цепочку с крючочком, чтоб их подвешивать. Изящную коробку с полным подбором очень красивых перчаток и шляпу. На Пасху он подарил ей фермуар и бриллиантовые серьги, затем полную парюру из серебра с филигранью, затем бриллиантовое бандо, теперь он еще хочет бирюзовые серьги. Завтра мы поедем покупать подарки для родителей49. Как я уже сказала, венчание состоится в будущее воскресенье и будет совершено в домовой церкви графини Паниной. Со стороны братца посаженными отцом и матерью будут Лиза и мой зять Бахметев, а шаферами будут князь Иван Друцкой и господин Кротков Александр, держу пари, что последний очень тебя удивляет. Не знаю, будут ли на свадьбе Бакунины, но Полторацкие50 решительно не будут, потому что в тот же день состоится свадьба их старшего племянника Мертваго, который женится на Сусанне Соймоновой. Уверяю тебя, сей год вся Москва женится. Бедная Катерина Соймонова51 в жалком положении, ее отец решительно отказал барону Гирксу и слышать не желает об этом браке. Говорят, она, бедняжка, с горя заболела. Право, жестоко со стороны отца так мучить свою дочь, а главное обманывать, ведь уже больше года свадьба откладывается со дня на день, и папенька все обещал хорошего исхода этого дела. А в ту минуту, когда она была так спокойна, так уверена в своей участи, отец имел жестокость сказать решительное “нет”. Я нахожу такое поведение отвратительным. Свадьба твоего кузена Вадковского52 была в прошлую среду и, говорят, праздновалась с большой пышностью. Говорят, на днях у них будет бал. Ежели я не сказала тебе о свадьбе Степанова53, то просто потому, что сама о ней ничего не знала, я услыхала об этом лишь три недели тому назад. Не знаю, помнишь ль ты меньшого Демьянова, брата Ивана Яковлевича, ну, так он также женится, на девице Ефимович, что воспитывалась у графини Головкиной. Она внучка той старой госпожи Ефимович, что так мала ростом. Я поехала представиться в качестве родственницы, но не застала ее дома. Как говорят, она весьма достойная особа, совсем не хороша, скорее дурна собой, но очень умна, блестяще воспитана и отличная музыкантша, к тому ж, говорят, ангельской доброты. Она только что назначена фрейлиной. Ты понимаешь, что лишь недостаток состояния принуждает ее выходить за этого молодого человека. Он славный малый, но вовсе лишен воспитания и выглядит олухом, хотя в сущности не таков.

Не могу выразить, как мне нынче весело: Каратыгин54 в Москве. Ты знаешь, как я его люблю, а потому редко пропускаю его представления. Как я завидую твоей участи, ты можешь наслаждаться зрелищем, да еще каким! Впрочем, я рада твоему счастию. Как я благодарна твоему мужу и как люблю его за то, что он тебя счастливит. Чего б я ни дала, чтобы повидать обоих вас вместе, как я хотела бы познакомиться с ним, но кто знает, суждено ли мне когда-нибудь узнать его. Я уверена, что на это ты тотчас ответишь: “Но мы приедем в Россию”. На что, в свою очередь, скажу, что не очень полагаюсь на это обещание, впрочем, мы не поймем друг друга на сей счет, так как ты всегда полна прекрасных надежд и видишь все в лучшем свете, я же ни на что не надеюсь и впереди не вижу ничего хорошего, что, впрочем, довольно естественно, потому что я изведала это на себе. Ведь я никогда не видала добрых дней, мне не удалось ни одно из моих намерений, так что естественно, ежели я более ни на что не рассчитываю. Впрочем, самое разумное — не предварять события, а терпеливо ждать, что же будет.

Сегодня я навестила твою бабушку г-жу Баранову. Она очень рада вестям о тебе, целует тебя и просит сказать, что она в восторге от того, что ты счастлива и довольна, а особенно, что так

хорошо принята при Дворе. Все это время у нас бывал Хастатов55 который покинул Кавказ и едет служить в Петербург. Он наполовину лыс и стал еще страшнее, а главное, до крайности дурные манеры. Он много расспрашивал о тебе, а потом сказал с известною тебе усмешкою: “Не могу вообразить, что злая женщина в такой знатности”. Пашенька Игнатьева уехала в Казань, и уже есть от ней известия, то есть сразу по приезде, а потому не могу сказать, нравится ли ей там, ведь она такая вялая, что ей должно быть повсюду равно: и весело, и скучно. Надо тебе сказать, что Жюльвекуры56 ужасно на вас сердиты за то, что вы совсем к ним не пишете, особенно на твоего мужа. Они говорят, что когда он оставался в Париже, грустный, одинокий, то они предлагали ему все возможные утешения, а с тех пор, как они уехали из Парижа, он не подает и признака жизни. О тебе же они говорят, что тебе не следовало бы их забывать из благодарности, потому что ежели ты счастлива, так это благодаря им, они придают себе большое значение в этом деле и первому встречному рассказывают, что ваш брак устроился через них. М-ль

Кошелева говорит, что была бы в восторге получить от тебя весточку, но что она слишком добродушна, чтоб сетовать на тебя, а потому не сердится, но советует тебе успокоить Жюльвекуров. Мсье должен вскоре уехать, он уже объявлен в газете, он ненадолго отправляется в Париж, а мадам остается. Мадемуазель Кошелева опять намерена путешествовать, я нахожу, что она ничуть не переменилась, все такая же сумасбродка, что и была, одевается смешней, чем прежде, словом, путешествие не сделало ей пользы. Крошка Андрей Сушков57 с февраля месяца в Москве, при нем его сестра и дочь, последняя очень выросла, похорошела, сделалась вполне мила и хорошо воспитана. Что же касается до милого Пьера58, он также приехал на несколько дней в Москву, он послан в Воронеж по какому-то делу. Его назначение губернатором неопределенно, как и всегда, и кажется, что самым разумным было бы отказаться от надежды оным стать. Мадемуазель Сабурова тебя целует и просит сказать, что вместо поездки в чужие края она принуждена пить воды в московском заведении. Я была уверена, что это путешествие не состоится, с кем она может ехать? И с близкими путешествовать не такая уж приятная вещь, а уж с чужими — несносно, и ее матушка никогда не решится на такую поездку. Варенька и Лизанька обе тебя целуют, они здоровы, первая очень тяжела, потому что на последнем месяце, я предполагаю, что она родит в последний день мая. Ее маленькая становится очень мила. Лиза же сразу после свадьбы поедет в деревню, возвратится к своим родинам, а после опять вернется в деревню, потому что будущую зиму не рассчитывает жить в Москве.

Теперь, когда я немного уведомила тебя о том, что до нас касается, я должна откланяться, потому что, отославши письмо, пообедаю, оденусь, а после надо ехать по делам. Скоро после свадьбы я к тебе напишу, но для большей предосторожности отправлю письмо к тетеньке, а уж она перешлет его к тебе, у нее будут более свежие новости, и она найдет, как следует поступить. Прощай, мой добрый друг, будь здорова, вот все, что остается тебе пожелать. Кланяюсь твоему мужу. Как скоро будешь в Стутгарте, сейчас напиши ко мне, потому что я не жду от тебя вестей раньше этого времени. Ты меня не известила о получении письма, что я к тебе написала в ответ на то, что мне прислала тетенька. Скажи, получила ты его или нет, я была б, право же, огорчена узнать, что оно затерялось. Мое почтение маменьке. Как я рада узнать, что она возвращается в Россию, но было б еще приятней, коли она могла бы остаться. Прощай, дорогой друг, очень, очень нежно тебя целую. Какая досада, что тебя теперь нет здесь, потому что я не могу привыкнуть к мысли, что нахожусь совсем одна в этой свадебной суматохе, с тобой я была бы поуверенней.

Я позабыла тебе сказать, что Агафья Дохтурова59 просит напомнить тебе о ней, она три недели как родила, и у нее сын Дмитрий. Ничего не скажу об ее муже, так как не видала его, он играет в прятки. Еще одна свадьба, о которой тебе приятно будет узнать: Маша Карр60 выходит за господина Каравкевича, он, говорят, хороший человек и очень богат*.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 1 августа 1838 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 208—210.

1 августа

Ты должна быть очень сердита на меня, дорогой друг, так как в ответ на два твоих любезных письма, что я недавно получила, ты получишь лишь вот это письмецо, которое я буду просить маменьку вложить в ее письмо. В конце мая месяца я покинула Москву и отправилась с Алешей в деревню, там и получила я твое первое письмо, и, несмотря на мое желание, чтобы он написал к тебе, я так и не смогла добиться, чтоб он взял в руки перо. Ты всегда знала, что он ленив, так вот теперь он сделался ленив вдвое, и судьбе было угодно, чтобы жена его была в сто раз ленивей, чем Королевская резиденция под Штутгартом он сам, а потому иной раз они спят до двух часов пополудни, потом встают с постели, раскачиваются до четырех, когда мы садимся за стол, после обеда ложатся спать, и таким образом у Алеши никогда нет времени хоть чем-то заняться. Мне пришлось уехать из Успенского61, так и не написав к тебе. Нынче я все еще в деревне у сестрицы Лизы, отсюда оказии в город чрезвычайно редки, потому что мы от него в пятидесяти верстах. Но твоя маменька имела любезность написать ко мне, прислав твое письмо, и предложила взять мое, ежели оно не будет велико, что я и обязана по совести исполнить. Через неделю мы едем в Москву, и тогда я смогу написать к тебе большое письмо. Мне нетерпится увидать твою маменьку и узнать все подробности об тебе. Как я тебе благодарна за все подарки, а особенно за портрет, который мне нетерпится увидеть и иметь у себя, но все это будет возможно лишь когда я повидаюсь с маменькой. Как заманчиво твое приглашение приехать к вам, но ты забываешь, что помимо доброй воли, на такую поездку нужны еще и средства, я хочу сказать — деньги, а у меня их много не бывает. Ты знаешь, что у меня не бывает больше двух тысяч рублей, а как я не ждала Алешиной женитьбы, которую он скрывал до последней минуты, то ничего не отложила, а мне пришлось сделать большие расходы на свадьбу, потом на подарок невестке, потому я была принуждена взять в долг, когда же я его верну, что обязана сделать в начале зимы, то на остаток года у меня будет только восемьсот рублей наличными. Согласись, что с этим далеко не уедешь. Нет, дорогой друг, путешествие в чужие края есть такая вещь, которую я могу желать, могу мечтать о ней, но предпринять ее мне никак невозможно. Впрочем, ты знаешь, что две мои тысячи я всегда получаю по частям, а потому всю жизнь принуждена брать в кредит, что вносит в дела большой беспорядок. Ты знаешь мой несносный характер, мне всегда недостает смелости говорить об этом с братцем, потому как я опасаюсь, что он сочтет меня недовольною. Впрочем, когда он женился, я настоятельно просила его назначить мне сроки получения денег. Но до сих пор ничто не переменилось, а мне совестно заговаривать об этом. Впрочем, поглядим, что будет зимой. Он еще в деревне со своей женой, которая беременна уже более двух месяцев, как я предполагаю. Он думает, что они не возвратятся в Москву раньше ноября месяца, так что все это время я буду в Москве с сестрицами. Лизанька едет туда рожать, а Варенька, которая сейчас в Ревеле, приедет в первых числах сентября и зиму проведет в Москве. Лиза же возвратится в деревню как скоро оправится после родин. Как я рада узнать, что ты беременна, как хотела бы увидать ребенка, который родится. Ты видишь — твои опасения не иметь детей были напрасны. В последнем письме ты ни слова не говоришь о своем здоровье, сделай милость, вперед не забывай этого. Но я надеюсь, что теперь, когда срок уже большой, ты будешь лучше себя чувствовать, ведь нельзя же мучиться все девять месяцев. Не ленись и старайся больше ходить, все женщины, которые так поступают, очень хорошо себя чувствуют и легче рожают. А главное, не лежи подолгу, все согласно говорят, что это очень вредно. Несмотря на огромное желание поболтать с тобою, я должна, однако же, тебя покинуть, потому что мне непременно надо написать к твоей маменьке и к тетеньке, чтоб поблагодарить их обеих за память, а потом мне еще надобно написать к бабушке и к Алеше. Ты видишь, дело не в лени, а в недостатке времени. Нежно поцелуй твоего превосходного мужа, скажи ему, сколь я чувствительна к дружбе, которую он мне свидетельствует, что я не буду вполне счастлива, покуда не узнаю его и не смогу вслух уверить его в дружеских чувствах, которые к нему питаю, и что я благодарю его за то, что он тебя счастливит. Прощай, дорогой и добрый друг, будь здорова, продолжай наслаждаться счастием, коего ты вполне заслуживаешь, и не забывай ту, которая не перестанет тебя любить. Прощай, но надеюсь, ненадолго, так как я напишу к тебе тотчас по приезде в Москву. Лиза с мужем кланяются тебе и твоему мужу, Лиза тебя целует.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 26 августа 1838 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 210—211.

6

Москва, 26 августа

Дорогой друг, я в Москве с четырнадцатого числа сего месяца, и на другой день по приезде сестрица Лиза не нашла ничего более спешного, как разрешиться дочерью, которую назвали Софья. Обе, то есть мать и ребенок, здоровы. В тот же день, как сестрица родила, я поехала в Средниково и пробыла там три с половиною дня. Ты не поверишь, как я была счастлива вновь увидать твою маменьку. Надо было сообщить мне все, что до тебя касается, и я расспрашивала ее так подробно, что она едва успевала давать мне ответы. Как я благодарна тебе за красивые подарки, что ты мне послала, но особенно за портрет. С каким удовольствием я тебя разглядывала, чтоб увидать случившиеся в тебе перемены, и ежели портрет верен, ты очень располнела. Все, кто видит твой портрет, находят его необыкновенно похожим, я же нахожу, что тебе сильно удлинили лицо. Маменька неистощима в похвалах твоему мужу и говорит, что очень его любит, а впрочем, даже ежели она была бы недовольна, то, конечно, не сказала бы мне своего мнения, потому как уверена, что я возьму твою сторону. Она очень звала меня ехать с ней заграницу, и когда я сказала, что сей год не смогу этого сделать из-за недостатка денег, она ответила, что так желает доставить тебе удовольствие, привезя меня с собою, что предлагает уплатить расходы на мою поездку. Я поблагодарила ее, но я, конечно, не могу принять такого рода предложение. Когда я получила твое письмо, то самое, где ты так зовешь меня приехать, я тотчас сообщила об том Алеше. Но он ничего не ответил, будто не слыхал меня, — доказательство, что он не желал бы, чтоб я ехала. Но ежели б я имела сумму по крайней мере достаточную, чтоб предпринять путешествие, я не остановилась бы ни перед каким соображением, ведь надо же мне хоть раз в жизни иметь немножко удовольствий. Следует признать, что до сих пор я ничем не наслаждалась и никогда не имела собственной воли. Я очень хорошо понимаю, что он не хотел бы, чтоб я уехала, потому что, как он ни влюблен в свою жену, но очень хорошо видит, что от нее немного толку. Мало я знаю особ, менее приятных, чем она. У нее нет ни природного ума, ни воспитания, ни умения держать себя. Когда у нее бывают гости, она не находит, о чем говорить и не уделяет им внимания. Я никогда не видала столь дурно воспитанную женщину. Что мне в ней очень не нравится, так это что у нее нет другого разговора, как злословить свою тетушку и безжалостно насмехаться над ней. Тетушка, может, женщина не очень любезная или приятная в обществе, но все-таки она их благодетельница, и даже ежели у нее бывают иной раз капризы, это не удивительно, так как с утра до вечера ее терзают племянники и племянницы, а их, чай, немало. Нет, нет, это не тот брак, которого я желала бы для Алеши, он кончит тем, что пропадет с ней от скуки. Говорили, что тетушка строго держала этих дам, что они не избалованы. Ну, так все это неправда. Тетушка не имеет над ними никакой власти, а дурак отец балует их до крайности. Ежели тетушка позволяет себе сделать им замечание, они очень нагло отвечают: “Тетенька, я знаю, что делаю, да и папенька мне этого не запрещает”. Согласись, это не очень-то учтиво. Я все это тебе рассказываю не затем, чтоб дурно говорить о невестке, а потому, что я в самом деле привыкла быть с тобою откровенной. Впрочем, я не собираюсь на нее жаловаться, она делает, что может, и не ее вина, ежели она не может делать лучше. Немного спустя после свадьбы она мне говорила, что чрезвычайно ко мне привыкла и что очень была рада обнаружить у меня веселый характер, “а иначе, говорит, я просто злилась бы на вас, уверяю, вы были бы мне отвратительны”. На что я ей ответила, что очень счастлива, коли могу ее веселить, а она даже не догадалась, что сказала ужасную глупость. Но и я всегда говорю ей лишь всякий вздор, как говорят ребенку, а она так этому радуется, что помирает со смеху. Разумеется, я никогда не выкажу ей своего недовольства, но я пропадаю от скуки, никогда я не привыкну к ее обществу. Согласись, не очень-то весело проводить свою жизнь рядом с особою, которая тебе не понимает, которая наводит на тебя скуку и не находит в тебе другого достоинства, кроме уменья рассмешить. А как я была расположена найти в Алешиной жене подругу, как готова была полюбить ее всем сердцем и душой! Но, конечно, не

Алешиной жене подругу, как готова была полюбить ее всем сердцем и душой. Но, коли так, не такую выбрала бы я себе в подруги, о нет, это невозможно. Уверяю тебя, что Маша Ладыженская63 была б более приятной женой, та хоть чувствовала, чего ей не хватало, и всегда была готова последовать совету, который ей давали. Эта же считает себя гением по уму и полагает, что все делает отлично. И это до такой степени, что она удивляется, ежели муж порицает ее за что-нибудь, и не находит ничего более спешного, как пойти и рассказать об том всякому, кто пожелает ее слушать. “Вообразите, — говорит, — Алеша бранил меня за то-то и то-то, но разве стоило того, ведь он не прав?” Я ей сразу же ответила, что прошу ее никогда не приходить ко мне с жалобами на своего мужа, что это никак неуместно и что я никогда не стану вмешиваться в их дела. Алеша при ней поблагодарил меня за это, что однако же не мешает ей поступать все так же. Одно меня утешает: я вижу, что Алеша до сей поры очень влюблен, дай Бог, чтобы так продолжалось. Чего я боюсь, так это разочарования, с Алешиным характером это будет ужасно. Он скрытен, очень самолюбив и будет тогда страдать до конца, от чего станет

еще более несчастлив. Бедняжка! Ведь он мог выбрать кого угодно и так плохо выбрал. А виной всему эта противная госпожа Евреинова, она совсем его обворожила, и я тебя уверяю, что до той самой минуты, как было объявлено об этой женитьбе, вся наша семья была твердо уверена, что он страстно влюблен в нее. Он уже существовать не мог без нее. Словом, она изрядно докучала мне прошедшею зимою. Но я полагаю, что слишком долго говорю все об одном, так как мое письмо полно лишь этим. Мне так давно надо было поговорить с тобою откровенно, что теперь я довольна. Ты так меня любишь, что рассказывать тебе о том, что близко меня касается, не значит надоедать тебе, я в этом вполне уверена. Прежде, чем закончить письмо, надо однако же тебе сказать, что сестрица Варенька возвращается в Москву. Она говорит, что много веселилась во время путешествия, и, надо думать, здоровье ее поправилось. А впрочем, когда я ее увижу, то лучше пойму, так ли это. Прощай, дорогой друг, будь здорова. Кланяйся своему мужу. Пришли скорее весточку, я хотела бы знать, где вы должны жить в Стутгарте?

Лиза с мужем тебя целуют и просят напомнить о них твоему мужу*.

Милостивой государыне Баронессе де Хюгель**.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 16/20 ноября 1838 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 211—215.

7

Москва, 16 ноября

Дорогой друг, с тем большей радостью получила я твое последнее письмо, что ты давно уже лишила меня всяких новостей. Покуда маменька была в Москве, я их имела, хотя и заочно. Но после ее отъезда и до получения твоего письма, помеченного еще сентябрем месяцем, я ничего о тебе не знала, а потому написала к маменьке. Но отослав письмо, через несколько дней я получила твое. Ежели бы ты могла вообразить, какое счастье доставляют мне твои письма, то писала бы ко мне почаще. Ежели ты заботишься о моих интересах и тебя пугают расходы, так что ж, посылай свои письма в Петербург, ежели не маменька, так тетенька будет пересылать их ко мне, потому что обе они предложили мне посылать мои письма к ним и взялись отправлять их к тебе. Ты не поверишь, как обе они, то есть маменька и тетенька, добры ко мне. Я не столь самолюбива, чтобы думать, что обязана их доброте своими достоинствами. Я отношу это к желанию маменьки доставить тебе удовольствие, она уверена, что ты об этом выскажешься. Но так или иначе, а я им весьма благодарна. Они очень звали меня приехать в Петербург, но в моем положении нет возможности это сделать, потому что поездка в Петербург обойдется слишком дорого. Но ежели все будет как я того желаю, то будущей весною я надеюсь совершить небольшую поездку с сестрицей Варей. Я еще в точности не знаю, что она предпримет, она имела намерение снова поехать в Гапсаль, потому что морские ванны сделали ей большую пользу. Но вот уже две недели, как она снова хворает, я думаю, она простудилась, потому что у нее

лихорадка, было два или три сильных приступа. Но уже два дня как ей полегчало. Доктор утверждает, что у нее печень не в порядке, а потому уже несколько дней поговаривают о перемене лечения и о поездке на воды в чужие края, но я еще не знаю, состоится ль это путешествие и куда мы поедем. Во всяком случае, ежели ничто мне не помешает, я поеду с ней, неважно куда, но буду ее сопровождать. Ты легко поймешь, что я была бы в восторге, ежели бы выбрали заграницу, потому как приехавши туда, кто знает, где будешь ты. Быть может, у меня будет возможность вырваться на мгновение, и тогда я приехала бы провести его рядом с тобою. Ручаюсь тебе, лучшей минутою моей жизни будет та, когда я вновь увижу тебя и обниму. Ах, я только лишь думаю об этом, а уже плачу от радости. И я до смерти хочу увидеть и узнать твоего мужа, а кроме того, в ту пору появится еще новый маленький член семьи, которого мне также было бы любопытно узнать. Право, я думаю, что сойду с ума от радости в ту минуту, как увижу тебя. Впрочем, я так мало привыкла к хорошим дням, я настолько приучена думать, что для меня нет счастья в сем мире, что даже не смею размышлять о такой радости, и я уверена, случится что-нибудь, что помешает этому намерению осуществиться. Лучше не говорить об этом. А между тем, я очень хочу увидать тебя в кругу твоего семейства. Твои письма всегда приносят мне много добра, потому что, получая их и читая, я делаюсь счастлива твоим счастием. Как твой муж добр, как я люблю его и благодарю за счастие, которым он тебя дарит! Я бы хотела узнать его, чтобы посмотреть, смогу ли я любить его больше, чем уже люблю, мне кажется, невозможно. Жаль, что я не знаю точно, когда ты ждешь родить, мне говорят то в декабре месяце, то в январе. Стало быть, с первого декабря я стану думать о тебе больше, чем всегда, и буду молиться больше обыкновенного, чтоб Господь послал тебе благополучные родины.

Что же теперь рассказать о себе? Право, это всегда так мало интересно, что особа, о которой я меньше всего люблю говорить, это я сама. Нынешней зимою я выхожу из дому меньше обыкновенного, я нахожусь или дома, или у сестрицы Вари. У меня еще нет экипажа, он будет со временем, но теперь его еще нет, а потому в те дни, что Алеша и его жена не обедают дома, они отвозят меня к Вареньке или же она посылает за мной. Когда я дома, то работаю или читаю, словом, стараюсь по возможности занять себя, чтоб не скучать. Моя невестка очень добра, у нее, право же, добрый нрав, и до сих пор Алеша очень счастлив с ней. Я даже думаю, что так будет всегда, потому как не вижу причины, чтоб ее характер переменился. Я не опасаюсь, что она поссорит меня с Алешей, напротив того, она, кажется, очень меня любит, даже говорит, что больше, чем все мои сестры. У нее весьма благополучная беременность. Правда, в первое время у нее была тошнота, а главное, болели зубы, но зато теперь она чувствует себя очень хорошо, много выезжает и даже не раз была на бале. Правда, она там остается не более часа, но в ее положении танцевать нельзя, и она лишь скучает на бале. Я думаю, она родит в феврале месяце. Алеша от одной мысли, что скоро будет отцом, приходит в восхищение. Варенькина девочка очаровательная и премиленькая, она еще не говорит и не ходит, но у ней ужимки прелесть как выразительны, и ее легко понять. Она необычайно мила и бойка, просто шалунья. Дай Бог, чтоб сестрица сумела ее сберечь, ведь она, право, несчастлива с детьми. Лизанька будет зимовать в деревне, что меня очень огорчает, как за нее, так и за меня. Хотя она и говорит, что совсем не скучает в деревне, но что ни говори, а там не самое приятное житье зимой. Ежели б она была в Москве, я имела бы больше развлечений, я бы с ней выезжала, и потом у нее такой веселый характер, что с ней не соскучишься. Во всяком случае, я тебе ручаюсь, что с радостью ожидаю прихода весны.

Теперь надобно немного рассказать тебе о Москве, хоть я не выезжаю и никого не вижу, но все ж то тут, то там да услышишь что-нибудь. Эти дни Москва была очень оживлена. Прибытие Государя и герцога Лейхтенбергского64 дало повод к различным увеселениям. Они прибыли ночью в прошедшую субботу, в воскресенье Они были на спектакле, и в ту минуту, когда Они показались в ложе, партер прокричал Ура! и сыграли Боже, Царя храни. Словом, Их появление вызвало много восторгу. В понедельник была ассамблея и блестящий бал в Собрании. Во вторник, то есть вчера, превосходный бал у князя Сергея Голицына65. Говорят, сегодня Государь возвращается в Петербург. Я не видала герцога Лейхтенбергского, но Алеша и его жена, ездившие на балы, говорят, что он весьма красивый мужчина. Говорят, нынешней зимою будет много балов. Несколько уже дали, но немного. Многие начинают впервые выезжать, но

хорошеньких совсем мало, почти нету. Две самые знатные особы, которые будут выезжать нынешней зимою, это мадемуазель Апраксина66, у которой мать графиня Толстая, и еще мадемуазель Кочубей. Ни та, ни другая некрасивы, но обе получили отменное воспитание и весьма любезны. С последней я знакома, я встречала ее у сестер Левицких. Они продали свой дом и сняли квартиру неподалеку от нас, что меня очень устраивает, потому что я нахожу большое удовольствие в их обществе. Бедняжка Елена все еще взаперти, она совсем не будет зимой выходить, даже для прогулок. Впрочем, она права, потому что доктора больше не смогут обвинять ее в неосторожности. Нынешним летом она была совсем плоха, опасались чахотки. Госпожа Салиас в Москве, она недавно разрешилась сыном, ежели не ошибаюсь. Она приехала сюда совсем больная и не показывалась. Я ее не видала и, думаю, не увижу. Я была прямо в бешенстве из-за нее. Вообрази, при первом свидании с мадемуазель Сабуровой, которая к ней заехала, она давай ей рассказывать, что твой муж дрался на дуэли по политическому делу, что

это вполне верно, потому что она присутствовала при том и была очевидцем распри, что сия дуэль и вся эта история причинили твоему мужу много вреда, что из-за этого даже задержалось его повышение по службе и назначение. Словом, она говорила о той истории, описание которой я читала в твоем письме к маменьке. Но можно ли так бессовестно врать? Мадам, будучи в Париже, утверждает, что была на месте дуэли и очевидцем истории, происходящей в Стутгарте, и потом, я хотела бы знать, с каких это пор женщины стали очевидцами дуэли. Она, верно, была секундантом твоего мужа в этой воображаемой дуэли, расспроси-ка его хорошенько, он, кажется, что-то от тебя скрывает. Я была просто вне себя от такой болтовни и не могла удержаться, чтоб не сказать мадемуазель Сабуровой, что прошу ее поговорить с госпожой Салиас и сказать ей, что, право же, стыдно вот так разносить кучу вранья насчет лиц, к которым она должна иметь немного благодарности за их доброе отношение. Глупая болтунья! Я, конечно, предупрежу слухи, насколько смогу, объявив о лживости этого известия. Щербатовы67 в Москве, они привезли ту дочь, что оставляли в Париже, она, говорят, была помешана, но теперь будто бы пришла в себя. Они занимают свой прежний дом, но пока и речи нет о бале у них. Гагарины также возвратились, у них зимой будут балы. Я передала твой портрет твоей кузине Анненковой68, которая, право же, находится в очень неприятном положении. Вообрази, ее старый дядюшка69 помешался, а потому весьма неприятно жить вместе с ним. Она написала к его наследнику, то есть к господину Сергею Тинькову, прося его приехать в Москву, чтобы привести в порядок дела и немного подумать о положении дядюшки, потому что жить с помешанным не самое приятное. Но сей господин ответил ей, что у него жена и дети, что он может их оставить лишь на день или два, а потому ничего не может сделать для своего дядюшки. Право, жаль ее, она очень похудела и постарела из-за этого. У нее горести со всех сторон. Вообрази, какое несчастие случилось у ее брата Дмитрия70. Ты знаешь, как он желал иметь детей, и два месяца тому назад его жена родила вполне здорового ребенка. И вдруг через шесть недель после рождения ребенок умирает. Самое же ужасное, что он был отравлен. Все подозрения падают на воспитанницу его тетушки, чьим наследником он был. Утверждают, будто она сделала это ради своей выгоды. Ее взяли под стражу, и дело рассматривается, но я до сих пор не знаю решения. Написали к господину Анненкову71, все родственники генерала зовут его приехать в Москву, потому что большой риск оставаться в этом доме — ежели смогли отравить ребенка, то возможно замыслят умертвить и родителей.

20 ноября

Несколько дней тому назад, когда я писала к тебе это письмо, меня попросили сойти вниз, я была там нужна. И с тех пор до сей минуты я не имела времени приняться за письмо, но теперь приступаю к нему с твердым намерением окончить его сегодня, чтоб завтра отослать. Все эти дни я провела у Вареньки, которой гораздо лучше, слава Богу, лихорадка ее отпустила. Но она еще не выезжает, потому что погода очень дурна, и это было бы неосторожно. Третьего дня у меня была Ирина Полторацкая72, она лишь на несколько дней в Москве, потому что отпраздновав день ангела своего свекра возвращается в Калугу. Я нахожу, что она очень похорошела. У нее есть маленькая воспитанница, девочка четырех лет, не очень хорошенькая, но и не дурна, зато чрезвычайно умненькая. Она очень правильно сделала, что взяла ее, потому что для нее, столь

одинокой, это приятное занятие. Семейство Полторацких здравствует, кроме старика, которому все хуже и хуже. Три недели тому назад он был так плох, что опасались за его жизнь. Но теперь ему лучше, и говорят, двадцать третьего у них будет вечер. Сестры Бакунины сделались отменно изящны, у них появился кабинет, и там на столе полно безделушек, они пользуются всякими притираньями, чтобы похорошеть. Я предполагаю, что у них огромные планы, но как редко их вижу, то и не знаю, что затевается.

Теперь я стану говорить про мадемуазель Сабурову, это самое интересное, и вот отчего я оставила сие про запас. Вообрази, сейчас вся Москва говорит о ней и о ее любви, и думаешь, к кому? Держу пари, что никогда не угадаешь. Представь, к ее кузену князю Ивану73. Ну, и что ты на это скажешь, не романтично ли это? Но самое замечательное, он был так тронут этой любовью, что также воспылал страстью к ней и просил у родителей позволения на ней жениться.

Конечно, все родственники и слушать не желают о таком чудовищном браке. Дядюшка даже пригрозил лишить его наследства, ежели он станет упорствовать в своем намерении. Теперь хотят отправить его на один год в чужие края, чтоб отвлечь от этой любви. Но я нахожу, что это плохое средство, потому что мадемуазель, не желающая отступиться, станет писать к нему все более пылкие письма, и это лишь сильнее (нрзб.). Не могу тебе передать, сколько шуму делает в Москве эта история и какой вред она приносит мадемуазель Сабуровой, ее называют низкой интриганкою, вообще говорят ей много бранных слов. Коль скоро она сама рассказала мне об этом деле и призналась в своей любви, я не могла удержаться, чтобы не объяснить ей всю чудовищность этой истории, я ей просто напомнила, что она некрасива, что по летам она могла бы быть ему мамашей, а через несколько лет легко сойдет за бабушку, потому что, несмотря на столь страстную и несчастливую любовь, она лишь толстеет, что еще больше ее старит. Уверяю тебя, мне ее жаль. Как можно быть столь смешною? Я дошла даже до того, что расписала ей все, что Москва говорит на ее счет, она же отвечает, что не придает сему значения, потому что за нее ее сердце и невинность. Я отдаю ее справедливость, (нрзб.) выслушать правду и не рассердиться, ведь я изрядно ей наговорила, ну, а она поблагодарила меня и сказала, что никогда не забудет участия, которое я в ней приняла. Но что особенно меня возмущает, так это что она вне себя от радости, потому как сделалась интересной жертвою и играет столь жалостную роль в этом знаменитом романе. Она весела, как зяблик, носится со своей любовью по Москве и рассказывает о ней всякому, кто пожелает слушать. Я хотела объяснить ей, как же вздорно такое поведение, на что она мне ответила: “Отчего ты хочешь, чтоб я таилась, ведь это не дурное дело”. Тогда я ей сказала, что коли она желает быть смешной, пусть поступает, как хочет, я же больше не скажу ей ни слова. Она хочет к тебе писать, она, кажется, намерена рассказать тебе сию историю, воображаю, сколько при этом будет восторгу. Я уверена, что ежели молодой человек поедет заграницу и будет в ваших краях, то навестит тебя. Бедный малый, так дурно кончить свое поприще! Но хватит об этом.

Я получила вести от Лизы, она поручает напомнить тебе о ней и просит сказать, что уверена, что у тебя будут благополучные родины и прелестное дитя. В начале письма я говорила тебе о намерении поехать в чужие края, увы, оно не исполнится, мы поедем в Гапсаль. Я говорю “мы”, потому что тоже поеду. Ты понимаешь, что не для лечения, нет, слава Богу, я чувствую себя как нельзя лучше и располнела, даже весьма. Ежели так будет продолжаться, я рискую сделаться толстухой. Надеюсь, ты будешь довольна мною и не обвинишь меня в лености. Я только боюсь, как бы у тебя глаза не разболелись, покамест ты разберешь мои каракули. Передаю тебе множество поклонов от моей сестрицы и ее мужа, от Алеши с женой, одни тебе кланяются, а другие целуют.

Я забыла тебе рассказать о Сашеньке Шульгиной74. Я с ней не вижусь, это слишком далеко, а как у нас только один экипаж, я не могу туда поехать. Но мне известно, что она здорова. В ее положении до сей поры ничего не переменилось, бедняжка, как ее жаль! Когда установится санный путь, я надеюсь съездить туда в санях, потому что непременно хочу ее повидать. Ее брат снова служит, он состоит адъютантом при генерал-губернаторе Сибири. Надо, наконец, попрощаться с тобой, и теперь мне поневоле придется это сделать, потому что бумага кончается,

попрощаться с тобой, и теперь мне поневоле придется это сделать, потому что больна кем-нибудь. Прощай же, дорогой друг, будь здорова, поскорее подай весточку о себе, не заставляй меня страдать от долгого молчания, как ты это сделала последний раз. Кланяюсь твоему мужу, поцелуй его за меня, это очень приятное поручение, и я уверена, что ты исполнишь его от всего сердца. Будь так же добра ко мне, как была до сих пор, и рассчитывай на признательность той, которая не перестанет любить тебя до последнего вздоха. Прощай, целую тебя очень, очень нежно.

В Стутгарте

В доме Военного Министра

для доставления Милостивой государыне Баронессе

Александрине де Хюгель*

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 22 декабря 1838 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 215—216.

8

Москва, 22 декабря

Дорогой друг, я получила твое письмо уже дней восемь или десять тому назад, но оно очень давнее, потому что помечено октябрем месяцем. Мне принесла его одна дама, фамилию которой я позабыла. Но отсылая его ко мне, маменька любезно сообщила мне более свежие новости. Она как нельзя более довольна точностью, с которой ты к ней пишешь, и всеми подробностями, что ты сообщаешь. Она с восторгом говорит о твоем муже. Я, однако же, очень виновата пред нею, потому что до сих пор еще не написала к ней, чтобы поблагодарить. Впрочем, в этом почти нет моей вины, по крайней мере, это не от лени, все мое время занято сестрицей Варей, которая все хворает, и на сей раз так серьезно, что совсем слегла. Но уже два дня, как ей стало лучше и доктор обнадеживает: он говорит, будто от этой болезни у нее могут пройти все прежние. Вот уже неделя, как я не отхожу от нее, я и пишу к тебе из ее дома. Теперь она спит, а как сама я лягу очень поздно, то и хочу воспользоваться этим временем, чтобы немного поболтать с тобой. Ты не поверишь, как часто я о тебе думаю, особенно как начался декабрь месяц, просто ежеминутно. Мне все кажется, что ты уже разрешилась, и я желаю тебе то сына, то дочь, но чаще всего думаю о мальчике. Поглядим, не обманет ли меня предчувствие. Я бы хотела, чтоб у тебя был сын, мне больше нравится, когда семья начинается с мальчика, мне кажется, что тогда он будет покровительствовать своим сестрам. Женщина так сильно нуждается в покровителе, ну что она может сама, столь слабое существо, и что бы она делала в этом мире, где мужчины — все. Но твой барончик наводит меня на размышления, которых мне бы следовало избегать, потому что я не могу думать, чтоб это тебя занимало. Словом, я хочу, чтоб у тебя был сын, слышите ль, сударыня? Держу пари, что кузен того же мнения и будет больше радоваться появлению мальчика, ежели только он не разделяет мнение доктора Гааза75, который говорил, что дал бы двух мальчиков за одну девочку. Он стареет, добрая душа, и лишился зубов, а как они были хороши. Впрочем, он ни в чем не переменяется, все тот же экипаж, тот же старый кучер и ежедневные визиты к Голицыным76, где никто не принимает его лекарства, а в конце недели, в воскресенье — обед у них, всегда в восемь часов вечера. У Голицыных всегда одно и то же, княгиня почти всегда хворает, а мсье пьянствует более обыкновенного. Право, эдак можно замучить и женщину, у которой совсем мало чувствованья. Ежели бы ты знала, каким обществом он себя окружил, право, стыдно и сказать об этом. Вообрази, у него всем заправляет никто иной, как тиролец, что приходил к нам продавать пряники, с ним-то проводит он свою жизнь. Но лучше не станем об этом говорить, ведь это, право же, отвратительно. Поговорим про другое. Балов много, прямо-таки всякий день, но я не завидую участи дам, которые там бывают, ведь они должны смертельно скучать, будучи принуждены танцевать с мальчишками, потому что

нынешней зимой совсем нет кавалеров, никто не приехал провести свой отпуск в Москву, а потому очень скучно. И свадеб нет, ни одной. Право, Москва неузнаваема. Впрочем, сама я этого совсем не чувствую. Не участвуя в светских развлечениях, я не замечаю царящей скуки, а ежели замечаю, то лишь благодаря жалобам, что слышу со всех сторон. И потому у меня нет для тебя никаких новостей. Впрочем, сегодня утром мне сообщили одну довольно грустную новость, но я еще не уверена в ее правдивости. Говорят, что Бороздины хотят расстаться, причиною разрыва муж, он последний год много играл и сильно проигрался. Не в силах рассчитаться с долгами, он был принужден давать векселя и всегда заставлял жену их подписывать как поручительницу, не давая ей читать бумагу, которую она подписывала. Ее отец обнаружил все происки мсье и объяснил дочери, что она не имеет права разорять своих детей, потакая страсти мужа к игре. Она, кажется, высказала эти упреки мужу, и последовал разрыв.

Алеша с женой здоровы, она, впрочем, довольно тяжела. Они весьма хорошо ладят, он по-прежнему очень влюблен. Не бойся, что она разорит его праздниками или выездами, она совсем не выезжает нынешней зимою, ей скучно на бале, потому как она не может танцевать. Туалетами она почти не занимается, я думаю, она еще более небрежна, чем ее сестра Евреинова, а уж у той нет никакого изящества в одежде. Это очень меня удивляет, так как сам Алеша всегда одет изящно, да и любит, чтоб женщина хорошо одевалась. Он так всегда заботился о наших туалетах, а на женины не обращает внимания. И ведь это не от скупости, потому что он ей дает все, что она просит, и имея красивые наряды, она до невозможности (нрзб.). Господин Евреинов поступил в службу, чему я очень рада, потому что это помешает ему приезжать в Москву. Нынче он здесь и твердит, что желает немного повеселиться, потому как скоро распрощается с нами на четыре года. Я прощусь с ним с большой охотою, я даже была бы в восторге проститься на больший срок. Господи, как же он неприятен, особенно с той поры, что сделался родственником, он несносен. Предо мною угодничает, и уж не знаю отчего, но когда мы вместе, он берет себе за правило заниматься только мною, надоедая своими глупыми разговорами. Он решительно невыносим. Нынче утром я получила известия от Лизы, она здорова, дети тоже. Я думаю, что на днях ее увижу, но ежели она приедет, то ненадолго, потому что она приедет одна. Бумага кончается, но я не смею взять еще один лист, ведь это письмо приложится к маменькиному, и мне совестно, ежели оно будет велико. Прощай же, дорогой друг, тысяча любезностей твоему мужу, поцелуй его за меня. Передаю тебе поклоны, поцелуи и уверения в дружбе от всего семейства. Нынче утром у меня была мадемуазель Сабурова и просила позволения прислать мне записочку для тебя, но как она этого не сделала, верно ее намерения переменились. У них ничего нового, все та же история, только князь Иван уже не едет в чужие края, потому что не может добиться длительного отпуска. Прощай, дорогой друг, мне чрезвычайно хочется спать.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 23 декабря 1838 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 216—217.

9

Барону и баронессе Хюгель Москва, 23 декабря

Спасибо, тысячу раз спасибо, дорогой и добрый кузен, за радостное известие, что вы мне сообщили. От всей души поздравляю вас и мою милую Сашеньку! Вы не поверите, как я была тронута вашей любезностью. Как! Подумать обо мне в такую минуту, когда я, конечно же, не посмела б и надеяться на ваше внимание! Право, я со слезами на глазах благодарю вас за это. Я знала вас добрым и милым, но вы еще лучше, и я даже не знаю, любезный друг, каким словом назвать вас, чтоб доказать вам всю мою признательность. Боже мой, ну когда же я вас увижу? Когда смогу сказать: вот тот, кого я так люблю, кому обязана счастием моей дорогой Сашеньки! Конечно, самым прекрасным днем моей жизни будет тот, когда я протяну вам дружескую руку, когда, надеюсь, поцелую вас, то есть, ежели вы того пожелаете. Ну, конечно же, вы пожелаете, я уверена, хотя б из любви к жене. А впрочем, я хочу быть искренна: самолюбие мне

подсказывает, что вы немного любите меня, не ради меня самой, о нет, мое самолюбие не заходит так далеко, вы любите меня за дружбу, которую я питаю к вашей жене.

Как я счастлива узнать, что Сашенька разрешилась, что она стала матерью. Поцелуйте оба за меня милую малютку77 с темными волосиками. Вот теперь, я уверена, она стала миленькая, но воля ваша, дорогой кузен, а мне трудно поверить, чтоб она была хороша в ту минуту, когда вы хвастались ее красотой. Теперь же, когда на ее личике появилось выражение, скажите мне, на кого она похожа? Расскажи о ней побольше, мой добрый друг Сашенька, теперь я обращаюсь в тебе, потому что не хочу злоупотреблять любезностью милого кузена. Расскажи же об ней побольше, дай волю материнской болтовне и сообщи обо всех ее гримасках. Я уверена, что она будет мила, ведь ты не станешь ее баловать.

Надеюсь, нынче Сашенька совсем оправилась, ведь сегодня точно месяц, как она родила.

Впрочем, она окружена такой заботою, что скоро оправится. Вчера вечером я к ней писала и ничего еще не знала, вы увидите это из моего письма, которое я все же посылаю. Только сегодня вечером я узнала радостную весть и поспешила, дорогой кузен, написать к вам эти строки. Мне надо было поскорее сказать, как я вам благодарна и как люблю вас. Пусть Господь сторицею воздаст вам за радость, что вы мне доставили.

Во вчерашнем письме я говорила о болезни моей сестры Бахметевой, сегодня ей получше, нынешняя ночь спокойная, она очень тихо спит, покуда я к вам пишу. Она была очень счастлива узнать добрую весть и поручает мне поздравить вас обоих. Теперь я обнадежена на ее счет, надеюсь, она скоро поправится. Ее муж и Алеша с женой просят поздравить вас, пожелать здоровья ребенку и скорого выздоровления маменьке. Я непременно уведомлю родственников и друзей. Поскольку я совсем не знакома с г-ном Жюльвекуром, то мой зять Бахметев взялся объявить ему, потому что знает господина Жюльвекура, и к нему напишет.

Прощайте, дорогой кузен, а также и ты, мой дорогой друг, пусть счастие не изменит вам во всю вашу жизнь! Да хранит вас Господь, мои добрые друзья, и да осенит Он вас своим святым покровом! Сделайте милость, пишите ко мне поскорее, вам легко понять, как мне нетерпится иметь от вас вести. Прощайте, прощайте.

При сем прилагаю записку от м-ль Сабуровой, она прислала оную сегодня утром. Я принуждена была ее распечатать, потому что она никак не помещалась в письме, получалась складка, прошу прощения за это.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 30 декабря/1 января 1839 г. Флоренция // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 226—228.

15

Флоренция, 30 декабря

Дорогой друг, третьего дня я получила твое письмо, но не знаю, от какого числа, потому что оно не помечено. Я была совершенно счастлива его получить, я начинала уже приходить в отчаяние, не имея от тебя вестей, и хотела вскоре направить тебе дерзкое послание, даже начало придумала. Это письмо было прелестно, но хоть я и была очень им довольна, я рада, что писала его напрасно. Мне, право же, очень жаль, что ты так страдаешь. Надо, однако, надеяться, как ты и говоришь, что это болезненное состояние было кризисом. Я же сама не могу сообщить тебе очень хороших новостей, то есть лично о себе, потому что я была чрезвычайно больна. В последнем письме я ничего не сказала об этом, надеясь, что болезнь больше не вернется. С той поры, как я в Италии, я постоянно хвораю. Неприятность с горлом у меня прошла или, лучше сказать, переменила характер, потому как вместо этого у меня появилась боль в виске, вроде болезненного тика. С тех пор, как я во Флоренции, у меня уже было четыре таких приступа, с

каждым разом все сильнее. Последний же приступ совсем меня сразил, и мне пришлось обратиться к доктору. Боль была так сильна, что я думала, что сойду с ума. Притом у меня была лихорадка и нервические судороги. В первую минуту, когда я начала чувствовать боль, я подумала, что это из-за зуба, ведь у меня никогда не болели зубы, и я не знала, что это такое. Я послала за зубным лекарем, который очень знаменит тем, что успокаивает и излечивает зубную боль. И вот осмотрел он мои зубы и заявил, что ему нечего делать, так как у меня нет ни одного больного зуба, и что надо обращаться к доктору. Последний явился, дал мне успокоительное питье и приказал ставить ноги в воду. На третий день я принуждена была прибегнуть к пиявкам. Знаешь, у меня эта боль приходит всякий раз, как у меня должно быть что-нибудь, и я теперь со страхом ожидаю будущего срока. Нынче мне уже гораздо лучше, хотя не совсем хорошо, у меня часто болит голова, и я очень дурно сплю. Доктор приписывает все это влиянию климата, который, как кажется, мне вреден. Но это выдумка, ведь климат Италии всем делает пользу, почему же мне он был бы вреден?

Сей последний месяц был чрезвычайно дождлив, хотя бывали и очень хорошие дни. Но уже два дня погода решительно чудесная, вчера было даже слишком жарко для этого времени года — пятнадцать градусов в тени. Согласись, это мило для последних дней декабря. И надо видеть, как прелестны газоны, они свежи, как у нас весной. Их скосили недели две тому назад. Впрочем, говорят, что летом газоны в этой стране весьма некрасивы, потому что они всегда сгорают от жары. Надо признать, Италия очень красивая страна, но я все же скажу, что ежели бы мне пришлось покинуть Россию, я хотела бы жить в Германии. Сегодня утром мы ездили смотреть мастерскую одного скульптора. Он по происхождению американец, но уже два года живет во Флоренции. Этого человека почитают одним из первых скульпторов, и сказать по правде он очень талантлив, особенно ему удаются античные фигуры. Замечательная работа!

Оттуда мы направились в имение маркиза д'Альбиса. Это в часе езды, место просто прелесть. Дом расположен на вершине очень высокой горы, да еще на крыше он устроил террасу, куда подымаются, чтоб полюбоваться восхитительным видом. Можно видеть Флоренцию и все окрестности. Право, я весьма довольна этим днем, давно уж я не имела столько удовольствий, ведь последний месяц, как я уже сказала, я почти не выезжала. Сейчас пишут портрет сестрицы с ребенком, картина будет очень хороша, но на это уходит много времени. Ничего не могу тебе сказать в отношении нашего приезда в Гейдельберг, Бог весть, будет ли это, я думаю, мы слишком рано начали радоваться. Сестрица теперь лечится у местного доктора, а он высказывается за морские ванны. Но он говорит, что одного лета ей недостаточно, что надо бы провести еще одну зиму в Италии, а после летом возобновить морские ванны. Я думаю, можно положительно сказать, что мы останемся здесь. Мне кажется, что сестрица имеет такое желание. Ей особенно улыбается мысль остаться еще на год заграницей, и она ежедневно заводит об этом разговор. Словом, она хочет, чтобы муж предложил ее это, но он пока молчит. Бог весть, как все это кончится, я только знаю, что слишком часто делаю над собой усилие, чтобы не бросить: "О, Господи, ну к чему вся эта комедия?" Но не станем больше говорить об этом, будь что будет.

Мне особенно не о чем тебе рассказать, я уже сказала, что мало видала за это время. Я довольно часто бывала во французском театре, но он решительно плох, а нынче труппа уехала. Так как в театре я бывала с графинею Бутурлиной89, то часто видела в ее ложе Наполеона Монфора, который, кажется, немного за нею волочится. Увидав его издали и не зная, кто это, я спросила, не принц ли это Монфор — столько он походит на все портреты своего дядюшки. Но я нахожу его весьма неловким. Кажется, завтра у его отца будет бал. Через несколько дней отсюда в Стутгарт отправляется один молодой итальянец, он туда едет поступать в службу. Это юноша лет восемнадцати, князь Бентивоглио. Он обещал мне взять письмо для тебя, но поразмыслив, я не хочу давать ему оное и предпочитаю послать с почтой. Не забыть бы тебе сказать, что мы познакомились со знаменитою г-жой Каталани90. У ней совершенно особая привязанность к русским, и когда она узнала, что мы русские, то была чрезвычайно с нами любезна и очень звала нас приехать. Варя побывала у нее, а я еще не смогла благодаря моему недомоганию. Надеюсь теперь, когда я совсем оправилась, по крайней мере сейчас, мы ее посетим. Мне чрезвычайно хочется услышать ее пение. Говорят, она весьма радушна и когда находится в узком кругу, то поет, и еще чудесно для своих лет.

поет, и еще чудесно для своих лет.

1 января

Это письмо я начала, надеясь вчера его отослать, но третьего дня вечером сестрица предложила навестить госпожу Ховрину91, и я не успела его закончить. Также и вчера мне было невозможно к нему вернуться, а потому я смогу послать его лишь завтра. Это дает мне удовольствие поздравить с новым годом вас обоих, а также ваших родителей, коим прошу напомнить обо мне. Я обойдусь без избитых фраз и общих мест, которыми пользуются для поздравлений. Ты знаешь, как я тебя люблю, а потому тебе известно, что я тебе желаю всевозможного блага. А для себя я делаю на сей год такие пожелания: во-первых, еще раз повидаться с тобой, покуда я заграницей, а во-вторых, осенью вернуться в Россию, потому что мне очень хочется увидать всех домашних. Я очень часто получаю вести от Алеши, он пишет ко мне каждую неделю. Они здоровы, очень счастливы и рассказывают много интересного про своего ребенка, который, кажется, очень мил. Твоя Машенька92 сейчас у Алеши, они ждут благоприятного момента, чтоб ее поместить. У бедной сестрицы Лизаньки случилось горе, она недавно лишилась ребенка — девочки одного года. Она все хворала, наконец у ней сделалась водянка. Лиза не могла уехать из деревни и была принуждена отослать девочку к Алеше, где она оставалась два месяца и умерла несмотря на все лечение. Объявляя мне разные новости, Алеша тоже говорит о расстройстве брака меньшой Углицкой93, но он говорит, что этого не пожелал граф Шлиппенбах и что Озеров94 в самом деле писал в Петербург, чтобы навести справки насчет состояния, которое мадам объявила совершенно блестящим. Какое чудовище, возможно ли так играть счастьем своей дочери! А что говорит об этом твой деверь? Доволен ли он поведением своей милой кузины? Как же это твоя маменька, рассказывая про свадьбу князя Голицына, ничего не сказала насчет прекрасного приданого, которое принесла невеста95? Ее дядюшка граф Завадовский подарил ей тысячу душ, что позволит им жить в полном довольстве. А говорит ли она тебе про женитьбу господина Отрешкова-старшего96? Госпожа Ховрина сказала, что кто-то объявил ей эту новость как достоверную. Говорят, он женится на дочери господина Горсткина97, что женат на Ломоносовой. Но есть одна вещь, которая заставляет меня сомневаться в правдивости сего известия, — это недостаточное состояние у невесты. Как согласить это с его мыслями о высоком положении? Ведь мсье жаждет большого дома с красивою лестницей, убранной цветами, устланной ковром, и у каждой двери лакеи в ливрее из вилюра*, как он выражается на своем хорошем французском языке.

Мне объявляют еще про свадьбу Ирины Полторацкой, она выходит за жандармского полковника, некоего господина Видковского. Говорят, она мало его знала до помолвки. Но я забываю тебе сказать, что недели две тому назад я получила письмо от Евдоксии Бакуниной, которая сейчас в Риме. Граф Александр Зубов98 сказал ей, что я во Флоренции. Она очень тревожится об своих родных, уже три месяца не имея от них известий. Узнав, что я здесь, она решилась ко мне написать, чтобы спросить о них, думая, что я смогу ей что-нибудь сообщить. И про тебя она мне много рассказывает. Говорят, она работала здесь во дворце Питти и сделала очень хорошие копии. У нее признают большой талант, но слишком уж горячая голова, и я, право же, думаю, что и со всем своим талантом она ничего не сотворит.

Несколько дней тому назад мы были в Опере. Труппа, игравшая в момент нашего приезда, уехала, и сейчас ее заменили другою. Примадонну я уже слушала в Турине, а как театр там невелик, то она производила больше впечатления. У нее весьма красивый голос, не сильный, так сказать, но с приятным звучанием. Ей не хватает методы, но она очень хорошенькая и прекрасная актриса. Эта труппа будет здесь всю масленицу, а во время поста ее заменят другою и, как говорят, великолепною труппой. Но я бы хотела не ее слушать, а лучше ехать в Рим и Неаполь, мне нетерпится их увидать. Масленица здесь началась, но пока еще нет ничего похожего на Карнавал. Говорят, народные маскарады начинаются после Богоявления, а карнавальные праздники не бывают прежде трех последних дней. В русский Новый год Орлов99 даст бал, который, говорят, будет очень красив, но несмотря на все это я не хочу туда ехать. Мне очень нравится это семейство: мсье очень славный человек, мадам любезна, а мадемуазель скорее некрасива, но весьма умна, очень приятна и естественна, очень хорошая музыкантша и

некрасива, но весьма умна, очень приятна и естественна, очень хорошая музыкантша и превосходно поет. Из всех особ, которые мне здесь известны, больше всего мне нравятся она, госпожа Ховрина и госпожа (нрзб.) Но все же я весьма редко вижу общество, потому что никогда не выезжаю одна, а сестрица, как тебе известно, выезжает очень редко, а потому мы мало кого видим. Сегодня у нас будет маленький детский праздник. Будут дети графа Кутайсова100, вдовца, что был женат на Шепелевой, девочка графини Бутурлиной, девочка госпожи Дивовой и еще меньшая Ховрина101. Им покажут кукольный спектакль, что, говорят, очень красиво. Оленька начинает много говорить, она знает, как что называется, но еще не может строить фразы. Как бы я хотела увидать твою Лизаньку! Воображаю, какие она сделает успехи к будущей весне. Пожалуйста, пиши ко мне поскорее, расскажи про ваши Рождественские праздники и про подарки, что ты получила. Скажи, какого рода сюрприз приготовил тебе муж? О Боже, как бы я хотела всех вас повидать! Как бы я хотела познакомиться с твоей свекровью, мне кажется, я очень бы ее полюбила. А твой свекр был так

добр ко мне, я, право же, очень его люблю. Кто знает, суждено ль мне это счастье? Но не стоит печалиться ради нового года, и чтоб больше не говорить ничего даже лишь напоминающего о грустном, хочу закончить письмо, целуя тебя, твоего мужа и**

Бахметевы кланяются вам обоим***.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 6/18 июня 1839 г. Эмс // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 217—218.

10

Эмс, 6/18 июня

Дорогой друг, вот уже четыре дня, как мы в Эмсе. Ежели б я уступила своему сердечному желанию, то была б уже возле тебя. Но к несчастию, даже на столь малом расстоянии мне никак невозможно исполнить это желание. Мы побывали в Ганау, где советовались с Коппом, потому что сестрица была направлена именно к нему, о чем я, кажется, говорила тебе в последнем письме. Он нашел, что у нее серьезная болезнь, происходящая только от расстройства в матке, и затем прописал эмские воды и купания. Поэтому мы проведем здесь не меньше шести недель. Ежели бы мой зять мог остаться с Варей, тогда б я быстро собралась и примчалась бы в Стутгарт, чтобы побыть с тобой несколько недель. Но оказывается, зятю надо нас покинуть и ехать в Киссинген, где он также должен пробыть четыре или пять недель. Из того, что я сказала, ты видишь, что мне невозможно отлучиться. Оставить сестрицу одну в ту минуту, как эти воды причинят ей, быть может, расстройство, ослабят ее, в ту минуту, как ей могут понадобиться мои заботы, есть вещь невозможная. К тому ж с ней дочка, которой также требуется лечение, ежели бы маленькая захворала, положение сестрицы стало б ужасным. Словом, решительно надо запастись терпением и ждать более удобного случая. Я не смею слишком уж звать тебя сюда, потому что очень хорошо чувствую, что ты не захочешь покинуть мужа и ребенка, это было бы слишком большой жертвою, а приехать сюда с семейством должно быть слишком дорого, и я не хотела бы, чтоб ради меня ты делала такую трату. Впрочем, мне поручено Варею звать тебя, потому что она также чрезвычайно желает тебя повидать. Вот что она поручает тебе сказать: когда ее муж уедет (что будет завтра, так как он не может оставаться дольше), у нас будет лишняя комната. Ежели бы ты смогла устроить так, чтобы приехать и поселиться в оной, мы были бы совершенно счастливы. Правда, комната невелика, но ты, быть может, не посмотришь на это. Твоя маменька сказала мне, что скоро ты останешься одна, что твой муж намеревался ехать на воды, ну так чтоб не оставаться одной, приезжай лучше сюда, а ежели не опасаешься ехать с маленькой, бери ее с собою, мне так хочется ее увидать, да и тебе будет покойнее. Как я хотела бы познакомиться с кузеном! Будучи столь близко, было бы грустно лишить себя этого удовольствия. Но я не смею звать его приехать с тобою, потому что его бы не устроил уголок, который мы можем вам предложить, да и находиться в окружении женщин так неловко, а мы были б у него и справа, и слева. Ежели бы ты знала, как я хочу увидать его и узнать! Ежели б он

бывал у него и справа, и слева. Ежели бы ты знала, как я хочу увидать его и узнать. Ежели он мог хотя бы привезти тебя сюда, конечно ежели ему не трудно сделать крюк. Или же проведя какое-то время на водах, он, может быть, смог бы приехать к тебе сюда. Мой дорогой и добрый друг, ты так умна, устрой же, ради Бога, так, чтоб я тебя повидала! Я не обещаю тебе в Эмсе много удовольствий, потому что нам сказали, что это не то место, где много веселятся. Впрочем, я еще не могу ничего сказать, хотя мы здесь уже четыре дня, но никого еще не знаем и потому, конечно, скучаем. Но ежели ты приедешь, это все, что нам нужно, я тогда не хочу никого видеть, никого знать и вполне уверена, что мне будет весело. Напиши ко мне поскорее, расскажи о себе, скажи, на что я должна надеяться. Ты понимаешь, что до той поры я буду вся нетерпение и ожидание. Ежели получивши мое письмо ты будешь писать к госпоже де Линден, то пожалуйста напомни ей обо мне и еще раз поблагодари за дружбу, которую она нам выказала. Прощай, дорогой друг. Как хочется сказать: до свидания, потому что мне все кажется, что оно близко. Кланяйся мужу, скажи ему, как я люблю его, как желаю с ним познакомиться и как мне нетерпится это сделать. Поцелуй маленькую, она, говорят, чрезвычайно мила. Будь здорова. Я привезла тебе картину от Мишеля78.

В Стутгарте

В доме Военного Министра

для доставления

Милостивой государыне Баронессе Александрине де Хюгель*.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 7 сентября 1839 г. Шафгаузен // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 218—219.

11

Шафгаузен, 7 сентября

Мы приехали сюда только лишь сегодня, в четыре часа пополудни, и едва отдохнув после этого путешествия, которое, право же, было очень неприятно, я хочу написать к тебе, любезнейшая Сашенька, чтоб еще раз поблагодарить вас обоих за дружбу, выказанную вами во время моего пребывания в Стутгарте. Право, я очень вам признательна и всегда с живым удовольствием буду вспоминать два месяца, проведенные возле вас. Вы не поверите, как я избаловалась за это время. Я так привыкла к вашему обществу, что всякое другое наводит на меня скуку, а потому я в очень дурном расположении духа. Уж я и сержусь на себя, что не в силах совладать с собою, да что поделаешь! А виноваты вы оба, зачем было меня баловать?

Наш переезд до Шафгаузена в самом деле был очень неприятен. Мы ехали только шагом. Следует сказать, подъемы там бесконечны и очень круты. Я (нрзб.) минуту, когда подымаясь таким образом, мы забрались бы так высоко, чтоб можно было пожать руку обитателям того света. Мы надеялись приехать в Шафгаузен еще вчера, но заночевали в Тутлингене. Старик-содержатель постоялого двора, ужасный болтун, все бегал за Николаем и спрашивал, кто он таков и каково его звание. Когда он получил, наконец, ответы на свои вопросы, настал наш черед. Он спросил, не принцессы ль мы, Николай ответил, что нет. Может быть, генеральши? Николай ответил, что нечто вроде того, и спросил, зачем тот задает все эти вопросы. “Но затем, что я хочу спросить этих дам, что они желают иметь к ужину”. Резонная причина, не правда ли? Сегодня был очень жаркий день, и на последней станции перед Шафгаузеном мы с Николаем сели на козлы, и ты никогда не угадаешь, чем мы там забавлялись! Ничем иным, как кучером, которому взбрело в голову поухаживать за мной. Сперва я подумала, что он помешан либо пьян, потому что он ежеминутно поворачивался ко мне, смеясь и строя смешные рожи. Наконец, совершенно неожиданно я чувствую, что он касается меня своим кнутом. Гляжу на него и вижу, что он повернулся ко мне, а сам помирает со смеху и легонько ударяет меня кнутом. Тут уж мы

с Николаем не смогли сохранять серьезный вид и засмеялись. Он ходил для меня за яблоками, пел, словом, делал все, чтобы меня позабавить. Надеюсь, это весьма завидная победа. Завтра утром, в девять часов, мы поедем смотреть Рейнский водопад, а оттуда продолжим путь. Через десять дней мы будем в Женеве и останемся там на десять дней. Ежели ты очень добра и любезна, то напиши ко мне тотчас, и тогда твое письмо найдет меня в Женеве. Сделай это, машерочка *, не будь ленива, я так была бы рада иметь от тебя вести! А уж ежели бы ты пожелала быть прелюбезной, то чрез некоторое время послала бы мне еще письмо, во Флоренцию. Сама ж я не стану лениться и буду писать к тебе по возможности часто. Теперь прощай, нежно поцелуй кисаньку и расскажи о ней в письме. Прощай, целую тебя и снова благодарю. Прощайте, Эжен, дурак79 вас целует и очень любит. Не забудь напомнить обо мне твоему свекру и деверю.

Замок Хоенрехтберг

Бахметевы тебе кланяются. Пожалуйста, напиши ко мне**.

В доме Военного Министра

для доставления

Милостивой государыне Баронессе Александрине де Хюгель.

В Стутгарте. Вюртембергское Королевство

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 26/27 сентября 1839 г. Женева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 220—222.

12

Женева. 26 сентября

Любезнейшая Сашенька, я в Женеве с прошедшей субботы. Я приехала в надежде найти здесь письмо от тебя, но эта надежда еще раз не оправдалась. В Шафгаузене сестрица написала к Коппу, ее письмо было послано в один день с моим, и вот, приехавши сюда, сестрица нашла здесь ответ, ожидавший ее уже четыре дня. Как тут не подумать, что Копп имеет к моей сестре больше дружбы, чем ты ко мне. С той поры, что я здесь, я всякий день намеревалась писать к тебе и всякий день откладывала на завтра в надежде, что смогу тебя уведомить о получении твоего письма. Но уж больше я не могу откладывать, потому что эти “завтра” проходят одно за другим, а письма все не приносят. Признаюсь, иногда я сердилась на тебя, когда мой зять, ежедневно бывающий на почте, возвращался со словами “нет письма”. Много раз мне хотелось написать к тебе, чтоб наговорить дерзостей, но я удержалась от этого, ведь однажды я уже обвинила тебя понапрасну и не хотела бы делать этого снова. Скажу только, что это обманутое ожидание весьма испортило мое пребывание в Женеве. Иной раз я предполагаю, что ты хвораешь, но ведь тогда, я уверена, Эжен по дружбе уведомил бы меня об этом. Впрочем, так как все мои догадки ни к чему не приведут и не принесут письма от тебя, лучше я не буду их строить и покорюсь своей печальной участи.

Теперь расскажу тебе все, что я делала с того дня, как написала к тебе. На другое утро мы покинули Шафгаузен и отправились смотреть Рейнский водопад, который я нашла очень красивым. Мы переплыли Рейн на лодке и пошли в замок Лауфен, где спустились в галерею, ведущую к водопаду, а так как у меня не было клеенчатого плаща и я слишком приблизилась к водопаду, то попала под хороший душ, который обдал меня с головы до ног. Но как день был очень жаркий, то холодное купание было даже приятно. Из Шафгаузена мы отправились в Цюрих, куда приехали к вечеру, на другой день после большого бунта. Войска прибывали со всех сторон, народ скоплялся толпами. Но впрочем жители принарядились, и все походило скорее на

праздник, чем на революцию. Вечером мы немного прогулялись и рано легли спать, потому что нуждались в отдыхе. На другой день нам сказали, будто ночью студенты немного пошумели и даже убили двух часовых. Но утром все было спокойно, и мы вышли, чтобы посмотреть город. Войдя в собор, мы увидали множество народу, там собрался Большой совет. Конечно, мы там не остались и отправились дальше. Возле другой церкви мы опять увидали сборище, то была толпа горожан. Так как у сестрицы много мнимой храбрости, то она все хотела остаться в толпе, чтобы видеть и слышать, что происходит. Но с ней случилась довольно забавная вещь, показавшая, какова она ветреница. Покуда мы с зятем слушали какого-то человека, который рассказывал нам об этом бунте, слышу — позади меня шум. Кто-то тянет меня за руку, я опомнилась, поворачиваю голову, чтоб увидать, что происходит, и что же вижу? Сестрицу, бегущую со всех ног, а почему? Потому что она увидала, как из церкви выбежали два человека. Она вообразила, что сейчас начнут стрелять и мы должны погибнуть. Нам стоило огромного труда ее остановить и убедить, что ей не грозит никакая опасность. Мой зять разузнал, что в четыре часа будет какое-

то шумное сборище.

Мы позавтракали и в час пополудни были уже в пути. Подъем на Мон-Альбис привел меня в восхищение: прелестны вид Цюриха с окрестностями с одного склона и вид на заснеженные горы — с другого. Переночевав в Цуге, рано утром мы направились к деревне Аар, откуда поднялись на Риги, сестрица верхом на лошади, а мы с зятем пешком. День был очень жаркий, и подъем достался мне с трудом, я очень мучилась одышкою, иной раз так перехватывало дыхание, что я не могла вдохнуть. Невозможно было не пить, и я выпила холодной воды, отчего три дня кашляла, впрочем, все обошлось, и я чувствую себя хорошо. Поднявшись на Риги, я пожалела, что так утомилась: цель не стоила таких трудов. Ежели подъем был утомителен, то спуск просто ужасен, и на другой день мы были совсем разбиты.

Оттуда мы поехали в Люцерн, где совершили прогулку по озеру четырех кантонов, в которое я совершенно влюбилась. Затем мы отправились в Берн, где оставили Оленьку, а сами совершили поездку в Оберланд. Но погода была просто отвратительна. Мы заночевали в Лаутербруннене и на другой день проснулись с твердым намерением подняться на Шейдек, но нам отсоветовали это делать, потому что ночью выпал снег и дороги сделались очень скользки. Поэтому мы побывали возле водопада Штауббах, а затем поехали к деревне Гриндельвальд. Там мы посетили ледники, и меня поразила красота грота, образовавшегося во льду. Я возвращалась в гостиницу, будучи в восторге от поездки, но каково же было мое отчаяние, когда, приехавши туда, я не нашла булавки, которою зашпиливала шаль! Первая моя мысль была о тебе, и я сказала себе: “Она была права”. Впрочем, наш проводник отправился ее искать, но возвратился, говоря, что найти ее нет возможности, в чем я была вполне уверена. За обедом я едва не плакала — булавка мучила меня, мне было жалко ее потерять, потому что я к ней, право же, очень привыкла. Но подивись моей радости: уже подали экипаж, и я надевала шляпу, как вдруг сестрица, уже вышедшая из комнаты, вбегает с криком: “Нашли!” Ты легко себе вообразишь, как я была рада обрести эту булавку, ее принесли два крестьянина. Узнав, что я пообещала вознаграждение, они отправились на поиски моей булавки. По здравом рассуждении можно сказать, что в этом деле я была более счастлива, нежели разумна. Но отныне я буду осторожней и не стану носить вещь, о которой могу пожалеть.

В поездке в Оберланд мне больше всего понравились водопад Гусбах, Бриенцское озеро, ледники и вид на Интерлакен. Oh gott!* любезнейшая Сашенька, какой прекрасный природа!** Самое время произнести эту фразу. Я нахожу, что все швейцарские города очень некрасивы, кроме Лозанны, которая довольно сносна, и Женевы, что по-настоящему красива. Мы с сестрицею намеревались съездить в долину Шамуни, но нашему намерению помешала, прежде всего, дурная погода, потому что до вчерашнего дня дождь лил, как из ведра, теперь же мы не можем об этом думать, потому что эта поездка задержала б наше путешествие. Мы должны были переехать перевал Семплон и отправиться в Италию, но сейчас там проехать нельзя из-за обвалов. То же на Сплюгене и Сен-Готарде. Нам остается только Мон-Сенис, но придется сделать огромный крюк. А потому надо спешить, так как не самое приятное путешествовать по сию сторону, где

постоялые дворы очень плохи, да еще с ребенком. Скажи, пожалуйста, слушала ль ты во время пребывания во Фрибурге орган, который находится в соборе? Не помню, чтоб ты об этом говорила, а ведь это бесподобно! Теперь строят еще один мост, вроде первого, он находится слева от прежнего, сейчас по нему ходят лишь пешеходы, но весной он будет закончен и тогда по нему смогут ездить экипажи. Очень красивые мосты.

Согласись, однако же, что ежели Швейцария весьма красивая страна, то народ здесь чрезвычайно некрасив. Мне кажется, я встретила трех или четырех недурных собою женщин, а прочие ужасно некрасивы. А какие зобы, Господи, Боже мой! Просто ужас, я всякий день трогаю горло, чтоб удостовериться, что у меня нет зоба. Костюмы я нахожу прелестными, но столь некрасивые женщины кажутся вдвойне некрасивыми в таких костюмах. Старые же люди решительно смешны.

Из Лозанны в Женеву мы плыли на пароходе и во время переезда сделали весьма приятное знакомство с госпожой Роте, она датчанка, очень любезна, весела и остроумна, и так как она также собирается провести зиму в Риме, то надо будет поддержать это знакомство. К нам также подходила г-жа Мишель — сестра г-жи Пейель. Она навестила родителей и возвращается во Францию. Она очень об тебе интересовалась. Мы были в здешнем театре, он не очень хорош. Но сейчас тут находится один актер из Парижа, он комический актер и довольно хорош, все же прочее не многого стоит. Вот и все, что я хотела тебе рассказать. Впрочем, еще скажу, что исключая дурную погоду, мы путешествуем довольно счастливо, сестрица чувствует себя недурно, девочка также. Я бы только желала, чтобы сестрица была веселей. Она почти не разговаривает, все читает дорожники, а ежели и разговаривает, то с ребенком. Зять же мой, как тебе известно, также не большой говорун, а потому наше общество не очень-то весело. Зато я имею неограниченное время для размышлений, вследствие чего рассчитываю сделаться ужасно рассудительна. Ты увидишь, я стану так спокойна, так разумна, что ты больше не упрекнешь меня за шумливость.

27 сентября

Вчера я не успела закончить письмо, потому что позвонили к обеду, а сразу после мы поехали в театр, где я очень скучала, потому что играли очень плохо. Спускаясь по лестнице, чтоб ехать в театр, мы встретили кучку музыкантов, которые шли играть в гостиницу. Николай спросил, откуда они приехали. “Из Вюртемберга”, — ответили они, и тогда я обернулась, чтобы на них посмотреть. Будучи вюртембержцами, они показались мне более интересны. Завтра мы оставляем Женеву и отправляемся в Италию. Поглядим, буду ли я счастливее во Флоренции, найду ли я там письмо от тебя? Ежели нет, то, честное слово, я просто рассержусь и не стану больше к тебе писать. Сегодня я буду много думать о вас, кто знает, быть может, для вас это решающий день? Куда вас пошлют? Из эгоизма я очень бы хотела, чтоб вас оставили в Стутгарте, тогда я имела бы уверенность, что увижусь там с тобою. Мы решительно не едем в Париж. Весною сестрица хочет вернуться в Ганау, чтоб оставаться подле Коппа покуда не настанет время ехать лечиться в Гаштейн. Ты, конечно, понимаешь, что такой план слишком меня устраивает, чтоб я стала ее отговаривать, я предпочитаю ехать в Стутгарт, нежели отправляться в Париж. Но ежели вас там уже не будет, это будет, право же, прискорбно. Я все хочу, чтобы вас послали во Франкфурт, это было бы прелестно, то есть опять же для меня, но Бог весть, будет ли Эжен благодарен мне за такое пожелание.

Прости, что я так перепутала страницы, это, право, от рассеянности. Тебе, конечно, трудно будет разобраться в этих клочках. Впрочем, чтоб было легче это сделать и чтоб по возможности загладить мою ветреность, я пронумерую страницы. Но наконец, надо когда-нибудь и заканчивать, и я осмелюсь попрощаться. Отсылая письмо на почту, я еще раз испытаю судьбу и попрошу узнать, нет ли чего для меня. Пожалуйста, сделай так, чтобы во Флоренции я имела бы твое письмо, не очень-то мило мучить меня подобным образом. Прощай, целую тебя, Эжена и вашу девочку. Будь здорова и думай иногда обо мне.

Прошу передать мои поклоны всем нашим родным. Как поживает Гортензия, отправилась ли

Прошу передать мое почтение всем вашим родным. Как поживает твоя свекровь, оправилась ли она?

Здесь есть один испанец, я повсюду его встречаю и даже бываю очень рада его видеть, коли он стоит спиной ко мне, потому что он так вас, Эжен, напоминает, что это, право же, странно. У него совершенно ваша осанка, ваша походка, серая шляпа, как у вас, и сюртук того же цвета, словом, издали можно ручаться, что это вы, но когда видишь его в лицо, совсем другое дело, я тогда и не гляжу на него.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 28 октября 1839 г. Флоренция // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 222—223.

13

Флоренция. 28 октября

Дорогая Сашенька, сегодня десять дней, как я во Флоренции. Всякий день я спрашивала на почте, нет ли ко мне письма, мне принесли целых три, но ни одного от тебя. Я приехала сюда с твердым намерением не писать к тебе больше, ежели не найду здесь твоего письма. Но все совершенно переменилось, и мне необходимо написать к тебе, чтоб объявить, что мы проведем зиму во Флоренции, а не в Риме, как намеревались. Все, кто бывали в Риме, согласно говорят, будто жизнь там так дорога, что можно прожить лишь подвергая себя большим лишеньям, здесь же можно жить весьма приятно и дешево. К тому ж говорят, что пребывание в Риме чрезвычайно скучно. Вот почему мой зять решился снять здесь жилище на пять месяцев, и сегодня утром мы в оном расположились.

У нас большой и красивый дом, палаццо, как говорят итальянцы, экипаж, лакей и кухарка, горничная и все обзаведение дома, что обойдется в тысячу шестьсот франков в месяц. В Риме же, чтобы так жить, пришлось бы платить семь тысяч франков. Но на масленицу мы поедем в Рим, оттуда в Неаполь, потом в Венецию, а после, знаешь ли, куда мы поедем, да притом, по меньшей мере, на пять или шесть недель? Мы поедем в Гейдельберг. Я очень понимаю твое удивление, ведь ты никогда бы не угадала, что мы там можем делать. Но вот в чем дело. В Женеве мы повстречали одного из наших русских медиков, который путешествует на казенный счет. Он очень хороший доктор, и сестрица непременно захотела с ним посоветоваться, она утверждала, что ей было как бы внушение. И вот, подробно рассказав ему про свою болезнь и про лечение, которое ей прописал Копп, она показала Иноземцеву80 (так зовут доктора) письмо, которое Копп дал ей к одному римскому доктору и в котором он признавался, что ничего не понимает в сестрицыной болезни. Тогда Иноземцев посоветовал ей отложить все лекарства Коппа, не принимать ни одного из них всю зиму, а весною ехать в Гейдельберг для совета с доктором, фамилию которого я позабыла.

Теперь тебе понятно, в чем вся прелесть, ведь прежде, чем ехать в Гейдельберг, мы приедем в Стутгарт. Ежели б вы могли еще быть там! Но я ручаюсь, чтоб мне досадить, только лишь чтоб мне досадить, Эжен уже получит место.

А теперь у меня к тебе просьба, и вот в чем она состоит. К весне Алеша должен будет прислать мне денег, позволь послать оные в Стутгарт, на твое имя. Ежели вдруг вам пришлось бы покинуть город прежде моего приезда, то ты, быть может, могла б оставить деньги у вашего папеньки, а как я повидаюсь с вашими родителями, то и смогу взять у них свои деньги. Скажи, возможно ль это, так как я не хочу писать к Алеше, не получивши от тебя ответа. Но я, по крайней мере, надеюсь, что ты не замедлишь мне ответить, ведь иначе я не успею написать к Алеше, а я была бы в самом большом затруднении, ежели б оказалась без денег.

Скажи, ради Бога, что же тебе мешает писать ко мне? Другой раз я думаю, что ты, может быть, дуешься на меня, хотя, сказать по правде, не знаю, что ж я могла сделать, чтобы заслужить твою немилость. И я думаю, что ты просто ленишься. Я получила письма от Алеши и его жены. Они

немилость. И я думаю, что ты просто ленишься. Я получила письма от Алеши и его жены. Они говорят, что их ребенок81 двадцать дней опасно болел, но, кажется, это у него зуб резался, потому что нынче он совсем поправился. Моя невестка так была огорчена болезнью ребенка, что выкинула, а теперь снова беременна. Она мне объявляет о женитьбе ее брата Василия82 на княжне Голицыной. Помнишь, в твое последнее пребывание в Москве Евсюков волочился за хорошенькой особою в трауре? Вот на ней-то он и женится. Кроме того, они говорят, что старшая из барышень Каблуковых83 выходит за князя Александра Голицына. Но я уверена, что маменька расскажет тебе об этой женитьбе, а потому не стану больше об этом говорить. Я также получила письмо от моего зятя Трубецкого, написанное во время Лизиных родин. Они говорят, что все семейство здравствует. Есть письмо от Мишеля, он говорит мне тысячу глупостей и объявляет, что обрабатывает бабушку, чтоб она позволила выйти в отставку. Она обещает, но ежели ему не удастся стать адъютантом, так как нынче она помешана на этом пункте. Мишель никогда не бывал в Теплице, это какой-то другой Лермонтов.

Я не говорю подробно о Флоренции, потому что хорошенько разглядевши, лучше расскажу обо всем. Скажу лишь, что нахожу город прелестным, не напрасно Флоренцию прозвали садом Италии, потому что весь город походит на сад, и нужно видеть это обилие цветов! Мужчины, женщины, дети — все прогуливаются по улицам с букетами цветов, это выглядит просто великолепно! Какие чудные розы, и сколько их! Мой зять поручает сказать вам, что зовет вас обоих приехать во Флоренцию, наш дом так велик, что вы вполне могли б остановиться у нас и вас бы удобно устроили, он был бы рад принять вас. Право, это было бы прелестно, но я уверена, что вы этого не сделаете*.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 24/25 ноября 1839 г. Флоренция // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 223—226.

14

Флоренция, 24 ноября

Согласись, дорогая Сашенька, что невозможно быть более точной и более признательной, чем я, потому как вчера я получила твое последнее письмо, помеченное пятым ноября, и вот уже отвечаю тебе. Первого же твоего письма в почтовой конторе нет, оно, верно, все еще странствует, как и то, что ты послала мне в Эмс. Быть может, я получу его к концу моего пребывания здесь. Тем не менее благодарю тебя за оные. Мне очень жаль, что ты хвораешь, и что это тебе вздумалось сделаться беременной? Благодаря этому совсем расстраивается прелестный план, я говорю про твой приезд в Гейдельберг. Как нам было бы хорошо вместе, и, может быть, даже долгое время. Мне же самой, право, невозможно будет оставаться в Стутгарте, это уже дело совести. Но так как от Гейдельберга только один день пути, то я вполне смогу вознаградить себя, приезжая к вам по возможности чаще. По приезде сюда сестрицу очень звали лечиться у местного доктора. Но к счастию, она держится стойко и покуда этого не желает. Я нахожу, что она совершенно права, потому что сейчас она хорошо себя чувствует, хотя упорно твердит, что ужасно страдает. Но вопреки ужасным страданиям, у ней есть силы ежедневно утром и вечером выходить из дому. У нее прекрасный аппетит, а спит она как блаженная. Согласись, что все это плохо согласуется с ужасными страданиями и что как раз наоборот — подобные вещи обнадеживают насчет больной.

Пребывание во Флоренции ей очень нравится, я же решительно в восторге от Флоренции. Утверждают, будто сей восторг продлится, покуда я не увижу Неаполь. Не знаю, что будет тогда, а сейчас я нахожу Флоренцию прелестным местом. Ты хочешь, чтоб я сделала ее описание, но как можно ее описать? Чтобы дать тебе представление об этакой красоте, надобно гораздо больше красноречия, чем есть у меня. Я предпочитаю обо всем рассказать лично, мне кажется, тогда ты меня лучше поймешь. Всякое утро мы отправляемся любоваться сокровищами, хранящимися во дворце Питти и в Королевской галерее. В последней находится знаменитая Венера Медицейская, портрет Форнарины работы Рафаэля. Из окон дворца Питти, где ро

Венера Медицеиская и портрет Форнарины работы Рафаэля. Что касается дворца Питти, то раз очутившись в третьей зале, я все не могу пройти дальше, ведь надо увидать портреты мастеров, находящиеся в этой зале. Как бы я хотела, чтоб ты была здесь, мы совершали бы вместе все прогулки, это было бы двойное удовольствие. Мы также осматриваем все церкви, потому что здесь каждая церковь содержит какие-нибудь сокровища, какие-нибудь прекрасные произведения искусства. К примеру, церковь Св. Аннунциата, там есть фрески Андреа дель-Сарто, который был знаменит в этом роде живописи. Это нечто такое, чем не устаешь любоваться. Кроме того, при этой церкви есть часовня, где можно видеть мозаики из камня, выполненные рукою мастера. Кстати об мозаиках, мы побывали на Королевской гранильной фабрике, где делают мозаики из камня, — они все бесподобны. Мы посетили также окрестности Флоренции, они, право же, прелестны. Но вот уже несколько дней, как погода переменилась, и это кладет конец нашим поездкам. Лучше дождаться хорошего дня, потому что окрестности, увиденные в дурную погоду, конечно, потеряют в своей красоте. Любимым местом прогулок флорентийцев является Кашино, это нечто вроде парка, там прогуливаются по аллеям, но только в экипажах. Для прогулок пешком есть просто прелестная дорожка вдоль берега Арно, и оттуда можно любоваться прекрасным видом. Жаль только, что сам Арно некрасив.

Время от времени мы бываем в Опере, где есть хорошие певцы. Тот, у которого бас, хороший актер и хороший певец, он весьма любим флорентийцами, равно как и Стрепони, сопрано, она имеет весьма сильный и хорошо поставленный голос и довольно хорошая актриса. Но вообще я нахожу, что женщины слишком уж размахивают руками, и весьма часто видишь, как эти жесты превращаются в кривлянье, что, согласись, не делает приятного впечатления.

Кстати о пении, здесь есть семейство, весьма интересное в этом отношении, это семейство князей Понятовских84. У старшего, князя Карла, красивый бас, у его жены сопрано, которое сравнивают с голосом Малибран, а у меньшого брата, князя Иосифа, самый красивый тенор, известный всей Италии. Последний к тому же сочиняет музыку, недавно он сочинил оперу, которую все семейство должно было исполнить завтра. Вчера утром мы получили пригласительные билеты, и я с бесконечным нетерпением ждала понедельника, как вдруг узнаю, что вчера князь Карл почувствовал себя плохо и опера будет отложена. Но покуда нам ничего не объявляют, возможно, что это ложная тревога, чего я желаю всей душой.

Я мало выезжаю и большей частью вижу лишь русское общество, которое почти все знаю. Во Флоренции находится граф Васильев85, говорят, он попал в пренеприятное положение. Молодой человек желает выставлять себя барином, а средства, кажется, не позволяют, вот мсье и сидит без гроша, ему, кажется, уже нет кредита. Две недели тому назад при Дворе давали бал, сестрица была там, а я не захотела. Это единственный бал до февраля месяца, потому что Двор уехал в Пизу. Я не видала никого из Монфоров86, и сестрица также, потому как они не бывают при Дворе, Варя же не встретила их, потому что не была ни на одном домашнем бале. Я только знаю, что он принимает по субботам. Даже не знаю, отчего мне не пришло на ум, чтобы мне их показали, но теперь я об этом попрошу. Некоторое время здесь находилась герцогиня Беррийская87, я ее видала и нахожу весьма мало интересной, она некрасива и немила, а только лишь изыскана. Муж ее красивый мужчина, но я нахожу, что он играет печальную роль, он появляется с нею только в составе ее свиты. К примеру, как-то вечером, когда все семейство Великого герцога присутствовало на спектакле, герцогиня Беррийская находилась в ложе рядом с ложею Великого герцога, вместе с вдовствующей Великою герцогиней и сестрами Великого герцога, а муж ее был в другой ложе с придворными дамами. Идет ли дело о прогулке, герцогиня находится с Семейством, а он — со свитою. Они, должно быть, тоже уехали. Не часто бывая в обществе, я не знаю, много ли дают балов, впрочем, единственные собрания, о которых я слышу, всегда бывают у английского посла. Сестрице предложили с ним познакомиться, но она отказалась, не желая ехать на бал. Я же, как тебе известно, к этому равнодушна, и в любом случае не поехала бы. Флорентийцы в отчаянии от такого количества англичан во Флоренции. Они утверждают, что их чопорные манеры портят общество, и я хорошо понимаю, что это не должно им нравиться, потому что здесь ведут себя с большой вольностью, и женщины обходятся с мужчинами по-товарищески. Вчера Варенька провела вечер у Муравьевых, и там

рассказывали, что один англичанин под руку с дамой возвращался вечером (думаю, два дня тому назад) из какого-то собрания, как вдруг к ним подходит итальянец и начинает всячески их оскорблять. Наконец англичанин теряет терпение, подымает свою трость, чтоб избавиться от наглеца, и в ту же минуту получает два удара ножом. Не знаю, жив ли он еще. Впрочем, я не поручусь за истинность этого дела. Мне кажется, коли находишься в Италии, то и необходимо рассказывать истории с убийствами.

Мария Дмитриевна Ховрина

Что ж еще сказать тебе? Я думаю, хватит болтать, и буду заканчивать. Прощай, дорогой друг, нежно тебя целую. Уже всякий день я думаю о счастии увидеть тебя и, несмотря на мое восхищение Флоренцией, я с радостью жду наступления минуты, когда покину Италию, чтобы вернуться к тебе. Я совершенно счастлива, что Эжен до сих пор без места. Пускай московские кумушки судачат, тебе что за дело? Ведь ты их не слышишь, зато мы еще раз будем вместе. Прощай, дорогой друг, мой поклон Эжену, хорошо ли он поохотился? Поцелуй маленькую Лизаньку, очень хотелось бы увидать, как она делает сороку. Я не послала тебе моего адреса, ведь ты могла бы написать ко мне и до востребования, но коли ты желаешь, вот он: улица Гибеллинов, дом Корси. Напиши мое имя, вот и все.

25 ноября

Вчера, закончив письмо, я сделала один визит, а потом мы отправились на прогулку в Кашино, где я увидала м-ль Монфор, а потому не хотела запечатать письмо, не сказав тебе об этом. Она весьма красивая особа, и правда, что наш Наследник84 нашел ее таковою. Но он никогда не был в нее влюблен и не без причины: он видал ее один раз и то лишь мгновение. Он заметил ее как раз накануне своего отъезда из Флоренции и спросил, кто она. Когда ему ее назвали, он сказал: “Весьма красивая особа”. Вот и все, он никогда больше не видал ее. Сплетни есть, кажется, во всех странах. Вчера вечером я была в Опере и там узнала, что опера Понятовских не откладывается, как говорили, но будет сегодня, несмотря на недомогание князя Карла. Он болен лишь от страха и волнения, так как его называют чрезвычайно застенчивым. Итак, сегодня вечером я надеюсь повеселиться. Прощай, мой добрый друг. Пиши ко мне поскорее, мне нетерпится получить от тебя вести. Не медли с ответом, подумай только, целый месяц пройдет, покуда я получу твой ответ. Скажи, взяла ли ты новую няню для Лизаньки, как намеревалась?

Бахметевы целуют тебя и кланяются Эжену*.

Лопухина М. А. Письмо Хюгелю К. Е., 10 февраля 1840 г. Флоренция // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 229—230.

16

Барону К. Е. Хюгелю

Флоренция. 10 февраля

Любезный Эжен, хоть я всегда очень рада получить письмо от вас, но должна откровенно признаться, что вид только вашего почерка чрезвычайно меня испугал. Письмо, в котором нет Сашенькиного почерка, не сулило мне ничего доброго, а потому я так испугалась, что какое-то мгновение не смела его читать. Но рассудив, что любая истина лучше неуверенности, я решилась его прочесть. Бедная Сашенька, как мне жаль, что она хворает, но я надеюсь, что нынче она совсем здорова. Я буду об ней беспокоиться, покуда не получу от нее известий, которые, однако же, надеюсь скоро получить. Ради Бога, дорогой Эжен, ежели она сама не может, то напишите вы ко мне, но поскорей, а иначе я рискую очень долго быть без новостей и даже вовсе их не получить, ежели вы промедлите с ответом. Дело в том, что восемнадцатого числа сего месяца мы покидаем Флоренцию и едем дней на двадцать в Рим. Именно туда я попросила бы вас адресовать

покидаем Флоренцию и едем дней на двадцать в Рим. Именно туда я попросила бы вас адресовать ваше письмо, но надо написать тотчас по получении моего, иначе оно меня не застанет. По прошествии двадцати дней мы поедем в Неаполь, где проведем недели две, потом морем возвратимся в Ливорно, оттуда в Пизу, затем на пару дней во Флоренцию, потом в Венецию, в Мюнхен, а оттуда в Стутгарт. Вы понимаете, как я счастлива при мысли снова увидать вас, мои добрые, мои дорогие друзья! Вас, конечно, удивляют эти постоянные перемены, ведь нет письма, чтоб я об них не объявила. Но так как флорентийский доктор не сделал сестрице никакой пользы, то она и вернулась к своему первоначальному плану ехать в Гейдельберг, чтобы посоветоваться с Нейглером. Итак, мы будем по соседству от вас, и вы легко можете себе представить, что я буду часто этим пользоваться, приезжая к вам в Стутгарт.

Во время пребывания в Гейдельберге я и о себе хочу немного подумать, потому что провела весьма дурную зиму. Только неделя, как я начинаю чувствовать себе получше, а после моего последнего письма к Сашеньке я опять сильно хворала. Должна вас, Эжен, уведомить, что след

от вашего знаменитого пластыря, который вы полагали неизгладимым, все же исчез, и его вовсе не видать. Даже не знаю, следует ли мне огорчаться этим или же радоваться. При всем желании ничего не могу сказать вам про семейство, о котором вы говорите, потому что совсем их не знаю. Я очень мало выезжаю, а с итальянскими семействами встречаюсь редко или почти совсем не встречаюсь. Вообще, особы, имеющие много знакомых, говорят, что флорентийское общество составляют одни иностранцы. Весьма редко там увидишь итальянцев, а коли называют итальянскую фамилию, то следует тотчас предположить, что это иностранка, вышедшая за кого-то из местных. Местные же уроженцы весьма редки в обществе. Двор возвратился несколько дней тому назад, и говорят, на этой неделе будет бал. Третьего дня во Флоренцию прибыл герцог Бордоский102, но под чужим именем. Он остановился в одной из гостиниц. Говорят, Двор делает вид, будто не знает, что он здесь, и утверждают, что он даже не появится при Дворе. До сих пор ему отдало должные почести лишь семейство Фово, то самое, что, как вы знаете, фигурировало в Вандее. Одна из этих дам для большей оригинальности появилась в довольно странной одежде, я даже не знаю, как оную назвать, потому что это не мужской костюм, но и не дамский. Говорят, сия особа очень умна и прекрасный скульптор. Вот герцог Бордоский и прибыл во Флоренцию в сопровождении этого семейства и этой знаменитой дамы верхом на лошади. Прекрасная свита, не правда ли?

Согласно тому, что вы говорите о своей теще, должно полагать, что я и ее увижу в Стутгарте. Я почти уверена, что она поторопится приехать к вам, она, казалось, так этого желала. Я часто получаю вести из России, все мои родные здравствуют и много веселятся. Но радуясь при мысли увидать Рим и Неаполь, я тревожусь, как подумаю, сколько времени буду без новостей от родных. Ради Бога, пусть один из вас напишет тотчас по получении, вы только подумайте, как мне будет грустно, ежели я ничего не буду знать про Сашеньку. По приезде в Рим я напишу к вам обо всем, что увижу. Я очень рада повидаться с Евдоксией Бакуниной. Но вот уж кончается страница, и я принуждена немного неожиданно вас покинуть, тем более, что лишь меня ждут, чтобы послать на почту. Прощайте же, дорогие друзья, целую вас обоих и прошу поцеловать за меня Лизаньку.

Кланяюсь вашим родителям и заранее радуюсь знакомству с вашей матушкой. Бахметевы вас целуют и благодарят за память.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 10 апреля 1840 г. Флоренция // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 230.

17

Флоренция, 10 апреля

Дорогой друг, третьего дня вечером мы вернулись во Флоренцию, а завтра рано поутру покидаем

этот город. Вчера утром я получила твое письмо и очень рада узнать, что ты совершенно оправилась. Но согласно тому, что ты говоришь, я думаю, мы приедем в момент твоих родин, потому что ты напрасно ждешь нас в конце апреля, мы сможем быть в Стутгарте лишь в середине мая месяца. Выехавши отсюда завтра, мы будем в Венеции только в будущую среду, то есть пятнадцатого числа сего месяца. Мы пробудем там не менее пяти дней, а потом отправимся в Мюнхен, где также останемся на четыре дня. Приняв все это в соображение, мы сможем быть у тебя только после десятого мая. Я так счастлива, так счастлива при мысли снова тебя увидать, что не умею выразить это словами. Ради Бога, мой добрый друг, постарайся не родить прежде нашего приезда, было б очень грустно застать тебя в постели. Правду сказать, я нахожу, что ты рожаешь весьма некстати. Бахметевы очень вам благодарны за желание поселить их у себя, право, какое будет счастье не разлучаться то недолгое время, что мы будем в Стутгарте! Но они очень боятся вас стеснить. Сестрица просит тебе сказать, что находит тебя очень восторженной, и приписывает это твоей беременности. Она даже думает, что твое новорожденное дитя будет вроде Лизы Тильман.

Как бы ты ни упрекала меня, что я не много к тебе писала, будучи в Риме, нынче повторится та же история, у меня, право, мало времени. Вчера во весь день я не смогла взяться за перо, а вечером мы были в Опере, которая сейчас превосходна, и Флоренция решительно имеет первенство во всей Италии. Не удивляйся, ежели я ничего не говорю о Неаполе, ежели б я принялась о нем писать, мне надо было бы слишком многое сказать и мое письмо никогда бы не кончилось. Поверь, будет гораздо лучше, ежели я все это тебе расскажу. Да еще незадолго до нашей встречи я увижу Венецию, видишь, сколько я смогу рассказать. Я только боюсь стать слишком болтливой. Честное слово, я думаю, что сойду с ума прежде, чем приеду в Стутгарт, так я счастлива туда вернуться. Да еще весьма возможно, что во время нашего пребывания в Гейдельберге приедет твоя маменька. Я очень бы этого желала и была бы счастлива ее увидать. А отчего это Лизанька, которую я скоро увижу, не хочет говорить тетя? Постарайся ее научить. Надеюсь, мы подружимся, и мадемуазель уж не обмочит меня, как делала прошлым летом. Скажи своему свекру, что я очень рада снова его повидать, и я заранее радуюсь знакомству с твоей свекровью. Ты не поверишь, как я становлюсь ленива от одной мысли, что скоро тебя увижу, у меня решительно нет желания писать к тебе, честное слово, я просто не могу этого делать, у меня нет ни одной мысли, я не могу ни думать, ни говорить ни об чем другом, как о счастии тебя увидать. Боюсь наскучить тебе прежде своего приезда и лучше закончу письмо просьбою сказать Эжену, что целую его от всей души. Право, у меня нет времени писать еще, ведь чтобы написать такую малость, мне пришлось трижды откладывать перо и трижды за него браться. К обеду у нас будут гости, а сразу после мы едем в Оперу. Я вернусь очень поздно, а завтра в восемь часов надо быть в экипаже. Прощай же, дорогой друг, вернее, до свидания. Крепко, крепко целую тебя и Лизаньку.

В доме Военного Министра

для доставления Милостивой государыне

Баронессе Александрине де Хюгель

В Стутгарте

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 28 апреля 1840 г. Мюнхен // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 230—232.

18

Мюнхен, 28 апреля

Дорогой друг, согласно тому, об чем я тебе говорила в последнем письме, ты должна очень удивиться, узнавши, что мы уже в Мюнхене. Но я нарочно отдалила срок нашего приезда, я тогда не могла точно его назвать и не хотела причинить тебе беспокойство, ежели бы мы вдруг

не могла точно его назвать и не хотела причинить тебе беспокойство, ежели бы мы вдруг задержались. Во Флоренции нам предсказали очень медленную езду, потому что, как говорили, дороги были еще плохи, а в горах еще много снегу. Но ничего подобного, мы вполне благополучно добрались до Венеции, где пробыли пять дней. Мы нашли город очень красивым, но уж, конечно, я не стану делать его описание, ведь теперь наша встреча слишком близка, чтобы довольствоваться разговором на бумаге, я предпочитаю вслух. Мы приехали сюда третьего дня вечером и останемся еще сегодня и завтра. У меня была мысль удивить тебя неожиданным приездом, но больше я этого не хочу, я посчитала, что сюрпризы не самое лучшее в твоем положении, и вот почему я решилась написать к тебе и объявить о нашем приезде. Так как мы едем тихо и останавливаемся ночевать, то приедем в Стутгарт лишь в субботу. Ежели в час пополудни нас не будет, стало быть мы приедем лишь к вечеру.

Базель

Бахметевы просят тебе сказать, что им совестно беспокоить вас своим приездом, но они не могут удержаться от соблазна принять ваше предложение. Ведь будучи только два дня в Стутгарте, было бы грустно разлучаться даже на малое время. Меня ж это слишком устраивало, чтоб я стала их отговаривать, а так как я хочу вполне воспользоваться недолгим временем, что буду возле тебя, то я их уверила, будто ты огорчишься, ежели они не остановятся у вас. Но на деле я сама опасаюсь, как бы у тебя не было много хлопот. Ведь нас слишком много, а ты слишком тяжела для таких забот. Но когда мы будем в Стутгарте, ты мне скажешь, довольна ты мною или же нет. Представь, мы приедем как раз ко дню твоего рождения, ведь воскресенье будет двадцать первого по старому стилю. Я уже мучаюсь, придумывая, как же мне быть в тот день, потому что у меня с собою лишь черное платье, все остальное уложено. Тебе придется дать мне одну из своих блуз, а я сделаю на ней складку, да пребольшую, и в таком одеянии буду иметь честь поздравить тебя с днем рождения. Итак, до свидания, дорогой друг, целую тебя, Эжена и Лизаньку. Как мне нетерпится вас увидать! В Мюнхене время мне кажется очень долгим, и воображаю, какой несносною покажется дорога. Оленька постоянно спрашивает про Лизаньку и все говорит: “Где же дом, в котором живет наша Лизанька?” Бахметевы тебя целуют.

В доме Военного Министра

для доставления Милостивой государыне

Баронессе Александрине де Хюгель

В Стутгарте, Вюртембергское Королевство

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 18 июня 1841 г. Любек // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 232—234.

19

Любек, 18 июня

Дорогая Сашенька, я приехала сюда еще поутру, в восемь часов, после очень утомительного путешествия, потому что от самого Стутгарта ни разу не остановилась. Но к счастию, столь быстрая езда не сделала никакого вреда моему здоровью. Я хорошо себя чувствую и была б очень счастлива, ежели бы так же хорошо перенесла остальное путешествие. Написавши к тебе из Гейдельберга, я пообедала и тотчас отправилась. Был чудный вечер, и я вполне насладилась окружающей красотою, потому что дорога между Гейдельбергом и Дармштадтом просто прелестна, а сам Дармштадт чрезвычайно красив. Приехавши во Франкфурт, я была весьма расположена провести там ночь и выехать на следующее утро. Но мне сказали, что таким образом я прибуду в Любек лишь вечером в пятницу, стало быть слишком поздно, чтобы взять место на пароходе. Меня испугала мысль, что я принуждена буду оставаться там целую неделю в

место на пароходе. Меня испугала мысль, что я принуждена буду оставаться там целую неделю в ожидании следующей субботы. А потому я приняла твердое решение ехать в ту же ночь. Так как я имела еще час времени, то поужинала, а после тотчас отправилась.

Хоть я взяла место в кабриолете, но экипаж был так плох, что ночью я почти не спала и прибыла на другой день в Кассель разбитая усталостью. Было всего пять часов пополудни, а дилижанс отправлялся лишь в одиннадцать вечера. Поэтому я взяла комнату, разделась и счастлива была почувствовать, что лежу в удобной постели. Хоть я и не спала, но хорошенько отдохнула и продолжила путь до Ганновера опять же в кабриолете, но на сей раз в очень удобном и большом, почти как дормез. Я вытянула ноги, подложила под голову подушечку и отлично проспала всю ночь и часть следующего дня. От Ганновера до Гамбурга мест в кабриолете не было, и мне пришлось с большим недовольством взять место в экипаже, где находилась толстая дама с дочерью, девочкой лет десяти, еще самой смирной из ее детей, но весьма избалованной и пяти минут не сидящей покойно. Наконец вчера к двум часам пополудни я приехала в Гамбург с

намерением отправиться тотчас после обеда. Но за экипаж с меня спросили восемь талеров, я даже ахнула от такой дороговизны. Тогда мне сказали, что надо ждать, покуда один из экипажей возвратится, обычно они отправляются в семь часов вечера. Я заняла свое место, но, конечно, я в первый и в последний раз сделала подобную вещь, уж лучше я заплачу дороже, но буду в экипаже одна, а не в том неприятном положении, в коем оказалась. Кучер меня обманул, сказавши, что со мной в экипаже будут дама и господин. Я подумала, что три женщины и один мужчина — не так уж неприятно. Наступает момент отъезда, и вместо дамы я вижу еще одного господина. Но отступиться уже не было времени, пришлось бы остаться до завтрашнего дня. Я поехала. После двух часов пути подъезжаем мы к станции, и я вижу, что оба мужчины вылезают и в компании с кучером идут пить вино. Сие уже не очень обнадеживало. Один из этих господ, старик, во всю ночь не переставал курить, а другой, молодой человек, настоящий мужик, толкал меня локтем и попросту на меня валился. Я решилась приказать ему отодвинуться, и после моего выговора он сделался учтивее. Но часа через два или три — мы опять на станции, а компания — снова пить. На сей раз я чувствовала себя прямо-таки несчастной в обществе этих пьяниц. Прибавь сюда адскую дорогу и невозможность ехать иначе как шагом. И поэтому после несносной двенадцатичасовой езды я прибыла сюда донельзя усталая, разбитая и по горло сытая последним переездом. Хозяин здешней гостиницы очень услужливый человек, он согласился взять нам места, подумать о паспортах и обменять на золото остаток моих денег.

Все готово, у меня есть место, и завтра в одиннадцать часов я отправляюсь отсюда в Травемюнд, а в три часа сажусь на пароход “Александра”. Говорят, капитан очень славный человек. Надеюсь, Господь и твоя небесная заступница будут меня хранить, и я доберусь счастливо, а все же сердце замирает при мысли об этом путешествии, оно совсем мне не улыбается. Однако я надеюсь, что ежели переезд будет удачен, то это неприятное чувство развеется. Погода, кажется, проясняется. Вчера был великолепный день, а сегодня пасмурное небо, дождя нет, но такая хмурая погода не придает духу. Я бы хотела отплыть в солнечную погоду и чтобы было как можно меньше русских. Я опасаюсь их любопытства, их пересуд и догадок. Но говорят, что отъезжающих очень мало. Зато много прибывших, и я только что отобедала в большом обществе русских. Не знаю, как они зовутся, и не очень любопытствую их узнать, потому что у них у всех очень простой вид и дурные манеры. Мне только известно, что они помещики из Симбирска, потому что за обедом они много о нем говорили. Одна дама с до крайности дурными манерами вела разговор только об морской болезни, и как это у ней началось, и какие были последствия — весьма подходящий разговор за обедом. К тому ж она брала из тарелки руками, а после их облизывала. По тому, что я говорю, ты понимаешь, как сие общество малоинтересно, утешься же, что ты не узнаешь их имя, впрочем, ежели я его услышу прежде, чем запечатаю письмо, то еще сообщу тебе. Но едва ли ты его узнаешь, потому что я преспокойно сижу в своей комнате. Забыла тебе сказать, что в Ганновере я была приятно удивлена тем, что даже и не слыхала про таможню, вот бы мне так же повезло и в России! Горничная неплохо мне прислуживает, но она ветрена, она ухитрилась потерять мои калоши и карандаш из твоего портфеля, который я дала ей подержать лишь на пять минут. Но уверяю тебя, я не доверяю ей ничего важного, и все в полном порядке. Мне только жаль карандаша, а калоши у меня есть другие вместо потерянных. Надеюсь, на море мне не будет

жаль карандаша, а калоши у меня есть другие вместо потерянных. Надеюсь, на море мне не будет холодно, потому что я надела шерстяное платье и беру с собою ватный капот, а ежели все же замерзну, то лягу в постель.

Надеюсь, после моего отъезда ты получила добрые вести от Эжена? Что он говорит? Привыкает ли к своему английскому положению? Будешь к нему писать, скажи ему, что я очень нежно его целую и надеюсь, что при всей своей важности он меня не позабудет. Я всегда буду думать о нем в моей холодной России. Дорогой друг, скорее пиши ко мне и расскажи подробно обо всем. Что поделывает Лизанька? Уверяю тебя, я думаю о ней каждую минуту и ее личико постоянно предо мною. А бутуз103, надеюсь, здоров? Расскажи обо всем, чем занимаешься, и какие перемены будешь делать в Хохберге. Сашенька, мне надо знать все, даже о каждом прибитом к стенке гвозде. Кланяйся маменьке, надеюсь, эта Марпалю уже не докучает ей своей дружбою и уже исчезла. Твоя свекровь, верно, в Болле, лишь бы тамошнее лечение сделало ей пользу. Когда будешь к ней писать, напомни обо мне и скажи, как я ее люблю и часто об ней думаю. Поцелуй

детей. Поклон твоему свекру, а также знатному господину. Ежели увидишь Филиппа, скажи ему, как мне жаль, что я с ним не простилась. Расскажи, что слышно про Стутгарт, какие там забавные и интересные происшествия. Ежели увидишь Луизу, скажи ей, что я ее целую, а напишу к ней, когда узнаю, что она вернулась в Стутгарт. Я думаю, что в Гейльброне мое письмо не сделает столько впечатления, ведь она будет слишком счастлива возле своей кузины, а я рассчитываю на впечатление и думаю, что в дурную осеннюю погоду мое письмо будет весьма кстати. Уж и не знаю, как ты разберешь вот это, я и сама боюсь его читать, право, это настоящее письмо с дороги.

Так ты все еще желаешь знать, кто такие эти русские, да? Увы, не узнаешь: я только что спрашивала, и мне, разумеется, сказали будто одно семейство графское, а другое княжеское, но имена слишком трудно запомнить. Так что смирись, бывают неудачи и посерьезней. Мне смертельно хочется поболтать, что, впрочем, простительно, ведь я не говорила от самого Стутгарта, потому что не называю разговором то, что была принуждена говорить в дороге. Но несмотря на такое желание я, однако же, чувствую, что сказала тебе все, то есть все, что случилось со мною после нашего расставания. Правда, ничего интересного, но я не та особа, что служит предметом интересных происшествий, впрочем, тебе известно, что я избегаю оных, а вовсе не ищу, ведь все мое стремление в том, чтобы приехать в Москву незамеченной. Посетил ли тебя Скарятин104? Что он делает? Я полагаю, что он собирается уезжать, но ежели еще увидишь его, то поклонись и напомни его обещание прислать мне свой силуэт, я решительно желаю, чтоб он не позабыл об этом. Однако надо же умолкнуть. Итак, прощай, любезнейший друг, береги себя, старайся быть здоровою, не забывай меня и пиши ко мне скорее. Не совестись и напиши большое письмо, ты знаешь, как меня интересует все, что до тебя касается. Я люблю даже пустячные письма, а потому не бойся, что твои покажутся мне таковыми. Прощай, прощай, целую вас всех, и по внутреннему огню, что меня сжигает, старая карга чувствует, что полюбила вас всех на всю жизнь. Прощай! Ежели бы ты могла понять, как мне не хочется садиться на пароход. Это такая гадкая вещь!

В доме Военного Министра

для доставления Милостивой государыне

Баронессе де Хюгель урожденной Верещагиной.

В Стутгарте, Вюртембергское Королевство

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 19 июня/1 июля 1841 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 234—237.

Москва, 19 июня / 1 июля. Четверг

Дорогая Сашенька, я приехала в Москву в прошедший понедельник, точно на шестнадцатый день по отъезде из Стутгарта. Мой переезд по морю был вполне удачным. Написавши к тебе письмо, я села на другой день на пароход. Из Любека я уехала в одиннадцать часов утра, а из Травемюнде в три часа с четвертью. Погода было просто великолепна, а море так спокойно, что можно было подумать будто плывешь по Рейну. Я оказалась там в чрезвычайно приятном обществе в лице девицы Лё-Дантю, путешествующей, как и я, в одиночестве. Но ей предстоит более долгая, чем мне, поездка по России, потому что она едет в Казань, чтобы соединиться там со своей матушкой105, возвращающейся из Сибири. Я уверена, что это имя тебе известно, ведь ты, конечно, помнишь разговоры про девицу Лё-Дантю, что поехала к молодому Ивашеву106, когда он был сослан, чтобы выйти за него. Ну, так это ее сестра. Супруги Ивашевы умерли, а госпожа Ле-Дантю-мать получила позволение поехать к зятю, еще когда он овдовел. После его смерти она

опять получила позволение вернуться в Россию и привезти своих внуков. Вот какова история этого семейства. Кроме того, на пароходе я повстречала Жоли107 — зубного лекаря, который возвращается в Москву и везет с собой жену, он только три месяца как женился в Ницце. Потом некоего господина Буассоне, торговца из Петербурга, неделю назад женившегося в Любеке. А из русских какую-то Семенову, вышедшую за Фатио, очень несчастную женщину, которая совершила поездку в чужие края ради здоровья своего сына, но едва приехавши в Любек, он расхворался еще больше и в конце концов там и умер. Вот и все мое общество, но я очень хорошо себя в нем чувствовала. Я совсем не мучилась, трижды в день ела с большим аппетитом и отлично спала. Я прибыла в Петербург на четвертый день по отъезде из Любека. Едва ступив на землю, меня препроводили в таможню, где я провела более трех часов в ожидании своей очереди. Но я могу лишь похвалить эту таможню, потому что мои вещи почти не досматривали. Можно сказать, что все трудности предо мною отступили, чтоб я пожелала опять поехать заграницу. В Петербурге со мною обошлись хуже, чем в других местах. В гостинице, где я остановилась, с меня спросили тридцать один рубль с полтиною за одну комнату, в которой я принуждена была провести лишь сутки. Нет ни одной гостиницы, где можно снять жилье на один день, надо платить за неделю. Дорога от Петербурга до Москвы показалась мне более утомительной, чем от Стутгарта до Петербурга. Я так измучилась за трое суток, которые провела в дилижансе, и приехала в Москву с такими опухшими ногами, что не могла ходить, да еще дрожала всем телом. Эта дрожь оставалась по сей день, но я хорошо провела ночь, и сегодня дрожь прошла.

Едва выйдя из дилижанса, я увидала Алешу, идущего мне навстречу. Он ждал моего приезда в конторе. Нужно ли говорить, как счастливы мы были свидеться, это легче понять, нежели объяснить. Я нашла, что он изменился физически, но не могу еще объяснить себе происшедшую с ним перемену. Он похудел, это так, но вместе с тем есть еще что-то такое, в чем я не могу

разобраться. Утверждают, будто он постарел, а я, мол, не хочу этого понять, однако же я не думаю, что это правда. А моя невестка ужасно переменилась, на нее просто страшно глядеть. Хотя, чтоб их успокоить, я говорю, что она не слишком изменилась, но про себя не могу удержаться от ужаса при виде такой перемены. Правда, она и всегда была худа, но теперь одна кожа да кости и еще смертельно бледна, притом ноги и руки у ней так слабы будто ей не принадлежат. Грудница у ней прошла, но нервы очень расстроены, и сейчас ей прописаны соляные ванны. Я думаю, на будущей неделе она поедет в деревню своей тетки Оболенской и останется там, пока Алеша будет в Уколове. А я — к Лизе. Алешины дети очень хорошенькие, старший мальчик поразительно похож на своего деда Оболенского, вторая108 на Евреинову, а личико третьей109 я еще не могу определить. Дети не дичатся и довольно послушны, старший уже хорошо со мною ладит, а вторая пока нет. В самый день приезда я видела твою тетеньку Кат(ерину) Арк(адьевну), а на другой день она уехала в Средниково110, проводив Аркашу111 в Саратов. Она чрезвычайно грустна и по-моему очень переменилась. Я была так поражена,

Саратов. Она чрезвычайно грустна и по моему очень переменилась. Я была так поражена, увидавши ее, что не перестаю об ней думать. Она очень озабочена, едва говорит, да и то очень печально. Сказывают, что она всегда говорит о жизни с отвращением и полагает, что смерть есть самое приятное, чего можно ожидать. Я ее видала два дня сряду, но она мне не сообщила про свадьбу своей дочери112, хотя Софья Бахметева113, которая сейчас в Москве, говорила мне третьего дня, что это дело решенное и что свадьба будет в августе месяце, в деревне. Возможно, когда я поеду к ней в деревню, она мне об этом скажет. Сама же я не хочу затевать разговор на эту тему, мне кажется, что неучтиво говорить с ней о том, из чего она вроде бы хочет сделать тайну. К моему большому удивлению я нашла здесь двух Бахметевых — Софью и Ольгу. Они теперь живут у княгини Голицыной114, и я думаю, они там и останутся, по крайней мере, пока будут с нею в согласии. Софья совсем не переменилась, ни физически, ни нравственно, все такая же, а Ольга очень постарела. Они мне сказали, что Катерина Хвостова115, то есть урожденная Сушкова, развелась и, покинув мужа, стала жить в деревне у своей тетки Беклешевой116, где собралось все семейство. Стоило ль выходить замуж так не надолго?

Мне очень нетерпится увидать Лизу117. Невестка говорит, что она необычайно изменилась, очень постарела и подурнела, но дети ее очень похорошели. Она недавно взяла гувернантку родом из Швейцарии, очень молодую девицу, годную лишь для начала. Узнавши, что та молода, я испугалась за Лизу, ведь мне известно, как она ревнива. Но к счастью, говорят, что эта особа некрасива. Про сестрицу Варю говорят, что она необыкновенно переменилась после родин118, они, кажется, сделали ей пользу. Она сделалась весела, оживлена, признает, что всегда была слишком робка и давала слишком большую волю воображению, теперь же все будет совсем по-другому. Будучи в Москве, она повсюду разъезжала, словом, она больше не желает прозябать, как сама говорит, а имеет большое намерение жить весело. Лишь бы это решение было твердо, она столько уже раз переменяла и характер, и решения. Вообрази, во время родин она снова взяла старую няньку. Теперь она уехала в деревню с новым подозрением на беременность, и ежели это подозрение подтвердится, то в сентябре месяце она вернется в Москву и возьмет эту няньку, которая сейчас в Москве. Как ты находишь такую твердость характера? Так была недовольна этой нянькою, так плохо об ней отзывалась, а теперь не может без нее обойтись. Когда Алеша заметил ей это, она ответила, что тут есть одна тайна, которую она не может никому ни доверить, ни объяснить. По этим словам я узнаю сестрицу Варю, кажется, ее страсть к тайнам непобедима. Ежели она вернется в Москву в сентябре месяце, то, я думаю, мне не придется ехать к ней в деревню, и я избегну утомительного путешествия в тысячу верст. У меня к тебе просьба, дорогой друг, ежели ты еще не ответила на Варенькино письмо, что получила еще при мне, то прошу тебя, вложи для нее записочку в письмо, которое будешь писать в ответ на мое, а я перешлю оную к ней. Я знаю, как она всем этим дорожит, и для нее было бы подлинным огорчением, ежели бы ты не ответила.

Мое предсказание насчет Сабуровых частью исполнилось, то есть маменька119 уже шесть недель как умерла. Наконец-то мадемуазель полная хозяйка своей судьбы, и мне любопытно узнать, как она распорядится свободою. Кузен120 отсутствовал, то есть был в своем Орловском имении, и приехал только на сороковины. Но сегодня он должен был уехать обратно в деревню. Мне кажется, что печаль и неприятности не делают на нее большого впечатления, потому что она необычайно растолстела и сделалась огромна, но не постарела, в этом отношении все такая же. У нее есть намерение ехать в Петербург к своей кузине Всеволожской, но не знаю, хватит ли у нее смелости осуществить этот план. Нынче она занята разделом наследства, а потому опять в ссоре с братом. Я видела княгиню Голицыну, она совсем не переменилась, все та же история. Она сняла дачу в Сокольниках, но до сей поры не может решиться туда переехать. Она, кажется, вовсе лишена решимости. Левицкие в деревне у Гудовичей, для меня настоящее лишение, что их нынче нет в Москве. Ладыженские в Москве, Корфы121 и Львова122 сняли дачу в Петровском парке и больше не думают путешествовать. Маша Львова задает тон, она чрезвычайно хорошо принята и, как говорят, кажется очень счастлива и очень довольна своей участью, но покамест и слышать не хочет о замужестве, говоря, что это такая вещь, которой она боится больше всего. Правда, у ней есть причины для боязни. Граф Ефимовский123 в самом деле сватался к Лизе Нарышкиной, но ее брат и граф Строганов воспротивились этому браку. Ему решительно отказали, а она любому встречному рассказывает, что граф был влюблен в нее еще при жизни

отказали, а она любому встречному рассказывает, что граф был влюблен в нее еще при жизни своей жены. Варенька Озерова124 помолвлена, она выходит за Александра Самсонова — кузена Ладыженских. Это брак по любви, но не знаю, на что молодые станут жить, так как ни он, ни она небогаты. Прошу тебя объявить эту новость Скарятину и дружески поклониться от меня.

Ну, думаю, хватит рассказывать новости, довольствуйся этими, а в будущем письме я сообщу и другие. Мне очень нетерпится иметь от тебя вести, право, будет жестоко с твоей стороны, ежели ты станешь лениться. Что делает Эжен, по-прежнему ль удовлетворительны вести, которые он тебе сообщает? Когда будешь к нему писать, скажи, что я нежно его целую. Не знаю, что делает моя прелесть Лизанька, но сильно сомневаюсь, что смогу любить других детей больше, нежели ее. И правильно меня ревнуют за привязанность к ней. Чтоб их не огорчать, я взяла себе за правило как можно меньше говорить об ней. Надеюсь, маменька здорова, свидетельствуй ей мое почтение и скажи, что я передала тетеньке все вещи. Твоя свекровь все еще в Болле? Каковы известия об ее здоровье? Будешь к ней писать, напомни обо мне и скажи, что я всякий день об

ней думаю. Мой поклон папеньке и привет Жюлю. Поцелуй детей и сама прими мой поцелуй. Прощай, дорогой друг, будь здорова, не забывай, пожалуйста, меня и люби хоть немного. Пиши ко мне, не будь ленива и не скупись. Для меня было бы истинным огорчением не иметь от тебя вестей один раз в месяц, об чем я тебя и просила. Надеюсь, ты не пожелаешь сделаться причиною моего огорчения. Ежели Луиза Гемминген в Стутгарте, скажи ей, что я ей кланяюсь и ее целую. Пиши подробнее, расскажи, что у тебя случается хорошего и дурного. В будущем письме я побольше расскажу обо всем, что меня окружает, а теперь не хочу, так как нужно разобраться во всем прежде, чем говорить. Прощай.

В доме Военного Министра

для доставления Милостивой государыне

Баронессе де Хюгель урожденной Верещагиной.

В Стутгарте, Вюртембергское Королевство

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 4/16 августа 1841 г. с. Новое // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 237—241.

21

с. Новое 4/16 августа

Сделай милость, это письмо читай одна.

Дорогая Сашенька, я уже начала отчаиваться, не имея от тебя вестей, и уже приняла решение писать к тетеньке, чтоб их узнать, как получила, к моей огромной радости, твое письмо. Но несмотря на радость, которую я почувствовала, получивши его, оно меня очень опечалило. Милый друг, как ты должна была страдать, будучи так больна и беспокоясь за детей. Ежели б я была возле тебя, я хотя бы облегчила твои заботы, ухаживая за маленькими. Бедная дорогая Лизанька, представляю, как ей пришлось страдать. Я думаю, нет ребенка, которого я люблю, как ее. В семье меня упрекают за это, и хоть я и не признаюсь, но чувствую, что они правы. Я предпочитаю ее детям Алеши и сестриц. Право же, это трогательно, как она помнит меня. Лишь бы потом она меня не позабыла, впрочем, весьма естественно, что это случится, и мне нужно будет привыкнуть к этой мысли. Благодарю за добрые вести об Эжене, я счастлива, что у него все хорошо, и не сомневаюсь, что он преуспеет во всем, что задумает. Когда будешь к нему писать, поклонись от меня и скажи, что вперед я очень не советую ему садиться возле тех, кто намеревается произносить речи, а то он приедет к тебе с синяком под глазом. Надеюсь, ты всегда будешь сообщать мне известия об нем.

С каким нетерпением стану я ждать твоего будущего письма, ведь ты все еще хворала, пославши свое письмо, а мне нетерпится узнать, что ты оправилась. Но несмотря на большое желание его получить я уверена, что теперь долго буду без новостей от тебя, так как благодаря твоей склонности к экономии, когда дело идет о моих деньгах, ты станешь дожидаться моего письма и не напишешь ко мне прежде. По моему расчету, на это письмо я получу ответ через шесть недель. Будет жестоко, ежели я не получу вестей от тебя к этому сроку. Посылая мне твое письмо, госпожа Столыпина очень мило написала ко мне и объявила о Машенькином замужестве. Мне жаль, что я не буду на свадьбе, сколько подробностей я бы тебе сообщила, но я вернусь в Москву лишь в конце сентября. Я намеревалась поехать в Средниково повидать тетеньку, но в последний момент получила письмо от Трубецкого, он объявил мне новость о смерти их ребенка — самой меньшой девочки. При этом он говорил, что Лизанька чрезвычайно опечалена, вещь вполне понятная, но и опасная, потому что она уже очень тяжела. А потому вместо поездки к тетеньке я быстро отправилась к сестрице, где и нахожусь до сей поры. Я

останусь здесь сколько бабушка позволит, она должна прислать за мною, я еще не видала ее с моего приезда. Мне, однако, жаль будет покинуть Лизу, потому что мне здесь очень хорошо. Я нашла сестрицу здоровой, располневшей, самая настоящая мамаша. Трубецкой совсем не переменился, но со мною любезен и чрезвычайно нежен. Он все ревнует меня за мою привязанность к Эжену и дразнит по всякому поводу. Я же признаю свою приязнь к Эжену и спокойно отвечаю на все насмешки. Я все это не люблю и нахожу, что это просто пустяки. Мне кажется, можно любить многих, и что за дело, кого из них любишь больше, а кого меньше? Дети очень выросли, старший из мальчиков самый хорошенький, да они все славные. Когда я получила твое письмо, здесь была мадемуазель Сабурова, она приехала повидать нас и провела с нами три дня. Я была почти рада, когда она уехала, так она мне надоела своими жалобами. Теперь она свободна и независима, вольна в своих поступках, имеет хорошее состояние, но при этом находит, что ни от кого не зависеть есть несчастие. Как я ни убеждала, что смерть ее матушки печальна, но это не горе, она стояла на своем и говорила, что ее положение невыносимо, потому что она может делать все, что пожелает, ехать, куда вздумается, а никто и не побеспокоится, не захочет ей помешать. Может ли быть что глупее? Сейчас у нее сто тысяч рублей серебром и четыреста крестьян, словом, вполне приличное состояние, и Бог весть, отчего эта женщина с утра до вечера плачется. Что же касается истории ее любви, то это такой вздор от начала и до конца, что я не желаю ничего об этом знать. Теперь они вольны обвенчаться, почему ж они этого не делают? Она утверждает, что все кончено, что они больше об этом не думают, ни она, ни он, а спустя час заявляет, что не теряет надежды выйти за него. Словом, вся эта история одна глупость. При всем том у нее большие планы ехать в чужие края, и она уверена, что князь Иван последует за нею, что он не сможет шесть месяцев быть с нею в разлуке. А я думаю, что князь Иван любит деньги мадемуазель Сабуровой, а еще развлекаться в клубе, где будет проводить каждый вечер.

Но оставим их и поговорим про другое. В своем последнем письме сестрица Варя спрашивает о тебе и говорит, что написала к тебе, но не имея ответа не знает, получила ли ты ее письмо. Она говорит, что совершенно счастлива находиться в имении мужа, что оно стало чрезвычайно красиво и она страсть как его любит, что все, чего она теперь желает, это прожить там три года сряду, как она решилась в видах экономии, а по окончании сего срока у ней есть намерение возвратиться заграницу. Как видишь, твои пророчества совсем не верны. Мне нужно будет к ней поехать, но не знаю, когда. Ежели возможно, я хотела бы зимою, но это еще не решено, быть может мне придется отложить эту поездку до будущего лета. Алеша с женою и детьми находится сейчас в деревне их дядюшки князя Ивана Оболенского125. Вот уж жалкое семейство! Я уверена, дорогой друг, что ежели бы ты могла их видеть, то сказала бы то же самое. Его жена самая скучная дура, какую я видела. К счастию, Алеша все еще влюблен в нее, по крайней мере, так говорят. А по-моему, у него подавленный вид, но при его самолюбии он будет заступаться за жену перед всем светом, и он прав, совершенно прав. Эта женщина не делает ничего, решительно ничего. Вот как она проводит день. Встает в одиннадцать часов, иной раз в полдень, к завтраку выходит в пеньюаре, столь сальном, что не понять, какого он цвета. Под пеньюаром такая же

сальная рубашка, волосы не чесаны и даже не собраны гребенкой. В этаком наряде она остается до трех часов, тогда делает вид, что причесалась, и надевает другой пеньюар, просто чтобы поддержать грудь, которая у ней висит, как у коровы вымя. Утро занято поеданьем гороха или бобов, она приносит их в гостиную, ощипывает, а шелуху бросает по диванам. Это продолжается до обеда. Тотчас после обеда она раздевается, ложится, спит до восьми часов, встает, является в гостиную в своем утреннем наряде, после девяти пьет чай и зовет мужа составить партию в преферанс, что длится до двух или трех часов ночи, а после идет спать. Вот как она проводит время. Не работает, не читает, словом, не делает ничего, решительно ничего. Притом отвратительно скупа и, говорят, даже сделалась капризна. Дворовые ее не любят и даже презирают. Говорят, об этом не стесняются высказываться вслух, и даже не раз это доходило до Алешиных ушей. Она полагает, что много занимается детьми, потому что целыми часами что-нибудь ест в их комнате. Дети пропадают на дворе. Саша все на конюшне с кучерами, очень часто убегает на улицу и бегает по тротуару. Уверяю тебя, за ребенком прислуги и то лучше смотрят. Ежели бы ты могла увидать детскую, то испугалась бы. Цыганский табор не живет в

такой грязи. Вообще во всем доме ужасная грязь и вонь, в комнате, которую я занимала, я принуждена была, чтобы не чувствовать этой отвратительной вони, держать окна открытыми две недели сряду, день и ночь. Мебель так попорчена, что дрожь берет. К примеру, вхожу я в спальную, подхожу к столику, круглому, серого дерева, что всегда стоит возле дивана, и что же вижу? От лака ничего не осталось и дерево обнажилось, понимаешь, все сколупали. Это мадам так забавлялась, капала спиртом, которым натирала руку. Не подумай, что она это сделала один раз, вовсе нет, всякий день та же история. Невозможно себе представить весь этот ужас, что такое ее постель, ее спальная, честное слово, я туда не вхожу, потому что там такое свинство!

Ты можешь подумать будто все, что я говорю, преувеличено, но честное слово, я ничего не прибавляю, и мое описание это еще не все, что есть на самом деле. Ежели бы ты услыхала, что Лиза Трубецкая рассказывает про их деревенскую жизнь и про зиму, которую они провели в Москве, ты бы поняла, как верно то, что я говорю. Она говорит, что прошедшей зимою, которую они провели в Москве, невестка поместилась в моей комнате, и вместо того, чтобы велеть занести туда кровать, они спали на полу. В той же комнате она устроила гостиную, где принимала, и столовую. Притом не приказывала, чтоб убирали постель или выносили судно. Можешь себе представить, какова была эта комната. Я полагала, что госпожа Евреинова безобразно ведет дом, но в сравнении с моей невесткою она живет, как принцесса. Лиза говорит, что они натерпелись мук в Успенском прошедшей зимою, так невестка была противна. К детям она относилась нестерпимым образом. Словом, все, что мне рассказывают, меня пугает, как подумаю, что должна с нею жить. Но я не понимаю Алешу, как он может терпеть все это? Вот что выходит, когда женишься на дуре, тупеешь вместе с нею, вот и все. Чего можно ожидать при такой скотской жизни, что они ведут? Разумеется, они кончат тем, что сами уподобятся скотине. И разговор ее такой же сальный, как она сама. Она говорит только непристойности, притом речи самые отвратительные и перед всяким, кто пожелает ее слушать. Уверяю тебя, просто дрожь берет. За две недели, что я провела с ней, я так устала, что избегала ее, как чумы. Сколько раз за столом, когда она принималась говорить непристойности, я бывала принуждена сказать ей, что ежели она желает говорить в таком роде, то я ей советую говорить по-французски, потому что мне стыдно перед прислугою. Алеша тоже ничем не занимается, говорят, его дела в плачевном состоянии. Признаться, я очень боюсь за себя.

Приехавши в Москву, я хочу поговорить с ним, чтобы по возможности выделить мою долю. Но есть одна вещь, что меня смущает. Он взял и растратил деньги, которые у меня были, и до сей поры я не имею векселя либо другой бумаги, подтверждающей наличие этих денег. Ежели он не представит мне таковую, я не знаю, хватит ли у меня духу попросить. Уверяю тебя, я в очень дурном положении и не знаю, как из него выбраться. Одно только, на что мне теперь нужно решиться, это быть с ними как можно меньше, совсем оставить их значило бы поссориться с Алешей. Ежели бы он был более рассудителен, можно было бы обойтись без ссоры, но с ним это невозможно, он не желает понимать вещи, как им следует быть. Разрыва я не хочу, для этого я его слишком люблю. А потому мне придется смириться с необходимостью проводить зиму с [illegible]

ними. Но на лето я буду уезжать к сестрам. Это будет хороший предлог, чтоб их покинуть. Во время моего пребывания у тебя, она, говорят, не переставала ему повторять будто он слишком добр, что так меня любит, “потому что она любит кузину больше, чем тебя, и ты увидишь, — говорила она ему — она и не подумает возвратиться сей год, она еще останется в Стутгарте”. Ради одного этого я рада, что вернулась, ведь в конце концов она смогла бы настроить брата против меня. Говорят, они были плохи с Бахметевыми, и Николай настроен против нее, она ему противна. Все, что Варя о них ко мне писала, была ложь. Ты знаешь, как она расхваливала достоинства невестки и будто все ее обожают. Все это была неправда. Приехавши к Лизе, я получила от Вари письмо, где она просит прощения, что обманула меня, и говорит, что сделала это, потому как боялась, что я надумаю ответить на ее письмо и что это дойдет до Алеши. Бедный, бедный Алеша, вот несчастная участь! Ведь он мог сделать такую хорошую партию, имел для этого все возможности и так дурно кончил. Ежели он ничего не понимает и доволен своей участью, пусть этот обман длится, только этого и остается желать. Но я этому не верю, по-моему он несчастлив. Тяжело видеть, как он переменился. Постарел, похудел, вид такой усталый

будто он болен или недоволен. Быть может, причиной этому также и тот образ жизни, что он ведет. Но я слишком увлеклась разговором о них, это должно тебе наскучить. Однако я не могла удержаться, чтобы не сказать тебе всего этого, потому что привыкла все тебе сообщать и слишком уверена в твоем участии, чтобы скрывать что-нибудь. Мне страшно, как подумаю, что надо возвращаться в Москву. Право, будет ужасно, ежели Алеша заметит, что его жена мне неприятна. Я это скрываю, как могу, но она в самом деле невыносима, а потому я ее избегаю и по возможности стараюсь быть одна. Ежели б я знала, что должна терпеть ее месяц или два, ну, что ж, я собралась бы с духом и постаралась бы как-нибудь пережить это неприятное время. Но ведь это на всю жизнь! Вот увидишь, с возрастом она станет еще хуже. Разумеется, я постараюсь найти выход и сделаю все, что смогу, чтоб улучшить свое положение. Я должна поместиться в спальной, чему очень рада, потому что таким образом у меня будет также небольшая гостиная и уборная. Я, конечно, буду очень редко открывать дверь своей комнаты, чтобы по возможности уединиться. Буду редко оставаться дома, особенно по вечерам, стану по возможности выезжать. И хотя бы таким образом недолго буду вместе с ними или почти совсем не буду. Это единственный способ избегать неприятностей. Письмо кончается, а я не могу говорить о других вещах. Но что поделаешь. Что у кого болит, тот об том и говорит.

Я думаю, это письмо дойдет до тебя незадолго до приезда Эжена, так как я уверена, что он возвратится к тебе в сентябре месяце. Я только что получила твое письмо, а уж мне нетерпится иметь другое, потому что меня беспокоит твое состояние. Как это ты ухитряешься во время беременности подхватывать все болезни, что носятся в воздухе? Ты совсем не как другие женщины, коих в этом состоянии минует любая заразная болезнь. Я не писала к тебе в июле месяце, все ждала твоего письма, чтобы ответить на него, а потому уверена, что не буду иметь от тебя вестей прежде, чем ты получишь настоящее письмо. Но я наведу в этом порядок и стану писать к тебе ежемесячно, не ожидая твоего письма. Так будет лучше, и надеюсь, тебе будет совестно не отвечать. И еще раз, не береги мои деньги, меня даже радуют такие расходы. А то я стану думать, что ты пользуешься этим предлогом, чтобы не писать ко мне, потому как ленишься.

Не могу тебе сообщить много московских новостей, потому что когда была там, почти никого не видала, нынче же не знаю, что там делается. Все, что рассказывают про общество, неприятно. Говорят, будто Ольга Долгорукова126 устроила свою гостиную на манер итальянской, обставила ее таким образом, что каждый может находиться со своей дамою, не стесняя другие тет-а-тет. Нынче все общество в Петровском парке, и молодежь, то есть князь Леон Гагарин127 — брат госпожи Анненковой, меньшой барон Розен128 и прочие развлекаются, представляя кучеров. Они все в красных рубахах, как наши мужики, кафтанов не надевают, но с кушаками под животом и в шапках набекрень. И в таком виде, стоя в телеге, запряженной тройкою лошадей, убранных бубенцами и колокольчиками, они сажают туда как можно больше дам и мчат их во весь опор, обращаясь с ними, как с цыганками. Все, что происходит, просто отвратительно. Кротков, тот, что женат, усердно волочится за госпожой Львовой129, урожденной Наумовой,

женой того, что считает себя красавцем. Говорят, они решительно в связи и что муж ее бросил, впрочем, он был бы прав. Более всего в этом деле мне нравится то, что в момент отъезда госпожи Кротковой в деревню, госпожа Львова является к ней и, рассказывая про свои так называемые беды, бросается госпоже Кротковой на шею и говорит: “Милый друг, не берите мужа в деревню, оставьте его мне, ведь он мое единственное утешение на этом свете!” Бедняжке не позавидуешь, муж обращается с нею чрезвычайно дурно. Зато ее деверь Александр выступил покровителем невестки и защищает ее от обид со стороны мужа. Александр сделался набожным или притворяется таковым, но проводит время в молитвах и бывает лишь там, где слушают его проповеди. Жаль, что я его не повидала, он, должно быть, уехал. Он отправляется в Грецию и хочет побывать в Иерусалиме, но только паломником.

Говоря о семействе Кротковых, я должна сообщить тебе про замужество г-жи Кнауер, которая вышла за какого-то английского фабриканта, он весьма богат и живет в Казани, где находятся все его заведения. Говорят, она очень счастлива, по крайней мере утешится на старости лет. Вдовец

Валуев130 женился, наконец, но не на княжне Щербатовой, а на старой девушке Масловой. Я думаю, ты ее знаешь, их было три сестры, все очень богатые и с большим вкусом. Две другие умерли, а эта, унаследовав их состояние, влюбилась в Валуева и недавно вышла за него. Говорят, она очень добра, а как ей уже пятьдесят и детей у нее не будет, то ничто ей не помешает стать хорошей матерью детям Валуева. Жюльвекуры должно быть уехали в Париж, я видела в газете их имя в числе отъезжающих в чужие края. Госпожа Кобылина131 приезжала в Россию и недавно снова отправилась в Италию, где, говорят, живет в какой-то деревне ради лечения сына. Душенька132 больше не захотела сопровождать матушку и осталась с сестрою. Она говорит, что слишком устала от такого образа жизни. Думаю, у меня уже больше нет новостей для тебя.

Я нахожу, что ты совершенно права, украшая место позади замка, я уверена, все, что там сделают, будет красиво. Пожалуйста, рассказывай мне про все перемены, которые ты сделаешь в Хохберге, право, мне это очень интересно, читая твои письма, я буду представлять, что еще нахожусь там, по крайней мере я не буду посторонней тому, что у тебя происходит. Я очень рада узнать, что ты довольна экономкой. Не балуй ее, будь требовательна, это, право, единственный способ быть покойной. Когда увидишь Скарятина, кланяйся ему от меня. Майзенбергу также и поблагодари его за память. Благодарю графиню Мари за любезную память, кланяюсь ей и хочу знать, когда она приедет в Стутгарт? Было ли полезным ее путешествие в Голландию? Ты не говоришь, куда отправились принцы Наполеоны, не во Флоренцию ли? Хотелось бы знать, что они станут там делать. Их сестра очаровала решительно всех в Петербурге, ее находят прелестной. Я думаю, они должны быть в Париже. Надо же, наконец, заканчивать, а то мое письмо грозит сделаться неприлично велико. Однако не могу этого сделать, не рассказав тебе про Машеньку Ловейко. Я ее навестила, и можешь вообразить, как она была рада меня увидать. Ею очень довольны, она хорошо учится и любима за свой характер. Она довольна своим положением и говорит, что делает все, что может, чтобы быть тебе полезной. Она надеется стать Лизанькиной гувернанткой. “Я буду счастлива, — говорит, — ежели смогу доказать маменьке мою признательность, и мне стыдно думать, какой обузою я была прежде”. Право, она выказала добрые чувства. А теперь решительно прощай.

Целую тебя очень, очень нежно и прошу так же поцеловать детей, но Лизаньке несколько поцелуев особо. Мое почтение маменьке. Когда будешь писать к свекрови, поручи меня ее памяти. Надеюсь, ее здоровье лучше. Лиза с мужем тебе кланяются, целуют тебя и детей и выражают свое почтение маменьке. Мой поклон твоему свекру и деверям. Кланяюсь Луизе и Людвигу Гемминген.

В доме Военного Министра

для доставления Милостивой государыне

Баронессе де Хюгель урожденной Верещагиной.

В Стутгарте, Вюртембергское Королевство

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 18 сентября/1 октября 1841 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 241—247.

22

Москва, 18 сентября / 1 октября

Благодарю, тысячу раз благодарю, моя милая и добрая Сашенька! Твое последнее письмо переполнило меня радостью, я была так счастлива его получить, тем более, что вовсе не ожидала такой радости, ведь я решилась терпеливо ждать ответа на то письмо, что послала тебе от Лизы. Как ты добра ко мне, но честное слово, я этого заслуживаю за мою к тебе привязанность. Я

хотела к тебе писать еще неделю тому назад, но не сделала этого, потому что все ждала Алешу, чтобы рассказать тебе про Машенькину133 свадьбу, на которой он побывал. Нынче я расскажу об этом, но прежде хочу сообщить тебе о том, что со мной случилось после моего последнего письма. Я была у Лизаньки до двадцать второго августа старого стиля. Мне хотелось там остаться до ее именин, но бабушка прислала за мной, и я отправилась в Успенское, где провела три недели. Хоть я и очень люблю бабушку, но ты понимаешь, что там я не много веселилась. Алеша с женой и детьми поехал к Лизе на именины, потом он должен был заехать за мной в Успенское, а оттуда вместе возвратиться в Москву. В ту пору как я его ждала, прибывает нарочный с письмом от братца, который зовет меня скорей воротиться в Москву, где уже находится все семейство, потому что думали, что Лизанька должна родить, так она изменилась. Я быстро собралась, и вот три дня, как я в Москве. Я счастлива, что опять дома и могу отдохнуть, я, право же, устала разъезжать, ведь с тех пор, как я в России, я только этим и занимаюсь. Лиза еще на ногах, родит недели через две. Ее муж еще в деревне, его задерживают дела, но к ее родинам он приедет. Могу тебе сообщить самую приятную на сей момент новость, касающуюся лично меня, это радость, что сестрица всю зиму будет со мной. Как бабушка решительно пожелала остаться в деревне, а флигель, что она занимала, пустует, то Алеша пригласил Трубецких в нем поселиться. Можешь вообразить, какое мне утешение, что сестрица будет со мной, это избавит меня от столь неприятных тет-а-тет, которых я так опасалась.

До сей поры Москва пуста, но немногие видевшие меня находят, что я чрезвычайно переменилась. Едва кого увижу, уж я уверена услыхать: “Что это с вами? Как вы переменились, похудели! Вас не узнать!” Или же: “Куда девалась ваша веселость, отчего вы так грустны, так серьезны?” Мне это надоедает, я стараюсь быть веселой, но что неестественно, то не получается и не может долго длиться. Я думаю, это происходит от какого-то недуга, но ежели бы мне пришлось лечиться, я не сумела бы сказать доктору, чем хвораю. Мне нечему огорчаться, а особенно теперь, когда у меня есть приятная надежда быть с сестрицею, мне следовало бы быть довольной, но я не стала веселей. Уверяю тебя, я до крайности недовольна собою, я желала бы исправиться и стараюсь, как могу. Может быть, мне удастся? Хочется надеяться, ведь я так стараюсь! Теперь, покуда я не замечу в своей особе какого-нибудь улучшения, не стану больше говорить о себе, ведь тебе должно быть скучно читать столь ничтожные подробности. Да и было бы, право, неучтиво с моей стороны злоупотреблять твоей дружбою и терпением. Так как это не делает пользы и меня не исправляет, я предпочитаю молчать. Знаешь, для чего я говорила с тобой подобным образом? А для того, что мне очень хочется, чтобы ты меня побранила и даже сильно, думаю, это будет мне полезно, побрани же!

Поговорим о тебе, это гораздо интересней. Нынче, соединившись с мужем, ты вполне счастлива. Надеюсь, теперь я буду иметь от тебя только добрые вести. Время испытаний для тебя кончилось, и ты будешь вознаграждена за тяготы, которые возложила на себя. Нет минуты в продолжение дня, когда бы я не думала о тебе. Хоть я и в Москве, но могу сказать, что чувствую себя более в Стутгарте, чем здесь. Известие о возвращении твоего мужа меня обрадовало, но не

удивило. Не знаю отчего, но я была в том уверена, и на прошедшей неделе, когда думала о тебе, то не иначе, как ожидая его возвращения. Лишь бы вы все были здоровы, и я уверена, что ты непременно повеселишься. Я думаю, вы собираетесь вскоре вернуться в город, и ответ на это письмо будет, наверное, помечен Стутгартом. Я почти рада, что не знаю точно срок твоих родин, потому что это было бы лишнее беспокойство, и сделай милость, уведомь меня об этом, когда все будет кончено. Лишь бы все кончилось благополучно, большего я бы и не желала. Ты сделала мне упрек, которого я не заслуживаю. Говоря про мое возвращение к тебе, ты сказала, что я нахожу удовольствие мучить тебя, лишая надежды. Согласись, что ты неправа, ведь ежели ты желаешь моего возвращения, то я этого желаю в два раза сильнее. Но не в моем характере питать тебя надеждами, коих я сама не имею. Когда ты говорила: “Она вернется на будущий год”, — я не могла сказать “да”, так как знала, что это неправда и что этого не будет. Я и теперь говорю: я вернусь, можешь быть уверена, лишь бы Господь дал жизнь и здоровье, но нельзя определить срок, и я еще не знаю, когда смогу это сделать. А покуда потрудись в Хохберге, чтоб я нашла его еще более красивым, чем знала до сих пор. Почаще говори с Лизанькой обо мне и

научи ее не забывать меня. Я думаю, ты мне льстишь, говоря, что она меня помнит, это только чтобы доставить мне удовольствие. А впрочем, обманывай меня, уверяй, что она меня не забыла. Хоть я и должна привыкать к такой мысли, но было б очень грустно быть ею забытой. Как я люблю этого ребенка! Мое семейство имеет причину меня ревновать.

Последние новости, которые сообщает нам сестрица Бахметева, прямо-таки неприятны. Она снова хворает, нервы у ней так расстроены, что она принуждена была две недели лежать, так была слаба. Муж предложил ей ехать в Москву — она отказалась, заграницу — отказалась и говорит, что больше решительно не желает лечиться. Может быть я неправа, но я приписываю это расстройство смерти Мишеля134, потому что это слишком уж сходится во времени, чтобы не вызвать некоторого подозрения. Какая беда эта смерть! Бедная бабушка самая несчастная женщина, какую я знаю. Она была в Москве, но прежде моего приезда, жаль, что я ее не повидала. Говорят, у ней отнялись ноги, и она не ходит. Она никогда не произносит имя Мишеля, и при ней никто не смеет назвать имя какого-нибудь поэта. Я думаю, впрочем, что нет надобности сообщать тебе все эти подробности, ведь тетенька, видевшая ее, все тебе, наверное, рассказала. Несколько недель я не могла отвлечься от мысли о его смерти, я так искренно об нем сожалею. Я, право же, очень, очень его любила. До сих пор я тебе говорила только о грустном, переменим разговор и поговорим о более веселых вещах.

Лучше я расскажу про Машенькину свадьбу. Говорят, это самая забавная на свете вещь. Когда слуга вошел в тетенькину гостиную, чтобы доложить о приезде Паскевича, Машенька, тоже там сидевшая, скорей схватила свое рукоделие и принялась усердно работать, не желая ни разговаривать, ни глядеть на жениха. А он стал рассказывать как хворал, как страдал грудью, как ему трудно было говорить и дышать. Тетенька вспылила и сказала, что свадьбе не бывать, потому что она на опыте знает, каково иметь хворого мужа, и ей совсем не улыбается выдать дочь на несчастие. Наконец, вмешалось все общество, и тетеньку удалось успокоить. А все дело в том, что молодой человек не желал, чтоб его везли в Москву представляться родне. “Да зачем я поеду, — говорил он, — очень мне нужно быть представлену сумасшедшей старухе Анненковой135 или госпоже Саражанович, которая все строит рожи. А господина Анненкова136 я видеть не желаю, почему это я обязан ему представляться? Потому что он генерал? Черт с ним и с его генеральством, я тоже когда-нибудь буду генералом, и мне нет ни до кого дела!” Однако он принужден был уступить, его возили ко всей родне. И знаешь, он всем вообще-то понравился. Его находят оригинальным, это правда, но не глупым и не противным, и все только удивляются выбору, который он сделал. Мог себя продать и подороже. И во все время помолвки Маша не хотела с ним говорить, и он занимал ее не больше прошлогоднего снега. В день свадьбы, в ту минуту, как ехать в церковь, мсье объявляет, что удушье у него сильней обыкновенного, он в дурном расположении духа, словом, совсем неприятный. Алеша, бывший его посаженым отцом, говорил с ним, как мог, чтоб его развлечь, сделать менее угрюмым, но напрасно. Он все повторял: “Нет, это невыносимо, какая глупость — свадьба!” — и все в том же роде. После обеда крестьяне просили разрешения поздравить молодых, что было им позволено. Все уселись на

балконе, а народ принялся петь. Он подходит к Николаю Петровичу137 и спрашивает: “К чему все эти глупости? Ежели они думают меня позабавить, то ошибаются. Велите им замолчать”. Тетенька, разумеется, не могла быть в очень хорошем расположении духа, не было причины. А Маша была просто несносна и неприятна более обыкновенного. Она весь день провела возле Ольги Петровны, не обращая ни малейшего внимания ни на мужа, ни на остальное общество. И говорят, что они уехали в Петербург безо всякой в ней перемены, она все та же. Этот человек просто безумец, что женился на ней. Говорят, он весьма надеется на семейство Столыпиных. Он думает продвинуться с их помощью и полагает стать не меньше как министром финансов. Вот какой у тебя будет знаменитый кузен. К счастию, теперь ранг министра уже не может тебя ослепить. Объявляю тебе об их приезде в будущем году, приготовься достойно встретить будущего министра. По поводу этого путешествия, которое, по его словам, должно будет состояться за казенный счет, он громко и ничуть не стесняясь говорил, что нет ничего более неприятного, как тащить за собой жену, и что обязанность иметь ее при себе сильно отравит ему удовольствие от этой поездки. “К счастию, — сказал он, — у нас есть пристанище заграницей

(пристанище — это твой дом, не в обиду тебе будь сказано), а потому я везу туда мою святую Марию, оставляю ее, а потом — фьють! и след простыл! Пусть делает, что хочет, а я заберу ее только на обратном пути”. Минуту спустя он испускает крик: “О ужас, а ежели у меня будет ребенок? Только этой неприятности недоставало, чтоб привести меня в бешенство!” Ты не поверишь, как мне жаль, что в тот момент я была в деревне. Как можно было пропустить такое! Что бы об этом ни рассказывали, а все веселее быть на месте и видеть все самой. Бог весть, когда я их теперь увижу, очень может быть, что ты их увидишь раньше меня. Говорят, тетенька также намеревается путешествовать будущей весною, возможно, она проведет часть года у тебя. Я ее еще не видала, но очень хочу съездить к ней в деревню. Говорят, она там останется, покуда не установится санный путь, а после хочет ехать в Вятку. И об этом тоже я могла бы тебе не говорить, ведь тетенька уведомит тебя, конечно, о своих планах. Алеша рассказал мне весьма забавную вещь, имеющую к тебе отношение. В тот момент, как народ собрался, чтобы праздновать Машенькину свадьбу, бабы запричитали: “Где наша Сашенька?” Какая Сашенька? — спросили у них. “Да наша, Верещагинская, она, говорят, в жалком положении, сама воду носит, сама на кухне стряпает, экая горькая участь!” Любопытно узнать, кто это мог их надоумить?

Вот еще печальные новости для тебя, во-первых, умерла госпожа Озерова138, знаешь, жена сенатора, что была так глуха. Она оставила семейство из девяти дочерей, из коих одна замужем139, и двух сыновей. Право, это грустно, и сироты вызывают сочувствие, потому что еще малы. Отец их уже немолод, да к тому же часто хворает. Разумеется, вся эта ноша ложится на старшую дочь, которая, к счастью, весьма достойная особа. Хоть она и молода, но со сложившимся характером и исполнит свои обязанности должным образом.

Еще поговаривают, что женится другой Озеров, я говорю про Петра Ивановича140. Свадьба его дочери состоялась, и нынче говорят, что пришел его черед. Но прискорбно, что он женится на своей давнишней любовнице, женщине простого звания. Право, в его лета и с его положением непростительно делать подобную глупость. Его детям эта женитьба не должна, конечно, нравиться. По поводу сумасбродных браков утверждают будто и князь Дмитрий Голицын141, генерал-губернатор, также собирается наделать глупостей. Я расскажу тебе об этом деле, как мне передали, но не хочется этому верить. Ты, верно, помнишь молодого человека по фамилии Певцов, он хорош собою, жандармский офицер. Ну, так дело идет об его жене. Говорят, князь Дмитрий безумно в нее влюбился, открыто за ней ухаживает и устраивает для нее праздник за праздником. Не забудь, еще нет и году, как умерла его жена142, а потому он еще в глубоком трауре. Молодая женщина, в свою очередь, влюблена в полковника карабинеров, что всегда стоят в Москве. Он красив, но настоящий мужик, как простой солдат. Мадам задумала оставить мужа, чтоб выйти за полковника. Но получить развод дело не простое, и она принимается кокетничать с князем Дмитрием и дает ему понять, что лучшего и не желает, как выйти за него, ежели сможет избавиться от мужа. Старик же от радости, что так любим, не находит ничего более спешного, как трудиться над этим делом. Теперь молодая женщина разведена, но покуда не выходит ни за

того, ни за другого. О князе же говорят, что он очень хочет на ней жениться и, кажется, ждет лишь окончания траура. Самое забавное, что эта дама свела князя с полковником карабинеров, а как последний летом всегда пребывает в Сокольниках и мадам также имела там дачу, то старый князь туда ездил и очень часто вместе с нею проводил целые часы в палатке полковника. Все эти подробности сообщены нам одною обитательницей Сокольников, а именно госпожою Савиной143, и она говорит, что ежедневно наблюдала эти уловки. Теперь бы я желала, чтоб явился третий, увел бы эту даму и оставил бы обоих безумцев в дураках. Вот какие скандалезные истории! Москва уподобляется Италии в полном значении слова.

Говоря о смертях, я объявила тебе о двух, вторая есть смерть князя Алексея Шаховского144, ты знаешь, родственника Бахметевых. Эта семья все время в трауре, не знают, как объявить эту весть матери. Еще одна важная новость — мадемуазель Сабурова приняла твердое решение ехать в Петербург, чтоб отвлечься от всех своих печалей. Она едет завтра, ее сопровождает кузен Дмитрий145. Другой же находится в деревне и, по ее словам, не подозревает об этой затее. Она

намеревается провести там один месяц, стало быть вернется лишь в конце октября. Любопытно будет взглянуть на нее по возвращении. Будущей весною она хотела бы поехать в чужие края, ежели найдет способ к кому-нибудь присоединиться. Мишель Сабуров146, молодой, в очках, женится, он берет за себя девицу Россетти, особу лет шестнадцати-семнадцати, недавно выпущенную из института или монастыря, очень хорошенькую и с состоянием. Свадьба будет в Петербурге, где он поступил в службу, и должна состояться через неделю. Я еще не видала сестер Левицких, потому что они в деревне у госпожи Новосильцовой. Говорят, Елена147 выходит за господина Скалона, весьма любезного молодого человека, но с небольшим состоянием. Мадемуазель Делянова148 вышла за князя Манук-Бея. Он молдавский господарь, лет тридцати, приятной наружности, хорошо воспитан и владелец огромного состояния. Говорят, он преподнес невесте великолепные подарки и среди прочего подарил ей ларчик в сто пятьдесят тысяч рублей. В настоящий момент они уехали, зиму проведут в Одессе, а оттуда отправятся в свое княжество. Их сопровождает мадемуазель Хьюм149. Она некоторое время колебалась, но невеста так настойчиво ее упрашивала, что из привязанности к ней Катерина Ивановна уступила. Я уверена, что ее будущее обеспечено, и ей уж не придется искать другого места.

Дмитрий Владимирович Голицын

Я начала это письмо утром, но мне помешал приезд Софьи Бахметевой. Когда я сказала, что ты просишь напомнить ей о себе, она рассыпалась в похвалах на твой счет. Мне, разумеется, поручено выразить тебе бесконечную благодарность и уверения в любви и дружбе. Графиня Зубова, вернувшаяся сегодня из своего польского имения, также у нас обедала и провела весь день. Она только что уехала, и хотя уже одиннадцать часов, я все же хочу закончить письмо, чтобы завтра не опоздать на почту. Софья Бахметева сказала, что тетенька решилась ехать весною заграницу. Она едет прямо в Стутгарт, оттуда они отправятся ради Лизы150 на воды, а после решат, что делать дальше. Твоя матушка пишет к ней и очень зовет приехать в Стутгарт, обещает за это поехать с ней на воды, а еще дает ей честное слово последовать за нею в Россию и, кажется, остаться с ней здесь. Я только сейчас сообразила, что ветрено поступила, сказавши тебе все это. Ты так привыкла читать письма вслух, и я боюсь, что и это постигнет такая же участь, и тогда я невольно причиню неприятность маменьке, которая, верно, скрывала от тебя это намерение. Говорят, тетенька очень бы желала, чтоб я совершила это путешествие вместе с ней. Как это было бы мне приятно! Но к несчастию, существует этот проклятый здравый смысл, который вмешивается во все, и приходится к нему прислушиваться, иначе вышло бы худо.

Будущей весною мне непременно надо ехать в сестрице Бахметевой, и эта поездка обойдется мне во столько же и, думаю, даже больше, чем путешествие в чужие края. Но необходимо ехать, было бы неблагодарностью с моей стороны, ежели б я этого не сделала, особенно зная, какое значение они придают таким свидетельствам дружбы. Впрочем, с тех пор как Варенька замужем, никто еще не бывал у нее в этом имении. Я очень хорошо знаю, что на ее месте просила бы, чтобы никто не совершал такой поездки, потому что она в самом деле тяжела и неприятна. Но у

моей сестрицы такая страсть к жертвам, что она сочла бы себя нелюбимой, ежели бы их не приносили ради нее. Сейчас ей не дает покоя мысль взять к себе одну из Лизиных дочерей, чтобы дать ей воспитание, но я думаю, что Лиза на это не решится, и нахожу, что она будет совершенно права. Дав этой девочке воспитание и приучив ее к достатку, которого у нее никогда не будет, Варенька не может обеспечить ей такое будущее, которое позволило бы ей жить в довольстве. Когда девочка вернется домой, ей там уже не понравится, и она не сможет иметь ту приязнь к братьям и сестрам, которую будет иметь, воспитываясь вместе с ними. Впрочем, кто может поручиться, что у Вареньки не будет еще десятка детей, а тогда этот ребенок станет решительно лишним. Да я и не люблю таких любимчиков, им всегда мало что удается, такова история Долли Ухтомской151 с ее семейством. Я еще не видала Машеньку Ловейко с тех пор, как вернулась, и не скоро смогу это сделать, так как это ужасно далеко. Но то, что она сказала тетеньке, вполне верно. Эта дама в самом деле зла и очень корыстна, а потому покровительствует лишь тем, кто ей делает подарки. Но я полагаю, что сия особа не останется в заведении, по крайней мере госпожа Савина, начальница Дома трудолюбия, получив жалобу, имела намерение ее уволить. Я

не могу пока ничего узнать, так как мне некого туда послать, все наши люди еще в деревне и будут лишь через несколько дней. И тогда я сама постараюсь поехать туда или кого-нибудь пошлю. Что касается подарка, который ты намеревалась прислать, то это никогда не лишне, ты знаешь, какое впечатление это производит в таких заведениях. Как бы не забыть тебе сказать, что я прошу у тебя как милости не пользоваться русской миссией, когда пишешь ко мне, потому что я никогда не получу этих писем. Прошу тебя, моя дорогая, послушай моего совета и пиши с почтою. Право, это не так уж дорого, зато я их все получу, тогда как в миссии и не побеспокоятся послать их ко мне. Я лишилась бы большой радости, ежели не имела бы вестей от тебя. Я всегда сохраняю последнее письмо и несколько раз его перечитываю в промежутке от одного до другого. Согласись, что ежели ты и можешь в чем меня упрекнуть, то, конечно, не в краткости. Мне стыдно посылать тебе такое большое письмо, оно до смешного велико, а потому я хочу его закончить.

Прошу тебя сказать Луизе Гемминген, что я намеревалась к ней писать сей раз, но день был очень занят и мне не хватило времени, а теперь я слишком устала, чтобы приниматься за другое письмо. Но в следующий раз я это сделаю. Что касается Скарятина, то вопреки моему обещанию к нему писать, я чувствую себя слишком скромной, чтобы вступать в переписку с молодым человеком, но не настолько неприступной, чтобы не ответить, ежели он ко мне напишет. Пусть поступает, как знает. Кланяйся от меня графине Мари, расскажи мне об ней, как она собирается выпутаться, оказавшись теперь между страусом и колибри? А бедную Таубенгейм мне жаль от всей души, какая пустота в ее нынешнем существовании, ведь присутствие сына не может ей заменить утрату сестры. Сейчас я подумала, что ты мне не сказала, уволила ли ты эту Марпалю и навестила ли тебя княгиня Львова. Ты очень мало рассказываешь про свекровь и не говоришь, сделало ли лечение ей пользу. Напомни ей обо мне и скажи, что я беспрестанно об ней думаю и очень, очень ее люблю. Лиза и Алеша тебя целуют. У них милые дети, Алешины прямо-таки хорошенькие, зато Трубецкие очень приятны. Моя невестка кланяется тебе и просит сказать, что любит тебя больше с той поры, как я в Москве, а прежде она завидовала твоему счастию быть со мною. Ты и не догадывалась о сокровище, коим владела.

Прощай, дорогой и добрый друг, будь здорова и сообщай мне добрые вести, не забывай меня и люби по-прежнему. Прощай. Поклон от меня маменьке и Эжену. Целую детей, Лизаньку немного нежнее. Кланяюсь папеньке и твоим деверям. Забыла тебе сказать, что графиня Бобринская152 вернулась к мужу. Он не хотел отдавать ей сына и просил сказать, что очень хорошо понимает, что по закону мальчика вернут ей, и она вольна его забрать, но минута отъезда сына станет и минутою его смерти, так как он вполне решился застрелиться при его отъезде. Видя, что ничего нельзя поделать, бедная женщина решилась вернуться к мужу. Я думаю, что никогда не покончу с новостями, а потому заканчиваю, чтоб уж больше не начинать. Прощай.

В доме Военного Министра

для доставления Милостивой государыне

Баронессе де Хюгель урожденной Верещагиной.

В Стутгарте, Вюртембергское Королевство

Лопухина М. А. Письмо Хюгелю К. Е., 16/28 октября 1841 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 248—249.

24

Барону К. Е. Хюгелю

Москва, 16/28 октября

Любезный Эжен, я тоже начинаю свое письмо, прося у вас прощения за опоздание с ответом. Но в тот момент, как я его получила, я хворала и даже была принуждена оставаться в постели. Потом я совершила небольшое путешествие, ездила повидаться с госпожой Столыпиной в ее деревню. Приехавши туда, я опять прихворнула. Кроме того, я надеялась получить письмо от Сашеньки и рассчитывала ответить сразу на оба ваших письма. Но как я ошиблась в ожидании, то более не хочу ничего ждать и спешу поблагодарить вас за добрые вести, что вы мне сообщили. Мне только жаль, что взамен интересных подробностей, что вы мне сообщаете, я могу послать вам лишь письмо о семейных новостях, но вы его примете с присущей вам добротою и снисходительностью. Хоть я и не люблю говорить о себе, я буду, однако, принуждена это сделать, так как из всего семейства, исключая Бахметевых, вы знаете только лишь меня, стало быть можете более всего интересоваться мною. Однако не могу вам сообщить особо хороших новостей лично о себе. Я все болею, и, кажется, мне следует сказать последнее прости моему хорошему здоровью. Я почувствовала себя больной, приехавши в Москву, но приписала это состояние дорожному переутомлению. Теперь же, будучи дома, я не чувствую себя лучше. Говорят, я сильно худею. Но более всего мне огорчительно видеть, что я очень изменяюсь нравственно. А между тем, мне более, чем прочим, нужно иметь веселый нрав, так как моя невестка не стесняется говорить, что любит только веселых людей, которые умеют ее развлечь. Я делаю, что могу, чтоб ей не наскучить, но порой чувствую такую усталость, такое принуждение, что поневоле, может быть, бываю ей неприятна. Все это очень меня огорчает, но что поделаешь, нужно терпеливо сносить свои невзгоды. Не все так добры и снисходительны, как вы и Сашенька, а потому поверьте, что моя вам признательность всегда будет беспредельной. Я делаю, что могу, чтобы быть здоровой, ведь мне еще нужны силы, чтобы когда-нибудь поехать к тем, кого я в самом деле люблю.

Нынче мы живем очень большим семейством, потому что моя сестрица Трубецкая со всеми детьми будет зимовать с нами, и мы поселились вместе. Это большое для меня утешение. Моя сестрица Бахметева в деревне, она рассчитывает прожить там несколько лет сряду и ищет способы, чтобы снова поехать в чужие края, у нее есть твердое намерение туда возвратиться. Последнее письмо вашей тещи к своей сестре доставило мне минуту огорчения за Сашеньку, потому что она говорит, что вы не возвратились ко дню тезоименитства Короля, как намеревались. Я хорошо себе представляю, каким досадным было для Сашеньки ваше опоздание, ведь когда ждешь, опоздание очень тягостная вещь. Однако я надеюсь, что вы задержались лишь на несколько дней и что нынче вы все приятно устроились в Стутгарте, куда я часто мысленно возвращаюсь. Я вижу там всех вас. Разумеется, вы нашли много перемен по возвращении, дети подросли, Лизанька стала хорошо говорить. Узнала ль она вас? Ну, а с мальчиком вам пришлось, я уверена, знакомиться заново. Чего бы я ни дала, чтоб увидать всех вас хотя бы на мгновение, мысленно же я постоянно с вами. Вы, должно быть, рады немного отдохнуть от трудов и забот своей английской жизни.

Обычно в это время в Москве довольно тихо, потому что не все жители еще вернулись. Но

нынче будет немного шумнее, так как у нас здесь находится Великая княгиня Елена156, возвращающаяся из путешествия в Крым. В ее честь непременно будут праздники, ежели только она на это согласится. Еще ничего не известно на сей счет, так как она прибыла лишь вчера. Впрочем, меня это мало интересует, потому что я не буду принимать в этом никакого участия. Зато вам теперь предстоят хлопоты, ведь скоро начнутся все празднества. Танцевали ль вы в Англии? Вы ни слова не говорите об этом, а также не сообщаете об успехах, сделанных вами в английском языке. Надеюсь, когда я приеду, мы будем иметь удовольствие услышать, как вы говорите по-английски, а пока и я постараюсь его не позабыть. Впрочем, при моей робости уж и не знаю, решусь ли я заговорить при вас, ведь я полагаю, что теперь вы весьма в нем преуспели. По правде сказать, я ожидала хотя бы одной английской фразы в вашем письме, но напрасно, и это мне обидно. Воображаю, как вы должно быть рады сыграть привычную партию в вист, ведь в Лондоне вы в него не играли. Любопытно теперь узнать, какие вас ожидают перемены, то есть пошлют ли вас в Гаагу или же вы останетесь в Англии? По правде сказать, ежели бы так продолжалось, то постоянная разлука сделалась бы очень тягостна для Сашеньки. Я с

нетерпением буду ждать новостей из Стутгарта. А теперь хочу с вами проститься и прошу вас напомнить обо мне вашим родителям. Скажите вашей матушке, что я очень бы желала к ней написать, но не смею, так как не хотела бы ей докучать. Кланяюсь вашим братьям и, целуя вас от всей души, прощаюсь с вами и оставляю вас в покое. Соблаговолите вручить Луизе прилагаемое при сем письмо.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 12/24 декабря 1841 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 249—252.

25

Москва, 12/24 декабря

Дорогая Сашенька, после трех долгих месяцев ожидания я получила, наконец, вести от тебя. Признаться, мне было необходимо получить это письмо, чтоб убедиться, что ты еще думаешь обо мне. Что бы ты ни говорила, но твое поведение относительно меня решительно жестоко. Тебе известно, как важно мне знать, что ты делаешь, и иметь от тебя вести, как счастливит меня твое письмо. Ты знаешь, как настоятельно просила я одного письма в месяц, и после всего этого ты на три месяца оставляешь меня безо всякого признака жизни. Все это будто бы для того, чтобы беречь проклятые деньги, которыми я вовсе не дорожу. Ты бережешь мой карман, а меня совсем не бережешь, а я имею самолюбие думать, что стою немного больше, чем мой карман. Теперь я прошу, как нищий просил бы у тебя милостыню, — сделай так, чтоб я имела от тебя вести один раз в месяц. Сашенька, у меня так мало радости, в моем существовании так мало приятного, как же у тебя хватает сердца доставлять мне еще новое огорчение? Поразмышляй об этом хорошенько, и я уверена, что ты избавишься от своих несносных сомнений, которые, по правде сказать, бессмысленны. Будто я так уж бедна, так жалка, что не могу потратить сотню рублей в год, чтобы доставить себе истинное удовольствие. Ведь это все, чего может стоить наша переписка. Видите, сударыня, вы можете себе позволить уступить моей просьбе и не заставлять меня переживать столь дурные минуты, как те, что были у меня три этих месяца. Впрочем, я в последний раз прошу и даже говорю об этом. Ежели после всего, что я сейчас сказала, ты не уступишь моей просьбе, то я увижу в этом только нежеланье с твоей стороны, ты дашь мне этим понять, что очень мало мною дорожишь и что тебе слишком трудно посвятить мне два или три часа в месяц. Согласись, что с такими мыслями я не могу много думать о возвращении к тебе, хотя и ищу способы, чтоб это сделать. Чтобы не слишком встревожить Алешу, которого я непременно хочу щадить насколько возможно, потому что, право же, люблю его всей душою, так вот, чтоб его не встревожить, я объявила, что теперь, когда я знаю, что все они устроены, счастливы и довольны своей участью, я тоже хочу иметь немного удовольствия и хоть чуть-чуть пожить для себя. Что мне слишком скучно оставаться на месте, ведя столь праздную жизнь, и я хочу разделить свое время между всем семейством. А потому я придумала план: зимою

постоянно оставаться с ним, а летом путешествовать. Мне необходимы движение, развлечения. Ты хорошо понимаешь, что в мой план входит и путешествие в Стутгарт. Я полагаю, все они привыкли к этой мысли, по крайней мере об этом очень часто говорят. Не Алеша, он-то никогда не говорит, но Лиза, невестка и вообще все близкие говорят как о деле решенном. Между нами, я думаю, что невестка не стала бы сожалеть, ежели б я уехала, ведь я все болею, стало быть не могу уже быть так весела, как прежде, и уже не могу ее развлекать, как когда-то.

Ты, верно, удивишься, но я имею на нее влияние. С той поры, что я здесь, ее образ жизни переменился. Я так проповедовала против беспорядка, что по крайней мере самое противное уже исчезло, хотя все, что происходит, совсем не отвечает моим вкусам, привычкам и моей манере смотреть на вещи. Но когда не имеешь своего угла и живешь в чужом доме, приходится многое видеть и слышать, и надо иметь довольно твердости, чтобы ни во что не вмешиваться. Я так и поступаю, смиряясь по возможности, а для своего утешения говорю себе: как скоро я уеду, то и не буду видеть всего этого. Хотя и эта мысль, и утешение себялюбивы, но мне не совестно так чувствовать и говорить, потому что Алеша доволен своей участью, а это главное. Коли я знаю, что он счастлив, неважно каким образом, я должна быть покойна. Ведь женятся для себя, а не для счастия других. Что меня особо огорчает во всем этом, так это дети. Какое воспитание им дадут? Ведь направляемое невесткою оно может быть только беспорядочно, однако именно она занимается этим до сей поры. Говорят, прошлый год Алеша много занимался мальчиком, но сей год совсем мало, жена его заменила, а потому старший из детей кажется избалованным и дурно воспитанным. Жаль, потому что дети, право же, прелестны и красивы, особенно самая маленькая — просто образец детской красоты. Девочка пухленькая, беленькая, с розовыми щечками, нежной кожей и самым милым личиком, просто прелесть. Глядя на них, часто сердце кровью обливается, как подумаешь, что их дурно воспитают. Лизины дети некрасивы, но всем нравятся, потому что очень добры и приветливы. Впрочем, старшая девочка очень хорошеет, и все находят, что у нее благовоспитанный вид и чрезвычайно интересная физиономия.

Мы с Лизанькой часто говорим об тебе, она все сожалеет о невозможности увидеть твое семейство и познакомиться с ним. Об Вареньке я имею дурные вести, два последних письма были даже писаны не ее рукою, и ее муж говорил, что у нее было несколько припадков лихорадки, боли в желудке, бессонница и расстройство нерв. Я очень бы хотела ее повидать, но проделать пятьсот верст по отвратительной дороге да при морозе двенадцать — пятнадцать градусов вещь не очень заманчивая, особенно для меня, постоянно хворой. Несмотря на мою нелюбовь к докторам, я принуждена была прибегнуть к помощи одного из этих господ, потому что мои недомогания становятся слишком часты. Каждые две-три недели я непременно принуждена бываю пару дней проводить в постели. У меня боли в желудке, судороги, и они так меня изнуряют, что после у меня бывает раздражение нерв. Мне прописали ароматические ванны, и сегодня я начала лечение. Попробую, но ежели они не сделают мне пользы, то я не стану их принимать. Так как мне не запрещают выезжать, а напротив того, велят по возможности развлекаться, то я повинуюсь и стараюсь это исполнять. Утром я редко выезжаю, я бы и хотела прогуляться, да при таком морозе невозможно. Вечером же я редко остаюсь дома и всегда бываю в гостях. Игры я по возможности избегаю, так как всегда проигрываю. В вист более не играют, совсем, а преферанс в большой моде. Я нахожу, что он приятней виста, не так однообразен, да притом каждый играет за себя, а потому не чувствуешь неловкости, что досадишь партнеру.

Вообще сей год Москва чрезвычайно уныла, по крайней мере до сих пор. Может быть, потом она и оживится, но, по правде сказать, не видно причин к оживлению. До сих пор одни болезни, смерти да огорчения. Многие из тех особ, которые, так сказать, задают тон в обществе, находятся в трауре. Вот какие нынче бывают балы: каждые две недели у госпожи Апраксиной157, каждые две недели у Самариных158 и один бал у Рюминых. Бал в Собрании шестого декабря очень удался, на нем присутствовало все общество. Вот и все, что было до сей поры. Да притом эти балы очень скучны, так как больше похожи на уроки танцев, чем на бал, потому что в кавалерах все мальчишки. Так что молодые дамы предпочитают играть в карты, потому что слишком скучно танцевать с такими детьми. Взрослых мужчин немного, да и те не танцуют, им стыдно быть среди ребят. Москва просто неузнаваема, отовсюду только и слышишь: “Боже мой, какая

скука!" Все так твердят. Госпожа Сенявина159 — жена губернатора, что была заодно со своей сестрой-воительницей Мейендорф в Париже, ввела утренники, и у нее, разумеется, нашлись подражательницы. Ольга Долгорукова и княгиня Луиза Голицына160 также ввели их у себя. А потому понедельник занят госпожой Сенявиной, четверг — княгиней Луизой, а суббота — госпожой Долгоруковой. Как наши дамы не могут ничего делать, не вдаваясь в крайности, то вместо хотя бы полусвета в комнатах госпожа Сенявина принимает в полной темноте. Утренник начинается в два часа и длится до четырех. Шторы и занавеси опущены, освещения никакого, даже в камине нет огня, ничего, совсем ничего. Можешь себе представить, светло ли в России в четыре часа! Ни зги не видать, мы в половине четвертого уже велим подать огня. Разумеется, злые языки разгулялись. Честное слою, эти дамы смешны. Не имея способов дурно себя вести, они делают все возможное, чтобы себя скомпрометировать. Другое дело в Петербурге, там в более удобных обстоятельствах дамы буквально превращаются в итальянок. Здесь же, за неимением способов, им приходится довольствоваться одной видимостью. Видела ли ты прежде пианиста Леопольда Мейера161? Не знаю, бывал ли он в Москве в твое время. Ну, так он

недурно обделывает свои дела. От многих дам из общества он получает по пяти и десяти тысяч, и нужно видеть, каким он делается франтом, каким барином! Среди юных особ, начавших выезжать, хорошеньких мало, да и те хороши потому, что им по осьмнадцать лет, это просто очарование молодости. Еще одна часть общества мыслями обратилась к религии. В их кружке, как и следует, становятся суеверными, говорят о привидениях, о чудесах, словом, о самых фантастических вещах, которые порождает их больное воображение. В числе последних и Загоскин162, он говорит о черте так, будто они на короткой ноге. Уверяю тебя, они все более или менее помешаны. Как я не намерена сделаться суеверной и надеюсь не стать негодной женщиной, то и нахожу, что в обществе делать нечего.

Помнишь Александра Кроткова? Он стал отшельником. Я его еще не видала, он недавно приехал в Москву, но с ним весьма

трудно увидеться. Он заезжал к нам поутру, но так как Алеши не было дома, а час был слишком ранний для представления дамам, то мы его не приняли. Он оставил Алеше записочку, в которой спрашивает, когда можно приехать, чтобы застать нас наверное. Мне нетерпится его увидать, он, говорят, очень красноречив и убедителен, было бы очень мило, ежели б ему удалось меня обратить. Утверждают, что я его не узнаю, будто теперь это совсем другой человек. Прежде всего он стал ниже ростом, потому что носил каблуки, чтобы казаться выше. Фигура не так стройна, потому что он не обходился без ватной подстежки. Хороший цвет лица исчез, потому что он более не помадится. Нет уже прекрасных волос, потому что он добавлял к ним пучки накладных. Словом, прочь все фальшивое, вот человек в своем естестве. Было бы любопытно узнать подоплеку такого поведения, я не могу поверить, что оно искренно, я всегда с трудом верю в подобные превращения. Тетенька два дня как отправилась в Вятку. Признаться, я едва не плакала при ее отъезде, ведь она, наверное, скоро получит известие о твоем разрешении. Ежели бы она была в Москве, я тотчас бы об этом узнала, теперь же Бог весть, когда эта новость дойдет до меня, это еще одна неприятность.

Благодарю тебя за доброе намерение назвать моим именем девочку, ежели это будет девочка. Алеша также очень рад быть крестным отцом твоего ребенка, но он надеется никогда не быть в необходимости стать его опекуном. Знаешь ли, я не могу себе представить, что маленький Эжен бегает и прыгает. Когда я об нем думаю, тотчас вижу его в бледно-голубом платьице из шерстяного муслина, другим я его и не знаю. Отчего ты думаешь, что Лизанька не будет хорошенькой? Только оттого, что она смугла? Это вздор. У нее будет нежная кожа, свежий цвет лица, и при ее лукавом личике я не соглашусь, что ее можно будет считать некрасивой. Как мне тяжело от нее отвыкать! Вообрази, когда мне здесь приходится играть с кем-то из детей, я очень часто спохватываюсь, что называю этого ребенка Лизанька. Расцелуй их обоих за меня. Ты совсем не пишешь про общество, не говоришь, сохранил ли Таубенгейм любовь к графине Мари. Какой, должно быть, у него важный вид после путешествия на Восток! Возвратиться и быть назначену директором театра — значит высоко подняться. Уж теперь-то он возвысится над

толпою, помнишь, он пользовался этим выражением, и оно так задевало старуху Шпитценберг. Кланяйся графине Мари, я благодарю ее за добрую память и была б очень рада узнать, что она выходит замуж. Благодарю твою свекровь и деверя за дружескую память. Итак, Скарятин желает написать ко мне? Скажи ему, что я с нетерпением ожидаю его письма. Скажи, что мы часто говорим об нем. Мне объявили об его приезде в Москву нынешней зимою, но несмотря на удовольствие его увидать, я все же рада, что он остается у вас. Скажи Майзенбуху, что коли он выказывает мне такие дружеские чувства, то пусть докажет оные и пришлет в твоем письме несколько набросков, представляющих особ из общества, это был бы очень милый подарок. Я рада узнать, что графиня Мари и он отказались от тех глупостей, что делали их общество неудобным. Теперь ты станешь принимать их безо всякого стеснения, для тебя это две в самом деле приятные особы. Ты не говоришь, оказалось ли благотворным для супругов Берлихинген весеннее лечение, похудел ли он, располнела ли она? Как бы не позабыть тебе сказать, что всю эту неделю мы находились в приятном обществе Хастатова163. Он совершил поездку на Кавказ и теперь возвращается в Петербург. Он очень похорошел, стал такой славный, и я рада была его

повидать. Он знает, что я к тебе пишу, и просил вручить себя твоей памяти. Завтра он обедает у нас в последний раз и тотчас после обеда едет.

Сегодня я много думала о тебе, ведь это канун вашего Рождества. Я вспомнила, как мне было радостно прошедший год, и будто увидала, как вы собрались всем семейством. Как я была бы рада и счастлива оказаться среди вас! Не знаю, как это выходит, но все мои письма необыкновенно велики, у тебя нет этакого дара, я и хотела бы тебе подражать, да увлекаюсь удовольствием побеседовать с тобою. Знаешь ли, уже два часа пополуночи, я устала, пора спать. Доброй ночи, дорогой друг. Хоть ты и очень дурно обращаешься со мною, но я все тебя люблю. Дай поскорее вести об себе, уверяю тебя, что мне нетерпится их получить. Прощай, будь здорова и не забывай меня. Хотя в твоем письме нет не только ни единого дружеского слова от Эжена, но даже простого выражения вежливости, я все же прошу поручить меня его памяти. Мой поклон маменьке. Все мои родные тебя целуют.

Я совсем позабыла тебе сказать, что твое фортепьяно продано за восемьсот рублей. Три рубля дали людям, которые его перевозили, а остальное у меня. Как тебе угодно, чтоб я ими распорядилась?

В доме Военного Министра

для доставления Милостивой государыне

Баронессе де Хюгель урожденной Верещагиной.

В Стутгарте, Вюртембергское Королевство*.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 16/28 января 1842 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 252—254.

26

Москва, 16/28 января

Любезнейшая Сашенька, от всей души поздравляю тебя со счастливым разрешением, надеюсь, что нынче ты совсем оправилась и набираешься сил. Более всего я сожалела, что не была с тобою во время родин и до конца твоих шести недель, ведь мы все это время были бы вместе. Теперь ты станешь выезжать, но к этому я останусь равнодушна покуда не узнаю, что ты в деревне. Мне грустно думать, что приближается срок отъезда твоего мужа, быть может он уже уедет, когда ты получишь это письмо. Впрочем, на сей раз ваша разлука будет менее тягостна, потому что у тебя есть надежда поехать к нему через несколько месяцев и ты недолго

потому что у тебя есть надежда поехать к нему через несколько месяцев и ты недолго останешься без него. Я рада, что ты так хороша с графиней Мари, это тебе поможет лучше перенести одиночество. Я уверена, что во время твоего пребывания в Хохберге она будет к тебе ездить, ежели только не найдет себе мужа в Мюнхене. Мне было бы досадно, ежели бы ты лишилась ее общества. А как твоя дружба с госпожой Штофриген, любите ли вы еще друг друга? Никто из вас не говорит мне ни слова про графиню Александру. Что с нею сталось, сделалась ли она более рассудительна, более благоразумна? Кем заменит она Гривелли, ведь это для нее потеря. Довольна ли ты новым русским посланником? Что он за человек, женат ли? Вот сколько вопросов, а все оттого, по правде сказать, что у меня очень мало известий о том, что происходит в Стутгарте. Впрочем, я утешусь, ежели ты сообщишь мне вести об себе.

У меня мало добрых вестей для тебя, моя дорогая. Уверяю тебя, я весьма об этом сожалею, но не моя вина, ежели радость — не моя доля. С самого Рождества и до сей поры Алеша все хворает. Хотя нынче он выздоравливает, но желчь все еще его мучает. Во время его болезни бабушка дважды была совсем плоха. Из моего письма к Эжену ты увидишь, что я принуждена была туда

поехать, и несмотря на улучшение, которое она нынче чувствует, у меня так мало надежды, что я ежеминутно ожидаю нарочного. Варенька очень сильно хворала и медленно оправляется. Она говорит, что они с мужем хворают по очереди. Несмотря на все это, ее ненависть к Москве так сильна, что она не желает и слышать о приезде сюда. Она беременна уже три месяца, и сегодня я отправила к ней акушерку. Она, кажется, хочет, чтобы та ходила за нею во время беременности. Надеюсь, она приедет в Москву хотя бы для родин. Я написала к Николаю[164], приглашая его приехать сюда, потому что его сестра тяжело больна и очень его зовет. Какой скорбный дом! Вообрази только, у княгини водяная в груди, доктора ее приговорили, князь[165] хворает с горя, а старуха Нарышкина[166] при всех своих бедах имела еще несчастие сломать в двух местах руку. Перелом заживает, но с горя и боли у нее так расстроились нервы, что на нее, право, тяжело смотреть. Как ни ломаю я голову, чтобы рассказать тебе что-нибудь веселое или забавное, нет ничего, буквально ничего, все новости только лишь печальные. Вот и старая госпожа Хитрово[167] две недели как умерла. Сей год удивительно несчастливый. Почти нет болезней, кои не стали бы смертельными. Нынешней зимою все старики и особы с хроническими болезнями оканчивают свои дни. Много детских болезней, и многие дети умирают. Я была бы счастлива увидать конец этой зимы и для себя, и для других. Но пока надежды мало, потому что мороз еще жестокий и не ослабевает. Твое счастье, что тебя здесь нет, уверяю тебя. Но балы дают несмотря ни на что и делают вид будто веселятся, раз уж не веселятся на самом деле.

С неделю назад князь и княгиня Щербатовы[168] едва не убились. Я говорю про дядюшку Скарятина. Как-то вечером они возвращались в возке, и так как княгинины лошади много разъезжали с утра, то запрягли лошадей князя, а они крупные, как извозчичьи, на бегу они без конца терлись крупами об дышло и раздраженные этим закусили удила, понесли, и возок ударился об одну из тумб вдоль края тротуара. Толчок был так силен, что сломалась крыша у возка и разбились стекла. Князя и княгиню вытащили всех в крови, особенно у нее голова была расквашена. Их доставили домой и послали за докторами. Княгиню пришлось оперировать, ей щипчиками вынимали из ран волосы и все прочее, что туда попало. Словом, операция длилась больше двух часов, и бедная женщина так мучилась, что несколько раз падала в обморок. Теперь ей лучше, но она еще страдает. Говорят, у нее на лице навсегда останутся следы сего происшествия. Князь пострадал гораздо меньше. К счастию, их дочь не ехала в возке, было бы жаль обезобразить такую хорошенькую девицу, она, право же, прелестна. Но ее сестра Ермолова[169] все же нравится мне больше, то есть какою она была, потому что нынче она весьма подурнела. А вот графиня Потемкина[170] замечательно сохраняет свою красоту, просто непостижимо, как она еще хороша, уверяю тебя, она совсем не меняется. Сегодня день ее рождения, она пригласила меня провести у нее вечер. Но как я не выхожу из дому в банный день, то пришлось отказать себе в этом удовольствии. Это для меня лишенье, я, право, очень ее люблю. А чтобы вознаградить себя, я принялась писать к тебе. Свадеб нет, ни одной, и ничто их не предвещает. Одно время поговаривали, что старшая Небольсина[171] выходит за молодого Пушкина[172], брата Дубовицкой. Но кажется этому не бывать. Знаешь ли, дорогая, нынче он самый богатый жених в Москве, у него, говорят, огромное состояние. Это единственная пара, про

самый богатый жених в Москве, у него, говорят, огромное состояние. Это единственная пара, про которую немного говорили, а впрочем, нет ничего похожего на свадьбу. Это так непохоже на Москву! Готовится большой пикник. Во главе этого увеселения будут Небольсин, князь Владимир Голицын173 и господин Бахтеев. Все кавалеры дадут*

Ежели Эжен уехал и ежели ты полагаешь, что мое письмо может быть ему приятно, то прошу тебя отослать ему оное. Лишь бы это тебя не затруднило. А то можешь ему сказать, что я к нему написала, и поблагодарить его от моего имени.**

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., февраль 1842 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 254—256.

27

Москва, февраль

(...)*** она174 все такая же. Она говорит, что пребывание в деревне больше ее устраивает благодаря уединению, в котором она пребывает, нежели город, где слишком много шуму, слишком много сплетен, стало быть много суеты. Она мне поручила вручить себя твоей памяти и сказать тебе, что ищет способы, чтобы послать тебе тетрадку своих сочинений, а маменьке два фунта русского табаку. Не знаю, говорила ли я тебе, что некоторые из ее сочинений напечатаны? Она утверждает, что это было сделано без ее ведома, ее братом и князем Павлом Гагариным, который считал, кажется, своим долгом поведать всем об ее таланте. Забавно, что в одной газете ее очень бранили, а в другой хвалят, но лукавым образом, потому что об ней говорят как об юной таланте, обещающей со временем развится****. Несмотря на все ее чудачества, я, право, очень ее люблю, она решительно превосходная особа. Софья Евреинова, принявши твердое намеренье провести четыре года в их оренбургском имении, чтоб устроить дела, по прошествии шести месяцев нашла, что с нее довольно, и теперь она в Москве. Она утверждала, что у нее серьезные болезни, но они, кажется, дорогою прошли, потому что в настоящий момент она как никогда здорова и совсем не бывает дома. Она находит, что дела пойдут себе помаленьку и что не стоит труда оными заниматься. Муж остался в деревне, но я очень сомневаюсь, что. оставшись один, он чем-нибудь займется, — будет разъезжать из города в город в поисках игры. Тетенька еще не вернулась, она должно быть в пути. Любопытно узнать, поедет ли она в Петербург? Говорят, что Паскевичи приедут сюда в мае месяце, Машенька беременна и будет рождать здесь. Госпожа Козлова175 покидает Петербург, говорят, она собирается поселиться в Ревеле. Все это заставляет меня думать, что тетенька не поедет в Петербург на недолгое время, дорога того не стоит. Барышни Бахметевы остаются до мая месяца в Москве у князя Голицына, он их пригласил ради старухи Нарышкиной, которая тоже будет здесь до мая месяца. Я полагаю, что затем эти дамы поедут в Средниково, а уж после будь что будет. Ольга все поговаривает о возвращении в Калугу, “это лучшее, что мы могли бы сделать”, — говорит она. Милый Зубов, обворожитель, в трауре, умер его брат красавец Александр. Умер господин Хрущев176 — отец Нарышкиной, умерла госпожа Полтавцева, умерла госпожа Плещеева177. Уверяю тебя, никогда еще смертность не была столь велика, умирают со всех сторон. Кстати, объявивши мне о смерти дядюшки Фюрневмона, ты не сказала, сделал ли он что-нибудь в пользу супругов Геммингген? Право, было бы грустно, ежели он об них позабыл. Молодой Горяинов, зять твоей тетки Шишкиной178, четыре дня был в Москве по делам. Господин Баранов179 возил его к Голицыным, и говорят, он совсем не такой красавец, каким слывет. Но за недолгое время, что они его видели, они составили об нем благоприятное мнение. Жаль, что я его не видала. Мнения такие разные, и многие винят твою тетку и говорят, что Лиза180 и не могла бы рассчитывать на лучшую

Церковь св. Килиана в Гейльброне

партию и что маменька имела слишком большие претензии насчет своей дочери. Но главное в том, что ежели до сих пор молодой человек был не очень благоразумен, то теперь он обнаруживает добрую волю к исправлению и не желает лучшего, как сделаться достойным

обнаруживает добрую волю к исправлению и не желает лучшего, как сделаться достойным человеком. Кто знает, что из этого выйдет, быть может, он станет лучшим на свете мужем. Господин Баранов просил твою тетеньку Столыпину, чтоб она позвала тетку Шишкину хоть недели на две приехать в Москву, чтобы немного ее развлечь. Не знаю, удастся ли этот план. Катерина Бутурлина181 вернулась из Италии, я ее еще не видала, так как она только что приехала. Мне очень жаль бедняжку, уж и не знаю, как они будут существовать в Москве с той малостью, что имеют. Он служит при князе Голицыне, это место дает ему две-три тысячи рублей, других доходов нету, и этим должны жить муж, жена и ребенок. В Москве это невозможно! Любопытно посмотреть, как они обойдутся. Ведь оба — ветреники, можно даже сказать сумасшедшие, потому что пороки не сделали его рассудительнее, он все тот же Бутурлин, навеки неисправимый. Я боюсь за нее, это может плохо кончиться, Бог весть, к чему только не приводит отчаяние, ежели женщина имеет так мало принципов, как Катерина. Мадемуазель Сабурова тебе кланяется. Она все никак не разделится с братом, то и дело ссорятся и мирятся. Словом, все та же история. Князь Иван и знать ее не желает, думает только об картах, вот и все.

Право, Сашенька, нет ни одной интересной для тебя новости, ничего веселого или забавного, а все скучно или же неприятно. Я предпочитаю на сей раз больше не писать, быть может в другой раз выйдет лучше. А пока поцелуй детей и кланяйся маменьке. Вручаю себя памяти матушки и батюшки. Мой поклон всей молодежи. Нежно тебя целую и очень, очень люблю, уж это не подлежит сомнению. Поклонись графине Мари и скажи ей, что я часто вспоминаю ту минуту, когда она вошла к нам в своем монастырском платье с веревкою на поясе. Как подумаю обо всех вас, мне делается весело. И когда только я вернусь? Будешь писать к Эжену, напомни ему, пожалуйста, обо мне. Все мои родные тебя целуют. Прощай.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 7 апреля 1842 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 256—259.

28

Москва, 7 апреля

(...)* и досадные хлопоты, и все это безо всякой пользы, так как в конце концов ты не станешь благодаря этому ни более знатна, ни более счастлива. Ежели бы можно было выбирать из двух, я предпочла бы поехать в Гаагу, потому что отдавая должные почести принцессе Оранской, ты приобретешь благосклонность Короля. В этом есть, по крайней мере, какая-то цель, в первом же случае нет никакой для тебя пользы, совершенно никакой. Притом я уверена, что ты будешь представлена ко Двору, в этом я твердо убеждена. Я буду с нетерпением ждать твоего письма, помеченного Лондоном, мне любопытно знать, какое впечатление сделает на тебя сей город, полюбишь ли ты его? Как ты перенесешь морское путешествие? Теперь я буду в ожидании, и время покажется долгим. Мне нравится все, что ты рассказываешь про детей, вот только мне стыдно узнать, что маленький Эжен упорствует в своем желании походить на Фердинанда Цеппелина и тем самым продолжает компрометировать свою бедную матушку. Он строптив, этот мальчик, с ним надо держать ухо востро. Славный у меня крестник! А моя милая Лизанька все так же ласкова и кротка? Ты просто прелесть, что продолжаешь любить ее больше, и ежели бы я могла в честь этого любить тебя сильнее, я бы это сделала, но так как моя к тебе страсть достигла высшей степени, то мы на этом и остановимся.

Ты находишь, что я мало об себе рассказываю, но что же тебе сказать? Уверяю тебя, когда я говорю, что здорова, мне и добавить нечего. Нынче я более довольна своим здоровьем, даже весьма располнела. Я с нетерпением ожидаю хорошей погоды, так как сидячая жизнь, что я веду, вызывает у меня головные боли. Я чувствую потребность двигаться, но по такой погоде это невозможно, потому что погода у нас отвратительная. Неделю тому назад было тепло, как летом, даже шаль была не нужна, а нынче мороз, снег и дождь разом, словом, в такую погоду надо сидеть дома, а не разъезжать. Сестрица Варя в Москве с последних дней масленицы. Я нашла ее

похудевшею, но у нее здоровый вид. До сей поры она была довольно подвижна, но теперь ей запретили много двигаться. Ее муж очень хворал по приезде, но нынче здоров. Оленька просто великолепна и вызывает восхищение всех, кто ее видит. Она очень выросла, окрепла, с прекрасным цветом лица, этот ребенок — само здоровье. Она прелестна, уверяю тебя, очень мило болтает по-французски и по-немецки, весьма рассудительна и умна. Я бы хотела тебе ее показать. Вчера она была на бале у княгини Луизы Голицыной, ее одели в красивое платье, и она была просто восхитительна. Я нахожу, что Варя стала гораздо меньше ее баловать. Смерть княгини Голицыной182 совершенно расстроила их планы. Они намеревались будущий год ехать в чужие края. Они хотели пару лет пожить на юге Германии, а потом немного попутешествовать. Теперь же они привязаны к Москве и не могут ее покинуть из-за тетки183. Она слишком стара, чтоб оставлять ее совсем одну, стало быть покуда она жива — никаких путешествий. Я думаю, что лето они будут проводить в деревне у тетки, а зиму в Москве, кроме сего года, потому что летом Варя родит, и у нее уже не будет времени туда поехать.

Нынче мы собрались все вместе до мая месяца, а в ту пору Трубецкие поедут в деревню. Я хочу к ним съездить в сентябре месяце и побыть там некоторое время, потому что будущей зимою Лиза, вероятно, не приедет в Москву, их средства этого не позволяют, а потому мне придется ее навестить. Бабушка здорова, она по-прежнему в деревне и больше не желает ехать в Москву, придется и к ней съездить. Несмотря на желание повидаться с нею, эта поездка мне не улыбается, потому что я не могу вообразить, как я буду одна с невесткою в деревне. В Москве иное дело, есть возможность ее избегать, а там уже нет спасенья, и честное слово, она мне надоедает. В жизни я не встречала более ничтожного существа. И не я одна так говорю, нет, это общий взгляд, даже ее родные и близкие того же мнения. Можешь себе представить, какую радость я буду испытывать, оставшись с нею, да еще в деревне, просто беда! Но довольно, ведь это скучно, да и к чему снова об этом говорить.

Я побывала в Доме трудолюбия. Машенька была совершенно счастлива меня увидать, она и смеялась, и плакала разом. В доказательство, что ею довольны, ей поручили надзор за классом, она должна присутствовать при приготовлении уроков и отмечать прилежных и ленивых, и согласно ее отметкам этих девиц наказывают или поощряют. Она славная девушка и делает, что может, чтобы тебе угодить. Она говорит, что ей хорошо живется, и она была очень рада, что ей позволили остаться еще на один год. “Я даже хотела бы остаться здесь на два года, — говорит, — потому что тогда у меня будут хорошие аттестаты”. Ей не дает покою мысль выучиться так, чтобы быть полезной Лизаньке184. Я ее спросила, не хотела б она остаться служить в заведении, а она говорит: “Что же, верно, маменька решительно не хочет меня знать?” Я ей объяснила, что это было бы ей выгодней, а она, горько плача, ответила: “Пусть я буду иметь меньше, но буду с маменькой и буду ей полезна”. Классная дама уже не так зла, потому что имела выговор, ее даже пригрозили уволить, а потому она смягчилась. Машенька не пренебрегает рукодельем и учится ремеслу. Одно только меня не радует — ее здоровье. Вообрази, с тех пор, как она в заведении, у нее всего лишь раз были эти дела, а ведь скоро два года, как она там. Она говорит, что ее лечат, но безуспешно. Я не нахожу, что у нее нездоровый вид, но она сказала, что раскраснелась от волнения, а обыкновенно очень бледна, иногда у нее бывают очень сильные головные боли и желание плакать без причины, частые обмороки, слабость в ногах, а другой раз стеснение в груди. Надо надеяться, что это пройдет, по крайней мере, она лечится. Но глядя на нее, я бы не сказала, что она нездорова. Быть может лето сделает ей пользу. Несмотря на свой возраст, в некотором смысле она еще дитя. К примеру, она мне рассказывала про праздники, что у них были на Рождество, и среди прочего про маскарад, что для них устроили. “У меня не было денег, и я не знала, что делать. У классной дамы имелись три моих рубля, но я не смела попросить”. Наконец та над ней сжалилась и выдала ей семьдесят копеек. “На эти деньги, — говорит, — я купила золотых и серебряных лент, сделала из позолоченной бумаги корону, это все для костюма грузинки, и уверяю вас, я в жизни не видала ничего красивее!” Знаешь, я, верно, сойду с ума, пока пишу к тебе, я сама не знаю, что говорю. Моя комната полна папаш, мамаш, детей, все кричат и говорят без стеснения. Я стараюсь писать, не обращая на них внимания, а они здесь расположились и нет возможности их прогнать. Да притом у меня безумно болит голова, а отложить письмо я не могу, потому что почта уходит завтра. Бытто во всем доме нет другой

отложить письмо я не могу, потому что почта уходит завтра. Ьудто во всем доме нет другои комнаты, кроме моей!

Чтобы тебя развлечь, перейдем к московским новостям. Помнишь Валуева185, вдовца, что женился нынешним летом? Ну, так представь себе, он с некоторого времени помешался, да так, что его пришлось запереть, а чтобы с ним совладать, жене понадобился полицейский пристав с солдатами. Она хочет везти его заграницу, но не знаю к чему это, ведь ему не нужны ни климат, ни воды. Стоило выходить замуж в пятьдесят лет, чтобы сделаться сиделкою при сумасшедшем. Вот уж печальная старость! У нее даже нет утешенья быть полезною детям, потому что их нельзя оставлять дома, он так непристоен в словах и манерах, что им невозможно там находиться. Ты права, говоря, что в свой первый приезд встретишь мало знакомых. Я даже думаю, что ежели этот первый приезд когда и состоится, то ты не застанешь никого из знакомых, это будет совершенно новое поколение.

Даже теперь, по прошествии двух лет, общество изменилось, а что же будет позже? Сей год

умерло столько особ из общества, что дрожь берет. Знаменитый Михаил Орлов186 умер. Господин Львов Дмитрий187, брат красавчика, умер. Госпожа Ольга Пашкова188 умерла сорока двух лет, что право же грустно. К счастию, она успела помолвить свою дочь189 с Путятой, братом того, что имел историю с Киндяковой. Она благословила их брак в самый день своей смерти. Невеста имела склонность к жениху, но отец не давал согласия на брак, хотя об нем говорили уже три года. Наконец он уступил просьбам умирающей жены, и вот они помолвлены. Госпожа Пашкова ужасно мучилась перед смертью.

Умерла госпожа Евреинова190, и вот госпожа Углицкая191 сделалась интересною сиротою. Говорят, во время похорон она выла, как воют наши бабы, и госпожа Столыпина не позволила Катеньке Шан-Гирей192 при сем находиться, сказавши, что девице неприлично видеть подобные сцены. Мне это очень нравится. Княгиня Львова193, Лизанькина крестная, тоже умерла, ее тело привезли сюда, она, кажется, об этом просила. Княжна Лиза Голицына194 тоже умерла. Я не помню, кто еще, но знаю, что это не все, ежели вспомню, то после тебе скажу, хотя, по-моему, и так уже много погребальных новостей. Вот тебе, чтобы развлечься, одна скандалезная история. Ты помнишь Ляпунову, что вышла за князя Гагарина, а потом его оставила и вышла за Загряжского? Еще до моего путешествия поговаривали, что она ужасно кокетничает с Салиасом и даже будто начинает дурно себя вести. Возвратившись сюда, я ее уже не застала, она жила в деревне и верно за неимением других случаев прониклась страстью к мужику, что служил у ней старостой. Разумеется, у этой страсти не могло быть другого следствия как любовная связь, которая длилась до тех пор, пока муж об ней не узнал. Когда же он в этом убедился, то жене устроил сцену, мужика жестоко наказал и потребовал, чтоб его сослали на поселение. С этой целью мужика привезли в Москву и посадили в тюрьму, т. е. в острог. Мадам покинула мужа и приехала вслед за мужиком, она находится в Москве и ежедневно бывает у своего мужика в тюрьме. Она заявила мужу, впавшему в отчаяние от ее поведения, что не может жить без этого мужика и что ежели его отправят на поселение, то она последует за ним. Как тебе нравится сия история, хороша, не правда ли? И не подумай, будто это клевета или преувеличение, к сожалению, это истинная правда. Я еще не знаю, окончено ль это дело и каков будет конец. Но какова распущенность у столь молодой женщины! Право, это грустно.

Ну, а теперь про свадьбы. Мадемуазель Небольсина выходит за графа Апраксина195 — кузена адъютанта. Этот брак изумил и поразил всю Москву, так как все были твердо убеждены, что она выйдет за Пушкина, брата Дубовицкой. Полагали, что они помолвлены. Теперь же оказалось, что господин Небольсин196 хотел получить с молодого человека деньги, а получивши, что было надо, спровадил его. Отвратительный поступок! Долли Ухтомская выходит за Валерьяна Голицына, сына княгини Натальи, того, что был на Кавказе. В настоящий момент он живет в Орле, и так как он не должен бывать в Москве, то ему позволили сюда приехать только на одну неделю, то есть ради свадьбы, а потом, я полагаю, они поедут в Орел. Видишь, напрасно ее обвиняли из-за сестер. Как скоро она сделалась вольна в своих поступках, то сразу же пригласила их приехать к себе, и теперь они настолько хороши друг с другом, как это может

пригласила их приехать к себе, и теперь они настолько хороши друг с другом, как это может быть между особами, воспитанными столь различно и разлученными с самого нежного возраста. Ведь хотя она и знает, что эти девицы ее сестры, но они едва знакомы, стало быть меж ними не может быть той дружбы, что должна существовать между сестрами, выросшими вместе. Мадемуазель Каблукова197 выходит за Барятинского. Госпожа Вадковская198, урожденная Молчанова выдает свою дочь, ту маленькую Вареньку, что была так мила, а нынче это взрослая и хорошенькая девица девятнадцати лет. Она выходит за господина Катенина199, флигель-адъютанта Государя. Молодой граф Ефимовский200 женится на княжне Хилковой, что племянница Лизы Хилковой. Об этой женитьбе рассказывают много смешного. Госпожа Кологривова201, урожденная Вельяминова позабавила нас тем, что я сейчас расскажу. Старый граф202, будучи кузеном госпожи Кологривовой, явился объявить ей об этом браке и хвастался великолепными подарками, которые он преподнес своей невестке. “Я, — говорит, — сделал их тысяч на пятьдесят”. Разумеется, любопытствуя узнать, что именно сей господин мог подарить на столь большую сумму, она его об этом спросила. “Извольте, — отвечал он, — давайте подсчитаем, я стану называть вещи, а вы говорите, какова их цена. Я ей подарил канарейку,

правда, она уже была в моем доме, но все равно, она того стоит. Затем я ей подарил дама203 на постель — это двести рублей, карету, дрожки, двух лакеев, одетых с головы до ног, при летней и зимней ливрее. Словом, ежели все подсчитать, думаю, получится тысяч двенадцать”. Тогда она возразила: “Но, кузен, двенадцать тысяч или пятьдесят — большая разница”. “Вы полагаете, кузина? А я вас уверяю, что вы ошибаетесь, все остальное пустяки”. И он принялся жаловаться на родственников, говорил, что дружба нынче не в чести и что никогда нельзя полагаться на родню. Тут он рассказал, что поехал к своей сестре Муравьевой204, чтобы просить ее быть посаженой матерью его сына. Госпожа Муравьева отвечала, что ей очень льстит такое предложение, “но вам известно, — говорит, — что я совсем оставила свет, что мои средства не позволяют мне делать расходы на туалеты, а с моим гардеробом я не могу показаться на свадьбе вашего сына”. “Но сестрица, — отвечает он, — ежели я вас приглашаю, то, верно, знаю, что делаю, — будет у вас платье, я не таков, чтобы ставить в затруднительное положение.” Но госпожа Муравьева, будучи уверена в противном и не сомневаясь, что он собирается пожаловать ей какие-нибудь обноски его покойной жены, и желая любой ценой избавиться от оных, говорит ему: “Но мне нужно не одно платье, а несколько, словом, мне придется потратить рублей пятьсот”. Перепуганный добряк встает и, целуя ей руку, говорит: “Прощайте, сестрица, я вас понимаю. Я люблю всех моих родственников, но коли они просят у меня денег, я им говорю — прощайте. Любите меня не ради денег, ничего не просите — и в добрый час, а когда так, я откланиваюсь”. Какая грустная участь ожидает молодую женщину, ей придется жить с подобной личностью, ведь он желает, чтоб его дети были с ним.

Не знаю, говорила ли я тебе, что Меропа Беринг205 выходит замуж? В любом случае лучше повторюсь для большей уверенности и скажу тебе, что она идет за господина Новосильцева206, вдовца. Говорят, его дочь, девица шестнадцати лет, в отчаянии от этого брака и слышать не желает об том, чтобы жить с мачехой. А потому отец намеревается отвезти ее в Берлин и оставить там у госпожи Мансуровой, а после возвратится и женится на своей Дульцинее. Опять поговаривают про женитьбу Константина Нарышкина207 на вдове Ушаковой, но я этому поверю только когда они обвенчаются. Об этом так давно объявляют, что я с трудом этому верю. Чтоб не позабыть: ты помнишь госпожу Тютчеву урожденную Ваксель, красивую и цветущую женщину лет тридцати? Она недавно умерла. Но довольно, даже ежели вспомню еще чью-нибудь смерть, не скажу об ней.

Лучше поговорим про концерты. В настоящий момент наш московский слух услаждает пение госпожи Даморо Чинти и госпожи Фалькон208, которая отчасти обрела свой голос. Последняя мне очень нравится, первая же, я уверена, прежде имела необыкновенный талант, но всему свое время. Она состарилась, и об ней говорят, как о прекрасной развалине. Кроме того, у нас здесь превосходный скрипач Сивори, объявивший себя единственным учеником Паганини. Я его еще не слышала, но говорят, что никогда еще скрипка не доставляла столько наслаждения. Его второй концерт перенесен на Пасху. Нам все обещают Листа210, но он, кажется, приедет на будущий год, говорят, он в Вене, болен и в облом. Это просто было бы [illegible]

будущий год, говорят, он в Вене, болен и влюблен. Это просто беда, ведь артисты и необычайные таланты вовсе не должны влюбляться, пусть бы они оставили это людям обыкновенным. Третьего дня Мартыновы развлекали общество спектаклем. Разумеется, их разбранили, что за странная мысль играть комедию в пост и особенно за две недели перед Пасхой. По-моему, только сын хорошо играл, остальные же дурно, правда Творогов не так дурно. Знаешь ли, он является во всех московских гостиных, и по сему можешь себе составить истинное мнение о молодежи. Говорят, он весьма влюблен в одну из Мартыновых, и я не удивлюсь, ежели этот брак устроится. Полагаю, это все мои новости. Мадемуазель Анненкова212 еще в Москве, в свет ее вывозит княгиня Мария Гагарина. Но после Пасхи она намеревается ехать в Петербург, просто ради путешествия, чтоб увидать город. Честное слово, довольно болтать, мое письмо так уже велико, надо быть благоразумной. Прощай, любезный друг, будь здорова, да благословит тебя Господь. Дай Бог, чтобы твое путешествие было счастливо и чтобы ты нашла мужа в добром здравии. Кланяйся ему от меня. Не оставляй меня в неведении слишком долго, сообщи о своем благополучном прибытии. Мой поклон маменьке, матушке и батюшке. Привет знатному господину и Скарятину. Кланяюсь всем особам из общества, кто помнит обо мне. Очень нежно

целую детей, а также тебя. Ты понимаешь, что все семейство шлет тебе множество поцелуев и любезностей.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 10/22 декабря 1842 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 260—261.

29

Москва, 10/22 декабря

Проснись же, спящая красавица, и дай знать о себе лицам, которые еще думают о тебе и даже беспокоятся о том, что могло с тобою случиться. Знаешь ли ты, что скоро три месяца, как я не имею вестей от тебя? Что же с тобою случилось? Уж и не знаю, право, чему приписать столь долгое молчание. Ежели вдруг болезнь, так ведь ты имеешь стольких лиц, могущих тебя заменить, твой муж, твоя матушка могли бы написать, Луиза Гемминген сочла бы за удовольствие оказать тебе услугу, я в этом убеждена. Кажется, я обманулась в своих ожиданиях и теперь вижу, что была совершенно не права, радуясь приезду Вехтера в Петербург. Это послужило лишь к тому, что я стала получать вести от тебя еще реже, чем прежде. Прежде были сомнения из-за денег, а какого роду сомнения теперь? Не сердишься ли ты на меня? Тогда скажи за что же, побрани меня, и ежели я виновата, то попрошу прощения. Уверяю тебя, я голову ломаю, чтобы понять, в чем же причина. Когда прошел первый месяц после получения твоего письма, я всякую минуту ждала вестей. Второй месяц — я уже в беспокойстве и, не в силах удержаться, пишу к тетеньке, чтоб узнать, не может ли хоть она сообщить мне вести об тебе. В ответ она лишь сказала, что госпожа Наталья Столыпина212 возвратилась и что она видела тебя в Стутгарте. Но это мне давно известно. Теперь же, видя, что надеяться больше не на что, я пишу к тебе, чтобы напомнить о себе и хотя бы через это вывести тебя из сонного состояния. Да к тому же я пишу наудачу, ведь нынче, как твой свекр оставил службу, я более не могу адресовать мои письма в Министерство. А так как вы переменили место жительства, то я уж и не знаю, куда их адресовать. А потому, полагая, что у тебя почти европейская репутация, посылаю письмо просто в Стутгарт. Я однако же надеюсь, что мне повезет, и мое письмо в полной исправности дойдет по назначению. Я не посмела обратиться в ваше посольство, полагая, что коль скоро ты сама столь редко туда обращалась, то мне тем более следует быть щепетильной и даже вдвойне. Ради Бога, Сашенька, напиши же ко мне и не забудь дать свой адрес. Право же, с твоей стороны будет очень нелюбезно, ежели ты этого не сделаешь. Я усмотрела бы в этом одну неохоту, а ежели твое молчание продлилось бы еще, оно могло бы разбудить во мне сомнения более серьезные, нежели твои. Ведь я могла бы подумать, и не без причины, что не желая моего приезда, ты молчишь, чтобы дать мне это понять. Хотя, по правде сказать, мне было бы нелегко согласить эту мысль с тою дружбой, которую ты всегда мне свидетельствовала, и с приглашениями, которые не переставала мне делать. А потому я надеюсь, что мелю вздор. Будь

приглашениями, которые не переставала мне делать. А потому я надеюсь, что мелю вздор. Будь же добра, напиши ко мне поскорее и успокой мои тревоги. Ежели будешь любезна, то в первых числах января я могла бы получить ответ на мое письмо. И будь послушна, пошли к черту все посольства и приличные дома и пиши ко мне с почтою.

А теперь поговорим про другое. Не знаю, как ты провела время после своего последнего письма, я же, признаться, не очень веселилась. У нас была очень ненастная осень, и кажется будто погода отразилась на моем здоровье, я немного хворала. Потом пришел черед Бахметевых, и муж, и жена хворали по очереди. Сестрицыны недомогания никогда меня не беспокоят, но здоровье Николая внушает тревогу, тем более, что он признает себя больным лишь в крайнем случае. Вот уже третья зима, что он то более, то менее хворает. Нынче он на ногах, но Бог весть, как долго это продлится. К тому же моя невестка преподнесла нам сюрприз, она выкинула, и хотя срок был недели четыре или пять, но все же это неприятно. Причина выкидыша нам решительно неизвестна, с ней не случилось ничего особенного, никакой неосторожности она не допустила. Я просто думаю, что уставши или наскучивши каждый год рождать обычным способом, она захотела чего-то необыкновенного. И она права, ведь от этих бесконечных родин можно отупеть. Лиза недавно разрешилась девятым ребенком. Она родила в деревне, а в Москву приедет только тридцатого декабря. Под Новый год все наше семейство соберется вместе.

По вашему стилю у вас канун Рождественской елки, и я воображаю, как ты теперь хлопочешь, чтобы все подготовить. Как бы я хотела увидать детей в тот момент, когда отворится дверь! Лизанька теперь совсем взрослая и сможет больше порадоваться празднику. Но я надеюсь, что сей год среди ее игрушек не будет вечной комнаты, меблированной заново, это было бы уж слишком! Я с удовольствием думаю о Рождестве будущего года, которое надеюсь провести с тобой. В своем последнем письме тетенька снова говорит о намерении вояжировать, но я опасаюсь, как бы не возникло какое препятствие. Она говорит, что в феврале месяце истекает срок найма ее дома, и она не хочет его возобновлять, а потому на несколько месяцев приедет в Москву. И Аркаша приедет в январе, чтобы провести в Москве свой трехмесячный отпуск. Поговаривают будто он весьма влюблен в мадемуазель Устинову213, дочь дяди Адриана. Это очень юная особа, но я совсем ее не знаю и не могу сказать ничего более и кончится ли это свадьбой. Говорят, он очень к этому расположен, а родители не желают, конечно, ничего лучше, как выдать свою девицу за молодого человека с хорошим состоянием. Нынче все так жаждут состояний, что ежели дело идет об его приобретении, то никакие соображения не останавливают. Твоя тетка Шишкина зимует в Москве и хочет вывозить свою дочь, которая далеко не хороша. Об ее нравственных качествах я совсем ничего не знаю, так как видела ее лишь один раз и не слыхала ее разговора. Тетка хлопочет об туалетах, и те несколько дней, что она в Москве, я слышу разговоры только про платья, шляпы, чепчики, накидки и (нрзб.), словом, я рассуждаю о туалетах как одна из первых модниц. Несмотря на все расходы на туалеты, она очень постарела, а своей любовью к нарядам совершенно напоминает госпожу Баранову. Твой дядя Баранов должен забрать из Института двух своих дочерей214, их выпускают в феврале месяце. Ольга получит второй шифр, а первый, говорят, дадут дочери Дмитрия Хвощинского. Я ее не видала, но говорят, она очень мила. Каковы девицы Барановы я, право, не знаю. В семействе моей невестки была свадьба. Ты помнишь Сергея Оболенского215? На свадьбе Софьи Евреиновой он был самый красивый из братьев и в ту пору был студент. Вот он-то недавно и женился. Четыре дня тому назад ему исполнилось двадцать три года, и я полагаю, он не промешкал. Он женился на девице Мезенцевой216, племяннице графа Зубова. Дядюшки дали за ней богатое приданое, потому что она имела капиталу всего лишь сто пятьдесят тысяч рублей, а в наше время с этим далеко не уедешь. Вот дядюшки и расщедрились и сделали ей дар в триста тысяч рублей на полное обзаведение дома, т. е. на серебро, фарфор, посуду, хрусталь и разного роду экипажи. Словом, молодым не нужно делать никаких расходов. Кроме того, граф Валерьян217, что женат на Оболенской, не перестает повторять, что Сергей его единственный наследник, а наследство это невелико — всего-то триста тысяч годового дохода. Вот и скажи после этого, что Оболенские не родились в рубашке!

Нынче в Москве очень любопытная свадьба: князь Мещерский, сын той княгини Мещерской218,

что бывала у нас в Эмсе, женится на княжне Оболенской, двоюродной сестре моей невестки. Самое интересное в том, что молодые уже шесть лет как влюблены. Они полюбили друг друга еще детьми, потому что и теперь очень молоды. Ты не поверишь, как они счастливы, получивши наконец от родителей столь желанное позволение. Разумеется, помехою был вопрос о состоянии. Затем Зинаида Анненкова выходит за какого-то господина Теплова219, он, говорят, богат. А еще, одна из девиц Боде220 выходит за господина Олсуфьева, но я полагаю, что все это народ, тебе незнакомый. Знаешь ли, трудно становится рассказывать тебе о московских новостях, ведь общество так переменилось, что теперь ты почти никого не знаешь. Еще ничего не решено, но утверждают, что на днях будет объявлено о женитьбе Алексея Пушкина221 на княжне Трубецкой. Этот Пушкин — сын госпожи Пушкиной, что давала балы в твое время, ты у нее бывала. Он женится на старшей дочери князя Николая Трубецкого222, помнишь, он мал ростом и, так сказать, друг мадемуазель Сабуровой. Ежели сей брак состоится, то он будет по расчету, так как предложение молодого человека принято лишь потому, что он богат. Нынешней зимою было только три бала, из них два по случаю свадьбы Сергея Оболенского, а третий дали Барятинские, т. е. урожденная Каблукова. Не помню, говорила ли я тебе об их свадьбе. Это

очень интересная пара, оба молоды, красивы и страстно влюблены друг в друга. Но как в сей жизни полного счастия не бывает, то на беду оба они больны. На него особенно тяжело глядеть, потому как говорят, что он решительно чахоточный. Их посылают заграницу, и они едут через несколько*

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 2/14 января 1843 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 262.

30

Москва, 2/14 января

Как дурно ты обходишься со мною, Сашенька, скажи же, что я сделала, чем заслужила такую холодность, такое равнодушие с твоей стороны? Ведь это полное забвение! Ежели я и вправду виновата пред тобою, то наказание жестоко, ручаюсь тебе, ты достигла своей цели, ежели имела намерение наказать меня. Но скажи же ради Бога, что я сделала? Напрасно стараюсь я припомнить содержание моих предыдущих писем, это мне не удается. Я, однако, надеюсь, что в них не было ничего обидного для тебя, ничего неприятного. Я готова просить у тебя прощения, ежели вдруг сказала что-нибудь такое, что могло быть тебе неприятно. Право же, я сделала это без всякого дурного умысла, ведь я слишком тебя люблю, чтобы нарочно тебя огорчать. Скоро четыре месяца, как я даже не знаю, существуешь ли ты. Положение мое несносно. Все семейство беспокоится о тебе, меня засыпают вопросами, на которые я, право же, не знаю, что отвечать. Об тебе тревожатся, потому что здесь тебя еще любят. Ежели не ради меня, ежели ты перестала меня любить, то хотя бы из дружбы к остальному семейству напиши к Алеше, к Варе, коли не хочешь писать ко мне. Чем больше я об этом думаю, тем меньше понимаю, и уверяю тебя, я теряю голову от догадок. Быть может, причиною чьи-то сплетни на мой счет? Но чьи же, вот чего я не могу постигнуть. А впрочем, разве это дружба, ежели после многолетней связи можно так внезапно ее разорвать, даже не давши возможности оправдаться, не сказавши: вот твоя вина. Ручаюсь, я бы так не поступила по отношению к тебе. Поставь себя на мое место и скажи, что бы ты подумала об особе, которая действовала бы подобным образом? Одно только, что эта особа тебя не любит и никогда не любила. Другой раз я думаю, что ты молчишь, чтобы дать мне понять, что не желаешь моего приезда. Но потом я говорю себе, что этого не может быть. Как подумаю, как ты старалась удержать меня при себе, когда я уезжала, а после каждое твое письмо содержало приглашение приехать, ты с таким удовольствием говорила об моем возвращении! После этого я не могу поверить, чтобы ты не была рада повидаться со мною. Что же касается Эжена, то я тоже не думаю, чтоб это было ему неприятно, он всегда был так добр ко мне, да еще передал мне через Машу Львову, что зовет меня приехать и очень рад узнать, что я имею такое намерение. Словом, не моя вина, ежели у меня была мысль об этом путешествии, ты все сделала, чтоб она появилась. Но я не могу поверить, что в этом и есть причина твоего молчания. Как я ш

чтоб она появилась. Но я не могу поверить, что в этом и есть причина твоего молчания. Как я ни ломаю голову, чтоб угадать истинную причину, я не могу ее постигнуть и, наверное, сойду с ума, ежели это положение продлится. Потому что, честное слово, я ничем не могу заниматься и ничто не отвлекает меня от этой мысли: отчего же Сашенька ко мне не пишет? Пожалей меня, мой дорогой, мой добрый друг, избавь меня от этого неприятного положения. Мне надобно знать, что же случилось, а иначе я в конце концов захвораю.

Я написала к тебе в декабре месяце, но как я не знаю твоего нынешнего адреса, то послала письмо просто в Стутгарт. Не будучи уверена, что ты его получила, я решилась для большей верности снова написать к тебе через тетеньку. Это письмо все решит, и ежели ты на него не ответишь, это будет доказательством, что ты, кажется, твердо решила порвать не только со мною, но и со всем семейством. Ты можешь быть уверена, что после этого письма я больше не стану обременять тебя ни письмами, ни своим присутствием. Прощай, дорогая, будь здорова, поцелуй детей. Наверное это письмо уже не застанет твоего мужа в Стутгарте, но ежели мне еще позволено напомнить ему об себе, то прошу тебя это сделать. Все семейство тебя целует. Прилагаемую при сем записку вручи маменьке. Я цепенею при мысли, что это может быть последнее письмо, которое я к тебе пишу. Ежели бы я по крайней мере знала, в чем виновата! Я хотела написать к маменьке, но лучше сделаю это в другой раз. Это будет моя последняя надежда, и мне надобно ее приберечь.

Милостивой государыне

Баронессе де Хюгель

урожденной Верещагиной.

В Стутгарте.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 25 января/6 февраля 1843 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 263—266.

31

Москва 25 января / 6 февраля

Дорогая Сашенька, в тот момент, когда я получила твое письмо, я была в нерешительности, каким образом к тебе писать. Я уже знала от тетеньки про несчастие, которое с тобою случилось. Первое побуждение было написать к тебе ежели не для того, чтобы тебя утешить (потому что я не имею притязания думать, что это в моей власти), то по крайней мере, чтобы сказать тебе, что я разделяю твою печаль, в чем ты, конечно, не сомневаешься. Я слишком тебя люблю, чтобы твое счастие или горе не касалось меня, так сказать, лично. И я была в самом большом затруднении, потому что более не хотела обращаться к тетеньке, мне было совестно это делать. Но и снова писать наудачу, как я уже сделала, я тоже не имела желания, не зная, получила ли ты то письмо. Однако я все же склонялась к этому способу, как вдруг третьего дня получила твое письмо. Теперь, как подумаю, мне, право же, совестно, что я сомневалась в тебе и твоей дружбе. Так совестно, что я бы дорого дала, чтобы возвратить письмо, которое написала к тебе несколько недель тому назад. Но поставь себя на мое место и тогда ты не станешь судить меня столь строго. Ужасна была не только неизвестность, в которой я находилась, ведь целых четыре месяца ни одной строчки, ни одного признака жизни! Но я также видела, что все мое семейство сначала забеспокоилось на твой счет, а потом твое молчание стало их удивлять. И признаться, у них была та же мысль, которую я тебе сообщила, то есть, что ты более не желаешь меня знать. А потому по получении твоего письма каждый из них спросил меня: “Зовет ли тебя Сашенька приехать?” Но теперь, когда я знаю, что ты в печали и хвораешь, я не только не сетую на тебя, но даже прошу у тебя прощения за эту мысль.

Не могу сказать того же про Эжена, потому что ежели бы он в самом деле имел ко мне немного дружбы, то не стал бы ждать, когда ты его попросишь заменить себя, а сделал бы это, даже ничего тебе не сказавши и тотчас бы написал ко мне. А так он мне выказал самое большое равнодушие. Я очень хорошо понимаю, что он должен был огорчиться утратою своего ребенка и что в первый момент он не мог думать обо мне, на это я не претендую. Но позже, видя, что ты страдаешь, и зная, что я о тебе беспокоюсь, он мог бы ко мне написать. И не говори будто он очень занят, невозможно быть до такой степени заняту, чтобы за целый день не найти минуту и не написать несколько строк особе, которую вроде бы любят и о беспокойстве которой знают. Да мне и надо было всего несколько строк. Нет, это некрасиво с его стороны. Теперь со всем этим кончено, и я надеюсь, что вперед не окажусь в столь ужасном положении. Я не прошу о невозможном, я знаю теперь, что ты хвораешь, и даже попросила бы тебя беречься и не писать ко мне, чтоб не утомлять глаза. Пускай Луиза Гемминген сообщит мне вести об тебе, а когда ты почувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы написать ко мне несколько строк, то сделаешь это, а я буду так же рада их получить, как пребольшое письмо. И заверяю тебя, что взамен нескольких твоих строк я всегда буду к тебе писать целые страницы. Я всегда придаю значение

не словам, а намерению, только оно имеет цену в моих глазах. Ты не поверишь, как мне жаль, что я ничего не могу сделать, чтобы помочь тебе в устройстве твоих дел. Одно только, что я могла бы делать, это иногда говорить с Баташовым223. Но даже это мне не удается, потому что я его не вижу. Я просила ему передать, что прошу его заехать ко мне, но он не принял мою просьбу во внимание, и до сей поры я его не видала. Я рада, что тетенька приезжает в Москву, по крайней мере у нее я все-таки его увижу. Она уведомляет, что будет в Москве в конце января или в первых числах февраля, так что быть может она приедет через неделю или самое позднее через две. Несмотря на все, что ты мне говоришь, мне все же жаль, что ты беременна, ведь ты нуждаешься в серьезном лечении, потому что мне очень не нравятся твои нервы, что поминутно расстраиваются, и особенно болезнь глаз. И что за мысль сделаться беременной, я так тебя просила, чтоб этого не случилось к моему приезду. Еще ежели бы ты родила зимою, это бы меня, по крайней мере, устроило, потому что сидя дома, я больше была бы с тобою. Нет, Сашенька, что бы ты ни говорила, а твоя нынешняя беременность совсем безрассудна и некстати.

Мне нечего сказать о себе. Эта зима довольно печальна для нас, в семействе постоянно хворают, сначала Бахметевы, муж и жена, а потом и Алеша с женой порадовали нас по очереди, это было невозможно как весело. К счастию сейчас у нас минута передышки, все общество здравствует. Впрочем я совсем не выезжаю и провожу время дома. Желая ехать весною, я, разумеется, хочу воспользоваться несколькими месяцами, что мне осталось побыть с семьей. Ты не поверишь перемене, что произошла с моей невесткою. Разумеется, она не может стать умною женщиной, но во многих отношениях переменилась к лучшему. И я без всякого тщеславия могу приписать это себе, так как она очень меня любит, и я имею на нее большое влияние. В своих письмах ничего не говори на ее счет, так как я не хотела бы, чтоб Алеша знал, что я когда-нибудь могла быть недовольна его семьей. Дети стали очень милы, за ними смотрят гораздо лучше, чем это было прежде. Словом, как я уже сказала, все приняло другой вид. Разумеется, надо бы еще многое сделать, чтобы во всем навести порядок, но я не могу не быть ей признательна за ее добрую волю. У нее прелестный характер, и она необыкновенно ласкова. Трубецкие приехали накануне нового года и остаток зимы проведут с нами. Как они не смогли приехать к Рождеству, то мы устроили елку к Новому году, и Лизанька получила подарки вместе с детьми, потому что ради веселья мы развесили самые нужные для ее туалета вещи, как шляпки, чепчики и накидки. Меня тоже причислили к детям, и я получила прелестную коробочку с чаем. Лиза опять подозревает, что беременна, эта женщина проводит свою жизнь то подозревая, то уверяясь, а лучше сказать — в подозрениях, переходящих в уверенность.

Ты не поверишь, как меня радует все, что ты рассказываешь про детей. Ты видишь, я права, когда говорю, что Лизанька будет хорошенькая, она становится лучше и будет все хорошеть, я в этом уверена. А маленький Эжен все настаивает на своем постыдном сходстве с Фердинандом Цеппелином? Ты не поверишь, как мне нетерпится всех вас увидать! Я так этого желаю, что чем ближе мой отъезд, тем больше я опасаюсь какой-нибудь помехи. Лишь бы все семейство

здравствовало, тогда ничто не сможет меня удержать. Вот только бабушка меня беспокоит, потому что очень слабеет. Кстати, она дала мне для тебя прелестный рецепт яблочной пастилы, но я могу его послать лишь в будущем письме. Мне было очень весело увидать, что мы так сошлись в мыслях по поводу зеленого горошка. Я намеревалась его привезти еще прежде, чем ты об этом попросила. Я была бы очень рада узнать, что еще могло бы доставить тебе удовольствие, подумай об этом и скажи. Право, для меня это было бы таким же удовольствием, как и для тебя.

Надо же, однако, сообщить тебе некоторые московские новости. На сей раз я не могу не сказать о смерти, потому что должна тебе объявить о кончине твоей двоюродной бабушки Анненковой224. Она умерла несколько недель тому назад, и ее смерть лишь ускорила замужество Зинаиды. Уже неделя, как была свадьба. Надо тебе сказать, этот господин Теплов очень молод, и он имел неосторожность посвататься, не спросив согласия своего отца. Приехавши в Москву, тот рвал и метал и говорил, что слышать не желает об этом браке. Словом, вышла промешка, и не знали, как быть со свадьбою. Тем временем умерла госпожа Анненкова. И господин Теплов, тронутый печальным положением девицы — без имени, без

состояния и без пристанища, тотчас признал ее невесткою и даже потребовал не откладывать свадьбу. Я думаю, что красивая мадемуазель Персей станет жить у Верещагина, обер-полицмейстера, он, по крайней мере, так говорит, потому что находит ее столь же несчастной, как и Зинаиду. Хорошо бы и они закончили свадьбой, ведь злые языки говорят, что девица состоит в очень близких отношениях с мсье. У Бакуниных идут приготовления к свадьбе, но, к сожалению, сие не касается ни одной из этих дам, а просто Лиза Творогова выходит за какого-то господина Максимова, он, говорят, славный человек и уже четыре года влюблен в нее. Он несколько раз делал ей предложение и всегда получал отказ. Тронутая наконец столь редким постоянством, она его полюбила и дала согласие. Он вдовец с тремя детьми, с состоянием небольшим, но нужда ему не грозит и у него хорошее место в каком-то суде. Говорят, он почтенного нрава, словом, это весьма приличная для нее партия. Папенька Бакунин не весьма доволен этим браком в виду неаристократической фамилии. Старик просто помешан на этом, и я полагаю, что он скорее согласился бы увидать своих дочерей доведенными до нищеты, но при своей аристократической фамилии, чем вышедшими за какого-то Максимова и не знающими нужды. Он дряхлеет и чахнет от тоски, хотя и окружен заботою детей. Видно, что со смертью жены этот человек чувствует себя совсем одиноко на свете. На днях я много говорила об тебе с госпожою Гротенгельм, которая была в Москве проездом в Харьков, где ее муж будет командовать бригадой. Недавно приехали Полторацкие. Надин225 сделалась такая хозяйка, что в деревне ей совсем не скучно. Агафья же, побывавшая этим летом в Петербурге, много рассказывала мне об Ирине226. Они сохранили прежние дружеские отношения. Ирина очень счастлива, ее муж очень славный, превосходный человек, обожает жену и детей, ведь у них двое детей — мальчик и девочка, которую Ирина еще кормит. Говорят, ее не узнать, она располнела, кровь с молоком, словом, она, кажется, пользуется отменным здоровьем. Право, я радуюсь ее счастию, ведь ее первый брак был печален. Сей год Лиза Салиас227 имеет такой успех, что только и слышишь об ангажировании на балы. Словом, она намеревается стать модною. Сегодня у них бал, завтра — вечеринка, послезавтра — катание в санях. Таков их образ жизни. Но мне очень любопытно знать, кто оплачивает эти расходы, ведь говорят, они по уши в долгах. Поговаривают, что Душенька выходит за князя Черкасского, но пока это только слух, быть может и ложный. Софья228 также появилась в свете, она очень некрасива, но меньше, чем можно было ожидать. Госпожа Кобылина сделалась совершенная старуха, ее чрезвычайно огорчила смерть сына Ивана229. Александр230 же стал ветреник, чего я никак от него не ожидала. Он Бог знает как причесан, твердит, что разучился говорить по-русски. Такое бахвальство неприятно даже у обыкновенного человека, но у того, кто казался так умен, оно просто несносно.

Нынче вечером в городе будет очень интересный бал, который дает господин Свиньин231, знаешь, тот богач, предмет отчаяния всех невест, которые надеются, да все безуспешно, так как он до сих пор холост. Вот он-то и дает этот бал. У него дом, как игрушка, отделан со вкусом и богатством, словом, прелесть. Хозяйкою бала будет Ольга Долгорукова232. Будут

присутствовать только молодые женщины, и каждая из этих дам получит от него сторублевый букет. А букет Долгоруковой будет стоить восемьсот, потому что он с сюрпризом в виде веера замечательной работы и с прелестными стихами в ее честь. Через две недели он рассчитывает устроить танцевальный урок — так он называет бал для девиц. Разумеется, этот бал будет менее интересен и весел, нежели первый. Впрочем, нет ничего особенно забавного или интересного, чтоб тебе сообщить, много вечеров, журфиксов, а рассказать не об чем. В Москве сейчас Катерина Долгорукова233, урожденная Малиновская. Она рассталась с мужем, потому что несмотря на все свое терпение не могла больше выдержать. Мало того, что он негодный человек и плохой муж, он еще проматывал женино состояние и в конце концов довел бы ее и детей до нищеты. В пользу молодой женщины говорит то, что когда она оставила мужа, его семейство пригласило ее приехать жить с ними, что она и сделала. Ее очень любят. Впрочем, репутация ее мужа настолько известна, что разрыв с ним не мог причинить молодой женщине никакого ущерба.

Я сейчас перечла твое письмо и удивляюсь, что ты ничего не говоришь по поводу знаменитого

урагана, что у вас был. Кажется, это не произвело на тебя впечатления. Меня рассмешила моя путаница в отношении госпожи Таубенгейм. Я не могу привыкнуть, что графиня Мари стала теперь Таубенгейм, для меня существует лишь одна — старуха, а потому я не могла уразуметь, что ты хотела сказать, уведомляя про беременность госпожи Таубенгейм. Итак, она собирается стать матерью, и у нас наконец-то появится возможность увидать на практике ее систему воспитания, это будет любопытно. Я и хотела бы немного поболтать, да не хочу пропустить почту, так как следует тебе доказать, что я послушна, хотя ты всегда винишь меня в противном. Я, признаться, весьма неохотно посылаю это письмо через посольство, потому как убеждена, что ты очень долго его не получишь. Тетенька говорит, что больше решительно не желает пользоваться посольством, так как письма, отправленные через посольство, приходят в одно время с теми, что посланы с почтою спустя месяц или полтора. Согласись, не весело получить в марте месяце письмо, писанное в январе. Но такова твоя воля. Я не могу поступить иначе, не зная твоего адреса.

Я вижу, что еще ничего не сказала о твоей тетке Шишкиной. Я вижусь с ней время от времени, но не часто, хоть мы живем рядом, и она, право же, очень со мною любезна. Но ее так много приглашают, что ее редко застанешь. Она возит дочь на балы, но мало. Сама же она всякий день имеет приглашения, но на вечера с картами. Она очень любит карты и могла бы играть с утра до вечера, в доказательство чего я расскажу тебе, что было у нас. Как-то поутру она является к нам с визитом в сопровождении своего мужа и застает князя Оболенского, отца моей невестки. Так как она знавала его прежде, то они тотчас возобновили знакомство. А как они оба любят игру, то едва об том зашел разговор, им предложили составить партию. Она тотчас согласилась и несмотря на свирепые взгляды, что бросал ей муж, села за игру в два часа пополудни, а кончила заполночь, прервавшись только ради обеда. Ежели к ней приходит с утренним визитом какой любитель игры, она тотчас в него вцепляется. Мне любопытно знать, могла бы ты поступать подобным образом.

Мадемуазель совсем не интересна, не хороша, дурно сложена, довольно неуклюжа и вовсе не любезна. Быть может свет ее образует. Госпожа Титова много об тебе интересовалась. Она очень переменилась, но все еще красива, волоса ужасно седеют, но лицо еще молодо. Ее сестра будет жить у нее, потому что их мать234 идет в монастырь. Валерьян же по-прежнему болен, вернее полупомешан. Семейство Писемских235 все дает праздники, уж и не знаю, кого они развлекают. Племянница у них не живет, ее забрал отец, стало быть девицы веселят брата, потому что я не могу подумать, чтобы это их самих веселило. Иногда я вижусь с госпожою Всеволожской236 и госпожою Жюльвекур, обе всегда об тебе интересуются и просят напомнить тебе о них. Последняя все ждет своего мужа, который еще в Париже, он там печатается. Софья Евреинова становится светскою львицей, ее много приглашают и много за ней ухаживают. Графиня Зубова оставила свет и совсем не бывает в обществе. Она очень плоха с мужем, я даже готова узнать, что они расстались. Мсье развлекается на стороне, а у нее я предполагаю

решительный интерес к графу Апраксину, ничего дурного, просто склонность, вот и все. Знаешь ли, кого я часто вижу у Ховриных? Лизу Чиркову. Ты не поверишь, как она умна, как любезна и приятна, я, право, в восторге от нее. Жаль только, что она упорствует в своих чудачествах, это непостижимая странность для такой умницы. Она все еще влюблена в Корсакова, и именно это выставляет ее в самом смешном свете, от этого все ее странности. Наконец-то объявлено о свадьбе молодого Пушкина и Натальи Трубецкой. По поводу этого слышны разные речи, одни утверждают будто невеста стала жертвою родительской власти, а другие говорят, что девица идет за него по свое воле. Последние, по моему мнению, совершенно правы, так как князь Николай слишком любит свою дочь и даже слишком покорный ее слуга, чтобы принуждать ее к чему бы то ни было. Я только нахожу, что не стоило труда родиться, чтобы выйти за столь ничтожную личность, как сей молодой человек. Нынешний год начали выезжать графиня Строганова237, она красива и отлично воспитана, мадемуазель Рахманова, у которой мать Лопухина и которая хороша и всем нравится, и меньшая Четвертинская, она очень красива. Они из самых заметных. Знаешь ли, так я никогда не закончу, однако же давно пора. А потому я более не стану ни об чем думать, чтобы не увлечься болтовней.

Прощай же, любезнейший друг, не оставляй меня слишком долго без вестей. Ежели у Эжена случится какое изменение по службе, уведомь меня. Признаться, в настоящий момент я не желала бы никаких перемен, а уж места в Петербурге я меньше всего вам желаю. Хотя меня бы это отлично устроило, потому что я имела бы возможность почти всегда быть с тобой, но отбросив всякий эгоизм, я не желаю вам этого места. Прощай, целую тебя от имени всего семейства, кроме Лизы Трубецкой, она сама к тебе пишет. Целую тебя и от себя лично, равно как и детей. Мой поклон Эжену, мое почтение маменьке и твоей свекрови со свекром. Мне грустно при мысли, что я не застану их в Стутгарте. Маша Львова кланяется вам обоим и весьма гордится, что возбудила ревность столь любимой своим мужем женщины, как ты. Она просит тебе сказать, что очень желает приехать повидаться с тобою и надеется это сделать. Еще раз прощай.

Милостивой государыне

Баронессе Александрине де Хюгель

урожденной Верещагиной.

В Стутгарте.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 15/27 марта 1843 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 266—271.

32

Москва, 15/27 марта

Милая и добрая Сашенька, благодарю, тысячу раз благодарю тебя за прелестные письма. Сей раз мне придется отвечать сразу на два, потому что они пришли одно за другим. Несмотря на радость их получить я была однако же огорчена, увидавши твое беспокойство о будущности из-за ваших денежных обстоятельств. До чего, право же, досадно быть, как я, плохой тебе поддержкою! Я так бы хотела тебе помочь, но не имея никакого понятия об том, что называют делами, я, конечно, ничего не могу, как только принимать искреннее участие во всем, что до тебя касается. Зачем ты не вступишь в переписку с Баташовым, зачем ждешь письма, коего, быть может, не получишь? Чем ждать, начни сама эту переписку, я все же думаю, что она будет полезна, так как поможет тебе по крайней мере узнать истинное положение ваших дел. Я хочу на днях, увидавши Баташова, переговорить с ним, чтоб узнать, нет ли возможности заплатить этой проклятой Марпалю, потому что, по правде сказать, только она одна меня и беспокоит как могущая наделать тебе вреда в Стутгарте. Что же до прочего, то долги, которые вы здесь имеете, не так

наделать тебе вреда в Штутгарте. Что же до прочего, то долги, которые вы здесь имеете, не так велики, чтоб нельзя было бы с ними покончить, ежели немного постараться. По сути ваши дела не в таком уж дурном состоянии.

Да, последние года были тяжелы вообще для всех. Прошедшее лето было чрезвычайно холодно и дождливо, и потому песчаные земли дали хороший урожай, а чернозем ничего не дал. У Алеши и у Трубецких был прекрасный урожай, а Бахметев не собрал и половины того, что мог бы иметь. Стало быть и ваша рязанская земля не дала урожаю. Нынче опасаются и за сей год, потому что зимы у нас вроде как и не было. В декабре месяце и в январе дождь лил, как из ведра, весь снег растаял и поля совершенно обнажились. Нынче же вместо теплой весенней погоды у нас до шестнадцати градусов морозу. Сие не обнадеживает. Не могла бы ты занять нужную сумму у какой другой особы, чтобы заплатить этой Марпалю? Хотя бы для того, чтоб иметь дело с кем-нибудь более разумным и более вежливым, чем эта старая ведьма. Потому что тебе было бы невыгодно для расчета с нею брать в долг в России. Здесь никто бы не дал из четырех процентов. Казна дает оные тому, кто помещает свои деньги в ломбард. Это выгодно, потому что не опасаешься банкротства и можно взять свой капитал, когда захочешь. А когда дают свои деньги в

руки частному лицу, то просят восемь процентов. Шесть — это уже доказательство большой дружбы. Как видишь, тебе было бы невыгодно занять здесь, чтобы заплатить там. Впрочем, как я уже сказала, я поговорю с Баташовым и посмотрю, что можно сделать. А ты, моя дорогая, успокойся и доверься Господу, он всегда был к тебе милостив. Ведь деньги это самая малая радость сего мира, ты же имеешь истинную, единственную — супружеское счастие. Не терзай же себя, побереги здоровье, оно для вашего семейства гораздо ценней и нужней, чем деньги. Несколько тысяч рублей больше или меньше не составят счастия. Будем надеяться, что все образуется.

Чего я более всего опасаюсь для вас, так это места в Петербурге. Я полагаю, это самое неприятное, что могло бы с вами случиться. Я, право, рада за Эжена, что Кронпринц едет в Лондон и особенно, что Король оказывает ему почетное доверие. Допустим, что у него будет много дела, но зато какая прекрасная возможность сделаться известным Кронпринцу и быть может заслужить в будущем его доверие и милости! И я не опасаюсь, что Эжен будет уставать, ведь он не ленив, здоров, стало быть это будет иметь только добрые последствия. Главное, дорогой друг, будь покойна, береги себя хорошенько. Я рада, что в момент твоих родин смогу быть возле тебя. Обещаю заботиться о тебе, как тиран, ты не посмеешь ничего читать и ничем заниматься. Сейчас я чувствую себя достаточно хорошо, чтобы читать тебе вслух. Но нам ведь надо многое сказать друг другу, а потому будем заменять чтение разговором, ведь надо же и отдыхать. Да и дети будут нас занимать. Вот увидишь, все будет прекрасно. А когда ты оправишься после родин, надо будет полечить твои глаза и нервы. Когда же все это будет сделано, придет зима и тебе останется только веселиться. Согласно планам тетеньки, мы должны будем тронуться в путь в половине мая. Недели две мы проведем в Киеве, куда Аркаша должен к нам приехать. Он надолго простится со своей матушкой, потому что тетенька думает путешествовать года полтора. Я полагаю, что мы остановимся еще на несколько дней и в Дрездене. Словом, надеюсь, что в июне месяце мы встретимся. Так как ты будешь в Хохберге, нам не придется ехать в Стутгарт, мы можем приехать прямо из Лесбурга — все увидимся несколькими часами раньше. Право, это будет счастливый миг.

Ты можешь быть уверена, что все твои поручения будут исполнены. Я привезу тебе хорошую поваренную книгу, из которой мы будем брать разные вкусные рецепты, мне очень советовали эту книгу. Кроме того, я привезу зеленой крупы и русских книг. Кстати о книгах, я много тебе благодарна, что ты позаботилась о моем чтении, но скажу тебе, что прочла уже оба сочинения, о коих ты говоришь. Впрочем, ради Бога, не думай, как меня развлечь, ведь я буду с тобою, а для меня это самое главное развлечение. Вот увидишь, я ни на миг не соскучусь в Хохберге, я буду слишком счастлива постоянно находиться возле тебя, чтоб скучать. Зачем твои опасения о немецком образе жизни и о кухне? Мне досадно, что ты не можешь вникнуть в то, что я говорю. Впрочем, повторю тебе, мне важна радость быть с тобою и ничего более, прочее не имеет значения, а потому я обращаю мало внимания на оное. Я люблю людей, а не вещи, для этого я

недостаточно матерьялистка.

Я должна тебе объявить еще об одном визите, а именно Бахметевых. Николай все время так хворал, что пришлось обратиться за советом, вследствие чего его посылают в Карлсбад. Я полагаю, затем они отправятся в Италию, где проведут зиму, а потом тоже заедут к вам, чтобы повидаться и несколько дней побыть с тобой. Надеюсь, ты не останешься без общества. Мне очень хочется что-нибудь тебе привезти, но не знаю, что именно. Опять тафты — мне надоело, не хочу, а что еще — не знаю. Я думала привезти тонкого полотна, но мне кажется, ты его не любишь, однако же летом оно очень хорошо и прохладно. Подумай и скажи, хочешь ты его или нет. Во всяком случае я привезу его детям. Я очень рада узнать, что еще застану в Стутгарте твою свекровь, я так ее люблю, что буду счастлива снова ее увидать. Как бы я хотела привезти с собою все мое семейство, но это уж решительно невозможно. Моя невестка говорит, что опять начинает на тебя злиться, а кончит тем, что станет тебя ненавидеть все время, что я пробуду возле тебя. С некоторых пор у нее смертельное желание попутешествовать, но так как она рассудительна, то и понимает всю невозможность этого. Коли имеешь четверых детей, то лучше

всего спокойно сидеть на месте и заниматься их будущностью. Это нам, особам праздным, хорошо разъезжать. Все сие время мы были в большом беспокойстве, потому что все дети хворали. Кажется, их болезни произошли от внезапной перемены теплой погоды на нынешний холод. Особенно много беспокойства нам доставила одна из Алешиных девочек, мы полагаем, что помимо простуды у нее стали резаться зубки. Через несколько дней ей будет два года, но у нее еще не все зубки. Сегодня ей лучше, но болезнь еще не отпустила. Все остальные дети выздоравливают.

Бедный господин Баранов, право же, достоин сожаления, у него много неприятностей с детьми. Александр давно уже против отца, теперь же и старшая дочь Ольга против него. Их воспитание закончено, и перед выходом из института она объявляет, что лучше пойдет в гувернантки или компаньонки, нежели поедет к отцу, где, как она говорит, будет под началом горничной — любовницы отца. Вообрази, в день выпуска господин Баранов приезжает с сестрою в институт, привозит дочерям платье, украшения и там узнает, что его старшая дочь объявила, что не желает к нему возвращаться. Эта молодая особа доказала, что у нее очень злое сердце, ведь какой надо быть лгуньей, чтобы поступить, как она. Ведь она не переставала уверять отца, что совершенно счастлива ехать к нему, что ни за что на свете не хочет ехать к матери, а сама вела тайную переписку с матерью и делала все, чтоб не возвращаться к отцу. Нынче обе они в институте, до нового распоряжения. Княгиня Луиза Голицына недавно отправилась в Петербург и взялась просить Государыню в пользу господина Баранова, который также на днях едет в Петербург. Мне любопытно знать, чем кончится это дело. Дочь Дмитрия Хвощинского получила первый шифр. Говорят, она отлично училась и с очень благородными манерами. Но какая печальная участь ее ждет, к чему послужит это воспитание? Ольга Баранова получила третий шифр. Князь Сергей Голицын сказал твоей тетке Шишкиной, что узнавши, что господин Баранов имеет в доме любовницу, находит немыслимым, чтобы девицы ехали к нему, и потому хочет предложить Государыне вверить этих девиц госпоже Шишкиной. Но та отказывается и говорит, что принять такое предложение значило бы признать, что ее брат не заслуживает взять дочерей к себе. Она же, напротив того, уверена, что нигде им не будет так хорошо, как у отца. Я нахожу, что это прескверное и пренеприятное дело и что надо иметь счастливый характер господина Баранова, чтобы сносить все это, как он, потому что как бы он ни был огорчен, у него хватает еще духу шутить и целыми часами смеяться и смешить других. Самое печальное, что будущность этой девицы испорчена. Даже ежели ее заставят жить с отцом, что это будет за существование? Он всегда будет косо на нее смотреть и не будет к ней иметь никакого доверия. К несчастию, он уже об этом размышлял.

Говорят, на днях дядя Афанасий238 заедет, по пути в Петербург, откуда направится в Неаполь, чтобы соединиться со своей женою. Ежели бы он заехал к тебе, это было бы прекрасно, можно было бы поговорить с ним, попросить его немного заняться твоими делами. Кто знает, быть может из этого бы вышло что-нибудь путное. Я хотела бы его повидать и дать ему эту добрую

идею. Он имел много неприятностей будучи предводителем дворянства, и его за многое бранят, а все из-за его характера. Мадемуазель Анненкова239 в Москве, живет у своего брата Дмитрия, который совсем водворился в Москве. Золовка с невесткою не ладят. Мадемуазель Анненкова не жалуется, но говорит, что ее поселили в большой тесноте. Дмитрий Анненков совсем помешался. С прошедшей осени он будто впал в детство, отнимал у детей игрушки, чтобы самому забавляться, и не мог связать двух слов. Поговаривают, что у него был удар и с той поры он заговаривается. Все это не мешает его жене бывать в обществе, на балах и дурачиться. Кузен Давыдов240 говорит, что именно милый нрав жены и стал причиною помешательства мужа. Это делает ему честь, потому что хоть я очень мало ее знаю, просто встречала у ее золовки, но той малости, что я видала, довольно, чтобы не понравиться. Я уговариваю мадемуазель Анненкову, чтобы она согласилась послать тебе образец своих поэтических творений. Она была весьма этим польщена и пообещала. Ты увидишь, какую замечательную галиматью я привезу, ежели тебе вдруг взгрустнется, ты невольно будешь смеяться. Я в жизни не видала подобной глупости. Прошлый год ее вдохновил Сивори, знаменитый скрипач, и в его честь она сочинила стихи, в которых говорит:

Свершилось! Кончилось!.. Молчанье!..
И звуки брызнули волной!

Я полагаю, это прекрасно, и ежели бы Сивори познакомился с этими стихами, он был бы польщен. Мне любопытно знать, на что ее вдохновит Рубини241, который на днях приезжает в Москву. Он объявлен на 20 число сего месяца. Он пробудет здесь недолго и даст лишь три концерта, после чего вернется в Петербург и будет петь в двадцати операх. Жаль, что он не хочет петь оперы в Москве, это было бы приятней, чем концерт. Впрочем, это невозможно, так как Большой театр закрыт, там идут работы по расширению сцены и устройству лож, как в парижской Опера. Французский же театр слишком мал для оперы, а потому придется довольствоваться тремя концертами.

На шестой неделе поста, то есть через две недели, будет большой любительский концерт в пользу недавно открытой лечебницы для детей. Будут петь “Stabat Mater” Россини. Мадемуазель Соймонова242 будет участвовать в концерте, равно как и Софья Евреинова, которая также будет петь соло. Хор состоит из пятидесяти дам из общества и стольких же мужчин. Я с нетерпением жду этого концерта, так как нахожу, что для любителей большая дерзость браться за столь трудную вещь. Послушать Софью Евреинову, так она лучшая певица во вселенной, ничего не боится, все-то она знает, все ей удается. По-моему она могла бы называться самой наглой женщиной, и по справедливости, потому что я в жизни не встречала особы более самодовольной. Она говорит, что совершенно уверена будто при ее появлении все должны находить ее истинной красавицей. Ежели при ней заговаривают про маленькие ножки или хорошенькие ручки, она тотчас возражает: “Но взгляните, как хороши мои!” Я, наконец, высказала ей со всею откровенностью, что она напрасно столько хвастает своими мнимыми прелестями, так как по моему мнению у нее их вовсе нет. Но она не очень-то унывает. Чем ближе я узнаю эту женщину, тем меньше уважаю и люблю. Она часто обнаруживает низость характера. Что же до ее милого супруга, то он почти не появляется в семействе. Он пустился во все тяжкие и не желает ни с кем церемониться. Он превратился в старого негодника. Какое пошлое и ничтожное существо!

Говорят, госпожа Углицкая выходит замуж, по крайней мере одна знакомая ей дама привезла сию весть, приехавши из Петербурга, и говорит, что слыхала об том от самой мадам. Тетенька сказала, что этот брак затевается и расстраивается по нескольку раз в году. Я нахожу, что молодой человек сделал бы глупость, женившись на ней, так как он гораздо ее моложе и будучи несколько лет в связи с нею, не имеет надобности на ней жениться. В городе толкуют про свадьбу пресловутого Норда и Натальи Щербатовой243, что сестра Ермоловой244. Он провел зиму в Москве и даже на правах друга жил у Ермоловых. Он усердно ухаживал за молодой особою, но она, говорят, не хотела его знать. Наконец ее уговорили и она, кажется, согласилась. Он уехал в Петербург, верно получить согласие своей матушки, но его ожидают. Со второй недели поста возобновились собрания, и каждый день недели занят. Про общество рассказывать

особенно нечего, сей раз я даже не могу сообщить никакой новости. Я довольно часто вижусь с мадемуазель Сабуровой, у которой по обыкновению всегда есть повод для жалоб. Нынче это кузен, он опять на сцене, она говорит, что он совершенно ею пренебрегает и дурно с нею обращается, в чем я вполне уверена, ведь ему наскучила и она сама, и ее любовь, которая вызывает у него лишь досаду. Да притом он играет и много проигрывает, и он занял у нее много денег. Но он не в силах от нее отделаться, заплатив ей долги, и, разумеется, очень зол на себя, а потому всегда не в духе. А так как она избаловала его и приучила к исполнению всех его капризов, то он и не думает скрывать своего дурного настроения. Ежели бы она имела побольше ума и гордости, то бросила бы его, вот тут бы он и задумался. Но у нее до крайности слабый и трусливый характер, она напоминает мне собаку, что лижет руку того, кто ее бьет. Я ей об этом сказала, но она твердит, что я слишком горда и строга. Ей, однако же, не дурно было бы быть такою же гордой и строгой, по крайней мере с нею не обращались бы, как с тряпкой. В подобных случаях лучше всего на холодность отвечать холодностью же, не позволяя себя унижать, а это уже много значит. Ежели б я была на месте князя Ивана, то доставила бы себе удовольствие и побила бы ее, и я уверена, что она отвесила бы ему поклон и сказала бы: “Благодарствую, милый

Ванечка, нет такой жертвы, на которую я не способна из любви к тебе!” И я уверена, он бы ее поколотил, ежели бы знал, что она на него жалуется направо и налево. Мне хочется написать к нему безыменное письмо и дать такой дружеский совет.

Я уже целый век не видала Бакуниных, но знаю, что Василий245 возвратился наконец. Он уже довольно давно в Москве, но отчего-то не хочет к нам заехать. Говорят, он сделался совершенный старик, голова совсем седая. Отец рассказывал, что от радости, что сын вернулся, он послал за приходским священником, чтоб отслужить благодарственный молебен. А священник, решивши, что это какое-то значительное лицо, какой-то важный военный, почел себя обязанным произнести нечто вроде речи, а в конце службы обратился к нему со словами: “Маститый старец, украшенный сединами”! Согласись, что для мужчины сорока пяти — сорока шести годов это не очень-то лестно. Мне очень хочется его повидать. Милый крошка Андрей Сушков так хворал, что едва не умер. Николай Сушков246 сделался москвичом, принимает несколько раз в неделю, а литературное общество собирает, думаю, один раз в неделю. Один Пьер остался еще петербуржцем, но не по своей воле, его там задерживают все те же дела по разделу с Пашковыми247. Это совсем особое семейство, никак не могут разделиться и тем временем разоряются, а все из недоброжелательства друг к другу.

Когда увидишь Людвига, поблагодари его за память и скажи ему, что на сей раз (нрзб.) так как нынче я уже не чувствую неприятности в горле. Правда, оно еще слабое, и у меня бывает несносная зевота, когда я слишком утомляюсь разговорами или чтением, но надеюсь, что при хорошем лечении это пройдет. Лишь бы не началось снова, когда я уеду из России, ведь возможно, все дело в перемене климата. Право, это было бы чрезвычайно огорчительно, потому что мне хочется быть у тебя здоровою. Ничего нет несносней, как хворать и быть ни на что не годной. Я полагаю, что пора заканчивать письмо, потому что, право, больше нечего сказать, по крайней мере ничего интересного я сообщить не могу. Не могу не сожалеть, что графиня Мари вышла замуж, конечно это ей досадно, она не любит мужа, он ей скучен, вот отчего она так увяла.

Прошу тебя напомнить обо мне всему твоему семейству, я, право же, счастлива всех их увидать. Мой поклон маменьке и поцелуи детям. Я уверена, что сей раз Лизанька не полюбит меня так, как любила прежде, по крайней мере придется долго ее приручать. Право же, грустно, что всегда приходится добиваться их привязанности. Алеша с женою, Трубецкие и Бахметевы кланяются тебе и целуют. Николай едет с большой неохотою, он вовсе не желает этого путешествия и лишь уступает необходимости. Он очень скучает в чужих краях. Я хорошо понимаю, что этим господам скучно путешествовать. Привыкнув здесь к деревенским делам, к своим занятиям, к английскому клубу, к преферансу, там они лишены всего этого. Да к тому же женщины получают от путешествия все удовольствия, а мужчины имеют лишь тяготы и заботы. Прощай, милая, добрая Сашенька, я счастлива, как подумаю, что скоро мне не придется к тебе писать.

Скажи, пожалуйста, позволительно ли нам будет пользоваться посольством, когда я буду у тебя. Я спрашиваю для Лизы, я тогда попрошу ее писать ко мне, адресуя письма на твое имя. Не забудь, сделай милость, уведомить меня об этом.

Милостивой государыне

Баронессе Александрине де Хюгель

урожденной Верещагиной.

В Стутгарте

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., Хюгелю К. Е., 29 декабря/10 января 1844 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 274—276.

34

Баронессе и барону Хюгель

Москва, 29 декабря / 10 января 1845

Я хотела бы найти или придумать слова, чтоб описать тебе мою радость и благодарность при получении портрета. Спасибо, большое спасибо, любезнейшая Сашенька, право же, этим ты дала мне большое доказательство дружбы, да вознаградит тебя Господь! Что касается лица, то я нахожу в портрете поразительное сходство. Осанка у Эжена не такова, но это уж последнее дело. Я так была рада его увидать, что и плакала, и смеялась разом и до сих пор подхожу по нескольку раз в день, чтобы на него взглянуть. Он должно быть необычайно похудел и стал такой стройный. Какая ты душка, что написала портрет и прислала мне, ведь дело не в умении, все достоинство портрета в его сходстве. Ежели бы Эжен мог увидать мою радость, то верно оставил бы всякую мысль о кокетстве. И как он мил, что согласился позировать. Я уверена, что ему это стоило большого труда, но я тем больше ценю его доброту и хочу поблагодарить за это. Как он красив со всеми своими наградами! Но есть одно, об чем ты не подумала: зачем ты ему позволила повернуться правою стороной, а не левою, где звезды? Это было бы еще внушительнее.

Теперь я нахожусь в ожидании обещанного письма, так как мне нетерпится иметь от тебя вести, я так давно ничего об тебе не знаю! Тетенька намеревалась сегодня к тебе писать и предложила приложить мое письмо к своему. Но я думаю, что напишу особо, из опасения сделать ее письмо слишком большим, да и чтобы себя не стеснять. За время, что я к тебе не писала, Аркаша с женою приехали в Москву. Они намеревались провести здесь недели две, но болезнь молодой задержала их до сей поры. Они едут только после Нового года. Молодая некрасива, но очень мила, у нее прелестная, довольно изящная осанка, очень приятные манеры, словом, видно хорошее воспитание. Я не думаю, чтоб она была очень умна, но достаточно, вполне достаточно, чтоб ее находили весьма любезной. Одно только, чего можно опасаться, — она, кажется, очень слабого здоровья. У нее болезненный цвет лица и вообще ее считают очень хрупкой. Ее обращение со свекровью просто прелесть, а потому тетенька кажется очень довольною, ведь она не привыкла ни к предупредительности, ни к вежливости со стороны дочерей, обе они холодны, как лед. Она весьма любезна с невестками, но я не думаю, чтоб они подружились, по крайней мере этого не заметно. Лиза еще более вялая, чем обычно, и не пошевелится. Мы не можем ее заставить приехать ни к нам, ни даже к ее тетке Столыпиной. Она ничего не желает и сидит дома, вот и все. Тетенька говорит, что очень бы желала, чтоб она иной раз бывала в свете со своей теткой, но Лиза и слышать об этом не хочет. Словом, она решила, и тут уж, верно ничего не поделать, уж коли Лиза заупрямится, то никакая человеческая сила не заставит ее передумать. Монашенка решительно пустилась в высший свет, со многими уже на дружеской ноге. Так

забавно видеть, до чего она переменилась, как сделалась бойка, со всеми на “ты”, словно бы всю жизнь провела в гостиных. Она была бы довольно хороша в туалетах, но у нее совершенно нет волос, что очень ее уродует. Правда, она недурно выходит из положения, но все же голова у нее лысая. Ее муж еще не приехал, она очень этим огорчена и с нетерпением его ожидает. Она, кажется, хочет принимать у себя, но без него этого не делает. У нее с месяц будет гостить Валерьян Столыпин260 с женой, с коей мы еще не видались, хотя и сделали взаимные визиты. Но Валерьяна я видала, он провел один вечер у Бахметевых. Он мне сказал, что будущей зимою они намереваются приехать в Москву всем семейством, которое теперь он оставил в деревне. Они решительно хотят поселиться в Москве и слышать не желают о Петербурге, что меня очень удивляет при их состоянии и возможностях.

Московское общество постоянно изменяется, но не становится краше, все жалуются на скуку. А я чувствую себя очень счастливо, слыша эти жалобы, потому как не обязана бывать в обществе и могу жить в кругу семейства. Моя сестрица Бахметева также не бывает в свете, ее обычное общество ограничивается семейством Корфов и Машей Львовой. Первые принимают дважды в неделю, у них обедают или проводят вечер, но не танцуют. Маша Львова решительно строит из себя львицу. Я нахожу, что она чрезвычайно переменилась. Она носит такое декольте, что все на виду, обычно располагается полулежа, а с мужчинами разговаривает попросту, то есть говорит сальности. Словом, у этой женщины такой вид будто она пустилась во все тяжкие. Мне кажется, у ней есть намерение выйти замуж, а выбор ее пал на существо весьма мало интересное. Это барон Розен261, адъютант генерал-губернатора. Семья хорошая, но сам он вовсе не хорош, и я не понимаю, как можно утруждать себя кокетством ради столь незначительного существа, а уж тем более идти за него замуж. Впрочем, о вкусах трудно спорить. Нельзя однако же удержаться от мысли, что будучи столь несчастлива в первом браке, как была она, следовало бы стать хоть немного поразборчивей. Вчера Салиасы давали бал, и моя невестка говорит, что Монашенка была одета со вкусом и была красивее, чем обыкновенно. Она танцует только кадриль. Полька очень в моде, но ее танцуют иначе, чем у вас, и мне меньше нравится. Полька повсюду — одежда, прически, галстуки, духи, даже глагол придумали, не говорят — танцевать польку, но — полькировать, а о лицах говорят, что такой-то или такая-то хорошо полькирует. Словом, это вроде помешательства, но вероятно продлится недолго, так как число полькирующих дам невелико, прочие же только глядят. До сей поры было довольно тихо, балов давали мало, но в эти праздничные дни начинается оживление.

Кстати о праздниках, во время ваших я много думала о тебе и хотя мысленно, но все же была у вас на Рождественской елке и очень живо представляла себе счастье и радость Лизаньки и маленького Эжена. И малютка Сашенька262 тоже могла разделить их радость. Надеюсь, сей год она получила подарок покрасивее, а главное более подобающий, чем прошедший год. Как бы я хотела увидать милых деток! Воображаю, какие восторги и суждения пришлось тебе услыхать! Отпросилась ли толстуха Анна? Хороши ли были твои подарки? Один из них я знаю, тот цветок, что Эжен привез из Англии. Во всяком случае я надеюсь, что все было прекрасно и вы повеселились. А мы собираемся праздновать новый год и уже об этом думаем. Трубецкие с месяц как в Москве. Я нашла, что Лиза чрезвычайно переменилась, очень похудела, постарела, словом, сделалась некрасивой женщиной. Она все хворает и грустит из-за своего нездоровья. Ко всем неприятностям она еще беременна одиннадцатым ребенком. Моя невестка в таком же положении, а потому я предвижу веселенькое лето, я его проведу в роли Юноны263. Я полагаю, что наша семья могла бы получить свидетельство на родины, уж наши-то дамы знают в этом толк. Не знаю, кто еще рождает так много и так часто, а потому они мне противны. Дети Трубецкие очень выросли, похорошели, прилежно учатся и, право, милы. Оленька тоже прелестна, хорошенькая, умная и хорошо учится. Твоя тетка Шишкина приехала в Москву, чтобы провести здесь несколько зимних месяцев. Она привезла только Вареньку, остальные же дети остались под Лизиным присмотром. Как мы и предвидели, Машенька Ловейко уже не у себя, она сейчас у княгини Вяземской264, сестры господина Шишкина. Она там будет покуда не найдет места. А теперь я тебя покидаю, чтоб успеть написать к Эжену. Я спешу, так как нужно отослать письмо сегодня же. Прощай, дорогой друг, сердечно и душевно обнимаю тебя и еще раз благодарю. Да вознаградит тебя Господь за радость, что ты мне доставила. Поздравляю тебя с

благодарю. Да вознаградит тебя Господь за радость, что ты мне доставила. Поздравляю тебя с Новым годом, пусть он принесет тебе какие-нибудь приятные перемены. Мое почтение маменьке. Крепко-крепко целую детей. Вероятно я скоро опять к тебе напишу, ведь по получении твоего письма мне, конечно, очень захочется это сделать. Все семейство тебя целует.

Любезный Эжен, скажите, что мне сделать, чтобы засвидетельствовать вам мою признательность за ваш прелестный подарок? Ведь даже ежели бы я сто раз сказала вам спасибо, это лишь слабо выразило бы мою радость и благодарность. Я так хорошо понимаю, сколь скучно вам было позировать, а потому и заключаю, что вы очень хотели доставить мне удовольствие. И ваша цель вполне достигнута, вы даже меня осчастливили. Уверяю, я просто счастлива с тех пор, как вижу вас. Я поместила ваш портрет рядом с Сашенькиным, и мне доставляет удовольствие видеть вас вместе. Какая радость, дорогие друзья, видеть вас хоть на портрете, в ожидании счастия повидаться на самом деле. Ваш, Эжен, портрет так похож, что когда я смотрю на него подольше, мне все кажется будто вы сейчас заговорите и скажете мне какую-нибудь дерзость. А коли он производит на меня такое впечатление, стало быть он замечательно похож. Любезный Эжен, поздравляю вас с Новым годом и надеюсь, уж он-то принесет вам какую-нибудь приятную

перемену. Я, право же, с грустью думаю о вашей скорой разлуке и страдаю за вас обоих. Дай вам Бог обоим терпения и силы, чтобы перенести (и, надеюсь, в последний раз) эту разлуку. Все мое семейство также шлет вам добрые пожелания и сердечно вам кланяется. Все довольны, что вроде бы познакомились с вами лично. Даже дети, конечно, самые старшие, пришли посмотреть на портрет от тети-немки, как они зовут Сашеньку. Право, какое было бы счастье, ежели бы дядя-немец когда-нибудь сюда приехал! Но не будем об этом говорить. Известно ль вам, что старая госпожа Всеволожская недавно умерла? Говорят, они очень огорчены, так как Жюльвекур, добившись очень большого влияния на семейство, воспользовался этим, чтобы заполучить сто тысяч рублей, с коими отправился веселиться в Париж, между тем как его жена со старыми родителями, принеся такую жертву, уединились в деревне, не имея возможности жить в Москве. Там старуха и умерла. Конечно, это слабость с их стороны, что позволили себя обмануть таким образом, но от этого их не менее жалко. Я, по крайней мере, надеюсь, что он к ним вернется и не останется в Париже. Я должна вас покинуть, потому что боюсь промедлить с письмом. Прощайте, любезный Эжен, да вознаградит вас Господь за счастие, которым вы меня одарили. Примите мой поцелуй и рассчитывайте на мою дружбу и признательность, обе они беспредельны. Прощайте, Эжен, и еще раз спасибо.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 10/22 ноября 1844 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 271—274.

33

Москва, 10/22 ноября

Дорогая Сашенька, к огромной моей радости я получила, наконец, вести от тебя. Я была очень рада узнать, что ты, по крайней мере, здорова. Что же до болезни глаз, то улучшения, кажется, нету, вопреки мнению докторов, которые полагали, что прежде надо вылечить нервную систему, и тогда все будет хорошо. Что ж, придется потерпеть, быть может им удастся тебя вылечить. Нынче ты решительно водворилась в Стутгарте и верно предаешься праздникам и удовольствиям всякого роду. Судя по твоим словам, сей год у вас будет много балов, и коль скоро ты здорова, то сможешь повеселиться не во вред себе. Что же до приезда австрийского семейства с девицею, то я подумала, что это может быть подходящая партия для твоего деверя Жюля, ему не следует упускать такой хороший случай.

Из всех новостей, что ты мне сообщила, я с наибольшим нетерпением ждала, не случится ль у Эжена какой перемены по службе, но как раз в этом отношении ты всего меньше меня удовлетворила. Передай ему, пожалуйста, мое искреннее поздравление с наградою. Но откровенно говоря, она не доставила мне большого удовольствия, это все равно, что дать

плачущему ребенку какую-нибудь безделицу, а не ту хорошую игрушку, что он хочет. Кажется, напрасны были все наши надежды.

Ты не поверишь, как часто я вижу себя среди вас в Стутгарте. Милые детки, мне так их недостает, я постоянно об них думаю. Ты не поверишь, как мне приятно, что они меня помнят, благодарю тебя, что рассказываешь про них. Я нахожу, что Лизанька совершенно меня компрометирует этими двадцатью русскими детьми. Крепко поцелуй их за меня и скажи, что я жду их в России. Что же до нас, то рассказать особенно нечего, все здоровы. Но мы дрожим от холода, потому что, хотя зима еще не наступила, морозы уже очень жестокие, уже доходят до девятнадцати градусов. Но снегу в городе мало, а в деревне вовсе нет. По приезде я повидалась с сестрицей Бахметевой, она приезжала в Москву по делу три недели тому назад и пробыла здесь только сутки. Я была очень рада ее повидать. У нее здоровый вид, хотя и похудела, но свежа, бодра и очень надеется не хворать, так как уверовала в лечение у ясновидящей, которое продолжает до сей поры. Она, право, на себя не похожа, так ко всему расположена, все ее забавляет, так весела, такая хохотунья, что в ее обществе и сама оживляешься. Дай Бог, чтобы так продолжалось. Притом она все еще полна решимости не бывать в обществе и говорит будто нынче это ее не веселит и что она найдет больше удовольствия в свете, когда станет вывозить дочь, воспитанием которой много занимается. Она взяла молодую англичанку, так как хочет, чтобы Оленька знала этот язык, и девочка уже заговорила по-английски. Она даже хочет по приезде в Москву взять для нее учителей, чего, по моему мнению, не следовало бы делать, по-моему Оленька еще слишком мала, чтобы серьезно учиться. Я надеялась, что они на днях приедут, но верно недостаток снегу тому помехою.

Трубецкие также приедут в конце сего месяца и будут зимовать с нами, что меня очень устраивает. При первой же возможности ехать в санях я отправлюсь к бабушке, но лишь на несколько дней, так как надеюсь провести с нею часть будущего лета. Моя невестка опять в трауре, но всего на шесть недель. Она только что лишилась своей кузины Оболенской248, которую прозвали la demoiselle d'horreur* и которая сестра госпожи Давыдовой. Госпожа Евреинова была очень опасно больна. Она беременна да притом у нее была перемежная лихорадка, сильное воспаление в боку и нарывы в горле. По этой причине она была в двух шагах от смерти, но к счастию для ее детей все обошлось и теперь она выздоравливает. Тетенька живет так далеко, что я не могу часто ее видеть. Наконец-то получены вести от Аркаши, который, надеюсь, уже женился, так как свадьба была назначена на пятое ноября по нашему стилю, а пятнадцатого сего месяца они должны быть в Москве. Свадьбу думали делать в сентябре месяце, как позволила тетенька, но жених позабыл запастись разрешением на брак, без коего священник никак не соглашался их венчать. А потому Аркаше пришлось самому ехать в Кременчуг для ремонта лошадей и, заодно, чтобы получить разрешение. Наконец он получил оное, и я надеюсь, что свадьба устроилась. Все это дело очень волновало тетеньку, и как-то раз она говорила об том с твоим дядей Барановым, а он, как тебе известно, всегда и во всем видит забавную сторону. Вот он и говорит ей в утешение: "Не тревожьтесь, кузина, все это происходит от того, что Аркаша еще слишком молод. Подумайте, ведь ему только двадцать один год, он и жениться-то не умеет". Я полагаю, дядя совершенно прав. Признаюсь, меня во всем этом деле удивляет г-н Столыпин249, я его не узнаю. Монашенка250 уже должна была быть в Москве, она и день отъезда назначила, не дожидаясь свадьбы. Но возвращаясь из Кременчуга, Аркаша к ней заехал и, можно сказать, ее увез. И был прав, а иначе на его свадьбе не было бы никого из родных. Все приглашенные ждали-ждали и наконец разъехались, и я полагаю, что эта свадьба, на которую сделали столько расходов и которая должна была быть такою блестящей, прошла совсем тихо. Право, я с нетерпением жду их приезда. До сих пор тетенька ведет такую спокойную жизнь, что даже вовсе не выезжает. Лиза один раз была с нами в театре, вот ее единственное развлечение. Я надеюсь, что приезд ее тетки Столыпиной будет ей на пользу и немного их оживит.

Кстати об опере, говорила ли я тебе, что у нас здесь итальянцы? Но так дорого, что не часто позволишь себе это удовольствие. Тенор Сальви прекрасный актер и хорошо поет, у него замечательный голос. У контральто Виотти замечательный голос, она превосходно играет мужские роли, но очень дурно женские. Примадонна Ассандри довольно хорошая актриса, но

мужские роли, но очень дурно женские. Примадонна Ассандри довольно хорошая актриса, но поет весьма посредственно и имеет небольшой голос. Прочие же до невозможности посредственны, особенно хоры не хороши. Театр открылся заново, и ты не поверишь, до чего он стал красив. До сей поры в Москве совсем тихо, нет другого развлечения, кроме оперы, а потому наши модницы используют хоть это собрание, чтобы показаться в своих безумных туалетах. Я же с нетерпением жду поры концертов, ведь у нас будут Рубини, Тамбурини251 и, кажется, Виардо-Гарсиа252. Это будет дорогое удовольствие, но по крайней мере услышишь хорошую музыку.

Ты, верно, знаешь, что ваш г-н Валуа женится или собирается жениться на м-ль Нарышкиной, одной из тех дам, что прошедший год приезжали в Стутгарт. Вот что я об этом знаю. Госпожа Нарышкина-мать253 умерла в Венеции. Брат этих девиц поехал за ними, чтобы привезти их в Россию. Но девицы заявили брату, что у них есть женихи, за которых они склонны идти замуж. Случилось так, что прошедший год г-н Валуа сватался к этой девице и просил под ручательство двадцать пять тысяч рублей. Но мать, находя такой брак сумасбродным, отказала наотрез. Сделавшись нынче вольна в своих поступках, молодая особа заявила, что не желает другого

мужа, кроме Валуа. Тогда брат написал и даже, кажется, повидался с Валуа, чтобы узнать, по-прежнему ли тот намерен жениться на его сестре, за которой он дает шестьдесят тысяч рублей приданого. Нынче поговаривают будто жених приедет сюда весною и что свадьба будет здесь. Другая же сестра, хворая, тоже выходит замуж, но я позабыла за кого. Я хотела бы знать, объявил ли уже Валуа о своей женитьбе, знала ли ты об этом? Меня спрашивали, знакома ли я с ним и могу ли дать об нем какие сведения. Я отвечала, что не зная его (а это правда), я не могу ничего сказать насчет сего господина. Совет им да любовь, пускай женятся и будут счастливы. Девица весьма влюблена, да и в стутгартском обществе будет одной хорошенькой особою больше.

Я позабыла объявить тебе про еще одну довольно странную женитьбу. Помнишь Лизу Новосильцеву254, сестру Евграфа, она полупомешана от рожденья, а несколько времени была даже совсем безумна. Так вот эта особа нашла генерала, я сейчас позабыла его имя, который, верно, женился на ней ради состояния, потому как в ней нет ничего привлекательного. Мадемуазель Кошелева, говорят, очень больна, она страдает своей обычной болезнью, что всегда у нее была, я хочу сказать — зобом. Но болезнь, кажется, становится серьезной, Бог весть, оправится ли она. Говорят, муж ходит за нею примерным образом, совсем как сиделка. Недавно я виделась с госпожою Кнауер, которая, как тебе известно, вышла замуж за господина Хилла, молодого человека тридцати трех лет. Он англичанин из хорошей семьи. Его отец писался Джон Хилл , эсквайр , был очень богат и разорился на подрядах. У него есть очень богатый брат в Лондоне, Эжен должен его знать, ежели я не ошибаюсь. А дело в том, что этот молодой человек безумно любит госпожу Кнауер, теперь она самая счастливая женщина на свете. Она почти совсем не переменилась, правда волоса поседели и располнела, но на лице ни одной морщинки, все так же жива и весела, как прежде. Душой она не стареет, она одно из тех исключительных созданий, что не имеют возраста. Между тем она перенесла серьезную болезнь, от которой еще лечится. Ее муж пожелал, чтоб она оставила место гувернантки и отдохнула. Но так как у них нет состояния, то мужу придется потрудиться, чтоб его нажить. Недавно он выдержал экзамен на учителя английского языка и будет украдкою давать уроки. Они устраиваются в Москве. Я, право, рада была ее повидать. Ее цветущий вид и глубокая уверенность в своем счастии хорошо действуют на тех, кто с ними сталкивается. Кажется, будто их счастие передается тебе. Когда мне встречаются счастливые люди, я не могу удержаться, чтобы не сказать: дай Бог, чтобы так продолжалось! Я всегда боюсь увидать перемену в их положении.

Вот и все мои новости, событий так мало, что почти не об чем рассказать. Да притом общество так с годами переменяется, что становится почти невозможно говорить об нем с тобою, тебе было бы трудно понять, о ком я говорю. Агафья Дохтурова в Москве со своей сестрою Машей255, которая от нее не отходит: она, говорят, очень страдает глазами, но не так, как ты, потому что ей грозит слепота. Как недолго было ее счастие! Я ее еще не видала, но на днях рассчитываю к ней съездить. Она недолго здесь пробудет, так как при первой же возможности

рассчитываю к ней съездить. Она недолго здесь пробудет, так как при первой же возможности едет к родителям. Про м-ль Сабурову рассказать нечего, потому что у нее все по-прежнему, все одно и то же, даже скучно повторяться.

Я очень рада узнать, что нынче ты совершенно покойна в отношении прислуги. Наконец-то ты немного отдохнешь от всех неприятностей, что действовали на твои нервы и расстраивали здоровье. Жаль, что ты раньше не приняла решение отослать Акулину256, ведь помимо неприятностей, что ты имела от ее присутствия, я весьма опасаюсь, не придется ли тебе платить за паспорта. Ответа еще нет, но хлопоты, вероятно, будут безуспешны. С ее приезда я больше ее не видала. Сперва она была в деревне, а нынче я знаю, что она в Москве, живет с племянницей, которая объявила себя портнихою и берет работу. Эта девушка была у меня и показалась мне весьма учтивою. Говорят, она хорошо работает. Что меня очень удивило, так это что Акулина поручила просить у меня денег. Деньги у нее есть, ведь ты ей дала. И я по приезде сюда очень хорошо ей заплатила, но несмотря на это она поручила племяннице просить у меня еще, сказавши будто сейчас у нее их нету. Словом, я ее не вижу и не знаю, как ее дела. Было бы очень жаль, ежели бы няня-швейцарка не вернулась к тебе, но я надеюсь, что в будущем письме ты

меня уведомишь об ее приезде. Я, право, очень рада повышению Диджинфилда, теперь их положение весьма улучшится. Не думаю, чтобы рождение дочери очень обрадовало Принцессу Теодолинду, бесспорно, что мальчик был бы воспринят лучше.

Расскажи мне немного о бывшем предмете Лили Зекендорф , бывает ли он в обществе, какого роду роль играет его жена, покровительствует ли им сама Лили? Скажи также, как поживает Берта Пальм, лучше ли ее здоровье, в Стутгарте ль они, будет ли у них приемный день. Одно время поговаривали про женитьбу Урусова, брата Горчаковой257, он хотел жениться на Мазуриной. Она купчиха, сестра258 ее за Оболенским, которого мы звали херувимчик . Она сколь богата, столь и некрасива. Уж я не знаю, отчего эта женитьба (нрзб.) Софьи Бахметевой, которая думает, что делает мне огромное удовольствие, объявляя о своем приезде в Москву. Они снова водворятся у князя Голицына259, потому что, как говорит Софья, их сиятельство приезжали в Калугу, чтоб их повидать и пригласить занять ихние апартаменты. Какова учтивость! Ты не поверишь, как меня позабавило описание визита, что тебе сделала г-жа Розен, а также назидательная речь, что ты произнесла. Я сожалела, что не была при этом. Однако пораздумав, несмотря на большое желание поболтать с тобою еще, надо все же заканчивать письмо, оно становится слишком велико. Но возможно я скоро к тебе напишу, потому что как только тетенька напишет, она и мне предложит это сделать, а я не стану ломаться. Прощай же, дорогой друг, не ленись и пиши ко мне поскорей. Будь здорова, веселись, но время от времени вспоминай меня и люби немного, хотя бы за мою к тебе привязанность. Надеюсь, ты сообщишь мне лучшие вести про здоровье твоего свекра, я, право, очень боюсь за него. Мой поклон маменьке. Передай привет Эжену и очень-очень крепко поцелуй моих милых деток, я по-прежнему очень их люблю, несмотря на двадцать моих русских детей, кои не умаляют моей любви.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 22 января/3 февраля 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 276—279.

35

Москва, 22 января / 3 февраля

Дорогая Сашенька, я только что получила твое доброе письмо, помеченное шестнадцатым января, но несмотря на радость от его получения я не могла не испугаться при мысли об ужасной болезни, которую перенес бедный маленький Эжен. Милый мальчик, какое счастье, что все обошлось! Как подумаю об этом, так дрожь пронимает. Я не могу вообразить его больным и страдающим. Благодарение Бога он спасен, и надеюсь, теперь он совершенно оправился. Я была очень тронута тем, что ты рассказываешь про Лизаньку. Что за прелестное дитя, а характер

очень тронута тем, что ты рассказываешь про Лизаньку. Что за прелестное дитя, а характер прямо-таки ангельский! И я не могла не сказать себе: зачем я не с тобою, чтобы разделить заботы о бедненьком Эжене! Мне доставляет удовольствие все, что ты говоришь про свое здоровье, похоже, морские купания сделали тебе пользу. И ты будешь совершенно права, коли поедешь летом в Остенде, полечись там хорошенько. Надеюсь, сей раз у тебя будет возможность отправиться туда пораньше, ты примешь нужное число ванн, и тогда, кто знает, не окажется ли твое лечение вполне успешным. И ты не будешь скучать, поскольку будешь в обществе госпожи Берлихинген. Словом, я радуюсь, что ты проведешь лето приятно и с пользою.

Завтра я обедаю у тетеньки, стало быть почти уверена, что увижу там Николая Петровича265. Я скажу ему о твоих планах, и верно он сделает все возможное, чтобы тебя успокоить. Не знаю, не питаю ли я безумную надежду, но мне кажется добрым предзнаменованием, что Эжен не послан ни в Берлин, ни в Гаагу. По поводу последней я особенно счастлива узнать, что он туда не поедет, я очень боялась, что он согласится. Быть может он приедет к нам, я так этого желаю, что не перестаю надеяться. Что же до твоей маменьки, то весьма вероятно, что она получит разрешение остаться еще на некоторое время, не возвращаясь в Россию. Но в любом случае я вам посоветую подумать об ее паспорте, ведь сумма сделается очень значительной, вам же будет гораздо легче платить понемногу, чем вдруг выложить большую сумму. Потому как я уверена, что ей придется уплатить с сорокового года и по день приезда в Россию. Снисхождения не будет, и в тот момент это сможет очень вас затруднить. Я передумала в отношении моего предложения взять тебе лотерейный билет на те семьсот рублей, что у тебя в ломбарде. Ведь может случиться, что вместо выигрыша ты окажешься в убытке, стало быть разумнее сохранить твои деньги как есть, это вернее. Чтобы повезло с выигрышем, надо не билет брать, а покупать свидетельство. Оно стоит дороже, а как может случиться, что твое свидетельство не выиграет, то ты потеряешь лишь расходы на его покупку.

С отъездом Аркаши с женою, в доме у тетеньки все вернулось в обычное состояние. Лиза решительно не желает и слышать о выезде в свет. Я начала было ее уговаривать по-серьезному, но теперь ничего не говорю, потому как знаю, что предложение Монашенки не было искренно. Вот что она сама мне сказала: “Я предложила Лизе вывозить ее, но она не согласилась, и я, право же, очень этому рада, потому что сделала это предложение против своего желания. Лиза такая вялая, она бы мне докучала и мешала. Теперь я совершенно свободна и веселюсь как нельзя лучше, а тогда я была бы более или менее стеснена”. Словом, Лизе я больше ни слова не скажу, поскольку знаю, что предложение делается не от души. Но не могу не сказать, что чем лучше узнаешь людей, тем больше убеждаешься, как мало среди них искренних и истинно добрых. Даже у недалеких достает ума, чтобы хитрить. Монашенкины увеселения отложены на некоторое время, так как она в трауре по своему деверю Александру Алексеевичу266. Ее особенно огорчает, что она не может дать бал. Вот какая произошла в ней перемена от знакомства со светом. Прежде она бы искренно оплакивала кончину деверя, хотя бы потому, что он носит имя Столыпина. Нынче же эта смерть огорчает ее лишь потому, что ей приходится носить траур. Несколько дней тому назад, получивши известие об его болезни, она мне сказала: “Как, право, жаль, что это случилось теперь, он мог бы умереть летом, и тогда этот траур никому бы не помешал”. Посему ты видишь, что эта особа весьма преуспела и сделалась вполне светскою. Между тем, все это не помешает ей заплакать, расскажи ей про смерть попугая, к такого роду огорчениям она осталась чувствительна.

Госпожа Арсеньева недавно понесла еще одну весьма чувствительную утрату — умерла госпожа Шан-Гирей267. Теперь она осталась совершенно одна, потому что покойная была целиком ей предана. Вот уж подлинно несчастная женщина, ведь ей суждено пережить все свои привязанности и остаться одной-одинехонькой. По-моему, нет большего несчастия. Теперь с нею Катенька268 (дочь Марьи Акимовны), но эта девица не может там остаться и весной уедет к дяде Афанасию, который принял ее на свое попечение. Он, как всегда, и отец, и опекун сиротам. Он мне много говорил о приятном впечатлении, которое Эжен на него сделал. Какое счастие знать, что он так любим всеми, кто его видит и знает. Что до меня, то я горжусь успехами Эжена и, право, счастлива слышать об нем добрые слова. Хотя Эжен так привычен к своим победам, что

ему это мало льстит, я все же люблю ему об них сообщать. Кстати о победах, за кем он волочился нынче зимою, был ли верен своей Берте или же вел себя, как султан? Право, очень жаль, что здоровье сего султана все не поправляется, было бы весьма разумно, ежели будущим летом, по возвращении из Лондона, он тоже подумал бы о лечении. Возможно мое письмо уже не застанет его в Стутгарте, тогда напомни ему обо мне в одном из своих писем, скажи ему, что мне кажется будто я люблю его еще сильнее (конечно, ежели это возможно) с той поры, как получила его портрет. Сходство так разительно и приятно, что глядишь на него и не наглядишься. Как ты добра, что прислала мне его, я бесконечно благодарна тебе за это. Тетенька была в восторге от портрета, и я даже думаю, что она намеревается сделать с него копию. Она тоже очень любит Эжена и всегда говорит об нем с симпатией. Все, кто знают Эжена, находят удивительное сходство, один только Бахметев недоволен.

Госпожа Углицкая была в Москве на возвратном пути в Петербург. Она ездила в свое имение и там по соседству имела случай познакомиться с неким господином Толбузиным, молодым человеком, у которого в настоящий момент восемьсот крестьян, а по смерти матери будет еще две тысячи. Сей молодой человек воспылал любовью к Леокадии269, просил ее руки, и свадьба

должна быть в Москве в апреле месяце. Лишь бы она не расстроилась, так как у девицы не очень хорошая репутация. Кроме дурного характера, она и поведения непримерного. Это не клевета, ведь ты знаешь, что тетенька всегда готова взять сторону родни, однако она сама мне сказала: “К сожалению, что тебе ни скажут про Леокадию дурного, все будет правда”. Госпожа Углицкая говорила, что поспешила увезти дочь, чтоб у жениха не быловремени узнать ее получше. “Она, — говорит, — не потрудится скрыть свой нрав, а когда он ее узнает, то, конечно, не женится”. Сей брак многое сулит в будущем.

В Москве Нарцисс Отрешков, он смешон как никогда и твердит только про свои имения и про намерение жениться. Говорит, что богатство его более не заботит, с него, мол, хватит, но что он хотел бы жену, которая умеет хорошо принять в зале ! Фраза прелестна и вполне его характеризует. Впрочем, несмотря на презрение к богатству и высокому положению, мсье останавливает свое выбор на графине Паниной, за которой дадут семь тысяч крестьян, или же на мадемуазель Самариной270, у которой будет тридцать пять тысяч рублей доходу. Эти девицы, хотя и не богаты, но имели счастие обратить на себя его внимание, особенно последняя, которая будет принимать лучше, чем графиня Панина, будучи более к тому привычна. Я не знаю более смешного существа. Он рассказывает, что в продолжение трех лет был безумно влюблен в старую графиню Строганову, женщину шестидесяти лет и очень некрасивую, но столь любезную, что когда-то в нее был влюблен Наполеон. Я думаю, что Отрешков полюбил ее именно по этой причине. Завтра он едет в свое рязанское имение, в нижегородское и уж не знаю, в какое еще. Возвратится через несколько недель с намерением влюбиться и поволочиться за молодой госпожой Рябининой. Во время путешествия по своим владениям он постарается воспалить свое воображение и приедет сюда полный любви, но, думаю, нелюбимый. Это будет еще одна несчастная страсть, как и все прочие. Девицы Нарышкины в строгом трауре по своей бабушке271, она умерла с месяц тому назад. Их брат получает наследство, это ему поможет выдать сестер замуж. Но никогда и никоим образом молодой человек не сможет дать каждой их них больше шестидесяти тысяч, даже и это будет затруднительно, так как у него самого дела неблестящи и он не богат. Что же до их тетки Елизаветы272, то с этой стороны надеяться особенно не на что, так как она под слишком большим влиянием своей сестры Неклюдовой273, и та, конечно, завладеет всем, что она имеет. Девицы Нарышкины хорошо знают, на что могут рассчитывать, и не питают надежд. Та, что идет за Валуа, нехороша да к тому же очень болезненна, до того, что с приезда в Москву не выходит из дому. Она поселилась у бабушки, чтоб иметь возможность видеть ее каждый день, а как та умерла, она стала жить с сестрами. Я познакомилась с двумя из них, а двух других еще не знаю. Они приехали в тот момент, когда я хворала и не выезжала, потом они не покидали спальню своей бабушки, а нынче они носят траур. Все говорят, что свадьба будет весною, и вопреки отчаянию Горчаковых274 она к ним явится.

24 января / 5 февраля

Вчера я обедала у тетеньки и видела там Николая Петровича, который говорит, что деньги есть и что тебе их скоро вышлют. Он очень сетует, что не имеет ответа на письмо, которое тебе послал, и просит ответить. Напиши же к нему, моя дорогая. Как ты хочешь, чтоб он что-нибудь сделал, ежели ты не отвечаешь на его письма? Он весьма озабочен и не знает, как поступить. Ежели ты не можешь написать, маменька могла бы это сделать. Сегодня я обедаю у твоего дяди Баранова, возможно, со всем его семейством. Я очень редко вижу твою тетку Шишкину. Она много разъезжает, но не на балы и всегда одна. Девица же совсем не бывает в свете и говорит, что не желает туда ездить. По-моему, у нее унылый вид, потому как маменька ездит лишь туда, где можно составить партию в преферанс. Нынче утром придется еще ехать поздравлять Монашенку с днем ее рождения. Она устраивает вечеринку для друзей несмотря на траур. Но я туда не поеду, потому что Бахметевы зовут, и я предпочитаю ехать к ним. А завтра в девять часов утра я отправляюсь к бабушке, у ней послезавтра именины. Как братец меня сопровождает, то я пробуду там лишь несколько дней, да и мороз нынче такой, что откровенно признаться, эта поездка мне вовсе не улыбается.

Сейчас Москва очень оживлена, балы почти каждый день. Вчера был прелестный бал у Чертковых275 в честь дебюта их старшей дочери, ей недавно исполнилось семнадцать лет, и она очень хорошенькая. Будет еще много балов, а на масленицу два journees folles*. Словом, по мнению охотников потанцевать пост наступит слишком рано. В оперу ездят по-прежнему. Тенор Сальви просто великолепен, особенно в “Лючии ди Ламмермур”, это его лучшая роль. Уже абонируются на будущий год, обещают хорошую программу, но Сальви не будет, потому что он заменит Рубини в Петербурге, с жалованьем восемьдесят тысяч рублей. Будет, право же, прелестно, ежели это предприятие удастся, ведь какое наслаждение слушать хорошую музыку!

Ты хочешь, чтобы я тебе рассказала про Бакуниных, но откровенно говоря, не об чем особенно говорить. Старик очень сдал, сыновья в деревне, дамы живут весьма спокойно. Евдоксия долго хворала — она упала и вывихнула ногу. Молодой человек276, об котором ты говоришь, есть племянник старика, сын Александра Михайловича277, что живет в Твери. Что же до Головина278, то он брат того, что женат на Комиссаровой. У них не имущество в казну отобрали за то, что они остались в Париже, а им запретили возвращаться на родину. Они и хотели бы вернуться да не посмели. Отец Бакунина ведет патриархальную жизнь, он совсем слепой и хворый, но милейший человек, очень умный и всеми почитаемый. Вообрази, как должно его огорчать поведение сына. К счастию для него, он имеет многочисленное семейство, и прочие его дети стараются, чтобы он забыл горе, причиненное старшим сыном. Нынешняя зима проходит совсем без свадеб, была лишь одна, да и та тайком — меньшая Беринг была увезена Колокольцовым. Их любовь длилась три года, родители девицы не были против, но отец молодого человека возражал из-за недостаточного состояния. Кажется, впрочем, что Москва приняла обет безбрачия, никто не женится и не собирается жениться, по крайней мере ничего такого не заметно.

Но довольно новостей, да мне и нечего больше сказать. Надеюсь, мое письмо застанет тебя совсем спокойной и обнадеженной насчет здоровья маленького Эжена. Поцелуй за меня своих деток и скажи им, что я хочу однажды к ним написать, каждый из них получит письмецо, а я жду обещанных ими цветов с почтовою каретой из Хохберга. Все семейство тебе кланяется и наперерыв целует, а я крепче всех. Мое почтение маменьке, кажется, сей раз она изумительно поработала над приданым красавицы Анны . Я довольна, что у маленького Эжена появился кивер, ведь он так об нем мечтал! Ежели большой Эжен еще в Стутгарте, то я его целую, а ежели нет, то заверни мой поцелуй в листок бумаги и пошли ему в Лондон. Прощай, любезнейшая Сашенька, старайся быть здоровою и не слишком огорчаться. Я все же надеюсь, что твои лучшие дни не заставят себя ждать. Кланяюсь всем, кто имеет любезность обо мне помнить.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 23 февраля/7 марта 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ

ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 279—282.

36

Москва, 23 февраля / 7 марта

Дорогая Сашенька, ты не поверишь, как я была счастлива узнать приятную новость, что ты мне объявила! Благодарю, что ты поспешила это сделать. Эта новость пришла в тот момент, когда я горевала о твоем вдовстве (так как была твердо убеждена, что Эжен уже в Лондоне). Я уже воображала, с какой печалью вы расставались, сколько дурных минут пришлось тебе пережить, чтобы постараться скрыть от него свою грусть. А потому ты можешь понять, как я счастлива была узнать, что лишь я одна и печалилась об вас и что вы будете вместе еще несколько месяцев. Какая счастливая идея явилась Королю, ведь это устраивает и Короля, и Его сына, и нас. Правда, у бедного Эжена будет большая обуза на руках и он проведет немало неприятных минут благодаря Его Королевскому Высочеству, но у Эжена столько ума, благородства и опытности, что он, конечно, выйдет из затруднительного положения с честью и к полному удовольствию всех заинтересованных сторон. И потом, я думаю, что путешествие сделает больше пользы его здоровью, чем та утомительная жизнь, что ему приходится вести в Лондоне. Словом, я надеюсь, что это дело будет иметь только добрые и благоприятные результаты. Мне только очень любопытно знать, что же последует за этим путешествием, но у меня еще будет время это узнать. Надеюсь, теперь ты совсем поправилась и смогла воспользоваться увеселениями, которые тебе предоставила ваша масленица.

Нынешней зимой Москва мало веселилась по причине траура по герцогине Нассауской279. По получении сего известия все балы были отменены и возобновились лишь на прошедшей неделе. У нас теперь масленица, но не очень шумная, было всего три вечеринки, завтра в Собрании будет обед с танцами, а под конец, послезавтра — folle journee у Салиасов. Лиза танцует как шальная, но несмотря на это говорят, будто она всегда печальна, быть может из-за разлуки с мужем. Эта женщина получает безымянные письма по городской почте, устроенной с нового года. В этих письмах не перестают насмехаться над нею, над ее манерою себя держать и вальсировать, советуют делать это более пристойно. В самом деле, у нее, говорят, совсем особая манера вальсировать, едва ли приличная женщине, причисляющей себя к хорошему обществу. Третьего дня в Собрании она вальсировала с такой резвостью, что у нее растрепалась вся прическа, то есть буквально все, что было у нее на голове, очутилось на полу. Мне особенно нечего рассказать про московские события, честное слово, нету ничего интересного, ничего такого, об чем стоило бы говорить.

Самая интересная новость печальна — я хочу рассказать о кончине господина Ермолова, женатого на Щербатовой280. Вчера его похоронили, и для него смерть стала большим избавлением, потому что под конец он невыносимо страдал. Мне от всей души жаль бедную женщину, она, как и следовало ожидать, находится в весьма двусмысленном положении, чем даст повод для разных толков. Люди так злы, что всегда готовы дурно судить об своем ближнем. Городские слухи таковы, что будто бы по завещанию он ей оставляет состояние в три тысячи душ да семьсот тысяч рублей капиталу, два дома в Москве со всей обстановкою и со всеми вещами, наличными деньгами и непредъявленными векселями. Понятно, что молодая, богатая и красивая вдова дает повод ко всяким разговорам. Вот самая интересная московская новость. Мне пришлось прервать письмо, потому что к нам приезжали девицы Нарышкины, и я их принимала. Невесты Валуа с ними не было, я тебе уже говорила, что она совсем не выезжает по нездоровью, но говорят, будто уже с месяц ей лучше. На будущей неделе мы проведем у нее вечер. Валуа послал свой портрет, вделанный в браслете, и невеста ожидает его с большим нетерпением. Я не могу понять, как сумеет брат дать этим дамам деньги, что им следуют. Чтобы быть в состоянии это сделать, ему надо продать свое имение, а это не так просто, ведь лишь узнают, что имение продается из нужды, оно тотчас теряет в цене, и каждый хочет иметь его задаром.

Однако же надо хоть немного рассказать тебе и про нас, хотя, по правде сказать, нет ничего

особенно веселого. Со времени моего последнего письма я съездила в деревню. Я нашла в бабушке большие перемены, она очень постарела и так ослабела, что ни разу не была в церкви. Она очень мне обрадовалась и сделала все возможное, чтобы это доказать. Она расспрашивала про маменьку и про тебя, задавала кучу вопросов про твоего мужа и детей, и все это с большим интересом. Узнавши, что у меня есть портрет твоего мужа, она меня упрекнула, зачем я его не привезла, чтоб ей показать, “я, — говорит, — с таким бы удовольствием на него взглянула”. А потому я должна была ей пообещать, что когда приеду к ней летом, привезу портрет Эжена. Право, она очень добрая и славная и очень тебя любит. Воротившись, я нашла все семейство в добром здравии, но спустя несколько дней мы были очень огорчены и напуганы внезапной смертью одного из Лизиных детей — самого младшего, ему был год с небольшим. Правда, этот ребенок был хилый и золотушный, у него плохо шли зубки. Но несмотря на это в день своей смерти он не был болен больше обыкновенного. Он очень хорошо пообедал в присутствии сестрицы, потом принялся играть и вдруг попросился на стульчик. Лиза отошла от него и едва повернулась спиной, как ребенок испустил дух. Полагают, что причиною столь внезапной смерти было прорезывание зубов и что это истинное счастье для бедного малютки, он до конца своих дней оставался бы хворым и быть может страдал бы рассудком, потому что у него вся голова

была золотушная. Лиза, разумеется, жалела и оплакивала его, но была очень рассудительна, потому как хорошо понимала, что этот ребенок принес бы ей много горя. Право же, грустно думать, что кроме как про покойников мне не об чем и рассказать и нечем тебя развлечь.

В твоем письме есть одна фраза, которой ты будто упрекаешь меня в лености к тебе писать. Я однако же была весьма точна и не думаю, чтобы с моего отъезда прошел хотя бы месяц, когда бы я не дала о себе знать. И я всегда делала это не ленясь, а с усердием, так как это доставляет мне огромное удовольствие. Ты, дорогой друг, ошибаешься, ежели думаешь, что я могу тебе сообщить что-то интересное, на самом деле у вас гораздо больше интересных событий. Говорить тебе про семейство? Но ведь не об чем и сказать, нежели что семейство здравствует, дети растут и развиваются, да родины прошли благополучно. Наша семья не богата событиями. Нынешнее общество совсем тебе незнакомо, но я по возможности об нем рассказываю. У нас все так однообразно и спокойно, у вас же событий гораздо больше, и самых разных. Но не подумай будто я бросаю тебе упрек, нет, Боже сохрани, не думай так. Напротив того, я очень тобою довольна и не умею высказать всю признательность за дружбу, которую ты мне свидетельствуешь. И я все это сказала лишь в свое оправдание на упрек в лености, что ты вроде бы мне делаешь.

Лично меня всего больше сейчас интересует нечто похожее на службу. Надо тебе сказать, что недавно создано Общество попечительства о бедных. Москва разделена на семнадцать частей, в каждой теперь есть дама-попечительница, которая в свою очередь выбирает себе в помощь столько дам, сколько ей угодно. Это помимо мужчин, которые являются служащими. Цель этого общества отыскивать бедных, стыдящихся просить милостыню, помогать им, давать им средства к пристойному существованию, а главное стараться так воспитывать детей, чтоб отучить их от дурного пристрастия попрошайничать. С этой целью их будут помещать в заведения, которые открываются в каждой части, вернее, пока в некоторых. Как денежные средства невелики, то весь расчет на милосердие благодетельных особ, пока же открывают совсем маленькие заведения. Госпожа Черткова есть дама-попечительница Рогожской части, а я у нее в помощницах. И вот завтра мы освящаем небольшой приют, где детей будут обучать грамоте, арифметике, Закону Божию и разным полезным ремеслам, которые дадут им средства к существованию. Сей приют будет под моим непосредственным попечением. Я, право же, рада этому занятию, оно будет мне развлечением и притом даст мне способы быть кому-нибудь полезной на сем свете. По крайней мере, проживу недаром. Надеюсь, с Божией помощью смогу сделать что-нибудь доброе.

Что ж еще сказать тебе? Третьего дня мы обедали и провели целый день у твоего дяди Баранова. Все его дочери теперь с ним. Старшая Ольга кажется умна, очень покуда робеет, но, верно, постепенно образуется. Самая хорошенькая из девиц — Варенька, она очень походит на своего

брата Николая, самая высокая и стройная, но у нее нездоровый вид, так как она ужасно бледна. Г-на Баранова очень огорчает его сын Александр, я, кажется, уже говорила тебе об этом. Это может стать серьезным делом. В первый день марта девицы едут в деревню, а папенька остается еще на несколько времени в Москве. У Ольги немалый талант к живописи, она рисует маслом пейзажи и много работает. Кроме того, у нее талант к музыке. Тетенька здорова, она к тебе напишет на будущей неделе, чтобы не писать в одно время со мною. Монашенка часто об тебе интересуется. Ее шестинедельный самый строгий траур кончился, и она оживает, потому что начинает выезжать. Ее муж в большой дружбе с Машей Львовой и бывает у нее по утрам. Он говорит будто очень хорошо себя там чувствует, потому что болтает попросту. Да и правду сказать, пребывание в Италии значительно развило Машу Львову. Теперь по вечерам эту женщину не увидишь иначе как полуобнаженную, возлежащую в удобных креслах, ноги вытянуты на соседние кресла, где обыкновенно сидит кавалер, во рту у нее сигарка, всегда она окружена мужчинами (потому что почти никогда не заводит разговору с женщиной) и мелет языком будто гренадер. Все романы Поль де Кока, вместе взятые, не более сальны, чем речи этой женщины. Третьего дня ее разговор с дядей Столыпиным был таков, что и храбреца обратил бы в бегство. Я право же не постигаю, как это женщина может находить удовольствие в такого

роду разговорах. Стоило путешествовать, чтобы привезти оттуда все самое скверное, ужасные понятия и противные разговоры. Для ее же блага остается пожелать, чтобы она вышла замуж, тогда быть может она станет более рассудительна. Но не стоит говорить об этом.

Пора заканчивать письмо, мне больше нечего сообщить. Ничего не могу сказать тебе про Машеньку Ловейко, так как решительно не знаю, где она. Мне очень досадно, но я решительно ничего не могу поделать. Она знает, что мы в Москве, но не подает и признака жизни. Я начинаю думать, что эта особа недостойна твоих милостей. Прощай, любезнейшая Сашенька, будь здорова и продолжай сообщать мне добрые вести. Мой поклон Эжену, я очень признательна ему за письмо, но не благодарю его особым письмом, чтобы не быть нескромной. Поздравляю его с нынешней переменою в службе и надеюсь, что в дальнейшем она принесет ему счастие. Ежели он позволяет, я даже его целую, а также и тебя, мой милый друг. Крепко поцелуй детей и скажи им, что я очень их люблю и каждый день о них думаю. Я намеревалась к ним написать, но сегодня у меня нет времени, сделаю это в другой раз. Мое почтение маменьке, надеюсь, она здорова. Часто ль она видит за обедней Горчаковых, как они обживаются? Девицы Нарышкины мне сказали, что Алексей Пушкин281 был назначен состоять при посольстве и что он остается при отчиме. Что за славный атташе, будет ли он хоть теперь любезнее? Бедный Скарятин, какого унылого заместителя имеет он в лице этого атташе. Прощай, дорогая, все семейство тебя приветствует, обнимает и шлет тебе тысячу нежностей. Расскажи мне, как дела у Берлихингенов. Мой поклон тем, кто имеет любезность обо мне помнить. Пришлось ли вам и сей год поесть фазанов, как прошлый год?

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 8/20 марта 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 282—285.

37

Москва, 8/20 марта

Любезнейшая Сашенька, мне недостает слов, чтобы выразить тебе всю мою признательность, ты так добра ко мне, так любезна, так меня счастливишь, часто давая знать о себе! Я хотела бы доказать тебе мою благодарность за твою ко мне дружбу, но к сожалению, у меня так мало возможностей. С каждым твоим письмом я все надеюсь узнать, что ты на ногах и не хвораешь, но, к несчастию, я каждый раз ошибаюсь, потому что ты всегда пишешь ко мне лежа в постели. Слишком уж затягивается это удовольствие. Но я надеюсь, что нынче у вас хорошая погода, цветут твои фиалки, и Людвиг позволяет тебе их рвать. Мне хочется думать, что твое будущее письмо объявит об полном твоем выздоровлении. Ты можешь быть уверена, что едва получивши

твое письмо, я тотчас поoывала у дяди Афанасия, но его никогда не застанешь дома, его можно увидать только за обедом. Вот почему я хотела сегодня там обедать, но Монашенка прислала мне сказать, что ее мать очень больна, а потому она не может никого принимать. Мне было неприятно, но впрочем я спокойна, потому что тетенька приглашала дядю Афанасия к себе и говорила с ним. Судя по тому, что она мне сказала, я надеюсь, что дело будет улажено. Сей год маменька не обязана возвращаться в Россию, паспорт ей, конечно, продлят, и даже вероятно, что в случае возвращения она не будет платить пошлину. В последнем нет уверенности, но это вполне вероятно, так как теперь уже нет таких строгостей в этом отношении, и полагают, что даже будут какие-то перемены. Давай подождем, не надо ничего торопить. Главное теперь поступать так, как тетенька предписывает в своем письме. Я не стану этого повторять, потому как знаю, что она пишет к маменьке, стало быть не стоит труда писать то же самое. Что же до денег, об которых ты говоришь, то я не смогла поговорить с Баташовым, потому что он хворает, и я не смогла его повидать. Но как скоро его увижу, я с ним об этом поговорю. Тетенька сказала, что он намерен уплатить все долги из денег, которые получит за рубку леса. Это наилучший способ, так как имение останется чистым от долгов, что очень важно в случае продажи. Я была бы рада узнать, что сей год маменька сможет избежать путешествия, для нее, право же, это было бы очень неприятно. Тетенька думает отправляться в деревню при первой же возможности туда проехать. Что же до будущей зимы, она еще не знает, проведет ли ее в Москве или в Петербурге. Говорят, Игнатьев должен получить там место, в этом случае она, конечно, снова поселится в Петербурге.

Ты меня упрекаешь будто я мало говорю про семейство, но честное слово, моя дорогая, мне особенно нечего сказать. Ежели говорить в подробностях про Лизу, то пришлось бы говорить о няньках, кормилицах, гувернантках и уроках. Словом, это была бы лекция о воспитании. Лизино здоровье сейчас гораздо лучше. Что же до Алеши, то он ведет жизнь весьма уединенную, погрузился в свои медицинские книги и с увлечением их изучает, а чтобы дать себе немного отдыха, составляет партию в преферанс. Моя невестка больше всех бывает в свете, так как вывозит свою сестру282. Менее всего могу сказать про сестрицу Варю, так как сей год мало ее вижу. Она бывает у нас по воскресеньям, мы тоже ездим один раз в неделю, остальное же время она проводит в семействе Корфов и Ладыженских. Она так привязалась к двум этим семьям, что даже не стесняется нам показывать, как ей скучна необходимость видеться с нами хотя бы дважды в неделю. Такой переменою в понятиях она решительно обязана подстреканию Маши Львовой, которая взяла себе за правило не стесняться никого и ничего. Но кто меня более всех удивляет в этом деле, так это Бахметев. Он так взыскателен в своих визитах, он терпеть не мог это семейство и до сих пор говорит будто смертельно там скучает, но несмотря на это проводит у них все время и стал там своим человеком. Сестрицу я всегда знала как особу бесхарактерную, но никогда не предполагала этого в Бахметеве. Я сожалею, что позволила себе все это сказать, потому что не слишком люблю говорить про такого рода дела. Но об чем бы я с тобой ни говорила, я всегда говорю правду, с тобой мне невозможно поступать иначе. Вот отчего я иногда избегаю рассказывать об некоторых вещах, ведь это имеет такой вид, будто я хотела дурно о ком-то отозваться, что однако вовсе не в моем характере. А впрочем, оставим это, я очень сожалею, что сказала лишнее.

Нынче Москва отдыхает после развлечений масленой недели. Начинаются концерты, но хлопоты о билетах это сущая беда. Нам обещали Виардо, для нее уж и квартира готова, но она все не едет, а вчера мне даже сказали будто она вовсе не приедет. Однако же я надеюсь, что это ложный слух, я бы очень хотела ее услыхать, потому что ее превозносят до небес. Концерт итальянцев в Петербурге окончился блестяще. Я знаю подробности от мадемуазель Гурко, что была сему свидетельница, да и многие письма говорят то же самое. Так вот, в конце представления им стали бросать множество букетов, покуда сцена не превратилась в клумбу, словом, цветов было на две с половиной тысячи рублей. Кроме того, Рубини преподнесли золотой венец с драгоценными каменьями замечательной работы придворного ювелира. Виардо вручили porte-bouquet*, золотой, с четырьмя прекрасными бриллиантами, а Тамбурини — серебряный кубок. Можешь себе представить, как они были тронуты и преисполнены благодарности. Москва не была столь щедра, было много, много букетов, но и только.

Говорят, во время поста будет несколько раутов, но покуда ничего не известно. Тетенька немного сердита на Монашенку, и не без причины. Правда, Монашенка на редкость простодушна, и часто можно ее простить из внимания к таковому простодушию. Вот в чем дело. Монашенка, надо тебе сказать, в очень большой дружбе с семейством Четвертинских283. Все они очень милые особы, это правда, но Монашенка требует всеобщего восхищения этими девицами. Как-то раз, говоря с тетенькой про Аркашу и про его жену и думая сделать приятное, она возьми да и брякни, повысив голос и моргая полными слез глазами: “Ах, сестрица, как мне жаль, что Аркаша женился на Кате, ну что это за женитьба? Другое дело, ежели бы он женился на одной из девиц Четвертинских, как они хороши, как прелестны, какие бы у вас были добрые невестки!” Пораженная этим тетенька, конечно, рассердилась, однако же довольно спокойно ей отвечала, что как нельзя более довольна женитьбою своего сына и всем на свете Четвертинским предпочитает свою невестку, потому что Катя воспитана гораздо лучше, чем эти дамы. И с тех пор тетенька вроде бы имеет на нее зуб. Наконец-то могу объявить про свадьбу. Дочь г-на Толстого Николая Николаевича выходит за князя Абамелека284, брата хорошенькой княжны. Это очень молодая пара и женятся по склонности. Про свадьбы больше рассказать нечего.

Очень досадно, что я не могу сказать ничего удовлетворительного насчет Машеньки Ловейко. Она покинула дом княгини Вяземской, где временно жила, ради какого-то места возле Ярославля, но не сказала, куда едет, и даже не простилась с княгинею, так что никто не знает, где она. Признаюсь, у меня есть веский повод думать, что в настоящий момент она вовсе не в гувернантках. Я опасаюсь, что это место совсем другого рода, а иначе зачем прятаться и делать тайну из имени семейства, в котором она служит. С той поры, что она уехала из Москвы, она не подала и признака жизни Алеше и его жене, хотя они были очень к ней добры. Допустим, она не знает, что я в Москве, она могла, однако же, написать к Алеше, ведь он даже велел ей это сделать. Нет, дорогая моя, она негодная особа, и можно лишь сожалеть об твоих об ней заботах и жертвах, сделанных ради нее, она их не заслуживает. Ты, конечно, права, расстраиваясь из-за этого, я понимаю, что это должно тебя огорчать, потому что твоя добрая душа не может равнодушно видеть зло, но она не стоит того, чтобы ты ради нее волновалась. Впрочем, как я уже тебе говорила, ты очень хорошо ее раскусила и ничуть не ошиблась в ее характере.

То, что ты рассказываешь про девиц Хвощинских, очень меня удивляет. Как это можно думать, что ты, мать троих детей, в состоянии выложить им четыре тысячи, такие деньги мало кто может дать, не поставив себя в затруднительное положение. Их кузен так к ним добр, и меня очень удивляет, зачем они обращаются не к нему, а к тебе. Ежели кто в их семействе и может без больших затруднений дать им такую сумму, так это, конечно, он. Совсем им не ответить было бы жестоко, но, дорогая моя, отчего тебе совестно сказать им правду? Разве можно отвечать за слова, сказанные ребенком? Мать семейства себе не принадлежит и не всегда может выполнить обещания, сделанные девочкою восьми-девяти годов. Недавно я узнала, что мадемуазель Хьюм285 поступила гувернанткой к детям кузена Хвощинских. Вероятно, эти дамы ее и рекомендовали, так как одна или две из них всегда живут у кузена. Ты спрашиваешь, часто ль я вижу Оболенских. Нынешней зимою старики были у нас под запретом, потому что в их доме были больные — племянница свекрови и ее воспитанница болели скарлатиною. Мы, разумеется, тоже у них не бывали, но нынче карантин кончился, и мы можем к ним ездить. Впрочем, я мало этим пользуюсь, так как в любом случае редко там бываю, там непременно надо играть, а мне это скучно. Что же до Софьи Евреиновой, то я часто ее вижу. Я ее навещала, когда она оправлялась от болезни. Теперь же она благополучно родила, ее шесть недель кончены, и она выезжает. Вчера мы вместе ездили в театр и были в концерте, который давали итальянцы. У нас была литерная ложа, нас там было двенадцать, и ты можешь вообразить, как мы повеселились. Два или три дня тому назад я провела прелестный вечер у девиц Нарышкиных, которые очень мне нравятся. Невеста Валуа очень беспокоится, не имея вестей от жениха, письмо задерживается уже больше недели. Ты не поверишь, как этими обстоятельствами с перепиской она напомнила мне время после вашей помолвки и твои тревоги, ежели письмо задерживалось. У бедняжки очень хилый вид, я опасаюсь, что она недолго будет наслаждаться своим счастием.

Варвара Александровна Лопухина

Благодарю тебя за новости из Стутгарта, ты не поверишь, как мне интересно все, что там происходит. Чтобы доказать тебе, что я знаю Иглосштейна и его невесту, скажу, что у него прекрасный голос, я его видела и слышала его пение у Пальмов. Невеста же должна быть из тех молодых особ, что я видала также у Пальмов, и о них говорили в связи с Двором молодого (нрзб.). Видишь, я всех их знаю. Поверь, я знаю многих, даже больше, чем ты полагаешь, и отлично всех помню. А теперь, пожалуй, разумнее будет заканчивать письмо, так как оно становится слишком уж велико, но от того не делается интереснее. Сколько бы я ни писала, оно не станет веселее, и лучше уж я закончу. Прощай, любезнейший друг, постарайся выздороветь и стать, наконец, совсем здоровою. Я все очень сожалею, что была в Стутгарте прошедшей зимою, а не нынче. По крайней мере я могла бы быть более полезна, читала бы тебе вслух, немножко смотрела бы за детьми, а прошедший год я была вовсе бесполезна. Надеюсь, мое письмо придет еще кстати, чтобы пожелать Эжену счастливого пути. Кланяюсь ему и надеюсь, что отныне он станет спускаться по лестнице с большей осторожностью, а не кувырком, как недавно. Мое почтение маменьке, я очень счастлива узнать, что она спокойно проведет лето с детьми в

Хохберге. Целую детей и очень рада, что они здоровы. Прощай, моя дорогая, все семейство приветствует тебя и целует, и я также. Я позабыла тебе сказать две новости. Во-первых, обер-полицмейстером у нас господин Лужин286, маменька его знает, он брат госпожи Ховриной. Во-вторых, умерла госпожа Салтыкова287, мать Валерьяна, который решительно помешался.

Алексей Александрович Лопухин

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 30 марта/11 апреля 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 285—287.

38

Москва, 30 марта / 11 апреля

Любезная Сашенька, твое последнее письмо доставило мне большую радость, потому что уведомило меня о полном твоем выздоровлении. Надеюсь, теперь у вас хорошая погода, и свежий воздух поможет тебе набраться сил, что так тебе необходимы после столь долгого затворничества. Каким образом всем вам удалось выдержать столь жестокие морозы нынешней долгой зимы? Я хорошо понимаю, что ты-то могла топить по нескольку раз в день, чтобы спастись от холода, но что делал простой народ, у них чаще всего и печки-то нет. Это ужасно. Эжен, верно, уже уехал, и я не сомневаюсь, что при первой же возможности ты переедешь в деревню. Мне нетерпится узнать, что ты найдешь в Хохберге, я очень боюсь, как бы нынешняя зима не причинила вреда твоему саду и виноградникам. Очень грустно, ежели убыток большой, я нахожу, что ничто так не обескураживает, как необходимость начинать все заною.

У нас весна тоже очень запоздала, можно сказать, что лишь вчера была первая оттепель, а до сих пор на солнышке бывало тепло, но мороз часто под десять градусов и масса снегу. Я очень сомневаюсь, что гулянья на Пасху будут приятны, особенно по утрам, будет слишком грязно. Сей год я, конечно, увижу гулянье, так как дом, что занимает сестрица Бахметева, находится под Новинским, стало быть я могу смотреть в свое удовольствие и без лишнего беспокойства. Во все это время я мало видала тетеньку, она была очень занята бедною Монашенкой, которая лишилась матери288 и искренно ее оплакивает. Дядя Афанасий также был весьма опечален этой смертью, я даже видела, что он много плакал. Он сказал, что очень ее любил, по крайней мере он мне говорил в этом смысле еще при жизни покойной. Он говорил, что женившись, нашел в ней женщину вспыльчивую, раздражительную и довольно требовательную, но после она совсем переменилась и сделалась образцом кротости и доброты. Я особенно об ней сожалею ради детей, которыми она занималась, девочки почти всегда были с нею. Монашенка же редко их видит, она

слишком мало бывает дома, чтобы заниматься детьми. Я присутствовала на похоронах госпожи Устиновой. Они были особенно печальны из-за происшествия, случившегося с ее дочерью — госпожой Евсюковой289. Она особенно любила мать, и когда к ней написали, что та очень больна, она поспешила в Москву, но приехала к заупокойной обедне. Едет она мимо церкви, видит погребальные принадлежности и вдруг узнает одного из матушкиных слуг в траурной ливрее. Ты легко представишь ужасное положение этой женщины, желавшей во что бы то ни стало успеть в церковь и присутствовать на отпевании. Бедняжке везет на несчастия, у нее было неудачное замужество, ей пришлось оставить мужа, и до сей поры она жила при матери, которая была ее единственной привязанностью и утешением. Детей у нее нет, и она обречена на одиночество. Сей год многие носят траур, много умерших. Наконец-то затевается одна свадьба — княжна Абамелек, сестра хорошенькой княжны, выходит за князя Кугушева. Но покуда это все, маловато для Москвы.

Наше семейство здравствует — и дети, и взрослые. Лиза все хлопочет о няньках и гувернантках, ей приходится сменить

весь этот люд. У них заболела няня, служившая девять лет, пришлось поместить ее в больницу, и

нынче Лиза берет немку, которая, помимо ухода за детьми, будет их учить говорить по-немецки, все ж таки выгода. Твоя тетка Шишкина уехала. Перед отъездом она много мне рассказывала про дядю Баранова и про его историю с сыном. В этом деле она и молодого человека полностью не оправдывает, и отца много обвиняет. С последним у нее даже вышла ссора, и он на нее рассердился, потому что она ему посоветовала прекратить дело, которое он затеял, чтобы лишить сына наследства. Чтоб иметь на это право, он должен был обратиться за разрешением к Государю. Ты легко поймешь, сколько сия история наделала бы вреда молодому человеку, да притом на всю жизнь. Хоть он и виноват пред отцом, но может еще исправиться. Тем более, что по словам твоих теток, отец виноват столько же, сколько и сын. Ты не поверишь, как жалко девиц, их положение весьма печально. Он поручил смотреть за ними ничтожной женщине, которая никогда не сможет ни образовать их для общества, ни дать им хорошего воспитания. Словом, эта женщина ни на что не годна. Несмотря на все упреки, господин Баранов не желает ничьих советов и упорствует, чтоб она осталась. Дочери ему уже в тягость, а потому он в дурном настроении. Словом, существование девиц самое печальное. Вареньку и Лизу он хочет поместить в пансион. Спрашивается, к чему это приведет и какого рода воспитание они получат? Какое, право же, несчастье, когда отцу семейства не хватает ума и здравого смысла. Я понимаю, что обуза тяжела, так зачем не облегчить ее, послушавшись доброго дружеского совета? Ему нетерпится выдать Ольгу замуж, вот увидишь, при первой же возможности он это сделает, хорошо, плохо ли, но сделает. Говорят, прошлый год был кто-то, кому она очень нравилась, у него было достаточное состояние, чтобы на ней жениться, но он отступился, когда узнал все семейные распри, прежние и нынешние. Я понимаю, это обескураживает и никто не пойдет с охотою в семью, где нет согласия. Послезавтра именины Маши Паскевич, и я думаю у них обедать, я давно уже не могла этого сделать. Я еще ничего тебе не сказала про маменькино дело, но сейчас мне нечего сказать, я уже тебе говорила, что дядя писал к Дубельту290, писано также и к Каханову291, который служит у него адъютантом. Но надо дождаться, чтобы получили матушкину бумагу. Я все же надеюсь, что не откажут. Я полагаю, что все эти затруднения существуют скорее для мужчин, а не для женщин, особенно когда известно, что есть веский резон, чтобы маменьке задержаться в чужих краях. Погодим унывать. Но на твоем месте я все же постаралась бы подыскать кого-нибудь, чтобы сопровождать маменьку, ежели ей придется сделать это путешествие, по крайней мере тогда у нее будет меньше трудностей. Впрочем, как я уже тебе сказала, я уверена, что ей не откажут.

Как интересны станут твои письма благодаря вестям про Эжена. Я не сомневаюсь в его успехах, но всегда хочется знать, каким образом и в какой мере он преуспел. Я очень хорошо понимаю, что ты уже не сможешь писать ко мне столь же часто, ведь твое время будет занято перепискою с ним. Но когда будешь ко мне писать, рассказывай, пожалуйста, об нем побольше. Уверяю тебя, меня интересует все, что случается с вами обоими, будто и я к этому причастна, и во всех ваших успехах есть и моя доля счастья. Вы всегда, постоянно в моих мыслях, и, сказать по правде, дня

успехах есть и моя доля участья. Вы всегда, постоянно в моих мыслях, и, сказать по правде, дня не проходит, чтоб я о вас не подумала, и даже не один раз. По сему ты можешь понять, как я дорожу любого рода известием. Ты мне выказываешь столько дружбы, что не можешь меня не понять. Твоя весть про обеих покойниц в самом деле весьма печальна, но смерть госпожи Колтен уже давно ожидалась, это почти благо при ее страданиях. Смерть же госпожи Каулы так неожиданна, ведь она была еще молода и крепка, да и детям необходима, они так еще малы. Нынче, когда у вас наступает пора цветов, я хочу тебя научить одному способу сохранять их свежими. Наполни вазу глиной, хорошенько полей и воткни туда срезанные цветы. Глину поливай каждый день. Таким образом ты сохранишь их свежими несколько недель. Я испробовала, и они стояли четыре недели, а в воде стоят всего несколько дней. Как, к примеру, было бы приятно долго сохранять ландыши! Не могу тебе сообщить ни одной московской новости. А потому заканчиваю письмо, нежно тебя целуя и с пожеланием здоровья, довольства и покоя. Мое почтение маменьке. Будешь писать к Эжену, кланяйся ему от меня. Все семейство тебя приветствует и целует. Прощай. Эти письма отдай детям.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 10/22 мая 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 287—289.

39

Москва, 10/22 мая

Давно уже, любезная Сашенька, я к тебе не писала и не имела от тебя вестей. Надеюсь, все вы здравствуете. Мне хочется думать, что ты сделалась молчалива из-за разлуки с Эженом, а не по нездоровью. Между тем, я имела вести из Стутгарта через мадемуазель Нарышкину, она мне кое-что рассказала, но, как и следовало ожидать, об тебе речи не было. Мне лишь известно, в какую пору уехал Эжен, вот и все. Она мне сказала, что г-жа Таубенгейм родила сына, а папаша купил имение. Наконец-то они на вершине счастия! Очень мне любопытно узнать, сколько писем написал папаша, чтоб объявить о рождении столь желанного наследника. Как бы я хотела знать, какой ответ получила маменька в отношении паспортов, да и получила ли, вот в чем вопрос. Третьего дня дядя Афанасий уехал в Петербург. Я видела его за несколько часов до отъезда и очень просила поинтересоваться этим делом. Будучи на месте и лично обратившись к тем, от коих зависит успех дела, он сможет ускорить ответ, ежели тот еще не готов. Он мне обещал заняться этим. На него можно рассчитывать, я уверена, он сделает все, что от него зависит. Его жена поехала лечиться в Крейцнах, так предписали доктора. Я полагаю, что она покинет Петербург к двадцатому числу сего месяца. Она тебя просит к ней написать, чтоб она знала, когда и каким образом могла бы тебя повидать, она непременно этого хочет. Свое письмо адресуй во Франкфурт-на-Майне, до востребования. Откровенно говоря, я завидую ее участи, но не путешествие делает меня завистливой, а мысль, что она тебя увидит. Она и не помышляла об этой поездке, но доктор определенно велел ехать. Она говорит будто едет с неохотою, и в сущности я этому верю, не очень-то весело покинуть родину и чрезвычайно уютный дом и отправиться на лечение в Крейцнах, а после в Дьеп. Осенью она возвратится в Москву.

Недавно получено известие, что Катя Шан-Гирей назначена фрейлиной и будет жить во Дворце. Это устроено по ходатайству госпожи Столыпиной292, жены Алексея. Девица очень этим польщена, я же думаю, что на самом деле ей лучше бы оставаться у дяди Афанасия. Мне всегда кажется, что у добрых родственников девице лучше, чем при Дворе. Я даже думаю, что Монашенку это слегка задело, по крайней мере так можно было заключить из того, что она говорила. Со вчерашнего дня семейство тетеньки Столыпиной вернулось в свое обычное состояние, так как Паскевичи уехали. Я уверена, что тетенька будет особенно чувствовать разлуку с малюткою, которая, право же, прелестна, хороша и мила. Аркашина жена беременна, родит, верно, в сентябре месяце. Она намеревается рождать в Одессе, и в таком случае тетенька поедет туда к ним и будет, вероятно, там зимовать. Но ничего определенного пока нет. Тетенька предпочла бы, чтобы в эту пору ее невестка приехала в Москву, ведь она так хрупка, так слаба,

что за нею нужен тщательный уход. Узнавши о смерти госпожи Устиновой, она чуть было не выкинула. Это доказывает, до какой степени она слаба, ведь на самом деле ее огорчение не было так уж велико, чтобы дойти до такого состояния. Словом, я пока еще не знаю, как все это будет, надо надеяться, что в любом случае все устроится к лучшему. Пашенька Игнатьева должна быть в Москве к концу мая. Они меняют место жительства, Игнатьев, говорят, получил очень хорошее место в Петербурге. Они давно уже желали такой перемены, так как дети подросли и надо думать об их воспитании, а в Вятку никто ехать не хочет.

Ты не поверишь, каковы нынче гувернантки, это все важные дамы, не желающие ничего делать. Смотреть за детьми — они и слышать не хотят, давать уроки. — тоже утомительное занятие, от которого они делаются больны. Словом, плати им за то, что они ведут себя как компаньонки и восседают в гостиных. Твое счастье, что ты воспитываешь детей в своей Германии, где гувернанток не балуют, и ты не будешь знать этакой головной боли. Ежели бы ты могла видеть, какие бедная Лиза терпит муки со всеми этими дамами, ты бы ее пожалела. Детям нужны уроки, а средства невелики. Разумеется, ей много помогают родные, но все-таки она никак не может найти гувернантку. Она рассчитывала ехать на днях в деревню, но эта история с гувернанткой ее задержит. У сестрицы Бахметевой было много беспокойства из-за Оленьки, которая больна с Пасхи. У нее коклюш, но благодарение Бога не сильный. Она тоже надеялась уехать из Москвы в первых числах мая, но теперь хорошо, ежели уедет в последних. Москва пустеет, многие едут в деревню несмотря на дурную погоду, ведь уже с месяц идет проливной дождь. Развлечений немного, лишь семейство Салиас и Кобылиных умеет веселиться в любом случае. Дождь ли, ветер ли, верхом или в шарабане, не важно — они куда-нибудь едут. Иногда берут с собою музыкантов и танцуют, где представится случай. Лиза Салиас отложила до будущего года свое намерение ехать к мужу. Она всем рассказывает будто ее муж занят отделкою своего замка, который в настоящий момент не достоин еще принять свою прекрасную владелицу. Но через год все будет готово, и тогда она там поселится, ежели только ее муж не вернется в Россию. Они становятся смешны со своими историями о замках и поместьях.

Бедная госпожа Жюльвекур снова овдовела, она недавно получила известие о смерти своего мужа. У него был аневризм, от коего он страдал еще будучи в России, но во время его последнего пребывания в Париже болезнь усилилась и приобрела столь тревожный характер, что брат Жюльвекура поспешил объявить об этом жене, сообщив, что болезнь приняла такой оборот, что ей следует приготовиться к любому печальному известию. Она тотчас вознамерилась ехать к мужу, Александр Кротков должен был даже ее сопровождать, так как невозможно было позволить ей ехать одной в том состоянии, в котором она находилась. Но покуда она готовилась к отъезду, пришла весть о смерти мужа. Господин Всеволожский293, который ни об чем не может рассказать попросту, объявил некоторым знакомым о смерти своего зятя и сказал будто покойный явился жене в самый момент своей смерти. Он утверждает будто вечером, улегшись в постель и уже засыпая, мадам вдруг услыхала, что полог с шумом раздвинулся, она открыла глаза и увидала пред собою мужа, который тотчас исчез, не промолвив ни слова. Испуганная женщина вскочила с постели, прибежала к отцу и сказала, что ее муж умер, она в том уверена, поскольку только что его видела. Они записали день и час, и оказалось, что точно тогда он и умер. Ты понимаешь, что я рассказываю это не как подлинный случай, напротив того, я очень в этом сомневаюсь и потому сначала тебе сказала, что это исходит от старого папеньки. Как любопытно мне знать, есть ли тут хотя одно слово правды, но покуда я не видала никого, кто мог бы мне дать какие-нибудь сведения. Наконец-то в Москве затевается блестящая свадьба. Граф Толстой294 (брат того, что женат на Грузинской) женится на графине Строгановой, дочери куратора Московского университета. Это очень молодая особа, красивая и богатая. Он тоже по своему состоянию, рождению и личным достоинствам считается выгодной партией. Словом, эта свадьба почти единственная, но зато весьма видная, а такие нынче редки.

Вот мои московские новости, а теперь вернемся к тебе. Я с нетерпением жду вестей от тебя, ведь мне столько нужно узнать. Как будет решена маменькина участь? Когда возвращается Эжен, доволен ли он путешествием? Когда ты отправляешься в Остенде, сколько времени так пробудешь, который из детей будет тебя сопровождать? Каким образом смогу я к тебе писать,

пребудешь, которым из детей будет твой сопровождать? Каким образом смогу я к тебе писать, куда адресовать письмо или же я должна буду по-прежнему писать в Хохберг? Ты, конечно, давно уже там устроилась и тебе там хорошо, я не сомневаюсь. Какие ты нашла там перемены, надеюсь, зима не наделала вреда? Скажи, пожалуйста, не причинила ль новая церковь ущерба твоему саду? Право, было бы совсем печально, ежели бы у вас отняли часть земли. Я еще не знаю ничего положительного насчет лета, я очень бы хотела поехать к сестрам и к бабушке, но покуда не знаю, что получится. Однако даже ежели я поеду, в Москву буду возвращаться каждый месяц, потому что не могу поступить иначе. Ежели вдруг у тебя появится доброе намерение ко мне писать, адресуй письма в Москву, а я при отъезде распоряжусь об этом и уверена, что ни одно не пропадет. Удалось ли тебе найти кого-нибудь для детей? Вот сколько вопросов, ответы на которые бесконечно меня интересуют. А покуда я прощаюсь, целуя тебя от всей души. Мое почтение маменьке. Мой поклон Эжену и много, много поцелуев моим маленьким друзьям, надеюсь, они еще не совсем меня позабыли. Прощай, моя дорогая, да благословит тебя Господь и да пошлет тебе здоровья, счастья и успеха в лечении, которое, надеюсь, будет окончательным, а, стало быть, и последним. Все семейство тебя целует и приветствует.

Я только что узнала о смерти старой госпожи Тиньковой.*

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 17/29 мая 1845 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 289—291.

40

Москва, 17/29 мая

Уже неделя, как я получила твое письмо, любезная Сашенька, и несмотря на все мое желание написать к тебе как можно скорее, чтобы доказать, что я на тебя не сержусь, я не могла этого сделать до сего дня, потому что мне прежде хотелось узнать, сумею ли я исполнить твои поручения. На другой день по получении твоего письма я пустилась на поиски, чтобы разузнать, можно ли найти то, что ты просишь. Такого газу, как ты желаешь, больше не выделывают, зато есть золотой и серебряный муар, он великолепен и мягок, как шелковый. Кроме того, есть муар розовый, синий, пунцовый, желтый, лиловый и серебряный. Все это прелестно на вид и, как я сказала, имеет совершенную мягкость шелкового. Цена не так уж велика, по семнадцати с полтиною. Ежели тебе это подходит и ты согласна, напиши ко мне тотчас по получении моего письма, и когда придет твое, у меня еще будет время, чтоб исполнить все поручения. Укажи, сколько ты хочешь аршин и какого цвета. Затем, насчет петличного снура и золотой бахромы также скажи, сколько надобно аршин и какой ширины. В письме ты довольно неясно и неопределенно говоришь, сколько тебе нужно аршин и для какой надобности. Поторопись же, напиши и можешь быть уверена, что все будет исполнено с усердием и самым горячим желанием заслужить твое одобрение. Не бойся меня утомить, даю тебе честное слово, что я всегда счастлива быть тебе полезна. Что же до поясов из Торжка, то покуда мне еще не удалось их разыскать, но на днях я поеду снова. Ежели не найду в Москве, то при случае постараюсь, чтобы прислали из Торжка, кто знает, может быть мне и удастся это сделать. Итак, с поручениями все в порядке. Теперь я стану с нетерпеньем ждать новых приказаний, кои вашему превосходительству угодно будет мне дать. Ты, верно, скоро получишь коробочку пастилы, что я тебе послала через князя Мишеля Оболенского295. Она прибудет из Мюнхена. Я адресовала ее на имя твоего деверя Жюля296, но ежели он уедет в Лондон, то коробка будет в Стутгарте до его возвращения. Разузнай хорошенько, мне будет жаль, ежели она до тебя не дойдет. Из твоего последнего письма я ожидала узнать об женитьбе Жюля и Катерины Пушкиной297. Эту новость привез из Петербурга Мишель Оболенский. Все тамошние родственники говорили об этой женитьбе как о деле почти решенном и все расспрашивали про Жюля. Разумеется, Мишель, не зная его, не мог ничего об нем сказать. Московские же родственники все отрицали и были правы, так как из твоего письма следует, что о женитьбе нет и речи, коль скоро твой деверь едет в Лондон.

Мы все еще в городе, но Трубецкие рассчитывают ехать дней через десять или пятнадцать. А

Бахметевы задерживаются приездом их тетки Нарышкиной, которая, верно, останется здесь до половины июня. Они все говорят о намерении вояжировать, но не раньше конца лета сорок седьмого года. Куда ехать еще не решено, но они говорят про Дрезден и про южную Францию. Не знаю, на чем они остановятся. Мы же, думаю, спокойно проведем лето в Москве, так как в июле месяце моя невестка ждет седьмого ребенка. Весьма возможно, что я отлучусь недели на две или три, но не раньше конца июля. Я чувствую такую вялость, что мне противно трогаться с места, ведь в сущности это не обещает мне ничего веселого или приятного, а потому я предпочитаю спокойно оставаться в Москве. Ехать в деревню ради десятка погожих деньков, что выпадут за все лето, не стоит связанных с этим хлопот. До сих пор у нас было всего два теплых дня, и то как бы случайно. Гулянье первого мая было многолюдно, но совсем не весело, было так холодно, что к вечеру даже подморозило. В тот день господин Давыдов устроил в Сокольниках замечательный праздник в честь свадьбы графини Паниной, но он не удался из-за холода. Было более двухсот приглашенных к обеду и полюбоваться гуляньем, а вечером танцевать, но многие вовсе не приехали, другие же явились только к вечеру, а потому на обеде было только шестьдесят персон. Все маменьки были в шубах. Первые кадрили танцевали в пальто. Словом, на сей праздник потратили тысяч двадцать, но он совершенно не удался. В оба теплых дня мы устроили очень удачные загородные прогулки. Завтра намереваемся ехать большой компанией в Кунцово, но я боюсь, ничего не выйдет, так как сегодня холодно, идет дождь и день из самых пасмурных. Многие подумывают об отъезде в деревню, прочие же еще задерживаются, потому что затевается несколько свадеб. Среди прочих — княжна Надин Шаховская[298] выдает меньшую из племянниц за господина Сверчкова, племянника графини Нессельроде[299] и брата той мадемуазель Сверчковой, что была в Стутгарте, ее еще там называли Шварцкопф*. Эта женитьба сладилась вдруг, за несколько дней знакомства. Свадьба-то, может, и состоится, но мало надежды на счастье, так как мсье не пользуется отменной репутацией. Госпожа Кологривова урожденная Вельяминова выдает свою падчерицу[300] за какого-то г-на Кожина, который, говорят, четыре года в нее влюблен. На мой взгляд, это непостижимо, потому что молодая особа так мало интересна, что не понять, как можно ее любить и четыре дня.

Есть и другие свадьбы, но я их не называю, так как это все лица совсем тебе не известные. Графиня Бутурлина, Катерина[301], сейчас в Москве, живет у Бахметевых, но через несколько дней думает ехать. Бедняжка скоро останется ни с чем, так как мужнины дела в совершенном расстройстве, а имение через месяц продается. Тогда у бедной женщины будет лишь две тысячи рублей в год на себя и на ребенка. Она тем более несчастлива, что совершенно никчемна, она чувствует, что лишается средств, но не способна ни на что, чтобы сделать свое положение сносным, чтобы внести немного порядка и здравого смысла в свой образ жизни. Она все такая же сумасбродка, что и прежде. Ее дочке девять лет, девочка умна и добра, но тоже будет ни на что не годна, так как мать никогда не сможет заняться ее воспитанием. Я говорю не об обучении, а о воспитании, от коего зависит счастье всякой женщины. Как бы не позабыть сказать тебе, что сей год я видела Алексея Столыпина, т. е. Ал(ексея) Григорьевича[302]. Я нашла его сильно переменившимся, он очень располнел, что старит его и не красит. Он несколько недель оставался в Москве и бывал у нас. В первый день Пасхи он с дядей Афанасием у нас обедал. Он взял годичный отпуск и собирается провести это время в деревне, покуда его жена будет в чужих краях. Однако и он, и дядюшка намерены ехать в Петербург на Верину[303] свадьбу, которая будет в июле месяце. При каждой моей встрече с дядюшкой мы много говорили об тебе, ты всегда была предметом наших разговоров. Он говорит об тебе с участием и весьма сожалеет, что до сей поры ни в чем не помог твоему будущему (нрзб.): “я, — говорит, — с таким удовольствием этим бы занялся”. Как и я сама, он многого для тебя ожидает от пребывания в Стутгарте Великой княжны[304]. Мария Столыпина[305], молодая, писала к Великой княжне Ольге и много тебя хвалила. Я очень довольна, что ты не была назначена статс-дамою, ты бы потеряла свободу, коей сейчас пользуешься, и более или менее отдалилась бы от детей. Ховрины рассчитывают ехать в деревню в июне месяце, я буду очень об них сожалеть, ведь я так привыкла их видеть, почти ежедневно. Но что меня утешает, так это мысль, что Елена Скалон[306] останется на все лето, и еще госпожа Озерова[307] — сестра г-жи Ховриной. Обе они чрезвычайно приятные особы, и я очень их люблю, а потому совсем не боюсь провести лето в Москве. На сей раз я, право же, была очень довольна, потому что в последнем письме ты

Москве. На сей раз я, право же, была очень довольна, потому что в последнем письме ты подробно говоришь о детях. Я так их люблю, что ради моего удовольствия надобно почаще об них рассказывать. Когда я об них думаю, то всегда могу вообразить Лизаньку и Эжена, а вот про Сашеньку сколько ни думаю* ...воспользоваться состоянием, коего она так домогалась, ежели, по крайней мере, оно могло бы ей послужить для поправления здоровья. Но она и этого не может сделать, так как ее муж дает понять, что один намерен им воспользоваться. Она говорит, что он едет заграницу, а она не трогается с места, потому как посвятила себя воспитанию племянника — сына одного из своих братьев. Но я уверена, это лишь предлог, мальчик не живет дома, он помещен в пансион, а так как отец этого ребенка находится в Москве, то она прекрасно могла бы отлучиться хотя бы на год и оставить племянника под присмотром отца. Кажется, старик Титов имел все основания держать сына в узде, ведь тот вроде бы собирается вернуться к своей прежней рассеянной жизни.

18 мая

Любезная Сашенька, вчера я была принуждена тебя покинуть, потому что была в театре. Мы взяли откидные места и поехали посмотреть на очень хорошего русского актера, который

пробудет в Москве несколько времени. Я много веселилась, а после спектакля отправилась выпить чаю к Ховриным. Проснувшись, я с большой радостью увидала яркое солнышко и прекрасный летний день. Стало быть, наша прогулка в Кунцово отлично удастся, так как общество будет большое и в котором обходятся без церемоний. Вчера вечером я еще раз видела того человека, что должен был устроить дело с твоим газом, а так как утром он прислал ко мне торговца с тканями, об которых я тебе сказала, то я и объяснила ему, что мне желательно. Он снова мне сказал, что газы выделывают лишь для значительных случаев, особенно для выставок, и тогда их делают только цельными кусками, для платьев, аршинами ж они никогда не продаются. Будущий год в Петербурге откроется выставка и по этому случаю их изготовят. Но уверяю тебя, ежели ты полагаешь, что муар подходит для угодного тебе употребления, то я тебе советую его взять, это прелесть что такое. Я не смогла повидать Баташова, так как он давно уже в деревне**

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 11/23 июля 1845 г. Петровский парк // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 291—294.

41

Петровский парк, 11/23 июля

Любезная Сашенька, вот уже более двух недель, как я получила твое письмо, но до сих пор я не могла на него ответить, потому что оно застало меня едва оправляющейся от очень тяжкой болезни, что недавно со мною случилась. В тот день, когда я послала тебе последнее письмо (я очень хорошо помню, что это было второго июня), я чувствовала недомогание, но как такое бывает часто, я приписала все нервическому состоянию и даже выезжала днем. Но к вечеру я почувствовала такую слабость, что в десять часов принуждена была лечь в постель. Около полуночи я проснулась от нестерпимой боли в низу живота. У меня случилось воспаление и желчная болезнь. Десять дней я день и ночь мучилась от боли. Разумеется, мне пришлось очень долго пролежать в постели, всего лишь неделя, как я начинаю оправляться, но не могу еще назвать себя здоровою, у меня все еще такая чувствительность в больном месте, что малейшее неловкое движение причиняет мне боль. Не поехавши в деревню, мы поселились в парке, в доме князя Оболенского308, но мы здесь останемся только до конца сего месяца и вернемся в город, потому что моя невестка должна к этому сроку родить. Все мои планы на лето расстроились, вероятно я не смогу уехать из Москвы раньше конца августа. Обе мои сестрицы в деревне. Варенька навестила меня во время моей болезни, что, право же, было большим доказательством дружбы с ее стороны, ведь она не выносит разлуки с дочкой. Лиза очень тяжела и должна на днях разрешиться. Теперь у нее гувернантка, коей она, кажется, довольна, но та служит так

недолго, что судить еще рано. С этими дамами все начинается хорошо, но это, к сожалению, недолго длится.

Я узнала от Корфов, получающих “Франкфуртскую газету”, что Эжена пожаловали в Пруссии наградою, но это всего лишь лента. Однако я его поздравляю и очень рада, что он вернулся здоровый и довольный своим путешествием. Я все надеюсь узнать, что его не послали в Лондон, поглядим, не будет ли моя надежда напрасна. Ты, верно, теперь в Остенде, и ежели погода так же хороша, как у нас, то купания должны сделать тебе пользу. Во всяком случае ты не будешь скучать, так как находишься в хорошем обществе. Ты, вероятно, знаешь, что Валуа не приедет в Россию, невеста отправилась к нему, и свадьба будет в Стутгарте. Сей внезапный отъезд также расстроил мои планы. Я намеревалась послать тебе мой портрет, а как м-ль Нарышкина уверила меня, что едет только в сентябре месяце, то я хотела его приготовить к этому сроку. Но болезнь помешала мне позировать, я сейчас это никак не возможно. Мне было очень досадно, но я надеюсь, еще будет оказия его тебе послать. Еще одна русская выходит за немца — княжна Мещерская309 венчается с князем Бироном. Свадьбу назначили на восьмое число, но пришлось отложить из-за бумаг и разрешений, об коих не подумали. Сегодня свадьба Маши Львовой. Как все они живут в парке, то обряд совершится во Всехсвятском, оттуда они вернутся к баронессе Розен-матери310, где будет подана закуска, а после тотчас же едут в деревню, откуда возвратятся только в сентябре месяце. Я не увижу эту свадьбу, потому что не могу еще выезжать.

Ты не поверишь, как я рада узнать, что бедная Пушкина311 имела хоть немного развлечений. Впрочем, ей сумеют испортить пребывание в Киссингене. Я много об ней говорила с ее теткою Оболенской312, и она мне сказала, что всем родственникам прекрасно известно несчастное положение этой молодой особы, но никто не может его поправить, коль скоро мать тому противится. Ее дядя Пушкин313, женатый на Шернваль, как милости просил, чтобы ему прислали Катеньку, и обещал, что его жена будет вывозить ее в свет в Петербурге и сделает все возможное, чтобы ее развлекать. Но мать ответила будто все обдумала и поняла, что ей невозможно разлучиться с дочерью, это сделает ее слишком несчастной. А дело в том, что тогда она лишилась бы десяти тысяч рублей доходу, что нынче полагаются дочери. Известно ли тебе, что от опеки она получает тридцать тысяч на себя и по десяти тысяч на каждого из своих детей Пушкиных, а всего восемьдесят тысяч. И будет получать оные до совершеннолетия детей, а после до конца своих дней будет иметь пятьдесят тысяч. У Кати же будет восемьсот крестьян да капиталу сто или двести тысяч, я точно не помню. Тетка сказала, что ежели Катя вдруг выйдет замуж, то мать придет в отчаяние, так как очень рассчитывает на Катину привязанность к маленьким Горчаковым и надеется, что ежели она не выйдет замуж, то отдаст свое состояние меньшим братьям. Перед их приездом в Стутгарт, у Кати была очень хорошая партия в Петербурге, но мать ответила этому господину, что в данный момент у нее нет времени заниматься замужеством дочери, на том все и кончилось. Ты не поверишь, как ненавидят эту женщину в семье ее первого мужа, особенно за отношение к дочери. В письмах к родным княгиня рассказывает про их образ жизни в Стутгарте и все описывает на свой манер. Зимою у них бывают балы и на всех балах Кронпринц всегда танцует с Катей.

Будет очень жаль, ежели тебе не удастся повидаться с г-жой Столыпиной314, она так этого хотела. На случай, что вы не увидитесь, надо тебе сообщить о происшествии, которое с нею приключилось в дороге. Как я уже говорила, она выехала из Петербурга вместе с женою Алексея Столыпина. Проделав двести верст, эти дамы приезжают на какую-то почтовую станцию, чтобы заменить лошадей и продолжить путь. Вместо этого они там находят госпожу Устинову315, которая несколько часов как родила. Эта простушка вообразила, что доберется до Рима и там родит, но успела отъехать лишь за двести верст от Петербурга. Разумеется, этим дамам пришлось отказаться от лошадей и остаться с роженицей, покуда не приехала княгиня Трубецкая-мать316, к которой послали нарочного. Болезнь помешала мне увидеть дядюшку Столыпина по его возвращении из Петербурга, но я с радостью узнала, что маменька получила свои бумаги, теперь она спокойна по меньшей мере на один год. Я довольна, что сей год ей не придется возвращаться в Россию, хотя, по правде сказать, ее поездка лишь отсрочена. Но кто знает, какие перемены могут случиться к тому времени. Как видишь, у меня по-прежнему

знает, какие перемены могут случиться к тому времени. Как видишь, у меня по-прежнему большие надежды, да и как иначе, ведь не видеть тебя есть огромное для меня огорчение. Трудно любить вас обоих больше, чем я люблю. Скажу без всякого хвастовства, что вряд ли средь ваших родных и знакомых есть кто-либо больше меня вам преданный. Но к чему об этом говорить, лучше поговорим о других вещах.

Я, знаешь ли, недавно узнала новости про Валерьяна Салтыкова317. Он живет в Ростове и все в том же печальном состоянии. Он не может носить другой одежды, кроме широкого пальто, а голову повязывает черным шарфом, таково его обычное одеяние, в другом ему тесно. Из дому он выходит только в церковь, окружил себя монахами и богомолками, то есть обществом печальным и мало подходящим, чтобы привести его в разум. Он был весьма доволен вестям об тебе и говорил обо всех нас с большим расположением. Он, кажется, сохранил об тебе очень добрую память. Кстати об чувствах: что говорит нежная Юлия про женитьбу, об которой ты мне рассказала и которая, между нами будь сказано, весьма меня удивила? При первой же вашей встрече она примется ворковать про свои огорчения да несчастную любовь, а закончит свои жалобы так: “Нет, вы только подумайте, что же он наделал!” Про тетеньку ничего не могу тебе сказать, да она, верно, уже написала к маменьке. Ты не поверишь, как она была ко мне добра во

время моей болезни. Хоть я и не могла ее принимать, она однако же приезжала каждый день покуда была в Москве. Живя так далеко от нас, было, право же, очень любезно с ее стороны ежедневно проделывать такой путь, чтобы только справиться обо мне. А потому я намереваюсь при первой же возможности съездить в Средниково, чтобы хоть через это выказать ей мою признательность.

13 июля

Я уже третий день пишу это письмо, а вчера, когда говорила про тетеньку, получила от нее письмо, в коем она среди прочего говорит, что 11 числа будущего месяца рассчитывает ехать в Кременчуг, чтобы присутствовать при родинах своей невестки. Было бы очень желательно, чтобы молодая женщина приехала рождать в Москву, но она, говорят, до того слаба, что не могла бы вынести такую поездку. Столь большая слабость, право же, пугает и может иметь дурные последствия. Храни их Господи от всякого несчастия! Прошедшей ночью моя невестка нас перепугала. В три часа ночи входит она в мою комнату и говорит, что у ней начались схватки. Я тотчас послала за Алешей, и ее перевезли в Москву, где она и находится, я же остаюсь с детьми в парке. Акушерка говорит, что она может родить к вечеру или через два дня. К счастью, она совсем не мучается. Я собираюсь в Москву через несколько часов. Теперь же очень нежно обнимаю тебя и Эжена и прощаюсь с вами. Мое почтение маменьке, верно она первая прочтет мое письмо. Множество поцелуев деткам, как бы я хотела расцеловать их на самом деле и послушать их болтовню, они должно быть так забавно и мило говорят по-французски! Все семейство тебя целует и приветствует. Мой зять Бахметев сейчас в Москве, он каждые две недели принужден здесь бывать, чтобы наблюдать за постройкой.

Любезная Сашенька, как у меня есть еще немного времени, не могу не рассказать тебе о грустном происшествии, случившемся в семье Писемских318. Ты знаешь, что Варвара и Софья покинули брата и стали жить у своей сестры Телятевой. Так вот, эта последняя, должно быть, интриганка, и ей удалось им обеим внушить, будто брат обходился с ними нечестно и не давал им всего дохода, что они могли получать со своих имений. Обе дамы имели неосторожность ее послушать и довольно заносчиво заявивши брату, что он их обманывает, потребовали раздела имения. Разумеется, г-н Писемский тотчас на это согласился и со своей стороны потребовал, чтобы они выбрали кого-нибудь, кому доверяют, чтобы проверить, как он вел дела. Словом, раздел состоялся и оказалось, что эти дамы, живя в доме брата на всем готовом, получали шесть тысяч рублей карманных денег, а в праве были получать только четыре тысячи, таков доход с их имений. Можешь себе представить, что им пришлось пережить узнавши, как они были неблагодарны по отношению к такому благородному и щедрому брату. И вот, от угрызений совести и огорчения обе они помешались. Софья в состоянии ужасного оцепенения, она считает себя проклятой и не произносит ни слова вопреки всем стараниям заставить ее говорить. Нет

себя проклятой и не произносит ни слова вопреки всем стараниям заставить ее говорить. Нет надежды на ее выздоровление. Что касается Варвары, ее безумие более шумное и проявляется бурно, она не так безнадежна. Потому ее поместили в частную лечебницу, а принять Софью доктор отказался. Катерина, оставшаяся с братом, очень больна, у ней, говорят, водяная в груди, и полагают, то она долго не протянет. Несчастная семья, а была так дружна, так благополучна! Брат нигде не показывается, но те из близких, что у него бывают, говорят, что на него тяжело глядеть. Я не могла не уведомить тебя об этом несчастном происшествии, хотя эта новость и весьма грустна, но как было не сказать? Я все забываю спросить, знаешь ли ты, что граф де Межан, брат Стефании, состоит в Москве французским консулом? Он пустился в свет и волочится направо и налево. Говорят, что он пробудет здесь недолго и что это лишь временная служба.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 19 января 1846 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 294—296.

42

Москва, 19 января

Любезная Сашенька, вот уже неделя, как я получила твое письмо, но опаздываю с ответом, потому что мне невозможно было писать раньше сегодняшнего дня. Я очень давно не имела вестей лично от тебя, зато имела их от молодого Нарышкина319, который был у меня на другой день по своем приезде в Москву. Он передал мне каменья для тетеньки и много рассказывал про тебя и про детей. Он очень их хвалит и притом искренно, потому что расхваливал их не только мне, но и лицу, совершенно постороннему твоему семейству. Кроме того, так как я написала к Баташову и просила его послать тебе денег, то первого числа декабря поехала к нему, чтобы убедиться, что деньги отосланы. И он показал мне письмо, полученное от маменьки. А потому мне было известно кое-что об вашей дражайшей особе. По крайней мере я знала, что ты здорова и очень часто бываешь в свете. И твое письмо подтвердило эти вести. Хотя оно и без числа, я полагаю, что оно декабрьское. Спасибо, большое спасибо за все подробности. Читая твои письма и несколько дней после я бываю счастлива будто повидалась с тобою. Как мне интересны все подробности о детях! Я могу себе представить Лизаньку, с важностью сидящую за уроком, но этот мальчуган Эжен, шагающий в школу, — такая забавная вещь, что я не могу без смеха об этом думать. Я бы хотела обернуться мухою и увидать его в школе, у него должно быть такой смешной вид! Дала ли ты ему зонтик? Я просто не понимаю, как можно ходить в школу без зонта, в Стутгарте это, должно быть, одна из принадлежностей школьника. Среди всех новостей про общество, что ты сообщаешь, меня особенно огорчила смерть Карла Мольтке и перемена по службе у Людвига Геммингена. Какое счастье, что первый не женился на Лизе, и какая печальная перемена для второго! Теперь его ожидает грустное поприще, как можно было не удержаться на столь приятной службе? Ты упрекаешь меня за недостаток новостей. Но сама подумай, последний раз я писала к тебе осенью, когда Москва решительно пуста, да притом мне более или менее известны особы, про которых ты говоришь, тогда как я могу говорить только об особах совсем или почти тебе не знакомых.

Начну однако же с моего семейства. Лопухины здравствуют, моя невестка в своем обычном положении, то есть беременна. Мне кажется, она так к этому привыкла, что уж и не поняла бы другой жизни. Трубецкие в Москве, Лиза чрезвычайно похудела нынче и кажется Сильфидою320. Дай Бог, чтобы так продолжалось. Ее дети подросли и очень заняты, трое старших уже серьезно учатся. Прочие же более или менее шумят, покуда это единственная вещь, на какую они способны. Из всей семьи одна лишь моя невестка бывает в свете, она вывозит свою сестру Грушеньку321 и еще кузину, которую ты совсем не знаешь. Бахметевы очень довольны своим домом, он и правда прелестен. Бедный Николай проводит очень скверную зиму. Кроме прежних страданий из-за больной руки, у него дважды сильно болело горло. Этот господин имел много неприятностей, правда по своей вине, из-за своего упрямства. Дело в том, что перелома руки никто не был, просто она болела после ушиба, ушиба и ничего больше. Он хотел не

руки у него и не было, просто она болела после очень сильного и тяжкого ушиба. Он упорно не желал позвать костоправа и три месяца лечился у доктора, к которому только он один и имел доверие или же делал вид будто имеет, так как сам же не раз изрядно над ним насмехался. Несмотря на это, невозможно было его уговорить, чтоб он его заменил. Сей доктор объявил: “Ушиб, перелом и вывих”, — после чего приказал подать повязку длиною в сотню аршин, запеленал руку и так оставил на два с половиной месяца. От этого случилось такое онемение нерв больной руки, что через четыре месяца он еще не мог шевельнуть и кончиком пальца. Ежели бы он не заменил доктора, то рисковал остаться без руки. К счастию для него, к ним приехал с визитом Альфонский322 — доктор его жены, и Николай решился показать ему свою руку. Как и следовало ожидать, оказалось, что тот, первый, его надул.

Когда сняли все повязки, опухоль сразу же спала, и теперь он может хоть слегка пользоваться рукою, но она все еще подвязана. Альфонский прописал ему мазь, что должна придать упругость онемелым нервам, и еще заставляет его каждый день пилить. Несмотря на это, он говорит, что обыкновенная подвижность руки сможет вернуться только через пять месяцев. Теперь по утрам он может делать визиты и гуляет, но вечером всегда дома и играет в вист с тремя-четырьмя гостями. И так решительно каждый день, а потому он не скучает. Вот подробности о моем

семействе.

Что же до тетеньки, я думаю, тебе известно об ней больше, чем мне, так как она пишет только к Баташову, да и то весьма редко. Я только знаю, что они в Одессе, так как видала приезжего из Кременчуга, который сказал будто тетенька намеревалась вернуться в Москву по последнему санному пути. Но она часто меняет свои планы, а потому неизвестно, когда ее ожидать. Скажу, как и ты: ежели бы Лиза323 могла там выйти замуж, это была бы большая удача. Но я не знаю, можно ли ждать исполнения этого желания, ведь Лизу будет очень трудно выдать, по крайней мере, ежели судить по ее взглядам. Мне также сказали, что весной Аркаша с женою намереваются ехать заграницу. Здоровье молодой женщины очень плохо, после смерти ребенка она без конца хворает. Говорят, господин Столыпин Алексей Григорьевич назначен флигель-адъютантом Государя. В Москве каждый день ожидают дядю Афанасия, но он все не едет. Впрочем, он пробудет здесь недолго, потому что едет в Петербург по делам гусиной фермы. Госпожа Валуа конечно же объявила тебе про женитьбу своего брата324. Завтра свадьба, она будет роскошна. Невеста довольно хороша, не то чтобы красива, но изящна, резва, о, весьма резва и очень умна. Я думаю, что славному малому нелегко с нею придется, ведь будучи единственной дочерью, она довольно своевольна и избалована, она, говорят, не без норова. Весной они едут в чужие края и проживут там, думаю, пару лет. Вероятно, они заедут и в Стутгарт, чтобы навестить госпожу Валуа. Что касается московских свадеб, еще девица Боде325 выходит за Баратынского. Вот и все.

Впрочем, в увеселениях недостатка нет, балов много и очень красивые. Графиня Панина дала великолепный бал-маскарад, это был настоящий праздник. На этом бале было семьсот приглашенных, много красивых костюмов, моя невестка была в еврейском костюме, и его причислили к самым красивым. Как раздавали много белых билетов, что, как тебе известно, дает право явиться в маске, то я там была и много веселилась. Больше всего мне понравилась кадриль карт, в которой участвовали особы из высшего общества. В половине первого часу пополуночи явился герольд, облепленный картами всех мастей, для отличия к его жезлу была прикреплена кисть руки. Он раздавал листки со стихами, в коих карточные короли и дамы просили позволения присоединиться к обществу. Затем появилась запечатанная колода карт в рост человека. За ней шли музыканты — квартет Крылова, т. е. Проказница Мартышка, Осел, Козел и Косолапый Мишка, все в замечательных костюмах. И, наконец, показалась кадриль карт. Впереди червовый король и червовая дама, за ней валет, несущий ее шлейф, и так по порядку вошли все четыре масти, одетые точно как фигуры в колоде. Они обошли все залы, а потом в два приема протанцевали менуэт, в который включили забавную польку для валетов. Словом, эта кадриль была прямо-таки восхитительна и смешна.

Опять на сцене появляются Корсаковы, т. е. рожденная Грибоедова326. Как их дочери327

Опять на сцене появляются Корсаковы, т. е. рожденная Грибоедова326. Как их дочери327 шестнадцать лет и будущий год они думают вывозить ее в свет, то устраивают у себя танцы и таким образом хотят ее познакомить со всем обществом. У них очень красивый дом, они заново его отделали и уже дали прелестный бал. Седьмого февраля у них будет бал-маскарад. Чертковы тоже дают балы. Время от времени я бываю у Бакуниных. Старик очень слаб. Евдоксия по-прежнему в своих картинах, Прасковья — настоящая сочинительница и печатается в газете. Катерина занимается хозяйством. Касательно Бакуниных надобно тебе рассказать о госпоже Твороговой, которая сделала авансы, чтобы примириться с дочерью. Она сняла квартиру и поселила дочь с собою, и сколько прежде ее ненавидела, столько нынче принялась обожать, окружает ее заботами, вниманием и любовью. Словом, полная перемена, но в которую мне, уж не знаю отчего, верится с трудом. Такой характер, как у госпожи Твороговой, ужасен, она, кажется, способна на все.

Еще одна важная новость! Моя сестра Иеремия328 отправилась в чужие края. Какое впечатление она там сделает! Бедная Сашенька, а вдруг ты ее встретишь, ведь это возможно, очень может статься, что она приедет в Остенде. Похвиснев, увидавши меня, много об тебе рассказывал: “Могу вас поздравить, — говорит, — со счастием вашей кузины. Она достойнейшая женщина, что же до ее мужа, ничего не скажешь, это то, что называется благородный человек и притом славный, отличный малый”. Словом, похвалы сыпались и на тебя, и на твоего мужа. А потому поздравляю тебя с тем, что вы оба так благородны и что заслужили одобрение такого замечательного кузена. Чертковы также поговаривают о поездке заграницу и даже на два года, ежели будет возможно. Впрочем, я думаю, что у них все ограничится одними разговорами, они тяжелы на подъем. Я приятно провожу зиму и очень этому рада. Правда, я не всегда бываю здорова, что очень досадно, но стараюсь не обращать на это внимания. Чаще всего я вижусь с Ховриными, с ее сестрою госпожой Озеровой, с Еленой Скалон, Софьей Левицкой и Трубецкими, это не считая общества Бахметевых и семейства моей невестки. Словом, прекрасно провожу время. Поутру я редко выезжаю, много читаю, пишу или работаю, зато вечером выезжаю непременно.

Вот еще свадьба, которую я позабыла тебе объявить. Мадемуазель Верещагина329, дочь обер-полицмейстера, выходит за Петра Засецкого — меньшого сына Александры Антоновны. Но самую курьезную свадебную новость, что я имею тебе объявить, я приберегла напоследок. Только боюсь, что Баташов меня опередил, ведь я хочу рассказать про замужество твоей красавицы Акулины, что выходит за вдовца тридцати девяти лет (Парашиного мужа). Она уверяет будто ее всей семьей уговаривали идти за него, и она, наконец, уступила, потому что не знала, как быть. Она не может решиться пойти в услуженье, потому что, говорит, “я к этому не приучена”. Она говорит, что проела половину своего капиталу, и, верно, хочет лишиться последнего гроша. Рукодельничать нет возможности, потому что у нее плохое зрение. Словом, ей остается только идти замуж. И завтра она решается сложить с себя звание старой девушки и назовется молодою. Она явилась ко мне и попросила шарф для своего подвенечного наряда, и она хочет, чтобы обряд совершился вечером, потому что, говорит, “мне стыдно показываться в церкви засветло”. Признайся, однако же, что ты никак не ожидала подобной глупости. Я нахожу оную столь курьезной и забавной, что дабы не испортить впечатления буду заканчивать письмо. Да ты, верно, уже устала читать. Прощай же, дорогой друг, сердечно тебя целую и надеюсь вскоре получить от тебя весточку. В любом случае я возможно напишу к тебе, не дожидаясь твоего письма. Приближается срок отъезда Эжена, и тебе снова придется много писать, стало быть, вести от тебя будут нечасты. Кланяйся ему и поцелуй за меня. Мое почтение маменьке и много, много поцелуев моим маленьким друзьям, которых я люблю всей душой. Все семейство тебе кланяется и тебя целует.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 31 января 1847 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 296—298.

Москва, 31 января

Так уж видно суждено, что сей год я всегда буду опаздывать с ответом, и все по причине нездоровья. На сей раз беда невелика, просто ноготь нарывал и была рожа на руке, что, однако же, лишило меня удовольствия писать к тебе, любезная Сашенька, а особенно поблагодарить за прелестное письмо и добрые вести, что ты мне сообщаешь. Уж теперь мое письмо решительно не застанет Эжена в Стутгарте, он, верно, отправился в Лондон, надеюсь, в последний раз. И знай, что толки о переменах в его службе, о которых ты мне говоришь, не только меня не огорчают, но даже радуют. Правда, лично я выиграла бы, ежели б его послали в Россию, зато для тебя постоянное и столь авантажное место в сто раз лучше, чем все эти перемены места жительства. С его талантом, способностями, усердием и хорошей головой Эжен сумеет прекрасно отличиться на службе, об которой идет речь. Что же до тебя, дорогой друг, то я полагаю, что ты будешь очень уставать и что это место не согласуется с твоими вкусами. Но опять же, лучше теперь, покуда ты молода, привыкнуть терпеть усталость и беспокойства, коих требует это место, позднее тебе было бы гораздо тяжелее привыкать. Я уверена, что ты сумеешь достойно исполнять возложенные на тебя обязанности во всякое время и в любом возрасте, но в молодости легче переносить всякого роду трудности. Что же до воспитания детей, ты только выиграешь, потому что тебе не придется разлучаться с сыном, вы всегда будете вместе, да притом ты дашь им местное воспитание, что полезно для их будущности. И я не думаю, чтобы ваши денежные дела при этом не выиграли. В Стутгарте ваши расходы всегда будут гораздо меньше, нежели здесь. Итак, дорогой друг, ты видишь: кто искренно вас любит, тот может только радоваться этой перемене. Разумеется, ты хочешь побывать в России, я прекрасно это понимаю, но ежели так, я не вижу особых препятствий к твоему сюда приезду. Коль скоро ты всегда будешь вместе с Эженом и вы больше не расстанетесь, то сможете приехать в Россию на полтора-два месяца. Теперь путешествия делаются легко, а через несколько лет будут еще легче, так что я не теряю надежду увидать тебя в Москве. По-моему, самая дурная сторона сего дела в том, что наша семья еще долго не познакомится с Эженом. Сама я, конечно же, тебя увижу, ежели только Господь дарует мне жизнь и здоровье. Покуда я хвораю, нечего и думать про столь дальнее путешествие, и тому есть несколько причин. Прежде всего, я не хотела бы приехать и досаждать тебе своим хворым видом да делать из тебя сиделку. Затем, я не предвижу другой возможности вояжировать, кроме как в полном одиночестве, значит мне следует быть здоровой, потому что захворать в дороге и быть принужденной оставаться на каком-то постоялом дворе, среди чужих — на это я не решусь. Честно говоря, у меня не хватит духу. Путешествие Бахметевых отложено на неопределенное время, об нем и не говорят, а ежели говорят, так об том, что оно будет, возможно, лет через шесть или семь. Это так еще не скоро, Бог весть, что может случиться. А потому я сделаю, что смогу, чтоб оправиться и набраться сил, тогда я могла бы снова приехать к вам и порадоваться вашему счастию и вашим успехам.

У меня нет для тебя особенных новостей про семейство Лопухиных, все здоровы, это главное, но все так покойно и так однообразно, что коли скажешь: все здоровы, и ежели не ожидаются родины, то и добавить нечего. Лиза трудится с утра до вечера, она теперь решила постоянно жить в Москве и заниматься воспитанием детей. Нынче она без гувернантки, ей с ними не везло, и она сама смотрит за детьми. Ей помогает няня-немка, которая ходит за младшими, покуда сама она занимается со старшими. Она взяла учителей и сама сидит на уроках, чтобы знать, что после повторять. Она мало выезжает, так как освобождается не раньше десяти часов вечера и тогда обычно ложится спать, потому что устает, а утром ей рано вставать. Самое печальное в Лизином положении, что до сей поры нельзя предвидеть конца ее родинам. К сожалению, я полагаю, что сейчас она снова беременна. Это какая-то невероятная плодовитость! Недели две тому назад я получила письмо от тетеньки, она очень грустна. Право же, очень жаль, что она не может покинуть Одессу раньше весны, ведь сейчас пребывание в этом городе должно ей быть невыносимо. Вероятно Аркаша заедет к тебе во время своего путешествия, так как весною он намеревается ехать в чужие края. Уже довольно давно я не видала г-жу Марию Столыпину, так как после Рождества каждый день бал или вечер, и ее никогда не застанешь дома. Она очень развернулась. Утром бегает с визитами, а вечером на бале. Они сей месяц тоже Дали прекрасный

бал, было четыреста восемьдесят пять персон. Дом хотя и большой, но не довольно для такой массы народу. Впрочем, бал очень удался.

Прошедшую пятницу был необыкновенный бал-маскарад у Корсаковых. Я была там в маске, и право же, его стоило увидать. Прежде всего, было девятьсот двадцать приглашенных, что, согласись, весьма изрядно для частного дома. Ты знаешь их дом, он велик, движение было по всем комнатам, но несмотря на это, теснота порой была такова, что нечем было дышать. Я рада, что увидала столь оригинальный бал, его, собственно говоря, можно назвать праздником, да так оно и было. Мы приехали к одиннадцати часам. Спустя полчаса всех зовут посмотреть Нижегородскую ярмарку. Это представление было устроено в одной из зал. Входишь и видишь ряд очень красиво убранных торговых лавок, лотерею, где каждый имеет право взять билет и выиграть какой-нибудь пустяк. Разносчиков всех наций в подобающих костюмах, продающих произведения своих стран. Кукольный театр, шарманки. Пляшущего медведя. Русский шатер с (нрзб.), раздающих обществу букетики цветов. Словом, мы решительно побывали на ярмарке. Подальше, в другой части дома, где была прелестно убранная столовая зала, светились слова: “Ресторация”. Там всякий имел право отужинать по карте. Возле входа в трактир пели цыгане. Затевалась карусель, но она не состоялась, а вдруг появился рыцарь верхом на лошади, в латах с

ног до головы, он раздавал обществу листки со стихами. А закончился вечер живыми картинами. Словом, приехавши в одиннадцать часов, я уехала в три, не присевши и на четверть часа, — таково было оживление, всякий невольно поддавался общему настроению. Ни один старик не взял карт в руки, никто не захотел танцевать раньше двух часов пополуночи, потому что время летело незаметно. Право, это был восхитительный и оригинальный праздник.

Кроме балов и вечеров, Москва собирается веселиться еще и на горах. Ето* устроено на Пресненских прудах. В этом обществе есть распорядители, а кавалеры, в оном состоящие, имеют право приглашать дам. В воскресенье, к окончанию масленицы, это общество дает une jounee folle. Будет пятьсот приглашенных. Сначала все едут на Пресню, там завтракают, а после до половины шестого катаются с гор. Затем дамы возвращаются по домам, чтобы переодеться, и все собираются в доме Корсакова, который предоставляет его распорядителям бала. Там танцуют до половины одиннадцатого, после ужинают и снова танцуют. Ужинать будут рано ради лиц, которые посовестятся есть скоромное после полуночи. Пост наступит весьма кстати, чтобы немного прервать эти нескончаемые балы. Однако же по утрам будут кататься на горах. И собрания будут, хотя и без танцев. Уже поговаривают об устройстве живых картин, их вероятно будут показывать в Дворянском собрании в пользу бедных. Словом, насколько возможно наверстают время, потерянное в пост для удовольствий.

Вот, дорогой друг, все мои новости. Сегодня у нас семейный сбор, родители моей невестки будут обедать и проведут здесь весь день. Это не очень-то весело. Как я совсем не играю в карты, придется весь день глядеть на играющих, что по-моему все же лучше, чем самой играть. Словом, меня ждет скука, ну да не все же веселиться, надобно уметь принимать и зло, и добро. Дядя Афанасий очень меня забавляет своей любовью к г-же Ховриной. Когда они в обществе, он решительно от нее не отходит, но притом говорит мне про тонкость своего обхождения и манер, потому что, говорит, он не хочет компрометировать женщину, которую любит. Так что и умный человек может иметь слабость. Как можно вообразить, чтобы он, в его лета, мог привлечь внимание публики в такой мере, чтобы компрометировать женщину, которой за сорок и с состоявшейся репутацией? Что касается г-жи Столыпиной, она решительно ревнует мужа и даже не скрывает этого. Думаю, это особенно льстит мужу и еще больше его подзадоривает. Полагаю, дорогой друг, что теперь все тебе сказала, а как я не хотела бы опоздать на почту, то заканчиваю письмо, очень нежно тебя целуя. Мое почтение маменьке, надеюсь, она здорова. Целую всех деток по очереди, порой у меня бывает огромное желание их увидать. Прощай, дорогой друг, надеюсь, ненадолго. Будешь писать к Эжену, кланяйся ему от меня. Все семейство шлет тебе поцелуи и поклоны. Рассказывай о себе, сообщай о своих успехах, я всегда с интересом и радостью читаю твои письма. Прощай, будь здорова. Ручаюсь, что нынче, когда Эжен уехал, ты очень вздыхаешь по деревне.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 7 марта 1847 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 298—299.

44

Москва, 7 марта

Любезная Сашенька, три дня тому назад я получила второе твое письмо, помеченное двадцать пятым февраля. А письмо от пятого числа пришло двумя неделями раньше. Я выгляжу очень неблагодарной по отношению к тебе, но это не моя вина. Я опять оправляюсь после болезни. Я провела тринадцать дней в постели, а нынче утром мне позволено встать, и я пользуюсь этим, чтобы написать к тебе. Болезнь эта, об которой я тебе говорила, случилась, когда я меньше всего ожидала, и к ней добавилось воспаление в матке и желчная болезнь. Последнюю я получила через постную пищу, а потому решительно с нею прощаюсь, и навсегда. Благодарение Бога сейчас все прошло, осталась лишь крайняя слабость. Я так много говорю об себе, но что делать, это было необходимо.

Спасибо, любезнейший друг, тысячу раз спасибо за твои прелестные письма, право же, они составляют мое счастие, и всякий раз, когда получаю письмо, я будто провожу целый день возле тебя. С некоторых пор ты стала часто заговаривать об своей старости. Сашенька, я и слышать об этом не желаю, мне угодно, чтоб ты была молода, и подольше. Ты слишком устала нынешней зимою, потому что ваши праздники начались слишком рано да так и не прерывались. Но теперь, когда наступает весна, езжай пораньше в деревню и хорошенько отдохни. Ты увидишь, что тотчас помолодеешь. Ведь я старше тебя, я сделалась хворая и так похудела, как никогда со мною не бывало, но уверяю тебя, несмотря на все это я воображаю, что еще молода. Семейство Лопухиных здравствует, четверо старших, т. е. мальчик и три девочки, сегодня во второй раз участвуют в живых картинах. Но у меня нет сил говорить об этом подробно. Дней через десять я снова к тебе напишу и тогда расскажу обо всем побольше. Лиза Трубецкая также хворала, даже месяц или два полагала, что беременна, но на днях имела доказательства противного, даже думали, что это выкидыш. Варенька Бахметева должно быть простыла, у нее, похоже, лихорадка. Словом, три сестры сидят по своим углам и не могут собраться. Вчера моя невестка была у Столыпиных на рауте, который они давали в честь свадьбы м-ль Пашковой330 — дочери Егора И(вановича) и двоюродной сестры г-жи Столыпиной. Она выходит за г-на Озерова, брата того, что в Карлсруэ. Есть несколько свадеб и кое-какие новости, но я их сообщу в будущем письме. Я чрезвычайно устала и не могу больше писать. Прощай, любезный друг, целую тебя также нежно, как люблю. Мое почтение маменьке и много, много поцелуев детям. Будешь писать к Эжену, кланяйся ему от меня. Бедный, что только пришлось ему пережить во время этого несчастного плавания! Все семейство тебе кланяется и тебя целует.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 20 марта/1 апреля 1847 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 299—300.

45

Москва, 20 марта / 1 апреля

Любезная Сашенька, несмотря на все мое желание написать к тебе на прошедшей неделе, как я и обещала, мне невозможно было это сделать, так я была еще слаба. Даже сейчас, по комнатам я хожу, но нельзя и подумать сесть в экипаж, чтобы просто подышать свежим воздухом, так медленно возвращаются ко мне силы, так я слаба. Мы весьма грустно провели это время, вся семья хворает или же хворала. На прошлой неделе у нас было четыре отчаянных дня, потому что разом болели братец, его жена, все дети, гувернантка, няня и две горничные. Словом, мы не знали, за кем ходить. К счастью, такое положение длилось лишь несколько дней. Этой болезнью

мы обязаны ужасной погоде, что у нас стоит. Снег, дождь, мороз и оттепель по нескольку раз на дню да притом пасмурное небо и ни одного солнечного луча, чтобы хоть немножко порадовать глаз. Сей год пасхальные праздники будут невеселы, а мы даже не соберемся всем семейством, потому что у Лизы, как полагают, был выкидыш, и она не выходит из дому. Варенька Бахметева тоже хворает, лежит в постели. Словом, я буду счастлива, когда переменится эта скверная погода. Сколь ни стараешься быть рассудительна, но бывают, право же, мгновения такого глубокого уныния, что разум отступает. Терпение — вот одно, что можно себе твердить.

Завтра твой день рождения, я очень рада, что вспомнила об этом и могу тебя поздравить и пожелать какой-нибудь счастливой перемены в нынешнем году. Как я благодарна тебе за прелестные письма и за все подробности, что ты сообщаешь! Мне интересно все, что тебя окружает и до тебя касается. Скажи детям, что я с нетерпением жду их писем и сама к ним напишу, когда смогу потверже держать перо, ведь правду сказать, оно плохо мне повинуется. Мне очень нравится идея маленького Эжена касательно его почерка, он разумный мальчуган. Нынче я мало кого вижу, потому что все говеют и более или менее готовятся праздновать Пасху, Г-жа Столыпина тоже хворает, у ней тоже нынешняя болезнь. Ей приписывают одну свадьбу, которая намечается в городе: Лиза Четвертинская331 выходит за барона Розена — брата того, что женат на Маше Львовой. Вообще-то это довольно странная свадьба, так как ей уже тридцать лет, а ему тридцать пять, и он большой охотник до приданого. Он женится на особе, которая не принесет ему ни гроша, а у него у самого всего состояния — шестьдесят тысяч капиталу, притом он весьма расточителен. Утверждают, будто дядя Афанасий входит в их дела и значительно им помогает. Ведь Розен покупает имение за двести пятьдесят тысяч рублей, а г-н Столыпин является его поручителем. Он это делает из дружбы к девице, ведь она близкая приятельница его жены.

В Москве намечается множество свадеб, самые интересные — это свадьба княжны Щербатовой332, дочери генерал-губернатора, с князем Голицыным, братом того, что женат на Вере Столыпиной. Затем, мадемуазель Орлова333, дочь покойного Михаила Орлова, выходит за князя Яшвиля. Госпожа Талызина урожденная Зубова334 выдает старшую дочь за Нарышкина335, он племянник Евдоксии Голицыной336. Словом, с десяток будет, но я не называю прочие, так как ты даже не подозреваешь об существовании этих лиц. Однако же я забыла объявить тебе свадьбу, самую интересную своим богатством: княжна Трубецкая337 выходит за Трубецкого-же. Она дочь князя Юрия Трубецкого, они живали на Покровке, м-ль Сабурова столько рассказывала про это семейство. Молодой человек338 — сын госпожи Трубецкой урожденной Витгенштейн. Самое интересное, что она приносит жениху состояние, которое даст ему сто пятьдесят тысяч рублей доходу. Помнишь ли ты княжну Голицыну, за которой так волочился Евсюков? Я думаю, ты знаешь, что она вышла за одного из братьев339 моей невестки. Сестра340 ж ее, особа осьмнадцати лет, вступает теперь в один из самых сумасбродных браков. Она выходит за купеческого сына, какого-то Прокунина. Надобно тебе сказать, она четыре года жила в деревне, а сей купец имел фабрику там же, в том имении. Девица с утра до вечера проводила в семье этого купца, не видя ни одной живой души, кроме этих людей. Молодые люди полюбили друг друга, теперь они помолвлены, а свадьба будет в деревне после Пасхи. Все Голицыны, сколько их есть, возмутились против этого брака и устроили страшный скандал. Было сделано все, чтоб его расстроить, но ничто не помогло, и свадьба состоится вопреки благородному негодованию Голицыных. Чем это не роман, а еще говорят, будто в наш век не бывает любви.

Говоря про Голицыных, не могу удержаться, чтобы не сказать тебе о кн(язе) Николае341. Он сделал столько долгов, что пришлось образовать комиссию, чтоб их улаживать. У него всего доходу пятнадцать тысяч рублей, и несмотря на это он по-прежнему занимает тот большой дом и ведет обычный образ жизни, то есть пьет и играет, как прежде. Не понимаю, каким образом он находит деньги для игры. Я не знаю человека презреннее его. Знаешь ли ты, что Алексею Столыпину удалось вытащить жену из чужих краев и увезти в деревню? Думаю, сейчас они уже на месте или на пути в имение. А чтобы избавить ее от искушения остаться в Петербурге, он поехал через Киев. Однако же он добился своего. Анюта Философова342 также поедет летом в

деревню, разумеется с детьми, а муж останется в Петербурге. Г-жа Мария Столыпина также едет в деревню и замышляет там много удовольствий. У нас тоже есть план провести лето в Успенском. Как моя невестка не беременна, мы вполне можем себе позволить это развлечение, лишь бы не оставаться там слишком долго, потому что мне отвратительна деревня осенью и зимою, я в конце концов сбегу оттуда. Все это время я не видала Баташова, так как не могла выезжать, что же до них, то сколько их не зови, они все не едут. Но как скоро стану выезжать, съезжу к ним. У меня нет никаких вестей от тетеньки, не знаю, где она и что она. Теперь надеюсь ее повидать.

Ваш виолончелист Борер сейчас в Москве, он дал концерт, но слушателей было совсем немного. Я думаю, у старика дела плохи. В понедельник после Пасхи начнутся представления Плесси — великолепной французской актрисы. Я заранее этому рада, а кроме того мы ожидаем Берлиоза 343, который сейчас в Петербурге. Вчера меня навестила м-ль Сабурова, она очень тронута твоим поклоном и поручает тебе кланяться. Она совершенно потеряна во мнении общества, кроме семейства Трубецких. Бакунины также тебе кланяются и благодарят за память, я довольно часто их вижу. Старик худеет и слабеет на глазах. Этот человек живет лишь прошедшим. Что же до Полторацких, я их вижу очень редко, два-три раза в году. Они слишком жеманны, это скучно.

А теперь я должна тебя покинуть, потому как чрезвычайно устала. Прощай, дорогой друг, очень, очень нежно тебя целую и люблю всем сердцем. Мое почтение маменьке, как я рада, что она может бывать в церкви, я огорчалась за нее из-за такого лишенья. Крепко расцелуй каждого из детей. Напомни обо мне Эжену. Все семейство тебе кланяется и тебя целует.

Лопухина М. А. Письмо Хюгель А. М., 18/30 апреля 1847 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 300—302.

46

Москва, 18/30 апреля

Любезная Сашенька, на сей раз я могу, наконец, без опоздания поблагодарить тебя за прелестное письмо. Вот уже десять дней я веду себя словно большая барыня, выезжаю, гуляю и даже три раза была в театре на представлениях Плесси. Несмотря на это, я не могу слишком уж похвастаться хорошим здоровьем. Тут, видно, ничего не поделаешь, здоровье не вернешь, придется с ним распрощаться. Третьего дня я засиделась немного позже обыкновенного, так вчера пролежала все утро, да и днем не могла пошевельнуться. По сему ты видишь, что образ жизни, который я принуждена вести, не из самых веселых, а потому об себе лично не могу сообщить ничего особенно интересного. У нас вся семья здравствует, да вот еще пребывание Плесси возбуждает общее внимание. Все спешат ее увидеть, одни от нее в восторге, другие бранят, сама же я нахожу, что она актриса остроумная, изящная, порой весьма страстная, но чрезвычайно манерная. Вчера Москва танцевала у генерал-губернатора, завтра снова танцуют у господина Черткова, предводителя дворянства. Бальный сезон закончился. Нынче зимою балов было слишком много, и теперь на них ездят довольно вяло, хотя весенние увеселения все не могут начаться из-за дурной погоды. На прошедшей неделе стояли такие теплые дни, что бывало до двадцати градусов тепла. Но это длилось лишь пять дней, а после сразу же похолодало, теперь все время один-два градуса ниже нуля, и мы топим в комнатах. У вас, верно, уже зелень и цветы, а у нас порхают снежинки. От этой дурной погоды происходит хандра, кажется и я ей немножко поддаюсь. Однако же надеюсь, что первый солнечный луч мне поможет от нее излечиться.

Моя сестрица Бахметева все еще нездорова, но теперь полагают, что она беременна. Через два дня ее участь решится, тогда можно будет наверное сказать, так ли это. Очень поздняя беременность и по-моему совсем некстати. Оленька уже слишком большая, чтоб иметь братца или сестру, да и станет уже девицею на выданье, когда надо будет начинать воспитание малютки, коему угодно так поздно родиться. И вообще это расстраивает многие планы. Бахметевы ищут

дачу в окрестностях Москвы. Корфы и Чертковы отправляются в чужие края, первые всего на несколько месяцев, а последние года на полтора или же больше, ежели здоровье мадам этого потребует. Я очень сомневаюсь, чтобы судьба свела тебя с одним из этих семейств, потому как более чем вероятно, что ты будешь спокойно пребывать в Хохберге, ведь Эжен сможет возвратиться раньше обыкновенного по причине родин английской Королевы. Я полагаю, что ты уже в деревне, но не зная этого в точности, все-таки адресую письмо в Стутгарт. Вчера Лиза Трубецкая обедала у госпожи Столыпиной, и к концу обеда приехал Алексей Столыпин, т. е. А(лексей) Аркадьевич344. Говорят, он постарел и подурнел, а впрочем очень может быть, что причиною такой перемены дорожная усталость. Госпожа Столыпина урожденная Трубецкая сейчас в деревне и зовет Марию Столыпину ехать туда как можно скорее. Воображаю, как она там скучает, да и то сказать — перемена скорая, из Парижа в Саратов, и без всякой привычки к деревенской жизни. Несмотря на вечные недомогания, госпожа Столыпина сильно полнеет, что очень ее портит, тем более, что она делается очень красна. В понедельник она будет на свадьбе своей кузины Пашковой. Нынче свадьбы следуют одна за другой, так как из суеверия многие не хотят жениться в мае месяце.

Я еще не видала Баташова, потому что у нас были трудности с экипажем, он требовал починки. Но теперь я надеюсь к нему поехать.

Я позабыла тебе сказать, что в Москве сейчас Каратыгины345, муж и жена. Вчера я была на их представлении. Он совсем не переменился, выглядит так же молодо, как девять лет тому назад, и играет так же хорошо. Она же старуха, плотная, приземистая, сутулая, никакой осанки. В комедии играет еще остро, но в драме отвратительна и даже смешна.

Аграфена Сабурова вся в хлопотах с туалетом к свадьбе Трубецких, что будет через несколько дней. Она, разумеется, повсюду просит совета, а все потому, что ей смерть как хочется надеть белое тарлатановое платье, а каждый советует ей надеть шелковое цветное. Можешь себе вообразить, что за прекрасное впечатление произвела бы она, при ее ужасной полноте, с красным и блестящим, как бутылка, лицом, надевши, как она говорит, “белое тарлатановое платьице”. Мы сделали все возможное, чтоб ее отговорить, остается узнать, удалось ли. Наряду со свадьбой, я нахожу нужным сказать и о кончине и объявляю тебе о смерти Катерины Писемской, которую вчера похоронили. И теперь сумасшедшие сестры остались на попечении брата, потому как другой брат, что был в Дрездене, находится нынче в имении, где будет проводить каждое лето. Варвара немного пришла в себя и живет с ним и с м-ль Тесье, которая теперь будет его единственной помощницей. Что касается Софьи, она в частной лечебнице, так как ее объявили неизлечимой. Сам лично Павел Петрович очень жалок, какая грустная старость ему предстоит! Не знаю, помнишь ли ты Пьера Апухтина, сына Анны Павловны346? Он также умер недавно после многих страданий, а бедная мать рискует потерять меньшую дочь, которая также очень хворая. Тогда у нее останется старшая — злое существо, которая покинула мать и слышать не желает вернуться жить вместе с нею, и еще старший сын347, тоже вроде помешанного, он жил в монастыре, потом ушел оттуда и теперь ведет жизнь бездельника и бродяги. Бывают семьи, которые, так сказать, обречены на несчастье, и я нахожу, что эта из их числа. Мне любопытно и нетерпится узнать, как закончится история с Катериной Пушкиной, выйдет она за твоего деверя или нет? Для нее я очень этого желаю, так как уверена, что с ним она будет отменно счастлива. Но правду сказать, я всегда думала, что он на это не решится, потому что у этой молодой особы мало изящества в манерах и в осанке. Он, кажется, придает этому значение. А бедная г-жа Валуа все хворает? Кажется, эта женщина долго не протянет. Я буду с нетерпением ждать твоего письма, чтоб узнать, в деревне ль ты уже. Впрочем, я не предвижу для тебя особенного там отдыха, и так как принцесса Мария привыкла в городе видеть тебя, то я совсем не удивлюсь, узнавши, что она приехала в Хохберг. Но по крайней мере дети хорошенько воспользуются пребыванием в деревне. Воображаю, как они были счастливы и горды путешествием по железной дороге. Они, конечно же, очень переменились, но я могу их вообразить лишь такими, каковы они были в мое последнее пребывание. Крепко поцелуй их за меня и всегда мне об них рассказывай. Что поделывает Эжен в Лондоне? Веселится ли он? Здоров ли? Маменьке мое почтение, а тебе поцелуи. Заканчиваю письмо поклонами от всего семейства. Прощай, дорогой друг. Ты ничего не говоришь о госпоже Берлихинген, часто ли ты ее видишь, как она ладит с

мужем?

Бойко С. А., Яценко Е. Л. Примечания: Письма М. А. Лопухиной к баронессе А. М. Хюгель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 302—311.

1 Ловейко (в замуж. Солнцева) Мария Егоровна (1824—?), воспитанница Верещагиных. Была на свадьбе Александры Михайловны Верещагиной и барона Карла-Эжена Хюгеля в Париже.

2 Лопухин Алексей Александрович (1813—1872), камер-юнкер, брат М. А. Лопухиной, ближайший московский друг М. Ю. Лермонтова, его сокурсник по университету, впоследствии переводчик архива Коллегии иностранных дел, чиновник московской Синодальной конторы.

3 Бахметева (урожд. Лопухина) Варвара Александровна (1815—1851), сестра М. А. Лопухиной, предмет любви М. Ю. Лермонтова, адресат его нескольких поэтических посланий.

4 Из всех детей В. А. Бахметевой выжила только Ольга Николаевна (в замуж. Базилевская) (1837—?).

5 Голицына (урожд. Бахметева) Анна Федоровна (?—1842), княгиня, сестра Н. Ф. Бахметева — мужа В. А. Бахметевой.

6 Трубецкая (урожд. Лопухина) Елизавета Александровна (1809—1882), княгиня, средняя из сестер Лопухиных.

7 Сабуровы: Аграфена (Агриппина) Ивановна (1796—1863) и Николай Иванович — дети Ивана Николаевича Сабурова (1765—1837) и Варвары Андреевны Сабуровой (урожд. княжны Друцкой) (1769—8.V.1841).

8 Петровский парк был разбит на землях Петровского монастыря, окружал Петровский путевой дворец, построенный в 1776—1779 гг. М. Ф. Казаковым. С 30-е гг. XIX в. это было одно из любимых москвичами мест гуляний. Рядом располагались многочисленные дачи.

9 Лопухина Мария Андреевна, бабушка Лопухиных со стороны отца. Для нее в доме Лопухиных на Большой Молчановке летом 1838 г. был построен флигель.

10 Машенька Ловейко, видимо, была воспитанницей А. М. Верещагиной, поэтому после замужества Александры Михайловны М. А. Лопухина называет ее Машенькой Ловейко-Хю.

11 Столыпина (урожд. Анненкова, в первом браке Воейкова) Екатерина Аркадьевна (1791—1853), вдова Дмитрия Алексеевича Столыпина, брата бабушки Лермонтова; тетка баронессы А. М. Хюгель.

12 Чтобы брак А. М. Верещагиной, православной, с бароном Хюгелем, евангелического вероисповедания, был признан в России действительным, требовалось еще венчание и в православной церкви, что и было совершено “с высочайшего соизволения” 16 ноября 1837 г. в Петропавловской церкви при Российском Императорском посольстве в Париже.

13 Император Николай I (1796—1855), и Императрица Александра Федоровна.

14 Кузеном М. А. Лопухина называет барона Хюгеля.

15 Бахметев Николай Федорович (1798—1884), помещик Пензенской и Тамбовской губерний, штабс-капитан в отставке; с мая 1835 г. женат на В. А. Лопухиной.

16 Трубецкой Николай Николаевич (1807—1879), князь. В письме Надежды Осиповны Пушкиной к дочери Ольге Сергеевне от 17 апреля 1833 г. сообщается: “...Эол Трубецкой

женится на девице Лопухиной, молодой, красивой, любезной, за которой дают 5 сот крестьян, у отца ее их три тысячи, а у жениха, кажется, почти что ничего...” (Мир Пушкина. СПб. 1993. Т. 1. С. 146). Светское прозвище князя Н. Н. Трубецкого “Эол” прекрасно характеризовало его характер.

17 Левицкие: Михаил Иванович (1761 — после 1828), генерал от инфантерии, и Варвара Прокофьевна (урожд. Пражевская) (1786—1837), кавалерственная дама ордена Св. Екатерины. Их дети: фрейлины Двора Софья (1807—1858), Елена (в замуж. Скалон) (1819—1850), Юлия (в замуж. Титова); Николай (? — не ранее 1842 г.), поручик (с 1833).

18 Давыдова (в замуж. графиня Эглофштейн) Александра Петровна (1817—1851).

19 Сухово-Кобылина Елизавета Васильевна (в замуж. графиня Салиас де Турнемир) (1815—1892), писательница, псевдоним Евгения Тур.

20 Гудович Анна Андреевна, графиня, вышла за князя Николая Ивановича Трубецкого (1807—1874) брата Аграфены Ивановны Мансуровой (урожд. княжны Трубецкой) (1789—1861).

21 Шереметев Дмитрий Николаевич (1803—1871), граф, флигель-адъютант. Женился на Анне Сергеевне (урожд. Шереметевой) (1811—1849), графиня.

22 Энгельгардт Софья Львовна (1811—1884) вышла замуж за Николая Васильевича Путяту (1802—1877) (его вторая жена).

23 Раевская (урожд. Киндякова) Екатерина Петровна (1812—1839), с 1835 г. жена А. Н. Раевского.

24 Сестры Бакунины, подруги М. А. Лопухиной и А. М. Хюгель: Евдокия (1794—1867), Любовь (1801—?), Прасковья (1810—1880), Екатерина (1811—1886). Их брат Василий (1795—1863), полковник. Их родители: Михаил Михайлович Бакунин (1764—1837) и Варвара Ивановна (урожд. Голенищева-Кутузова) (1773—1840). О сестрах Бакуниных вспоминала писательница Е. А. Драшусова: “...пожилые девушки, не очень привлекательные, но даровитые...” (ОР ГЛМ. Ф. 65. Оп. 1.).

25 Имеется в виду Евдокия Бакунина, которая в это время находилась в Париже.

26 Софья (1800—1877), Ольга и Елизавета Бахметевы жили у Е. А. Столыпиной: в Середникове — летом и в Москве — зимой и осенью.

27 Вероятно, Алексеев Николай Ильич (?—1851), бывший гвардейский офицер. О нем вспоминала Е. А. Сушкова в своих “Записках” (Л. Academia. 1928. С. 104).

28 Друцкие, князья: Сергей Андреевич (1765—1840) и его сыновья: Иван (?—1884) и Дмитрий (1805—1874) — кузены А. И. Сабуровой.

29 Баранов Иван Николаевич (1794—1872), двоюродный дядя А. М. Хюгель. Его вторая жена — Елизавета Платоновна (урожд. Языкова) (1804—1844).

30 Баранова (урожд. Болтина) Варвара Александровна (1768—19. VI. 1838), двоюродная бабушка А. М. Хюгель со стороны матери.

31 Возможно, Каблукова (урожд. графиня Завадовская) Татьяна Петровна (1802—1884).

32 Игнатьев Алексей Дмитриевич (1803—?), действительный статский советник, тверской и саратовский гражданский губернатор. Муж дочери Е. А. Столыпиной от первого брака — Прасковьи Александровны Воейковой (1815—?).

33 Мать А. М. Хюгель — Елизавета Аркадьевна Верещагина (урожд. Анненкова) (1788—1876).

34 М. Ю. Лермонтов, отбывавший первую ссылку на Кавказ за стихотворение “Смерть поэта”.

35 Панина (урожд. графиня Орлова) Софья Владимировна (1774—1844), графиня.

36 Голицын Николай Федорович (1787—1860), князь, муж княгини Анны Федоровны (урожд. Бахметевой) (?—1842), золовки В. А. Бахметевой.

37 Голицын Федор Федорович (1794—1854), князь, камергер, дипломат. Брат Н. Ф. Голицына. Был поручителем со стороны невесты на венчании А. М. Верещагиной с К.-Э. Хюгелем в Париже.

38 Е. А. Столыпина 13 ноября 1837 г. переехала из Москвы в Петербург для дальнейшего воспитания и образования сына Аркадия, а также младших дочерей — Марии и Елизаветы.

39 Речь идет о Кате, старшей дочери Игнатьевых (родилась в марте 1837 г.).

40 Столыпина (в замуж. Паскевич) Мария Дмитриевна (1818—?), старшая дочь Е. А. Столыпиной и Д. А. Столыпина.

41 Столыпина Елизавета Дмитриевна (1824—1895), младшая дочь Е. А. Столыпиной и Д. А. Столыпина.

42 Евреинова (урожд. княжна Оболенская) Софья Александровна (1815—1852), ее муж — Евреинов Павел Александрович (?—1857), племянник бабушки Лермонтова.

43 Зубовы: Валерьян Николаевич (1804—1857), граф и Екатерина Александровна (урожд. княжна Оболенская) (1811—1843), графиня, сестра С. А. Евреиновой.

44 Писемские: Варвара Петровна (?—1873), Екатерина Петровна (1795—1847), Софья Петровна (1803—1891), Павел Петрович (1794—1857), подполковник, Иван Петрович (1798—1850).

4511 октября 1837 г. в Тифлисе был отдан Высочайший приказ по кавалерии о переводе “прапорщика Лермонтова лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом”.

46 Арсеньева (урожд. Столыпина) Елизавета Алексеевна (1773—1845), бабушка Лермонтова.

47 Оболенская Варвара Александровна (1819—1873), княжна, сестра С. А. Евреиновой и графини Е. А. Зубовой.

48 Ладыженский Федор Ильич (1777—1852), душеприказчик бабушки Лопухиных со стороны матери — статской советницы Александры Ивановны Верещагиной (?—1824). Его жена — Варвара Александровна (урожд. Исленьева) (1791—1848).

49 Родители княжны В. А. Оболенской: князь Александр Петрович (1780—1855) и мачеха княгиня Наталья Петровна (урожд. княжна Оболенская) (1810—1867), сестра декабриста Е. П. Оболенского (1796—1865).

50 Полторацкие: Александр Маркович (1766—1839), дядя А. П. Керн, и Татьяна Михайловна (урожд. Бакунина) (1792—1858); их племянник Николай Дмитриевич Мертваго (1805—1865) женился на Сусанне Александровне Соймоновой (1815—1879).

51 Соймонова Екатерина Александровна (1812—1879) прекрасно пела. Отец Екатерины и Сусанны, Александр Николаевич Соймонов (1780—1865), имел внебрачного сына — известного библиофила, друга Пушкина С. А. Соболевского (1803—1870).

[illegible] (1808—1879).

52 Вадковский Иван Яковлевич (?—1865), подпоручик, женился на светлейшей княжне Александре Александровне Меншиковой (1817—1884), фрейлине.

53 Возможно, Степанов Петр Иванович (1814—1876), соученик Лермонтова по Благородному пансиону (1827—1831), чиновник канцелярии московского военного генерал-губернатора (с 1831), помощник управляющего секретным отделением канцелярии (1837—1840); литератор, автор воспоминаний о Лермонтове (не сохранились).

54 Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853), русский трагический актер. Был женат на драматической актрисе Александре Михайловне Колосовой (1802—1880).

55 Хастатов Аким Акимович (1807—1883), племянник бабушки Лермонтова, сын ее сестры Екатерины Алексеевны Хастатовой (урожд. Столыпиной) (1775—1830).

56 Жюльвекур, де (урожд. Всеволожская, в первом браке Кожина) Лидия Николаевна (1805—1881), графиня; за графом Полем де Жюльвекуром (?—1845), французским литератором.

57 Сушков Андрей Васильевич (1785—1846); его дочь — Варвара Андреевна (в замуж. Киреева) (1823—?).

58 Сушков Петр Васильевич (1783—1855).

59 Дохтурова (урожд. Столыпина) Агафья Александровна (1809—1874), дочь Александра Алексеевича Столыпина (1774—1845), брата бабушки Лермонтова, и Екатерины Александровны (урожд. Потуловой); жена Петра Дмитриевича Дохтурова (1806—1843), кузена сестер Оболенских.

60 Согласно “Московскому некрополю”, Карр Мария Александровна (1812—1839) вышла замуж за Коропчевского.

61 Имение Лопухиных Вяземского уезда Московской губ.

62 М. А. Лопухина имеет в виду Наталью Петровну Оболенскую, мачеху сестер Оболенских.

63 Львова Мария Федоровна, дочь Ф. И. Ладыженского, в первом браке была за витебским губернатором Михаилом Петровичем Львовым, во втором — за бароном Дмитрием Григорьевичем Розеном.

64 Лейхтенбергский Максимилиан (1817—1852), герцог, сын Евгения Богарне, в октябре 1838 г. помолвлен с Вел. княжной Марией Николаевной (1819—1876).

65 Голицын Сергей Михайлович (1774—1859), князь, камергер, член Государственного Совета, председатель Московского опекунского совета, попечитель Московского учебного округа.

66 Апраксина Наталья Владимировна (1820—1853) — дочь Владимира Степановича Апраксина (17960—1833) и Софьи Петровны (урожд. графини Толстой) (1800—1882).

67 Щербатовы: князь Николай Григорьевич (1777—1848), генерал-майор, и княгиня Анна Григорьевна (урожд. Ефимович) (1789—1849).

68 Анненкова Варвара Николаевна (1795—1866), поэтесса, двоюродная тетка А. М. Хюгель. Весной 1837 г. вписала в ее альбом сочиненную вместе с Лермонтовым шутливую поэму о ее женихе, бароне Хюгеле — “Югельский барон”.

69 Тиньков Сергей Яковлевич (?—1839), муж Анфисы Никаноровны (урожд. Анненковой) (1754

—1826), тетки В. Н. Анненковой.

70 Анненков Дмитрий Николаевич (1807—?); его жена Софья Андреевна (урожд. княжна Гагарина).

71 Анненков Николай Николаевич (1799—1865), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного Совета, брат В. Н. и Д. Н. Анненковых.

72 Полторацкая (урожд. Мансурова) Ирина Федоровна, невестка Полторацких (см. прим. 50), вдова их сына Михаила (1801—1836), во втором браке за полковником Видковским.

73 См. прим. 28.

74 Шульгина Александра Дмитриевна, дочь Дмитрия Ивановича Шульгина (1786—1854), обер-полицеймейстера Москвы (1825—1830), впоследствии генерала от инфантерии, петербургского военного генерал-губернатора.

75 Гааз Федор Петрович (1780—1853), главный врач тюремных больниц, много делавший для

облегчения участи заключенных, для их духовно-нравственного возрождения.

76 См. прим. 36.

77 Елизавета Хюгель родилась 23 ноября 1838 г.

78 Картина была написана Лермонтовым в октябре 1838 г. Сейчас находится в ГАМ под условным названием “Сцена из кавказской жизни”.

79 Так М. А. Лопухина называет себя, намекая на какую-то шутку.

80 Иноземцев Федор Иванович (1802—1869), профессор практической хирургии в Московском университете (с 1835); в 1839 г. по поручению министра народного просвещения осматривал лучшие клиники Германии, Италии и Франции.

81 Лопухин Александр Алексеевич (13.II.1839—1895), старший сын А. А. и В. А. Лопухиных.

82 Оболенский Василий Александрович (1817—1888), князь, женился на княжне Александре Павловне Голицыной (1819—1897).

83 Каблукова Вера Владимировна (1819—1879) вышла замуж за князя Александра Сергеевича Голицына (1806—1885).

84 Понятовские, князья: Карл Станиславович (1808—1887), его жена Элиза (урожд. маркиза Монтекатини) и его брат Иосиф Станиславович (1816—1873).

85 Васильев Алексей Владимирович (1809—1895), граф; сослуживец Лермонтова по л.-гв. Гусарскому полку. С января 1837 г. в отставке.

86 Монфорские, принцы, дети Жерома Бонапарта (1784—1860) от 2-го брака с Екатериной Вюртембергской: Жером Наполеон Шарль (1814—1847), Наполеон Жозеф Шарль Поль (1822—1891) и принцесса Матильда Летиция Вильгельмина (1820—1904) (в замуж. Демидова, княгиня Сан-Донато).

87 Беррийская Мария Каролина (1798—1870), герцогиня, вдова герцога Беррийского (1778—1820), сына Карла X (1757—1836) — последнего французского короля династии Бурбонов (правил в 1824—1830). В 1832 г. герцогиня Беррийская вышла замуж за неаполитанского дипломата графа Этторе Лучези (ок. 1805—1864).

88 Наследник Российского престола, будущий Император (с 1855) Александр II (1818—1881), в начале мая 1838 г. вместе со своим наставником поэтом В. А. Жуковским отправился в путешествие по Европе, посетив в том числе и Флоренцию.

89 Бутурлина (урожд. Нарышкина) Екатерина Ивановна, графиня, жена графа Михаила Дмитриевича Бутурлина (1807—1876).

90 Каталани Анжелика (1780—1849), итальянская певица, сопрано. В мае 1820 г. гастролировала в Петербурге.

91 Ховрина (урожд. Лужина) Мария Дмитриевна (1801—1877).

92 См. прим. 1.

93 Углицкая (в замуж. Альбрехт) Александра Александровна (1822—1862), младшая дочь Марии Александровны Углицкой (урожд. Евреиновой) (1802—1851), племянницы Е. А. Арсеньевой.

94 Озеров Иван Петрович (1806—1880), дипломат; женат на Розалии Васильевне Шлиппенбах (1808—?).

95 См. прим. 83.

96 Тарасенко-Отрешков Наркиз Иванович (1805—1873), писатель-экономист, издатель "Журнала общеполезных сведений", член ученого комитета Министерства государственных имуществ, с августа 1836 г. камер-юнкер, титулярный советник. Член опеки над детьми и имуществом А. С. Пушкина, прототип Горшенко в романе Лермонтова "Княгиня Литовская". Был в близком окружении Лермонтова в Петербурге и в Пятигорске в канун его гибели, первый известил о его гибели в петербургских газетах.

97 Горсткин Иван Николаевич (1798—1876), титулярный советник, привлекался по делу декабристов. Жена — Евгения Григорьевна (урожд. Ломоносова).

98 Зубов Александр Николаевич (1797—1875), граф.

99 Орлов Григорий Федорович (1789—1850), его жена Виржиния и дочь Антуанетта (в замуж. графиня Орсини).

100 Кутайсов Иван Павлович (1803—?), граф, женат на Елизавете Дмитриевне Шепелевой (1812—1839).

101 Ховрина Лидия Николаевна (1825—?), младшая дочь М. Д. Ховриной.

102 Бордоский, герцог (1820—1883), сын герцогини Беррийской, внук Карла X.

103 Новорожденный сын Хюгелей — Эжен-младший.

104 Вероятно, Скарятин Александр Яковлевич (1815—1884), дипломат.

105 Ле-Дантю Мария Петровна, была воспитательницей детей генерал-майора Петра Никифоровича Ивашева (1767—1838), мать Камиллы Петровны Ивашевой (урожд. Ле-Дантю) (1808—1839).

106 Ивашев Василий Петрович (1797—1840), ротмистр л.-гв. Кавалергардского полка. Декабрист, приговорен в каторжную работу на 20 лет.

107 Жоли К. К., зубной лекарь 1-го Московского кадетского корпуса.

108 Лопухина Мария Алексеевна (22.III.1840—?).

109 Лопухина (в замуж. Трубецкая) Софья Алексеевна (31.III.1841—1901).

110 Средниково (Середниково) — подмосковное имение Е. А. Столыпиной, где проводил свои московские каникулы Лермонтов.

111 Столыпин Аркадий Дмитриевич (1821—1899), сын Е. А. Столыпиной и Д. А. Столыпина; уезжал в Саратов к месту своей

службы по окончании в Петербурге школы конной артиллерии.

112 Свадьба Марии Дмитриевны Столыпиной и Григория Михайловича Паскевича.

113 См. прим. 26.

114 См. прим. 5.

115 Хвостова (урожд. Сушкова) Екатерина Александровна (1812—1868), знакомая Лопухиных и А. М. Хюгель; предмет увлечения Лермонтова, адресат его юношеской лирики; прототип Негуровой в романс “Княгиня Литовская”; автор воспоминаний о поэте; замужем за дипломатом А. В. Хвостовым с 1838 г.

116 Беклешова (урожд. Сушкова) Мария Васильевна (1792—1863), в семье которой Е. А. Хвостова воспитывалась в Петербурге.

117 См. прим. 6.

118 В начале марта 1841 г. В. А. Бахметева родила мертвого ребенка.

119 См. прим. 7.

120 Друцкой Иван Сергеевич, князь, кузен А. И. Сабуровой.

121 Корфы: Николай Алексеевич, барон, полковник и его жена Анна Федоровна (урожд. Ладыженская).

122 См. прим. 63.

123 Ефимовский Андрей Петрович (1787—?), граф, его вторая жена — графиня Надежда Петровна (урожд. Палицына) (1785—1840).

124 Озерова Варвара Петровна (1818—1870) вышла замуж за Александра Петровича Самсонова (1809—1882).

125 Оболенский Иван Петрович (1770—?), князь.

126 Долгорукова Ольга Александровна (1814—1865), княгиня, дочь Александра Яковлевича Булгакова (1781—1863), московского почт-директора.

127 Гагарин Лев Андреевич, князь, брат Софьи Андреевны Анненковой.

128 Розен Дмитрий Григорьевич (1815—1885), барон, штаб-ротмистр, сын барона Григория Владимировича Розена (1782—1841); однополчанин Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому

полку; адъютант светлейшего князя Д. В. Голицына. В 1845 г. женился на Марии Федоровне Львовой (урожд. Ладыженской).

129 Львова (урожд. Наумова) Софья Николаевна, жена Андрея Михайловича Львова (1799—1868).

130 Валуев Степан Петрович (?—1844) был женат первым браком на Александре Петровне Ладыженской, вторым — на Елизавете Петровне Масловой.

131 Сухово-Кобылина (урожд. Шепелева) Мария Ивановна, мать графини Е. В. Салиас де Турнемир, Е. В. Петрово-Солово во, С. В. Сухово-Кобылиной, А. В. Сухово-Кобылина, И. В. Сухово-Кобылина.

132 Душенькой звали Евдокию Васильевну Сухово-Кобылину (в замуж. Петрово-Солово во) (?—1893).

133 См. прим. 112.

134 Лермонтов убит на дуэли 27 июля 1841 г.

135 Анненкова (урожд. Якоби) Анна Иваноавиа (?—1842), двоюродная бабушка невесты; мать декабриста Ивана Александровича Анненкова.

136 См. прим. 71.

137 Баташов Николай Петрович, управляющий Середниковым и окрестными селами, принадлежавшими Е. А. Столыпиной, а также подмосковной пустошью Листовка Е. А. Верещагиной; Ольга Петровна — его жена.

138 Озерова (урожд. княжна Мещерская) Анастасия Борисовна (1796—1841), вторая жена сенатора, тайного советника и кавалера Семена Николаевича Озерова (1776—1844).

139 Небольсина (урожд. Озерова) Елизавета Семеновна (1820—1846), жена Александра Григорьевича Небольсина (1795—1854).

140 Озеров Петр Иванович (1778—1843), действительный тайный советник, член Государственного совета.

141 Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844), светлейший князь, московский военный генерал-губернатор.

142 Жена светлейшего князя Д. В. Голицына Татьяна Васильевна (урожд. Васильчикова) умерла 28 января 1841 г.

143 Савина (урожд. Лунина) Татьяна Александровна, начальница Дома трудолюбия, куда была помещена для воспитания и учебы Маша Ловейко.

144 Шаховской Алексей Петрович (1807—1841), князь, сын княгини Агафоклеи Алексеевны Шаховской (урожд. Бахметевой) (1773—1849).

145 Друцкой Дмитрий, князь, кузен А. И. Сабуровой.

146 Сабуров Михаил Иванович (1813—?), соученик Лермонтова по пансиону, адресат его нескольких юношеских посланий. Женился на Роксандре Николаевне Россетти-Розновано.

147 Левицкая Елена Михайловна вышла замуж за Николая Александровича Скалона (18090—

147 Хвощинская Елена Михайловна вышла замуж за Николая Александровича Окалова (1809—1857).

148 Делянова Елена Давыдовна (1821—1870) вышла замуж за князя Ивана Эммануиловича Манук-Бея (1811—?).

149 Хьюм Екатерина Ивановна, впоследствии была гувернанткой в семье Хвощинских.

150 См. прим. 41.

151 Ухтомская Дарья Андреевна (1814—1871), княжна, воспитывалась отдельно от сестер у двоюродной тетки княгини Натальи Ивановны Голицыной (урожд. Толстой) (1771—1841). В 1842 г. вышла замуж за декабриста Валерьяна Михайловича Голицына (1803—1859).

152 Бобринская (урожд. Соковнина) Софья Прокопьевна (1812—1868), графиня; муж — граф Бобринский Василий Алексеевич (1804—1874); сын — граф Алексей (1831—1888).

153 Столыпин Афанасий Алексеевич (1788—1866), отставной офицер-артиллерист, младший брат бабушки Лермонтова, родной дядя М. Д. Паскевич со стороны отца; муж Столыпиной

(урожд. Устиновой) Марии Александровны (1812—1876).

154 Козлова Александра Ивановна (1812—1903), дочь поэта Ивана Ивановича Козлова (1779—1840).

155 Тарасенко-Отрешков Павлин Иванович, брат Н. И. Тарасенко-Отрешкова.

156 Елена Павловна, Вел. княгиня, с 1824 г. супруга Вел. князя Михаила Павловича.

157 См. прим. 66.

158 Самарины: Федор Васильевич (1784—1853) и Софья Юрьевна (урожд. Нелединская-Мелецкая) (1793—1879).

159 Сенявина (урожд. баронесса д' Оггер) Александра Васильевна (?—1861), жена жена московского гражданского губернатора (1840—1844) Ивана Григорьевича Сенявина (1801—1851). Ее сестра — баронесса Елизавета Васильевна Мейендорф (1802—1873).

160 Голицына (урожд. графиня Баранова) Луиза Трофимовна, княгиня (1810—1887), жена князя Михаила Федоровича Голицына (1800—1873).

161 Мейер Леопольд (1816—1883), немецкий пианист и композитор, концертировавший во многих городах Европы и Америки, в том числе в Петербурге и Москве.

162 Возможно, Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), писатель, автор исторических романов, драматург, директор московских театров (1831—1842) и Оружейной палаты.

163 См. прим. 55.

164 См. прим. 15.

165 См. прим. 36.

166 Нарышкина (урожд. Бахметева) Авдотья Ивановна, сестра бабушки Н. Ф. Бахметева, воспитывала его и его сестру княгиню А. Ф. Голицыну.

167 Хитрово (урожд. Каковинская) Анастасия Николаевна (1762—1842).

168 См. прим. 67.

169 Щербатова Анастасия Николаевна, княжна, в 1-м браке за Федором Александровичем Ермоловым (?—1845), во 2-м браке за его племянником — Александром Петровичем Ермоловым.

170 Потемкина (урожд. княжна Трубецкая) Елизавета Петровна (1796—1870-е гг.), графиня, сестра декабриста Сергея Петровича Трубецкого (1790—1860), жена графа Сергея Павловича Потемкина (1787—1858), во втором браке за Ипполитом Ивановичем Подчаским (1792—1879).

171 Небольсина Евдокия Николаевна (1821—1886) вскоре вышла замуж за графа Ивана Александровича Апраксина (1819—1892).

172 Мусин-Пушкин Алексей Сергеевич (1820—1881), брат Анны Сергеевны Дубовицкой (?—1889), жены подполковника Николая

Александровича Дубовицкого.

173 Голицын Владимир Дмитриевич (1815—1888), светлейший князь.

174 Речь идет, видимо, о П. М. Бакуниной (см. прим. 24).

175 Козлова (урожд. Давыдова) Софья Андреевна — вдова поэта И. И. Козлова.

176 Хрущев Александр Петрович (1776—1842), отец Елизаветы Александровны Нарышкиной.

177 Плещеева (урожд. Кромина) Елизавета Петровна, дальняя родственница князя Н. Н. Трубецкого — зятя М. А. Лопухиной.

178 Шишкина (урожд. Баранова) Прасковья Николаевна (1792—1880), жена Павла Сергеевича Шишкина, двоюродная тетка А. М.

Хюгель.

179 См. прим. 29.

180 Горяинова (урожд. Шишкина) Елизавета Павловна.

181 См. прим. 89.

182 Княгиня А. Ф. Голицына умерла 1 февраля 1842 г.

183 См. прим. 166.

184 Лизанька — дочь А. М. Хюгель.

185 См прим. 130.

186 Орлов Михаил Федорович (1788—19 III 1842).

187 Львов Дмитрий Михайлович (1794—17 III 1842).

188 Пашкова (урожд. Панчулидзева) Ольга Алексеевна (1802—1842).

189 Пашкова Евдокия Егоровна (1820—1893) была помолвлена с Дмитрием Васильевичем Путятой. Ее отец — Егор Иванович Пашков (1795—1860), отставной генерал-майор.

190 Евреинова (урожд. Столыпина) Александра Алексеевна (1777—1842), родная сестра бабушки Лермонтова, мать П. А. Евреинова и М. А. Углицкой.

191 См. прим. 93.

192 Шан-Гирей (в замуж. Веселовская) Екатерина Павловна (1823—?), троюродная сестра Лермонтова.

193 Львова Мария Францовна (1789—18 III 1842), княгиня.

194 Голицына Елизавета Сергеевна (1811—20 III 1842), княжна.

195 См. прим. 171.

196 Небольсин Николай Андреевич (1785—1846), московский гражданский губернатор.

197 Каблукова Олимпиада Владимировна (?—1904) вышла за князя Анатолия Ивановича Барятинского (1821—1881).

198 Вадковская (урожд. Молчанова) Елизавета Петровна, жена Ивана Федоровича Вадковского (1790—1843), брата декабристов Ф. Ф. и А. Ф. Вадковских.

199 Катенин Александр Андреевич (1803—1860), флигель-адъютант, полковник, женился на Варваре Ивановне Вадковской (1822—1865).

200 Ефимовский Борис Андреевич (1818—1874), граф, женился на княжне Александре Ивановне Хилковой.

201 Кологривова (урожд. Вельяминова-Зернова) Анисья Федоровна (1788—1876).

202 См. прим. 123.

203 Дама — шелковая узорчатая ткань.

204 Муравьева (урожд. графиня Ефимовская) Екатерина Петровна (?—1861), жена Семена Петровича Муравьева (1793—1864).

205 Беринг Меропа Александровна (?—1880), попечительница Общества для бедных Мещанской части Москвы (1845).

206 Новосильцев Петр Петрович (1797—1869), московский вице-губернатор, был женат 1-м браком на Анастасии Павловне

Мансуровой (1789—1830), имел дочь Екатерину (1826—?) и сына Ивана (1828—?).

207 Нарышкин Константин Павлович (1806—1880) впоследствии женился на Софье Петровне Ушаковой (1823—1877), дочери своей любовницы — Марии Антоновны Ушаковой (урожд. Тарбеевой) (1802—1870).

208 Фалькон Мария Корнелия (1812—1897), пела заглавные партии в Парижской опере.

209 Сивори Э.-К. (1815—1894), знаменитый скрипач-виртуоз, ученик Паганини.

210 Лист Ференц (1811—1886), композитор, пианист, дирижер.

211 Анненкова Александра (Зинаида) Ивановна (1826—188?), дочь Анненковых: двоюродного дяди А. М. Хюгель декабриста Ивана Александровича (1802—1878) и Прасковьи Егоровны

дяди А. М. Хюгель декабриста Ивана Александровича (1802—1878) и Прасковьи Егоровны (урожд. Полины Гебль) (1800—1876).

212 Столыпина (урожд. Столыпина) Наталья Алексеевна (1786—1851), младшая сестра бабушки Лермонтова.

213 Устинова Екатерина Адриановна (1821—?), дочь саратовского губернатора Устинова Адриана Михайловича (1802—188?). Первая жена А. Д. Столыпина.

214 Ольга и Зинаида Барановы, воспитанницы Смольного института.

215 Оболенский Сергей Александрович (1819—?), князь, брат В. А. Лопухиной — невестки М. А. Лопухиной.

216 Мезенцева Наталья Владимировна (1820—?), дочь Веры Николаевны Мезенцевой (урожд. графини Зубовой) (1800—1863).

217 См. прим. 43.

218 Мещерский Борис Васильевич (1818—1884), князь, женился на княжне Софье Васильевне Оболенской. Его мать — урожд. баронесса Шарлотта Борисовна Фитингоф (?—1841).

219 Теплов Алексей Григорьевич, майор корпуса внутренней стражи.

220 Боде Екатерина Львовна (1819—1867), баронесса, вышла замуж за Павла Александровича Олсуфьева (1819—1844).

221 А. С. Мусин-Пушкин женился на княжне Наталье Николаевне Трубецкой (1824—1861). Его мать — Мусина-Пушкина (урожд. Дурова) Екатерина Дмитриевна (?—1883).

222 Трубецкой Николай Иванович (1797—1874), князь (“le nain jaune”).

223 См. прим. 137.

224 См. прим. 135.

225 Дочери А. М. и Т. М. Полторацких: Надежда и Агафоклея (в замужестве Воейкова).

226 См. прим. 72.

227 См. прим. 19.

228 Сухово-Кобылина Софья Васильевна (1825—1867), художница.

229 Сухово-Кобылин Иван Васильевич.

230 Сухово-Кобылин Александр Васильевич (1817—1903), драматург.

231 Свиньин Петр Павлович (1801—1882), известный московский хлебосол и весельчак.

232 См. прим. 126.

233 Долгорукова (урожд. Малиновская) Екатерина Алексеевна (1811—1872), княгиня, дочь историка и писателя Алексея Федоровича Малиновского (1760—1840), жена князя Ростислава Алексеевича Долгорукова (1805—1849), однополчанина Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку.

234 Салтыкова (урожд. Семенова) Мария Александровна (?—1845). Ее душевнобольной сын Валерьян Петрович (1808—1862) жил и скончался в Спасо-Иаковлевском монастыре г. Ростова Ярославской губ.

235 См. прим. 44.

236 Всеволожская (?—1844), мать Л. Н. де Жюльвекур.

237 Строганова Софья Сергеевна (1824—1852), графиня.

238 См. прим. 153.

239 См. прим. 68.

240 Давыдов Василий Васильевич (1809—1859) был женат на княжне Софье Андреевне Оболенской (1810—1871), кузине невестки М. А. Лопухиной.

241 Рубини, Джованни-Баттиста (1795—1854), итальянский певец (тенор).

242 См. прим. 51.

243 Щербатова Наталья Николаевна, княжна, дочь Щербатовых: князя Николая Григорьевича и княгини Анны Григорьевны; вышла замуж за полковника Егора Августовича Норда.

244 См. прим. 169.

245 Бакунин Василий Михайлович (1795—1863), в 1825 г. полковник Рижского драгунского полка; в 1832 г. уволен по болезни от службы; в 1833 г. снова определен полковником Литовского уланского полка; член Полевого аудиториата (1836); уволен от службы генерал-майором в 1848 г. Брат сестер Бакуниных.

246 Сушков Николай Васильевич (1796—1871), действительный статский советник. В 1841 г. оставил службу, поселился в Москве и занялся сочинительством, написал ряд поэм, пьес. Его литературный салон был популярен в Москве.

247 Петр Васильевич Сушков был женат на Дарье Ивановне Пашковой (1790—1817).

248 Оболенская Александра Андреевна (?—1844), княжна.

249 См. прим. 153.

250 ”Монашенкой” Лопухина называет Столыпину Марию Александровну, жену Афанасия Алексеевича Столыпина.

251 Тамбурини Антонио (1800—1876), итальянский певец (драматический баритон).

252 Виардо-Гарсия Полина (1821—1910), французская певица (меццо-сопрано).

253 Нарышкина (урожд. княжна Мещерская) Анна Васильевна (?—1844), мать Александра Григорьевича Нарышкина (1818—1855) и баронессы Марии Григорьевны Валуа (урожд. Нарышкиной) (1819—1848).

254 Новосильцева Елизавета Ивановна вышла замуж за генерал-майора Роговского Александра Васильевича (1782—1849).

255 Столыпина Мария Александровна (1812—1876), дочь Александра Алексеевича Столыпина.

256 Акулина, крепостная, была няней детей А. М. Хюгель.

257 Горчакова (урожд. княжна Урусова, в 1-м браке графиня Мусина-Пушкина) Мария Александровна (1801—1853), княгиня, жена князя Александра Михайловича Горчакова (1798—1883), дипломата, в 1841—1850 гг. посланника в Штутгарте, будущего канцлера.

258 Оболенская (урожд. Мазурина) Александра Алексеевна (1817—1885), княгиня, жена князя Михаила Андреевича Оболенского (1811—1866). Сестра Мазуриной (в замуж. светлейшей княгини Грузинской) Анны Алексеевны (1824—1866).

259 См. прим. 36.

260 Столыпин Валерьян Григорьевич (1807—1852), племянник бабушки Лермонтова; был женат на Варваре Алексеевне Бахметевой.

261 См. прим. 128.

262 Александра, родилась летом 1843 г., — третий ребенок в семье Хюгелей.

263 Юнона — в римской мифологии одна из верховных богинь, соответствует греческой Гере, покровительнице женщин.

264 Вяземская (урожд. Шишкина) Прасковья Сергеевна (?—1884), княгиня, жена князя Василия Николаевича Вяземского (1781—?).

265 См. прим. 137.

266 Столыпин Александр Алексеевич (1774—1845).

267 Шан-Гирей (урожд. Хастатова) Мария Акимовна (1799—1845), любимая племянница бабушки М. Ю. Лермонтова — Е. А. Арсеньевой, дочь ее сестры Ек. А. Хастатовой.

268 См. прим. 192.

269 Углицкая Леокадия Александровна (1821—?).

270 Самарина (в замуж. графиня Соллогуб) Мария Федоровна (1821—1888).

271 Нарышкина (урожд. баронесса Строганова) Екатерина Александровна (1769—1844).

272 Нарышкина Елизавета Ивановна (1791—1859), фрейлина.

273 Неклюдова (урожд. Нарышкина) Варвара Ивановна.

274 См. прим. 257.

275 Чертковы: Александр Дмитриевич (1789—1858) и Елизавета Григорьевна (урожд. графиня Чернышова) (1805—1858), попечительница Рогожской части Москвы.

276 Бакунин Михаил Александрович (1814—1876), теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества.

277 Бакунин Александр Михайлович (1768—1854).

278 Головин Иван Гаврилович (1816—1890). В 1837 г. окончил дипломатическое отделение Дерптского университета. Служил в Министерстве

иностранных дел. С 1841 г. жил за границей. Зачинатель вольной русской печати.

279 Елизавета Михайловна (1826—1845), Вел. княжна, дочь Вел. князя Михаила Павловича, супруга герцога Нассауского Адольфа (1817—1905).

280 См. прим. 169.

281 Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1825—1879), граф, пасынок князя А. М. Горчакова.

282 Оболенская Аграфена Александровна (1823—1891), княжна.

283 Святополк-Четвертинский Борис Антонович (1781—1865), князь; его жена — княгиня Надежда Федоровна (урожд. княжна Гагарина) (1791—1883), сестра княгини В. Ф. Вяземской; у них было шесть дочерей.

284 Абамелек-Лазарев Семен Давыдович (1815—1888), князь, сослуживец Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку; женился на Екатерине Николаевне Толстой (1826—1888), дочери Николая Николаевича Толстого (1794—1872).

285 См. прим. 149.

286 Лужин Иван Дмитриевич (1804—1868), обер-полицмейстер (1845—1854).

287 См. прим. 234.

288 Устинова (урожд. Панчулидзева) Мария Алексеевна (1789—21 III 1845), мать Марии Александровны Столыпиной.

289 Евсюкова (урожд. Устинова, во втором браке Загоскина) Анна Александровна.

290 Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862), начальник штаба корпуса жандармов, управляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

291 Возможно, Каханов Петр Аполлонович (1810—1858), полковник, муж Варвары Александровны (урожд. Столыпиной) (1816—1870), племянницы бабушки Лермонтова.

292 Столыпина (урожд. княжна Трубецкая) Мария Васильевна, жена Алексея Григорьевича Столыпина (1805—1847). Во 2-м браке за светлейшим князем Семеном Михайловичем Воронцовым.

293 Всеволожский Николай Сергеевич (1772—1857), действительный статский советник. Отец Л. Н. де Жюльвекур.

294 Толстой Иван Петрович (1810—1867), граф; жена — Софья Сергеевна (урожд. графиня Строганова) (1824—1852). Его брат Александр Петрович (1801—1873); жена — Анна Георгиевна (урожд. княжна Грузинская) (1798—1889).

295 Оболенский Михаил Александрович (1821—1886), князь, младший секретарь русского посольства в Мюнхене, брат невестки М. А. Лопухиной.

296 Брат К. Э. Хюгеля.

297 Мусина-Пушкина Екатерина Ивановна (1823—1883), графиня, дочь княгини М. А. Горчаковой от первого брака. Впоследствии вышла замуж за графа Егора Александровича Игельстрома (1810—1890).

298 Ш[illegible] Н[illegible] В[illegible] (?—1861)

298 Шаховская Надежда Васильевна (?—1861), княжна, выдала замуж свою младшую племянницу Софью Николаевну Васильчикову (?—1882) за Дмитрия Алексеевича Сверчкова.

299 Нессельроде (урожд. графиня Гурьева) Мария Дмитриевна (1786—1849), графиня, сестра Сверчковой (урожд. графини Гурьевой) Елены Дмитриевны (?—1834).

300 А. Ф. Кологривова выдала замуж свою падчерицу Марию Степановну Кологривову за Дмитрия Иосифовича Кожина (1817—?).

301 См. прим. 89.

302 Столыпин Алексей Григорьевич, штабс-ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, с 1833 г. адъютант герцога

Лейхтенбергского; двоюродный дядя Лермонтова. Был женат на княжне Марии Васильевне Трубецкой.

303 Столыпина Вера Аркадьевна (?—1853) вышла замуж за князя Давида Федоровича Голицына (1814—1855).

304 Ольга Николаевна (1822—1892), Вел. княжна, дочь Николая I; с 1846 г. супруга Вюртембсргского наследного принца, будущего короля Карла I (1823—1891).

305 См. прим. 292.

306 См. прим. 147.

307 Озерова (урожд. Лужина) Варвара Дмитриевна (1800—1878).

308 См. прим. 49.

309 Мещерская Елена Васильевна (1819—1905), княжна, вышла замуж за князя Каликста Густава Германа Бирона (1817—1882).

310 Розен (урожд. графиня Зубова) Елизавета Дмитриевна (1790—1862), баронесса, мать барона Дмитрия Григорьевича Розена.

311 См. прим. 297.

312 Оболенская (урожд. графиня Мусина-Пушкина) Екатерина Алексеевна (1786—1875), княгиня, вдова князя Василия Петровича Оболенского (1780—1834).

313 Мусин-Пушкин Владимир Алексеевич (1798—1854), граф, муж Эмилии Карловны (урожд. Шернваль) (1810—1846).

314 См. прим. 250.

315 Устинова (урожд. княжна Трубецкая) Ольга Васильевна (1820—?), жена Михаила Александровича Устинова, невестка Марии Александровны Столыпиной (“Монашенки”), сестра Марии Васильевны Столыпиной.

316 Трубецкая (урожд. Вейс) Софья Андреевна (1796—1848), княгиня.

317 См. прим. 234.

318 См. прим. 44.

319 См. прим. 253

319 См. прим. 253.

320 Сильфида — в средневековой мифологии — гений воздуха, легкое, подвижное существо.

321 См. прим. 282.

322 Альфонский Аркадий Алексеевич (1796—1869), доктор медицины.

323 См. прим. 41.

324 Нарышкин Александр Григорьевич женился на Надежде Ивановне Кнорринг (1825—1895) (во 2-м браке за Александром Дюма-сыном).

325 Боде Елена Львовна (1826—1862), баронесса, вышла замуж за Андрея Ильича Баратынского (1813—1889).

326 Римская-Корсакова (урожд. Грибоедова) Софья Алексеевна (1805—1886), жена Сергея Александровича Римского-Корсакова (1794—1883).

327 Римская-Корсакова Анастасия Сергеевна (1830—1876), впоследствии вышла замуж за Михаила Адриановича Устинова.

328 Возможно, речь идет об Аграфене Ивановне Сабуровой.

329 Верещагина Екатерина Львовна, дочь Льва Николаевича Верещагина, московского обер-полицмейстера, вышла замуж за Петра Павловича Засецкого, матерью которого была Александра Антоновна Засецкая (урожд. Федорова) (1798—1873).

330 Пашкова Ольга Егоровна (1825—1873) вышла замуж за Александра Петровича Озерова (1817—1900).

331 Святополк-Четвертинская Елизавета Борисовна (1819—1869), княжна, фрейлина, вышла замуж за барона Александра Григорьевича Розена (1812—?).

332 Щербатова Ольга Алексеевна (1822—1879), княжна, дочь московского генерал-губернатора князя Алексея Григорьевича Щербатова (1777—1848). Вышла замуж за князя Сергея Федоровича Голицына (1812—1849).

333 Орлова Анна Михайловна (1826—1887) вышла замуж за князя Владимира Владимировича Яшвиля (1813—1864).

334 Талызина (урожд. графиня Зубова) Ольга Николаевна (1803—1882), жена Александра Степановича Талызина (1795—1858).

335 Нарышкин Алексей Кириллович (1819—1862) женился на Наталье Александровне Талызиной (1829—?).

336 Голицына (урожд. Нарышкина) Евдокия Михайловна (1790—1862), княгиня.

337 Трубецкая (урожд. княжна Трубецкая) Варвара Юрьевна (1829—1901), княгиня, дочь князя Юрия Ивановича (?—1850) и княгини Варвары Ивановны (урожд. княжны Прозоровской).

338 Трубецкой Петр Петрович (1822—1892), князь, сын князя Петра Ивановича (1798—1871) и княгини Эмилии Петровны (урожд. графини Витгенштейн) (1801—1869).

339 См. прим. 82.

340 Голицына Юлия Павловна (1829—1879), княжна, вышла замуж за моршанского почетного гражданина Павла Диомидовича Прокунина (?—1879).

341 См. прим. 36.

342 Философова (урожд. Столыпина) Анна Григорьевна (1815—1892), раннее юношеское увлечение Лермонтова, племянница его бабушки. Ее муж — Алексей Илларионович Философов (1800—1874).

343 Берлиоз Гектор-Луи (1803—1869), французский композитор и дирижер.

344 Столыпин Алексей Аркадьевич (1816—1858), двоюродный дядя Лермонтова и его друг; был известен под прозвищем “Монго”.

345 См. прим. 54.

346 Апухтина Анна Павловна (1793—1885); ее сын — Петр Владимирович Апухтин (1816—1847).

347 Апухтин Павел Владимирович (1813—1900).

Публикация С. А. БОЙКО

Перевод Е. Л. ЯЦЕНКО

Примечания С. А. БОЙКО и

Е. Л. ЯЦЕНКО

Письма графини С. А. Бобринской к Е. Н. Орловой

Яценко Е. Л. Примечания: Письма графини С. А. Бобринской к Е. Н. Орловой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 316—317.

1 Орлова Анна Михайловна (1826—1887), родные называли ее Нина, Нинет.

2 Яшвиль Владимир Владимирович (1813—1864), князь. 21 июня 1842 г., будучи штаб-ротмистром л.-гв. Гусарского полка, дрался на дуэли с князем Александром Николаевичем Долгоруковым (1819—1842), штаб-ротмистром того же полка. Не желая смертельного исхода, Яшвиль стрелял в сторону, но пуля, отскочив от камня, сразила соперника наповал. Яшвиль был разжалован в рядовые и сослан на Кавказ. В 1845 г. был прощен и с прежним чином переведен в л.-гв. Гусарский полк.

3 Орлов Николай Михайлович (1822—1886). В 1843 г. окончил кандидатом Императорский Московский Университет. С сентября 1842 г. — юнкер Кирасирского Принца Петра Ольденбургского полка. В марте 1847 г. — корнет, состоял при штабе главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса и наместника Кавказа князя М. С. Воронцова.

4 Бобринский Алексей Алексеевич (1800—1868), граф, шталмейстер, известный сельский хозяин и сахарозаводчик, светский знакомый А. С. Пушкина.

5 Раевский Александр Николаевич; в 1834 г. женился на Екатерине Петровне Киндяковой (1812—1839). В 1847 г. жил в Москве в унаследованном от жены доме на Б. Дмитровке, против Дворянского Собрания.

6 Раевская (в замуж. графиня Ностиц) Александра Александровна (1839—1863), единственная дочь А. Н. Раевского. В 1861 г. вышла замуж за флигель-адъютанта графа Ивана Григорьевича Ностица (1824—1905).

Публикация и перевод Е. Л. ЯЦЕНКО

Роспись приданого

Письма графини С. А. Бобринской к Е. Н. Орловой / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 312—317.

Роспись приданого / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 317—320.

Росписи, подобные помещенной ниже, составлялись в канун свадьбы для сведения жениха и были

широко распространены до конца XIX в. во всех социальных слоях России, но главным образом — в купеческом и мещанском кругу. Публикуемая роспись по составу и типу вещей может быть отнесена к среднекупеческой среде и датирована 1840—1850 гг.

Публикуется по оригиналу (ОПИ ГИМ. Ф. 122. Ед. хр. 37) с сохранением всех языковых особенностей.

РОСПИСЬ ПРИДАНОВА

В начале Божие милосердие.

Образ Всемилостивого Спаса риза серебряная вызолоченая

Образ Тихвинския Божия Матери оклад серебряной и вызолочен риза жемчужная

Образ скорбящия Божия Матери оклад серебряной вызолочен с жемчугами

Образ Казанская Божия Матери риза серебряная венец вызолочен

Образ святителя Николы Чудотворца в ризе

Цепочка жемчужная пучками крест золотой

Цепочка янтарная с крестом серебряным вызолоченым

Две цепочки серебряные вызолоченые с крестами серебряными вызолоченными

Серьги брилиантовые

Серьги золотые с алмазами и бурмицкими зернами1

Серьги золотые с алмазами по одной жемчужине

Серьги золотые с жемчугом

Суперчик2 брилиантовый золотой

Суперчик алмазный золотой

Супорчик алмазный золотой

Полдюжины колец червоного золота

Дюжина платков отрезных французской тафты3 разных цветов новые

Дюжина косынок французской тафты разных цветов новые

Восемь платков матеревых4 разных цветов новые

Два платка газовые новые

Шесть платков бумажных французских новые

Дюжина платков бумажных больших немецких новые

Два платка пятенетовой кисеи5 шитые новые

Шесть платков кисейных новые

Две косынки декосовые6 шитые новые

Дюжина платков кисейных рушных7 в том числе с кружевами новые

Шесть платков кашемировых разного цвету новые

Шаль бурдосуа8 васильковая кушаком9 новая

Платок бурдосуа каришневой новой

Платок мериносовой белой с коймами новой

Три платка драдидамовых10 разных цветов новые

Платок малиновой пуховой с коймами новой

Платье

Платье бархатное палевое11 с атласной отделкой новое

Платье атласное голубое с блондами12 и отделкой атласом новое

Платье матеревое по атласу алое с блондами и атласом новое

Платье турецкого Атласу дикое13 с отделкой новой

Платье газовое белое на белом атласном чахле новое

Платье бархатное малиновое с атласом новое

Платье Александриновое14 зеленое с атласной отделкой новое

Платье матеревое каришневое с атласной отделкой новое

Платье матеревое с отделкой новое

Платье матеревое с отделкой новое

Шлафор15 матеревой по атласу с отделкой новой. Еще шлафор матеревой с отделкой новой

Платье Астинской кисеи16 с двумя кружевными прошивками и в два ряда кружева на палевом атласном чахле новое

Платье прозрачной клечатой кисеи с кружевами и буфтами17 на розовом флоранской тавты18 чахле новое

Платье прозрачной кисеи с кружевами и снурками новое

Платье декосовое шитое новое

Платье декосовое с тремя прошивками и бувтами на голубом флоранской тавты чахлее новое

Платье декосовое с двумя прошивками и шитой оборкой новое

Платье кисейное полосками с двумя шитыми оборками на розовом коленкоровом19 чахле новое

Платье декосовое с двумя кружевными прошивками и снурками новое

Платье кисейное клечатое с був-муслинам20 на белом коленкоровом чахле новое

Платье кисейное с уборкой новое

Три платья кисейные с наподолниками новые

Платье декосовое с двумя аборками и кружевами новое

Два шлафора шитые декосовые новые

Полторы дюжины платьев немецкого ситцу в том числе французские и шиконетовые21

розного цвету и с разными уборками новые

Холодное верхнее платье

Салоп22 веницейского атласу23 с прибором новой

Салоп веницейского атласу с бархатными полами новой

Капот24 матеревой на вате стеган на флоранской тавте с атласной отделкой новой

Капот рипсовой25 васильковой стеган на вате с отделкой новой

Теплое платье

Салоп веницейского атласу коришневой на чурнобуром лисьем меху с чернобурым лисьим воротником новой

Салоп веницейского атласу черной на лисьем меху с чернобурым лисьим воротником новой

Шуба бархатная длиная зеленая с двумя воротникоми якуцких соболей на лисьем меху новая

Шуба длиная кашемировая на лисьем меху с собольями фрака26

Вендерка27 каротинкая бархатная малиновая на лисьем меху фрак и опушь собольи

Вендерка каротинкая веницейского атласу васильковая фрак и опушь собольи на лисьем меху

Вендерка каротинкая венецейского атласу васильковая фрак и опушь соболья на лисьем меху новая

Вендерка парчевая на лисьем меху с соболями вендерка канелевая28 зеленая с лисьими полами и с соболями

Белье

Две дюжины сорочек рукава разных кисей станы коленкоровы с аборками и вышиты в том числе с кружевами новые

Две дюжины сорочек станы ткатцкого холста рукава декосовы и коленкоровы новые

Четыре скатерти столовые штофные с каймами новые три дюжины салфеток комчатных29 с коймами новые

Полдюжины полотенец декосовых и коленкоровых с кружевами в том числе одно шитое новые

Полторы дюжины полотенец ткатцкого холста с кружевами новые

Постель с прибором

Перина пуховая на нее наволока голубая китайчатая30 другая ситцевая шесть подушек пуховых на них наволоки китайчатые розовые новые

Еще наволоки на подушки кисейные с оборками и кружевами на тавтяных розовых чахлах новые

Еще наволоки на подушки поленкоровые с аборками новые

Еще наволоки на подушки немецкого ситцу новые

Занавесь штофная малиновая с белым атласным подзором с бахромой и кистями новая

Еще занавесь коленкоровая белая с бахромой и кистями в колцо новая

Покрывало кисейное шитое с аборкой и кружевами на розовом тавтяном чахле новая

Покрывало тканьевое с каймой и кисейной аборкой новое

Адеяло немецкого ситцу стеганое новое

Полдюжины простынь коленкоровых в том числе кисейные с кружевами новые

Полдюжины простынь ткатцкого холста новые

Дюжина чулок бумажных новых

Полдюжины чулок кастровых31 новых

Дюжина черевик32 розного цвету в том числе матеревые

Камод красного дерева новой

Гардероп для платья новой

Две укладки алого сафьяну окованы белым железом новые

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бурмицкие зерна — крупный жемчуг.

2 Суперчик — перстень.

3 Тафта — плотная и одновременно жесткая, чаще шелковая ткань из туго скрученных нитей. Обычно имела растительный узор (однотонный).

4 Матеревые — общее обиходное название изделий из некоторых тонких шелковых и хлопчатобумажных тканей (фуляра, тарлатана и др.).

5 Пятенетовая кисея — узорчатая кисея, тонкая полупрозрачная хлопчатобумажная ткань. От петинета — узорчатой ткани.

6 Декосовые — из хлопчатобумажного батиста.

7 Платки рушные — носовые платки.

8 Бурдосуа (бур-де-суа) — дешевая низкокачественная шелковая ткань.

9 Кушак — здесь: шаль в виде вытянутого прямоугольника.

10 Драдидамовые — из драдедама, шерстяной ткани, похожей на сукно, но менее плотной.

11 Палевый — соломенного цвета.

12 Блонды — шелковое кружево.

13 Дикое — серого цвета.

14 Александриновое — из александрина, недорогой хлопчатобумажной ткани в полоску.

15 Шлафор — свободного покроя халат.

16 Астинская кисея — разновидность тонкой хлопчатобумажной ткани.

17 Буфты — буфы, пышные сборчатые рукава (типа “фонарик”), либо отделка в виде пузырей, сделанных из насборенной по всей длине с двух сторон полосы ткани, перехваченной в нескольких местах.

18 Флоранская тафта — разновидность узорчатой однотонной тафты.

19 Коленкор — белая или гладкокрашеная недорогая хлопчатобумажная ткань.

20 Був-муслин — буфмуслин, разновидность высококачественной кисеи.

21 Шиконет — скорее всего искаженное жаконет, плотная хлопчатобумажная ткань.

22 Салоп — просторная верхняя одежда типа плаща, иногда с рукавами, с застежкой только у горла.

23 Венецейский атлас — плотная узорчатая ткань с матовой и блестящей выделкой (обычно матовый рисунок по атласному полю).

23 Капот — полуприлегающая одежда типа халата со сквозной застежкой спереди сверху донизу.

25 Рипсовый — из рипса или репса, шелковой или хлопчатобумажной ткани в мелкий рубчик.

26 Фрак — здесь: удлиненные сзади фалды.

27 Вендерка — венгерка, одежда, отделанная на груди и по швам шнурами в венгерском стиле.

28 Канелевая — из канели, плотной шелковой ткани с выделкой в виде широких полос.

29 Комчатные — из камчатного полотна, льняной ткани с атласистым рисунком по полотняному фону.

30 Китайчатае — из китайки, плотной шелковой ткани.

31 Касторовые — из кастора, тонкого сукна с ворсом на изнаночной стороне.

32 Черевики — женские ботинки.

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Бобринская С. А. Письмо Орловой Е. Н., 21 января 1847 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 312.

1

21 февраля 1847 г.

Сердцем и душою разделяю вашу радость, моя добрая и милая кузина. Поздравляю вас и вместе с вами славлю Господа. Я счастлива за вас и за ваше дитя1. Столь благородный, столь достойный уважения характер князя Яшвиля2 есть порука Нининому счастию. Я знаю его, никогда не видавши; есть лишь одно мнение на его счет, и мнение только похвальное. Наконец-то, наконец настоящая и глубокая радость для вашего бедного сердца, которое столько страдало. Дорогая кузина, добрая моя Катрин, бабушка* моя, of times gone by** — я взволнована до слез, и все прошедшее встает пред глазами. Боже мой, что за добрую и счастливую весть вы мне сообщаете! Выдавать дочь за человека почитаемого, честного и доброго, о, это переживание ни с чем, должно быть, не сравнимо. Как билось ваше сердце, милая кузина, как оно трепетало и рвалось из груди, но как сладко это волнение и как должны вы возблагодарить Господа!

Я радуюсь надежде увидать вас здесь. Стало быть, вы приедете после Пасхи и, вероятно, после свадьбы. Не тяните со свадьбою, и если возвращение вашего сына3 задерживается, не ждите его. Он найдет сестру счастливою и утешится, что не смог обойти с нею три раза вокруг налоя. Никогда не следует откладывать свадьбу, сие есть одно из разумнейших правил, и вы хорошо сделаете, последовав оному.

Если я могу быть вам полезна в Петербурге в отношении приданого, — я к вашим услугам. Пришлите мне мерку и скажите с точностию, чего вы хотите, — словом, дорогая Катрин, обходитесь со мною, как с преданным другом, и будьте уверены в моем усердии. Я готова все сделать, чтобы вам угодить. Уведомьте меня о своих намерениях, чтобы нам договориться. С нетерпеньем ожидаю вашего ответа. Сделайте милость, не совеститесь и не шлите мне благодарностей. Располагайте мною, не думая ни о чем ином, кроме истинного для меня удовольствия быть вам немного полезною. Целую Нинет, а также и вас, моя добрая кузина, и прошу вас обеих пожать за меня руку князю Яшвилю. Преданная вам

Софи

Бобринская С. А. Письмо Орловой Е. Н., 17 апреля 1847 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 314.

3

17 апреля 1847 г.

Дорогая кузина, с сегодняшней почтою я отправляю два ящика, в одном находятся:

1) подвенечное платье с бертою, прилаженной к корсажу,

2) вуаль,

3) белая мантилья, второй ящик содержит:

1) белое манто, подбитое ватою,

2) домашнее платье,

3) шесть носовых платков, из коих четыре с кружевами.

Я желаю всем сердцем угодить вам. Если домашнее платье слишком длинно, это легко поправить, — мне все кажется, что мерка неверна.

Прочее приданое будет ждать Нининых приказаний по ее приезде. К 1-му мая все будет готово.

Я не положила ни букетика из померанцевых цветов, ни обычного венца, полагая, что все это, по обыкновению, доставит ее куафер.

Мне же, добрая моя кузина, остается только обнять вас от всего сердца. Я буду думать о вас 30 числа — в день свадьбы и присоединю мои искренние пожелания счастия вашей дочери к вашим пожеланиям. Я разделяю все, что чувствуете вы, дорогая кузина. Господь милостив! Положитесь на него, он не оставит вашего Николя, и почетная награда утешит его за невозможность держать венец над головою сестры. Прощайте же. Христос с вами!

Душевно вам преданная

Софи

Кланяюсь вашему брату Александру5. Надеюсь, его здоровье поправилось, и он будет с вами в этот большой для всех вас день. Нежно целую Нину и жму руку князю Яшвилю.

Бобринская С. А. Письмо Орловой Е. Н., 5 мая 1847 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 315.

4

5 мая 1847 г.

Дорогая кузина, ваши строки от 27 числа взволновали меня, в них столько же горести, сколько и радости. Я прекрасно поняла вас, моя бедная, милая Катинька, и поздравляя вас со счастием дочери, я сожалею, что вы лишились ее общества и ежедневной отрадной близости, которая так облегчает тягости жизни. Пусть же ее счастие успокоит вас и утешит и пусть мысль об ее устроенной, и счастливо устроенной, будущности придаст вам силы и бодрости. Петербург недалеко от Москвы, а железная дорога сблизит их еще. Вы будете навещать молодых, и они будут к вам приезжать.

Как я рада, что угодила вам свадебным туалетом. Надеюсь, все прочее также вам понравится. Платья очаровательны — просты и изящны. Они дожидаются Нининого приезда.

Две дюжины носовых платков прелестны, гораздо лучше, нежели те шесть, что вы получили. Настоящие бижу.

Я жду отделки последних легких платьев, чтобы представить вам отчет по всей форме. Прощайте, дорогая кузина, да хранит Господь вас и ваших.

Софи

Жму руку вашему брату и целую его ангелочка6.

Бобринская С. А. Письмо Орловой Е. Н., 8 мая 1847 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 315.

5

8 мая 1847 г.

4 часа

Ваши молодые только что покинули меня. Нинет показалась мне вполне здоровою, немного уставшею с дороги, впрочем, все хорошо, они так сердечны меж собою, а князь полон нежною заботою о своей молодой жене.

Завтра в 8 ч. утра все платья будут отправлены в Царское Село, и я надеюсь, что Нина будет ими довольна. Я поспешила послать вам, добрая кузина, эти несколько строк, ведь вы будете рады всякой весточке о ваших дорогих детях. Целую вас от всего сердца и остаюсь любящая вас

Софи

Ея превосходительству

Екатерине Николаевне

Орловой

урожденной Раевской

в Москве.

Бобринская С. А. Письмо Орловой Е. Н., 16 мая 1847 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 315—316.

6

16 мая 1847 г.

Моя добрая кузина, вот мой отчет — я не могла послать вам его прежде, потому что добиться счетов от этого люда — все равно, что море вычерпать. Коли они уверены в деньгах, то оные им будто бы уже и не нужны.

Согласно общему счету вы видите, что я вручила Нине 466 р. 16 к. наличными деньгами.

Она кажется очень всем довольною, что чрезвычайно меня радует. На днях она будет в городе по случаю большого смотра, и я надеюсь ее повидать. Обе шляпы были прелестны, платья в лучшем вкусе, и мадам Буланже, право же, отличилась.

Киссингенские воды, что я принимаю, не позволяют мне продолжать письмо. Целую вас, дорогая кузина, и остаюсь всем сердцем ваша

Софи

Мой муж низко вам кланяется. Сердечный поклон вашему брату.

Получена от вас в два приема сумма в

7000 р.

асс.

Отослано в Москву

2100 —

оставлено 4900 —

Вручено наличными княгине Я(швиль)

466 —

16 к.

Потрачено на заказы

4433 —

84 к.

Роспись вещам,
посланным в Царское Село

9 мая 1847 г.

2 дюжины носовых платков с шифром и короною.

1) Платье закрытое из пудесуа, переливающегося синим и красным, с воланами.

2) Платье шелковое, bleu de se?vres, вышитое, с пуговками спереди.

3) Платье из пудесуа, в зеленую и лиловую полоску, с пуговками спереди.

4) Платье декольте из пудесуа, rose et poussie?re, с воланами, отделанное бахромою и бертою.

5) Платье из козьей шерсти, палевое, вышитое, с пуговками.

6) Платье из козьей шерсти, серое в зеленую полоску, с воланами.

7) Платье барежевое, в светло-зеленую и белую косую полоску.

8) Платье муслиновое, в розовую и белую клеточку.

9) Платье муслиновое, в лиловую и белую клеточку.

10) Платье муслиновое шелковое, Marie-Louse et blanc, с воланами.

Душегрейка из пудесуа, темно-синяя, на белой подкладке.

Мантлета* с бахромою, серая (нрзб.).

Шарф пунцовый.

Шарф алжирский.

Шарф белый.

Послано в Москву

Платье из брюссельского кружева с бертою.

Шарф кружевной.

Мантилья вышитая, из белого пудесуа.

Манто белое, подбитое ватою.

Платье домашнее, серое, на розовой подкладке.

Шесть носовых платков, вышитых, отделанных валансьенским кружевом.

(подписано:) Анна Яшвиль.

Послано в Царское Село

Шляпа розовая с султаном из белого марабу.

Шляпа из рисовой соломки с цветами.

Яценко Е. Л. Вступительная статья: Письма графини С. А. Бобринской к Е. Н. Орловой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 312.

Письма графини С. А. Бобринской к Е. Н. Орловой

Публикуемые письма графини Софьи Александровны Бобринской, урожд. графини Самойловой (1797—1866) составляют малую часть обширной переписки Екатерины Николаевны Орловой (1797—1885) — старшей дочери героя Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Раевского, жены декабриста М. Ф. Орлова.

Приближенная Императрицы Александры Федоровны, великосветская знакомая А. С. Пушкина, графиня Бобринская предстает в письмах к Е. Н. Орловой, своей ровеснице и родственнице (графиня приходилась кузиною Н. Н. Раевскому) как великодушная и отзывчивая женщина, и в зрелые годы сохранившая сердечную дружбу к подруге своей юности. Публикуемые письма относятся к февралю-маю 1847 г., когда графиня Бобринская приняла живейшее участие в подготовке приданого для дочери Е. Н. Орловой — Анны, которая 30 апреля 1847 г. обвенчалась в Москве с князем В. В. Яшвилем.

Автографы писем на французском языке хранятся в ОР ГЛМ (Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 42). Слова, написанные по-русски, выделены курсивом; авторские подчеркивания сохраняются; непереводимые цвета тканей и детали туалетов приводятся на языке оригинала.

Из воспоминаний Е. И. Раевской

Раевская Е. И. Полвека тому назад: (Из воспоминаний) / Предисл. С. П. Раевского; Публ., пер. [вступ. ст. и примеч.] Е. Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 320—328.

Рассказ “Полвека тому назад” находится в I томе рукописных воспоминаний Е. И. Раевской “Обо всем понемногу”, хранящихся в РО ГЛМ (Ф. 155. Оп. 1. Д. 12). Авторские примечания, помеченные арабскими цифрами со звездочкой, располагаются как в рукописи, т. е. внутри текста и выделены курсивом, подчеркивания сохраняются. В стихотворениях воспроизводится орфография мемуаристки. Сокращенное написание имен, отчеств и фамилий раскрывается полностью без дополнительных оговорок.

Предваряет публикацию предисловие, написанное С. П. Раевским, правнуком Екатерины Ивановны.

Моя прабабушка Екатерина Ивановна Раевская (урожд. Бибикова) (1817—1900) была внучкой генерала екатерининских времен Гавриила Ильича Бибикова. Ее родители, Иван Петрович и Софья Гавриловна Бибиковы, отличались интересом к литературе и искусствам. Екатерина Ивановна получила прекрасное домашнее образование, великолепно знала родной русский язык и свободно владела французским, английским, итальянским, немецким, польским и латинским языками. Она с юности занималась живописью, была ученицей выдающегося портретиста П. Ф. Соколова, высоко ценившего ее талант акварелиста. Наряду с живописью, Екатерина Ивановна до глубокой старости занималась литературным трудом, преимущественно мемуарного жанра. В 80—90-х годах прошлого столетия некоторые отрывки из ее воспоминаний печатались под псевдонимом “Старушка из степи” в журналах “Русский Архив”, “Исторический Вестник”, “Новое Время”.

***

В феврале 1848 г. моя сестра Лиза1 была вдовою по своем первом муже, князе Дмитрии Оболенском*. Овдовев, она проводила лето у меня или в своем имении Маклец, Тульской губернии, где я гостила у нее, зимовала же она в Москве, живя у наших родителей3 со своим маленьким Дмитрием4, единственным и обожаемым ребенком всего семейства**. Ему было три года, когда в феврале 1848 г. я приехала в Москву, чтобы провести несколько недель у матушки.

Мой батюшка почти не выходил из своих комнат и не принимал никого, кроме ближайших родных. Матушка же любила избранное общество и, несмотря на свои лета и строгость своих правил, умела принять с такою приятностью и столь учтиво, что и молодые, и старые чувствовали себя непринужденно. Эти несколько недель, проведенные у матушки, рядом с сестрою, оставили у меня лишь радостные воспоминания.

Матушка никогда не выезжала, но принимала каждый вечер, а потому у нас ежедневно бывали гости, так как всякий приезжал, будучи уверен найти нас дома. Бывало в полночь колокольчик давал знать о каком-нибудь визите: то запоздалый гость приезжал к нам прямо из театра. В нашей гостиной собиралась лучшая молодежь того времени. Большинство из них сделались с тех пор знамениты как в мире политики, так и литературы. Следует их назвать, чтобы их современники воздали им по справедливости. Это были: князь Владимир Черкасский1*, барон Владимир Менгден2*, Николай Орлов3*, Сергей Гончаров4*, г-н Абаза5*, Александр Кобылин6*

Мейендорф4*, Николай Орлов5*, Сергей Гончаров6*, [illegible], Александр Кобылин8*, Константин Озеров7*, Николай Пашков8*, Болеслав Маркевич9* и прочие.

Что касается любезных и остроумных молодых женщин, это были г-жа Александрина Бахметева5, истинная славянофилка, и другие, но центром нашего маленького общества являлись две барышни Новосильцевы, Софья и Екатерина, наши родственницы со стороны батюшки и близкие подруги. Софья Владимировна Новосильцева6 известна в русской литературной среде под псевдонимом Ольга Н. В 1848 г. она писала лишь прелестные французские стихи. Позже она вышла замуж за Владимира Энгельгардта, которого покинула спустя три месяца после свадьбы.

Екатерина Владимировна Новосильцева7 сочиняла, как и ее сестра, и публиковала в газетах рассказы и повести под псевдонимом Толычева. Она никогда не была замужем. Софья жила у нас, Екатерина же бывала как только могла часто.

Моя сестра Лиза, тогда княгиня Оболенская, бесспорно была средоточием и постоянной звездою наших собраний. Прочие дамы являлись лишь спутниками сей звезды, что не мешало им веселиться от всей души. Обе барышни Новосильцевы были, без сомнения, самыми остроумными и приятными в обществе особами, каковых я когда-либо знала, и дружба, соединявшая нас тогда, делала еще очаровательнее наши задушевные отношения.

Вечерами пожилые дамы играли в гостиной в карты, а молодежь беседовала в кабинете, отделенном от гостиной большой аркою с тяжелой портьерой, поддерживаемой по сторонам шнуром из шелкового позумента. Ни прежде, ни с тех пор мне не приходилось бывать на вечерах столь оживленных, столь искрящихся остроумием и оригинальными репликами, что были у нас тогда, в 1848 г. Слышалось бесконечное журчание голосов, то тут, то там прерываемое смехом, раздающимся в одной или в другой группе беседующих. Мы в самом деле веселились, без скрытой злобы, без всяких притязаний, что весьма редко...

Если бы я в то время записала остроты, сверкавшие у нас, из них можно было бы составить целый том. К сожалению, память изменяет мне после сорока девяти лет, прошедших с тех пор. Мне лишь вспоминается, что однажды вечером мы беседовали в уголку гостиной: Екатерина Новосильцева, г-н Гончаров, князь Владимир Черкасский и я. Князь В. Черкасский, всегда очень язвительный, высмеивал русские погребальные обряды и наше почитание усопших, как вдруг Екатерина Новосильцева прервала его коротко и резко:

— Поверьте, князь, покойного я стану уважать вас больше, чем живого!

И мы все трое расхохотались.

Иван Петрович Бибиков

В те дни, когда мы с сестрою бывали в спектакле или в концерте, мы заранее предупреждали об том наших постоянных посетителей, поэтому к нашей ложе в бель-этаже составлялась очередь. Однажды, когда кн. Владимир Черкасский затруднялся туда проникнуть, он произнес: “Подаю голос за каучуковую ложу для княгини!”

Часто все это общество сопровождало нас прямо из спектакля домой, где для всей компании был готов чай или ужин.

Мы с сестрою были абонированы на самого известного в столице парикмахера — г-на Шарля, подобного которому с тех пор не бывало.

— Г-н Шарль, — говорила я ему, — знаете, вы и дурнушек делаете хорошенькими ! — и то была чистая правда.

Г-н Шарль был умный и воспитанный человек, француз с головы до ног. Он ежедневно являлся

причесывать нас, вечером либо утром, как мы ему назначали, и все время болтал, развивая и завивая своими ловкими руками наши длинные черные волосы. Он приносил нам все городские сплетни и закулисные тайны знатных столичных дам.

— О! Г-жа Нарышкина!* Что за женщина! Когда я ее причесываю, она втыкает шпильки в руки своих горничных, будто это подушечки для булавок! О! Знаете, это очень злая дама!

И тому подобное. Именно г-н Шарль первый объявил нам о революции в феврале 1848 г. и бегстве Луи-Филиппа15! Он принес нам известный рисунок, с тех пор строго запрещенный в России и сразу же исчезнувший изо всех журналов того времени. Это была огромная гравюра на дереве, изображавшая толпу парижан, которая с грубым торжеством тащила королевский трон, поднятый над головами мастеровых, на котором ради насмешки была привязана паршивая собака. Мне кажется, я все еще вижу жалкую морду той несчастной собаки, напуганной криками горланящей толпы, влекущей ее поверх океана людского гнева. Никогда более и нигде не видала я этого рисунка и полагаю, что в Москве он был известен лишь г-ну Шарлю и его абонентам.

Софья Гавриловна Бибикова

В тот же вечер наша гостиная была переполнена, и все умы охвачены смятением. Каждый день нам приносили новости то подлинные, то ложные, согласно городским слухам. Наша матушка уже несколько лет получала “Le journal des debats”16 (лучшую в то время) — мы проглатывали ее. Именно тогда я оценила величие Ламартина17 как оратора и государственного деятеля , хотя никогда не восхищалась им ни как поэтом, ни как писателем. Суметь, как это сделал он, остановить и обуздать Террор лишь силою своего красноречия есть услуга, оказанная всему человечеству, но он так и не получил за это признания ! Когда он восстановил порядок, то добровольно вернулся к своему скромному существованию и затерялся в толпе... Возможно ли, чтобы история никогда не отдала ему справедливость, в коей ему отказали современники? Несколько дней пробыть на вершине власти, воспользоваться ею лишь для того, чтобы успокоить ярость толпы, восстановить порядок посреди анархии, не использовав ни одного штыка, дать свободе засиять во всем спокойствии ее нравственной силы... и, исполнив свое высокое деяние, вернуться умирать в уединении, бедным и покинутым неблагодарными соотечественниками,.. не такова ль была миссия мученика первых времен христианства?.. Все, кто, как и я, следили за “(Le journal) des debats” в феврале 1848 г., должны бы были проникнуться к Альфонсу де Ламартину уважением и восхищением, которые с тех пор я навсегда ему отдала...

1* Князь Владимир Александрович Черкасский18, призванный Императором Александром II для работы вместе с министром Николаем Милютиным19 и Юрием Самариным20 в комиссии по составлению Положения об освобождении крестьян в России. Позже он был назначен министром духовных дел в Варшаве, затем губернатором Болгарии, едва освобожденной от турецкого ига. Он скончался внезапно в расцвете сил и таланта, подкошенный чрезмерными трудами, с горечью видя, как несправедливость торжествует над усилиями подлинных патриотов. Он был как бы сражен молнией под стенами Константинополя в тот день, когда был подписан мир, столь унизительный для нашей победоносной армии. В. Черкасский был крестным отцом моего младшего сына21.

2* Барон Владимир Михайлович Менгден, в то время секретарь Сената, а ныне (1897 г.) действительный тайный советник, награжден большой лентою; в 1868 г. председатель Государственного банка в Варшаве, ныне (1897 г.) член Государственного Совета. В 1850 г. он женился на моей сестре Лизе. Князь Черкасский всегда был связан с ним самой искренней дружбой.

3* Николай Михайлович Орлов22, сын Михаила Орлова, чей высокий ум имел большое влияние на молодежь в 1818—1825 гг. Мать Николая Орлова (Анна* Николаевна) была дочерью знаменитого генерала Раевского23, героя 12-го года, двоюродного дяди моего мужа24. Николай Орлов был высокий, красивый и добрый молодой человек, очень хорошо воспитанный, по

характеру любезный и веселый. Он имел привычку называть меня то "тетушка", то "кузина". В 1848 г. он был сильно влюблен в мою сестру Лизу, имевшую к нему лишь добрые и искренние дружеские чувства, коих он, впрочем, вполне заслуживал. Моя сестра уже несколько лет была баронессою Менгден, когда Николай Орлов женился на прелестной девушке, м-ль Александрине** К.25. Она считалась очень богатою, но оказалось, что это не так, это дало князю В. Черкасскому повод для весьма злой шутки: "Н. Орлов, — сказал он, — думал жениться по расчету, а выходит, что женился по любви". Орловы всегда жили в согласии, и их семейство достойно уважения и почтения.

4* Сергей Николаевич Гончаров26 был красив, как и его сестра — жена нашего знаменитого поэта Александра Пушкина, — к тому же человек умный и прекрасно воспитанный.

5* Г-н Абаза, ныне занимает высокое положение в правительстве.

6* Александр Кобылин27, родственник Бибиковых через мою матушку, красивый брюнет и один из умнейших людей. У него был прекрасный, очень хорошо поставленный голос. Ныне очень талантливый драматург.

7* Константин Озеров, умный и хорошо воспитанный человек.

8* Николай Пашков28 в 1848 г. был в большой моде в гостиных старой столицы благодаря своему тенору, позволявшему ему прелестно исполнять романсы. По сути, он не был ни в нашем вкусе, ни среди наших постоянных посетителей . Он немного ухаживал и за моей сестрой, и за мною, но не имел чести нравиться нам. Это было, как я сказала, в 1848 г. С тех пор я потеряла его из виду.

В 1857 г. я со всем семейством поселилась в Москве на всю зиму, чтобы мои старшие дочери имели разного рода учителей, особенно для занятий музыкой и живописью. Однажды Николай Пашков явился к своим невесткам и сказал: "Вам, сударыни, следовало бы брать пример с г-жи Раевской! Нынче утром я встретил ее с мужем на выставке картин. И что же? Она также молода и свежа, как десять лет тому назад!" А между тем, он видел мою старшую семнадцатилетнюю дочь Соню 29 под руку со своим отцом! Я же не выходила из дому.

9* Болеслав Михайлович Маркевич30, блондин, прекрасный собою, как майский день, московский Адонис. Автор нескольких романов, произведших сенсацию в обществе, которое он близко знал и описал превосходно и с замечательным талантом. Самыми известными являются: "Марина из Алого Рога", "Четверть века назад", "Перелом" и "Бездна". Преждевременная смерть помешала ему закончить последнее произведение.

Но вернемся, после этого невольного отступления, к развлечениям молодых женщин, весьма далеких от всякой политики. Самыми постоянными нашими посетителями были князь Владимир Черкасский, Николай Орлов и барон Владимир Менгден, все — более или менее влюбленные в мою сестру Лизу. Что же касается страстной любви барона Владимира, то как он ни старался ее таить, он не мог скрыться от проницательных глаз своих друзей. Вот стихи, которые Маркевич и Арнольди31 написали в 1848 г. и где изображено общество того времени.

ОПИСАНИЕ ВЕЧЕРА У МОЕЙ ТЕТУШКИ

Г-ЖИ МАРИИ ДЮКЛУ1*, СЕСТРЫ МОЕЙ МАТУШКИ

Не алмазом —
Черным глазом
Наш Барон2*
Обворожен.
Речью женской
Оболенской3*

Оболенской3
На яву лишь бредит он.
Он забылся
И решился
Посетить Дюклу салон.
Вот под лампой
Гордо Цампой
Восседает, как закон,
И фальшиво,
И плешиво
Наш Аббат и Соломон4*.
На диване
С бледным Ваней5*
В белом платье Купидон6*
С ними рядом
С гордым взглядом,
Где стоит в гостиной трон7*
Галатея8*
И, потея,
Перед нею Пигмальон9*.

Не лорнетом,
Эполетом,
Говорят, он взял в полон
Этот гордый,
Этот твердый,
Неприступный бастион!
А беззубый10*,
Сжавши губы,
Так и просится на кон,
Есть ведь дочка11*,

А кусочка
Добивается и он.
Ах! он модник,
Греховодник,
Егоза, хамелеон!
Вот последний
Из передней
Раздается жидкий звон...
За Бароном12*
Входит Фоном
Петербургский Апполон13*.
Из столицы
Легче птицы
Он слетел на Аукцион14*.
Стал у кресел
И отвесил
Препочтительный поклон.
А мечтает, Что пленяет
Весь он женский эскадрон!
А Барончик
Сел на кончик, В свою думу погружен...
Сердце рвется
И несется
К ней, в деревню16*, на балкон!

Ярче в ночи
Ея очи
Императорских корон!

Арнольди.

1* Марья Гавриловна Дюклу32, урожденная Бибикова.

2* Барон Владимир Михайлович Менгден.

3* Сестра моя княгиня Елизавета Ивановна Оболенская, урожденная Бибикова.

4* Чаадаев, один из друзей покойного поэта Александра Сергеевича Пушкина, который написал когда-то под его портретом:

“Он в Риме был бы Брут,
В Афинах — Периклес,
А здесь, по воле Царской,
Он офицер гусарской!”

Чаадаев более шестидесяти лет прожил с репутацией, которую дало ему это четверостишие. Он создал себе в Москве положение совершенно исключительное: мужчины составляли его двор, женщинам льстило каждое слово, произнесенное им. В продолжение тридцати лет он не менял обои в своем кабинете, чтобы сохранить над диваном следы помады от волос Пушкина, когда-то там оставленные:

— Эти следы священны для меня, — говорил он.

По сути, Чаадаев не соответствовал тому положению, которое старался сохранять: занятый только собою, он полагал, что призван быть законодателем русского общества, но часто бывал почти смешон.

Александр Новосильцев34, человек умный и принадлежавший к молодому поколению, рассказывал мне, что однажды утром встретил Чаадаева, с весьма озабоченным видом шедшего по Тверскому бульвару (модное место для прогулок):

— Что с вами, — спросил я его.

— Милый Новосильцев, — ответил он, — со мною случилась большая неприятность.

— Что такое?

— Вчера я послал записку г-же Х., а нынче вспомнил, что написал по-французски с ошибкой!

— И что же! Велика беда!

— Как, велика беда? Я в отчаяньи!

— Ради вашего спокойствия, прикажите, — сказал Александр Новосильцев, досадуя на весь этот вздор, — я отправлюсь, если желаете, прямо отсюда к г-же Х. и скажу ей, чтобы она исправила вашу ошибку во французском языке. Хотите ли?

— Мой милый, — важно произнес Чаадаев, — вы ничего не понимаете! Ведь бывают собрания автографов, и когда-нибудь в моем обнаружат ошибку во французском!

5* Иван Новосильцев35, молодой человек, бледный, тщедушный и совсем незначительный.

6* Екатерина Дюклу36, единственная дочь моей тетушки Марии Дюклу, у которой был устроен вечер. В первом браке она была за Александром Ладыженским, одним из замечательнейших людей, и имела от него 4 сыновей: после его смерти она вышла за г-на Палтова, гусарского офицера, и имела от него двух детей.

7* Трон — диван, помещенный посреди гостиной у Дюклу.

8* Галатея — красавица графиня Орлова-Денисова37, одна из красивейших женщин, когда-либо составлявших украшение общества. Она была высокого росту, безукоризненно сложена, с прекрасными белоснежными плечами: у нее были золотистые волосы, черные, как смоль, брови и темно-синие, почти черные глаза. Она была родом из Малороссии и очень молодой вышла там за богатого казака Орлова-Денисова, весьма угрюмого, вовсе не ценившего свою добрую и красивую жену. После смерти мужа она вышла за генерала Лужина, который в 1848 г. усердно за нею ухаживал. Вторично выйдя замуж, она покинула свет и была Лужину верной и преданной супругою. Поговаривали, что именно она вдохновила Лермонтова на следующие стихи, в посмертном издании 1880 г. ошибочно посвященные кн. Щербатовой38:

I

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украйны она променяла,

II

Но юга родного
На ней сохранились приметы
Среди ледяного,
Среди беспощаднаго света.

III

Как ночи Украйны,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ея уст ароматных.

IV

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран ея глазки,
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ея ласки.

V

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

VI

И следуя строго

Печальной отчизны примеру,
В надежде на Бога
Хранит она детскую веру.

VII

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.

VIII

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.
М. Лермонтов

9* Пигмальон — генерал Лужин.

10* Петр Петрович Новосильцев39 — старый селадон.

11* Екатерина, кн. Вяземская40, дочь П. П. Новосильцева, очень некрасивая: ее называли Жоко.

12* Барон Владимир Михайлович Менгден, позже женившийся на моей сестре Лизе.

13*Болеслав Маркевич.

14* Б. Маркевич служил в Москве в Аукционной камере.

15* Моя сестра Лиза, княгиня Оболенская.

16* Имение Маклец, Тульской губернии, Богородицкого уезда, принадлежащее моей сестре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бибикова Елизавета Ивановна (1821—1902). В первом браке была за князем Дмитрием Николаевичем Оболенским (1820—1844), во втором — за бароном Владимиром Михайловичем Менгденом (1825—1910).

2 Оболенский Николай Петрович (?—1847), князь, подполковник, старший брат декабриста Е. П. Оболенского.

3 Бибиковы: Иван Петрович (1787—1856) и Софья Гавриловна (урожд. Бибикова) (1787—1856).

4 Оболенский Дмитрий Дмитриевич (1844 — ск. в эмигр.), князь. Мемуарист, знакомый Л. Н. Толстого.

5 Бахметева (урожд. Ховрина) Александра Николаевна (1823—1901). Писала книги для детей по истории христианской церкви и по русской истории.

6 Энгельгардт (урожд. Новосильцева) Софья Владимировна (1828—?)

7 Новосильцева Екатерина Владимировна (1820—1885).

8 Нарышкина (урожд. Ушакова) Софья Петровна (1823—1877).

9 Нарышкин Константин Павлович (1806—1880), гофмейстер.

10 Ушакова (урожд. Тарбеева) Мария Антоновна (1802—1870).

11 Нарышкин Павел Константинович (1841—?), поручик Кавалергардского полка.

12 Ушакова Александра Петровна (1820—1880), третья жена графа Василия Алексеевича Бобринского (1804—1874).

13 Ушакова Анна Петровна (1821—1905), жена Михаила Соломоновича Мартынова (1814—1860), брата убийцы М. Ю. Лермонтова.

14 Ушакова Елена Петровна (1824—1860), жена князя Бориса Александровича Черкасского (1828—1885).

15 Луи Филипп (1773—1850), французский король с 1830 г. В результате революции 1848 г. отрекся от престола и бежал в Англию.

16 Французская ежедневная газета, выходившая с 1789 по 1944 г.

17 Ламартин Альфонс, де (1790—1869), французский поэт. В 1848 г. был самым влиятельным членом Временного правительства Французской республики.

18 Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), князь. Государственный деятель.

19 Милютин Николай Алексеевич (1818—1872). Государственный деятель, руководитель работ по подготовке крестьянской реформы, статс-секретарь по делам Польши.

20 Самарин Юрий Федорович (1819—1876). Философ, публицист славянофильского направления.

21 Раевский Дмитрий Иванович (1856—1903). Кандидат права Московского университета. Епифанский уездный предводитель дворянства.

22 Орлов Николай Михайлович (18220—1886).

23 Раевский Николай Николаевич (1771—1829).

24 Раевский Иван Артемьевич (1815—1868), титулярный советник. Н. Н. Раевский приходился ему троюродным дядей.

25 Орлова (урожд. Кривцова) Ольга Павловна (1838—1926).

26 Гончаров Сергей Николаевич (1815—1865), отставной поручик, брат Натальи Николаевны Пушкиной.

27 Сухово-Кобылин Александр Васильевич (1817—1903), драматург.

28 Пашков Николай Иванович (1800—1873), надворный советник. Певец-любитель и музыкант.

29 Мясоедова (урожд. Бибикова) Софья Ивановна (1839—?).

30 Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884), писатель и публицист консервативного направления.

31 Арнольди Александр Иванович (1817—1898), генерал от кавалерии; сослуживец М. Ю.

Лермонтова по л.-гв. Гродненскому полку, или Арнольди Лев Иванович (1823—1860), мемуарист.

32 Дюклу (урожд. Бибикова) Мария Гавриловна (1801—1863).

33 Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856), автор “Философских писем”.

34 Новосильцев Александр Владимирович (1822—1884), кандидат права Московского университета. Брат С. В. Энгельгардт и Е. В. Новосильцевой.

35 Новосильцев Иван Петрович (1828—1890), шталмейстер.

36 Дюклу Екатерина Алексеевна (1828—1891), писательница (псевд. С. Вахновская). В первом браке за поручиком Кавалергардского полка Александром Федоровичем Ладыженским (1817—1855), во втором — за майором Митавского гусарского полка Дмитрием Ильичем Палтовым (1830—1900).

37 Шидловская Наталья Алексеевна (1821—1883). В первом браке за полковником графом Николаем Васильевичем Орловым-Денисовым, во втором — за генерал-лейтенантом Иваном Дмитриевичем Лужиным (1804—1868).

38 Штерич Мария Алексеевна (1820—1879). В первом браке за поручиком л.-гв. Гусарского полка князем Александром Михайловичем Щербатовым (1810—1838), во втором — за генерал-лейтенантом Иваном Сергеевичем Лутковским.

39 Новосильцев Петр Петрович (1797—1869), камергер, московский вице-губернатор; знакомый А. С. Пушкина.

40 Вяземская (урожд. Новосильцева) Екатерина Петровна (1826—1858), княгиня.

Публикация и перевод Е. Л. ЯЦЕНКО

Елизаветинский институт 1849—1854 годов

Рамазанова А. Н. Елизаветинский институт, 1849—1854 гг. / Публ. [и вступ. ст.] Н. Н. Ефремовой-Рамазановой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 328—337.

Моя бабушка Александра Николаевна Рамазанова (Солодовникова) была дочерью известного скульптора академика Николая Александровича Рамазанова, профессора и основателя Московской школы живописи и ваяния. Мать ее Любовь Максимовна Рамазанова (урожд. Григорьева) окончила Московский Елизаветинский институт благородных девиц. Была прекрасная музыкантша, певица, знатная наездница. Она преподавала музыку и языки у князей Шаховских, где ее впервые увидел Рамазанов и влюбился с первого взгляда.

Родилась она 13 июля по старому стилю 1861 г. в казенной квартире отца в Юшковом переулке при Школе живописи, где он преподавал и имел мастерскую. Крестили ее в церкви Фрола и Лавра рядом со Школой живописи. Крестным отцом был архитектор К. А. Тон, который строил храм Христа Спасителя. Дети Рамазановых, их было трое, росли в атмосфере любви, преклонения и служения искусству, в обществе актеров, писателей, художников, музыкантов, которые составляли цвет московской интеллигенции второй половины XIX в. и были друзьями и коллегами отца. Так что в семнадцать лет у Саши не было сомнения, куда пойти продолжить образование, тем более, что она окончила Первую московскую женскую гимназию первой по рисованию. Она поступила в Московскую школу живописи, где родилась, где служили еще друзья и ученики ее отца. В память отца ее приняли учиться бесплатно. Женщины принимались

друзья и ученики ее отца. В память отца ее приняли учиться бесплатно. Женщины принимались вольнослушательницами, им не выдавались ни дипломы, ни звания, ни права. Она была третьей женщиной, переступившей порог Школы живописи. Преодолеть смущение и робость в натурном классе могла не всякая девушка того времени, тем более, что молодые художники развлекались, устраивая “сюрпризы”, сопровождаемые хохотом и грубыми шутками, заставлявшие женщин бежать из класса.

Так как младшая сестра Саши, Соня, училась в Московской консерватории и пела в студенческом хоре, организованном при консерватории Н. Г. Рубинштейном, Саша поступила туда же. У нее было высокое лирическое сопрано, которое очень хвалил С. И. Танеев, находя в нем сходство с дискантами мальчиков в Чудовском хоре. Хор под управлением Рубинштейна выступал с симфоническим оркестром в Дворянском собрании при исполнении Девятой симфонии Бетховена, “Реквиема” Моцарта, симфоний Берлиоза и Бородина.

В своих воспоминаниях об этом времени бабушка пишет: “Мы упивались музыкой и пением, мы наслаждались жизнью”. В 1882 г. В. Г. Перов пригласил ее в свою студию, где она год работала под его руководством. Состав натурного класса в эти годы был исключительно талантлив: К. Коровин, М. Нестеров, И. Левитан, А. Архипов, А. Рябушкин, Г. Рыбаков. Преподавателями были Ил. Прянишников, А. Десятов, братья Е. С. и Л. С. Сорокины, В. Поленов.

В Школе живописи бабушка встретила свою первую любовь — подающего надежды талантливого художника Г. А. Рыбакова. Но брак этот распался через год: с трехмесячным ребенком на руках она убежала из горящей дачи, которую в припадке болезненной ревности поджег супруг.

По окончании курса Саша получила из рук академика Рязанова, друга ее отца, в то время директора Эрмитажа, рекомендательное письмо, представляющее ее как профессионального художника-преподавателя. Александра Николаевна преподает рисование в Первой московской гимназии, работает в детском журнале “Детское чтение”, одновременно для заработка копирует великих мастеров. К тому же увлекается разработкой эскизов светских костюмов для актрис Малого театра. Позже скульптор З. Голубкина, большой друг семьи, пригласила ее ехать в Париж совершенствоваться в живописи, но Александра Николаевна предпочла семью. В 1887 г. она вышла замуж за штурмана дальнего плавания А. М. Солодовникова и жила с ним без церковного брака, так как Рыбаков не давал развода. Только женщина передовых взглядов могла решиться на такой шаг. Четверо ее детей, в том числе и моя мать, были оформлены, как подкидыши, и всякий раз собственные родители усыновляли их, разыгрывая комедию в полицейском участке.

В 1910 г. она начала писать воспоминания, центральное место в которых, конечно, занимает отец, личность незаурядная, богатая, разносторонне одаренная, и его окружение. Это писатели, художники, скульпторы, редактора журналов, актеры и драматурги — друзья дома. Среди них А. Ф. Писемский, А. Майков, А. Н. Островский, Лев Толстой, С. Танеев, К. Тон, Крылов (профессор Московской консерватории), В. Я. Летов, С. А. Усов. Жизнь семьи в маленьком подмосковном поместье Редькино, жизнь в семье помещиков Бибиковых, Шаховских, провинциальная жизнь творческой интеллигенции в Брянске и Казани становятся темой ее воспоминаний. Куда бы ни забрасывала ее судьба, вокруг нее всегда создавалась атмосфера вдохновенного творчества. Она организовывала хоры, классы рисования, ставила любительские спектакли, устраивала концерты, музыкальные и танцевальные вечера. Сама писала декорации, была бессменным концертмейстером для всех приезжих музыкантов и певцов, играла в пьесах Чехова и Островского, сама писала водевили и никогда при этом не расставалась с мольбертом. Революцию, как пылкие художественные натуры, приняла одобрительно. Работала в комитетах по эстетическому воспитанию детей рабочих, организовывала самодеятельность в клубах, школах и сельсоветах.

В 1937 г. семьи не стало. Сын и зять были арестованы, а затем один попал в лагерь, а другой —

расстрелян (это был мой отец). Их жены с детьми были высланы из Москвы в Сибирь. В ссылке умерла ее старшая дочь (моя мать). Александра Николаевна мужественно перенесла все невзгоды, она поддерживала дух всей своей наполовину уничтоженной семьи прекрасными письмами, полными любви, утешения, нежности и, главное, юмора. В каждом письме была непременно шутливая зарисовка из их жизни с дедушкой. Мне кажется, я воспиталась на этих письмах, такой несли они заряд мужества, внушали желание сопротивляться обстоятельствам, жить несмотря ни на что, а, главное, черпать силы в чувстве собственного достоинства! Вместе с дедушкой она тайно в 1938 г. приезжала к нам в ссылку, а в 1946 в лагерь к своему сыну в Коми АССР, презрев опасность быть арестованной или задержанной НКВД. Это была умница, бесстрашная передовая женщина, высокообразованный человек, бессребреница, творившая неустанно праздник жизни. В доме ее всегда царил культ духовности: музыка, книги, ноты, краски, холсты и всегда вдохновенная молодежь и веселье. Быт был, более чем скромен, скорее просто беден.

С чувством преклонения и безмерной благодарности предлагаю выдержки из воспоминаний, оставленных моей незабвенной бабушкой Александрой Николаевной Рамазановой.

А. Н. Рамазанова

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ

1849—1854 годов

Мама родилась и жила до 9 лет в г. Калуге, где жили ее родители. Отец ее был военный, штабс-капитан. Детей было много, а в живых осталось только трое — умирали все взрослые. Бабушка рано осталась вдовой и перенесла много нужды и горя. После смерти мужа она получала пенсию 9 рублей с копейками, умер старший сын, будучи уже офицером, вся надежда была на него. За ним пошла на тот свет его сестричка 14 лет. Последнею умерла замужняя дочь. Бабушка была религиозна, кротко переносила свои несчастья. Такою мы ее знали всегда. А говорили, что мужем командовала.

Жила семья так, как жили в то время все в провинции: служили, играли в карты, вышивали, справляли именины, крестины, постились, говели, причащались. Театра и кино не было. В Москве и то было только два театра. Один раз ездила бабушка с детьми к своим родителям в Крым, на родину, где она жила до своего замужества и хорошо говорила по-татарски.

После смерти отца мою маму отвезли в Москву и поместили в Елизаветинский институт на казенный счет, а двух братьев в Кадетский корпус как сирот военного. Это было в 1849 году.

Елизаветинский и(нституту)т находился на улице Гороховской, где он сейчас и стоит. Дом стоит в глубине двора, но, тем не менее, стекла в окнах замазаны мелом. Сюда ввели мою маму, девочку-дикарку, надели на нее длинное до пола, жесткое камлотовое зеленое платье, белый фартук и пелеринку, туфли без каблуков и сказали: “Ну вот, теперь ты институтка, учись хорошим манерам, слушайся классную даму, будь умница!”, благословили и уехали. Двери захлопнулись, на 6 лет заперли девочку в дом без окон и дверей, отрезали от жизни, и началось воспитание особой породы женщин-институток с превратными, уродливыми понятиями о жизни и людях.

Во главе учебного заведения была начальница, непременно дама, вдова генерала, светская, иногда бывшая придворная фрейлина с шифром. Шифр — это нечто вроде ордена, с бриллиантами, носимый на груди. Этим знаком награждались ученицы-отличницы по окончании курса, он заменял медаль.

Научных классов было 6, в каждом особая надзирательница и классная дама. Предметы проходили: закон Божий, языки русский, французский, немецкий, математику, историю, географию, музыку, пение и танцы.

При Институте был великолепный сад с вековыми липами и дубами, куда воспитанниц водили парами гулять. Это единственное место, куда они выходили из своей тюрьмы. Позднее институток стали водить и по улицам.

Начальницу ученицы обязаны были называть “madame”, учителей — “monsieur”.

Учителя все подбирались старые, хромые, кривые, на костылях — во избежание соблазна для девиц, а также и для молодых классных дам. Но несмотря на все эти меры, девицы влюблялись и в хромых, и в слепых, и в истопников, и в священника, и в ламповщика. Они “обожали” даже учениц старшего класса. Учителя боялись сделаться предметом обожания, потому что это грозило им удалением из Института. Карманы их пальто были полны надушенных записочек с объяснениями в любви: “Душка! Обожаю! Божество!” — и перемежались со стихами самыми сентиментальными, иногда собственного сочинения. Однообразие жизни в И(нститут)е невольно пополнялось такими развлечениями. Утром подымали учениц рано, в 6 1/2 час. Все парами шли умываться, делать туалет. Сами убирали свои постели в дортуаре. Шли опять парами в зал, где молились Богу, потом тем же порядком в столовую пить чай с хлебом и сахаром и потом в классы на уроки.

Александра Николаевна Рамазанова

Ученицы обязаны были говорить между собою один день по-французски, другой по-немецки, и если кто забывал и заговаривал по-русски, тому на шею вешали вырезанный из бумаги язык, ученица с этим красным длинным языком должна была сидеть на уроках, ходить гулять и т. д. до тех пор, пока кто-нибудь еще не оговорится, и тогда это украшение переходит к другой.

Один раз проговорилась сама классная дама, немка. Только что кончился завтрак, осталось только доесть ватрушки, и чтобы не терять золотое время, а идти скорее гулять в сад, немка крикнула по-русски: “Живо! шлеп в рот, ватрушка на голова, в сад!” Она хотела сказать: “Шляпы на голову, ватрушки в рот!”, но спуталась. Ученицы тотчас исполнили ее распоряжения: взяли в рот шляпы, а ватрушки устроили на голове и так парами пошли в сад и хотели ей надеть язык на шею.

После прогулки были уроки и обед из трех блюд. Кормили хорошо.

Хотя их и учили хорошим манерам, однако за обедом, если подруга не доедала своей порции и у нее на тарелке оставался какой-либо кусочек, никого не шокировало, если какая-нибудь из соседок спросит: “Ma che?re! Ты не будешь доедать? Позволь мне взять и скушать!”

Учителя были хорошие, так что их ученицы имели достаточные во всем понятия, кроме естественных наук — физики, химии, зоологии. К чему это им? О высшем образовании для девиц и помину не было. Их готовили быть хорошими женами и украшением общества. Даже хотели сделать из них домашних хозяек, и институтки назначались на дежурства в кухне, где им надевали фартуки и они учились варить суп и делать котлеты.

Но вечное хождение рядами и парами, сегодня как вчера, точно арестанты, прикованные к тачке, томило девочек, они скучали, а от скуки придумывали себе всякие развлечения.

Ну, разве не приятно, ускользнув от зоркой Каролины Карловны, удрать в коридор и засунуть в карман пальто учителя мосье Робера (на костылях) надушенную записочку, а встретив его в коридоре, прошептать ему страстно: “Обожаю! Душка!”? Некоторые энтузиастки доходили до того, что из подкладки пальто своего предмета обожания вырезали кусочки на память в дортуаре.

Проникали какими-то судьбами книги старинных писателей, переводные романы, и читались эти запретные книги по ночам в дортуаре, а иногда и в классах. Желание посмотреть на Божий мир из-за каменных стен Института заставляло проскабливать в замазанных стеклах дырочки, глазки.

Начитавшись приключений, им хотелось испытать и самим сильные ощущения. И вот выискались две смелые, придумали остаться в глухом парке одни на всю ночь и потом рассказать подругам свои ощущения. Весь класс затрепетал и принимал участие в этом предприятии, чтобы проделку их не заметила классная дама. Скрыть отсутствие двух подруг вовсе было нелегко.

Нагулявшись после обеда, все пошли в дом, а две девицы, спрятавшись за деревьями, остались в саду. Они забрались в самое страшное, в самое глухое место, так называемую "темную аллею", куда и днем-то все боялись заходить. Там деревья были до такой степени высоки и густы, что неба не было видно. Тут, усевшись на скамейке, прижавшись друг к другу, продрожали они всю ночь до утра, прислушиваясь к каждому шороху и скрипу деревьев, писку ночной птицы и т. п.

Когда утром вывели учениц гулять, они, конечно, прежде всего в страхе бросились узнать, живы ли их подруги. А те чувствовали себя героями. И начались рассказы о страшной ночи. Не меньше страха натерпелись за них и ученицы, оставшиеся в Институте, особенно когда пришлось делать кукол на их постелях, чтобы классная дама не узнала о их проделке.

Среди учениц было много одаренных, талантливых, были поэтессы, музыкантши, певицы и танцорки.

Учителями в области искусства были лица исключительные. Так например, Вивьен, известный

композитор и пианист, ученик Гензельта. Моя мама отличалась в музыке и в литературе, и в старших классах, будучи 15—16-летней девочкой, играла на публичных вечерах в Институте трудные вещи. При этих выступлениях она испытывала каждый раз мучительное волнение, до того невыносимое, что однажды, не в силах его превозмочь, она расковыряла себе палец вилкой, вырвала целый кусочек мяса, предпочитая адскую боль, лишь бы не выступать перед публикой.

Начальницей Института была мадам Дараган, высокопоставленная вдова. Она относилась к детям хорошо, мягко, даже была ко многому снисходительна, так как была умна и понимала, что многие шалости детей происходили от избытка жизни, от скуки, однообразия порядков Института.

Дети ее любили. Им прививали благородные понятия, они были наивны, но скромны, нравственны, честны. Эмансипация еще не коснулась девушек тех годов, никто из них не стремился к высшему образованию.

Елизаветинский Институт принимал детей офицеров и военных не из великосветского общества, все они были небогатые и знали, что их будущее — это труд, все они будут педагогами, гувернантками с ранних лет. Ну, а пока они учились, шалили, обожали, развлекались, как могли.

При Институте была церковь, священник и причт. Чинить ризы должны были ученицы. Для этого ризы доставлялись в музыкальную комнату, куда собирались девицы, и начиналась работа. Классная дама, видя, что дети заняты, оставила их одних.

Но вот чинка закончена и одна шалунья надевает на себя красную ризу дьякона, перекидывает орарь через плечо и басом произносит: "Паки, паки миром Господу помолимся!" Другая тотчас облачается в ризу священника и старческим голосом шамкает: "Аминь!" Поднимается смех и веселье, все наряжены в ризы, мама села за рояль (в ризе), играет польку, все кружатся, пляшут, а "дьякон" откалывает русскую, "бал" доходит до апогея. В эту минуту дверь открывается и входит классная дама. Сразу все замерли, онемели, как в сказке "Спящая красавица", — уснули в тех позах, в каких пронзил их взор классной дамы. От пережитого страха опомнились только в дортуаре в постелях. Не был ли то сон? Нет, починенные ризы висят в шкафу. Классная дама храпит, лампа горит. Что-то ожидает их завтра? Однако начальство решило не придавать особенного значения такому происшествию, ограничились маленьким внушением, по-семейному. Но вот еще случай: рассердились девушки на свою немку — она была груба и обидела их. Тогда хорошенькая и гордая полька Лидия Арамович сказала: "Ты меня обещала высечь, а я тебя еще

раньше высеку!" Гуляя в саду, она сорвала несколько прутиков, принесла в дортуар, привязала прутики один к другому, сделав длинную удочку, и спрятала ее за кроватями.

Вот пришел момент молитвы и укладывания в постели. Дежурная проверила, все ли на местах, потушены ли лампы. Все стихло, спит весь дортуар, похрапывает Каролина Карловна. Не спят только Лидия Арамович и несколько ее ближайших соседок. Она достает прут из-за кровати и через соседние постели ударяет им слегка Каролину Карловну, которая просыпается и не может понять, кто ее хлестнул. Оглядывается, видит, что все спят, тихо. Что такое? Быть может, это во сне? Она укрывается потеплее и засыпает, но вскоре ее вновь будит удар хлыстом, и тут она вскочила. Что за притча? Кругом все спят. Тогда она пустилась на хитрость: легла, но не заснула, а когда прут вновь коснулся ее спины, она ухватилась за него рукой и задержала. Арамович в эту минуту свой конец отпустила, и весь хлыст перешел в руки классной дамы. Та встала, вымерила расстояние от своей кровати и поняла, что хлыстом действовала Арамович, которая притворилась крепко спящей.

Каролина Карловна подняла ее с кровати.

"Становится, гаткий тефчонка, на коленка!" — приказала она. Арамович у самого изголовья стала на колени. Озябнув и взволновавшись К(аролина) К(арловна) крепко заснула. Арамович за ней следила и тотчас же громко всхлипнула и позвала: "Каролина Карловна! Pardonnez-moi!

Простите меня!" — "Гаткий тефчонка, стой то утра! Не мешайт спать!"

Только что Каролина Карловна вновь захрапит, Лидия толкает ее в бок и говорит: "Каролина Карловна, pardonnez-moi!" Это повторялось раз пять или шесть, пока, наконец, измученная классная дама отпустила Лидию на ее кровать. Конечно, многие ученицы не спали и потешались, пока происходила эта комедия. Наутро ждали наказания, но добрая Каролина Карловна не раздула истории и не вспоминала больше о ней, чем вызвала в ученицах большое к себе уважение и любовь.

К начальнице, мадам Дараган, однажды приехал ее сын-офицер в блестящем мундире флигель-адъютанта.

Весть об этом облетела все уголки Института.

В полутемном коридоре возле квартиры начальницы замелькали фигурки в пелеринах, запасшиеся всеми атрибутами обожания, как то: записочками, одеколоном, ножницами и, главное, полными любви сердцами. И вот он вышел и победил все эти сердца, заранее ему преданные.

На него посыпался дождь записочек с нежными излияниями, в карманы ему подсовывали сувениры, ухитрились вырезать кусочек подкладки у мундира. Выпрашивали на память перчатку, пуговицу, сами отрезали, не говоря об одеколоне и духах, которыми его поливали, посылая нежные слова: "Душка! Божество! Обожаю! Кумир!"

Флигель-адъютант был поражен, за всю жизнь еще нигде он такого успеха не имел. Он рассказал об этом приключении матери, а она, чтобы он не подумал, что ее дети такие дикари, устроила у себя чай, на который были приглашены интереснейшие из учениц, чтобы показать, как они умеют себя вести в обществе.

Ему предстояла превеселая комедия.

Он веселился от души, наивные их вопросы и ответы приводили его в восторг. Они спрашивали: кого он обожает, какого цвета волосы он носит в медальоне на шее, скольких девиц он похитил, дрался ли он на дуэли? Просили показать медальон, где хранились локон или прядь волос обожаемой девушки. Он уверял, что такого медальона и локона у него нет, а они не верили. И

сведения из прочитанных романов говорили противное.

Пили чай с вареньем. Мосье Дараган не доел в блюдце варенье, тогда самая смелая и игривая из институток обратилась к нему с вопросом: “Вы не будете доедать? Отдайте мне, я доем!”

Его мать просто сгорела от стыда.

“Ma che?re! Берите же варенье из вазы сколько хотите!”

После этого начальница сидела, как на иголках, следя, не мелькнут ли ножницы в покушении на завиток волос ее сына и подкладку его мундира. А он был весел и доволен спектаклем, причем мог убедиться в их хороших познаниях французского языка и музыки. Сказал, что они все очень милы и оригинальны. Они все-таки выпросили у него на память какой-то шарфик, разрезали на кусочки и спрятали около сердца, а Лидия Арамович успела спрятать окурок его папиросы и также хранила на память.

Этот чай у начальницы на всю жизнь запечатлелся у них в сердце.

Но вспышка обожания, всеобщая, так сказать, нисколько не помешала обожать своего священника, они делали ему к Вербной субботе изящнейший porte-bouquet из воска: цветок, роза, например, где посредине было отверстие вставлять свечу. В эту субботу получали такой подарок все, кто был обожаем, любимые учителя и классные дамы. Всю всенощную стояли с зажженными свечами. Даже ламповщик, которого институтки тоже обожали, не бывал лишен такого подарка. Воспитанницы бессознательно проявляли демократизм. В коридоре, где он шел грязный, весь пропитанный керосином, с лампами и тряпками в руках, на него летели бумажки с объяснением в любви и одни и те же возгласы для всех: “Обожаю! Божество! Душка!” Им надо было излить свои чувства, и им было все равно, на кого они их изливают. То были не одни только мужчины, обожали молоденьких пепиньерок, старших воспитанниц, помощниц классных дам.

Я припоминаю рассказ одного почтенного полковника М., у которого жена была институтка; вот что она ему сообщила. Она кончила курс в одном из Петербургских институтов. На акте собралось много гостей, родные, начальство, учителя. Ученицы сняли свои зеленые платья и все надели белые, модные и сияли молодою прелестью и туалетом. С сегодняшнего дня они уже не институтки, их развезут по всем концам России, друг друга, быть может, они уже никогда больше не увидят. А как им жаль расставаться с учителями, классными дамами, начальницей! Шесть лет прожили все вместе, многие плакали. Акт шел торжественно, демонстрировались таланты, кто играл, кто пел, кто танцевал, кто читал стихи, иногда своего сочинения. Им вручили дипломы, все их поздравили, и учителя в первый раз за все шесть лет удостоили выпускниц пожатия руки.

Среди учениц была одна несчастливица, не получившая диплома, она была в стороне, никто не обращал на нее внимания. Она завидовала и была полна злобы.

Когда дипломницы вошли в дортуар, их там встретила неудачница такими словами: “Ну, чего вы радуетесь, дуры? Учителя вам руки пожали, а вы в восторге? Да вы знаете ли, что теперь получится? У вас теперь у каждой родится по ребенку!” Это был удар грома, все онемели. А злобная девушка, заметив, какое впечатление произвели ее слова, продолжала рисовать всякие ужасы. Девицы заревели, рев перешел в рыдание, и все толпой двинулись к начальнице, к их бывшей madame, которая всегда разрешала всякие сомнения.

Увидав своих детей в необычайном волнении и слезах, она испугалась и вскричала: “Что случилось? Несчастье произошло? С кем? Говорите скорее!”

“Да, madame! С нами большое, непоправимое несчастье!” — и слезы мешают говорить. “Да что же такое? Говорите скорее!” — волнуется Дараган.

“У ... нас... у ... каждой будет ... по ребенку”, — чуть слышно прошептала одна девушка, остальные зарыдали.

Начальница зашаталась — шесть лет оберегала! Она, верно, ослышалась? “Что, что? Повторите!”

Они подтверждают. Начальница схватывается за голову. Она проводит рукою по лицу, как бы желая убедиться, что она не спит.

Любовь Максимовна Рамазанова

“Молчите, дети, молчите! В этом надо разобраться. Откуда вы знаете, и как это с вами случилось? Говорите!”

“Нам сказала Покровская”.

“А она откуда знает?”

“Она говорит, что учителя пожали нам руки, значит, мы родим по ребенку!”

“Ах, так это вот откуда!” — говорит начальница со вздохом облегчения. Она сразу все поняла и начала успокаивать бедняжек.

Изолированность от мужчин в Институте создавала страх перед ними. Мужчин надо бояться, это опасное, погибельное существо.

Шесть лет видеть одних уродов и старых учителей да грязного ламповщика; даже прочистив дырочку в замазанном мелом стекле, нельзя было разглядеть, какие существа населяют улицы, дома и т. д. Выйдя из Института на свет Божий, они казались дикими, странными. Они краснели от каждого слова, стыдились есть при мужчине, говорить. Не знали, куда деть руки, ноги, как впервые вышедшие на сцену артисты. Тяжело было смотреть на страдалиц.

С моею мамой тоже была тяжелая история. Ее мать не могла принять ее к себе из Института, т. к. сама жила у сына. Маме пришлось прямо из учебного заведения ехать в чужую семью гувернанткой и учительницей закона Божьего, русского языка, музыки к девочке семи лет, княжне Шаховской.

Первые дни ее пребывания в семье Шаховских были пыткой для нее и окружающих.

Привезли какого-то дикого зверька: не ест, не пьет, не говорит, краснеет до слез при обращении к ней князя. Придумали отдать ее на время к матери и брату, чтобы ее немного приучили к людям. Рекомендовали собирать дядиных знакомых, вывозить на вечера и балы, в театры и т. д. Эти меры дали благие результаты. Через месяц мама возвратилась уже менее дикая, и при хорошем влиянии княгини превратилась в нормальное существо, т. е. по тому времени, конечно. Жизни-то она все равно совсем не знала.

Даже вот и теперь, вступив в новую жизнь в чужой семье, какие условия ее окружали, и не все так же ли она была от жизни отделена? Она получила хорошенькую комнатку, прекрасный стол, она не знала, откуда берется ее чистое белье, у нее была горничная, специально ей служившая. Ни забот о жизни, ни тяжелого труда она не знала.

В хозяйственных делах все институтки были близки к той помещице у Щедрина, которая приказывала повару не жарить сразу всего теленка, а отрезать одну половинку, а другую пустить погулять. А шесть лет спустя, после такой жизни у чужих на всем готовом, мама, выйдя замуж, задумала сразу стать образцовой хозяйкой и взять в руки кухню. Началось с того, что она стала выдавать кухарке продукты на обед.

“Сделайте воздушный пирог, — говорит она. — Сколько вам нужно яиц?”

“Да не меньше 12 сударыня”.

“Пожалуйста, отбирайте!”

Кухарка зажигает огарок и начинает на свет просматривать яйца:

“Вот это гнилое, кладу в сторону, а вот это хорошее, а вот это опять гнилое, еще гнилое”.

И так, обманывая, она набирает вместо 12 — 24 яйца и уносит их в кухню, где получается великолепная яичница для кума кухарки.

А мама, очень довольная своей деятельностью, говорит мужу: “Николенька! Я недурно справляюсь с хозяйством, я выдаю кухарке всю провизию сама”.

Кстати уж расскажу еще о наивности замужней институтки, а также и ее замужних подруг. В Москве в ту пору раза два в год купцы объявляли дешевую распродажу товаров. Это была всякая заваль, которую вытаскивали из амбаров и подвалов, всякий брак и гниль, раскладывали соблазнительно на прилавках для соблазна дам. А московские дамы, интеллигентные, светские, ждали этого дня торговли с жадным нетерпением.

Уж давно необходимо было мадам Крыловой купить для своей дочки Юленьки новенькое платье, но она все откладывала до “дешевых товаров”.

Над каждым магазином развевались полотнища с крупной надписью: “Дешевые товары”, “Дешевая распродажа”.

А дамы разъезжали на извозчиках и собственных лошадях, иногда с ливрейным лакеем на козлах, и наполняли магазины, влекомые страстью к дешевой покупке. Мама моя тоже поехала первый раз в жизни, и отец дал ей 100 руб., по тем временам сумма большая, когда чиновник с семьею жил на 25 руб. в месяц.

Довольно быстро мама вернулась, а няньки и лакей несли за ней покупки, всякие картонки, свертки и пакеты.

“Николенька! Мне не хватило денег, а еще многое не куплено”.

Едет опять, возвращается оживленная, всех знакомых встретила “на дешевых товарах”, и как все дешево.

Начинается разборка покупок, пришла бабушка, вся прислуга обступила в ожидании вскрытия пакетов, в тайне души надеясь, что может и о них не забыли, на платьице купили.

“Николенька! Я купила дюжину перчаток, баснословно дешево! Все равно приходится часто покупать, а так ведь практичнее — сразу? И номер мой. Надо померить”. Берет пару и надевает на левую руку. А где же на правую руку? Перебирает в коробке, оказывается, все перчатки на левую руку. Туфли оказались с разными номерами, нельзя носить. Развертывают материю, а она вся в дырах.

Удивление, разочарование, досада!

А при свидании все любительницы дешевых товаров делятся неудачами, смеются над своей непрактичностью и дают слово на будущий год ни за что не ездить.

но еще ни одна не сдержала слова.

Сильно сдружил Институт воспитанниц между собою, и чем ближе подходило время разлуки, тем больше грустили они. Ни одна из них не знала, как сложится ее жизнь. Большинство были сироты, их ждал чужой дом и труд, а сами-то они были еще дети 16 или 17 лет.

Готовились к акту. Мама разучивала трудный концерт Гуммеля с оркестром. Она сочинила музыку к тексту, написанному ее подругой Писаревой. Эту песню должен был петь институтский хор. Между прочим, хором управлял дирижер Багрецов, очень известный музыкант. Начало песни я помню, вот оно:

Пришла пора, мы расстаемся,
Наш благодетельный приют,
В тебе мы больше не сойдемся,
Благословенный Институт!

Здесь годы юности и счастья
Беззаботно так прошли,
Без тревог и без ненастья,
Мирно наши дни текли.

Танцорки танцевали “качучу” с кастаньетами, в костюмах. Другие танец балетный с шарфами. Пели арии и романсы. Публики на акте было много: родители, приехавшие за дочерьми, начальство, знакомые начальницы, классные дамы, учителя. Все были в восторге. Было торжественно. Говорили попечитель и священник напутствие девушкам, выходящим из Института на свет Божий, все их поздравляли, говорили пожелания. Но они не радовались, что уходят отсюда в неизвестность.

Переодетые в свои платья, они горько плакали, прощаясь с начальницей, кл(ассными) дамами и друг с другом.

Большинство разъехалось, но несколько учениц остались в Москве, и они до смерти поддерживали дружбу между собой. Они все были замужем, и их дети стали нашими друзьями.

То были Лидия Арамович, Писарева, Кокошкина, Мушникова, Чешихина, Богуславская.

Дочь Чешихиной была замужем за профессором Бутлеровым в Петербурге.

Публикация Н. Н. ЕФРЕМОВОЙ-РАМАЗАНОВОЙ

Письма И. С. Аксакова к А. Д. Блудовой

Бухерт В. Г. Вступительная статья: Письма И. С. Аксакова к А.Д. Блудовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 337—338.

6 сентября 1853 г. Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) присутствовал на обеде в семействе Блудовых, в Павловске, куда был приглашен графиней Антониной Дмитриевной Блудовой (1812—1891) — фрейлиной Императрицы Марии Федоровны. После обеда Аксаков читал свои “судебные сцены” “Присутственный день в уголовной палате”, которые привели в восторг графа Дмитрия Николаевича Блудова*. Вероятно, после этой встречи и начались многолетние дружеские отношения Аксакова с Блудовой.

Пятьдесят писем Ивана Сергеевича к графине за 1861—1862 гг. были опубликованы**. Еще одно письмо Аксакова 1860 г., сообщающее о событиях, связанных со смертью А. С. Хомякова,

было напечатано в

“Русском Архиве”*. Предлагаемые вниманию читателей письма хранятся в РГАДА (№№ 1, 4—6, 11 — Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1808), РГАЛИ (№№ 2, 7—9, 10 — Ф. 72. Оп. 2. Д. 12), ОР РГБ (№ 3 — Ф 359. К. 8228. Д. 2) и публикуются по автографам.

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 16 сентября 1853 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 338.

1

16 сентября 1853 г. П(етер)б(ург)

К искреннему моему сожалению не могу у Вас быть ни нынче, ни завтра, ни послезавтра, графиня, а буду в субботу. Нынче еду к своей тетушке по случаю именин ее (завтра 17 ое), а в пятницу — охота за зайцем. Теперь уже один. Сейчас пришел из 3 г(о) Отд(еления), где имел удовольствие часа два ждать в обществе переодетых в штатское платье офицеров (они пришли с докладами о своем шпионстве), запомнил их лица и могу узнать их, если встречу: это полезно.

От гр(афа) Орлова1 ответ пришел: “нельзя” — и больше ничего, никаких объяснений, даже не знаю, докладывалось ли письмо мое государю. Дуп(ельт)2 говорит, что искренно жалеет.

Мне очень совестно перед графом3, что я не побывал у него в Петербурге, но я боюсь всегда его обеспокоить, а он так деликатен, что не выпроводит без церемоний докучного гостя, или гостя не в пору.

До свидания.

Преданный Вам Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 21 апреля 1854 г. Елисаветград // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 338—339.

2

21 апреля 1854 г. Елисаветград

Херс(онской) губ(ернии)

Не зная, где именно теперь Оболенский, Попов, Шеншин4, в Москве ли, в Петербурге ли, в разъездах ли, я решаюсь обратиться к Вам. Прошу Вас, графиня, дайте мне совет, а если Шеншин в Петербурге, то призовите и его на совещание. Дело вот в чем: в то время как дерутся на Дунае, дерутся на Черном море, а может быть и на Балтийском, в то время как для дряхлого мира** занимается заря преображения, слышишь тяжелое и мощное дыхание роковых судеб, видишь стихии мира, встающие на брань5, — в это вещее время ваш покорный слуга производит мирные, но не всемирные и не мировые исследования. И о чем же? О торговле салом, щетиною, шерстью, кожей и т. п. Оно бы и ничего, события — должно полагать — совершатся и без моей помощи, но дело в том, графиня, что я без шуток, представляю теперь явление самое комическое! Мне приходится исследовать то, чего нет и что, вероятно, с окончанием войны, подвергнется совершенному изменению. Но Вы, может быть, забыли, в чем именно состоит поручение, данное мне Географическим обществом? Так позвольте напомнить.

Поручение это, основанное на программе, сочиненной лет 5 тому назад, и данное мне в то время, когда еще можно было сомневаться в том, что война примет такие размеры, — состоит в

исследовании ярмарочной украинской торговли и в подробнейшем описании украинских первостатейных ярмарок, которых счетом 11. Но главнейшие источники, снабжавшие деньгами безденежную Малороссию, теперь иссякли: нет сбыта ни пшенице, ни салу, ни шерсти, ни коже, ни щетине, словом единственным малороссийским продуктам. Новороссийский край, один из важнейших покупателей русских мануфактурных товаров на украинских рынках, ровно ничего не закупает, — напротив того все закупленные им прежде русские товары остались непроданными и вывезены обратно в Россию для продажи. Понятно, что современные обстоятельства должны оказывать решительное влияние на ход торговли и в особенности в Малороссии, которой произведения составляют предмет заграничного отпуска. Настоящий 1854 год не может*** даже быть принят в соображение при описании украинских ярмарок, но в этот-то год, который есть исключение, из ряду вон , как говорится, — вздумалось ученой любознательности производить свои исследования! Труд напрасный и бесполезный! Должен сознаться Вам, что просто иногда совестно мне бывает надоедать людям* такими несвоевременными статистическими запросами... “Что вы у нас делаете? — Я, я произвожу исследования о торговле... — Помилуйте, какая же теперь торговля! Ее нет! А слышали ли вы, что Силистрия взята” — и проч. Вот что мне приходится слышать по нескольку раз на день!

Добросовестность требует, чтоб предпринятый мной труд был отсрочен до... окончания войны. Я и готов это сделать, готов даже возвратить Обществу взятые мною деньги, но желаю иметь в виду другое верное занятие. Я хочу вступить в какую-нибудь гражданскую должность при Дунайской

армии. Существуют же канцелярии при главных квартирах, при главнокомандующем, при начальниках отдельных отрядов? Нельзя ли мне попасть в одну из подобных канцелярий, хоть в звании писца? Серьезно говорю Вам, что готов принять должность писца, только там, на Дунае. Я хочу быть ближе к театру войны, хочу.... Да что же Вам объяснять? Вы верно понимаете вполне мои побуждения, графиня! Шеншину, должно быть, хорошо известен состав канцелярий при действующей армии: сделайте милость, расспросите его подробно и потрудитесь меня уведомить. Никакого высшего разрешения добиваться не нужно; необходимо только рекомендательное письмо к какому-нибудь начальнику штаба, письмо, с которым бы я мог явиться на Дунай! Если это возможно, если я получу от Вас ответ благоприятный, то немедленно явлюсь в Петербург для расчета с Обществом, возьму письмо и — на Дунай! — Досадно только, что письма ходят так долго: это письмо Вы получите не ближе как через 12 дней. Если Вы напишите ответ через неделю по получении моего письма, то потрудитесь адресовать Ваше на мое имя в г. Полтаву; если же позже, — то в г. Ромны Полтавской губернии. В ожидании ответа, я стану продолжать свои разъезды. Я уже писал об этом предмете Оболенскому, но письмо — будто в воду кануло.

Вы, верно, уже знаете 4 стихотворения Хомякова6. Я также написал стихи, которые пересылать неудобно. По этой же самой причине, т. е. по причине неудобства, я и к Вам не писал... Уже и без того про меня говорит Хомяков, что я занимаюсь воспитанием почтовых чиновников!.. Прощайте, графиня. Надобно все-таки сходить взглянуть на ярмарку и послушать жалоб на застой торговли... Если б Вы знали как противны стали мне теперь все эти скучные статистические исследования, когда все мысли заняты одним, когда в голове только Дунай, да Дунай! Будьте же так добры, отзовитесь на письмо мое и, если можно, то поскорее, в возможной скорости, как пишется в официальных бумагах!

Преданный Вам Ив. Аксаков

Прошу Вас засвидетельствовать мое глубокое уважение графу.

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 18 июня 1854 г. Курск // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 339—340.

18 июня 1854 г. Курск

Вы, верно, руководствуетесь какими-нибудь особенными соображениями при посылке ко мне писем. Ваше письмо, писанное 18 мая, получено мною 18 июня, т. е. ровно через месяц! Кажется, оно съездило в Москву, потом воротилось к Вам в П(етербург) и затем уж отправилось по назначению. Это письмо служит, впрочем, ответом на мое письмо, еще не полученное Вами, в котором я излагаю разные свои предположения. Итак, от Дуная мне должно отказаться. В таком случае я докончу возложенный на меня труд, а потом уже, разделавшись с Географическим обществом, постараюсь прикрепить себя и весь свой душевный неугомон к Дунаю, или к Одессе — или к другому месту, где происходит всемирная передряга. Я не могу сложить с себя так легко "почетное звание" описателя ярмарок: для этого надобно заплатить 2000 р(ублей) сер(ебром) взятые мною у Общества. Но я решался и на это, — в случае возможности перейти на Дунай. Теперь же это не стоит и делать потому, что через 31/2 месяца мои разъезды должны окончиться. Нельзя сказать, чтобы ярмарок не было. Они существуют; купцы, всеми силами домогающиеся денежной выручки за товары, в которые посадили свои капиталы, возят "на авось" свои товары туда, куда прежде не возили, или в большем количестве, — но дело кончается обыкновенно тем, что товары непроданные едут обратно и купцы терпят убытки. Тем не менее ярмарки могут быть описаны и теперь, — но в настоящую минуту они не то, что были в прежние годы и не дают верного понятия о нормальной своей деятельности.

Вы говорите, что под моим именем ходят какие-то нехорошие стихи. Не знаю, какие это. Я точно написал стихи, которые злонамеренными людьми легко могут быть истолкованы в дурную сторону. В них говорится о необходимости для России обновиться через сознание, отречься от лжи и идти иным, чистым путем, и проч., и проч. Такой чистый высокий подвиг предлежит России, что он требует и от нас соответственного очищения в духе. Впрочем, Вы, верно, не желаете, чтобы я распространялся об этом предмете. И не буду. А жаль, что и теперь, несмотря на весь огромный смысл переживаемой нами минуты, честным людям зажимают рты. Помоги Бог России!

Благодарю Вас от всей души за все Ваши хлопоты, передайте мой дружеский поклон Шеншину и попросите его, как скоро он поедет через Харьков или Полтаву, справиться обо мне на почте: там знают — в городе ли я и где именно, на какой квартире. Он уже проезжал однажды через Харьков, но архиерей не знал моего адреса и потому Шеншин, спросивший обо мне архиерея, не мог найти меня.

Будьте здоровы, графиня.

Преданн(ый) Вам Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 21 октября 1858 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 340—342.

4

21 окт(ября) 1858 Москва

Благодарю Вас за скорый ответ, добрая Антонина Дмитриевна. Спешу объясниться перед Вами, что моя просьба к Ковалевскому7 вовсе не есть желание как-нибудь, без надобности, придать важность, блеск и треск нашему литературному делу. Я вполне готов следовать совету Вашего батюшки — не беспокоить такими просьбами государя, но дело в том, что это существенная необходимость, и граф, получая по своему положению все без затруднения, даже не подозревает тех трудностей, которые существуют для нас, бедных смертных, в выписке книг и газет. Почтампт всякий год публикует, какие чрез посредство его, могут быть выписываемы иностранные журналы и газеты. В этом списке нет ни одного славянского издания (даже

иностранные журналы и газеты. В этом списке нет ни одного славянского издания (даже польского), ни греческих, ни многих, многих газет. Ну как их получать? Мы и получаем кое-какие чрез М. Ф. Раевского8, с оказией, но все это приходит несвоевременно, да и оказии, при теперешних наших отношениях к Австрии, стали все реже и реже. А выписывать чрез русский почтампт, повторяю, нельзя потому, что они не находятся в его списке, а в списках не находятся потому, что при почтовой цензуре не полагается цензоров для этих языков и наречий. Вы всего этого не знаете. Выписать книгу! Через почту, т. е. от книгопродавца, чтоб он прислал по почте, — и дорого, и долго, если книга новая. Но с книгами все еще легче, нежели с периодическими изданиями. Самый дешевый способ — это почтовая пересылка, ибо во всех странах мира цена за пересылку газет и журналов, назначается в пятьдесят раз* менее чем за обыкновенную пересылку. Например, есть и у нас в России, вы платите почтовой газетной экспедиции 1 р. 50 к. сер(ебром) в год за пересылку еженедельного журнала, какая бы толщина ни была, а за одни письма в один лот пришлось бы платить за 52 раза — 5 р. 20 коп. А таможня, а цензура! Вот почему, желая установить удобные и правильные сношения с славянами, я подал такую просьбу Ковалевскому. Ох уж эти мне “некоторые обстоятельства”, заставляющие повременить!

Впрочем, если Вы знаете способ верный и надежный для правильного, своевременного, скорого получения славянских и новогреческих газет и журналов, сообщите его мне, прошу Вас. Мне тогда не нужно будет никакого “изъятия из правил”, к которому прибегаю потому, что другого способа на ведаю.

Иван Сергеевич Аксаков

Будущий IV номер “Беседы” весь направлен против Австрии. Обратите внимание на две статьи: в изящной словесности “воспоминания офицера о 1849 годе”9 и на статью в обозрении “Западные славяне” и на мои примечания под ними.

Читали ли Вы мое объявление о “Парусе”10 и что Вы про него скажете? К несчастью, “Парус” при первом своем появлении, вступил в борьбу. Вот какая у меня вышла история с вывеской!

Я нанял для себя, для конторы и для помощника своего нижний этаж дома княгини Голицыной, на Никитской. В бельэтаже живет князь Львов с княгиней, родной сестрой В. А. Долгорукова11. Я повесил было над своими окнами, аршина два или более ниже окон князя Львова, вывеску “Контора журналов “Р(усская) беседа”, “Сельское благоустройство” и газеты “Парус”, но княгиня Львова чуть не упала в обморок от мысли, что на доме, где она живет, будет вывеска, она сочла это оскорблением своему аристократическому достоинству и бросилась искать покровительства у князя Крапоткина12 (обер-полицм(ейстера)) и к удивлению нашла в нем покровителя и, кажется, человека, разделяющего ее образ мыслей. Напрасно ей многие говорили, что она такой же жилец, как и я, что если ей вывеска не нравится, то она купи себе дом и живи в нем, или* нанимай уже оба этажа; что вывеска это — не питейного дома, а литературная**.

Куда! На стены лезет от бешенства. Полиция, разумеется, не имела никаких законных причин не дозволять вывески. Я лично раза два объяснялся с Крапоткиным. Сначала он хотел придраться к тому, что “вывеска длинна, что портит красоту фасада”, но все эти причины, разумеется, оказались негодными. Потом он стал уговаривать меня, чтоб я уступил, уважил “предрассудки дамы, что он сам знает, что это глупость, но чтоб я вошел в его неприятное положение” и проч. и проч., наконец дал слово, что вывеска будет, что он это уладит, но вместо того, после частых совещаний с Львовыми, он, наконец, через неделю, прибег к следующему ловкому выходу: призвали управляющего домом княг(ини) Голициной (она сама за границей) и заставили его дать показание, что “он с своей стороны на вывеску согласен, но так как кн(язь) Львов объявил ему, что он немедленно съедет с квартиры, если вывеска будет, то он вынужден, для выгод своей доверительницы, предпочесть того, кто ей больше платит, а потому и на вывеску соглашается только в том случае, когда князь Львов на это согласится”. Таким образом мне в вывеске отказано. Как Вам нравится это беззаконие, это невежество, эта дикость, эта грубость людей* большого света российского! Мне ничего не остается, как дать этому наибольшую гласность.

Прошу Вас передать это от меня Анне Федоровне13. Пусть подразнит кн(язя) Васил(ия) Андр(еевича) Долгорукова. Я послал публикацию в газеты, что контора моя вывески не имеет по такой-то причине, не знаю, напечатают ли. Придется писать о том в “Le Nord”. Скажите Вашему приятелю Василию Андреевичу, чтоб он написал сестре, чтоб она не позорилась. А я уже было повесил вывеску в самый день выхода в “Москов(ских) ведомостях” моего объявления о “Парусе”! Правда, что вешать я не имел права, до возвращения мне от обер-полицмейстера утвержденного рисунка, но я сделал это потому, что мне было известно, что часть и квартал донесли, что рисунок и выбор места сделаны правильно и обер-полицм(ейстеру) оставалось исполнить одну формальность. Но он**, узнав о желании княгини Львовой***, вывеску заставил меня снять, а рисунка все же не подписал. Княгиня Львова боится, что “будут думать, что она издает эти журналы (!) и сочтут ее славянофилкой, т. е. принадлежащей к обществу, “в котором люди ходят с усищами и бородищами!”

Передайте мое глубокое уважение графу Дмитрию Николаевичу. А между тем без вывески мне убыточно. Ну, положим, я не разорюсь, но если б тут жил бедный ремесленник, которого лишить вывески — значит лишить хлеба.

Преданный Вам Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 14 ноября 1858 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 342—343.

5

14 ноября 1858.

Пятница. Москва

Я приступил к печатанию записок Ненадовича14, но, к сожалению, они оказались не вполне изготовленными к печати. Именно не достает: 1) Краткого в трех-четырех словах биографического сведения о Ненадовиче, чтобы русская публика могла понять важность этих записок, и сведения о самих записках: где издан сербский подлинник, кем, когда и проч(ие) подробности. Положим, первое можно составить и здесь у нас в Москве, не беспокоя Вас, но о последнем я ничего не знаю.

2) Под страницами попадаются часто примечания. По журнальному обыкновению, если нет подписи под примечанием, то оно значит принадлежит самому автору статьи. Между тем эти примечания очевидно принадлежат или переводчику (т. е. Вам), или же издателю сербского подлинника. Я поставил под примечаниями подпись “издатель сербского подлинника”, но сделал это наобум и потому прошу Вас, графиня, немедленно разрешить мои недоумения. Отвечайте мне, прошу Вас, с первой почтой. Вы бы очень хорошо сделали, если б прислали сюда оригинал, т. е. сербский подлинник, хоть на время.

IV книга “Беседы” вышла и будет у Вас в П(етер)бурге в воскресенье.

Я получил Ваше последнее письмо. Оно многое объясняет. Вполне винюсь в том, что отзывом о дорогих Вам лицах оскорбил Ваше чувство дружбы; я не знал, что оба они так Вам близки. Но, кажется, мы более или менее квиты. Если я виноват в резкости и запальчивости, то меня оправдывает причина: цензурное стеснение! Это такая вещь, которая делает, мне кажется****, всякий гнев естественным и законным. Эта причина вполне уважительная.

Если я имел несчастье посягнуть официальным цензурным распоряжением на свободу мысли, на деятельность слова, то, право, извинил бы и простил всевозможные оскорбления, возбужденные моим же действием. Неужели Вы считаете возможным и даже нравственным безропотное подчинение таким распоряжениям высшего начальства?

под именем таким распоряжением высшего начальства?

Не беситься на цензуру, когда она стесняет Вас в деятельности чистой — было бы просто безнравственно.

С другой стороны — Ваши письма, так щедро расточающие мне всякие оскорбления и.., скажу учтивее, — брани, вполне мною извиняются потому, что Вы стоите за друзей Ваших, Вы оскорблены за них, гнев Ваш законен, хотя и дошел до совершенного ослепления, до такого ослепления, что Вы забыли, что в руках Ваших друзей власть, а что я* жертва этой власти. Мой гнев, моя дерзость сопряжены с невыгодою для себя, с риском. Их гнев для них не имеет никаких вредных последствий и вреден только мне.

Я было уже заподозрил Костича15 в болтовне. Но так как из письма Вашего видно, что Вы сами рассказали всем и в том числе Господину Е. П. Ковалевскому причины Вашего гнева на меня, то я винюсь пред Костичем в этом невольном заочном оскорблении.

Надеюсь на будущее время не подвергать Вас никаким неприятностям и не утруждать Вас никакими** просьбами и рассказами, касающимися моей особы, моих дел, ибо для меня собственно возможны только отношения вполне искренние, вполне откровенные.

Позвольте повторить Вам мою просьбу насчет Ненадовича. Это дело Вам не может быть чуждо.

Ваш покорнейший слуга Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 30 января 1863 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 343—345.

6

30 янв(аря) 1863, вечер.

Москва

Посылаю Вам статью о Польше. Ее не пропустили. Вот уже третий номер выходит без передовой статьи. Не смотря на переданный мне Погодиным16 от Вас истинно дружеский совет un conseil charitable*** не писать передовых статей вовсе, что, конечно, очень легко исполнить, — я все еще не решаюсь последовать этому дружескому совету убить мою газету, лишить ее всякого цвета и значения. Без передовых статей газета моя не может идти потому, что 3/4 публики только ради их и подписываются на газету, а без поддержки публики, себе в убыток и в утешение моим петербургским друзьям, я издавать газету не в состоянии.

Статью о Польше не пропустили. После этого чего же Вы хотите от меня? Чего же наконец хочет это несчастное правительство от литературы? Оно душит человека за горло и хочет, чтоб он пищал именно тем писком, который ему нравится и ему нужен. Не говорю уже о всей безнравственности такого требования, — но спрашиваю опять — зачем же нужен этот жалкий литературный писк правительству! Кого оно обманывает? Себя, Европу? Хочет похвастать, что вот мы какие, у нас есть своя пресса, свой крепостной оркестр, который немцы готовы будут пожалуй принять за оркестр вольных артистов...

Неужели Вы, столь расточительная на слезы умиления при виде Власти, неужели Вы не способны понять, что не слезы умиления, а слезы досады, негодования, ненависти должны Вы лить при виде того несчастного положения России, которое Вы первая готовы скрыть от Власти, чтобы не огорчить сердобольное отеческое сердце? Скажу Вам свое искреннее убеждение. Для меня несравненно отвратительнее и омерзительнее всяких неистовств польских действия самого русского правительства. Ксендзы, прибегающие к отраве, в тысячу раз нравственнее ваших Головниных, Валуевых17, и всего Вашего петербургского правительства. Правительство есть

Головниных, Валуевых17, и всего Вашего петербургского правительства. Правительство есть истинный душегубец русской земли. И это душегубство духовное в тысячу раз страшнее и преступнее всякого* физического убийства. Понимаете ли Вы наконец, что если у человека стеснены легкие, и он не может свободно вдыхать и выдыхать воздух, то он не годится ни на какое дело, даже на самозащиту? Понимаете ли Вы, что если общество стеснено в самых необходимых отправлениях общественного духа, то оно бессильно и чахнет? Понимаете ли Вы, что от страны, лишенной свободы мысли и слова (раз, когда в обществе пробудилась эта потребность) Вы не вправе ничего ожидать, кроме гниения, ничего, никакой гражданской доблести? Трактуя нас, как детей, вправе ли это, пораженное роковым тупоумием правительство, требовать от нас подвигов мужа.

Безотрадно гляжу я в будущее и верю, что мы будем отныне только биты и биты. Побьют нас и поляки, побьют и турки и развалится вся эта, насилием, злом и ложью созданная империя. “Полная всяких мерзостей” русская земля тоже погибнет, если не раскается, если наконец не отречется от сатаны и дел его, если попустит немецко-петербургскому правительству по-прежнему развращать, напоять русскую землю отравою лжи, кривды, пошлости, подлости и преступной глупости. Да, наша глупость есть уже порок, более: есть уже преступление. За такую глупость, страна, как сухая бесплодная смоковница, посекается топором и ввергается в огонь.

Не обвиняйте общество в недостатке патриотизма. Не надо ему этого дешевого Вашего

патриотизма, к которому правительство во дни беды прибегает, как к готовой силе, продолжая душить общество во дни мира! Общество понимает, что враг России не в Польше, а в Петербурге, что злодей его — само правительство.

Разве легко обществу испытывать такое состояние духа, что оно не знает, чего желать нашему оружию: успеха или урона? Урон может еще, пожалуй, его образумит, — успех даст торжество пошлости, подлости и глупости, еще более утвердит его в самодовольстве... Прольются целые реки слез умиления, отслужатся благодарственные молебны и снова** уверятся, что Бог заодно с нашею мерзостью!

Что подумать о той стране***, которая называет себя русскою и святою, и где именно нельзя существовать журналу, защищающему православие, русскую народность и все народные начала; где терпятся всякие учения, разрушающие веру, нравственность, основы общественные и государственные (хотя бы, по-видимому, и преследовались) и где только такая газета, как “День”, избрана мишенью всех тяжелых орудий правительства? Вы скажете, что тут причины случайные. Нужды нет. Возможность господства этих случайных причин — есть уже положительное обвинение.

Никогда до такой оргии тупоумия и бессмыслицы не доходила цензура, от министра до цензора включительно, как теперь, при царствовании всеобщего либерализма, благодушия и — посредственности. И вы хотите, чтобы я тут поддержал правительство, там попатриотничал ему в руку, негодовал бы когда ему хочется, и не смел бы негодовать, когда ему этого не желается. Никогда этого не будет, да и чего вам нужно? Есть у вас на это Катковы, Чичерины, Арсеньевы, Скарятины18, наконец вся почти литература, кроме “Дня”. Честных людей вам не нужно: это народ слишком неудобный.

Я предвижу в скором времени совершенное падение “Дня”. Валуев, которого быть способным переваривать есть уже дурной поступок, открыл свои действия по Ценз(урному) комитету (первая бумага) выговором цензору за статью, помещенную в “Дне” месяца два тому назад: “Латыши и их литература” с строгим наказом цензорам, чтобы не сметь ничего печатать “предосудительного о немцах в России”. Таким образом, можно сказать, что в Рязани берут взятки, но что их берут в Риге — нельзя. Этого одного уже достаточно, чтоб повернуться спиной к такому пошлому правительству.

Если преследования будут продолжаться, то я прекращу газету. Вас, если это и огорчит, то Вы скоро утешитесь и отыщете оправдание правительству: стоит только съездить в Зимний Дворец — и столько там предметов для умиления! Я же перееду в Дрезден и попробую издавать газету там в тех пределах, которые я бы сам себе назначил и здесь, если б была свобода печати.

Моей статьей о Польше Вы, конечно, будете недовольны. Но я убежден, что нет другого исхода, кроме предлагаемого мною. Цензура послала эту статью Валуеву, что равняется запрещению или того хуже. Прошу Вас прочесть эту статью Ф(едору) Ив(ановичу) Тютчеву, который также упрекает "День" за его молчание.

Кроме передовых статей, мне не пропускают множества лучших статей по другим отделам. Система понижать тон речи доходит до того, что даже в слав(янском) отделе цензор в устах славянина изменяет фразу таким образом: вместо "у турка нет ничего человеческого, кроме лица!", вместо этого восклицания славянина, цензор ставит: "у многих турок нет ничего человеческого, кроме лица..." Как Вам это нравится, Вам ведь это только смешно! Вместо "болгары в Крыму заболели от тухлой говядины", он ставит: "не свежей говядины"! И все это делается так важно, по докладу Цензурному комитету, после трех-четырех часов рассуждения. Чего ждать от земли, где ум, талант, дух человеческий вверен опеке наиглупейших и наипошлейших людей всея России? Проклята, отвержена Богом такая земля, и постигнет ее разрушение в ту самую минуту, когда Вы будете чувствовать прилив к сердцу самого нежного верноподданнического умиления!

Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 14 мая 1864 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 345.

7

14 мая 1864 г. Москва

Опять давно нет от Вас ни писем, ни известий, дорогая графиня. Как Ваше здоровье? Что с Вами? Едете ли за границу и когда? Знаю только об Вас из газет при описании приезда Муравьева19, и вполне оценил* горячее движение Вашего сердца. Кстати о Муравьеве. У меня до Вас просьба. Дело в том, что Муравьев с Корниловым20 ищут председателя для Археографической комиссии в Вильне, которую они хотят поднять высоко в значении. Мысль прекрасная: надобно вырвать разработку истории края из рук польских, надо пролить широкий свет истории на эти области, надо повести борьбу с поляками путем науки... Вам, впрочем, важность всего этого и объяснять не нужно. Корнилов присылал своего чиновника в Москву отыскивать председателя, и выбор его пал на Бессонова21. Лучшего выбора, по моему искреннему убеждению, нельзя было сделать. Бессонов принял предложение, но предъявил некоторые соображения, для переговоров о которых его пригласили приехать в Петербург. Он на днях и явится. Но я прошу Вас предупредить о нем Муравьева М(ихаила) Николаевича, чтобы М(ихаил) Н(иколаевич) принял его и выслушал внимательно: если Вы ему скажете, что это почтенный ученый, издатель таких-то книг, славянофил, сотрудник "Беседы" и "Дня", то этого, я думаю, будет уже довольно для Муравьева в настоящее время. Другого человека, кроме Бессонова, и в виду не имеется. Не Костомаров22 же! — Я прошу об этом же Анну Федоровну.

Пришлю Вам с Бессоновым не пропущенную мою статью из №. Ходила она в Петербург, но и там запретили. Нашли, что слова Христа о том, что Он глава Церкви и что Его царство не от мира сего — противоцензурны.

Дайте о себе весточку. Маменька недавно к Вам писала и боится, что ее первое письмо к Вам, после получения образов, пропало. Ее здоровье и сестер все в том же положении.

Жму руку Вашу

Жму ручку Вашу.

Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 7 августа 1877 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 345—346.

8

7 авг(уста) 18(77) (г.)

Не отвечал я Вам тотчас на Ваше письмо, дорогая графиня, потому что, как раз по получении этого Вашего, несколько торжественного и умиленного письма, наступили тяжкие, скорбные дни. Двукратное поражение под Плевной, гибель стольких тысячей солдат, избиение болгар, — участь, которую создало болгарам наше отступление из городов, где они встречали нас с хоругвями и иконами — все это пережить было нелегко. Проиграть битву всегда возможно, и нисколько не постыдно, если неприятель вдвое сильнее, поэтому горек не столько проигрыш, сколько причина проигрыша. Так легко было его избежать. Совестно и стыдно пред всем миром (от) такого легкомыслия, такого недомыслия со стороны нашего Штаба. Как бы ни старались умалить значение плевненской неудачи, — в результате однако же настоящее наше бездействие в

течение почти целого месяца ради выжидания подкреплений. Как будто нельзя было этого предвидеть заранее! Возможно ли было поставить дело так, что — по случаю первой “неудачи” — оказывается необходимым призывать войска из Петербурга и созывать ополчение в самую неудобную*, рабочую пору. Точно то же и на Кавказе. Проиграв целую кампанию, потеряли лучшее время, предали Армению на убой и разорение и вынуждены защищать свою собственную территорию. И все это с таким войском, какого до сих пор никогда нигде не бывало! Какая-то роковая глупость и бездарность преследует нас! Это казнь за презрение к душе, за пренебрежение к дарованиям, за посягательство на свободу мысли и слова, за хулу на Духа Святого... Конечно, нельзя было и думать (я этого никогда и не ожидал), что разрешение такого великого мирового вопроса, каков Восточный — добудется так себе, одною военною прогулкою в Константинополь. Я помню, еще Хомяков всегда утверждал, что Осман не отдаст своей жизни даром, что это племя, выставившее во время оно Селимов, Солиманов, Баязетов и пр., проявит такую энергию при смерти, от которой сотрясется мир. И нельзя не дивиться туркам. Султан у них, по выражению одного моего знакомого, “весь вышел”, визири меняются, — по-видимому, полнейшая анархия, восстания кругом, а они не теряют духа, не смиряются в своей гордости, — вооружены лучше нас, и теперь, чтобы побить их, нам необходимо искать больше войска, чем у них. Разумеется, мы сами, т. е. мы, руководящий слой, во всем виноваты. Нам очень понравилось выражение “локализация войны” (т. е. исключительное устремление турецких сил на нас и на Болгарию, которую мы пришли освобождать). Мы не дозволяли себе ни употреблять выражений “православный, славянский”, ни даже самим себе признаться, что сражаемся за возрождение славянского мира, и хотим однако же освободить болгар. Думаем только освободить болгар и издаем законы об отмене такой-то подати навсегда, о введении с будущего года новой подати и проч., и пр.

Иначе и быть не может, когда руководители не стоят сознанием на уровне с событиями. Война эта для нас самих имеет воспитательное значение. С этой точки зрения нам необходимы были уроки. Дай только Бог, чтобы мы ими вразумились. Я полагаю, любезная графиня, что если Вы обратитесь за всем, что Вам нужно, к председательнице центрального склада в Москве, Марье Николаевне Дурново, то Вы получите от нее все требуемое. Там довольный запас всего, и установлены сообщения, т. е. имеется право даровой пересылки под Красным Крестом. Можно было бы обратиться к ее помощнице Китти, но Китти в деревне.

Прощайте. Пока не одержим победы над внутренним врагом, едва ли добьемся полноты торжества над врагом внешним. Но мы на пути к победе. Сознание, охватившее весь народ, все

войско, не замедлит досягнуть своею волною высших и смыть кстати Валуевых, Тимашевых и им подобных, их же легион. Целую ручки Ваши. Анна Вам от всей души кланяется.

Ваш Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 8 марта 1878 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 346—347.

9

8 марта. Москва.

(18)78 (г.)

Благодарю Вас за Ваши добрые строки, дорогая графиня. Да, нас осталось немного, а в моем мужском кругу друзей и товарищей жизни — никого. Я стал похож на кладбищенского сторожа, охраняющего могилы и памятники. Приходится беседовать только с мертвыми, с ними обмениваться мыслями.

Добро б еще исчезали просто друзья, но гаснут умы, светившие и веселившие душу светом,

нужные для России. Со смертью Черкасского23 потухла единственная светящаяся точка в этой серой мгле бездарности, посредственности и пошлости, нависшей над нашею бедною землею!..

Мне пришлось третьего дня, в публичном заседании Славянского общества, читать речь, посвященную памяти Черкасского, за исключением вступительных слов. Ею остались довольны и мне бы хотелось, да и многим, видеть ее в печати, но вашим петербургским башибузукам так ненавистно наше Славянское общество, так претит знамя русской народности, что бедному московскому слову или совсем не пролезть живым сквозь их ряды или же придется подвергнуться всяческому изувечению и посрамлению. Одним словом — речь, чтобы быть напечатанною, подлежит цензуре Главного управления по делам печати, куда и отправлена. А между тем она и без того уже в виду Петербурга была мною порядочно помята и затянута в самый узкий корсет.

Все это под конец утомляет — становится тошно. Еще тошнее при мысли, что война не принесла главного, столько чаянного мною результата: расширения народного исторического самосознания в властительной сфере. Пока дело покоится на плечах нашего мужика или солдата, за успех его можно ручаться: не выдаст он русских интересов.... Но что творится теперь? Точно свинец лежит на груди у всех. Томительна, оскорбительна была пора Константинопольской конференции. Но теперь, после таких обильных потоков русской крови, после стольких жертв так великодушно-смиренно принесенных, после подвигов и побед, небывалых в истории, — возвратиться народу опять в такое же положение, т. е. чтоб ему плевали в лицо, били по щекам и, глумясь над ним, ломали дело победоносных рук, рушили здание, воздвигнутое на его костях!.. Не легок подвиг народного долготерпения! Еще можно быть мучеником, но быть напрасным , обманутым мучеником , быть одураченным страстотерпцем ... Такой казни не испытывал ни один народ в мире. Скажите это вашим дипломатам. Они ведут прямо к войне — путем позорных уступок. Они уже отняли у народа* ту награду, которой он был достоин**, святую радость мира***, святое утешение вполне содеянного блага.

Нам предлагают взамен союз с турками против христиан, — против греков и против мятежных герцеговинцев и боснийцев!! Но лучше перестать.

Берегите Ваше здоровье, милая графиня, целую Ваши ручки. Анна целые дни проводит в своем приюте и возится с маленькими гражданками того 20 века, который я конечно не увижу.

Вам сердечно преданный Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 18 июля 1881 г. Троекурово // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 347—348.

10

18 июля (18)81 (г.). Троекурово

Благодарю Вас, дорогая графиня, за доставление мне письма графа Дмитрия Николаевича. Оно пойдет в следующий №. Оно, к несчастию, имеет интерес современности, — да и не худо напоминать генеалогию нашей крамолы... Очень мне отрадно читать, что Вы пишете про “Русь”, а еще отраднее было бы слышать, что не я один в поле воин, но в провинции “интеллигенция” и культурный человек кажется того же калибра, как и в столицах и, может быть, даже хуже — сквернейшие копии скверных оригиналов.

Газеты, конечно, дойдут до Вас раньше этого письма и из них вы узнаете о радостном сюрпризе, который сделал государь своему народу. Взял, да отправился в Москву, а завтра к Троице, а оттуда отправится, говорят, в Нижний! Об его приезде в Москву узнали только за сутки. Московское начальство приняло было меры предосторожности такого рода, чтобы запереть

Кремль, не пускать туда ни души, препятствовать всякому народному сборищу, но государь, узнав о том в Твери, прислал оттуда депешу, чтоб никаких помех народной встрече не делали. К сожалению, депеша пришла ночью, и утром, в 9 часов, на жел(езной) дороге действительно, кроме военных и высокопоставленных лиц, никого не было. Но зато на выходе в Усп(енский) собор, а потом в Чудов, народ взял свое! Все крестились, и если утро не было тем перекатным громом, каким мы с Вами его знали в былые времена, то лишь потому, что народ произносил вслух молитвы или “слава тебе, Господи!” Это верно.

Разумеется, в самой сердцевине лета и притом в лютый жар (хотя, впрочем, в ночь пошел проливной дождик и погода переменилась, но накануне приезда и дней за пять жара была убийственная) — общество в Москве малочисленно, и потому на выходе было, сравнительно, не много*; однако ж не так мало, как можно было опасаться. Анна нарочно отправилась в Москву и мы были с ней во дворце. Государь произвел приятное впечатление на всех своим бодрым, мужественным видом. По Москве он катался в коляске, без всякого конвоя, чем народ очень гордится, — а сегодня на Ходынском поле, где происходил смотр войскам, народ прорвал все шпалеры и государь едва подвигался в массах неистовавшего от радости народа. Это явление царя народу** снимает много тягости с народного сердца. “Как есть государь!” говорит народ. Дай же Бог, чтобы путешествие по России совершилось до конца благополучно!.. Из министров с ним один Игнатьев24 (вообще свита очень маленькая...).

А мы дня 4 до приезда царя только что возвратились с Анной из Варварина, где прожили слишком неделю, для чего я должен был предварительно усиленно поработать и заготовить целый № вперед. Впрочем Дарья25, а может быть и Китти26 уже писали Вам об этом... Время мы провели там отрадно. Китти только что окончила какое-то богатырское лечение, от которого едва начала оправляться, но лечение, кажется, было не без пользы. Китти вставляется в свое Варварино как в рамку и всю ее наполняет. У ней много занятий и по церкви и по школам, да она служит и центром для всей окрестности, так что, я думаю, она не скучает, — чего про Дарью сказать нельзя.

Прощайте, милая дорогая графиня. Что это Вы все хвораете? Как идут Ваши учреждения? Прощайте, целую Вашу ручку, и утешьте нас доброю о себе вестью.

Вам всею душою преданный

Ив. Аксаков

Аксаков И. С. Письмо Блудовой А.Д., 11 апреля 1882 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 348.

11

11 апреля 1882

Дорогая графиня, письмо это передаст Вам Петр Алексеевич Бессонов, который отпущен Харьковским университетом (где он профессором) в путешествие по славянским землям и который просит чрез мое посредство Вашего ходатайства пред Деляновым27 об оказании некоторого подспорья путешественнику со стороны М(инистерст)ва народного просвещения. То есть, Бессонов будет там хлопотать сам, и только желает Вашей поддержки. С моей стороны я исполняю его просьбу.

Можете себе представить у Анны, совсем раздавленной кончиною нашей дорогой Китти, — в добавок коклюш. Он пристал к ней от детей приюта, — так что она совсем расклеилась. С нетерпением ожидаю тепла, чтоб ее перевезти на дачу. До свидания, милая графиня, говорят Вы и сами скоро будете в Москву.

Весь Ваш Ив. Аксаков

Бухерт В. Г. Примечания: Письма И. С. Аксакова к А.Д. Блудовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 348—349.

1 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф, шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Аксаков просил о разрешении отправиться в кругосветное плавание на военном фрегате “Диана”.

2 Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862).

3 Имеется в виду Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, управляющий II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии. Отец А. Д. Блудовой.

4 Оболенский Дмитрий Александрович (1822—1881), князь, товарищ министра государственных имуществ (1870—1872), друг И. С. Аксакова.

Вероятно, Попов Александр Николаевич (1821—1877), славянофил, служащий II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии.

Шеншин Николай Васильевич (?—1858), флигель-адъютант военного министра. Впоследствии член Петербургского комитета по освобождению крестьян.

5 Речь идет о войне с Турцией, союзниками которой с февраля 1854 г. стали Англия и Франция.

6 Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), религиозный философ, писатель, поэт, публицист.

7 Возможно, Ковалевский Егор Петрович (1811—1868), директор Азиатского департамента МИД (1836—1861).

8 Раевский Михаил Федорович (?—1884), священник русской посольской церкви в Вене.

9 Имеется в виду статья А. Бобринева “Заметки русского офицера на пути из Варшавы в

главную квартиру в 1849 году”.

10 Газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в 1859 г.

11 Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), князь, шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии.

12 Крапоткин Алексей Иванович, князь, генерал-майор, московский обер-полицмейстер (1858—1861).

13 Вероятно, Тютчева Анна Федоровна (1829—1889), с 1866 г. жена И. С. Аксакова, фрейлина Императрицы Марии Александровны.

14 Ненадович Матфей (1777—1854), известный сербский государственный деятель. “Записки протоиерея Матвея Ненадовича” были опубликованы в журнале “Русская Беседа” в 1859 г.

15 Костич Иван, юнкер Михайловского артиллерийского училища, воспитанник А. Д. Блудовой.

16 Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, академик Петербургской Академии наук.

17 Головнин Александр Васильевич (1821—1886), министр народного просвещения (1861—1866).

Валуев Петр Александрович (1815—1890), граф, министр внутренних дел (1861—1868).

18 Катков Михаил Никифорович (1818—1887), публицист, издатель журнала “Русский Вестник” и газеты “Московские Ведомости”.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист, историк, философ, профессор Московского университета (1861—1868).

Арсеньев Константин Константинович (1837—1919), критик и публицист, товарищ обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената (1874—1882).

Скарятин Владимир Дмитриевич, публицист, редактор-издатель газеты “Весть”.

19 Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), граф, генерал от инфантерии, главный директор Межевого корпуса Министерства юстиции (1842—1857), министр государственных имуществ (1857—1861), виленский генерал-губернатор (1863—1865).

20 Корнилов Иван Петрович (1811—1901), попечитель Виленского учебного округа (1864—1868).

21 Безсонов (Бессонов) Петр Алексеевич (1828—1898), славист, издатель.

22 Костомаров Николай Иванович (1817—1885), русский и украинский историк, писатель, профессор Петербургского университета с 1859 г., член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1876 г.

23 Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), князь.

24 Игнатьев Николай Павлович (1832—1908), граф, генерал от инфантерии, министр внутренних дел (1881—1882).

25 Тютчева Дарья Федоровна (1834—1903), дочь Ф. И. Тютчева от первого брака.

25 Тютчева Дарья Федоровна (1834—1918), дочь Ф. И. Тютчева от первого брака.

26 Тютчева Екатерина Федоровна (1835—1882), дочь Ф. И. Тютчева от первого брака.

27 Делянов Иван Давыдович (1818—1897), граф, министр народного просвещения (1882—1897).

Публикация В. Г. БУХЕРТА

И. С. Аксаков — А.Д. Блудовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 338—348.

Бухерт В. Г. Примечания: Письма И. С. Аксакова к А.Д. Блудовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 348—349.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф, шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Аксаков просил о разрешении отправиться в кругосветное плавание на военном фрегате “Диана”.

2 Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862).

3 Имеется в виду Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, управляющий II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии. Отец А. Д. Блудовой.

4 Оболенский Дмитрий Александрович (1822—1881), князь, товарищ министра государственных имуществ (1870—1872), друг И. С. Аксакова.

Вероятно, Попов Александр Николаевич (1821—1877), славянофил, служащий II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии.

Шеншин Николай Васильевич (?—1858), флигель-адъютант военного министра. Впоследствии член Петербургского комитета по освобождению крестьян.

5 Речь идет о войне с Турцией, союзниками которой с февраля 1854 г. стали Англия и Франция.

6 Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), религиозный философ, писатель, поэт, публицист.

7 Возможно, Ковалевский Егор Петрович (1811—1868), директор Азиатского департамента МИД (1836—1861).

8 Раевский Михаил Федорович (?—1884), священник русской посольской церкви в Вене.

9 Имеется в виду статья А. Бобринева “Заметки русского офицера на пути из Варшавы в главную квартиру в 1849 году”.

10 Газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в 1859 г.

11 Долгоруков Василий Андреевич (1804—1868), князь, шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии.

12 Крапоткин Алексей Иванович, князь, генерал-майор, московский обер-полицмейстер (1858—1861).

13 Вероятно, Тютчева Анна Федоровна (1829—1889), с 1866 г. жена И. С. Аксакова, фрейлина Императрицы Марии Александровны.

14 Ненадович Матфей (1777—1854), известный сербский государственный деятель. “Записки протоиерея Матвея Ненадовича” были опубликованы в журнале “Русская Беседа” в 1859 г.

15 Костич Иван, юнкер Михайловского артиллерийского училища, воспитанник А. Д. Блудовой.

16 Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, академик Петербургской Академии наук.

17 Головнин Александр Васильевич (1821—1886), министр народного просвещения (1861—1866).

Валуев Петр Александрович (1815—1890), граф, министр внутренних дел (1861—1868).

18 Катков Михаил Никифорович (1818—1887), публицист, издатель журнала “Русский Вестник” и газеты “Московские Ведомости”.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), юрист, историк, философ, профессор Московского университета (1861—1868).

Арсеньев Константин Константинович (1837—1919), критик и публицист, товарищ обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената (1874—1882).

Скарятин Владимир Дмитриевич, публицист, редактор-издатель газеты “Весть”.

19 Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866), граф, генерал от инфантерии, главный директор Межевого корпуса Министерства юстиции (1842—1857), министр государственных имуществ (1857—1861), виленский генерал-губернатор (1863—1865).

20 Корнилов Иван Петрович (1811—1901), попечитель Виленского учебного округа (1864—1868).

21 Безсонов (Бессонов) Петр Алексеевич (1828—1898), славист, издатель.

22 Костомаров Николай Иванович (1817—1885), русский и украинский историк, писатель, профессор Петербургского университета с 1859 г., член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1876 г.

23 Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), князь.

24 Игнатьев Николай Павлович (1832—1908), граф, генерал от инфантерии, министр внутренних дел (1881—1882).

25 Тютчева Дарья Федоровна (1834—1903), дочь Ф. И. Тютчева от первого брака.

26 Тютчева Екатерина Федоровна (1835—1882), дочь Ф. И. Тютчева от первого брака.

27 Делянов Иван Давыдович (1818—1897), граф, министр народного просвещения (1882—1897).

Публикация В. Г. БУХЕРТА

Письма И. С. Аксакова к А.Д. Блудовой / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. Г. Бухерта // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 337—349.

Письмо Е. П. Майковой к Е. В. Толстой

Майкова Е. П. Письмо Толстой Е. В., 25 декабря 1855 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. К. Демиховской // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 349—351.

Судьбы и характеры двух замечательных женщин, отразились в творчестве И. А. Гончарова: и Елизавета Васильевна Толстая (1827—1877), и Екатерина Павловна Майкова (урожд. Калита) (1836—1920) — прототипы образа Ольги Ильинской в романе “Обломов”.

Когда Гончаров в 1855 г. вернулся в Петербург из кругосветного плавания, дружба со всеми Майковыми снова согревала его, как и в прежние годы. Особенно близок он был с младшими Майковыми, жившими уже самостоятельно, отдельно от старших, на Лиговке. Гончаров почти ежедневно бывал у них, нянчился с их старшей дочерью Женечкой.

В августе 1855 г. Гончаров у Майковых встретил Е. В. Толстую. Теперь на семейных обедах бывали и Гончаров, и Толстая. И все вместе часто посещали театр.

Иван Александрович был под обаянием личности Елизаветы Васильевны, ее чарующей красоты, доброго сердца, тонкого, нежного женского ума. В ней писатель увидел идеал женщины. Она,

единственная из числа немногих, отличалась возвышенностью характера, чистотой сердца, прямотой и достоинством.

Отъезд Е. В. Толстой (18 октября 1855 г.) вызвал целую серию писем Гончарова “Pour и contre”. От третьего лица своего “друга” он рассказывает о своей любви, о своих душевных муках. “Pour и contre” является искренней и волнующей исповедью любви. Но героем романа Толстой суждено было стать не Гончарову, а ее кузену Александру Илларионовичу Мусину-Пушкину, блестящему офицеру, ярославскому помещику. Зимой 1857 г. она вышла за него замуж.

По иронии судьбы Гончарову пришлось устраивать счастье Толстой: по просьбе ее матери он хлопотал перед Синодом о разрешении на брак с двоюродным братом.

Майкова же, сострадая Гончарову, безответно влюбленному в Толстую, спешит написать ей, напомнить об Иване Александровиче.

Благодарно отзываясь на дружбу Майковой, Гончаров также проявлял сердечное участие в ее судьбе. В 1866 г. она ушла из семьи к Федору Любимову, оставив мужа и троих детей. Взволнованный Гончаров шлет письма, убеждает ее вернуться: детям необходимо материнское воспитание (подробнее об этом: Чемена О. М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова. М. Наука. 1966).

Автограф публикуемого письма хранится в РГАЛИ. Ф. 1110. Оп. 1. Ед. хр. 9.

***

25 декабря 1855

Милая, добрая Лизавета Васильевна, вы в письме к маменьке1 изъявили желание, чтобы я приписала вам: память ваша обо мне так приятна, что я, не дожидаясь, пока маменька соберется отвечать вам, решаюсь написать несколько строк от себя. Начну с того, что мы вас любим и помним по-прежнему.

Как будто вы вчера только от нас уехали: ваш портрет много помогает этому, останавливая часто на себе наше внимание. Мы иногда даже позволяем себе споры насчет вас, особенно когда

дело идет о том, чтобы поддразнить вашим отсутствием и молчанием кого-нибудь из тех, кого папенька называет влюбленным. Что сказать вам о себе, мы с Володей2 живем потихоньку, недавно ему дали частное место помощника редактора “Библиотеки для чтения”, что очень мило согревает нашу взаимную любовь, потому что средства наши несколько увеличились. Женечка шумит все больше и больше и кричит на весь дом, так что мешает Володе читать корректуры. Мы довольно часто бываем в театре, особенно в опере, и ни разу не проходит, чтобы мы не вспоминали вас, представляя себе, какое бы вам принесло удовольствие слышать Лаблаша3 в “Севильском цирюльнике”, например, или “Лючию”4, которую дают по-итальянски. Мы так желаем видеть вас здесь постоянно, что маменька частенько составляет разные планы, как бы переманить вас сюда. Когда я начала это письмо, пришли к нам Солоницын5, Иван Александрович и Льховский6; те двое ушли, а Иван Александрович пристает ко мне, чтобы я показала ему, что пишу, и просит оставить страничку приписать. Великий князь7 выхлопотал адмиралу8, с которым ездил Иван Александрович, в награду графское достоинство, а Ивану Александровичу чин статского советника. Мы учили Женю сказать ему: “Здравствуйте, Статский Советник!” — а она сказала ему: “Здравствуйте, священник!” Ему предложил также министр просвещения место старшего цензора русских книг, кроме того, он получил приглашение от Великой княгини Елены Павловны9 на вечера по четвергам: он был в четверг, но у нее разболелись зубы, и она не могла выйти к гостям, а на другой день он послал сказать к к(нягине) Одоевской, через которую получил приглашение, что нездоров, и мы все его за это бранили. Но на него ничто не действует, побраните хоть вы; вы, кажется, имеете над ним еще власть, потому что он так живо вспоминал о вас, что у нас не спускал глаз с вашего портрета;

теперь, кажется, вспоминает реже; он нетерпеливее всех нас ждал от вас письма, но долгое ваше молчание, по-видимому, его немного расхолодило. Володя, с моего разрешения, которое я относительно только вас неохотно ему даю, целует мысленно вашу ручку, а Женя приседает тете Лизе. Завтра маменька именинница, и потому я спешу закончить мое письмо, потому что надо торопиться кончить ей в подарок шитье. Если хотите порадовать меня, то напишите мне несколько строк на мое имя в Большую Подьяческую, близ Екатерингофского проспекта, дом Зиновьева. Крепко целую вас, желаю быть здоровой, веселой и поскорее приехать к нам.

Елизавета Васильевна Мусина-Пушкина

Ваша Е. Майкова

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Майкова (урожд. Гусятникова) Евгения Петровна (1803—1880), поэтесса и беллетрист.

2 Майков Владимир Николаевич (1826—1885), журналист и переводчик; издатель журналов “Подснежник” (1858—1863), “Семейные вечера” (1864—1870).

3 Лаблаш Луиджи (1794—1858), итальянский певец, бас. С 1852 г. по 1857 г. пел в театре Итальянской оперы в Петербурге. Среди лучших партий: Бартоло, Базилио, Фигаро (“Севильский цирюльник” Россини).

4 Опера Доницетти “Лючия ди Ламмермур”.

5 Солоницын Владимир Андреевич (1804—1844), близкий друг Майковых.

6 Льховский Иван Иванович (1829—1867), близкий друг Гончарова.

7 Великий князь Константин Николаевич (1827—1892), с 1855 г. управляющий флотом и Морским министерством.

8 Путятин Евфимий Васильевич (1803—1883), граф, адмирал, в 1852—1855 гг. возглавлял экспедицию на фрегате “Паллада”.

9 Елена Павловна (1806—1873), Вел. княгиня. Покровительствовала музыкантам, художникам, писателям.

Публикация Е. К. ДЕМИХОВСКОЙ

Воспоминания А. С. Ешевской о Смольном

Ешевская А. С. Воспоминания о Смольном / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Н. А. Каргаполовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 352—372.

В 1764 г. было учреждено Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Для задуманного Императрицей Екатериной II и ее сподвижником И. И. Бецким заведения, призванного служить обновлению русской жизни и воспитанию "новой породы" людей, была приспособлена начатая еще при Елизавете Петровне постройка Смольного Воскресенского монастыря.

Смольный явился, по мнению исследователей учебного дела в России, зерном, из которого выросли женские институты, гимназии и другие женские учебные заведения. Личное участие Императриц в жизни Смольного ставило его в непосредственное соприкосновение с

Царствующим домом. Ученицы знали всех членов Царской семьи, писали письма к Государю и Государыне. Помимо определенного уставом числа учениц (оно менялось в течение времени), Царская семья за счет Кабинета помещала своими пансионерками дочерей убитых на войне, сирот, дочерей лиц, выделившихся своими заслугами или недостаточно обеспеченных.

На протяжении истории Смольного института менялись распорядок жизни и программа обучения. В XVIII и начале XIX в. в Смольный набирались девочки 5—6 лет, курс воспитания длился 12 лет, а родители давали подписку о том, что не будут требовать дочь домой ранее срока. Строгий интернат постепенно нарушался, были разрешены встречи детей с родителями и родственниками в зале, но через решетку. При Императрице Марии Александровне решетка была убрана, отменен строгий церемониал встреч, родственники получили возможность брать детей на летние каникулы и праздники домой. Старшим воспитанницам разрешалось иногда бывать в театрах, на концертах. Повышался приемный возраст, курс ограничивался семью годами. Пересматривалась и учебная программа. Особенно заметные изменения произошли в начале 60-х гг., когда инспектором классов в Смольном был Константин Дмитриевич Ушинский (1824—1870/71). Если ранее на первом плане стояло религиозное воспитание, физическое обучение, иностранные языки, экономика (домоводство), танцы, рисование, музыка, рукоделие, развитие педагогических способностей, то теперь основным предметом стал русский язык, был расширен курс географии, истории, физики, русской и зарубежной литературы.

Во главе Смольного стояла начальница, назначаемая Императрицей. Для каждого возраста была своя инспектриса, заботившаяся о воспитании, поведении, гигиене, платье девушек. Инспектрисе подчинялись классные дамы. Воспитанницы каждого возраста носили платья определенного цвета.

Александра Степановна Ешевская была в числе девушек сорок четвертого выпуска Смольного. К сожалению, о ее судьбе после окончания Института известно немного. Удалось лишь выяснить, что с середины 90-х гг. до 1900 г. Ешевская работала фельдшерицей в ординаторском отделении Екатерининской больницы при Московском университете. Тем больший интерес вызывают ее "Воспоминания о Смольном", которые не только знакомят нас с жизнью воспитанниц Смольного института, но и дают представление об авторе — живой, любознательной, доброй и непосредственной девушке.

Рукопись Ешевской, входящая (без даты написания) в состав архива ее отца — известного

Рукопись Ешевской, входящая (без даты написания) в состав архива ее отца — известного историка С. В. Ешевского (ОПИ ГИМ. Ф. 312. Ед. хр. 13), публикуется в современной орфографии с сохранением языковых и стилистических особенностей оригинала. На первой странице на полях имеется помета: Хамовники, Теплый переулок, дом Свешниковой. Александра Степановна Ешевская, кв. 17.

АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВНА ЕШЕВСКАЯ.

ВОСПОМИНАНИЯ О СМОЛЬНОМ.

1871—1876 гг.

Глава I

Я воспитывалась в Смольном институте, на Николаевской половине, в Невском отделении. В институте я пробыла почти пять лет, от первых чисел августа 1871 года по 30 мая 1876 года. Вот об этом-то пятилетнем моем пребывании в Смольном я и хочу поговорить.

Отец мой, Степан Васильевич Ешевский1, профессор-историк императорского Московского университета, умер молодым, оставив после себя жену и пятерых детей один одного меньше. Я не была дочерью военного и поступить в Смольный не имела никакого права, но по особой просьбе, поданной матерью на высочайшее имя, была принята в Смольный институт милостью

императора Александра II воспитанницей его имени.

Ехала в Смольный охотно. Одно только обстоятельство меня сильно огорчало. Любимая моя сестра Оля, с которой я никогда не разлучалась в жизни, не была принята вместе со мной, вакансий не было, а поступила только на следующий год. Главная мысль моя была о том, хорошая или дурная будет у меня начальница. Мысль о дурной, злой начальнице страшила меня, и я старалась узнать о ней возможно больше, но чем больше я о ней расспрашивала, тем страшней она казалась в моем воображении.

“Начальница такого института, как Смольный, должна быть непременно важная аристократка, — говорила мне бабушка моя Ольга Андреевна Вагнер2, — знакомая лично царской фамилии и имеющая большие связи при дворе”. “Начальница твоя будет очень строгая, — говорила мне серьезно любившая очень меня моя старушка, няня Наталья, — но ты молись Богу и Он тебя не оставит. Помнишь, начальницу в Астрахани*, она тебя любила и ничего дурного тебе от нее не было. Будь как можно тише и слушайся классных дам. С девочками дружись осторожно. Выбери себе подружку по душе и полюби ее, тебе и не будет так скучно. А на будущий год и Оля с тобой поедет. К нам почаще пиши”.

Так утешала меня няня. “Ты не очень бойся, — накануне отъезда, ложась вечером спать, шепнула мне Оля, — может быть, она добрая и тебя полюбит. Я буду о тебе думать каждый день, а ты мне опиши свою жизнь в институте и своих подруг. Может быть, тебе так весело будет, что ты об нас и скучать не будешь. Только вот няни с тобой не будет”, — грустно прибавила Оля.

Много еще разных советов и уговоров пришлось мне выслушать от всех домашних и знакомых, и все это вылилось в одну форму, и личность начальницы приобрела в моих глазах особый интерес и значение.

Наконец, мы в первых числах августа выехали из Москвы. Железная дорога меня не поразила, так как я не один раз уже бывала в Троицкой Лавре и ездила в Астрахань, следовательно, видела и вокзалы, и вагоны, и всю суету и сутолоку, неизбежную при отходе каждого поезда. Зато по приезде в Петербург прежде всего меня поразил Невский проспект и Казанский собор. Нева после Волги на меня уже большого впечатления не произвела. Остановились мы с матерью у Бестужевых. За К. Н. Бестужевым-Рюминым3 была замужем родная сестра моего отца

Бестужевых. За К. П. Бестужевым-Рюминым была замужем родная сестра моего отца, Елизавета Васильевна Ешевская. Бестужевы жили тогда в доме Алонкиной на Васильевском острове. Дядя и тетка приняли меня очень ласково. Детей своих у них не было, и тетя Лиза охотно приняла на себя все заботы обо мне после отъезда моей матери в Москву. Мне у них очень понравилось, их совершенно простая обстановка и большой стол, заваленный книгами с прекрасными картинками. Позднее я, бывая у них на праздниках Рождества и Пасхи, от дяди Кости узнала, что это были за книжки с такими чудными картинками.

Повезли меня прямо на приемные экзамены. Помню как мы подъехали с матерью к институту и как нам открыл двери красивый, важный швейцар с булавой в руке. Передняя была обширная комната, довольно мрачного вида. В ней мы разделись и по светлой лестнице поднялись в апартаменты начальницы, где в большой, светлой и хорошо убранной комнате сидела в кресле начальница4, окруженная дамами в синих форменных платьях. По сторонам залы сидели раньше прибывшие девочки с родителями, а налево, у двери, помещались за столом экзаменаторы-учителя. Прежде всего меня подвели к начальнице, я подняла на нее глаза и обомлела не столько от страха, сколько от удивления, когда я перед собой увидела не даму и не женщину, а живые мощи самого ужасного вида. Лицо было совершенно желтого цвета, глаза мутные и потухшие. Мощи были одеты в старое шелковое платье, на плечах была дорогая белая шаль, а на голове был надет белый тюлевый чепец с длинными атласными лентами. Глухим, могильным голосом начальница спросила у меня сколько мне лет и здорова ли я*. Затем меня отвели в соседнюю комнату, раздели и старик доктор Зандер внимательно осмотрел меня. После докторского осмотра учителя по очереди проэкзаменовали меня. Я так была сильно поражена видом своей новой начальницы, что ко всему остальному отнеслась совершенно равнодушно, и хоть учителя экзаменовали вообще довольно строго, выдержала экзамены довольно хорошо и была принята в пятый класс, в Невское отделение, в дортуар госпожи Клеменко. Экзаменующихся девочек было много, некоторые сильно робели и плакали. Я вообще была не из плаксивых и потому, не теряя присутствия духа, всю эту тягостную процедуру стойко выдержала до конца. Только когда наконец с меня сняли мое домашнее, очень скромное платье и надели на меня длинное до полу, тяжелое камлотовое платье кофейного цвета, белый длинный полотняный передник и белую же пелеринку, мне сделалось как будто холодно и горло сдавило. Но все было так ново и интересно кругом и шло так быстро одно за другим, что думать было некогда, и я вошла сама того не сознавая как бы в другую, новую и интересную для меня жизнь. Мне в тот же день выдали все книги и тетрадки и указали место в классе на одной из первых скамеек, и все вошло в свою колею. Я скоро привыкла к обиходу института. Мне очень пришлась по вкусу и по характеру тихая, чистоплотная и размеренная жизнь, полная труда и в то же время веселая от присутствия стольких подруг, одинаковых по рождению и воспитанию и, следовательно, очень подходящих друг другу. Все только что возвратились с каникул и делились друг с другом своими самыми свежими, летними воспоминаниями. Первые дни прошли во взаимном ознакомлении и пролетели незаметно.

Я много читала и слышала много личных мнений довольно серьезных людей о том, что закрытые заведения портят детей и отбивают их от родных семей. Это, к несчастью, очень распространенное, как бы ходячее мнение вовсе несправедливо. Институт вовсе не есть всесословное заведение, в котором бы вместе с детьми из достаточных классов воспитывались бы дети среднего и низшего сословия и, следовательно, где бы один от других дети могли бы перенимать привычки, манеры и взгляды на жизнь и на семью, вовсе нежелательные для родителей высших сословий. Испорченные дети приходят из семьи и, надо правду сказать, их было, к счастью, очень немного. Я помню, за все мое пятилетнее пребывание в Смольном, только три или четыре случая, когда начальство института должно было предложить родителям взять их дочерей обратно. Надо заметить, что всех воспитанниц на Николаевской половине было 700 человек в то время. Все девочки моего класса были воспитаны ровно до такой степени одинаково, что я не помню никаких историй, никаких сует, никаких неприятностей, ни между нами, хотя нас всех учениц в обоих отделениях было 80 человек, ни между нами и начальством. Конечно, были иногда столкновения, но это все были случаи, ничего серьезного, ничего дурного в себе не имевшие, о которых я скажу после нескольких слов.

Отношение детей к родителям в большинстве случаев было различно, сообразно, конечно, хорошему или дурному отношению к ним их родителей. Одни из девочек любили больше своего папу, другие больше свою маму. Некоторые девочки прямо обожали одного которого-нибудь из своих родителей. Были девочки, которые действительно одинаково любили своих отцов и матерей, а были и такие, которые на вопрос подруг: “Ты кого больше любишь, папу или маму?” — равнодушно или апатично отвечали, что любят одинаково и папу и маму, однако, мне всегда эта любовь была сомнительна, т. к. ответ, очевидно, был мало сознателен. Пишу, конечно, про девочек своего отделения, так как ни девочек других классов, ни их родителей близко не знала. Всегда удобней было наблюдать отношения детей к родителям и обратно в приемной зале во время приема. Вот сидит рядом с отцом девочка Синицына, хорошенькая Сима Синицына. Она горячо любит своего папу. Не находит слов, чтобы выразить к нему своих чувств, и он, видимо, отвечает ей тем же. Вот проходит по залу важно целое семейство Филевых. Соня Филева любит свою маму, но папу своего любит больше. Вот мимо меня смешно бежит по залу девочка Бася Неслуховская. На лице ее светится восторг, как будто бы она вдруг увидела перед собой райское видение. Это вошли в зал ее одинаково обожаемые папа и мама. И надобно было видеть лицо ее матери, склоненное над ее головой, пока она нагнувшись целовала ей руку. Лицо было некрасиво, но необыкновенно прекрасно выражением безграничной любви матери к своему ребенку.

Вот в стороне на бархатном диванчике, плотно прижавшись к друг другу, брат и сестра Плац-

бек-Каум*. Их мать, вдова, полная и величественная дама, всегда в черном, сидит рядом и не спускает с них глаз. Их только двое, брат и сестра, и сидят они плотно прижавшись друг к другу, видимо, довольные этой близостью и любовью, переговариваются. Когда мимо них проходят только что вошедшие генерал, моряк или офицер, Каум поднимается, высокий и стройный в своем хорошеньком мундирчике Николаевского кавалерийского училища, отдает вошедшему честь и опять близко подсаживается к своей любимой сестре.

Вот сидит, разместившись полукругом, большое семейство Тюлиных. Отец с прекрасным симпатичным лицом, мать, старший сын правовед и два сына воспитанники пажеского корпуса. Девочка Зина любит больше своего хорошего, доброго, славного папу.

Наш приемный зал стоит того, чтобы сказать о нем несколько слов особо. Он очень похож на большой зал Московского Благородного собрания. Очень большой и светлый, белый с прекрасными белыми колоннами в два ряда. Между окон стоят, по обе его стороны, белые с золотом диванчики, обитые пунцовым бархатом. Колонны окружены стульями. Прямо против дверей, ведущих в коридор, висит прекрасный портрет, написанный масляными красками, Императора Александра II. Нашего обожаемого Государя, образом которого была наполнена и согрета вся наша жизнь в Смольном вообще и моя в особенности. Но об этом после. Возвращаюсь к своему рассказу.

Общий вид приемного зала, наполненного гостями, был очень наряден. Черный сюртук или скромный вицмундир совершенно исчезали в массе военных мундиров всех чинов и форм. Это были отцы, а братья и кузены были в большинстве случаев или пажи, лицеисты и правоведы или воспитанники кавалерийских и прочих военных училищ. Студентов почти совсем видно не было, их было незаметно.

Меня неизменно, почти каждый день посещала моя тетка Елизавета Васильевна Бестужева-Рюмина, возила мне массу гостинцев и вообще как только могла баловала и ласкала меня.

Гулять свободно по залу могли только воспитанницы старшего возраста, все же остальные классы ходили в парах, класс за классом вокруг зала. По одну сторону зала, полукругом стояли стулья, предназначенные для начальства. На них сидели обыкновенно одна из инспектрис и дежурные классные дамы.

Занимаясь усердно науками целую неделю, мы ждали с нетерпением каждого приемного дня. Смело можно сказать, что приемные дни были настоящими праздниками для нас. Не только праздниками были они для тех воспитанниц, которые видели своих родных и близких, но даже для тех, которые присутствовали на них простыми зрителями.

Глава II

Познакомившись с девочками моего отделения и прослушав все их рассказы про их семейную жизнь, про обстановку, их окружающую в детстве, про надежды на будущее, невольно пришлось и мне задать себе несколько вопросов. Пришлось сравнить свою прожитую жизнь с их жизнью. Прослушав надежды их на будущее, пришлось подумать о том, что же будет со мной по выходе из института. Девочки в большинстве случаев были дети состоятельных родителей. Воспоминания их о прошлом и надежды их на будущее были самые радужные. Только несколько воспитанниц, круглые сироты, держались в стороне. Учились очень усердно, никто к ним не приезжал, карманных денег у них никогда не было, гостинцами их угощали только подруги. Рассказы про их житье-бытье были самые печальные. Но их было немного, и тон всему отделению давали дочери богатых и знатных родителей.

— Твой папа был кто? — Узнав что я сирота, спрашивали меня окружившие меня девочки.

— Профессор Московского университета.

— А дедушка?

— Профессор Казанского университета.

— А дяди твои, которые живут в Петербурге?

— Профессора Петербургского университета.

Девочки удивлялись. Не знали какой меркой меня мерить и к какой категории меня причислить. Но скоро все обошлось. Ничем особенным я не выделялась, была общительна и весела, и с моим несколько необычным званием скоро все примирились.

Я стала уже понемногу привыкать к моей новой жизни и стала опять весела и довольна, но неумолимая жизнь скоро задала мне несколько трудных задач.

Во всем моем отделении и во всем классе дочерей профессоров совсем не было. Но вскоре я узнала от своей матери, которая еще некоторое время гостила в Петербурге у родных, о том, что в Смольном живут дочери профессора восточных языков Васильева5. Старшая дочь его Ольга была старше меня классом, а младшая поступила позднее. В один из первых приемных дней я сидела как обыкновенно между матерью и тетей Лизой. Вдруг я увидела идущего к нам седого как лунь, угрюмого вида старика в черном сюртуке. Он резко выделялся своей внешностью от обычных посетителей нашего приема и имел очень почтенный вид. Это и был профессор Васильев. Профессор прямо подошел к моей матери и поздоровался с ней. В это время она представила меня ему. Он подал мне руку и пристально посмотрел мне прямо в глаза своими умными глазами из-под нависших бровей. Вскоре подошла к нам и поздоровалась с нами дочь его Ольга.

От матери я узнала, что Васильев женат на ее подруге и в Казани был знаком со всей ее семьей. Моя мать жила до замужества и воспитывалась в Казани, где дедушка мой П. И. Вагнер был профессором университета. Подругу ее выдали за него насильно и когда вели ее к венцу, она падала к своему отцу в ноги, умоляя его не выдавать ее за Васильева замуж. Но ее поднимали под руки и все-таки обвенчали. Вскоре она умерла, оставив ему четверых детей. Прожила она с мужем счастливо, и умирая, благодарила его за то счастье, которое он ей дал. Старик был деспот в семье и смотрел на женщин с точки зрения домостроя. Дочерей воспитывал в таких же

в семье и смотрел на женщин с точки зрения домостроя. Дочерей воспитывал в таких же правилах, но времена изменились, а он не хотел этого видеть. Ольга Васильева окончила курс с первым шифром, и профессор очень гордился этим.

— Моя дочь, — говорил он, — первая девица в России.

Смольный считался первым заведением для девиц в России, а дочь его кончила курс в нем первой ученицей.

Уже окончивши курс и живя с матерью в Москве, мы прочитали в газетах известие о ее трагической смерти. Как и следовало ожидать, отец ее вскоре нашел жениха, и немало не заботясь о том, нравится ли он ей или нет, любит ли она кого-нибудь, хотел выдать замуж. Когда же она ему объявила о том, что она давно любит своего кузена-офицера и не согласна идти за нелюбимого ею человека, профессор не долго думал, запер ее в комнате, сказав при этом, что она выйдет из нее только тогда, когда даст свое согласие на брак. Пораженная его решением и зная непреклонность его воли, бедная девушка дала его шагам замолкнуть и, отворив окно в своей комнате, встала на подоконник и бросилась на мостовую с третьего этажа. Ее подняли уже мертвую. Смерть ее глубоко потрясла старика; он никак такого решительного поступка не ожидал от нее, кроткой и покорной девушки, очень ее любил и по-своему желал ей добра. Васильев, хотя и не был особенно приветлив, но помня старинную дружбу с моими родными, время от времени вызывал меня и угощал гостинцами. Вот он-то и задал мне одну из самых трудных и самых для меня мучительных задач.

Пришлось нам как-то раз сидеть в приемной зале рядом с Васильевыми. Я сидела, как обыкновенно, между матерью и тетей Лизой, а напротив поместился профессор с дочерью. Разговор шел общий, и я не помню что-то весело рассказывала. Тетя Лиза заботливо спрашивала меня, нравится ли мне жизнь в институте и сыта ли я. Я перечисляла ей все вещи, которые были мне сданы на руки и, смеясь, уверяла ее, что всегда бываю сыта. Дочь его не смела заговорить со старшими сама и отвечала только на вопросы старших. Я же, не привыкшая к такой строгой дисциплине, смело и прямо высказывала все, что было у меня на душе. Внимательно выслушав мою болтовню, он, дождавшись, когда тетя Лиза с матерью простились и вышли и зорко смотря на меня своими проницательными глазами из-под густых нависших бровей, сказал: “Вы так довольны своим новым положением и так веселы, что даете этим право своему начальству думать, что вам дома было худо. Это не хорошо. Вы, верно, не подумали об этом. Вы подумайте.” И, пожав мне крепко руку, простился со мной и вышел. И я подумала. И результат моих дум был очень печален. Я так любила Олю, бабушку, дедушку, свою милую старую няню Наталью и еще многих и многое, и, несмотря на это, дома мне было очень и очень худо. Когда же я, наконец, нашла в сердце своем причину этого печального факта, то мне еще стало тяжелее на душе. Одно могу сказать смело, что с этого дня беспечное, веселое детство кончилось для меня, и началась другая жизнь, и пришло новое и самое тяжелое горе моей жизни.

Праздники Рождества и Пасхи я проводила у Бестужевых. Ожидала я Рождества с большим нетерпением. Дядя мне очень обрадовался и долго ласкал и целовал меня, когда я к ним приехала. Чтобы я не соскучилась у них, дядя всячески старался развлечь меня. После обеда дядя Костя не мог спать, как делал это обыкновенно и, усадив меня около себя, начал показывать мне свои книги и картины. Это были его любимые авторы. Все книги были переплетены в прекрасные переплеты и иллюстрированы. Тут были и Пушкин, и Крылов, и Шекспир, и Гете, и “Потерянный рай” Мильтона, и этюды Иванова, и под его непосредственным руководством, и также, как и он, полюбила их. Кроме того, дядя знал множество стихов наизусть и охотно декламировал их. Случалось, что совершенно забывая о том, что перед ним сидит тринадцатилетняя девочка, он серьезно декламировал мне целые поэмы, пока тетя Лиза не прерывала, наконец, наших занятий, приглашая нас идти чай пить. Таким образом, вечера проходили незаметно, и я не успевала оглянуться, как праздники проходили, и надо было опять возвращаться в институт. Конечно, не все девочки проводили так скромно, как я, свои праздники, и многие посещали вечера и театры, но я не завидовала им в душе и была очень довольна временем, проведенным мною у Бестужевых и их ласковым со мной обращением.

Переходные экзамены я выдержала очень хорошо, и те же Бестужевы взяли меня из института и переправили в Москву с оказией.

На следующий год мне, к великому моему огорчению, опять пришлось ехать одной в Смольный. Оля была принята гораздо позднее. Ехала я в институт с тяжелым сердцем и очень неохотно, точно как будто томимая тяжелым предчувствием. Олю привезли только в октябре. Она была принята в пятый класс в Невское отделение, в дортуар госпожи Трусовой. Я ей очень обрадовалась, хотя к великому моему огорчению, мы видались с ней очень редко. Я в этот год перешла в голубой класс, в первый, так сказать, класс, а она была принята в последний класс младшего возраста. Дортуары наши и классы, хотя и находились в одном этаже, но помещались на двух противоположных концах институтского здания. Громадный коридор разделял нас. Воспитанницам младших классов не позволялось ходить к сестрам старшего возраста, а мы могли в праздники по особому позволению своих классных дам повидать своих младших сестер и кузин. Бывая у нее так часто, как только мне позволяло мое начальство, я отдыхала с ней душой и сердцем.

Оля была умная, кроткая и крайне впечатлительная девочка, очень маленького роста, я перед ней в семье считалась великаном. Лицо ее было очень выразительно и подвижно, но особую ему красоту придавали ее большие, выразительные карие глаза. Привыкала она к институту крайне медленно и тяжело, и скоро совсем осунулась и побледнела. Надо сказать, что наши милые старички, дедушка и бабушка Вагнер, жившие в Москве с нами на одном дворе, очень баловали нас, т. е. меня и ее. Ее в особенности. Это-то баловство и погубило ее. Стол в Смольном был всегда приготовлен, конечно, из безусловно свежей провизии и был довольно разнообразен, но прост и грубоват. Я была очень неприхотлива на пищу и ела все, лишь бы блюдо, как бы просто оно ни было приготовлено, было состряпано из свежей провизии и вкусно. Оля многих вещей совсем не ела. Пироги с мясом ела, а с рыбой и капустой не ела. Рыбы не ела никогда никакой. Овощей и закусы также вовсе не ела. Если в ее тарелку с супом нечаянно попадала какая-нибудь зелень, например, укроп, то она уже этого супу не ела ни за что. Любила только мясо, курицу, все мучное и сладкое, и вообще была очень прихотлива и разборчива в пище. Баловство было настолько безобразно и непонятно, что этому трудно даже поверить со стороны. Тем более это баловство было странно, так как мой дедушка, Петр Иванович Вагнер, профессор Казанского университета, правда по кафедре минералогии, был по образованию своему доктор и долгое время был врачом в городе Богословске на казенных заводах. И несмотря на это, детям позволялось все, что им было угодно. Например, сестра моя Настя, будучи большой девочкой лет двенадцати, очень умной и развитой, заболела воспалением легких. Так как она тоже много не ела и ни за что не хотела пить молока, ей положительно необходимого по роду болезни, то лечивший ее доктор Иван Петрович Постников должен был пуститься на хитрость. В аптекарскую склянку наливали молоко, подсахаривали его и доктор надписывал на аптечном же бланке к нему особый рецепт по латыни, и только тогда уже Настя принимала его через час по ложке в виде микстуры.

Тетя Лиза, видя как Оля все худела и бледнела и зная причину этого явления, старалась по возможности подкармливать, привозя в каждый приемный день кроме лакомства и съестное. Училась она прекрасно и была очень понятливая и способная девочка.

На Рождество совершенно неожиданно приехала к нам наша мать с сестрой своей Евгенией Петровной Киттарой. Дело в том, что брат моей матери, профессор зоологии Петербургского университета и известный спирит Н. П. Вагнер6, опасно заболел, и она с сестрой приехали помогать его жене ухаживать за ним. На праздники нас взяли к себе опять Бестужевы. Дяде Вагнеру вскоре стало лучше и все приободрились. Праздники на этот раз для нас с Олей прошли очень весело. Дядя Костя играл с нами и возился как ребенок. Позволял нам делать с собой все, что нам было угодно и отвечал на все наши шалости веселым хохотом. Как сейчас помню, Оля побежала в кухню, принесла кухаркин пестрый головной платок и повязала им дядю. Он был очень смешон в этом головном уборе, но чтобы сделать нам удовольствие сидел тихо и не

сбрасывал платка с головы.

Большое удовольствие нам всегда доставляла также их любимая собачка Шарик и прекрасный большой кот Васька. Дядя тоже их очень любил, и Васька преважно заседал иногда у него на письменном столе или, поджав лапки, в виде большого пресс-папье, лежал на его любимых книгах. Согнать его с места дядя никогда сам не решался, и если ему нужна была та книга, на которой сидел Васька, то шел в кухню и просил прислугу его снять с книги, причем чувствовал себя всегда перед ним виноватым. При всем своем уме, начитанности и учености, он был в мелочах жизни, в ее обиходе совершенно беспомощен, как ребенок.

На некоторое время нас с Олей возили к Вагнерам, но дядя был еще слаб, и дети их были все больны, и нас вскоре увезли обратно. Праздники скоро пролетели, и мы с сестрой возвратились в институт.

Мать моя еще некоторое время решила пожить в Петербурге, чтобы быть уверенной в том, что здоровье дяди Вагнера действительно поправляется. Это было как внушено ей свыше. Прошло немного времени, и Оля вдруг захворала. Захворала странно и неожиданно. Заболела и вскоре лишилась сознания, бредила, никого не узнавала и, не приходя в сознание, скончалась.

Во время ее болезни меня к ней не пускали, несмотря на неоднократные мои просьбы, и это меня пугало еще больше. Несмотря на все принятые меры, приглашали даже Боткина, ее ничего не могло спасти; истощенный организм не выдержал натиска болезни, и она погибла. Погибла, проучившись в институте только три месяца. Смерть ее была тяжелым ударом для меня; все свершилось так быстро и подействовало на меня так потрясающе, что я также заболела и слегла. Из лазарета меня выпустили только за тем, чтобы я могла присутствовать в церкви на похоронах, но на кладбище мне не позволили ехать. После похорон я слегла окончательно и долгое время не могла поправиться. Со смертью Оли я лишилась в семье последнего друга и стала для всех чужая. В первый же приемный день тетя Лиза привезла мне черный шерстяной передник и черную ленту к вороту и на голову. Это была форма, принятая в институте для воспитанниц, которые носили траур по кому-либо из умерших своих родных.

Горе мое было очень искреннее и глубокое, и смерть сестры оставила в душе моей неизгладимый след.

В этот же год умерла наша старая начальница Леонтьева, и вышла замуж наша классная дама Павлова.

Вскоре к нам приехала вновь назначенная начальница Ольга Александровна Томилова7, но о ней я буду писать особо.

Глава III

Как я уже говорила, моей классной дамой была Елена Константиновна Клеменко8. Елена Константиновна была миловидная шатенка, небольшого роста, необыкновенно изящная, с благородными манерами и деликатным, ровным обращением.

На каждое отделение полагалось две классных дамы, которые и дежурили при нас через день. На случай болезни одной из классных дам, имелись еще, так называемые, запасные классные дамы, которые и дежурили в том классе, где была в этом необходимость.

Другой классной дамой моего отделения была Елизавета Ивановна Павлова9. Павлова была очень высокого роста, женщина лет пятидесяти с грубым голосом и грубыми манерами. Насколько была благородна, изящна по фигуре, манерам и обращению Елена Константиновна, настолько была груба, вульгарна и страшна Елизавета Ивановна. Носила она прическу по тогдашнему времени изумительную. Волосы ее были сильно завиты, при этом пробор был не по середине, а на левом боку за ухом, и волосы, забитые высоким коком, спускались на лоб

середине, а на левом боку за ухом, и волосы, взбитые высоким коком, спускались на лоб, покрывая всю правую сторону лба и ухо. Теперь не редкость встретить даму со спущенными почти до кончика носа волосами и с заложенной на один бок прической, но тогда все прически были очень скромны и во всем институте другой такой не было. В довершении всего, она носила кринолин.

Голос был грубый и она часто на нас покрикивала, хотя и на прекрасном французском языке. Меня она своей грубостью поразила с первого взгляда, и я ее боялась и избегала столкновений с ней насколько это было возможно. Но все-таки у меня с ней несколько столкновений было в самом начале моей жизни в институте, когда я еще была новенькая и неопытная. Вероятно, все кончилось бы для меня скверно в конце концов, если бы, к счастью для меня и для всего класса, она совершенно неожиданно для нас не вышла замуж за какого-то генерала в отставке.

Постараюсь все вспомнить и рассказать по порядку.

Одна из классных дам имела комнату рядом с дортуаром своего отделения, а другая жила тут же в коридоре. Таким образом, по мере того как воспитанницы, переходя из класса в класс, меняли свои классы и дортуары, и классные дамы переходили вместе с ними из комнаты в комнату. Комната Павловой была при дортуаре. Дортуары были большие и светлые, между дортуаром и комнатой классной дамы помещалась умывальная комната, в которой, между прочим, жили и наши две горничные из потомок воспитательного дома.

Первое мое с ней столкновение произвело на меня, девочку от природы очень нервную, потрясающее впечатление. Вечером, когда уже все девочки были в дортуаре, несколько воспитанниц пошли куда-то по коридору. Меня это очень удивило, и я спросила первую попавшуюся мне девочку, что бы это значило. Девочка мне объяснила, что это воспитанницы пошли в маленький лазарет принимать капли или пилюли, смотря по тому, что кому было врачом прописано. Лекарства не давались на руки, и дети должны были ходить и принимать их каждое утро и вечер под наблюдением особой классной дамы. В большом лазарете помещались больные, требующие постоянного наблюдения врача или настолько больные и слабые, что для них нужен был покой, диета и особый уход. Я была очень живая девочка, и, не долго думая, побежала за воспитанницами, догнала их, быстро познакомилась с ними, и мы вместе пошли по коридору, весело разговаривая. Девочки не спросили меня, пустила ли меня Павлова, а я не знала, что надо было прежде, чем идти в лазарет, спросить позволения своей классной дамы. Осмотрев лазарет и дождавшись своих подруг, которые подходили по очереди к пожилой и, кстати сказать, очень несимпатичной особе, принимали лекарство и отходили, уступая свое место другим, мы пошли назад. Надо сказать, что мы пришли далеко не первыми и должны были ожидать своей очереди довольно долго. Кому давали принимать лекарство внутрь, кому перевязывали пальцы, кому растирали больную шею или грудь. Все это заняло довольно времени, пока мы, наконец, вышли из лазарета. Шли мы назад очень весело, и я, ничего не подозревая, спокойно вошла в свой дортуар.

Все воспитанницы были уже в постелях, и Павлова сердито ходила взад и вперед по дортуару. “Ты где это пропадала!” — грозно закричала она на меня по-русски. Я объяснила ей, что ходила в маленький лазарет посмотреть как девочки принимают лекарство. “А кто это тебе позволил”, — крикнула она еще громче и быстро пошла в свою комнату. Тем временем я мигом разделась и легла. Через несколько минут Елизавета Ивановна возвратилась в дортуар, держа в руках тонкую веревку. Быстро подошла она к изголовью моей постели, и продев веревку через прутья железной кровати, захватила веревкой меня за шею и концы веревки связала вместе. Таким образом, я оказалась привязанной за шею к кровати. Мне не было нисколько больно, я лежала совершенно свободно на спине, но тем не менее при одной мысли о том, что я была привязана, руки и ноги у меня похолодели, и я готова была заплакать. Девочки лежали тихо, едва дыша, в дортуаре стояла мертвая тишина. Походив еще некоторое время по дортуару, Павлова, наконец, ушла в свою комнату. Прошло несколько мгновений в томительном ожидании. Все ожидали еще чего-то. Но, наконец, уверившись в том, что Елизавета Ивановна больше не придет, девочки

зашевелились. Кто-то засмеялся в одном углу, в другом уже явственно зашептались, и мигом кто-то обрезал душившую меня веревку. Девочки окружили меня, теребили, смеялись и шутили, и я, наконец, пришла несколько в себя.

После этого столкновения я ее страшно боялась и избегала всякого с ней дела, но на мою беду я по росту была одной из самых маленьких и часто мне приходилось ходить в первой паре, т. е. как раз около дежурной классной дамы. Это было для меня всегда истинным мучением. Не скажу, чтобы Павлова была злая женщина, но просто взбалмошная и грубая. Даже смеялась она как-то особенно, не по-людски. Бывали дни, когда она очень была весела и благосклонна к воспитанницам, но и веселость ее и ласки были тоже своеобразны. Например, желая выказать свое желание и ласку кому-либо из нас, она вдруг обхватывала воспитанницу за шею рукой, обыкновенно во время шествия к завтраку или обеду, повисала на ней всем телом и, смеясь, заставляла ее вести себя. Помню раз и я удостоилась этой чести. Тащила я ее по коридору до самой столовой с полным усердием, насколько мне позволяли мои силы, и она, кажется, на этот раз осталась очень довольна.

Другой случай был еще поразительней. Не помню, на какой неделе Великого поста, мы говели в пятом классе. Это было первое мое говенье в Смольном. На говенье полагалась у нас целая неделя. Все шло в начале благополучно. В тот день, когда мы должны идти к исповеди, была дежурная Елена Константиновна. По принятым в институте правилам мы должны были просить прощения у наших классных дам. Так как Павлова была не дежурная, то мы всем отделением

отправились к ней наверх. Дежурная девушка пошла доложить ей об нас, и вскоре она вышла к нам из своей комнаты. Стояли мы перед ней хотя и не по парам, но все же по привычке маленькие стояли впереди. Просить прощенья, сделав обычный реверанс, стали все зараз. “Что такое? — закричала она на нас. — В чем дело?” Видя, что на этот раз дело наше плохо, мы, маленькие, стали смиренно просить у нее прощения. “Что-о вы об себе думаете, — заорала она на нас во все горло. — Какое мне до вас дело? Я вижу, что вокруг меня бегают какие-то зверушки и больше ничего.” Повернулась и ушла в свою комнату. Нас как громом поразило. Мы сбились в кучу, как вспугнутое стадо овец, никто не смеялся, лица у всех были изумленно-испуганные. “Сказала бы просто: Бог вас простит”, — говорили одни смущенно. “А может быть, она нас не простила,” — догадывались, явно испытывая ужас, другие. “Какие же мы зверушки, у нас душа есть”, — рассуждали с негодованием третьи. “А может быть, она нас правда не простила?” Эта мысль нас пугала и огорчала не на шутку. Мы шли назад, смешавшись в кучу и не соблюдая никакого порядка. Елена Константиновна с обычным тактом и лаской простила нас, и мы пошли в церковь. Я была как в чаду. Дома у нас постились и говели с особым усердием и благоговением, и я никак не могла помириться с мыслью о том, что я не человек, а зверушка. Ни мне и ни одной девочке не пришла в голову мысль сказать об этом происшествии на исповеди нашему священнику. До каникул оставалось немного времени и крупных столкновений больше ни с кем не было, я что-то не припомню.

Осенью, возвратившись в институт, я в ней нашла большую перемену. Она стала веселее, ласковее и на нас меньше еще стала обращать внимания. В те дни, когда Елизавета Ивановна была свободна, в комнате ее стал появляться высокий, пожилой военный, и вскоре наша инспектриса Елизавета Николаевна Шульгина нам объявила о том, что Павлова — невеста и скоро выходит замуж. Известие это нас, конечно, удивило, но все-таки мы были все очень довольны и благодарили в душе генерала, влюбившегося (а мы тогда еще не знали, что можно было жениться, руководствуясь другими какими-либо соображениями) в это в полном смысле слова пугало воронье.

Таким образом, вся эта необыкновенная история осталась для нашего начальства тайной.

Накануне ее отъезда произошла следующая сцена. Надо прежде сказать о нашем институтском обиходе. Несколько раз в год выдавали необходимые туалетные вещи, как-то: булавки, шпильки, гребенки, зубные щетки, мыло, бумагу. Выдавала каждая классная дама своему дортуару эти

вещи лично, и Елена Константиновна обыкновенно сейчас же все раздавала своим воспитанницам на руки в полное их владение. Мы, воспитанницы ее дортуара, никогда и ни в чем, таким образом, не нуждались, хотя почти все мы имели у себя свое мыло и другие вещи из дома, а казенные раздавали служившим нам девушкам.

В дортуаре Павловой был заведен другой порядок. Елизавета Ивановна выдавала своим воспитанницам вещи понемногу,

остальное оставляла у себя в комнате “на случай”. Мы не знали, что она делала с этими остатками, и вот накануне ее отъезда тайна разъяснилась. В комнате у нее была сделана широкая ступенька у окна, и на ней стояли ее рабочие стол и стул. Уже совсем вечерело, когда мы были у себя в дортуаре, Елизавета Ивановна вошла к нам и, собрав вокруг себя своих бывших воспитанниц, со слезами на глазах объявила им о том, что она копила им на выпуск все что могла и теперь просит их все ею накопленное для них принять от нее и разделить всем поровну. После этого она велела девушке поднять ступеньку, под которой девочки с удивлением увидели множество мыла, щеток, гребенок, коробок с булавками и белой бумаги. Глядя на эту сцену, мы едва удерживались от смеха, но все же помогали своим подругам перетаскивать все вещи в дортуар. Очевидно, все это было ею накоплено с самого седьмого класса, так как мыло высохло и превратилось в камушки, булавки и шпильки заржавели, а бумага пожелтела. Затем мы пожелали ей счастья в будущей семейной жизни, и она с нами простилась.

Вскоре к нам поступила новая классная дама Екатерина Адамовна Фрейлих10. Первое время она нам не особенно нравилась. Была некрасива и не особенно представительна, в особенности в сравнении с Еленой Константиновной, но вскоре мы все без исключения полюбили ее за ее благородный прямой характер, ровное со всеми обхождение и необыкновенную сердечность. Детей трудно обмануть в этом отношении. Мы почувствовали в ней искреннего и преданного нам друга и полюбили ее. Павлова говорила с нами на “ты”, Елена Константиновна называла всех по фамилиям и на “вы”. Екатерина Адамовна звала всех по именам, прибавляя к фамилии то уменьшительное имя, которым называли воспитанницу ее подруги. Комната Елены Константиновны была очень изящна, с хорошеньким туалетом и со множеством хорошеньких безделушек по столам. Комната Екатерины Адамовны поражала своей спартанской простотой и чистотой. За перегородкой стояли две кровати, покрытые белыми тканевыми одеялами, для нее и ее матери, старенькой старушки, с которой она вместе жила. Мебель была самая простая: стол, диван, комод и большое вольтеровское кресло, в котором старушка всегда и сидела с работой в руках. Елена Константиновна любила и умела носить туалеты. Причесывалась изящно со вкусом. Обращала большое внимание на аккуратность нашего костюма и требовала тщательных причесок. Скромное форменное платье Екатерины Адамовны было сшито просто, без всяких отделок и без шлейфа, прическа была самая простая, без всяких бантов, шпилек и других каких-либо украшений. На нашу внешность она почти не обращала никакого внимания, признавая более существенным для нас наши умственные и нравственные усовершенствования.

Обе наши классные дамы жили между собой очень дружно, несмотря на кажущееся между ними с первого взгляда сильное различие. Обе были прекрасно образованы, много читали, всем интересовались и держали себя перед начальством с большим благородством и достоинством. До самого нашего выпуска все шло совершенно гладко. Обе классные дамы жили с нами любовно, трудились вместе и веселились, и я не помню ни одной большой ссоры, неудовольствий, какой-либо неприятной для всех истории. Неприятная история, пожалуй, была, но неприятная, скорее всего, для нашего высшего начальства, а не между нами и нашими милыми дамами.

В наше отделение остались от впереди идущего класса две девочки, Маша Кашкарова и графиня Елена Подгоричани-Петрович. Маша Кашкарова поступила к нам в дортуар, а графиня Подгоричани в дортуар Екатерины Адамовны. Обе девочки были с большими странностями. Как та, так и другая вовсе не имели молодого вида, и еще тем более не имели, так сказать, духа юности. Не прыгали, не танцевали, не пели, редко смеялись и никогда не шалили. По душе и по сердцу обе были прекрасны. Учились плохо, но не от лени или неспособности к учебе, а

совершенно по другим причинам. Графиня Леля была фанатично религиозна. Целые часы проводила она на коленях и молилась Богу и никогда не забывала перед началом каждого урока класть земные поклоны. Изучение наук считала для себя излишним, так как исключительную необходимость для человека видела только в религии.

Маша Кашкарова была тихая, сосредоточенная девушка, очень любила своего брата студента и, очевидно, не желая тратить своих сил на изучение институтских наук, думала впоследствии изучать что-либо другое, более по ее понятиям нужное для жизни и более для нее интересное. Будучи круглой сиротой, она очень привязалась к своей бывшей классной даме Самойловой, кстати сказать, тоже очень заслуженной и хорошей, и очень по ней скучала. Я уже говорила о том, что общений между классами особо тесных не было. Все были очень заняты, а в короткие перемены много не разговоришься. Могла она видеть свою любимую классную даму только случайно, так сказать мимоходом. Придя раз из столовой, где все-таки можно было видеть дам чужого класса на более долгое время, и не видя на этот раз Самойловой, Маша Кашкарова пришла в сильное волнение. “Знаешь, Саша Ешевская, — сказала она мне, сильно волнуясь, — Самойловой не было сегодня в столовой. Уж не случилось ли с ней чего-нибудь?” Кашкарова сидела в классе сзади меня, и мы могли иногда тихо разговаривать между собой. Кроме того, со мной она разговаривала иногда, зная, что я также сильно тоскую по своей умершей сестре. На другой день опять Самойловой не было в столовой. Тогда Кашкарова пришла прямо в отчаяние. Вскоре мы узнали от горничных, что Самойлова лежит у себя в комнате больная. Узнав о ее болезни, Кашкарова была вне себя от горя. Особенно ее мучила мысль о том, что она ничем не

может помочь бедной больной Самойловой. При одной мысли о том, что ее любимая классная дама лежит одна в своей комнате и, может быть, нуждается в самом необходимом, она приходила в полное отчаяние. И вот в ее разгоряченной голове возник план. Она напишет и подаст просьбу нашему обожаемому, милостивому, справедливому Государю11. Он добрый. По его приказанию начальство будет обязано позаботиться о больной Самойловой и окажет ей возможную помощь. Мысль эта крепко засела у нее в голове. Не посоветовавшись ни с кем из нас, она быстро написала свое оригинальное прошение и, выбрав из всего нашего отделения девушку попроще и не способную к критике, попросила ее переписать ей ее просьбу. Самойлова вовсе не была тяжко больна, а имела повышенную температуру, и поэтому из опасения передать болезнь воспитанницам некоторое время не ходила в класс. Надо же было так случиться, что, как нарочно, Государь приехал к нам на следующий день.

Как сейчас вижу, совершенно для нас неожиданно, как всегда, двери нашего класса широко отворились и Он вошел к нам радостный, светлый, ясный, изящный в своем простом генеральском сюртуке и с одним только орденом на шее. Мы радостно громко приветствовали Его и вскоре окружили как бы живым кольцом. Вдруг, энергично расталкивая нас, вышла вперед всегда тихая и как бы апатичная на вид Маша Кашкарова, и держа просьбу высоко над головой, упала перед Государем на колени. Не зная, что бы это такое значило, мы все в испуге шарахнулись в сторону. Томилова готова была упасть в обморок от неожиданности и испуга. Государь был, видимо, также неприятно поражен, взял однако просьбу из рук Кашкаровой и не читая передал Томиловой, видимо думая, что это не прошение о чем-либо, а жалоба на порядки или на начальство. Но вскоре все дело объяснилось. Государь милостиво засмеялся, начальница успокоилась, старшие воспитанницы затем пели лучше, чем когда-либо, и все сошло благополучно. Самойлова, для которой Кашкарова просила у Государя питательную пищу и теплую одежду, не нуждаясь ни в том, ни в другом, дня через два или три пришла как обыкновенно на дежурство в свой класс. Этим все дело и кончилось.

Кроме классных дам были еще музыкальные дамы — учительницы музыки. Их было очень много и между ними были тоже преоригинальные. Уроки музыки и пения были обязательны для всех, кроме того, особо способные и имеющие средства оплачивать уроки могли еще брать приватные уроки музыки у профессора Лешетицкого. Как особо оригинальная и милая особа выделялась среди музыкальных дам госпожа Дюбуар. Госпожа Дюбуар была миловидная старушка в широчайшем кринолине, неизменно в серой шали на плечах и в тюлевом чепце,

старушка в широчайшем кринолине, неизменно в серой шали на плечах и в чепцовом чепце. Головка у нее была очень маленькая, и сама она была очень худощава. Если взглянуть на нее издали, то она была похожа на живой, движущийся равносторонний треугольник, что, конечно, нас очень забавляло. В ее кринолин был вшит большой карман, в котором она носила гостинцы для своих учениц. Ученицы ее играли не хуже других несмотря на ее баловство. Я не была ее ученицей, но один раз мне пришлось попасть в ее музыкальную комнату совершенно случайно, и вот тут-то я и увидела ее карман и постигла всю его глубину.

Когда мы были уже во втором классе, у меня умерла милая, кроткая девушка Соня Левстрем. После отпевания в нашей церкви мы пошли все проститься с ней и отдать ей последний долг, пропеть ей вечную память. Трогательное пение живо напомнило мне похороны моей сестры, нервы мои не выдержали, и я заплакала. Не желая нарушать порядка и не будучи в состоянии сдержать себя, я отошла вглубь коридора и, прислонившись к стене, громко рыдала. Недалеко от места, где я стояла, была и ее музыкальная комната. Услышав пение и плач, госпожа Дюбуар вышла в коридор и прямо натолкнулась на меня. “Об чем это ты так горько плачешь?” — ласково спросила она меня. Я ей рассказала в чем дело. Тогда, чтобы я более не слышала заунывного пения воспитанниц, она взяла меня в свою музыкальную комнату и заперла плотно двери. Желая, видимо, меня утешить и отвлечь чем-нибудь мои мысли, она открыла свой карман и стала выкладывать из него на стол передо мной целый ворох гостинцев. Тут были и пряники всех сортов, и сухарики, и леденцы, и чернослив, и (нрзб.).

“Кушай, милочка, кушай, — ласково говорила мне милая старушка, — вот посмотри какой вкусный пряник”. И она подала мне маленький пряник с миндалем, но видя, что я медлю класть его к себе в рот, быстро опустила опять свою руку в карман. “Может быть, ты любишь ячменный сахар”, — заботливо спросила она меня, и прежде чем я успела ей ответить, сунула мне в руку палочку ячменного сахару. В это время воспитанницы, окончив пение, шли мимо ее комнаты по коридору. Поблагодарив госпожу Дюбуар за ее привет и ласку, я вышла в коридор и присоединилась к своему отделению.

Глава IV

Учились мы в институте охотно и, главное дело, совершенно свободно. Я не была в младших классах, потому не знаю, как там было дело поставлено, но, начиная с четвертого класса, т. е. с переходом нашим в старший возраст, нас никто не принуждал учить уроки. Наши классные дамы были сами так хорошо образованы, что, конечно, каждая из них могла свободно репетировать нас, но это, к счастью для нас, не было принято в мое время, и мы занимались в большинстве случаев самостоятельно. Помогали они нам только в языках, и то, если была в этом необходимость. Учебников у нас почти никаких не было. Каждый учитель большей частью вел свой класс по своим запискам. И мы переписывали каждый заданный нам урок для себя сами в свои тетради, или составляя прямо записки со слов учителя, или имея уже ранее составленные записки. Даже наш учитель математики Буссе приносил с собой особые листочки с задачами и теоремами, и мы переписывали их каждая для себя отдельно. Классная дама сидела обыкновенно за особым столиком с работой или книгой в руках и наблюдала за нами, никогда не вмешиваясь в наши занятия. Были воспитанницы, которые более любили учить свои уроки в одиночку и тихо про себя, а были и такие, которые учились вдвоем или по нескольку вместе, находя такой способ учебы для них легче. В свободное от занятий время мы могли заниматься чем нам было угодно. Учителя наши были, конечно, все первоклассные, преподавали нам интересно и умело. Развлечений, не считая приемных часов, мы не имели никаких, заниматься нам никто не мешал, и мы учились и развивались совершенно свободно и своеобразно.

За последнее время мне много приходилось читать о педагогах, и всюду проводилась та мысль, что в гимназиях учителя и ученики относятся друг к другу как враги. Мысль эта утверждалась так категорически и статьи повторялись с такой настойчивостью, что я невольно проверила свои воспоминания,

Я никогда не любила педагогов и педагогики. В большинстве случаев, насколько мне

приходилось иметь с ними дело, это тупой народ, но те немногие учителя и воспитатели, которые пошли на свой труд по призванию и любили свое дело и учеников, были даровиты как учителя и идеально прекрасны как люди. Детей невозможно обмануть ни красноречием, ни заискиванием, ни снисходительностью. Мы сейчас чувствовали, с кем имеем дело, по-своему определяли фигуру учителя и сообразно с этим определением относились к нему как к другу или как к врагу.

Как я уже сказала, большинство педагогов тупо, а тупые люди злы, как пример стоит только вспомнить наших учителей, двоих злых братьев Бодунген, Карла и Фридриха12. Карл Карлович Бодунген преподавал немецкий язык, знал свой предмет отлично и преподавал хорошо, но зол был необыкновенно. Его злости никто не боялся, но симпатии к себе он не возбуждал. Не знать его урока не только не считалось предосудительным, но вошло во всеобщее обыкновение. Он до того, видимо, нас ненавидел, нас и свое учительство, что зачастую приходил в класс уже со злым, желтым лицом. Несмотря на свою красоту и молодость, многочисленных поклонниц не имел. Фридрих Карлович преподавал географию. Был очень красив собой и далеко не так зол как его брат. Уроки его были очень интересны. Оба учителя французского языка были милые, прекрасные люди, скромные и любезные в обращении с воспитанницами. Надо сказать, что некоторые воспитанницы, имевшие в детстве гувернанток француженок, говорили по-французски прекрасно. Уроки французского языка проходили всегда очень оживленно.

Первым нашим и самым искренним нашим другом был Яков Павлович Пугачевский13, учитель естественных наук. Ходить к нему на уроки в физический кабинет было для меня всегда большим удовольствием. Из всех наук я любила больше всего естествознание и историю. Но даже и те девочки, которые предпочитали другие предметы предпочтительно перед естествознанием, не знать ему уроки не решались, было не принято. Мы знали, что ставить дурной балл было для него мучительно тяжело, он, видимо, сильно этим огорчался, но никогда не раздражался и не сердился, а старался возможно лучше объяснить и повторить урок еще раз. Лицо его было некрасиво, но очень симпатично, с приятной улыбкой и умными, добрыми глазами. Преподавал он в пятом классе зоологию, в четвертом — ботанику, в третьем — физику, во втором — химию и в первом — анатомию человека до мочевого пузыря и прямой кишки. Более подробно изучать строение человеческого тела по институтским правилам было неприличным. Целыми днями копошился он в своем физическом кабинете, и надо отдать ему справедливость, содержал его при помощи одного только стажера в удивительном порядке. К каждой вещи, будь то дорогой физический прибор или маленькая чучелка или букашка, относился к ней и берег ее с большой любовью, и я не помню ни одного случая, когда кто-либо из нас, не только из шалости, но и по неосторожности, разбил или изломал что-либо в его физическом кабинете. Могу себе представить, в каком виде находился бы этот кабинет, если бы хозяином в нем был Карл Бодунген, а не Яков Павлович. Я думаю, в самое короткое время в нем не осталось бы ни одной целой вещи — невестке в отместку.

Истинным другом нашим был инспектор классов Тимофеев14. Он преподавал нам в первом классе литературу. Любил нас и русских поэтов и писателей всей душой. Державина, Жуковского и Пушкина декламировал не иначе как со слезами на глазах. Не знать ему урока и не любить любимых им писателей значило обидеть его до глубины души, на что мы, конечно, никогда не решались. Чтобы сделать ему удовольствие и получить от него похвалу, мы выучивали наизусть целые поэмы, и некоторые воспитанницы декламировали очень хорошо.

Эти учителя-друзья, Пугачевский и Тимофеев и классная дама Фрейлих, разбудили как бы что-то спавшее в моей душе; это что-то впоследствии окрепло и дало мне возможность переносить жестокую прозу жизни, как бы скрасило мою жизнь. Спасибо им. Глубокое спасибо.

Законоучителей у нас было два: отец протоиерей Преображенский, преподаватель в младших классах, и отец протоиерей Василий Гречулевич15 — наш духовник и преподаватель в старших классах. Отец Преображенский был тихий, кроткий и крайне снисходительный учитель. Всем без исключения ставил 12 баллов за ответы и никогда и никому не делал замечаний. Просто и безыскусно объяснял следующий урок и затем вызывал и выслушивал уже заданный урок. Мы

его очень любили за его доброту и учили ему уроки добросовестно, но надо правду сказать, уроки его были скучноваты. Отец Василий был очень строг как преподаватель. Мы весь катехизис и все тексты знали назубок. Объяснял он все тексты очень обстоятельно и требовал, чтобы мы не только знали, но и понимали выученное. Мы все без исключения были очень религиозны. Ходили в церковь очень охотно. Никаких насмешек над религией или над духовными лицами себе никогда не позволяли. Отец Гречулевич был фанатично религиозен. В доме у него, в его комнате, было сделано как бы подобие гроба Господня, перед которым он иногда простаивал целые ночи на молитве. Как духовник был очень строг. Помню был такой случай. После смерти моей сестры я долго хворала и очень ослабела. Когда мне стало получше, меня выпустили из лазарета, но на особых условиях. Я должна была во время дня выпивать бутылку молока и пить два раза в день по чашке крепкого бульона, кроме общего стола. Как я уже говорила, я ела все и потому в посты при постной жизни я не страдала, а ела постное с большим удовольствием. На этот раз мне совершенно было запрещено есть постное, и даже во время говенья мне приказывали пить бульон. С этим приказанием я не могла равнодушно примириться и заявила своим классным дамам протест. Елена Константиновна уговаривала меня как могла и, видя мое решительное сопротивление, все же в конце концов предоставила мне право пить или не пить бульон. Екатерина Адамовна, видя мою крайнюю слабость и опасаясь за мое здоровье, никак не решалась предоставить мне право не пить бульона и лично всегда, хоть видимо и страдая за меня, присутствовала при этой мучительной для меня процедуре. Как сейчас помню, перед тем, как нам надо было идти в церковь к исповеди, девушка горничная принесла мне чашку бульона. Екатерина Адамовна со слезами на глазах умоляла меня выпить бульон,

говоря, что я больше грешу совершая непослушание старшим, что Бог видит мою слабость и простит мне мой невольный грех. Екатерина Адамовна была лютеранкой и постов не признавала. Я из жалости к ней, видя ее заботливость обо мне, выпила через силу бульон, но горя своего и слез не могла удержать и так и вышла на исповедь к священнику. Увидя мое заплаканное лицо, отец Василий прежде всего пожелал узнать о причине моих слез. Обливаясь слезами, я рассказала ему, наконец, в чем дело. Выслушав меня, он пришел в сильнейшее негодование, не на Екатерину Адамовну, которая сама бедная исполняла только чужое приказание, но на Томилову, от имени которой это приказание исходило.

После исповеди, несмотря на довольно поздний час и на неурочное время, отец Гречулевич отправился наверх к начальнице и сделал ей по этому поводу форменный скандал. Скандал настолько сильный, что Ольга Александровна на другой день пришла поздравить нас с принятием Святых Таинств и просила у меня прощения за доставленное мне горе.

После нашего выпуска отец Гречулевич вышел из состава учителей института и, передав свое место своему зятю, постригся в монахи, поступив в Александро-Невскую лавру.

Одним из самых даровитых и интересных учителей был, бесспорно, Иван Иванович Григорович16 — наш учитель истории. Вся его фигура, лицо дышали такой энергией и силой, что невольно привлекало к себе симпатию и удивление. Говорил он очень хорошо и образно, был остроумен и остер, слушать его лекции было для меня величайшим наслаждением. Врагом нашим он не был, был очень умен и потому врагом нашим быть не мог. Был очень остер и недоступен для нас по уму, и потому мы близко к нему не подходили.

Самым молодым и самым модным учителем был учитель русской словесности Владимир Измайлович Срезневский17. Преподавал он очень интересно и хорошо, был умен и начитан, но был при всем этом излишне самолюбив. Был очень недурен собой, имел много поклонниц, но другом нашим не был никогда.

Учитель математики Буссе18 имел очень оригинальную наружность. Был высокого роста, брюнет, с бледным, умным и серьезным лицом. Оживляли это лицо большие, блестящие, черные глаза. Мы совсем не знали его как человека, я думаю, что он был прекрасный человек в душе, но все его качества и недостатки тщательно были прикрыты математикой. Классы были очень

велики и между скамейками, где мы сидели, и противоположной стороной было большое пространство, где мы в большую перемену могли играть и танцевать. Входя в класс, учитель должен был пройти все это пространство. Занимательно было видеть, как входил в класс Буссе. Он входил быстро, быстро проходил класс, молча отвечал поклоном на наши реверансы и, также быстро подойдя к доске, прямо начинал объяснять урок. Еще казалось он не окончил своего поклона, как мы уже слушали объяснение какой-нибудь теоремы или задачи. Учились мы у него четыре года и за все это время он нам не сказал четырех фраз, не касающихся до математики. Врагом нашим не был, а был скорее другом, но как бы в скрытом виде. Никогда не унижался до того, чтобы нас мелочно преследовать, как это, видимо, с удовольствием делал Карл Бодунген, но и в общение с нами ни в какое не входил. Мы много раз пробовали незаметно для классной дамы шалить и смеяться в его уроке. Его большие, блестящие глаза загорались, как угли, но лицо не изменяло своего выражения, и он ни одним движением не показывал, что видит и замечает наши шалости. Стоило ему сделать кому-либо из нас замечание, нас бы непременно наказала за шалости классная дама, и он, видимо, нас жалел.

Наказания были общеизвестные, и я об них скажу вкратце. Наказывали воспитанниц лишением обеда, снимали передник, и наказанная воспитанница должна была идти в столовую впереди класса, ставили за так называемый черный стол. Этих наказаний, по правде сказать никто не боялся и применялись они только в младших классах в большинстве случаев. Для воспитанниц старших классов наказаний не существовало никаких, мы старались не заслуживать даже замечаний классных дам. Говорю это исключительно про свой класс. Воспитанниц особо шаловливых у нас не было совсем. Шалили мы все как-то одинаково умеренно, и до серьезных столкновений никогда не доходило ни между воспитанницами, ни между воспитанницами и классными дамами. Досуги свои каждая из нас проводила как ей было угодно. Хорошие музыкантши играли, солистки разучивали новые романсы, художницы рисовали. Между прочим, я должна сказать, что рисовала я очень хорошо и мне первой в Смольном было разрешено рисовать с гипсовых голов, так как до меня все воспитанницы рисовали всегда только с оригиналов, т. е. с готовых рисунков. Не возбранялось петь хором. Весной и осенью, гуляя в нашем чудном институтском саду, мы взявшись за руки ходили по его пустым аллеям и пели красивые хоровые песни. Пение и музыка в мое время процветали во всем блеске. Наш выпуск славился и гордился совершенно справедливо своим хором и своими прекрасными солистками. Церковное пение преподавал Рожнов, регент императорской капеллы. Некоторые голоса были удивительно хороши. Когда я только что поступила в Смольный и первый раз услышала пение выпускного класса, я была поражена стройностью хора и их прекрасными голосами. С этим выпуском окончила курс известная впоследствии оперная певица Светловская.

Любимая моя подруга Вера Голубинина была одной из лучших пианисток. По выходе из института она поступила в Московскую консерваторию, в которой с успехом и окончила курс.

Учителем танцев был старый, уморительный танцмейстер Хольбут. Танцевали менуэт, гавот и разные легкие танцы, бывшие тогда в моде.

Глава V

В первый год моего поступления в Смольный моей начальницей была Мария Павловна Леонтьева, 80-летняя старушка, которая от старости не могла сама уже ходить и которую два высоких, сильных камер-лакея носили по институту в особо сделанных для нее носилках. В первый раз я увидела это шествие вскоре по поступлении моем в Смольный и вот по какому случаю. Приехал Государь. Я в первый раз видела Его, и вся его фигура — изящная, стройная произвела на меня неизгладимое впечатление. Надо сказать, что вообще военные того времени выглядели гораздо изящнее и красивее, чем выглядят теперь, не имели такого специфически-поросячьего вида, таких нелепо выбритых голов. Правда носили они тогда волосы и бороды не особо длинные, но все же каждое лицо военного от цвета и достоинства его волос приобретало оригинальный и своеобразный вид. Государь Александр Николаевич даже среди военных того времени резко выделялся необыкновенной стройностью и изяществом своей фигуры и

времени резко выделялся необыкновенной стройностью и изящством своей фигуры и несказанной прелестью своих манер.

Государь приехал с большой свитой и шел по коридору в столовую к завтраку. Рядом с ним лакеи в красных ливреях несли на носилках Леонтьеву, за ними шли инспектриса и его свита, а за ними следовали выпускные воспитанницы. Мы стояли около своего класса и должны были приветствовать Его и, пропустив всю процессию, следовать за ним по классам в столовую. Все шествие на этот раз имело очень торжественный вид, и если бы не бежавшая впереди Государя его любимая собака сеттер Милорд, то можно было, глядя со стороны, принять все шествие за церковную процессию.

Несмотря на свой преклонный возраст Мария Павловна сохранила до последнего времени свою память и ее часто приносили то в тот, то в другой класс на уроки, причем она иногда делала совершенно разумные и дельные замечания учителям и воспитанницам. Дело воспитания за ее старостью шло непосредственно под наблюдением Его Величества* принца Петра Георгиевича Ольденбургского19, который навещал институт очень часто, инспектора классов Тимофеева и трех инспектрис, двух Обручевых, матери и дочери, и Шульгиной. Обручева-мать20, Мария Лукинична, была инспектрисой второго зеленого и выпускного, так называемого, белого класса. Я не могу не вспомнить о ней с глубокой благодарностью. Это была в высшей степени деликатная, симпатичная и всеми уважаемая особа. Шульгина Елизавета Николаевна имела под своим наблюдением все младшие классы.

Все три инспектрисы были идеально прекрасны. Прекрасно воспитаны и образованы и необыкновенно гуманны и сердечны в обращении с воспитанницами. Вот этим-то трем поистине гуманным и просвещенным русским женщинам институт и обязан был своим процветанием.

Перемена начальницы со смертью Леонтьевой мало отразилась на нашем выпуске. Видимо, нам давали окончить курс по старому методу, не подвергая весь заведенный порядок коренной ломке.

Вновь поступившая начальница не была для меня лично, да и для многих воспитанниц и классных дам, симпатична. Это была неестественно изломанная светская барыня, с необыкновенно противным выражением когда-то красивого лица. На ее лице всегда было выражение не то брезгливости, не то презрения. По-русски сказать, посмотрев на нее, надо было думать, что она или уксуса хлебнула, или ей наступили на любимую мозоль. Кроме того, она была почти слепа, носила черные очки, сидела всегда в темной комнате, а если ей было необходимо сидеть в классе при полном солнечном свете, то она прикрывала свои больные глаза черепаховым веером, и вообще кажется, сосредоточивала главное внимание на своей особе.

С ней приехали в институт две ее сестры, уже пожилые особы, которым и было поручено воспитание и уход за двумя Великими княжнами Черногорскими Милицей Николаевной и Людицей Николаевной. Обе В(еликие) К(няжны), поступив в число воспитанниц института, ходили в классы на занятия, но жили отдельно в особо отделанных для них апартаментах. Как сейчас помню, мы их увидали в первый раз в церкви. За обедней около Томиловой стояли две прелестные девочки в своих красивых национальных костюмах, с южным типом лица и большими прекрасными глазами. Я уже была в четвертом голубом классе, а обе В(еликие) К(няжны) поступили в кофейный класс. Таким образом, видая их часто, я не имела никогда случая и удовольствия говорить и играть с ними, к моему величайшему сожалению.

Чаще всех в институт приезжал Е(го) В(ысочество) принц Ольденбургский. Он ходил один по всему институту, осматривал все до малейших подробностей и вмешивался во все мелочи нашего обихода. Его теплому участию мы многим обязаны. Его сердечное к нам отношение, его необыкновенная простота и мягкость в обращении невольно к нему располагали и видеть его среди нас нам доставляло большое удовольствие.

Государь Александр Николаевич тоже навещал нас и, конечно, эти посещения остались самыми светлыми воспоминаниями нашей жизни. Я была воспитанницей Его имени и потому

пользовалась Его особым вниманием.

Смерть моей сестры Оли сильно подорвала мое здоровье. Со мной стали делаться сперва легкие, а впоследствии более глубокие обмороки, сильная слабость после этих обмороков иногда приковывала меня дня на два или на три к постели. Помню, один раз весной, во время сильной духоты со мной сделался глубокий обморок. Меня на носилках снесли в лазарет, уложили в постель и загородили от света ширмами. Я лежала как бы в забытьи, и хотя все слышала и сознавала, но шевелиться от охватившей меня страшной слабости никак не могла. Вдруг послышались за ширмой осторожные шаги, и тихий, ласковый звон шпор, шуршанье шелковых платьев, и из-за ширмы показалась высокая статная фигура Государя. Он тихо подошел к моей постели и нагнулся надо мной. Взял мою руку и ласково погладил ее своей рукой. “Pauvre enfant”,* — сказал Он участливо.

Я видела Его прекрасное лицо, склонившееся надо мной, видела Его глаза, с таким участием смотревшие на меня, всеми силами своей души хотела поблагодарить Его за его участие и доброту обо мне, но несмотря на отчаянное усилие, которое я делала, я не могла ни встать, ни заговорить. И выйдя осторожно из-за ширмы, Государь начал говорить вошедшей с ним начальнице что-то тихо, но властно. Я отчетливо слышала сказанные Им последние громче слова: “Прошу сделать все, что возможно.” Я в это время была уже во втором классе и должна была переходить в первый. Выйдя из лазарета, я была позвана в комнату Обручевой. Старушка ласково расспрашивала меня о здоровье. Просила меня ничего не скрывать от нее и высказать все, что есть у меня на душе. Но сказать ей мне было совершенно нечего. Болеть у меня ничего не болело, жаловаться мне было решительно не на что и не на кого, и только страшная слабость одолевала меня вдруг до такой степени, что мне было трудно даже говорить. Тогда доктора** осмотрели меня очень внимательно и решили как можно скорее отпустить меня домой в Москву от вредной петербургской весны. Учителя меня по разу перед отъездом вызвали, баллы у меня годовые были все не только переводные, но и хорошие, и меня к Пасхе отправили в Москву.

Лето 1875 года было прекрасное, мы жили в Пушкине на даче. Я много гуляла и по нескольку раз в день купалась и чувствовала себя прекрасно, и зима, последняя перед выпуском, прошла для меня совершенно благополучно.

Последний год перед выпуском мы особенно часто видели Государя. Проходил Он обыкновенно прямо в столовую, где и садился за стол кушать с нами наш незатейливый институтский обед или завтрак. Со свитой приезжал Он довольно редко, все больше один или с принцем Ольденбургским. Был как-то раз с Цесаревной Марией Федоровной21 и с наследником Александром Александровичем22. Государь вел Цесаревну под руку, а наследник шел сзади них. Пробыли они этот раз у нас очень недолго. Воспитанницы пропели им что-то, не помню, и Они скоро уехали. Особенно нас поразил своей могучей фигурой наследник Александр Александрович. Но что нас особенно в нем поразило, так это его совершенно голая голова. Потом мы узнали, что Его Высочество был сильно болен, и был после болезни обрит. Приезжал Государь также как-то раз с Великой княжной Марией Александровной23. Пробыл также недолго.

Как-то раз я помню Государь приехал с большой свитой. Мы были еще тогда в четвертом классе. Леонтьевой уже не было. Государь, прослушав молитву, сел завтракать с выпускными воспитанницами.

В числе приезжавших с Государем лиц был и обер-полицмейстер Трепов24, маленький генерал, очень юркий и любезный. Пользуясь своим малым ростом, он незаметно юркнул за колонны и пробрался между столами, зорко посматривая по сторонам. Вдруг он быстро подошел к Массальской, у которой болели зубы, и она сидела, не прикасаясь к своему завтраку. За завтраком у нас на этот раз были пирожки и котлеты. “Милая барышня, — сказал он ей тихонько, — я вижу у вас болят зубки и вы не можете ничего кушать. Уступите мне ваши пирожки, я с утра езжу с Государем и очень проголодался.” Княжна Анна Массальская

пирожки, я с утра езжу с Государем и очень проголодался.” Княжна Анна Массальская, воспитанница нашего класса городского отделения, охотно уступила ему свой завтрак.

Зайдя за колонну, так, чтобы его не видел Государь, Трепов с аппетитом скушал пирожки, издали поблагодарил Массальскую и, благополучно выйдя из-за колонны, встал как ни в чем не бывало сзади Государя. Вся свита и должностные лица не садились и стояли полукругом сзади Государя.

На другой день наш швейцар принес нам в класс большую коробку конфет с визитной карточкой Трепова, на которой имелась следующая надпись: “Милой барышне, которая уступила мне завтрак”.

Томилова, которая, очевидно, не имела возможности изменить нам курс и наш обиход, задумала все-таки хотя бы изменить нашу форму. И вот на выпуск нам были сшиты передники с огромными оборками, как обыкновенно носят няньки или горничные в купеческих домах. Передники были сшиты не из полотна, как обыкновенно, а из какой-то бумажной материи, которая немилосердно топорщилась во все стороны. Государь Александр Николаевич часто навещал нас перед выпуском, и вот к Его-то приезду нас и нарядили в новые передники. Был урок танцев, и Государь прошел прямо в зал. Увидев нас, Он остановился и посмотрел на нас с удивлением. “Какие вы пышные”, — сказал Он наконец. Томилова, вошедшая вместе с ним, принялась расхваливать придуманную ею для нас форму. Тогда Государь, повернувшись к ней, резко сказал: “Я привык к старой форме и нахожу ее более изящной и красивой.”

Мы ликовали, новая форма нам тоже не нравилась. Кислое лицо Томиловой стало еще кислее.

Часто бывал у нас Государь, иногда подолгу слушал наше пение. Помню раз, прослушав несколько номеров, Он встал и, вместо того, чтобы проститься с нами тут же в певческой, как делал это обыкновенно, пожелал, чтобы мы проводили Его по коридору под пение Преображенского марша, который мы отлично исполняли и который Он очень любил. Не знаю, как это могло случиться? Взяли ли мы очень скорый темп, пошел ли Государь очень скоро, только наша инспектриса, старушка Обручева не могла за нами поспеть и отстала где-то далеко в коридоре. Прослушав марш до конца, Государь весело простился с нами и уехал. Мы возвращались назад совершенно очарованные Его любезностью и очень веселые, и тут только и заметили изо всех сил спешившую к нам Обручеву. Старушка совершенно задыхалась, на лбу у нее выступили большие капли пота, чепец сбился набок, и она чуть не плакала. Она не стала делать нам выговора, но, видимо, не могла помириться с мыслью о том, что Государь уехал, не простившись с ней, как это делал всегда. “Вы знаете ли, — говорила она нам со слезами в голосе, — Государь всегда, прощаясь со мной, удостаивал меня пожатием своей руки, а сегодня я была лишена этой чести”. Видимо, она думала, что это мы пошли слишком скоро и тем лишили ее чести проститься с Государем и видеть Его еще раз.

Хотя она имела очень смешной вид, но мы, глядя на нее, не смеялись, нам совсем было не до смеха, мы всей душой ей сочувствовали и понимали ее горе и сожалели ей. Она была нам так близка, дорога и понятна в эту минуту.

Горячая любовь и бесконечная преданность к Государю и его семейству владели нашими сердцами всецело. И если бы кто-нибудь сказал нам, что для спасения Его жизни надо было бы выпустить из нас нашу кровь всю до капли и нашими жизнями заплатить за его жизнь, я думаю, ни одна из нас тогда не запротестовала бы и отдала бы свою жизнь и кровь просто и охотно, без всяких громких фраз и красивых поз.

Незадолго до выпуска нас взяли в Зимний дворец. Государыня Мария Александровна25 ненадолго вышла к нам, но пения нашего слушать не пожелала, опасаясь, что мы будем петь слишком громко. Приняла Она нас в небольшой гостиной. Как сейчас вижу эту прелестную глубокую комнату, заставленную мебелью из черного дерева, крытого голубым шелком. Между окнами и, перемежаясь с мебелью, стояли жардиньерки исключительно только с белыми азалиями. Государыня была очень худа и имела болезненный вид. Чтобы не утомлять Ее, нас вскоре увели из половины Государя и ввели в Его кабинет. Эта комната сейчас стоит перед моими

вскоре увели на половину Государя и ввели в Его кабинет. Эта комната сейчас стоит перед моими глазами, как будто я видела ее только сейчас. Большая светлая комната в два окна, перед окнами — большой письменный стол из темного дерева. Вся обстановка казалась очень скромной и ничего пестрого в ней не было. На письменном столе лежали только что подписанные Государем бумаги, чернила еще не обсохли на пере. Что я почувствовала, переступив порог этой комнаты, я не в силах описать. Поздоровавшись с нами, Государь сел в кресло перед письменным столом, и мы окружили Его. Милостиво поговорив с нами, Он спросил нас, не хотим ли мы осмотреть Эрмитаж. Мы, конечно, изъявили свое согласие, и Государь пошел вместе с нами, лично объясняя нам редкости, собранные в Эрмитаже. Помню, как Он остановился перед маленькой горкой и обратил наше внимание на серебряный парик. Волосы парика были сделаны из тонких серебряных нитей, которые и были завиты локонами. Я страстно люблю все прекрасное, и поэтому восторгу моему не было конца. Я с трудом могла оторвать глаза от прекрасных статуй и картин. Государь, видимо, устал, но продолжал исполнять свои обязанности хозяина с необыкновенной грацией и радушием. Наконец, Он милостиво простился с нами, и мы, нагруженные фруктами и конфетами, возвратились в институт. Я долго еще не могла придти в себя от всего виденного мною и слышанного и продолжала видеть наяву дивный и прекрасный сон.

Перед выпуском были даны традиционные балы с приглашенными на этот раз учителями частными кавалерами для танцев. Каждая выпускная воспитанница могла пригласить троих, если кого имела в виду.

Его Величество* принц Ольденбургский тоже устроил у себя дневной бал для всех институтов зараз26. В большом зале дворца играла музыка, и мы могли танцевать с воспитанницами других институтов, если хотели. Мы, конечно, были в новой пышной, так сказать, форме, почему и возбуждали насмешки и очень меткие остроты со стороны других институток. Чужие начальницы ехидно-насмешливо осматривали нас и шипели. Выпускные экзамены окончились как-то совсем для нас незаметно. На балу у Его высочества все воспитанницы, получившие шифры, были в первый раз в шифрах. Справедливость требует, чтобы было сказано о том, что все воспитанницы, получившие первые шифры во всех институтах, были удивительно некрасивы собой. Первый шифр получила в нашем классе воспитанница из городского отделения, а не из нашего Невского, но мы на это не роптали. Мы были вполне воспитанницы наших классных дам и знали наверно, что ни одна из них никогда не прикладывалась к плечику начальницы, да и мы все неохотно целовали Томиловские ручки. А ручки иногда поневоле приходилось целовать. У Томиловой была противная манера хлопать воспитанниц по лицу в виде ласки, ожидая их поцелуев. Наше отделение возмущалось этой манерой ласкать и всячески избегало ее ласк, насколько это было возможно. Мне как-то пришлось быть у нее дежурной, испытать это противное хлопанье ее рукой по моему лицу. Я помню после этого дежурства я была больна несколько дней.

В день выпуска мы были все в белом и утром пошли в церковь последний раз выслушать напутственный молебен. После молебна прикладывались к иконам, получали из рук отца Василия Евангелие, псалтырь и молитвослов, прощались с ним очень сердечно, он, благословляя нас, плакал, и шли в столовую к последнему обеду. Во время обеда мы все получили по бонбоньерке с конфетами. В каждой коробке было вложено по двадцать пять рублей на первые наши карманные деньги. Прощание с подругами, Тимофеевым, милым Пугачевским и нашими классными дамами было самое задушевное.

За несколько дней до выпуска приезжал проститься с нами Государь. Приехал Он днем, и мы в последний раз пели в Его присутствии. На этот раз пение не клеилось, и вскоре Государь стал прощаться с нами. Мы подходили к Нему поодиночке, получали из Его рук Его портрет и со слезами прощались с Ним. Государь, видимо, и сам был взволнован, но старался ободрить нас милостивыми словами. Никто из нас не мог, конечно, подозревать, видя Его таким прекрасным, полным сил и жизни, что видим Его в последний раз.

Весть о Его мужественной кончине застала меня уже в Москве. Говорить о том, как я была

Весть о Его мученической кончине застала меня уже в Москве. Говорить о том, как я была поражена этим бессмысленным, зверским убийством, я нахожу излишним. Безумное преступление! Как будто бы от устранения с дороги одного лица, допустим, даже вредного, люди станут лучше, и на земле настанет рай. Разбойники перестанут убивать, воры перестанут воровать, мошенники всех сословий и состояний перестанут обманывать честных людей, пустые, бессердечные матери не будут более бросать на произвол судьбы своих детей, картежники не будут больше проигрывать достояние своих семей, пьяницы перестанут пить, все будут сыты, и реки потекут медом и молоком. Безумно-глупая мечта! В одно я верю. Светлое имя Его с годами все будет более и более дорогим для сердца русского человека, и злое, бессмысленно-зверское убийство будет казаться еще страшнее, еще бессмысленнее, еще злее.

А. Ешевская

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ешевский Степан Васильевич (1829—1865), историк, западник. Учился в Казанском и Московском университетах, слушал лекции Грановского, Кудрявцева, Соловьева, Буслаева, Каткова. В 1853—1854 гг. читал русскую историю в Одесском ришельевском лицее, с 1855 г. работал на кафедре русской истории в Казанском университете, в 1857 г. преподавал в Александринском сиротском корпусе, с 1858 г. вел курс древней и средней истории в Московском университете. С 1859 по 1861 гг. был в заграничных командировках в Германии, Италии, Франции. Впечатления об этих странах отразились в письмах к жене, Ю. П. Вагнер (ОПИ ГИМ).

2 Вагнер (урожд. Грубер) Ольга Андреевна, жена П. И. Вагнера (дедушки А. С. Ешевской), профессора минералогии Казанского университета. Ее первый муж — П. С. Кондырев, профессор истории Казанского университета.

3 Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), историк. После окончания юридического факультета Московского университета был учителем в кадетских корпусах; в 1856—1859 гг. помощник редактора “Московских Ведомостей”; с 1859 г. постоянный сотрудник “Отечественных Записок”, редактор “Записок Географического общества”. Составил для народного чтения брошюры “О Владимире Мономахе и его потомках”, “О злых временах татарщины”, “О том, как росло Московское государство”. С 1865 г. занимал кафедру русской истории в Петербургском университете. С 1878 по 1882 гг. председатель Славянского благотворительного общества. Стоял во главе созданных им в 1878 г. Высших женских курсов. Член Академии наук. Главный научный труд — двухтомная “Русская история”, выходившая в 1872 и 1885 гг.

4 Леонтьева Мария Павловна (1792—1874), из рода костромских дворян, воспитанница Смольного. Фрейлина Вел. княгини Екатерины Павловны, затем гофмейстрина двора Вел. княгини Марии Николаевны. В 1838 г. назначена Императрицей Александрой Федоровной помощницей начальницы Смольного Ю. Ф. Адлерберг; после смерти последней заняла ее пост.

5 Васильев Василий Павлович (1818—1900), китаевед, известен трудами по буддизму. В 1840—1850 гг. был в составе Русской духовной миссии в Пекине; в 1851—1855 гг. профессор Казанского университета, с 1855 г. профессор восточного факультета Петербургского университета, в 1878—1893 гг. декан факультета.

6 Вагнер Николай Петрович (1829—1907), профессор зоологии Петербургского университета; основные труды — по фауне беспозвоночных Белого моря, энтомологии. Писатель, автор “Сказок Кота Мурлыки”. Полемизировал с Д. И. Менделеевым по поводу спиритизма, сотрудничал в “загадочном листке” “Ребус”.

7 Томилова (урожд. Энгельгардт) Ольга Александровна, из старинной дворянской ярославской семьи. Окончила Смольный в 1839 г. Пользовалась полным доверием Императрицей Марии Александровны. С 1873 г. помощница начальницы, с 1874 г. начальница Смольного.

Александровны. С 1873 г. помощница начальницы, с 1874 г. начальница Смольного.

8 Клеменко Е. К., дочь действительного статского советника. Окончила Смольный с шифром в 1854 г. Служила в институте с 1870 по 1875 г.

9 Павлова Е. Н., дочь коллежского советника. Служила в Смольном с 1858 по 1873 гг.

10 Фрейлих Е. А., дочь надворного советника, окончила Елизаветинский институт в Петербурге. Служила в Смольном с 1873 по 1877 гг.

11 Александр II (1818—1881), старший сын Николая I, Император с 1855 г.

12 Бодунген К. К., преподаватель немецкого языка с 1872 по 1899 гг.

Бодунген Ф. К., преподаватель географии с 1871 по 1881 гг.

13 Пугачевский Я. П. Помимо преподавания в Смольном (1860—1872 и 1875—1886), читал физику в Петербургском университете.

14 Тимофеев К. П., первый инспектор классов (1862—1881). Преподавал русскую словесность также в Театральном и Строительном училищах.

15 Гречулевич В. В. (1822—1885); окончил Санкт-Петербургскую духовную академию; в Смольном с 1860 по 1874 гг.; с 1880 г. епископ острожский, с 1882 г. могилевский. Основал и издавал в течение 30 лет духовный журнал “Странник”.

16 Григорович И. И. служил в Смольном с 1862 по 1896 гг.

17 Срезневский В. И., сын известного русского слависта Измаила Ивановича Срезневского. Преподавал русскую словесность в Смольном с 1871 по 1882 гг.; с 1876 по 1883 гг. секретарь Императорского русского географического общества; автор статей по стилистике и педагогике.

18 Буссе В. Ф. служил в Смольном с 1859 по 1880 гг.

19 Ольденбургский Петр Георгиевич (1812—1881), принц, член Государственного Совета, почетный опекун и председатель Санкт-Петербургского опекунского совета, главноуправляющий IV Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии; инициатор и первый председатель “Русского общества международного права”. В 1860 г. принцу было вверено управление всеми учреждениями ведомства Императрицы Марии Федоровны. Смольный пользовался постоянным вниманием принца, по его инициативе устраивались балы, концерты, лекции. В 1889 г. в Петербурге на Литейном проспекте ему был воздвигнут памятник с надписью “Просвещенному благотворителю”.

20 Обручева М. Л. служила в Смольном с 1851 по 1879 гг.

21 Мария Федоровна (урожд. София Фридерика Дагмара, принцесса Датская), дочь короля Христиана IX (1847—1928). С 1866 г. в браке с Наследником престола Вел. князем Александром Александровичем.

22 Александр Александрович (1845—1894), Вел. князь, второй сын Александра II, Наследник престола, с 1881 г. — Император Александр III.

23 Мария Александровна (1853—1920), Вел. княгиня, дочь Александра II. В 1874 г. вышла замуж за сына королевы Виктории Альфреда Эрнста Альберта Великобританского.

24 Трепов Федор Федорович (1812—1889), петербургский градоначальник с 1873 по 1878 гг. В 1878 г. был ранен В. Засулич.

25 Мария Александровна (1824—1880), Императрица с 1855 г.

26 После каждого бала, устроенного во дворце принца Ольденбургского, его контора отчисляла такую же сумму в учреждения для бедных.

Публикация Н. А. КАРГАПОЛОВОЙ

Письмо Н. Ф. Патрикеевой княжне В. Н. Репниной

Патрикеева Н. Ф. Письмо Репниной В. Н., 8 марта 1881 г. / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Е. Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 372—374.

Письмо Натальи Филипповны Патрекеевой к Варваре Николаевне Репниной написано одной из подопечных княжны, ее давнишней знакомой, получившей, судя по языку и стилю письма, хорошее воспитание и образование, но попавшей в тяжелую жизненную ситуацию и не раз обращавшейся к княжне Варваре за протекцией и материальной помощью. Это письмо интересно как искренний отклик жительницы Петербурга на убийство Александра II и последующие события.

Автограф письма хранится в РО ГАМ (Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 132). Письмо публикуются по правилам современной орфографии.

Н. Ф. ПАТРЕКЕЕВА — В. Н. РЕПНИНОЙ

8-го марта (1881 г.)

Много раз собиралась написать Вам, моя родная1, но просто была не в силах; мы до сих пор не можем очнуться, не можем прийти в себя от всех ужасов, которые у нас совершаются; волос становится дыбом. Каковы злодейства! Не могу передать Вам, как глубоко, болезненно скорбит душа моя о несчастном Государе2; вот уж истинный мученик! И это за все, что он сделал для России. Нет выражений, чтобы передать все, что наполняет душу при мысли обо всем этом. И как тяжко, вместе с тем, и как жаль и молодого Государя3. Представьте себе, моя родная, что должен испытывать этот сын, потерявший так ужасно своего отца и вступающий на престол при таких тяжких обстоятельствах, и вдруг эти изверги, на другой день по его вступлении, подбрасывают ему прокламации, в которых грозят ему той же участью. Ну, разве это не зверство! Нет имени этому бесчеловечию! Что должен переживать теперь этот несчастный человек, это просто ужасно. Сегодня я видела одного господина, который был на первом его выходе, он рассказывал, что он вышел, облитый слезами, так что это произвело на всех потрясающее действие. На самой же церемонии4, при выносе гроба, говорят, с ним сделалось почти дурно, так что кто-то дал ему понюхать спирту, — а ведь это молодой, здоровый человек, полный сил! Ужасно! Все общество, даже самое либеральное, весь народ глубоко потрясен и возмущен; все ходят в каком-то чаду, ни о чем другом не говорят, у всех дело из рук валится. Исключая, конечно, нашей отвратительной молодежи, которая ведет себя неприлично до последней степени; да уж за то же и достается ей; почти каждый день слышишь, что какой-нибудь лавочник или извозчик избил какого-нибудь студента до полусмерти за какую-нибудь безобразную выходку. Но каков ужас эти подкопы-то; ведь говорят, что если бы он удался, то ведь взорвало бы целую улицу, и это все людей, ни в чем неповинных. В руках полиции теперь план всей местности, где совершилось преступление, и всех прилегающих улиц, и на нем, говорят, сделаны отметки в трех местах: одна на том месте, где совершилось преступление, другая на Малой Садовой и третья недалеко от Аничкова дворца; так что теперь делают исследования, нет ли еще где-нибудь мины. Паника здесь ужасная, со страхом ходят и ездят по улицам. Да оно и понятно, ни за что нельзя ручаться. Народ в особенности возмущен ужасно.

Вчера Елиз(авета) Ник(олаевна)5 пробралась на Дворцовую площадь во время церемонии и говорит, что когда вынесли гроб и заиграла похоронная музыка, то буквально вся толпа заплакала, офицеры, солдаты — все залились слезами, так что картина была потрясающая. И она вернулась до того расстроенная, что я думала, что она заболеет.

При всем этом, меня утешает общее сочувствие иностранных держав6. Мне кажется, что оно должно быть искренно, по крайней мере, хочется так думать, и мне необыкновенно отрадно читать некоторые выписки из их газет, помещающиеся в наших. Например, мне очень понравились отзывы английских газет об этом происшествии в "Голосе"7, и мне хочется, чтобы Вы прочли их, моя родная, для чего я и посылаю Вам этот номер под бандеролью вместе с моим письмом. В особенности хороша статья из "Standart"8.

Письмо мое вышло неимоверно длинно и тяжко, но я уверена, что Вы не посетуете на меня за него, потому что испытываете то же, что и я, а меня облегчило, что я отвела с Вами душу, которая страшно наболела. Здесь ближе к месту, и впечатления гораздо сильней, и просто нет сил молчать, так сильны все ощущения. Одно остается — молиться, чтобы Господь помиловал нас! До того тяжело, что всякое дело валится из рук.

Передайте мой искренний привет добрейшей Глафире Ивановне9, равно как и Ольге Павловне10. Как теперь ее здоровье? Мой усердный поклон Дмитрию Семеновичу11. Как здоровье Ваше, моя родная? Вы ничего мне не сказали, а, между тем, это всегда больше всего меня интересует. Буду ждать с нетерпением Вашего ответа, который будет для меня большим утешением; и скажите, как понравятся вам указанные мною статьи. Крепко целую Ваши ручки и люблю Вас всеми силами моей души.

Искренно преданная Вам

Н. Патрекеева

Елиз(авета) Н(иколаевна) и Потя целуют Ваши ручки.

(Приписка сбоку листа):

Простите за эту пачкотню, совсем не заметила, как это случилось, а переписывать некогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Репнина Варвара Николаевна (1808—1891), княжна.

2 Речь идет об Александре II (1818—1881), Императоре с 1855 г. На его жизнь было совершено несколько покушений: в апреле 1866 г., в мае 1867 г., в апреле и ноябре 1879 г., в феврале 1880 г. 1 марта 1881 г. Александр II был смертельно ранен бомбой, брошенной народовольцем И. И. Гриневицким (1856—1881).

3 Речь идет об Александре III (1845—1894), Императоре с 1 марта 1881 г. В силу Основных законов Российской Империи наследник-цесаревич вступал на престол сразу же после кончины Императора.

4 Погребальная церемония состоялась 7 марта 1881 г. Военный министр Д. А. Милютин вспоминал: "По случаю назначенного выноса тела покойного императора из Зимнего дворца в крепость я приехал во дворец к 91/2 часам, присутствовал при приеме государем депутаций от полков, шефом которых был усопший император; затем при перенесении царских регалий в церковь... Вынос тела вместо 11 часов, как было назначено, начался в исходе 12-го. Государь шел за гробом пешком на всем длинном пути чрез Николаевский и Тучков мосты и кругом крепости чрез весь Александровский парк в Иоанновские ворота. Разумеется, за ним шли также пешком и все великие князья, иностранные принцы и свита. Погода была не холодная (градуса 2

выше нуля), но при сильном морском ветре, так что мы шли по лужам или по рыхлому снегу и устали порядком... во время панихиды в Петропавловском соборе я уже не в силах был стоять... Вся церемония совершилась благополучно и в порядке, вопреки ходившим в публике разным зловещим предсказаниям о готовившихся новых покушениях". (Д. А. Милютин. Дневник. // Александр II. Воспоминания. Дневники. СПб. 1995. С. 324—325).

5 Патрекеева Елизавета Николаевна, родственница Н. Ф. Патрекеевой.

6 "Страшная, мученическая кончина замечательного государя, царя-освободителя,... произвела, конечно, глубокое впечатление не только в среде русского народа, но и за границей. Кроме немногих непримиримых органов крайних революционных партий, во всех журналах, даже английских и французских, высказывается громкое негодование против извергов и скорбь о царственном мученике..." (Д. А. Милютин. Дневник. Указ. соч. С. 324).

7 "Голос" — газета либерального направления, издававшаяся А. А. Краевским в Петербурге в 1863—1883 гг.

8 "The Standart" — влиятельная английская газета, издававшаяся с 1827 г. и освещавшая политические, литературные и коммерческие проблемы.

9 Дунина-Борковская (урожд. Псиол) Глафира Ивановна (1825—1886), дальняя родственница княгини В. А. Репниной-Волконской, воспитанница княжны В. Н. Репниной. С трех лет и до замужества жила в семье Репниных; овдовев, поселилась в Москве у княжны В. Н. Репниной.

10 Орлова (урожд. Кривцова) Ольга Павловна (1838—1926), жена Николая Михайловича Орлова (1822—1886). Племянница княжны В. Н. Репниной.

11 Трифоновский Дмитрий Семенович, доктор-гомеопат, лечивший княжну В. Н. Репнину.

Публикация Е. Л. ЯЦЕНКО

Автобиографический очерк А. В. Каировой

Автобиографический очерк А. В. Каировой / Публ. [вступ. ст. и примеч.] О. А. Бабук // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 375—387.

Анастасия Васильевна Каирова (1844—1888) — талантливая журналистка, необыкновенная женщина, обладавшая сильным характером и неукротимой энергией.

С 1876 г. она состояла корреспондентом газеты "Новое время" (в период сербской войны 1876 г.), сотрудничала в "Биржевых новостях" и "Молве", а также писала статьи из-за границы о русско-турецкой войне, константинопольской конференции и берлинском конгрессе 1878 г. "Ее несколько противоречивый отрывочный ум, при совершенно женской своеобразной логике, отличался притом замечательною цельностью, позволившей ей, столь впечатлительной и увлекавшейся, выработать однако устойчивые политические взгляды", — отмечено в некрологе журнала "Дело"*. Именно из-за своей политической честности она разошлась с "Голосом", редакция которого не желала печатать ее корреспонденции из Болгарии в 1878—1879 гг. (часть их под общим заглавием "Воспоминания газетного корреспондента о Болгарии. Письма к издателю" она впоследствии поместила в "Деле"**). Специально занимаясь славянскими проблемами и будучи горячей сторонницей общности славянских народов, Каирова мечтала об издании газеты "Всеславянский мир". В 80-е гг. она сотрудничала в основном, в журналах "Вестник Европы", "Дело", "Русская мысль", переводила исторические документы для "Сборника Императорского Русского Исторического Общества".

Сведения о жизни Каировой до 1876 г. весьма отрывочны. С 15 лет она была вынуждена

Сведения о жизни Каировой до 1874 г. весьма отрывочны. С 15 лет она была вынуждена зарабатывать на жизнь рукоделием, чтобы помочь разорившейся матери, какое-то время работала в редакциях корректором, в 1866 г. у нее родилась “незаконная дочь”***.

В 1874 г. она неожиданно становится актрисой, уезжает в Оренбург. Антрепренером театральной труппы был 33-летний Василий Александрович Великанов, отставной флотский офицер, поручик. В труппу входила и его жена Александра Ивановна Великанова. Весной 1875 г. Великанов обанкротился, оставил жену в Оренбурге и уехал с Каировой в Петербург, а потом в Ораниенбаум, где нанял дачу Мельниковой на свое имя. Вскоре Великанова приехала в Петербург, явилась на дачу и объявила о своем решении остаться с мужем. Двуличное поведение Великанова, который вроде бы и хотел снова сойтись со своей женой, и в то же время просил Каирову, решившую переехать в Петербург, не оставлять его, было непосредственной причиной, приведшей отчаявшуюся женщину к преступлению. В ночь с 7 на 8 июля Каирова приехала на дачу и полоснула несколько раз бритвой по шее и груди Великановой. Раны, к счастью, оказались не смертельными: через несколько дней после происшествия Великанова появилась на сцене.

Скандальное дело Каировой рассматривалось в Петербургском окружном суде 28 апреля 1876 г. Присяжные оправдали ее, и это вызвало в прессе дискуссию об адвокатуре и суде присяжных. Ф. М. Достоевский в “Дневнике писателя” за 1876 г. посвятил целую главу этому процессу и высказался против оправдательного приговора вердикта, глубоко убежденный в том, что Каирова не жертва, как горячо и убедительно доказывал на суде адвокат, а преступница.

Публикуемый документ хранится в ОР РНБ Ф. 327 (Каирова А. В.). (Ед. хр. 1, 2. Л. 7—10). Жанр его определен самой Каировой, но, судя по всему, планировалось нечто более серьезное, в частности, она пишет: “Беглый очерк моего будущего труда кончен”. Вероятно, А. В. Каирова собиралась не только писать воспоминания или, как она сама определила, “мои собственные записки”, по и опубликовать их, поскольку в тексте есть прямое обращение к читателю. В сохранившихся отрывках, которые были написаны в тюрьме (10 месяцев до суда Анастасия Васильевна находилась в заключении), она пытается проанализировать свой характер, дать по-возможности объективно оценку поступкам, разобраться в сложном и противоречивом внутреннем “я”.

***

Мой читатель думал найти в моих писаниях сведения обо мне. Он мог бы долго дожидаться их, если бы не сказал прямо. Я не только пишу и говорю, но даже думаю обо всех и обо всем, кроме самой себя. Впрочем, какие же сведения могу я и сообщить? Рассказывать факты?

Этого нельзя сделать, не упоминая о множестве лиц, ничем не заслуживших такой ... как бы это выразиться? — такой гласности. Написать одну характеристику? Какой интерес может она представить, не будучи поддержана и подтверждена фактами? С другой стороны, самые факты, рассказанные мной и не подкрепленные ничьим свидетельством, возбудят ли они доверие? Не думаю. Поэтому ограничусь лучше характеристикой. Неинтересно — можно не читать, не понравится — я не виновата. Приступаю.

Прежде всего, происхождение: мой дед со стороны матери был грузин, бабка — гречанка, мать, по месторождению, жизни до 30-летнего возраста и воспитанию — малоросска; с отцовской стороны: прадед — татарин, бабка — полька, отец — русский; блестящий результат всей этой восточной смеси — я1.

Воспитание: непомерное баловство. Баловство, вызванное моей крайней нервностью, развившейся вследствие нескольких тяжелых болезней, выдержанных подряд в детстве2, но тем не менее слишком уж перешедш(ее) всякие границы и меру.

Образование: [illegible]

Образование: бонна — немка, бессмысленнейшая из всех бессмысленных немок, каких я когда-либо знала; гувернантка — русская, добрая, но довольно-таки глупая и ханжа; пансион на правах института, замкнутый и весь на формализме, что твоя тюрьма, идеал пансионов прежнего времени: без отпуска на праздники и вакации, с свиданьями только с близкими родными и то в присутствии начальства, с обязательством представлять на прочтение и одобрение того же начальства письма опять-таки к близким родным; институт с добрейшей и слабейшей начальницей во главе, доброе сердце которой не дозволяло ей придерживаться всей нелепой строгости институтских правил, а слабый ум не мог указать грань, до которой можно допустить отступление от них, и введшей поэтому распущенность и своеволие поистине непозволительные; экзамен в университете, для приготовления к которому пришлось прожить около года в доме одной тоже очень доброй и тоже очень глупой и вдобавок бешеной француженки, содержавшей нечто среднее между пансионом и меблированными комнатами. Нужно ли прибавлять, что все это разношерстное quasi-образование было чисто русское, т. е. вполне лишенное прочных основ, системы, смысла.

Материальная обстановка: в детстве довольство, доходившее до роскоши, так что в пансионе и в институте у меня была своя горничная, якобы нанятая для прислуги вообще, но в сущности обязанная служить специально мне; в юности — я оставила институт до окончания курса 14 лет3 — полная нищета и необходимость зарабатывать хлеб себе и матери с виду легким, но в действительности весьма тяжелым ручным трудом вроде вышиванья, вязанья и низанья стеклярусом и бисером.

Обстановка нравственная: представление о достоинствах своей особы самое безграничное и

твердая уверенность, что этим удивительным достоинствам подобает самое высокое место в свете. Это в мечтах. В действительности — холодное равнодушие со стороны одних, пренебрежительная покровительственность со стороны других и куча мелких обид и крупных оскорблений отовсюду. Мою бедную сестру4, взросшую и воспитавшуюся при той же обстановке, конечно, она сделала пугливым, почти забитым существом, не доверяющим ни людям, ни себе, не только боящимся выражать свое мнение, но весьма недавно позволившим себе иметь его. В ней не умерло чувство, не умер протест, но все это запрятано в самой сокровенной глубине души и появляется наружу только в среде близких любимых лиц. А попробуй появиться посторонний да отнестись к ней холодно или высокомерно, она сейчас съежится, оробеет, склонит голову и самое большее, что отойдет подальше, спрячется. Что бы там ни происходило в душе, но выразить свой протест на деле она не посмеет.

Меня от забитости спасла — я не знаю, впрочем, должна ли я употребить выражение “спасла”, не вернее ли было бы сказать “погубила”? — одна особенность моей судьбы, которую я ничем не могу объяснить, как именно судьбой, потому что она не только не имеет равно никакого фактического оправдания в моих достоинствах, но даже самое представление об этих достоинствах порождено ею же. Вот эта особенность: меня всегда, с самых первых дней моего существования и до настоящего времени, кто-нибудь страстно, безумно, беззаветно и безотчетно любил. Чем вызывалась, на чем зиждилась эта любовь, я, повторяю, никак не могу объяснить, да думаю, что и сами любившие затруднились бы сделать это. Но что это так — это верно.

Едва отнятым от груди ребенком, меня полюбил дядя, брат моей матери. Да ведь как! Судя по рассказам матери и других, любовь эта положительно доходила до смешного, а уж до вредного и говорить нечего, так к(ак) в присутствии дяди никто, не исключая и матери, не смел сказать мне словечка противоречия или отказать в каком-либо, хотя бы то самом нелепом капризе. Если же случалось что-либо подобное в его отсутствии и он узнавал, то это вело к таким страшным сценам, что все предпочитали, конечно, оставлять меня в покое, чем подвергаться гневу довольно, говорят, бешеного дяди5. Вышеупомянутые бонна и гувернантка души во мне не чаяли, и баловству их не было границ. Даже прислуга и крестьяне любили меня больше, чем сестру. За что — неизвестно.

В пансионе в меня была влюблена, буквально влюблена классная дама, молодая, чрезвычайно

добрая и даже не совсем глупая девица, но преисполненная странностей и какой-то идолопоклоннической религиозности и восторженности. В институте ее место около меня заняла начальница, только очень редко и то со слезами дозволявшая подвер(г)нуть меня какому-либо ничтожному наказанию и безгранично доверявшая мне. Если я раз сказала, что это было так, а вот то этак, то затем, я думаю, приди архангел с неба и скажи, что я солгала или ошиблась, она, наверное, не поверила бы. “Anastasie Kairoff m’a dit, za doit etre vrai”*, — с этого конька никакие силы, ни земные, ни небесные сбить ее не могли.

В доме француженки меня любила ее дочь, с которой мы были все время почти неразлучны. А потом... ну, потом является любовь другого свойства, хотя и того же самого рода, т. е. беспричинная и уж вовсе не заслуженная. Я уверена, что весьма немногие красавицы, умные, добрые, действительно достойные женщины могут похвалиться таким количеством, не говорю поклонников и обожателей, а искренних, глубоко преданных, готовых в пылу своего неразумного, но потому самому, может быть, и сильного чувства, какое выпало на долю мне, — мне, некрасивой, недоброй, недостойной. Да не будут приняты эти последние слова мои за аффектацию. Нет, я совершенно искренно, положа руку на сердце, говорю, что признаю себя вполне недостойной тех глубоких чувств и честных привязанностей, какие многие питали ко мне. Более капризной, деспотической и неблагодарной женщины, как я, я никогда не встречала. Никогда не ценила я ничьей любви, не ценила, может быть, оттого, что ее доставалось мне слишком много. Самых преданных мне друзей я отталкивала на основании самых нелепых, самых ничтожных причин, а подчас и вовсе безо всякой причины. И странное дело! Все это знали и все-таки любили меня. Мало того, даже те, которых я отталкивала, возвращались ко мне снова по первому зову. Объясните это, если можете, — я отказываюсь.
По выходе моем из института меня, кроме нищеты, встретило еще одно совершенно неожиданное обстоятельство, много повлиявшее на образование моего характера, если можно назвать характером безалаберную смесь, составляющую сущность моего внутреннего я. Разорению моей матери, а следовательно и нашему, главным образом, способствовала некая семья Д.6, семья, которую я инстинктивно ненавидела с самого раннего детства, но в дружбу и честность которой мать моя верила безусловно и советы главы ее принимала как слово Евангелия. Дом этих Д. был буквально полон подарками моей матери: мебель, бронза, серебро, меха, золотые украшения матери и дочерей, все, до обоев на стенах было подарено мам(ой), и я помнила очень хорошо, с каким доходившим до подобострастия гостеприимством и радушием Д. принимали мать, как вся семья от мала до велика спешила угодить ей, усадить, угостить ее. Теперь, когда мать моя разорилась, разорилась благодаря их же недобросовестности, когда ее и наше именье разными беззаконными и бессовестными проделками перешло в их руки, эти подлые люди принимали ее свысока, как бедную помещицу-попрошайку, почти как приживалку. И вот в этот-то дом, единственный знакомый нам в то время в Москве, и ввела мама меня, меня, предмет обожанья с самой колыбели, меня, смелую и открытую предводительницу протестантов в институте, меня, никогда ни пред кем не склонявшую головы — да и зачем мне было делать это, когда, напротив, мне все подчинялись вокруг меня — и не умевшую не только скрывать, но даже умалчивать свои мнения и чувства. Нужно ли говорить, какая злость, какое негодование закипели во мне при первом шаге моем в этом постылом доме!

Мама испугалась моих резких выходок, она стала умолять меня сдерживаться, говорила о прощении, о покорности судьбе, о том, что, видно, так уж на роду написано, и много еще в этом роде. Я слушала ее одним ухом, все во мне возмущалось против этой теории безмолвного подчинения злу и недобросовестности, но, не желая увеличивать тяжести ее положения, я почти перестала совсем посещать Д. Другого способа сдерживаться не было, по крайней мере, у меня.

Прошло года полтора, и вот в один прегрустный день пришлось взять из института и сестру мою, так как крестный отец, плативший за нее туда, умер, а сами мы платить не могли. Итак, приехала моя сестра, хорошенькая, кроткая и робкая молодая девушка около 17 лет. Уж не знаю зачем, но мама сочла нужным повести ее к Д. И как вы думаете, что проделали с ней эти люди? Они имели наглость подарить ей несколько старых платьев, обносок тех самых обезьян — дочерей своих, которые и до сих пор носили богатые украшения, подаренные им моей матерью! Я как сейчас

вижу, как вернулись моя мать и сестра, неся узел с этим жалким тряпьем, как положила сестра этот узел в уголок и на вопрос мой, что это такое, молча посмотрела на меня каким-то скорбным боязливым взглядом и заплакала тихо и горько, вот как плачут дети, нелюбимые и напрасно обиженные. Глядя на нее, заплакала и мать и потом вдруг бросилась на колени перед нами с страстной мольбой простить ей ту горькую чашу нужды и унижения, какую приготовила нам ее неосмотрительность и легковерие. Изумленная, пораженная всей этой сценой, я долго не могла разобрать, в чем дело, но когда узнала!.. В первый раз в жизни мой бешеный гнев не вылился в поток страстных речей, в первый раз я не забегала по комнате, как дикий зверь в клетке, — я разозлилась молча, так сказать, внутри себя, но зато надолго.

Одевши горничную свою в только что принесенные подарки, я накинула бурнус, шляпу и отправилась к Д., приказав, конечно, горничной сопровождать меня. Эффект моего появления с наряженной в подарки горничной превзошел даже мои ожидания. Почему-то Д., несмотря на мою крайнюю молодость — мне было всего 151/2 лет — и на мою общую со всей моей семьей нищету, принимали меня всегда, как равную, не позволяя себе относительно меня собственно ни малейшей тени оскорбленья или даже неуваженья. Тут они переконфузились и растерялись до того, что положительно не знали, что сказать, как держать себя. Отдавши, нарочно довольно медленно, с расстановкой приказания горничной, когда придти за мной, я любезно поздаровывалась* с вышедшими мне навстречу хозяевами и весело отправилась в гостиную, где на этот раз было несколько человек гостей. Я тотчас же присоединилась к общему кружку и была в этот вечер весела, любезна и мила, как никогда. Эта неожиданная веселость отчасти обрадовала, отчасти совсем сбила с толку Д. Болваны! Они не поняли, сколько мелких, но

чувствительных неприятностей, сколько горьких и подчас тяжелых минут сулила им эта веселость. Начиная с этого вечера и во все время пребывания моего в Москве, т. е. в течение 3 лет, моим высшим наслаждением, моим отдыхом от труда было мучить Д., всю семью вместе и каждого члена порознь. Сидишь, бывало, до боли глаз нижешь и вяжешь какую-нибудь ерунду, оставляя работу только затем, чтобы съесть скудный обед да запить его жидким чаем вприкуску, а вечером к Д. на охоту! Как дерзко дурачила я сыновей, как злостно разбивала всякий успех, всякую зарождающуюся привязанность дочерей, какими беспощадными и резкими сарказмами осыпала мать и, в особенности, отца; это описать трудно, да и не нужно. Смешно сказать, но Д. не только не выгнали меня из своего дома, но стали принимать с каким-то пугливым подобострастием, распространившимся даже на мать и на сестру. Они боялись меня, боялись моего “неженского ума”, как угодно было выражаться г-ну Д., боялись моего злого и ядовитого, но веселого и забавного языка, приводившего в восторг большую часть их знакомых. “Замечательная женщина”, — говорила молодежь, “экий злой дьяволенок! а мила, очень мила”, — подхватывали старички, и Д. не смели не принять меня, и я продолжала открыто и нагло издеваться над ними.

Я потому так распространилась об этом времени моей жизни, что оно имело сильное влияние на всю остальную жизнь. Тогда именно развились во мне до крайности все дурные стороны моего характера. Природная, наследственная вспыльчивость обратилась в то, что я называю холодным бешенством. Из-за пустяков я по-прежнему гневно кричала и бегала, и топала ногами, и потрясала в воздухе кулаками, но при серьезном оскорбленьи, при обиде мне и, в особенности, близким мне я уже не бесновалась, я только бледнела, как мертвец, и чувствовала, как сосредоточенный гнев пьявкой впивается мне в сердце и в мозг. По наружности я была спокойна, но владеть собой положительно не могла, не могла я и спать и есть, и только пила, как утка, целый день. Одна неотвязная мысль постоянно, как страж, гнездилась в моем мозгу, отгоняя от нее все, что не было она. Это состояние длилось иногда по нескольку дней, и тут уж никакие доводы разума и логики не могли подействовать на меня, они просто, так сказать, скользили по мозгу, не только не вызывая единственную, поглощающую его мысль, но некоторым образом еще сильнее внедряя ее туда. И чем больше времени проходило, тем сильней разражалась гроза.

Я хорошо понимаю, какое нелестное понятие должно дать обо мне такое признание, и мне жаль, что я должна его сделать; но по-моему, уж если говорить, так правду и всю правду, а то лучше

молчать. Природная же наклонность к насмешливости превратилась в злой и резкий сарказм, не щадивший ничего и никого. Природная гордость и впечатлительность превратились в какую-то болезненную щепетильность. Малейшая покровительственная нотка в тоне кого-либо из знакомых оскорбляла и злила меня, и эта боязнь покровительства была во мне до того сильна, что я как-то против воли спешила оттолкнуть и предупредить угрюмым, а подчас и дерзким высокомерием всякую, даже, может быть, совершенно искреннюю, безо всякой задней мысли ласку людей, почему-либо мало-мальски выше меня поставленных в обществе. Веселая, искренняя и добрая с равными, я вдруг покрывалась непроницаемой бронею льда, как только приходила в столкновение с высшими. Если они почему-нибудь нравились мне, я бывала любезна, но это была любезность не бедной, зарабатывающей тяжелым трудом черствый кусок хлеба девушки, а скорее высокопоставленного вельможи, снисходящего до улыбки своему маленькому, маленькому подчиненному. Легко представить себе, что этим способом я не могла приобресть ахти как много друзей, особенно между женщинами. И вот тут-то я могу, уж на этот раз совершенно основательно, сказать, что любовь, так невольно и независимо от моих качеств внушаемая мною, спасла меня. Не будь этой любви, я, наверно, оледенела и застыла бы навсегда в холодной ненависти к людям, в мрачном недоверии к ним. Но она была в моей семье, в немногих избранных знакомых, таких же бедняков, как я сама. Благодаря им, чувство любви не умерло и в моем сердце, напротив, разрослось до громадных, может быть, даже несколько крайних размеров.

Все несчастные, все обиженные и угнетенные находили во мне и горячее сочувствие, и посильную помощь, материальную или нравственную, смотря по надобности. Я всегда, даже в

самом раннем детстве, ополчалась против притеснения за притесненных; крестьяне и дворовые оттого так и любили меня, несмотря на мои детские капризы и деспотичность, что я всегда готова была явиться заступницей за них, что, по правде, не было мне и трудно, благодаря общему баловству. Но тут это прирожденное мне чувство развилось, повторяю, до крайности. Во-первых, я перенесла его от отдельных лиц на всех людей вообще, а во-вторых, не ограничиваясь помощью, по мере сил и средств тем, кто обращался ко мне за нею, я впутывалась постоянно и в такие дела, где никто меня (не) спрашивал. Услыхать или увидать какую-нибудь несправедливость, притеснение, злоупотребление власти и тотчас же явиться защитницей угнетенных и науськать кого-либо власть имеющего на угнетателей — это было для меня одно и то же.

Мама просто с трепетом сердечным ходила со мной по улице, моля Бога, чтоб не встретился на дороге какой-нибудь скандал, зная заранее, что я непременно окажусь в самом центре его. Другой предмет страха бедной мамы была целость денег и моей одежды. Все, что я зарабатывала, я отдавала обыкновенно ей, но если случайно хоть двугривенный попадал в мои руки, можно было безошибочно предсказать, что я его отдам, а когда у меня не было денег, я отдавала вещи. Я вовсе не хочу сказать всем этим, что я была особенно добра — совсем нет. Это делалось мною так же невольно, рефлективно, так сказать, как и бешеный гнев, о котором я говорила выше. Я не могу, не могу, хоть бы и хотела, сказать человеку: “У меня нет денег или протекции”, — когда у меня есть и то, и другое. Мало того, я не могу не предложить их. Я сотни раз выслушивала от других и сотни раз сама себе читала превосходнейшие лекции на этот счет и давала самотвердейшее обещание впредь не увлекаться порывами великодушия, но при первом же удобном случае, не успею опомниться, как уж брякну предложение услуг. С того времени и до сих пор я вечно хожу, так сказать, начиненная просьбами ко всем, кто только может оказать малейшую помощь. Единственное, что спасает меня от репутации самой скучной попрошайки, — это, что я никогда не прошу и даже не беру в случае предложения ничего для себя. Вообще, единственные пороки, в которых я никогда не была грешна, — это корыстолюбие и эгоизм. Я много раз отдавала в буквальном смысле все, что имела, но не брала ничего ни у кого; много дурного совершила я в жизни, много непростительных и часто ничем необъяснимых нелепостей, но в основании их всегда лежала любовь к человеку или к делу и готовность пожертвовать своим интересом и собой, чтоб оказать услугу другим. Опять-таки это не хвастовство с моей стороны: я считаю это просто органической потребностью, развитою до крайних пределов грустной

считаю это просто органической потребностью, развитою до крайних пределов грустной обстановкой юности, а отчасти и свойственным мне легкомыслием.

Что я крайне легкомысленна — в этом я с грустью, но должна сознаться. Другой, благоразумный человек, сумеет оказать услугу и не запутаться сам, я — никогда. Я так порывисто принимаюсь за всякое дело, что, избавив от неприятности, выгородив всех и все, сама окажусь виновата или навлеку на себя подозрение в виновности даже со стороны самых близких мне лиц. А уж сколько неблагодарности случалось мне встречать — это и сказать нельзя! Да только все не впрок. Я, впрочем, не жалуюсь, потому что в этом, как во всем, я сама виновата больше всех по своей положительной неспособности оставаться в должных границах.

Немало способствует этому и еще одно качество, тоже развитое во мне уже столько раз упомянутою любовью, именно: непреодолимое и опять-таки независимое от воли отвращение ко лжи. С детства любимая до обожанья всеми окружающими, я, понятно, не имела никакой надобности прибегать ко лжи или изворотам; мне не нужно было даже объяснять моих поступков — я просто делала, вот и все тут. “Мне хочется”, “а по-моему надо так” — вот единственная причина, единственный закон, управлявшие моими действиями, и, руководясь ими, я, само собой разумеется, не считала нужным скрывать никакого, даже самого глупого или злого своего поступка. Но опять-таки роковая крайность, присущая моей натуре, проявилась и здесь. Антипатия ко лжи так сильна во мне, что я не только скрыть, а умолчать ничего не могу. Спросите меня, что хотите, я непременно скажу именно так, как было или как есть и только после соображу, что ведь люди могут объяснить это иначе, что, конечно, и случается 99 раз из 100. Надеюсь, нет надобности объяснять, что это относится только до того, что касается лично

меня, а что чужая тайна так же, как и чужая собственность, священна для меня. Но по странному противоречию я считаю ниже своего достоинства вступать в объяснения, когда вижу, что близкие мне и, следовательно, долженствующие хорошо знать меня люди приписывают мне совсем чуждые мне побуждения. Болтливая, как сорока, когда это не нужно, я вдруг почему-то замыкаюсь в строгом молчании, предоставляя каждому судить, как ему угодно, и тем подвергаю, конечно, большим неприятностям и себя, и других.

Такие противоречия встречаются во мне на каждом шагу. Например, ненавидя угнетение и произвол, я сама деспотична до последней степени и часто нападаю на людей с полным сознанием их неповинности ровно ни в чем, кроме моего личного и временного каприза. Бывает время, когда я придираюсь ко всем и ко всему на свете, чтоб только позлиться, и я провожу этак несколько дней, то злясь, то горько плача безо всякой видимой причины. Конечно, физиологическими причинами это объяснить можно — объяснить, но не оправдать. По крайней мере, так смотрит на это большинство. В сущности, очень нежная и способная любить до самоотвержения, я так резка в манерах и в выражениях, что нужно иметь много терпения и особенную любовь ко мне, чтобы выносить эту резкость. Вообще, я, к несчастию, вся как бы соткана из противоречий, ну, точно одеяло из лоскутков! Один мой очень добрый и дорогой друг, когда-то искренно любивший меня, а может любящий и теперь еще, сказал однажды про меня, что я фокус, в котором отразились все качества и недостатки человеческие, миниатюр человечества. Отчасти он был прав. Все говорят, и, может быть, небезосновательно, что я умна, даже очень умна, а между тем я никогда ничего другого в жизни не делала, как только одни глупости. По крайней мере, я не помню, чтоб хоть об одном моем поступке хоть один человек отозвался иначе, как в следующих словах: “Как это такая умная женщина может делать такие глупости”.

Одни говорят, что я рыба, — и они правы: я подолгу бываю совершеннейшей рыбой. Другие утверждают, что я, напротив, сама страсть, — и эти правы: бывают периоды, когда я становлюсь действительно воплощением страстности. Одни скажут — добра, как ангел небесный, другие — зла, как черт. Одни считают меня благородной и великодушной до самой высокой степени, другие — бессердечной эгоисткой. Мнение одних, что я замечательная женщина, избранная натура, других, что я просто пошлая бабенка. Одни говорят — это сама простота, другие — самая злостная кокетка. Одни уверяют, что я воплощение правдивости и честности, другие, что я

самая злостная кокетка. Одни уверяют, что я воплощение правдивости и честности, другие, что я бессовестная интриганка и сплетница. Одни будут спорить до слез, что я сама нежность, что я забочусь о самых мельчайших удобствах всех близких мне, даже до прислуги, другие, что у меня нестерпимейший, придирчивый и сварливый характер. Одни скажут, что я никогда никого не обижу сознательно, а тем не менее сделаю существенный вред, другие, что я для красного словца не пощажу ни друга, ни отца, ни даже сама себя. Одни говорят, что я прощаю обиды с чисто христианским милосердием, другие, что я мстительна и злопамятна. Одни считают меня способной на самую кипучую и неутомимую деятельность, другие — неисправимой, ни к чему не годной лентяйкой. Даже насчет моего физического организма вы встретите совершенно разноречивые показания одинаково компетентных врачей: одни утверждают, что у меня замечательно крепкая натура, другие — что я чрезвычайно болезненна. Многие знают, что я смела иногда до безумия, другие, напротив, что я трусиха. Одни говорят — хладнокровна и бесчувственна, другие — нервна и впечатлительна до крайности. Казалось бы, такие резкие противоречия положительно несовместимы в одном лице, что они исключают одно другое. А между тем, это факт, что они самым спокойным образом уживаются в моей особе, как птицы в гнезде. И я еще перечислила далеко не все противоречия моей натуры: напр(имер), я ни слова не сказала о кажущемся противоречии в умственном направлении. Одни считают меня esprit-fort* и атеисткой, другие — не только верующей, но даже (суев)ерной; одни говорят, что я настоящая пионерка, тип народного (тр)ибуна в юбке (честное слово, есть и такие), другие, что я, напротив, (анти)либералка и крепостница. Одни, особенно люди очень близко меня знающие, утверждают, что я почти слишком скромна, а подчас и застенчива, другие, что просто цинична; одни, и, по правде, огромное большинство, безусловно верят в мою до щепетильности доходящую честность, другие уверяют, что мне обмануть человека ничего не стоит. Но что во всем этом странно и

страшно, так это, что все правы, и если которые-нибудь ошибаются, то ошибаются единственно оттого, что не понимают или не могут понять руководящих мною побуждений.

Может быть вследствие особенно уродливо развившегося ума, но у меня действительно свои собственные понятия об обязанностях и чести, иногда резко расходящиеся с общепринятыми понятиями, а зачастую даже и с законом. Приведу несколько фактов, не называя имен и не указывая времени и места.

Одному господину, коротко мне знакомому, необходимо было ехать за границу — от своевременности этого отъезда зависел огромный, почти жизненный интерес его и его семьи, — между тем, на нем лежало несколько взысканий и все его имущество было опечатано, а при таких условиях, понятно, нечего было и думать получить разрешение полиции на отъезд. Что было делать? К счастью, он всего за два дня перед тем переехал на другую квартиру, так что паспорт его еще не успели прописать. Не давая себе времени рассудить о риске такого поступка, я схватила отметки, паспорт, доверенность на ведение дела, по которому нужно было ехать, и помчалась собственной персоной в полицейский участок. Там, предварительно ослепив участкового пристава блеском имени доверителя, я поклялась всем святым, что взысканий никаких нет, и упросила выдать мне разрешение на отъезд одновременно с пропиской. На другой день я выпроводила своего протеже с первым заграничным поездом, а сама снова отъявилась** в полицию, где уже успели тем временем получить из прежнего участка все “дела” и, само собою, страшно негодовали на меня. “Знаю, знаю все, что вы можете сказать, — прервала я иеремиаду*** пристава, — я вас обманула, я виновата и пришла загладить свою вину”. Затем я дала форменную расписку в том, что все опечатанное имущество такого-то взяла на хранение и за целость его ответственность принимаю на себя. Впоследствии эта ответственность чуть было не привела меня на скамью подсудимых раньше времени, потому что когда пришлось представить это имущество, его не оказалось и в помине. Благодаря Бога, колесо фортуны неожиданно повернулось как раз в последний день, и мой протеже в состоянии был заплатить все долги свои до гроша.

В другой раз мне привелось иметь дело с двумя лицами, из которых один был добр, но глуп, другой — умен, но не добр, и оба безразличны для меня. Глупый стоял во главе предприятия, которое умному хотелось забрать в свои руки. Это было не особенно трудно, тем более, что

которое умному хотелось забрать в свои руки. Это было не особенно трудно, тем более, что разными нечестными средствами, что было мне хорошо известно, последний выманил у первого два векселя на довольно значительную для его состояния сумму. В один прекрасный день умный представил векселя моего глупого (полагаю, бесполезно почти говорить, что я с первого же шагу взяла этого глупого под свое непосредственное покровительство) ко взысканью и получил исполнительный лист на личное задержание. Но так как умысел другой тут был, то он сдался на просьбу глупого и многих других принять мое примирительное посредничество в этом деле. Под его диктовку я написала черновую сделку, старательно вычеркивая всякий пункт, прямо вредный интересам моего глупого, как вдруг он (умный т. е.) под конец предлагает включить условие, что излишек барышей против известной суммы должен быть предоставлен ему в уплату долга глупого. С включением такого условия значение векселей, как долговых обязательств, уничтожилось, и я это знала. С точки зрения общепринятой морали мне следовало, конечно, предупредить его об этом. Но зная хорошо, каким нечестным способом добыты векселя и как безбожно преувеличена в них сумма действительного долга, я сочла себя вправе преспокойно промолчать, хотя, с другой стороны, знала отлично и то, что барышей не только излишних, но вообще никаких не будет вовсе.

Еще один раз я была должна по расписке одному весьма состоятельному господину, который, в свою очередь, был должен, только без расписки, другому господину, очень бедному. Когда настало время платить, я взяла свою расписку у первого, а деньги, к превеликому его негодованию и конфузу, передала второму. Несомненно, что во всех этих случаях я употребила в дело обман, и, может быть, строгие до тупоумия моралисты осудят меня, но чтоб это было дурно или нечестно, я не признаю никогда. Что вы прикажете делать, если хорошими и законными средствами не всегда можно добиться до хорошей цели! Если вред от обмана может быть тотчас же уничтожен или пасть лично на меня одну, как это было в первом случае, или же, как во втором и в третьем, пасть на виновных, рывших другому яму, я считаю гораздо более честным обмануть, чем задрапироваться в тогу собственной безукоризненно(сти) (и) с величественным хладнокровием смотреть на разорение и гибель своих близких.

Из личных интересов или даже из личной мести я никогда не делала вреда никому, но когда это требовалось выгодами других, лучших людей или дела, которому я служила, я его делала и даже считала своею обязанностью делать. Например. В одной из редакций, где я работала, один сотрудник, бездарнейший малый, представлял за свой труд чужой, самым бесцеремонным образом переписанный им сплошь, без пропуска хотя бы то одной запятой; другой давал, правда, свой собственный труд, но уже бывший напечатанным лет пять, три, два, а то и несколько месяцев тому назад. Этот последний, человек весьма талантливый, проделывал эту штуку, как бы вы думали, с каким отделом? С фельетоном, с фельетоном, который только и держится, что интересом даже не дня, а минуты! Издатель, благородный, честный и потому самому в высшей степени доверчивый человек, не замечал этого. Я заметила и указала ему, и если все силы небесные будут говорить, что это дурно, что это интрига, а не исполнение обязанности, я все-таки останусь при своем.

Кроме этих двух литературных воров, там была еще целая фаланга просто карманных воров, которые с редактором во главе с неимоверной наглостию обкрадывали и надували бедного издателя, спеша попользоваться поскорей кто чем мог, благо человек попался до наивности доверчивый и богатый. Я попробовала просто посоветовать ему переменить персонал служащих в редакции и в типографии — он не послушался такого ничем не мотивированного совета. Что мне оставалось делать, как не открыть ему глаза фактическими доказательствами безобразного грабежа во всех видах? Я это сделала и хоть сделала открыто, вслух, так сказать, но меня и до сих пор обвиняют в интриганстве, в желании причинить вред лично мне неприятным людям и наполнить редакцию моими креатурами. Я полагала и полагаю до сих пор, что я исполнила только долг свой, потому что совершенно согласна с пословицей, что скрывать вора — значит тоже воровать. Я не донесу на вора прокурорскому надзору для поступления с ним по закону, но если в моих силах отнять у него средство воровать, я это всегда сделаю, хотя бы такое прекращение удобного источника дохода и нанесло ему некоторый ущерб.

Точно то же и со сплетнями. Доверят мне какую-нибудь тайну — я не нарушу ее ни за что в мире; передадут какой-нибудь ничтожный слух или незначительный факт — я не пойду трезвонить об них по всему городу. Но скажут о каком-либо более или менее коварном замысле против кого-нибудь, или о таком слухе, который может причинить существенный вред тому, о ком его распускают, я сочту опять-таки своим долгом передать его могущему пострадать лицу, хотя бы оно и не было моим другом или даже знакомым. Точно так же я всегда потребую объясненья, так сказать, на очной ставке, если мне скажут о каком-либо дурном отзыве того или другого лица обо мне, причем почти всегда случается открыть, что говоривший или значительно преувеличил дело, или же вложил свои собственные слова в уста другого. Если это может быть названо сплетней, то я, несомненно сплетница, каковой меня некоторые считают.

Насчет нравственности опять я тоже расхожусь с большинством. Половая чистота, хотя бы то и безусловная, по-моему, вовсе не есть гарантия нравственности, если с ней не соединяется много других условий, как не могу я признать безнравственной женщину, искренно и бескорыстно любившую два, три и даже десять раз в жизни. Самая горячая вера, если она не побуждает человека к любви, снисходительности и помощи ближним, в моем мнении ничуть не доказывает ни нравственности, ни даже именно веры, а только глупость субъекта, точно так же, как, с другой стороны, полное безверие ничуть не доказывает умственного развития. Я отчасти суеверная: я верю снам и предчувствиям, я имею причины верить им и не стыжусь признаться в этом, тем более, что вовсе не объясняю их даже самой себе сверхъестественными явлениями.

Мнение об антилиберализме моем основано на том, что я не люблю приходить в непосредственное столкновение с простым народом в массе, напр(имер), на народных гуляньях, в вагонах 3 его класса, в публичных садах, в “высоких местах” в театре и даже на улицах, занимаемых преимущественно чернью, и на том еще, что я высказала как-то раз мнение, что мужик есть для меня заслуживающий всякого уважения и христианской любви человек мужского пола, но не мужчина. Мнение это многие находят совершенно чудовищным и истинно крепостническим.

Для тех, кого я люблю, я готова пожертвовать всем в мире, включая сюда собственную жизнь и даже честь (кто имел счастие, или, может быть, несчастие быть любимым мною, тот сознается, что это не пустая похвальба), но требую и от них того же. Один мой добрый друг так однажды выразился по этому поводу: “Я всегда воображал, что вы самая бескорыстная женщина во всем мире, теперь вижу, что вы, наоборот, самая корыстолюбивейшая. Ни денег, ни подарков, правда, вы не берете никогда, но зато за вашу любовь, за вашу дружбу вы требуете всю душу человека, все его помыслы, а нет, так безжалостно прогоняете вон! Что это такое, как не самое крайнее корыстолюбие?” Он был прав, и вот почему я говорю, что, будь я мужчиной, я бы за миллионы не стала жить с такой женщиной, как я.

Что я до известной степени добра, это верно: я охотно отдам последний рубль и если не последнюю рубашку, то шубу непременно, и прохожу зиму в драповой тальме, что я и делала не раз, точно так же, как не раз закладывала все сколько-нибудь ценное, а однажды так и совсем продала все до нитки, чтобы помочь человеку в нужде. Но в пылу гнева я совершенно способна закатить ему же оплеуху или вцепиться в глаза, а в припадке холодного бешенства могу и убить или погубить как-нибудь иначе. Я люблю людей вообще, делаю все, что могу для всех и каждого, и много раз пользовалась своими знакомствами и связями для оказания помощи или защиты взрослым и помещения в какое-либо учебное заведение детей. Но выносить около себя людей глупых или грязных не могу, а детей люблю вблизи только тогда, когда они спят. Мне стыдно сознаться в этом, но le rire argentin des enfants, leurs babils si pleins d’une naivete delicieuse (я говорю об этом всегда по-французски именно потому, что на этом языке все это выходит как-то особенно приторно и нелепо) et d’une gaucherie si gracieuse* просто приводят меня в истерическое состояние. Здравый смысл и совесть говорят мне, что принуждать детей к молчанью и чинному сиденью нельзя, и я не принуждаю, но их возня и крики до того раздражают меня, что я, если долго приходится выносить их, убегаю куда-нибудь в отдельную комнату и там начинаю рыдать, теребить себя за волосы, кусать подушку, платок, руки, что попадет под зубы. А иногда я

теребить себя за волосы, кусать подушку, платок, руки, что попадет под зубы. А иногда я чувствую в себе такую ненависть к детям вообще, что мне просто становится страшно, и я ухожу только затем, чтоб не поддаться как-нибудь непроизвольно какому-нибудь бешеному порыву. Неспособность нерв выносить именно пустяшных раздражений и неспособность воли управлять раздраженными нервами, несмотря на полное сознание, составляет отличительную черту моего организма. Можно подумать, что у меня как бы две нервных системы, из которых одна зависит от мозга, а другая — нет.

Я остановилась на том, что нервы мои как-то неспособны выносить мелких раздражений. Постараюсь объяснить и определить это. Кому случалось видеть меня в случаях серьезных и опасных, тот скажет, что я никогда не пугаюсь, никогда не теряю присутствия духа, и если случается, что явится минута слабости, то только после опасности, но в самый момент ее никогда. Пустяки же какие-нибудь возбуждают во мне чувство непреодолимого, какого-то панического страха, а если являются неожиданно, то часто доводят почти до истерики. Например, я очень люблю воду, купаться и кататься в лодке для меня истинное наслаждение. Случилось раз, что мы поехали с одним знакомым, бывшим моряком, в парусной лодке вдвоем. Когда мы отъехали на значительное расстояние от берега, поднялся сильный ветер, и несчастную лодчонку нашу стало качать не хуже люльки. Пришлось лавировать и беспрестанно переставлять паруса. Я ничего этого делать не умела, а моряку моему нельзя было оставить руль ни на минуту: того и гляди перекувырнет. Он страшно злился и чуть не ругал меня за то, что я не понимаю его морских терминов, а я от души хохотала, стараясь кое-как исполнить его грозную команду и только упрашивала отдавать приказания на простом языке, а не на техническом. Сообразив, в чем суть, я стала, право, очень сносно переставлять большой парус с одной стороны мачты на

другую, отдавать маленький и даже грести веслом, ухватясь за него обеими руками сразу. В промежутки я закуривала папиросы себе и моему нетерпеливому спутнику, которому и передавала их, пробираясь через всю лодку. Когда мы, наконец, благополучно вернулись на берег, он рассказывал всем и каждому, что такое совершенное хладнокровие ему редко случалось встречать и между мужчинами, а между женщинами положительно никогда. И в этом хладнокровии не было ничего разыгранного — честное слово. Я ни на секунду не ощутила ни малейшего страха.

Я два раза тонула, и опять-таки ни на секунду не дрогнуло сердце во мне. Я очень люблю плавать, и чем больше глубина, и чем сильнее волны, тем больше я наслаждаюсь, но броситься в воду сразу или с высоты хотя бы то аршина ни за что в мире не могу. В первом случае я боюсь холода, во втором — как бы вы думали, чего? — боюсь окунуться с головой. А между тем, я отлично плаваю и, повторяю, не боюсь никакой глубины, а нырять боюсь — и кончено. Я начинаю купаться из первых, кончаю из последних, в бане окачиваюсь почти холодной водой, выходя из тоже прохладной ванны, а стать под дождь — ни за что не стану.

Два раза — раз в Петербурге, другой раз на даче в Петергофе — случился пожар рядом с нами, причем, оба раза наши дома были в опасности, находясь как раз под ветром. В городе еще ничего, а на даче, где дома из щепок, опасность была не шуточная. И там, и тут я положительно одна из всех не потеряла головы, отвела детей своих и соседских в безопасное место и затем так спокойно и, право, не хвастаю, дельно распорядилась укладкой и выноской вещей, опять и своих, и соседских, что, глядя на меня, и другие ободрились, и все у нас произошло мирнехонько, без крику, без возни и без ненужной суетни. А случится вспыхнет сильней обыкновенного свечка или, Боже сохрани, лампа, я испугаюсь так, точно в этом-то и есть самая страшная опасность.

Я очень люблю лошадей и быструю езду. Самая бешеная скачка в хорошем, удобном экипаже доставляет мне только удовольствие, вскочить в экипаж на ходу мне ничего не стоит, а на изво(зч)иках, т. е. на дрожках, ездить боюсь.

Раз с моей дочкой7 лет 2 сделался припадок, род столбняка с судорожным подергиваньем всего тела по временам. Я совершенно хладнокровно послала за доктором, а покуда распорядилась предварительной помощью, какую считала необходимой и полезной, чем и заслужила от мам(ы)

предварительной помощью, какую считала необходимой и полезной, чем и заслужила от мам(ы) и няньки сквозь зубы произнесенный эпитет “бесчувственной”. Когда приехал доктор, он одобрил принятые меры и объ(я)вил, что иногда таким образом у детей начинается падучая болезнь, что теперь ничего сказать нельзя, что надо подождать дня два: если припадок не повторится, ну, ничего, если же повторится — тогда худо. Все эти два дня я просидела в комнате ребенка, держа наготове все нужное на случай повторения припадка, но так же спокойно и хладнокровно, как вначале. Говорят, что я даже в лице ни разу не изменилась, только, по обыкновению, не ела и не спала. Но когда через два дня доктор сказал, что все, слава Богу, опасности никакой нет, я разрыдалась, и потом со мной сделался сильный припадок лихорадки. А когда бывало тот же самый ребенок упадет или ушибется, я испугаюсь так, что и его самого перепугаю своим криком.

Как бы поздно мне ни приходилось возвращаться откуда-либо и по каким бы то ни было глухим местам, я никогда не прошу никого провожать себя. На даче мне случается одной-одинешенькой или с маленькими детьми забираться верст за 8 за 10 в лес и возвращаться, когда уж совсем темно, и никогда я не испытываю ни малейшего страха. На улице ко мне много раз подходили разные франты с глупейшими предложениями, вроде: “Позвольте вас проводить, позвольте пожать ручку”, и пр(очее); я самохладнокровнейшим образом вступаю с ними в разговор, и обыкновенно кончается тем, что мы вежливо раскланяемся друг с другом и расходимся в разные стороны, причем, мне ни разу не случилось подвер(г)нуться более серьезной неприятности или дерзости.

Проездом из Самары в Оренбург нас напугали на одной станции нападением киргизов, которые будто бы каждую ночь грабят путешественников. С каким нетерпением и жадностию я ждала этого нападения, я и сказать не умею, а когда ночью наша именно тройка отстала как-то от других четырех и сбилась с дороги, я просто ликовала, вместо того, чтоб испугаться. На возвратном пути спутник мой подвергся два раза незаконному задержани(ю) полицией, и я оба раза выпутала его из беды единственно смелостью и хладнокровием. Но подойди ко мне кто-нибудь нечаянно, тихонько, заговори или встреться неожиданно в таком месте, где я не думала встретить никого, я заору таким отчаянным голосом, точно со мной Бог знает, что делается. Последнее доходит до комизма. Отворяю я, напр(имер) дверь и неожиданно встречаюсь лицом к лицу с кем-либо выходящим из той же двери; я вижу, кто это, узнаю и, понятное дело, не ожидаю и не могу ожидать никакой опасности, и тем не менее вздрогну, и тем не менее закричу и зачастую испугаюсь так, что должна прислониться к чему-нибудь, чтоб не упасть. Но что еще смешней, это что я пугаюсь точно так же, если не хуже, когда мне случается, входя в комнату, говорить с тем лицом, которое по моему предположению там находится, а комната вдруг оказывается пустою. День это или ночь, все равно, у меня так и похолодеет сердце от страха, и я пущусь бежать без оглядки. Сотни раз я старалась отучить себя от этого, победить глупейший, беспричинный страх, нет, не могу! Не могу даже не бежать. Еще на первые 5—6 шагов хватит силы, сделаю их медленно, даже усиленно медленно, но дальше никогда не выдерживаю — непременно побегу.

Есть еще одна вещь, которой я боюсь, и вещь, как всегда, глупейшая, а именно: руки с растопыренными и согнутыми пальцами. Поднятая надо мной палка или дуло пистолета, направленное мне прямо в лоб, не испугают меня так, как эта рука, поднесенная мне к лицу, хотя бы то и совершенно ожиданно для меня. То же самое и с животными: я подойду совершенно спокойно к самой злющей собаке, а коров и лягушек боюсь до смерти. Уж чего, кажется, безобидней коровы и лягушки — самые смирные животные, а я ни за что на свете не пройду близко ни от той, ни от другой.

Всякое физическое страданье переношу чрезвычайно терпеливо и спокойно. Как бы ни была сильна боль, я никогда не только не кричу, но даже не стону, разве во сне. Зубные врачи, дергавшие мне зубы, акушеры и акушерки, принимавшие у меня, единогласно утверждали, что их профессии были бы истинным наслаждением, если бы все пациенты были так же терпеливы, как я. Раз, еще в институте, мне нечаянно положили горящий сахар на руку (от ранки и теперь еще видна); другой раз по ошибке полили кисть хлороформом; кипятком ошпарила ногу; один раз

виден знак); другои раз по ошиоке полили чистым хлороформом нижнюю часть живота; еще раз срезали, именно срезали острыми ножницами, с кусочком мяса даже, начинавшийся нарыв; наконец, еще раз я так сильно ударилась рукой в стену, что значительно выросший и не очень крепко державшийся от бывшего перед тем нарыва ноготь отскочил весь. Во всех этих случаях боль была страшная, так что в третьем, т. е. когда мне срезали нарыв, я даже упала в обморок, но ни разу я не вскрикнула, ни разу не испугалась. А какой-нибудь сущий пустяк, вроде насморка или кашля, до того злит меня, что непременно всегда сопровождается лихорадочными припадками. Если зубы болят сильно, я переношу спокойно, если же только побаливают, я просто мучусь и выхожу из себя. Какие хотите лишения: голод, холод, тряпье на плечах, — я вынесу совершенно спокойно и бодро, самый тяжелый труд с бессонными ночами для меня ничего. Но шуршанье бумагой, скрип двери, визг вентилятора, писк детей выводят меня из себя, и отсутствие простора и солнца и, в особенности, развлечения, беседы с людьми вернее всякой болезни подкосят мне силы, обратят меня в щепку.

Доктора говорят, что я малокровна, а между тем мне не раз приходилось в жизни терять столько крови, что, по словам их же самих, другой давно умер бы; я через 7—8 дней оправлялась совершенно и, веселая и бодрая, бегала себе, как ни в чем не бывало. Но скуки я вынести не могу. Нравственно я впадаю в тоску, потом в злобу и бешенство, физически худею и вяну с каждым днем. Крупная обида или потеря, если они падают лично на меня, не задевая никого другого, никогда не взбесят меня так и не доведут до такой крайности, как мелкие неприятности, повторяющиеся каждый день, в особенности, если к ним примешивается ложь. Я даже люблю крупные события, хотя бы то и неприятные. Вообще, тишь, да гладь, да Божья благодать мне в высшей степени антипатичны, я задыхаюсь, умираю в них. Мне нужна борьба, нужны волнения:

если их нет, я готова нарочно создавать их. Да я, впрочем, так и делаю, хотя и не сознавая этого в данную минуту, не обдумывая заранее своих поступков в виду именно этой, ясно формулированной цели. Я думаю, что вследствие этой, чисто органической и, уж во всяком случае, непроизвольной потребности в борьбе и волненьи, я и бросаюсь, очертя голову, на такие вещи, от которых другие тщательно сторонятся. Если вы припомните и присоедините к этому врожденное мне чувство справедливости и любви к обиженному и маленькому люду, то вы без труда поймете, почему сказать мне: “Не делайте этого — из этого выйдет скандал. Что вам за дело?” — значит только сильнее подстрекнуть меня и заставить сделать во что бы то ни стало.

Немало способствует этому и еще одно чувство, о котором я до сих пор не сказала ни слова, но которое сильно развито во мне: чувство противоречия. Если все говорят о ком-нибудь дурно, этого совершенно достаточно, чтобы я прониклась симпатией к нему; наоборот, о ком все относятся с похвалой, для того мое сердце закрыто. Я не терплю ни общего преследованья, ни общего поклонения. Как бы ни был человек скверен и даже преступен, но если против него ополчаются семья или общество, я непременно становлюсь его горячим защитником и другом, а если он человечек маленький и слабый, то и покровительницей. Даже предметами любви своей я выбирала всегда именно тех, которые, по мнению общему, менее всех способны внушить любовь. Это чувство противоречия так сильно во мне, что оно невольно отражается в моей манере держать себя и говорить. Когда мне случается быть в аристократическом обществе (а это случалось довольно часто одно время) с утонченными манерами и деликатным языком, я, мало-помалу и сама того не замечая, становлюсь как-то особенно резка, почти вульгарна, а в обществе людей вульгарных, напротив, проникаюсь вовсе мне не свойственным изяществом и утонченностью. С людьми скромными и щепетильными становлюсь отчасти цинична, с циниками — недоступна и горда. В сущности, все эти крайности вовсе мне не сродны, а так уж натура моя такая, что я и, повторяю, совсем невольно становлюсь вразрез с окружающим меня.

Один мой знакомый фельетонист постоянно подсмеивался надо мной, говоря, что я — ошибка природы: мне предназначалось свыше родиться мужчиной и жить в средние века, эпоху романтических похождений и ежедневных катастроф, а я родилась женщиной, да еще во вторую половин(у) 19 го столетия, когда все так убийственно обыденно, однообразно и старо. В этой шутке есть своя доля правды. Не знаю почему, но я действительно представляю какое-то

ненормальное, то слишком темное, то слишком светлое пятно на общем фоне картины того времени и того общества, куда поставила меня судьба. Меня многие, и мужчины, и женщины, любили, многие любят и теперь, но никто и никогда не понимал меня вполне. Я тоже многих любила и тоже никого не понимала вполне, по крайней мере, ни с кем вполне не соглашалась и не сходилась в понятиях, желаньях и стремленьях. Словом, счастливым я не сделала никого и не была счастлива сама, да вряд ли и буду когда, потому что вряд ли помирюсь с действительностью даже в могиле или хоть найду себе дело вполне по душе и по силам.

Вот вам характеристика моей внутренней особы, характеристика, насколько мне кажется, верная и, надеюсь, беспристрастная. Я не старалась ни сгущать, ни разжижать краски на своем портрете, и если он вышел не совсем ясен и художественен, то вина не моя — вина моего неуменья писать, вина невозможности упоминать обо многом именно теперь. Одно только я забыла упомянуть, не особенно важное, но необходимое потому, что делает меня еще нестерпимее в обыденной жизни. За несколько дней до известного периодического болезненного состояния я становлюсь до последней степени обидчива, придирчива и зла. Едва продрав глаза, я начинаю все находить не в порядке, ото всего выходить из себя от гнева, кричать на всех и на все, оскорб(л)яться до высшей степени словом, взглядом, движением и по поводу всего этого плакать, плакать без конца. Как доктор, вы, может быть, скажете, что я в этом не виновата, но как человек поймете, до какой степени это невыносимо для окружающих. Иногда на меня нападает мрачное расположение духа, все мне надоедает, всех я ненавижу и норовлю сидеть одна, по возможности в темной комнате и, в особенности, вдали от всяких звуков и запахов. При этом еще являются разные фантазии, ни дать ни взять как во время беременности. На вторые сутки после появления болезненного состояния все это проходит, и я опять становлюсь и общительна, и добра, и опять люблю свет, и

воздух, и простор. Замечательно, что при ненормально усиленном болезненном состоянии, являющемся после нескольких месяцев полного отсутствия его, ничего подобного не бывает. Ну, словом, аномалия, с какой стороны ни возьми.

В следующей тетради я расскажу вам историю моей последней, самой сума(с)шедшей любви и историю преступленья. Как жаль, что нельзя взять уже раз написанную мною для Утина8! Повторять так скучно, да и то было написано под свежим еще, так сказать, дымившимся впечатлением.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Родственники по отцовской линии: прадед — Николай Афанасьевич Каиров, капитан; бабушка — Настасья Алексеевна, жена штык-юнкера Федора Николаевича Каирова; отец — Василий Федорович Каиров, майор. Родственников по материнской линии установить не удалось, поскольку девичья фамилия Натальи Ивановны Каировой нигде не упоминается.

2 По свидетельству на суде Н. И. Каировой, лет с пяти у ее дочери начались припадки, и она постоянно бывала больна (Из судебной хроники. “Голос”. 1876, 29—30 апреля; 2—3 мая №№ 118—119; “Новое время”. 1876, 29—30 апреля; 1—2 мая №№ 59—62).

3 В институте Каирова пробыла всего полтора года.

4 Надежда Васильевна Каирова.

5 По свидетельству на суде Н. И. Каировой, брат ее потерял рассудок и застрелился (Из судебной хроники, см. прим. 2).

6 По “полюбовному” разделу наследства между братьями В. Ф. Каирову отошли имения в Рязанской губернии: с. Панкино Пронского уезда и дер. Авчинка Касимовского уезда. По “Свидетельству” Рязанского правления от 25 октября 1868 г. № 1206 (РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 349. Л. 43) Пронское имение перешло во владение к статской советнице Долецкой, а Касимовское к г-же Девятовой. Возможно, какая-то из этих дам и была членом семьи Д.

7 От гражданского брака с Ф. А. Кони у Каировой были две дочери — Ольга и Людмила.

8 Утин Евгений Иванович (1843—1894), адвокат, либеральный журналист, критик, постоянный сотрудник журнала “Вестник Европы”. Выступил защитником Каировой на суде.

Публикация О. А. БАБУК

Исторические отголоски в частных письмах 1860-х — 1880-х годов

Бокова В. М. Исторические отголоски в частных письмах 1860-х — 1880-х гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 388—389.

Публикуемые письма извлечены из архива известной русской актрисы 1830—1850 гг. Прасковьи Ивановны Орловой-Савиной, (урожд. Куликовой) (1815—1900). Дочь бывшего крепостного, родная сестра актрисы А. И. Шуберт и режиссера, актера и драматурга Н. И. Куликова (1812—1891), П. И. Орлова играла в московском Малом, Александринском и провинциальных театрах, была партнершей, в частности, П. С. Мочалова и М. С. Щепкина и прославилась во многих ролях классического репертуара (Офелии, Луизы в “Коварстве и любви”, Софьи в “Горе от ума” и др.). Во время Крымской войны несколько месяцев проработала сестрой милосердия в

Симферопольском госпитале, за что была награждена двумя медалями участника Севастопольской обороны.

Дважды была замужем: в первый раз за актером Ильей Васильевичем Копыловым, по сцене Орловым (1795—1862) (он был дворянин и до поступления на сцену морской офицер), во второй — за осташковским городским головой, коммерции советником Федором Кондратьевичем Савиным (1816—1890). “Это был человек, получивший образование в Англии, филантроп, миллионер и общественный деятель, всею душою преданный благосостоянию родного города, устроивший в нем дом призрения для бедных. Он и умер, распоряжаясь тушением страшного пожара, которым постигнут был город Осташков в 1890 году”*.

В последние годы жизни П. И. Орлова-Савина была известна как осташковская меценатка и благотворительница, открывшая в городе столовую для бедных, проводившая беспроигрышные лотереи в пользу ночлежных и сиротских домов и т. д. Среди ее знакомых и друзей в разные годы были А. П. и Ф. Н. Глинки, Н. И. Греч, И. А. Гончаров, В. М. Княжевич, Я. П. Полонский, С. Т. Аксаков, митрополит Филарет (Дроздов), Иоанн Кронштадтский и др.; со многими из них велась переписка, частью сохранившаяся в архиве Орловой. Интенсивна была и семейная переписка.

Автор публикуемых писем — племянница П. И. Орловой-Савиной Варвара Николаевна Куликова (1846—1894). Ее отец, Николай Иванович Куликов, как и все его сестры и братья, был с детства предназначен для театральной карьеры, окончил театральное училище и с 1830 г. служил в Московском Малом театре — сперва музыкантом, затем актером. В 1837 г. перешел в Александринский театр, с 1838 г. начал здесь режиссировать. В 1843 г. женился на актрисе Варваре Александровне Сабуровой. В 1852 г., из-за болезни (с этого времени мог ходить только на костылях), вынужден был оставить службу и занялся главным образом литературно-театральной поденщиной: переводил и переделывал пьесы, либретто, писал собственные водевили и комедии. Главной целью этого занятия был заработок: выслуженная Куликовым пенсия была невелика, а семья многочисленна: четыре сына и две дочери. Впрочем, Куликов был, безусловно, одаренным литературно человеком, и ему хорошо давались многие легкие жанры: эпиграммы, стихи “на случай”, романсы. Некоторые из его комедий (“Ворона в павлиньих перьях”, “Которая из двух?”, “Скандал в благородном семействе”) благодаря остроумию, легкости и сценичности

продержались на сцене вплоть до начала 1920-х гг. Круг его знакомств, помимо почти всех известных театральных деятелей той эпохи, включал и музыкантов (А. Г. Рубинштейна, А. Н. Верстовского), и многочисленных литераторов, в том числе А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского. Дружеские отношения связывали Куликова с семьей Кони, и известный Анатолий Федорович Кони приятельствовал с его детьми и во многих случаях помогал им. Несмотря на преимущественно театральное окружение, никто из детей Куликова актером не сделался. Один из сыновей, Иван, стал офицером; дочь Мария вышла замуж и посвятила себя семье, а остальные дети в той или иной степени занялись педагогикой. Особенно известен стал Николай (1844—1898), совмещавший преподавательскую деятельность в гимназиях Твери, Тулы, Царского Села и Петербурга с литературной работой.

В. Н. Куликова осталась незамужней. Получила диплом домашней учительницы, давала частные уроки, время от времени содержала небольшие школы на дому. К середине 1870-х гг. учениками ее были по преимуществу дети из аристократических семей — графов Шуваловых, графов Бобринских, баронов Корфов и др. Давала она уроки и детям поэта А. Н. Майкова. С начала 1860-х гг. занялась литературой: переводила для журналов, участвовала в работе отца, составляя для него подстрочники, написала “Рассказы из Священной истории Ветхого и Нового завета для детей”, а также несколько небольших детских рассказов и повестей*, каждый из которых, хотя и выходил несколькими изданиями, особой славы автору не принес.

Письма В. Н. Куликовой к П. И. Орловой-Савиной печатаются по автографам, хранящимся в РГАЛИ (Ф. 819. Оп. 1. Д. 287).

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., (1866 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 389—390.

2

(1866 г.)

Благодарю Вас, добрая тетенька, за присланные мне деньги и спешу повиниться за долгое молчание. Не писала я Вам долго, оттого что у меня все это время было много хлопот. Дело вот в чем. Жена управляющего нашего дома имеет в нашем же доме школу с вывеской, но с ограниченным числом учеников. Ей шибко не понравилось, что я без вывески и без разрешения попечителя (которое, как оказывается, необходимо) имею учеников, и эта госпожа не ленилась бегать к нам в участок, жаловаться на меня полиции. Пристав нашего участка все присылал ко мне полицейских, с советом достать поскорей разрешение и тем отвязаться от этой барыни. Я поехала в Университет, совершенно уверенная, что мне тотчас же выдадут разрешение, так как у меня есть диплом, по которому я имею полное право открывать школу. Но оказалось, что с 4-го апреля10 это разрешение сопровождается с большими хлопотами, так как после этого дня являлись барышни-нигилистки, которые под видом школы внушали детям Бог знает какие идеи. Мне велели подать прошение Попечителю, потом план моего училища, копию с плана и наконец свидетельства от трех частных лиц, о моей нравственности. Пока я все это обделывала, прошло много времени, наконец я отвезла бумаги в Университет и через день явился ко мне окружной инспектор ревизовать мою школу; он предварительно разрешил мне и через две недели просил приехать к нему за моим дипломом и уже за форменным разрешением. Меня все это вначале очень рассердило и расстроило, но теперь, когда все уже сделано, я очень благодарна моей сопернице за заботу обо мне, теперь уж никто не смеет придраться.

Потом, если бы я знала, что мы наверно поедем к Вам, я бы давно ответила Вам на Ваш запрос о пьесах, но папаша все это время колебался и теперь, к несчастью, окончательно решил не пускать нас в Осташков, так как нет и до Рождества еще не будет надежного моста через Мсту, а необходимо спускаться вниз (250 ступеней) по скользкой и скверной дороге. Все приезжающие говорят, что этот переход ужасен, и даже Григорий Артемьевич; дамы, говорят, совсем не ездят. А нам бы пришлось ехать одним, так как к Санину11 очень много гостей и он доктор. Мы

А нам бы пришлось ехать одним, так как у Саши11 очень много дела и он лечится. Мы с Машей12 очень жалеем об этом, мы с удовольствием мечтали о спектакле в Осташкове и уже думали и о пьесах, и о концерте, но Вы сами видите, что вина не наша.

Прошу Вас поскорей уведомить меня, нужно ли исполнять Ваши комиссии и если нужно, то напишите, сколько нужно кисеи, сколько плису? А на счет конфет? Ну что, если все это не придет вовремя по милости Мстинского моста? Ради Бога, уведомьте как можно скорее, как быть и что делать. Я буду ждать и до того времени ничего не смогу предпринять. Мой низкий поклон Федору Кондратьевичу. Наши Вам кланяются.

Варя

Яблочкин13 два раза посылал в цензуру за “Высоким гостем”14; как только он достанет, я сейчас же пришлю.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 3 октября 1866 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 389.

1

3 октября 1866 г.

Милая и добрая тетенька!

Поздравляю Вас с днем рождения и желаю Вам всего лучшего в жизни. Наши все кланяются и поздравляют Вас и Федора Кондратьевича1.

Хотелось бы написать Вам что-нибудь новенькое, но у нас в Петербурге очень мало хороших новостей. Могу Вам сообщить политическую новость, которую Вы, впрочем, вероятно, слышали, а именно, что завтра, 4-го числа совершится казнь над Ишутиным, двоюродным братом Каракозова2. Вероятно, Вы читали дело Гаевского3, которое было перепечатано во всех газетах? Как Вы думаете, у кого в руках было все это дело и кто делал все вопросы и был первоприсутствующим? Это Ваш хороший знакомый и мой отец крестный — Пинский4, который сам говорил мне, что он Вас любит, уважает и помнит.

Кони5 недавно говорил мне, что он теперь слаб и болен: у него водяная в груди и его в Сенат вносят на креслах.

Дагмара6 восхищает всех своей простотой и приветливым обращением. Недавно был при дворе бал и она обворожила решительно всех. Государь, говорят, очень много танцевал и был очень весел.

Театральные новости очень плохи. Недавно видели мы в бенефис Малышева7 драму: “Любишь кататься, люби и саночки возить”8. На сцене мужики и сходки, сходки и мужики и больше ничего. А “Смерть Кромвеля”9, тоже новую и очень дельную пьесу, игра актеров похоронила с первого разу.

Других новостей пока не имеется, но если позволите, я буду писать Вам теперь очень часто и тогда, надеюсь, получу Ваше полное прощение. Прошу Вас передать мой низкий поклон Федору Кондратьевичу. Бабушка и тетеньки поздравляют Вас.

Прощайте! Будьте здоровы и счастливы. Целую Вас крепко.

Ваша Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 31 октября (1866 г.) // Российский Архив:

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной [illegible] // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 390—391.

3

Понедельник, 31-го октября (1866 г.)

Милая тетенька!

Долго не получая от Вас письма, мы думали, что, верно, Вы нездоровы, но сегодня, получив его, видим, что Вы в добром здоровье, да еще совершили такое славное завидное путешествие. Посмотреть на Москву — было моим давнишним желанием: еще в бытность Коли15 в Москве мне хотелось съездить к нему, но мне решительно было не с кем ехать. Моего осташковского кавалера — Ваню16 нельзя было отрывать от занятий в гимназии. Саше тоже было некогда, а ехать совершенно одной очень неловко, да и немножечко страшно. Уроки мои идут, благодаря моему хорошему здоровью, очень аккуратно, т. е. четыре урока в неделю. Очень было бы невыгодно для меня, если бы я манкировала, потому что я получаю не по месяцам, а по урокам. Кажется, я Вам писала, что у меня есть 14-летний ученик, которого я учу по-французски и по-немецки. Он еще мало развитой мальчик, хотя не глупый и очень старательный. Мы с ним очень скоро подружились и он выказывает мне свою привязанность тем, что то принесет транспарант, сделанный им самим, то самых отборных перьев, которые набирает для меня, а главно(е), очень старается и отлично готовит уроки. Эти подарки — взятки своего рода, но я очень охотно принимаю эту взятку, потому что вижу, что она делается от чистого сердца.

В день обручения наследника я была с Плавскими17 в одной из зал дворца на хорах и видела всю царскую фамилию очень близко. Принцесса Дагмара, по-моему, не красавица, но у ней такое прелестное симпатичное личико, что чудо!

Говорят, что она накануне свадьбы была в крепости у милого жениха18 и очень много плакала. Свадьба ее была в пятницу и по поводу ее боль(шо)е трехдневное празднество в Петербурге. Наши все были на иллюминации, даже Надя и кухарка. Надя говорит, что она отлично видела царскую фамилию и даже молодую с наследником, когда они после свадьбы проезжали по Невскому из Зимнего дворца в Аничкин.

Пора кончать, моя добрая тетенька, тем более, что папаша хочет тоже писать, да и боюсь надоесть Вам. Потрудитесь передать наш низкий поклон Федору Кондратьевичу. Няня и Надя благодарят Вас за память и целуют Ваши ручки и кланяются Тоне и Аннушке.

Целую Вас крепко.

Ваша Варя.

P. S. А уж я Колю никак без себя не пущу в Осташков.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 13 января (1867 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 391.

4

Пятница, 13-го генваря (1867 г.)

Милая тетенька!

Комиссии Ваши почти все исполнены. Виноград, апельсины, лимоны и шерсть посланы с Васильем Васильевичем, а часы я не могла послать с ним, потому что еще не готовы: чистить и

поправлять их нужно целую неделю. Они будут готовы завтра и верно надо будет послать их Вам с Воронским, который хотел заехать. О помаде Петя Скворцов сказал мне только вчера, когда В(асилий) В(асильевич) уже уехал, так что если раньше никто не приедет из Осташкова, то придется тоже послать с Воронским или через Татаринова. Я, впрочем, спрошу Александра Иваныча, и если он будет посылать Вам что-нибудь, то пусть и все пошлет, т. е. часы и помаду.

Если апельсины не хороши, то уж это не наша вина, потому что Лапины ручались за них, нарочно вынесли из кладовой как самые лучшие.

Об юбилее Линской19 ничего не слыхать, потому что никто из милых товарищей-артистов не хотел подписать. В день бенефиса же артисты поднесли ей за кулисами серебра на 500 рублей. Муж ее (бывший гусар) играл в этот день Гамлета и играл отлично, немного только портили его военные ухватки.

Народу же, несмотря на неудобное время для бенефиса, было много. Вчера шла в первый раз пьеса графа Толстого “ Смерть Иоанна Грозного ”. Иоанна играл Васильев-220 и торжественно провалился, потому что ни голос его, ни фигура не подходили к личности Иоанна Грозного. Декорации были великолепные и сделаны с такою точностью, что в опочивальне Грозного были сделаны большие образа Спасителя, Божьей матери, Успения и др. с местными свечами, так что говорят, смотря на эти образа, воображаешь себя в каком-нибудь соборе, а не на сцене. Государь и вся знать были в театре; говорят, что государю очень не понравилась игра Васильева и он велел взять от него роль и передать Самойлову21. Каково бедному Васильеву! Впрочем, он и сам виноват, он так добивался этой роли и взял честное слово с Толстого, что тот никому не передаст этой роли, кроме него.
Папаша послал Вам пьэсу и музыку оперы “Глухой”22, он надеется, что Ваши милейшие артисты23 сыграют ее. Вероятно, я скоро опять буду писать Вам, а теперь прощайте, поклонитесь от меня Федору Кондратьевичу и всем.

Целую Вас крепко.

Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 8 сентября 1867 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 391—392.

5

8-го сентября 1867 года.

Дорогая тетенька!

Очень виновата я перед Вами в том, что долго не писала, но летом мы живем в деревне, мало имеем сообщения с городом и потому ничего такого интересного, что бы я могла сообщить Вам. Очень жалко, что Вы не получили письма папаши, в котором он меня очень верно оправдал перед Вами. Какой-то редактор Измайлов24 все лето не издавал газету, а осенью объявил публике, что газета не издавалась летом, потому что редактор загулял! Вот почти так же и я.

Ваня приходит к нам три раза в неделю и до сих пор еще входит в комнату в кепи с султаном и повертывается перед каждым зеркалом. Надо по правде сказать, к нему очень идет юнкерский мундир; даже маленькая Сашутка, увидав его в первый раз в мундире, сказала: “Какой ты хорошенький солдат, Ваня!” Два раза в неделю после лекций их отпускают до 10-ти час(ов) вечера, а в Воскресенье до 12-ти час(ов) ночи; ночевать он не имеет права никогда дома.

О своих занятиях он сам будет писать Вам.

Вероятно, Вы уже слышали, что директором театров назначен Гедеонов 25. Вчера у нас была Натарова26 и рассказывала, что когда он вступил, Федоров27 спросил его, когда могут артисты приехать представиться ему. А он на это сказал: “К чему это? Я познакомлюсь с ними на сцене!” Он бывает часто в русском театре, но сидит в своей ложе в углу и на сцене еще не был ни разу. На этой неделе в бенефис Федоровой28 шел “ Ледяной дом ” Дьяченки29. Пьеса, говорят, глупая, но Дьяченко так счастлив, что уже на три представления билеты разобраны. В пятницу в бенефис Линской идет новая драма “ Опричники ”30, и скоро будут ставить еще новую пьесу Дьяченки “ Семейные раздоры ”31. Гедеонов нашел театр в страшном упадке и потому объявил, что два года никому не будет никаких прибавок, до тех пор, пока он не приведет все дела в порядок. На днях папаша хочет ехать к Федорову просить хоть какой-нибудь работы; авось в этот раз будет счастливее. Он перед дачей просил, тот обещал, но ничего не прислал. Прошу Вас передать низкий поклон Федору Кондратьевичу. Наши все Вам кланяются.

Целую Вас крепко. Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 17 августа (1875 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 394—395.

10

17 августа (1875 г.)

Да-с, милая тетенька, Вы совершенно напрасно побранили нас с Дружком за невнимание к Вам: если я ленива писать письма и манкирую иногда ими потому, что очень много приходится писать их, то Дружок мой еще не завел знакомств, а следовательно и переписки, имеет 24 часа в сутки свободных и уж конечно не будет невежей.

Погода у нас все еще скверная: холодно и дожди, и только 13-го августа было ясно, светло и даже тепло. Приятели мои, Коля, Кладо, Тавиндаров, Кормильцев и даже Мишка Третьяков (приехавший из Астрахани) все были в сборе. Федор Николаич Кладо41 поднес мне стихи своего сочинения. Он разузнал, что я не люблю, когда меня называют “тетя Варя” и акростих стихов вышел тетя Варя, потом Коля рассказал ему, как мне надоело четверостишие моего родителя:

Варвара Николаевна
Ведет себя исправно,
Поет, танцует славно,
Варвара Николаевна;

и это четверостишие было помещено в конце стихов. Я, разумеется, притворно обиделась, объявила ему вражду на всю жизнь, все много хохотали, а он был очень доволен. Впрочем, у него был и другой сюрприз, но тот он мне еще не подал, но обещал со временем вручить. Судя по его намекам, это тоже должно быть стихотворение, но в котором упоминается фамилия якобы ухаживающего за мной Ахвердова, он даже несколько раз намекал мне и дразнил меня им, но, разумеется, все это в шутливом тоне. Ахвердов бывает здесь три раза в неделю, он имеет на Крестовском урок у графа Рибопьера и каждый раз заходит к нам; что ему у нас весело — это не мудрено, потому что у нас такая семья, что все, начиная с дедушки, обыкновенно веселы и в хорошем расположении духа, что он больше всего беседует со мной — это тоже понятно: во-первых, потому, что я летом свободнее всех, у меня, кроме Дружка, никаких забот нет, во-вторых, ему со мной веселее потому, что я все-таки сочувственнее всех отнесусь к его планам и надеждам, потому что у нас с ним более или менее одна профессия, а следовательно, и интересы более или менее общие. Но люди (не наши, а посторонние), не понимающие и не допускающие простых приятельских отношений между молодым мужчиной и женщиной, а видящие с его стороны игру в любовь, а с ее надежду: не жених ли ты, мол, мне? — толкуют всякий вздор... Я прежде воевала против этого, горячилась, спорила, а теперь очень философски отношусь к

различным толкам и пересудам общественного мнения; пущай их говорят: полают и отстанут. Впрочем, я пишу это не только в отношении Ахвердова (мы с ним далеки от ухаживания: он слишком солиден, а я уже состарилась), а так, вообще, я и в прежние времена много терпела за подобных приятелей, разумеется, не от семьи, а от общественного мнения, потому что никогда не соглашусь с тем, что если молодой человек часто бывает в доме, часто беседует с девушкой, находя в этом удовольствия, — так и беги под венец, не разбирая, можешь ли ты или нет, а иначе ты негодяй, бесчестный, и жертва твоих ухаживаний скомпрометирована навсегда. Все это чепуха и довольно об этом.

Наш милый Дружок несколько пострадал за свою рассеянность. Раз, гуляя со мной по Елагину, он забежал на большую дорогу и как я его ни звала, ни кричала, он не слушался, а продолжал бежать там и зевать по сторонам; наехала коляска, задела его колесом и, к счастью, только немного содрала кожу с выбритого места; все-таки он три дня был задумчив, теперь же поправился, весел и прыгает по-прежнему.

Он просил Вам кланяться, но писать не желает, потому что его сегодня мыли и он боится запачкаться чернилами.

Монахов поправился и скоро начнет играть, а Пронскому42 Старая Русса не помогла нисколько. Доктора ему сказали, чтобы он навсегда забыл о театре, потому что если он и поправится когда-нибудь, то будет ходить на костылях. Ваш Никольский43 здоров, он тоже был у меня на рожденьи, но рано ушел, потому что на другой день была репетиция “Гимназистки”, пьесы Дьяченки44, которая идет для открытия.

Наши все здоровы и кланяются Вам и Федору Кондратьевичу. В среду мы переезжаем.

Целую. Ваша Варя.

Мой большой поклон Федору Кондратьевичу, а также и Егору Степановичу, которого благодарю за память обо мне.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 18 ноября (1877 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 395—396.

11

18 ноября (1877 г.)

Милая тетенька,

Получила я Ваше письмо и желала бы предложить Вам несколько вопросов по поводу Вашей будущей прогимназии. Само собой разумеется, что я с великим удовольствием примусь отыскивать Вам начальницу; очень рада, что времени много: можно выбирать и надеяться, что попадется хорошая женщина, готовая на все Ваши условия. Мне очень бы хотелось знать (это лично для меня интересно), во-первых, на какие деньги предполагается эта прогимназия. От города? от земства? или от купечества? во-вторых, кто будет непосредственным начальником? 3) по чьей инициативе она устраивается? 4) кто будет распоряжаться устройством ее? Вообще не поленитесь, когда у Вас найдется свободный час, написать мне обо всем поподробнее. Меня все это донельзя интересует, так как моя idee fixe — это быть начальницей гимназии, института и в крайнем случае даже приюта, но только где-нибудь поближе к Петербургу, а лучше всего в самом Петерб(урге), но, все-таки, признаюсь Вам, у меня глаза разгорелись, когда я читала Ваше письмо, и я жалела только, что это так далеко. А все-таки мне интересно знать все подробности, удовлетворите, милочка, моей жажде.

Мозер45 посылает Вам на днях 2 смешных водевиля, через нас. Конечно, он обещал третьего дня

Мозер45 посылает Вам на днях 2 смешных водевиля, через нас. Конечно, он обещал третьего дня принесть, да обманул.

Я недавно встретилась у раненого офицера (о котором Вам маменька писала) с гр. Бобринской (не с моей) и предложила ей свободный мой час в день, для обучения грамоте детей убитых солдат, прося ее только дать мне для этого где-нибудь помещение. Она была очень довольна этим, благодарила очень и послала меня к распорядителю, полковнику Лямину. Тот тоже изъявил полное удовольствие и обещал мне устроить целый класс от шести до десятилетнего возраста, за которых учителя неохотно берутся, но только это будут дети не солдат, а офицеров, а для солдатских детей устраивается приют. Впрочем, теперь все это еще вчерне, на будущей неделе он будет у меня и тогда будет что-нибудь поподробнее известно. Много охотников и охотниц, даже замужних дам, нашлось у меня, которые просят занятий, конечно безвозмездных, с этими детьми и предлагают свои услуги, кто чем может. Я на днях буду у графини с докладом обо всем этом, а она нечто в роде попечительницы над этими сиротами. Впрочем, повторяю, что еще ничего нет определенного, а когда это установится, я Вам подробно опишу все. Говорил мне Лямин также, что вероятно у них будут ребята 2-х, 3-х и 4-х лет, одним словом, такие франты, которых учить еще немыслимо, и просил заявить ему, если бы в случае нашлись охотники взять подобного молодца к себе, но только до 6-летнего возраста, а потом его возьмут в науку, и хотя это тоже пока еще предположение, но уж у меня нашлись 2 охотницы, а именно сестра Маша и тетя Катя, они очень охотно берут по мальчугану, да наверно и Вы не откажетесь. Для конца предлагаю Вам стихи Аполлона Николаевича Майкова, написанные им только вчера и, конечно, еще не напечатанные:

ЗА ДУНАЙ

Вся эта кровь, что там ручьями льется,
И стон, и вопль, — все из конца в конец,
По всей России отдается
В мильонах любящих сердец...
Возьми ж ты скорбь всех этих миллионов,
И возложи на одного, —
Тогда поймешь, что там, средь этих стонов,
Что сердце чувствует Его!
Но погоди: уже минуют беды,
С чела России уж спадает тень,
Уж занимается победы
Нетерпеливо жданный день.
При славословиях великой литургии,
В благословениях родных племен,
Великой радостью России
О! Как возрадуется Он!

А за сим будьте здоровы, передайте мой большой поклон дядюшке, а Вас крепко целую.

Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 14 августа (1879 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 396—397.

12

14 августа (1879 г.)

Дорогая тетенька!

Так как вместе с этим письмом получишь [illegible]

Так как всегда очень трудно начинать письмо, то я начну свое самои казеннои фразои, т. е. что мы все живы и здоровы, чего и Вам желаем. Погода у нас великолепная и, несмотря на то, что наше Царское очень однообразно и скучно, все-таки переезжать не хочется, так что мы, вероятно, проживем до 3-го сентября. Отец немного хворал эти дни, отчего и не отвечал на Ваше письмо, но теперь он здоров и занят переделками пьес, прежде пьесу Кареева46 убавит, а потом примется за мои, которые я перевела летом. Одна уже у нас совсем готова; называется " Свадьба через телефон "47, довольно смешная и, вероятно, годится для вас. Вчера у нас была вечером М. Ф. Каменская48, которую Вы, верно, знаете. Она встретилась со мной на станции, узнала меня (я ее не узнала) и просила передать поклоны папеньке и маменьке, что я и исполнила. После этого маменька была у нее и вот она уже во второй раз у нас. Она очень умная и симпатичная барыня, живет она во дворце Владимира Александровича49 и смотрит за его детьми и за их гувернантками, за что получает 1000 руб., квартиру и экипаж. Она очень довольна своей службой, хотя говорит, что интриги во дворце без конца и что надо иметь много энергии и силы воли, чтобы переносить все это. Она читала нам вчера несколько своих стихотворений и между прочим сказку своего сочинения в стихах50. И что это за сказка! Что за стихи, сколько поэзии, какой прелестный сюжет, одним словом, это вещь, выходящая из ряду вон, и я удивляюсь, как она осталась неизвестной, хотя напечатана более десяти лет назад.

Новостей у нас нет, разве только та новость, что наш маленький Коля, Ваш крестник, выдержал экзамен в старший приготовительный класс гимназии и уже ходит в гимназической фуражке. Ему только 8 лет, но он очень способен и зимой учился дома, но хорошо. В четверг идет в классы и очень доволен этим.

Как выглядит Ваш любезный Франциcбад? Неужели Вы не съездили в Мариенбад, если так

близко от него? Поклонитесь от меня Федору Кондратьевичу и ото всех наших. Надеемся видеть Вас в Петербурге не на полчаса, как последний раз Вы сделали (право, мне кажется, Вы полчаса пробыли в Петербурге).

Целую Вас крепко.

Варвара.

Влад(имир) Ив(анович) и Степ(ан) Петрович51 были у нас. Какой Степан Петрович симпатичный, просто прелесть!

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 17 апреля (188... г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 407—408.

25

17 апреля (188...)

Дорогая тетенька!

Вчера получила все документы от Вас и вчера же передала Николаю вместе с Вашим письмом; он обещает все устроить по Вашему желанию. Несмотря на дивную погоду, мы не можем переехать в Дудергоф (дача Бородулина) раньше чем окончатся Алины экзамены, что будет 15 или 16-го мая, так что, если вы приедете теперь, то застанете нас в Питере. Хорошо, кабы Вы приехали, так как на будущей неделе приезжает из Берлина семья Приллей: Эсхил, Варя и Жоржик. Я получила письмо от Вари на Фоминой неделе, в котором она пишет, что давно ждет от меня ответ и совет на ее большое письмо, а я, оказывается, и не получала его. В том письме и были выставлены причины, по которым и она собралась в Петерб(ург) на лето. Николай сдал свою квартиру в Царском на лето за 400 руб. и нанял дачу в Павловске за 240; переезжают они на днях, так что Варя прямо уже поедет в Павловск.

Сегодня, даже сейчас, я еду хоронить сынишку Миши Третьякова, тоже Мишу. С ним случился такой казус. На Святой неделе в пятницу он ушел от них будто бы на урок и не вернулся. Пропадал 3 дня, на 4-й день пришел голодный, иззябший, больной. Оказывается, что начитался наших идиотских детских книг, да разных Жюль-Вернов и Майн-Ридов и решил идти путешествовать a la Робинзон. С рублем в кармане пустился в Кронштадт, оказалось, иностранные корабли еще не пришли, а он хотел поступить юнгой на корабль. Три дня он ночевал в телеге в сарае, погода была ужасная, питался кислыми щами и хлебом и так распростудился, что, вернувшись домой, прожил только несколько дней: в одно время схватил тиф, воспаление мозга и воспаление легких. От роду ему 14 лет и его готовили в Реальное училище.

Мои ребята, дедушка и мы все слава Богу здоровы. Кирилка гуляет целый день, а большие, даже Верочка, готовятся к экзаменам. Веру поведу в Анненскую школу после 10-го мая. Целую Вас. Федору Кондр(атьевичу) поклон. Приезжайте скорей: погода дивная и уже все распускается.

В(арвара) К(уликова)

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 15 августа (1880 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 397—398.

13

15 августа (1880 г.) Пятница.
Милая tante'a!

Надеюсь, что Вы получили письмо моего родителя в грязном и смятом конверте? Виноват в этом Алька52. Мы всегда вместе с ним относим и бросаем письма в ящик и, обходится благополучно, а этот раз я не заметила, что он не вымыл руки после обеда и, кроме того, он два раза ронял письмо в песок и мне не давал нести письма, "потому что я баба, а не солдат и не сумею опустить письма в ящик".

Погода у нас прелестная, хотя холодновато, но зато ясно. Не хочется думать о городе, но все-таки придется переехать 27-го из-за Маши, которая хочет перебраться, успокоиться и уж потом ожидать девочку.

На будущей неделе идет "Горе от ума" с новой обстановкой и костюмами того времени. Чацкого играет Сазонов, Софью — Дюжикова, Фамусова — Зубов, Молчалина — Мишка, Горичева — Варламов, Хлестову — Жулева, Княгиню — Читау, Лизу — Стремлянова, Скалозуба — Киселевский, Репетилова — Новиков, Загорецкого — Самойлов53. Не знаю, что выйдет из этого, но не ожидаю много хорошего. Коля написал пьесу на сатиру Щедрина "Иудушка"54. Пьеса написана очень ловко, сюжет сохранен вполне, оставлены некоторые сцены, пьеса сделана очень сценично, но цензура и Комитет, вероятно, удостоят своим вниманием и запретят. Сазонову и его жене (она писательница — Смирнова)55 пьеса очень понравилась и он взялся хлопотать, чтобы ее пропустили, едва ли только удастся.

На счет Шишкина56 Маша сама будет писать Вам, а я скажу конфиденциально следующее: доходы Сергея Осиповича57 в настоящее время убавились, так как дело на Калашниковской пристани кончено, и по случаю того, что семья прибавляется, Маша хочет сделать елико возможную экономию, так например она отпускает горничную, убавит свой туалет и отменяет свои пятницы. Хотя у них по пятницам и мало кто бывал, но все-таки это чего-нибудь да стоило. Все это делается очень мило и деликатно, будет устроено так, что Сер(гей) Осипович и не заметит этого вдруг, а иначе он по своему джентльментству относительно жены и не допустит этого. Жильца она хотела взять в виду этой же экономии, потому что он ее во всяком случае несколько стеснит. Она Вам рассчитает все и напишет, но вообще мне кажется, это дело не

подходящее. Вчера Шишкин у нас был, но с Машей не видался и говорил нам, что может платить очень немного, потому что будет платить из своих уроков. Кроме того, и главное неудобство заключается в том, что он желает пользоваться инструментом не до 9-ти час(ов) вечера, а и после 9-ти иногда, и играть на нем 3—4 часа. Это невозможно, во-первых, из-за детей, которые в это время спят, во-вторых, главная и лучшая комната отнимется у них, а он говорит, что это очень часто будет, так как до 9-ти час(ов) он будет на уроках. На днях они увидятся, переговорят, и Маша сама Вам напишет. Мой урок я кончила раньше времени, учитель моего юнца приехал раньше, чем следует, и получила я за 6 дней 12 руб., то есть по 2 р(уб.) за урок, как и было условлено, а это была наша добрая воля сидеть по три часа.

Я надеюсь еще раз написать Вам до Вашего отъезда, а пока кончаю и целую Вас много раз. Федору Кондратьевичу передайте наши сердечные поклоны.

Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 28 сентября (1880 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 398—400.

14

Воскресенье, 28 сентября (1880 г.)

Дорогая тетенька!

Я получила вчера Ваше письмо, а сегодня уже отвечаю, но собираюсь писать так много, что разделяю на 2 письма и не знаю, успею ли кончить сегодня.

Вам не понравился “Иудушка”? Мне это странно... Относительно сухости переделки пьесы и некоторых длиннот, пожалуй, виноват Коля (но это дело поправимое), но лица и характеры, наводящие на Вас ужас — это живые лица, это те лица, посреди которых мы живем, с которыми мы встречаемся и которых так хорошо изучил Щедрин и не побоялся выставить их такими, каковы они есть, во всей печальной наготе, а Коля только перенес их на сцену. Вы спрашиваете:”неужели все люди гадки?” Я Вам на это прямо говорю: большая часть людей — это Иудушки (имя которого давно уже сделалось нарицательным именем), а исключений очень и очень немного. Не верите? Оглянитесь-ка кругом хорошенько, присмотритесь повнимательнее, и, хотя, может быть, Вы найдете цельного типа Иудушки (а их очень много), но уже общие черты характера Иудушки Вам встречаются очень и очень часто, в этом я глубоко убеждена. Тот же Ваш ange — Володенька58, с благоговением принимающий у себя в доме икону Божией матери, не встающий с колен во время молебна и делающий грубости, дерзости и даже подлости против достойного дяди... разве это не Иудушка? Или Лизавета Петровна, лобызающая Вашу руку при прощании и потом всюду и везде выдумывающая доносы и сплетни против Вас и даже родных Ваших? В день моего приезда в Осташков, в то время, когда Вы уходили на крестины и оставили меня с гостями Вашими, — одна старушка (очень почтенная, по вашим словам) целый час твердила мне о том, какой ангел — Прасковья Ивановна и какая святая женщина — Лизавета Петровна... Ну, положим, я допускаю, что она искренно любит Вас, но... при чем же тут святость Лизаветы Петровны? В которой-нибудь из ее похвал звучит Иудушкина нотка и я не верю в искренность ее. Вы сами — человек добрый, правдивый и потому думаете, что все слова и поступки людей согласуются с их мыслями. Мне казалось, что Вы принимаете за наличную монету все комплименты, расточаемые Вам Вашими осташами, целование Вашей ручки и эпитет благодетельницы и проч(ее), а я нахожу, что это все не искренно, просто все Иудушкины чувства, и утверждаю, что у Вас в Осташкове только два искренних и надежных друга — эта Ваш муж и неоцененная матушка, к которой и я отношусь с полным благоговением. Не потому, что Вы не заслуживали любви (я далека от этой мысли!), а именно потому, что правда , высказываемая Вами в глаза и на каждом углу, неприятна людям, потому что люди нынешнего времени (не только молодежь, но и старики) так перепорчены, что эта правда им больно глаза

времени (не только молодежь, но и старики) так перепорчены, что эта правда им больно глаза колет и они скорей ждут от Вас материальной помощи (в виду которой и лобызаются), а не сухого наставления, хотя бы оно все было проникнуто святой истиной.

Вам не понравился Степан — пьяница и забулдыга, но в душе все-таки хороший человек. Вы скажете, что и таких людей нет? Вот Вам пример из жизни: Малышев. Вы помните, как он счастливо служил прежде, но при Вас он уже начинал пьянствовать, теперь дело дошло до того, что он пьет запоем, что случается с ним довольно часто. Что его довело до этого? — Бог весть: среда ли, товарищество, неудачи — ничего не известно. Жена его, моя приятельница, прекрасная женщина, честная, добрая, религиозная и глубоко несчастная. Она в настоящее время, сама больная (серьезно и неизлечимо), все-таки жалеет его и сколько возможно поддерживает нравственно. А между тем Малышев не пропускает ни одного праздника; если он видит, что вы нуждаетесь, — он вам последнее отдаст, и по душе очень добрый человек, но бесхарактерный в высшей степени и сам себе не может отдать отчет, для чего он так губит себя.

Сын у них дурной мальчик: лжец, плут, а между тем развит не по годам и хорошо учится; то немногое хорошее, что есть в отце — к сыну не привилось... а все потому, что семья в лице отца не поддерживает его, а школа, при нынешнем духе времени, положительно развращает.

А наши девушки? т(о) е(сть) наши современные курсистки и ученые педагогички?.. Вот Вам для образца факт: у Подобедовых59 была воспитанница, подобранная с улицы. Надежда Ивановна дала ей гимназическое воспитание, сама ей помогала в уроках, заботилась о ней; а та за это ей грубила напропалую. Кончает барышня курс и тоже готовится в учительницы.

Надежда Ивановна просит меня об уроках для нее, мне удается оставить ее довольно хорошо. Вдруг она в один прекрасный день прямо объявляет Надежде Ивановне, и самым наглым тоном, что она их оставляет и будет жить отдельно. Надежда Ивановна в отчаянии, а та даже не простилась и переехала. Является она ко мне, опять просит уроков, я ее браню, упрекаю, она представляет из себя кающуюся грешницу, я ей говорю, что без разрешения Надежды Ивановны и не подумаю доставить ей уроков. Надежда Ивановна, хотя не видится с ней, но на мой запрос не только позволяет, но просит помочь ей, “ глупенькой ”. Я достаю ей урок, где ею очень довольны, как хорошей учительницей, она в течение всей зимы умоляет меня помирить ее с Надеждой Ивановной и наконец, прошлой весной, говорит мне, что уезжает на урок на лето в деревню и показывает письмо, где ее приглашают на этот урок.

Летом мне говорят те же Подобедовы, что она преспокойно разгуливает в Павловске с каким-то мальчишкой, с которым всю зиму возилась. Я не верю, сержусь, говорю, что девушку надо поддержать, что она молода, что из-за сплетен легко оклеветать бедную сироту и проч(ее). Что оказывается? Осенью она является и самым нахальным тоном сама говорит, что все это правда, что она жила в Павловске, гуляла там с кавалером и что даже видела меня, а я распиналась, что она трудится и сидит в деревне. Кроме того, она заявила, что в уроках не нуждается, что может быть выйдет замуж, а может быть и нет... Подобная девица хуже щедринской Анненьки, потому что та выросла между плутами, а эта воспитывалась в прекрасном честном семействе Подобедовых... И подобным девицам — имя легион в нынешнее время!

Мы переживаем тяжелое время: наша молодежь никуда не годится, да и между старичками-то немного найдется Федоров Кондратьевичей и Николаев Ивановичей60. А почему? Вы мне говорите про Расина, Корнеля и других — их давно презирают, смеются над ними... Что у нас за литература? Какова критика? Каков театр — эта школа для народа? Неклюжев-Юханцев, вор и мошенник, выведен героем, публика его жалеет! На днях играли пьесу “ Карьерист ”61, в ней изображен Ландсберг, убийца своего старика-благодетеля, и изображен так, что ему принадлежит сочувствие публики... Не лучше ли было бы, если бы побольше выставляли на сцену Иудушек и тому подобных и рисовали бы порок таким, каков он есть, а не разрисовывали бы его розовыми красками. Прочтя “Иудушку”, Вы говорите: гадость, мерзость... так скажут и многие, но видя, до какой степени гадка эта гадость — никто не пожелает быть Иудушкой и не возьмет его за образец.

возьмет его за образец.

Обруганным Коля быть не может уже потому, что это не его произведение, а только переделка, а Щедрина, как единственного в нынешнее время сатирика и обличителя — пока еще не ругают.

Вот в настоящую минуту я пишу Вам это письмо, а папаша лежит в постели, а около него сидит молодой человек — учитель Орлов, о котором я Вам говорила, как о скромном и хорошем молодом человеке, и они читают последнее произведение Щедрина в "Отечественных записках"62 и от души хохочут и восхищаются; я еще не читала и судить не могу, что их так веселит.

И так, моя милейшая (и уже не в Иудушкином смысле) дорогая тетенька, Вы на меня не сердитесь за мою откровенность? Вы сами дали мне это право и при этом обещали не обижаться и мне не велели. Подобная переписка в тысячу раз приятнее для меня, нежели казенные письма в виде поздравлений с праздником. Жду Вашего ответа с некоторым беспокойством. Если Вы рассердитесь, обругаете меня и запретите мне болтать так много... (впрочем, я не считаю моего письма болтовней, это мои убеждения...), я замолчу и половину прелести долой в нашей переписке.

Адрес на этом письме напишет Орлов. Два письма, надписанные одной рукой, покажутся странными, а так как я уверена, что Вы прежде распечатаете мое письмо, то и прочтете сначала. Поздравляю Вас с наступающим днем рождения и уже казенного письма писать не буду, а буду отвечать на Ваше, которое жду в скором времени.

Целую Вас крепко.

Ваша новая подруга. Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 11 октября (1880 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 400—401.

15

Суббота, 11 октября (1880 г.)

Дорогая тетенька!

Поздравляю Вас с днем Ангела и желаю здоровья и много лет жизни. Весь дом очень поздравляет Вас с Ангелом, а сегодня Кудрявцевы сами собираются писать. Я боялась, что мое многословное письмо попадет к Вам не во время, так как я узнала из Вашего письма, к Маше, что Вы больны, однако вижу из письма ко мне, что Вы не сердитесь и что поощряете меня к дальнейшей переписке с Вами, котор(ая) будет для меня не в труд, а в сласть.

Время летит на крыльях, у нас уже зима и санный путь в полном разгаре. Мы с моим родителем проводили осень очень невкусно: он — отделывался своими боками , я — мигренью, которая посещала меня с неделю каждый день. Работа моя над Новым Заветом продвигается успешно. Хочу написать половину и отвезти к отцу Гермогену, т. е. бывшему священнику 3-й гимназии Добронравину. Он знает меня с детства, был моим законоучителем в Анненской школе, некоторое время духовником, и как-то недавно он говорил Коле, что помнит нас до сих пор. Если ему понравится, то и с цензурой хлопот не будет, да и распространить поможет. Впрочем, это в будущем...

Настоящее мое с внешней стороны не блистательно: уроки не начнутся раньше ноября, да и то без Пашковых63 и графини Пален, — я теряю 120 руб. в месяц, долг на плечах порядочный, в будущем ничего не предвидится, но... и удивительное это дело... я спокойна, не унываю, и это не беззаботность и не куликовская беспечность, а надежда на что-то, а с ней и вера в Того, Кто до

сих пор поддерживал меня в трудные минуты жизни, Кто поможет и в будущем. (Вы, сударыня, добрались до ключа к моему сердцу, которое до сих пор было крепко заперто для всех, вот и увидите теперь, что я совсем не такова, какою, быть может, кажусь).

Как-то летом, в интимном разговоре с Колей мы разговорились о том, что как было бы хорошо открыть мне пансион (я говорила Вам об этом вскользь, когда мы шли в церковь). Но знаете ли Вы, что эта мысль не покидает меня до сей поры и каждую свободную минуту я посвящаю ей, и с людьми, близкими мне (по чувству), постоянно веду эти разговоры, которые меня очень утешают. Ведь кажется, это дело немыслимое! Чтобы открыть пансион и не прогореть с ним, надо иметь 10 тысяч, самое меньшее 7 тысяч. Я говорю не про такой пансион, как у меня был прежде, каких масса и теперь здесь: повесить вывеску: " школа, ecole, schule ". набрать 15 детей и наслаждаться с ними одной! Я мечтаю о маленькой гимназии, со всеми ее правами, с учителями, в несколько классов, чтобы я была полной хозяйкой над вверенными мне детьми и могла бы выпускать барышень, вполне готовых к жизни со стороны научной и с нравственной стороны, чтоб родители смело отдавали мне детей, не боясь дурного влияния школы (как это теперь сплошь и рядом), и уж могу поручиться, что у меня не развелось бы ни одной нигилистки или атеистки. Золотые мечты, но неосуществимые, по-видимому: денег нет и быть не может, а между тем мне почему-то кажется, что если подобное учреждение послужит ко благу мне и другим — все найдется, все явится... Я молюсь об этом и не на князей людских моя надежда, а на небесную помощь!!

А сама между тем готовлюсь понемногу: много читаю по вопросу о воспитании детей, делаю выписки (стоит почитать одну только статью Белинского о воспитании детей64, чтоб с любовью взяться за это святое дело) и рассуждаю так: если не придется мне применить к делу мои вновь

приобретенные познания, то беда не велика, пригодятся в другом случае (хотя я, по строптивости моего характера, гувернанткой никогда не буду), а если с надеждами моими и в могилу сойду, так ведь и то не дурное дело, если при жизни хоть в теории буду изучать воспитание маленьких людей, которых люблю и понимаю побольше, чем нынешние педагоги.

Ну вот и занеслась! Вот и прогулялась в область фантазии, а впрочем, наша реальная жизнь так некрасива, что право, лучше мечтать и фантазировать, нежели снимать покрывало с своих ближних, как я это делала в прошлом письме. Еще раз прошу моих писем никогда никому не показывать, обещайте мне это. Ведь преобидно, если мои задушевные мысли будут возбуждать злые насмешки, а это очень возможно. Я думаю, довольно писать, ведь целую тетрадь написала. Надеюсь, что Вы с своей стороны тоже не будете лениться. Прошу Вас передать мои глубокие поклоны Федору Кондратьевичу и матушке.

Тане, Паше, Клавдиньке, Лизе, Кате и всем, кого забыла упомянуть, кланяюсь, а Вас крепко целую.

Ваша будущая начальница, а пока неизвестная личность

гр. Варвара.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 25 октября (1880 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 401.

16

Суббота, 25 октября (1880 г.)

Дорогая тетенька!

Что это значит, что Вы мне не пишете? Вы так избаловали нас своею аккуратностью на ответы,

что я в настоящее время нахожусь в недоумении и отчасти в беспокойстве, здоровы ли Вы? В среду 22-го были крестины Верочки65. Народу было много и мы кутили до двух часов, а на другой день все ходили не выспавшись и с головной болью. Моя крестница уже настолько большая барышня, что нисколько не плакала, пока священник мазал ее миром, а только очень внимательно рассматривала его и только изредка морщилась, когда ей было щекотно. Зато Аля отличился. Батюшка, здороваясь с ним, назвал его Сашей, а он так и отрезал ему: "Во-первых, я не Саша, а Аля, а во-вторых, я солдат!" Священник ужасно хохотал.

Пашковы приехали, сверх всякого ожидания. Вы, конечно, читали в Новом Времени о том, что ему в Англии была торжественная встреча, приготовленная Редстоком66, и что он будто бы пожертвовал 10 тысяч фунтов стерлингов на религиозную пропаганду. Мы все прочитали это и были страшно возмущены подобным поступком Пашкова. Я спросила m-me Пашкову, правда ли это, и оказалось, что все это вздор: встречи ему никакой не было и пожертвований он никаких не делал. Каковы газеты!

Ваш protege Н. Е. Шишкин дает уроки музыки Саше. Хотя она девочка очень способная и хотя за его урок садится уже совершенно утомленная (он приходит в 8 час, а она до 8-ми готовит уроки), но все-таки успехи делает, и он занимается с ней очень терпеливо и старательно.

Кажется мне удается пристроить его к Пашковым, чему он очень рад. Во Вторник это решится. С будущей недели будет печататься статья Коли в "Голосе" о гимназиях и педагогических советах, и хотя Вы не поклонница его талантов, но все-таки прочитайте статью, она очень интересна, и хотя резка, но правдива.

Надеюсь в скором времени получить известия от Вас и тогда будем продолжать наши философские беседы.

Поклонитесь от меня Федору Кондратьевичу.

Целую Вас крепко. Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 7 ноября (1880 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 401—402.

17

Пятница, 7-го ноября (1880 г.)

Дорогая тетенька!

Прежде всего сказать, чтобы не забыть. Вы читали статью в "Голосе" не Колину, а кого-нибудь другого. Его статья напечатана только вчера (четверг, 6-го ноября) и называется " Чего желают и на что надеются друзья детей и молодежи ". Она печатается в фельетоне и подписана " Друг детей ". Надеюсь, что Вы ее найдете теперь и одобрите, она резка, но вполне справедлива. Отдана она в редакцию "Голоса" месяц тому назад, я сама возила и мне сказали, что "на будущей" неделе она будет напечатана, и этих будущих недель было ровно 4, т. е. целый месяц. Они продержали ее 3 недели и даже прислали назад, говоря, что педагогических статей они не печатают, и это ложь, потому что у них каждый день пишут о педагогии. Коля поехал сам, объяснился с Бильбасовым67, который, оказывается, ничего не знал, и вот статья увидела свет только вчера, и то она еще не вся, вероятно, ее разделили на три раза.

У нас погода безобразная: снег весь стаял и ездят на дрожках по ужаснейшим ухабам. Статью о Пушкине68 мы кончили и уже корректуру исправили, в декабрьской книжке можете читать ее. Папенька смеялся вчера Коле, что сын написал статью в ноябре, а юный отец дебютирует в декабре; это, кажется, его первое произведение не театральное и за полной подписью.

M-me Пашкова поручила мне отыскать ей кассиршу для дешевой столовой, которую они устроят с Нового года. Это будет прекрасное учреждение и подобные уже существуют в Петербурге, но их немного. Обед, состоящий из двух сытных блюд, будет стоить 6 коп., обед этот можно брать и на дом. Кроме этого, будет там же бесплатный чай и кофе, во время которого будут раздавать Евангелия и духовные книги, а иногда кто-нибудь из их общества будет тут же присутствовать и вести духовную беседу. Все это очень хорошо, но я боюсь, чтобы опять не досталось им за это.

Кланяюсь Федору Кондратьевичу и матушке и всем, кто меня помнит.

Все Вам кланяются.

Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., б. д. («Поздравляю Вас, добрая тетенька...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 392.

6

(Без даты)

Поздравляю Вас, добрая тетенька, с днем Ангела и желаю Вам всего хорошего. Папаша очень извиняется, что сам не пишет; он сегодня по случаю дурной погоды с утра болен.

Благодарю Вас, милая тетенька, за участие, которое Вы принимаете в моих делах. Прошлый год я печатала в газетах об уроках в январе (по окончании моих занятий с детьми Майкова)32 и сейчас же получила 2 урока. За один я получала 13 руб. в месяц, так как сама ходила в этот дом, а за другой 5 руб., потому что моя ученица ходила ко мне, не стесняя меня часами. Но этот год, хотя я и печатала тотчас по приезде с дачи, до сих пор, к большому моему огорчению, имею только один прошлогодний урок в 5 руб. Те дети, с которыми я занималась прошлый год, отданы в институт на казенный счет. Завтра пойду к Ахматовой33, издательнице иностранных романов, просить у нее переводной работы с французского, немецкого и английского языков. Журналы кричат о женском труде, но на деле это худо прививается. Всякая из нас готова трудиться, пусть только бы давали работу!

Папаша, все дети, няня и маленькая Шура поздравляют Вас и Федора Кондратьевича. Целую Вас крепко.

Ваша Варя.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., б. д. («Христос Воскрес! Дорогая тетенька! Поздравляю Вас...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 392—393.

7

(Без даты)

Христос Воскрес!

Дорогая тетенька!

Поздравляю Вас, желая Вам быть здоровой и благополучной. Многоуважаемому Федору Кондратьевичу прошу Вас передать мое поздравление и низкий поклон и пожелать ему всего

лучшего. Извините, что я давно не писала Вам. Я все это время не совсем здорова и даже в четверг приобщалась с сильнейшим кашлем и с подвязанным горлом.

Приехали Панины в Осташков? Они были у нас всего один раз, и то заезжали на одну минутку. Невеста, m-elle Юленька, казалось, была очень озабочена закупкой приданого и, вероятно, не имела времени приехать в другой раз. Я сама, кажется, скоро попаду в невесты; расскажу Вам, как странно меня здесь сватают.

К нам ходит одна швея, которая меня почему-то очень любит. Раз она была у одной дамы, к которой приехал из Новгорода ее родственник, военный, подполковник, кажется. Эта дама сказала, что он хочет жениться, а швея сказала ей, что у нее есть и невеста и расписала меня самым лучшим образом. Те попросили ее как-нибудь достать мою карточку; моя Прасковья Леонтьевна не задумалась, прибежала к нам, достала без моего ведома потихоньку у няни мою карточку и отнесла туда. Карточка понравилась, и он , т. е. герой романа, захотел видеть и оригинал. Разузнал, где мы бываем в церкви, и сегодня прилетел в Коневскую часовню, на меня посмотреть и себя показать. А теперь желает познакомиться и через эту же сваху просил сказать ему, не будем ли мы где-нибудь в театре или на балу, или в клубе. Впрочем, мне это все ужасно смешно, потому что я твердо убеждена, что из этого ровно ничего не будет. Так вот какие истории со мной творятся, милая тетенька, просто беда!

Меня ужасно смутили перчатки, которые я покупала для Вас. Я брала их у Scipion, преемника Фроманто, и заплатила за них убийственно дорого, но этот француз так грозно посмотрел на меня, когда я предложила ему дешевле 1 руб. 30 коп.

Целую Вас крепко.

Варя.

Прошу Вас передать мой поклон и поздравление Марье Кондратьевне и Елизавете Петровне34.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 28 января (1881 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 402.

18

Середа, 28 января (1881 г.)

Милая тетенька,

Благодарю Вас за письмо, извините, что долго не отвечала: причина тому не лень, а недостаток свободного времени. Вам, вероятно, маменька писала, что я раза три в неделю езжу к графине Шуваловой по вечерам и читаю с ней “Записки Михаила Николаевича Муравьева ”69. Это просто рукопись, но такая неразборчивая, что не только слова, а даже некоторые фразы ни я, ни она не разбираем. Читать это очень трудно и не так интересно, как я воображала: он просто делает перечень, где и когда были восстания в Польше и как он везде посылал и сажал повсюду русских чиновников. Мы прочли только первую главу, очень длинную и скучную, может быть, дальше будет интереснее. Эта рукопись настолько непопулярна, что графиня побоялась дать мне ее домой, говоря, что она не смеет этого делать.

Одна из моих аристократок предложила мне взять у нее несколько экземпляров книг духовного содержания и разослать их по деревням или вообще каким-нибудь бедным людям. В числе этих книг выдается Евангелие и псалтырь, очень изящно изданные, в русском переводе. Она с мужем разослала несколько тысяч подобных брошюрок и книг. Если кому-нибудь из осташей желательно будет получить такие книги, то, по приезде Вашем, я могу снабдить Вас несколькими

экземплярами. Все эти книги проповедуют любовь ко Христу и к ближнему и ратуют против различных пороков и соблазнов мира сего.

Поездка в Осташков на лето кажется мне сомнительной; едва ли ныне удобно всей семьей двигаться, да и кроме того мы, как люди светские, пожалуй, соскучимся в деревне, но я не имею ничего против того, чтобы приехать погостить в Осташков летом недели на две, тем более, что я имею сильное желание поехать летом в Москву, но до этого еще так далеко, что и говорить рано.

В пятницу бенефис нашего с Вами фаворита Нильского70, который привез нам вчера бель-этаж. Я не ручаюсь, чтобы мне удалось написать Вам после бенефиса, но маменька, вероятно, напишет.

До свидания. Большой поклон Федору Кондратьевичу. Целую Вас.

Варюша.

Я сейчас ложусь спать, а наши дедушка, Коля, Миша и маменька усерднейшим образом играют пульку.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 9 февраля (1881 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 403.

19

Понедельник, 9 ф(евраля) (1881 г.)

Дорогая тетенька!

Теперь 11 час вечера, а я только что принимаюсь за письмо, тогда как обыкновенно в это время я или сплю или собираюсь спать и уже неспособна ни на что. Кроме того, я только что сыграла 3 робера в винт с родителями и с Шестаковыми и даже выиграла около 2-х руб. А все дело в том, что один из моих мальчуганов, маленький граф Нирод заболел, а так как ему принадлежит самый ранний час от 9—10, то я теперь от него свободна и могу завтра встать в половине девятого, а не в 7 1/2, как всегда.

Пока не забыла: Сережа просит Вас уведомить, получили ли Вы его письмо, в ответ на Ваше, насчет фотографий каких-то. Он посылал его давно и беспокоится, дошло ли оно? А вот и вторая просьба: будьте добренькая, справьтесь в Вашем монастыре, что возьмут монашенки связать такой же белый платок, как Вы мне подарили, большой, с очень мелким вязаньем? Шерсть мне вышлют, пусть только уведомят, сколько нужно шерсти. Если же не платок, то не вышьют ли они такую же скатерть, какую Вы мне вышили, и что это будет стоить, и сколько идет шелку и бумаги? Меня просили об этом справиться. Пожалуйста, узнайте и дайте мне ответ.

Вчера у нас были Владимир Иванович и Лизавета Петровна с визитом. Папаша просил ее передать Вам книжечку с переведенными ефимонами. Она много говорила любезностей и даже они были довольно снисходительны к бедным Синичкиным71.

Вы, конечно, читали о похоронах Достоевского, а я присутствовала на них и скажу только одно, что я никогда не видала, да и не увижу ничего подобного. Что там ни болтают про это, пусть находят в этом торжестве заднюю мысль, но я только одно скажу, что на меня подобная церемония действовала очень хорошо. Он был честный человек, христианин прежде всего и вполне достоин тех оваций, с которыми провожали его тело. Особенного безобразия не было со стороны молодежи, если только не считать перелезания через решетку студентов и студенток, и то это делалось из желания лучше видеть и слышать: я сама стояла на заборе с тою же целью. Речь священника Янышева над гробом — превосходна. Он обращался больше к молодежи и

Речь священника Янышева над гробом — превосходна. Он обращался больше к молодежи и убеждал в память Федора Михайловича и из любви к нему — любить Бога и Россию, как он любил. А что это была за картина, когда его несли! Я жалею, что Федор Кондратьевич и Вы не видали ее...

Полночь бьет! Пора спать, а то того и гляди докутишься до мигреня. Целую Вас и посылаю много поклонов уважаемому Федору Кондратьевичу.

Ваша Варя.

Позволяю себе еще раз напомнить Татьяне Тимофеевне о маринованных рыбках, которыми я объедалась в Осташкове и жду их с нетерпением.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 18 февраля (1881 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 403—405.

20

Понедельник, 18 (февраля 1881 г.)

Дорогая тетенька!

Я сегодня собиралась писать Вам о своих мытарствах в разных планах, как вдруг получила Ваше письмо; оказывается, что Вы тоже хлопочете, но только в другом роде совершенно. Итак, к делу. В среду, две недели назад, приходит Сашина француженка на урок и сообщает мне, что пансион, в котором она живет, передается или, лучше сказать, продается . Я навострила уши... не только уши, но и все мозговые и сердечные способности, и внимаю ей. Оказывается: пансион, имеющий 50 учениц, приносящий около 12-ти тысяч доходу, с полной, прекрасной обстановкой (начиная со скамеек и столов, кончая бельем, посудой и даже часами) продается за 5 тысяч руб. Я привскочила (конечно, мысленно), вытеснила на время из моей головы все грамматики и диктовки, которыми она переполнена, и заставила ее думать, соображать и придумывать различные способы и планы! Вот к чему я пришла. Эти 5 тысяч достать не хитро. Елена Дмитревна предлагала мне давно для этой же цели 3 тысячи на следующих условиях: я ей даю стол, квартиру и выплачиваю без процентов понемногу по мере того, как пойдут дела, она же мне за это предлагает бесплатную помощь. Остальные 2 тысячи тоже найдутся: у меня есть приятели вроде Малышевой, Кирпичниковых и проч(их). Кажется бы, дело в шляпе. Однако нет. Рассудок говорит следующее: “Хорошо, заплатишь ты за пансион 5 тысяч и будешь им владеть. А квартира? отопление? освещение? прислуга? учителя? учительницы?” и проч(ее), и проч(ее) — “Погоди, погоди, — умоляю я, — ведь я еще не купила пансиона, дай сообразить, я все это знаю”... и начала я дальше соображать и опять додумалась. Рассуждаю я так: ведь я какая ни на есть, а домашняя учительница, имею университетский диплом, имею пятнадцатилетнюю опытность, имею некоторое renommee. Мои дамы-аристократки любят меня, что доказывали мне тысячу раз, довольны мною... отчего бы мне не обратиться к ним и не попросить их выхлопотать мне субсидию. Яблочкин, актер — не больше, имел субсидию в 30 тысяч в Тифлисе на театр. Цытович издавал “Берег”72, получал субсидию. Одна дама открыла пансион в Москве и получила через Каткова73 субсидию в три тысячи... Отчего же и мне не попробовать? — “Ишь ты, какая ловкая, — говорит строгий разум. — За какие же это выслуги тебе дадут? Чем ты особенным отличилась? Поди-ка лучше посоветуйся с людьми умными, опытными, а тогда и соображай”. — “Дело говорит рассудок”, — думаю я. А в это время мой старый друг Кони присылает мне письмо по поводу Достоевского и свою статью о нем же74. Чего же лучше? Чего бы там ни было, а Кони всегда был человеком, ко мне расположенным и готовым на всякие услуги для меня. Вчера я написала ему, просила его совета и жду ответа. Если он мне напишет, что это немыслимо, что это невозможно, я не заплачу, смирюсь и буду ждать у моря погоды. Если же он даст мне какой-нибудь совет, послушаюсь его и буду с своей стороны делать все, чтобы мое дело выиграло.

Сегодня написала и другому другу — Кирпичникову. Получу их ответы и сообразно с ними начну действовать. А тем временем мой пансион попадет в другие руки... и то не беда: уроки при мне останутся, надежда на лучшее меня никогда не покинет, только бы здоровье Бог дал.

Однако это не письмо, а мысли вслух, но Вы, сударыня, особа особенно ко мне снисходительная, вот почему я громко думаю, излагаю на бумагу мои мысли, кладу в конверт и подписываю: Осташков, П. И. Савиной. Впрочем, что же я оправдываюсь: ведь Вы не “ Ревизор ” и хотя я в настощее время “ Угнетенная невинность ”. но Вы ко мне не имеете “ Предубеждения ”. Я могу думать о пансионе, потому что не испытала “ Соли супружества ”, да и “ Беда от нежного сердца ” мне чужда, а все оттого, что я “ Простушка ”, хотя несколько “ Воспитанная ”. Не удастся мое дело, — повторяю, что унывать не буду, а буду распевать и представлять “ Русские песни в лицах ”, пожалуй, даже в “ Ночное ” время. Не достойная ли я дочь своего родителя! Что только не намолола! Надо будет Вам послать мои стихи к Але и к Ване, сочиненные мною же от имени Али. В следующем письме пошлю, а пока кланяюсь Федору Кондратьевичу, а Вас целую.

Варя.

ОТ АЛИ К ВАНЕ

Соч(инение) домашней учительницы В. Куликовой

Здравствуй, Ваня Куликов,
А я — Аля Шестаков.
Я сижу теперь на стуле.
Как ты поживаешь в Туле?
Много ли ты там гуляешь?
Самовары покупаешь?
У нас был большой мороз
И чтоб не морозить нос,
Я дома все сидел
И в окошечко глядел.
А теперь стало теплее,
Солнце светит веселее,
Вот я к бабушке пришел,
Дома бабушку нашел.
Я у ней теперь сижу
И письмо тебе пишу.
Что бы мне тебе сказать?
Чем бы мне тебя занять?
Ко мне часто ходит Мишка.
Он порядочный мальчишка,
Только очень уж шалит,
И ногами все стучит.
Толя — братец мой меньшой
Стал теперь совсем большой.
Только Верочка-сестрица
Еще плакать мастерица.
Ну, прощай, дружок Ванюша!
А здорова ли Катюша?
Поклонися Варе, Оле,
Маме, Коке, дяде Коле
И прощай, мой милый брат.
Остаюся твой солдат”.

Вспомнила и написала. Не правда ли, незамысловатое стихотворение. Аля был очень доволен, да и родители его также, переписали и послали на его имя Ив(ану) Ник(олаевичу) в Тулу.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 7 марта (1881 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 405—406.

21

Суббота, 7 марта (1881 г.)

Дорогая тетенька!

Ужасное время переживаем мы, тяжело писать о нем, тяжело и думать. Сегодня по случаю перенесения тела в крепость нашего бедного императора у меня свободный день и я, пользуясь им, спешу ответить Вам. В воскресенье, в день своего рождения, отец приобщался в Коммерческом училище. Мы пришли от обедни, пили чай, завтракали, был кое-кто из приятельниц папаши, и просидели за чаем до 2-х час(ов), весело разговаривая, споря и смеясь. Вдруг я слышу сильный удар и шутя спрашиваю, не пушка ли это? Мне отвечают: какая же пушка, когда теперь 2 часа; вслед за сим другой удар. Мы, не ожидая ничего подобного, не обратили внимания и продолжали разговор. Потом гости разошлись, а около 4-х час(ов) наша девушка пришла накрывать стол и объявила, что в лавке ей сказали, что государь смертельно ранен. Лиза Левкеева бросилась на улицу, где ей сказал офицер, только что приехавший из дворца, что государь скончался. Вы можете думать, каково было всем нам услышать подобную новость! Вечером предполагался у нас винт, портер, шампанское, присланное папеньке каким-то знакомым Серг(ея) Осип(овича), но папаша все отменил, сам лег спать рано, а мы с гостями сидели и горевали до 11-ти час(ов). На улице было много народу, но замечательно тихо, ни одного пьяного, все как-то оцепенели, и народ, собираясь кучками, говорил шепотом. Эта торжественность производила приятное впечатление, и дух усопшего императора мог видеть, что его столица оделась в глубокий сердечный траур. Надя Васильева приехала к нам с мужем прямо от Зимнего дворца и рассказывала следующее: когда сделалось известно, что государь безнадежен, народ повалил по Невскому к Зимнему дворцу и остановился на площади; слышен был только глухой шум. Наконец вышел Суворов75 и объявил, что государь скончался. Народ зарыдал, с колокольни дворца начался тихий звон... В это время два голоса недалеко где стояла Надя сказали: “Так и надо” и “Давно пора”. Народ бросился на них и в одну минуту эти два негодяя были избиты в кровь, у одного из них рука висела на нитке. Полиция просила освободить их для допроса и только благодаря полиции они не были совсем убиты толпой. Засим полиция стала просить очистить площадь и вся масса кинулась на Невский и дожидалась там нового царя, котор(ый) проехал через час с императрицей к себе. Остальное вы знаете из газет. Скажу только одно, что мы все не можем опомниться от этого несчастья, и не только мы, но даже извозчики только и говорят о нем.

Я получила Ваше письмо вчера вечером и вчера же купила все, что вы просили. Извините, если неудачно, но теперь в Гостином дворе толку не добьешься. Всего куплено на 12 руб., из которых одни портреты стоят 3 р. 50 к., и отправлено. Деньги за это потрудитесь прислать папеньке, я у него взяла.

О своих делах буду писать, когда все немного успокоится. Ответ я получила неблагоприятный, чего и надо было ожидать. Подробности потом, а теперь о себе и думать не хочется. Сейчас раздался выстрел из пушки, значит, процессия тронулась. Мои дамы все там и просили меня сегодня поехать в столовую, основанную Цесаревной, где они кормят даром каждый день бедных. Так как ни одна из них быть там не может, то я обещала им поехать. Это очень хорошее учреждение, об нем тоже буду писать в следующий раз. Целую Вас, благодарю за капусту и рыбу. Всем наслаждаемся.

Федору Кондратьевичу тысячу поклонов.

Варя

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 25 марта (1881 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 406.

22

25 марта, среда. (1881 г.)

Дорогая тетенька!

Не сердитесь на меня за долгое молчание, но, право, некогда: я теперь ни один вечер дома не бываю, все свободное время провожу у моих несчастных приятельниц, Стремляновой и Малышевой. Первая (Стремлянова) в субботу похоронила мужа, которого обожала, сама осталась беременна на последних днях. Замужем была 2 года и это первый ребенок. Она очень грустит и все боятся за ее разрешение. Тем более впечатление сильное, что он умер в 2 дня. Это был молодой, толстый, здоровый человек. У него сделался отек мозга и ожирение, а потом и паралич сердца.

У Малышевой не лучше горе. Сам Малышев допился почти до белой горячки, а она вследствие этого так захворала, что доктор, очевидно, боится за ее рассудок и велел ей рассеиваться, как можно больше, и не задумываться, а у нее, кроме ее обыкновенной болезни, еще такие

расстройства нервов, что она дни и ночи плачет и до того ослабла, что насилу ходит.

Они обе меня очень любят и мое присутствие веселит их, а так как мои нервы, слава Богу, в порядке, то само собой разумеется, что я все свободное время посвящаю им. Вообще в настоящее время куда не взглянешь — все горе и горе, начиная с Императорской семьи.

О подробностях и последствии катастрофы 1-го марта Вы знаете из газет, а у нас в Петербурге так много говорят и говорят вздор и сказки, что я не слушаю их, а тем более не передаю дальше.

О моем деле насчет пансиона и субсидии я писала Кони. Он целую неделю просматривал все законы, наводил всевозможные справки и наконец отвечал мне и прислал при этом письмо Осинина (директора женских гимназий), что в настоящее время на субсидии нет сумм ни в ведомстве императрицы Марии, ни в Министерстве народного просвещения. Следовательно, надо ждать, и будем ждать!

В мартовской книге “Детское Чтение” напечатана моя сказочка с английского под названием “Маленький Гоббо”. Когда я ходила к редактору за деньгами (19 руб.) он меня благодарил и очень просил участвовать в журнале, что мне весьма приятное занятие на лето. За оригинальное произведение он платит дороже, но мне некогда думать, а он мне сказал, что от меня он и переводные возьмет с удовольствием, хотя не любит их, потому что ему нравится мой язык.

На Страстной неделе буду отдыхать и говеть, приобщаюсь постоянно в субботу; тогда еще напишу Вам, а теперь кончаю — зовут обедать.

Федору Кондратьевичу посылаю много поклонов. Прошу Вас поклониться и поцеловать ручку у матушки за меня.

Целую Вас крепко, Ваша Варя.

Влад(имир) Ив(анович) не был у папеньки и даже не посылал поздравить. В чем старик провинился? Не знаете ли?

провинился? Не знаю ли?

Марья Андреевна всякий раз просит меня передать Вам ее низкий поклон.

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 9 апреля (1881 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 407.

23

Четверг, 9-го а(прел)я (1881 г.)

Христос Воскрес!

Милая тетенька и уважаемый дядюшка Федор Кондратьевич!

Поздравляем Вас с великим праздником и желаем всего хорошего. У нас пока, слава Богу, все тихо и спокойно; аресты большие, открытия важные, но газеты молчат, а только в народе слух ходит. Все так напуганы, что малейшая безделица нас страшит. Например, в день казни преступников76 вдруг в 6 часов закрыли все трактиры и кабаки; так как и 1-го марта было то же самое, то мы ужасно перепугались, тем более, что начали болтать, что в Гатчине (где живет теперь государь) что-то неладно. Однако, к счастью, скоро объяснилось, что это было сделано по распоряжению Баранова77 в виду предосторожности. Дай Бог, чтобы Светлый праздник прошел благополучно, все как-то страшно. Ведь подобные люди не почтут святости праздника и способны омрачить его.

Извините, что не могу больше писать, но я очень устала, теперь 11 часов вечера, а завтра надо рано вставать к часам, а после часов я исповедуюсь. Все наши Вас поздравляют, а я целую Вас крепко.

Любящая Вас В(арвара) К(уликова)

Куликова В. Н. Письмо Орловой-Савиной П. И., 15 сентября (1882 г.) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 407.

24

Среда, 15 сентября (1882 г.)

Милая тетенька!

Письмо Ваше получила 13-го сентября, а вечером в тот же день была у нас Александра Ивановна78. Она очень довольна и начальством, и товарищами. Потехин79 предлагал ей сделать ее учительницей школы, и даже не только предлагал, но обещал ей это по прошествии некоторого времени. Газеты не очень хвалят ее, но я газетам не верю, а самой еще не удалось посмотреть.

Я вернулась из Гатчины только в субботу, водворив Машу, а главное молодых на новом месте жительства. Квартира у них очень хорошенькая, хотя оригинальная, в настоящее время еще полный беспорядок, так как 4 комнаты еще не готовы и они живут в остальных 4-х, всего 8 комнат, так что вполне поместительно. Папаша очень доволен своей квартирой, а главное его наслаждение в том, что в его комнате с утра бывает солнце.

Сегодня мимо нас везли Илью Федуловича Громова80 и мы все смотрели из окон, даже папа раньше встал для этого, да и действительно, было на что смотреть. Все его добрые, великие дела шли впереди гроба: 15 человек старух его богадельни, три приюта мальчиков и девочек, 400

шли впереди гроба. 15 человек старух его богадельни, три приюта мальчиков и девочек, 400 человек рабочих, масса венков от разных обществ и громадное количество духовенства. Все это тленное, земное, но вполне заслуженное. Он, говорят, был замечательно добрый человек, и хотя случайно воспитал Рысакова81 (убийцу покойного императора), но зато кроме Рысакова скольким он жизнь дал и скольких может быть остановил на пути к нигилизму тем, что давал им средства к образованию.

Подушку я получила, благодарю за скорое исполнение просьбы. Нового ничего нет, тем более, что я все больше сижу в своей комнате и работаю, и хотя мои приятельницы и показываются ко мне, но их новости все больше вертятся на одном Потехине и театре, а меня это мало интересует.

До свидания. Кланяйтесь Федору Кондратьевичу. Наши все Вам кланяются.

Варя

Бокова В. М. Примечания: Исторические отголоски в частных письмах 1860-х — 1880-х гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 408—410.

1 Ф. К. Савин, муж П. И. Орловой-Савиной.

2 Ишутин Николай Андреевич (1840—1879), революционер, создатель так называемого "Ишутинского кружка" (1863—1866); арестован в связи с покушением 4 апреля 1866 г. на Александра II Д. В. Каракозова (1840—1866), члена Ишутинского кружка (казнен в Петербурге 3 сентября). Казнь Н. А. Ишутина была заменена бессрочной каторгой.

3 Имеется в виду, очевидно, процесс 1866 г. И. А. Худякова и трех других лиц, связанный с делом Каракозова, где защитником обвиняемых был адвокат и литератор В. П. Гаевский.

4 Пинский (Карниолин-Пинский) Матвей Михайлович (1796—1866), сенатор; председательствовал на ряде политических процессов 1860-х гг. (над М. Л. Михайловым, Н. Г. Чернышевским, Д. В. Каракозовым).

5 Кони Анатолий Федорович (1844—1927), юрист, писатель, общественный деятель.

6 София Фридерика Дагмара (1847—1928), в православии Мария Федоровна, невеста Вел. князя Николая Александровича (1843—1865), а после его скоропостижной кончины — Вел. князя Александра Александровича (Александра III), с которым обвенчалась в октябре 1866 г.

7 Малышев Павел Иванович (?—1882), актер Александринского театра.

8 Простонародная драма П. И. Степанова. Шла на сцене Александринского театра в сентябре-ноябре 1866 г.

9 Историческая драма Э. Раупаха, пер. М. Т. Иванова. Шла в Алсксандринском театре в сентябре-октябре 1866 г.

10 Т. е. со дня покушения Каракозова на Александра И.

11 Куликов Александр Николаевич (1845—186...), брат В. Н. Куликовой.

12 Шестакова (урожд. Куликова) Мария Николаевна, сестра В. Н. Куликовой.

13 Яблочкин Александр Александрович (1821—1895), актер и режиссер Александринского театра.

14 О какой пьесе идет речь, установить не удалось.

15 Куликов Николай Николаевич (1844—1898), брат В. Н. Куликовой.

16 Куликов Иван Николаевич (? — около 1867), брат В. Н. Куликовой.

17 Плавский Александр Михайлович (1807—1884), сенатор, и его семья.

18 То есть была на могиле Вел. князя Николая Александровича.

19 Линская (урожд. Коробьина) Юлия Николаевна (1820—1871), комедийная актриса Александринского театра.

20 Васильев Павел Васильевич (1832—1879).

21 Самойлов Василий Васильевич (1812—1887).

22 Комическая опера на музыку А. Адана, переведена с французского Н. И. Куликовым, в 1866 г. шла в Москве.

23 П. И. Орлова, поселившись в 1863 г. в Осташкове, приняла в свое заведование местный общественный (любительский) театр.

24 Речь идет об Александре Ефимовиче Измайлове (1779—1831) и его журнале "Благонамеренный" (1818—1826).

25 Гедеонов Степан Александрович (1816—1878), гофмейстер, тайный советник.
26 Натарова Варвара Петровна (?—1905), актриса Александринского театра.

27 Федоров Павел Степанович (1800—1879), начальник репертуарной части петербургских Императорских театров, драматург.

28 Федорова Екатерина Федоровна, актриса Александринского театра.

29 Драма В. А. Дьяченко на сюжет И. И. Лажечникова. Шла в Петербурге в сентябре — декабре 1867 г.

30 Речь идет о пьесе И. И. Лажечникова "Опричник". Шла на Александринской сцене с сентября 1867 по апрель 1868 г.

31 Видимо, комедия "Семейные порога" В. А. Дьяченко. Шла в октябре 1867 — феврале 1868 г.

32 Дети поэта А. Н. Майкова, у которых В. Н. Куликова была одно время учительницей.

33 Ахматова Елизавета Николаевна (1820—1904), издательница ежемесячного "Собрания иностранных романов, повестей и рассказов", выходившего в 1856—1885 гг.

34 М. К. Савина, сестра Ф. К. Савина, и Е. П. Савина, жена его брата Ивана Кондратьевича.

35 Лядов Александр Николаевич (1814—1871), дирижер Императорских театров в Петербурге.

36 Премьера пьесы А. Н. Островского "Не было пи гроша, да вдруг алтын" состоялась в Петербурге 20 сентября 1872 г.

37 Левкеева Елизавета Ивановна (1851—1904), дебютировала в 1871 г., и Левкеева Елизавета Матвеевна (1827—1881); обе выступали преимущественно в комедийном репертуаре.

38 Монахов Ипполит Иванович (1842—1877), играл опереточные и драматические роли.

39 Абаринова (урожд. Рейхельт) Антонина Ивановна (1842—1901), опереточная актриса.

40 Кауфман, фон, Константин Петрович (1818—1882), инженер-генерал, командующий Туркестанского военного округа.

41 Кладо Ф. Н., коллежский асессор, педагог, преподаватель математики в 6-й петербургской гимназии.

42 Пронский Платон Петрович (1825—1875), актер Александринского театра.

43 Никольский Федор Калинович, певец.

44 Комедия в 4-х действиях, шла в Петербурге в 1875 г.

45 Мозер Александр, суфлер драматической труппы Александринского театра.

46 Караев Федор Дмитриевич (?—1878), драматург.

47 В окончательном варианте пьеса называлась “Свадьба по телефону” (шутка-водевиль). Премьера прошла в Петербурге 26 октября 1879 г.

48 Каменская (урожд. графиня Толстая) Мария Федоровна (1817—1898), писательница, автор “Воспоминаний” (М. 1991).

49 В 1870-е гг. М. Ф. Каменская была камер-фрау при дворе Вел. князя Владимира Александровича (1847—1909) и состояла при его детях; в ее ведении находились детские комнаты и состоящий при них штат прислуги.

50 М. Ф. Каменская была автором нескольких стихотворных сказок. Две из них (“Сказка о дедушке Январе...” и “Сказка о мудром царе...”) были опубликованы и прохладно встречены критикой.

51 В. И. Савин и С. П. Уткин (1840—1896), предводитель дворянства Осташковского уезда (1868—1880 и 1883—1896 гг.), почетный мировой судья. Оба — племянники Ф. К. Савина.

52 Шестаков Александр Сергеевич (187...—1896), племянник В. Н. Куликовой.

53 Перечислены актеры Александринского театра: Сазонов Николай Федорович (1843—1902), Дюжикова Антонина Михайловна (1853—1918), Зубов (настоящая фамилия Попов) Николай Николаевич (1817—1890), Петипа Мариус Мариусович (1850—1919) (“Мишка”), Варламов Константин Александрович (1848—1915), Жулева Екатерина Николаевна (1830—1905), Читау Александра Михайловна (1832—1912), Стремлянинова (в замуж. Соболева) Елена Гавриловна (1857—1883), Киселевский Иван Платонович (1839—1898), Новиков Никифор Иванович и Самойлов Николай Васильевич.

54 Пьеса Н. Н. Куликова “Иудушка” была поставлена в Петербурге в 1880 г. и затем несколько лет шла в московских частных театрах, где, благодаря игре исполнителя главной роли В. Н. Андреева-Бурлака, имела успех. М. Е. Салтыков-Щедрин протестовал против постановки, осуществленной без его ведома (“Голос”. 1880, 8 декабря).

55 Смирнова-Сазонова Софья Ивановна (1852—1921).

56 Шишкин Н. Е. — музыкант, знакомый П. И. Орловой.

57 С. О. Шестаков (?—1903), муж М. Н. Куликовой, сестры В. Н. Куликовой.

58 В. И. Савин.

59 Знакомые Куликовых: Николай Иванович Подобедов (?—1899), врач, действительный статский советник, его жена Мария Николаевна (?—1906) и его сестры: Екатерина Ивановна (в замуж. Нильская) (1830—1883), актриса, и Надежда Ивановна.

60 Имеется в виду муж П. И. Орловой-Савиной — Ф. К. Савин и ее брат Н. И. Куликов.

61 Драма И. Н. Ге (1841—1893), поставленная в Петербурге в 1880 г.

62 В № 9 "Отечественных записок" за 1880 г. была помещена первая глава "За рубежом" М. Е. Салтыкова-Щедрина.

63 Пашков Василий Александрович (1831—1902), известен своей пропагандой евангелического христианства в России в 1874—1884 гг. (после чего был выслан за границу), и его жена Александра Ивановна (урожд. графиня Чернышева-Кругликова), тетка известного толстовца В. Г. Черткова. В конце 1870-х — начале 1880-х гг. В. Н. Куликова давала уроки детям Пашковых.

64 Наиболее вероятно, что речь идет о статье-рецензии В. Г. Белинского "О детских книгах" (1840), полнее всего характеризующей его педагогические взгляды 1830—1840-х гг.

65 Дочь С. О. и М. Н. Шестаковых.

66 Редсток, Гренвиль (1831—1913), лорд, отставной подполковник индийской службы, проповедник евангелического христианства (преимущественно в великосветских кругах).

67 Бильбасов Василий Алексеевич (1837—1904), историк, в 1871—1884 гг. фактически редактор газеты "Голос".

68 Мемуарный очерк Н. И. Куликова "А. С. Пушкин и П. В. Нащокин" ("Русская старина", 1880. № 12. 1881. № 8).

69 Муравьев-Виленский Михаил Николаевич (1796—1866), граф, министр государственных имуществ, генерал-губернатор Северо-Западного края (1863—1865). Был крайне непопулярен в обществе (прозван "вешателем") в связи с жесткой русификаторской политикой и карательными мерами. Его "Записки об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа" (вполне соответствующие характеристике В. Н. Куликовой) печатались в "Русской старине" в 1882—1884 гг.

70 Нильский Александр Александрович (1841—1899), актер.

71 Речь идет о персонажах известного водевиля Д. Т. Ленского "Лев Гурыч Синичкин" — старом актере и его дочери.

72 Цытович (Цитович) Петр Павлович (1844—1913), редактор официозной газеты "Берег".

73 Катков Михаил Никифорович (1818—1887).

74 Статья А. Ф. Кони "У гроба Ф. М. Достоевского" в газете "Порядок", 1881, № 29.

75 Суворов Александр Аркадьевич (1804—1882), светлейший князь, генерал-адъютант, генерал-инспектор пехоты, член Государственного Совета.

76 3 апреля 1881 г.

77 Баранов Николай Михайлович (1837—1901), генерал-лейтенант, петербургский градоначальник в 1881 г.

градоначальник в 1861 г.

78 Шуберт (урожд. Куликова, во втором браке Яновская) Александра Ивановна (1827—1909), сестра П. И. Орловой и Н. И. Куликова, известная актриса.

79 Потехин Алексей Антипович (1829—1908), драматург; занимал должность управляющего театром.

80 Громов Илья Федулович (?—1882), действительный статский советник, известный петербургский благотворитель.

81 Рысаков Николай Иванович (1861—1881), народоволец; 1 марта бросил в Александра II первую бомбу, не причинившую Императору вреда. Повешен 3 апреля 1881 г.

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Как жили ваши бабушки и прабабушки" Воспоминания Н. А. Бычковой

Бычкова Н. А. Как жили ваши бабушки и прабабушки: Воспоминания / Публ. [вступ. ст. и примеч.] В. М. Боковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 410—443.

Представляемая читателю семейная хроника относится к редкому в отечественной мемуаристике жанру народных воспоминаний. Рассказчица — московская мещанка Наталья Алексеевна Бычкова (урожд. Румянцева) (1860—1942) — дочь бывшего крепостного. Люди этого сословия, даже и "знавшие грамоте", не были привычны к письму и исключительно редко записывали свои воспоминания. Почти столь же редко находились рядом с ними и люди, делавшие это за них. Нашей рассказчице повезло: такой человек ей встретился, и рассказы Натальи Алексеевны были записаны В. В. Юрьевой в конце 1930-х гг. Воспоминания — частью рукописные, частью перепечатанные на машинке — были переданы в ГЛМ, а позднее оказались в собрании РГАЛИ (Ф. 1337. Оп. 3. Д. 37). При публикации сохранены стилистические особенности и оригинальная транскрипция имен собственных.

Наталья Алексеевна Бычкова (девичья фамилия Румянцева) родилась 8 (ст. стиль) августа 1860 г. в Москве. Окончив казенную школу кройки и шитья, поступила домашней швеей в дом купцов Евдокимовых, где жила до замужества (1882) своего с Алексеем Филипповичем Бычковым. Служил он приказчиком на дровяном складе, подрядчиком, управляющим именьями и комиссионером.

Наталья Алексеевна очень много путешествовала с мужем по "матушке-России, была в "Малороссии", на севере, ездила по "святым местам", жила во многих городах.

Очень наблюдательная, неглупая, обладающая прекрасной памятью, Наталья Алексеевна была истинно русским человеком и глубоко любила свою родину и свой народ.

Рассказывала она о своей жизни и своих жизненных спутниках и непременно прибавляла: "И все это было, и все это прошло". Наталья Алексеевна много читала в молодости, не только "божественное", но и всевозможные книги, помнила стихотворения, ученые ею в детстве, часто повторяла Пушкина, Лермонтова. Говорила, что она с мужем выписывала "Ниву" и другие журналы. Писала с трудом, например, "поминанье" в церковь, счет на купленные продукты.

Рассказывать она любила всегда во время какой-нибудь легкой работы (вязанья, штопки, чистки ягод) или к концу чаепития, после 8—10 чашки чая.

Опрокинув тяжелый толстый стакан из граненого стекла и утерев концами ситцевого платка над верхней губой, начинала: “Вот, помнится мне, да недавно это еще было, годов 25, поди, тому назад, покойница Надежда Дмитриевна, ваша прабабушка...” — и отставляла стакан с блюдцем на середину стола. Стакан этот жил у нее 44 года, чай она пила несколько раз в день только из него, говорила, что стакан этот она и на пол часто роняла, наливала в него кипяток после холодной воды, и “все ничего”. “Уж я знаю, как он расколется, значит, мне помирать”.

В конце 1941 года, когда немцы подходили к Москве, стакан вдруг, “ни с того, ни с сего”, лопнул. Наталья Алексеевна, увидев его распавшимся на две части, вздохнув, сказала: “В нынешнем году и мне конец”.

Когда на соседний двор (музей Толстого на Кропоткинской) попала фугасная бомба, это произвело страшное впечатление на Н(аталью) А(лексеевну). Она как-то “ушла в себя”, стала слабеть, и 23 марта 1942 года, в полном сознании, исполнив все православные обряды и простившись со всеми окружающими, умерла на 82 году жизни. Похоронена на Ваганьковском кладбище.

Рассказы ее записаны внучкой сверстницы Натальи Алексеевны — Лидии Александровны Цветковой — Верой Владимировной Юрьевой (по мужу Скавронской) в 30-х годах. Писалось тут же, как говорится, из уст рассказчицы, ее стилем, ее языком простой русской женщины, много повидавшей на своем веку.

***

Маменька-покойница в Козлове родилась, в Козлове до замужества и проживала. Дед-то мой из купечества был, обеднел только, совсем разорился. Детей у него шестнадцать человек было: шесть сыновей да десяток девчонок. Троих Господь прибрал, тринадцать в живых осталось. Пятерых девок удалось с рук сбыть, мать шестая была. К этому времени деду совсем в торговле не повезло, беда, да и только. Заневестились дочери, а женихов не находится. Потому, для своего звания, для купеческого — капиталов нету, а мужику белоручки не нужны, значит, к черной работе не приучены. Сами знаете, какая работа у мужика. Всякие там рукоделия, да что псалтырь разобрать сумеет — ни к чему. Маменьку только на 29 году просватали.

Отец-то мой из крепостных был, вольноотпущенный помещицы Косогорской, в Мценском уезде поместье было, Орловской губернии. Как заболела барыня, почуяла кончину, всем крепостным волю дала. После смерти ее наследники больно ругались: “По миру, — говорят, — нас она пустила”.

Барыня-то добрая была — отец рассказывал, а кругом лютые господа были. Отца моего ценила и уважала, управителем имения сделала. Талантливый был батюшка-покойник, сметливый мужик, хотя и не грамотей. Грамоте ни в зуб не знал, да на что она ему и нужна была, грамота-то? На то конторщика держали. Счета там какие — все в голове имел.

Маленьким еще мальчонкой папеньку покойного из деревни на барский двор взяли. В казачки. Мать его, бабушка моя, стало быть, выходит, ревмя ревела, сына провожая. Сладкое ли дело в барских хоромах на побегушках быть? Всяк тебе хозяин, и никогда покоя нету. К этому времени у бабки несчастье случилось, мало того, по моему отце очень убивалась, а тут ушла барщину править, а младший сыночек, Прохором звали (двух годов не было) потянулся за щами, да весь горшок на себя и перпрокинул. Умер мальчишечка.

Ну, значит, просватали маменьку. Жених-то ей впору в отцы годился, вдвойне старше был, да и притом вдовый. Пил очень. Сам отец про себя рассказывал, да и люди говорили — испортили отца, травой какой опоили: до тридцати пяти лет вина в рот не брал, а тут запил горькую. Сам-то с того как мучился, а слаб был на вино очень. С зависти это его люди, больно везло ему во всем.

Говорили, первую жену в пьяном виде в могилу свел. Маменька плачет, убивается: “Не пойду за него, лучше век вековушкой буду”. А бабушка-покойница (Царство ей Небесное) сама с маменькой слезы проливает, видно, жалеет, да как не жалеть — дочь родная (хоть и десяток у ней дочерей-то), всячески ее упрашивает, уговаривает:

— Выходи, — говорит, — за него, за тобой, — говорит, — еще четверо идут. Ты, старшая, не пойдешь замуж, им в девках из-за тебя оставаться.

А раньше ни-ни младшей сестре наперед старшей к венцу идти. Сестры со слезами умоляют: “Нам из-за тебя пропадать, в девицах век коротать”. А к слову сказать, лицом из них никто не вышел. Ни Фиозва, ни Феоктиста, ни Алевтина с Музою — тетки мои. По календарю имена давали, в какой день родился, тем святым и называли. Мать Лидией звали, имя редкое тогда было и красивое.

Ну, потужила, потужила маменька, да как быть: у отца родного век на шее не просидишь. Пошла к венцу. Конечно, и обидно было. Старый, да вдовый, и еще крепостной бывший. А хоть и не из благородных она сама-то, да все как-никак купеческая дочка. Французскому обучена даже была, а одну сестру ее у учителя танцам учили. Потому, всем все сразу не к чему. Кого чему. Рукоделия всяческие женские знали, конечно, по хозяйству тоже, не то, что теперь, ничего по дому не умеют. А тетки мои, все четыре, что матери были моложе, так в девицах и остались, опять-таки купцов не нашлось, а мужику на черную работу изнеженных брать страшно. Рукоделием промышляли, при родителях жили, а кто у замужней сестры. И дожили все мои тетеньки до восьмидесяти лет, да и за 80 перевалили. Очень долговечные все в нашей семье. Купцы-то, у коих дети не жили, в честь теток имена новорожденным давать стали. Знала я одну Фиезвочку, ничего жила, может, и теперь еще жива, коль в мою тетеньку пошла.

***

Маменька любила про родной Козлов вспоминать, как ей в девичестве жилось. Козлов в ту пору большой город был, хороший. 7 церквей, 2 монастыря, дома каменные. Училище уездное было, 35 тысяч жителей.

В Козлове в то время девицы все больше рукоделием занимались, из купечества там небогатого, или из мещан. А уж первой рукодельницей у них Груня слыла, не девка, а клад была, кружево ли тончайшее сплести, гладь ли, бисером, золотом вышить, — никто по работе с ней спорить не мог, потому, говорят, лучше всех свое дело знала. Как царь-то, Николай Павлович, с царицей в Козлов приезжали, она, Груня, пелену золототканую подносила своей работы. Вот какая рукодельница была. А, смешно сказать, почти без рук родилась. Груня-то маменьке-покойнице троюродной сестрой приходилась. В семье девятая по счету была. Мать-то ее с ней долго мучилась, как родила. Бабка как взглянет на новорожденную, да как ахнет. А сама потихоньку отцу шепчет: “Неси, — говорит, — ты ее, батюшка, скорей с глаз долой, пока жена твоя не видала. Девчонку-то, — говорит, — бес пометил”. Ну, значит, схватил отец дочку, да в сенцы. Глядит, а у нее пальцы все перепонкой затянуты, чисто как у гуся. Что делать?.. Люди небогатые — куда такая нужна, какая из нее работница выйдет? Отец долго думать не стал, взял нож кухонный, поточил, да всю ей перепонку промеж пальцев и прорезал. Паутинкой обложил, тряпками перевязал, и какая девка хорошая вышла, первая по рукоделию слыла... Какие там дохтора! Один на весь город был, да и то все больше пьяный валялся, когда в картишки у помещиков не играл. Бабки и лечили. Да тогда и народ меньше болел. Каленый народ был. Своими все средствами. Уж ежели очень плохо станет, за бабкой бегут, да за попом. Травами пользовались, а то больно простыл, ломота (грип, по-нынешнему, приключится) — пошел в баню, попарился — как рукой сняло. Либо с уголька спрыснут, от сглазу1. Ладонки разные тоже носили, чтоб не болеть, значит, помогает. А то просто на Бога, что Бог даст: выздоровел — хорошо, а помер — Его святая воля.

***

Государь-император Николай Павлович с супругой Александрой Федоровной да дочкой Марией Николаевной в Козлов приезжали2. Дом им самый лучший отвели, празднество в их честь устроили. Звонили во всех церквах, да город вечером плошками разноцветными украшали. Маменька в ту пору совсем молоденькая была. Царь поехал, не знаю, чего там осматривать, а царица с великой княжной, благо погода хорошая стояла, на балкончик вышли. Известно, собрался народ — поглазеть. Государыня-матушка милостиво со всеми разговаривает. Мария Николаевна (малюточкой еще была)3 ребятишкам сласти кидает. Вдруг, как ветер подует, платья-то широкие носили, юбка-то как у царицы поднялась, а юбок под низом на ней шелковых красных две аль три штуки надеты. Бабы-то как заохают: “Матушка-царица вся как есть в сафьян обтянута!”

Маменька ну и смеялась! Энтакую штуку сказать!

***

Уж я вам говорила, что Козлов в ту пору не плохой город был. Как же, и помещики свои дома в городе имели. Наезжали по зимам. Балы, вечера давали на святках и на масленой. Хорошие дома, богатые. Князь Голицын под самым Козловым жил4. Богач страсть какой. Все о родном городе заботился, церкви подновлял, домов настроил, денег много жертвовал на сирот там, да на бедных. Чтили его очень и побаивались.

На масленой, бывало, народ веселит. Сани в два яруса соорудить велит, сам сядет под низ, на коврах развалится, а на верхушку песельников ряженых из своих крепостных посадит. Так и ездит по всему городу. Песельники песни орут, на разных инструментах играют. Понятно, народ за ними валом валит. Так всю масленую и катаются.

А у самой базарной площади так вроде бульварчика что-то было, ну, вздумал князь этот самый бульварчик приукрасить. Статуи голые поставили с обеих сторон. Оно, конечно, красиво, даже очень получилось, да вот беда: едут мужики из деревни на базар — лошадь стой, сам слезает, да ну к статуям кланяться и молиться. “Богов, мол, понаставили”. Одно искушение: стоит на коленях и крестится. Грех, да и только. И ни один поп князю сказать не решается, потому князь — сила. Неизвестно, как еще взглянет: мне, дескать, никто не указ. А оставить так тоже нельзя, идолам поклоненье-то. Уж окольными путями там, не то до губернатора, не то до архиерея довели. Убрали статуи.

***

Конечно, помещиков кругом не мало было. Были и лютые, людей до смерти засекали, измывались по-всякому, а другие и ничего — добрые, терпеливые. Только добрые-то редко попадались, уж так всегда на свете.

Под Козловым тут у одних тоже именье было. Не из богатых, а ничего жили. Старик отец хоть и в очень преклонных годах был, а все ж таки сам хозяйство вел, дочка ему помогала (сам он вдовый был). Сыновья с им не жили, не то в Москве, не то в Петербурге, а кто в Тамбове находились по службе. Дочери разъединой вольная волюшка была дана. И по энтой самой волюшке она над крепостными своими что хотела творила.

Особенно доставалось горничной ейной, Акульке. Уж так ее унижала Машера (Машерой ее родные звали5, Марья по-нашему, по-простому). Наплюет, бывало, грязь всякую разведет, да зовет ту: “На, убери!” Встанет, руки скрестит на груди и смотрит, улыбается, чисто ли. Мало того, простите меня, заставляла с собой в уборную ходить, рук своих барских марать не хотела. “Я, мол, не могу, меня претит, а ты, холопка, на то и создана, чтобы за барами прибирать”. Ну, раз тоже и прорвало холопку. Та ей в тряпку булавочку сунула, да булавочкой-то провела. Вскрикнула барыня, заохала: “Чтой-то?” — говорит.

А Акулька и отвечает: “Не могу, мол, знать, по нечаянности”.

— Я тебя, такая-сякая, на конюшне засеку, в дальнюю деревню сошлю!..

Постращала-постращала, да на сей раз жаловаться не пошла, стыдно, верно, стало. Обыкновенно чуть что — бежит к отцу: “Так, мол, и так, накажи ее, мерзавку”. Барин был не злой человек, да уж говорила я, дочке единой ни в чем отказу не было. Только никому не сказала, что с ней Акулька сотворила. И с той поры ни-ни, без Акульки обходится стала. Выучила ее Акулька.

Тут в скором времени Машерин дядя приехал, помещик Баженов, Иван Андреевич, богатей, именье в три тысячи душ под Тамбовом. Сидят раз в саду, чаи распивают. Акулька тут же за столом прислуживает. Машера ее и так, и сяк задеть старается: то, мол, да не так, не хорошо. Наедине-то в покое оставляла, побаивалась, видно, как бы опять на булавочку-то не напороться, а при других, чужие ежели особенно, — рады стараться. Дядя сидел, сидел, да вдруг и говорит:

— Продай, — говорит, — мне, Машера, Акульку, иль обменяй на кого. Тебе, — говорит, — видно, она не по нутру пришлась.

А Акулька-то Машерина собственная была. Машера подумала, да согласилась. Рада от Акульки избавиться. Дядюшка-то и увез с собой свою новую крепостную душу, а в скором времени на свадьбу позвал — женится помещик Баженов на своей холопке, девке Акульке.

Стала она Акулиной Амельяновной, владетельницей трех тысяч душ. Машера-то из себя выходила:

— Как же так, — говорит, — ведь я должна ее теперь тетенькой звать, ручки у ней целовать, у

хамки!

На свадьбу не поехали, ни Марья Антоновна, ни ее отец. А Акулина Амельяновна в почет и уважение вошла. И хоть лицом некрасивая была, ну прямо некрасивая, черная такая, да характера доброго, отзывчивого.

Слышала я, многие так девки крепостные барынями становились, свою же братию били и притесняли, со свету белого сживали. Забывали о своем о прежнем положении, люте ли с каждым днем на человеческой крови. Про Акулину Амельяновну того сказать нельзя. Пальцем никого не тронула, ласкова со всеми, приветлива, ангел, а не человек была. Грамоте понемногу обучилась, по-французски сказать умела, чтоб перед мужниными гостями в грязь лицом не ударить.

Барыни-то окрестные сначала ох как на Акульку косились, да хлеб-соль, приемы радушные дело сделали, притом же муж ейный Иван Андреевич богач во всей округе, да с князьями, с графами столичными службу водил.

В Тамбов, бывало, Акулина Амельяновна под праздники выезжала. В карете золоченой, лакеи на запятках, сама в шелках-кружевах, да на горничной на приближенной платье шикарное с барского плеча. Купцы из лавок выбегут, начнут самой товары казать, всю, бывало, лавку ей в угоду вверх дном перевернут. Материи разной накупит, вот сколько аршин, платков там разных, лент ярких. Все в подарки всем. Страсть добра была дарить.

А у Машеры к тому времени случилось горе — отец помер. Братья съехались, именье разделили, не то пошло. Братья Марье Антоновне — не отец-баловник. Прощай, воля прежняя. Не к тому Машера привыкла. Пробовала было волю показать, — видит, дело плохо. Потужила-потужила, и смолкла. Живет, из братниных рук глядит. Тут купец Осетров (богатей, мукой торговал, а маменьке моей двоюродным братом приходился) подвернулся, пошла за него Марья Антоновна, захотелось ей снова хозяйкой сделаться. Хоть и купец, да где тут разбирать.

Этак вот несколько годов прошло: пять ли, шесть ли, более ли. Стали у Машериного мужа дела плохо идти, хуже да хуже. Покучивать стал, да в картишки поигрывать, ну, и разорился вконец. Тяжко Марье Антоновне пришлось — муж никудышный, детей куча, просто есть нечего. Сунулась к братьям, а у тех все давным-давно спущено, полушкой помочь не могут. К дяде идти — опять-таки стыд не позволяет: “Как, мол, я, столбовая дворянка, у своей прежней холопки на черный день просить приду?” Так с хлеба на квас живет, перебивается. Дети тоже подросли, детей учить надобно. Муж да братья к дяде на поклон посылают: “Ему, дескать, тебе тысячу-другую плевое дело отдать, а тебе спасение”.

— Не могу, — твердит, а все ж таки пошла. Жалость к детям стыд, должно быть, переломила.

Входит. Лакей ее в гостиную привел, пошел барыне доложить: “Осетрова-де пожаловала”. Машере-то каково, что передумала, что перечувствовала, покаместь о ней докладывать ходили? Примет ли Акулька-мерзавка? А ну, как за дверь пошлет? Всяко бывало.

Вышла к ней Акулина Амельяновна, разодетая в белый шелковый пенюар, шелками расшитый (свои мастерицы были). Машера к ручке. Не дала та, отдернула. Да тут главная в намереньи суть.

Усадила Марью Антоновну Акулина Амельяновна, заплакала Машера слезами горькими, стала о своем бедственном положении говорить. Акулька-то свою барыню прежнюю утешает: “Всем, — говорит, — что есть в моих средствах и в силах, вашему семейству помогу. И Ивана Андреевича своего упрошу”.

Сдержала слово Акулина Амельяновна: деньгами сколько там тысяч помогли, детей в столицу учиться пристроили, а холстов, холстов, да провизии всякой, чего только с собой не надавали,

сколько уж там возов. Поправились дела с тех пор у Осетровых. Муж Марьи Антоновны пить бросил, опять торговлю завел, прежнего богатства хоть и не было, но с достатком жили, прилично.

А у Акулины Амельяновны сын после на всю округу славился. Рассказывали люди, чего-то он вроде монастыря завел. Женат только был, да с женой по-христиански жил, добродетельно. Добер был, весь в мать. Уж к этому времени, конечно, крепостного права уж не было, в 61 году дали волю ту.

***

Вот, говорят, “детство золотое”, “пора незабвенная”. Я вот этого понять не могу. Уж мое-то детство таким уж “золотым” было, сколько я горя видала, что и сказать трудно.

Говорила я вам, отец мой старше моей маменьки чуть ли не на тридцать лет был, вдовый, первую жену пьяный битьем в гроб вогнал, а тут за мою маменьку принялся. 73 года я на свете живу и забыть не могу, как он над ней, страдалицей, измывался. Я первенькая была, в шестидесятом году родилась, за год до отмены крепостного права. Осенью маменька меня принесла, в августе месяце, Наталией и назвали6. Отцову мать тоже так звали. После меня еще две сестры были, не жили только, потому от побоев раньше времени родились.

Батюшка мой делами разными занимался, комиссионер звали, кому именье сосватает, кому дом купит, деньги кто даст под проценты отыщет. Так, бывало, с описями да с планами разными и расхаживает, с собой носил. Знакомство обширное имел с всякого ранга людьми: и с купцом, и с дворянином, а нередко графов и князей выручал. Только дело это отцовское дохода мало приносило, потому сегодня продал там что, комиссию получил, и с деньгами, а то месяца ходит — последние гроши проживает. Пил очень. Мы больше на маменькин заработок жили, вышивать она там или шить брала, подрабатывала. И родные ее, мои дедушка с бабушкой покойные, немало из Козлова ей присылали. Так и кормились мы.

Пять мне лет было, как большая беда случилась. В самого вешнего Николу, мая девятого, в Козлове случился большой пожар. В 65 году это было. Ахнуть не успели, как город пламенем смело, людей поразорило да поискалечило. Сгорели многие заживо. Говорят, будто велел один купец баньку себе истопить (болел очень), ну, Господь и покарал — в праздник, мол, великий этакий париться надумал. Вспыхнули от этой баньки дома, дом от дома, сарай от сарая. Дальше — больше, разбегался красный петух. Народ, кто еще от обедни не ворочался, а кто уж пришедши чаи распивали; столпотворение поднялось великое. Ветрено к тому ж еще в тот день было. Где тут тушить, разве этакую бурю утушишь, дай Бог себя спасти, да чего там успеешь из имущества. Дедушка с бабушкой, мои дядья, тетки так же бросились именье свое спасать. Первонаперво — образа, потом сундуки, перины... Опять-таки с переполоху не понимали, что делали. С тряпьем старым сундук из пламени вытаскивали, а добро — шубы да платья — в огне гореть оставляли. Помутился разум у человека. А сколько детей да больных погорело — сказать нельзя. Два священника — один балкой рухнувшей в церкви раздавлен был, другой, утварь церковную спасая, весь-весь обгорел, да, обезумев, в пруд бросился. Дед мой тоже сильные ожоги получил, замертво его из горящего дома сыновья вытащили.

Много, много разорилась тогда материна родня. На краю домик купили у вдовы (уцелел край Козлова чудом), бедный, тесный домишка, какой по сравнению с прежним был. А семейство у деда великое насчитывалось. Два сына женатых, неделенных, с детьми, да четыре девицы — дочери. Дед через этот пожар и заболел. Тосковать начал, и ожоги тоже не пустяшное дело: ни волос, ни бороды, ни бровей — все спалено было. Поболел две недели и преставился. Бабушка, Ольга Андреевна, в муженьке покойном души не чаяла. Захирела, зачахла без своего друга верного, да в августе месяце за им пошла. Всю жизнь душа в душу жили, слова бранного друг другу не сказавши.

Бабушка-покойница, Ольга Андреевна, малого роста была, худенькая, из себя невзрачная. Думалось, на нее глядя, как это она 16 здоровых детей выносила да родила. Пятнадцати лет замуж вышла. У матери своей, Анны Антоновны, одной только дочкой и выросла, дитем любезным оставалася. Они тоже не бедны были, только из-за того, чтоб капиталу не платить (коль в купцы записался, 25 рублей следовало)7 в мещанском сословии оставалися. А прадед мой, Царство ему Небесное, все одно торговлей занимался. В те времена почти все торговали.

Прабабка моя, деда моего мать, Катериной Ивановной звали, дочку замуж выдавала, да Оленьку к себе в обшивки и пригласила. Видит — девка — золотые руки, тихая, скромная, ничему не перечит. Больно по душе пришлась Катерине Ивановне моя бабушка. Вбила себе в голову сына Иванушку (деда моего) на Оленьке женить. Обласкала, обдарила Оленьку, а сама к Анне Антоновне с таким разговором: “Отдай, мол, дочь свою за моего сына, потому больно девушка ваша нам приглянулась”. Анна Антоновна ни Боже мой: “Как я дите свое балованное, единственное, на шестнадцатом году замуж отдам, слава Богу, не перестарок еще моя Оленька, успеется еще в бабах пожить, дайте матери, дескать, на ее наглядеться. Да рази мы вам чета? Соседи засмеют, скажут: залетела ворона не в свои хоромы. Где уж нам к вам в родню лезть?”

Ну, Катерину Ивановну не переупрямишь, раз что задумала — купут8. А тут еще прадед-покойник прабабку давай учить: “Ты чего, Анна Антоновна, — говорит, — баба-дура, не в свое дело суешься, да нам честь великая с Осетровщиной породниться”.

Высватали Оленьку.

Анна Антоновна, глаз не осушая, дочку любимую оплакивая, приданое той заготавливала. Сарафанов нашили с позументами, платья в блестках, летники9 старинные, еще допетровского времени, что самой ей, Анне Антоновне, в приданое давали, Оленьке отдала. Ну, ясно, перин, подушек, холстины вороха, полотна различные, домотканые. Всего как полагалось. Свадьбу справили чин-чином.

Вот раз свекровь-то и говорит Ольге Андреевне (ехать куда-то надо было): “Оденься, — говорит,

Вот раз свекровь-то и говорит Ольге Андреевне (ехать куда-то надо было): “Одевай, — говорит, — Оленька в лучшее платье”. Оделась бабушка, вышла к свекрови, та как ахнет: “Да что ты, — ахает, — матушка-голубушка, этак вырядилась!” А на той дилетка (вроде сарафана), вся позументом расшитая.

— Нет, — Катерина Ивановна ей молвила, — так, милая, не годится, купцы засмеют. Пойди переоденься.

А переодеться-то не во что. Все приданое золотом, словно ризы поповские, блестит. Ой ты батюшки! Осерчала Катерина Ивановна, не на невесту, правда (та-то не виновата, конечно), а на Анну Антоновну с мужем, зачем ерунды девке настряпали. Все велела в узлы связать и назад несть. И Анна Антоновна на Осетровых ой как обиделась! Сидит на полу, дочерины наряды перебирает и воет-причитает по кажной вещи: “Энто ли плохо, энто ли не красота ли, не роскошь?” За полцены продали. Нашлись дураки, купили.

А Оленьке свекровь все новое справила. Любила ее больно свекровь, не обижала, а как первенький, Николушка, родился, прямо души в ей чаять не стала. И с Иваном Николаевичем Ольга Андреевна по-христиански, дружно жили.

Ну, значит, я опять о маменьке-покойнице да о детстве своем рассказать хочу. Как погорели Осетровы-то, нечем было им помогать маменьке, тут уж нужда совсем к нам переселилась. Мало того, шутка сказать, маменька обоих родителев в три месяца лишилась, да пить-есть надо, дочку — меня обуть, одеть, накормить. Я, конечно, несмышленыш была, не понимала, что хорошо, что вкусно, сунут сайку — и рада, чего мне еще надобно? А отец, ясное дело, ежели и зарабатывал, все пропивал.

Стала маменька чулки брать сшивать шелковые для театров и театральных школ. Да, поймите вы, машин тогда не было, все вручную, сколько глаз по ночам портила! Отец, бывало, пьяный придет, давай мать учить. Избить всю — это, по-прежнему, учить называлось. Потому он муж, ему власть, а по пословице старинной — курица не птица, баба не человек.

Вся она-то, моя бедная голубушка, в синяках, да в кровоподтеках ходит. Куда там жаловаться, кому! Потому всяк муж своей жене господин, а на венчанье Апостол читается: “Жена да убоится своего мужа”. Он, мол, тебе сапогом в живот, а ты молчи, он, дескать, твой кормилец и повелитель.

Что вы, разве можно у соседей укрываться было? Стыд и срам сор из избы выносить. Да и всюду такое творилось, по всей матушке-России мужья жен “обучали”. И бедные, и богатые.

Только уж, когда батюшка-покойник за меня принимался, тут маменька, словно наседка на коршуна, обезумев, кидалась.

— Меня, — кричит, — хоть всю искалечь, а дите тронуть не смей, младенца безгрешного.

В трезвом-то виде отец, особенно когда деньжата водились, и побаловать не прочь был. Куклов мне, сластей накупит: “Играй, мол, Наташенька”. Все ж таки боялась я его до смерти. Бывало, чуть заслышу: сапожищами гремит, — в угол, аль под кровать забьюсь, дрожу вся от страху — вот-вот сейчас побоище начнется.

***

Раз сидим мы, обедаем, вдруг отец-то и говорит: “Глядите, — говорит, — вот старика Евдокимова10 в баню повели”. Мы к окну. Видим, ведут двое приказчиков под руки старого, бритого, в черной чуйке одетого да в сапогах мимо наших окон. Слепой он уж 8 лет был, темную воду в глазах имел. Его молодцы11 раза два в месяц в баню париться водили. Первый богатей был нашего прихода, какие иконы да паникадила в церковь Спаса на Песках12 пожертвовал, обновил

храм за свой счет, деньгами дал несколько тысяч на помин души.

Сыновья отцов карман порастрясли изрядно, вино да кутеж, на женщин опять-таки. Батюшка мой сказывал (ему тоже люди говорили), ужины любил Дмитрий Григорьевич Евдокимов задавать. Из серебряных бокалов за его здоровье пили, да затем эти бокалы ногами топтали, чтоб, значит, из них ни за чье здоровье больше не пить.

Так вот как я вашего бабушки деда родного в первый раз увидела.

Про отца Димитрия Григорьевича сказывали, что лет 80 назад он в Москву в лаптях пришел, да повезло, видно, человеку: какое под старость каретное заведение имел, каким владел капиталом. Опять-таки дома, мебель там всякая, золото-серебро.

А Димитрию Григорьевичу не повезло в детях. Все кутилы вышли сыновья, денежками по сторонам щедро сорили. Им в Москве известность была по этой части. Один-то сын, может, и посмышленее других вышел, да убогонький родился — с горбом. Михаилом Димитриевичем звали.

Сам-то к старости совсем ослеп, ну и пользовались и свой, и чужой, дело понятное. Уж это испокон веку было и будет всегда, ничего тут поделать нельзя. Потому люди.

***

Другой раз тоже сидим мы, не то обедаем, не то чай пьем. Глядим, по двору женщина какая-то словно кого-то разыскивает. Маменька приглядываться стала, да вдруг как вскрикнет: “Да это, — говорит, — моя Фиеза!” Ну, выбежала во двор, расцеловались, в нашу горницу ввела. Я свою тетеньку сроду не видала, гляжу во все глаза. Росту невысокого такая, худощавая, ряба страх и некрасива. Ей уж лет под сорок было, маменьки моей чуть моложе. Девица. Жизнь праведную вела.

Лет с восьми до храма Божьего больно усердной сделалась, а мясное да молочное совсем кушать перестала. Диву давались, как ребенок крохотный сам на себя пост наложил и, ни Боже мой, никак кусочка, окромя постного, в рот не возьмет. А к двенадцати годам вздумала раз в день пищу принимать, а по средам и пятницам совсем ни к чему не притрагивалась. Тут стали с Фиезой припадки твориться. На землю падала, билась, пена изо рта шла. Сколько ее отчитывали, думали, порченая, ничего не помогало. К доктору водили, тот говорит: от поста такое приключилось. Бабушка, Ольга Андреевна, Фиезвочку так и сяк уговаривать, брось, мол, пост, не монашка ты, чего зря здоровье губишь. Ничего слушать не хочет.

Позвали духовника. Долго он с ней разговаривал: “Богу, — говорит, — не угодна такая жертва, надо, мол, жить, коль Бог жизнь дал, да дела добрые творить”. Одним словом, приказал ей духовник воздержание от пищи неразумное бросить, а Фиеза-то молвит и ему, духовнику-то, и матери, бабушке моей: “Да мне ваша еда — мясо там, рыба да молочное — и видеть-то противно!” Правда, морить себя голодом перестала, а скоромное так и не ела, исключенье делала в светлое Христово Воскресенье, как от обедни разговляться садились, кусочек пасхи с куличом да чуть яичка священного пробовала. И до следующего года. Только болесть ее не оставила — так всю жизнь припадочной и была. А жила она до 81 году. Все они, матереня родня, долго жили.

Дед-то мой, Иван Николаевич, когда скончался, бабка решила Фиезву в монастырь пристроить. Стали объезжать монастыри. А той-то там, то нехорошо, то тут-то плохо, все не по ней, так и вернулись в Козлов ни с чем. Только деньги зря проездили.

Характера Фиезва неуживчивого была, собой дурна, припадочная, да еще косноязычная вдобавок. Станет, бывало, говорить, ничего понять нельзя: спешит, языком спотыкается, все слога перевирает. Ну вот, к примеру, сказать бы надо “тебе”, а она “тыде” скажет. Ну, ясное дело, смеялись над ней, дразнили. Ей только в одиночестве и жить. Да и, к слову сказать, обедневши они

смеялись над ней, дразнили. Ей только в одиночестве и жить. Да и, к слову сказать, обеднели они после пожара, а без денег в монастыре тоже не сладко. Работой завалят. Да и куда такая великая постница с монашками уживется? Монашки строгости не любят.

Стала Фиезва в Козлове опять проживать. То у сестры замужней, то у братьев. Золотые руки были. Никогда без дела не сидела. Даже в церковь с работой ходила, стоит себе, службу слушает, устами молится, а сама чулок вяжет. Смеялись над ней, ругали спервоначалу, а потом уж привыкли.

Одевалась? Нет, не по-монашески. На голове платок там, косынку обыкновенную, юбку темную носила и блюзю13, тогда больше все звании блюзы широкие носили с завязками назади. Многие и знатные так одевались.

Пришла к нам, значит, в Москву, Фиеза из Козлова. А вот зачем пришла. Куриная слепота у ней сделалась, чуть сумерки, ничего тетенька моя не видит, как есть слепая. Так бы она очень и не скорбела (на все ведь воля Божия), а ей уж это безразлично было, мирское-то, да работать надо, вот беда. Глаза — хлеб.

Пошла она к доктору знаменитому, Войнов тут в Москве по глазам был14. Так, мол, и так. Не вижу ничего вечером. Посмотрел тот ее и говорит: “У тебя, — говорит, — матушка моя, оттого все это приключилось, что больно запостилась ты всю жизнь свою”. Все кушать велел. Да уж, конечно, совсем выздороветь не смогла, хотя и лучше стало.

К концу жизни в Братолюбивом обществе в богадельне она жила15. Давыдов той богадельней правил, Иван Юльевич. Хорошо там было. Комнату ей дали, по рублю денег каждый месяц. Довольна была. Только уж очень с соседками ругалась. Дразнили ее за ее язык.

Как умерла, 40 дней ей сравнялось, пошла я к Василию Кесарийскому16 (наш приход тогда был) панихиду по новопреставленной Феозве служить. А протодьякон-то, Иван Николаевич (тезка моему деду полный) заупрямился, и все тут: “Нет, — говорит, — такого имени, Фиозвы, напутали вы, верно”. “Как, — отвечаю, — могу я тетки своей родной имя спутать? Я, — говорю, — подлинно знаю”. А он — никак, сердится. С ндравом был покойник. Красавец, голосина какой. Спился он и не старый еще помер... Ну, значит, не могу, да и все тут. Я в слезы. Пошел в алтарь, о том — о сем, все книги перерыли, пересмотрели. Нашли такую святую, отслужили, помянули, как полагается. А то такое дело. Чем она-то, покойница, виновата?

***

Надумали мать с отцом меня в школу отдать. Одиннадцатый годок мне пошел. Без дела я, правда, не болталась, маменька-покойница шить, вязать показывала, читать по складам обучила (она у меня хорошо грамотная была, а в молодости даже французскому обучалась). Гоже и по хозяйству я что разумела — сварить, приготовить могла.

Подруг у меня мало было, Юлия только одна (по соседству жили, а затем и учились вместе). И все больше я дома с маменькой пребывала, рассказы ее о старине слушала. В церкву, конечно, каждый праздник ходили, а чтоб в гости — редко, скупа маменька на знакомства была, к дружбе относилась строго. “Коль ты всем друг, значит, мне не друг”, — повторять любила. Да и какие у бедных людей друзья-приятели?

Только с одной семьей сошлась моя маменька, де Спилер фамилия была, из дворян, благородные. Бедны только очень были. Посватался за дочку ихнюю кондитер Иванов, Николай Иванович, богач (зал со столом они под свадьбы да похороны сдавали) и отдали Лизавету Николаевну. Что слез было! Зато, можно сказать, всю семью от голоду спасла.

Николай Иванович жену любил, слов нет, только пил сильно, а в пьяном виде, дело известное, давай свою законную половину тузить. Раз ударил, другой прибил, Лизавета Николаевна-то и говорит: “Я, — говорит, — над собой изгаляться не позволю, потому я благородная, а не купчина

говорит: “Я, — говорит, — над собой издеваться не позволю, потому я благородная, а не купчина серая. Возьму и уйду”. Как снова напился он, замахнулся, она, в чем была, да к Анне Васильевне. Анна-то Васильевна ихняя знакомая была, может, свойственница какая, она же за него ее и высватала.

Ну, протрезвился Николай Иванович, прибежал за женой, иди, дескать, на свое место. “Нет, — отвечает, — не пойду, да и мало того, к мировому подам”17. А Иванов-кондитер, Царство ему Небесное, покойник, уж труслив был — не приведи Бог. Как услыхал: к мировому, — бух жене в ноги: не губи, мол, не срами, пальцем тебя не трону, зарок дам капли вина в рот не брать.

И в самом деле, как обещался, не только ее не тронул, — пить совсем перестал. Как ножом отрезало. Ни-ни с тех пор. Очень счастливо жили. Только одно, Господь детьми не наградил. Я замуж как выходила, он меня благословлял, в посаженых отцах на моей свадьбе был.

Еще мать с одним семейством знакомство водила. Стародумовы, у Горбатого моста18 проживали, лавку свою имели в Ножевой линии19. Четыре девицы у них были, и все четверо замуж идти никак не хотели. Им о замужестве никто даже и заикнуться не смел. Прямо-таки боялись мужчин и ненавидели. “Как это мы дадим тело свое на поругание, срамоту этакую да грех выносить будем?” Так и жили при родителях. Старшим лет за сорок было, а младшей, Александре, лет 25. Хороша собой, очень даже недурненькая брюнеточка была, многим нравилась. Ну а свататься не сватались, знали ихние причуды. Одни сестры вечно дома сидели. Редко-редко в праздник большой к ранней обедне сходят. Мать с отцом в летние вечера на крылечке хоть посидят, воздухом подышат, а они так и на крыльцо не показывались, чтобы, значит, их случайно кто не увидал. По дому всю черную работу справляли, кухарки не держали они (хоть и средства к тому были), все же чужой человек, начнет сплетни разводить. Вообще, ежели к ним кто придет, запрутся они все четыре в своей комнате и носа не кажут. Хотя к маменьке, случалось, и выходили. Со странностями с большими девицы Стародумовы были.

***

Летом мне весело жилось. Тогда никто ни на какие дачи никогда не выезжал, разве уж знать в свои поместья. Мы в ту пору в Дровяном переулке жили, у Новинского бульвара. Теперь-то он переименовался, не то Протечный20, не то еще как называться стал, в точности не знаю.

За нашим домом лесной склад начинался, площадь большая, редко когда, да и то к осени, бревна свозили, гуляй, бегай, раздолье! Бывало, в апреле-мае зазеленеет все, трава подымется... ну, какая тут еще деревня нужна! В прятки, бывало, играем день-деньской с ребятишками, друг за дружкой гоняемся. Я раз чуть себе ребра не поломала, бежала в сумерках, да на кадку-то напоролась. Свету Божьего невзвидела, в глазах потемнело. Давай щупать, целы ребра ли? Целы, слава Те, Господи. С тех пор осторожнее стала.

Говорила уж я вам — одна-разъединая подружка у меня была, Юлия. Мы с этой самой Юлией с измалетства дружбу держали, играли сначала вместе, а потом в школе вместе шитью обучались. Тринадцати лет осиротела Юлия. Отца-то она и не помнит, годов двух, что ли, осталась, как он помер, а мать у ней мастерицей-вышивальщицей была, да чуть поболевши, одну дочку оставила. Правда, тетка еще у Юлии существовала, да бедно жила та тетка, сама шитвой еле кормилась. Куда девать девчонку? Окромя монастыря некуда. Нашлись добрые люди, в монастырь пристроили. Не хотелось ей в монашки идти. Да ничего не поделаешь, по бедности. По своей охоте тогда мало кто в монастырь шел. Либо сироты, призреть некому, либо убогие какие, коим в миру места нету. А то по родительскому обещанию. У меня тоже одна знакомая была, замуж когда выходила, обещание дала, одну дочь и сына Богу на служение отдать. Две дочери у нее было: старшую, Лизавету замуж отдала, а Аннушке пришлось в монашки идти. Как ослушаешься? Обет. Все равно в миру счастья не будет.

Ну, значит, про Юлию. Не видала я свою подружку, почитай, четыре года. Раз как-то привелось мне в Новодевичьем монастыре у обедни быть. Стала выходить из собора, окликает меня кто-то:

мне в Новодевичьем монастыре у обедни быть. Стала выходить из собора, окликает меня кто-то: “Наташа, ты ли это?” Оглянулась — монахиня стоит молодая. “Ты, — говорит, — не узнаешь меня?” Смотрю — Юлия. Спервоначалу не признала я.

Заплакали мы обе, детство вспоминали, о себе каждая рассказывала.

— Как, — спрашиваю, — тебе-то живется?

— Ничего, — говорит, — живу, мне, — говорит, — не плохо. Я в хору пою, у меня голос, все хвалят — больно хорош. Приходи, — зовет, — ко мне в гости.

Да так, не помню уж почему, не попала к ней я.

С той поры еще десять лет прошло. Я уж замужем была; с мужем в Смоленской губернии проживала, про Юлию мало слышала. Живет себе в монастыре и живет. А вспоминала я ее часто. И, по правде сказать, жалела.

Вдруг узнаю: Юлия моя не монашка больше, а замужняя женщина. Как же так, думаю? Приехала я в Москву, узнала, где она живет, да и сходила к ней. Уж обрадовалась она мне, где усадить, как угостить не знала. А живет знатно. Свой дом — палаты, мебель золоченая, штофом крытая21, картины на стенах, как сейчас помню, из слоновой кости. Сама в бархате, в кольцах. Красавицей стала.

Все мне тут подробно и рассказала. До двадцати восьми лет в Новодевичьем жила. В хору пела, все ее голосом восхищались. Влюбился в нее ее теперешний муж Иван Димитриевич Миронов, через тетку (тетка-то еще жива была) сговорились, приехала тетка в монастырь — будто

племянницу навестить, Юлия пошла будто тетку провожать, села на извозчика и прощай. А то так ни Боже мой, из монастыря разве пустили бы?

Мужа она не любила, конечно, так прямо и говорит: за деньги шла на богатую жизнь. И монашеское все больно опостылело ей.

Муж Юлиин прежде дворецким был, крепостной бывший барыни Перской (Перскую-то ваша прабабушка хорошо знала). Он даже грамотный был, наружность имел представительную и ото всех большим уважением пользовался. Барыня была очень в годах, наследников прямых не имела, а дальних родственников не признавала, да умирая в завещании все богатство свое своему дворецкому и завещала. Может, он даже какой родней приходился, о том мы не слыхивали, а то, возможно, за преданное служение.

Так и остался Иван Димитриевич в ее хоромах жить-поживать22. Всеми картинами, золотом, серебром владел. По праву, как ему полагается. Когда Юлию в соборе на крылосе23 услыхал и увидал, ему уж за пятьдесят было. Влюбился сразу. Юлию обожал. Что говорится, каждую пылинку с нее сдувал. Только умер рано. И пяти лет не прожили. Дочку оставил маленькую, Варенькой звали.

Тут Юлия моя после мужниной смерти развернулась вовсю. Деньгой сыплет направо-налево. В консерваторию поступила, петь дальше учиться, а по праздникам в хору церковном, любительском пела, у Воскресенья в Барышах24 (тогда любительские хоры только в моду входили). Весь хор, бывало, ужинать да обедать к себе звала. Мало ли стоило. Я к ней ходить все реже и реже стала, не компания она мне.

Так помаленечку, полегонечку все из дома, что подороже и поценней, уносилось, да и прислуга крала. Какая Юлия Григорьевна хозяйка? У нее веселье да шуры-муры в голове. Да и видать монашку во всем: хозяйству, ценам мимо рук катиться давала. Так Персовское богатство все спустила.

Задумала вдруг дом продавать. Сидит в гостиной (народу у ней в этот день много было), да и говорит: “Продаю, мол, дом”.

Один купец и спрашивает: “Сколько, значит, вы просите”.

— Да, давайте, — отвечает, — 75 тыщ.

— Нате, извольте. — Тут же денежки ей выложил.

На другой день с домом покончили. Только в скором времени узнает моя Юлия, дом-то тот вдвойне цену имеет. Накинулась на купца: “Что вы меня, — кричит, — обманули, дом 150 тыщ стоит!”

— Вы, — он-то ей говорит, — просили 75. Сколько просили, столько и дал.

Ничего тут не поделаешь. А дом-то хороший, на Остоженке, подле церкви Успенья25. Покойная барыня Перская, рассказывали, каждый праздник к обедне цугом выезжала. Первая лошадь в церковных воротах, а карета у самого дома. Два шага. Да уж так полагалось, зазорно считалось этакой барыне пешком ходить. Только влезла, да уж вылезать.

Недолго те денежки у Юлии держались. В год, а может и меньше, почти все прокутила. Помогли добрые друзья. Хорошо еще, на дочкино, на Варенькино имя до ее совершеннолетия 20 тысяч положила, а то бы осталась Варенька без приданого. Юлия сама в Марьину рощу переселилась, знакомых стыдиться стала, белошвейную мастерскую открыла там. Только дело не пошло. Опять-таки, какая Юлия хозяйка, что она понимает?

Под конец жизни к Троице26 жить переехала, домик купила. Уж чем жила, не знаю, неважно жила, а все прежних привычек не бросила. Кутеж с утра до ночи. И монахи, и семинаристы, и светские. Мы с мужем к мощам ездили на поклонение, у них останавливались. Не понравилось нам у Юлии Григорьевны, шум, суета, словно трактир.

Вскорости Юлия умерла, а Варенька замуж вышла, за доктора. Хорошо жили, детей у нее много было.

***

Как-то зимой сидим мы с маменькой, вдруг стучат в дверь. Входит Василий Иванович с мальчишечкой этак году на седьмом. Румяненький такой, беленький, пухленький, как сейчас помню, в поддевочку сборчатую одет, красным кушачком подпоясанный. Настенькой зовут, Анастасием Александровичем, бабушке вашей родным братом приходится. Тут-то я его, детаньку, первый раз увидала.

А Василь Иванович учитель ихний был, дядькой что ли вроде при Настасиньке. Пил — страх. Как запой у него, бывало, начинается, ваша прабабушка, покойница Евдокимова, Василия Ивановича к нам выпроваживала: “Иди, дескать, к другу-приятелю пей”. Они с моим отцом на пьянстве большую дружбу вели. Матери-то каково, матери! То один пьяный бушует, а то два шумят. Одного уложи, другого уложи до вытрезвления — а там сызнова сказка про белого бычка зачинается. Да то подай, да прими, закусить собери опять-таки.

Бывало и так: одумается на день, на два батюшка-покойник (может и не на что выпить), в настоящем виде сидит, о делах помышляет... Нет, пришел Василь Иваныч со штофиком и пошла-поехала. Вот уж подлинно Евдокимовы с больной головы на здоровую придумывали от пьяного учителя избавляться. Налижутся до чертиков, так что они, окаянные, им в глазах мерещутся.

Как-то Василь Иванович мне от вашей бабушки подарков принес. Коробку красивую, куклу да гостинцев разных. А вашей бабушке в ту пору так же, как и мне, годов с десять, верно, было

гостинцев разных. А вашей бабушке в ту пору так же, как и мне, годов с десять, верно, было.

***

Ну, значит, на одиннадцатом году меня в школу отдали. Главное нас там шитву обучали, грамоте, письму, счету опять-таки, Закону Божьему, конечно. Я даром училась, казна за меня платила, а были и за свои деньги. В наше время это не мало стоило, по тогдашнему исчислению. А ежели бы где в мастерской, у хозяйки шитву обучаться, пока обучишься, да в люди выйдешь, бита-перебита бываешь. Лютые хозяйки были, мало того, работой морили да голодом, спать совсем девчонкам не давали и за малейшую провинность как Сидоровых коз лупили. Иная, бывало, в ученицах сидит, а сама только в мыслях имеет, как в мастерицы выйдет — над своей же сестрой измываться. Прямо так и говорили: “На ваших, мол, шкурах свои, мол, побои возмещать буду”. Вот какие звери бывали! Да, впрочем, их же зверьми и делали. Это подумать только: ни за что, ни про что тебе с малых лет сто раз на дню ребра считают. Озвереешь, понятно. Тут одна хозяйка, Воробьева — Воробьихой звали, ох, и люта была. Не раз, говорят, до мирового доходило. А у нас мир, тишина, ругать, конечно, ругнут, коли что не так, ну, а так даже ни подзатыльника.

На шестнадцатом году жизни своей школу я окончила, шить, кроить умела. Надо было меня к месту куда пристраивать. Отец в ту пору второй год болел, вставать не мог. Доктора определили — чахотка у него, а может, и оттого, что пил много. Думается мне, больше от этого. Маменька несчастная с им совсем замаялась, покоя ни днем, ни ночью. Через год он отмучился, скончался. Хоть и плакала мать, а все ж он ей руки развязал, по истине говоря.

Устроили меня добрые люди к вашей прабабушке, к Марье Дмитровне Евдокимовой, и стала с тех пор жить у них. Шила там чего, при самой Марье Дмитровне находилась, помогала чем

могла.

Марье Дмитровне в ту пору лет за шестьдесят было, она уж годов 7—8 совсем слепая была (желтая вода у нее, как и у отца, в глаза кинулась). В девушках всю жизнь оставалась, всем домом правила, а над сестрой и братьями, как отец ихний помер, бесконтрольной опекуншей была. Тогда это так называлось. Значит, делай что хочешь. Жила с ней сестра ее, а ваша прабабушка родная, Надежда Дмитровна Трубникова с детьми: с Анной Александровной (той годов 17 было), с Лидией Александровной, бабушкой вашей (эта мне ровесница, на месяц, что ли моложе), с Софьей Александровной и с Настасием Александровичем. Софья-то Александровна еще малым ребенком была, седьмой ей шел, что ли, а Настеньке, верно, 12—13 уж сравнялось. Еще проживал с Марьей Дмитровной родной брат ее, Михаил Дмитрич, горбатенький, да вдова старшего брата Николая Дмитрича — Глафира Сергеевна. Экономка у них служила, Прасковией Васильевной звали, да сын Сережа к этой экономке из военной гимназии в гости ходил. Нянька старая, Аксинья Павловна, из крепостных, что еще самое Надежду Дмитровну нянчила, постоянно у них проживала. Только, бывало, уедет в деревню, Марья Дмитровна шлет за ней: соскучилась, мол, езжай, нянька, гостить. И гостит месяцами. Жить без нее Марья Дмитровна прямо не могла. Сын этой самой Аксиньи Павловны, Филипп Платонович (уж в годах мужчина) у нас в лакеях жил, там что нужно на побегушках... Неделями также гащивала дальняя родственница, вдова полковника, Соколова Юлия Терентьевна. Раз в год и мы с Марьей Дмитровной в гости к ней подымались на несколько часов. Что суеты, разговору было... Домик она свой имела у Трифона мученика в приходе27.

Много у Марьи Дмитровны жило народу, и своего, и чужого. Многих призирала28, помогала деньгами, замуж да на места пристраивала. Страсть добра была Марья Дмитровна, но и строга. Все, бывало, в доме от малу до велика перед ней трепещут, слова сказать боятся. И стара, и слепа, а силу большую имела.

Росту Марья Дмитровна среднего была, полная в теле, лицом приятная, хоть и строгая, волосы на два ряда клала, дома простоволосая ходить любила, а ежели кто из соседей приезжал, чепец, либо

фаншетку29 кружевную надевала. Да чепец редко, недолюбливала она чепцы, а много их имела, с различными муаровыми30 лентами. Дома-то все больше да в капотиках темных сидела, а при гостях, конечно, в платья шелковые облачалась. Одежды всякой у нее пропастища была. Помню, при мне чудесную шубу себе бархатную заказала, пальто англицкого сукна, по тринадцати рублей за аршин плачено, да только раз в церкву и обновляли. Капор тоже отдавала делать себе на заказ, да не кому-нибудь, а француженке, мастерице, Бланш Ревью звали. Принесли этот самый капор, надела его Марья Дмитровна: "Гляди, — говорит, — Наташа, не будет ли мне вон тут дуть?"

— Нет, отвечаю, — Марья Дмитровна, — не будет.

— А с энтой стороны?

— Тоже, — говорю, — не будет.

— Поди, — велит, — Надежду Дмитровну позови. Пришла Надежда Дмитровна: "Звали вы, мол, меня?"

— Да, звала, дескать, чтоб поглядела ты, не поддувает ли мне где в капоре? Та и так, и сяк: "Нет, мол, все хорошо".

— Ладно, — говорит, — иди.

Спрятали мы его, капор-то, в коробку, да так его покойница Марья Дмитровна и не надевала.

Говорю я вам, она своего дома никогда не покидала. Летом, и то редко, в палисадничек выходила,

да уж счетом два раза на Новинский бульвар, воздухом подышать. В баню выезжала в месяц раз примерно. Тут Анны Тимофеевны — акушерки (старая-престарая была, ваших бабушек принимала) прислуга Лизавета Марью Дмитровну в баню водила. Никто ей так угодить не мог, по ее косточки веником распарить. Любила Марья Дмитровна эту Лизавету — страсть. Сплетница Лизаветушка была, каких свет не видал. Всего-всего, что было, что не было, с прикрасами расскажет. Шубу носила с круглым широким воротником (тогда такие старухи донашивали) и на один рукав надевала, правый так болтался. Это из уважения к Марье Дмитровне.

Раз в год ездили мы к Юлии Терентьевне, да раз в год в церкву Спаса на Песках — приобщаться. Исповедовать на дом батюшка приходил, меня за им и посылали. Не старый еще был, отцом Сергием звали. Он вот какой был: не женатый, не монах. В то время вещь совсем не бывалая. Прихода потому своего не имел, ранние обедни у нас у Спаса Песков служил. Марья Дмитровна его почитала и уважала за то, что он девственник был. Это она людям в великую заслугу ставила. Марья Дмитровна сама в чистоте всю жизнь прожила и грязь такую ненавидела. Как услышит, бывало, про кого, ходит и плюется. К ней в молодости пропастища женихов сваталась. Островского писателя отец31 руки просил, сенаторы разные. Только она всем отказывала, потому, говорит, не я им нужна, а мои капиталы. Так и не пошла. Не хочу, мол, свободы своей терять, у мужа в подчинении находиться. И вся тут.

Всех мужчин погаными звала. "Что б, говорит, когда да с мужчинишкой, да подумать-то тошно". Даже за руку ни с кем не здоровалась: "У них, дескать, руки поганые". Разве уж какие важные — а к ней много важных господ езжало: присяжный поверенный, например, Фаворский Иван Адамович (дела ее вел) иль так кто еще, ну, значит, подаст руку, и тут же в свои покои — мыть. Ужасть брезгливая была. За скобки дверные скрозь носовой платок бралась, мыть мылом их приказывала.

Постель сласть (я ей помогала) у нас по особому чину полагалось. Чтоб ни кончиком одеяла либо простыней пола не коснуться. Тогда все чистое меняй сызнова. Ни на стул, ни на кресло, Боже упаси, положить — опоганили. Потому там все сидят, грязнят. Зараза — одно слово.

А хуже всего она меня ключами донимала. Говорила уж я вам, Марья Дмитровна всем правила, все распоряженья всем давала, без ее разрешения никто в доме чихнуть не смел. Так, значит, ключи от всех кладовых да от шкапов и сундуков у нее находились. Как ей кто ключи вернул — перво дело мыть. А это разов двадцать на дню так-то. Руки у меня совсем закоченеют, особо зимой (топили, к слову сказать, не очень — экономили, дом громадный был). Ну, стала я на хитрости пускаться. Побренчу рукомойником, побренчу ключами: "вымыла, готово. Теперь, мол, вытирать стану". А то виданное ли дело — целый день ключи мыть. У меня на руках цыпки пошли с того.

Хоть и слепа была Марья Дмитровна, и стара (год, два ли после француза родилась. Пострадали они, Евдокимовы-то, в ту пору. Как Москва горела, бежали они, дом совсем побросавши, а деньги, золото с серебром, в колодезь опустили. А дворник-то возьми с перепугу все французам и выдай. Ну, потом, ничего, поднялись, опять богачами стали). Так вот, значит, несмотря на слепоту свою не сидела без дела Марья Дмитровна. Вяжет, шелк ли распутывает, сама ли что рассказывает. И других послушать любила. Уж у нее завсегда, каждный день ее навещали, развлекали, то Марья Куприянна, старуха такая была, а то Анна Тимофеевна — акушерка со своей Лизаветушкой, Ольга Ивановна — эта троюродной сестрой, что ли, приходилась. На Воронухиной горе32 жила, тоже очень в летах старушка. Собак, кошек у ней ужасть водилось. Всех бездомных подбирала. Вонища в квартире — я чуть не задохнулась (посылали меня раз к ней). К нам, бывало, придет, сидит за обедом и так это тихонечко, чтоб никто не видал, суп ли, жаркое ли в ридикюльчик потихоньку прячет (так уж всегда с ридикюльчиком ходила). Своим кошкам, значит. Потешалась над ней Марья Дмитровна: "А ну-ка, — говорит, — Ольга Ивановна, открой ридикюльчик-то, покажи, чего у тебя там есть". А та красная сидит, смущенная, несвязное бормочет. Пошутит, посмеется Марья Дмитровна, и с всего-то ей велит из кухни с собой надавать.

Галкина еще ходила купчиха, в Марьи Дмитровнином доме наверху проживала. Эта Галкина, Александра Ивановна, за серым купцом замужем была, много от ихней серости терпела, а как муж скончался, от свекрови да золовок уехала, по отдельности жить стала. Та, бывало, все сплетни со всего Смоленского33 принесет. И о Замятиных, о Комаровых, о Стародумовых. Иванов то, да Медведев се. У того свадьба, энтот помер, у кого родины, у кого крестины, кто разорился, а кто спьяну дебош сотворил. Три короба наговорит, натреплет, настрекочет. Что было и чего не было. Марье-то Дмитровне все слушать интересно, потому тут на Смоленском рынке родилась, тут и выросла, всех до единого человека знает. Марья Дмитровна все запоминает, поохает, посмеется, а потом другим расскажет. И непременно прибавляла: "За что купила, за то и продаю".

Нет, не любила она, чтоб ей вслух читали. Газет совсем не признавала, хотя чуть ли не "Современник" выписывала34. Сама грамоте плохо знала, едва, говорят, читать умела, да имя свое подписать могла.

Марью Дмитровну все уважали и боялись очень. Потому все из ее рук глядели. Словом, перечить не смел никто. Властная была Марья Дмитровна, все перед ней на задних лапках ходили. Она всем "ты" говорила, и знатным даже каким, а ее все по имени-отчеству величали, и братья и сестры тоже. Потому старшей — уваженье. Племянницы боялись — страх. Шагу, не спросившись, вступить не могли.

***

Надежде Дмитровне нельзя сказать, чтоб сладко жилось. Красивой ее тоже назвать нельзя было, да и знать я ее стала всю уж измученную, издерганную, столько пережившую. Лет ей тогда под сорок было, а куда старше глядела, по правде вам скажу. Надежда Дмитровна на четвертом году от матери сиротой осталась. Марье Дмитровне в ту пору под тридцать было (старшая она из них из всех, из Евдокимовых). Все воспитание Наденьки у нее в руках было, обучила ее хорошо: та и по-французскому говорила, и танцевала, сказывали, дивно, и вообще всякие науки знала. У

Войлощникова в пансионе обучалась, в ихнем же доме.

Как выросла Надежда Дмитровна, одинаковые ей с собой сестра платья делать стала. Одной с розовыми лентами, другой — с голубыми. А Марье Дмитровне в ту пору уж сорок было... Лет девятнадцати Надежда Дмитровна замуж вышла. По любви выходила. Из дворян он, из столбовых, супруг Надежды Дмитровны был. Из самой знати, барин настоящий. Видный, говорят, собой был, хоть и красотой не блистал. Да на что мужчине красота, мужчине сила нужна. Говорила после Надежда Дмитровна, что, дескать, на моих деньгах женился. Гол как сокол, как бубенка35. Думал, за ей, мол, большое приданое дадут. Что Бог бережет, голе Бог подает. Пить — не пил, а насчет карт — было дело. А бабник быль большой, срамота какая. Через это и разошлись.

Спервоначалу Надежда Дмитровна со свекровью жила, с Евгенией Семеновной Трубниковой, а потом уж к сестрице Марье Дмитровне на жительство постоянное переехала. В тринадцать лет жизни своей с мужем девятерых детей родила. Ваша бабушка, Лидия Александровна, второй была, Анна Александровна первенькой, обе в один день родились 7-го октября, только одна через год ровно. Тут и Машенька была, и Илюша, и двояшки (Митенькой да Коленькой звали, если не ошибаюсь). Те жить не стали. Перед тем, как Анастасию Александровичу родиться, сон видела Надежда Дмитровна, словно ей во сне святой Анастасий явился и возвестил, что, мол, сына родит. Так потому и назвали. После Сонечки еще Иванушка был, тоже помер нескольких месяцев. Ее в это время муж, Александр Васильевич36, совсем бросил. Он, конечно, всю жизнь с бабами возжался, а тут особенно начал, да еще к супруге законной приходил и все как есть выкладывал. Много горя, слез видела через это Надежда Дмитровна. Она бы, конечно, эту срамоту терпела да молчала, ежели бы не Марья Дмитровна: “Ты, — говорит, — не смей с им жить, с пакостником. Грязь такая, дескать, он по девкам шляется, а потом к тебе приходит. Брось его, тебе, мол, приказываю”. Известно — Марья Дмитровна закон, что сказала, то свято, ей не перечь. Бывало, вечером в спальную идет Надежда Дмитровна, а у дверей ее Александр Васильевич поджидает. Та и не знает, как ей быть. И Марьи Дмитровны ослушаться не смей, и самой противно, а все ж таки муж. Марья же Дмитровна назад ворочает: “Не срамись, мол, Надя. Не ходи с им, подлецом”. Так и развела их. Он уж при мне с ими не жил и ходить перестал.

К полюбовнице, Александре Адамовне Столповской, на квартиру переселился. Детей от нее имел. Так до самой смерти и не вернулся.

Надежда Дмитровна никогда о нем не говорила. Неприятно, тяжко ли было, не знаю. Раз только при мне приходит с гулянья (куда-то ходила), да и говорит: “Угадайте, — говорит, — кого я сейчас встретила?”

— Как я так угадать могу?

— Своего, — говорит, — собственного супруга. Иду по Арбату и вдруг остановилась, гляжу — Александр Васильевич стоит. Так постояли с минуту, друг на дружку глядя, и ни слова не сказавши, разошлись.

Видно, долго она, голубушка, об этой встрече думала. Когда он умер, она по нем по монастырям сорокоусты37 заказывала, а на похоронах не была. Потому срам один: жена настоящая и его полюбовница встретятся.

Любила Надежда Дмитровна изреченья там разные повторять. Книжечку такую всегда с собой носила и мысли разные в нее записывала. Всех все спрашивала, что, дескать, есть такое истина? А потом все ко всем приставала: “Скажите мне, пожалуйста, что такое можно, должно и нужно?” Цельный день, бывало, спрашивает. Кто не придет, все с этим же. Одно и то же. Ну, Марья Дмитровна на нее и цыкнула: “Брось, Надя, ерундой заниматься, перестань блажить”. Перестала.

Забытая она была. Надежда Дмитровна, сестра, стала жить на свой заработок: рубли

Забитая она была, Надежда-то Дмитровна, сестре слова сказать не смеи, за каждым рублем кланяйся, ничем распорядиться по своей воле не моги. Муж тоже уж очень обидел. Несчастная весьма ваша прабабушка была, одно могу сказать. Скромно одевалась, шляпки те только черные и носила, хоть и не стара была.

Уж говорила я вам не раз — на все Надежда Дмитровна из сестриных рук смотрела. В Киев все поехать на поклонение угодникам собиралась, да Бог не допустил, говорила. Просто у Марьи Дмитровны денег просить не смела. Там их не разберешь, все Марья Дмитровна.

Очень прабабушка ваша кошечек да собачек любила. Помню, у нас Дружок, ну, пес-дворняжка был. Привязалась к нему Надежда Дмитровна, из своих рук кормила, а зимой, чтоб не мерз, сама лично ему башмачки на веревочках из сукна сшила — лапки не обледенели бы. Надежду, горничную (рябая такая девица, сама как солдат), гулять водить Дружка посылала. Извозчики над ней, над горничной, насмешничают: “Терка, — кричат, — барина своно в обувке на цепочке водит”. Та ругается, плюется и на Дружка же побоями все насмешки вымещает, как не видит никто.

***

Анне Александровне в той поре 17 стукнуло. Красавицей тоже не была; ваша бабушка Лидия Александровна (ей 15 сравнялось) куда лучшие черты имела. Только все же недурненькая и даже очень Анна Александровна выглядела. Обе они с бабушкой вашей у Ладыженской в пансионе разным наукам обучались. Потом бабушка ваша из ученья вышла, в консерваторию поступила. Играть на фортепьянах и петь училась (очень хорошо пела и играла чудесно), а Анна Александровна у Канель уроки брать продолжала. Это все немцы были, Анна Александровна и набралась от них модных суждений. Посты, мол, чепуха, все понимать, мол, не так, по-иному

надобно, и чуть ли что Бога нет. В церкву ходить перестала. Ну, ее Марья Дмитровна мигом из пансиона возьми, коль хочешь, значит, учись дома, а не хочешь — особо ученой быть не к чему. На что девице наука? Баловство одно. Мужу угождать да детей родить учиться не надо. За хозяйством смотри, сварить да заготовить впрок сумей.

Ну, значит, взяла ее из пансиона ее мамаша крестная (всех их Марья Дмитровна крестила, где лучше ее мать крестную найти?) — и вся тут. Помогло. Стала Божий храм посещать, дурь из головы кинула. Ваша-то родная бабушка с ленцой была, к поздней обедне едва добудишься. Анна Александровна рано вставала и в церковь к средней обедне, часов в восемь, молиться ходила. Очень стала усердная до Бога. А вот, главное, почему. До того, как мне к ним поступить, болела больно Анна Александровна. Не то горячка, не то воспаление в легких. При смерти была. Не чаяли встанет. Пластом лежала. Напротив ихнего дома к купцам Иверскую Царицу Небесную принесли38. Надежда Дмитровна со слезами кинулась, просит икону к больной дочери. Священники перешли дорогу, внесли образ к Анне Александровне, молебен заздравный отслужили, и над ней, над болящей, Божью Матерь наклонили. Едва могла губами приложиться. С тех пор только лучше стало. Доктор Захарьин39, знаменитый в Москве был, ее и лечил, сто рублей брал, на дом приезжал.

Только после, уж много лет спустя, стала Анна Александровна насчет Бога снова с пути сбиваться. Друзьями себя безбожными окружила, нигилистам потворствовала. Жаль больно, душой человек простой она и добрый.

Ваша же бабушка, наоборот, всю жизнь свою в Боге прожила. Да это тоже от того зависит, в какую семью попадешь. Уж такие, как ваши дедушка с бабушкой богомольные — на редкость.

Племянниц Марья Дмитровна всегда одинаково одевала, чтоб обидно не было, хотя старшая-то, Анна Александровна, любимицей слыла. А у Надежды Дмитровны — ваша бабушка. Так с ней в одной комнате и спала. Анна Александровна со мной наверху, а Сонечка с мамашей крестной, с Марьей Дмитровной.

Значит, всегда одинаковые платья вашим бабушкам делали. Только Анна Александровна что поскромней любила, а Лидия Александровна попышней. Помню, шляпки им заказывала Надежда Дмитровна летние. Анна Александровна черную себе выбрала, соломенную. Листья кругом положены и пунцовые цветы. Очень к ней шла. А бабушка ваша светлую соломку с алыми маками. Тоже, ой как красиво. Хорошие модистки делали.

***

Марья Дмитровна вечера там, балы веселить племянниц давала. Дедушка ваш, Николай Алексеевич (мамашин отец) с братом родным Сергеем Алексеевичем приходили. Только я их не видала, по правде сказать, потому в праздники балы давались у нас, а меня еще накануне Марья Дмитровна к маменьке отпускала. Под праздник только велит мне Марья Дмитровна по бедным да по богадельням пирогов от их милости разнести, пуды кухарка ставила для всех. А летом тоже пудами для всех варенья наваривали. Кому с фунт баночку, кому с два или три, а то и больше, смотря по чину, по званию. Одним на сахаре, другим на патоке — попроще. Маменьке моей десятифунтовая банка полагалась. Паточного.

Ну, значит, веселились много на балах на этих. Бабушка ваша танцевала дивно, все на нее заглядывались, как изящна, грациозна была. Словно летала она.

Немцев много на вечерах бывало. Потому подруги с братьями из немецкого пансиона от Анны Александровны. У самой, у Надежды Дмитровны друг закадычный была — Шамбо фамилию имела, Софьей Михайловной звали. Трех дочерей имела. Старшая-то к сорока годам только замуж вышла, одна — Маргаритой звали — красавица писаная, с ума спятила, а младшая, Александра Павловна, за доктором Бовэ40 замужем была. Он ее лечил, да влюбился. А она в ту

пору еще ученья не кончила. Ну, известно, уроки побоку и на шестнадцатом году обвенчались. Ему лет 28 было.

Марья Дмитровна Саше, Александре-то Павловне, тысячу рублей на приданое давала. Отец-то, сам Шамбо (из французов он), хоть и хорошее место имел, в приказчиках старших служил, а все-таки дочери растут, одень, обучи, да любил еще, греховодник, женский пол. Такая срамота, этим славился. Доктора-то Бовэ вскорости паралич тронул, долго мучился, пока Богу душу не отдал. Он из того столько лет жениться не хотел, лечился, думал, вылечится. Нет, где тут вылечишься? Тут, голубчик, раньше думать надо было. Она-то после смерти мужа еще за двоими была. Один министра сын, а последний муж — зубной врач. От Бовэ у нее сын пяти лет остался, в Лазаревском институте41 воспитывался, Мишенька. А она ничего, счастливо жила.

Софья Александровна ее подругою была. Только как Сашенька замуж вышла, бывать у нее не стала. А свадьбу они справляли — никого не звали. Прямо от венца домой к нему. Он с сестрой жил, с старой девицей. Сели молодые на диван, сестра чай разливает, будто и свадьбы не было. Чудак этот Бовэ был.

У Анны Александровны с Лидией Александровной одна закадычная подруженька была, Елена Васильевна Кослер. Отец ее из дворян, управляющий сахарными заводами у Терещенки был. Богач. Вскорости просватали Елену Васильевну за Александра Фортунатовича Ромодановского. Ваши на свадьбу собрались. Бабушкам платья одинаковые сшили, светло-голубые, шерсть с шелком.

Надежда Дмитровна вишневое бархатное одела, на Сонечке белое. Только уехали — глядим мы с Марьей Дмитровной — назад наши едут. Что за оказия? Оказывается, жених-то как к венцу ехать, с отца пять тысяч потребовал: “Не поеду, — говорит, — венчаться, пока всю сумму на стол не выложите”. А отец-то Елены Васильевны жениха вон прогнал: “Мне, — так и отвечал, — дочь моя дороже и за подлеца такого я ее выдавать не могу”. Понятно, невеста в слезы. Позор, да и только. “Никто, — плачет, — теперь меня не возьмет”. Опять-таки гостей полон дом,

народищу, вот-вот в церковь ехать. Скандал великий. Разъезжаться стали гости по домам. Невеста, дескать, внезапно заболела. Так и наши вернулись не солоно хлебавши.

Только вышла после девица Кослер и счастлива много была замужем. За своего же вышла, за немца.

***

Тоже Марья Дмитровна на развлечения всякие вашим бабушкам и Настасию Александровичу денег не жалела. В театрах бывали, на балы ходили, летом зоологический сад посещали. Помню, американка приезжала знаменитая, по канату ходить умела. Пол-Москвы сошлись эту самую Альфонсину Рост смотреть. Человек еще на воздушном шаре летал — тоже редкость. Тыщи народа все улицы да переулки у Пресни запрудили. На заборах, на крышах сидели, словно царь в Москву приехал. Я тоже в толпе была, видала, как американка по канату над прудом шла, большое расстояние. Ну, ваши бабушки, конечно, и поближе видели. Где мне с ними равняться? 30 копеек за вход в Зоологический сад стоило, откуда ж мне их взять? Я у вашей прабабушки 4 рубля получала на всем готовом, а коль хотела, встану пораньше, да на сторону платье сошью, рубь с четвертаком платили. Большие в то время деньги были. Принесу матери, она ой как рада.

А Марья Дмитровна хорошую швейную машину имела. Они еще, машины, новостью тогда считались. “Перфект Германия” назывались.

В те времена одевались не то, что теперь, в этаком безобразии ходят, чуть прикрытые. Думается мне, как это не стыдно, не зазорно на мужчину в нынешнем наряде глядеть. И вся-то она голая, все это везде видать, ну, срамота, да и только. Когда я-то в ваших года была, платья носила длинные, шерстяные там или шелковые, муслиновые42, кто побогаче, летом, ну, а в нашем

звании все больше ситцевые. Ситца тогда по восьми, по десяти копеек аршин стоили; уж в 15 самые что ни на есть лучшие. Шерсть хорошая — 60 копеек платили. Аршинов 10—12 на платье шло, опять-таки подкладка — коленкор там какой. Лифа уж обязательно на подкладке носили, рукава по кисть, разве уж бальные делали короткие. Рук без причины не оголяли. Нижних юбок две полагалось: одна белая, крахмальная, другая — у богатых — шелковая, чтоб, значит, шумела. У меня тоже шелковая была, в праздники носила, а так, в будни, простые. Панталоны длинные, конечно, не как теперь, безобразие — до колен. И открытые. С завязками, в прошивках, красивые. Чулки больше белые, нитяные, своей вязки. Моя тетка Фиезва мастерица была узорчатые вязать. До сих пор у меня одна пара хранится. Ваши бабушки, конечно, для параду тонкие шелковые надевали — цветные. Башмаки у нас были плюнелевые43, либо кожаные, на пуговицах. На балы, конечно, Анна Александровна с Лидией Александровной туфельки матерчатые — шелк аль бархат — в цвет платья надевали. Попроще-то козловые носили, на резинках. А мужчины всегда в высоких сапогах, щиблет тогда и в помине не было. Брюки навыпуск носили — кто повыше званием. Ботики зимой надевали бархатные да кожаные, у кого суконные на меху. Резиновые в моду только входить начинали, дорогими считались. Галоши тоже больше из кожи носили, идешь по мостовой — гремишь. Шапочки чуть на макушке держались, барашковые и котиковые, а в сильные мороз сверху пуховый платочек одевали. Капоры носили, да это все старухи. Летние шляпки цветами убирали, лентами и непременно с завязочками. Соломка очень тогда нравилась, все носили.

Я, конечно, очень нарядами не занималась (где мне в моем положении модничать?), а все ж таки отставать не отставала. Нет-нет, а сошью себе по картинке. Молода была, 17 лет. Помню я, тогда только в моду тюрнюры44 вошли. Сталь в материю вшивали, подушечки там ватные подкладывали — все для красоты. Садишься — тюрнюр подымается. Ничего, нам летом и жарко не было, потому — мода.

Ну, значит, вот я о чем вам рассказать хотела. Старшие сестры, Анна Александровна с Лидией Александровной да братец ихний Настасий Александрович куда там на увеселения соберутся, а Сонечка все одна дома сидит. Скучно ей. Марья Дмитровна позовет меня, даст мне 60 копеек и с

Соня-ка все одна дома сидит. Скучно ей. Марья Дмитровна позовет меня, даст мне 30 копеек и с Сонечкой в манеж, либо на ярмонку идти велит. Сонечке, как я к им жить перешла, годов семь было. Хорошенькая, беленькая вся, еще в панталончиках из-под платья ходила. Беленькая была, шустренькая. Только с теперешними ребятами по сравнению — скромница девочка. Ежели чуть в чем провинится, Надежда Дмитровна ее в наказание к дивану полотенцем привязывала — на часик, на другой.

Раз, помнится мне, провинилась наша Софья Александровна, чулок что ли, вязать не хотела и маменьке изволила надерзить. Осерчала Надежда Дмитриевна. Я как раз в комнату входила, а она мне и говорит: "Выдери, — говорит, — Соньку — слушаться не желает" (сама-то Надежда Дмитровна выдрать не могла, слаба на силу была). Господи, как я могу на дите, передо мною ничем не виноватое, руку поднять! "Я, — говорю, — прямо-таки не в состоянии, Надежда Дмитровна, увольте от такого дела, ради Бога!" И тут Марья Дмитровна в спальню входит: "В чем дело, — спрашивает, — что за шум, а драки нет?" Рассказали ей. Пожурила Марья Дмитровна Сонечку и к себе подойти приказала. Сама своей рукой ей наказание дала, несколько раз нахлопала. А то больше Егор Егорович, учитель чистописания ихний, Сонечку учил, по приказанию Надежды Дмитровны. Но все ж таки хорошо училась Софья Александровна. За уроки прилежные ее мамаша родная с маменькой крестной повеселиться пускали.

Пойдем это мы в манеж (недалеко от нас, на Моховой, где и по сейчас находится). 30 копеек билет стоило. А там диво дивное. Весь зеленью, гирляндами прибран, цветов, цветов!.. В одном углу хор цыган, в другом венгерцы поют, пляска русская, песельники выступают, музыка. Сластями торгуют, напитками. Лотереи да затеи прочие во всех концах. Глаза разбегаются. Это, значит, на Святках, на Масленой и на Святой игрища разные устраивали.

***

Дала нам свое разрешение Марья Дмитровна на богомолье в Угрешский монастырь45 пойти. Бабушка ваша уж замужем была в то время почти с год. Собрались мы: я с Анной Александровной да Настасий Александрович с сыном экономки Прасковьи Васильевны, Сережей. Филиппа Платоныча с нами отправили, чтобы вещи нес. Еды нам с собой надавали, словно не на два дня, а на два месяца. Колбас, котлет — это на богомолье-то! Смеху, веселья сколько было. Молодость, да что и говорить! Пешком шли, всю дорогу хохотали. В трактире богатом на полпути останавливались. Дорогонько с нас взяли, по 5 копеек с человека, чай мы там пили, закусывали.

На другой день к вечеру домой возвратились. А дома беда. Марья Дмитровна возьми да и заболей. Надежда-то Дмитровна без Анны Александровны да без меня, как без рук. Опять-таки и мужчин нет, ни Настасия Александровича, ни Филиппа. Ну, слава Богу, все обошлось, полегчало ей, а то не дай Бог, что быть могло.

***

Вот раз тоже какой случай был. Анна Александровна все к экзаменам готовилась, очень до ученья способная была. И все по ночам учится-то. Днем ей, правда, и некогда, за хозяйством смотрела, Сонечку наукам разным обучала, вышивала, шила. Куда съездить тоже надо. Стали это мы с ней полуночничать. Она за книгой, я за шитвом (уж за компанию с ней). За обедом, бывало, то я, то она хлеба спрячем, чего удастся из буфета возьмем. Кофейник был, старинный такой, с трубою: его наверх перенесли и, значит, часа в три ночи у нас пир горой. Чай поставим, закусываем, сидим. Ну, понятно, разговариваем, хохочем.

Михаил Дмитрич, брат Марьи Дмитровны, рядом с нами горницу имел, пронюхал он про наши затеи, да доложил Марье Дмитровне. Та сначала Анну Александровну призвала: "Так, мол, и так, Миша жалуется, вы балуетесь с Наташей, спать ему не даете". Анна Александровна отнекиваться стали: "Что вы, крестная, как можно, это им, наверно, пригрезилось". Затем меня, рабу Божию: "Говори, — говорит, — смотри, правду, что вы там по ночам творите?" "Ничего,

— отвечаю, — не знаю, спим мы, и вся тут”.

Поверила нам. Михаил Дмитричу еще за клевету досталось. Только мы с тех пор кофейник ставить не стали, чтоб грохоту не было.

***

Этот Михаил Дмитрич в те года уже старый был. С малолетства горбатенький он. Злющий, ябедник, не тем помянут, прости Господи, покойник. При отце он в каретном заведении у себя кой над чем приглядывал, а потом дело всякое бросил, с Марью Дмитровной жил. Тоже из ее рук смотрел, рублем давился.

Он из своей горницы редко когда вниз сходил. Чай пил и обедал у себя. Вот на Масленой блины есть в самую кухню шел. Сядет к столу, да прямо со сковородки. Ест и кухарок ругает. Все всегда ругался. А женщин терпеть не мог, “поганью” да “дьяволом” называл. Верно от своего уродства, что глядеть не хотели на него. Племянницы, бывало, чистые девушки, мимо пройдут, а он плеваться.

Богомолен был очень. У себя сидит — псалтырь да книги божественные читает. Церкви посещал, постился строго. Марья Дмитровна тоже все посты, и середы, и пятницы постное ела.

Говорила уж я вам, что Марья Дмитровна вдов и сирот призирала, помогала многим. Была тут вдова полковника (на турецкой войне он погиб)46, Анной Афанасьевной звали. Накрашенная, как кукла, вся ходила. Места живого на лице не было. Марья Дмитровна по слепоте своей этого всего не видала и знать не хотела. А услышавши, что Анна Афанасьевна для бедных да для семьи воинов в церкви в кружку деньги собирает, разумилилась очень и вдову “несчастную” к себе

гостить на времена вечные пригласила. В такое доверие Анна Афанасьевна у Марьи Дмитровны вошла, что все прямо диву давались. Гардероб полный ей справила, одела, обула, денег на карманные расходы давала. А та рада стараться, кружится вокруг да около, ручки благодетельницы целует.

Дальше — больше. Поехали мы на дачу (в Петровский парк ездили)47, дом на нее Марья Дмитровна оставила, а в доме-то один-разъедин Михал Дмитрич остался, окромя прислуги. Ну, принялась в Марь Димитринино отсутствие за нашего горбатенького госпожа полковница. Там купец, хоть и бритый купец, а все чуйка48, а век в приживалках маяться тоже неохота. Пусть, мол, урод и пока от сестры в деньгах зависит, да не век ей, сестре-то его, жить, после ее смерти в силу войдет. Все это она прекрасно учла, передумала. Уж истина великая сказана, коль женщина захочет, все по ее будет. Бес — женщина, говорится. А такая-то и подавно.

Значит, на даче воздухом дышат, а тут железо куется, пока горячо. То чайку ему в горницу принесет, вздохнет о доле своей вдовьей, о божественном слово кинет. Дальше — больше. Стали у них беседы длинные происходить. А там прихожу я раз к Надежде Дмитровне, а она мне и говорит: “Хотите, — говорит, — новость скажу? А у нас, — говорит, — в доме свадьба будет”.

— Кто ж, — я это прямо так и удивилась, — Анна, мол, Александровна? Да как же я-то в одной комнате на сундуке с ней спавши того не знаю?

А Надежда Дмитровна смеются: “Братец наш, Михал Дмитрич, женится”.

Тут смекнула я, в чем дело (слухи ходить об их стали), а молчу. А Надежда Дмитровна продолжают: “Сестрица, мол, Марья Дмитровна, больно сердиты”. Правда, Марья Дмитровна — гроза. “Не допущу, — кричит, — до сраму такого!” Побушевала, покричала, да Михал Дмитрич на своем уперси, делиться пригрозил, счастье его, она, де, разбивает. Повенчали их. Где-то в полковой церкви венчали, при казармах. У себя в приходе разве можно? Сойдется народ глазеть, больно уж некрасиво — карлик этакий и фря наштукатуренная под венцом стоят. А небось все

пошли бы смотреть купца Евдокимова свадьбу, не простой человек венчается.

Уж как они там жили-поживали, один Бог знает, каково ихнее счастье было. Только верный она расчет имела — после Марьи Дмитровны много они получили: сколько там тыщ, да мебели, одежи всякой. Анна Афанасьевна с Михал Дмитричем всего пять лет прожила. Как умер он, все ей осталось. Не мало всего. Тут уж точно все выгадано было.

***

Еще у Марьи Дмитровны сноха ее, брата старшего Николая Дмитровича вдова, Глафира Сергеевна проживала. Об этой худого слова сказать нельзя: тихая была, скромная. Еще когда старик Евдокимов жив был и все они вместе проживали, взяла Марья Дмитровна белошвейку в дом всех обшивать. Хороша собой была Глафира Сергеевна: черты лица тонкие имела, деликатные, а нос у нее особенно красив был, ну, прямо точеный. После он ей, носик-то ее, тыщу рублей стоил. Ну, погодите, все по порядку.

Стал Николай Дмитревич на белошвейку заглядываться (бабник был ой-ой-ой какой). Уперся: влюбился, мол, и баста (упрямые они все, Евдокимовы-то, были). Ну, значит, повенчались, зажили у Марьи Дмитровны под крылышком. Марья Дмитровна сноху полюбила за нрав за ее скромный, к себе приблизила, угождала ей всячески та, но подлизой быть не была, в достоинстве себя держала, хоть и из низов вышла.

Заболел тут у Глафиры Сергеевны носик ее точеный. Туда-сюда, домашними средствами — ничего не помогает. Хуже и хуже. Стала по докторам ходить, лечиться, да тыщу с лишним и пролечила. Поправили ей дело, хоть того, точеного, уж, конечно, быть не могло, а все-таки полегчало немножечко.

Лет она с пять, больше ли вдовела, у нас жила, а тут решила Марья Дмитровна замуж ее выдать. Позвали сваху, найди, мол, жениха. Нашли хорошего, скромного паренька (хоть и на много ее моложе был), в приказчиках служил (раньше либо купец, либо приказчик). Иваном звали. Выдали Глафиру Сергеевну, Марья Дмитровна ей приданое в тыщу рублей дала. К мужу переселилась. Хорошо жили, согласно. Уж больно ей, Глафире-то Сергеевне, свекровь добрая попалась, а это чуть ли не главнее всего. Она, свекровь ее, на семнадцатом году овдовела. Иванушка нескольких месяцев от отца остался. Сазоновы фамилия им была. Накрылась она низко платком черным, по-скитски, скоромное в рот брать перестала и окромя церкви да Иванушки ни о чем думать не думала. Большая подвижница была, высокой жизни очень, а к Глафире Сергеевне как к дочери родной относилась.

***

Тетинька к нам захаживала, Катериной Степановной Ушаковой звали. А вот она им как родней приходилась, все я вам сейчас обстоятельно расскажу. Дмитрий Григорьевич Евдокимов, бабушек ваших дед, женат был на Анне Александровне Ушаковой. У них, у Ушаковых-то, своя библиотека была напротив гостиницы “Вивьен”, богатая библиотека49. Про мать Дмитрия Григорьевича о ее доброте славушка ходила повсюду, ангелом для всех несчастных была. Они с капиталом большим были, Ушаковы-то. Анна Александровна, бабушка бабушек ваших, хороша собой была — брюнетка, полная, умная и добрая. Брат у нее был, Дмитрий Александрович Ушаков. Так вот Катерина-то Степановна его вдовой осталась. Только недолго в замужестве пребывала, ушла от него. Ну, да я все по порядку расскажу.

Екатерина Степановна в простом звании родилась, да больно лицом вышла. Я-то ее уж старухой знала, а все видать: черты лица и тогда недурные имела. Одиннадцати лет ее, дитятей неразумной, за парня пятнадцатилетнего выдали. Она через три-четыре года и овдовела. А девятнадцати лет за вашего, не знаю как, прадедушку вышла. За красоту взял. Только не стала она с им жить. Как о нем, о покойнике вспоминала, давай плеваться: “Коли знала бы я да ведала, — говорит, — разви стала бы я себя поганить, этакую гадость выносить”. Взяла да бросила мужа. Он вскорости и

стала бы я себя поганить, этакую гадость выносить". Взяла да бросила мужа. Он вскорости и умер. Стала по монастырям разъезжать, в Аносиной пустыни50 часто гащивала, любили ее там и почитали.

Веселая была, стихов много божественных знала, псалмы пела, а самое главное — от сплетен далека была. Никогда ничего ни про кого. Потом под старость, странствовать стала с котомочкой, пока ноги носили, по угодникам на поклонение ходила. К нам чуть не каждый день хаживала. Марья Дмитровна очень ее любила, помогала ей деньгами, кое-чем, да не особо уважала за странности, и хоть дяди родного женой приходилась законной, тетенькой ее не величала, а по имя-отчеству. И та, конечно, тоже: "Марья Дмитровна", ну, а "ты" всем без исключения говорила.

Придет, бывало, к нам, все новости сообщит, о чудесах, о знаменьях расскажет, а затем и говорит Марье Дмитровне: "Ты, Марья Дмитровна, прикажи Анете в лавку съездить, на саван мне ситчику купить". Ладно. Поедет, купит Анна Александровна, сошьют ей саван, глядим, а дня через два уж является Катерина Степановна: "Угадай-кось, — говорит, — что на мне за платье новое?" Батюшки, из савана! Этак на саван и конца покупкам не было.

А то вдруг утром, часа в четыре, спят все, а она сядет за фортепьяно и давай петь. Поет и бренчит. Так играть, по-настоящему, не умела.

Когда в землю ворочуся,
Как суха была трава,
Ах, зачем я тороплюся,
Когда участь такова!

Это она стихом божественным называла. Что тут, по-моему, божественного есть?

Спала она в столовой на кушетке, ширму ей ставили. Утром встают все — нету Катерины Степановны. А она, батюшки ты мои, к бабушке вашей (Лидия Александровна в ту пору уж замужем была, в Мансуровском переулке проживала) квас пить пошла на зорьке. В пять часов всю прислугу там в доме подымет: "Неси квасу с погреба, больно квас хорош".

А то, как живая она у меня в глазах стоит, ходит, руки за спиной заложивши, по залу (зал в два света был, в пять окон)51 и сама с собой разговоры ведет. Потешало это очень Марью Дмитровну, все, бывало, над ней подсмеивалась, как это та слова разные в одиночку бормочет, да козою по залу подпрыгивает.

Умерла она в тот год, как я замуж выходила.

***

Настасия Александровича52 я годов двенадцати-тринадцати застала. Баловной был, нечего греха таить. Понятно, мальчишка, да еще мамашин любимец. Марья Дмитровна тоже баловала, хоть и в строгости большой держала их всех.

Где только Настасий Александрович не учился: и в реальном, и у Фидлера53, и в пансионах модных. Уходил отовсюду: не по нем порядки казалися. Ну, а потом все же выучился, ученый вышел, по-иностранному говорил, за границу ездил, на гору Бернар54 даже взбирался.

Их тогда трое храбрецов на высоте Монблана побывали. Писали про них в газетах. Очень мне интересно все это Настасий Александрович рассказывал. Только все одно могу сказать: зря бабушек ваших братец жизнь свою провел. То революцией занимался, с разными студентами якшался, денег на них уйму перевел. Потом все дела разные. Его всякие мошенники там какие уговорят, а он, не спросясь броду, хлоп туда капитал. Ну и все, ясно, обманывали его. Доверчив был человек. А потом, как ни учен, ни умен, а дела вести сноровка да смекалка нужна купецкая.

Рудники купили, сто, что ли, тыщ дали, да лопнули они, рудники то, так ни с чем Настасий Александрович с Надеждой Дмитровной и остались. Много перед смертью Надежда Дмитровна нуждалась и стыдилась бедности своей, и ни от кого-то помощи не имела. Дочери мало заботились о ней, да и не любили они как нужно, не почитали мать. Всю жизнь свою она, бедняжка, маялась, и умирала трудно. От рака внутреннего умерла в девятом году.

А Настасий Александрович совсем недавно помер, в 1927 году, кажется. Шел по улице, зазевался, должно быть, наехал на него автомобиль и насмерть задавил. Уж судьба такая, значит.

Помню я, бывало, ленится в ученье Настасенька, узнает про то Марья Дмитровна, осерчает: “Веди, — скажет, — Наташа, меня к Настьке в комнату, надо, мол, Настьку отчитать, чтоб не блажил. Не щепки, а деньги плачены”. Это ее всегдашняя поговорка была. “Ты меня, — говорит, — так посади, чтоб ему уйти нельзя было”.

— Слушаюсь, — отвечаю.

Входим мы с Марьей Дмитровной. Настасий Александрович сидит за столом, уроки учит. Марья Дмитровна себя посадить велит. Сажаю я ее, значит, подле Настасия Александровича. Он-то у стенки своей тетенькой, мамашей крестной, и загорожен выходит. Выговаривать ему начинает Марья Дмитровна, а он тихонечко шмыг под стол (потому другого выхода нету) и была такова. Мне подмигивает, молчи, мол. Я и сама знаю, что будет, коли скажешь, какая гроза разразится. Сижу ни жива — ни мертва. А Марья Дмитровна все говорит и говорит... пустому месту. Мне-то и смешно, и боязно. А вдруг заметит? Баловной был Настасий Александрович.

***

Заневестились ваши бабушки — пора пришла их замуж выдавать. Стали к вашим бабушкам хорошие кавалеры приглядываться, свах подсылать (опять-таки дело через Марью Дмитровну шло, конечно). Две девицы сразу в пору взошли, обе образованные, воспитанные, лицом недурные и с приданым хорошим считалися.

Высватали Анне Александровне молодого доктора, Цветкова Сергея Алексеевича, годов ему этак 25—26 было. Сказывали, собой не плох был и в лечении большой талант имел. Анна Александровна его раньше знала, у подруг на вечеринках познакомились, видно, нравились друг другу. Потому, когда акушерка Анна Тимофеевна вместо свахи пришла, Марья Дмитровна ласково ее приняла, перечить не стала: жених ученый, скромный, видать, далеко пойдет. Из семьи очень почтенной, люди небогатые, но уважаемые.

Сам-то, отец Сергея Алексеевича, батюшка Алексей Дмитревич, в духовном звании родился, в семинарии (бурса тогда называлась) обучался и, как сказывали, молодым без отца-матери остался. Роста он был высокого, худощавый, лицом приятный. Лишнего слова не промолвит. К тому времени, как я его знала, он у Иоанна Предтечи, что в Староконюшенной, приход имел, священствовал55. Мало того, своим же братом, духовенством, в духовники нашего сорока56 выбран был. Из уважения к его праведной жизни такой чести удостоился. Давно еще служил он в дьяконах у Спаса на Песках (на Арбате, а Спасопесковском переулке), где дед бабушек ваших, Евдокимов, старостой церковным был. Марья-то Дмитровна рассказывала, что, бывало, пойдет на праздник причт Спасо-Песковский с молебном, а дед-то бабушкин, Дмитрий Григорьевич, дальше передней попов пускать не велит: грязь, мол, натопчут. Думалось ли, гадалось ли одному и другому, что в свойстве они будут?

Ну, значит, служил батюшка отец Алексей у Иоанна Предтечи и в домике тут же на церковном дворе проживал. Фасад на Староконюшенный выходил. Зала в три окна на улицу и еще четыре комнаты, крылечко в три ступеньки каменные.

Помнится мне, когда тетенька мамаши вашей, Глафира Алексеевна замуж выходила (а это лет 5—6 спустя было), села она в карету, квартал объехали и к церкви снова подкатили. Пешком

— о спустя было), села она в карету, квартал объехали и к церкви снова подкатили. Пешком невесте не из простого звания не полагалось.

Эта Глафира Алексеевна очень хороша собой была, и рукодельница, и хозяйка замечательная, характера тихого и сурьезного. В труде да в страхе Божьем воспитана. За священника Лавровского Василия Евгеньевича57 выдали по сватовству. Она его совсем не знала, да партия считалась очень хорошая. Он академию окончил, священник был образованный, приход получил богатый, на каком-то кладбище, с угодьями, выгодный. Да, не тем помянут, и винцо, и картеж любил. Счастья она с ним не видела. Обидно ей, голубушке, было: из такой семьи, да с таким человеком навеки связана. Только овдовела она рано. Года, этак, думается, четыре, не больше, вместе прожили (шушукались тогда, будто он с ума сошел). Сын в младенческом возрасте остался. При отце жила, замуж больше не выходила. Обожглась на молоке крепко, на холодную воду дула58. В этом доме и жила, при церкви, с сынишкой, Сережинькой. Ну, их-то вы хорошо знали, чего о них говорить.

Ну ладно, о Цветковых, значит. Дружно жили меж собой отец Алексей со своей матушкой Евфалией Васильевной. 12 человек детей у них родилось, одни еще грудными помирали, другие взрослыми, и только трое отца с матерью пережили.

Сама Евфалия Васильевна около восьмидесяти лет преставилась, аккурат на другой день после Благовещения. Вдруг, этак в самый праздник, 25 марта, очень даже теплая, можно сказать, жаркая погода сразу настала, гроза прошла, сильно парило. От разрыва сердца умерла. Полна была последние годы покойница. В гробу лежала — ни единой сединки в черных волосах не было. Говорили, она татарского происхождения, кто ж их знает. Сама-то она Кудрина, священникова дочь, в 1828 году родилась, рано замуж за вашего прадедушку вышла и всю-то жизнь хлопотала, стряпала, обшивала. Этакое семейство огромное.

Прадедушку вашего тоже все хвалили: строгой жизни был батюшка покойный, смиренник большой и молитвенник. Он все больше дома сидел, не любил даже, когда гости приходили, скромный даже очень человек, во всех отношениях совестливый.

Беда большая стряслась у Цветковых. Да не одна беда, а целых две. Отворились ей ворота, беде-то, по русской по пословице. Умерла у них на самой на Масленице дочь взрослая, Александрой звали, красавица, говорят, была писаная (я-то ее не знала). Заболела тифом и в два дня скончалась. Легко ли вырастить, взлелеять дочку до двадцати годов, да могиле сырой отдать?

Года за два до того старшую, Лизавету, похоронили. Та, словно мне помнится, в погреб упала да кости себе все переломила.

А уж самое-то страшное, самое черное — Сергей Алексеевич, кормилец их, гордость да надежда родителей, в больнице от больного дифтеритом заразились, в несколько дней помер. На второй неделе поста, ден через пятнадцать после сестры.

Матери, конечно, какой палец не отрежь, все одна боль, только, скажу я, все же они какие крепкие, ни слезинки не проронили. Батюшка-то, отец Алексей, согнулся, осунулся весь, и всем, кто с утешением ни приходил к ним, всем повторял: “Господь дал, Господь и взял, Его светлая воля”. Приняли горе по-настоящему, по-христианскому, со смирением великим. Только все ж таки, видать, очень страдали. Как же, двух детей в две недели схоронить, и уже не малых, а на ноги вставших.

Анна Александровна много плакали, весть о смерти жениха получивши. Ушло, значит, счастье. Конечно, жених не муж, другие найдутся, любить будут, а все ж таки... Да оно и понятно, горе жизнь ее позатмило.

На похороны с ей пошли. Марья Дмитровна сначала пускать не хотела: зараза, мол, то да се. Ну, Анна Александровна тоже тут свой характер показала. “Все равно, — говорит, — пойду”. Видит

Марья Дмитровна, ничего не сделаешь — отпустила. Только после похорон домой ночевать приходить не велела, да переодеться во все чистое — не заразиться бы.

Тут-то я Сергея Алексеевича впервые и увидала, мертвого, потому, как на праздниках он у Марьи Дмитровны бывал, я к маменьке своей уходила. Так его ни разу видеть не пришлось.

Проводили мы его, бедного, на Ваганьковское кладбище. Анна Александровна спать к акушерке Анне Тимофеевне пошла, а я к себе домой, к матери.

***

С год прошел, с лишним. Справили годовщину по Сергею Алексеевичу, забываться потихоньку горе временем стало.

Пришла к Марье Дмитровне прабабушка ваша, Евфалия Васильевна, да и говорит: “Поступим, — говорит, — по примеру императорской фамилии. Сыну моему Николаю Алексеевичу двадцать третий год пошел, бульгахтером он в банке в государственном служит, у начальства на хорошем счету. Его, мол, вы знаете, что собой представляет, мне хвалить, значит, не с руки, потому сын. Сватайте за него Анну Александровну”59.

Марья Дмитровна свое согласие дала (очень ей все семейство Цветковых нравилось), только, говорит, поговорю я с Анетой. Ну, Анна Александровна ничего слышать не хотят. “Не пойду, — говорит, — замуж, а если и пойду, разве за доктора, а сейчас, — отвечает, — оставьте меня, я думать о замужестве не могу”.

Марья Дмитровна и уговаривать не стала — что ж поделаешь, значит, еще покойника не забыла. Решила тут Лидию Александровну за Николая Алексеевича сватать. Бабушке вашей Николай Алексеевич давно нравился. Говорить о том, конечно, не говорили — в прежнее время разве о таких вещах могла девица говорить? Девушка должна стыдливой быть и на родительскую волю во всем полагаться. Да и как мог такой, как ваш дедушка, не нравиться? Красавец собой был, а уж умен, скромен, что красная девица. И по службе повышения получал.

Ваш-то дедушка, Царство ему Небесное, тоже на медные гроши учен был. Школу кончил — Заиконоспасское училище60, стал экзамен в семинарию держать, да по математике-то и провалился. Вся семья в горе была — как без образования пробьешься? Тут на дворе у них, на церковном, старуха Булгакова жила, очень батюшку, отца Алексея, почитала, а с матушкой, Евфалией Васильевной, в большой была дружбе. Она-то в вашем дедушке участие приняла, через знакомого его в банк государственный в мальчики определила. Там дедушка ваш очень пондравился — потому услужлив, расторопен был, всякому угодить сумел. Стал к делу присматриваться, интересоваться всем. Видят — паренек со смекалкой, желание большое имеет ко всякому знанию, — ну, показывать стали. Дальше — больше: видят, из Николая Алексеевича толк получиться может, посадили счета там какие вести. Все это он прекрасно умеет, только похвалы начальства и слышит. До старших бульгахтеров дослужился, как к бабушке вашей свататься начал. Семьсот рублей в год получал.

Бабушка ваша не могла Николаю Алексеевичу не понравиться. Потому девица была образованная, ученая, воспитания тонкого была, да и собой весьма недурна. Одевалась красиво, по-модному. Ну, конечно, и приданое не малое давали. Разве бы когда Николаю Алексеевичу найти такую невесту? Ваша бабушка и пела прекрасно, на фортепьянах играла, и стихи писать умела. Уж о танцах, да об языках иностранных мне и говорить не приходится. Все знала великолепно. Николай Алексеевич все это ценил, понимал. Обожал всю жизнь свою жену, ну прямо это по-настоящему на руках носил.

***

Сговор, благословение летом как-то, до ли Петровок61, после ли через несколько дней было

Сговор, благословение летом как-то, до ли Петровок61, после ли через несколько дней было. Наши на даче жили, в Петровском парке, окромя Марьи Дмитровны. Не любила она дач.

Мне Надежда Дмитровна велела у Сорина в кондитерской хлеб на благословение взять (еще накануне заказали), да с этим хлебом на дачу притти к четырем часам. Дали мне в провожатые Анны Прохоровны сына, Андрюшу. А Анна-то Прохоровна Кораблева дальней родственницей вашим приходилась. На Долгоруковской с сыном жила, да все больше у нас пребывала. Без Анны Прохоровны Марья Дмитровна куска сахара расколоть не могла. Ничего без нее не обходилось, ни одни именины, ни одно событие, вся тут как тут со своим Андрюшенькой.

Беспутный парень Андрей был. Без ученья да без дела болтался, ахала все на него мамаша-то его. Все ж повезло человеку, на купчихе богатой, на вдове женился. Пятьдесят тыщ за ней взял. Старше его лет на двадцать была, любила его, старая дура. Живо они вдвоем все ее состояние спустили, в карты игравши. Он после в Кредитном обществе служил, много получал.

Значит, зашли мы на Арбат, к Сорину, а хлеб-то только из печи вынули, опоздали маленько. Сдобный — страсть, пышный, мягкий, 50 копеек серебром за заказ плачено.

— Обождите, — нам говорят, — поостынуть дайте, потому опасно несть, как бы, дескать, не сел.

А нам где ждать? Время два часа, а в 4 благословение назначено, от нас же до Петровского парка, до дачи уж не менее двух часов пройдешь, да там домой мне спешить, к Марье Дмитровне ворочаться. Ничего не придумаешь. Завернули мы этот хлеб, понесла я его осторожненько.

День жаркий был, пылища. Идем мы с Андрюшей, разговариваем. Вздумалось ему (пить, что ли, захотел) фунт красной смородины купить. Три копейки фунт стоит. Идет и ест. “Хотите?” — меня спрашивает. И не успела я рта открыть, слова молвить, попутал его лукавый, смородину-то

мне на хлеб-то и кинуть. Хлеб возьми и сядь.

Что делать будешь? Я его, Андрюшу-то, и так, и сяк, чего, мол, разбойник, наделал? “Я, — отвечает, — не знал”.

— А я, — говорю, — как теперь Надежде Дмитровне на глаза покажусь?

Всю дорогу шли — ахали, а дорога не малая — из конца в конец. Конки тогда только в моду входили, да не туда ехали, куда нам надобно62. По Тверской, в другом направлении.

Ну вот, приходим на дачу, показываю я Надежде Дмитровне: “Так, мол, и так, от сотрясения, мол, что сделалось”. Уж про Андрюшу молчу, жалко стало малого.

Расстроилась моя Надежда Дмитровна: “Как же теперь быть? — говорит. — Ведь уж гости собираются”. Мигом собралась со мной, на извозчика села, к Севостьянову63 поехала. Хлеб купили еще больше, вон какой огромный. Может не так сдобен был, но хорош, прямо прекрасный даже. Тоже пятьдесят копеек стоил.

Она, значит, на благословение спешит, а я скорей домой, к Марье Дмитровне. Ну-кось, пока меня нету, зарежут ее или все из дому унесут? Все ж таки свой глаз. Хоть и с горничной оставалась, а не то, что я, не так доглядит.

С хлебом, после Надежда Дмитровна сказывала, все благополучно обошлось — никто и не заметил. А бабушке вашей даже ничего не говорили, может, примета какая, подумает, нехорошая.

Приданое Лидии Александровне хорошее дали: сто тыщ деньгами, шубы две, ротонду64 соболью, бархатом крытую, мебели, серебра, сундуки с бельем, перины-подушки — как полагается, и восемь платьев шелковых сшили, кроме венчального. К благословению ей поплиновое65

серенькое сделали с отделкой пестренькой, персидский рисунок называлось. Затем розовое платье — муар с кружевной отделкой, лиф мысиком кончался, с косточками. Сливное такое, "прюнь"66, чуть в моду тогда цвет входил, и вишневое, красивое, из сюры67. Шли к ней очень. Вишневое-то в рукавах все в полосках наложенных было — лучший фасон. Четыре платья Бланш Ревью шила, а другие, попроще, портниха с нашего двора, но тоже была хорошая портниха, дорого по-тогдашнему брала.

***

Свадьбу вашей бабушки в августе сыграли, 31 августа. Спешили, чтоб не в сентябре, не то вся жизнь будет сентябрем смотреть. Уж любила она Николая Алексеевича, слов нет, а как ее мамаша родная с маменькой крестной Марьей Дмитровной благословлять стали, на пол упала и прямо закричала. Ну, ясно, от матери родной да к мужу переходит. Мужья-то сегодня любят, а завтра нет, не то, что мать. Да и полагалось так, плакать-то перед венцом. Другие ох как убиваются, причитают.

У Иоанна Предтечи их венчали. Шикарная свадьба была. В церкву по билетам пускали. Шаферами свои, банковские, были, товарищи: Докучаев68, Шубин, Шилов — кандидат прав. Сам директор Палкин69 на свадьбу приехать соизволил.

Настасий Александрович образ нес. Сюртучек ему сшили с закругленными полами, как у взрослого (ему в ту пору 14—15, верно, сравнялось), а Сонечке белое платье новое.

После обед свадебный у купца Щипачева подавали. Старостой он был у батюшки Алексея Дмитрича, почитал его сильно и вот хотел молодых уважить. Помещение — дворец. Богач страсть какой. Ему такой обед ни во что не стоил.

Только пошла я после церкви на обед к Щипачевым, меня лакей не пропускает. А со мной купчиха Галкина, Александра Ивановна, та даже в свойстве с вашими была. Я-то прилично одета, — как же, разве оденешься плохо на свадьбу, а та прямо-таки роскошно, вся в шелках-кружевах. "Мы, — говорим, — знакомые ихние", — а он, болван, лакей-то, все свое твердит: "Не велено никого пропущать". Сам Щипачев на шум вышел. "Что ж, мол, раньше не шли?" — к нам обращается. "Как, — говорим, — не шли, за всеми и пришли".

— Не могу, так прямо не могу.

Ваша бабушка к нам вышла.

— Я-де очень их хорошо знаю, они-де мои очень хорошие знакомые, а это (на Александру Ивановну показывает) даже дальней родственницей приходится.

Да они, Галкины-то, с Щипачевыми меж собой домами знакомство давно вели. Жених сам вышел, начал вместе с невестою Щипачева упрашивать, нет, уперся купчина — ни взад, ни вперед. Никак не уломаешь.

Что ж делать? Назад мы с Александрой Ивановной поворотили. У Марьи Дмитровны чай сервирован был, закуски (Марья-то Дмитровна по слепоте своей нигде не бывала и на свадьбе не пировала). Выпили чаю, посидели, поговорили. Анна Александровна очень этим всем возмущалась. "Устроили бы, — говорит, — у себя, хоть и поскромнее, зато бы перед всяким, — говорит, — хамом не унижались бы". Да так отец Алексей, батюшка, хотел, у своего у старосты, может, обидеть боялся, от такой милости отказавшись.

***

Первая квартира у молодых на церковном дворе у Иоанна Предтечи была, в Шанкаревом доме жили, от своих тут же два шага, от Цветковых, и от нас недалече, пешком дойдешь.

жили, от своих тут же два шага, от Цветковых, и от нас недалеко, пешком дойдешь.

Вскоре ваша бабушка тяжела первеньким сделалась. От нас, от меня да от Анны Александровны, скрывали это, неприлично сие девушкам знать, да шила в мешке не утаишь, дело тоже известное.

Зиму эту, на Рождество в 1880 году, спектакль играли у Евдокимовых, "Женитьбу" Гоголя ставили. Николай Алексеевич Подколесина играл, Лидия Александровна — сваху, Анна Александровна — Аграфену Тихоновну, Глафира Алексеевна, сестра Николая Алексеевича, той лет 18 тогда было, — тетку, Настасий Александрович — Яичницу, а Сонечка — Дуняшку. И Вася, второй брат Николая Алексеевича, годов шестнадцати мальчишечка (в гимназии еще учился), тот кого-то из женихов изображал.

Этот самый Вася, года через два кишечной болестью заболев, в неделю Богу душу отдал. Способный был очень, хороший очень, да и лицом приятный. Значит, судьба.

Лег это Подколесин на диван думу думать, а Дружок-то через всю сцену за ним на диван летит. Очень любил Николая Алексеевича. Что смеху было! Веселились тогда много. Молодежь все, каждый пустяк радует.

На елку ездили все, в государственном банке для детей служащих устраивали. Высоченная елка, вся в игрушках, украшениях. Николай Алексеевич Сонечку нашу с собой взял, да братишку своего младшего — Митю. Уж хорошенький был Дмитрий Алексеевич — полненький, белый, румяный, глазки, как угольки, живой весь, веселый — словно цыганенок. Прямо картина. В голубой рубашечке ходил. Он чуть нашей Сонечки помоложе был.

Стали это они, значит, ходить вокруг елки, украшения рассматривать. Сонечке не то ангел сусальный, не то корзиночка какая понравилась очень. Ну, Митенька, кавалер любезный, не долго думая, сказавши ей: "Достану, мол", на руки поплевал, да на елку карабкаться начал. Брата старшего, Николая Алексеевича, в смущение большое ввел.

***

Первого апреля Марии Египетской бывает70 (Машки-вруньи именинницы зовутся), в этот день глупый обычай есть: других обманывать. Первого апреля Марьи Дмитровны день Ангела бывал. Пирогов, пирогов напекут, угощеньев всяких, и все постное. Потому редко когда не великим постом этот день приходится. Народищу придет поздравлять — пропастища. Ясно, не маленький человек Марья Дмитровна.

Сидят это за столом, чай с пирогами пьют, вдруг лакей, Филипп Платоныч, Марье Дмитровне телеграмму подает. Взяла у него из рук не то Надежда Дмитровна, не то Анна Александровна, прочла вслух и обомлели все. В телеграмме-то сказано: "Лидия внезапно скончалась".

А бабушка ваша в то время Сергеем Николаевичем беременна была. Напугались все, кто слова вымолвить не в силах, а кто в слезы ударился. Батюшка, Алексей Дмитриевич, первый в себя пришел, схватил шапку, да бегом к молодым помчался. Только из ворот, а ему навстречу Николай Алексеевич с Лидией Александровной на извозчике едут. Что радости было, что слез!

Это, значит, нашлись умные люди, поздравить именинницу с первым апреля решили, подшутили так, что чуть до настоящей смерти всех не довели. Марья Дмитровна тут на одних купцов думала, в ссоре с ими была. Вот какие шутки бывали.

***

Летом, как сейчас я помню, июля 23-го в 1881 году, варили мы варенье с Анной Александровной. Уж я вам говорила, Марья Дмитровна страсть сколько всегда варенья наваривать велела, всем да каждому. Понятно, себе-то на чистом сахаре из ягод отборных Анна Александровна собственноручно варила, а похуже ежели — экономка

собственноручно варила, а похуже ежели — экономка.

Экономок этих у нас множество перебывало. Менялись часто, чуть что на Марь Дмитринын характер обида и раз-два, хвостом вильнула и за дверь. Одну помню, Лидией Николаевной звали. Чудачка была страшная. Тогда тюрнюры модные носили. Наденет она этот модный тюрнюр, а юбку на манер нынешнего коротко подберет. Безобразие, срамота, да и только, ноги видны. Марье Дмитровне доложили, та ей, значит, выговор. Да не видит она, Марья-то Дмитровна, пошумела и все. А экономка так в своем наряде и ходит. А прическу нарочно разлохматит, и все с улыбочкой да с ужимочками. Рукой махнули, не все у нее, дескать, в голове в порядке. А дело свое так знала. По смоквам была мастерица, да яблочную пастилу71, Марь Дмитрину любимую, знаменито готовила.

Уж раз о варенье заговорили, не могу я вам одного случая про себя не рассказать. Варю я раз черносмородиновое, на тагане72 (тогда где-то плита была, редкостью считалась, а в русской печи варить варенье не годится), ложечкой помешиваю. Не по-теперешнему раньше варили, воды малость подливали, для соку. Вошла кухарка Анисья, молодая, из деревни только бабенка, стала про свою родину рассказывать, заслушалась я, виновата, разбойница, глянула, а варенье-то мое уже коричневой пленкой поднялось. Что делать? “Давай воды!” — Анисье кричу. Налили воды. Только, видать, все одно никуда, испортили. А его фунтов 20, на сахаре.

Пошла я к Марье Дмитровне. “Так, — говорю, — и так, пригорело, мол, у меня варенье”.

— Ты, — отвечает она мне, — осторожненько сверху сыми да отнюдь воды не лей.

— Я, — говорю, — Марья Дмитровна, каюсь, воды-то уже налила.

Ну и ничего Марья Дмитровна. Слова мне не сказала, со всяким случиться такая беда может, не нарочно ведь, да молода еще. А ежели бы скрыла, беды, грозы бы не миновать.
Ну вот, варим мы варенье с Анной Александровной. День жаркий был, духота неописуемая. Видим вдруг Надежда Дмитровна (а она к Лидии Александровне ходила) чуть ли не бегом мимо нас проходит, шляпка на боку, такая вся взволнованная сама, в растрепанных чувствах, видно. Лицо у нее все красными пятнами. Прямо к Марье Дмитровне.

Испугались мы с Анной Александровной, что же это случилось, думаем. Тут, спешно тоже, горничная Надежда рябая в кухню прошла, самовар ставить, белье стирать тащит. Что за оказия такая? Анна Александровна узнать пошла, да разве скажут, не все девушкам и знать можно. А экономка-то нам и шепчет: “Лидия, мол, Александровна сына только что родила, легко очень разрешилась от бремени. Надежда-то горничная новорожденному белье выстирать спешит, потому не приготовили ничего, не думали, что так скоро”.

Ну, значит, Надежда Дмитровна к бабушке вашей назад, в Мансуровский переулок побежала (квартиру сымали они в доме Алябинского, из Староконюшенной съехали уже), а мы тут новостью занялись, новость-то важная. Уж Марья-то Дмитровна от счастья всем подарков надарила — внучку больно радовалась. Сергеем назвали, в честь дяди, значит, родного.

Уж Лидия Александровна души не чаяла в Сереженьке, обшивала его собственноручно, наглядеться не могла. Анна Александровна крестила вместе с дедом, с Алексеем Дмитриевичем, тоже любила племянника без памяти.

Как вышло Лидии Александровне шесть недель, пошла она молитву брать, а из церкви к нам (в наше время женщина родившая до шести недель из дому не показывалась, неприлично считалось и гостей у себя принимать).

Сергея Николаевича распеленали, раздели всего, на подушку на большую положили, да поднесли к Марье Дмитровне. Она-то его на колени взяла, всего-то щупала, целинький ли-де Сереженька, знакомилась с внучком, значит. А чуть подрос, годочка ему два-три было, все приходил мне шить

мешать. шью я на машине, а он подоидет и даваи колесо крутить, играть, выходит дело. А хорошенький был мальчишечка, беленький, глазенки шустренькие.

Пошла раз Лидия Александровна от нас, гулять его повела на Спасопесковскую площадку. Идет, Сереженька за ручку с нею, и вдруг папашу своего повстречала. Стоит Александр Васильевич, во все глаза глядит, бледный весь, трясется: "Господи, — говорит, — как время-то бежит, уж у Лидии сын", — и слезы у него самого на глазах. Как же, внука родного впервые увидал. Ведь он, Трубников, с детьми своими не видался никогда, правда, Анастасий Александрович к нему украдкой ходил (мальчишка, известное дело, мальчишке свобода дана), а дочери ни-ни: Марья Дмитровна, упаси Бог, узнает, и даже в мыслях чтоб не было. Анна-то Александровна после (особенно как замуж вышла) очень даже часто отца навещала и с его со всем семейством с незаконным в дружбе большой была. А тогда не смей.

***

Решила меня Марья Дмитровна замуж выдать. И пора была. 23-й год мне пошел. По пословице говорится: "Девка в поре — не держи во дворе". И хоть я (хвалиться, конечно, не хочу) девушка была скромная, богобоязливая, такого-этакого и в уме не держала, а все ж таки всему свое время подойдет.

Я в ту пору здоровая была, румянец во всю щеку, а косы если и не очень длинные имела, то зато вьющиеся. Бывало, все, и бабушка ваша, завидуют: "Смотрите, вон, дескать, счастливица, ей и завиваться не надобно". Тоже и в теле я была достаточная, — словом, невеста готовая.

Марья Дмитровна маменьку мою позвала, и между собой поговорив, решили они меня сватать. Стали мне жениха искать. Анна Тимофеевна тоже вызвалась в этом деле помочь, а рука у нее на этот счет легкая была, многим хорошие партии высватывала. Она-то и бабушке вашей свадьбу

устроила.

Во дворе у нас одна барыня жила. Тоже решила меня непременно замуж выдать. Послала раз меня к ней (уж не помню, зачем) Надежда Дмитровна. Прихожу, а мне обождать велят. Жду. Гляжу, тут же какая-то женщина да паренек молоденький сидят. Женщина со мной в разговор вступает. Ну, ответила я там, что надо, а тут хозяйка-то меня и позови: "Как, — спрашивает, — пондравился вам?"

— Кто? — я так и удивилась.

— Да жених.

— Какой-такой жених? — Оказывается, она мне паренька этого в мужья прочила, да смотрины вздумала в прихожей устроить.

— Поди, — говорит, — с ним поговори, может, пондравится?

— Нет, — отвечаю, — некогда мне, Надежда Дмитровна ждет.

А у них с Надеждой-то Дмитровной все, верно, раньше переговорено было насчет жениха, как подстроить.

Потом, значит, устроили раз смотрины у маменьки моей. Жених пришел со свахой, да с матерью с родной. Худенький, лицо ребячье, 19 лет ему, как есть сосунок. Он уж сейчас, мол, в машинистах служит, хорошо получает, жить будешь богато, а Данилушка (Данилой его звать было) сидит, словно в рот воды набрал. Смирный такой, да уж очень молод. "Не пойду, — говорю я маменьке, — за такого, куда ж, стара я ему".

Так и расстроилось.

Многих мне сватали, да, видать, не судьба. Сказано: “Суженого конем не объедешь”. Все та же Анна Тимофеевна мне моего Алексея Филипповича и нашла. Ничего, понравился он мне. Собой видный мужчина, с черной бородой, положенье тоже есть, подрядчик он, получает жалованья не мало, только вот беда — лет на двадцать с лишним меня старше. Вдовый. Дочь у него восемнадцати годов, Катя.

Прихожу я к Марье Дмитровне и все-то ей рассказываю: сватается за меня старый, по фамилии Бычков. “Смотри, — говорит, — Наташа, быть бычку на веревочке”. Смеется. И правда, от судьбы не уйдешь. Вскорости благословили нас, а затем перевенчали у Спаса на Песках, на самой Фоминой неделе73. Батюшка, отец Сергий Успенский, что умер третьего дня, тогда только рукоположен был, нас венчал. На мне платье красивое, светло-шоколадное было, шелковое. Тогда только очень знатные и богатые в белом платье венчались.

Марья Дмитровна мне на приданое 200 рублей дала. Большие деньги в те времена. Маменька меня благословляла, а в посаженых отцах кондитер Иванов, Николай Иванович, был. Плакать, как не плакала. Потому свободе девичьей конец — мужнина жена. Я, конечно, уж в летах была, понимала, что нужно, необходимо, а все боязно было, конечно. Мне маменька-покойница рассказывала, одну там девушку выдавали, а она ревмя ревет, да матери своей и говорит: “Не пойду, мол, за него, он страшный. Страшно замуж идти”. А мать-то ей и отвечает: “Как же я-то за твоего отца шла?” “То, — говорит, — другое дело, ты-то за родного тятеньку, а я за чужого мужика”.

Я, конечно, глупостей таких говорить не говорила, а слезу не одну пролила. Дочка мужнина на свадьбе была. Мамашей меня называть стала. Чудно мне спервоначалу, потом привыкла, пять лет разницы всего между нами было, ну а все ж как полагается по закону.

***

С полгода я с мужем прожила, и получил он место в Смоленской губернии. Кинул меня он соломенной вдовой на три месяца и уехал сам. А Великим постом я к нему ехать собралась. Уж боялась я одной такую даль ехать, один Бог знает. Ведь легко ли сказать, окромя Сергия-Троицы, куда раз всего езжала, нигде не была. А тут муж еще письмо написал, того, мол, сего захвати, да капусты привези кислой, что сама квасила, там-де капуста не хороша.

Усадила маменька меня в третий класс, расцеловались мы с ней, перекрестила она меня, всплакнули обе. Тронулись в путь. Гляжу я кругом — на лавках-то купцы богатые, в сукно тонкое дорогое одеты, сидят, а рядом со мной двое военных, важные господа такие, в бобрах. Я это в окошечко поглядываю, а внутри себя сиротой чувствую. А ну как крушение, что тогда? Молода была, с непривычки и боялась, а потом всю Россию объездила, где только не побывала, привыкла, хоть какая даль — все нипочем.

Ну, значит, едем. Вдруг сосед-то мой в бобрах как вскочит: “Что за безобразие? — кричит. — Здесь вон сверху капает! Чьи это вещи?”

Я ни жива ни мертва сделалась. Моя корзина на верхнюю полку поставлена была, капуста-то от сотрясения и давай течь. Пришлось сознаться. А бобры из себя выходит, бранится, слюной брызжет. Батюшки, думаю, а как он меня высадить велит, потому птица он, видать, важная. А я ихнюю шинель шикарную капустным рассолом измарала по нечаянности. Отыскала я проводника, так, мол, и так, я их благородию одежду испортила, на, мол, тебе рупь (а рупь не мало в наше время значил), уважь, прибери. Он, проводник-то, вытер все, в надлежащий вид привел, а я сижу да чувствую — вот-вот заплачу. Напугалась, расстроилась очень. И разревелась вконец. Купцы, что напротив сидели, давай сочувствие высказывать, расспрашивать, отчего, мол, плачете? А мне стыдно сказать, что капуста всему причиной, я и соврала: “Очень, — говорю, — тяжко с маменькой расставаться”. “Конечно, — говорят, — понимаем, нелегко. А к кому вы

едете?" "К мужу я еду". Они как захохочут: "Давно с мужем-то расстались" "Да три месяца", — отвечаю. Они давай надо мной смеяться. И я развеселилась.

Благополучно доехала. Муж меня на станции встретил, а там 30 верст на лошади. Тут я в первый раз русскую деревню увидала.

***

Не понравилось мне сначала на чужой стороне. Скучала шибко по Москве и по маменьке.

Муж мой дровяным делом ведал, все дрова, что на Москву грузили-заготовляли, в его руках были. И я, на него глядя, присматривалась да четверик от пятерика отличить могла74. В наше время дрова заготовленные, распиленные да разрубленные да года-то два выдержанные (не то, что мокрота нынешняя, саженная) в города готовые, хоть в печь клади, отправляли. А лесов, лесов в окружности было! Свели их всех уж давно, красоту этакую.

Смешной такой обычай в нашей местности был. Девки в праздник ли, на гулянку в косы да в платок на лоб зеркальце маленькое себе вставляли, пришивали, что ли, вплетали, может, и одна у другой смотрится и радуется, как, мол, я хороша.

А потом еще такое дело было: девки все в красном ходили, в кумаче да в ситце, бабы синий и голубой носили, а старухи — розовый. Я, помнится мне, дочке хозяйской ситчику розовенького в крапинку да в цветочки белые в подарок на платье привезла. Не стала носить девка. Бабушке отдали. Так старуха в моем ситчике и щеголяла. Как супротив обычая пойдешь? Засмеют.

***

Хорошо я с мужем жила. Муж не пил, не гуляка какой, мужчина скромный и дельный. Дай Господь каждому такого мужа, как он, мой голубчик, был. Одно только горе у нас — Бог детей не посылает. Уж я и обещанье к угодникам ездить давала, и молилась, и средства всякие пробовала. В Москву поехала, у докторов бывала, изгиб матки у меня нашли, операцию предлагали. Я бы уж готова была под нож лечь, да они так сказали, будут ли еще после операции дети — неизвестно. Много я через это плакала.

Когда в Москве побывала, к вашим, конечно, съездила. Они на даче тогда все жили, а Лидия Александровна с семейством тут же, дома четыре от них. Ваша бабушка последние дни ходила, мамашу вашу ждала. Акушерка при ней и жила. Тоже легко, как и первенького, родила Лидия Александровна дочку 2-го июля, в Соломенной сторожке75. (Марией)* назвали, в честь Божьей Матери и в честь Марьи (Дмитровны. Крестными Марья Дмитро)вна с прадедушкой вашим, Алексеем Димитри(чем были. Марья Ни)колаевна была темненькая, вся в (отца. Любил ее) Николай Алексеевич. Говорят, коль дочка на отца похожа — счастливая дочь.

Затем я вашу мамашу годовалой помню. Сидели мы у Марьи Дмитровны все, а она, Марья Николаевна-то, по полу бегала, да вдруг как упадет. А Марья Дмитровна нам и говорит: "Тише, — говорит, — не надо, мол, замечать, она и не заплачет". И правда, постояла, постояла, собралась заплакать, да видит, все молчим, никакого, значит, внимания, ну и не заплакала.

В этот год умерла Марья Дмитровна. Поехала на дачу (а дач терпеть не могла), заболела воспалением в легких, да Богу душу отдала. Много после нее всякого добра осталось и капитал немалый. Разделили Надежде Дмитровне, Михаилу Дмитричу да Александре Дмитровне (еще у них сестра была, замужняя). Надежда Дмитровна тут только сама себе госпожа стала. Да не умела она с деньгами обращаться, все пролетало прахом. Хоть и купеческая дочка, а жилки купецкой не имела. Провести ее ничего не стоило.

Еще я вашу мамашу годов восьми уже увидала. В Москве будучи, я к Лидии Александровне

повидаться зашла. Уж Николай-то Алексеевич, дедушка ваш, в ту пору дилектором государственного банка был76, получал жалованье большое, богато жили, квартира шикарная была на Никитском бульваре. Именье купили, Акатово, им же его муж мой и сватал. Лидия Александровна одета по-модному, красиво, рассказывала мне, как в Ревель с детьми лечиться ездила. Мамаша ваша с тетенькой Валентиной Николаевной (а той годов 5—4 было в ту пору) повели меня кукол ихних, игрушки смотреть. Николай Николаевич лет семи был, ух и баловной мальчонка, а лицом в Лидию Александровну. Любимец. Анна Александровна в ту пору уж замужем была, своих двоих сыновей имела — Бориса и Николая. За доктора она вышла, как и хотела, чудесной души человек был Степан Яковлевич. В Шереметевской больнице, у Склифосовского по-нынешнему, венчали их, в домовой церкви. В Эрмитаже77 обед давали. Сергей Николаевич, дядинька ваш, (образ нес)*. Софья Михайловна ей жениха и высм(отрела). Очень согласно жили всю жи(знь). Только сына Николая молодым схоронили. А Лидия Александровна в 1903 году, в июле второго (в то же самое число, что вашу мамашу родила) сынка принесла на 44 году жизни своей. Скрывали долго в доме, стеснялись, что ли, что на старости лет родили (15 годов тетеньке вашей, Валентине Николаевне, с половиной сравнялось, 23 — старшему, Сергею Николаевичу). Он да мамаша ваша крестили братца. Алексеем назвали. Хорошенький Алюшечка был, глаза темные, большие. Мамаша ваша с ним больше занималась, нянчила его, а зимой сама под венец пошла с Владимиром Сергеевичем. Венчали их в Шелапутинской гимназии78, во вновь открытой церкви, а потому их там венчали, что примета такая считалась к счастью. Оно и правда, очень они согласно и счастливо в браке жили и двумя детьми их Господь благословил. Вас-то еще родила мамаша, прапрабабушка Надежда Дмитровна жива была, болела, не выезжала только.

Пришла я к ней, позвала меня и говорит: “Ну, Наташа, выбери мне образок, каким мне правнучку новорожденную благословить”. Много у ней небольших образков имелось, в ризах серебренных, с украшеньями и простых, всяких. Присмотрела я и подаю ей образок. “Трех радостей” называется. Матерь Божья сидит с Младенцем и Иоанн Креститель маленький около с посохом изображен. Обрадовалась прабабушка, приложилась и велела мне образок тот к вам в дом снесть. А жили вы в Мерзляковском переулке, на Никитской.

Хорошая была Надежда Дмитровна.

Многих-то уж нету на свете, и мой Алексей Филиппович, Царство ему Небесное, в 1917 году от рака на щеке помер. В больнице лежал и все-то меня утешал, мой голубчик: “Не рак, мол, у меня, Наташа, а канцыр79, врачи говорят”. Складно мы с ним жили. Паспорт и до сих пор у меня его цел, я в нем вписана: “Жена мещанина Пречистенской части Алексея Филипповича Бычкова”.

А молодые-то растут, разрастаются, детей родят, я уж путать стала, кто кому приходится.

И я молода была, и бабушки ваши молоды были, и все это было, и все это прошло.

Записано в 1933 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Этот способ “лечения” заключался в следующем: в миску наливали воды и насыпали пригоршню углей из печки, потом этой водой поили больного или, набрав в рот, прыскали ему в лицо.

2 Это событие скорее всего относится к 1847 г.

3 Вел. княжна Мария Николаевна (1819—1876) была значительно старше матери рассказчицы, так что речь, скорее всего, идет о ее дочери, внучке Николая I, Вел. княжне Марии Максимилиановне (1841—1914).

4 Голицын Юрий Николаевич (1823—1872), князь, тамбовский губернский предводитель дворянства в 1851—1854 гг., композитор и оперный дирижер. В 1858 г. он попал в поле зрения III Отделения как усердный читатель “Колокола” и корреспондент А. И. Герцена, был сослан без права выезда в Козлов, где скоро соскучился и бежал за границу. О похождениях Голицына в эмиграции см.: Герцен А. И. Былое и думы (ч. 7, гл. I). См. также Эйдельман Н. Я. Вьеварум. Лунин. М. 1995. С. 111—116.

5 Машера — дорогая (от фр. ma che?re).

6 День св. мученицы Натальи отмечался по старому стилю 25 августа.

7 Речь идет о сумме, которую требовалось заплатить при вступлении в купеческую гильдию.

8 То есть капут, конец.

9 Летник — старинная женская одежда с очень широкими сборчатыми рукавами.

10 Евдокимов Дмитрий Григорьевич, купец 2-й гильдии, владелец каретного заведения в Арбатской части. Д. Г. Евдокимову принадлежал отцовский дом на Смоленской площади, носивший в 1820-х — 1830-х гг. № 137; в 1840-х — 1850-х — № 142 (по Арбатской части); в 1860-х гг. дом стал значиться под № 8 по Смоленской площади. Брат Д. Г. Евдокимова — Иван Григорьевич, также купец 2-й гильдии, имел дом на Спасской площади.

11 Молодцами в купеческой среде называли низшую категорию приказчиков.

12 Церковь Спаса на Песках находится на Арбате в Спасопесковском пер.

13 То есть блуза, просторная кофта.

14 Войнов (Воинов) Михаил Михайлович (1846—1875) — окулист, доктор медицины, приват-доцент офтальмологии Московского университета.

15 Братолюбивое общество снабжения неимущих квартирами, правителем дел которого был тайный советник Иван Юльевич Давыдов (?—1891), имело несколько богаделен в разных частях Москвы.

16 Церковь Василия Кесарийского находилась на 1-й Тверской-Ямской ул.

17 То есть к мировому судье.

18 Горбатый мост находился на Пресненских прудах; в настоящее время существует как мемориальный объект, связанный с событиями революции 1905 г.

19 Ножевая линия — в Старом Гостином дворе; вопреки названию, торговали здесь главным образом галантереей и тканями.

20 Дровяной переулок находился в соседстве с Горбатым мостом, шел параллельно Москве-реке и Новинскому бульвару (на этом месте теперь Новый Арбат и Белый дом). Проточный переулок располагается южнее; перпендикулярен Смоленской площади и Москве-реке.

21 Штоф — плотный узорчатый шелк.

22 Дом Перской — в 1870 г. носил № 61 по Остоженке (не сохранился; находился рядом со зданием Катковского лицея — нынешней Дипломатической академией).

23 То есть на клиросе, на краю возвышения перед иконостасом (солеи), предназначенного для

23 То есть на клиросе, на краю возвышения перед иконостасом (солеи), предназначенного для певчих.

24 Церковь Воскресения в Барышах (Барашах) находится на Покровке, в Барашевском пер.

25 Церковь Успения на Остоженке имела № 47, находилась почти напротив здания Коммерческого училища (нынешний Лингвистический университет).

26 То есть в Сергиев Посад, к Троице-Сергиеву монастырю.

27 Церковь мученика Трифона в Напрудном находится на Трифоновской улице, недалеко от Рижского вокзала.

28 Призирала — заботилась, опекала.

29 Фаншетка — головная наколка, косынка.

30 Муаровые — из муара, шелковой или полушерстяной ткани с рубчатой поверхностью и характерным “муаровым” переливом.

31 Островский Николай Федорович (1796—1853). Речь, по-видимому, идет о его втором браке.

32 Воронухина гора — улица в Дорогомилове; проходила вблизи Бородинского моста.

33 То есть Смоленского рынка, занимавшего часть Садового кольца между Смоленской и Кудринской плащадями.

34 Издание журнала “Современник” прекратилось в 1866 г.

35 Бубенка — голыш, промотавшийся человек.

36 Трубников Александр Васильевич (?—1893), губернский секретарь; похоронен на Дорогомиловском кладбище.

37 Сорокадневные молитвы в церкви по умершему.

38 Чудотворную икону Иверской Божьей Матери по ночам вынимали из часовни у Воскресенских ворот и возили по городу для молебнов по специальным заказам. После завершения молебна образ наклонно поднимали над больными, а остальным домочадцам давали возможность пройти под ним либо проползти на коленях.

39 Захарьин Григорий Антонович (1829—1897), известный московский врач-терапевт, тайный советник, профессор Московского университета. См.: Лушников А. Г. А. Захарьин. М. 1974.

40 Бовэ (Бове) Михаил Осипович (1828—1883), доктор медицины, статский советник. Служил в Городской больнице на Калужской улице. Сын известного архитектора О. И. Бове.

41 Лазаревский институт восточных языков в Армянском переулке; при нем существовала гимназия.

42 Муслин — тонкая и легкая шелковая ткань.

43 То есть, прюнелевые, из плотной хлопчатобумажной, шелковой или шерстяной ткани, шедшей главным образом на верх обуви и на обивку мебели.

44 Турнюр — специальная накладка, носившаяся сзади под юбкой и создававшая силуэт, модный в конце 1870-х — начале 1880-х гг.

45 Николо-Угрешский монастырь близ станции Люберцы в 18-ти верстах от Москвы.

46 Речь идет о войне за освобождение Болгарии 1877—1878 гг.

47 Петровский парк — местность вдоль нынешнего Ленинградского проспекта, между станциями метро “Динамо” и “Сокол”, территория старинных сел Петровское-Зыково и Петровское-Разумовское. С середины XIX в. наиболее популярная дачная местность в ближних окрестностях Москвы.

48 Чуйка — длиннополый купеческий кафтан; обиходное прозвище купцов-“бородачей” (“серых” купцов), живших по старинке в соответствии с дедовскими обычаями.

49 Собственно, библиотека принадлежала двоюродному брату А. А. Евдокимовой и Д. А. Ушакова — Александру Сергеевичу Ушакову (1836—1902) и его жене Фелицате Ивановне и находилась с 1846 г. на Волхонке, а с 1870 г. — на углу Воздвиженки и Моховой (современный дом № 4/22; перестроен). В 1879 г. библиотека была продана М. Вивьен, а здание переоборудовано под гостиницу с рестораном “Петергоф”.

50 Борисоглебский Аносин женский монастырь, находившийся в 15 верстах от Звенигорода, при селе Аносине.

51 То есть с окнами, расположенными в два яруса либо в двух противоположных стенах.

52 А. А. Трубников в 1910-х гг. проживал на Большой Дмитровке в доме № 22.

53 Реальное училище И. И. Фидлера считалось лучшим средним учебным заведением Москвы.

54 Видимо, пик Большой Сен-Бернар в Альпах.

55 Церковь Иоанна Предтечи, как и дома причта, находились на месте современного дома № 19 по Староконюшенному переулку.

56 Сорок — административно-церковная единица, объединявшая несколько приходов.

57 Лавровский Василий Евгеньевич (?—1902), священник Тихвинской на Бережках церкви.

58 О. Г. А. Цветковой и ее семье см.: Харузина В. Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. М. 1999. С. 234—235.

59 После смерти в 1865 г. Наследника Цесаревича Николая Александровича его невеста принцесса Дагмара была выдана замуж за его младшего брата Вел. князя Александра Александровича.

60 Заиконоспасское духовное училище при одноименном монастыре, находившемся в Китай-городе, для детей московского духовенства. После четырех лет учебы воспитанники имели право поступать в духовную семинарию.

61 То есть до Петровского поста, длящегося от недели Всех Святых до дня апостолов Петра и Павла (21 мая — 28 июня по ст. стилю).

62 Первая конка появилась в Москве в 1872 г. к открытию Политехнической выставки. Ее маршрут проходил по 1-й Тверской-Ямской и Тверской улицам между Смоленским (Белорусским) вокзалом и Красной площадью.

63 У Петра Николаевича Севостьянова было в Москве несколько булочных: на Большой Никитской в доме № 30, у Арбатских ворот и в Дорогомилове. См.: Шухин П. И. Воспоминания

Никитской в доме № 50, у Ароатских ворот и в Дорогомилове. См.: Щукин П. И. Воспоминания. Из истории меценатства в России. М. 1997. С. 42.

64 Ротонда — женская длинная накидка без рукавов.

65 Из поплина, плотной хлопчатобумажной или полушелковой ткани.

66 От фр. prune — цвет сливы.

67 Сюра — плотная шелковая ткань.

68 Докучаев Иван Иванович, титулярный советник, младший кассир Московской конторы государственного банка в 1870-х — 1880-х гг.

69 Вероятно, Палтов Николай Ильич, действительный статский советник, управляющий Московской конторой государственного банка в 1870—1880-х гг.

70 Народное название дня преподобной Марии Египетской, 1/14 аперля.

71 Смоквы, пастила — старинные русские лакомства; готовились из разваренного с сахаром или патокой и затем провяленного фруктового или ягодного пюре (яблочного, рябинового, малинового и др.).

72 Таган — треножник, металлический обруч на ножках, под которым разводили огонь.

73 Фомина неделя — следующая за Светлой седмицей, т. е. пасхальной неделей.

74 Четверик, пятерик — разновидности основной меры дров, сажени: четырехполенная или

пятиполенная сажень.

75 Соломенная сторожка — местность в Петровско-Разумовском.

76 Н. А. Цветков в начале XX в. был директором Московского купеческого банка и попечителем многих благотворительных учреждений.

77 “Эрмитаж” — ресторан, основанный французским кулинаром Л. Оливье (создателем знаменитого салата). Находился на углу Неглинной ул. и Петровского бульвара.

78 Гимназия была построена в 1900—1901 гг. известным предпринимателем П. Г. Шелапутиным. Находилась в Большом Трубецком переулке (пер. Хользунова, рядом с м. “Фрунзенская”). Здание гимназии и существовавшей при ней церкви Георгия Богослова не сохранились.

79 То есть, карцинома, злокачественная опухоль.

Публикация В. М. БОКОВОЙ

Из Воспоминаний Э. В. Экка

Из воспоминаний Э. В. Экка / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Ю. В. Алехина // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 443—449.

Объемистый машинописный экземпляр, извлеченный их хранения знаменитого “Пражского архива” (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 32—34), “Воспоминания о службе в лейб-гвардии Семеновском полку; о русско-турецкой войне 1877—1878 гг., русско-японской войне 1904—1905 гг. и о Первой мировой войне. (Автор не установлен)”

1905 г. и о Первой мировой войне. (Автор не установлен)".

В ходе определенной исследовательской работы мною была проведена научная атрибуция документа, позволившая не только установить подлинное имя мемуариста, но и выявить ключевые моменты его обширной биографии (см. также персоналию в кн.: Н. Рутыч. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. "Российский Архив". М. 1997. С. 285—286).

Эдуард Владимирович Экк родился в апреле 1851 г. в Петербурге в семье профессора Медико-хирургической академии, который 35 лет возглавлял клинику по внутренним болезням. Военную службу начал в Семеновском полку 10 сентября 1868 г., а уже в 1877 г. закончил Академию Генерального штаба и принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. После войны, по соглашению русского посла в Константинополе с военным министром Д. А. Милютиным, Экк был прикомандирован к генеральному консульству в Филиппополе в качестве русского военного агента с конфиденциальным заданием в Восточной Румелии, ставшей автономной областью Османской империи по решению Берлинского конгресса 1878 г. Здесь, в Южной Болгарии, и произошла встреча Э. В. Экка с матерью великого русского полководца, полного генерала Михаила Дмитриевича Скобелева (1843—1882).

Впоследствии генерал Экк участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах, состоял в резерве при Временном правительстве, участвовал в Белом движении на Юге России. Эмигрировал в Константинополь, а затем в Югославию, где и оставался до конца жизни.

В изгнании Экк пользовался непререкаемым авторитетом. Он заведовал 4 отделом Русского Общевоинского Союза, председательствовал в Совете объединенных офицерских организаций. Как старейшего и наиболее уважаемого русского офицера (которому, кстати, командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов признался в январе 1917 г., что не может назначить его командующим армией ввиду "немецкой фамилии и вероисповедания") Экка чтили и югославские власти — недаром сам военный министр присутствовал на скромных эмигрантских похоронах в Белграде в начале апреля 1937 г. Долго помнилась фраза, сказанная Эдуардом Владимировичем на собственном юбилее в 1929 г: "Трем императорам служил; уверен, что буду служить и четвертом".

В воспоминаниях, которым Экк посвятил последние годы жизни, он оставил небольшой, но емкий рассказ об одном из самых трагических и загадочных происшествий последней четверти XIX в. — убийстве Ольги Николаевны Скобелевой (1823—1880).

Уголовный характер этого преступления был очевиден с самого начала, и Экк не сообщает здесь ничего нового. Но заметной особенностью его мемуарного стиля являются детали, смысл которых в большей степени зависит от четкого ощущения связи времен, нежели от несовершенства человеческой памяти. Это драгоценное качество позволяет нам сегодня увидеть яркую картинку прошлого с его декорациями и действующими лицами. Чего стоит, например, своеобразный психологический образ одного из убийц, вовсе не погибшего со всей шайкой в перестрелке, как было принято считать в советской историографии.

Однако, с самого начала трудно было поверить и в то, что "тайна Узатиса", отважного и лично преданного генералу Скобелеву человека, исчерпывалась каким-то примитивным чувством наживы и зверским инстинктом. Следовательно, он был орудием или жертвой врага... Внимательное знакомство с воспоминаниями Экка доказывает, что "приведенные соображения, переносящие дело на политическую почву, представляются довольно правдоподобными и естественными" ("Неделя". № 30. 27 июля 1880 г.). Слишком дерзкую и грандиозную роль взял на себя генерал Скобелев. В конце концов, он и сам погиб в Москве при невыясненных до конца обстоятельствах в Москве.

На месте убийства О. Н. Скобелевой городской комитет Филиппополя поставил памятник, о судьбе которого нам ничего неизвестно. Но в Спасском-Заборове, имении М. Д. Скобелева в

Рязанской губ., справа от разграбленной гробницы “белого генерала” и полуразрушенной церкви сохранилась ее могила.

***

Летом 1880 г. произошло еще одно частное событие, огорчившее всех и особенно больно поразившее нас, военных. Выехавшая в Чирпан мать М. Д. Скобелева была зверски убита верстах в четырех от Филлипополя1.

Ольга Александровна* Скобелева объехала Болгарию, посетила Софию, где в Народном собрании ее встретили бурными овациями. Из Софии, посещая по пути главнейшие города и села, она прибыла в Филиппополь, где и прогостила довольно долгое время. Она всюду открывала отделения общества Св. Пантелеймона наподобие Красного Креста и, в то же время, под шумок пропагандировала идею об избрании ее сына, знаменитого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева в князья Болгарии2.

Пребывание в Филиппополе было большим ресурсом для нас: Церетелева, Извольского3 и меня. По своим связям среди петербургского общества, по родству с Адлербергами4, она близко знала всю жизнь высших сфер и тогдашних государственных деятелей. Обладая живым умом и языком, как бритва, она с неистощимым юмором рассказывала закулисную сторону жизни тогдашнего общества, не исключая своих дочерей, не щадя никого — один лишь Миша, как она называла своего сына, был для нее кумиром, и для него она была готова на все жертвы. С ней была ее девушка, никогда с ней не разлучавшаяся, и состоявший в запасе старший унтер-офицер Суздальского полка Иванов, кавалер знаков отличия Военного ордена 4-й, 3-й и 2-й степеней. У нее постоянно бывал капитан Узатис5, командир учебной саперной роты, во время войны 1877—1878 годов поступивший из отставки охотником в один из полков 16-й пехотной дивизии, которой командовал М. Д. Скобелев, и бывший у него ординарцем. Перед тем Узатис, в 1876 году, был добровольцем в черногорской армии, в ее войне с Турцией, и даже среди черногорцев пользовался репутацией беззаветного храбреца. Все прибывавшие в Филиппополь черногорцы обязательно шли к нему на поклон и признавали его как бы старшим над собой. Заветным желанием Узатиса было приобрести в собственность мельницу, арендованную им в деревне Дермен-Дере, и он просил Ольгу Александровну дать ему необходимую сумму денег.

Отъезд в Чирпан, ввиду сильной жары, был назначен в 5 часов пополудни. Перед отъездом Ольга Александровна зашла ко мне, так как я лежал в сильной лихорадке, посидела со мной, напилась чаю и поехала.

Через два часа после ее отъезда, в комнату вбежал мой денщик и от волнения с трудом выговорил: прибежал раненый Иванов, он говорит, что капитан Узатис с черногорцами били генеральшу и ее девушку6.

Известие было так невероятно, что я не поверил ему, приказал помочь мне подняться с постели и сойти вниз к Иванову.

Скобелева О. Н.

Иванов действительно лежал, тяжело раненный в руку, и со слезами рассказал: “Едва мы отъехали от города версты четыре на высоте лагеря, как видим, у края шоссе стоит Узатис со своими тремя черногорцами. Генеральша приказала остановиться. Только то экипаж остановился, они подошли и вдруг все бросились: один черногорец на меня, ударил меня ножом в руку и сбросил с козел; другой убил извозчика, а сам Узатис одним ударом ножа зарезал генеральшу, другим — девушку. Воспользовавшись минутой, что они стали разбирать чемоданы, я бросился бежать и бежал досюда”7.

Не успел Иванов окончить свой рассказ, как послышался топот лошадей на быстром аллюре и,

вслед затем, в дом вошел поручик Вишневский, который доложил: “С час тому назад в лагерь прибежали люди, которые передали, что на шоссе стоит экипаж, убиты две женщины и извозчик и тут же лежит взломанный чемоданчик. Мы тотчас поскакали по шоссе и в убитой узнали мать генерала Скобелева8. Капитан Ковалевский остался при покойной, а я, вернувшись в лагерь, взял трех конников, чтобы скакать в Дермен-Дере, так как есть подозрение, что убил Узатис”9.

Подтвердив последнее, я приказал Вишневскому спешить в Дермен-Дере и захватить там Узатиса и черногорцев.

Вишневский пошел рысью по городу, затем галопом к переезду через полотно железной дороги. Здесь он узнал от сторожа путей, что, примерно с час тому назад, через переезд перешли четыре человека, один на коне, трое пешком, и скоро, скоро спешили по направлению к Дермен-Дере. Вишневский, ускорив ход, быстро достиг Дермен-Дере, сам с пятью конниками свернул на мельницу, а трем конникам приказал проскакать насквозь деревни Дермен-Дере и Сотир, занять единственный выход в горы на пути в Македонию и никого не пропускать до приезда к ним его, Вишневского10.

На мельнице Вишневский застал только что прибежавших черногорцев Андрея и Илью и фельдфебеля учебной саперной роты македонца Барчика11.

Все трое только что начали снимать промокшее от пота платье и обувь и без сопротивления дали себя арестовать, уверяя, что они ни в чем не виноваты.

Конники показали: едва мы успели занять выход, как показался капитан Узатис в черной кожаной куртке. На окрик “стой, кто идет” Узатис спросил: “Разве вы меня не знаете? — Знаем, да не велено пропускать, потому что ты убил майку Скобелева”. Тогда Узатис достал из-за пояса револьвер и, выстрелом в рот, убил себя наповал12.

Впоследствии оказалось, что только уже на мельнице Андрей признался Узатису, что он не убил Иванова, а только ранил и что Иванов убежал. После этого признания Узатис, видя безвыходность своего положения, решил бежать в Македонию.

Благодаря расторопности наших офицеров убийство, совершенное около 6 часов вечера, было сразу раскрыто, и к 11 часам вечера главный виновник покончил с собой, а три его соучастника арестованы и переданы болгарским властям.

Это злодеяние произвело на нас удручающее впечатление. Одновременно с донесением в Петербург, мы отправили сочувственную телеграмму генералу Скобелеву, находившемуся в Бали и занятому приготовлениями к экспедиции в Ахал-Теке. В ответ получили лишь лаконическую телеграмму: “Кто убийца, как наказан?”13.

В заключение скажу несколько слов об одном из соучастников, черногорце Андрее. За войну 1876 года с турками он получил от князя Николая один из четырех знаков отличия Военного ордена, присланных Государем князю Николаю для раздачи храбрейшим из его воинов. В Филиппополь Андрей прибыл за год перед тем и пристроился к Узатису.

Когда его привели на очную ставку с унтер-офицером Ивановым, Иванов сразу его признал и начал обличать. На все обличения Андрей не проронил ни слова и, лишь когда Иванов кончил, спокойно сказал: “Если ты говоришь, что меня знаешь, то это много чести для меня и я тебя благодарю. Но я тебя вижу в первый раз”.

И на допросе у следователя он оставался совершенно равнодушен, все отрицал и даже как бы подшучивал над стараниями его обличителей. И только на третьем допросе, на котором присутствовали Церетелев и я, продолжавший все отрицать Андрей вдруг обернулся к нам с вопросом: “Позволите ли Вам руку поцеловать?”. На наш ответ: “Целуй” — Андрей подошел к нам, положил к ногам свою шапочку, поцеловал нам руки и сказал, указывая на следователя:

“Ему бы я никогда ничего не сказал, а Вам сознаюсь во всем. Ни один черногорец не убьет женщины, а тем более матери Скобелева. Мать Скобелева и другую женщину убил сам Узатис, а я убил извозчика и ранил Иванова и, если мне дадут офицера, то я проведу его на то место, где закопаны деньги, около 200 золотых14. Пошли мы, черногорцы, на это дело потому, что того требовал Узатис, но женщин мы никогда не убиваем. Больше мне нечего сказать”.

Все трое: Барчик, Андрей и Илья были приговорены к каторжной тюрьме без срока15.

Совесть ли его мучила или он не мог перенести неволи, но на 7-м месяце заключения богатырь Андрей скончался от чахотки.

В декабре 1880 года я был вызван в Петербург.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Место близ шоссе и железнодорожного переезда, в окрестностях которого произошло убийство, носило турецкое название Кемер.

2 О. Н. Скобелева была выдающейся благотворительницей и филантропкой. В войну она состояла начальницей лазаретов, а затем возглавила болгарский отдел Общества Красного Креста. Занимаясь снабжением больниц, открытием новых отделов и устройством школ, приютов, попечительских организаций и т. д., она основала в Филиппополе приют для 250 детей, чьи родители погибли от рук башибузуков и черкесов. Известно также, что Скобелева собиралась открыть в Болгарии монастырь.

Сообщение о хлопотах “под шумок” об избрании сына в князья Болгарии вряд ли имеет под собой реальные основания, хотя Скобелева действительно была, по выражению

недружественной “Кельнской газеты”, “политическою агитаторшею”. “Матушка поехала в Болгарию, — в очередной раз сокрушался генерал. — Я ей, впрочем, послал на днях телеграмму, чтобы она вернулась. Чего она там лазает по парламентам — только раздражает моих врагов...” (Б. Костин. Скобелев. М. 1990. С. 157).

3 Церетелев (Цертелев) Алексей Николаевич (1848—1883), князь, дипломат. Родственник О. Н. Скобелевой. Во время войны 1877—1878 гг. был секретарем российского посольства в Константинополе, затем воевал вольноопределяющимся в Кубанской бригаде, заслужив знаки отличия Военного ордена всех 4-х степеней (ордена Св. Георгия). По окончании войны стал первым генеральным консулом России в Восточной Румелии.

Извольский Александр Петрович (1856—1919), гофмейстер, дипломат и государственный деятель. С 1875 г. числился по ведомству Министерства иностранных дел, отстаивая интересы России на Балканах (с этим направлением, между прочим, он был связан и семейными узами, будучи женат на дочери отставного российского посла в Константинополе Маргарите Карловне Толь); министр иностранных дел (1906—1910), посол в Париже (1910—1917).

4 О. Н. Скобелева была одной из четырех дочерей подмосковного помещика Полтавцева. Ее старшая сестра Екатерина Николаевна (1822—1910) была замужем за графом Александром Владимировичем Адлербергом (1818—1888), близким другом Императора Александра II. А. В. Адлерберг занимал пост министра Двора и уделов (1872—1881) и был одним из самых влиятельных людей в Российской Империи.

5 Узатис Алексей Алексеевич (1851—?), уроженец Остзейского края. Он был старшим из трех братьев немецко-греческой семьи, проживавшей до войны в Нижнем Новгороде; здесь отец Узатиса управлял сормовским пароходным заводом, принадлежавшим дяде его матери — миллионеру Бернадаки. После окончания инженерного училища прапорщик А. Узатис около двух лет служил в саперных частях, а в 1874 г. вышел в отставку. В 1876 г. он добровольно

двух лет служил в саперных частях, а в 1874 г. вышел в отставку. В 1876 г. он добровольно участвовал в войне черногорцев с турками, причем "отличался мужеством и получил орден Данила" из рук самого Черногорского князя Николая. Во время осады Плевны (в конце лета 1877 г.) Узатис пришел в отряд Скобелева, где смело воевал, как и позднее — в 63 Углицком полку. "За мужество и доблесть" он получил "ордена св. Георгия 4-го класса и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом", а также золотую саблю с надписью "за храбрость". В июле 1879 г. А. Узатис "был откомандирован в румелийскую милицию" (Всемирная Иллюстрация. № 603. 26 июля 1880 г. С. 79, 82—83).

Летом 1880 г. генерал М. Д. Скобелев, считавший храбрость безусловно "лучшим достоинством человека", был далеко от своего бывшего любимца и не мог смирять его буйного нрава. А сам А. Узатис, как бы потерявший осторожность в лучах скобелевской славы, все более и более отличался распущенностью, корыстолюбием, сладострастием.

6 Судя по отрывочным сведениям, попавшим в русскую периодическую печать (через "Новороссийский телеграф"), это была Екатерина Андреевна Колбина, 22 лет. Родственники ее проживали в Кишиневе; она состояла при Скобелевой швеей. По одной из версий, Алексей Узатис просил у Ольги Николаевны разрешения жениться на этой девушке, но получил отказ.

7 Унтер-офицер Иванов, который в первоначальных сообщениях почему-то назывался болгарским офицером Иованчо, был единственным свидетелем убийства. Это важное обстоятельство, вкупе с чудесным спасением Иванова, вызвало сильное подозрение русских и их союзников в искренности потерпевшего. Высказывалась даже мысль, что он — один из исполнителей "ловко задуманного плана", жертвой которого стал А. Узатис. "Не следует забывать, — писал журнал "Всемирная Иллюстрация" (№ 603 от 26 июля 1880 г., с. 82), — что дипломатии некоторых держав относятся враждебно к пребыванию русских офицеров в рядах болгарской и румелийской армии и что генерал Штрекер разделяет это мнение".

Но "турецкой службы пруссак" Штрекер-паша, назначенный в Румелии, "после левантинско-французского авантюриста Виталиса", начальником "тамошней военной силы", знал своего офицера Узатиса уже определялась его режиссурой. А генерал Штрекер на своем месте был чрезвычайно активен — он быстро заменил в штабе милиции и жандармерии всех русских и болгарских офицеров исключительно немцами" и раздул его штаты до размеров, совершенно не соответствующих "ничтожной цифре военных сил Румелии" ("Неделя" № 30. 27 июля 1880 г., стб. 947). После совершившейся трагедии Штрекер стал откровенно запутывать и без того малопрофессиональное следствие, сообщать вездесущим корреспондентам всякие небылицы и, наконец, твердить о выдворении всех русских из Болгарии. Такую враждебную позицию занимала и "Кельнская газета", цинично заявившая, что из Болгарии вообще "надо убрать сволочь в русском мундире и отправить в Сибирь" (на что, кстати, "Новое Время", приведшее в № 1577 от 20 июля 1880 г. эти слова, резонно заметило немецкой газете, что "выходка ее корреспондента против русских офицеров не только груба, но и гнусна и подла").

8 Газета "Новое Время" (№ 1577. 20 июля 1880 г.), со ссылкой на венскую газету "Politische Correspondenz", сообщала: "На месте преступления, в Кемере, капитан Экк со своими спутниками нашел опрокинутую карету и трупы г-жи Скобелевой, ее горничной и кучера. Бывшие при них вещи лежали разбросанными по дороге. Все три трупа были перенесены в находившуюся вблизи казарму и, на следующий день, перевезены в дом русского посольства в Филиппополе, где труп г-жи Скобелевой с большим старанием был набальзамирован".

Бальзамирование тела убитой и перевезение его в Петербург, а впоследствии и захоронение в рязанском имении Скобелевых Спасское-Заборово были сделаны по распоряжению графа А. В. Адлерберга.

9 В числе убийц Скобелевой в прессе поначалу упоминались: некий русский капитан Усов, хорваты, турки, братья Узатисы. Отдельно называлось имя "поручика румелийской милиции Николая Узатиса", которого писатель Е. Костин до сих пор считает главным виновником

Николая Узатиса", которого писатель Б. Костин до сих пор считает главным виновником злодеяния. Очевидно, это убеждение идет от оперативных печатных материалов типа статьи "Убийство г-жи Скобелевой" в "Новом времени" (№ 1572 от 15 июля 1880 г.), где Н. Узатис прямо идентифицировался с личностью убийцы. При этом вовсе не бралось в расчет, что летом 1880 г. младший Узатис был уже "статским", ибо он, по сообщениям печати (см., напр.: "Неделя" № 28. 13 июля 1880 г.) "вылетел" из армии "за какое-то грязное дело". Тогда Николай жил и работал на мельнице, арендованной Алексеем.

Путаница с двумя Узатисами возникла не случайно, она базировалась, в основном, на демонстративно близких отношениях между братьями и их совместных военных подвигах (см., в частности: Вас. Ив. Немирович-Данченко. Год войны. (Дневник военного корреспондента). 1877—1878. Т. 1. Изд. П. П. Сойкина. СПб., б. г., с. 282). Но числились за ними и другие "подвиги", вроде совместного воровства, в конце русско-турецкой войны, пяти крупных бриллиантов, украшавших шпагу М. Д. Скобелева, которой он очень дорожил. К криминальной истории родственных отношений относится и общий кутеж братьев в Филиппополе, во время которого Алексей, с пьяных глаз приревновав Николая к своей женщине, бросился на него с ножом и даже легко ранил брата.

10 В Родопских горах, лежащих на пути из Южной Болгарии в Македонию, в войну 1877—1878 гг. проходили боевые действия, причем с русской стороны там выступал Передовой отряд генерала И. В. Гурко, у которого князь Церетелев был одно время адъютантом. Летом 1880 г. эти горы служили прибежищем для множества башибузуков и прочих бандитских элементов.

11 Черногорцы Илья и Андрей имели "лет 30 от роду" и были людьми "атлетического роста и сурового вида". За год до убийства они приехали в Румелию, работали там полевыми сторожами, а затем поступили в услужение к А. Узатису, жили и работали на его мельнице. Македонец Стефан Барчик, "молодой человек лет 20", ранее храбро сражавшийся вместе с русскими в Сербии и Болгарии и заслуживший три боевые медали, был не только подчиненным, но и подручным А. Узатиса ("Неделя" № 45. 9 ноября 1880 г., стб. 1452).

12 Тело самоубийцы, как это ни странно, "исчезло из глаз следователей, принявшихся за следствие без участия русского консула князя Цертелева, который находился в отлучке из Филиппополя" ("Неделя" № 30. 27 июля 1880 г.). До сего дня дожила туманная формула, что тело А. Узатиса "зарыто цыганами на живодерне" ("Новое Время" № 1577. 20 июля 1880 г.).

13 Весть об убийстве матери была тяжелым ударом для Скобелева, тем более, что несколько месяцев назад он потерял отца. Несмотря на активную подготовку к завоеванию Ахалтекинского оазиса в Туркмении (с финальным штурмом крепости Геок-Тепе) он "просился на похороны". Царь, естественно, не удовлетворил эту просьбу. "Он хорошо понял, — писал полководец графу А. В. Адлербергу, — что мне нельзя было отлучиться, мне же теперь стыдно, что скорбь, хоть на минуту, могла во мне заглушить чувство долга. Увы, случившееся не поправишь". (Н. Н. Кнорринг. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд. // Белый генерал. М. 1992. С. 174).

14 Вопрос о деньгах и драгоценностях, бывших при Скобелевой в момент убийства, так и остался непроясненным. В разных источниках назывались суммы порядка 25 000—1 000 000 рублей. А бриллиантов, например, как утверждало "Новое Время" (№ 1572. 15 июля 1880 г.) со ссылкой на "Daily News", украли на 8 000 фунтов стерлингов.

Тайник, указанный Андреем, был следователями вскрыт. Но там А. Узатис спрятал только долю черногорцев в золотых монетах. Остальные ценности и все бумажные деньги исчезли бесследно.

15 В начале ноября 1880 г. в филиппопольском уголовном суде под председательством болгарина Федора Власакова завершился процесс по делу об убийстве Скобелевой. С. Барчик, наряду с покойным А. Узатисом, был признан зачинщиком преступления и приговорен к двенадцатилетним каторжным работам. Андрея и Илью по требованию прокурора, как

двенадцатилетним каторжным работам. Андрея и Илью по требованию прокурора, как непосредственных исполнителей злодеяния, приговорили к смертной казни через повешение. Обвиняемый в соучастии и недоносительстве Н. Узатис (который, между прочим, на суде выступал с орденами на груди за войну 1877—1878 гг.) получил 18 месяцев каторжных работ, причем из полученного срока ему вычли время предварительного заключения.

Суд, учитывая раскаяние и помощь следствию Андрея, "постановил ходатайствовать перед султаном, сюзереном Восточной Румелии о замене Андрею смертной казни другим наказанием". Из зала суда осужденные вышли в ручных кандалах, за исключением Н. Узатиса, который "благодарил суд за оказанное ему снисхождение" ("Неделя" № 45. 9 ноября 1880 г., стб. 1452—1453).

Публикация Ю. В. АЛЕХИНА

Три письма из архива Гончаровых

Сидорова М. В. Вступительная статья: Три письма из архива Гончаровых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 449—450.

До 1917 г. архив семьи Гончаровых хранился в их родовом имении Полотняный завод под Калугой.

После революции 1917 г. архив оказался разделенным: основная его часть была перевезена в Москву и попала в Государственный Литературный музей и Архив феодально-крепостнической эпохи (в настоящее время РГАДА), ряд документов оказался в Калужском краеведческом музее, некоторые бумаги остались у прежних владельцев.

В 60-е гг. фонды Гончаровых были собраны в одном хранилище — РГАДА.

Автографы предлагаемых писем хранятся в РЦИХДНИ (б. ЦПА) в личном фонде А. В. Луначарского (Ф. 142. Оп. 1. Д. 903. Л. 9—14). Будущий нарком просвещения был сослан в Калугу в 1899 г., часто бывал на Полотняном заводе, сблизился с Дмитрием Дмитриевичем Гончаровым-младшим, тогдашним управляющим гончаровским майоратом. Он был неординарной личностью: крупный фабрикант, он в то же время являлся членом РСДРП, ввел у себя на фабрике восьмичасовой рабочий день, проводил целый ряд хозяйственных и культурно-просветительных мероприятий для рабочих. По его инициативе на Полотняном заводе в 1895 г. открылся первый в России рабочий театр. В его спектаклях вместе с рабочими выступали сам владелец фабрики и Ольга Леонардовна Книппер, часто приезжавшая летом к Гончаровым. Тетка Дмитрия Дмитриевича, Екатерина Дмитриевна Гончарова (1841—1919), была одной из первых русских женщин-врачей, окончила Сорбонну, была знакома с К. Марксом, ратовала за рабочие коммуны и находилась под негласным надзором Департамента полиции. После революции она часто обращалась к Луначарскому за помощью по сохранению имения Полотняный завод как памятника культуры. Как известно, после 1917 г. Луначарский был председателем Пушкинской комиссии. В 20-е гг. он получил от своего калужского знакомого З. П. Жотикова несколько писем из гончаровского архива, очевидно, для публикации, но напечатаны они тогда не были.

Эти письма представляют интерес и ценность тем, что рисуют отношения, сложившиеся между Гончаровыми и Дантесами. Как известно, в начале 1837 г. свояченица Пушкина Екатерина Николаевна Гончарова вышла замуж за барона Жоржа-Шарля Дантеса Геккерна и после его высылки уехала к нему за границу. Екатерина Николаевна переписывалась с матерью и братом Дмитрием, писал им и сам Дантес, однако, это были в основном деловые письма с требованием выплаты приданого и раздела наследства. Отношения между родственниками совсем охладели после смерти Екатерины Николаевны, когда Дантес подал на Гончаровых в суд о взыскании с

них причитающейся ему доли наследства жены. Однако, по воспоминаниям современников, следующие поколения Гончаровых более дружелюбно относились к Дантесам, иногда даже гостили у них в Сульце.

Публикуемые письма — первые два Д. Д. Гончарова-старшего (1838—1900), племянника Натальи Николаевны Пушкиной, владельца Полотняного завода в 1860—1900 гг., к жене Ольге Карловне (урожд. Шлиппе) (1846—1900), третье — Екатерины Дмитриевны Гончаровой к Вере Константиновне (урожд. Бергман) (1875—1900), жене Дмитрия Дмитриевича Гончарова-младшего, владельца Полотняного завода с 1900 г. — , подтверждают, что отношения между Гончаровыми и Дантесами, хотя и не близкие, все-таки сохранялись.

ГончаровД.Д. Письмо Гончаровой О. К., 21 октября 1880 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 450.

1

Канны, 21 октября 1880 г.

Милая жена, сегодня письма от тебя не получил.

Вчера я писал тебе о 17000 которые состоят за фабрикой: я ошибся — состояло на

1 апреля с чем-то 2000, выдано тебе в апреле 6000, да получить тебе в сентябре 3000, останется не 17000, а 11000 с чем-то, с причтением процентов, на которые и дам тебе векселя. Проценты счесть и на 3000 и на 6000 по числу месяцев.

Вчера я отправился на железную дорогу к поезду из Парижа, встретить Матильду Метман1. Я

заметил на станции старичка с седой эспаниолкой, который показался мне похож на фотографию Метмана, которого я самого никогда не видал. И действительно, когда подошел поезд, он подошел к вагону I класса и помог выдти полной даме, в которой я узнал Матильду. Тут я разглядел, что с генералом были три сына, один выше всех лет 16-ти, другие

11 и 12-ти. Матильда меня тотчас же узнала и познакомила с мужем и сыновьями. Она не переменилась, только пополнена, все такая же свежая и румяная, с великолепными здоровыми зубами. Это самая красивая из дочерей Гекерна. Сыновья — в Colle?ge Stanislas в Cannes, и отец и мать будут жить вмести с ними, в вилле нанятой близь Colle?ge. Дочерей у них не было, и отец говорит, что сыновья лучше: par le temps qui court les filles sont difficiles a placer*.

Берта Vandal2 с мужем и сыном в Париже. George de Heeckeren3 в Сульце хозяйничает и живет с дядей Alphonse d'Anthes4, который от старости сделался идиотом, но не прочь женится. Leonie de Heeckeren5 уже 8 лет сошла с ума и находится в maison de Sante около Парижа. Об старике Гекерне6 они ничего не сказали и неловко было спрашивать жив ли он.

Обнимаю тебя. Не закармливай чересчур Борю. Больше растительной пищи, меньше мучной.

Твой Дмитрий

ГончаровД.Д. Письмо Гончаровой О. К., 26 октября 1880 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 450—451.

2

Канны, 26 октября 1880 г.

Милая жена, сегодня писем не было. Спал сегодня порядочно, и когда просыпался, шуму в голове не было и я скоро засыпал.

Я тебе писал уже, что прошлую среду я встретил на железной дороге Матильду Метман и познакомился с ее мужем, что они были любезны и что прощаясь, муж протянул мне руку сказал: aussitot installes nous viendrons vous voir**. Матидьда ничего не сказала, повидимому предоставляя это мужу.

Но вот воскресенье пришло, а их нет. Я начинаю думать, что это не даром, объясняя присутствием сестры7 и маменьки8 нежелание Метманов видеться со мной. Надо сказать тебе, что по рассказу сестры в Коммуне Парижской была одна русская, Дмитриева9, лицом похожая на сестру. Геккерны твердо уверены, что это была она, и одна из сестер, M me Vandal, говорила, как передали сестре, что во время Коммуны они ужасно боялись встретить в газетах имя сестры в числе расстрелянных.

Действительно, вчера прохожу по главной улице, вдруг вижу — поравнялись со мной на другом тротуаре Матильда с мужем. В одно время и она меня заметила и кивнула мне, я поклонился, сняв шляпу, она как будто спохватившись продолжала идти не глядя на меня. Муж ее тоже и не поклонился. Мне нужно было зайти в магазин. Немного спустя, я вышел и иду по тому же тротуару, оглядываясь, нет ли их? Вижу — сели на извозчика и едут сзади, мимо меня; проехали у самого тротуара; я взглянул на Матильду, когда она поравнялась со мной: она имела вид сконфуженный и сделала вид, что не заметила меня!

Прощай, до завтра, обнимаю тебя моя дорогая.

Твой Дмитрий

Гончарова Е.Д. Письмо Гончаровой В.К., 20 июня 1899 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 451.

Е. Д. ГОНЧАРОВА — В. К. ГОНЧАРОВОЙ

(Париж), 20 июня 1899 г.

Милый мой Верон!

Сообщи своему благоверному, что 400 р. посланные из Москвы через Кувшинова я получила. В субботу кончается мой второй месяц здесь и я еду в Англию. От Фомича получила вчера письмо насчет boarding house*, который я его просила подыскать для меня. Значит, теперь пиши на адрес Фомича. Он мне нашел boarding house в Putney, что мне на руку. Фомичу, вероятно, делать нечего, так что он может мне показать Лондон. Главным образом мне хочется изучить trade unions да всякие cooperations**, о которых мало знаю. Вероятно проберусь и в Манчестер к Бродским10. Черткова11 тоже увижу.

В Париже тоже занялись Пушкиным, George Heckeren чуть не дрался на дуэли с журналистом за честь Н(атальи) Николаевны. Дело в том, что в одном из журналов было напечатано, что Пушкин потушил лампу и вымазал руку сажей, вымазал т(аким) образом физиономию своей супруги, после чего вышел будто бы за свечой и оставил супругу вдвоем с Дантесом. По возвращении он будто бы увидел на лице кавалера тоже сажу.

Об этом baiser noci будто бы сообщил приятелю сам Дантес, а приятель журналисту. Затем приятель по требованию Жоржа написал письмо, в котором заявил, что сведения о baiser noci он передавал как слухи, а не как слова самого Дантеса. Значит честь Н(атальи) Ник(олаевны) восстановлена.

Мы все еще живем без министерства. Путаница большая идет и трудно сказать чем все это кончиться.

Прилагаю две карточки. Одну вам с Митей, другую папеньке. Напиши поскорей...

Целую вас всех.

Е(катерина) Г(ончарова)

Сидорова М. В. Примечания: Три письма из архива Гончаровых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 451—452.

1 Метман Матильда Евгения (1837—1893), старшая дочь Ж. Геккерна-Дантеса и Е. Н. Гончаровой.

2 Вандаль Берта Жозефина (1839—1908), средняя дочь Ж. Геккерна-Дантеса и Е. Н. Гончаровой.

3 Геккерн Луи Жозеф Жорж (1843—1902), сын Ж. Геккерна-Дантеса и Е. Н. Гончаровой.

4 Дантес Альфонс, брат Ж. Геккерна-Дантеса.

5 Геккерн Леони Шарлотта (1840—1888), младшая дочь Ж. Геккерна-Дантеса и Е. Н. Гончаровой. Живя во французской семье, выучила русский язык, свободно говорила и писала на нем. С отцом не разговаривала после ссоры, в которой назвала его убийцей Пушкина. Душевная болезнь ее развилась на почве любви к дяде-поэту. Судя по рассказам современников, она превратила свою комнату в молельню, перед аналоем повесила портрет Пушкина и молилась перед ним (Берков П. Н. О людях и книгах. М. 1965).

6 Вероятно, Жорж Геккерн-Дантес. В 1880 г. находился в Париже. Умер в Сульце 2 ноября 1895 г. в возрасте 83 лет. Его приемный отец, барон Луи Геккерн, умер в Париже 27 сентября 1884 г. в возрасте 93 лет.

7 Е. Д. Гончарова.

8 Гончарова (урожд. княжна Назарова) (1809 — после 1880) Елизавета Егоровна.

9 Дмитриева Елизавета Лукинична (1851—1918), революционерка, участница Парижской коммуны.

10 Бродские — Адольф Давидович (1851—1929), музыкант, скрипач, друг И. С. Тургенева, и его жена Анна Львовна — долгое время жили в Англии и Франции.

11 Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936), общественный деятель, публицист и издатель, близкий друг Л. Н. Толстого. В 1897 г. выслан из России за выступления в защиту духоборов. Жил в Англии, издавал газету “Свободное слово”. Вернулся в Россию в 1907 г.

Публикация М. В. СИДОРОВОЙ

Письма Великой княгини Елизаветы Федоровны к Императрице Марии Федоровне 1883—1916 гг.

Тютюнник Л. И. Вступительная статья: Письма Великой княгини Елизаветы Федоровны к Императрице Марии Федоровне 1883—1916 гг. // Российский Архив: История Отечества

Императрице Марии Феодоровне 1883—1916 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 453—456.

Эпистолярное наследие Вел. Кн. Елизаветы Федоровны — это богатый по содержанию исторический источник с тонкими психологическими характеристиками членов династии, государственных деятелей, с обилием интересных фактов и наблюдений, отражающих один из наиболее трагических периодов русской истории конца XIX — начала XX веков. Это еще и свидетельства земной жизни и духовных поисков новомученицы Российской, канонизированной в 1981 г. соборами Русской православной церкви за рубежом и в 1992 г. Русской православной церковью.

Вел. княгиня Елизавета Федоровна родилась 20 октября 1864 г. в семье великого герцога Гессенского Людвига IV. Ее мать, великая герцогиня Алиса (1843—1878) — дочь королевы Великобритании и Ирландии Виктории I (1819—1901) — заслужила любовь и благодарную память жителей Дармштадта делами милосердия и благотворительности. Воспитанную ею в детях постоянную потребность служения Богу и страждущим людям принесут с собою в Россию и две ее дочери — Елизавета и младшая — Алиса, которой суждено было стать последней Российской Императрицей.

В 1884 г. двадцатилетняя принцесса Елизавета вышла замуж за сына Императора Александра II Вел. князя Сергея Александровича. С этого момента ее жизнь тесно связана с ее новой Родиной — Россией*. Она признавалась в одном из писем к Императору Николаю II, что ощущает себя даже “в большей степени русской, чем многие русские”, а ее воспоминания о годах, проведенных в России, в любимой сю Москве, растворяются “в глубочайшей благодарности Богу, нашей церкви и тем благородным примерам, которые я могла видеть в истинно православных людях. И я чувствую себя настолько ничтожной, недостойной безграничной любви Божией и той любви, которая меня окружала в России — даже минуты скорби были освещены таким утешением

свыше, а незначительные недоразумения, естественные среди людей, — были сглажены с такой любовью, что я могу только повторять: “Слава Богу за все, за все”.**

Елизавета Федоровна была встречена с любовью в Императорской семье. Особенно близкие дружеские отношения ее связывали сначала с младшим братом мужа Вел. князем Павлом Александровичем и его первой женой Вел. княгиней Александрой Георгиевной, с Императором Александром III и Императрицей Марией Федоровной (1847—1928), урожденной принцессой Датской. В знаменательный для Елизаветы Федоровны день — день перехода ее в Православие — 25 апреля 1891 г. Император Александр III благословил ее иконой Нерукотворного Спаса, а Императрица Мария Федоровна стала ее крестной матерью.

Великая княгиня Елизавета Федоровна

Императрица Мария Федоровна как нельзя более соответствовала “блестящей внешности” русского Императорского двора XIX в. Изящная и приветливая, всегда с очаровательной улыбкой, она отличалась добротой и снисходительностью к людям. Веселый нрав, увлечение балами и прочими развлечениями не мешали Марии Федоровне ясно и четко осознавать свою роль и ответственность перед государством. Она осуществляла высшее управление учреждениями ведомства Императрицы Марии, по ее инициативе были созданы Мариинские женские училища для малообеспеченных девушек-горожанок, было организовано и находилось под ее покровительством Российское общество спасения на водах. Особенно много внимания уделяла Императрица деятельности Российского Красного Креста. На ее рассмотрение поступали отчеты о деятельности общин сестер милосердия, вопросы об организации медицинских курсов и различных учебных учреждений, поступления и распределения пожертвований, а во время войн — работа лазаретов, приютов для увечных воинов, больных, сирот, попечение о военнопленных. Из писем Елизаветы Федоровны видно, что интересовалась вдовствующая Императрица и деятельностью организованной в 1909 г. Елизаветой Федоровной

обители Святых Марфы и Марии в Москве.

Елизавета Федоровна много сделала для устройства брака своей младшей сестры Алисы с Наследником русского престола Цесаревичем Николаем Александровичем. И это был счастливый брак двух искренно любящих людей. Однако особенности характера Императрицы Александры Федоровны — ее застенчивость, замкнутость, стремление уединиться в кругу семьи — порождали холод и отчуждение между нею и высшим петербургским светом. Постепенно ухудшалось ее здоровье — мигрени, болезнь сердца, нервные расстройства, усугубляемые постоянным беспокойством о детях, особенно о родившемся в 1904 г., страдавшем гемофилией Наследнике Алексее.

Все это способствовало тому, что Царица, а под ее влиянием и Царь сначала увлеклись французским спиритом Филиппом, а позднее печально знаменитым Г. Е. Распутиным. Наделенный гипнотической силой, он умел облегчить телесные страдания маленького Алексея и душевные муки Императрицы Александры Федоровны. Распутин стал для нее одним из старцев, традиционно почитаемых в Православной России, и олицетворением многомиллионной массы русского крестьянства — народа-богоносца, опоры трона.

Императрица Мария Федоровна

Здесь расходились пути сестер, здесь крылась одна из причин трагической размолвки вдовствующей Императрицы с сыном-Императором, русского общества с семьей Николая II. Елизавета Федоровна и Мария Федоровна одинаково чувствовали приближающуюся трагическую развязку. В одном из последних писем 29 декабря 1916 г. Вел. княгиня писала Николаю II: "...Я высказала Аликс все мои опасения, мою боль, которой переполнено мое сердце. Казалось, будто всех нас вот-вот захлестнут огромные волны, и в отчаянии я бросилась к вам — людям, которых я так искренно люблю, — чтобы предупредить вас, что все классы — от низших и до высших, и даже те, кто сейчас на фронте, — дошли до предела!.. Она мне велела ничего не говорить тебе, раз уже я написала, и я уехала с чувством, встретимся ли мы еще когда-нибудь... Какие еще трагедии могут разыграться? Какие еще страдания у нас впереди?.."*

В свою очередь, бывший председатель Совета министров граф Владимир Николаевич Коковцев (1853—1943) вспоминал слова вдовствующей Императрицы Марии Федоровны во время одной из последних встреч: "...я вижу, что мы идем верными шагами к какой-то катастрофе и что государь слушает только льстецов и не видит, что под его ногами нарастает что-то такое, чего он еще не подозревает, а я сама скорее чувствую это инстинктом, но не умею ясно представить себе, что именно ждет нас..."**

Их ожидал трагический конец...

В ночь с 17 на 18 июля 1918 г. Елизавета Федоровна вместе со своей келейницей Варварой Яковлевой, Вел. князем Сергеем Михайловичем (1869—1918), сыновьями Вел. князя Константина Константиновича (1858—1915) Иоанном (1886—1918), Константином (1890—1918), Игорем (1894—1918), сыном Вел. Кн. Павла Александровича князем Владимиром Палеем (1896—1918) после сильного удара прикладом по голове была сброшена в старую шахту, находившуюся в 18 километрах от г. Алапаевска.

Вдовствующая Императрица после отречения Николая II от престола оказалась в Крыму. В марте 1919 г. с семьей дочери — Ксении Александровны (1875—1960) она выехала за границу на английском корабле. Последние годы Мария Федоровна провела в Дании. До последнего своего часа она — мать, пережившая величайшую трагедию — гибель детей и внуков, надеялась на то, что они живы...

Размышляя о прекрасной и трагической судьбе Елизаветы Федоровны и других страдальцев за русскую землю, архиепископ Анастасий увидел в ней одновременно и искупление прежней

России, и основание грядущей*. В ГАРФ хранятся личные архивные фонды русской императорской династии Романовых. В их числе и хорошо сохранившийся, интересный по составу и содержанию документов фонд Императрицы Марии Федоровны. Среди ее бумаг находится около 300 писем, телеграмм, поздравительных открыток и записок Великой Княгини Елизаветы Федоровны на английском языке.

Письма Императрицы Марии Федоровны к Вел. княгине не сохранились. Архивный фонд Елизаветы Федоровны (ГАРФ. Ф. 657) насчитывает всего лишь 45 единиц хранения. Очевидно, многие документы погибли во время революционных событий в Москве и ареста Вел. княгини. Можно предположить также, по некоторым косвенным указаниям из других источников, что Елизавета Федоровна сама уничтожила некоторые письма, которые, по ее мнению, не должны были бы оказаться в руках посторонних.

В настоящей публикации мы предлагаем читателю 35 писем Елизаветы Федоровны в переводе с английского языка Г. М. Колгановой. Слова и отдельные фразы на французском и немецком языках не оговариваются, слова на русском языке выделены курсивом. Слова, не прочтенные в тексте, отмечаются (...), прочтенные предположительно заключаются в угловые скобки. Авторские подчеркивания сохранены.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 19 декабря 1883 г.Дармштадт // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 456.

1

Дармштадт.

19 декабря 1883 г.

Дорогая кузина

Я уверена, что Сергей1 уже сообщил Вам о нашей помолвке. Я должна была бы написать Вам раньше, но у меня была сильная простуда.

Я жду возобновления знакомства с Вами — о ком я так много слышала.

Вчера я получила очень ласковое письмо от тети Аликс2. Ирена3 виделась с ней в Виндзоре и нашла, что она выглядит хорошо.

С наилучшим приветом к “Дяде Саше”4, как мы называем его, остаюсь, дорогая кузина, Ваша любящая

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 7 февраля 1884 г.Дармштадт // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 456—457.

2

Дармштадт.

7 февраля 1884 г.

Моя дорогая кузина

Благодарю тысячу раз за список, который ты любезно вложила в письмо Сергея.

Вещи вскоре будут отправлены.

Я должна быть особенно благодарна за некоторые сведения по поводу того, как выбирать цвета одежды, с тем, чтобы руководствоваться при заказе остальной части моего приданого.

Я надеюсь быть в Англии весной. Тетя Аликс обещала помочь мне тогда с кое-какими туалетами.

Это действительно весьма любезно, что ты беспокоишься обо мне. Я буду в высшей степени признательна тебе за помощь.

С теплым приветом Дяде Саше

остаюсь, дорогая кузина, твоя любящая

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 14 июля 1884 г. Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 457.

3

Ильинское.

14 июля 1884 г.

Дорогая моя Минни
Я должна написать несколько строк, чтобы сообщить, каким чудесным домом я считаю это место, и что я только желаю, чтобы ты была здесь и могла бы ездить с нами верхом и в экипаже.

Я надеюсь скоро встретиться с тобой и рассказать подробно о нашей деревенской жизни. Это такая радость, что Мария1 и Павел2 здесь, и я наслаждаюсь нашими маленькими танцевальными вечерами вдвойне с тех пор, как они приехали. Однажды вечером мы ездили к Голицыным в Никольское и вернулись домой только после трех. Мы наслаждались необычайно! У меня очень хорошие новости от всех наших. Папа собирается вскоре переехать из Тишбаха в Вольфсгартен, к их великому огорчению. Виктория3 очень счастливо устроилась в одном из загородных домов недалеко от Осборна. В среду мы едем к Эльстон-Сумароковым4, и все дамы и кавалеры должны быть одеты в крестьянские костюмы — очень простые, но ярких цветов. Мы с княгиней шьем себе платья, и она настолько любезна, что помогает мне кроить сорочку, что не так-то легко. Мы очень часто видимся с нашими соседями. Они все настолько милые люди, что я быстро стала чувствовать себя с ними как дома. Мы ходим купаться очень часто — такое освежающее удовольствие, потому что погода жаркая, несмотря на страшные грозы с ливнями, которые у нас были недавно. Вчера нас посетил митрополит. Он был настолько любезен, что сказал несколько слов благодарности по-немецки. Это меня очень растрогало, ведь я уверена, что он не знает ни этого языка, ни французского. Однажды, а точнее месяц тому назад, когда мы были у Преподобного Сергия5, я сказала ему “спасибо” по-русски, и это так понравилось ему, что, он, я думаю, хотел сделать то же и для меня.

Досвидания!

Твоя любящая сестра Элла.

Пожалуйста, будь добра, передавай привет Саше и детям! Я думаю о твоей доброте ко мне и о всех вас, дорогие, так часто и с благодарностью, которой никогда не забыть!

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 27 августа/8 сентября 1885 г. Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 457—458.

4

Ильинское.

27 августа / 8 сентября 1885 г.

Милая Минни

В субботу будет уже три недели с тех пор, как мы расстались, и две недели, как мы поселились в этом дорогом месте. Наконец у нас снова солнце, которое заливает своим светом местность, благодаря чему она кажется вдвойне привлекательной. Каждый день, несмотря на дождь, мы гуляем подолгу, более 2 часов, и я уже совершенно натренировалась, ведь, надо сказать, я ужасно ленилась в Петергофе. Как я наслаждалась моим пребыванием там — невозможно выразить! Это место стало мне так дорого, главным образом из-за первого впечатления, которое оно на меня произвело, когда я была с папой1 и с остальными, и благодаря той великой доброте, с которой вы оба относились ко мне все это лето. Как мне благодарить тебя и Сашу за столько счастливых часов! Естественно, мне страшно недоставало Сергея, но все равно вы и дорогие дети сделали его таким веселым, и я была так рада, что вы позволили мне побыть с вами и чувствовать себя совсем как дома. Вы можете быть уверены, что я никогда не забуду этого пребывания! И я от всего сердца благодарю вас за любовь, которую вы мне оказали! У тебя сейчас такое чудесное время, я уверена в этом. Как это замечательно — встретиться со всеми, кого любишь, в своем старом доме! И я издалека могу себе представить и разделить твою радость. Пожалуйста, будь добра, передавай привет твоим родителям и “тете” Аликс и твоим братьям! Целуй ее нежно и,

пожалуйста, скажи ей, что ее чудесная фотография находится у меня в таком месте, где я всегда могу ее видеть.

Я расписываю двери в моей маленькой гостиной цветами. Одна панель с розовыми тигровыми лилиями закончена. Я часто думаю о картине, которую я тебе дала. Она недостаточно хороша, — и писала все в Красном и в такой спешке, но, пожалуйста, оценивай ее не по плохому письму, а по смыслу набросков.

По моим предположениям, ты должна будешь увидеться с невестой Вальдемара2. Я искренне от всего сердца желаю ему счастья! Я не говорила тебе ничего такого, чувствуя смущение оттого, что была с ним не очень-то любезна. Но я уверена, что ты поняла, и в Рампенхейме, мне кажется, я увидела, что он простил меня. Я не люблю причинять людям боль, но сердцу не прикажешь, а вступать в брак без любви — это, конечно, большой грех. Я так счастлива, так счастлива! Я не знаю, как мне благодарить Бога, и надеюсь, что он тоже будет счастлив. Это было для меня таким утешением, когда я услышала о его помолвке! Все хорошо, что хорошо кончается.

Мне пора идти одеваться к ужину. Уже довольно темно, хотя всего 7 часов, но я пишу без лампы у окна в окружении коробок с красками. Я вижу на окне осу и должна быстренько убить ее, потому что у меня сейчас особые отношения с этими насекомыми, после того, как одна из них укусила меня, и от кисти до локтя рука покраснела и опухла и напоминает сосиску. Она горит и ноет довольно-таки сильно, и вид у нее не то чтобы очень приятный.

Если это письмо придет вовремя, к 30-му, пожалуйста, передавай Саше от нас троих горячий привет и сердечные поздравления с этим днем3!

Мы выезжали несколько раз. С Павлом и княгиней мы плавали через Москву-реку — так хорошо! Там, конечно, неглубоко, но все же Сергей с Павлом смогли плыть в своих лодках,

которые обычно находятся в Царском. Мы ходим по грибы каждый день, но, увы, частенько возвращаемся с пустыми корзинами. Степанов4 приехал сюда с нами, и еще Гадон5 был несколько дней. Оба славные, только я нахожу, что последний немного жеманен. Без сомнения, он знает о том, что он хорош.

С любовью и поцелуями от трио6 ко всем вам

остаюсь, дорогая Минни, твоя любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 26 июня 1886 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 458—459.

5

Петербург.

26 июня 1886 г.

Милая Минни

Пожалуйста, прости, что я пишу на такой бумаге, но мы в городе всего несколько часов, и я не могу найти своей, и также что я не пользуюсь своей собственной печатью.

Я уверена, что тебе хотелось бы получить известия о Элизабет1! И она, и ребенок чувствуют себя хорошо. Мы видели ребенка, это прелестное маленькое существо, здоровое и крупное, хотя он не тяжелый. Конечно, молодые родители счастливы необычайно. Мы видели Костю2 — он просто сиял от радости. Его самое большое желание было иметь мальчика3 и чтобы он родился на Иоанна, и так оно и вышло, только 20-го — это днем раньше и более кстати. Тетя Санни4 сейчас нездорова, она ужасно переволновалась из-за всего этого, потом Патрикеевна была в таком состоянии из-за мужа, детей и внуков — все болели корью. Так что можешь себе представить, каково это было, и теперь она слегла, будучи в состоянии страшного переутомления. Но княгиню утешает то, что в доме все хорошо и спокойно, в то время как у бедной Санни едва не разлилась желчь от нервного перенапряжения, и ее руки выглядят так, будто она их натерла углем.

Будь добра, ответь на мой вопрос телеграммой. Это то, о чем мне писала Маша Васильчикова5. Она предлагает остаться и помогать до тех пор, пока я не найду кого-нибудь, и в особенности из-за того, что грядут разные торжества. Она считает, что могла бы быть полезной мне. Могу я принять ее предложение? Пожалуйста, ответь сразу же, так как в противном случае она через день-два уедет загород, но ей хотелось бы остаться на все лето, если она понадобится мне.

Погода у нас в целом хорошая, только часто бывают ливни с грозами. Я очень надеюсь, что ты наслаждаешься путешествием и погода благоприятствует. Я пишу в гостиной. Все завешано белым, так что ничего невозможно узнать. Сергей уехал к графу Адлербергу6, потом займется устройством некоторых дел в городе. Павел тоже в городе, ищет вещи для лагеря и все приводит в порядок.

Императрица Мария Федоровна и принцесса Уэльская Александра

Трио шлет вам обоим и детям много сердечных поцелуев и радуется, что очень скоро встретится с вами.

Всегда твоя горячо любящая сестра Элла.

Я выезжала один раз верхом, а в экипаже каждый день по разу или по два, еще я рисую озеро и турецкую баню — сюрприз для Сергея.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 13/25 июня 1887 г. Кларенс Хаус // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 459—460.

6

Кларенс Хаус

св. Джеймса S. W.

13/25 июня 1887 г.

Милая Минни

Все эти дни у меня не было ни минуты, чтобы написать тебе снова, но благодаря тому, что сегодня утром мы едем в Виндзор, у меня есть несколько спокойных часов перед отъездом. Ты будешь рада услышать о том, как хорошо выглядит твой дорогой отец1. Он меня так много расспрашивал о тебе. Он скучает по тебе страшно. Он сказал, что я должна рассказать тебе, как он танцует со своей дочерью и внучкой. Они все такие веселые и радостные! Сегодня Джорджи Греческий2 уезжает. Тино3 его провожает. Я слышала, что они поедут из Шотландии. Эдди4 и Джорджи5 едут в Ирландию, что их не очень радует. Посмотрела бы ты, как мы тут носимся целыми днями — утром и в полдень музеи, магазины и пр., вечером ужин и бал, и так каждый день, с ума сойти можно! И все же мне это нравится! Как мне благодарить дорогого Сашу за то, что он позволил нам остаться еще на несколько дней?! Это действительно очень любезно с его стороны! Я боюсь, что бедный Ники6, наверно, считает меня такой эгоисткой, (что) все эти дни нас не было. Надеюсь, он не очень сердится и не слишком уж дуется на нас за это удовольствие. Эта такая радость — побыть здесь! И все идет хорошо, и к тому же погода прекрасная.

Я должна кончать, так как нам пора идти.

Горячий привет от Сергея и Эллы.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 31 октября/12 ноября 1888 г. Афины // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 460.

7

Афины.

31 октября / 12 ноября 1888 г.

Моя милая Минни

Ты, конечно, можешь себе представить, как и молитвенно, и мысленно мы были все это время со всеми вами. Что тебе пришлось пережить! Это настолько ужасно! Каждый день мы получаем известия, но жаждем послушать человека, который присутствовал при этом и уверен в том, что все было именно так, как он рассказывает1. Действительно, Бог показал вам, как Он печется о вас и любит вас за вашу совершенную веру в Него. Пожалуйста, передай Саше, что я всем сердцем сочувствую ему и переживаю ужасную скорбь от утраты его преданных слуг и дорогой Камчатки2. Это было, конечно, очень тяжелое переживание! У меня нет слов выразить, как я вам сочувствую! Но, слава Богу, никто из вас не ранен. И надо же было всему этому случиться

после вашей такой удачной поездки! Я так хочу увидеть всех вас! Так ужасно быть где-то далеко и ждать известий, а на газеты, к несчастью, нельзя полагаться.

Теперь, я уверена, ты ждешь новостей о Павле и Аликс3. В субботу мы должны были ехать утром в Татой4, но погода внезапно изменилась, пошел дождь, и мы остались дома. И они оба входят к нам в комнату. Мы сидели с Сергеем и маленькой Андреа, которую я занимала книжками, и он задал ей вопрос, и вдруг — такая радость! Они заходят! Так что мы были первые, с кем они поцеловались. Я надеюсь, что его женитьба не внесет перемен в ту жизнь, которую мы привыкли вести все вместе, особенно учитывая то, что у нас одинаковые вкусы во многих вещах. Она немного подросла, стала стройнее, так хорошо сложена и все такая же милая. Она немного порозовела, что ей очень идет — такая душка, и они настолько счастливы! Просто наслаждение смотреть на их сияющие лица!

После прекрасной летней погоды внезапно наступила зима. На горах лежит снег, и всего три градуса. Я надеюсь, ты простишь, что я не писала все это время, я только смогла отправить письмо папе и одно или два письма сестрам. Здесь столько торжеств, так что постепенно привыкаешь к необходимости настраиваться на серьезный лад. Находясь здесь, с твоими дорогими родственниками, и особенно когда здесь был твой брат Фредди5, так стремишься к тебе, и ты, должно быть, ужасно переживаешь, что тебя здесь нет, и завидуешь мне.

Только что вошла Аликс. Она шлет тебе самый наилучший привет.

Сегодня бал у Бюцова6, так вышло кстати, что ее первый бал после помолвки должен быть в доме русского посланника.

Маленькая Минни7 становится такой хорошенькой. Хотя она не очень выросла и вполовину не такая высокая, как Ксения8.

Как раз в эту минуту Сергей читает нам с Павлом об инциденте с вами. Волосы на голове дыбом становятся! Мы не в состоянии думать ни о чем другом, только об этом и о том, что вам пришлось пережить. Это, наверно, преследует вас как какой-то кошмар — все переживания и страшные картины этого трагического происшествия. Я очень надеюсь, что вы с Сашей не повредились телесно, а душевно вы, конечно, очень расстроены.

Со множеством поцелуев от всех нас вам обоим и детям я остаюсь, милая Минни, твоя горячо любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 8 июля 1889 г. Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 461.

8

Ильинское.

8 июля 1889 г.

Милая Минни

С наилучшим приветом от всех нас я посылаю тебе эти несколько строк с известиями из нашего милого деревенского дома. Сначала я должна рассказать о Павле и Аликс, которые настолько счастливы и довольны, насколько, конечно же, и должны быть страстно влюбленные молодые. Они так уютно устроились в своем домике с (таким) множеством ярких гераней, что он похож на большой букет. Мы ездили к ним в гости в день нашего приезда, но с тех пор мы там не были, так

что они в тишине и спокойствии могут наслаждаться обществом друг друга. Обедаем мы все вместе, и после едем в экипаже в гости к соседям или по грибы и пьем чай в Усове1. Потом они проводят время до ужина вместе. Сергей мне читает, а я тем временем пишу красками. Ужинаем мы в 8 и, если погода хорошая, катаемся на лодке или играем в 8 рук. В последние несколько дней вечерами было прохладно, так что г-н Лакост читал, а мы все вырезали, а потом пили чай в большой столовой, где мы все едим вместе. Расходимся рано. Мы только что пожелали друг другу спокойной ночи, и я всегда использую эти тихие минуты поздним вечером, чтобы писать письма Ники. Андрей доехал благополучно. Мы долго катались в экипаже после завтрака все вместе. Аликс, судя по всему, в Ильинском нравится. Мы с каждым днем любим ее все больше и больше. И все же мне иногда не верится, что она — жена Павла и останется с нами навсегда. Это так замечательно! Она часто ездит верхом с Павлом и уже опробовала всех своих новых лошадей, почти ежедневно выезжая в экипаже, — и все сама, пока Павел не стал брать ее в свой экипаж, и с ними новый двор — Шиллинг2 и кн(яжна) Лобанова3. Погода со дня нашего приезда почти все время жаркая и хорошая, исключая несколько пасмурных дней, когда дул сильный ветер и были грозы с ливнями. И сегодня довольно душно и жара. Аликс написала восхитительные цветы и много-много птичек по некоторым из моих образцов. Я тоже занимаюсь своими дверьми и расписываю горшки, которые мы купили на ярмарке в Петровском. Еще мы видели там чудесные ситцевые платья. У нас есть два платья такого типа. Восхитительные платья из приданого приводят нас в совершенный восторг, особенно бледно-голубой расшитый крепдешин с желтым кушаком идет ей идеально.

У нас тут было совершенно необыкновенное, захватывающее дух зрелище! Американец Лерукс поднялся в воздух на воздушном шаре и прыгнул с парашютом собственного изобретения. Так восхитительно, но уж очень страшно, особенно в первые секунды, когда он выпал из шара, а парашют еще не раскрылся. Был такой сильный ветер, что он приземлился не вертикально, а отлетел к лесу и повис на дереве, но лишь слегка расцарапал лицо. Я могу рассказать тебе еще много всего, но мое письмо будет (тогда) слишком длинным, и тебе понадобится слишком много времени, чтобы его прочесть. Так что я лучше потерплю до тех пор, когда мы будем иметь

удовольствие видеть тебя вскоре в Петергофе и сможем поделиться особенно яркими впечатлениями.

Пожалуйста, скажи Саше, что мы все время пользуемся его ножницами. Такой замечательный полезный подарок!

Привет от квартета4 всем вам, дорогие, и сердечный поцелуй от твоей любящей сестры

Эллы

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 21 августа 1889 г. Петергоф // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 461—462.

9

Петергоф.

21 августа 1889 г.

Моя дорогая Минни

Наконец-то состояние здоровья Михен1 стало более обнадеживающим. Это было такое страшное время! Что пришлось пережить бедному Владимиру2, это просто ужас! Два или три раза он думал, что все кончено. На свадьбе у Станы3 нам сообщили, что жизнь Михен в опасности, так что когда все закончилось, мы помчались к ним. Красовский4 уехал в тот же день, так как все шло прекрасно, и вдруг внезапно это ужасное кровотечение. Они были уверены,

что все кончено. После тяжелой операции оно было остановлено и, слава Богу, больше не возобновлялось. У нее просто ни кровинки не осталось, и все говорят, что губы и лицо у нее белее подушек, на которых она лежит. Дети сказали, что они бы не узнали ее. Вот уже два дня, как они видятся с ней, и после того, как прошли первые волнения, ей только на пользу, что она видит своих малышей один или два раза в день. Я слышала, что эта вторая болезнь была следствием вероятности того, что если бы все протекало нормально, у нее были бы близнецы. В конце концов надо теперь вдвойне благодарить Бога, что все это случилось сейчас. Бедняжка, она так жестоко страдала! Она вне опасности, только ее сердце, которое прежде было здорово, может через значительную анемию вызвать паралич. Это нам сообщил Крассовский. Это такой замечательный старичок! Как он ее выхаживает! Мы намереваемся выехать завтра, а Мария5 приезжает сюда в среду. Она предложила приехать и ходить за Михен, которой эта мысль пришлась по душе. Я особенно рада за Владимира, потому что мы все уезжаем, и он остался бы один.

Вел. Кн. Петр Николаевич

Погода великолепная, тепло. Мы насобирали чудесных грибов, которые приготовили на ужин у Аликс. Три раза на дню мы ходим к Владимиру. Бог даст, все будет хорошо теперь.

Теперь я должна кончать, потому что пора идти узнавать о Михен, а после мы едем в Павловск поздравить Ольгу6 с завтрашним днем, так как последний день мы бы хотели провести здесь.

Привет от нас обоих всем вам, дорогие, и сердечный поцелуй от твоей любящей сестры

Эллы

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 22 октября 1891 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 463—464.

10

Петербург.

22 октября 1891 г.

Вел. Кн. Милица Николаевна

Моя дорогая Минни

От всего сердца я желаю тебе всех возможных благ! Бог да подаст вам и вашим дорогим детям много лет счастья и да благословит ту горячую любовь, которая так прочно связывает всех вас, воспрещая печали омрачать ваш путь! Душа милой маленькой Аликс, конечно, витает вокруг вас, и более чем всегда в этот день. Ее земным жребием было беспрерывное счастье, так что мы не вправе желать, чтобы она вернулась. И все же это ужасно — жить без нее1! Бедный дорогой Павел и мой милый муж тоже! Все еще кажется невероятным, что мы не увидим ее милой улыбки, не услышим ее веселого смеха, который вплоть до дня ее ужасной болезни освещал нашу счастливую жизнь в Ильинском. Слава Богу, дорогие детки чувствуют себя прекрасно. Мальчик весит сейчас почти 8 фунтов. Это действительно очень хорошенький и здоровый на вид ребенок, хотя, конечно, он совсем еще крошка2. Малышка3 становится все более забавной, пытается разговаривать и повторяет все слова, которые ей говорят. Каждое утро няня дает ей поцеловать фотографию Аликс, и она говорит: “Дорогая мама!” И потом, если где-нибудь в другой комнате есть портрет Аликс, мы показываем ей или же она часто указывает на него сама, и мы ей его показываем. И так образ ее любимой матери не потускнеет в ее памяти. В первый день в Александрии4 она хотела, чтобы каждый, кто входит в комнату, брал ее на руки, и говорила все время: “Пойдем!” — и все хотела вернуться в свою детскую в Ильинском, не соображая, где она. Она все время указывала на дверь, чтобы ее забрали. Павел держится

молодцом, он начинает постепенно проявлять интерес к тому, что вокруг него происходит. Но смотреть на него настолько тяжело... Необходимость перебирать вещи Аликс разбередила его раны... У нас чудесная погода — несколько градусов тепла после самых настоящих морозных дней в Москве. Пожалуйста, передавай Саше, что мы ему очень благодарны за позволение жить в Александрии. Сад восхитительный и дом такой уютный, и мы чувствуем себя совершенно как дома и наслаждаемся хорошим деревенским воздухом и чудесными прогулками. Мы были очень заняты. Я занималась комитетом помощи голодающим и после встречалась с Нейдгартом5 по поводу дела, о котором я говорила тебе в Петергофе и которым ты была довольна. Это ужасно, что в течение продолжительного времени бедные малыши, которых запрещено брать, выбрасываются на улицу из-за того, что матерям нечем их кормить. Бахметев П(етр)6 отправит тебе устав. Будь так добра — покажи его Саше для его санкции, с тем чтобы можно было быстро “пустить все в ход”. Я была бы тебе очень благодарна за это.

Как, должно быть, ты рада, что твоя дорогая семья сейчас с тобой! Пожалуйста, передавай тете Аликс и девочкам самый нежный привет! От Джорджи7 новости, которые мы услышали от Сергея, хорошие. Ты не находишь, что кавказский воздух вдохнул в него силы и здоровье? Говорят, он творит чудеса, и потом новый метод лечения, когда весь день на свежем воздухе, — это как раз то, что ему нравится.

С самым нежным приветом к вам обоим и детям от нас с Сергеем и испрашивая милостей Божиих

я остаюсь твоя нежно любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 10 ноября 1891 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.:

Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 464—465.

11

Москва.

10 ноября 1891 г.

Моя дорогая Минни

Как это ужасно — смерть бедного князя Оболенского, и какая страшная потеря для всех вас! Как его дорогая жена перенесет этот страшный удар, они ведь были так счастливы вместе! Какой скорбный год! Ты, я уверена, должна страшно переживать. Потеря столь преданного и благородного друга и столь верного подданного — это очень тяжело. Бог да подаст тебе мужества и да поможет тебе стать утешением для его бедной маленькой жены! Я не могу представить ее без него. Пожалуйста, скажи ей пару ласковых слов и целуй ее от нас обоих.

Дети у нас, слава Богу, растут. Малыш-мальчик такая душка, толстенький такой, весит больше 9 фунтов, так что д(окто)р очень доволен. Маленькая Мария такая веселенькая и потешная! Она стоит, но еще не пытается ходить. Она все время смеется и поет, и у нее точно такая же милая улыбка, как у ее дорогой матери. Стоит ей увидеть фотографию Аликс, она говорит “мама”, и ей каждое утро дают поцеловать ее портрет.

Можно я побеспокою тебя, вложив в это письмо и доклад? Может быть, ты будешь так добра, что прочтешь? Это, кстати, по поводу 4 000 рублей, которые предоставляют тебе, помимо денег для бедных невест, московские дамы. В этот страшный год не до бедных деток, подробности о многочисленных смертях душу раздирают, когда слышишь об этом, но, может быть, идея г-жи Э.

и всех прочих дам передать деньги для детей будет тобой одобрена, и, действительно, это было бы прекрасно! Раз в неделю у нас здесь бывает комитет для решения, как помочь, и, действительно, готовность, с которой все жертвуют деньги и стремятся быть полезными, очень утешительна1.

У нас чудесная погода, дни солнечные, и мы по-настоящему наслаждаемся хорошим деревенским воздухом. Было очень холодно, но сейчас потеплело. Спасибо вам обоим еще и еще раз за позволение жить в этом прекрасном дворце! Здесь так уютно и сад настолько хорош! Мы каждый день катаемся на коньках, и это такое благо для моего дорогого мужа, это приносит ему пользу и моральную и физическую после всех тех дел, которые занимают почти все его время.

Джунковский2 в восторге, что его портрет тебе так понравился. Мы все были в совершенном восхищении от картины — идеи и каждой мельчайшей детали, обнаружившей его вкус и поэтическую натуру. Я начала посещать институты, и не без волнения, но мое первое посещение прошло гораздо легче, чем я думала. Княжна Ливен3 — такая очаровательная дама, так матерински относится ко всем девочкам, так что нет никакой натянутости, и тем не менее, не было такого, чтобы они пришли в возбуждение, столпились вокруг меня, толкаясь и галдя, как это бывает в институтах.

Теперь с нежными поцелуями от нас с Сергеем всем вам, дорогие, я остаюсь твоя горячо любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 3 января 1894 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 465.

12

Москва.

3 января 1894 г.

Дорогая моя Минни

Тебе и Саше наша самая теплая сердечная благодарность за чудесные подарки. Как ты сейчас? Надеюсь, совершенно оправилась от своей инфлюэнцы. Все это время я не писала тебе о ...1. Ее письмо расстроило меня ужасно. Бедное дитя! Это должно было совершенно разбить ее сердце и вдвойне из-за того, что приходится причинять боль единственному человеку, которого она любит настолько глубоко и с таким постоянством вот уже многие годы2. Это так печально, что религия стала между ними и разрушила счастье двух таких милых созданий! Уверяю тебя, она не такая ограниченная, она глубоко преклоняется перед нашей церковью, но к великому несчастью все эти годы — а точнее сказать 6 лет — она была предоставлена самой себе; любя его нежно и в то же самое время боясь, что это — грех — переменить веру. Мало-помалу это убеждение завладело ею, и она вступила в борьбу со своим сердцем и совестью, и по этой причине она так часто болеет. О, если бы ты видела ее после таких разговоров со мной! Твое сердце разорвалось бы. Бедные дети! Ты, конечно, переживаешь за своего мальчика, но не суди ее жестоко. Она страдает гораздо сильнее, чем ты можешь себе представить. Уверяю тебя, временами я не могла смотреть на нее — так печальны были ее большие глаза! Только представь — ей даже не с кем было поговорить, когда меня там не было, и это разбивало ей сердце. Может быть, теперь, после помолвки Эрни3, это придаст ей больше мужества. Это единственное, на что я надеюсь. Если бы только он смог приехать и увидеться с ней! Я думаю, у нее ни за что не будет мужества отказать. Я пришла в ярость, услышав от Павла, что Вилли4 имел дерзость говорить с Михен об этом. Можно подумать, ему что-нибудь известно! Она говорила только с Эрни и со мной, и хотя остальные сестры более или менее догадывались об этом, она, конечно, не стала бы говорить им. Можно подумать, он знал, что она думает! Это он то со своими ограниченными узкими

Можно подумать, он знал, что она думает! Это он-то со своими ограниченными узкими представлениями! У меня слов нет, как я разозлилась! Совать нос в чужие судьбы! Как будто он знал, что она там решит! Этого не знает никто, кроме Бога, и Ему мы и должны молиться, чтобы Он дал ей мужество. Стоит ей сделать этот шаг, она вложит в него всю душу. Ведь она — натура глубоко религиозная и поймет, как много может дать ей наша прекрасная вера.

Теперь позволь мне нежно поцеловать тебя.

С наилучшим приветом ко всем твоя горячо любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 9/21 апреля 1894 г. Замок Эдинбург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 465—467.

13

Замок Эдинбург.

Кобург.

9/21 апреля 1894 г.

Дорогая моя Минни

Как бы я хотела, чтобы ты могла видеть счастье Ники и Аликс после всех этих скорбных дней, когда они были такие печальные1. Я действительно должна сказать, что все вели себя идеально, ни во что не вмешиваясь, чего я страшно боялась, так что говорил с ней только Ники. Обычно они тихонько разговаривали у меня в спальной, но, конечно, сначала у нее не было мужества сказать “да”. Это продолжалось до свадьбы Эрни, но, когда он уезжал с Даки2, он нам сказал, что есть надежда, потому что она в первый день написала священнику, который проводил ее конфирмацию, что она так любит Ники... Так как я не читала письма, я не могу изложить его содержания. Ну, и он ответил, что не может ничего советовать, она должна решить сама. А на следующее утро, вчера, она послала за Вильямом (который вел себя идеально все время и выказал настоящую братскую привязанность по отношению к ней), они приехали в замок вместе. Она вошла, увидела Михен (она сказала мне, что хотела бы поговорить с ней, так как она — русская протестантка), и после этого разговора она осталась с Ники наедине, и все кончилось хорошо. О, если бы ты знала, какое невероятное облегчение и радость мы все ощутили! Уверяю, дни до этого были пыткой, и твои бедные дети страдали жестоко! Аликс теперь не узнать. Я много лет не видела ее такой счастливой. Она сказала Виктории3, которая спросила ее, как она себя теперь чувствует, что она обожает Ники. Да благословит их Бог, и пусть она будет достойной женой твоему дорогому мальчику, который покорил все сердца без исключения. Он сообщит тебе подробности. Я, конечно, не знаю, но так как едва ли у них есть свободная минутка, то я подумала, что надо бы быстренько написать и сообщить новости.

Михен была совершенно очаровательна, воистину они с Вильямом при всем желании не смогли бы отнестись лучше, совсем как брат и сестра для нее. Все родственники очарованы — и английские, и германские. Это также дает ей мужество, ведь бедняжка убивала себя и действительно страдала морально. Я думаю, твое письмо глубоко растрогало ее. Возможно, Ники расскажет тебе об этом. У нас был молебен, на котором присутствовали и сестры. Эрни очень доволен, так что мы едем завтра и проведем ночь и часть дня. Если бы дорогой папа был жив, конечно, мы бы поехали в Дармштадт. Мы, четыре сестры с нашими мужьями, хотим поехать на могилы наших дорогих родителей. Это все, как сон, — Эрни со своей милой юной женой и Аликс наконец помолвлена с единственным человеком, которого она любила. Посмотришь на них на всех — и сердце радуется! Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь!

Погода в целом прекрасная, но переменчивая, и мало солнца, но все зеленое, (везде) цветы, и мы ходим на прогулки в наших платьях. Бабушка4 очень мила. Ники и Аликс сегодня утром пили кофе у нее, и она вручила им подарки. Днем мы ездим в экипажах в Розенау и гуляем там. Вся огромная семья каждый раз встречается за едой... Боюсь, что письмо у меня получилось какое-то сумбурное, но внимание все время рассеивается после всех этих впечатлений, и нет ни минуты отдыха. У меня есть несколько минут перед поездкой, так что я использую их, чтобы написать эти строки. Я думаю, что уже после первого разговора с Ники она почувствовала, что у нее не будет сил отказать, потому что она сказала, что он может продолжать говорить. Просто ее любовь оказалась настолько сильной, что она не смогла сказать “нет”, и она лишь ждала поддержки, чтобы чувствовать, что протестанты поймут ее. Это так естественно, если задуматься, и вот почему Михен смогла успокоить ее опасения. Маленькая Сандра5 слышала, что она говорила в своей комнате, плача: “Это слишком! Я этого не вынесу!” Просто любовь и долг вели в ней страшную борьбу, и она вдруг поняла, что совесть будет ее мучить еще больше, если она бросит Ники, и что в конце концов главное — это быть христианином. Я убеждена, что она полюбит православную веру, только надо быть очень деликатным и проявить огромное уважение к ее старой вере, чтобы не оскорблять ее чувства, и ее новая вера расцветет в ее любви — любовь святая и чистая соединяется в вере. К счастью, проповедь на свадьбе у Эрни была именно об этом, и нельзя было выбрать лучше, чтобы показать ей, что самый лучший земной дар Божий — это любовь между мужем и женой. И она сказала мне, что она это чувствует. Вечером я ей сказала несколько слов и почувствовала, что она сдается. Михен дала ей прекрасный совет — не позволять теперь кому бы то ни было, раз уж она решилась, говорить с ней о вере, так как в противном случае найдутся доброхоты — ограниченные и фанатичные, — которые задурят ей голову и отнимут спокойствие, которое она наконец ощутила. Аликс — натура очень восприимчивая, и если они с Ники будут продолжать свои беседы вдвоем, — а они уже не так стесняются друг друга — я думаю, каждый день будет приносить ей колоссальную пользу и помогать в отношении религии новой страны, к которой рна собирается принадлежать.

Самый сердечный и нежный привет от всех нас тебе, Саше и детям и сердечный поцелуй от твоей

любящей сестры

Эллы.

Если я смогу, я напишу еще.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 23 декабря 1894 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 467.

14

Москва.

23 декабря 1894 г.

Храни тебя Бог!

Милая Минни

Да услышит Он наши молитвы о том, чтобы дать тебе силы и помочь тебе нести тот тяжкий крест, который Он дал тебе1. О, если бы только горячая любовь и глубокая привязанность, которую мы все имеем к тебе, могли хотя бы немного утешить тебя и уменьшить ту непрестанную боль, которая тебя мучает! Как вся страна соболезнует тебе! Со всех концов мы слышим, как скорбят они, узнав о твоем горе, и плачут вместе с тобой. Да подаст он, твой дорогой, помощь тебе своими молитвами к Богу! Бедная, бедная, милая! Мы хотим вручить тебе подарок, который мы приготовили для него к этому Рождеству. Мы все время думаем о вас всех

и вдвойне за ту милую доброту, с которой ты относилась к нам. Ты — такая дорогая, такая самоотверженная! Позволь мне нежно-нежно поцеловать тебя!

Всегда твоя горячо любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 4 января 1896 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 467.

15

Москва.

4 января 1896 г.

Дорогая моя Минни

Мне хочется, чтобы Павел привез тебе несколько строк и еще раз сказал тебе, как мы были тронуты твоими чудесными рождественскими подарками. Какие, верно, тяжелые дни были у тебя — первый раз опять торжество в Гатчине, и страдаешь жестоко и вдвойне в такие праздники. Бог да поможет тебе и подаст силы! Я такая глупая, никогда не умею выразить все то, что чувствую. В Царском мне так хотелось сказать многое и поговорить о Саше, который всегда был так добр ко мне, и все же я не осмелилась. Есть чувства слишком глубокие для слов, и я уверена, что ты догадываешься о них. Это такая радость, что ты была там к приезду милого дитя! Аликс была так рада! Конечно, материнская забота всегда желанна, и ты заняла в ее сердце именно это место. Бог да благословит и сохранит вашу любовь друг к другу. Мир не в состоянии понять любовь свекрови, но понимают сердца.

Подумать только, тетя Аликс послала нам рождественские подарки! Это действительно очень любезно — вспомнить о нас!

У нас суровая холодная зима, почти невозможно кататься на коньках. Такая досада, потому что шестого мы возвращаемся в наш дом, и все удовольствия на свежем воздухе на том закончатся.

Много сердечных поцелуев от нас обоих, особенно от твоей любящей сестры

Эллы

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 10 апреля 1897 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 467—468.

16

Москва.

10 апреля 1897 г.

Дорогая моя Минни

Мы посылаем тебе наши Пасхальные яички с тремя самыми сердечными поцелуями и надеемся, что ты провела время очень хорошо с твоими дорогими родственниками в Германии и нашла их всех в добром здравии.

Можно женский комитет Красного Креста пошлет несколько сестер и постели и пр(очее)

раненым? Это доставило бы нам такое удовольствие — быть полезными! Если ты позволишь нам — будь добра, скажи в двух словах об этом Ники и если все в порядке, телеграфируй мне ответ, я тогда приготовлю официальные бумаги, касающиеся этого дела, и сколько сестер, сколько денег, постелей и пр. может предложить Московский комитет для ухода за греками и турками1. У нас все готово, и мы жаждем быть полезными. Всего будет не более 10 сестер, но это уже помощь, и мы бы подумали, куда их послать с тем, чтобы это было с пользой.

Погода чудесная, так тепло, что можно ходить без пальто, — больше 12 в тени.

Нежные поцелуи от Сергея и твоей любящей сестры

Эллы

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 17 октября 1897 г. Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 468—469.

17

Ильинское.

17 октября 1897 г.

Милая Минни

В этот день, столь полный чувства благодарности Богу за то чудо, посредством которого Он спас всех вас1, я только хочу послать тебе несколько строк. По моим предположениям ты все еще в Абастумане, так как ничего не было слышно о твоем возвращении. Так что мы будем лишены удовольствия видеть тебя сейчас. Мысленно мы еще более, чем всегда, будем с тобою 20-го, и

вместе с Сергеем, молясь об упокоении его души, будем молиться о том, чтобы он помог тебе в твоей скорбной жизни и подал тебе утешение и силы нести тот тяжкий жребий, который дал тебе Бог. Это драгоценное благословение — так ценю я его последние добрые слова ко мне и то, что он думал послать мне, чтобы поздравить меня2.

Как ты себя чувствуешь? В Петербурге, когда мы последний раз с тобой виделись, мы оба почувствовали, как более, чем всегда, твоя скорбь легла тебе на плечи, и мы жаждали высказать все, что чувствовали в наших сердцах, но так как мы были не наедине с тобой, то боялись, что ты не выдержишь. Увы, люди с их любовью мутить воду сказали Сергею, что ты нашла его недостаточно любезным по отношению к тебе, и т. д. Если бы ты только знала, что такое для него память о Саше и насколько ты, его жена, останешься — как и прежде — дорога для него! Если братья и сестры не держались бы друг за друга, как можно было бы жить, ведь мир посылает такие горькие разочарования! Как часто хочется быть сразу в нескольких местах, ведь, конечно, это такая радость — побыть с Аликс, и в то же время есть у меня еще одна сестра — Минни. Сейчас, конечно, и думать нечего о том, чтобы оставить Сергея. Хотя он часто уезжал с инспекциями, и я, конечно, не сопровождала его в поездках по делам воинской службы (помнишь, я спросила у тебя совета в Петербурге, потому что Саша так часто в моем присутствии неодобрительно отзывался о том, что Михен сопровождала Владимира в таких поездках).

Сестры и Эрни жили все вместе и так счастливо. Слава Богу, злые языки лгут, и они очень счастливы. Единственное, о чем я сожалею, — это об относительной независимости Даки, но пока их семейная жизнь не терпит ущерба, и я не особенно беспокоюсь. Лето было ужасно жаркое, я такого даже не припомню. Месяцами не было дождей, везде пожары, это было ужасно. Маневры все равно прошли великолепно. Был один большой грех — одного несчастного офицера конь лягнул в голову, и мы его встретили в тот момент, когда он ехал на коне с

перевязанной головой. Боялись даже, что вытечет глаз. Мы посадили его в один из наших экипажей, привезли в Ершово, где поблизости живет моя графиня Олсуфьева3. За ним очень хорошо ухаживали, так что теперь все в порядке.

Для (...) был устроен торжественный вечер в саду на несколько тысяч, в Нескучном.

Мы будем здесь до первого ноября. Сергей ездит в город по разным делам или же ездит с инспекциями.

Мы хотим появиться ко дню твоего рождения и вернуться к именинам Ники и потом на Рождество в Нескучное. Погода холодная. Сергей ездит на охоту, и когда бывает охота облавой, я тоже принимаю участие в этой забаве, но, увы, мы подстрелили лишь несколько несчастных куропаток и зайцев.

Пожалуйста, передавай Джорджи, Мише4, Ольге5 наш наилучший привет и тебе самой нежный поцелуй от Сергея и твоей любящей сестры

Эллы.

Как это печально, что все наши дамы в такой скорби, бедные! Я представляю, в каком они состоянии. Шифр, полученный кн(ягини) Голицыной с дочерьми, — огромная радость. Еще раз сердечно благодарю!

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 24 апреля 1900 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 469.

18

Москва.

24 апреля 1900 г.

Милая Минни

Наши сердца настолько переполнены всеми этими впечатлениями от этих трех недель и благодарностью Богу, что все прошло так хорошо, что мы жаждем поговорить с тобой и рассказать тебе все, что мы чувствуем. Как часто наши сердца устремлялись к тебе, и дорогие воспоминания о счастливом прошлом стояли у нас перед глазами и в сердцах, и, зная о том, как жаждал Саша провести однажды Пасху здесь, казалось, будто все это время его благословение пребывало на твоих дорогих детях. Его бы умилил, как и их, этот сердечный прием, который возрастал с каждым днем их пребывания и превратился в одну совершенную радость обожания и любви к своим Государям. Тебе довелось пережить это и тебе знакомо благотворное действие этого как полное возмещение за ту тяжелую ношу, которой является жизнь Государей. И это достигло сердца Аликс, и мы были так невероятно счастливы оттого, что она должна была почувствовать, как любят русские. Никакая другая страна не умеет так любить, так выразить все свое тепло и всю свою преданность! Ники с его милыми глазами, в которых смешались твои глаза с Сашиными, народ называл “наш светлый ангел”. Его всепобеждающая скромность, глубокая религиозность и милая улыбка внушили просто безграничную любовь, потому что это больше, чем восхищение, и воздух, казалось, был напоен радостью, “миром и доброжелательностью”. Как бы я желала, чтобы ты была здесь! Тебе здесь было бы хорошо — чудесно, тихое время молитвы перед Пасхой, когда чувствуешь, что Бог ближе. Это такое отдохновение — жить в этой атмосфере, и твои дорогие словно бы рядом — смотрят и благословляют тебя!

Надеюсь, твое пребывание в Германии прошло хорошо. Мы едем после дня рождения Сергея во Франценсбад, так что будем лишены удовольствия видеть тебя, но я все же хочу немного подлечиться, так как чувствовала себя зимой не очень хорошо. И для Сергея, который повезет меня туда и пробудет две недели, это также будет прекрасным отдыхом, потому что за эти недели он страшно побледнел и похудел от забот, несмотря на радость, что они здесь. Такая огромная ответственность! И потом он всю зиму кашлял. Я побуду немного дольше, потому что самый короткий курс — четыре недели.

У нас хорошие новости от Эрни и Даки. Они благополучно вернулись из Италии, и она ожидает великого момента с такой радостью!

Я очень надеюсь, что новая помолвка Минни принесет ей счастье.

Теперь с наилучшим приветом и сердечными поцелуями от нас с Сергеем

я остаюсь твоя любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 29 августа 1902 г. Петергоф // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 469—471.

19

Петергоф.

29 августа 1902 г.

Милая Минни
Я не могу выразить, как ужасно я переживаю, что ты уехала! Говорить с тобой было таким утешением! И за тех, кто здесь, я тоже переживаю, ведь каждая маленькая деталь проливает дополнительный свет и яснее судишь, когда вместе. Мария1 — это огромное утешение — и сердцем, и головой, а также благодаря своему житейскому опыту чувствует верную ноту. Она, возможно, напишет тебе о своих впечатлениях, я думаю.

Так вот, после того, как ты уехала, моя телеграмма, которую я отправила на следующий день, была проникнута чувством, что наступило некоторое затишье, в котором все видится яснее. У нас был длинный разговор во время прогулки с Ники, и я добралась до сути. В результате — то же самое впечатление, что и из предыдущих разговоров, только совершенно новым было то, что он сказал, что очень хотел бы видеть тебя, так как эти беседы, проникнутые глубокой верой и утешением, были бы благом для тебя в твоей скорби. Когда я затем сказала: “Почему ты не сделал этого?” — “Бедняга стесняется говорить при таком множестве народа...” Мое впечатление — он не хочет никого вводить в заблуждение. Был ли это тот человек, который хотел, чтобы это было перед всеми Тараканами2, — осталось неясным. “Если бы я поступил иначе...” Я сказала, что думала тогда, что, конечно, нет ничего плохого в том, что он хотел встретиться с интересным человеком (как говорят немцы — не придворным), без положения. Человек может быть приглашен с другими, и нет ничего плохого в том, что Император разговаривает с простым человеком. Чем больше он видится с людьми, тем лучше, (но) это может иметь роковые последствия, если он окружен тайной. Так трудно пересказывать разговоры и вспоминать дословно, что было сказано, но это по поводу смысла нашего разговора. Совершенно ясно, что их вынудили. Но кто именно? Кто? Из любви ли к интригам или просто — из любви к тайне? Я не могу разобраться в этом, но у меня ощущение, что все, что говорит Ники — правда, но существует еще нечто такое, чего никто из нас не знает, и они оба из благородства не хотели бы причинять вреда другим , рассказав все. Говорят, Тараканы уезжают на встречу со своим отцом в Германию по семейным делам. Минни сказала мне, что об этом ей рассказал Петюша3, младшая

из Тараканов остается, но ее муж едет в Ниццу. Что означает этот семейный сбор? Мария, быть может, расскажет тебе о своей идее написать старому князю, которым она всегда восхищалась, и рассказать ему о том плохом впечатлении, которое произвели его дочери, и о вреде. Но она прежде хотела спросить тебя, твое мнение. Лишь бы только они в Крым не ездили! Хотя, говорят, что этого человека там не будет, все же присутствие этих женщин с их тайнами — это так ужасно! Я сообщила Ники, что сказал Юрий4, и многое другое — о их манере говорить, настаивая на секретности, и мне показалось, что он был очень удивлен. Это должно было показать ему события в ином свете. И о том, какой резонанс это имеет во всей России. И потом, что эта несчастная семья причинила такой вред... — то есть чистую правду и наши разговоры... О, если бы только ты была здесь и постепенно шаг за шагом открыла им глаза! Может быть, это влияние было бы подорвано! А сейчас у меня такое чувство, будто мы потерпели поражение и они торжествуют. Беседа Эллен5 с Милицей закончилась ничем — они милые, чудные, невинные, хорошие, ах, какие они хорошие! — и я думаю, что это очень удачно, что я не еду и не увижу вновь эту женщину. Покрыть весь этот чудовищный вред, который они причинили, небесной улыбкой! Мне просто дурно становится! Если они такие хорошие, то почему они не склонились и с разбитыми сердцами не попытались восстановить все то, что они напортили?! Но они возгордились еще больше в своей позе святой невинности, и бедные Ники и Аликс должны нести тяжкую ношу скорби! И что приводит меня в ярость, так это то, что по их вине жестоко осуждают и порицают Аликс! Я спросила, не говорил ли этот человек что-нибудь против д(октор)а. Ники сказал — “нет”, и все же бессознательно Аликс могла подпасть под его влияние, что все хорошо и Бог сохранит ее. И она слепо верила, не видя различий между истинной верой и состоянием экзальтации на почве религиозности.

Мы едем с Марией в крепость6. Такое утешение молиться и чувствовать, что любимый Саша рядом!

Храни тебя Бог, дорогая!

Твоя любящая
Элла.

Я напишу скоро опять. Может быть, ты пошлешь мне вопросы, что тебя мучает, и я отвечу. Иной раз забываешь о важных вещах, когда целыми днями думаешь обо всем этом.

Аликс выглядит хорошо, но говорит, что у нее “голова устала”, она со мной не разговаривает, но это и к лучшему в теперешнем положении, так что я читаю, и работаю, и стараюсь подбодрить ее перед новым серьезным разговором перед моим отъездом.

Вел. Кн. Анастасия Николаевна

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 4 сентября 1902 г. Петергоф // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 471—472.

20

Петергоф.

4 сентября 1902 г.

Милая Минни

Ты говоришь в своей телеграмме, что боишься докучать мне, но как такое может быть, если оба наши сердца волнуются по одной причине, и это только утешение — иметь возможность поговорить о своих тревогах с теми, кто чувствует и понимает их.

Речь Николаши1 была настолько невразумительна, что я совершенно не в состоянии что-либо понять. Я думаю, что здесь, наверно, какая-то путаница, потому что я слышала об этом три раза и всякий раз добавлялось нечто новое. Должно быть, он находится в ужасно возбужденном состоянии, и эти рассказы о заговорах и всяких ужасах, возможно, исходят из воспаленного мозга. Он даже сказал, что отец Иоанн2 назвал этих несчастных, хотя, как ты знаешь, мы виделись с ним, и он ничего такого не говорил, так что это свидетельствует о разыгравшемся воображении. Никто не знает, что мы виделись с отцом Иоанном, кроме тебя и Марии, и я на это надеюсь, в особенности еще и на тот случай, если они сказали неправду о том, что он говорил. Глубокое доверие, которое они3 питают к Тараканам, будет подорвано. Отец Иоанн не мог приехать раньше. Он сказал, что хотел помолиться и что все должно уладиться, и после маневров, когда будет передышка, приехать после самому и поговорить. Бог да вдохновит его! У нас с Аликс был по-настоящему доверительный разговор, и мы теперь обе чувствуем себя спокойно друг с другом. Они вообразили, что будто бы если об этом человеке не упоминать, то никто и внимания не обратит. Так как он не русский, они боялись, что если они будут видеться с ним часто, то это вновь вызовет ненужные толки, и чем меньше люди о нем знают или видят его, тем лучше, ведь в конце концов он не из тех людей, которые приятны всем, несмотря на его замечательные религиозные убеждения. Он не принадлежит ни к какой секте, которые он ненавидит и которые, соответственно, являются его врагами. Остальное было повторение того, что мы знали и прежде. Сейчас она успокоилась, чувствует себя хорошо и в хорошем настроении, несмотря на то, что глубоко страдает. Она сказала, что морально она страдает совершенно невыносимо. Увы, эти Тараканы, вероятно, наговорили ей гораздо больше, чем мы себе представляем, и отравили ее бедное сердце против всех нас. Слава Богу, это к лучшему, потому что я открыла ей глаза на все семейство и на то, как все до единого принимали эту историю близко к сердцу и желали Ники и Аликс только добра и (желали) спасти их от тайны, которая становилась просто опасной. Нам надо будет запастись еще большим терпением, но у меня стала появляться надежда, что все постепенно образуется. Может быть, не так быстро, как я надеялась, но все равно ее глаза теперь раскрыты, и в разговоре с Ники они должны придти к видению того, где же проходит черта. Вся эта история настолько странная, и даже если видеть ее

в самом простом и естественном свете, все же остается нечто такое, что мне не нравится, и роль, которую играли во всем этом Тараканы, отнюдь не является благовидной. Я стараюсь быть снисходительной и искать оправдания, но даже и в этом случае в их поведении есть фальшивая нота, которая не нравится мне и вызывает у меня беспокойство. Сергей приезжает в субботу, и я надеюсь, что он слышал кое-что через Николашу. Ты знаешь, я думаю, в этой истории есть несколько более мелких историй, и надо будет развязать множество маленьких узелков, прежде чем мы развяжем главный.

Елена Милашевич отнеслась ко всему с большим участием, а Мария — это самое великое утешение, которое можно себе вообразить. Они обе уезжают на следующей неделе, и, я думаю, мы тоже. Я не люблю уходить, но я рада, что Ксения будет в Крыму. Только бы Миша вернулся скорее! Чем меньше они остаются одни (так как Тараканы, разумеется же, поедут за ними) — тем лучше. Все Тараканы уехали, кроме одной сестры, и она подрывает мою кропотливую работу. Аликс, на мой взгляд, — как одна из тех птичек, зачарованных змеей, — они сознают опасность, но не могут отвести глаз, прикованные ее недвижным взглядом. Ты видишь, они не оставляют ее одну здесь, со мной. Тараканы здесь постоянно. Так что Аликс не может подпасть под мою успокаивающую любовь. Бедное, бедное дитя! Я не могу выразить, как мне жаль ее и как более, чем всегда, я желаю, чтобы ты была здесь! Бог да благословит тебя, дорогая, и да подаст счастие и мир!

Твоя нежно любящая сестра

Элла.

Наилучший привет твоему брату Вилли4! Он так растрогал меня своей добротой!

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 9 октября 1902 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 472—473.

21

Москва.

9 октября 1902 г.

Милая Минни

Завтра мы выезжаем в Дармштадт, но по дороге сделаем остановку, чтобы повидаться с Владимиром. Все это так печально — этот несчастный развод1. Бедный Павел настолько слеп, что считает, что исполнил свой долг и успокоил совесть, женясь на столь порочной и безнравственной женщине2. А его прочие первостепенные обязанности по отношению к Государю и стране!

О, если бы только был жив любимый Саша! Ты, должно быть, так страдаешь! Скорбь твоя настолько велика, что мы и представить себе не можем! Сергей совершенно убит. Такое бесчестие страшнее смерти! В такое время — это ужасное пятно на нашей семье! Это какой-то кошмар, который не может быть реальностью! Мы не знаем, что решил Ники. Бог да наставит его! Это ужасно для братьев — быть так далеко и не иметь возможности поговорить с ним! Одна беда за другой, и кажется, что им не будет конца, и никакого просвета впереди. Ощущение такое, словно ты в тумане и вокруг камни, о которые ты спотыкаешься на каждом шагу. Бедные детки! Надо все это скрывать от них как можно дольше — вот что хуже всего!

За Сергея я рада, что мы будем в Дармштадте. Ему нравится мой старый дом, и обе сестры, и Эрни — они сейчас там — будут так добры! Может быть, это успокоит его кровоточащее сердце

хотя бы немного. Ксения такая душка — она меня известила обо всем.

Сейчас все спокойно, и все же у меня на душе такая тревога. Да поможет нам Бог! Ощущаешь себя таким маленьким и беспомощным...

Как ты себя чувствуешь физически? Надеюсь, — отдохнувшей? Бог да укрепит тебя, моя милая сестра, дорогая! Мы с Сергеем целуем тебя всегда очень нежно. Как я хочу, чтобы мы были с тобой! Храни тебя Бог!

Твоя искренне любящая

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 18 декабря 1902 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 473—474.

22

Москва.

18 декабря 1902 г.

Милая Минни

Спасибо тебе еще и еще раз за всю твою доброту! У меня нет слов выразить, какое утешение мы оба обрели в твоей нежной сестринской любви и совете! Это такая трудная задача, такая

огромная ответственность — воспитывать детей вообще и в особенности не своих собственных и взять их, когда они уже не такие маленькие, с их первой бедой к тому же1. Все отзывается такой горечью в их маленьких сердцах, и надо быть настолько деликатными, стараясь залечить их раны. Слава Богу, они знают нас с самого рождения и знают, что мы любим их и их отца и как дорога для нас память об их матери. Я получила такое доброе письмо от твоего брата Вилли в ответ на мое, и Сергей — от Ольги. Они оба также оказали нам такое доверие, и это вселяет в нас мужество. Пожалуйста, дорогая, всякий раз, когда ты обнаружишь нечто такое, что может показаться тебе не совсем правильным, — скажи нам. Я была так рада, что ты разговаривала со мной в театре, и надеюсь, что ты всегда будешь помогать нам добрым советом и замечаниями, так как, естественно, имея самые лучшие намерения, мы можем ошибаться, не обладая собственным опытом как воспитывать детей. Но я так рада, что Сергей и Павел всегда сходились во взглядах. Павел написал сейчас малышам очень трогательное письмо, в котором говорит, что все, что делает и говорит Сергей, они должны воспринимать как бы исходящим от него.

У нас оттепель. Мы страшно заняты — приводим в порядок рождественские подарки и готовим все к зиме в нашем доме, а после мы едем на Рождество в Нескучное. Там так хорошо зимой — красивый сад и веселенький домик. Спасибо большое за твой милый ответ на мою телеграмму! Он меня так утешил, потому что, несмотря на блестящее впечатление, приезд Станы был как ледяной душ на мои радужные надежды. Лучше бы они держались подальше! Само их появление возбуждает толки и, увы! — много, много — уж очень много толков. Конечно, она обедала с ними в Петербурге втроем, и это было в тот день, когда служил молодой Шереметев. Они всегда приглашают его. Нас тогда тоже не было. И опять она не появилась в театре. Все это создает это идиотское впечатление тайны, будто бы скрывают нечто. И Ники, и Аликс были веселы и всем довольны, как ты сама видела, и все были так рады этому, и мне показалось — словно начало новой жизни, прежние невзгоды отступили, и все хорошо. Теперь этот нелепый приезд Станы, оставившей детей в Крыму и направляющейся через Петербург в Ниццу, — совершенно из ряда вон! Она могла бы поехать, когда их там не было, и оставить Ники и Аликс в покое! Они бегают за ними и действительно приносят несчастье, слепцы и эгоисты! У меня действительно было

чувство, что могло бы показаться, будто бы все кончено, если бы исчезли все ученики Филиппа, так как Николаша занят своими военными делами и видится с ними реже. Бедную Аликс растерзать готовы из-за этих порочных людей, и я действительно вижу, как она хочет изгладить лето, оказывая мало внимания этой семье и желая улучить момент, когда кто-нибудь хочет придти.

Они были в отчаянии из-за Кубелика2. Действительно, как неудачно — этот славный парень, как все артисты, не понял, что одна Императрица желает видеть его в Гатчине, а другая — в Царском, и так как ему телеграфировали в Москву, он, не раздумывая, приехал в Петербург, провел репетицию с Императорским оркестром и потом играл с ними в воскресенье в Царском. Во время обеда ему позвонили, разыскивая его, и так вышла вся эта неразбериха, и мы сожалели, наслаждаясь его божественной музыкой без тебя. Был ли он у тебя в понедельник? Не правда ли, он великолепен? Он снова приедет в январе с концертами в Петербург и Москву.

Конечно, я решила не упоминать больше о Филиппе, чтобы показать, что я считаю дело законченным, и все же бывают минуты сомнений — честно ли я действую по отношению к моей сестре? Правильно ли я выбирала слова в разговоре летом? Настолько часто эти мучительные мысли приходят ко мне, что, может быть, меня надо жестоко винить в том, что я должна была найти более умный способ оказать помощь. И меня это очень огорчает! Я действительно старалась сделать все, что могла, но только это роковое влияние наделало столько вреда, что я не могла найти способ свести его на нет. Бедное, бедное дитя! Как горько раскается она однажды в своей слепоте и как сурово ее обвиняют в том, что поистине, по ее убеждениям, является святой и благородной правдой! Здесь уже ничего не поделаешь, остается только терпение, терпение и упование на милосердие Божие, ведь если они и ошибаются — во всяком случае их глубокая вера облечена убеждением, что они приближаются к Богу и становятся лучше.

Прости эти бесконечные каракули! Но ты так добра ко мне, что для меня утешение — излить мои печали, от которых, увы, ты страдаешь тоже.

Множество поцелуев тебе, Мише и Ольге от твоей любящей сестры

Эллы.

Бог да благословит твое Рождество!

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 27 июля 1903 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 474—475.

23

Ильинское.

27 июля 1903 г.

Милая Минни

Мы все еще как-будто во сне. О, какое время! Все эти разнообразные впечатления мало-помалу прорастают, и чувствуешь себя там, и жаждешь вернуться. И так трудно начать снова жить обыденной жизью, когда часть тебя не здесь! Такое чувство, что душа твоя там, и хотя сердце и мозг в состоянии работать, как всегда, но нечто пребывает в лучшем мире — ближе к Богу, чем прежде*.

У нас необычная погода очень переменчивая — было дождливо и прохладно, сейчас солнечно и тепло. Я пошлю две маленькие диванные подушечки. Будь добра — телеграфируй, которую ты предпочитаешь и хочешь ли ты побольше размером или подлиннее. Одна из блестящего шелка (...), другая из простого шелка более (...). Они наиболее редких оттенков.

Я получила письмо от Аликс. Хочется, чтобы с тобой кое-чье влияние сошло на нет. У нее, правда, такое доброе сердце, и они как будто стену построили вокруг нее, чтобы сделать ее экзальтированной и слепой к любви ее близких. Мне так хотелось бы помочь! Меня огорчают известия, что ты, дорогая, переживаешь, но, правда, если ты помнишь старые времена, все было иначе, и, может быть, эти сестры2 хорошие и так ослепили ее, что они ограниченные и фанатичные. Я верю, что они действительно глубоко верующие и убежденные, но у них нет достаточного образования, чтобы понять, что несмотря на нашу жизнь в Боге, мы можем быть простыми и естественными на этой земле.

Мы посылаем тебе много нежных поцелуев! Маленькая Мария была так рада, что ты позволила нам приехать! Истинное удовольствие было видеть ее сияющую приветливую улыбку. Спасибо еще раз, дорогая! Бог да благословит тебя и да подаст мир и спокойствие! Ты помнишь нашу прогулку вечером, это восхитительное, очищающее душу купание? И это множество несчастных больных людей... Я часто вспоминаю об этом. Страдальческий взгляд этих глаз, эти молитвы, эта вера вселяют ощущение собственной незначительности. О, как бы все почувствовал Саша! Как часто мы думаем о нем! В нем было это удивительное спокойствие и сила веры, которые так помогали в жизни. Я уверена, что он был там, рядом с тобою, охраняя тебя и благословляя всех. Жаждешь поговорить с ним, узнать его мысли и впечатления — они у него всегда были настолько истинны и справедливы! Ники, конечно, такой чистый и хороший, настолько исполненный веры, но он моложе, и вместе с Сашей ушла эта огромная помощь. Прости меня, дорогая, если я огорчаю тебя, но мы думаем об этом так часто, и ты понимаешь, что это такое...

Чаепитие в Ильинском. Вел. Кн. Елизавета Федоровна, Вел. Кн. Сергей Александрович, Е. А. Шнейдер и др.

Самый теплый привет от нас обоих!

Мария и Дмитрий целуют твои дорогие руки.

Твоя любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 19 июля 1904 г. Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 475—476.

24

Ильинское.

19 июля 1904 г.

Какой радостный был этот день в прошлом году и как тяжело и грустно на сердце в этом! Милая Минни, может быть, ты будешь так добра, что простишь наше отсутствие 22-го? Дело в том, что мы должны будем ехать на крестины и остаться надолго в Петергофе было бы сейчас очень сложно. Сергей должен ехать прощаться со своими войсками, которые уезжают, и я также ужасно занята, так что мы сможем отлучиться всего лишь на несколько дней, и как раз конец этого месяца особенно напряженный для Сергея и его солдат.

Мы только что получили известие о смерти Келлера1. О, все эти печальные известия! Каждый раз это удар. Бедный, бедный Ники! Его царствование оказалось таким тяжелым, и только Бог укрепляет его и наставляет. Я представляю себе, как ты, должно быть, страдаешь тоже! Всегда страдаешь больше за тех, кого любишь, чем за самого себя, а тебе пришлось пережить столько горя, что эта несчастная война вдвойне полна боли. Все наши молитвы вместе — одно желание, одна надежда — на благословенное мирное время после этих страшных бурь. Мы с Сергеем целуем тебя всегда так нежно! Благослови тебя Бог, моя дорогая сестра, милая, в день твоего Ангела! Мы сожалеем ужасно, что не увидим тебя сейчас, но Бог даст, когда мы встретимся, у нас еще будут впереди радости, и они станут лучами морального солнца сквозь эти черные облака!

Всегда твоя любящая

Элла.

Мария и Дмитрий целуют твои дорогие руки.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 25 августа 1904 г. Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 476.

25

Ильинское.

25 августа 1904 г.

Милая Минни

Я получила официальное приглашение от Воронцова, в котором сказано, что 29-го в 2 часа будет большое собрание Красного Креста1. Я хочу посоветоваться с тобой — как ты считаешь

большое собрание Красного Креста1. Я хочу посоветоваться с тобой — как ты считаешь, должна ли я идти или нет. Я не уверена в том, что собрание проводится по твоему приказу, или же, если это просто все (...), которые прочитываются, может быть, мне нет необходимости идти, но я была бы рада, и мне было бы страшно интересно послушать все, если ты захочешь, чтобы я пошла. Ты знаешь, что я никоим образом не люблю себя выпячивать, но, может быть ты найдешь это правильным, и мой долг — появиться? Пожалуйста, будь душка, телеграфируй, что ты предпочитаешь, что бы я делала. И прости, что беспокою тебя, но ты всегда была так добра, и это такое утешение — иметь возможность спросить тебя откровенно, если я в чем-то не уверена.

У нас божественная осенняя погода, множество грибов, и я так прекрасно отдыхаю в промежутках между днями, когда скачу в город по делам.

Храни тебя Бог, дорогая!

Сергей, Мария, Дмитрий целуют твои дорогие руки.

Твоя искренне любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 14/27 сентября 1904 г. Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 476.

26

Ильинское.

14/27 сентября 1904 г.

За твое милое доброе письмо огромная благодарность, дорогая моя Минни!

Мы так огорчились, что ты не смогла приехать, ведь мы так рассчитывали на много спокойных, никем не прерываемых семейных разговоров. Но, конечно, ты спешишь, поскольку твой отец должен был ехать прежде. Все же я очень надеюсь, что когда-нибудь в другой раз мы сможем увидеть тебя в нашем доме.

Погода идеальная — холодные ночи и солнечные дни с идеальными осенними красками. И все же невозможно ничем наслаждаться сполна, так как постоянно помнишь о войне. Я уверена, что тебя должна была обрадовать встреча с солдатами, и поэтому мы их быстро отправили, желая, чтобы они, как и ты, получили удовольствие. Они настолько трогательны в своих страданиях, настолько полны мужества! Единственное утешение — это иметь какую-нибудь работу и чувствовать, что ты можешь быть хотя бы самую малость полезным, помогая уменьшить их лишения, которые они так отважно несут1.

С наилучшим приветом к тебе и тете Аликс и всем дорогим родным и крепкий поцелуй от Сергея и твоей любящей сестры

Эллы.

Мария и Дмитрий целуют твои дорогие руки. Они чувствуют себя превосходно.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 8 марта 1905 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 477—478.

27

Москва.

8 марта 1905 г.

Вел. Кн. Павел Александрович и гр. О. В. Пистолькорс

Милая Минни

Я посылаю письма Павла, так как он пишет тебе. В моем письме к нему я не упоминала — совершенно правильно — о том, какова моя позиция по отношению к детям, и сказала, что я тоже “опекун” вместе с Ники. Действительно, моей святой задачей будет жить только для них и тем помогать Ники, который — их “опекун”, и все идет к тому. Во втором длинном письме я объяснила все Павлу, и так как все зависит от Ники, я его отправлю Ники. Не могла бы ты быть так добра, чтобы показать письма Павла Ники и после отправить их назад мне? Бедный Павел! Как он мог подумать, что со смертью Сергея все изменится! Эта ужасная смерть не может смыть ошибки Павла, только Ники был так добр, что позволил ему вернуться, чтобы помолиться у могилы своего любимого брата. Сергей, который был для него больше, чем брат, — как отец, как друг — и — о! как часто он заставлял Сергея страдать! То, что Павел время от времени приезжает сюда, в Москву, — это такая радость для детей, и оба хотят, чтобы он был один и каждый раз повторяют — один . Я думаю, что они действительно будут счастливы здесь. Им нравится этот дом, они любят маленькую тихую церковку, где лежит мой милый, и это учит их видеть, как могут мирно в Бозе покоиться любимые останки1. Мы по утрам идем туда втроем и молимся там. Монашек читает днем и ночью сорокоуст, мы приносим цветы, и так как они, слава Богу, не видели моего милого, жестокое потрясение не изгладило впечатления о милом лице Сергея. А у меня его сгладил небольшой белый крест, установленный на месте, где он умер. На следующий вечер я пошла туда помолиться и смогла закрыть глаза и увидеть этот чистый символ Христа. Это была великая милость, и потом, по вечерам, перед тем, как ложиться спать, я

говорю: “Спокойной ночи!” — и молюсь, и в сердце и душе у меня мир.

Огромное спасибо за твою добрую телеграмму! Действительно, я спокойна, тем более, что пока малыши не доставляют новых поводов для переживаний, и ради Сергея и Аликс я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь им в жизни, как и должно, сохранить по-настоящему теплое чувство в отношении к их отцу, как это и было всегда. Если бы только он помог мне в этом тем, чтобы не слишком затрагивать свою жену и теперешнюю семью, что может привести к тому, что в их юных головках все перепутается, и он тем самым может сам испортить все впечатление.

Я так рада, что у меня вскоре будет возможность поговорить с тобой! Есть множество маленьких деталей, которые формируют характеры детей. Да поможет мне Бог! Я буду стараться изо всех сил. Они такие милые, хорошие и так трогательно милы со мной!

Храни тебя Бог, милая Минни!

Твоя нежно любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 22 декабря 1905 г. Царское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 478.

28

Царское.

22 декабря 1905 г.

Дорогая моя Минни

Мы приехали сюда на 6-е. Ники и Аликс были так добры, что просили нас остаться на Рождество и Новый год, так что я решила, возвращаясь в Москву, оставить детей здесь, чтобы покончить с разными предметами и устроить мои благотворительные дела. В тот вечер, когда я должна была уезжать, мне сообщили, что начались забастовки на железной дороге и мне лучше выждать. Сейчас пока я все еще выжидаю. Революция разразилась в полную силу, и мое присутствие было бы в высшей степени нежелательно, в то время как надо продолжать тяжелейшую работу. Дубасов1 приехал как раз во время. Если бы Дурново2 все еще был там, я думаю, он был бы сейчас (...) арестован революционерами, и к власти пришло бы их правительство. Какое ужасное время для нашей дорогой отчизны! Какие ужасные скорби повсеместно3! Если бы с самого начала применили силу, может быть, меньше крови было бы пролито сейчас, но теперь это неизбежно. Невозможно предугадать будущее, но можно молиться и надеяться, что мы доживем до лучших времен.

Здесь все чувствуют себя хорошо, но переживают страшно и совершенно ошарашены. Парады, которые время от времени дают офицерам и войскам возможность увидеть Ники, производят прекрасное впечатление и пробуждают горячий патриотизм. Опасность и несчастье, похоже, разбудили их, и я нахожу, что они осознают весь ужас положения — что необходимо действовать решительно. И все же они не позволяют себе малодушествовать. Я еще многое хотела бы сказать, но писать об этом так тяжело — ты знаешь и чувствуешь это. Я вспоминаю прошлые разговоры, я думаю о прошлом, и здесь с молодым поколением я одна от старого поколения, и у меня ощущение, будто я принадлежу другому миру, словно я давным-давно умерла и воскресла вновь. Места все те же, но где мои дорогие?..

Владимир опять заболел, он совсем один , но, похоже, это дает ему возможность отдохнуть. Он выглядит на все сто. Я ужинаю с ним сегодня вечером, а здесь будет ужин для конной гвардии. Я, конечно, не присутствую ни на парадах, ни на обедах.

Мария и Дмитрий растут. Они чувствуют себя хорошо и радуются, что живут здесь, в своих старых комнатах, потому что мы живем в большом дворце. Для меня это также невероятно удобно, и я просила Аликс, чтобы жить так, потому что дети занимаются и ужинают одни и спать ложатся рано, кроме воскресений и праздничных дней.

Храни тебя Бог, дорогая моя сестра, милая!

Твоя любящая

Элла.

Бог да благословит твое Рождество и Новый год! Мой наилучший привет твоему отцу, Вальдемару и Марии.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 25 мая/7 июня 1907 г. Петергоф // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 479.

29

Петергоф.

25 мая / 7 июня 1907 г.

Милая Минни

Слава Богу, все идет хорошо. Приняты все меры предосторожности, так что можно надеяться, больше никто не заболеет. Аликс находится на верхнем этаже над детской и входит и выходит по одной и той же лестнице, так что можно постепенно дезинфицировать весь дом формалином, и как только Анастасия1 очистится от микробов, все смогут вернуться в совершенно здоровый дом. Ники и все остальные полощут горло, и доктор ежедневно осматривает у них горло. Мы тоже полощем, и большую часть дня мы проводим вместе, видя находящуюся за дверьми Аликс.

В воскресенье приезжает Вильям2, и мы надеемся, если все пойдет хорошо, что помолвка состоится. Я так рада, что приезжает Ольга, — хоть кто-то из семьи матери Марии, отец ведь бросил ее совсем. Он мне пишет, и я все ж еще надеюсь, может, он раскается в своем не только жестоком, но и совершенно глупом поведении3. Я говорила с Аликс, которая говорит, как и все мы: “Какое отношение имеет помолвка его дочери от первого брака к приезду его второй жены?”, ведь так часто в подобных случаях мачеха намеренно отходит в сторону, так как она находится в затруднительном положении по отношению к детям и семье их матери. Он мог бы попросить прощения у Ники в любое время, и только сейчас это так не кстати, так бестактно, и, потом, по отношению к его бедной маленькой девочке так невероятно бессердечно, и дети глубоко обижены.

Я посылаю бумагу дамы, которую искренне рекомендую тебе. Я виделась с ней дважды. Столыпин4 просил меня сделать для нее все, что я могу, и она поистине заслуживает этого. Я ей посоветовала обратиться к Кате Озеровой5, и, может быть, ты увидишься с ней. Она — честная, прямодушная и лояльная — качество, столь редкое в наши дни, и, к сожалению, она подвергалась преследованиям со стороны революционной партии.

Храни тебя Бог, дорогая! Ужасно жалко, что мы не повидались с тобой. Я бы хотела, чтобы ты с твоим добрым материнским сердцем поговорила с Марией и увидела бы, насколько глубоко и серьезно она воспринимает это событие в ее жизни и как искренно она любит Вильяма.

Твоя нежно любящая сестра

Элла.

Наилучший привет Ксении и Минни.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 20 июля 1907 г. Ильинское // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 479—480.

30

Ильинское.

20 июля 1907 г.

Как мне благодарить тебя, милая Минни, за твой знак внимания — что ты прислала мне свое письмо к Павлу. Я нахожу его совершенным — полным сестринской любви и правдивым и в то же время никакой суровости. Наконец он написал Марии и Дмитрию хорошие и естественные письма. Он не говорит ни о свадьбе, ни о своем приезде, только пишет, что все говорят — какой Вильям очаровательный, и что он надеется, что она будет счастлива, и когда они свидятся, ей станут понятнее его доводы... Они были глубоко тронуты, но, конечно, это не смогло смыть эгоизма, проявленного в прошлом и проявляющегося сейчас, хотя они благодарны и за малейшее проявление доброты с его стороны. Сейчас они выздоравливают после кори. Я хочу взять их в начале августа на два месяца в Крым. Мы будем жить на вилле Клейнмихель, но на какое-то время в середине нашего пребывания я вернусь сюда, так как у меня много дел с устройством

моего нового собственного лазарета — надо покупать дом для него и пр. Я буду отдыхать в Ильинском и буду постоянно наезжать в город.

Я уверена, что ты простишь нам, если мы не будем с тобой 22-го на твои дорогие именины, потому что это последние именины Марии, которые она проведет дома, и я бы не хотела оставлять ее здесь одну с Дмитрием. Он еще не закончил свои ванны и поэтому не может никуда ехать. Храни тебя Бог, дорогая! Сердце и молитвы будут с нежной любовью с тобою!

Я так рада, что у Ксении и ребенка все хорошо.

У нас все время дожди, погода совсем не летняя.

С самыми сердечными пожеланиями от Марии, Дмитрия и от меня.

Храни тебя Бог! Твоя любящая сестра

Элла.

Идея поехать в Крым, должна сказать, — кошмарна. Ты должна понять меня — здесь моя жизнь заполнена делами, благотворительностью и пр., и у меня нет времени подумать о себе. И я настолько полна благодарностью Богу, что я живу и могу работать! Но путешествовать без моего дорогого Сергея, видеть те места, где были оба наши дорогие!.. Но нельзя быть эгоистом, и оставлять бедных деток одних на все время — это было бы нехорошо. Так что я устрою их и привезу назад. Я помню, как вы все боялись ехать в Крым и говорили, что если я поеду с вами — это будет поддержкой — новая сестра, которой можно показать все... Как вы с Сашей были добры! Храни вас Бог, милые, за всю ту любовь, с которой вы ко мне относились!

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, январь 1908 г // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 480.

31

Милая Минни

Эти несколько строк должны сообщить тебе о том, что доктора решили меня оперировать, и я охотно соглашаюсь, потому что после этого я снова стану здоровой и сильной. Вот уже много лет у меня опухоль на левом боку. Ничего общего с раком , но она растет, и сейчас — благоприятный момент, чтобы ее удалить. Операции такого рода женщинам делают часто и успешно, и после них обычно очень быстро выздоравливают. Я буду лежать у себя в больнице, там операционная и палаты имеют отдельный вход, так что я не изменю жизнь других больных, и моя собственная жизнь не расстроится. Марии и Дмитрию я скажу в последний момент, чтобы не беспокоить их.

Храни тебя Бог, Милая!

Твоя любящая сестра

Элла

Январь 1908 г.

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 18 июля 1908 г. Гапсаль // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 480.

32

Гапсаль.

18 июля 1908 г.

Милая Минни

В воскресенье мы покидаем это дорогое место с самыми лучшими впечатлениями. Погода почти все время была идеальная, и наш дом такой уютный, жили мы так мирно! Как мне благодарить Бога за этот чудесный моральный и физический отдых, и я так рада, что чувствую себя окрепшей и к зиме смогу все подготовить для моей будущей великой благотворительной работы. Я хочу учредить новое сестричество для бедных и посвятить этому всю мою жизнь. Я должна буду сообщить тебе некоторые подробности, когда мы встретимся, потому что достаточно еще туманно говорила тебе об этом в Царском. Мы думаем остаться до воскресенья, 27-го в Петергофе, потом через Москву я еду в Крым, чтобы принять солнечные ванны и погреться и тем самым избавиться от остаточных ревматических болей. Доктора необычайно довольны, но только настаивают, чтобы я провела дополнительный курс, потому что грязь оказывает сильное действие. Я приняла 25 ванн. Гуляю я много, только не стою и не одеваюсь. Так что, пожалуйста, прости, если 22-го я не появлюсь на выезде и в церкви. Я знаю, что ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понять это; а мои сердечные пожелания и поцелуи я буду рада принести тебе!

Храни тебя Бог!

Твоя любящая

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 21 ноября 1908 г. Царское Село // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 481.

33

Царское Село.

21 ноября 1908 г.

Дорогая моя Минни

Ко Дню рождения Миши — мои самые сердечные пожелания. Завтра я еду в Москву. Шлю тебе мои самые нежные поцелуи. Это всегда такая радость — видеть тебя, и всегда сожалеешь, что так мало!

Вел. Кн. Елизавета Федоровна

Я посылаю небольшой доклад — в самых общих чертах о моей работе. Устав — временный — в ближайшее время будет утвержден1. Бог даст, я уразумею, каким образом все сделать хорошо — чего я страстно желаю.

Будь так добра — телеграфируй мне, могу ли я отправить твой и Сашин портреты в музей Александра III2? Это те, что Саша нам дал в Москве. Ты сказала, если я не ошибаюсь, что хотела бы, чтобы они были в его музее в Петербурге. Я сейчас хочу туда отправить наиболее интересные из рисунков Сергея на исторические сюжеты. Эти 2 портрета, конечно, принадлежат тебе, и Джорджи3 о них знает. Я боюсь, что они испортятся, если их оставить в ящиках и не вывесить. Они такие прекрасные! — Крамского4.

Храни тебя Бог!

Еще раз с сердечными поцелуями твоя любящая сестра

Элла

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 23 июня 1909 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 481—482.

34

Москва.

23 июня 1909 г.

Моя милая Минни

Мы с Викторией1 должны были быть в понедельник в Петергофе. Она две недели будет жить у Аликс, но я могу только три дня. Я только начала мою новую работу и считаю, что будет нечестно и я не имею морального права на какое-то время уехать в первый же год. Потом, конечно, будет легче. Сейчас я работаю над каждой мелочью, надеюсь, что Бог благословит это. Маленькая Мария очень огорчилась, что я не приехала на крестины2, но уехать больше, чем на три дня, действительно невозможно, и если я взялась за эту работу, я должна выполнить мой долг по отношению к ней. Я уверена, что ты поймешь меня, так как у тебя всегда было очень развито чувство долга. Я не забываю старые связи, но я начала новую жизнь, и если бы я еще раз вышла замуж и уехала в какую-нибудь отдаленную страну, никто не ждал бы от меня, что я буду постоянно возвращаться, и то, чем я занимаюсь, — это более великая и важная миссия. Помолись, дорогая, обо мне, чтобы я была достойна и чтобы когда-нибудь с благословения Божия моя работа помогла бы страдающему человечеству.

Как часто я вспоминала о тебе в Кашине3! Как мне тебя недоставало! И я вновь пережила все эти чудесные дни Сарова!

Теперь, дорогая, нечто совершенно из другой области, но для каждого человека его личное дело важнее всего. Менгден4 до этого месяца получал от меня жалованье, с тем, чтобы не отрезать сразу после того, как он вышел в отставку, и особенно потому, что он помогал по-прежнему, сдавая все мое хозяйство Корнилову5, который его заменит, чтобы не быть гофмейстером, но при моей особе. Он был до этого в течение 25 лет управляющим конторой, он камергер и такой замечательный человек. Я не хочу военного. Старина Степанов остается, но он слишком слаб и потому ему уже нельзя больше давать никакой работы сверх того, что у него есть. Так вот, ближе к делу. Менгден в эти годы революционной активности пережил тяжелые времена, и теперь он более или менее беден. Не могла ли бы ты назначить ему годовое содержание, как некоторым из своих командиров полков, потому что он никак не сможет дальше работать, а как командир одного из твоих полков он хоть как-то сможет служить честно. Он наделает кучу долгов, а это всегда не очень честно, а я не могу платить ему содержание как гофмейстеру после того, как он уйдет в отставку, — он никогда не пойдет на это. В то время как помощь, которую ты оказывала до Юсупова6 твоим командирам, спасет его и даст ему возможность служить со спокойной душою. Пожалуйста, сделай это! Я слышала, что он так хорошо служил у тебя в полку, но его денежное положение ужасно. Он ухаживает за своей старой матерью, у которой теперь, после того, как их отставили, нет никакого жилья в Тавриде, так что со всех сторон есть трудности. Я говорю с тобой об этом откровенно, потому что знаю, как ты добра, и кроме меня с тобой никто об этом говорить не будет.

Храни тебя Бог, дорогая! Я надеюсь скоро тебя увидеть. Ты будешь в Петергофе? Я буду 29, 30, 1 и жажду повидаться с тобой!

Всегда твоя нежно любящая сестра

Элла.

Если ты будешь в Гатчине, я могу примчаться на моторе. Я была так рада повидать дорогого Мишу, и я так счастлива за мой полк! Его назначение стало сенсацией и имело колоссальный успех и популярность. Бог да наставит его и да поможет ему!

Елизавета Федоровна, вел. кн. Письмо Марии Федоровне, 2 апреля 1912 г. Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 482—483.

35

Москва.

2 апреля 1912 г.

Милая Минни

В следующее воскресенье, 8-го, будет освящение моей церкви “Покров Богородицы”, и я надеюсь, что твои молитвы соединятся с нашими в этот день и благословение Пресвятой Девы да пребудет над нашей обителью. Помолись также, дорогая, чтобы приезд Эрни в Крым с помощью Божией просветил то состояние слепоты, которое бросает тень на их дом и страну и на всех нас, кто так любит их1.

В пасхальную ночь погода у нас была великолепная, но после этого зима делает попытки вернуться, и часто опять идет снег и снова тает. Надеюсь, ты чувствуешь себя хорошо и у тебя нет прострела. Пусть твое пребывание здесь в мае будет мирным и спокойным, и тогда, конечно,

воспоминания об этих прекрасных мирных годах с благословением дорогого Саши будет в наших сердцах и душах.

Нежные поцелуи — храни тебя Бог, дорогая!

Твоя любящая сестра

Элла.

Известно ли тебе что-нибудь о бедной тете Луизе2 и дорогой тете Аликс?

Тютюнник Л. И. Примечания: Письма Великой княгини Елизаветы Федоровны к Императрице Марии Федоровне 1883—1916 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 483—487.

1. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1580. Л. 2—3 об.

1 Сергей Александрович (1857—1905), Вел. князь, с 1884 г. супруг Вел. княгини Елизаветы Федоровны.

2 Александра Каролина Мария (тетя Аликс) (урожд. принцесса Датская) (1844—1925), сестра Императрицы Марии Федоровны, супруга принца Альберта Эдуарда Уэльского, с 1901 г. — короля Великобритании Эдуарда VII.

3 Ирена Луиза Мария (урожд. принцесса Гессенская) (1866—1953), сестра Вел. княгини

Елизаветы Федоровны, супруга принца Генриха Прусского, брата императора Вильгельма II.

4 Александр III (1845—1894), Император с 1881 г.

2. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1580. Л. 13—14 об.

3. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1580. Л. 21—23.

1 Мария Александровна (Мария) (1853—1920), Вел. княгиня, дочь Императора Александра II, супруга Альфреда, герцога Эдинбургского, герцога Саксен-Кобург-Готского.

2 Павел Александрович (1860—1919), Вел. князь, младший сын Императора Александра II, дядя императора Николая II. В январе 1919 г. расстрелян в Петропавловской крепости.

3 Виктория (урожд. принцесса Гессенская) (1863—1950), сестра Вел. княгини Елизаветы Федоровны, супруга принца Людвига (Луи) Баттенбергского (Маунтбеттен).

4 Речь идет о семействе князя Юсупова графа Ф. Ф. Сумарокова-Эльстон (1856—1928). Подмосковные имения Юсуповых в Архангельском и Вел. князя Сергея Александровича в Ильинском находились рядом.

5 Речь идет о посещении Троице-Сергиевой Лавры, где покоятся мощи Преподобного Сергия Радонежского.

4. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1580. Л. 44—48.

1 О отце Вел. княгини Елизаветы Федоровны великом герцоге Гессенском Людвиге IV (1837—1892).

2 Вальдемар (р. 1858), принц Датский, брат Императрицы Марии Федоровны. С 1885 г. женат на

принцессе Марии Орлеанской (1865—1909).

3 30 сентября — тезоименитство Императора Александра III.

4 Степанов Михаил Петрович, полковник, затем генерал-лейтенант, адъютант Вел. князя Сергея Александровича.

5 Гадон Владимир Сергеевич, штабс-капитан лейб-гвардии Семеновского полка, затем генерал-майор Свиты, командир лейб-гвардии Преображенского полка, адъютант Вел. князя Сергея Александровича.

6 Возможно “трио” Елизавета Федоровна называет в письмах к Императрице себя, Вел. князя Сергея Александровича и Вел. князя Павла Александровича. В описываемое время они были очень дружны.

5. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1580. Л. 65—68.

1 Елизавета Маврикиевна (1865—1927), Вел. княгиня. В Императорской семье ее называли Мавра.

2 Константин Константинович (1858—1915), Вел. князь, сын Вел. князя Константина Николаевича, генерал-адъютант, генерал от инфантерии по Гвардейской пехоте; в 1900—1910 гг. главный начальник военно-учебных заведений; с 1910 г. — генерал-инспектор военно-учебных заведений; с 1899 г. — президент Академии наук; поэт, литературный псевдоним “К. Р.”.

3 Речь идет о рождении сына Вел. князя Константина Константиновича — князя Иоанна (1886—

1918). Впоследствии князь Иоанн был флигель-адъютантом, штаб-ротмистром лейб-гвардии Конного полка. Убит в июле 1918 г. под Алапаевском.

4 Александра Иосифовна (тетя Санни) (1830—1911), Вел. княгиня.

5 Васильчикова Мария Александровна (1859—?), фрейлина.

6 Возможно, Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888), граф, генерал-адъютант; в 1872—1881 гг. был министром Императорского двора и уделов, канцлер российских орденов.

6. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1580. Л. 62—63 об.

1 Христиан IX (1818—1906), король Дании с 1863 г.

2 Георг (Джорджи) (1869—1957), принц Греческий, племянник Императрицы Марии Федоровны, сын короля Греции Георга I (1845—1913). С 1907 г. женат на прицессе Марии Бонапарт (1882—1968).

3 Константин (Тино) (1868—1923), принц Греческий; с 1889 г. женат на принцессе Софии Прусской (1870—1932).

4 Альберт-Виктор (Эдди) (1864—1892), принц Кларенский и Авондальский, старший сын короля Великобритании Эдуарда VII.

5 Георг (Джорджи) (1865—1936), наследный принц, сын короля Эдуарда VII, с 1910 г. король Великобритании и Ирландии Георг V.

6 Николай Александрович (Ники) (1868—1918), Цесаревич; с 1894 г. Император Николай II.

7. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1581. Л. 21—23 об.

1 Речь идет о крушении Царского поезда недалеко от станции Борки Харьковской губернии 17 октября 1888 г.

2 Камчатка — любимая собака Александра III.

3 Александра Георгиевна (Аликс) (1870—1891), дочь короля Греции Георга I; с 1889 г. супруга Вел. князя Павла Александровича.

4 Татой — летняя резиденция Греческой королевской семьи.

5 Фредерик (Фредди) (1843—1912), принц Датский, с 1906 г. король Дании Фредерик VIII; женат на принцессе Луизе Шведской (1851—1926).

6 Бюцов Евгений Карлович, тайный советник, чрезвычайный посланник России в Афинах.

7 Мария Георгиевна (маленькая Минни) (1876—1940), дочь короля Греции Георга I, с 1900 г. замужем за Вел. князем Георгием Михайловичем (1863—1919); после революции в России вернулась в Грецию, с 1922 г. замужем за адмиралом Периклом Иоанидисом (1881—1965).

8 Ксения Александровна (1875—1960), Вел. княгиня, дочь Императора Александра III, с 1894 г. замужем за Вел. князем Александром Михайловичем (1866—1933).

8. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1581. Л. 33—35 об.

1 В Усове находилось подмосковное имение Вел. князя Сергея Александровича.

2 Шиллинг Густав Николаевич, поручик, адъютант Вел. князя Павла Александровича.

3 Лобанова-Ростовская Александра Николаевна, княжна, фрейлина Вел. княгини Александры Георгиевны.

4 "Квартет" — Вел. князь Сергей Александрович и Павел Александрович и их супруги Вел. княгиня Елизавета Федоровна и Александра Георгиевна.

9. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1581. Л. 37—38 об.

1 Мария Павловна (старшая) (Михен) (1854—1920), Вел. княгиня, с 1874 г. жена Вел. князя Владимира Александровича.

2 Владимир Александрович (1847—1909), Вел. князь, третий сын Императора Александра II.

3 Анастасия Николаевна (Стана) (урожд. княжна Черногорская) (1868—1935).

4 Крассовский Антон Яковлевич (1821—1898), лейб-акушер, тайный советник, доктор медицины, профессор.

5 Мария Александровна (1853—1920), Вел. княгиня, дочь Императора Александра II; с 1874 г. замужем за сыном королевы Виктории I Альфредом Эрнстом Альбертом, герцогом Саксен-Кобург-Готским, графом Кентским, герцогом Эдинбургским (1844—1900).

6 Ольга Константиновна (1851—1926), дочь Вел. Кн. Константина Николаевича, королева Греции.

10. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1581. Л. 47—50.

1 Вел. княгиня Александра Георгиевна умерла во время родов сына Дмитрия.

2 Дмитрий Павлович (1891—1942), Вел. князь, сын Вел. князя Павла Александровича и Александры Георгиевны, флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии Конного полка; в 1916 г. принимал участие в убийстве фаворита семьи Императора Николая II Г. Е. Распутина, после чего в качестве наказания был отправлен служить в Персию.

3 Мария Павловна (младшая) (1890—1958), Вел. княгиня, дочь Вел. князя Павла Александровича и Александры Георгиевны. В первом браке за принцем Шведским Вильгельмом; во втором — за князем Сергеем Путятиным.

4 Александрия — парк и летний дворец в Петергофе на побережье Финского залива. Летняя резиденция Императора.

5 Возможно, Нейдгардт Борис Александрович, обер-гофмейстер, член Московского присутствия опекунского совета Учреждений Императрицы Марии.

6 Бахметев Петр Владимирович (1818—1896), предводитель дворянства Дмитровского уезда Московской губернии; почетный мировой судья Москвы.

7 Георгий Александрович (Джорджи) (1871—1899), Вел. князь, сын Императора Александра III.

11. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1581. Л. 52—55.

1 Речь идет о голоде, охватившем Россию в 1891—1892 гг. (См.: Корнилов А. А. Семь месяцев среди голодающих крестьян. М. 1893; Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. 1—4. СПб. 1900—1911).

2 Джунковский Владимир Федорович (1865—1938), адъютант Вел. князя Сергея Александровича (1891—1905); московский вице-губернатор (1905—1908); московский губернатор (1908—1913); товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов (1913—1915); командир 8-й Сибирской стрелковой дивизии (1915—1917); после революции остался в России, был репрессирован и расстрелян в 1938 г.

3 Ливен Елена Александровна, княжна, фрейлина, начальница Елизаветинского института в Москве.

12. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1580. Л. 8—10 об.

1 Речь идет о сестре Вел. княгини Елизаветы Федоровны принцессе Алисе Виктории Елене Гессенской (1872—1918), будущей Императрице Александре Федоровне.

2 Речь идет о любви принцессы Алисы и Цесаревича Николая Александровича.

3 Эрнст-Людвиг (1868—1937), великий герцог Гессенский, брат Вел. княгини Елизаветы Федоровны, в первом браке женат на Виктории-Мелите, принцессе Саксен-Кобург-Готской (1876—1936), во втором — на Элеоноре, принцессе Сольмс-Гогенсольмс-Лихтенштейнской (1871—1937).

4 Возможно, имеется в виду Вильгельм II (Вилли, Вильям) (1859—1941), с 1888 г. император Германии.

13. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1582. Л. 56—59 об.

1 В апреле 1894 г. представители многих европейских королевских и герцогских династий, связанных родственными узами, собрались в Кобурге на свадьбу великого герцога Эрнста-Людвига Гессенского и принцессы Саксен-Кобург-Готской Виктории-Мелиты, являющейся внучкой Императора Александра II и королевы Великобритании Виктории I. Были здесь

королева Виктория I, ее внук император Германии Вильгельм II, наследник русского престола Цесаревич Николай Александрович, принцесса Гессенская Алиса, Вел. княгиня Елизавета Федоровна и многие другие. В эти дни в замке Розенау в окрестностях Кобурга состоялась помолвка Цесаревича и принцессы Алисы.

2 Виктория-Мелита (Даки) принцесса Саксен-Кобург-Готская.

3 Виктория, принцесса Батгенберг, старшая сестра Вел. княгини Елизаветы Федоровны.

4 Виктория I Александрина (1819—1901), королева Великобритании и Ирландии, императрица Индии. Бабушка Вел. княгини Елизаветы Федоровны и Императрица Александры Федоровны.

5 Возможно, речь идет об Александре (урожд. принцессе Саксен-Кобург-Готской) (1878—1942), с 1896 г. замужем за принцем Эрнстом Гогенлое-Лангенбург.

14. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1582. Л. 11—12.

1 В письме Вел. княгиня Елизавета Федоровна пишет о тяжелой утрате, постигшей Императорскую семью и всю Россию, — о смерти Императора Александра III в Ливадии 20 октября 1894 г.

15 ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1580. Л. 59—60.

16. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1582. Л. 17—18 об.

1 Речь идет о войне между Грецией и Турцией 1897 г. за присоединение Крита к Греции. Война

закончилась поражением Греции.

17. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1581. Л. 14—17.

1 Речь идет о годовщине крушения Царского поезда в Борках 17 октября 1888 г.

2 Вел. княгиня Елизавета Федоровна вспоминает о днях, проведенных ею в Ливадии накануне и в день смерти Императора Александра III.

3 Олсуфьева Александра Андреевна (урожд. Миклашевская), графиня, статс-дама, гофмейстерина двора Вел. княгини Елизаветы Федоровны.

4 Михаил Александрович (1878—1918), Вел. князь, сын Императора Александра III.

5 Ольга Александровна (1882—1960), Вел. княгиня, дочь Императора Александра III. С 1910 г. супруга принца П. А. Ольденбургского (1868—1924), во втором — морганатическом браке (с 1916) за ротмистром Н. А. Куликовским (1881—1958). Эмигрировала, умерла в Канаде.

18. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1582. Л. 42—45 об.

19. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1583. Л. 5—11 об.

В этом письме Вел. княгиня Елизавета Федоровна пишет о французском гипнотизере и спирите Филиппе (ум. в 1905 г.), пользовавшемся репутацией человека, излечивающего нервные болезни. Во Франции Филипп был представлен Императорской семье, произвел благоприятное впечатление и был приглашен в Петербург. В своем дневнике Николай II называет Филиппа “наш друг”, так, позднее, в семье Царя будут называть и Г. Е. Распутина. По Высочайшему повелению Филипп получил звание доктора медицины и чин действительного тайного советника. Императрица Мария Федоровна и Вел. княгини Елизавета Федоровна не одобряли как это, так и последующее увлечение Николая II и Александры Федоровны Г. Е. Распутиным.

1 Мария Александровна, герцогиня Саксен-Кобург-Готская.

2 Так Елизавета Федоровна называет дочерей князя Черногории Негоша, вышедших замуж в России, — Анастасию Николаевну (Стану) и Милицу Николаевну. Обе сестры увлекались спиритизмом, алхимией. Они поддерживали увлечение Николая II и Александры Федоровны Филиппом, способствовали появлению в будущем при Дворе Г. Е. Распутина.

3 Петр Николаевич (Петюша) (1864—1931), Вел. князь, сын Вел. князя Николая Николаевича (старшего).

4 Лейхтенбергский Георгий (Юрий) Максимилианович, герцог, князь Романовский (1852—1912), сын дочери Императора Николая I Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского.

5 Возможно, Милашевич Елена (урожд. графиня Строганова), по первому мужу графиня Шереметева.

6 Имеется в виду Петропавловская крепость — усыпальница членов Императорского дома.

20. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1583. Л. 12—16.

1 Николай Николаевич (младший) (Николаша) (1856—1929), Вел. князь, сын Вел. князя Николая Николаевича (старшего).

2 св. Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич Сергиев) (1829—1908), протоиерей, с 1855 г. настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Канонизирован Русской православной церковью

настоятель Андреевского собора в Кронштадте. Канонизирован Русской православной церковью.

3 Имеются в виду Император Николай II и Императрица Александра Федоровна.

4 Георг I (Willy) (1845—1913), с 1863 г. король Греции. Был убит террористом 5/18 марта 1913 г. в Салониках.

21. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1583. Л. 18—21 об.

1 Очевидно, речь идет о разводе в 1901 г. великого герцога Эрнста-Людвига Гессенского с супругой Викторией-Мелитой.

В 1905 г. Виктория-Мелита вышла замуж за сына Вел. князя Владимира Александровича Кирилла Владимировича (1876—1938). Брак этот был признан в России лишь в 1907 г. 31 августа (13 сентября) 1924 г. Вел. князь Кирилл Владимирович, местоблюститель Российского императорского престола, принял титул Императора Всероссийского (см.: Альманах "Дворянское собрание". 1994. № 1. С. 48—49).

2 Речь идет о заключении официально в 1902 г. морганатического брака Вел. князя Павла Александровича с Ольгой Валериановной Пистолькорс (урожд. Карнович).

22. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1583. Л. 23—25 об.

1 Речь идет об опекунстве над детьми Вел. князя Павла Александровича от первого брака Марией и Дмитрием, которые после смерти матери воспитывались в семье Вел. князя Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны.

2 Кубелик Ян (1880—1940), чешский скрипач.

23. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1583. Л. 43—46.

1 Вел. княгиня Елизавета Федоровна вспоминает о пребывании в Сарове на прославлении преподобного Святого праведного Серафима Саровского (1754—1833).

2 Речь идет о сестрах Анастасии Николаевне и Милице Николаевне.

24. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1583. Л. 49—50 об.

1 Келлер Федор Артурович, граф, генерал-лейтенант по Гвардейской кавалерии, командир 2-го корпуса Восточно-Сибирской армии в Маньчжурии.

25. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1583. Л. 62—63 об.

1 Российское общество Красного Креста находилось под покровительством Императрицы Марии Федоровны. На ее рассмотрение поступали отчеты и докладные записки о деятельности Общества (см.: ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 345—454).

26. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1583. Л. 65—66 об.

1 Во время русско-японской войны, как и в годы Первой мировой войны, Вел. княгиня Елизавета Федоровна занималась организацией помощи раненым, инвалидам войны, семьям солдат. Под ее покровительством было организовано несколько лазаретов, в Кремле находилась пошивочная мастерская для изготовления белья и обмундирования, склады медикаментов.

27. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 2—5 об.

1 Вел. князь Сергей Александрович был похоронен в склепе Чудова монастыря в Кремле. На

1 Вел. князь Сергей Александрович погребен в склепе Чудова монастыря в Кремле. На месте его гибели был установлен крест.

28. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 7—9 об.

1 Дубасов Федор Васильевич (1845—1912), генерал-адъютант, адмирал, член Государственного Совета; московский генерал-губернатор (ноябрь 1905 — апрель 1906). На Дубасова было совершено два покушения.

2 Дурново Петр Николаевич (1845—1915), статс-секретарь, сенатор, член Государственного Совета; с 23 октября 1905 г. до 22 апреля 1906 г. министр внутренних дел.

3 В. Ф. Джунковский цитирует в своих воспоминаниях письмо от 22 декабря 1905 г. из Петербурга Елизаветы Федоровны к Ф. В. Дубасову о ее желании вернуться в Москву для выполнения своего долга: "...Революция не может кончиться со дня на день, она может только ухудшиться или сделаться хронической, что по всей вероятности и будет. Я себя чувствую здесь как заграницей, я порываю связь с Москвой, а между тем, мой долг заняться теперь помощью несчастным жертвам восстания. Я попросту считаю себя " подлой ", оставаясь здесь, предпочитаю быть убитой первым случайным выстрелом из какого-нибудь окна, чем сидеть тут, сложа руки... и Москва настоящая — не анархисты — меня не поймут, если я не вернусь, и будут правы; покажите это письмо Джунковскому; он может объяснить Дубасову, что я снимаю с него всякую ответственность. Я принадлежу Москве. Оставаясь еще, как я уже говорила, я порываю нить со своими бедными и закрепляю за собой слово "подлая". Пошлите это письмо Джуну — человеку долга, который, я думаю, знает Москву. Не надо бояться смерти, надо бояться жить..." (ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 47. Л. 172—173 об.). В. Ф. Джунковскому принадлежит перевод этого письма с французского языка. Подлинник письма не сохранился.

29. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 35—38 об.

1 Анастасия Николаевна (1901—1918), Вел. княжна, дочь Николая II, летом 1907 г. была тяжело больна дифтерией. Императрица Александра Федоровна сама ухаживала за заболевшей дочерью.

В письме от 12 ноября 1907 г. Елизавета Федоровна писала о состоянии Императрицы Александры Федоровны после перенесенного испытания: "...Аликс ужасно худая, она подцепила инфлюэнцу, но скорби, которые она пережила этим летом, у нее на лице, и она выглядит как человек, который ужасно страдал морально. Она как тень, такая худая. У меня сердце сжимается, когда я вижу ее печальные глаза..." (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1581. Л. 51).

2 Вильгельм (1884—1965), герцог Зюдерманландский, сын короля Швеции Оскара II; был женат на Вел. княгине Марии Павловне (младшей). Впоследствии супруги развелись.

3 В связи с предстоящим замужеством дочери Вел. князя Павел Александрович просил Николая II разрешить ему вернуться в Россию вместе со второй женой. В письме от 14 мая 1907 г. Елизавета Федоровна так описывает поведение Павла Александровича: "...Я нахожу, что совершить сделку , как он написал в ответе на телеграмму Ники, — это не только ужасно жестоко, но еще и бессердечно . Как может он ставить условия ради своего собственного удовольствия , когда ставкой является счастье его ребенка ? Я понимаю, если бы он приехал сразу же и начал бы тогда переговоры, когда-де я смогу наконец тем или иным образом привезти свою жену, — это было бы естественно. Но то, как он ведет себя сейчас! Где его отцовская любовь? Ни слова о счастье своего ребенка ! Вот делайте, что я хочу , и тогда я приеду. Что общего у его жены с замужеством его дочери от первой жены, почему она собственно должна жить в России, пока он устраивает счастье своей дочери..." (ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 24).

4 Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), гофмейстер, статс-секретарь. С 1906 г. председатель Совета министров. Убит Д. Г. Богровым в сентябре 1911 г. в Киеве.

5 Озерова Екатерина Сергеевна, камер-фрейлина Императрицы Марии Федоровны.

30. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 46—49 об.

31. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 44—45 об.

32. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 59—60 об.

33. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 68—69 об.

1 Временный устав Марфо-Мариинской обители был утвержден 20 ноября 1908 г. Обитель открылась 10 февраля 1909 г.

2 Музей Александра III — ныне Русский музей в Санкт-Петербурге.

3 Георгий Михайлович (Джорджи) (1863—1919), Вел. князь, сын Вел. князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, управляющий Русским музеем, нумизмат. Расстрелян в январе 1919 г. в Петропавловской крепости. Был женат на Марии Георгиевне (Минни), принцессе Греческой.

4 Крамской Иван Николаевич (1837—1887), художник.

34. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 62—66 об.

1 В 1909 г. сестра Вел. княгини Елизаветы Федоровны принцесса Виктория Баттенбергская посещала Россию.

2 В 1909 г. у Марии Павловны (младшей) родился сын Леннарт, граф Бернадот.

3 12 июня 1909 г. в г. Кашине Тверской губернии состоялось торжество восстановления церковного почитания Святой Благоверной Великой княгини Анны Кашинской. Об этих торжествах подробно пишет В. Ф. Джунковский в “Воспоминаниях” (ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 49. Л. 95—99).

4 Менгден Георгий Георгиевич, граф, флигель-адъютант, полковник, заведующий двором Вел. князя Сергея Александровича.

5 Корнилов Аркадий Петрович, гофмейстер, надворный советник, управляющий конторой Вел. княгини Елизаветы Федоровны.

6 Возможно, имеется в виду князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович (старший), бывший командир Кавалергардского Императрицы Марии Федоровны полка.

35. ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 74—75 об.

1 Речь о приезде в Крым брата Императрицы Александры Федоровны великого герцога Гессенского Эрнста-Людвига с семьей. Елизавета Федоровна надеялась, что с помощью брата ей удастся убедить сестру в пагубном влиянии Г. Е. Распутина.

2 Луиза (1851—1926), вдова короля Дании Фредерика VIII.

Публикация Л. И. ТЮТЮННИК

Письма Леонида Андреева к Н. А. Чукмалдиной

Чуваков В. Н. Вступительная статья: Письма Леонида Андреева к Н. А. Чукмалдиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.:

Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 488—489.

Письма Леонида Николаевича Андреева (1871—1919) к актрисе Надежде Александровне Чукмалдиной (урожд. Антоновой, в первом браке Фохт) (1877—1947) — мало изученная страница биографии писателя. Переписка сохранилась не полностью. Мы располагаем шестнадцатью письмами Андреева и двумя конвертами от его утраченных писем. Местонахождение писем Чукмалдиной неизвестно.

Андреев и Чукмалдина встретились и познакомились в Орле.

Впервые Андреев-гимназист объяснился в любви и попросил руки Надежды Александровны, когда ей едва исполнилось шестнадцать лет. Мать ее, Наталья Алексеевна Антонова, решительно ему отказала.

После окончания 23 мая 1896 г. Николаевской женской гимназии Надежда Антонова с матерью и братом переехала в Москву, где в 1899 г. закончила курсы домашних воспитательниц и училась на медицинских курсах. Первая встреча Андреева — студента-выпускника юридического факультета Московского университета — с Н. А. Антоновой в Москве произошла 1 апреля 1897 г. на Пречистенском бульваре. Во время их второй встречи 10 апреля на Арбате Андреев напрасно просил у Надежды Александровны фотокарточку, чтобы нарисовать ее портрет. Ночью 1 июня 1897 г. Андреев пишет в дневнике: “Женитьба на Антоновой является делом во всех смыслах невозможным, — а в данный момент мало желательным (т. е. относительно мало)”. Андреев заполняет страницы своего дневника горестными записями о равнодушии к нему Антоновой. 5 сентября 1897 г. Надежда Александровна ответила отказом на предложение Леонида Николаевича. В 1899 г. она вышла замуж за чиновника городской управы и администратора театра-кабаре Никиты Балиева “Летучая мышь” А. Н. Фохта, впоследствии поступившего в Малый театр (театральный псевдоним — Кудрин).

Товарищ Андреева по орловской гимназии и позже по Московскому университету С. С. Блохин вспоминал о студенческих годах Л. Андреева: “Одним из поводов к пьянству была (...) несчастная любовь к сестре его товарища — Антонова”*. Свои переживания после отказа Натальи Алексеевны Андреев-студент выразил в рассказе с меланхолически-философским заглавием “Он, она и водка”, напечатанном под инициалами Л. А. в газете “Орловский вестник” 9 сентября 1895 г. Дочь Н. А. Чукмалдиной Т. А. Фохт рассказывала семейное предание: прочитав сочинение Андреева, смущенная Наталья Алексеевна спрятала этот номер “Орловского вестника”, чтобы он не попался на глаза дочери. Но и Надежда Александровна сделала то же самое, чтобы исповедальное повествование “Он, она и водка” не прочитала мать. Конечно, эта взаимная тайна сохранялась недолго. В Музее писателей-орловцев (г. Орел) хранится переданный туда Т. А. Фохт оттиск из журнала “Жизнь” (1901, № 3) с рассказом Андреева “Жили-были”. На оттиске надпись: “Уважаемой Надежде Александровне Фохт от автора. 1901. 17. IV”.

В феврале 1902 г. Л. Андреев женился на Александре Михайловне Велигорской, внучатой племяннице великого украинского поэта Тараса Шевченко. Брак их был счастливым, но очень коротким. В ноябре 1906 г. Александра Михайловна умерла в Берлине после родов. Состояние Андреева было ужасным. Об этом узнала Надежда Александровна. Она приехала в Берлин и увезла находившегося в состоянии тяжелой депрессии Андреева на Капри (Италия), где жил М. Горький, настоятельно просивший Андреева не оставаться долго в Берлине, а приехать к нему. На Капри Андреев, переживая смерть Александры Михайловны, много пил. Дальнейшее пребывание с ним для Надежды Александровны стало невыносимым, и она покинула его.

Встретились они весной 1907 г. уже в России и сохранили прежние дружеские отношения. В том же году Надежда Александровна разошлась с А. Н. Фохтом. В 1908 г. Андреев вторично женился на А. И. Денисевич, а Надежда Александровна стала женой “вечного студента” — медика Н. Н. Чукмалдина. Некоторые из своих писем Н. А. Чукмалдиной Л. Андреев посылал по адресам ее знакомых для передачи. Между первым и последним письмами Л. Андреева Н. А.

Чукмалдиной прошло пятнадцать лет. Письмо 1901 г. написано молодым литератором, делающим первые шаги и уже обласканным славой. Свою обиду за отказ Надежды Александровны стать его женой Андреев прячет за вежливо-безразличным тоном письма, не отказываясь, впрочем, от продолжения знакомства. Последнее письмо, написанное в 1916 г. в петроградской клинике, — веселая мистификация. Андреев пишет о себе в третьем лице, как о старом, больном, обрюзгшем, избегаемом знакомыми писателе. Этот Леонид Андреев о многом забыл, но не может забыть время своей молодости, провинциальный Орел конца прошлого века и “какое-то Нарышкино”, где он и Н. А. Чукмалдина были счастливы.

Л. Н. Андреев

Первое известное нам письмо Л. Андреева к Надежде Александровне печатается по авторской копии в дневнике Андреева, начатом им 27 марта 1897 г. “Четвертый дневник начинаю я во имя Надежды Александровны, — записывает Андреев в дневник 28 марта 1897 г. — Значение этой любви для меня громадно. Она единственный смысл моей жизни”. (Оригинал дневника хранился в Москве в собрании И. С. Зильберштейна. Цитируется нами по машинописной копии Л. А. Алексеевского, переданной ныне в Музей И. С. Тургенева в г. Орле). О еще одном дневнике Андреева, посвященном Надежде Александровне, вспоминает ее дочь Т. А. Фохт: “Я очень хорошо помню клеенчатую, очень толстую тетрадь дневника, в который были вклеены иллюстрации, нарисованные масляными красками Леонидом Николаевичем. Он очень хорошо рисовал. Помню такой рисунок: лес. Мама идет с каким-то студентом, а из-за дерева в них целится с револьвером в руке Андреев, одетый в студенческую тужурку”. По свидетельству Т. А. Фохт, этот дневник, какие-то рукописи Л. Андреева и его письма были отданы Н. Н. Чукмалдиным “на сохранение” знавшему Надежду Александровну московскому врачу Ф. Ф. Заседателеву. Дальнейшая их судьба не известна.

Письма 2, 6, 7, 10, 13 и 16 печатаются по оригиналам, хранящимся у В. Д. Ларионова. Письма 3, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 15 публикуются по подлинникам, находящимся ныне в РГАЛИ (Ф. 11. Оп. 4. Ед. хр. 7), письмо 4 — РГАЛИ. Ф. 1262. Оп. 2. Ед. хр. 2.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 15 марта (1901 г.) Москва // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 490.

1

(Москва)

15 марта (1901 г.)

Напоминанием о себе никакой неприятности причинить Вы, конечно, не могли. Не поклонился Вам по двум причинам: во-первых, Ваше упоминание о добродетельности было совершенно излишним: Ваша добродетельность написана у Вас на лице, и при встрече я не сразу узнал Вас; далее я думал, что Вам будет неприятно продолжение знакомства со мной. Искренне извиняюсь в этой ошибке, проистекшей из обычного непонимания Вашей психики. Ваше предположение о том, что я не отвечу на письмо, совершенно не вяжется с моими обычаями: я отвечаю на все обращенные ко мне письма.

Через несколько дней я выхожу из клиники1 и тогда с готовностью выполню Вашу просьбу — в уверенности, что она не имеет ни малейшего отношения к Вашему желанию “подурить”.

Леонид Андреев

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 14 сентября 1910 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 490—491.

22

14 сент(ября) (1)910

Я не скажу тебе, к(а)к жадно с тобою встречи я ищу3 — ты все равно не поверишь, Надеждочка! А это приблизительно верно, почти факт. Не знаю почему, но последнее время я упорно галлюцинирую твоими глазами — ты очень хорошо смеешься, Надеждочка! Будь это по телефону — я попросил бы тебя засмеяться, а будь ближе, напр(имер), в Орле...

То сегодня мы поехали бы в Нарышкино4. По-е-хали!

Может же быть такая потребность: время от времени видеть тебя, хорошенькая моя прелесть, — это ужасно верно, хотя я и шучу. Вот говорю "моя", а ведь это же чепуха! Должно быть притяжательное, а только оно притязательное, и больше ничего. Но к(а)к бы это устроить: при посредстве только бумаги и только чернил поцеловать тебя?

Обещания свои я исполняю скверно, это правда, но не все и не всегда. Не писал тебе потому, что все лето был болен и, кроме того, была тоска. Ты знаешь, что это за штука? Скверная штука. Сейчас она прошла к(а)к и нездоровье (относительно, конечно), я работаю и живу. А живу — значит хочу поцеловать тебя, к(а)к не верти, а все к тому же приходишь. Может быть, ты хочешь, чтобы я писал о деле — но ей Богу, не могу. Это не легкомыслие, а самый сердечный, самый широкий тебе привет.

Скучное и тяжелое было у меня лето, Надеждочка. Один еврейчик описывал в сочинении, к(а)к проводил лето: "Лето провел скучно, а если раз ездил на лодке, — так что?"

Ну и я так же. Целых три лета пошли у меня к дьяволу, провалились в преисподнюю. И вот приходится переводить жизнь на зиму — это грустно. Влюбляться в комнатах, грустить в шубе, клясться перед люстрою — нет, когда приеду в Москву, мы отправимся кататься на Воробьевы. Или не хочешь ли в Петровско-Разумовское? Возьмем бутербродов.*

Газеты врут обо мне во всех направлениях: киевско-харьковском, московском, психиатрическом5. Но в Москву я приеду — это факт6. Когда? Должно быть в октябре. Тогда буду делать все полезное, ты удивишься. И не потому, что потому — а потому что с детства верю в твой талант. Это не шутка. И мне так нравится, что ты работаешь, действуешь. Постараемся, Надеждочка!

В деревне я сейчас один — ежели не считать семьи в 15 душ. Один в том смысле, что жена7 за границей, будет лечиться месяца полтора — два. Конечно, навещают добрые женские души, но ты поверишь — я ни в кого не влюблен! Разве только в тебя немножко, но ты этому не верь. Пожалуйста, не верь мне ни на грош!

Ах, Надеждочка! Если бы взор мой был магнитен (от слова магнит), я навел бы его на тебя, и ты по проволоке прилетела бы сюда, и я взял бы тебя и немедленно, даже не распечатав, отослал бы назад! — Вру, голубчик.

Напиши мне получше что-нибудь. Скажи, что тоже влюблена немножко, а я тоже не поверю — и будет так весело!

"Твой" Л.

О Якове8 не хочу говорить, очень печально. Много думал о нем, и хорошо, что ты мне написала о нем.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 16 сентября 1910 г. Петербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 491.

3

(Петербург. 16 сентября 1910 г.)

Милая Надечка! Не пишу, ибо в очень скверном настроении9. Болен и оттого скучно жить. А сейчас и руки обожжены на моторе10, трудно писать.

Как полегчает, напишу. Только адрес сообщи. Твоему письму был очень рад и целую за него твою лапку.

Живи весело!.. А я, должно быть, скоро подохну. Приходи на могилу плакать.

Леонид

Адрес: Заказное. Москва. Малая Кисловка, Филармоническое училище

Надежде Александровне Чукмалдиной.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 5/18 декабря 1910 г. Марсель // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 491.

4*

(Марсель. 5/18 декабря 1910 г.)

Надя! Не робейте. Какого черта? Был сегодня в замке Иф, где сидел Монте-Кристо11. И то

ничего.

Адрес: Rossia. S. Peterburg. Поварской пер. № 10. Михайлову12 для Нади.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 29 июля 1911 г. Финляндия // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 491.

5

(Станция Эсбо13. Финляндия. 29 июля 1911 г.)

Ну, Надечка, повидаемся, и я очень-таки рад. И судьба благоприятствует: четвертого по делам дня на три я приезжаю домой, в Ваммельсу. В Петербург не попаду: мало времени и много дела, но ты приезжай ко мне в деревню; поболтаем вдосталь и что можно сделаем относительно театра.

Сделай так: в четверг, либо пятницу-субботу позвони по телефону, для чего отправься либо в пассаж, либо на Финляндский вокзал и спроси сперва финляндскую переговорную станцию, а когда дадут, то дачу Л. Андреева. Звони часов в 11—12 или в пять. Тогда уговоримся о поезде, к которому я вышлю лошадь.

Значит до скорого свидания, буду очень рад повидаться. И крепко жму руку! Крепко!..

Твой Леонид.

И конверт я жарю на машинке.

29 июля.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 8/21 августа 1911 г. Ваммельсу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 491—492.

6

(Ваммельсу. 8/21 августа 1911 г.)

Ах, Надечка, — какая вышла прискорбная чепуха. Я именно хотел по душам поговорить с тобой, так, как в письмах нельзя. Так сказать, не письмом, а губами. Переписка наша всегда по воле судьбы будет официальна, а разговор — нет, ты сама знаешь. И сейчас я пишу сравнительно свободно только потому, что сейчас во всем огромном доме моем — я один. Ты чувствуешь это и ты можешь понять, какая вышла трагическая чепуха?

Понимаешь: мы все, семья, живем в шхерах, за Гельсингфорсом, а дома, в Райволе, ремонт. И вот как раз на эти несколько дней я один (мамы14 не считаю) приехал домой в Райвола. Понимаешь? А завтра еду в шхеры и дома будет пусто до 15 сентября, когда вернемся все. Понимаешь: если бы ты приехала в эти дни, мы были бы одни и говорили бы сто верст и так душевно, как ангелы на небеси.

Ну и судьба. Я так обозлился, когда получил последнее твое письмо, что готов был кусаться. Теперь дело пропащее. Конечно, в сентябре мы можем свидеться в Петер(бурге) или здесь, но это будет, дитя мое, — полуофициозно, муторно и помпезно.

Даже и писать не хочется, как подумаю, что вместо этой старой расхлябанной машинки, на которой я стучу с ненавистью, — могла бы находиться ты.

Если хочешь писать мне не все, то пиши по-прежнему прямо на мое имя; если же все — то по адресу: Петербург, Поварской пер. 10, Николаю Никол(аевичу) Михайлову, для Л. Н. А.

Ах, Надечка.

Твой Л.

8 августа

Адрес: Заказное. Москва. Пречистенка, д. 38, кв. 1.

Надежде Александровне Чукмалдиной.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., б. д. («Надюшечка! Это верно, что телефон испорчен...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII —XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 495.

15

Надюшечка! Это верно, что телефон испорчен и что я по-прежнему верчусь белкой. Как только телефошка выздоровеет, буду звонить актерочке.

“Тота”31 посылаю, но только, будь друг, пришли его обратно завтра утром, нужен. Певцов32 был отвратителен и оскорбителен.

Мои compliment... Signora!*

Мой compliment... Signora!"

Не пишу “S”, спешу.

Твой Л.

Адрес: Надежде Александровне Чукмалдиной.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 16 апреля 1912 г. Ваммельсу // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 493.

8

(Ваммельсу. 16 апреля 1912 г.)

У меня болен Саввка17, любимый человечек. Сообщи точно хотя бы телеграммой, когда будешь в СПБ, — если Саввке станет лучше, я приеду. Хочу видеться.

Напиши, где остановишься.

Леонид.

16 апреля 1912.

Адрес: Заказное. Москва. Надежде Александровне Чукмалдиной. Мертвый пер. Д(ом) 30.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., б. д. («Надя! Я написал Незлобину...» // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 493.

9*

Надя! Я написал Незлобину18. Хотя он сам должен написать тебе. Ты не стесняйся напоминать.

Не писал так долго потому, что и сам болел, и в доме болеют. Сейчас я в СПБ, так как у Саввки дифтерит. Дело идет на улучшение...

Письмо и конверт дезинфицированы сулемой.

Жму руку.

Твой Л.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 17 января 1913 г. Roma // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 493.

10**

Привет!

Л.

Roma, 17 gennaio 1913

Адрес: Пречистенка, Мертвый пер. Надежде Александровне Чукмалдиной. Собств(енный) дом.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 31 марта 1915 г. // Российский Архив: История

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 31 марта 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 493.

11

(31 марта 1915 г)

Милая моя Надечка! Я сейчас жестоко простужен, с какими-то осложнениями, сердце плохо работает. Как только поправлюсь хоть немного, напишу обстоятельное письмо Коршу19 — и тебе. Хорошо, что ты ко мне обратилась, хотя в практическом отношении мое знаменитое имя имеет больше блеска, нежели силы. В этом даже неловко сознаваться, но это так.

Во всяком разе, буду стараться. А пока жму руку.

Твой Л. А.

31 марта 1915 г.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 21 мая 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 495.

13

(21 мая 1915 г.)

Надечка, дружочек мой милый, скоро увидимся. Я отправляюсь с Голоушевым26 вояжировать и 5—6-го буду в Москве, дня на четыре. И по меньшей мере один цельный день хочу провести с тобой. Ладно? И как мне известить тебя, твой телефон? Где остановлюсь, еще не знаю твердо, вероятно, по обычаю в Лоскутной27. И очень мне хочется видеть тебя. Ах, Надечка!

Не писал тебе потому, что снова был болен, не владел рукою, но это пустяки: главное, тяжкое было настроение, при котором хотелось только молчать, быть невидимым и неслышимым. Мало-мало придавило меня к земле. С тобою буду смеяться.

Сегодня пишу Коршу28 и формально обещаю ему дать “Младость”. Он писал мне о тебе, говорит, что ты ему понравилась и вы поладили “с двух слов”. Хитрая он бестия!

Можно тебя пока поцеловать? Дружочек, напиши мне твой телефон, я еще успею получить. А писать трудно, еще болит рука.

Твой Л.

21 мая 1915.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., 13 октября 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 495.

14

(13 октября 1915 г.)

Откуда ты взяла, что сержусь? Молчание — не моя система. Когда я сержусь, я тотчас же и ругаюсь, кричу и безобразничаю, но не молчу. Молчал же потому, что занят анафемски, как портной под Пасху.

А Коршу поспешил написать29, чтобы он на тебя не сердился — видишь, какой я дипломат! Теперь молись Творцу, чтобы Адамычу пришлась по душе пиеса, а то он тебя съест, за мое здоровье живьем проглотит. В “Младости” есть ролька для тебя, приятна, можно выдвинуть.

В Москве буду 18-го, остановлюсь у Добровых30. Позвони. А это хорошо, что я так надуваю с своим приездом: теперь меня ждут и клянут, как Наполеона, получается торжественный въезд, и извощика возьму на белой кляче.

Жму руку и очень сочувствую твоему нездоровью, ибо сам трещу головою. Скверно!

Леонид Андреев.

13 октября.

Для стиля и от важности фамилию штемпелюю.

Чуваков В. Н. Примечания: Письма Леонида Андреева к Н. А. Чукмалдиной // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 496—499.

1 С 25 января по 22 марта 1901 г. Л. Андреев находился на лечении от неврастении в клинике профессора Московского университета М. П. Черинова на Девичьем поле. В клинике Андреев продолжал писать фельетоны для газеты “Курьер”, в которой в 1897 г. он начал работу как судебный репортер, закончил имеющий биографическую подоплеку рассказ “Ложь” (последняя редакция) и один из лучших своих рассказов “Жили-были”.

2 Настоящему письму предшествовало другое, нам неизвестное, посланное из Ваммельсу в июле 1910 г. У Т. А. Фохт хранился конверт от этого письма, на котором рукой Андреева написан адрес: “Заказное. Рига. Бильдерингсгоф. Большой проспект, пансион Фрэй. Надежде Александровне Чукмалдиной”.

3 Неточная цитата из цыганского романса Оскара М. Де-Бове на слова Н. Н. Белова (1901).

4 Нарышкино — станция на Рижско-Орловской железной дороге, где Антоновы снимали дачу. В Нарышкино Андреев-гимназист со знакомыми ездил на прогулки. 15 сентября 1895 г. в письме к двоюродной сестре С. Д. Пановой он спрашивал: “Помнишь Нарышкино? (...) К(а)к все это мило, к(а)к далеко и какая грустная вещь — жизнь эта треклятая” (Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. М. 1924. С. 96).

5 Речь идет о больно задевшем Андреева конфликте между двумя киевскими театрами — “Соловцов” и Бергонье — за право первой постановки в Киеве его пьесы из студенческой жизни — “Гаудеамус”. Сначала Андреев намеревался передать новую пьесу театру “Соловцов” и вел переговоры с режиссером театра Дуваном-Торцовым, но сам не считал их законченными. Весной 1910 г., находясь на отдыхе в Крыму, поддавшись уговорам, передал право первой постановки “Гаудеамуса” театру Бергонье, что крайне обострило отношения автора с театром “Соловцов”. 9 августа 1910 г. к Андрееву в Ваммельсу приехал И. Э. Дуван-Торцов, а на следующий день Андреев отослал труппе театра “Соловцов” телеграмму: “Очень рад известить, что вместе с Онушей и остальными студентами возвращаюсь к вам, чтобы вместе спеть “Gaudeamus”. Прошу передать горячий привет товарищам” (Киевские вести. 1910. 11 августа. № 215. С. 3). 16 августа 1910 г. Андреев, изменив свое решение, в письме режиссеру театра Бергонье А. Н. Кручинину предложил ставить “Гаудеамус” сразу двум киевским театрам (Киевская мысль. 1910. 17 августа. № 226. С. 4). Киевские театральные рецензенты в этой истории заняли по отношению к Андрееву враждебную позицию, называя его “коммерции художником” и “сутенером своего таланта” (Андреев Л. Мое объяснение: Письмо в редакцию. 5 сентября 1910 // Театр и искусство. 1910. № 37. С. 679). Премьера “Гаудеамуса” в театре “Соловцов” (постановка Я. Л. Лайи) состоялась 31 августа 1910 г., а первое представление в

"Соловцов" (постановка Я. Л. Лейн) состоялась 31 августа 1910 г., а первое представление в театре Бергонье (режиссер Н. Е. Савинов) — 1 сентября 1910 г. В Харькове первое представление состоялось 9 октября 1910 г. в Городском драматическом театре Н. Синельникова. Москвичи увидели "Гаудеамус" 21 сентября 1910 г. на сцене театра К. Н. Незлобина. Отзывы рецензентов на премьеры были отрицательными! главным виновником неудачи критики считали автора. Очевидный неуспех "Гаудеамуса" на сцене и некоторые другие неблагоприятные обстоятельства причинили писателю много огорчений. В печати распространился слух, что Андреев заболел острым нервным расстройством. Этот слух опровергла жена Андреева в разговоре по телефону 29 августа 1910 г. с редактором "Обозрения театров" И. О. Абельсоном ("Обозрение театров". 1910. 30 августа. № 1159. С. 17). Сам Андреев в письме редактору газеты "Утро России" А. П. Алексеевскому с грустной иронией просил поддержать "этот слух, будто я сошел с ума: как сумасшедшего, они будут бояться меня и дадут мне, наконец, спокойно работать". Под крупным заголовком "Сумасшествие Андреева" письмо появилось в "Утре России" 5 сентября 1910 г. (№ 242). В редакционном примечании прозрачно намекалось, что инсинуатором ложного слуха является газета "Новое время".

6 Андреев предполагал приехать в Москву на генеральную репетицию и премьеру "Гаудеамуса" в театре К. Н. Незлобина ("Театр". 1910. 21 сентября. № 697. С. 10). Поездка не состоялась.

7 Андреева (урожд. Денисевич, в первом браке Карницкая) Анна Ильинична (1885—1948), вторая жена Андреева. Они венчались в Ялте 20 апреля 1908 г. (Крымский вестник. 1908. 30 апреля. № 97). Гостивший у Андреева в Ваммельсу А. С. Серафимович сообщал И. А. Белоусову 30 сентября 1910 г.: "Анна Ильин(ична) уже месяц за границей в Швейцарии в санатории — у нее ожирение сердца" (Серафимович А. С. Собр. соч. Т. 7. М. 1960. С. 452).

8 Антонов Яков Александрович — гимназический товарищ Андреева, брат Надежды Александровны. После окончания Военной академии в Петербурге — военный инженер. Строил форт на Амуре и Маньчжурскую железную дорогу. Убит хунхузами во время купания в Амуре. Похоронен на военном кладбище в Хабаровске.

9 10 сентября Андреев закончил первую редакцию пьесы "Океан", 17 сентября завершил вторую редакцию. Андреев полагал, что философско-этическая проблематика "Океана" сближает эту пьесу с его трагедией "Анатэма", поставленной МХТ в 1909 г. 16 сентября 1910 г. Андреев сетовал в письме к Вл. И. Немировичу-Данченко: "Вот я написал "Океан", вещь, о к(отор)ой говорил Вам уже два года назад, сопоставляя ее с "Анатэмой". И что же? Даже без ознакомления с вещью Вы отказываетесь от нее. Не понимаю. И кто выгадывает от такого положения вещей?" (Музей МХАТ. Н.-Д. № 3144/2).

10 Переселившись в 1908 г. из Петербурга в финскую деревушку Ваммельсу, Андреев летом с увлечением совершал на моторной лодке "Савва" прогулки по морю. "Море я люблю стихийной любовью, — говорит Андреев, — и надо видеть его на моторной лодке, чтобы разгадать эту любовь" (Брусянин В. В. Андреев. Жизнь и творчество. М. 1912. С. 71). Когда Андрееву надоел мелководный Финский залив, он отправлялся в плавание в шхеры. Осенью 1911 г. по собственным чертежам Андреев заказал яхту, которую назвал "Далекий". Иллюстрированные журналы и газеты публиковали фотографии "Андреева-моряка".

11 Андреев выехал на отдых за границу после 12 ноября 1910 г. Он посетил Германию, был на южном побережье Франции, Корсике и в Италии. В Ваммельсу вернулся 24 декабря 1910 г.

12 Михайлов Николай Николаевич (1884—1940). По адресу, куда отослал Андреев свое письмо Чукмалдиной, находилось руководимое Михайловым издательство "Прометей", в котором в марте 1911 г. отдельным изданием (с рисунками Б. Анисфельда) вышла трагедия Андреева "Океан", а в 1915 г. — сборник военной публицистики "В сей грозный час". "Хороший человек — этот Михайлов, — писал Андреев И. И. Барышеву 16 октября 1910 г. (РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 3). В РГАЛИ в фонде Н. Н. Михайлова (№ 1262) хранятся 9 писем Андреева к нему.

нему.

13 Летом 1911—1914 гг. Андреев, чтобы быть ближе к морю, перебирался в Финляндии в местечко Фрисанс у станции Эсбо, неподалеку от Гельсингфорса. Здесь он снимал дачу “Вилла Холм”. Андрееву нравилось это место, где он впервые жил на даче в мае-июне 1906 г. “Финляндия за Гельсингфорсом, — писал он 17 июля 1911 г. С. С. Голоушеву, — сплошь санатория и красота (...) В мире нет места лучшего для водяного спорта...” (Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева. М. 1930. С. 91).

14 Андреева (урожд. Пацковская) Анастасия Николаевна (1851—1920), рано осиротевшая и не получившая никакого образования дочь разорившегося помещика польского происхождения. “Неизменный полувековой” друг Андреева (См. письмо к ней от 25 февраля / 10 марта 1918 г. в кн.: Андреев Вадим. Детство. Повесть. М. 1963. С. 209—216). Андреев посвятил матери пьесу “К звездам” (1905) и под именем Александры Петровны Мацневой вывел в автобиографической пьесе “Младость”. После смерти Андреева в 1919 г. Анастасия Николаевна покушалась на самоубийство. Она отказалась покинуть могилу сына. В морозный декабрьский день 1920 г. ее нашли мертвой во флигеле покинутого и полуразрушенного дома Андреева в Ваммельсу. Часть писем Андреева к матери опубликована К. Чуковским в журнале “Русский современник”, 1924. № 4 (Андреева Р. Мать Леонида Андреева // Россия. 1925. № 4).

15 Ироническая аллюзия: слова Базарова из романа И. С. Тургенева “Отцы и дети” (1862).

16 Замысел сказки “Орешек”. Со сказками “Негодяй” и “Фальшивый рубль и добрый дядя” под общим названием “Сказочки не совсем для детей” впервые опубликована в газете “Речь”. 1911. 25 декабря. № 354. С. 2.

17 Андреев Савва Леонидович (1909—1970), третий сын Леонида Андреева. Проявил способности к рисованию, был учеником сына И. Е. Репина Юрия. Впоследствии окончил балетную школу во Франции. Артист балета. Входил в состав балетной труппы театра “Колон” в Буэнос-Айресе. Три письма к нему Леонида Андреева 1918—1919 гг. опубликованы (Андреев Л. S. O. S. М.-СПб. 1994. С. 262, 319—320). “Саввка был поразительно красив — смуглый, черненький, с карими глазами. Незнакомые люди останавливались на улице, завидя его, и даже шли за ним, громко выражая свое восхищение. Избалован он был ужасно”, — вспоминала его сестра Вера Леонидовна (Андреева В. Эхо прошедшего. М. 1986. С. 20.). 3 апреля 1912 г. Андреев рассказывал в письме к Серафимовичу: “На третий день Пасхи Саввке, который только что отпраздновал день рождения (три года), по неосторожности няньки выливается на ногу кастрюля с кипятком... Мучения у мальчика ужасные; сейчас начинает поправляться, сегодня первый раз вывезли на коляске” (РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Ед. хр. 251). Из письма Андреева 12 апреля 1912 г. к Немировичу-Данченко: “Сегодня к вечеру уже чемодан уложил, чтоб ехать в СПб, лошадь запряг — глядь, у сынишки “обожженного” внезапно поднялась температура, приехал доктор и нашел рожистое воспаление ранки. Снова жестокое беспокойство, и уж куда там ехать в город!!” (Архив Музея МХАТ. Н.-Д. 3145/2).

18 Незлобин Константин Николаевич (1857—1930), антрепренер, режиссер, актер. В 1909—1917 гг. возглавлял носящий его имя театр в Москве. На сцене Незлобинского театра шли пьесы Андреева “Черные маски” (1909), “Анфиса” и “Гаудеамус” (1910), “Каинова печать” (1913), “Милые призраки” (1917); в сентябре 1917 г. на петербургской сцене — “Екатерина Ивановна”.

19 Корш Федор Адамович (1852—1923), антрепренер, основатель в Москве в 1882 г. Русского драматического театра — крупнейшего частного театра в России.

20 Весной 1912 г. Н. А. Чукмалдина окончила драматическое отделение училища Московской филармонии; в том же году играла в Московском театре миниатюр М. В. Арцыбашевой в Мамонтовском переулке, в 1913 г. вошла в труппу Нового драматического театра А. А. Тольского на Земляном валу.

21 Андреев Андрей Николаевич (1885—1920), младший брат Андреева, предмет его неустанных забот. Андреев стремился развить литературные способности “Друшечки”, напечатал его первое стихотворение и рассказы (под псевдонимом Андрей Болховской) в московской газете “Курьер” (1902—1904). Позже А. Н. Андреев работал хроникером в московской газете “Утро России”. В 1912 г., следуя указаниям брата, написал киносценарий по пьесе Андреева “Екатерина Ивановна”. В Первую мировую войну А. Н. Андреев был призван в действующую армию; вольноопределяющимся 7-й роты 9-го Финляндского полка он воевал сначала в Пруссии, затем в Галиции; награжден Георгиевским крестом. Под именем убитого на фронте Павлуши А. Н. Андреев выведен в повести-дневнике Л. Андреева “Иго войны: Признания маленького человека о великих днях” (1916). Письма брата с передовых позиций Л. Андреев напечатал в газетах и в редактируемом им в Петрограде журнале “Отечество” (1914—1915). В гражданскую войну А. Н. Андреев из Петрограда бежал в Сибирь к адмиралу А. В. Колчаку. В 1919 г. много печатался (стихи, очерки, рассказы) в выходивших в Омске газетах “Русская армия” и “Наша армия”. После победы над Колчаком скрывался, но был опознан, доставлен в Ново-Николаевск и расстрелян.

22 Виндинг Ольга Дмитриевна (?—1966), актриса. В труппе Корша состояла с 1909 по 1914 гг., исполняла в комедиях характерные роли. Заслуженная артистка РСФСР (1956).

23 Солонин Юрий Петрович (?—1946), актер театра Корша. Впоследствии директор Московского театра (бывш. Корша).

24 Пьеса Андреева “Младость”, с подзаголовком “Повесть в диалогах”, впервые была опубликована в 6-м сборнике “Слова” (М. 1916). 25 августа 1916 г. Андреев писал Вл. И. Немировичу-Данченко о “Младости”: “Когда-то она мне очень не нравилась (...), но вот проходит время, и с каждым днем вещь эта все более захватывает и даже умиляет меня. Еще вчера попалась она мне в руки — и я прочел ее всю с величайшим удовольствием, местами даже хихикал от удовольствия” (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 266. Тарту. 1971. С. 281).

25 Премьера “Гаудеамуса” в театре Корша состоялась 5 декабря 1914 г. (Эрманс В. Театр Корша // Новости сезона. М. 1914. 7 декабря. № 300). С. 8). Приехавший из Петрограда в Москву Андреев видел “Гаудеамуса” у Корша 26 октября 1915 г. В третьем акте публика устроила автору овацию (См.: Утро России. 1915. 27 окт. № 295).

26 Голоушев Сергей Сергеевич (1855—1920), писатель, критик, художник. Врач по образованию. Близкий друг Андреева. Бывал у Андреева в гостях в Ваммельсу. Вместе с Голоушевым (псевдоним Сергей Глаголь) Андреев (под псевдонимом Джемс Линч) в 1902 г. в Москве выпустил сборник театральных фельетонов “Под впечатлением Художественного театра”. Андреев посвятил Голоушеву пьесу “Тот, кто получает пощечины”.

27 Излюбленная у приезжающих в Москву литераторов гостиница. Находилась рядом с Кремлем (Тверская, 3).

28 Упоминаемое письмо Андреева к Коршу не найдено. Принятая в труппу театра Н. А. Чукмалдина сыграла в комедии М. К. Константинова “Няня” (премьера 2 сентября 1916 г.). На сцене Чукмалдина скоро выделилась как характерная актриса на роли комических старух. В шедшей у Корша пьесе Л. Андреева “Дни нашей жизни” она исполнила эпизодическую роль “девицы” на Тверском бульваре. Позже в этой пьесе играла Елизавету Антоновну.

29 Вместо “Младости” Андреев предложил Коршу завершенную им в середине ноября 1916 г. пьесу “Милые призраки”. В письме Андрееву от 3 декабря 1916 г. (Отдел рукописей ИРЛИ. Ф. 9. Оп. 3. Ед. хр. 26) Ф. А. Корш без энтузиазма соглашался поставить “Милых призраков”, но высказывал опасение, что пьеса с таким мрачным сюжетом может не иметь кассового успеха. В этой связи возмущенный Андреев 8 декабря 1916 г. писал С. С. Голоушеву: “Мне это и в

этой связи возмущенный Андреев 8 декабря 1916 г. писал С. С. Голоушеву: "Мне это и в Художественном надоело, чтобы я еще с Коршем стал тянуть волынку. Да и рассердил меня Корш. Когда он не взял "Младости", я горячо пожал ему руку и обещал дать другую. Даю пиесу (...), и он отвечает кислым письмом, будто я ему на мозоль наступил. Что за свинство! (...) Ведь я для этого полуумного старца шел на большие убытки" (РГАЛИ. Ф. 734. Оп. 6. Ед. хр. 10. Л. 19).

30 Добров Филипп Александрович (1869—1941), московский врач и общественный деятель. Был женат на сестре первой жены Андреева Елизавете Михайловне Велигорской. После кончины Александры Михайловны Андреевой в семье Добровых воспитывался второй сын Леонида Андреева — Даниил. Помимо родственных отношений Андреева связывала с Добровыми долгая дружба (Митрофанов В. П. Леонид Андреев и семья Добровых // Андреевский сборник: Исследования и материалы. Курск. 1975).

31 Оригинальная трагедия-мелодрама "Тот, кто получает пощечины" была закончена Андреевым 4 сентября 1915 г.

32 Певцов Илларион Николаевич (1879—1934). В 1915—1920 гг. актер Московского драматического театра. В пьесе "Тот, кто получает пощечины" исполнял роль клоуна Тота.

33 После перенесенного сердечного припадка Андреев 8 февраля 1916 г. поступил в клинику доктора Л. Абрамова (Петроград, Тверская, д. 10). В клинике Андреев находился до 7 апреля 1916 г.

Публикация В. Н. ЧУВАКОВА

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., б. д. («Наденька! Я потому молчу, что отношение мое...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 492—493.

7

Наденька! Я потому молчу, что отношение мое к тебе все утыкано противоречиями. То я совсем не думаю о тебе, то чувствую дружбу — а то очень много думаю, больше, чем полагается для истинного христианина, злюсь от глупого желания тебя обнять. Всю жизнь мы живем с тобою в какой-то неправде. Когда прежде мы жили отдельно, и ты отвратительно вышла замуж — это была неправда. Потом, очень недолго, мы пробовали жить вместе и близко — опять вышла неправда. Говоря по правде, мы ужасно сглупили: поторопились увидеться и все прочее. Получился диссонанс и кривизна, сон отравил действительность — хотя и не убил ее. Теперь мы опять живем отдельно и друг другу чуждо — и опять неправда. Да, я хочу увидеться с тобою, и это ничего не стоит сделать... но как увидеться?

Скажи мне, Надя, когда мы виделись с тобой в Орле — ты любила меня немного? И вообще любишь ты меня (о Господи, немного!), или это я один чувствую неправду, а ты великолепно наладилась, стала равнодушна, спокойна, ничего антихристианского не хочешь?

Меня взлохматило то, что ты тогда в августе не приехала сюда — я обозлился. Потом ты написала два кислых дружеских письма — очень мне нужна твоя дружба! И вот что скажу тебе, Надя: или лучше нам с тобою совсем не видаться, или ?!

Вот ты и ответь мне, Надюшечка, беленькие зубки, которые мне отчаянно хочется поцеловать — ответь, а я подожду ответа. У тебя умная и хитрая голова: ты можешь пока ответить мне только принципиально. Тогда я приеду — тоже принципиально. А пока буду молчать, злиться и ждать и думать о жестокой бессмыслице наших отношений.

Подумай, Надя: наступит время, и мы оба умрем, и из нас вырастет лопух15, и никому не будет дела до этих двух покойников под крестами: правда они или не правда. А они до смерти костлят

дела до этих двух покоиников под крестами: падали они или не падали. А еще до смерти наступит худшее: старость, холод, бесплодное и одинокое сожаление. Вот тебе сказочка, сочинил сейчас для нас с тобою16. Была белочка с беленькими зубками, смеялась потешно, и послал Бог белочке орешек — кушай, белочка! А белочка была благоразумна и говорит: сейчас скушаю, а что потом будет? Нет, лучше спрячу я орешек до черного дня. Спрятала орешек и только любуется им по воскресеньям. Но вот наступил и черный день, вынула белочка орешек с упованием — а разгрызть-то и нечем!

Если это и не мудро, то достаточно выразительно. До свидания, Надечка моя милая — целую тебя принципиально, очень крепко, очень безнравственно, очень мудро и очень, очень безнадежно. Ответь мне по совести.

Твой Л.

Тебя не шокирует ремингтон? — уж очень я привык к нему. Но все равно — и чернилом целую тебя.

Андреев Л. Письмо Чукмалдиной Н. А., б. д. («Милая моя Надечка! Посылаю тебе копию письма моего к Коршу...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 494—495.

12

Милая моя Надечка! Посылаю тебе копию письма моего к Коршу, отправленного нынче, одновременно с этим. Тебе надо будет дня через два зайти к нему с прилагаемой карточкой, авось что и выйдет20. Если покажется, что я написал ему нехорошо, не сердись — ей-Богу, я лучше не умею. И то, когда писал, выражение у меня было, как у головы сахару — сладкое и к хвосту острое. О результатах сообщи. Если ветхий Адам откажет, пущусь в тяжкие и буду просить самого Немировича-Данченку, докажу, что ты Х(удожестве)иному необходима, как и мне. Весной я буду много говорить с Данченкой и с ним вообще я могу просто.

Что за чертова у тебя судьба! Это тебя Бог карает, что тогда на Пречистенском бульваре ты отказалась быть моей женой — до сих пор не могу помириться с этой твоей глупостью! Ибо и я своею жизнью отнюдь похвастаться не могу, и с каждым днем становится она все тяжелее. Но ни писать, ни говорить об этом не хочется: свою глупость надо есть втихомолку, как краденые конфекты.

Мерзко то, дружок мой отдаленный, что здоровье у меня, как у поросенка с хреном, и особенно этот год. Отчасти, конечно, и волнения войны (между прочим, очень боюсь за брата Андрюшу21, хорошего малого, в которого все время стреляют) и главное — в самой середке нет этакого стержня, порою даже нет желания быть здоровым и бороться с подкрадывающейся смертью. Ты будешь плакать, Надечка, если я умру? Но это во всяком разе будет не так скоро, и мы еще повидаемся.

От последней встречи у меня осталось ужасное впечатление, которого я ничем закусить не могу, разве только новой встречей при более нормальных условиях. Одно утешение: что ты женщина умная — вероятно, умнее меня.

Сейчас почти внезапно разболелась голова, как окаянная. Она уже второй день болит, но теперь перешло всякие границы. Поневоле бросаю письмо. И вот так почти весь год! А работать надо, а неугасающая молодость зовет к удовольствиям, а весна на дворе, и скворцы возглашают свободу отношений — чтобы черт все это побрал!

Целую тебя.

Твой Л.

Твой Л.

Копия*

Многоуважаемый Федор Адамович!

Решаюсь Вас побеспокоить и усердно прошу за артистку Надежду Александровну Чукмалдину, мою давнишнюю хорошую знакомую и талантливого человека: нельзя ли принять ее в Вашу труппу на место ушедшей Виндинг22, на роли которой она как раз пригодна? Подробности о ней Вы можете узнать у Юрия П. Солонина23, а я со своей стороны искренне заверяю Вас, что для театра она будет полезна. Это человек не только очень талантливый; но и умный, но которому в жизни не повезло — ведь это частенько бывает. Молодость и лучшие годы для работы ушли на семейные несчастья и стремления выбиться из своего круга, а потом конкуренция и прочее... Вы сами это знаете. Я знал ее еще подростком; теперь ей года 32, что ли, но в одной из своих пиес я предназначал ей роль гимназистки. (В пиесе "Младость"24, которую я все никак не соберусь отделать окончательно для сцены и никуда не даю.)

Будьте другом, поговорите с нею сами, и при Вашей опытности и без моих слов — что она готова идти на меньший оклад, нежели Виндинг. А я со своей стороны приложу все усилия тому — как человек благородный — чтобы и на ближайший сезон не оставить Ваш театр без моей пиесы; кстати же, "Гаудеамус"25 идет у Вас так хорошо (об этом пишет мне и Чукмалдина), что и для меня постановка у Вас является настоящим удовольствием.

Три года я уже не был в Москве, просто даже стыдно; на будущий год буду непременно и сам погляжу на старого студента.

Письма А. М. Коллонтай к В. А. Маклакову

Каргаполова Н. А. Письма А. М. Коллонтай к В. А. Маклакову // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 499—500.
Александра Михайловна Коллонтай (1862—1952), первая в мире женщина посол; государственный и общественный деятель, организатор женского рабочего движения. Родилась в Петербурге. Отец — Михаил Алексеевич Домонтович, сын украинского помещика, генерал. Мать — дочь финского лесоторговца. Александра получила хорошее домашнее образование, после сдачи экзамена на аттестат зрелости получила право быть учительницей.

В 1893 г. в Тифлисе, куда был по службе отправлен отец, вышла замуж за офицера Владимира Коллонтая, с которым вскоре разошлась.

Знакомство в конце 90-х гг. с Е. Д. Стасовой способствовало становлению революционных взглядов Коллонтай. В 1903 г. она впервые выступила перед студенческой аудиторией. С 1906 г. она примкнула к меньшевистской группировке в социал-демократическом движении. Активно участвовала в революционных событиях 1905—1907 гг., была инициатором создания Общества взаимопомощи работниц. В 1908 г. эмигрировала. 1908—1917 гг. — период активной пропагандистской и агитационной работы Коллонтай в Европе и Америке. В 1912 г. в Петербурге вышла ее книга "По рабочей Европе". Накануне войны Коллонтай выехала из немецкого города Кольгрубе в Данию, затем в Швецию и Норвегию (Хольменколлей). В это время она порвала с меньшевиками, вступила в партию большевиков, вела переписку с В. И. Лениным. В 1915 г. Коллонтай получила приглашение от немецкой секции левого направления американской партии приехать в США для чтения лекций. В феврале 1916 г., закончив свое агитационное турне, вернулась в Европу. В августе возвратилась в США, куда приехал ее сын, студент Петербургского технологического института.

Василий Алексеевич Маклаков (1870—1957), адвокат, ученик Ф. Н. Плевако. С 1906 г. — член

ЦК партии кадетов, депутат II, III, IV Государственной думы (Материалы, связанные с Маклаковым, см.: “Российский Архив”. 1994. Выпуск V).

В феврале 1917 г. Коллонтай находилась в Норвегии, Маклаков в это время был назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции. В марте Коллонтай приехала в Петербург и вела агитационную работу среди вернувшихся с фронта солдат и матросов Балтийского флота. В июле она была арестована Временным правительством, после освобождения участвовала в подготовке и проведении Октябрьского восстания в Петрограде. Маклаков после Октября эмигрировал.

Публикуемые письма Коллонтай входят в состав личного архива Маклакова, хранящегося в ОПИ ГИМ (Ф. 31. Ед. хр. 28), и относятся к годам ее эмиграции (1911—1915 гг.). Письма не датированы, даты определены, где возможно, по почтовым штемпелям.

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А., б. д. («Шлю Вам эти строки с той стороны...») // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 506.

13

Шлю Вам эти строки с той стороны земного шара: когда у нас день, у вас — ночь. Seattle — преддверие Аляски, город-гриб, выросший на случайных богачах, возвращающихся с зол(отых) россыпей. Сейчас это блистательный порт к Японии и Сибири. Манит сесть на пароход и удрать через Сибирь в Россию — надоело скитаться по шумной и все же однотипной Америке. Надоели интервьюеры с нелепыми вопросами, переезды, отели, новые, чужие, редко интересные люди... А между тем считается, что мой тур “is a great success”*. Может быть, увидите меня в кинематографе, в ам(ериканских) фильмах. Работаю “по-американски”. За 42 дня, что я в Америке, пробыла на поездах 81/2 суток и говорила на 39 митингах!..

Вспоминала Вас в Калифорнии — это почти тропич(еский) юг и удивительно богатый красками, роскошью природы. Ривьера после Калифорнии кажется такой мизерной, игрушечной, бедной.

Особенно возле Лос-Анжелеса.

А все-таки именно теперь все настойчивее хочется в Россию. Мысль несется упорно в Ваши края и злит оторванность и неосведомленность. В ам(ериканских) газетах — информация безобразная, масса сенсаций и так мало серьезных и достоверных фактов.

Будет свободная минута — напишите мне по след(ующему) адресу: A. Jngerman (pour A. Kollontaj) 1843 Madison Avenue. New-York (city).

Вы знаете, я всегда рада знать, что с Вами и, также как и Вы, дорожу всякими “возможностями”.

Теплый привет!

АК.

Ваше письмо сюда получила. И поняла, “оценила” поступок с-деков по поводу Вашего выступления в Думе по делу с(оциал)-д(емократических) депутатов. Ну и хороши наши!

Из Сиэтла

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 5 июня 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 500.

1

-

И Вы, и я не любим ничего предрешенного, преднамеренного, а поэтому предоставим нашу следующую встречу — случаю. Через неделю покидаю Париж и еду, вероятно, на Рейн, чтобы встретить сына и вступить во исполнение своих “материнских обязанностей”.

Мой постоянный адрес остается Grunwald. Привет.

А. Коллонтай.

А все-таки, всякие “упрощения” — неинтересны...

(Отправлено 5 июня 1911 г.)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 16 июня 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 500.

2

Нет, к сожалению в конце июля меня в Берлине не будет. Мы с сыном путешествуем по Рейну и в тихих немецких деревнях, далеко от иностранцев и туристов, наслаждаемся мирными картинами полей, садов и виноградников. Вероятно, в конце июля н(ового) ст(иля) поедем куда-либо к морю. Вот и все, что могу пока Вам сообщить о моих летних планах.

Как подвигается Ваш интересный процесс? Куда поедете на отдых? А что в России нового?

А. Коллонтай.

Мой адрес пока: Koln, poste-restante, оттуда пересылают.

(Получено 16.6.1911)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 16 июня 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 500.

2

Нет, к сожалению в конце июля меня в Берлине не будет. Мы с сыном путешествуем по Рейну и в тихих немецких деревнях, далеко от иностранцев и туристов, наслаждаемся мирными картинами полей, садов и виноградников. Вероятно, в конце июля н(ового) ст(иля) поедем куда-либо к морю. Вот и все, что могу пока Вам сообщить о моих летних планах.

Как подвигается Ваш интересный процесс? Куда поедете на отдых? А что в России нового?

А. Коллонтай.

Мой адрес пока: Koln, poste-restante, оттуда пересылают.

(Получено 16.6.1911)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 24 июля Holmtnkoller // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 506—507.

24 июля

Holmtnkoller

Только что Ваше письмо от 23 июня.

Неужели не шутя подумали, что обиделась? А уже “ревновать”. Да разве у таких, как Вы и я, бывают такие переживания? Или забыли, что и у меня полная атрофия этого несносного, а может и интересного чувства? Когда получила Вашу телеграмму, просто пожалела, что не повидаемся. А потом “госпожа Жизнь” начала чертить пестрые узоры — деловые, личные, и было как-то не до писем.

Зато следила за Вашими речами. Первое ваше выступление по кр(естьянскому) вопросу было очень сильно, отчетливо, удачно. Дальнейшие меньше удовлетворили. Зачем так много “правизны”? А сами — были ими удовлетворены?

Недавно улыбалась, слушая, как приезжий киевлянин “хвастался” знакомством с Вами и тем, что знает “интимные стороны” жизни “самого Маклакова”. Рассказывал о прелестном юном существе, евреичке, которая крестилась ради Маклакова, и ему пришлось “таки с ней повенчаться и закрепить увлечение “зак(онным) браком”.

Сколько всегда о Вас рассказывают! Любопытно слушать и улавливать, где кончается правдоподобное, то что Вам свойственно, или что не противоречит Вашему облику, и что переврано, навязано, выдумано.

Где и когда встретимся? Через 10 дней вместе с сыном (жду его из России) едем, вернее плывем за океан. Сын едет на работу в техн(ическую) кам(панию).

Надолго ли Новый свет? Не знаю.

А терять Вас не хочу. Ведь мы же еще не съездили в Египет!

Мой адрес: Hotel Marie Antoinette. Broadwey New-York.

Приезжайте в Америку!

АК

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 11 сентября 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 500—501.

3

Тут что-то есть, чего я не понимаю и что не вяжется с Вашей психологией... Отчего Вы не ответили на мою открытку? Даже, если бы Ваши “условия” за этот промежуток еще усложнились и Вы, проезжая через Париж, не имели бы времени, чтобы повидаться — Вы все же могли черкнуть словечко и объяснить “просто” — сейчас дела устроились и с “друзьями” устраивать встречи некогда. Единственное объяснение — события в России, смерть Столыпина1 и все, что с этим связано... Но и тогда... Нет, это не то. А между тем, я не раз думала о том, как-то Вы “разобрались” во всей сложности комбинаций? Удалось ли всех примирить и совместить? Почему-то чаще задумывалась над Киссинген(?)... Мне — ее жаль. Все это прекрасно, когда имеешь двух равных контрагента, кот(орые) знают чего они хотят и ne font pas d’illusions*. Но Киссенген(?) Мне кажется, что для нее это будет или было, больше, une passade** и поэтому-то я и давала Вам те советы в открытке...

Василий Алексеевич Маклаков. 1900-е гг.

Что касается моих планов, то как я и обещала Вам — ничего не удалось. Зато — попала на горячую, агитационную работу здесь, у французов. Бунтую менажерок***.

Все же оставила свободные часы на те дни, когда Вы были в Париже, чтобы повидаться.

Но, так как Вы не ответили... На всякий случай сообщаю свой адрес до 10 окт(ября) нов(ого): ст(иля) Rue de Rennes, 71, chez Gosset. Затем poste-restante Paris, т. к. еще не определилось: останусь ли здесь или вернусь в Германию?

Можете не вспоминать меня, когда у Вас все будет идти “гладко” и хорошо. Но даже на Вашем пути, устланном всяческими успехами, встречаются “шипы”, вот тогда, пробьются тучки или просто захочется поговорить “по душам”, “попросту” — тогда можете вспомнить обо мне. По рукам?

АК.

Книгу получили?

А что сейчас в России? Как, как отразились “события”? Мысль настойчиво бежит туда.

(Получено 11.9.1911)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 7 октября 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 502.

4

Как давно, давно я не беседовала с Вами, а между тем хотелось бы знать, что с Вами? Как настроение и здоровье? И как распутались все сложности? Почему-то, кажется, что Вы сейчас в трезво-деловом настроении и что все, что относится к “бабам” — Вами отметено в сторону... Ну их... Да и не удивительно, сейчас у Вас там столько событий и, пожалуй, пульс жизни усилился?

Если не писала, то вините Ваш “безумный Париж”, где лихорадочная общественная жизнь ловко и незаметно переплетается с личными переживаниями, то яркими и заманчивыми, как вечерние огни Парижа, то земными и мутными, как воды Сены в дождливые дни. Читая Ваши строки, я особенно Вас понимала и сочувствовала... Если б Вы знали, в каком я сейчас “запутанном клубке”! И, несмотря на это, как видите, пишу Вам. И хотела бы знать о Вас, хотела бы слышать о Вас только хорошие, утешительные вести... В последнем письме проскальзывали совсем не позволительные минорные нотки. Для них еще рано. Такие мысли о болезнях можете отложить лет на 20. Это чисто русская манера преувеличивать свой возраст и воображать, что лучшая часть жизни позади. Какая ошибка! Я замечала, что после этаких “пессимистических” настроений жизнь непременно подарит ярким, неожиданным сюрпризом радостей... Разве Вам это не знакомо?

Мне хочется знать, что Вам хорошо. Странные наши отношения! Мы могли бы быть des bons Camarades*, и Вы это знаете — у меня к Вам, право, много “хорошего” тепла, вот почему и предлагаю вспоминать обо мне даже и тогда, когда не до “баб”. Здесь ведь нечто иное, своеобразное. Пожелайте и мне распутать мой клубок, хотя сейчас — это кажется делом — безнадежным...

Всего, всего хорошего и светлого.

АК.

Пишите на Rue de Rennes, a Poste-restante, Burau de Poste, 71, Paris XVI.

(Получено 7.10.1911)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 18 декабря 1911 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 502.

5

Знаете, это все-таки странно: как жизнь ни закручивает, каких только сложных комбинаций не сочиняет, а вот хочется знать о Вас, и было бы досадно и неприятно, если эти своеобразные нити, что протянуты между нами, — оборвались. О Вас я имею сведения по газетам, знаю, когда и что говорили. Когда “не выдерживали”, перебивали ораторов, но это все “официальная сторона”. Хотелось бы услышать и о другом, хотелось бы потолковать с той непринужденностью и правдивостью, которая дает беседе особую, неповторимую прелесть. Я молчала долго, но при таком запутанном клубке событий писать Вам было бы слишком сложно. Но думала нередко: вот бы рассказать Вам этот или другой “психологический эксперимент”. Только Вы и сумели бы “оценить” его, понять красоту и, если хотите, муку этих запутанных событий...

Сейчас я оторвалась от Парижа и снова одна, и снова на работе: агитационные турне, работа среди шахтеров, металлистов, в закопченных фабричных городках, на копях, среди гор каменного угля... И это захватывает. Эти аудитории с тысячью и более слушателями, процессии и манифестации после речей, эти грандиозные кооперативы, построенные на грошовые взносы — в этом захватывающая, волнующая красота... А все-таки: увидимся ли, когда и где?

В Бельгии пробуду до самых последних чисел декабря (н(ового) ст(иля)), думаю в янв(аре) выехать в Берлин. Напишите сюда на Hotel Cosmopolite, когда будете проезжать через Берлин и куда поедете? Хотелось бы расспросить о переживаниях, но этого все равно в письме не расскажешь. Все-таки, надеюсь, увидимся и тогда потолкуем. Самый хороший искренний привет.

А. Коллонтай

(Получено 18. 12. 1911)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 4 апреля 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 503.

6

Располагайте временем, как для Вас удобнее. До середины мая я здесь, в Берлине. Буду рада повидаться, когда бы ни встретились.

Много есть, что рассказать, а еще больше хочется услышать про Вас и от Вас.

Успеха и бодрого, подъемного настроения. Дружески жму руку.

Значит до 20 мая?

АК.

(Получено 4.4.1913)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 20 июня 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ:

Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 503.

7

Дойдет ли до Вас мое письмо? Ваше нагнало меня с большим опозданием в туманной Англии. Нахожусь сейчас близ Манчестера, в текстильном районе.

Думаю все лето пробыть в Англии. А Вы?

Разумеется, буду рада повидаться.

Доверия к Вам не потеряла, мне ли не знать "превратности", какие вечно стерегут нас на нашем пути?!

Мне ли, "холостой женщине", не знать, как не свободны располагать собой холостые мужчины? А чем же кончилась Ваша печальная парижская история? Было досадно за Вас и как "товарищу" — Вам сочувствовала. Все-таки подобные "переживания" действуют на нервы и оставляют какой-то неприятный привкус.

Надеюсь, что хоть сейчас горизонты личные у Вас светлее, чем наши общие политические горизонты. Впрочем, я не так мрачно, как Вы, гляжу на положение вещей. У нас, т. е. "в низах" идет своя работа, медленное, но верное строительство.

Если уже заговорила с Вами не на личные темы, то решаюсь обращаться с просьбою, но разумеется, исполните ее только, если успеете и если это Вас не очень затруднит.

Мне нужны стеногр(афические) отчеты заседаний 3-ей Государственной) Думы, в которых шло постатейное обсуждение страхового закона 23 июня 1912 г. Собственно, заседание, в котором разбиралась статья 56 (пособие участникам кассы — роженицам)2.

Если б Вы могли мне выслать эти отчеты по адресу Poste-restante, London, General Poste-office,

была бы Вам очень, очень признательна. На днях написала об этом нашим, но "наши" в таких случаях ужасные растяпы. Повторяю, исполните просьбу только, если это не очень затруднительно.

Напишите, где и когда будете?

Адрес: London p. 7. Надеюсь — до встречи.

АК.

Если не удастся выслать отчетов, пожалуйста, не извиняйтесь — значит было неудобно, и я это пойму. А где будете — напишите.

(Получено 20.6.1913)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 23 июля 1913 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 503—504.

8

Получила и Ваше письмо и думские отчеты. Но сесть за письмо, чтобы сказать Вам спасибо, большое спасибо за хлопоты и милое внимание, все не удавалось.

Все-таки жаль, что Вы не будете за границей это лето. Хотя вполне себе представляю, что Вас

Все-таки жаль, что Вы не будете за границей это лето. Хотя вполне себе представляю, что Вас потянуло в деревню. Завидую Вам. Хочется русского воздуха, даже если там и дышится трудно. Строю планы, чтобы тем или иным путем приехать в Петербург.

Может быть, повидаемся тогда. Или Вам там неудобно видаться с (едкой)?!

Почему все-таки закрыли наши газеты? Неужели сгущается реакция? Когда же этому конец? А наши один за другим едут в Россию, на что-то надеются... Но "Он" уже давно не пишется с большой буквы... Разве это может быть так долго у таких, как мы с Вами?..

А все-таки хотела бы послушать, что с Вами было за то время?

Насколько запутаны были рисунки жизненных узоров?

Хорошего отдыха и хорошей, продуктивной работы.

Еще раз спасибо за отчеты.

Мой адрес до конца авг(уста): 113, Marine Parade Wortting (Sussex), England. Затем — London, poste-restante.

АК.

(Получено 23.7.1913)

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 17 июля 1914 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 504—505.

10

Все-таки в наших встречах есть "своеобразие", а значит своего рода прелесть. Когда

попрощались вчера, легкой дымкой прошлось по душе не то сожаление, не то беспокойство. Будто мелодию прервали, не дав дозвучать. И сегодня еще не изжить вчерашний день, мысли от корректуры убегают во вчерашнее, что-то ищут, но уже нет сожаления, что мелодия прервана, нет и грусти, осталась лишь улыбка — невольная улыбка над нами обоими... Ну, послушайте, разве не смешно, что мы оба в этом случае очень похожи? Что мы одинаково отдаем друг другу должное, прекрасно ценим то, что в другом (нрзб.), есть даже интерес, и все-таки... Интерес-то удивительно "головной"! Не скучно, наоборот. Есть и малая частица любопытства: как могло бы быть? И все же — ничего не дрожит в душе, не загорается... И смешно, когда оба "от ума" хотели заставить себя перейти к "эмпириям". Вместе — легко, не скучно, но как-то по-товарищески. А мы против этого бунтуем. И я Вас вчера на этом поймала. Совсем Вы были далеки от всяких "эмоций", но когда мы подъезжали к отелю, Вы вдруг почувствовали беспокойство: как же так, не естественно? А как же полтора часа? И оба попробовали "настроиться". Но вопрос остается вопросом. Условия ли виноваты или этот интерес так навсегда и останется "головным"?! Ну, как же теперь не улыбаться? И все-таки, право же, у меня к Вам ужасно хорошее отношение. Ведь я Вам отдаю "должное" и умею "оценить".

Сегодня даже набросала Ваш силует в моих "Записках". И, знаете, по-моему самое неяркое, неиндивидуальное в Вас — Ваши отношения к женщинам. Чтобы Вас характеризовать — надо искать совсем других струн Вашего душевного склада. Вы не из тех, кого характеризует "любовная жизнь". И это любопытно именно в Вас, в жизни которого вечно вплетаются вереницы женских образов. Но разве Вы их различаете? Для Вас они все на одно лицо в смысле душевного облика. Разве Вы когда-нибудь слышите то, что делаете у женщины на душе? На то у Вас просто нет слуха. Здесь мы не похожи. Я, к сожалению, очень "слышу" то, что творится у моего партнера в душе, и это ужасно усложняет отношения. Но зато есть другая черта, которая

моего партнера в душе, и это ужасно усложняет отношения. Но зато есть другая черта, которая нас опять сближает: но Вы любите не ее, не ее индивидуальность, не ее любовь к Вам, а Ваши собственные переживания. Вы забудете имя, лицо, особенности женщины, как бы та ни была обаятельна, но Вы никогда не забудете, если с ней Вы сами пережили что-либо яркое, своеобразное. — Вам это знакомо! Но, что должно изводить их, будучи влюбленных в Вас женщин, это Ваше абсолютное неумение отражать лик любимой особы. Особенно если эти женщины не слишком серенькие, они еще больше мужчин любят иметь в лице партнера зеркало, в котором сами на себя могут любоваться. А Вы — сквозь самые редкие разновидности различаете только "видовое" или даже "родовое", как естествоиспытатель!.. Бедные они! Меня заинтересовал вопрос: чем же Вы их пленяете тогда? И я, кажется, нашла объяснение. Но это уже из области общей Вашей характеристики, то, что занесла на страницы своей тетради — "Записок".

Отдыхайте и работайте хорошенько. Ведь в общем ужасно интересно жить на свете!

После 20 июля н(ового) ст(иля) мой адрес: Kohlrub-Bad. Oberbayern. Hotel, Bayerischerhof.

Если забудете новый адрес, пишите на Grunewald, когда будет охота или настроение. В Вене буду с 20 авг(уста), poste-restante.

А. Коллонтай.

Вот еще что интересно: насколько у Вас, мужчин, легок переход от головного любования до эмоциональных переживаний? У нас это не так просто. Маленькое насилие над собой и получается отвращение. Тогда бросается в глаза неловкий жест, все смешное, все неэстетичное. И это неисправимо!..

(Отправлено 17.7.1914)

Каргаполова Н. А. Примечания: Письма А. М. Коллонтай к В. А. Маклакову // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 507.

1 Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), государственный деятель. С 1906 г. — министр внутренних дел, председатель Совета министров. Руководитель аграрной реформы в России. Правительство Столыпина распустило II Государственную думу.

2 Социал-демократическая фракция II Государственной думы, готовя законодательство о страховании рабочих, обратилась к Коллонтай с просьбой подготовить раздел о страховании материнства. Занимаясь в Британской библиотеке, она собрала огромный фактический материал и в результате исследований написала фундаментальный труд "Общество и материнство".

3 Малиновский Роман Вацлавович (1876—1918), рабочий, металлист. С 1907 г. — тайный агент полиции. На 6-й Пражской конференции в 1912 г. избран членом ЦК РСДРП, в том же году — депутатом IV Государственной думы от рабочей курии Московской губернии. С 1913 г. — председатель думской фракции большевиков. В 1914 г. скрылся за границей. Исключен из партии. Расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК в 1918 г.

Публикация Н. А. КАРГАПОЛОВОЙ

Коллонтай А. М. Письмо Маклакову В. А. 17 апреля 1915 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 505—506.

12

Неужели Вам в самом деле придется отсиживать два месяца? Когда? Где? А я думала, что Вы

совершите поездку по нейтр(альным) странам и по дороге навестите меня в Норвежских фиордах. Останусь здесь до июля нового стиля.

Получали ли немецкие газеты! Я высылала много раз “Berl. Tag.”, “Zokolanz”[re?], “Tagl. Rudsohau” и еще что-то. Интересно, доходят ли? Откликнитесь, если будет время. Пишу открытку, скорее доходят. Здесь война мало ощущается, были тревожные дни только во время начала морской блокады Англии. Жаль, что нельзя написать о многом, что хотелось бы рассказать. Эти несколько строчек только знак, что нить общения не порвана. Буду рада, если увидимся.

АК

Адрес: Turisthotel. Holmenkollen. Kristiania.

17.4.1915

Каргаполова Н. А. Примечания: Письма А. М. Коллонтай к В. А. Маклакову // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 507.

1 Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911), государственный деятель. С 1906 г. — министр внутренних дел, председатель Совета министров. Руководитель аграрной реформы в России. Правительство Столыпина распустило II Государственную думу.

2 Социал-демократическая фракция II Государственной думы, готовя законодательство о страховании рабочих, обратилась к Коллонтай с просьбой подготовить раздел о страховании материнства. Занимаясь в Британской библиотеке, она собрала огромный фактический материал и в результате исследований написала фундаментальный труд “Общество и материнство”.

3 Малиновский Роман Вацлавович (1876—1918), рабочий, металлист. С 1907 г. — тайный агент полиции. На 6-й Пражской конференции в 1912 г. избран членом ЦК РСДРП, в том же году — депутатом IV Государственной думы от рабочей курии Московской губернии. С 1913 г. — председатель думской фракции большевиков. В 1914 г. скрылся за границей. Исключен из партии. Расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК в 1918 г.

Публикация Н. А. КАРГАПОЛОВОЙ

Письма А. М. Коллонтай к В. А. Маклакову / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Н. А. Каргаполовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 499—507.

Воспоминания М. А. Рычковой. Женское движение 1917-го года

Воспоминания М. А. Рычковой / Публ. [вступ. ст. и примеч.] М. Сидоровой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 507—522. — Из содерж.: Рычкова М. А. Женское движение 1917 года. — С. 508—521.

В 1917 г. Временное правительство и командование армии, пытаясь поднять боевой дух в воинских подразделениях, поддерживало создание разного рода добровольных “ударных”, “штурмовых” частей, имеющих свой собственный устав, знамя, знаки различия. К их числу относятся и женские воинские батальоны.

Идея создания таких батальонов принадлежит М. Л. Бочкаревой, выступившей в мае 1917 г. с

Идея создания таких батальонов принадлежит М. Л. Бочкаревой, выступившей в мае 1917 г. с призывом: “Гражданки, все, кому дороги свобода и счастье России, спешите в наши ряды, спешите, пока не поздно остановить разложение дорогой нам Родины. Непосредственным участием в военных действиях, не щадя жизни, мы, гражданки, должны поднять дух армии и просветительно-агитационной работой в ее рядах вызвать разумное понимание долга свободного гражданина перед Родиной”*.

Женские отряды возникали в Москве, Киеве, Минске, Харькове, Симбирске, Вятке. Руководили женским движением Организационный комитет женского военного союза под председательством Е. И. Моллельсон и Всероссийский женский союз помощи Родине “Женщины за Отечество” во главе с М. А. Рычковой. В числе организаторов женских отрядов были также жена А. А. Брусилова — Н. В. Брусилова и жена А. Ф. Керенского — О. Л. Керенская. Заботу о женщинах-“добровольцах” взял на себя Союз георгиевских кавалеров.

На фронте побывали два женских отряда — Петроградский и Московский, участвовавшие в боях на Западном фронте. По мнению командования, “малое число женских батальонов не возымело никакого воздействия на общую массу войска, солдаты отнеслись к ним равнодушно, а иногда и враждебно”*. К январю 1918 г. большинство женских формирований прекратили свое существование.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. появился ряд публикаций о женском движении 1917 г.** Все они посвящены формированию Петроградского батальона и личности его организатора — М. Л. Бочкаревой. Были опубликованы отрывки из воспоминаний Бочкаревой “Яшка. Моя жизнь крестьянкой, офицером и ссыльной”***.

Воспоминания М. А. Рычковой существенно дополняют предыдущие. Воспоминания были написаны в Харбине в 1933 г. и присланы в Прагу в РЗИА, который собирал подобного рода документы. В настоящее время хранятся в ГАРФ в составе фондов РЗИА (Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 458).

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1917 года

1. Мисс Панхерст1.

Это было в дни разгула Керенского2 — этого кратковременного баловня судьбы и толпы. Вместе с ним гулял по России полный произвол и пресловутая “бескровная”, разнузданная свобода.

Москвы за короткое время нельзя было узнать — она и физически и духовно стала пролетарской: вся заплеванная, засыпанная окурками и шелухой семечек и митингующая.

Митинги, митинги без конца! Стоило остановиться двум человекам, чтобы через несколько минут собралась толпа, и машина заводилась на целые часы. Вечером и ночью скверы и бульвары являлись настоящими притонами разврата и наполнялись дезертирами, которые со своими дамами проводили там все ночи напролет.

В это время в Москву съехалось много иностранцев. Вероятно, они хотели почерпнуть что-либо из нашей свободы. Вот тогда-то один раз и почти мельком мне удалось повидать Мисс Панхерст — эту поборницу женского равноправия, английскую суфражистку. Меня интересовали она и ее деятельность, и я всегда прочитывала о ней все, что встречала в печати.

Одна из добровольниц женского батальона была сброшена неизвестным негодяем с площадки трамвая под колеса, и ей отрезало обе ноги. После операции она прожила только одну ночь. Расходы на похороны взял на себя женский союз “Помощь Родине”3.

Похороны были многолюдные и торжественные. В церковь явилось много англичанок, и среди

них мне указали мисс Панхерст. Это была старая, маленькая, худая женщина, очень скромно одетая и ничем не проявлявшая своей энергии и воинственности.

Под звуки торжественного и печального похоронного марша, исполняемого юнкерами Александровского военного училища4, процессия тронулась к кладбищу. Путь предстоял длинный. Кроме участников, как всегда, набралась масса любопытных и зевак, и улица заполнилась толпой так, что трудно было двигаться. Чтобы предохранить гостей-англичанок от давки, мы решили взять их под свое покровительство. Честь вести под руку мисс Панхерст выпала на мою долю. Но недолго пользовалась я этой честью: почти с самого начала мисс Панхерст стала обнаруживать волнение, далеко не соответствовавшее торжественному моменту. Вдруг она оставила мою руку, бросилась к толпе и стала всех участников расставлять рядами. Она, видно, забыла, что была не в Англии, а в России, да еще в 17-м году! Настойчиво, но тщетно она старалась навести порядок, который был прочно и надолго изгнан из России вместе с городовыми. Ряды сейчас же расплывались, толпа давила, толкала, и маленькая фигурка мисс Панхерст скрылась навсегда с моих глаз.

Уже здесь, в Харбине, я прочла о ее смерти.

2. Бочкарева Мария Леонтьевна5, младший унтер-офицер 28-го Полоцкого полка — крестьянка Томской губернии, в 1915 году поступила рядовым в 25-ый запасной батальон в Томске. Через непродолжительный срок она отправилась с маршевой ротой на пополнение полков. Бочкарева пользовалась среди солдат исключительной популярностью и 9-го марта, после убийства фельдфебеля и командира, повела в наступление солдат. Это наступление кончилось победой русских. Два раза Бочкарева была ранена в боях, но неизменно оставалась в строю. Но следующий за этим бой вывел Бочкареву из строя. Она оказалась раненой осколком в бедро и в бессознательном состоянии доставлена в лазарет. Четыре месяца потребовалось на излечение, и сейчас оправившись, Бочкарева прибыла в Петроград и в первый же день своего приезда посетила председателя Государственной) Думы Родзянко6, к которому обратилась за разрешением организовать маршевую роту женщин, чтобы послужить примером для мужчин-солдат, многие из которых поняли свободу не так, как ее следовало понимать. Женщина родила человека, — говорила Бочкарева, — и мы, женщины, должны показать, как надо спасти

родившуюся уже свободу. Бочкареву можно было видеть на улицах Петрограда в солдатской форме, украшенную многими боевыми знаками отличия.

Эта женщина-героиня, которая, любя Родину, решила посвятить всю свою жизнь на спасение ее.

27-го мая 1917-го года в московской газете “Русское Слово”7 появилось воззвание Бочкаревой “к русской женщине”, которое кончалось словами: “когда над матерью занесен нож, то не спрашивают, кто около — дочь или сын, а спешат спасать ее”.

Это воззвание всколыхнуло русских женщин, и в Москве быстро организовался 2-ой женский батальон8 и Союз “Помощь Родине”. Со всех сторон потянулись в Москву женщины и девушки. Ехали из Сибири и Украины. Как батальон, так и Союз быстро разрастались. Первый месяц был сплошным энтузиазмом и подъемом духовным и патриотическим. Но второй Бочкаревой не нашлось! Скоро в женский батальон был назначен командиром какой-то допотопный полковник; его сменил другой. Сейчас же появилась женщина-адъютант, принялись за организацию канцелярии, за вербовку женщин-писарей, и канцелярия заработала! Время тянулось. Двадцать пять лучших добровольниц было отправлено в военное Александровское училище. Батальон пополнялся... И потянулась жизнь в казармах по шаблону: нудно, монотонно, пока полковник Верховский9 не перевел женский батальон в соседние с мужскими казармы.

Женский союз почему-то был пристегнут к канцелярии генерала Михеева10, начальника военного Александровского училища. Там, конечно, комитет Союза не мог почерпнуть ничего ни оригинального, ни интересного. Итак, начинания женщин не дали ничего ценного и вызвали только нарекания, глумления и насмешки. А много бы могла сделать женщина тогда в тылу, в

Только нарекания, глумления и насмешки. А много бы могла сделать женщина тогда в тылу, в Москве, в дни общей растерянности, произвола и неразберихи, если бы только правильно поняла свою роль и не стремилась так к равноправию.

Вот тогда-то явилась в Москву Бочкарева пополнить свой отряд из московских добровольниц, чтобы вести его снова на фронт. Она приехала с двумя своими адъютантами: Скрыдловой и Ивановой и остановилась у Л-ской — члена Комитета женского союза. Понятно, многие пожелали посмотреть Бочкареву и познакомиться с ней. К нам вышла небольшого роста, полная, белая миловидная женщина в форме пехотного прапорщика, довольно снисходительно приняла нас, удовлетворила наше желание, рассказала кратко свою биографию, показала любопытные следы своих ранений. Ее попросили позвать своих адъютантов. "Молодцы!" — крикнула Бочкарева. Послышались торопливые шаги, и в дверях остановились в самой почтительной позе — руки по швам — две добровольницы. "Можете идти!" Налево кругом, и адъютанты скрылись.

В канцелярию батальона явились французские офицеры. Весь разговор Бочкаревой с этими офицерами переводился адъютантами Бочкаревой, отлично владевшими французским языком. На желание узнать, что побудило Бочкареву организовать женский батальон, она сказала: "Я знаю, что женщина как воин ничего ценного не может дать Родине. Мы — женщины только должны показать пример солдатам-дезертирам, как нужно спасать Россию. Пусть мы все погибнем — лишь бы они поняли свой долг перед Родиной! Дайте нам больше триумфа, проводите нас с музыкой. Вот все, что нам нужно — привлечь внимание!"

Потом Бочкарева прошла в казармы, где были рядами выстроены добровольницы, и обратилась к ним сначала с патриотическим воззванием, а затем предложила желающим пополнить ее отряд выйти вперед. Но добровольницы были уже не те. От энтузиазма, жертвенности не осталось следа! Солдаты-соседи сделали свое дело, и в женский батальон вступал всякий сброд. Поработали порядочно над разложением женской идеи — недаром батальон был переведен в мужские казармы.

Послышались свистки, смех, выкрики: "Не хотим идти с тобой! Иди одна умирать! Нам и здесь хорошо!" Все это пересыпалось крепкими словами. Картина была отвратительная. Выдвинулось вперед более двухсот добровольниц: это были все записавшиеся первыми. Из них много было интеллигентных, которых не могла коснуться пропаганда солдат и прочих ревнителей и которые рвались из казарм. С уходом этих добровольниц женский батальон перестал существовать. Гнусная цель была достигнута — добровольницы развращены и распропагандированы в большем числе.

Через несколько дней Бочкарева уехала со своим отрядом на фронт, но уехала не так, как хотела и просила. Отряд отправили с товарной станции далеко от центра Москвы, с пути, к которому трудно было добраться, и без всяких почестей и проводов. Мы из Союза явились, чтобы раздать добровольницам по дорожному пакету. Добровольницы все сидели уже в теплушках, украшенных ветвями. Бочкарева ходила по платформе, заложив руки за спину. Вид у нее был хмурый и недовольный, и она неохотно вступала в разговоры. Вскоре после второго звонка она поднялась на подножку своего вагона, крикнула: "третий звонок!", откозыряла нам, и поезд тронулся под веселые песни добровольниц.

С дороги добровольницы присылали письма. Писали о суровой дисциплине, но Бочкаревой и походами были очень довольны.

Как известно, Бочкарева и со вторым своим отрядом участвовала в бою под Креволи.

Многие находили и находят смешным и уродливым движение женщин 17-го года и смотрят на него как на никому не нужную жертву. Можно ли было в то время считать уродливым и неестественным какое-либо движение, когда вся жизнь у нас на Родине приняла такие уродливые формы?

Разве оставлено было женщине то, что считалось ее уделом: семья, дом, Родина? Все было

Разве оставлено было женщине то, что считалось ее уделом: семья, дом, Родина? Все было поругано и отнято почти с первых дней свободы.

А сколько женщин загублено, опозорено за эти годы!

Разве мало их погибло не на фронте, а на своей родной земле? Не лучше ли было бы и Бочкаревой погибнуть на поле битвы, чем принять ужасную, позорную смерть на Родине, которую она так любила до последней своей минуты! В 20-м году из советских газет мы узнали, что Бочкарева расстреляна в Витебске за контрреволюцию.

Чего бы не сделал и на что не пошел бы каждый из нас, если бы мог предвидеть грядущее тогда и пережитые потом годы позора, горя, голода и слез.

Живя сначала под тяжелым ярмом там, на Родине, а теперь здесь на чужбине, утешаешься мыслью, что и все строители "новой жизни" в России, если не погибли, то сидят не лучше нас в чужих краях и считают свои ошибки и промахи.

3. Баронесса София де-Боде.

София де-Боде, дочь начальника дивизии11, в 1913-ом году окончила Смольный Институт, в 1914-м году поехала на фронт к своему отцу и пробыла там, в команде разведчиков, восемь месяцев. Во время одной из поездок она упала с лошади, сломала ногу и была отправлена отцом в Москву, где находилась в то время ее семья.

Она явилась на одно из первых заседаний комитета "Помощь Родине". Трудно было в то время обратить на кого-либо особое внимание: в течение дня перед глазами проходило столько разнообразных лиц, жизнь приносила столько неожиданностей. Но де-Боде была одним из исключений. Своей выдающейся наружностью, изящным костюмом и манерой держать себя она привлекла общее внимание. Казалось странным видеть эту девушку в подобной обстановке. Еще более возросло удивление, когда она заявила, что пришла узнать, насколько серьезна организация, и что хочет записаться через комитет в отряд доброволиц.

Стрельба в цепи
На другой же день после этого представительницы Союза были приглашены к начальнику военного Александровского училища. Он почему-то и кем-то свыше (?) был поставлен во главе женского батальона и организации.

С нами отправилась и де-Боде в мужском военном костюме. Она была так хороша со своей шапкой черных кудрей, что каждый встречный юнкер, буквально, ломал шею, оглядываясь на нее и невольно напрашивалась мысль о "маскорде"*.

В канцелярии при первом взгляде на де-Боде генерал Михеев коротко приказал: "остричься!" Де-Боде была назначена при генерале Михееве ординарцем для связи с батальоном. С первого дня, как добровольцам отвели казарму, де-Боде переместилась туда. Среди добровольц она быстро завоевала себе общую симпатию и доверие. Добровольцы заявили, что за де-Боде они пойдут "в огонь и воду". Решено было, что после двух месяцев подготовки отряд, наподобие Бочкаревского, пойдет на фронт. Но судьба решила иначе: благородный и, чтобы там ни говорили, чистый и патриотический порыв был заглушен и превращен в никому не нужную и, может быть, вредную затею. Женщина живет чувством: бросается, если нужно, не думает — можно ли?

Потянулась казарменная, нудная жизнь. Время шло, а время — смерть порыва. В батальон вместе с военными инструкторами был назначен командиром старый полковник из запаса. Затем пришел запрос записать желающих и окончивших средне-учебные заведения добровольц в военное Александровское училище. Де-Боде была в числе их.

Женская организация в связи со всем этим принуждена была отвезти устав в Петроград для

Женская организация в связи со всем этим принуждена была отвезти устав в Петроград для утверждения Керенским. Это была тоже ошибка. Устав во многом стеснял Союз и налагал свои обязательства. Это были тесные рамки.

В то время, как в Москве ходил полный произвол и надвигались страшные октябрьские дни, женщины заняты были канцелярией и учились маршировать.

Не сумели женщины сорганизоваться, а главное, не осознали как следует того, что и они имели право вступиться за гибнувшую Россию и вовсе не на фронте.

4-го октября 1917-го года комитет Союза устроил в Юридическом собрании многолюдный раут в честь выпущенных женщин-офицеров. Приглашено было 400 человек. В числе приглашенных было много иностранцев. Говорились, как полагается, пышные речи, провозглашались торжественные тосты... Среди приглашенных был и писатель Арцыбашев12. На другой день он поместил в одной из газет того времени очень злую статью о ненужности жертвы. В статье, между прочим, почти дословно были такие слова: “женщины-офицеры напоминали подушки, перетянутые ремнями. Они пискливыми голосами произносили свои речи и кричали “ура!” в то время, как грубые мужики-солдаты, посмеиваясь и надуваясь, трубили в трубы”. Конечно, жертва оказалась ненужной: до сих пор советская власть грязнит наш Кремль и миллионы русских несут постыдное рабство. Но нужно вспомнить, что не прошло после того и месяца, как вспыхнуло восстание большевиков и что женщины-офицеры руководили юнкерами в то время, как тысячи и тысячи “грубых мужчин” сидели по своим углам. Де-Боде руководила отрядом юнкеров у Никитских ворот и сожгла двухэтажное здание “мебелированные комнаты”, в которых засел штаб большевиков. Она была ранена, но до конца оставалась на своем посту.

После страшных дней наступило затишье. Разрешено было даже с почестями хоронить жертвы. Отпевал и провожал до Братского кладбища павших юнкеров сам Патриарх. Тысячная процессия двигалась по улицам, по тротуарам которых шпалерами выстроился народ. В тот же день под стенами Кремля хоронились красные жертвы.

Через несколько дней, когда большевики опомнились от неожиданно быстрого успеха и осознали свою силу, начались их “деяния” и жестокая расправа.

Жуткие то были дни! Все сидели по своим углам. Де-Боде раза два была у нас в обществе каких-то офицеров. Они запирались в отдельную комнату и сговаривались о побеге на Дон.

Как-то под вечер на двор нашего дома въехал экипаж, и у нашего подъезда вылезла русская баба в тулупе, с большим платком на голове и с большими черными очками на глазах. Звонок. Мы все высыпали в переднюю. Несколько минут замешательства: очки сняты, сброшен платок, тулуп, юбка и перед нами прапорщик де-Боде. Вечер провели мы в тесном кружке; на ноге племянница перевязала ей еще не зажившую рану. Рано утром де-Боде исчезла. По ее желанию никто из нас не провожал ее.

Ехать решила она одна. На Дон к Корнилову13 добралась благополучно, участвовала во всем походе Корнилова и погибла в день его смерти в атаке под Екатеринодаром.

Во многих воспоминаниях о Ледяном походе Корнилова часто встречается ее фамилия.

4. Якубовская Мария Александровна.

Приступаю к самой трудной части своих воспоминаний, так как считаю невозможным в своем очерке обрисовать обаятельный образ Марии Александровны, так быстро промелькнувший в моей, да и вообще в жизни.

Знакомство наше явилось чисто случайным, но случай этот сыграл большую роль, очевидно, в судьбе моей и моих близких.

27-го мая 1917-го года в газетах московских появилось воззвание Бочкаревой к русским женщинам спасать Родину. К пяти часам вечера того же дня небольшая группа женщин с плакатами: “Женщине — дорогу! Женщина — вперед!” направилась с Бутырок на Скобелевскую площадь. Шествие это привлекло много любопытных, толпа быстро росла, и на Скобелевской площади набралось уже более тысячи человек. Между прочим, это было излюбленным местом москвичей для митингов.

Не успели пришедшие демонстрантки в маленькой речи объяснить цель своего выступления, как появились ораторы. Один из них, кронштадтский матрос, взобравшись на постамент одного из фонарей памятника14, затянул свою нудную, приевшуюся речь о мире “без аннексий и контрибуций.” Пора было уходить. Несмотря на просьбы инженера — организатора уличных митингов, женщины двинулись к Страстной площади, увлекая за собой почти всю толпу. Тут у памятника Пушкину опять начались выступления. Между тем группа около плаката росла. Уже вечером около Триумфальных ворот было решено не оставлять выступления без последствий. Сговорились собраться через три дня на частной квартире. Вот там-то и увидели мы впервые Марию Александровну. На собрание явилось около двадцати женщин, из которых был избран временный президиум. Мария Александровна показала свои необыкновенные организаторские способности.

Решено было 3-го июня устроить собрание, для чего был снят Актовый зал на Миусской площади, отпечатаны листовки с призывом к женщине посетить собрание. Листовки эти раздавались по улицам, расклеивались по стенам. 3-го июня собрание состоялось. Зал, вместивший пятьсот человек, был почти полон. Впускали только женщин. Начались речи с призывами к женщинам спасать Родину, помочь воинам, находящимся на фронте, обратив внимание на беспорядки в тылу. Одна из выступавших ораторш, обращаясь к женщине, обмолвилась фразой: “в борьбе обретешь ты право свое!” Этот эсеровский лозунг произвел впечатление разорвавшейся бомбы. После шума в рядах к кафедре быстро подошла взволнованная пожилая седая женщина и попросила слово. Это была только что приехавшая в Москву политическая ссыльная эсерка Сундукианц15. Она начала громить “несознательных” женщин, выступающих так несвоевременно в дни объявленной свободы, говорила против войны и обвиняла в плагиате. Речь ее была такой громовой, что одна простая казачка несколько раз

поднималась, сжимая кулаки, чтобы побить эсерку, и нужно было силой держать ее на месте. Нашлись еще оппонентки. Страсти разгорались... И вот, в это время двери широко раскрылись и в зал вошли парами первые женщины, записавшиеся в женский батальон. Их было около тридцати. На Миусской площади вокруг здания стали собираться любопытные; солдаты требовали впустить их; поднялся шум. Марии Александровне удалось не только успокоить толпу, но даже вызвать с ее стороны одобрительные и восторженные крики.

С этого дня женское движение стало разрастаться. Вероятно, из расклеенных по стенам Москвы листовок стал известен адрес частной квартиры. Каждый день являлись новые и новые лица: одни записывались в тыловую организацию, другие в батальон. Было очень много иногородних, которым негде было остановиться. Тогда отвели им отдельную комнату, среди которой положили матрас, и добровольцы пользовались им как подушкой, раскладываясь вокруг него на ночь. На кухне появился большой котел, а за хлебом ходили в Кремль.

Между тем начались хлопоты о приискании казармы и инвентаря, для чего ходили в Главный штаб. Батальоны уже существовали. Перед переходом добровольцев в казарму был назначен день, и к нам на квартиру явилось шесть врачей для освидетельствования добровольцев. Тогда добровольцев было уже более двухсот. Конечно, квартира не могла свободно вместить такого количества, и добровольцы стояли одна за другой по лестнице и по двору, ожидая своей очереди.

С раннего утра квартира напоминала улей: приходили, уходили, появились машины (соседи очень доброжелательно относились к добровольцам), нашлись мастерицы, и добровольцы стали обшиваться. Хлопотами и уменьем Марии Александровны комитет наш быстро был

сорганизован. На Учредительном собрании (1-ый Ушаковский пер., на Остоженке) был избран постоянный президиум. Мария Александровна была первым секретарем Союза. Появилась своя печать. Насколько велика была растерянность и беспорядок в Москве, можно было судить по тому, что печать эта открыла нам интендантский склад, откуда мы получили 1400 аршин материи и 200 пар ботинок австрийского образца, которые были привезены на квартиру. Торопились одеть добровольцев по просьбе капитана Скаржинского16 к выступлению георгиевских кавалеров17. Вскоре после этой демонстрации комитету Союза было предложено помещение на Арбате в квартире инженера Отрадинского, где находилась тогда Военная Лига.

Через канцелярию записывались в батальоны добровольцы, которых после записи отправляли для освидетельствования в Общество врачей-специалистов, помещавшееся тут же на Арбате, против Военной Лиги.

Средства Союза заключались из членских взносов и пожертвований. Несмотря на щедрые пожертвования, средств не хватало, и тогда по инициативе Марии Александровны решено было устроить кружечный сбор, который продолжался три дня. На помощь Союзу для сбора были командированы добровольцы. Через некоторые улицы протянуты были громадные плакаты. Сбор "женщине-солдату" дал более двадцати трех тысяч. При подсчете присутствовали члены Военной Лиги. Деньги были положены в Сберегательную кассу на Арбатской площади. Так кончилась созидательная работа Союза. Казалось, тут бы нужно было начать работать, и между тем все свелось на официальную и казенную ногу. После продолжительных прений отправлены были делегатки к Керенскому в Петроград для утверждения устава. В канцелярии за одним из столов сидела "делопроизводительница" на жаловании с журналами "входящих" и "исходящих", накоплялись бумаги, и жизнь Союза, бившая до сих пор ключом, стала замирать. После сбора среди добровольцев нашлась масса авантюристок. Подстрекаемые со стороны, они являлись с заявлением, что выходят из батальона, и требовали крупные суммы, опираясь на то, что сбор производился в пользу добровольцев. Жалобы их дошли до Совета солдатских депутатов, откуда явился один из членов. Но и он ничего не мог возразить на то, что пожертвования шли совсем на другие цели, а вовсе не на переодевание из одного костюма в другой. Правда, вскоре после этого посещения появилась статья в поганой газетке "Солдат"18, которая уличала Союз в том, что деньги были разобраны комитетом по карманам, но на этом дело и кончилось.

Строевые занятия

После ухода лучших добровольцев с отрядом Бочкаревой на фронт женский батальон перестал являться главной целью. Стало ясно, что обучение его затянется на месяцы и они не увидят фронта. Ссылались на то, что нужно ждать выпуска женщин-офицеров. На одном из собраний у генерала Михеева решено было формировать санитарные женские отряды. Для этой цели было занято под казармы пустовавшее тогда здание фабрики Бутикова. Но к тому времени уже стали назревать в России события, повлекшие за собою октябрьские дни.

Что представлял из себя женский батальон, когда вообще вся русская армия почти перестала существовать?

Участвовал весь женский батальон и Союз на встрече Корнилова. Вокзал был полон, но публика была особая. В то время в Большом театре происходило Государственное совещание19, и ни Керенский, ни кто другой из представителей власти на вокзал не явился. Говорились речи. Особенно хороша была речь члена Государственной Думы Родичева20, обращавшегося к генералу Корнилову как к единственной надежде России. Генерал Корнилов с вокзала поехал к Иверской и обратно. В его автомобиле возвышался во весь рост полковник Ген(ерального) Штаба Достовалов21 с георгиевским знаком в руках. (Достовалов позже признал советскую власть.)

Вскоре после того начались в Москве тяжелые дни. Большевики готовились к выступлению. Был тогда подходящий момент выступить женщинам — в батальоне было более тысячи

дооровolиц, но оатальон оыл переведен в соседние с мужскими казармы, распропагандирован и стал совершенно чужд Союзу. В дни выступления большевиков ему было воспрещено покидать казармы, и он бездействовал.

Генерал Половцев проводит строевой смотр

После кошмарных дней выступления комитет несколько раз собирался на частной квартире одной из членов Союза. Туда являлись, а многие и жили там, женщины-офицеры и санитарки.

Обсуждалась возможность помощи, кому бежать на Дон, кому просто выбраться из Москвы.

Таким образом женское движение, как вообще всякое движение, было ликвидировано. Начались тайные организации.

Потянулся 1918 год: голод, холод, мор, бесконечные декреты, обыски, расстрелы без конца. С М(арией) А(лександровной) мы больше не видались. Я знала, что она ездила с комиссией на закупку муки и, как обещала, привезла 42 пуда для некоторых из членов.

Жизнь, между тем, ставила самые ужасные условия: отопление стало, деньги обесценились, цены росли непомерно, квартиры уплотнялись.

Мы были лишены последнего удовольствия, так как у нас температура доходила до 5 ниже нуля.

Появились карточки. Мы, числящиеся по 4-ой категории, получали в день по 1/4 фунта черного хлеба.

Картофельная кожура и конская требуха казались отличной пищей. Молоко разбиралось еще у вокзала, около каждого продавца образовывался хвост, который двигался и извивался во все стороны, и часто милиционеры стреляли в воздух, чтобы навести порядок. Начались бесконечные и, иногда, бесплодные очереди. Еще у закрытых дверей, во избежание недоразумений, все присутствующие отмечались мелом на спине — “метка антихриста”, как называли это в толпе. Дрова раздавались служащим по ордерам. Нужно было самой с салазками идти на дровяной двор, самой грузить дрова и отвозить домой. Многие из близких не выдержали холодной и голодной жизни.

13 марта (19)19 года случай столкнул меня опять с Марией Александровной. Встреча эта спасла меня и некоторых близких от бессмысленного голодного прозябания.

Мария Александровна была тогда заведующей Д(етским) д(омом) (бывший Детский Очаг имени М. Н. Муромцевой22). М(ария) А(лександровна) как всегда, с открытой душой пошла на помощь и предложила мне вступить в Д(етский) д(ом) воспитательницей. Паспорт мой тогда был уничтожен, и она отлично обошла этот вопрос и провела меня в Д(етский) д(ом) заглаза, но вручив мне необходимое по тому времени свидетельство.

В первый раз, когда я посетила М(арию) А(лександровну), я застала в ее комнате маленькую кровать, застланную белоснежным бельем. В кровати сидел изможденный худой мальчуган и М(ария) А(лександровна) кормила его с ложечки яйцом, сбитым с сахаром. Это был один из питомцев Д(етского) д(ома), приведенный сюда в таком виде, что, казалось, он доживал последние свои дни. М(ария) А(лександровна) выходила его, и потом он выровнялся в хорошего мальчугана. За всю мою последующую очень кратковременную жизнь с М(арией) А(лександровной) я узнала, что это был ее метод. Каждый малыш, которого приводили в Д(етский) д(ом), проходил через ее руки. Она держала его в своей комнате до тех пор, пока он не свыкался с жизнью Д(етского) д(ома) и с детьми. Она умела осушать слезы и успокаивать боль.

Д(етский) д(ом) тогда уже находился на социальном довольствии и стал просто называться “Д(етский) д(ом) для детей и сирот социального обеспечения”. М. Н. Муромцева являлась туда

лишь гостьей. Дом был отобран у нее на полном ходу с детьми и инвентарем. Частная инициатива в корень пресечена. М(ария) А(лександровна) осталась заведующей еще с ее времени.

Д(етский) д(ом) сначала поразил меня своей неприглядностью. Дети в большей своей части встретили недружелюбно. Некоторые из них посещали еще учебные заведения, но там почти не учились и охотно сидели в Д(етском) д(оме).

Все мысли были направлены на еду. Продовольствия в 19-ом году выдавалось то много, то ничего. Приходилось обходиться своими средствами. Помещение для 50 детей было мало и находилось на 4-ом этаже. Но постепенно жизнь налаживалась. Обходили Совет и принимали детей по своему выбору. Дети подобрались прекрасные, и вскоре между ними и нами образовался очень тесный союз, и те три с половиной года, которые я провела в Д(етском) д(оме), являются для меня единственным светлым воспоминанием, вывезенным из советского рая. Мы ввели систематические занятия с детьми, и вокруг нас сплотился тесный кружок лиц, отдавших весь свой досуг детям. М. Н. Муромцева до самого своего отъезда в Париж посещала Д(етский) д(ом), обучала детей пению, режиссировала детскими спектаклями, для чего привлекала в Д(етский) д(ом) много интересных лиц. Вообще, искусство процветало! Мы все мечтали, что российский кошмар скоро кончится, и можно будет воплотить в жизнь ее идею устройства целого городка детей-сирот. Кажется, это была идея ее покойного мужа, и имелась земля под Москвой. Духовная пища для детей была так обильна, что они спокойно переносили и голод, и холод. Иногда в течение нескольких месяцев подряд отпускалось одно пшено, селедка и ржаной хлеб. Борьба с насекомыми была невозможна, так как мыла почти не выдавалось.

Прислуга или, как она называлась тогда, “технические служащие” почти враждебно относились к детям и нам, всячески стараясь подчеркнуть свое с нами “равенство”. М(ария) А(лександровна) умела каждого из них поставить на свое место.

Но не долго продолжалась наша дружная жизнь и работа. В одно со мной время в Д(етском) д(оме) стал бывать общий знакомый, присяжный поверенный Б.

Бывший плехановец, в то время он являлся, как и мы, “беспартийным”, т. е. врагом большевиков. Он работал в тайной организации, с которой и мы были связаны, обладал необыкновенным даром

слова, получил в свое время известность в Москве, при большевиках сидел в тюрьме, ездил по тайным делам организации по России и был, конечно, некоторого рода “героем” в наших глазах. Много интересных вечеров провели мы в нашем тесном кружке. Скоро М(ария) А(лександровна) стала его невестой. Это случилось совершенно невовремя и некстати.

В конце августа в Москву приехал агент Колчака, под фамилией никому ничего не говорящей. Он вошел в связь с Б., бывал у него и часто даже ночевал.

Как-то Б. взволнованный прибежал в Д(етский) д(ом), собрал нас и заявил, что по всей Москве идут обыски и аресты, что он сам сейчас спасся, выпрыгнув из окна второго этажа здания, где помещалось книгоиздательство “Задруга”, и что все, находившиеся там, арестованы. Сам он должен скрываться, но что необходимо предупредить некоторых лиц о происходящем. М(ария) А(лександровна) должна была идти на его квартиру и предупредить “Василия Васильевича”.

Напрасно я убеждала ее, что ходить не имеет смысла, что “В. В.” или скрылся или схвачен, так как за квартирой давно следили. Она решила идти. Вместе с ней пошла моя дочь, но около дома М(ария) А(лександровна), вручив ей кое-какие бумаги, посоветовала ей не подниматься на четвертый этаж и подождать на улице. Через четверть часа показалась М(ария) А(лександровна), окруженная красноармейцами. Дочь со Знаменки, следуя издали, проводила Марию Александровну до Лубянки, т. е. Чрезвычайной Комиссии, и прибежала в Д(етский) д(ом) заявить о случившемся. На другой день М(ария) А(лександровна) была переведена в Бутырки. Две недели она сидела там, а друзья принимали меры к ее освобождению. Носили ей по назначенным дням “передачу” и получали от нее записки самого бодрого содержания; в одной из них она писала:

“обо мне не беспокойтесь, сижу в самом лучшем московском обществе”. Как потом нам передавали, она в тюрьме пользовалась общими симпатиями, ее все баловали и прозвали “красным солнышком”.

От тюремных ее знакомых мы узнали о том, что ее очень часто водили на допрос и как смело она вела себя там. Это, вероятно, ее сгубило.

Через две недели ее перевели опять на Лубянку, и на другой день, в день Рождества Божьей Матери она была расстреляна в числе 75. По всей Москве по стенкам был расклеен скорбный список. О ней было сказано: № 25. Якубовская, Мария Александровна, 23 лет, кадетка, была в связи с агентом Колчака. (“В. В.”, между прочим, благополучно выехал из Москвы.) В этот же день были расстреляны Щепкины, Алферовы и др. Пробовали хлопотать о выдаче тела М(арии) А(лександровны), но напрасно.

Через несколько дней после смерти М(арии) А(лександровны) произошел взрыв в Гнездниковском переулке. Виновного не нашли. Бомба была брошена с дерева в окно комнаты, где заседали комиссары. Носился слух, что этот взрыв был местью за смерть М(арии) А(лександровны).

Б. остался жив и невредим. Несмотря на все угрозы, он ничего не предпринял, некоторое время жил в Москве, потом выехал и читал где-то лекции по истории фабричным рабочим.

После ареста и смерти М(арии) А(лександровны) мы долго ждали обыска в Д(етском) д(оме), но его не было. Мы сами сделали перемещение в своем коллективе и продолжали работу в Д(етском) д(оме). Перебывали у нас тайком и урывками несколько лиц из Отдела народного просвещения, чтобы высказать свое сожаление и сочувствие — и там у нее были друзья.

Незадолго до ареста М(арии) А(лександровне) предлагали вступить в кинематографическую студию. Со своей выдающейся внешностью и способностями она, вероятно, заняла бы одно из первых мест в созвездии Холливуда, но лихолетие нашей Родины звало ее совсем к другой деятельности, и она отклонила это предложение.

5. Попова Вера Алексеевна.

Вера Алексеевна происходила из очень богатой семьи Лушниковых, кяхтинских чайных торговцев. С ранней молодости увлеклась общественной деятельностью, страстно любила русский народ и была “народницей”.

Во время знакомства с нами она сильно поправела и, хотя и не проявляла особой религиозности, жила по завету Спасителя, всей своей жизнью исповедуя первую его заповедь: “возлюби ближнего, как самого себя”.

В нашем кружке она появилась вскоре после первого собрания. В квартире жизнь била ключем: около двадцати доброволиц жили у нас и каждый день собирались члены для обсуждения текущих дел.

Вера Алексеевна вся отдалась доброволицам, кроила, шила с ними, входила во все нужды и мелочи их жизни и объявила, что сама пойдет с ними на фронт в качестве сестры милосердия. (Ей тогда было 50 лет.) Мы часто подтрунивали над ней, когда видели, как она старалась не отставать от женского отряда, тренируя себя для будущих походов. Маленькая, тщедушная, болезненная, с очень плохим зрением, она выказывала необычную выносливость и терпение. За короткое существование женского батальона три доброволицы были сброшены под колеса трамвая. В(ера) А(лексеевна) облекалась в костюм сестры и проводила дни и ночи около несчастных, стараясь смягчить их предсмертные мучения. Ко всему немецкому относилась более чем подозрительно, и на одном из собраний нам пришлось расстаться с одной из очень ценных

членов — Блюмер — за то, что та отрицательно относилась к женскому батальону и была за тыловое движение женщин. Это время совпало с посещением нашего собрания капитаном Скаржинским, и В(ера) А(лексеевна) настаивала, чтобы Блюмер на нем не присутствовала.

За обедом

Несколько раз Блюмер пыталась войти с нами в связь, но Вера Алексеевна твердила только одно: “немка — провокаторша,” прося голосовать всюду против нее.

Так и не пришлось узнать: права ли была В(ера) А(лексеевна). Позже мы слышали, что Блюмер пыталась организовать женский кружок, но для какой цели?

Через пять месяцев все провалилось в бездну мрака и насилия!

С первых дней войны все симпатии В(еры) А(лексеевны) были направлены на военных и их семьи. “Родина в опасности” — этого было довольно для того, чтобы бросить все свои былые увлечения. Она удивлялась подвигу женщин и до конца твердила о том, что в подвиге этом было только “благородство”.

Она была одним из самых ревностных членов Союза. По просьбе капитана Скаржинского присутствовала в числе трех членов Союза на свидании капитана Скаржинского со Смидовичем23 в московской гостинице. Скаржинский просил, чтобы Совет рабочих и солдатских депутатов не чинил никаких препятствий демонстрации георгиевских кавалеров. Смидович сказал, что этот день будет “историческим” и народ сам покажет свои симпатии, но при этом заявил, однако, что фабрики и заводы будут работать, что ни один рабочий не выйдет на улицу, чтобы никаких призывов и прокламаций не было, что за этим будут следить. Всю ночь члены Союза просидели за работой, приготовляя значки и повязки для всех георгиевских кавалеров. На другой день в 7 часов утра назначен был сбор в гостинице “Бристоль” на Скобелевской площади. Дом Советов безмолствовал. Перед выступлением духовой оркестр не явился. Оказалось, всем оркестрам еще накануне было запрещено принимать участие в демонстрации. После долгих поисков, наконец, был найден небольшой, захудалый частный оркестр. Шествие, несмотря на все запреты и преграды, вышло грандиозным, но, конечно, не

достигло своей цели. Когда демонстранты вернулись на площадь, окна и двери дома Советов были плотно закрыты, балконы пустовали и только сквозь стекла видны были любопытные лица. Долго еще не расходилась на площади толпа народа. Вот тогда-то из дома Советов вышли и замешались в толпу провокаторы, возбуждавшие присутствующих, настраивая против войны и георгиевского креста.

Стрижка под машинку

Не менее грандиозной была демонстрация на похоронах юнкеров военного Александровского училища, жертв подавления беспорядков в Нижнем Новгороде. Это были не трупы, а останки растерзанных озверелой толпой юнкеров. Процессия растянулась по всей Тверской. На Братском кладбище24 собрались тысячи народа. Перед цинковыми гробами был устроен помост, с которого говорились речи. Выступали и от нашего Союза. Подавляющей была речь присяжного поверенного Б., который силой своего красноречия вызвал слезы у всех присутствующих.

Сильно волновалась В(ера) А(лексеевна) в день отъезда на фронт с Бочкаревой наших добровольниц. Все вышло не так, как предполагала В(ера) А(лексеевна). Несколько дней закупались и заготовлялись дорожные пакеты для отъезжающих.

Вера Алексеевна все годы любовно хранила все письма добровольниц с дороги и с фронта и вообще все свидетельства, касающиеся женского движения.

В страшные октябрьские события она бесстрашно ходила по городу под обстрелом в костюме сестры: носила пищу в Александровское училище, ухаживала за ранеными и поддерживала связь между училищем и выступающими. Ее же усилиями были уничтожены списки и книги нашего Союза и, когда большевики проникли в помещение (тогда уже на Арбате, над Обществом врачей-специалистов), они ничего не нашли, кроме библиотеки московского Об(ще)ства "Вестник самообразования", в котором мы работали и которое приютили у себя.

В начале 18-го года она провела моего мужа — Ген(ерального) Штаба генерал-лейтенанта Рычкова25, вернувшегося с фронта, в тайную организацию "Защита Родины и Свободы"26. Муж возглавил там военную часть. В мае 18-го же года муж получил задание организовать переворот в Казани.

Полковником Перхуровым27 был устроен переезд мужа и генерала Панова28 в Казань; вскоре после отъезда мужа таким образом был отправлен мой сын, штабс-капитан артиллерии, и потом племянник корнет Гершельман. Таким образом они избежали позорнейшей "регистрации офицеров" 1918-го года.

Тысячи офицеров были собраны в Алексеевском* училище, где просидели несколько дней в ужасных условиях, набитые туда до отказа. Охрана состояла из китайцев и латышей. По Москве ходили самые тревожные слухи, а потому с утра под стенами училища собирались близкие заключенных. Чтобы разгонять собравшихся, охрана стреляла в воздух. Выпускали заключенных по ночам в одиночку.

После переворота в Казани по всем стенам Москвы и в газетах были напечатаны приказы мужа о принятии мер против выступления коммунистов. Муж был объявлен вне закона как враг народа. После отступления белых из Казани я три года не имела вестей от мужа и, наконец, из совершенно случайных источников узнала, что он был Командующим войсками тюменского округа, а после крушения армии Колчака ему удалось добраться до Харбина.

Хотя оставаться в Москве было опасно, но, видимо, по Божьей воле, нас не тронули. Три с половиной года я прослужила в Д(етском) д(оме), до августа 23-го года работала в школах и только в 25-ом году, когда всплыло дело Савинкова, хватились и нас, но мы были уже в

Маньчжурии.

Близкие телеграфировали, чтобы мы больше не писали. С того времени прекратилась вся переписка с Москвой. Перестали даже писать питомцы Д(етского) д(ома), с которыми у меня была самая оживленная переписка.

За время пребывания нашего в Москве В(ера) А(лексеевна) заботилась о нашей семье, делилась последним и часто выручала в дни голода. С поступлением моим в Д(етский) д(ом) она весь свой досуг посвятила детям. В(ера) А(лексеевна) в совершенстве владела тремя языками и ввела в Д(етском) д(оме) систематические занятия. Таким образом нам удалось много детей провести в старшие группы, воспитывая их тайком в страхе Божьем. С самым теплым чувством вспоминаю я детей, прошедших через наши руки, и думаю, что эти ужасные года не вытравили из их душ добра и света. Кружок наш мечтал о создании идеального детского дома для детей сирот. Как нужны будут такие дома для миллиона беспризорных детей в дни возрождения России. Уцелеют ли только работники?

В 21 или 22 году В(ера) А(лексеевна) окончила педагогические курсы на английском языке и была приглашена читать лекции в Академии Генерального Штаба. Кроме того, она работала в библиотеке. Последнее время работала над составлением грамматики английского языка для обучения русских.

Очень ограниченная в своих потребностях, она весь свой паек и заработок отдавала нуждающимся. Многих она поддерживала!

Ее семья, как и она сама, была высококультурной: муж — литератор, раньше имел свою газету в Омске, потом работал, а одно время был редактором в “Русских Ведомостях”, сын — юрист, литератор.

В 23-м году мне удалось как школьному работнику взять годовой отпуск на выезд в Харбин и пришлось надолго, а может быть навсегда расстаться с друзьями. Из случайного письма из СССР я узнала о смерти В(еры) А(лексеевны).

Переходя через улицу, она попала под автомобиль, была смята и в тот же день скончалась.

Перед моим отъездом в Харбин В(ера) А(лексеевна) очень просила меня написать о женском движении.

Выполняю ее желание много лет спустя по памяти, не имея под рукой никаких свидетельств. Все документы и переписка мои погибли еще в СССР, а переслать свои В(ера) А(лексеевна) не нашла, видимо, возможным.

М. А. Рычкова

Харбин. 21 марта 1933 года

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Панкхерст (1859—1928), английская суфражистка — участница движения за предоставление женщинам избирательных прав во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. в Великобритании, США и ряде других стран.

2 Керенский Александр Федорович (1881—1970), адвокат, эсер (с 1917). Министр юстиции, военный и морской министр во Временном правительстве. Эмигрировал в 1918 г. Умер в США.

3 Имеется в виду союз “Женщины за Отечество”.

4 Среднее военно-учебное заведение для подготовки офицеров пехоты (1863—1917). Находилось на углу Арбатской пл. и ул. Знаменка. Комплектовалось молодежью из дворян. Срок обучения два года. С начала I Мировой войны перешло на 4-месячный срок обучения. В октябрьские дни было главным оперативным штабом контрреволюционного командования Московского военного округа.

5 Бочкарева Мария Леонтьевна (1889—1920), крестьянка Томской губ. В 1914 г. поступила вольнонаемным солдатом в 4 роту 5 полка 25 резервного батальона, была откомандирована в 7 дивизию 28 Полоцкого полка, в котором прослужила до февраля 1917 г. Переехала в Петроград, организовала первый женский батальон смерти.

6 Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924), один из лидеров партии октябристов, в 1906—1907 гг. член Государственного Совета, депутат Государственной Думы 3-го и 4-го созывов (1907—1917), с 1911 г. ее председатель. После февраля 1917 г. возглавил Временный комитет Государственной Думы, в период гражданской войны находился при армии генерала Деникина. В 1920 г. эмигрировал в Югославию, где и умер.

7 Либерально-буржуазная газета. Выходила с 1885 по 1917 гг. Издатель (с 1897 г.) — И. Д. Сытин. Редактор с 1902 по май 1917 г. — В. М. Дорошевич.

8 1-й женский батальон смерти имении Бочкаревой был организован в Петрограде.

9 Верховский Александр Иванович (1886—1938), генерал-майор, участник русско-японской и I

Мировой войн, с июля 1917 г. командующий войсками Московского военного округа. С 30 августа по 22 октября 1917 г. военный министр Временного правительства. В феврале 1918 г. вступил в Красную Армию. В 1920—1930-х гг. — на преподавательской работе.

10 Михеев Сергей Петрович (1869—?). В 1902 г. закончил Николаевскую Академию Генерального штаба, участник русско-японской войны, с 1916 г. начальник Иркутского военного училища, с августа 1917 г. начальник Александровского военного училища в Москве.

11 Боде, де, Августин Клементьевич (1871—1915), барон, из дворян Московской губ. Окончил 2 Московский кадетский корпус, Николаевское военное училище и Академию Генерального штаба. В 1908—1912 гг. военный агент в Вашингтоне. С 1912 г. начальник штаба 4 стрелковой бригады. На фронте с августа 1914 г. С октября 1914 г. командир 16 стрелкового полка. Смертельно ранен в бою 22 февраля 1915 г.

12 Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927), русский писатель, прозаик, драматург. До 1923 г. жил в Москве, не участвуя в литературно-общественной жизни, после уехал в Польшу, принял польское гражданство, жил в Варшаве.

13 Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918), генерал от инфантерии, ветеран русско-японской и I Мировой войн, в марте — апреле 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа, в июле 1917 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом, затем Верховный главнокомандующий. В августе 1917 г. поднял мятеж против Временного правительства, до ноября 1917 г. содержался в тюрьме в г. Быхове, затем бежал в Новочеркасск, где возглавлял вместе с М. В. Алексеевым Добровольческую армию. В апреле 1918 г. убит при штурме Екатеринодара.

14 Имеется в виду памятник генералу М. Д. Скобелеву. Установлен в 1912 г., снесен в 1918 г.

15 Сундукианц Мария Александровна (урожд. княжна Аргутинская-Долгорукова) (1863—?), с 1903 г. член партии социалистов-революционеров, содержала книжный магазин “Сотрудник”, издавала газету “Кавказское слово” — орган партии социалистов-революционеров на Кавказе, неоднократно подвергалась арестам, в 1911 г. выслана за границу, откуда вернулась в 1916 г., с

марта 1917 г. заведовала информационным отделом в Московском комитете партии эсеров. Арестована в 1922 г. в связи с процессом эсеров, освобождена в 1924 г. В 1924—1929 гг. работала помощником директора Государственной библиотеки Грузии.

16 Один из руководителей московского объединения “Союза георгиевских кавалеров”.

17 Союз георгиевских кавалеров образован в 1917 г. из Всероссийского объединения георгиевских кавалеров, созданного в 1915 г. Имел отделения в Москве, Киеве, Минске и других городах. Исполнительный орган — Центральный комитет — находился в Петрограде, руководил формированием ударных отрядов, в т. ч. женского батальона смерти. В августе 1917 г. по приказу Верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилова Союзом на фронтах началось формирование запасных полков георгиевских кавалеров. Они были введены в Георгиевскую бригаду, которая непосредственно подчинялась Корнилову. Союз активно участвовал в “корниловском мятеже” и после его подавления прекратил существование.

18 По-видимому, неподписанная заметка “В батальоне смерти”, опубликованная в газете “Солдат-гражданин” № 81 от 22 июня 1917 г.

19 Государственное совещание, созванное Временным правительством, проходило в Москве в Большом театре 12—15 августа 1917 г.

20 Родичев Федор Измайлович (1856—1933), один из основателей и руководителей партии кадетов. Депутат I—IV Государственных Дум. За выступления по еврейскому вопросу

черносотенная печать, как правило, называла его “жидовским прихлебателем”.

21 Достовалов Евгений Исакович (1882—1938), генерал-лейтенант, участник русско-японской и I Мировой войн, участник Белого движения на юге России, к моменту эвакуации из Крыма в 1920 г. был начальником штаба армейского Добровольческого корпуса. В сер. 1920-х гг. вернулся в Россию. (“Российский Архив”. 1995. Выпуск VI.).

22 Муромцева Мария Николаевна (1856—1917), певица, артистка товарищества “Свободная Опера” С. И. Зимина и Большого театра.

23 Смидович Петр Гермогенович (1874—1935), член социал-демократической партии с 1898 г., большевик, член Московского ВРК. В 1917 г. депутат Моссовета, член президиума Исполкома Моссовета, затем президиума ВЦИК и ВСНХ.

24 Братское кладбище открыто на землях села Всехсвятского близ Петроградского шоссе по распоряжению городской думы в 1915 г. для захоронения москвичей, погибших на фронтах I Мировой войны или умерших в московских госпиталях.

25 Рычков Вениамин Вениаминович, в 1915 г. генерал-квартирмейстер штаба 1 армии, после Февральской революции член Центрального штаба “Союза защиты родины и свободы”. С 1918 г. командующий войсками Тюменского округа. После поражения армии Колчака перебрался в Харбин.

26 “Союз защиты родины и свободы” — организация, основанная Б. Савинковым в 1918 г. в Москве. Ближайшими задачами Союза являлись: свержение советского правительства, воссоздание старой армии и продолжение войны с Германией. Союз строился по военному образцу, имел отделения в Казани, Ярославле, Рыбинске, Рязани, Муроме, Челябинске и др. городах Поволжья, организовал мятежи в Ярославле, Рыбинске, Казани. После провала восстаний в 1918 г. Союз прекратил свое существование.

27 Перхуров Александр Петрович, полковник Генерального штаба, в 1918 г. начальник Центрального штаба “Союза защиты родины и свободы”, руководитель мятежа в Ярославле.

После подавления мятежа сражался в армии Колчака. Затем служил в штабе Приуральского военного округа, в 1922 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного трибунала.

28 По-видимому, Попов И. И., генерал-майор, руководитель офицерской группы в Казани, которая должна была поддержать восстание, организованное “Союзом защиты родины и свободы”. Расстрелян ВЧК в 1918 г.

Публикация М. СИДОРОВОЙ

Дневник Матрены Григорьевны Распутиной

Дневник Матрены Григорьевны Распутиной / Публ. [вступ. ст. и примеч.] Л. А. Лыковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 523—566.

Среди многочисленных публикаций, посвященных истории гибели Царской семьи, несомненный интерес представляют воспоминания людей, близко знавших Императорскую чету и их детей. Среди них оказалась молодая девушка из далекой провинции — села Покровское Тобольской губернии — дочь Григория Ефимовича Распутина (1869—1916) Мария (Матрена).

Она родилась в 1898 г. и была вторым ребенком Григория и Прасковьи Распутиных. В 1897 г. у них родился сын Дмитрий, в 1900 г. — дочь Варвара.

Императрица Александра Федоровна приняла участие в судьбе детей Распутина — девочки учились в частной гимназии Стеблин-Каменской в Петербурге и были введены в круг ближайших друзей Императрицы.

В сентябре 1917 г. Матрена вышла замуж за Бориса Николаевича Соловьева (1893—1926)*. У них было две дочери: Татьяна (1919—?) и Мария (1920—?). В 1920 г. семья Соловьевых эмигрировала во Францию. После смерти мужа М. Соловьева-Распутина уехала в США.

Публикуемый документ в копии сохранился среди других материалов расследования убийства Царской семьи, которое проводил Н. А. Соколов. Дневник был передан Распутиной следователю вместе с дневником мужа и Евангелием, подаренным ему Императрицей в Тобольске**.

Документ любезно предоставлен для публикации прокурором-криминалистом В. Н. Соловьевым из ведомственного архива.

Текст печатается с сохранением языковых и стилистических особенностей автора; орфография, по возможности, приближена к современной. Даты в дневнике указаны по старому стилю.

ПРОТОКОЛ

1920 года 20 июня — 5 июля Судебный Следователь по особо важным делам при Омском Окружном Суде Н. А. Соколов в г. Париже во Франции, в порядке 315—324 ст. ст. уст. угол. суд., производил осмотр предметов, представленных к следствию Матреной Григорьевной Соловьевой 28 декабря 1919 года, л. д. 121, том 8-й.

По осмотру их найдено следующее:

Дневник Матрены Григорьевны Соловьевой. Он представляет собой переплетенную в черный коленкоровый переплет книгу, какие в продаже специально употребляются для ежедневных записей. Она вся разбита на числа с соответствующими местами для записей. На обложке ее вытиснено “Дневник. 1918”.

“ДНЕВНИК. 1918”

1 января

Ходила в церковь ночью, после молебна встречали новый год, в этот день очень было весело.

2 января

Выехала в Петроград, не хотелось из дому выезжать.

9 января

В (нрзб.) часа приехали, но Бори дома не застали; мы по дороге (нрзб.), жаль что так вышло. Скучаю о Боре очень. Хотела, чтобы он был около меня1.

10 января

(нрзб.) Завтра вечером идем к дяде Ване2. Скучаю, грущу о моем Боре. Маленькие неприятности происходят, но Бог даст скоро все пройдет. Нету нигде душевного спокойствия, хочу выехать из неприятного милого Петрограда.

11 января

Заняли денег 650 р. у Ани3 для прислуг, ужасно было неприятно просить взаймы денег. Только

Заняли денег 650 р. у Ани3 для прислуг, ужасно было неприятно просить взаймы денег. Только бы Господь помог рассчитаться с противными людьми. Вперед Боре наука, пусть расплачивается как следует. А все ведь мне приходится раскручиваться. Все мой карман страдает. Тяжело писать эти строки, но делать нечего. Такой мне крест от Бога дан — страдать.

12 января

Кошмарный день. Дядя Ваня пошел в с. р. и с. д.* отдать деньги прислугам, волновалась я ужасно пока он не пришел. Конфликт с ними слава Богу кончен, дядя Ваня завтракал у нас. Я его очень полюбила — душа у него хорошая. После завтрака мы пошли к Лидии, сидели там до 4-х час, и оттуда пришлось идти пешком, извозчики берут дорого, на трамваи попасть немыслимо. Около Летнего сада я и Варя4 страшно плакали. Правда, какие мы несчастные. Господи, когда же мы в состоянии хотя бы ез(нрзб.). Тяжело после сладкого есть горькое.

13 января

Ночевала красавица. Она очень милая, добрая. Понимает нас как надо. Утром вместе с ней пошли к Ане на завтрак. Сегодня почему-то было скучно (нрзб.) очень. Я все жду Борю. Боюсь (нрзб.). Целый вечер я с Варей сидели вдвоем, работали. (Нрзб.) нейдет, для меня это странно. Пускай не ходит (нрзб.), конечно, было бы веселее с ней (нрзб.) просила передать Оле не (нрзб.). Для меня (нрзб.) очень быстро весело, еще было бы лучше, если б был Боря. Думаю, изменился ко мне.

14 января

Вот я не думала, что будет скучно без Бори, но ошиблась... Оказывается я его люблю и сильно. А это плохо, потому что мало ли в жизни придется, вдруг... а нет боюсь думать... До сих пор я его хорошо не знаю, любит ли он меня? Мне кажется что нет, потому что он ко мне не ласковый, грубый, хотя я уже начинаю привыкать к такому обращению. Очень часто любит немножко прибавить, мне это не нравится, но перевоспитать человека трудно. Я люблю людей правдивых, это для меня главное. Правда — солнце яркое.

15 января

Видела плохой сон, о Боре страшно беспокоюсь, хоть бы скорее приехал. Уж если дальше страдать так вместе. Сегодня целый день сижу дома: болит горло, боюсь захворать, а то еще лишние расходы. Первый раз в жизни так нуждаюсь в деньгах. Эти деньги, несчастные деньги... Могут отнять счастье... Вот уж никак не поверю, что с милым и рай в шалаше, неправда, далеко от рая, когда есть не на что. Только, Господи, укрепи, дай любовь.

Не нахожу нигде душевного спокойствия, душа изнывает. Жажду утешенья, но не найду. Душа тоскует, чувствует бурю с тучей. Развейтесь облака, пронеситесь тучи, светь солнышко, грей угнетенных, беззащитных. Господи, спаси всех нас и наших, легче когда свои в куче. Грущу страшно без Бори, легче было б переносить скорби вместе. Жду его как манны небесной.

16 января

Боже как тяжело быть беззащитным, никто не заступится. Кругом неправды, неприятности, не видать конца им... Пришел Орановский, сказал что как будто у него был Боря третьего дня, этого быть не может, раз Боря я знаю, что в Сибири, зачем люди так нагло врут. Господи, не оставь сирот... Не дай копать ямы. Ты видишь, что мы правы, что мы не лукавим. Нам тяжело, Господи, не оставь.

17 января

Настроенье улучшилось, была Оля, немного утешила, ночевала, сидела целый день у нас, я была рада, даже со мной дежурила час. Только что говорила по телефону с ней, пойдем туда в пятницу

на завтрак. Маруся5 не звонит и не приходит, обижена на ее очень. Наверное, чувствует ветер, резкая перемена в воздухе; не надо жить чужим умом; а она, к сожалению, живет не так как подсказывает сердце, а как подскажут другие. Конечно дело совести. Настроенье сегодня великолепное. Всегда после скорбей май.

18 января

Встретила Танаевского-Орловского6 на Троицком мосту. День очень хороший, веселый...

19 января

Была у Марии Андреевны Гаар, вот уж душа у ней нараспашку: все расскажет про себя, нисколько не слукавит. Добрая она очень. У нас теперь живет Оля, я очень рада и будет жить до лета, если конечно все будет хорошо. Скучаю очень о Боре, хотя и весело, но скучаю. Хоть бы скорее приехал.

20 января

Очень хотелось идти ко всенощной, но страшно остаться без пальто на улице, да еще не с того не с сего можно получить смерть. Получила от Бори телеграмму "будь благоразумной береги себя благословляю", как много говорится в этих маленьких фразах. Я чувствую, что с каждым днем я все больше и больше хочу видеть Борю и жду его очень. Думаю после долгой разлуки он переменился к лучшему. Посмотрим.

21 января

Немножко утром расстроилась из-за Оли, беспокоюсь о ней, дома не ночевала и сейчас нету. Была в церкви, очень хорошо сегодня мне, еще больше понравилось пенье. После церкви пили чай с Аней; она у нас была с 12-ти и до 5, весело было очень, играли на биллиарде 2 часа, и никто не выиграл. Смеялись страшно сами над собой. (С) 4—5-ти вела дежурство, рада подышать свежим воздухом. Вечером в 71/2 часов иду к Светчиной, думаю будет весело.

22 января

Ночевали с Варей у Светчиной, долго сидели гости, возвращаться было страшно, очень мило провели время. Она обещала устроить на место. Хочется зарабатывать деньги на летние туалеты. Буду ждать как манны небесной звонка ответного. Мне понравилась Лиля, она большая фантазерка и очень симпатичная.

23 января

Была Маруся, целый день сидела у нас, я была счастлива, люблю ее безумно, у ней душа кристаллическая. Вечером к 7-ми часам наша всеобщая любимица пришла. Получила она 2 письма от дорогих7, все мы счастливы в этот день. Играли много на биллиарде. Легли спать поздно, я спала с ней, много говорили о Боре, о маме, о папе, так было хорошо, чувство было такое как будто близко нас были...

24 января

Утром ходила в церковь с ей, потом поехала на минутку к гостье, она меня оставляла завтракать, но я не осталась. Я ее не очень люблю. Думаю много о (нрзб.) хочу видеть, вспомнить былое, ведь до сих пор не могу забыть. Ах, как я бы хотела хотя бы на улице увидать, навожу справки, но пока безрезультатно. А все-таки своего добьюсь. Господи, когда же моя давно желанная мечта исполнится.

25 января

Были гости, Григорий Яковлевич8 с Лилей, Леонид Алексеевич9, мило провели вечер. Мне нравится Гр(игорий) Як(овлевич), он очень симпатичный, умный и полезный человек. Рада, что сошлась с характером Лили. Много говорили с ней о папе; она его понимает так как надо и очень любит и ценит, а для меня это все. Жду Борю, не могу высказать, как я о нем соскучилась. Мой милый Боря, думаешь, любишь ли ты меня так, как я тебя???...

26 января

Была на панихиде у Танеева10. Господи, как приходит смерть, верно папа сказал: “смерть подружка моя”. Ведь человек не думал, что умрет, строил планы на будущее. Все мы ходим под Богом. Тяжело было стоять на панихиде, я сейчас же вспомнила как мы отпевали папу и мне так сделалось тяжело, грустно почувствовать, я тогда и поверила на себе как бедной Ане тяжело без отца, ведь единственная опора. Ведь у нее Бог отнимает дорогое ей.

27 января

Сегодня был князь Багратион11, много наговорил лестного. Посулил золотые горы, как это всегда бывает, страшно врал. Но несмотря на это мне было приятно его встретить. Он мне сейчас же напомнил живо прошлое, хорошее, которым я долго жила. Я сейчас же представила себе картинки былого, и так на душе стало приятно, хорошо. Как он ушел, я опять впала в грусть, в тоску. Беспокоюсь ужасно о Боре. Молюсь Богу, чтобы он сохранил его в пути.

28 января

День сегодня — день грустный, печальный, плакали очень у нее. Пришли домой и здесь получили немало утешительного. Оля пришла и рассказала про Елизавету Петровну, она про Борю высказалась: “Пусть ему не будет возврата”. Какая она злая, ужас. Господи, какие люди ужасные бывают, злые, все копают ямы друг другу, и сами же туда первые попадают. Их и так Бог наказал, так и надо. Расстроилась я ужасно из-за ее, низкой женщины. Жду Борю. Беспокоюсь за него.

29 января

Настроенье самое ужасное. Много передумала о Боре... Не знаю чем объяснить его молчанье и его неприезд (нрзб.) Целый хаос мыслей разных поганых...

30—31 января

Однообразно прошли дни. Только сердце с каждым днем все больше и больше болит. Слышишь неутешительные новости. Много, много получила разочарования относительно моего мужа. Расстроены я и Варя и обижены ужасно на Аню, никак не можем смириться с тем, что сегодня было. Решили не бывать у ее долгое время. Пусть злится. Не знаю, что делать? Бори нету и денег ни копейки. Положенье самое ужасное. Как будем жить дальше Бог даст. Неужели такое будет безвыходное положенье, тогда хоть умирай... Решила ни на грош не верить Боре. Он мне все врет, как не стыдно, вот низость-то для мужчины врать, по-моему, такому мужчине и руки не надо подавать, а я еще его жена. Надо его от этого отучивать, но как? Раз его с малых лет не воспитали и не научили. Он мне много говорил неправд, подлой никогда не прощу. Заложил свои часы в ломбарде, а мне сказал что потерял, ведь надо же иметь такую совесть. Каюсь, о многом каюсь, но уже поздно... Зачем Господь ко мне так жесток. Ведь я ничего плохого не сделала Боре, а он... он все говорит и хочет сделать мне гадость. Про Симбирское мне кажется тоже что-то сплутовано, но он этим не разживется. Буду надеяться, что Господь его исправит, хотя и существует пословица “Горбатого одна могила исправит”.

1 февраля

После маленького недоразумения пошла к Ане, она оказывается даже плакала из-за нас. Вот уж

После маленького недоразумения пошла к Ане, она оказывается даже плакала из-за нас. Вот уж действительно любит. Дорогая она наша. Она меня успокоила, что все хорошо, чтоб я не беспокоилась о Боре.

2 февраля

Были гости, очень мило себя чувствовали, был Гога со своей женой, мне она очень понравилась. Гога все такой же — любит ухаживать; я ей не завидую. Сидели до 11-ти, мне было скучно, потому что нет моего мужа, и Т(нрзб.)я.

3 февраля

Только что пришли с именин Ани, познакомилась с Эристовым12, так много слышала от него интересного, но он мне не понравился. Вся квартира была усеяна шикарными корзинами цветов. Она была в белом красивом платье, мне сейчас же ясно представились прошлые годы, как было мило, хорошо, весело у ее, сколько торжественности было. Сидели, обедали, вспоминали о прошлом, хорошем времени. Теперь мы живем все только прошлым.

4 февраля

Сегодня произошел прекурьезный случай, смеху было немало, я думала, что умру от смеха. Должен был придти Г. Я., вдруг звонок... Я выбегаю и о, ужас, вижу передо мной стоит уродец, т. е. друг Багратиона. Варя с Олей побежали одеваться, приходят здороваются и фыркают, чуть не лопнули от смеха, что ждали одного, а пришел другой, совершенно нежеланный гость. Были у Ани, сидели недолго, обедали, вышли от ее 81/2 час, шли мимо Светчиных и не могли пройти мимо, чтобы не зайти, зашли к ним, что увидеть Варе Вав(нрзб.). Мы даже не снимали пальто, посидели полчаса и пошли домой. Мне в тот день повезло. И на меня смотрел.

5 февраля

Презамечательный день, мало прожито... но много пережито... Была Галя, сегодня она мне больше понравилась. Боюсь за будущее. Передняя, спальня, кабинет, поцелуй за четыре месяца в 1-й раз. Грешная она, Господи, прости ей? Сегодня жду Борю, завтра еду на вокзал узнавать про

поезд. Был вкусный чай. Оля была в восторженном настроении. Рада за ее. Бедная Оля, без над(нрзб.) влюблена, а может быть и хорошо.

6 февраля

Первой Марусе открыла душу свою, рассказала о вчерашнем весьма трогательном происшествии, думаю надолго врезалось в мою память. Завтра опять увижу как я счастлива, как я довольна. Только бы враг не искусил и не отнял у меня семейного счастья. Говорят, скоро будет переворот, боюсь за себя и всех наших. Господи, спаси своих... Если б так дни проходили беззаботно, счастливо, как теперь, хочу любви, ласки...

7 февраля

Приятно встречаться после долгой разлуки. В 3 часа ночи вижу Аннушка идет с лампой в спальню; я страшно перепугалась, она заявляет: “приехал Барин”. Не могу передать того чувства, которое я испытала в эту минуту и страха, и радости. Варя с Олей убежали сейчас же в свою комнату. Через 15 минут пришел Боря. С каким чувством радости и восторга мы с ним встретились я не могу описать. С 3-х часов мы с ним не спали до 10-ти. Я все спрашивала про маму13 и всех наших. Вечером пришли гости: Светчины и Гриня. Я была рада очень, переговорилось много. Хотели его видеть, написала несколько слов о моих чувствах. Для меня была Пасха.

8 февраля

8 февраля

Ходили на острова с Варей, Олей. Очень было хорошо, отдохнули душой и телом в несколько минут. Настроенье совсем переменилось с приездом Бори, чувствую, что есть опора. Высказала свое мненье о Ане. Мне она не нравится последнее время. Знает, ценит нас только в горе, это самая плохая черта. Ну Бог с ней. Крайне неприятно видеть портрет Маруси у Бори на столе.

9 февраля

Насколько я люблю Аню, настолько я ее теперь не люблю. Написала ей письмо, вылила всю душу, написала про ее мать14, что как она некрасиво поступает по отношению к нам. Бог с ней. Только что возвратился Боря; какой-то странный, мне кажется, когда он будет иметь деньги, то он сделается слишком гордым и не будет знать меня. Пусть, буду все переносить. Буду (нрзб.).

10 февраля

Перепугала всех страшно: был у нас дядя, француз за столом, я, Оля и Варя смеялись над Борей, как он говорил по-французски, я до того смеялась, что подавилась и потом потеряла чувство. Бог меня наказал, это ясно. Крупный был скандал с Борей, мне очень не хочется ехать в Сибирь, расставаться с моим милым Петроград(ом) и своими друзьями. Уверена, что буду очень тосковать. К Ане не ходим. Она нас разлюбила, мне это очень больно. Ее забудет и папа.

11 февраля

Завтракали — тетя, дядя, лучше бы они не приходили сегодня, Боря все время пускал по моему адресу колкости, в конце концов пришлось встать из-за стола. Я не рада была гостям. После, днем, Боря подошел ко мне, но он был настолько противен; я не могла на него смотреть. Я ему это сказала откровенно, он взял и ушел; я очень не беспокоилась, потому что знала, что вернется. Вечером пошли к Светчиным. Пришел туда и Боря, сидели до 101/2 часов. По дороге ни слова не сказали друг другу. Дома был полный скандал, он мне бросил обручальное кольцо и сказал: “я ему не жена”.

12 февраля

Чувствую себя ужасно. Со вчерашнего дня перемену слышу в моей совести и не могу так горячо искренно любить Борю, это конечно пройдет. Мне тяжело на него смотреть. Мне кажется, что повешено на меня 100 пудов тяжести. В данный момент я самая несчастная. Неприятно, что придут обедать Куропаткины. Я у них была раз, а они у нас 25 раз. Я не понимаю, неужели не стыдно, хотя, что же требовать... Не знаю, что делать, чтобы не ссориться и не раздражать мужа. Худо быть неопытной.

13 февраля

Не нравятся обсалютно Куропат(кины). Борю видела очень мало, последнее время он чаще стал уходить по делам, чему я очень рада. Чувствую себя немного лучше, но осадок прошлого вчерашнего еще не оставляет меня в покое. Когда же я наконец найду тихую пристань. Боря с каждым днем бывает все сердитее, очень нервничает. Я ему уступаю, но все-таки не могу себя сдержать чтобы не возразить, это плохо. Надо уступать и себя винить всегда, права или виновата все равно. Одно скажу — я чиста, верна своему мужу.

14 февраля

Чаще и чаще учащаются ссоры. Жить уже стало невыносимо. Боря заставляет меня заниматься хозяйством, мне это неприятно, больно. Да, я никогда и не буду заниматься хозяйством. Он видит, что Куропат(кина) занимается хозяйством, но я не из тех и не так воспитана.

15 февраля

15 февраля

Первый раз пошли к Ане после долгой разлуки. Приходим — ее дома нету. Встретила нас мать и начала выговаривать то и се и пятое-десятое. Потом пришла Аня, обе стороны были рады встретиться. Мы решили лучше приходить реже. Мать чрезвычайно была любезна, мила, как никогда. Пили чай, потом пришел туда Боря, держал он себя с большим достоинством, как это всегда бывает. Говорили об отъезде. Теперь я сама хочу уехать вместе с Борей, но, кажется, мне нельзя. Вот беда-то. Ни в коем случае не хочу с ним расставаться, ведь в конце концов разлуки, я знаю, приведут к плохому результату. Вечером пришла Лиля, Маруся, Гриня. Очень мило провели вечер. Князь Багратион себя чувствовал не в своей тарелке. Боря их всех лучше, душа у него хорошая; только бы бес не подыграл над ним.

16 февраля

Вечером Боря сказал, что придет Гриня просить у него места. Мне его очень жалко, ведь он же кончил университет и у него нет денег и службы. А кто ничего не кончил — тому везет. Вот ведь судьба-то. Приехал к завтраку и страшно заискивался у Бори, такой был жалкий — ужас. Бедная Оля; она больше всех страдает. Сидел у нас с 3-х часов, мы пошли гулять 3-ое и с Марусей встретились на Невском, гуляли очень весело, хотели идти в гости к Мар(усе), она купила вина, но потом отдумали, решили на след(ующий) раз.

17 февраля

Только что Боря ушел к Ерошкину15, молю Бога, чтобы Он умягчил сердце его и дал денег Боре. Открыла Евангелие, очень хорошая глава, а я загадала, если хорошо откроется, значит все будет хорошо, а если плохая, то плохо. Вот посмотрим. Думаю, что даст хоть немножко, и то хорошо. Слезам нету конца. Живу последние минуты, минутами я называю дни, во вторник меня уже не будет. В последний момент отхода поезда напишу записку Боре. Я знаю, сколько дал Боре денег Ерошинский, но он не хочет дать денег мне. Он рассуждает так: его деньги есть его, а мои — тоже его.

18 февраля

Пошли в церковь с Борей, со мной было искушение — показалось, что Боря с барышней разговаривал, а потом пошел вперед меня, чтобы с ней поговорить. Насколько это верно, я не знаю, но со мной настолько было плохо, что я теряла сознанье на минуту. Вечером пошли к Светчиным, там было так себе, я впала в меланхолию. Долго с Борей разговаривали вечером. Не спали до 3-х часов. Я все плакала. Жалко расставаться мне с ним.

19 февраля

Боря был в самом плохом настроении, не знаю отчего, может быть и действительно ему жалко со мной расставаться. Кажется, нет. Только что проводила его и пошла служить напутственный молебен. Боюсь за него ужасно. Горло душит от слез, душа сжимается от тоски. Хочу скорее увидать Борю. Если так будет продолжаться, то можно с ума сойти, если я буду все так же тосковать. Болит голова от всех волнений. Нету границы тоске моей. Завтра поеду к Ане искать утешение.

20 февраля

Погода чудесная, проснулась — солнышко прямо ко мне в спальню и так ласково греет как будто просит успокоиться, не

грустить о Боре. С утра настроение улучшилось, не чувствовала уже такой тоски, но грустно было, просыпаюсь — и кровать пустая. Пошла утром к Ане, много говорили о Боре, все-таки она его любит, я очень рада. Ведь действительно Боря на редкость хорош. В нем много святого

она его любит, я очень рада. Ведь действительно Боря на редкость хороший. В нем много святого, чистого. Я его ценю, люблю безумно. Все Господь устраивает к хорошему. Я, если б не вышла за него замуж, то может быть была несчастная, а теперь чувствую, что с каждым днем я более и более довольна своей судьбой. Иногда мы ссоримся, но это бывает минуту.

21 февраля

Получила только что телеграмму от Бори: “еду благополучно целую”. Он выехал из дому 19, а телеграмма подана 20-го из Петрограда, не понимаю отчего. Беспокоюсь о нем, только бы хорошо доехал. Была у Раи с Варей, время провели мило, пили вино, на душе как-то стало лучше. Купила работу, я заплатила 44 руб. Недавно ушла Шурка, погибла девочка, жалко ее очень, мне кажется она живет (нрзб.). Надо во что бы то ни стало спасти ее. Вытащить из ямы, несчастная она.

22 февраля

(В) 10 утра пошла на Охту на ерининский вокзал, чтобы купить картошку, но не поехали за город, побоялись. Днем пришла Маруся и Григорий Яковлевич, Марусе он очень нравится, ведет она себя вызывающе, все ее осуждают и говорят, что она ветрена. Завтракали у Ани. Вспоминаю часто Борю. Узнала, что поезд, на который сел Боря, стоял сутки здесь и он даже мне не позвонил, не приехал ко мне; мне так сделалось тяжело, неприятно. Не могу описать той грусти, той печали, которая лила в мое сердце.

23 февраля

День, чудный день. Велики дела твои, Господи. Какое небо, какое солнце и на душе так же светло, как там, на небе. Ждешь, надеешься на лучшее, да оно кажется скоро придет, скоро вздохнем легко-легко. Были у Ани, завтракали там, вспоминали тех дорогих нам сердцу. Думаем, скоро встретимся с Ними. Пили у Вари в комнате с Олей, Раей вино, уютно, хорошо было, и так просто себя чувствовали; я всегда отдыхаю с Раей, она хорошая, любит нас и мы ее, но она очень сложная. Понять ее трудно.

24 февраля

Ходили к Марии Евгениевне16, нас очень хорошо приняли, они нас очень любят. Ольга Владимировна17 была веселая, все время разговаривала с нами. Мы ей жаловались на Аню, и они тоже заметили, что Аня за последнее время очень переменилась, идет не по той дорожке, по которой направил наш отец. Жаль, что люди так меняются, а все мать виновата. Мне с каждым днем все больше и больше нравится Рая, действительно может с ума сойти от любви, она нас больше любит, чем Аня.

25 февраля

После обедни пришли и чуть не заплакали из-за того, что нету муки и блинов не будет, вспоминали наших и завидовали им. Я, Нюра, Варя целый день сидели дома в столовой и мечтали о хорошем прожитом прошлом. Насколько было тогда хорошо и как теперь плохо. Когда же наконец кончится пытка, ведь до того дошло, что люди умирают с голода. Все говорят, что скоро будет лучше, когда же наконец? Все злые нервничают. Получила телеграмму от Бори из Екатеринбурга. Слава Богу. Только бы он доехал. Больше всего меня волнует его благополучие.

26 февраля

Завтракали у Ани, после пошли пить чай к Крарют, очень было хорошо, много было вкусных вещей, вино там пили, чай, вместе с нами Аня, Решетников, Рая. Я всегда отдыхаю у Крарют и люблю очень у ее бывать. Я знаю, что папа у ее любил тоже бывать и всегда мне говорил, что он там отдыхает. Аня мне сказала неприятность одну про Марусю С., как будто она старалась Боре понравиться и всегда перед ним кокетничала; я из-за этого страшно расстроилась. Ведь

понравиться и всегда перед ним кокетничала, я из-за этого страшно расстроилась. Ведь, действительно, Маруся ветреная. Но из этого ничего все равно не выйдет. Боря очень любит меня.

27 февраля

Годовщина революции, как громко сказано, а сколько муки, неприятностей пережито за этот год. Этот день далеко не радостный, а года два тому назад как было хорошо, при воспоминании прошлого сердце, как говорят: “сердце петушком поет”. А теперь сколько гадостей, это прямо Господнее попущение. Чему люди радуются сами не знают, запутал их всех враг в сети, ну, Бог с ними, пусть служат дьяволу. Самый тяжелый день из моей жизни это сегодняшний. Много передумано (нрзб.) и все-таки будет ли наконец лучше. Это подсказывает внутренний голос...

28 февраля

Сама не знаю, почему последнее время настроенье какое-то праздничное, как будто Пасха. Солнышко по-моему придает радости. Пошли пить чай к Ане, там встретили батюшку и сестру Татьяну, они то же самое нам объявили, что душа покойная, веселая. Дай Бог, чтобы все-все было хорошо, чтобы все люди любили друг друга, тогда еще было бы лучше. Когда же наконец исполнится заветная мечта? т. е. будет все по-нашему... Ведь теперь такое тяжелое время, ужас, хлеба нету, часто обедаем без кусочка хлебца, дали бы сколько угодно денег только бы была мука, но... увы — нету. Все дорого страшно, жить нету сил из-за дороговизны. Аня в последнее время стала относиться к нам еще лучше, чему мы рады до бесконечности; я ее люблю безумно, в огонь и в воду пойду за ее. Ведь ей действительно тяжело теперь и мать боится прогневать и нас, между двух огней. Неприятность вышла маленькая из-за Оли, вот ведь влюбилась ни за что ни про что в Григория Яковлевича. До того любит, что даже с ней сделался обморок из-за его. Дело в том, что он любит Марусю Сазонову, а ее нет, и она страдает, ведь вот несчастье. Последнее время мне Григорий Яковлевич не нравится, сама не знаю отчего. Ужасно скучаю о Боре, мечтаю о скорой-скорой встрече, мой милый Боря, любишь ли ты меня так, т. е. как я тебя? Боюсь, мне кажется, что он меня обманет. Ведь грех так думать, а я думаю.

2 марта

Дивны дела твои, Господи... Первый раз чувствовали так близко нашего дорогого тятеньку, так было хорошо и вместе с тем горько и обидно, что не могли слышать папиных слов из его уст, но умы ясно чувствовали, что он был с нами. Я его видела во сне, он мне сказал: я буду в 4 часа у Раи, и мы как раз все собрались вместе у нее. Ольга Владимировна говорила по тятенькиному ученью, не она говорила с нами, а тятенька. Много любви было у Раи, Господи, как хорошо. Сегодня Пасха, настоящая. Если б всегда наши были близки так, как сегодня, Ол(ьга) Вл(адимировна) велела мне любить Борю и я должна это делать.

3 марта

Вздумала продолжить вчерашний дивный день; приглашала всех наших: Аню, Раю, Ол(ьгу) В(ладимировну) и др., но Ол(ьга) В(ладимировна) с Муней не пришли, мне было очень больно, после вчерашнего вечера я еще больше полюбила Ол(ьгу) Вл(адимировну), она рассказывала, что была на Гороховой, заходила во двор и чувствовала папин дух. Под впечатлением вчерашнего дня, я долго не могла уснуть. Видела во сне опять папу, я так счастлива, так счастлива, он с нами последнее время, это я чувствую. Жаль, очень жаль, что Боря сейчас не здесь, он бы многое понял и многое почувствовал, как я жалею. Когда же наконец он приедет.

4 марта

Утром были в Казанском соборе, там так хорошо, так хочется молиться. Днем ездили к Ол(ьге) Вл(адимировне) прощаться и к Ане тоже, пили чай у Ани, потом поехали опять в Казанский собор, служил архиерей. Аня все боится, бедная она, каждую минуту дрожит. Весь день сегодня

собор, служил архиерей. Аня все боится, бедная она, каждую минуту дрожит. Весь день сегодня был презамечательный. Солнышко, весело. Опять впала в сомненье из-за Бори, мне кажется, что он любит Анну Павловну, поэтому так и торопился ехать в Тобольск18. Ну что ж делать? А я его буду любить.

5 марта

Начался великий пост; я решила постничать, не знаю исполню ли свое обещанье. Самочувствие самое хорошее — постное.

Жалею, что сейчас не среди своих домашних; у нас как-то более торжественнее вся эта процедура проходит, чем здесь. Жду не дождусь именин, интересно как они пройдут... Написала письмо бабушке, не умею ей писать, боюсь, стесняюсь. Узнали неприятную новость — женился Митя19, по-моему, маме будет жить очень тяжело; она будет совершенно одна, а те будут вместе. Поживем — увидим.

6 марта

С утра беспокоюсь о Боре, хочу скорее видеть Аню, передать некоторые новости, получила письмо от Бори, бедняга, как он доехал. Сегодня прислал телеграмму из Тоб(ольска). “хорошо”, а это главное. Мне кажется, что Боря полюбит Анну Павловну. Я уверена, тем более она интересная, ну, тогда и я не отстану, у меня есть кого любить... Душа немного опять не в покое, но ничего, Бог даст пройдет. Была у дяди Вани, приняли радушно, мило, но я знаю, что они меня не любят. Очень хочу видеть Елизавету Петровну. Я ее люблю, она мне больше нравится, чем тетя.

7 марта

Какой сегодня день смешной и странный. Начну с утра все описывать: утром пошли с Варей в церковь, т. к. на этой неделе мы говеем, к 1 часу были у Ани, мать почему-то ходит перед нами на задних лапах. Много узнала интересного, наконец пришли желанные, но их пока не видно. Встретила дочку20 на Михайловской площади, ехали с ней до Большого на трамвае; она все такая же осталась, веселая, беспечная. Вся публика хохотала и мы тоже, когда она начинала

разговаривать. Затем встретили Дм(итрия) Ник(олаевича) Ламан, он очень был рад, вспоминал всех наших, страшно был любезный, потом встретила Сазонова, он так испугался и растерялся, бедный, не знал что делать, конечно поздоровался. Всех этих господ первый раз встретила после переворота.

8 марта

Только что вернулась из церкви. Хожу утром и вечером в храм, говею, рада, что постничаю, жаль, что Оля не хочет говеть; она настоящая курсистка; мне ее хочется направить на путь истинный, не знаю, что из этого выйдет. Неприятно было вчера слушать, как Оля мне сказала, что Боря беспрекословно слушается дяди и вообще их семьи, что они не скажут ему, то он и делает. Именно в церкви у меня искушенье о Боре. Я все думаю и мысли самые гадкие, никак меня одна мысль не может покинуть, т. е. “он влюблен в А(нну) Павловну”. Если б мне кто-нибудь сказал, что неправда, я была бы рада, а то тяжело.

9 марта

Сию минуту пришла от всеночной, вместе с Варей исповедовались. Стояли в церкви 21/2 часа, устали страшно, завтра, если Господь сподобит, будем причащаться. Исповедоваться было страшно ужасно, душа замирала. У меня почему-то чувство такое, как будто седьмая неделя великого поста. Так долго служат, что не можешь все время молиться, а думаешь о том, о сем, о пятом, о десятом... Последнее время я думаю о Мите и Маме, милой Маме; я ее люблю безумно.

10 марта

Жизнь — трагедия. Так и знала, что сегодня что-нибудь произойдет. С утра болело сердце, предчувствовало, мое сердце — вещун. С Марусей Сазоновой все кончено... Мне это крайне неприятно. Она меня оскорбила. Бог с ней. Плакала я сегодня ужасно. Тяжело невыносимо. Пусть они все провалятся, только был бы жив мой милый добрый гений — Боря. Несколько месяцев тому назад он для меня был нуль, а теперь я его люблю безумно, страдаю, мучаюсь целыми днями.

11 марта

Настроенье из отчаянных отчаянное, слезы так и подступают, хочется плакать, но слезами горю не поможешь. Турович21, видимо, не хочет отдавать деньги, все время увиливает. Она из хитрых. Аннушка, прислуга, служит и нашим и вашим, себя я чувствую не как в своей квартире, а как в гостях. Тоска меня не оставляет, день и ночь думаю о Боре, о моем Боре. Он для меня теперь все, но... но я для него теперь, кажется, не все. Как все-таки меняется настроение — ужас. Тяжело, горько, обидно за все, в людях видишь только ложь.

12 марта

Я, Нюра, Варя ходили на могилку к Павлу I, носили цветы, т. к. в этот день как раз год, что страдала Аня. После пошли к Полиньке, сидели у нее 2 часа. Я просила ее помолиться о Боре; она начала читать "Отче Наш". Очень хорошо было у ее, много говорила, дала всем по записке; Варе сказала, что Варя будет монахиней. Утром была Аня, сплетни идут колесом. Петроград большой, а все знают, ужас — не утаишь в мешке шила. Мне немножко неприятно было, как В(аря) сообщила мне, Боря к ней последнее время плохо относиться стал. А я ее люблю безумно, кто заденет мою В(арю), тому я не спущу. Всех могу потерять, а ее нет... с ума сойду.

13 марта

Нету тайны, которая бы не была ясная, верить ни одному человеку нельзя, даже мужу. "13/26 февраля 1918 года я нижеподписавшийся горный инженер Шарль Филиппович Бруар22, в том,

что я Бруар получил сего числа от Бориса Николаевича Соловьева чек № 059404 на государственного банка Тюменское отделение для расхода" "Бруар". А я спрашивала у Бори, где он возьмет деньги, чтобы дать Бруару, он мне ничего не ответил. Как неприятно, ужас. Оказывается, Митины деньги берет, вот ужас-то. И мои деньги перевел на себя.

14 марта

Где только я не была сегодня... Утром пошла в церковь к батюшке, служил митрополит. Была Аня, Нюра, сестра, Рая. Думали идти чай пить к батюшке, но остался завтракать митрополит, и мы ушли. Я пошла на вокзал, позавтракала, потом к портнихе, а у меня в 4 часа было назначено свидание с Олей и Варей около Морской, т. к. было время, то я от портнихи пошла тихо, потом зашла в кофейную к Филиппову, пила чай, сидела там долго и хохотала. Потом пошла в Казанский собор, служила молебен и наконец пошла на Морскую, устала страшно. Пили чай у Крарют. Рая была странная. Последнее время она мне не нравится.

15 марта

Встала в 9 часов. Елена Порфирьевна пила с нами кофе, как всегда много врала. Думаю, что она уедет в Англию, только скрывает от нас, чтобы на платить деньги — свой долг. Вот хорошо, если б приехал Боря сейчас. А от его ничего нету — ни письма, ни телеграмм, беспокоюсь ужасно. Буду ждать, надеяться, авось да небось и будет хорошо. Аня получила от Анны Павловны сегодня телеграмму "все хорошо". А от Бори я ничего не имею. Расставаться — плохо. Я теперь

никогда от моего любимого Бори не отстану. Все почему-то говорят, что я страшно изменилась, стала скучная, похудела, надо сознаться, веселого ничего нету. Встретила Маню Лохову, она меня пригласила к себе в гости. Живет на Кирочной 34, кв. 1. Пойду когда-нибудь, у нее, говорят, бывает очень весело. Молодых людей масса. Жизнь моя — скучная, незавидная, хотя теперь все так живут. Но я молода. Мужа не вижу, скучаю, боюсь чтобы... Боже, сохрани меня от всего нехорошего.

16 марта

Зачем у людей нету крыльев? Зачем люди не созданы для одного счастья? Отчего? Были бы крылья у меня, я давно была бы там около Бори, чувствовала его близко около себя, наслаждалась бы ласками его... Ах, как я хочу ласки, именно его ласки... Я люблю моего Борю больше всех на свете. Мечтаю только о нем. Так счастлива, что имею письмо от него. Ведь для меня это все, все. Вся моя жизнь в нем. Я даже полюбила того человека, которого послал Боря, только из-за того полюбила, что он от моего дорогого Бори.

17 марта

Первый раз я так разозлилась на Олю; она все хочет показать, что она воспитана, умна, ну и хорошо, я очень рада. Вечером вдруг заявляет: “Ты, Мара, когда выпьешь, то наверное много болтаешь, да ты и так много болтаешь”. Я ей ответила, что вообще не болтаю, а разговариваю, это большая разница. Она, конечно, губы надула. А разве нужно, пусть себе. Я привыкла людей худых терять, а хороших приобретать. Не знаю чем кончится вся эта канитель... Целый день я лежала, чувствовала себя ужасно. Была Турович. Просит уступить квартиру. Чтобы жить вместе.

18 марта

(В) 8 утра Оли уже не было дома. Куда ушла неизвестно? И когда придет то же самое? Вот уж не люблю, когда разыгрывают комедии, да еще в чужом доме. Ведь ей это внушить никто не может. Что так поступать некрасиво. А она сама этого не знает, да и неоткуда знать... Посмотрим, придет или нет? Пришла и все было хорошо, я очень рада, а то неприятно, если сердятся. Был Георгий Алексеевич, много говорил о Них и о Боре. Обещал (нрзб.) показать

(нрзб.). Во вторник пойдем к нему. Мне он очень нравится. Он славный. Была Турович с Тиной, пили чай, целый день были гости. Думаю, на днях приедет Боря.

19 марта

Вот месяц как я рассталась с Борей, и мне кажется — целая вечность. Тоска ужаснейшая, много-много думала и думаю о милом для меня Боре и пришла к такому заключению, что он меня совсем не любит, любит, но не так, как надо. На такое долгое время оставляет меня одну, в такое опять-таки тревожное время. Вспоминаю и завидую Лизе Тимофеевой, как ее любил муж. На минутку одну не оставлял, вот это любовь, такого мужа можно любить. Разлука — привычка к одиночеству и отвычка от мужа. Сейчас я уже не так стала скучать как раньше. Получила разочарованность в муже.

20 марта

Только что ушел Георгий Алексеевич, какой он симпатичный — душка, главное — правдивый, это большой плюс. Если б да кабы мой (нрзб.) был бы таким же правдивым, легче было бы жить. Показал одну вещь интересную. Занять как смеешь сказано, а я скажу — взяла, не заняла. Пили чай у него, он нас хорошо угостил, истый Сибиряк — душа нараспашку. Рассказывал, как они ездили в Ивановск и как барышни перепились, какой ужас, вот так компания, нечего сказать. Гадость, удивляюсь, как Боря мог с такими ездить — 4 барышни и 4 мужчин.

21 марта

21 марта

Вечером пришла Турович, расстроена ужасно, говорит, что пришли из домового комитета из-за нас. Но это глупости, неправда. Ей просто напросто хочется получить эту квартиру обратно. Но еще вопрос: “Чья она будет?” День прошел в полном путешествии. Весь день ходили туда-сюда... Умер отец у Раи, вот бедная, одно горе не прошло и другое нашло.

22 марта

Послала телеграмму Боре, думаю, сейчас же выедет, на той неделе будет здесь. Пишу дневник в постели, вернулась из кинематографа в 10 часов вечера, шло: “Позабудь про камин”. Чудная драма, я плакала. Встретила Мариетту. Мне не нравилось, что она одета в красную шапочку. Была у Ольги Владимировны. Видела батюшку, все они беспокоятся страшно о Боре. Больше никогда в жизни не оставлю одного Борю, куда он — туда и я. Только бы он приехал, Господи, устрой его приезд...

23 марта

Чем больше делаешь добра, тем хуже... Сегодня получила от моего милого маленького Бори письмо ужасное. Почему Бог так делает? Ведь Боря много сделал доброго дела (нрзб.) так вышло. Только бы все прошло. Господи, помоги, не оставь. День сегодня полный кошмара. Грустно ужасно. Я только и думаю о моем ненаглядном Боре. Как я его люблю, нету границ любви моей к нему. Была у Ол(ьги) Вл(адимировны), она немножко утешила меня, хорошая душа; чуткая во всех отношениях. Почему-то все говорят, чтобы я любила Борю, ведь я его и так люблю.

24 марта

Сегодня служила панихиду с Варей о Папе; плакали страшно. Я и Варя чувствовали, что папа во время панихиды был с нами. Потом служили молебен Георгию Победоносцу о Боре. Я почему-то уверена, что Борю освободят завтра, в Благовещенье, или же накануне. Какое хорошее настроенье после церкви, как хорошо было, когда выносили крест, как было торжественно. Так весь день и прошел в молитве. С сегодняшнего дня зажигаю свечу. Получила Аня от Бори

письмо.

25 марта

Сидит дочка, вместе с ней проведем день, настроенье великолепное, хорошее. Ходили в Казанский собор, как отдыхаешь в церкви, все горе оставляешь там... Послала телеграмму Боре, чтобы он выезжал немедленно. Немножко сомневаюсь про Турович; она просто напросто не заплатит ни копейки. В этом я уверена. Ужасное чувство, когда не имеешь деньги, неприятно занимать, как жаль, что я своих не имею. Хочу иметь много денег.

26 марта

Не нравится мне ужасно, что Боря выставляет карточки своих знакомых дам. Что это такое? Гадость — неуваженье к своей жене. Я же своих не выставляю, нахожу неприличным даже. Мало ли меня кто любил... но я уже тех забыла... Сегодня узнала, что Турович продает кабинет за 30 000 руб., какая гадость, а сама нам сдавала квартиру с обстановкой. Послала телеграмму Боре опять. Чтобы он приехал, тогда было бы лучше. Получила письмо от Бори ужасное, полное упрека и ненависти, ведь я же ему писала в Т(обольск), но он не получил. Настроенье самое ужасное.

27 марта

Как я хочу л(юбви), я ведь любима не только мужем, но (нрзб.) и (нрзб.), но, увы, я его не

Как я хочу л(юбви), я ведь любима не только мужем, но (нрзб.) и (нрзб.), но, увы, я его не люблю, а муж далеко, жизнь — скучная. Хочу ласки, ласки... Хочу найти С. Она меня тоже ищет, мне передавали. Сколь б я отдала и что б я отдала при виде ее. Ведь с ней так много прожито хорошего, счастливого времени. Вот уж действительно, она меня любит, любит до сих пор, как это приятно... День ангела прошел хорошо, получила хорошие подарки. Служили молебен. Жалела, что не пришла О(льга) В(ладимировна). Послала телеграмму Боре о выезде. Боюсь разъехаться.

28 марта

Утром предстояло масса хлопот, волновалась страшно, думали ехать, было уже все уложено. Но билеты так и не достали; день сегодняшний — год. Все упаковано, неуютно, скучно. Боюсь, что разъедусь с Борей по дороге. Вот будет обидно, но вперед Бог, надеемся уехать завтра, Господи, помоги все устроить. Читала письма Станисл(ава) Людв(иговна) к Елене Порф(ирьевне). Какие смешные, ужас; он пишет только о погоде... А она ему упреки и упреки. Влюблена по уши в его.

29 марта

Первый день в поезде, устроились великолепно, Оля провожала до вокзала; жалко было расставаться очень. Мне без ее скучно; я ее люблю — привыкла к ней. Что-то будет с квартирой? Вот уж не ожидала, что так легко расстанусь с Петроградом, нисколько мне его не жалко, наоборот, как странно... До бесконечности рада, что увижу моего страдального Борю, моего Борю дорогого... Очень милый офицер, добрый, хороший. Настоящий мужчина.

30—31 марта (...)

Женщина беспрекословно должна быть чиста и целомудрена. Если она пала, то пала бесповоротно. Это самое святое мое убеждение. Боря ждет меня, ждет и жаждет того особого сочувствия, которое может дать только женщина, ее товарищество, ее практический ум, так хорошо дополняющий теоретический ум мужчины; смутное чувство этого есть, может быть один из элементов редкой повышенности моего настроенья. А может быть он меня и не ждет очень-то. Душа болит, тоскливо без него. Сегодня написала ему письмо... Не оставляет меня, помнит ли он меня, или я для его являюсь только игрушкой? Это жаль, если так?.. Обратно поеду

— увижусь, я хочу этого. Душка. Сегодня спала хорошо, спокойно. Никто не тревожил меня. Никто не ласкал меня... Чары любви, где вы? Как хорошо сказано: “Пользуйся ей, бери от ее все, что можешь”. Какая я нехорошая, и кто виноват в этом? — муж. Он оставляет на долгое время одну. Ведь разлука — отвычка. Боюсь полюбить Гаврюшу.

1 апреля

Лежу в постели, простудилась, болит горло, плохо в дороге хворать. Хорошо, что с нами едут симпатичные милые москвичи; в кавалеры они не годятся, угощают шоколадом. Сегодня я не спала целую ночь, наблюдала за поцелуями одной сестры милосердия и москвича, как смешно было, ужас. Я не хотела подглядеть, но вышло помимо меня, я не могла уснуть. Хочу скорее увидеть Борю, надоело ехать. Скучаю о Гаврюше, жаль, что он не поехал с нами в Тюмень. Обратно дам телеграмму.

2 апреля

Пишет записки, объясняется в любви, на кой черт мне его любовь, хотя он богатый, поеду в Москву, обязательно заеду к нему кутить. Опять согрешила помышлением, вот какая я ужасная. Почему я не стала бояться страха Божьего, почему? Как я встречусь с мужем? Почему-то сомневаются, но не догадываются. Как хорошо ехать, когда не знают — кто ты и что ты? Жаль расставаться с милыми москвичами. Они слезают в Екатеринбурге.

3 апреля

Продолжение вчерашнего. Как было хорошо, впервые испытала так много хорошего, славного, выпивали водки. Вместо того, чтобы ехать в Екатеринбург, он поехал нас сопровождать. Подарил мне браслету. Какой он богач. Я хочу во что бы то ни стало ехать в Москву. Кутить, испытывать чаще приятное. Хочу спросить денег. Ах, как хорошо... С Борей встретилась после продолжительной разлуки — была я лично рада, но Боря нет; я для него не гожусь ни телом ни душой. Зачем я вышла замуж? Раз я такова, как он говорит.

4 апреля

К моему великому огорчению, Борю нашла совсем другим. За мое отсутствие он полюбил кого-то. Какая любовь ко мне его некрепкая; хитрит, врет мне, но меня не обманешь никогда; я слишком чуткая; начал говорить о Митиных деньгах, что их могут "конфисковать", неправда. В чем дело — я знаю. Как только я приехала, он объявил: "Ты поедешь в Покровское". Я согласилась. (Нрзб.) ночевала ночь и поехала. Только, Господи, укрепи меня. Дай сил все переносить, дай, Господи, крепости, чтобы мне от его не отвернуться.

5 апреля

Встретили нас с Варей дома как всегда тепло, хорошо. Вот уж здесь любовь пребывает. Все живут вкупе, боятся страха Божьего. А кто его вселил в нас? "Папа". Он всегда учил любви, вере. Жаль, что Боря мало знал папу, ах как "жаль". Матерь Божия "Царица Небесная", да внуши же Боре любовь, веру, правду. Ведь он же путается во вражьей сети. Только что нам сказали, что Боря получил 25 000 руб. Митиных денег23. Зачем Митя перевел деньги на Борю, не он перевел, а его простота. Боже, как мы все доверчивы, а нам за это люди делают пакости.

6 апреля

Сию минуту принесли телеграмму от Бори "Выезжай немедленно". Господи, что же это случилось, неужели несчастье? Ведь Бог нас не оставляет, все скорби да скорби. Боже правый, спаси нас. Ищу лошадей, чтобы выехать сейчас же к Боре и вдруг что-нибудь с ним приключилось? Как неприятно, как тяжело жить... Спаси нас, Господи, мы согрешили,

наверное... Послала телеграмму в Тюмень, жду ответа, что случилось?

7 апреля

Только что приехала на лошадях в Тюмень, вызвала телеграммой Елизавета Егоровна. Приезжаю, объявляют: "Боря в тюрьме". У меня руки и ноги подкосились, как я плакала — ужас. Некому выручить, некому защитить нас. Одна надежда на Господа Бога. Я чувствую, что я еще ближе к Боре, чувствую, что я его еще больше люблю, если не дай Бог с ним что случится, я умру. Тятенька, дорогой, помолись...

8 апреля

Проснулась в 6 утра, спать больше не в силах. Что делать? как быть? Подскажи, Господи, как поступить. Написала письмо Ольге Владимировне. Как тяжело, еще никогда не было так тоскливо как сегодня. Пойду на свидание, ой как страшно... Боря не ожидал, что я приду сегодня к нему, как замирало мое маленькое сердце перед свиданием. Боже, когда я увидела Борю, как я была счастлива, не находила слов, не знала, что сказать? Он бедный крепился, чтоб не заплакать. Весь день у меня прошел в слезах.

9 апреля

Носила Боре съестного, ах, как тяжело быть около Бори и не видеть его. Смотрела в щель на

окна, но ничего не видела. Когда же наконец все это кончится, а главное чем? Ведь мой Боря ни в чем не виноват, а его мучают. Все, что ни делается, все к лучшему. Мне кажется, что его скоро, т. е. дней через 9, 10, выпустят. Какие хорошие Стряпчевы, какое теплое усердие они принимают. Бог их наградит за все. Придет сегодня Коля, все расскажет.

10 апреля

Должна сегодня получить письмо от Бори и нету, что это значит? Получила письмо от кого не надо. Волнуюсь очень за моего незаменимого Борю, что-то будет? Сегодня носила съестное, мне сказали, чтобы я больше не носила в неназначенные дни, потому что может быть бунт среди арестантов, какое страшное названье — арестанты. Бедный Боря, весь измучился. Неужели к Пасхе его не выпустят? Да нет, этого быть не может. Милый, как мне тебя жалко. Тяжело особенно сегодня.

11 апреля

Скоро ли будет завтрашний день? И что будет? Повидаюсь ли я с Борей, увижу ли я его, моего любимого, ненаглядного. Хотели идти в театр вчера в "Мозаику", увидеть главное Борину симпатию, но, увы, Елизавета Егоровна не отпустила. Слава Богу, что дни хоть идут не так долго. Я так устраиваюсь, что все идет ладом, чередом. Буду просить у Немцова24 взять Борю на поруки. Ведь на носу великий праздник, а мне все равно, для меня и Пасха не Пасхой.

12 апреля

(В) 6 часов я уже просыпаюсь, спать не могу. Сегодня волнуюсь — страшно: пойду в революционный трибун(ал) хлопотать о Боре, ой, как жутко. Боюсь, что Немцов не даст свидания; мне кажется, что я Борю не видела целый год, а прошло только 3 дня. Все это пустяки. Только бы его отпустили или дали на поруки. Чувствую и вижу, только стоит помолиться на могилке митрополита Фелафея и все исполнится. Сейчас пойду к Нему. Видела Борю — рада.

13 апреля

Обещались в понедельник дать ответ относительно Бори, роковой день понедельник, как я его боюсь, что-то будет. Ну, что Господь даст, то и слава Богу. Написала письмо бабушке, Раисе Васильевне. Господи, у меня ума нету в голове, не знаю даже, где писать, где я. Сегодня уехал Коля, в среду должен вернуться обратно. Душа ноет страшно. Сердце бьется, хочет выскочить. Радость, радость, где ты? Неужели мы будем все так же унывать, горевать.

14 апреля

Была у Немцова, его не застала там, спросила у Шишкова, можно ли взять Борю на поруки, он мне сказал, чтобы я написала прошение и завтра все решится. Как страшно. Что же будет, если не разрешат? Что я буду делать? Не дай Бог, если с Борей что сделают... Нет, это Бог не допустит. Мы слишком любим друг друга. Господи, спаси нас всех. Живешь только сегодняшним днем. Молюсь Богу, думаю что вдолги или коротки, но все-таки Борю освободят. Написала письмо О(льге) В(ладимировне).

15 апреля

Была в церкви — в тюрьме, Боже, как там тяжело; все арестованные стоят за решеткой. Бедный Боря с Сережею25 стояли там же. На них смотреть — сердце кровью заливается. Видела Борю; была на свидании 11/2 ч., я сдерживаюсь от слез, не хотела показать Боре, что мне тяжело. В четверг, Бог даст, приду опять к нему, к нему... к моему милому Боре. Ходили с Надей гулять, но (нрзб.) но (нрзб.) не встретили, наверное, сердятся, а ну их... Ведь сегодня солнышко, тепло, а на душе мрак, холод. Почему это, Боже, так скучно. Говорят, проехал Государь в Москву. Интересно, что делается в Петрограде? Хотела бы быть там в квартире возлюбленной своей.

16 апреля

Была в революционном трибунале, обещали завтра дать ответ — да или нет. Хоть бы да. Когда же, наконец. Раньше узнала, что Борю освободят 17-го, вот посмотрим. Приезжал Митя. Видел Борю. На наших сержусь. Ведь у меня такое горе и никто не приехал, а далеко ли тут? Нет, когда дело коснется свое, тогда пишут и лошадей не жалеют. Господь им судья. Милый Боря, скоро ли ты будешь здесь.

17 апреля

В четверг обещали выпустить Борю, вот радость-то будет. Но ведь только обещали... Господи, чтобы было хорошо, чтобы его отпустили. Сколько будет томительных часов до четверга. Грановский26 звал меня сегодня в театр, но я ему дала хороший отпор. Он думал, что как с артисткой с легким пошибом, но, увы, ошибся. Боря был не доволен мной сегодня, не знаю отчего? Бедный Боря, сколько перенес горя, неприятностей.

18 апреля

Вечером ходили в церковь, в тюремную. Тяжело ужасно стоять, нету даже молитвенного настроения. Все время оглядывалась на Борю и Сережу.

19 апреля

С 9 утра и до 3-х часов была в трибунале, встретил меня Грановский, сначала я была рада видеть его, но потом узнала, что дело мое кажется не решается в мою пользу. Как я плакала, как умоляла всех идиотов, как я унижалась перед ними. В 3-ьем часу объявляют “поезжайте за мужем”. Насколько я воплакала, настолько я возрадовалась. Боря, конечно, был в восторге, но не показывал виду. Кажется, начинаю успокаиваться.

20 апреля

Выпустили пташку из клетки — Борю, написано 13 ст(арого) ст(иля). Как хорошо, когда любимый человек около... Какой он хороший. Бедный, все заботится обо мне, Душка. Я чувствую, что он для меня с каждым днем все дороже и дороже. Не знаю как благодарить Господа Бога за Его милосердие. Услышал мои грешные молитвы. Немножко только неприятно жить в той обстановке, в которой сейчас находимся, но зато здесь любви и ласки много. Господи, спаси их.

21 апреля

Как страшно — жду Пасху Святую и никакой радости нет, радости именно душевной. Ведь Христос Воскрес. А почему же это так со мной, с моей душой. Ответь мне, внутренний голос. Мне как-то радостно, горько и обидно, хотя это грех, я сама сознаю, но ведь я же человек; почему нету моего папы. Зачем Ты, Господи, взял его от нас так рано? Мы остались как листья без дерев. Папа, милый папа, будь с нами в разговенье, именно с нами: с Борей и со мной; я грешная, и ты, может быть, не хочешь быть со мной, но прости меня. Есть у меня одна надежда в этом мире — Боря. Он мой самый дорогой, мой красавец, моя умница.

22 апреля

Вот и дождались Христову Пасху, к заутрене не ходили — проспали, досадно страшно; была у обедни одна; Боря не пошел, спал. После обедни я легла спать; Надя разбудила, чтобы разговляться с Елизаветой Егоровной. Мы с Борей встали, спустились вниз. Конечно, чувствовали себя ужасно. Во-первых, из-за того, что не пошли в церковь к заутрене, и во-вторых, что пришлось Пасху встречать не так, как мы бы хотели. Но и то, слава Богу, что Боря со мной;

я несколько успокоилась этим...

23 апреля

Не писала дневник, потому что ничего особенного не было.

24—25 апреля

Вместе тесно, но порознь скучно. Каждую минуту то уж очень люблю Борю, то уж его ненавижу. Но больше шансов на любовь. Он для меня все. Самый мой близкий. Любит меня дразнить, злоупотребляет любви моей; это мне очень не нравится. Ходили я, Варя, Боря в "Мозаику". Оказывается, я ошибалась: Боря не любит никого, чему я очень рада.

26 апреля

Всю ночь на четверг не спала, провожала Варю в Петроград; она, бедная, даже заплакала, когда стала со мной прощаться. Привыкли мы друг к дружке очень. Тоскую без ее. Хорошо, что Боря со мной. Последнее время он стал раздражителен, сердит. Прямо беда. Мечтаем поехать за границу, едва ли наша мечта исполнится. Что Бог даст, ну и слава Богу.

27 апреля

Целыми днями сидим и читаем, скучно жить в провинции, нету никакого развлечения, прямо беда. Все здесь мертвые, ходишь в каком-то тумане. Боюсь за Варю, как-то она доедет до Петрограда. Господи, помоги добраться благополучно до места назначения. Господи, опять неприятность — говорят, будет суд над Борей. Что-то будет? Только, Господи, не оставь.

28 апреля

Ссоры да ссоры, нету им конца. Объясняю я это тем, что Боря волнуется страшно, боится за последствия; я его вполне

понимаю; ведь это же действительно ужасно ждать Бог знает какой кары. Служили молебен Георгию Победоносцу. Думаю, что будет хорошо в конце концов, да так и должно быть. Каждый день от Бори слышу: "у тебя рожа и фигура никуда не годится". А мне разве приятно слышать такие вещи. Ну Бог с ним, миленьким.

29 апреля

Вчера заключили с Борей перемирие. Я себя называю немцем, а он русским. Целый день проходил в шутках, в веселии, а под вечер я расплакалась, дело в том: Боря мне сказал — одевайся, пойдем в "Мозаику". Я конечно сразу была готова, прихожу совсем одетая, а Бори не оказалось, он спрятался за дверь вверх. Так плакала, как никогда. Были слезы обиды. От Вари письмо, пишет про Них, бедные, как они страдают...

30 апреля

Ходил Боря в трибунал, ему обещали завтра дать ответ категорический, когда дело будет слушаться. Господи, хоть бы поскорей. Дали обет в Абалак27, будем там говеть, если все хорошо. Только что мимо наших окон прошел молодой человек, тип англичанина. Интересно, кто он? Целый день сегодня вышивала, кончила работу — рада. Скучно здесь ужасно, целыми днями сидим дома, даже в театры не ходим. Как мне опротивела эта Тюмень. Какой хороший Боря, не сглазить бы, никуда не ходит, всегда дома. Без моего разрешения никуда. Вот уж я непоседка, все надо порхать, на одном месте сидеть для меня пытка. Интересно, что будет со мной и какой будет у меня характер к старости лет. А старой ужасно не хочется быть.

1 мая

Ходили с Борей в церковь, подавали записку, поминали папу, ах, как тяжело было сегодня, как-то особенно тяжело. Больно, что нету дорогого нашего тятеньки с нами. Боже, какая я грешная, прости меня. Рада поехать в Абалак погостить, поговеть в монастыре. Какая я грешная — ужас... Да, все мы люди грешные, един Господь без греха. Какой сегодня чудный светлый день. Душа радуется. Гуляем с Борей.

4 мая

Боря хотел идти в театр, но я ему не позволила, конечно, он послушался. Ужасно сердита на Маркова, зачем он его соблазняет театром — дурак. Ведь сам не знает, что может выйти скандал, т. к. Грановского посадили из-за нас, потому что последний взял взятку 2000 руб. за то, что выпустят Борю, вообще шантаж, или шантан. А театр этот принадлежит Грановскому; артисты хлопочут усиленно за него.

5 мая

Только и развлечения, что сходишь, погуляешь на улицу да в библиотеку, вот и все. Обещали скоро нас отпустить домой, ах, как я бы хотела быть сейчас дома в Покровском, надоело ужасно как в этих конурах. Темнота, скука, света нету и уюту тоже. И то я радуюсь, что мы с Борей вместе, что он пока на свободе. Господи, хоть бы его оправдали. Мечтаем ехать за границу, не знаем, что Бог даст.

6 мая

Наконец-то нам удалось пойти в кинематограф с Надей в Вольдемар; интересная была картина "Жена Прокурора". Целыми днями здесь сидишь и ничего не делаешь, из угла в угол ходишь. Дни идут однообразно, тоскливо. Как я буду счастлива покинуть эту несчастную Тюмень.

7 мая

Боря хандрит неимоверным образом. Теперь уж я не стала обращать внимания на его болезнь и хандру. Надоело все это страшно. Когда же кончится вся эта галиматия? Когда же мы уедем из этой дыры? Ах, как я жалею, что теперь не старое время, плюнула бы на все и лучше бы было.

8 мая

Встала рано в 7 утра, приготовлялась идти в церковь. Благовест, я пошла. Стояла 10 минут, больше не смогла. Молитва совсем нейдет на ум. Почему это? А потому, что плоть у меня сильнее духа, это гадость. Господи, не отступись от меня... К Боре чувствую какую-то антипатию. Надоели все мне комедии... Жизнь у нас с ним слишком пустая, бессвязная.

9 мая

Какое счастье выпало на мою долю. Сегодня я видела Детей, случайно совершенно. Пошла на пристань за билетами, вижу стоит пароход, никого не пустили. Я пробралась к кассе чудом, и вдруг в окне парохода Настя и маленький28 увидели меня, страшно были рады. Это устроил Николай Чудотворец, сейчас я и Боря едем в Абалак; Боря в очень хорошем настроении, чему я рада. Как жаль, что не могла им сказать ни слова. Они были как ангелы.

10 мая

2-ой день на пароходе и так хорошо-хорошо, отдыхаешь душой. Боря чувствует себя хорошо. Одно неприятно, очень все смотрят. Вчера проезжали мимо нас, наши все были на берегу. Тяжело было с ними расставаться. Я плакала очень. Не успели слова сказать, т. к. пароход

остановился на одну минуту. Берега здесь ужасно скучные, природа скудная. Дождь идет, ветер. Живу мысленно с моими дорогими. Как жалко, что их там нету, в Т(обольске).

11 мая

На постоялом дворе, из окон прямо вид на реку; место ничего, только здесь грязь в Тобольске неимоверная. Боря ушел к Анне Павловне, жду ее. Рада буду познакомиться, я, посмотреть. Боюсь, как бы не схватили нас. Жаль, что нету Их. Вот и она пришла. Я очень была настроена против Анны Павл(овны), т. к. раньше слышала, что он в ее влюблен, но оказалась сущая ерунда. Она мне понравилась страшно. Сидела у нас 4 часа, но я бы с ней говорила говорила (нрзб.).

12 мая

Утром встали рано, торопились идти в церковь. Пока шли на гору, устали ужасно. Решили немного отдохнуть, а в церкви только начали благовестить, время свободного у нас было достаточно. Забрались с Борей на самую верхушку горы, перед нами открылся чудный вид. Река вдали отливалась точно алмаз. Люблю я город Тобольск, только смотреть на него и то с горы, как деревья распускаются и весь он утопает в зелени. Посидели с 1/2 (часа), отдохнули, потом пошли в церковь. По пути встретили блаженную из Верхотуры, чему я очень обрадовалась. Я простояла до конца службы, потом отслужила молебен Иоанну Митрополиту. Когда я стала прикладываться, мне стало жутко.

13 мая

Как я счастлива, что я дома. Как здесь хорошо, каждая мелочь напоминает тятеньку дорогого. Хочу страшно идти к Мурашному, где тятеньке было виденье. Какой он был хороший, милый, славный, добрый. Любил нас больше своей жизни, больше всех.

14 мая

2-й день как дома. Настроенье самое наилучшее, какое только может, не знаю к чему — хорошему ли душа радуется? Сегодня пришла тетка Марья звать на свадьбу к Кате. Я не пойду, мне не хочется. Боюсь, что дядя Николай Подбулыжный наделает бед каких-нибудь.

15 мая

Почему-то целый день казалось, что обязательно что-нибудь да будет нехорошее, т. к. ночью видела кошмарные сны, но день прошел слава Богу благополучно. Были у дяди Николая, встретилась с Оринкой у них, но не поздоровалась.

16 мая

Поссорилась утром с Борей из-за того, что он не пошел в церковь. Ах, какой чудный день, тепло, солнышко; когда погода хорошая и на душе весело, радостно. Днем еле-еле вытащила Борю гулять, пошли к Мурашному, но не дошли — у Бори заболели ноги. Потом ездили кататься на Кольке. Бывало страшно счастлива, когда Боря выходит. Скучно ему у нас очень, но что же делать? Ждем Варю из Петрограда.

17 мая

Какая благодать, благодарю тебя, Боже, а тепло-то как. Мне теперь стыдно выходить на улицу, даже нету летнего пальто. А купить денег нету. Ой, как трудно жить. Каждую минуту бойся, что вот-вот приедут красноармейцы и схватят.

18 мая

Вижу маме ужасно трудно жить, бедная, ведь она совсем одна, Феша, Дуня и Катя это одно целое. Маму ставят ни во что, слава Богу, что Митя на стороне Мамы, но я думаю, что это будет недолго продолжаться, ведь жена всегда возьмет верх. Вчера поссорились, я заступилась за маму. Вот бедная Варя как-то будет лето жить? Скучно, однообразно здесь. Боря никуда не ходит.

19 мая

Не могу простить Боре за то, что он послушался Анны Александровны и поехал в Покровское, а потом в Т(обольск), к чему это все? А теперь вот мучься. И денег нету, и душевного спокойствия. Оба раздражены, злы. Бог знает, что еще будет. Живем не приобретаем ничего, а наоборот все теряем. Жду Варю, хоть бы она скорее приехала. Скучно здесь ужасно.

20 мая

Не пошла в церковь, проспала. После обедни зашли молодые, т. е. Катя и Дмитрий Питкиных пить чай. Мне было странно смотреть на Дмитрия, когда-то, время оно, я его любила и теперь часто вижу его во сне. Потом мы к ним пошли пить чай, у них мне не понравилось; тетка Марья была груба. Нюрка дулась. Вообще все переменилось, что мне страшно не нравится. Нюра стала противная, нехорошая. Днем ездили кататься на Кольке.

21 мая

Разбудил меня Митя, чтобы ехать его провожать до пашни на Кольке; с Фешей мы трое отправились. Боря еще спал, т. к. было рано — 7 часов. Какая благодать, деревья распустились, все как в зеленом бархате; тепло. Не хочется расставаться с лесом, с дивной природой. Воздух чистый; забываешь все неприятности, как бы я хотела жить в лесу.

22 мая

Целый день валялась в постели, болело (нрзб.) по горло, боюсь, что разболится, а это такое мученье — ужас. Боря все время ноет, скучно ему здесь ужасно, бедный Боря. Хоть бы скорее ехать в Симбирск, и там не лучше здешнего, такая же скука. Где же это Варя? Скоро ли она приедет, беспокоюсь о ней страшно; говорят, что от Тугучыма до Тюмени разобраны пути. Господи, помоги ей доехать.

23 мая

Боря, слава Богу, нашел себе дело; ездит на велосипеде, ловит рыбу, целый день занят, чему я очень рада, настроенье лучше стало. Я тоже работаю, сегодня чистила рыбу, 10 ведер карасей наловили. Правда, как хорошо, когда есть дело, и человек совсем переменяется, ему в сто раз лучше становится.

24 мая

Вздевала рыбу на палки, чтобы вялить ее, Боря ушел удить с Александром Венедиктовичем, с телеграфистом, слава Богу, у него есть занятие. О, если б Варя скорее приехала, привезли бы мне работу. Интересно, сдала ли она экзамены? наверное, да. Понравится ли Ольге у нас; я б ее очень хотела видеть, узнать все Петроградские новости, про Маруську Сазонову; наверное, вышла замуж за Харлипа.

25 мая

Утром я и Феша поехали на велосипеде кататься, тихонько от Бори, но нам не удалось. Он увидел и за это посадил в завозню, запер, да так здорово, что мы с ней просидели часа 2, пока не пришла мама, Дуня и Катя от дяди Николая и нам отворили, нам с ней было там сидеть весело. Последнее время дни идут быстрее; я нашла себе работу — вышивание. Варину скатерть. Где-то она, бедная, наверное, с голоду умирает. Господи, помоги ей перенести горе и приехать

благополучно домой.

26 мая

Все время вышиваю Варе, а она, бедная, где-то в Петрограде. Господи, помоги ей приехать скорее, как я о ней беспокоюсь. Ах, как я б хотела иметь денег, хотя бы 500 руб. Какая я была дура, не берегла раньше денег, надо было припасать, а я все транжирила, а теперь живи не как ты хочешь, а как окружающие тебя хотят. Ах, эти деньги.

27 мая

Боря и я были в церкви, приехала Надька Свистунова, как я ее увидала, меня почему-то всю затрясло и ноги подкосились, сама не знаю отчего? После обедни с Борей поссорились, он почему-то стал злой; собирается воевать, прямо беда, не знаю, что и делать с ним. Ушел ставить фитили с Александром Венедиктовичем. Ах, если б были у меня деньги, я б уехала, только здесь бы не жила, надоело.

28 мая

Тяжело, когда сердишься; вчера я поссорилась с Борей; утром встала, пошла в Надьке Свистуновой, сидели, болтали о том, о сем часа 3, пришла домой — и думаю, ни за что не помирюсь с Борей, он первый подошел ко мне, поцеловал и вся ссора кончилась. Вечером пришла к нам Надька разодетая, завитая, чтобы покорять сердце Бори. Видимо, он ей не понравился, как она мне сказала, но лишь я думаю для того, чтобы я не подозревала, что она влюблена. Боре же она не понравилась с первого разу.

29 мая

Возят навоз, масса народу, человек 60 с лишним, шум, гам. Люблю я эту пору. Сегодня пасмурно, дождь, и на душе то же самое. Скука, печаль. Боюсь, как бы Боря не влюбился в Надьку, ну, на все воля Божья. Дала Боре клятву, что больше ссориться с ним не буду. Господи, дай мне крепости, терпенья; я такая слабая, как все наши надо уметь жить, чтобы всем нравится, а это трудно — приспосабливаться к людям. Где же теперь бедная Варя, как я о ней беспокоюсь, хотя бы выехала скорее.

30 мая

Мечты, мечты, где ваша сладость? Человек предполагает, а Бог располагает. Как я думала, буду жить весной в Петрограде, выходить сидеть на балконе, по два, и, ах, мои мечты остались мечтами. Теперь же живу под вечным страхом, живешь только сегодняшним днем, а что завтра будет даже и думать нельзя. Какие люди пошли ужасные, утопят в чайной ложке. Не жизнь, а ад.

31 мая

В шесть часов утра слышу, кто-то будит меня, гляжу мама, объявляет, что стоит 18 пароходов; побежала к Мите в комнату смотреть из окна; у меня сердце сразу упало; вижу, вся река усеяна пароходами; сейчас же разбудила Борю, он, видимо, тоже струсил, но не показал виду. Через несколько минут узнаем — пароходы все стоят пустые, сразу легче стало, а то мы думали, что наполнены красногвардейцами. Предполагали стоять целый день; но к нашему великому счастью, стояли часа 2; отправились в Тюмень, говорят, что за красногвардейцами; вот обратно как пойдут из Тюмени, тогда страшно будет. После обедни пришли чаю напились, стали отдыхать. Боря ушел наверх играть на пианино, а я осталась внизу с нашими. Сидим мирно, беседуем, вдруг слышим колокольцы звонят и остановились около наших ворот. Видим — идет солдат; я бегом наверх, Боря меня встречает, весь бледный и трясется, я тоже перепугалась изрядно. Оказывается, он спрашивал красногвардейцев. Ну, слава Богу, думаем, и сейчас же ушел. Ну и напугались же все ужасно. Вот так и живешь под вечным страхом. Скоро ли все это кончится? От нас в 5-ти верстах есть деревня “Полбулыга”. Там был престольный праздник; я, Митя, Феша

От нас в 9-ти верстах есть деревня "Подобулыга". Там был престольный праздник, я, Митя, Феша, Боря решили поехать развлечься; мы на "Кольке", Митя на "Красотке"; маму упросили с нами ехать. Боря ни за что не хотел одеться как следует и хотел ехать в простой серенькой рубашке; но мама его уговорила еле-еле одеться; вот мы и поехали, в езде немного забылись. В гостях нас принимали как царей, были очень вкусные вещи; поехали обратно, на нашу долю пошел дождь. Довольна поездкой.

1 июня

Боря узнает все пока приятные новости. Господи, когда же будет хорошо? Ведь надоело же так жить, нету ни края ни конца этим мытарствам. Здесь даже нечем развлечься. Ходила к Надьке Свистуновой, посидела у нее часа 2, потом она меня проводила. Прихожу, Боря соскучился обо мне, хотел уж идти искать. Ему здесь скучно, не с кем поделиться своим горем. Где же бедная Варя? Хоть бы она скорее приехала, ведь это ужасно жить в разлуке.

2 июня

Целый день ныла, со скуки умирала. Нечего делать мне. А безделье — смерть. Нашлось бы что-нибудь; но у меня такая лень, что я буквально не могу ни ногой ни рукой шевельнуть.

Боря целыми днями читает, а я и читать не могу. Только что ушел фитили ставить, а уж 7 вечера, напрасно так поздно пошел, да и притом идет всеночная. Мне не нравится, что Боря говорит про мою Святую глупости, ведь это грех, ну, а как его убедишь?

3 июня

Боря пошел к обедне, но я не пошла, с утра была расстроена. Должна была придти Надька, не пришла лишь потому, что Боря в церкви с ней не поздоровался; она, наверное, обиделась. Видела Олю; она, бедная, все грустит, вполне я ее понимаю; она мне очень нравится, у ней есть душа и доброта, а (у) Феши нету ни того ни другого. Посмотрим, как они будут жить. Жалко, что не Ольга у нас. Скучаю очень о Варе, Господи, спаси ее.

4 июня

Днем пошла к Оле, сначала разговор не клеился, чувствовали обе какую-то неловкость, но в конце концов все обошлось по хорошему. Большие идут сплетни, наши на Ольгу, Ольга на наших — и не разберешь, кто прав, кто виноват. Зубы на Олю точит кажется и Феша, да это вполне понятно — Феша соперница Ольгина. Пришла домой, на меня они напали — зачем ходишь к Ольге; меня это страшно взорвало, какое им дело до моих поступок? Вечером Дуня и я пошли гулять, встретили девок, они нас пригласили ехать за луком за реку; мы с удовольствием согласились. Я была рада быть в поле.

5 июня

Боря принес с рыбалки маленькую щучку. Больше не хочет рыбачить, надоело, уходит в 4 часа, ведь ужас как рано. Наши почему-то вздумали праздновать Фешины именины сегодня, пили пиво за ее здоровье, я ей желала всего хорошего, а в душе как-то не то было, вообще я ее не люблю лишь только потому, что она меня и маму не любит. Варю тоже. Сегодня видела плохой сон о Варе, как будто она лежит больная у какой-то бабы, неприятно, что о ней ничего мы не знаем. Господи, спаси ее.

6 июня

Бори не было дома, а мы с мамой сидели вверху и горевали о Варе, как-то она, бедная, поживает?.. Вдруг слышим, Феша кричит: Варя едет; не описать той радости и счастья, когда мы встретили ее и Олю. Какая Варя красивая, нежная, хорошая, стройная, в ее можно влюбиться

встретили ее и Олю. Какая Варя красивая, нежная, хорошая, стройная, в нее можно влюбиться. Она, как солнце — аристократка, не та аристократка, что с сухим сердцем, а ее выдержанность, воспитание. Господи, пошли ей многого счастья. В Тюмени их чуть не расстреляли как буржуев.

7 июня

Боря с Митей ушли в поле ночевать, боятся красногвардейцев. Мы только что решили идти завивать венки, приходит мама от Ксении Даниловны и заявляет нам, чтобы мы немедленно ехали на Кольке в поле ночевать, т. к. сегодня придут красногвардейцы; чаю напились, запрягли Кольку, поехали в поле ко Ондронову, всю дорогу хохотали, вместо того чтобы плакать. Боря с Митей обрадовались, когда увидели нас. Начали к ночи очищать избушку от комаров; разожгли курево в избушке, кое-как выгнали пауков и комаров и легли спать.

8 июня

Всю ночь не могли уснуть, комары налетели в трубу, в избушке было черно, как облако, мучились, ругались, вышли на улицу, стояли, сидели у курева, еле спасались. Боря же храпел во всю. Митя с ребятами всю ночь тоже не спали, караулили лошадей. Днем послали Пашку домой в виде разведчика узнать, проехали ли красногвардейцы. Через 2 часа он приехал, говорит, что еще их не было. Но мы все-таки решили поехать домой. Приезжаем, нам с Борей посоветовали уехать, т. к. оставаться было опасно. Сходили за Василкой, наняли лошадь, поехали в Зыряне.

9 июня

Ночевали у Кузьки-татарина в Тарханах; я сильно плакала, мне было тяжело, скучно. Боря был сердитый, неприятный. Я настояла во что бы то ни стало нанять лошадей и поехать в Зыряне; я больше не могла оставаться в такой атмосфере, прожили там недолго, уехали. Боря и я по дороге развеселились, но на душе гнет был, старались развеселить друг друга. Еле-еле нашли Халоповых, нас встретили радушно, очень были рады нашему приезду. Такие милые добрые люди — прелесть. Мне очень нравится их молодуха.

10 июня

Я и Боря опять не спали всю ночь, клопов масса было, как насыпано, чувствовали целый день

тяжесть, как-будто пудов 100 на нас навешано. Днем пришел один симпатичный мужичок, забыла его имя, все время разговаривали с Борей. Боря им очень всем понравился. Они тоже трусят, т. к. на них гонение из-за нас, все-то нас гонят, все-то нас боятся, что же это будет; нет такого дома, где бы нас приняли и спрятали, а раньше бы это было при жизни тятеньки, ух, сразу бы взяли бы спрятали; а то что?

11 июня

Слава Богу, опять я и дома, но, как оказалось, не совсем. После того, как я вышла замуж, ко мне стали кисло относиться, т. е. вернее, как Митя женился, все переменилось в доме. Совсем меня не любят, только одна мама да Варя, а для Мити хоть век не будь, ну что ж, Бог с ними, пусть. Вообще я здесь не желанная гостья; мы приехали, Митя даже нас не встретил и не стал с нами чай пить, ушел спать, а если бы был папа, ведь этого бы не было. Вообще мне дома не нравится.

12 июня

Рано утром мама разбудила Борю, т. к. у нас в Покровском полно было красногвардейцев; Боря оделся, убежал; через час видим, въезжает к нам полно красногвардейцев верхом, все вооружены; Господи, как мы перепугались — ужас. Когда же это мученье кончится. Жить под вечным страхом немыслимо, все скрываться. Нету покоя душе. Молюсь Господу, чтобы он нас защитил, чтобы спас Борю. Остановилось у нас 16 человек, поили их чаем, сначала они начали ругаться разными словами, а потом в конце концов успокоились. Вечером я пошла ночевать к

ругаться разными словами, а потом в конце концов успокоились. Вечером я пошла ночевать к Марине, дома спать боялась.

13 июня

Ко всему можно привыкнуть, теперь совсем их — красногвардейцев — не страшно, сегодня даже гуляли, ходили купаться. От нас, слава Богу, уехали конные, пока никого нету, не знаю, что будет дальше? Тоскливо, хочется уехать далеко далеко отдохнуть от всех мук, переживаний... Ах, если бы были дороги, давно бы нас здесь не было. Не так было бы переживать трудно, если б в нашей семье к нам было больше любви, я-то чувствую, что мы для Мити нежеланные гости, ну что ж, пусть. Никогда у меня душа так не болела как нынче. Разбита я нравственно и физически, сил моих больше нету бороться с горем.

14 июня

2-ой год страдаем, и нашим страданьям нету конца. Господи, спаси нас. Нету нигде покоя, все плачем, последнее отбирают, ведь это же ужасно жить под вечным страхом. День проживешь и благодаришь Господа за Его милосердие, что еще жива; только бы не умереть без покаяния... Характер у меня последнее время стал наужаснейший, нисколько нету смиренья терпеть — одна злоба. Ах, если бы было прежнее время, вот было бы хорошо, а мы тогда не умели ценить, ведь действительно русский мужик задним умом крепок.

15 июня

Только что прошел крестный ход, а я не пошла, Варя с Олей ушли, у меня нету настроенья молиться. Волнуюсь ужасно о каждом пустяке, верю каждому слуху. Была у Бори, не могла дойти до него, он заперт на замок, бедному как ему трудно, только бы Господь спас его. Боюсь, чтобы он над собой не сделал, ведь враг сильный, сейчас же подтолкнет на худое дело. Вразуми его, Господи, не дай погибнуть. Каждую минуту ходят красногвардейцы к нам, спрашивают нет ли чего покушать, ой, как их страшно; они хуже змей, противные. Стоят пароходы у пристани, как в городе.

16 июня

Видела я на белом свете страху, но не такого, как сегодня, о Боже, что было — ведь это ужас. Сидели почти целый день в подвале, спасались от шальных пуль. Белая гвардия пришла на красную, ну и страшно же было. Боюсь я за себя и за всех, главным образом за Борю, ему всех труднее — несчастный. Мужики и бабы до того напугались, что сами себя не помнят, ходят как в каком-то тумане. Все свои одежды сложили в подвал, а некоторые уехали совсем из деревни.

17 июня

Ночевали не дома, в пальто, в голошах — во всем спали на всякий случай; ночь прошла, слава Богу, хорошо, спокойно, что же это будет? Наступления никакого пока нету; теперь живешь и не знаешь, будешь жива через час или мертвая? Боря очень боится, да еще бы, его положенье аховое. Сегодня мне он объявил, что он страдает из-за нас, ой, как мне было неприятно слушать, говорит, что кается, что поженился на мне; на такую идет откровенность, от которой уши болят, а сердце разрывается.

18 июня

Какая жуткая картина раскрывается перед нами, когда выходишь на улицу посмотреть, что тут делается, о Боже, видишь целые караваны, целые обозы тянутся по всей деревне, все бабы увозят свое добро и сами уезжают в другую деревню, которая совершенно в стороне, как им бедным трудно расставаться со своим домом, оставляют они их на произвол судьбы, слышишь только слезы и слезы, нету им конца, никогда в жизни я не забуду того, что сейчас переживаю.

слезы и слезы, нету им конца, никогда в жизни я не забуду того, что сейчас переживаю.

19 июня

Приехало к нам 30 человек красногвардейцев, устроили штаб, а на дому наблюдательный пункт, и все ходят такие злые, что ужас, так вот и смотрит, что пулю кому-нибудь пустят из нас. Когда я их вижу, меня всю трясет; мне так хочется дать им по физиономии, что же поделаешь, но силы мало и нету храбрости. Живут они у нас наверху, все ночи не спят. Жили всего 2 дня, а показалось 2 года.

21 июня

Уехали все большевики на низ в Иевлево, говорят, что до Тобольска, а потом и в Омск, но едва ли им удастся эта комбинация. Боже, как мы рады, что их, сволочей, у нас нету. Но надолго ли они все уехали?.. что-то не верится, что мы их не увидим. Как все выехали от нас, мы сейчас же стали мести в ограде.

23 июня

Нет, это больше, чем Божеское наказание, ведь они теперь вернутся сегодня. Приехал мужик и говорит, что пароходы прошли Усачку; мы, т. е. я, Варя, Дуня, Оля собрали с собой кое-что и пошли пешком в Касмакову, устали, шли 10 верст. Боялись, что нас кто-нибудь заметит из крестьян по дороге и мы тогда пропали, беда, как тяжело жить — ужас. Каюсь, что вышла замуж, а то и беспокоиться надо за себя и за мужа и за наших всех.

27 июня

Надоело жить в Касмаковой, хотя тут и чисто и принимают нас радушно, но скрываться уж очень тяжело, целыми днями сидишь на полу, чтобы никто нас не заметил, а если кто заметит да донесет красногвардейцам о нас — значит мы пропали; с нами они покончат, а бедные наши, наверное, там дрожат, боятся. А Боре еще хуже и опаснее, живет в лачужке грязной вот уже 17-ый день и боится за меня и за себя. Господи, спаси нас и помилуй. Да, тяжелое время приходится переживать.

28 июня
Решили сегодня поехать домой, если уехали красногвардейцы, вечером приезжает мой крестный от нас и говорит, что все черти уехали от вас, мы собрались, через час были дома. Подъезжаем к дому, видим около почты солдаты, перепугались мы ужасно, потом разглядели — белогвардейцы, Боже, как мы обрадовались. Оказывается Боря их привел; он рано утром поехал и встретил их на пути, воротился обратно в Покровское. Какое было счастье, неописуемое. Ночью с целым отрядом я и Боря покинули Покровское.

29 июня

Всю ночь ехали до Бачилино на лошадях, тут мы уже немножко вздохнули легче, когда узнали, что мы спасены и не надо боятся красногвардейцев противных. Поставили нас на квартиру, ночевали мы там ночь и поехали уже вдвоем с Борей в Тобольск.

30 июня

А все-таки у Бори нервы еще не прошли, пока еще все сердитый, неприятно немного, но ничего, Бог даст пройдет, много ему, бедному, пришлось пережить, и тюрьма, и расстрел, и скрыванье от красногвардейцев, да чего только не было, как только пережили все это, один Господь спас. Задолго до приезда красногвардейцев к нам в дом страшно трещала в переднем углу Матерь Божья; мама и все старшие на это обратили внимание, а мы с Варей засмеялись, что они на каждый пустяк обращают вниманье, мама все говорила, вот будет неприятность, и, действительно, вскоре нам пришлось пережить большую трагедию.

действительно, вскоре нам пришлось пережить большую трагедию.

1 июля

В 2 дня приехали на вокзал, чтобы ехать в Симбирск. Вот подошел поезд исключительно только с теплушками, заняли и мы место с Борей. Все двери открыты, окна тоже, сквозняк ужаснейший, масса народу, полна теплушка — и мужики и интеллигентные вместе смешались, как-то смешно чувствую, не плохо и не хорошо. Новая обстановка меня очень занимает. С нами рядом сидят какие-то, которым ехать далеко.

2 июля

Слава Богу, подъезжаем к Омску, надоело ехать при таких обстоятельствах. Грязно уж здесь больно. В Омске сидели на вокзале 6 часов, утомилась я страшно, заняли опять место в теплушке, едем по направлению к Челябинску через Петропавловск. Ой, какая отвратительная публика; масса китайцев, какие противные — ужас, скоро ли мы доберемся.

10 июля

Какая гадость Омск, пыли я в жизни никогда не видала столько, сколько здесь. Если чуть подымается ветер, то городу от пыли не видно, пойдешь если в белом, то домой придешь в сером. Я и Боря все исходили “кафе”, много там мороженого и пирожного, единственным этим и хорош город. Движеньем походит на Петроград, народу масса и автомобилей полно.

11 июля

Ночевали на пристани, всю ночь, конечно, не спали, чувствую себя ужасно плохо, голова кружится, да и, главное, нету приюта, ни одного номера, в этом отношении город противный. Вечером, говорят, приходит пароход, на который мы сядем и поедем домой, а главное в чистоте находиться. Отдохнули хоть на пароходе после всех этих передряг. Чудо, что мы все живы. Спаси нас, Матерь Божья.

12 июля

Дома совсем не так, как раньше, живешь и оглядываешься — хорошо ли ты делаешь, что ходишь так, а не эдак. Варя мне рассказала одну вещь, что Митя ее выругал свиньей и сказал, что даром ест его хлеб. Да разве после этого (нрзб.).

18 июля

Из Тобольска я и Боря ехали к нам в Покровское на пароходе “Андрей Первозванный”. С нами вся администрация обращалась очень корректно, хорошо. Ехали мы из Омска, так что привыкли на пароходе ко всем и вся. Жалко было расставаться, ужасно, к дому я подъезжала с боязнью в душе, теперь как-то особенно не радуешься, когда видишь свою деревню и свой дом. Встретили нас все очень радушно, по-видимому соскучились, в особенности Варя.

19 июля

Целый день прошел у нас с Варей в работе, т. к. сегодня канун праздника. До того устали, что даже трудно встать на ноги. Бедная Варя, ведь ей приходится многое делать, иначе на ее будут смотреть злыми глазами, т. е. скажут — “Убирайся вон”, ее положение критическое. Рада, что не еду на пароходе, надоело, слишком утомительно, хотя с большим комфортом ехали.

20 июля

Ходила в церковь, на меня все смотрели — бабы и мужики — как на диковинку, все удивлялись, как мы еще живы остались после этой беды. Ходили молебен служить ко крестику, мы с Фешей

как мы еще живы остались после этой беды. Ходили молебен служить ко кресту, мы с Фешей не достояли, ушли домой, изнемогли от жары. Надо идти купаться сегодня.

21 июля

Вообще, есть ли у меня хорошие, светлые, радостные дни, кажется их нету, видишь-живешь только среди горестей и обид. Боря страшный эгоист; он любит только себя, больше никого; ко мне он относится ужасно, груб неимоверно; мне кажется долго мы с ним не проживем; меня как-то эта мысль и не пугает очень-то, уж свыклась с ней. Где же мое счастье? Я его не вижу. За 10 месяцев вижу только грубости.

22 июля

В будни хоть есть дело, помогаю немножко маме, а уж в праздник не знаю, что и делать, из угла в угол ходишь. Рада, что поеду в Симбирск, боюсь, как бы Боря не отдумал, интересно, какая выпадет дорога на этот раз, а то когда мы ехали в Омск, то Боря ухаживал за каждой хорошенькой барышней, неприятно было очень.

23 июля

Приехала комиссия искать тело убитого Гермогена, нашли в воде его обмотанного веревками и руки связаны назад, мучили, говорят, его, бедного, страшно, ах, какие мерзавцы большевики, не лучше бы им и не хуже, Господи, накажи их. Завтра ждут Епископа Еринарха из Тобольска и тогда повезут Гермогена хоронить в Тобольск29. Завтра Борины именины, что же я ему подарю? вернее, что ничего.

24 июля

Слава Богу, пришлось уладить ужасную сцену; Боря вчера решил уехать от меня совсем, собрал все свои вещи, если б я его не умолила остаться, он бы уехал. В минуту сколько мне пришлось пережить, прямо трагедия. Теперь, конечно, ему стыдно, неприятно оставаться здесь; мама ничего не знает о том, что Боря меня ударил, а только одна Варя. Боря ненавидит всех наших, это видно по всему. Какая я бесстыдница — дала клятву слушаться Борю во всем, а сама пошла купаться.

25 июля

Как жутко проходить мимо церкви, в особенности вечером, идешь — темно-темно и ни одного человека нету на улице, вся деревня спит, видишь в церковной ограде горит свеча, диакон читает всю ночь евангелие у Епископа Гермогена на могилке. Стараюсь реже ходить в верхний край, чтобы не видеть жуткой картины. Сегодня приехал Епископ Еринарх за телом убиенного, служили панихиду. Я сильно плакала, вспомнила сейчас же папу, как его отпевали, стоять было немыслимо, хотелось зарыдать.

26 июля

Если все будет хорошо, то завтра, Бог даст, поедем в Симбирск; я рада увидать бабушку30; я ее люблю, интересно, какая будет встреча и какой прием, надо постараться быть милой, предупредительной, скука, наверное, будет ужаснейшая. Мой милый Петроград, а когда же я тебя увижу, что любить в нем? жизнь, ах, сколько там прелести, каждая улица дышит оживлением, радостью, да разве можно сравнить Петроград с каким-нибудь городом, нету подобных — милых.

27 июля

Как страшно, выезжала из дому — плакала сильно, а теперь даже слезинки не выронила, а почему, потому что дома не то, нету любви, все живут для себя. Митя даже не мог запрячь

почему, потому что дома не то, нету любви, все живут для себя. Митя даже не мог запрячь лошадей, чтобы нас отвезти до Тюмени, Бог с ними. Милые Варя и мама; она целыми днями сидит и работает, устает страшно. Какие красивые места попадаются, когда едешь на лошадях, напр(имер) мост около заимки Свестунова, прелесть и на мысах.

28 июля

Ничего нету у меня поэтичного, все проза. Надоело так жить, не живешь, а прозябаешь. Узнала неприятную новость, как будто большевики идут обратно. Боже, как страшно, когда вспоминаешь их, что по телу идут мурашки. Душа болит за наших. Скучно мне отчего-то последнее время. Боря как чуть немножко рассердится на меня, сейчас же гонит в Покровское, Бог с ним, буду переносить.

29 июля

От Стряпчевых выехали на вокзал довольно рано, боялись опоздать на поезд. Поместились, устроились в теплушке, т. к. классных вагонов нету, все милые большевики устроили — ни дна бы им и ни покрышки. Ой, грязно в этих теплушках, все спят рядом, устроены нары, мы с Борей устроились сносно. Сначала как-то холодно было, неприятно, а теперь я уже начинаю привыкать к этой гадости.

30 июля

Слава Богу, подъезжаем к Омску, авось там будут классные вагоны. Опять теплушка, опять та же обстановка, только люди другие, новые, теперь едем на Челябинск. Местность не очень красивая, часто попадаются степи, озера. Ой, как скучно ехать, ни одного живого человека нету. Самара, милая Самара, где ты?.. Симбирск я почему-то не очень жду, боюсь его. Что там меня ждет?

31 июля

Проехали Петропавловск, славный город издали, походит на Тюмень, только больше зелени. Скоро будем ехать мимо Кургана, когда-то дедушка пел: “Над Курганом над рекою”, интересно, какой это город. Здесь уже пошли строгости, надо брать пропуска, т. к. близко фронт. Господи, что же это такое — брат на брата идет. Всех офицеров забирают, боюсь как-бы Борю не забрали, и он тоже боится этого. Да и за что драться? Бедный Митя, ему придется, наверное, идти на войну. Только, Господи, дай здоровья маме, а то иначе весь дом разорится.

1 августа

Часа через 2 будем в Челябинске, скоро ли мы приедем в Самару. Так хочется отдохнуть от этой грязи, вымыться. Люди здесь все сидят грязные, противные, параллельно вагону. Сегодня будет 3-ои суток, как мы едем в теплушке. Хорошо, что едешь с любимым человеком, и так все кажется грязно и противно. Все-таки Боря меня любит, только своеобразною любовью, странною, как жаль, что он такой грубый.

2 августа

Сидим в Челябинске целые сутки, еле-еле нашли номер. Город мне понравился, только пыли масса, много магазинов, красивых магазинов нету и домов тоже. Я совсем отвыкла от большого движенья, совсем стала провинциалка, боюсь автомобилей, как смешно, что же будет, если я приеду в Петроград? Сижу сейчас в вагоне 3-его класса, это немного лучше IV-го, слава Богу, что хоть место заняли. Публика серовата.

3 августа

Ах, как я бы хотела видеть Варю, теперь я понимаю, что ближе Вари у меня никого нету. У меня

Ах, как я бы хотела видеть Варю, теперь я понимаю, что ближе Вари у меня никого нету. У меня сегодня ночью нету места, и Боря к себе не пускает меня, потому что ему неудобно, даже дал пощечину, а разве Варя сделала бы это, да никогда, ей бы даже не было удобно, но и то уступила бы. Раньше я думала, что Боря есть исключение из всех мужчин, но он такой же гадкий, как и все, ухаживает и чуть ли не целует каждую женщину.

4 августа

Хочу страшно остаться в Самаре, Боря мне противен, при мне ухаживает, садится ночью близко к женщине, и когда я начала говорить об этом, то он мне заявил: “при тебе я делать этого не буду, а без тебя буду”. Ведь надо иметь такое нахальство, сказать такую вещь. Только что отошли от Самары на пароходе “Фортуна”, я все время любовалась на Самару, пока с виду она не скрылась, какой дивный вид, а какая чистота в городе, прелесть. Мне жалко расставаться с Самарой.

5 августа

Ах, какие дачи дивные близко от Самары на берегу Волги, что-то сказочное — игрушки. Все дачи потонули в глубоком дубовом лесу, какие тут люди счастливые, что они могут жить в такой прелести, да, не все люди одинаково награждены. 2-ой день настроенье у меня великолепное, думаю подействовала Волга, горы, красивые места. Только то нехорошо, что маленький пароход, спала я в салоне на полу, зато выспалась за всю дорогу. Подъезжаем к Симбирску, меня почему-то нисколько не радует и не трогает.

6 августа

Как я рада, наконец-то мы на месте. Встретила нас бабушка и дедушка хорошо, тепло, хотя здесь меня и любят, но все-таки себя не чувствую, как дома. Ходила сегодня в церковь, мне ужасно грустно стоять, вспоминала наших, телом я далеко от них, а душой с ними. К Боре я отношусь недоверчиво. Мне кажется, до старости лет мы не доживем, разведемся. Он увлекается другими женщинами, прямо беда, не знаю, что и делать???

7 августа

Какая скука в Симбирске, живу я всего третий день, а мне кажется третий месяц; нету здесь веселого человека, как я б хотела иметь любящую подругу — открывать ей все тайны; мужу всего не скажешь, а особенно моему. Он все стонет, что денег нету, а что я могу сделать, ведь я женщина, он должен хлопотать, а не я. Последнее время я хожу сама не своя. Меня как будто кто-то ударил по голове, когда я узнала, что Боря ухаживает за всеми.

8 августа

Боря собирается ехать обратно в Тюмень, если и телеграммы не получит от Елизаветы Егоровны, воображаю, какое будет его путешествие; он при мне не стеснялся ухаживал, а без меня уж и вовсе. Ой, как тяжело, зачем я только узнала, что он такой нехороший. Бог с ним, пусть, надо переносить все безропотно, надо взять себя в руки. Как я жалею, что нету около меня Вари или Ольги, которым можно открыть свою душу.

9 августа

Боря решил ехать во вторник на 2 месяца; я боюсь думать, что мы так долго с ним не увидимся. Воображаю, как он будет ухаживать за женщинами... У нас в Покровском гораздо веселее, чем здесь, здесь город, а скука не дай Бог какая, да еще среди чужих людей, чувствую себя связанной. Нельзя себя вести так, как я хочу. Кроме кинематографов ничего. Город сам по себе чистенький, приветливый, весь в садах, большие дома. Может быть, дальше будет немного лучше, веселее.

10 августа

Целый день сегодня с Борей ходили гулять, почему-то он теперь ко мне гораздо лучше относится, ласковый, предупредительный. Но свои привычки не оставляет, смотрит на каждую женщину, да еще как. Единственная некрасивая черта, с кем я не могу никак примириться — гадость. Как я б хотела быть кроткой и всеми любимой, а мой характер ужаснейший. Господи, пошли мне кротость — терпение.

11 августа

С дедушкой ходили на старый венец, вид раскрывается на Волгу красивый, и мост через Волгу, самый большой в Европе, до того красивый — когда смотришь на него, то все забываешь на свете. Как я жалею, что здесь нету Вари, вот бы ей понравился Симбирск и берега Волги — сказка. Потом с Борей пошли на новый венец, там тоже красиво, но не так, уж такой прелести нету, как на старом венце, были в Карамзиновском саду, маленький садик.

12 августа

Целый день я провела в радости. С тетками, дедушкой и Борей ездили пикником недалеко от Симбирска в лес, ах, какая там прелесть... На берегу Волги, лес — столетние сосны; мы разложились под двумя соснами; пили чай, ели вкусные пироги, жарили шашлык, ну и вкусно же было — замечательно. Целый день была на воздухе, в саду воровали сливы, вишни, как интересно... Вечером ходила в театр с Борей, я была одета лучше всех, на меня все обращали внимание.

13 августа

Как я не люблю вранье. Боря воображает, что я его ревную, и не думаю ревновать, а мне больно и тяжело, что он мне врет; я его вчера спрашиваю: “что, Боря Беляев единственный сын и нету сестер?” Он ответил: “Сестер нету”. Ну разве это красиво — врать? Ведь он думал, что я буду против того, чтобы он не пошел сегодня. Да делай, что хочешь, только не ври... Как жалко, что папы нету, он бы ему внушил про вранье, какой это грех врать.

14 августа

Только что проводила Борю, шла с вокзала сначала с Борей — он меня немножко проводил на гору, когда я с ним прощалась, мне было ужасно грустно; я чуть не заплакала, по дороге зашла в красную церковь на Гончаровской, там служили молебен, и я помолилась о благополучном отъезде Бори. У меня настроенье совсем не то, как он уезжал зимой из Петрограда; тогда я страшно убивалась — это перед горем; а теперь почему-то со спокойной душой я отпустила. Думаю, Бог даст, все будет хорошо.

15 августа

Сегодняшний день еще лучше даже, чем в то Воскресенье. Ходили в колки опять той же компанией, но день был такой чудный, дивный — прелесть; Волга такая красивая была, что трудно было оторваться взорами. С одной барышней, с Катей, поехала я кататься вдвоем по Волге; лодка большая-большая, очень было интересно. Была водка, 2 маленькие бутылки, закусок масса, шашлык — вообщем, шикарно. Вернулись домой ровно в 9 часов вечера, а ушли в 12 ч. Пока мне не так уж скучно без Бори, пока думаю о нем, вспоминаю, молюсь, но чтобы сходить с ума, нет? и слава Богу, а то что бы я стала делать? все кругом чужие, да и Боря как-то не так ко мне расположен; мы с ним какие-то хорошие знакомые, но не как хорошие друзья. Со мной он совершенно не считается да и не желает; он делает так, как он хочет. Авось в будущем, может быть, и изменится. Я точнее выражусь: “он меня не любит, а привык ко мне”.

16 августа

Послала Боре и нашим письмо, боюсь, что не дойдет, говорят, почта хромает. Написала Боре немного о себе, не знаю, интересно ли ему читать мои послания. Скучно мне без его, но не так, как первые дни. Но тем утешаюсь, что денег привезет, ведь надо как-нибудь зарабатывать. От наших нету ни одного письма, что такое случилось? беспокоюсь страшно. Вечером с тетей были в кинематографе.

17 августа

Ну, слава Богу, нашла себе занятие: французский, первый раз сегодня занималась, хочу усерднее приналечь. Теперь, оказывается, я нисколько не скучаю о Боре, а только беспокоюсь, чтобы он доехал благополучно. Письма от его еще нету, наверное, по дороге забыл меня. Дни теперь идут ужасно быстро и не однообразно. Господи, только спаси всех наших.

18 августа

Ах, как бы я хотела быть умной. Почему я не наделена богатым классическим умом? Ведь тогда бы и нестрашно стало бы жить, а тут зависеть от мужей. Нельзя делать, что хочешь, даже думать нельзя, что хочешь. Вот уже 4-ый день, а от Бори нету письма, если он мне не напишет с дороги, то я даже и виду не покажу, что мне больно, вообще я решила так действовать, а то унижать себя перед ним, нет, не буду, лучше все огорчения буду переносить на себе, никому не надо показывать виду.

19 августа

Опять сегодня был пикник, но мне почему-то было тоскливо. Я все время старалась уединиться и мечтать, такая красота с балкону в колках, балкон выходит на Волгу, ну, прямо прелесть — очарование. Приехала Абрамовна и от Бори не привезла письма, теперь я ясно понимаю его отношение ко мне, ну что же, пусть, Бог с ним.

20 августа

Пришли после кинематографа и мирно сидим в столовой, беседуем, вдруг приносят телеграмму, у меня и руки от страху опустились, оказывается от Бори, сидит еще в “Чишме”, спрашивает о моем здоровье. Господи, что же это такое, почему он там сидит? Что случилось, говорят, что

поезда в Уфу ходят, и он там сидит у кого-то на хуторе... хуже всего находиться в неведении. Я сильно плакала, когда получила телеграмму. Потому что не знаю, в чем дело.

21 августа

Долго мне не забыть сегодняшней ночи, как я мучилась, не спала всю ночь, что Боря делает в Чишмах, почему он не едет в Уфу? Неужели он полюбил кого-нибудь, нет, этого быть не может. Что бы я дала сейчас, чтобы быть там и посмотреть, отчего Боря сидит и какая семья, где он живет? Я никогда так не молилась Богу, как сегодня ночью. Оказывается, поезда не ходили действительно на Уфу, сегодня узнавал дедушка. Много пассажир застряло на ст(анции) “Чишмы”, сегодня пойдет первый поезд от Чишмы из Уфы и, наверное, Боря выедет. Хотела послать ответную телеграмму, но телеграмм не принимают, на время закрыто. Завтра уж, Бог даст.

22 августа

Что-то будет? Поедет ли Боря дальше — неизвестно, а в неизвестности находиться самое худшее. Я уж и не знаю, что лучше — ехать ему или возвратиться, ведь его могут на фронт взять. Господи, что ты предназначишь, то и хорошо. Рада, что живу у бабушки, а не дома, а то бы я теперь с ума сходила, да ругань была бы постоянно. Только то худо, что не имею никаких известий из дому, как то они, мои милые, поживают. Ах, как я бы хотела красиво одеваться, ах,

если б у меня были деньги, ведь (нрзб.).

23 августа

Эти дни все ждала Борю обратно, но сегодня узнала, что поезда пошли вчера вечером в Челябинск, слава Богу, а то бы Боре пришлось вернуться обратно. Господи, помоги ему все устроить. От наших нету до сих пор письма, что бы это значило? Дни проходят быстро-быстро, слава Богу.

24 августа

Каждое утро, кроме воскресений, как только встаю, после чаю иду первым долгом на почту, смотреть, нет ли письма от Бори, и какая отрада бывает, когда получишь письмо. Остальное время проходит разно, когда как. Сегодня шел сильный дождь, так что мне не пришлось погулять. Странно ужасно бывает — как погода плохая, так и на душе плохо, тоскливо.

25 августа

Рожденье тетки Веры; пили за завтраком вино, была закуска, пирог; все было очень вкусно, но сама новорожденная была надутая, сердитая. Насколько она была мила сначала моего приезда со мной, настолько она стала злая и спрашивается: почему? неужели ревность? Боится, что Боря получит капитал — наследство, но ведь не я же получу, а Боря, мне какое дело. Ходила к француженке на урок; мне нравится к ней ходить, уж очень красивый вид открывается с балкона на Волгу. Отправила письмо Боре.

26 августа

Была в церкви Вознесения у обедни, чувствовала себя как на иголках, народу там мало и церковь большая, мне все время казалось, что все на меня смотрят. Потом пошла к француженке, целый день провела под горой. Должен был придти Теплов, но не пришел, ужасный невежа, обещать и не придти. Целый вечер я была с дедушкой и бабушкой, уж они меня очень любят, дедушка даже яблоко разломил пополам. Настроенье у меня превосходное.

27 августа

Послала нашим письмо.

28 августа

Какое у меня сегодня радостное настроение, такое хорошее-хорошее, какого давно не было, получила от Бори из Тюмени телеграмму о благополучном приезде и о высылке денег, от наших пришло письмо, там все живы и здоровы, ну и слава Богу. Все значит хорошо, боятся, что Митю возьмут на войну. Ну Бог делает так, как лучше, сегодня пойду в церковь, буду благодарить Господа за Его милость.

29 августа

Сидели мирно беседовали с бабушкой, были слышны выстрелы, но мы не обращали на них внимания. Вдруг приходит тетя Лиза взволнованная: “красногвардейцы в 4-х верстах от Симбирска”, я в чем была, в том и пошла, взяла с собой иконку и Евангелие и отправилась под гору с дедушкой и Мишой, потом на пароход сели; там спали до 6-ти утра, нас разбудили и мы перешли на другой пароход “Нижегородец” и поехали в Самару на утро в четверг.

30 августа

Поместились в корме, остальные сидели в люке, народу было масса, была сильная паника, народ

бежал весь (нрзб.) все время смотрел на меня испытающими глазами, полными любви. Вообщем, интересно было ехать. Сейчас сидим в Самаре, поместились на маленьком пароходике, очень симпатичном. Соскучилась о бабушке, очень беспокоюсь о ней.

31 августа

Вторую ночь ночуем на пароходе № 3 в Самаре, прошлую ночь спали великолепно, хотя было жестко очень, но и то хорошо, что удалось уехать от большевиков. Сейчас узнала, что Симбирск взят большевиками, Боже, что же это будет? Куда я денусь, главное, все вещи оставила в Симбирске и образок от "Мамы" оставила, воображаю, как мне попадет от Бори из-за этого; как я молода и какая у меня жизнь ужасная, полна переживаний — трагедий.

1 сентября

Встали в 6 часов утра, за пропуском пошла с Катей, стояла до 1 часу, устала ужасно, т. к. пришлось стоять все время; потом скорее побежали на пристань, где мы помещались, тетя Лиля меня проводила к Зоновым, это я все голодом ходила, теперь я еду с дядей, еле-еле устроились, ужасно было трудно, народу масса, я могла только присесть, едет со мной одна дамочка симпатичная, зовут ее Марусей, муж безумно ее любит.

5 сентября

Только хочу садиться на поезд в Омске, чтобы ехать домой, вдруг слышу: "Марья Григорьевна", я оглядываюсь, смотрю — капитан с парохода "Андрей Первозванный", а вы знаете, ваш муж здесь. У меня и глаза на лоб выскочили от удивления, дал мне адрес Бори, и я проехала, наняла извозчика, пришлось подождать немного Борю, т. к. его не было дома. Боже, какая у него была радость, когда он меня встретил; он чуть не плакал от умиления, ведь Боря думал, что меня уже нету в живых, и я немало радовалась.

8 сентября

Лежала, страшно была больная, накануне был сильный бред.

10 сентября

Только что уехал Боря в Тюмень по своим делам; теперь я боюсь расставаться, вдруг опять какой-нибудь случай вроде того, что в Симбирске, раньше я очень жалела, что мне так внезапно пришлось расстаться с Симбирском, а теперь нисколько, только потому, что я с Борей, и мы так любим друг друга, что большей любви не надо. Отношения совершенно переменились, лучше стали, чему я очень рада. Сегодня первый раз встала с кровати, чувствую себя так себе.

11 сентября

Только что уехал Боря в Тюмень по своим делам, я с ним тоже хотела ехать, но боюсь простудиться, а ехать надо в теплушке. Кашель до сих пор не проходит, и голова еще все не та, что раньше, немного пусто в ней. Как странно, живу в комнате и уж не так плохо, как я думала. Хозяйка очень милая, любезная; я живу как в гостях. Женя, мальчик, очень любит меня и Борю, так что мы себя здесь чувствуем великолепно. Сегодня я с Женей ходила покупать арбуз. Впервые вышла после болезни, чувствовала себя, как пьяная.

Д. Д. Языков. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц.» Выпуск 15. 1895 г.

Языков Д. Д. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц». Вып. 15: (Русские писатели и писательницы, умершие в 1895 году) // Российский Архив:

Вып. 19: (Русские писатели и писательницы, умершие в 1895 году)" // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 569—596.

ПОЗНАНСКИЙ Иосиф Самойлович (умер 10 июня 1895 года в Петербурге) — экономист.

Некролог

10 июня сего года, после продолжительной и тяжкой болезни, скончался известный русский экономист и финансовый деятель коллежский советник Иосиф Самойлович Познанский. Иосиф Самойлович получил образование в Калишской классической гимназии. По окончании в ней курса слушал экономические лекции профессора Рошера в Лейпцигском университете. Возвратившись из-за границы, И. С. основал в 1852 г. банкирский дом в Варшаве, где сверх деловых занятий много потрудился над общественными, финансовыми и экономическими вопросами. В 1860 г. И. С. был избран членом купеческой управы, с 1862 г. по 1870 г. состоял, по выборам, членом варшавского Коммерческого суда, в 1868 г. был делегатом от купечества Царства Польского в учрежденной при Министерстве финансов комиссии для пересмотра таможенного тарифа. В 1873 г., основав банкирский дом в С.-Петербурге, И. С. Познанский был избран в члены V международного статистического съезда в С.-Петербурге. С 1867 г. состоял членом Вольно-Экономического общества, с 1872 г. — членом и с 1878 г. по настоящее время вице-председателем Общества для содействия русской промышленности и торговли. С 1873 г. И. С. был избран действительным членом Русского географического общества и с 1876 г. — членом-корреспондентом Географического общества в Париже; в 1873 г. был делегатом международного статистического конгресса в Пеште, а в 1878 г. послан делегатом от Общества для содействия русской промышленности и торговле на Парижскую международную выставку. Кроме того, И. С. состоял членом постоянной Комиссии по международной статистике. Принимая деятельное участие в занятиях целого ряда правительственных и ученых комиссий, И. С. Познанский оказал существенное содействие правильному теоретическому и практическому разрешению важных экономических и финансовых задач и вопросов. Плодотворная деятельность эта не осталась незаметной и за границей, где И. С. Познанский пользовался заслуженной репутацией всесторонне образованного и талантливого экономиста.

Помимо научных и практических занятий И. С. Познанский принимал видное участие в современной литературе. Он состоял в течение многих лет сотрудником разных русских, польских, немецких и французских газет и журналов. В “Голосе” даровитый экономист вел с 1874 г. по последний день издания газеты отдел финансов, промышленности и торговли. В бытность свою в Варшаве И. С. основал в 1862 г. “Коммерческую Газету” (Gazeta Handlowa), которая и до сих пор принадлежит к числу распространенных финансовых органов. В 1865 г. он издал краткую торгово-промышленную статистику Царства Польского, на польском же языке, и вскоре затем брошюру “Quelques mots sur la question financie?re en Russie” (Лейпциг); в 1872 г. напечатал в “Трудах Вольно-Экономического Общества” обширное исследование под заглавием “Барышничество и биржевая спекуляция”; в 1875 г. издал сочинения под заглавием “Производительная сила Царства Польского” (Спб.), в том же году вышла в свет брошюра, напечатанная по постановлению Будапештского международного статистического конгресса: “De la necessite d’introduire une statistique des affaires des bonses”. В 1877 г. И. С. издал брошюру “О самостоятельности финансов России”; в 1886 г. — “О значении парижской международной монетной конференции для русского денежного обращения”; брошюра эта удостоилась ссылки на нее во всеподданнейшем рапорте представителя на конгрессе от нашего правительства. Из последних литературных трудов И. С. Познанского имеет особенное значение исследование по весьма интересному современному вопросу о нашей валюте, появившееся в 1888 г. под заглавием “Денежное обращение в России” со статистическими и графическими таблицами.

Что касается деятельности И. С. Познанского в последние годы жизни, то в 1889 г. он занимал ответственный пост генерального комиссара русского отдела в Парижской всемирной выставке. Благодаря энергии и трудам И. С. Познанского русский отдел выставки, устроенный по частной инициативе, удостоился особой похвалы со стороны французского правительства; письмом от 25

инициативе, удостоился особой похвалы со стороны французского правительства. Письмом от 25 октября 1889 г. директор Парижской всемирной выставки 1889 г. г-н Берже благодарил И. С. за труды и признал русский отдел занимающим блестящее место на выставке. И. С. удостоился высокой награды от французского правительства: ему был вручен офицерский крест Почетного Легиона. Занимая пост румынского генерального консула в Петербурге, И. С. потратил немало труда на развитие торговых и промышленных сношений между Россией и Румынией.

Добиваясь открыть доступ французским капиталам на наш рынок, И. С. явился деятельным инициатором при учреждении Русского торгово-промышленного банка, с привлечением как французских, так и русских капиталов. Принимая участие в учреждении страхового общества "Помощь", первый в России, И. С. дал толчок развитию у нас страхования от несчастных случаев и ввел страхование рабочих на тех началах, какие приняты в Западной Европе. И. С. прилагал все усилия к развитию отечественной торговли и промышленности, принимая преимущественно живое участие в трудах Общества для содействия русской промышленности и торговли, где состоял вице-председателем общества и председателем III отделения его в продолжение 17 лет.

Приводя этот по необходимости краткий перечень заслуг даровитого экономиста, мы, конечно, даем только приблизительное понятие о той массе труда, знания и ума, которая потрачена им на поприще излюбленного дела, имеющего столь важное значение в политическом и социальном отношениях. И. С., не ограничиваясь кабинетной деятельностью, живо и авторитетно откликался на всякое выдающееся явление в экономическом и финансовом мире и пользовался вполне заслуженным всеобщим уважением, оставив по себе память честного труженика ("Московские Ведомости", 1895, № 181).

ПОКРОВСКИЙ Егор Арсеньевич (13 января 1834 — 16 октября 1895 года в Москве) — доктор медицины.

Некролог

На долю русского общества, ценящего неутомимую научную деятельность, и в частности для Москвы, выпала тяжелая утрата: им приходится хоронить известного ученого деятеля Егора Арсеньевича Покровского.

Необыкновенно поучительна жизнь покойного, сначала протекавшая в нужде и постоянном стремлении к свету образования, а затем всецело посвященная непрерывным научным трудам и благу ближних. Он родился 13 января 1834 г. в селе Ново-Никитском (Корчевского уезда Тверской губернии) среди большой и незажиточной семьи своего отца — бедного священника и уже с семи лет был отдан для воспитания в Тверское духовное училище. Перед окончанием курса в этом заведении ему пришлось испытать большое горе — потерять отца. Оставленный сам безо всяких средств, он в то же время должен был позаботиться и об осиротевшей семье. По совету окружающих, покойному оставалось бросить учение и идти в чиновники: но он решился продолжать образование, а для поддержки родной семьи стал репетировать школьников за небольшую плату — 15 р. в год. Этот скудный заработок все-таки позволял содержать семью, лишившуюся скоро и матери, а самому Е. А. Покровскому дал возможность окончить курс в училище и перейти в Тверскую семинарию. Здесь, однако, он пробыл только четыре года: в последнее полугодие философского класса им было решено отправиться в Москву для поступления в Московский университет. Действительно, эта мечта о высшем образовании осуществилась в августе 1855 г., когда Е. А. Покровский был зачислен в студенты медицинского факультета. "Новое положение в высшем учебном заведении, — говорит он в своих воспоминаниях, — деликатность отношений профессоров к своим слушателям, начальства и публики к студентам, товарищей между собой, новизна и свобода науки, увлекательность их, простор пользования лекциями всех профессоров и преподавателей, особенно популярных в то время, — все это вместе производило на провинциального семинариста истинно чарующее впечатление. В этом светлом храме науки хотелось бы жить всей душой, без остатка... Но бренное тело докладывалось носителю его, что жизнь в Москве он начал только с 36 руб. в

оренное тело докладывалось носителю его, что жизнь в Москве он начал только с 30 руб. в кармане, которые через два месяца, при всей скромности расходов, все-таки, наконец, исчезли и жить стало нечем, а знакомств и уроков, на которые обыкновенно рассчитывают бедные студенты, не было никаких. Теперь снова не раз приходилось думать об оставлении науки и серьезно помышлять о чиновничьей карьере, в высшей степени несимпатичной для молодого человека, которому, наоборот, хотелось учиться как можно больше..."

К счастью, небольшая помощь от братьев и добрых товарищей поддержали покойного до полугодичных испытаний, на которых он выказал себя усердно занимающимся студентом и был принят сначала на полуказенное содержание в студенческие номера, в число так называвшихся тогда "нахлебников", а при переходе на второй курс был зачислен в казенные студенты. Так благодаря вовремя оказанной поддержке он продолжал высшее медицинское образование и окончил курс лекарем в 1860 г. ("Отчет Московского университета", с. 17).

Как казеннокоштный стипендиат Е. А. Покровский тотчас же по выпуске из Университета был назначен врачом в город Пудож (Олонецкой губернии), но по расстроенному здоровью был освобожден от этой службы и только с 1 ноября 1862 г. поступил ординатором в Московскую детскую больницу, помещавшуюся тогда на Бронной улице. С этой поры начинается его обширная врачебная и научная деятельность. Прежде всего он печатает ряд статей и докладов в "Московских Губернских Ведомостях" (1863—1864 гг.), "Медицинской Газете", "Врачебных Ведомостях", "Медицинском Обозрении" и "Русской Медицине", а также работает над диссертацией "Об источниках новообразования соединительной ткани при зарастании просвета кровеносных сосудов" (М., 1870, 110 стр.), за которую, по защите, приобретает степень доктора медицины. Вслед затем от ведомства Императрицы Марии покойный был командирован с ученой целью за границу для изучения электротерапии в применении к лечению детских болезней, а по возвращении с 1874 г. был назначен главным доктором Московской детской больницы (с 1888 г. получившей название "Софийской" и переведенной на Кудринскую Садовую), где и состоял до кончины. В то же время Е. А. Покровский принял живое участие в обществе русских врачей, Московском медицинском обществе, в антропологическом отделе Общества естествознания, где долгое время был председателем, и в Обществе трудолюбия. Общество любителей естествознания избрало его в свои почетные члены.

Но особенно плодотворна была деятельность Е. А. Покровского на мало обработанном поприще детской гигиены и физического воспитания детей. Своим веским словом и полезным делом он

внес в эти области самый яркий свет. На двух выставках — Антропологической (1879) и открытой Обществом трудолюбия (1888) покойный устраивал поучительные отделы физического и гигиенического воспитания детей, читал публичные лекции "О кормлении грудных детей" и "О значении детских игр в отношении воспитания и здоровья", делал научные доклады по детской гигиене и напечатал следующие труды по тем же вопросам: "Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования" (М., 1884, 44 стр.), "Детские игры, преимущественно русские в связи с историей, этнографией, педагогикой и гигиеной" (М., 1887, VI + 368 стр.; М., 1895) и "Первоначальное физическое воспитание детей. Популярное руководство для матерей" (М., 1888, 261 стр.). Наконец, с той же педагогической целью покойный с 1890 г. начал издание весьма важного журнала, под названием "Вестник Воспитания", и вел его с большим успехом до своей смерти ("Московские Ведомости", 1895, № 287).

Библиография

О нем:

"Новое Время", 1895, № 7054.

"Исторический Вестник", 1895, кн. 12, с. 872—880.

“Образование”, 1896, № 2.

ПОПОВ Василий Николаевич (1862—19 октября 1895 года в Юрьеве) — профессор физиологии.

В Москве получено печальное известие: 19 октября в Юрьеве (Дерпте) скончался профессор физиологии тамошнего университета Василий Николаевич Попов, 33 лет от роду. Как известно, покойный недавно получил профессуру в Юрьевском университете и до нового назначения состоял прозектором при кафедре физиологии Московского университета (“Московские Ведомости”, 1895, № 295).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1895, № 300.

“Новое Время”, 1895, № 7065.

“Ученые Записки Императорского Юрьевского Университета”, 1895, № 4.

ПОПОВ Николай Васильевич (умер в 1895 году в Петербурге) — инженер.

Некролог

На днях скончался Николай Васильевич Попов. Покойный получил образование в С.-Петербургском технологическом институте. В продолжение 20 лет (с 1866 по 1886 г.) он занимал должность механика при управлении гальванической частью инженерного корпуса. За это время основательно изучил минное дело. В последние годы своей службы в качестве механика он обучал офицеров и нижних чинов минному делу и принимал участие в комиссии по разработке этого дела. Покойным были изобретены употреблявшиеся в свое время гальваноударная мина и контактная доска для минных станций. Кроме этого, ему принадлежат многие усовершенствования и улучшения в минном искусстве. Усовершенствованный им пробковый запал находится в употреблении до настоящего времени. Он написал ряд статей специального содержания. В последние годы покойный служил на Путиловском заводе. Память о нем сохранится надолго среди всех знавших его (“Новое Время”, 1895, № 6898).

ПЕТУХОВ Михаил Онисифорович (умер 22 сентября 1895 года в Петербурге) — музыкальный критик.

“Биржевые Ведомости” сообщают некоторые биографические данные о скончавшемся 22 сентября М. О. Петухове, известном в музыкальном мире авторе многих музыкально-критических статей и монографий. Страстный любитель исторических и всяких музыкальных исследований, он посвятил себя учено-музыкальной деятельности. Из его трудов следует в особенности упомянуть перевод книги “Учение о слуховых ощущениях” Гельмгольца, сделанный с тонким пониманием. Затем весьма почтенными трудами являются: “Подробное исследование инструмента кантеле” (“Всемирная Иллюстрация”, 1882), “Народные музыкальные инструменты музея С.-Петербургской консерватории” (1884), “Опыт систематического каталога инструментального музея С.-Петербургской консерватории” (1893). Кроме того, М. О. Петухов выпустил в 1884 г. книжку “Гектор Берлиоз о России”. Сотрудничал М. О. Петухов в “Свете”, “Баяне”, “Музыкальном мире” и в последнее время в “Энциклопедическом словаре” Брокгауза и Ефрона (“Московские ведомости”, 1895, № 269).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1895, № 7031.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 11, с. 653—654.

ПОТЕМКИН Алексей Иванович (умер 1 декабря 1895 года в Москве) — управляющий Московской казенной палатой, действительный статский советник.

Некролог

1 декабря скончался управляющий Московской казенной палатой действительный статский советник Алексей Иванович Потемкин, 52 лет от роду. Смерть его вызвала самое искреннее и глубокое сожаление в служащих палаты, среди которых он пользовался любовью. А. И. Потемкин всегда близко принимал к сердцу интересы служащих и заботился об улучшении их материального положения. Это был в высшей степени гуманный человек, всегда доступный и обходительный. Несомненно, смерть его вызовет сожаление и среди всех тех, кому приходилось иметь с покойным разные деловые отношения.

Покойный происходил из дворян Смоленской губернии и получил высшее образование в Московском университете. Служебная деятельность его началась в Департаменте сельского хозяйства, в котором он впоследствии занимал должность столоначальника. В 1867 г. А. И. Потемкин был командирован в Париж для содействия членам Распорядительного комитета при устройстве русского отдела на Парижской всемирной выставке. В 1871 г. покойный перешел на службу в Министерство финансов, где получил место помощника юрисконсульта при Министерстве. В 1873 г. Смоленским уездным земским собранием он был избран в почетные мировые судьи по Смоленскому уезду и состоял в этом звании несколько трехлетий по избранию. В 1877 г. состоялось назначение его членом Высочайше учрежденной комиссии по преобразованию Депо образцовых мер и весов, а через год последовало назначение начальником отделения Департамента торговли и мануфактур. Покойный участвовал в составлении торгового уложения и устава о торговой несостоятельности; затем он принимал участие в комиссии при Морском министерстве по преобразованию Добровольного флота, а также в комиссии о привлечении железных дорог к платежу торговых пошлин. В 1886 г. покойный получил чин действительного статского советника, в 1887 г. назначен управляющим виленской Казенной палатой, а в 1891 г. был перемещен на ту же должность в Москву.

Покойный имел ордена Св. Владимира 3 и 4 степени, Св. Анны 2 и 3 степени, Св. Станислава 1 степени и 2 степени с Императорской короной. Кроме того, А. И. Потемкин имел офицерский крест Почетного Легиона (“Московские Ведомости”, 1895, № 333).

РЕЙНБОТ Евгений Федорович (1847—19 марта 1895 года в Петербурге) — инженер-технолог.

Некролог

Скончавшийся вчера, 19 марта, от паралича сердца инженер-технолог Евгений Федорович Рейнбот пользовался известностью одного из лучших преподавателей товароведения в петербургских учебных заведениях и знатоков химической технологии. Его популярное сочинение из области технических производств под заглавием “Ответы на вопросы, как и из чего это делается” разошлось в десятках тысяч экземпляров, выдержав семь изданий, и является с 60-х годов необходимым подспорьем в деле образования и самообразования молодежи, интересующейся происхождением окружающих их предметов. “Учебник химической технологии” хорошо известен учащимся и учившимся в промышленных и реальных училищах. Покойный не принадлежал к числу тех педагогов, которые ограничивают запас своих сведений знаниями, полученными ими на университетской скамье. Он постоянно интересовался наукой в широком смысле этого слова и следил за ее развитием. Естествознание для него составляло любимую сферу, особенно те отрасли естественных наук, которые касаются промышленности и торговли. Е. Ф. родился в 1847 г. По окончании гимназического курса он пробыл год в

торговли. Е. Ф. родился в 1847 г. По окончании гимназического курса он пробыл год в Московском университете, затем кончил курс в Технологическом институте и был отправлен за границу для подготовления к профессорскому званию. Молодым и всесторонне образованным человеком начал покойный свою педагогическую деятельность и учительствовал более 20 лет, преподавал химическую технологию во 2-м реальном училище и в последнее время товароведение в С.-Петербургском коммерческом училище и на коммерческих курсах профессиональной школы фон-Дервиз. Покойный принимал деятельное участие во многих научных комиссиях и особенно в делах технического общества, которое на днях еще пригласило Е. Ф. заведовать своим музеем. Кроме названных научно-литературных трудов покойного отметим его участие в составлении "Всей России" А. С. Суворина. Ему, как автору, принадлежит пять статей, касающихся фабричной и заводской промышленности. Умер он, не оставив после себя никаких средств ("Новое Время", 1895, № 6846).

Библиография

О нем:

"Новое Время", 1895, №№ 6850, 6852.

"Исторический Вестник", 1895, кн. 6, с. 931.

РИККЕР Карл Леопольдович (умер 27 февраля 1895 года в Петербурге) — книготорговец.

На днях скончался представитель известного книгоиздательства в Петербурге Карл Леопольдович Риккер. Покойный родился в Германии, в Гоарсгаузене, сын доктора. В 1858 г. переселился в Петербург, заведовал книжной торговлей г-на Мюнкса, магазин которого вскоре приобрел в собственность. С 1862 г. покойный издавал ценные медицинские книги, фармацевтический журнал, календарь для врачей и с 1880 г. совместно с профессором Манассеиным — журнал "Врач". Это был один из самых добросовестных и весьма знающих книгопродавцов в Петербурге, умеющий прекрасно обставить и свое издательство и свою книжную торговлю, едва ли не самую большую и наиболее серьезную в Петербурге ("Новое Время", 1895, № 6827).

РОВИНСКИЙ Дмитрий Александрович (1824 — 11 июня 1895 года в Вильдунгене, близ Пирмонта) — сенатор, тайный советник, коллекционер.

Поздно ночью мы получили печальное известие о внезапной смерти Дмитрия Александровича Ровинского, сенатора, известного собирателя и издателя русских гравюр, портретов, народных картинок. Родился он в 1824 г. в Москве. В прошлом мае 1894 г. праздновался 50-летний юбилей его служебной деятельности. Кончина Д. А. Ровинского — большая потеря для истории русского искусства и русской старины. Он обладал первым в России, по полноте, собранием русских гравированных портретов, лубочных картин и литографий, которое завещано им московскому Румянцевскому музею.

Его монументальные издания:

"История русских школ иконописи", "Русские народные картинки", "Словарь русских гравированных портретов", "Полное собрание гравюр Рембрандта с 1000 фототипий" и другие его издания останутся навсегда капитальными вкладами в небогатой литературе истории русского искусства ("Русские Ведомости", 1895, № 162).

Библиография

Его:

"Объяснительная записка о положении дела судебного ведомства" (Спб., 1863, 265 стр.).
"История русских школ иконописи до конца XVII века" (Спб., 1856, 196 стр.).

“Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии Художеств” (М., 1870, 403 стр.).

“Словарь русских гравированных портретов” (Спб., 1872, 236 стр.).

“Русский гравер Чемесов” (Спб., 1878, пять листов текста и 17 гелиогравюр). “Русские народные картинки” (Спб., 1881, пять томов и атлас).

“Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени” (Спб., 1882, 45 рисунков).

“Николай Иванович Уткин. Его жизнь и произведения” (Спб., 1884, 196 стр. с атласом). “Материалы для русской иконографии” (Спб., 1884—1887 гг.).

“Подробный словарь русских гравированных портретов” (Спб., 1889). “Полное собрание гравюр Рембрандта” (Спб., 1890, LXVI + LXXXVIII + 188 стр.).

“В. Г. Перов. Его жизнь и произведения” (Спб., 1892).

“Полное собрание гравюр учеников Рембрандта и мастеров, работавших в его манере” (Спб., 1894).

“Полное собрание гравюр Адриана ван-Остаде”, 221 фототипия без ретуши (Спб., 1912, 122 стр.).

“Обозрение иконописания в России до XVIII века” и “Описание фейерверков и иллюминаций” (Спб., 1903).

О нем:

“Московские Ведомости”, 1894, № 159; 1895,

№ 161, 169.

“Новое Время”, 1894, № 6545, 7108.

“Вестник Европы”, 1895, кн. 7, с. 438—440;

1896, кн. 1, с. 129—175, кн. 2, с. 607—660.

“Русские Ведомости”, 1895, № 169.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 5, с. 581—583.

“Новое Время”, 1895, № 6926.

“Новости”, 1895, № 321.

“Русское Обозрение”, 1895, кн. 10, с. 803—820.

Стасов В. В. Воспоминания товарища о Д. А. Ровинском (Спб., 1896).

“Русская Мысль”, 1907, кн. 2, отд. II, с. 133—170.

РОМАНОВСКИЙ Василий Иванович (умер 16 января 1895 года в Москве) — протоиерей.

Некролог

Московское белое духовенство лишилось одного из видных своих представителей в лице протоиерея Василия Ивановича Романовского, скончавшегося 16 января. И своим воспитанием, и всей своей полувековой деятельностью по духовному ведомству почивший отец протоиерей всецело принадлежал нашей первопрестольной столице. Сын священника Московской епархии, В. И. Романовский, по получении среднего образования в Московской духовной семинарии, поступил в Московскую духовную академию, курс которой он окончил в 1844 г.

Прослужив после окончания академического курса около года в должности преподавателя во Владимирской духовной семинарии, покойный был переведен на должность преподавателя словесности Св. Писания и латинского языка в Спасо-Вифанскую духовную семинарию. В 1848 г. В. И. Романовский, с разрешения учебного правления Св. Синода, уволился от училищной службы в епархиальное ведомство, и в этом же году Московский митрополит Филарет посвятил его во священники в Московской Параскевиевской, на Пятницкой, церкви, в которой покойный настоятельствовал до конца 1892 г., когда он вследствие расстроенного здоровья уволился за штат.

Помимо епархиальных обязанностей приходского священника отец Романовский весьма много потрудился на своем веку в качестве законоучителя: в Комиссаровском техническом училище, Училище живописи, ваяния и зодчества и в основанной им церковно-приходской школе, попечителем которой В. И. Романовский состоял в течение многих лет. Школа эта, помещающаяся в Параскевиевском приходе, открыта была 35 лет тому назад. В продолжение 2 лет почивший, по выбору духовенства Московской епархии, состоял членом правления Вифанской семинарии. Кроме того, он также был смотрителем дома призрения бедных духовного звания и увещателем подсудимых в Московском ордонанс-гаузе. Благочинным Замоскворецкого сорока почивший В. И. Романовский состоял с 1871 г., причем в конце этого же года он был возведен в сан протоиерея. Протоиерей В. И. Романовский имел ордена: Св. Анны 2 степени, Св. Владимира 4 степени, Черниговский орден Даниила 1 степени и Сербский орден Такова 3 степени. Кроме того, в 1887 г. он был награжден палицей, а в следующем 1888 г. ему Всемилостивейше пожалован был наперсный крест с драгоценными украшениями из кабинета Его Императорского Величества. Отец В. И. Романовский умер на 75 году своей жизни (“Московские Ведомости”, 1895, № 19).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1895, № 54.

“Московские Церковные Ведомости”, 1895, № 4, с. 40.

“Церковные Ведомости”, 1895, № 7, с. 276.

РЫСКИН Сергей Федорович (1859 — 10 августа 1895 года в Москве) — писатель.

12 августа на кладбище Спасо-Андроникова монастыря опустили в могилу Сергея Федоровича Рыскина. Покойный, родившийся в 1859 г., как оказывается, таил в себе зародыши наследственной чахотки, которая в недавнее время обострилась и, осложненная воспалением легких, свела его в преждевременную могилу. Литературная деятельность покойного началась в “Русском Сатирическом Листке” Полушина, далее он работал в “Московской Газете” Погодина, в “Московском Листке” и журнале “Развлечение”, а последние годы (с 1892) в “Русском Листке».

На отпевании присутствовали сотрудники газеты “Русский Листок” в главе со своим редактором,

сотрудники “Московского Листка” и сотрудники некоторых других газет.

На могильный холм были возложены венки: от родственников, от редактора и сотрудников “Русского Листка” и от редакции журнала “Развлечение” (“Московские Ведомости”, 1895, № 219).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1895, № 6988.

“Русское Слово”, 1895, № 219.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 10, с. 303.

САВВАИТОВ Павел Иванович (15 февраля 1815—12 июля 1895 года в Петербурге) — действительный статский советник, ученый.

Некролог

В Петербурге 12 июля скончался действительный статский советник Павел Иванович Савваитов. Не многим лицам, конечно,

знакомы имя и деятельность покойного. Между тем его труды настолько важны, что невольно заставляют передать о нем хотя бы главные сведения.

П. И. Савваитов, сын священника, родился 15 февраля 1815 г. в Вологде и воспитывался в местной семинарии. Как лучший воспитанник он был отправлен в Петербургскую духовную Академию, где и окончил курс в 1837 г. со степенью магистра богословия. По выпуске из академии покойный был назначен в родную семинарию профессором философии.

Здесь-то, в Вологде, с ним познакомился наш известный историк М. П. Погодин во время своего путешествия по Северной России в 1841 г. и отметил: “Был у Савваитова — он живет вместе с отцом своим священником и занимает одну маленькую комнату. Здесь он занимается своей

философией и историей. Кто бы подумал, что за этим огарком, в захолустье бедного губернского города, в полуразвалившейся избенке читаются и размышляются Августин и Кант!” Вместе с Савваитовым Погодин осмотрел древности Вологды и окрестностей, а потом писал: “Он усладил мое путешествие и сообщил мне много любопытных сведений”. В журнале же Погодина “Москвитянин” появились и первые литературные труды П. И. Савваитова: то был ряд вологодских песен (с предисловием и объяснениями), которым издатель придавал большую ценность и писал: “усердно благодарим нашего вологодского корреспондента за доставление этих любопытных памятников народной поэзии — “Дорожные заметки из Вологды до Устюга”, “Сведения об Усть-сысольском уезде”, “О Вологодских церковных древностях””.

Благодаря же хлопотам Погодина, П. И. Савваитов с 1842 г. был переведен в Петербургскую духовную семинарию на кафедру патристики и герменевтики. Продолжая участвовать в “Москвитянине” и других журналах, он в то же время издал отдельно следующие труды: “Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря” (Спб., 1844), “Библейская герменевтика” (Спб., 1844), “Описание Великоустюжского Архангельского и Троицкого Введенского монастырей” (Спб., 1848), “Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря” (Спб., 1850), “Грамматика зырянского языка и зыряно-русский словарь” (Спб., 1850), “Описание Семигорской Успенской пустыни” (Спб., 1856), “Описание Вологодского Спасо-Каменного Духова монастыря” (Спб., 1860) и — особенно важный труд: «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора” (Спб., 1865). После

тридцатилетних педагогических занятий П. И. Савваитов с 1868 г. перешел в учебный комитет Министерства народного просвещения, где и состоял более четверти века правителем дел, не прерывая своей литературной деятельности. Из последних его трудов приходится указать: на "Великие Минеи-Четьи" (Спб., 1868—1869 гг.), "Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград" с предисловием и примечаниями (Спб., 1872), "О зырянских деревянных календарях и о пермской азбуке, изобретенной Св. Стефаном» (М., 1874), "Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор" (Спб., 1886, 119 стр.). За свои ученые труды покойный Савваитов был избран в члены-корреспонденты Императорской Академии наук (с 28 декабря 1872 г.), в члены Археографической комиссии, в действительные члены Императорских: Общества истории и древностей, Русского археологического в Петербурге, Археологического в Москве (с 13 декабря 1866 г.) и Общества любителей российской словесности при Московском университете (с 20 октября 1867 г.) ("Московские Ведомости", 1895, № 193).

Библиография

О нем:

"Церковные Ведомости", 1895, № 31, с. 1077—1078.

"Журнал Министерства Народного Просвещения", 1895, кн. 9.

"Новое Время", 1895, № 6959, 6962.

"Исторический Вестник", 1895, кн. 9, с. 820—821.

САДОКОВ Платон Иванович (умер 19 марта 1895 г. в Петербурге).

Библиография

О нем:

Змеев Л. Ф. Русские врачи-писатели, вып. 1.

СЕРЕБРЯКОВ Аполлон Алексеевич (умер в 1895 году в Петербурге) — инженер, тайный советник.

Некролог

Инженер, тайный советник А. А. Серебряков получил образование в Институте путей сообщения, был произведен в прапорщики в 1828 г. и через два года, по окончании полного академического курса, вышел на действительную службу. Тотчас после того он был прикомандирован к действующей армии во время польской кампании. По окончании войны Серебряков возвратился в ведомство путей сообщения. Он производил разные изыскания по водяным путям и находился при работах Огинского и Королевского каналов. Он был замечен главноуправляющим графом Клейнмихелем во время объезда им работ и был взят им на должность инженера по особым поручениям при главноуправляющем. Вскоре граф Клейнмихель приблизил Серебрякова к себе и последний всегда сопровождал графа во всех его поездках для осмотра работ, и здесь, в С.-Петербурге, Серебряков почти безотлучно находился при графе. Состоя при главноуправляющем, Серебряков, кроме исполнения разных экстренных поручений, состоял членом разных комитетов и в том числе членом комитета по сооружению моста через Неву. В 1868 г., при преобразовании ведомства путей сообщения, когда военные чины переименовывались в гражданские, Серебряков зачислен был в корпус военных инженеров, на том основании, что он был Георгиевский кавалер. В 1868 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. Тем не менее он продолжал свою службу в ведомстве путей сообщения и был назначен непременным членом совета. С тех пор Серебряков оставался членом совета и исполнял особые поручения и за последнее из них был произведен в полные генералы и назначен

председателем совета в 1889 г. Несмотря на свои преклонные лета Серебряков до последнего времени был человек бодрый, сохранивший до конца жизни энергию и умственные силы (“Новое Время”, 1895, № 6871).

СИПОВСКИЙ Василий Дмитриевич (26 апреля 1844 — 21 июля 1895 года в деревне Лисино, близ станции Тосно) — педагог.

Некролог

В деревне Лисино, близ станции Тосно, скончался вчера после непродолжительной и тяжкой болезни один из наиболее известных русских педагогов, директор С.-петербургского училища глухонемых и редактор педагогического журнала “Образование” Василий Дмитриевич Сиповский. Покойный родился 26 апреля 1844 г. в Умани, воспитывался в ларинской гимназии, где за выдающиеся успехи был награжден золотой медалью. С тех пор, как В. Д., по окончании в 1868 г. курса в С.-Петербургском университете по историко-филологическому факультету, выступил на педагогическое поприще в роли преподавателя русского языка, словесности и истории, он всегда являлся живым и даровитым педагогом-учителем, чуждым рутинных приемов и умевшим вызвать у учащихся интерес и любовь к русской словесности и к русской истории. Успеху преподавания много способствовали серьезная научная подготовка покойного, простое и вместе с тем живое изложение уроков и гуманное, чуждое формализма обращение с учащимися. Везде, где В. Д. ни преподавал в разное время: в первой петербургской прогимназии, в ларинской гимназии, в киевской коллегии Павла Галагана, в василеостровской женской гимназии, в С.-Петербургской земской учительской школе, в Мариинском институте, в Пажеском Его Величества корпусе, на женских педагогических курсах (читал в последнее время русскую историю), — везде покойный пользовался симпатиями своих многочисленных учениц и учеников. Даровитость и дельность преподавания не являлись единственной характерной особенностью покойного. Он оставил по себе добрую память как опытный, энергичный администратор в бытность свою инспектором василеостровской женской гимназии и директором училища глухонемых и как автор дельных статей, посвященных вопросам воспитания, как педагог-редактор журнала “Образование”.

Училище глухонемых в десятилетний период управления покойным совершенно преобразилось. Благодаря В. Д. воспитание и обучение глухонемых воспитанников поставлено в настоящее время на рациональную почву, обучение мимики заменено обучением механизму устной речи по усовершенствованному способу, так что глухонемые научаются говорить, учебный курс училища повышен, устроены при училище мастерские и типография, принимающие частные заказы и приносящие значительный доход училищу. Литературная деятельность покойного не ограничивалась редактированием “Образования” и участием в этом журнале. В разное время с “Семье и Школе”, издававшейся покойным Семашко, в “Мире Божьем” и др. повременных изданиях напечатан ряд его статей по педагогическим и научным вопросам. Видным и ценным вкладом в нашу учебную историческую литературу является крупный трехтомный труд покойного “Родная Старина”, представляющая правдивое и талантливое изложение событий и культурного развития нашей родины до эпохи Петра Великого. “Родная Старина” выдержала с 1879 г. четыре издания. Столь же ценный вклад составляет и последняя работа В. Д. по древней истории, озаглавленная: “История древней Эллады” в рассказах и картинках. Кроме того, покойному принадлежат следующие сочинения, вышедшие отдельными изданиями: “О жизни и трудах педагога В. Я. Стоюнина”, “Самостоятельное чтение учащихся”, “Значение Петра Великого в истории русских школ” и др. Покойный никогда не переставал интересоваться вопросами обучения и воспитания. Будучи членом Исторического общества при С.-Петербургском университете, он принимал деятельное участие в разработке методов преподавания истории; в заседаниях Педагогического музея он участвовал в рассмотрении вопросов о переводных испытаниях, о воспитании воли и других. Как опытный педагог В. Д. преподавал историю Их Императорским Высочествам Вел. княгине Ксении Александровне (до 1893 г.) и Вел. князю Михаилу Александровичу (“Новое Время”, 1895, № 6967).

Библиография

Его:

“Избранные педагогические сочинения”, с портретом автора, с предисловием профессора В. В. Сиповского и с литературно-биографическим очерком, составленным Н. Л. Леонтьевой (Спб., 1912, 32 + 313 стр.).

О нем:

“Новое Время”, 1895, № 6968.

“Московские Ведомости”, 1895, № 203.

“Образование”, 1895, кн. 10 и 12; 1896, кн. 1.

“Русская школа”, 1895, кн. 11.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 9, с. 827—828.

“Педагогический Сборник”, 1895, кн. 9.

СКВОРЦОВ Николай Николаевич (7 августа 1827 — 27 июня 1895 года, Лангре, Франция) — главный интендант Военного министерства, генерал от инфантерии.

Некролог

25 июня в городе Лангре, во Франции, во время прогулки скоропостижно скончался главный интендант Военного министерства, генерал от инфантерии Николай Николаевич Скворцов. Покойный происходил из дворян Петербургской губернии, воспитывался в 1-м кадетском корпусе, из которого был выпущен в 1847 г. с наименованием “отличнейшего” в лейб-гвардии Семеновский полк. Вскоре после того, а именно в 1852 г., был назначен полковым казначеем, и потому год этот можно считать началом военно-административной деятельности почившего, которая затем шла так: в 1861 г. он назначается состоять при штабе отдельного гвардейского корпуса, а с переименованием его в 1864 г. в штаб войск гвардии и петербургского военного округа — помощником начальника этого штаба; в 1866 г., с производством в генерал-майоры — окружным интендантом петербургского военного округа; в 1878 г., будучи произведенным в генерал-лейтенанты, — полевым интендантом действующей армии, а по окончании кампании, 21 июня 1879 г., — начальником главного интендантского управления. В продолжение своей службы Н. Н. Скворцов неоднократно принимал участие в выработке разного рода положений, касающихся хозяйственного устройства войск, и потому приобрел большую опытность и знание в интендантском деле вообще; так, он принимал участие в делах комиссии для определения размеров довольствия на исключительные потребности войск гвардии, в составлении положения об управлении хозяйственной частью в войсках и в других трудах, за что и удостаивался Высочайших благодарностей. Будучи главным интендантом и имея множество дел по управлению такой громадной частью, какова интендантская, он довольно часто совершал объезды подведомственных ему учреждений, желая лично убедиться в их исправности и вообще в своей деятельности отличался большой энергией и умением работать быстро и отчетливо. 30-го августа 1892 г. покойный был произведен в генералы от инфантерии, а 6-го декабря 1894 г. награжден орденом Св. Владимира 1 степени. Н. Н. не дожил двух лет до пятидесятилетия службы в офицерских чинах и столько до семидесятилетия своей жизни, — он родился 7-го августа 1827 г. В лице почившего военное ведомство понесло большую потерю, лишившись неутомимого, знающего и многоопытного деятеля, а ближайшие его сослуживцы и подчиненные — добросердечного и внимательного к их нуждам начальника (“Новое Время”, 1895, № 6942).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1895, № 176.

СКУДЕЛЬНЫЙ ЭМИЛИЙ КАРЛОВИЧ (умер 25 декабря 1895 года в Москве) — педагог.

25-го декабря скончался Эмилий Карлович Скудельный, известный в Москве педагог и преподаватель немецкого языка. Покойным были изданы книги: “Учебник немецкого языка”, “Курс немецкой коммерческой корреспонденции”, “Жизнь и сочинения главнейших немецких поэтов XVIII века”. Переводы покойного русских писателей на немецкий язык отличаются точностью (“Новое Время”, 1895, № 7126).

СОБЕСТИАНСКИЙ Иван Михайлович (умер 8 декабря 1895 года в Харькове) — профессор.

Библиография

О нем:

“Сборник Харьковского историко-филологического общества”, 1896, т. VIII.

“Записки Императорского Харьковского университета”, 1896, кн. 1.

СОКОЛОВ Михаил Ильич (умер 5 июня 1895 года в деревне Липицах, близ Царского Села) — протоиерей.

Вчера утром в деревне Липицах, близ Царского Села, скончался протоиерей Петербургского Казанского собора Михаил Ильич Соколов, известный своей педагогической деятельностью и учебниками по Закону Божьему. Он — родной брат бывшего Донского архиепископа Доната, воспитывался в Архангельской семинарии и Петербургской академии. По окончании академического курса в 1871 г. и принятия священства покойный последовательно состоял законоучителем Ивановского училища, Елизаветинского института, 1-й петербургской гимназии и женских педагогических курсов Ведомства Императрицы Марии, а с 1882 г. и настоятелем Казанского собора. Ему принадлежали столь распространенные учебные издания: “Священная история Ветхого и Нового Завета”, “Первое наставление в учении православной церкви”, “Закон

Божий для детей” и др. (“Московские Ведомости”, 1895, № 155).

Библиография

О нем:

“Московские Церковные Ведомости”, 1895, № 24, с. 830—834.

“Новое Время”, 1895, № 6921, 6922, 6924.

“Памяти протоиерея М. И. Соколова, учредителя Общества распространения религиозно-правоведческого просвещения” (Спб., 1895).

Аметистов А. К. О благотворительности протоиерея М. И. Соколова (Спб., 1896).

СОКОЛОВ Николай Федорович (1831 — 9 сентября 1895 года в Москве) — начальник с.-петербургских и царскосельских женских гимназий, тайный советник.

12 сентября в Новодевичьем монастыре состоялись похороны скончавшегося в Москве директора петербургских женских гимназий, тайного советника Николая Федоровича Соколова.

Покойный прибыл в Москву из Крыма проездом в Петербург. Смерть его последовала от астмы на 65 году от роду.

Н. Ф. Соколов окончил курс в Главном педагогическом институте. Служебная деятельность его по Ведомству учреждений Императрицы Марии началась в 1871 г.; должность начальника петербургских женских гимназий он занимал с 12 июня 1888 г., а до того времени состоял инспектором одной из петербургских женских гимназий и потом чиновником особых поручений по Ведомству учреждений Императрицы Марии. Кроме того, до последнего времени он был еще членом учебного комитета по тому же Ведомству.

Покойный своей педагогической деятельностью обратил на себя внимание Ее Императорского Высочества Вел. княгини Александры Иосифовны, которая оказала высокое доверие к нему, пригласив его преподавать к Августейшим Своим Детям, Их Императорским Высочествам Вел. князьям Константину Константиновичу и Дмитрию Константиновичу.

Отпевание тела покойного происходило после заупокойной литургии в церкви Успения Богоматери, что на Могильцах, при участии хора певчих. Гроб украшали три роскошных венка из живых цветов от Их Императорских Высочеств Вел. княгини Александры Иосифовны, Вел. князей Константина и Дмитрия Константиновичей; в числе других венков был возложен серебряный венок от служащих петербургских и царскосельских женских гимназий, педагогических курсов и прогимназий, венок из живых цветов от семьи Щегляевых и др.

При отпевании в храме присутствовали: директор московских женских гимназий Н. П. Шрамченко, тайный советник А. И. Грушка, действительный статский советник И. П. Калайдович, профессор В. С. Щегляев, родственники и некоторые из московских знакомых почившего.

По окончании отпевания гроб из храма вынесли на руках сослуживцы с родственниками и отнесли на квартиру, где умер покойный. Отсюда по совершении литии печальная процессия направилась в Новодевичий монастырь, где состоялось погребение тела почившего.

Семьей покойного получены весьма сочувственные телеграммы от Их Императорских Высочеств Вел. князей Константина Константиновича и Дмитрия Константиновича, а также от министра народного просвещения графа И. Д. Делянова. (“Московские Ведомости”, 1895, № 252).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1895, № 7018.

СОРОКИН Ефим Алексеевич (13 мая 1838 — 21 июля 1895 года в Петербурге) — главный врач клинического военного госпиталя.

Некролог

21 июля скончался после продолжительной и тяжкой болезни главный врач клинического военного госпиталя Ефим Алексеевич Сорокин, которого хорошо знали и долго будут помнить многие поколения военных врачей, получивших и потом закончивших свое медицинское образование в бывшей Медико-хирургической, теперь Военно-медицинской академии.

Покойный родился в Вологде 13 мая 1838 г. По окончании курса в Медицинской академии в 1859 г. он был назначен военным врачом на одну из окраин Империи. Прямо почти со школьной скамьи и без всякого опыта он очутился в Орской крепости единственным врачом, где ему пришлось нести не только чисто врачебные, но и врачебно-административные и санитарные обязанности. В то время Орская крепость была переходным пунктом для войск, двигавшихся в

обязанности. В то время Орская крепость была переходным пунктом для войск, двигавшихся в Закаспийский край и обратно. Покойному приходилось работать без перерыва с утра до вечера, осматривая двигающиеся команды, причем он принужден был, кроме того, исполнять обязанности и ветеринара, так как такового в крепости не было. Он быстро освоился и прекрасно справлялся со всем этим обширным и самостоятельным делом и находилось еще время составлять научные военно-санитарные отчеты. Это сразу его выдвинуло среди других его товарищей, и он был сделан секретарем из медиков оренбургского окружного военно-медицинского управления.

В 1868 г. Ефим Алексеевич для усовершенствования медицинского образования был прикомандирован к Военно-медицинской академии. Это было время, когда прогресс медицины сосредоточивался в той ее области, которая известна под именем патологической анатомии. Поддаваясь общему увлечению, он работал под руководством известного патологоанатома Руднева и, по свидетельству последнего, диссертация покойного (к патологической гистологии желудка) на степень доктора медицины заключала массу новых данных и вообще представляла совершенно новую и вполне законченную обработку данного предмета. Вскоре по защите диссертации ему было предложено место помощника главного врача клинического госпиталя, которое он занял в 1870 г. В этой должности проявилась его административная опытность, и в 1884 г. он был назначен главным врачом того же госпиталя. Здесь обнаружились лучшие стороны его характера. В клиническом военном госпитале, с его громадным личным персоналом (в состав которого входят весьма разнообразные, постоянно меняющиеся элементы), требовалось много умения и такта, чтобы сглаживать неровности и мирить самолюбия, предотвращать столкновения, вполне согласовать и направлять ход сложной административной машины. Замечательная простота, необычайная доброта, величайшая скромность, громадная административная опытность, точность и аккуратность и другие симпатичные стороны его характера помогли ему заслужить всеобщую любовь и уважение. Снисходительный к подчиненным, строгий к себе, он часто предпочитал делать сам чужую работу вместо того, чтобы потребовать ее исполнения от других. Таким он был не только в своем госпитале, но и в других случаях, например, работая во многих сложных и разнообразных комиссиях. Долгое время он состоял вице-председателем и некоторое время председателем главной медицинской кассы. Во время последней войны он заведовал подготовкой санитаров для действующей армии. При всем этом он никогда не страшился черной работы и всегда старался оставаться в тени.

Вообще покойный был добрый человек и скромный труженик с детски-наивным всепрощающим и всеизвиняющим сердцем. Это был товарищ в лучшем смысле слова, готовый всегда оказать

всякую услугу и помощь не только каждому врачу, но и всякому, кому только мог. Подчиненные ему врачи всегда видели в нем только доброго старшего товарища. Состоя преподавателем в С.-Петербургской военно-фельдшерской школе, Ефим Алексеевич относился с крайней гуманностью и отеческой нежностью к воспитанникам школы, каковое отношение продолжалось и тогда, когда они уже покидали школу и поступали на службу; во всем, что касалось улучшения быта и положения фельдшерских учеников, он принимал горячее участие. Он был постоянным печальником этой низшей медицинской братии (“Новое Время”, 1895, № 6968).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 9, с. 829—830.

СТАСОВА Надежда Васильевна (12 июня 1822 — 27 сентября 1895 года в Петербурге) — общественная деятельница.

Некролог

Вчера, 27 сентября, смерть неожиданно похитила Надежду Васильевну Стасову, одну из

Вчера, 27 сентября, смерть неожиданно похитила Надежду Васильевну Стасову, одну из замечательных, энергичных деятельниц по женскому вопросу вообще и, в особенности, по вопросу высшего женского образования.

Она родилась 12 июня 1822 г. Отец ее был художник, придворный архитектор В. В. Стасов, а восприемницей ее от купели была Императрица Елизавета Алексеевна, супруга Императора Александра I. Получив основательное образование в своей семье, владея превосходно четырьмя языками, Н. В. сама приобрела обширные многосторонние сведения, которые дали ей средство встать впоследствии во главе заведения высших женских курсов. Музыка, пение и живопись составляли, между прочим, любимые предметы изучения в образовательном кругу Н. В., и она в молодости прекрасно рисовала масляными красками и пела. Личные несчастья, неожиданно выпавшие в 40-х годах на долю покойной, довели ее до нервного расстройства. Она долго хворала. Оправившись и находясь в 60-х годах в Петербурге, Н. В. приняла энергичное участие в том живом движении общественной мысли, которое неразрывно связано с эпохой освобождения крестьян от крепостной зависимости и проявилось, между прочим, в организации воскресных школ и в популярных профессорских лекциях, сделавшихся доступными и женщинам. Покойная работала совместно с многими другими лицами, пожелавшими посвятить свои силы общественному благу, в Выборгской воскресной школе, организация которой была отчасти ее делом. Одновременно она была неутомимой, деятельной работницей в разных отделах женского труда и в особенности в женском обществе переводчиц. Приискивая постоянно работы для женщин в различных родах женского труда, она невольно наткнулась на мысль о необходимости расширения образования русских женщин и об открытии высших, общедоступных женских курсов. Та же самая мысль была высказана в печати нашей известной писательницей, публицисткой Е. П. Конради. В лице Н. В. эта мысль встретила деятельного, энергичного организатора. Этому много способствовала также совместная работа покойной по воскресным школам с несколькими русскими женщинами, тоже горячо ратовавшими за необходимость открыть университетские двери для лиц женского пола. Среди них покойная заняла видное положение, так как выделялась редкой энергией и неутомимой готовностью самоотверженно служить на пользу женского образования. Она, вместе с немногими, устраивает женские курсы у Аларчина моста, приглашает профессоров для чтения лекций, ходатайствует о необходимости их правильной законной организации; словом, является энергичной представительницей необходимости высшего образования для русских женщин. Благодаря главным образом ее представительству и были разрешены высшие женские курсы, приютившиеся одно время под кровлей Министерства внутренних дел. С 1878 г. покойная была главной распорядительницей курсов. Она заботилась и о профессорском составе курсов, и о привлечении пожертвований на их содержание и на устройство для них собственного помещения. Прекрасное грандиозное здание курсов явилось результатом этих забот. Слушательницы находили у нее не только нравственную поддержку в своих научных занятиях, но многие из них и материальную помощь. Покойная жила исключительно интересами курсов, она вложила в них свою душу и здоровье. Когда вопрос о высших женских курсах в 80-х годах был вновь возбужден и временно прекратился прием на курсы, грустно было видеть Надежду Васильевну, — такая тесная связь существовала между ней и жизнью курсов.

Она в это время вновь выступила с присущей ей энергией защитницей идеи женского высшего образования. Курсам была дана новая организация, Н. В. вошла в состав комитета общества для доставления средств курсам и, кроме того, работала в Обществе вспомоществования слушательницам, окончившим курс. С тех пор до последнего часа своей жизни она посвятила свои труды заботам о слушательницах и созданию возможно лучших условий для их жизни в Петербурге. Никто так горячо и сердечно не относился к слушательницам, как покойная. Она заботилась об общежитии для курсов и еще не так давно радовалась осуществлению своей давнишней мечты — постройке на средства общества собственного дома, приспособленного к общежитию слушательниц, открытие которого предстоит на днях. В последние годы Н. В. нисколько не утратила своей прежней энергии, хотя преклонные годы ее уже брали свое. Глаза неутомимой работницы ослабели, она стала плохо видеть. Покойная трудилась исключительно ради общественного блага, от вознаграждения всегда отказывалась, да и трудно было оценить

какой суммой всю эту энергию, всю ту всегдашнюю готовность, с какой являлась она на помощь и курсам и слушательницам. Н. В. всегда и во всех случаях и столкновениях своей жизни отличалась непоколебимой стойкостью своих убеждений. Она всегда с искренним сердечным жаром и с непобедимой энергией защищала и отстаивала образование и способности к нему русских женщин. Она представляла исключительный, редкий, цельный характер, который вполне подходил к задачам и целям ее жизни. В последнее время Н. В. была избрана председательницей вновь открываемого Русского женского общества взаимного благотворения. В лице покойной русские женщины потеряли горячую, умную и сердечную поборницу своих интересов (“Новое Время”, 1895, № 7035).

Библиография

О ней:

“Северный Вестник”, 1895, кн. 10, отд. II, с. 88—91.

“Книжки Недели”, 1895.

“Новое Время”, 1895, № 7040.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 11, с. 561—572.

“Мир Божий”, 1895, кн. 11.

“Новое Слово”, 1895, кн. 1.

Стасова Н. В. Воспоминания о моей сестре. (“Книжки Недели”, 1896).

Бородаевская-Ясевич В. Н. В. Стасова, биографический очерк (Спб., 1896).

Памяти Н. В. Стасовой (Спб., 1896).

СТОРОЖЕНКО Владимир Андреевич (1820—1895) — общественный деятель.

Стороженко Владимир Андреевич, сын сенатора и автора “Воспоминаний” — Андрея Яковлевича Стороженко, родился в 1820 г.; воспитывался сначала в Пажеском корпусе, а потом в Дерптском университете по юридическому факультету; некоторое время состоял на государственной службе, но более всего стал известен как общественный деятель, принимавший живое участие в жизни открывшихся тогда земских и мировых учреждений; умер в 1895 г.

По поручению сенатора Е. Ф. фон-Брадке, он составил две “Записки” под названиями: “Соображения по сельскохозяйственной промышленности Херсонской губернии” и “Соображения по торговле города Херсона”. Обе эти “Записки” со сведениями об авторе и с письмами к нему напечатаны в “Фамильном архиве Стороженко” (Киев, 1910, т. VI) (Запись Д. Д. Языкова).

СТРОМИЛОВ Николай Семенович (1 апреля 1842 — 11 октября 1895 года в Феодосии) — автор.

Некролог

11 октября в Феодосии умер бывший член владимирской губернской земской управы и александровский уездный предводитель дворянства Николай Семенович Стромилов. Родился он 1 апреля 1842 г., образование получил в Константиновском межевом институте. Из литературных трудов покойного укажем на следующие: “Володимерщина. Роспись печатного и изданного о Владимирской епархии и губернии” (1884), “Русская литература по скотоводству” (1870 и 1872

гг.), “Александровская слобода (до Грозного)”, изданную в 1884 г. Московским Императорским обществом истории и древностей. Сотрудничал покойный во “Всемирной Иллюстрации”, в “Страннике”, “Душеполезном Чтении”, в “Русском Архиве”, “Древней и Новой России”, в “Современной Летописи”, в “Чтениях”, московских, в журналах — “Журнал Охоты”, “Сельское хозяйство и лесоводство”, в “Земледельческой Газете” и др., а также в местных епархиальных и губернских ведомостях и в трудах местного статистического комитета (“Новое Время”, 1895, № 7053).

Библиография

О нем:

“Московские Ведомости”, 1895, № 286.

“Русское Слово”, 1895, № 282.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 12, с. 1006—1007.

СТУКОЛКИН Лев Петрович (умер 20 мая 1895 года в Петербурге) — автор.

Библиография

О нем:

“Ежегодник Императорских Театров”, сезон 1894—1895 гг., с. 415—416.

СЕРИКОВ Федор Владимирович (19 февраля 1859 — 13 ноября 1895 года в Москве) — преподаватель химии.

Некролог

16 ноября похоронен в Донском монастыре скончавшийся на 37 году жизни после непродолжительной, но тяжкой болезни преподаватель химии Московской практической академии коммерческих наук Федор Владимирович Сериков.

Покойный, происходя из известной московской купеческой семьи, был воспитанником той же

Академии и окончил в ней курс в 1876 г. с большой серебряной медалью. В 1879 г., получив аттестат зрелости в орловской гимназии, Ф. В. Сериков поступил в Московский университет на физико-математический факультет. Выпущенный из университета со степенью кандидата в 1883 г., он в том же году занял место преподавателя в Московской практической академии коммерческих наук. Усердием, добросовестностью и любовью к делу Ф. В. Сериков в течение двенадцатилетней своей службы приобрел уважение совета, инспекции и сослуживцев, а также глубокую любовь и признательность учащихся Академии. На гроб покойного были возложены венки от Академии, сослуживцев, учащихся, бывших воспитанников, друзей и родных.

Мир праху твоему, достойнейший труженик (“Московские Ведомости”, 1895, № 318).

СЮЗЕВ Александр Иванович (умер 3 ноября 1895 года в Москве) — издатель, редактор.

3 ноября скончался соиздатель и редактор “Ремесленной Газеты” и журнала “Технический сборник и вестник промышленности” Александр Иванович Сюзев. Покойный принимал живое и деятельное участие в “Ремесленной Газете” со дня выхода первого номера и не только редактировал это издание, но написал для него много разнообразнейших статей, крупных и мелких. Из наиболее крупных его статей назовем: “Слесарное дело”, “Окрашивание металлов”, “Производство гнутой мебели” и др. Окончив в 1874 г. курс в Московском техническом училище со званием механика-строителя, А. И. некоторое время занимался частными работами по своей

специальности, а также педагогической деятельностью в Дельвиговском техническом железнодорожном училище. Затем он вступил на службу в Северное страховое общество, где более 15 лет состоял техником и инспектором. Несколько лет тому назад он был приглашен в качестве управляющего в страховое общество “Москва”. А. И. был добрый, отзывчивый человек (“Новое Время”, 1895, № 7074).

ТАЛЕПОРОВСКИЙ Николай Иванович (умер 30 января 1895 года в Петербурге) — делопроизводитель канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства.

Некролог

30 января после продолжительной болезни скончался один из скромных тружеников Николай Иванович Талепоровский. Покойный был делопроизводителем канцелярии бывшего главного священника войск, ныне пресвитера военного и морского духовенства. Н. И. поступил в 1871 г. на службу в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода и в свободные от служебных занятий часы занимался журналистикой. С самого начала издания “Нового Времени” А. С. Суворины покойный был одним из репортеров нашей газеты. В семидесятых годах (1877—1888 гг.) он организовал и вел в одной из петербургских газет, под псевдонимом “Н. Пономарев”, отделы: “Из жизни русского духовенства” и “Из мира раскола”. В конце 1888 г. покойный назначен был на должность правителя дел канцелярии главного священника войск. Здесь сложные и многочисленные занятия отняли у покойного всякую возможность отдаваться журналистике (Н. И. умер на 45 году жизни). Покойный Н. И. с начала 1887 г. по день смерти состоял делопроизводителем Николаевского православного братства, основанного в память Цесаревича и Вел. князя Николая Александровича. Покойный оставил после себя жену и трех малолетних детей (от 11 до 8 лет) без всяких средств к жизни (“Новое Время”, 1895, № 6799).

ТАТАРИНОВ Илья Антипович (1832 — 20 сентября 1895 года в Териоках) — помощник главного редактора газеты “Правительственный Вестник”.

Некролог

20 сентября, на даче в Териоках, скоропостижно скончался помощник главного редактора газеты “Правительственный Вестник” Илья Антипович Татаринов. Он родился в С.-Петербурге в 1832 г. и, по окончании курса наук со степенью кандидата в Императорском с.-петербургском университете, служил до 1857 г. в канцелярии с.-петербургского военного генерал-губернатора.

Выйдя затем в отставку, И. А. вторично поступил на службу в 1875 г. в редакцию “Правительственного Вестника”, где последовательно занимал должности редактора официального и иностранного отделов, а с мая 1891 г. — помощника главного редактора. Знаток иностранных языков и человек разносторонне образованный, покойный в течение долгих лет был достойным руководителем сложного и весьма ответственного в официальной газете отдела политических известий. Отличаясь также любовью и знанием музыки и несомненным дарованием пианиста, И. А. оставался постоянно близким к нашему музыкальному миру и неоднократно помещал в повременных изданиях статьи по музыке. В 1864 г. покойный принимал деятельное участие в основании возникшего тогда, по мысли и под редакторством А. С. Афанасьева-Чужбинского, “Петербургского Листка”. Несмотря на пошатнувшееся в последние годы здоровье, И. А. продолжал добросовестно трудиться в редакции, являясь одним из ближайших помощников и заместителем главного редактора в его отсутствие. Неожиданная кончина И. А. встречена всеми его сослуживцами с неподдельной скорбью: в почившем редакционная семья потеряла прекрасного товарища, человека отзывчивого на всякое доброе дело, невозмутимо спокойного по характеру и неизменно доброжелательного ко всем (“Новое Время”, 1895, № 7028).

Библиография

О нем:

“Русское Слово”, 1895, № 259.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 11, с. 654.

ТЕРПИГОРЕВ Сергей Николаевич (12 мая 1841 — 13 июня 1895 года в Новой Деревне, близ Петербурга) — писатель.

Некролог

13 июня на даче в Новой Деревне, близ Петербурга, умер писатель Сергей Николаевич Терпигорев, чаще выступавший в периодической печати под псевдонимом “Сергей Атава”. Он родился 12 мая 1842 г. в селе Никольском Усманского уезда Тамбовской губернии и рано вступил на литературное поприще. Еще в 1861 г. он напечатал в “Русском Мире” свой первый рассказ “Горестная доля”. Затем, помещая литературные произведения большей частью в “Русском Слове” и “Отечественных Записках”, покойный издал свои труды отдельно, под заглавием: “Оскудение”, очерки, заметки и размышления тамбовского помещика (Спб., 1882, два тома) и “Узорочья Пестрядь” (Спб., 1883, 370 стр.). В последние же годы Терпигорев участвовал в “Нови”, где печатал ежемесячный обзор под названием: “Дела Людские” (1885—1886 гг.), в “Историческом Вестнике”, где преимущественно помещал отрывки из воспоминаний (как, например, “Потревоженные тени”), “Артисте” и “Северном Вестнике”, но главным образом сотрудничал в “Новом Времени”, на листах которого почти до смерти еженедельно вел воскресный фельетон, посвященный общественной жизни, с заголовком: “По нынешним временам” (“Московские Ведомости”, 1895, № 163).

Библиография

Его:

Собрание сочинений, под редакцией С. Н. Шубинского; с биографическим очерком, составленным П. В. Быковым, и портретом (Спб., 1899, шесть томов).

“Воспоминания” (“Исторический Вестник”, 1896, кн. 1—5).

“Письмо к М. И. Пыляеву” (“Русская Старина”, 1908, кн. 3, с. 618).

О нем:

“Северный Вестник”, 1895, кн. 7, с. 74—78.

“Новое Время”, 1895, № 6928, 6929, 6930, 6935, 6939; 1903, № 9724.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 7, с. 279—280; кн. 8, с. 429—442, 443—445; 1905, кн. 10, с. 82—97.

Оболенский Л. Е. Воспоминания (“Исторический Вестник”, 1902, кн. 3, с. 898—901).

ТИМОФЕЕВ Александр Ильич (умер 22 декабря 1895 года в Новгороде).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1896, кн. 3, с. 996—1000; кн. 4, с. 376.

ТИМОФЕЕВ Василий Тимофеевич (умер в 1895 году) — автор.

Библиография

О нем:

“Православный Собеседник”, 1896, январь.

“Журнал Министерства Народного Просвещения”, 1914, кн. 9, отд. III, с. 43—70.

ТОМСА Владимир Богумилович (1831 — 4 апреля 1895 года в Праге) — профессор.

Некролог

Из Праги получена телеграмма, что там 4 апреля (23 марта) умер профессор Томса. Этот заграничный ученый известен и России, так как около 20 лет состоял профессором в Университете Св. Владимира, а потому мы и передаем о нем краткие сведения.

Владимир Богумилович Томса, по происхождению чех, родился в 1831 г. в Праге и там же получил как гимназическое, так и университетское образование. По окончании курса в Пражском университете, он был удостоен в 1854 г. степени доктора медицины и назначен там же прозектором по физиологической анатомии, а позже ассистентом при кафедре патологии. Вспыхнувшая в 1859 г. австро-итальянская война заставила его поступить на военную службу батальонным врачом в 48 австрийский пехотный полк. После же кампании Томса был определен в Венскую военно-медицинскую академию (Iosephimum) ассистентом при профессоре физиологии Людвиге, а с 1865 г., при переходе последнего в Лейпцигский университет, занял его кафедру физиологии и медицинской физики. Но в том же году Университет Св. Владимира избрал его экстраординарным профессором физиологии, и Томса переселился в Киев. Здесь он читал лекции по физиологии и патологической анатомии в течение девятнадцати лет, состоял одно время деканом медицинского факультета, даже получил чин действительного статского советника, пока в половине 1884 г. не возвратился на родину, так как Пражский университет предложил ему место ординарного профессора физиологии, которое Томса и занимал до дня смерти.

Ученые труды покойного, большей частью напечатанные в иностранных медицинских журналах, написаны на немецком и чешском языках. По-русски же появились только две его работы: “О кровообращении в коже человека”, пробная лекция по физиологии (“Киевские Университетские

Известия”, 1865, № 9) и “Учебник физиологии” (там же, 1883) (“Московские Ведомости”, 1895, № 84).

ТРОФИМОВСКИЙ Николай Алексеевич (умер 2 января 1895 года) — автор, сенатор.

Некролог

2 января скончался сенатор Н. А. Трофимовский, известный в литературе как автор наделавших в свое время много шуму очерков: “В камере прокурора”, напечатанных в “Вестнике Европы” в начале 80-х годов. Свою служебную деятельность покойный начал по акцизному ведомству в г. Владимире. Случайно каким-то докладом он обратил на себя внимание министра юстиции графа. Палена, бывшего проездом во Владимире. Граф Пален сразу оценил выдающиеся способности Н. А. Трофимовского и предложил ему место прокурора окружного суда. На новом поприще последний зарекомендовал себя как выдающийся юрист и в скором времени достиг важного назначения прокурором варшавской судебной палаты, а в конце 80-го года был назначен сенатором кассационного департамента Правительствующего сената. Как писатель, покойный дал ряд очерков о гминном суде и несколько мелких рассказов, представляющих собой довольно живые картины судебного и чиновничьего быта нашего захолустья. Последний его рассказ “Чиновничьи клавикорды” напечатан в “Северном Вестнике” в прошлом году. Как в своей служебной, так и в скромной литературной деятельности он отличался редкой прямотой

взглядов, безукоризненной честностью и отзывчивостью на все доброе и хорошее. Он умер еще сравнительно молодым, далеко не достигнув еще 60-ти летнего возраста (“Новое Время”, 1895, № 6772).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 2, с. 684.

ТУГАН-МИРЗА-БАРАНОВСКИЙ Николай Амуратович (1854 — 5 марта 1895 года в Петербурге) — нотариус, автор.

Вчера, 5 марта, скончался после инфлюэнци Николай Амуратович Туган-Мирза-Барановский, известный в литературном мире по псевдонимом “Н. Тембе”. Н. А. был выдающийся по своим познаниям талмудист. Его статьи, посвященные разъяснению талмудизма, были напечатаны в “Новом Времени”. Большей частью покойный сотрудничал в специальных юридических изданиях и в “Наблюдателе”. Н. А. родился в 1854 г. в Варшаве, получил образование в Училище правоведения. По окончании курса он служил в Петербургском судебном округе сначала следователем, потом товарищем прокурора. В прошлом году он вышел в отставку и открыл нотариальную контору на Невском. Вдова и две маленькие дочери покойного остались без средств к существованию (“Новое Время”, 1895, № 6832).

Библиография

О нем:

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 5, с. 662—663.

ФАЛЮТИНСКИЙ Григорий Иванович (умер 16 августа 1895 года в Петербурге).

Библиография

О нем:

“Церковные Ведомости”, 1895, № 45, с. 1589—1590.

ФЕДОТОВ Александр Филиппович (умер 11 февраля 1895 года в Петербурге) — артист.

Некролог

В субботу, 11 февраля, утром, скончался артист Императорских театров Александр Филиппович Федотов. Не окончив курса в Московском университете, Федотов в начале 60-х годов поступил на сцену московского Малого театра, где вскоре занял выдающееся положение умного и способного актера. В 1872 г. покойный вышел из состава труппы и принял на себя режиссерство в Московском народном театре, устроенном во время политехнической выставки. В течение двух месяцев он проявил в этом театре режиссерские способности, в следующем году перебрался в Петербург и вступил компаньоном и режиссером во французский театр — Буфф. По инициативе покойного выстроился театр в г. Павловске, в котором два лета подряд Федотов устраивал спектакли. В начале 80-х годов покойный учредил в Москве частную театральную школу, в которой и преподавал практическое драматическое искусство до 1893 г. В этом же году он стал преподавать то же искусство в Петербургском театральном училище и играть на сцене Александринского театра. Покойным написаны следующие пьесы: “Сказка про белого бычка”, “Годуновы”, “Рубль”, “В деревне”, “Хрущевские помещики”, “Мыльные пузыри” и др. (“Новое Время”, 1895, № 6810).

Библиография

Библиография

О нем:

“Северный Вестник”, 1895, кн. 5, отд. II, с. 93—98.

“Московские Ведомости”, 1895, № 45.

“Ежегодник Императорских театров”, сезон 1894—1895 гг. с. 418—421.

“Исторический Вестник”, 1895, кн. 4, с. 338; 1903, кн. 2, с. 695—698.

ФЕОДОСИЙ (в мире Феофан Семенович Рождественский, 1821 — 23 января 1895 года в Москве) — архимандрит.

Некролог

23 января скончался после продолжительной болезни управляющий московским Заиконоспасским монастырем, член Московской синодальной конторы преосвещенный Феодосий. Почивший принадлежал к числу старейших архипастырей русской церкви.

Епископ Феодосий (в мире Феофан Семенович Рождественский), сын причетника села Мяснова Серпуховского уезда, родился в 1821 г. и получил образование в Московской духовной семинарии, в которой окончил курс студентом в 1842 г. и вскоре был назначен преподавателем в Перервинское духовное училище. Через пять лет он принял монашество, возведен в сан иеродиакона, затем через два года был посвящен в иеромонахи и назначен смотрителем Перервинского училища. Эту должность он занимал недолго, так как в 1853 г. был переведен смотрителем же в Заиконоспасское духовное училище, где оставался до 1859 г., когда последовало назначение его синодальным ризничим. В 1863 г. почивший был возведен в сан архимандрита. Спустя четыре года он был назначен настоятелем Покровского монастыря и членом Московской духовной консистории. В 1871 г. архимандрит Феодосий был переведен настоятелем в Соловецкий ставропигиальный монастырь, где оставался в течение семи лет. После Соловецкого монастыря ему пришлось послужить в Ростове настоятелем Богоявленского монастыря. Отсюда почивший был переведен на настоятельное место в Афанасьевский монастырь в Ярославле, с назначением членом местной духовной консистории. 16 февраля 1886 г. почивший был хиротонисан во епископа Михайловского, викаря Рязанской епархии, а в 1892 г.

получил самостоятельную епископскую кафедру во Владикавказе. Здесь преосвященный оставался недолго и с 12 июня 1893 г., по прошению, был переведен в Москву управляющим Заиконоспасским монастырем с назначением членом Московской синодальной конторы (“Московские Ведомости”, 1895, № 25).

Библиография

Его:

Слово при наречении в епископы (“Православное Обозрение”, 1886, кн. 3).

О нем:

“Московские Церковные Ведомости”, 1895, № 5, с. 50—51

“Церковные Ведомости”, 1895, кн. 5, с. 235.

ФЕРРЕЙН Андрей Карлович (1 февраля 1833 — 5 января 1895 года в Москве) — химик-фармацевт, статский советник.

Некролог

Андрей Карлович Феррейн, безвременно скончавшийся 5 сего января от инфлюэнци, родился 1 февраля 1833 г. в Москве. Получив тщательное воспитание, он поступил на физико-математический факультет Московского университета, по окончании курса которого был утвержден в степени кандидата (1856), а по выдержании испытания и после публичной защиты написанной им диссертации "Об азотистой кислоте" он был удостоен степени магистра химии (9 июня 1867 г.). Будучи учеником, а потом аптекарским помощником, А. К. Феррейн занимался в Старо-Никольской аптеке своего отца Карла Ивановича и до последнего времени был деятельным сотрудником своего брата Владимира Карловича. В 60-х годах А. К. Феррейн был лаборантом химической лаборатории университета при профессоре Лясковском, причем оставил добрую память в своих учениках. А. К. Феррейн состоял членом Императорского Общества испытателей природы, Московского фармацевтического общества, Corresponding Member of the Pharmacentical Society of Great Britain. 27 июня 1884 г. А. К. Феррейн был назначен химиком-фармацевтом Московского врачебного управления, в котором состоял по день своей кончины в чине статского советника (1892). Как директор комитета (Московского округа) вспомоществования евангелическо-лютеранским приходам в России, он выказал благотворную деятельность.

Одаренный глубоким умом и любящим сердцем, А. К. отличался обширным образованием и редкой гуманностью, снискавшими ему всеобщую любовь и уважение, трогательно проявившимися и при предании земле его праха ("Московские Ведомости", 1895, № 12).

Библиография

О нем:

"Московские Ведомости", 1895, № 7.

ФРАНКОВСКИЙ Владислав Андреевич (1816 — 31 марта 1895 года в Харькове) — врач.

Нам сообщают, что 31 марта скончался известный харьковский доктор Владислав Андреевич Франковский. Покойный родился в 1816 г. и воспитывался в Харьковском университете. По окончании курса со степенью лекаря в 1840 г. он состоял ординатором терапевтической и акушерской клиник при том же университете, врачом студентов и акушером при Харьковской врачебной управе, а потом с 1859 г. отдался частной практике, преимущественно среди бедного люда. Эта, большей частью безвозмездная деятельность, соединенная с широкой благотворительностью, доставила покойному необыкновенную популярность среди жителей Харькова: они в прошлом году поднесли этому "другу бедных и несчастных" звание почетного гражданина Харькова за продолжительную и благотворительную службу городу ("Московские Ведомости", 1895, № 91).

Библиография

О нем:

"Русская мысль", 1895, кн. 6, отд. II, с. 165—167.

"Новое Время", 1895, № 6858.

ХАНЕНКО Александр Иванович (умер 10 июля 1895 года).

Библиография

Его:

“Рассказы Кутлубицкого о временах Павла I”

(“Русский Архив”, 1866, 1868, 1912, кн. 8, с. 509—538).

О нем:

“Новое Время”, 1895, № 7118.

“Киевская Старина”, 1895, кн. 9.

“Русская Старина”, 1908, кн. 7, с. 211—213.

“Русский Архив”, 1912, кн. 8, с. 495; 1913, кн. 3, с. 298.

ЦЫЦУРИН Федор Степанович (12 июня 1814 — 19 декабря 1895 года в Петербурге) — действительный тайный советник, лейб-медик.

Некролог

В Петербурге 19 декабря скончался старейший представитель русской медицины, действительный тайный советник, лейб-медик Федор Степанович Цыцурин.

Сын потомственного дворянина-помещика, покойный родился 12 июня 1814 г. в уездном городе Бирюче Воронежской губернии. Первоначальное образование он получил в родном доме и в бирюченском уездном училище, затем учился в харьковской гимназии, где окончил курс с серебряной медалью, и на медицинском факультете Харьковского университета, из которого был выпущен в 1835 г. со званием лекаря первого класса и с отличием. По окончании университетского курса ему пришлось заниматься практикой в Харьковской губернии до 1839 г., когда он для дальнейшего образования поступил на два года в Дерптский (ныне Юрьевский) университет и приобрел там степень доктора медицины в 1841 г. Вслед затем покойный был командирован за границу для специального изучения клинической терапии в Германии, Франции и Англии, а по возвращении из заграничного путешествия и после прочтения пробной лекции в Петербурге назначен 3 апреля 1844 г. прямо ординарным профессором Университета Св. Владимира по кафедре терапевтической клиники с семиотикой. На профессорской кафедре ему пришлось пробыть тринадцать лет — до 23 октября 1857 г., после чего он занимал должность президента Императорской Варшавской медико-хирургической академии (1857—1861), состоял

членом Военно-медицинского ученого комитета и директором Медицинского департамента, лейб-медиком Двора Его Императорского Величества и управляющим придворной медицинской частью.

Покойный напечатал докторскую диссертацию о тифе (Nonnullo de typho abdominali, Дерпт, 1841), ряд специальных статей в медицинских журналах и несколько ученых отчетов в “Журнале Министерства Народного Просвещения” (1842, ч. XXXV; 1843, ч. XXXVII; 1844, ч. XLII—XLIII; 1857, ч. XCV и XCVI) (“Московские Ведомости”, 1895, № 352).

ЧЕРКАСОВ Александр Александрович (26 декабря 1834 — 21 января 1895 года в Екатеринбурге) — горный инженер, статский советник.

Некролог

Еще один из даровитых русских людей сошел в могилу. 21 января в Екатеринбурге скончался горный инженер, статский советник Александр Александрович Черкасов, занимавший место городского головы, автор известной книги “Записки охотника Восточной Сибири”. Это был один из полезнейших общественных деятелей, сделавший массу добра во время службы своей в Сибири и в Екатеринбурге, человек глубоко гуманный, отзывчивый к добру, с умом светлым и проницательным, разносторонне образованный, обладавший недюжинным литературным

проницательным, разносторонне образованным, обладавшим недюжинным литературным талантом, прекрасный рассказчик, который производил впечатление своей беседой, необыкновенно содержательной, полной добродушного, чисто русского юмора. Его книга "Записки охотника Восточной Сибири", написанная мастерски, содержит в себе множество ценных и самых разнообразных сведений и представляет собой не только впечатления страстного охотника, каким был А. А. Черкасов, но и прекрасную картину Сибири в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов, правдивую и довольно яркую, целый ряд географических, этнографических и экономических данных. С первого появления своего эта книга обратила на себя внимание и печати, и образованной публики и выдержала несколько изданий. Обстоятельный отзыв о ней, между прочим, дан был в "Русском Инвалиде" А. В. Сувориным (1867, № 90).

Как горный инженер А. А. Черкасов также проработал немало во время своей службы в Нерчинском и Алтайском горных округах; в первом он открыл знаменитые урюмские золотые россыпи, за что и был награжден пенсией в 1200 рублей (с 1864 г.). Сибиряки с восторгом вспоминают о том времени, когда А. А. Черкасов жил среди них, его симпатичную личность, его простоту, ровный, веселый характер, готовность помочь каждому, его неподкупность и высокую честность.

А. А. Черкасов скончался 60 лет. Он родился 26 декабря 1834 г. в Старой Руссе Новгородской губернии и образование получил в Горном корпусе, откуда выпущен в 1855 г. По окончании курса он был назначен в Нерчинский горный округ, где пробыл до 1871 г., а затем переведен в Алтайский округ. Здесь он прослужил до 1883 г. и затем, выйдя в отставку, поселился в Барнауле, где его избирали городским головой два четырехлетия сряду. Но избранный вторично, он прослужил всего год и в 1890 г. переехал в Екатеринбург, где, до избрания своего в городские головы в октябре 1894 г., отдыхал и занимался лишь литературным трудом. Статьи А. А. Черкасова печатались в "Журнале Охоты" Г. Г. Мина, "Горном Журнале", "Деле" Г. Е. Благосветова, "Отечественных Записках", "Природе и Охоте", "Слове" и других изданиях. Его книга "Записки охотника Восточной Сибири" (1856—1863) вышла вторым изданием ("Новое Время", 1895, № 6805).

Библиография

О нем:

"Исторический Вестник", 1895, кн. 4, с. 338.

"Новое Время", 1895, № 6792.

ЧИЖ Михаил Ильич (умер 24 марта 1895 года в Москве) — доктор медицины.

Некролог

Рано утром 24 марта скончался 62 лет от роду от болезни сердца, усложненной страданием почек, долгое время пользовавшийся огромной известностью в Москве как искусный гинеколог и акушер доктор медицины М. И. Чиж.

Покойный принадлежал к старинному белорусскому дворянскому роду. Он 9 лет поступил в гимназию во II класс и, окончив ее 16 лет, перешел на медицинский факультет Московского университета, где кончил курс в 1855 г. По окончании курса покойный вступил ассистентом в акушерскую клинику Императорского Московского университета. В 1869 г. Михаил Ильич начал службу по ведомству Императорского человеколюбивого общества в Московском попечительском о бедных комитете, где в течение более 25 лет попеременно исполнял обязанности: консультанта лечебницы для приходящих, акушера и заведующего одним из родильных приютов комитета, а с 1882 г. — члена Московского медицинского комитета того же ведомства; кроме того, М. И. Чиж принимал сердечное участие в деятельности благотворительных соединенных учреждений: Московского медико-филантропического

благотворительных соединенных учреждений: Московского медико-филантропического общества, коего он был одним из учредителей, Вспомогательной медицинской кассы, Акушерско-гинекологического общества, где состоял многие годы казначеем, и т. д.

Всюду покойный Михаил Ильич вносил специально присущий ему элемент доброты, мягкости, снисходительности, милосердия, искренней любви к ближнему и высокого благородства. Во всю свою многолетнюю служебную и медицинскую практику он не добивался ни отличий, ни крупных гонораров. Достигнув известности, рядом с практикой в высших и наиболее достаточных слоях московского общества, он не только никогда никому не отказывал в помощи безвозмездно, но и многие из москвичей хорошо знают случаи, когда доктор привозил своим пациентам им самим оплаченные лекарства или когда жены недостаточных тружеников и других бедняков находили после родов и посещений Михаила Ильича под подушкой неизвестно откуда взявшиеся десятки рублей.

Усиленный труд, разъезды по труднобольным нередко и ночью и сердечность, с коей Михаил Ильич принимал страдания своих пациентов, значительно повлияли на здоровье покойного, особенно в последний период его жизни.

Отношение москвичей к покойному ярко высказалось после его смерти. На панихидах и при похоронах среди родных и массы знакомых появились незнакомые дамы и женщины, плакавшие у гроба. Вместе с венками: от Акушерского гинекологического общества, от комитета Человеколюбивого общества, от Медико-филантропического общества, от друзей и знакомых — оказались роскошные венки от пациенток неизвестных или пожелавших остаться неизвестными.

Покойный похоронен на Ваганьковском кладбище, рядом с могилой его друга, профессора Тольского. На похоронах присутствовали генерал-лейтенант Н. М. Малахов, губернский предводитель кн. П. Н. Трубецкой, камергер П. М. Волгин, профессора, медики и много лиц из высшего московского общества, докторов и почитателей покойного (“Московские Ведомости”, 1895, № 87).

ШЕППИНГ Дмитрий Оттович (умер 17 марта 1895 года), барон.

Библиография

О нем:

“Биографии членов Московского Археологического Общества”, с. 241—242, 406.

ШЕРЕМЕТЕВСКИЙ Владимир Петрович (1835 — 15 июня 1895 года в Покровском на Филях) — преподаватель, действительный статский советник.

Некролог

В четверг, 15 июня, в Покровском на Филях, что близ Москвы, скончался один из старейших и заслуженнейших преподавателей в нашей столице действительный статский советник Владимир Петрович Шереметевский.

Покойный родился в Москве в 1835 г. и после домашней подготовки поступил во 2 московскую гимназию. Здесь в 1853 г. он окончил курс с золотой медалью и без экзамена был принят на историко-филологический факультет Московского университета. Через четыре года покойный был выпущен из Университета со степенью кандидата и начал свою педагогическую деятельность. Сначала ему пришлось состоять в воспитавшей его 2 московской гимназии учителем русского языка и словесности (с 30 ноября 1858 г. до 30 июля 1866 г.), а потом — инспектором той же гимназии (с 30 июля 1866 г. по 1 июля 1870 г.). Вслед за тем он был преподавателем в Московской учительской семинарии военного ведомства (до ее закрытия в августе 1885 г.), 5 московской гимназии, Николаевском женском училище и учителем

августе 1889 г.), 5 Московской гимназии, Николаевском женском училище и учителем педагогики, дидактики и методики русского языка в частной женской гимназии Перепелкиной (1884—1895 гг.). Кроме того, в течение нескольких лет покойный преподавал методику русского языка на педагогических курсах, учрежденных при Обществе воспитательниц и учительниц.

Эта многолетняя деятельность В. П. Шереметевского на педагогическом поприще пополнилась и несколькими учено-литературными трудами, из которых нам знакомы: "Начатки науки о родном языке" (Воронеж, 1881), "Об орфографии вообще и о письме под диктовку, как упражнении элементарном в особенности" (М., 1884), "Слово в защиту живого слова в связи с вопросом об объяснительном чтении" (М., 1886, 115 стр.), "Страничка из методики элементарной грамматики родного языка" (М., 1887, 78 + 1 стр.), "Каков Хлестаков на самом деле и за кого подчас принимают его?" ("Педагогический Сборник", 1888, № 5 и 6; отдельно: Спб., 1888, 65 стр.), "К вопросу о единообразии в орфографии: по поводу академического руководства: "Русское правописание", педагогический этюд" (М., 1891, VI + 91 стр.). Во всех этих трудах покойный автор явился сведущим и опытным педагогом; но из названных работ его особенно важно и любопытно "Слово в защиту живого слова", где он убедительно доказывал, что "современная средняя школа не учит и даже не думает учить своих птенцов говорить и читать", а потому подробно указывал на более правильную постановку "объяснительного" и "выразительного" чтения.

Наконец, нельзя забывать, что В. П. Шереметевский, сам довольно искусный лектор, состоя в последнее время товарищем председателя учебного отдела при Обществе распространения технических знаний, нередко и с успехом выступал в так называемых "чтениях для учащихся", преимущественно передавая отрывки из произведений Гоголя и Островского ("Московские Ведомости", 1895, № 165).

Библиография

Его:

"Сочинения В. П. Шереметевского", М., 1897.

Шереметевский В. П. Статьи по методике начального преподавания русского языка. Пособие для VIII классов женских гимназий. Под ред. В. Каллаша. Изд. 2. М., 1914.

О нем:

"Новое Время", 1895, № 7057.

ШОХИН Николай Александрович (умер 7 декабря 1895 года в Москве) — архитектор, действительный статский советник.

Некролог

7 декабря 1895 г. на 76 году жизни скончался один из старейших и уважаемых архитекторов нашей столицы, действительный статский советник Николай Александрович Шохин, заметно выделявшийся и как общественный деятель.

Покойный получил воспитание в Архитектурном училище ведомства Московской дворцовой конторы, в котором находился с 1832 по 1840 гг. По окончании курса со степенью архитектурного помощника 3 класса Н. А. Шохин поступил на службу в Дворцовую контору, где непрерывно прослужил до 1885 г., то есть 45 лет, закончив свою службу должностью старшего архитектора и начальника чертежной. Во время своей продолжительной службы по Дворцовому ведомству покойный Н. А. Шохин принимал участие по устройству и приспособлению зданий к коронациям в 1856 и 1883 гг., произвел чрезвычайно трудную в техническом отношении реставрацию Малого Николаевского кремлевского дворца, реставрировал также Потешный дворец и некоторые башни кремлевских стен. Он же произвел реставрацию церкви Вознесения в

дворец и некоторые башни кремлевских стен. Он же произвел реставрацию церкви Вознесения в с. Коломенском и составил проект дворца в том же с. Коломенском, удостоенный премии.

За свои работы в разное время Н. А. Шохин удостаивался Высочайших наград и ценных подарков.

Кроме службы в Дворцовом ведомстве, Н. А. Шохин состоял архитектором Воспитательного дома, секретарем Пречистенского попечительства о бедных, архитектором Александровского сиротского кадетского корпуса, почетным членом Московского совета детских приютов и почетным членом Братолюбивого общества. В последнем обществе покойный состоял членом почти с самого его основания и своей деятельностью принес большую пользу обществу. Оставаясь всю жизнь холостым, он большую часть своих сбережений употреблял на благотворительные дела и, между прочим, на свои средства построил два дома в пользу Братолюбивого общества для дешевых квартир, а именно: один своего имени, а другой имени княгини Н. Б. Трубецкой. Кроме того, его заботами и при его материальном содействии был также перестроен бывший вице-губернаторский дом на Плющихе, назначенный также для дешевых квартир.

Н. А. Шохин пользовался общим уважением среди московских архитекторов и как член-учредитель Московского архитектурного общества избран был в 1872 г. председателем общества. Затем, в том же обществе за заслуги в области строительного дела Н. А. Шохин был избран в почетные члены. В 1864 г. Н. А. Шохин был удостоен звания почетного вольного общника Императорской Академии Художеств.

Кроме своих служебных обязанностей, покойный Н. А. Шохин с 1872 г. много труда посвятил устройству бывшей в то время Политехнической выставки и возникавшему Политехническому музею. На выставке им был устроен специальный архитектурный отдел, в котором, между прочим, обращала на себя внимание разборная церковь, находящаяся в настоящее время в Люблине близ Москвы, а модель ее — в архитектурном отделе музея. Как член комитета Политехнического музея Н. А. Шохин принимал самое близкое участие в устройстве здания музея на Лубянской площади, которое воздвигалось по его плану и под его наблюдением. При постройке второго корпуса музея Н. А. Шохин состоял председателем строительной комиссии от комитета музея.

Самая крупная заслуга покойного Н. А. Шохина перед Москвой и музеем — это устройство им в музее специального архитектурного отдела, имеющего большое учебное значение в

строительном искусстве. Н. А. Шохин как директор отдела обогащал его разными коллекциями и развивал в течение 23 лет. Сознавая отсутствие в Москве каких-либо наглядных пособий по строительному делу, он дал отделу учебно-архитектурное направление, положив в основание серьезно выработанную им программу. Благодаря заботам и примерной деятельности Н. А. Шохина при отделе устроена также специальная архитектурная библиотека, которая служит теперь для общего пользования как источник теоретического изучения строительного дела. Для основания библиотеки Н. А. Шохин пожертвовал музею собственную библиотеку, ценную как по своему составу, так и по материальной стоимости.

В заключение нельзя не упомянуть о главнейших печатных трудах Н. А. Шохина в области строительного искусства, а именно им изданы: “Сборник очерков старинных построек”, “Нормальная расценка на строительные работы” и перед самой кончиной — “Историческая записка о реставрации Малого Николаевского кремлевского дворца в Москве”.

Мир праху примерного и честного труженика! (“Московские Ведомости”, 1895, № 342).

Библиография

О нем:

“Новое Время”, 1895, № 7108.

ЭРГАРДТ Федор Федорович (1828 — 21 декабря 1895 года в Киеве) — профессор.

Некролог

На днях скончался в Киеве заслуженный профессор Университета Св. Владимира Федор Федорович Эргардт. Покойный с 1859 г. занимал кафедру государственного врачебноведения и в продолжение многих лет заведовал судебно-медицинским отделом для практического преподавания судебно-медицинского исследования человека при киевском военном госпитале. Он пользовался большой известностью среди врачей как опытный эксперт, приглашаемый на судебные процессы для медицинских исследований, и как ученый, перу которого принадлежит ряд ценных, специально медицинских трудов. Научные работы покойного печатались в “Судебной Медицине”, “Судебном Вестнике”, “Военно-Медицинском Журнале” и других русских и заграничных журналах. Петербуржцам особенно памятно его мнение как эксперта-специалиста по делу Мироновича (убийство Сары Беккер). Ф. Ф. родился в 1828 г.; по окончании курса на физико-математическом факультете в Ришельевском лицее он поступил на медицинский факультет в Университет Св. Владимира, откуда вышел со званием лекаря и с золотой медалью за сочинение “Анатомия и механика пищевого сочленения”. Как один из лучших кончивших университетский курс он был оставлен при университете в качестве прозектора анатомической клиники и был приглашен ординатором в киевскую больницу Кирилловских богоугодных заведений. В 1857 г. назначен адъюнктом при кафедре государственного врачебноведения и через два года занял эту кафедру, с которой не расставался до дня своей смерти (“Новое Время”, 1895, № 7120).

ЯБЛОЧКИН Александр Александрович (умер 31 октября 1895 года в Петербурге) — режиссер, актер.

Некролог

Во вторник, 31 октября, скончался после непродолжительной, тяжкой болезни бывший режиссер Императорского Александринского театра Александр Александрович Яблочкин. Покойный кончил курс в Театральном училище в конце 40-х годов и в сезон 1851—1852 гг. выступил в качестве дебютанта на амплуа комических молодых любовников (ныне jeunes comiques) в Александринском театре в пьесах покойного графа Соллогуба — “Беда от нежного сердца”,

“Свирепый американец” и “Неожиданный случай”. Особенного успеха А. А. не имел, но, тем не менее, был полезным из невыдающихся актеров. Он пробовал свои силы и в серьезных ролях. Особенно хорош был покойный в водевиле “Осенний вечер в деревне”. Как режиссер александринской сцены А. А. умел хорошо ставить особенно народные сцены. Им прекрасно были поставлены, например, “Дмитрий Самозванец” и “Борис Годунов”. При нем на александринской сцене появилась, между прочим, оперетка. Покинув Александринский театр, покойный был режиссером нескольких частных сцен: у Лентовского, Сетова, в Одессе, Тифлисе. Ему как автору принадлежат несколько пьес, из которых особенным успехом пользовался водевиль “Много шуму из пустяков” (“Новое Время”, 1895, № 7070).

Библиография

О нем:

“Ежегодник Императорских театров”, сезон 1895—1896 гг., с. 507—508.

Том XI) Женщины-филеры

Женщины-филеры / Публ. [и примеч.] З. И. Перегудовой // Российский Архив: История

Женщины-филеры / Публ. [и примеч.] Э. Н. Перегудовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 596—602.

При губернских жандармских управлениях, охранных отделениях, розыскных пунктах и сыскных отделениях, занимавшихся уголовными делами, существовала служба наружного наблюдения.

В начале 1907 г. были предприняты попытки создать разработки, которые помогли бы филерам в различных ситуациях при их работе, предполагали создать школу и курсы филеров. В начале 1907 г. были утверждены две Инструкции. Одна предназначалась начальникам охранных отделений для организации работы по наружному наблюдению, а вторая была связана с работой филеров и называлась “Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения”. В Инструкции указывалось, каким должен быть филер: здоровым, крепким, без физических недостатков, хорошей нравственности, “твердый в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям”. После революции 1905—1907 гг., когда несколько изменился состав оппозиции к правительству, в число филеров стали принимать лиц более образованных. Филеры должны были иметь не только навыки установки лиц по приметам, но и быть подготовленными теоретически: знать организацию революционных партий, способы составления примет наблюдаемого, описание и отличие форменной одежды служащих и учащихся, способы конспирации. Преимущество при приеме на службу отдавалось мужчинам не старше 30 лет. Впервые в Инструкции было указано, что полезно иметь филерами женщин. В основном принимались на службу женщины, мужья которых ранее служили в охранке.

В материалах Московского охранного отделения сохранилось несколько дел, связанных со службой филерш (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 53. Д. 621, 626, 637). Почти шесть лет прослужила филершей Клавдия Андреевна Семенова, вдова коллежского регистратора. Она уволилась в 1916 г. по состоянию здоровья. В 1912 г. ходатайствовала о поступлении на службу Прасковья Ивановна Федорова, муж которой, работавший в Московском охранном отделении филером, погиб в 1906 г. Она была принята на работу. В документах отмечается их дисциплинированность и серьезное отношение к своей работе.

Тексты публикуются с сохранением орфографических и стилистических особенностей

документов.

I

1

ПОСЛУЖНОЙ ЛИСТ

СЕМЕНОВА Клавдия Андреевна

Звание

Вдова коллежского регистратора

Уроженец губ.

Города Москвы

Вероисповедание

Православное

Получил образование

Домашнее

Время рождения

1872 года декабря 15 дня

Семейное положение:

Вдова

имя и возраст жены

имена и возраст детей

Нина 18 лет, Дмитрий 13 л(ет),

Борис 12 л(ет), Варвара 6 л(ет).

Время поступления на службу в Отделение

1910 года декабря 1 дня

Определение на службу

5-го декабря 1910 года

Должность

Филерша

Оклад

35 руб. в месяц

Вид на жительство

Бессрочная паспортная книжка

Чем занимался до поступления на службу в Отделение

Жила при муже

2

Вр(еменно) исп(олняющему) об(язанности) Московского Градоначальника1 Его Прев(осходитель)ству К. В. Свешникову

Г. Председателю Постоянной Комиссии Московского Совета Детских Приютов Ведомства Учреждений Императрицы Марии

№ “ ” марта 1911 г. г. Москва

Секретно

Милостивый Государь,
Константин Владимирович

Вдова бывшего служащего подведомственного мне Охранного Отделения, коллежского регистратора Семенова, Клавдия Андреевна Семенова после мужа, беспорочно и в высокой степени интенсивно прослужившего 22 года и вскоре после выхода в отставку скончавшегося от приобретенной на службе болезни, осталась с пятью* малолетними детьми без всяких средств к существованию.

Озабочиваясь участью семьи бывшего моего подчиненного, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, согласно ходатайства Семеновой, изложенного в прилагаемом при сем прошении, не отказать в распоряжении о помещении сыновей ее Дмитрия 11 лет и Бориса 10 лет в Ермаковское Техническое Училище интернами на стипендию Московского Совета Детских Приютов.

Пользуясь случаем, прошу Ваше превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности.

3

М. В. Д.
Начальник
отделения по охранению общественной безопасности
и порядка
в г. Москве

16 августа 1916 г.

№ 302327

Секретно

Его Превосходительству,

Директору Департамента Полиции2

Представляя при сем докладную записку (с приложением 2-х медицинских свидетельств)3 бывшей вольнонаемной служащей вверенного мне Отделения вдовы коллежского регистратора Клавдии Андреевны Семеновой, ходатайствующей о выдаче ей единовременного пособия, докладываю Вашему Превосходительству, что Семенова состояла на службе в Отделении с 1-го декабря 1910 года по 4-е мая сего года, находясь в отряде наблюдательных агентов, причем к исполнению возлагаемых на нее обязанностей, зачастую связанных с опасностью для жизни, относилась всегда с особым усердием и аккуратностью.

Оставив по болезни службу, Семенова, кроме пенсии за службу мужа 400 рублей в год, никаких других средств к существованию не имеет. Между тем на ее попечении находятся трое малолетних детей, кроме того ей необходимо продолжать лечение своей болезни.

В виду изложенного, я с своей стороны позволяю себе ходатайствовать пред Вашим Превосходительством о назначении Семеновой, согласно циркуляра Департамента Полиции от 28-го января 1914 года за № 47554, пособия, что явится вполне справедливым поощрением ее службы.

Полковник Мартынов4

Верно: Делопроизводитель

Копия5

II

1

ПОСЛУЖНОЙ ЛИСТ

ФЕДОРОВА Надежда Козьмина

Звание

кр(естьянка) Симбирской губ., Корсуньского уезда, Юрловской вол., дер. Неклюдовки Уроженец губ.

Уроженец губ.

Города Москвы

Вероисповедание

Православное

Получил образование

окончила Городское Начальное Училище в Москве

Время рождения

13 сентября 1887 г.

Семейное положение:

девица

имя и возраст жены
имена и возраст детей

Время поступления на службу

7 сентября 1912

года

в отделение

Определение на службу

Должность

Оклад

тридцать рублей в месяц

Вид на жительство

пятилетняя паспортная книжка, выданная Юрловским волостным правлением

Чем занимался до поступления на службу в Отделение

служила на телефонной станции

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ

Изменения в служебном положении, места службы и оклада жалованья

Награды: высочайшая и другие за отличие по службе

Взыскания (штрафы, выговоры, замечания и другие)

Продолжительные отпуски

когда

На сколько дней

С сохран. содер-ния

Без сохранения содержания

Юбилейная медаль в память 300-летия Дома Романовых

Взысканиям не подвергалась

2

Докладная записка*

кр(естьян)ки Симбирской губ. Корсунского

уезда, Юрловской вол.

дер. Неклюдова**

Надежды Кузьминой Федоровой

6 сентября 1912 г.

г. Москва

Его Высокоблагородию

Господину Начальнику Московского Охранного Отделения6

Имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие о принятии меня на должность филерши во вверенное Вам Отделение.

Местожительство имею: Москва, Новая Лесная, Приютский пр. д. № 9-Пешкова, кв. 3.

Надежда Кузьмина Федорова

III

1

ПОСЛУЖНОЙ ЛИСТ

ФЕДОРОВА, Прасковия

Звание

крестьянка

Уроженец губ.

Московской

Вероисповедание

Православное

Получил образование

Домашнее

Время рождения

1882 года

Семейное положение:

вдова

имя и возраст жены

имена и возраст детей

Григорий 6 лет

Время поступления на службу в Отделение

1912 года июня 20-го дня

Определение на службу

Должность

филерша

Оклад

25 руб(лей) в месяц

Вид на жительство

Бессрочная паспортная книжка

Чем занимался до поступления на службу в Отделение Хлебопашеством

Его Превосходительству

Господину Московскому Градоначальнику7

Крестьянка Московской губернии

Можайского уезда Карачаровской

волости дер. Грязново

Прасковья Ивановна Федорова,

проживающая в д. Михайлова

кв. 42 по Большой Дмитровке

Прошение

Муж мой Степан Алексеев Федоров находясь на службе в Московском Охранном отдилении при исполнении служебных обязаностей, был злодейски розтрелян ревалюциюнерами в месности лосиный остров за соколниками 11 мая 1906 года. Посли его смерти я осталась совершенно без всяких средств к жизни имея на руках грудного ребенка. В последствии мне было назначена пенсия в сумме 15 рублей в месяц, при существующей в г. Москве дороговизны как квартир так и жизненных припасов положительно невозможно существовать на указанную пенсию. Находясь в тяжесном материальном положении я осмеливаюсь покорнейше прасить Ваше Превосходительство не найдете ли возможным поместить миня на какую либо службу, дабы вывести меня из тяжелого материальна Состояния.

Прасковья Федорова

12 мая 1912 г.

3

Секретно

В Алексеевский Главный Комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией
19 апреля (19)13

11-го мая 1906 г. наблюдательный агент подведомственного мне Охранного Отделения запасный старший фейерверкер Степан Алексеевич Федоров (из крестьян Московской губ., Можайского уезда, Карачаровской вол., дер. Грязново) вместе с другим агентом Вильгельмом Раутом, при розыске одного из главных участников ограбления (“экспроприации”) Московского Общества Взаимного Кредита, вошли в лес, называемый “Лосиный Остров”, за Сокольничьим парком, близ Москвы, около пригорода “Богородское”, где стали наблюдать за происходившим там собранием революционеров, но были замечены последними, пойманы, привязаны к деревьям и расстреляны, причем Федоров был убит наповал, а Раут тяжело ранен в грудь двумя пулями.

После зверски убитого при исполнении служебного долга Федорова осталась беременная вдова, Прасковья Ивановна Федорова, разрешившаяся 4-го января 1907 г. сыном, названным Григорием. Других детей у Федоровой нет.

По ходатайству бывшего Московского генерал-губернатора генерал-адъютанта Дубасова8, вдове Федоровой, со дня смерти ее мужа, выдается из сумм Департамента Полиции пенсия в 180 руб. в год. Лично же на сына Федорова, Григория, вдова никакой пенсии не получает.

За градоначальника,

помощник его Заккит

Начальник Отделения,

подполковник Мартынов

Верно: делопроизводитель

4

Выписка из Секретного Прибавления к приказу по Московскому Градоначальству и столичной полиции на 25-е августа 1915 года № 181

Благодарность

1) Исправляющему должность чиновника для поручений, заведующему наружным наблюдением Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве, капитану Подгаевскому, за умелое руководство наблюдением, распорядительность и прекрасную подготовку подчиненных ему филеров, благодаря чему в ночь на 19 сего августа было обнаружено серьезное государственное преступление — объявляю от лица службы благодарность, а филерам: Ефиму Ющенко, Григорию Осмилину, Петру Горюнкову, Даниилу Веремчуку, Николаю Мляеву, Прасковье Федоровой, Сергею Медведеву и Николаю Енченкову, как непосредственно участвовавшим в деле раскрытия означенного преступления, мое СПАСИБО (охран. отд.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 С 16 февраля 1908 г. по 30 мая 1915 г. должность московского градоначальника исполнял Адрианов (Андрианов) Александр Александрович (1862—1917), генерал-майор. Возможно, документ подписал его помощник по гражданской части Заккит Карл Карлович (1867—?).

2 С 14 февраля по 15 сентября 1916 г. директором Департамента полиции был Климович Евгений Константинович (1871—1932), генерал-лейтенант, из дворян.

3 Докладная записка и медицинские свидетельства хранятся в ГАРФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1910. Д. 557. Л. 62—64.

4 Мартынов Александр Павлович (1875—1952?), полковник, с 10 июля 1912 г. по 27 февраля 1917 г. возглавлял Московское охранное отделение. Умер в эмиграции.

5 Подлинник донесения хранится в фонде Департамента полиции (см. ГАРФ. Ф. 102. 1-е д-во. 1910. Д. 557. Л. 61—61 об.).

6 А. П. Мартынов.

7 А. А. Адрианов.

8 Дубасов Федор Васильевич (1845—1912), генерал-адъютант. С 24 ноября 1905 г. по 5 июня 1906 г. — московский генерал-губернатор.

Публикация З. И. ПЕРЕГУДОВОЙ

Московский Александровский институт

Московский Александровский институт / Публ. [и примеч.] И. А. Семаковой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 605—610.

(Ссылки на фотографии из текста «Примечаний»)

В отделе изобразительных материалов ГИМа хранятся фотографии, связанные с Московским Александровским институтом. Это 46 снимков, сделанных различными фотографами с конца XIX в. по 1917 г. Среди них портреты выпускниц, групповые снимки воспитанниц с преподавателями и виды помещений училища. В Главную Инвентарную книгу снимки были внесены в 1944 г. под № 81 440 с аннотацией “из прежних поступлений”. На большинстве из них сохранились пояснительные надписи, выполненные в ноябре 1944 г. сотрудницей отдела Е. И. Грейнерт. Многие портреты учениц имеют дарственные надписи, адресованные А. И. Александровской. Анна Ивановна, дочь протоиерея, окончила в 1882 г. Александровское училище. С 1887 по 1918 гг. она работала в этом институте, где прошла путь от классной дамы до инспектрисы. В 1917 г. Александровская была избрана в его Совет. Имела две награды: медаль “в память Александра III” и юбилейный знак “в память 100-летия существования Александровского института”.

Днем рождения Московского Александровского института можно считать 20 января 1805 г., когда последовал рескрипт Императрицы Марии Федоровны: “Император, любезный сын Мой, утвердить изволил учреждение в разных городах Российской Империи пяти училищ для девиц, трех для благородных и двух для мещанок”*. Торжественное открытие училища состоялось 30 августа 1805 г. В декабре 1807 г. вышло новое распоряжение, согласно которому “училищу для дочерей обер-офицеров, мещан и прочих девиц, с 12 числа сего месяца, яко дня рождения Его Императорского Величества, именоваться впредь Александровским училищем”**. При Александре III, в 1892 г., оно получило статус института.

Первоначально училище располагалось в бывшем доме А. И. Глебова (с 1803 г. дом Медицинской конторы) на Кудринской площади, рядом с Пречистенской частью. В 1812 г. его перевели в здание на улице Большая Божедомка, построенное И. Д. Жилярди в 1809—1811 гг. для “Вдовьего дома”. В связи с постоянно возрастающим числом учащихся на Высочайшее имя неоднократно поступали просьбы о выделении денег для благоустройства административной и хозяйственной жизни института. В 1899—1903 гг. к центральной части были пристроены два крыла для дортуаров, классов, рекреационных залов, лазарета и т. д. В настоящее время в этом здании располагается НИИ туберкулеза.
Учреждение Мещанского училища при Московском отделении училищ ордена Святой Екатерины “для дочерей средних сословий и среднего состояния, наименее обеспеченных в материальном отношении” преследовало две основные цели: расширить круг лиц, имеющих образование вообще, и лиц, воспитанных в заведениях Императрицы Марии Федоровны. Последние были наиболее доступными учебными заведениями для низших слоев населения. Свою основную задачу училище видело в стремлении дать учащимся образование, “которое пригодилось бы им на их будущем жизненном пути и могло бы служить не только средством для их пропитания, но и подспорьем для их родителей и было бы на пользу воспитавшему их Правительству и тому обществу и тем семьям, в которые суждено будет воспитанницам... передать то, что милостью Правительства они приобрели в институте”*. Учебно-воспитательная организация носила характер практической подготовки наставниц.

Административный и педагогический штат Александровского института состоял из инспектрисы, позднее начальницы, ее помощницы, классных дам, инспектора классов, преподавателей и преподавательниц младших классов, значительного обслуживающего персонала (при церкви, канцелярии, лазарете, “экономии” и полиции). Все назначения производились Высочайшими рескриптами. Общее руководство осуществлял Главный совет всех заведений Ведомства Императрицы Марии Федоровны через Московское отделение. Ему подчинялся Совет Московского училища ордена Св. Екатерины с Александровским училищем. В него входили

Московского училища ордена Св. Екатерины с Александровским училищем. В него входили начальницы того и другого учебного заведения, член Совета по учебной части и член Совета по хозяйственной части. Долгие годы (1898—1914) учебную часть курировал почетный опекун Александр Александрович Пушкин. Генерал-лейтенант Л. Н. фон Баумгартен отвечал за хозяйственную часть. В разное время инспекторами классов были, например, профессор Московского университета Л. А. Цветаев (1805—1827) и М. М. Катков (1901—1905). Среди почетных опекунов училища можно назвать дядю А. И. Герцена — Л. А. Яковлева (1829—1839). Начальницами института назначались представительницы известных дворянских родов: кн. С. Н. Долгорукова, кн. А. В. Львова и другие. Дольше и плодотворнее всех трудились на этом поприще мать и дочь Веселкины. Матильда Валериановна, (урожд. Столыпина), вдова тайного советника М. М. Веселкина, была натурой цельной и самостоятельной. При ней была закончена организация высшего для средней школы педагогического учебного заведения. Ее дочь, Ольга Михайловна (1873—?), окончила в 1890 г. училище Св. Екатерины с серебряной медалью. После смерти матери в 1909 г. она вступила в должность начальницы Александровского института, в которой состояла до его роспуска.

Основанием для зачисления в институт могли служить различные обстоятельства: сиротство, смерть отца (убит ли он в сражении, состоял ли отец на действительной службе) и, наконец, тяжелое материальное положение семьи.

Согласно уставу, первоначально в училище могли быть приняты на штатные вакансии дочери офицеров по военной, статской и придворной службе, которые не могли обучаться в Екатерининском училище; мещан, записанных в гильдии какого-либо города; священнослужителей; медиков и лекарей без штабс-офицерских чинов; учителей и художников. Постепенно круг лиц, пользующихся правом обучаться в этом учебном заведении, расширялся. К 1898 г. правила приема указывали на возможность зачислить на казенное содержание детей лиц от полковника и коллежского советника до штабс-капитана и титулярного советника включительно; протоиереев, священников и евангелических пасторов. Все места делились между круглыми сиротами, полусиротами и не сиротами. Кроме казенных учениц, при наличии мест в институт зачисляли пенсионерок, плата за обучение которых составляла 225, позднее 500 рублей. В 1917 г. в Александровском институте обучались: пенсионерки Государыни Императрицы, варшавского генерал-губернатора, надворного советника Беликова, надворного советника Плевако, Комитета в память 1812 года и Военного ведомства. Третья категория лиц (с 1865 г.), воспитывавшихся в Александровском институте, — своекоштные воспитанницы: дочери дворян; русских и иностранных купцов, имеющих предприятия в России; других сословий, не обложенных подушным окладом.

Численность воспитанниц регламентировалась правилами и уставом института и постоянно увеличивалась. Если первый набор составил 80—90 учениц, то в 1850 г. насчитывалось: 150 казенных воспитанниц и 70 пенсионерок. К 1917 г. в Александровском институте обучалось 158 девочек: бесплатных — 84, стипендиаток Военного ведомства — 11, стипендиаток казенно-штатных — 40, стипендиаток Капитула Орденов — 5, стипендиаток Александровского комитета о раненых — 3, за счет Александровского комитета о раненых — 3, бесплатных Георгиевских стипендиаток — 3, экономических — 1, экстерн (родственники неимущих служащих) — 8.

После собеседования зачисленные девочки распределялись на два класса. В старший принимались воспитанницы в возрасте 13—14 лет, в младший — 11—12. Через три года последние переводились в старшие классы, где они обучались писать сочинения на трех языках, проходили риторику с логикой, правила стихотворчества. Отличительная черта Московского Александровского института состояла в том, что оно имело “цельную, самостоятельную законченную организацию для средней школы педагогического заведения, которое давало вполне основательную подготовку своим воспитанницам и выпускало их полноправными наставницами”*. Реформа 1861 г. значительно изменила объем преподавания гуманитарных наук и языков. Обучение продлилось на один год и стало составлять семь лет. С 1847 г. в училище был организован специальный педагогический класс со своим штатом, который просуществовал с перерывом до 1918 г. В 1861 г. класс был закрыт, и только благодаря усилиям начальницы

перерывом до 1918 г. В 1861 г. класс был закрыт, и только благодаря усилиям начальницы института О. М. Веселкиной и почетного опекуна А. А. Пушкина удалось его вновь открыть в конце 1900-х гг. Слушательницы педагогических классов занимались практикой преподавания в младших классах и получали диплом “с правом на звание домашней наставницы”.

Общий вид здания Александровского института

Из числа окончивших и наиболее отличившихся пятерых, позднее трех учениц оставляли в пепиньерках для приготовления классных дам. В дальнейшем это привело к созданию пепиньерского класса. Он был упразднен учебной реформой 1861 г. и только через 37 лет вновь открыт. Выпускницы этого класса преподавали в гимназиях и двухклассных школах. Кроме педагогического, долгое время существовал специальный “класс 1812 года” с преподаванием французской литературы, истории, географии, мифологии и физики.

Высочайшие покровительницы заботились о том, чтобы ученицы получили всестороннее образование, которое бы соответствовало самым высоким требованиям. Согласно § 1 правил 1805 г. поступившие в училище на казенное иждивение “обучаться будут: Закону Божию, русскому и французским языкам, географии, истории Государства Российского, арифметике, рисованию, чистописанию, рукоделиям и по возможности тому, что принадлежит к хозяйству и знать нужно”*. За время существования в институте сменилось несколько учебных программ (1805, 1817—1818, 1845, 1861, 1874, 1905 гг. и т. д.). По расширенному учебному плану 1905 г., который был един для всех институтов и гимназий Ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны, общее количество часов равнялось 204 и распределялось следующим образом:

1 класс

30 часов

(24 и 6)

по научным предметам и искусствам

2—3 класс

30 ”(23 и 7)”

4—5 класс

29 ”(21 и 8)”

6—7 класс

28 ”(19 и 9)”

Предметы:

Закон Божий

14 часов

Естествоведение

10 часов

Русский язык и словесность

23 ”

Математика

18 ”

Французский язык

25 ”

Педагогика

2 ”

Немецкий язык

23 ”

Чистописание

7 ”

История

12 ”

Рисование

11 ”

География

14 ”

Рукоделие

13 ”

Занятия проходили с 9 до 12 и с 14 до 17 часов. На выполнение домашнего задания отводилось

два часа в день. После уроков по своему выбору девочки могли бесплатно заниматься пением, танцами, музыкой и хоровым пением.

До реформы 1861 г. все воспитанницы в течение шести лет жили безвыездно в учебном заведении.

Институт не выпускал из поля зрения бывших воспитанниц. В 1910 г. открылось “Общество вспомоществования бывшим воспитанницам Московского Александровского института”, которое выдавало пособия нуждающимся, помогало найти работу, открыло летние курсы для подготовки абитуриентов.

Как и в других учебных заведениях закрытого типа, между воспитанницами складывались дружеские отношения, продолжавшиеся и после его окончания. О теплой, дружной, семейной школе вспоминали многие выпускницы. Это неоценимое качество простоты и семейственности, сохранявшееся в Александровском институте, определяло его атмосферу долгие годы.

21 января 1910 г. главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии Федоровны кн. Д. П. Голицын, подчеркивая значение женского образования для общества, отмечал: “Женщина — почти всегда самая близкая и самая

женского образования для общества, отмечал: “Женщина — не ли всегда самая близкая и самая влиятельная советчица, вдохновительница деятельности своего мужа. Женщина — это душа семьи, ея главная основа, ея жизненный нерв; это царица семейного улья, которой держится и живет весь улей. От того, чем является женщина, зависит едва ли не большая половина судеб народа”**.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ольга Сергеевна Григорова.

Фотоателье “Славянская фотография К. Шиманского в Москве”. 1882 г.

Бромсеребряный отпечаток. 10,6 ? 6,3; 8,8 ? 5,6 см.

ГИМ 81440/46.

На оборотной стороне надпись чернилами: “Дорогой и

милой Асе от Оли Григоровой. 14-го апреля 1882 г.”

Выпуск 1882 г.

2. Воспитанницы в маскарадных костюмах.

Фотоателье “Г. Булгак и Е. Овчаренко”. Москва. 1876—1885 гг.

Бромсеребряный отпечаток. 16,6 ? 10,8; 13,3 ? 9,5 см. ГИМ 81440/43.

3. Екатерина Константиновна Карельских.

Фотография М. П. Волкова. Москва. 1895 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,4 ? 10,6; 13,7 ? 9,8 см.

ГИМ 81440/32.

На оборотной стороне надпись: “Екатерина Константиновна Карельских. Умерла 1895 года в ночь с 15 на 16-ос марта. Из выпуска 1895 г. 22 мая”. Другим почерком: “Траурная форма по

Александру III. Дежурный бант на плече. Подпись (Грейнерт) 1944 г.”

4. Нина Фердинандовна Фрейман.

Фотоателье “Photographie Francaise” (“Большая французская фотография в Москве”). 1894 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,4 ? 10,8; 14,1 ? 9,8 см. ГИМ 81440/31.

На оборотной стороне надпись: “1894 г. 15 лет, несчастный третий класс”. Другим почерком: “В форме дежурной по институту. Обязанности: заносить в книгу рапорт обо всех событиях, т. е. кто болен из педагогов, сколько воспитанниц не присутствовало на уроках. Кто ушел в лазарет и т. д.”

В августе 1891 г. дочь титулярного советника Нина Фердинандовна Фрейман (1879, Моршанск — февраль 1945, Москва) была зачислена в Московский Александровский институт как частное лицо. В ЦИАМ в фонде Александровского института сохранился аттестат, полученный ею при выпуске: “воспитанница Московского Александровского института, окончившая ныне курс учения... во время пребывания в сем заведении при отличной нравственности оказала весьма высокие успехи по основным предметам. Кроме того, она обучалась чистописанию, танцам и

[illegible] рукоделию и при выпуске от института удостоилась награды книгой.

В удостоверение чего дан сей аттестат за надлежащим подписанием и с приложением печати Совета института.

Москва, 22 мая 1897 года”.

С 1932 г. Н. Ф. Фрейман (в замуж. Прибылович) работала в ГИМ. В 1938 г. — в канцелярии ученого секретариата и секретной части, с 1940 г. занимала должность и. о. помощника ученого секретаря.

5. Неизвестная воспитанница (в парадной форме).

Фотоателье “Photographie Francaise” (“Большая французская фотография в Москве”). 1896 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,4 ? 10,7; 14,1 ? 9,9 см.

ГИМ 81440/38.

Выпуск 1896 г.

6. Лидия Петровна Римская-Корсакова и Людмила Павловна Троицкая (в зимней форме).

Фотоателье “Photographie Francaise” (“Большая французская фотография в Москве”). 1896 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,4 ? 10,8; 14,2 ? 9,9 см. ГИМ 81440/41.

На оборотной стороне надписи: “Моей хорошей и доброй, хотя и строгой Анне Ивановне от горячо любящей ее Л. П. Корсаковой. Позвольте, дорогая моя Анна Ивановна, хотя изредка писать Вам, чтобы в свою очередь получать от Вас весточку”. “Дорогая Анна Ивановна, вспоминайте, хотя изредка, искренно любящую Вас Вашу упрямицу Л. Троицкую”.

Выпуск 1896 г.

7. Анна Александровна Панчулидзева (в будничной форме).

Фотоателье “Photographie Francaise” (“Большая французская фотография в Москве”). 1896 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,4 ? 10,7; 14,2 ? 9,8 см. ГИМ 81440/39.

На оборотной стороне надпись: “Сохраните добрые воспоминания о горячо Вас любящей Анне Панчулидзевой. 1896 г. 7-го марта”.

Выпуск 1896 г.

8. Александра Николаевна Луцкая

Фотоателье “Photographie Francaise” (“Большая французская фотография в Москве”). 1896 г.

Бромсеребряный отпечаток. 10,5 ? 6,3; 9,4 ? 5,6 см. ГИМ 81440/45.

На оборотной стороне надпись: “На добрую память Анне Ивановне за ея хорошее отношение ко мне. А. Луцкая”.

Выпуск 1896 г. Серебряная медаль.

9. Софья Михайловна Пыльцова

Фотоателье “Photographie Francaise” (“Большая французская фотография в Москве”). 1896 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,4 ? 10,8; 14,3 ? 9,8 см. ГИМ 81440/42.

На оборотной стороне надпись: “На память многоуважаемой и доброй Анне Ивановне от доставившей много неприятностей и теперь вполне сознающей это. С. Пыльцова”.

Выпуск 1896 г. Серебряная медаль. 7,5

10. Мария Степановна Зворыкина (в парадной форме).

Фотография Р. Бродовского (“Photographie R. de Brodovsky. Moscou”). 1896 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,3 ? 10,7; 14,2 ? 9,9 см. ГИМ 81440/44.

На оборотной стороне надпись: “Дорогой Анне Ивановне от любящей ее М. Зворыкиной. 29 апреля 1896 г.”

Выпуск 1896 г. Золотая медаль.

11. Анна Стахиевна Садовская и Л. Е. Артамонова.

Фотография Р. Бродовского (“Photographie R. de Brodovsky. Moscou”). 1896 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,4 ? 10,6; 14,1 ? 9,8 см. ГИМ 81440/35.

На оборотной стороне надписи: “Дорогой Анне Ивановне от любящей Л. Е. Артамоновой”. “Надеюсь, дорогая Анна Ивановна, что между нами все будет забыто и останется одно хорошее воспоминание. Дай Бог, чтобы в следующем выпуске Вашем не встретилось ни одной дерзкой воспитанницы. Дай Бог также, чтобы Вас любили не только как человека, но и как классную даму. Конечно, завтра мы с Вами не простимся навсегда, мне кажется, Вы теперь будете любить меня и отвечать на мои письма. Желаю Вам всего лучшего в жизни. Не забывайте нас всех. Теперь смело могу подписаться крепколюбящая и благодарная Вам за все А. Садовская”.

Выпуск 1896 г.

12. Татьяна Чиж.
Фотография Г. В. Трунова. Москва. 1918 г.

Бромсеребряный отпечаток. 19,1 ? 13,0; 10,4 ? 5,3 см.

ГИМ 81440/34.

На оборотной стороне надпись: “Дорогой хорошей Анне Ивановне от всегда горячо любящей ее Тани

Чиж 19 25/IV 18”.

Выпуск 1918 г.

13. Урок танцев в специальном помещении.

Фотография М. П. Волкова. Москва. 1905 г.

Бромсеребряный отпечаток. 31,6 ? 43,2; 22,2 ? 28,6 см.

ГИМ 81440/30.

14. Ученицы 1-го класса.

Неизвестный фотограф. Москва. 1895 г.

Бромсеребряный отпечаток. 30,0 ? 36,0; 17,2 ? 23,0 см.

ГИМ 81440/18.

15. Мария Павловна Воронцова-Вельяминова.

Фотоателье “Франц Опиц в Москве”. Москва. 1901 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,3 ? 10,6; 14,2 ? 10,2 см.

ГИМ 81440/37.

На оборотной стороне надпись: “Маша 19/28/V/01. Милой доброй и хорошей Анне Ивановне на память о крепко любящей ее М. Воронцовой-Вельяминовой”.

Выпуск 1901 г. Золотая медаль.

16. Ученицы 2-го и 3-го классов.

Фотография И. Давида (I. David). Москва. 1912 г. Бромсеребряный отпечаток. 28,5 ? 35,4; 16,8 ? 22,8 см. ГИМ 81440/28.

В центре — начальница института О. М. Веселкина.

17. Вера Ивановна Никонович.

Фотография М. Волкова. Москва. 1909 г.

Бромсеребряный отпечаток. 16,2 ? 10,9; 9,3 ? 6,3 см.

ГИМ 81440/40.

На оборотной стороне надпись: “Дорогому Коту от любящей Веры Никонович. 24 мая 1909 года”. Была зачислена в 1904 г. своекоштной воспитанницей в 5 класс.

Выпуск 1909 г.

18. Классная комната.

Фотография И. Давида (I. David). Москва. 1912 г.

Бромсеребряный отпечаток. 28,5 ? 35,5; 16,6 ? 22,8 см.

ГИМ 81440/5.

19. Институтская кухня.

Фотография И. Давида (I. David). Москва. 1912 г.

Бромсеребряный отпечаток. 28,5 ? 35,5; 16,7 ? 23,0 см.

ГИМ 81440/14.

20. Гимнастический зал.

Фотография И. Давида (I. David). Москва. 1912 г.

Бромсеребряный отпечаток. 28,6 ? 35,6; 16,7 ? 23,0 см.

ГИМ 81440/8.

Публикация И. А. СЕМАКОВОЙ

Том XI) Из архива Н. А. Тэффи: “Перу. (Из воспоминаний)”

Тэффи Н. А. Перу (Из воспоминаний) / Публ. [и вступ. ст.] Е. М. Трубиловой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 613—619.

Рукопись рассказа русской писательницы Надежды Александровны Тэффи (1872—1952) “Перу” находится в Бахметевском архиве библиотеки Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) — одном из наиболее объемных хранилищ наследия российской эмиграции. Архив Тэффи, насчитывающий около 5 тысяч единиц хранения (11 ящиков), состоит из рукописей писательницы, ее эпистолярного наследия, записных книжек, документов, фотографий, рисунков, вырезок из эмигрантской периодики, книг Тэффи, переводов ее произведений на иностранные языки и т. п.

Сопроводительные документы характеризуют источник появления коллекции Тэффи в Бахметевском архиве в 1953 г. как “дар Валерии Владиславовны Грабовской”, старшей дочери писательницы. Любопытно, что год рождения писательницы в них указан неверно — 1875. (Известно, что Тэффи скрывала дату своего рождения и, даже заполняя документы, писала, что родилась в 1885 г. Удостоверения личности эмигрантского периода, заполненные рукой Тэффи, где проставлена эта мистификаторская дата, также хранятся в Бахметевском архиве).

Текст публикуется по машинописной копии, хранящейся в третьем ящике коллекции Тэффи. На первой странице рукописи, над заглавием трижды рукой писательницы повторен росчерк “Тэфи” в небрежно заштрихованном обрамлении. В конце также стоит рукописная подпись “Тэфи”. В тексте встречаются незначительные авторские поправки — главным образом, пунктуационного характера, мелкие вставки из одно-двух слов, сокращения. Писательницей снят небольшой фрагмент в конце текста (в публикации он выделен квадратными скобками). Рассказ никогда не публиковался. Дата его написания автором не проставлена.

“Перу” интересно сравнить с рассказом Тэффи “Моя Испания” из книги “Земная радуга” (1952), где Испания — не просто географическое понятие, реальная страна на карте мира, но “волшебное слово”, благословенный край, земля обетованная. Или со стихотворением “Доплыла я до тихого берега...” (журнал “Дело”. Сан-Франциско. 1952. № 3):

Доплыла я до тихого берега
Через черный и злой океан.
И моя голубая Америка
Лучше ваших коммерческих стран...

“Голубая Америка”, “моя Испания”, “свое Перу” должны жить в каждой душе — призывала писательница. Если в душе людей живет этот образ благословенного края, если им есть, к чему

стремиться, куда уноситься в грезах, они становятся внутренне богаче. Душа просыпается, серая, будничная жизнь приобретает необыкновенно яркие краски, наполняется смыслом. Это один из главных мотивов творчества Надежды Александровны Тэффи.

Автор публикации выражает глубокую признательность сотрудникам Бахметевского архива, любезно предоставившим возможность ознакомиться с хранящейся в нем коллекцией Н. А. Тэффи.

ПЕРУ

(Из воспоминаний)

В один ненастный день в Париже, когда кругом было все серо и мокро, а небо выглядело как свод тюрьмы, я начиталась газет и пришла в отчаяние.

— Куда скрыться на свете ото всех этих распрей, угроз, борьбы всех против всех, забастовок, убийств, растрат, всеобщего отчаяния? Ведь есть же, наверное, уголок на земле, где можно отдохнуть от всего этого!

— Везде люди, — отвечает мне собеседник, — а где люди, там несправедливость, там больше зла, чем добра, больше плохого, чем хорошего.

Я начала однако перебирать все страны, где бывала или о которых читала, и уже впала в унылую меланхолию, как вдруг меня пронзило — Перу!

Почему Перу, отчего Перу, зачем Перу, не знаю, но только я была уверена, что Перу. Вот бывает такое наитие свыше. Теперь меня не сбить, и я сразу вздохнула спокойней: пусть делают, что знают, — воюют, воруют, убивают, я в этом посторонняя зрительница, у меня есть оазис, куда сразу уеду, когда мне окончательно надоест.

Да что там — я сразу собралась и пошла просить визу. Поеду — не поеду, а виза в кармане, всегда спокойней.

— С какой целью вы едете в Перу? — спрашивает меня консул.

— Без цели, безо всякой цели. Если бы была цель, то я бы и не поехала.

Консул удивился.

— Но у вас есть по крайней мере знакомые там, или лица, которые вас знают?

— Ни я никого не знаю, ни меня никто не знает! Поэтому и еду.

У консула брови поднялись совсем высоко. Он подумал и со смущением говорит:

— Послушайте, мадам, будем откровенны. Если вы избрали Перу, чтоб скрыться... ну понимаете, не преступление даже, а ошибка, недоразумение, наконец в порыве... словом, может быть, вы вступили в конфликт с законом и хотите укрыться в Перу, то я вам скажу — выберите другую страну.

— Почему? — необдуманно спрашиваю.

— Лучше, мадам, скрываться в большой стране, — с убеждением говорит консул, — там вы сразу затеряетесь.

Однако через месяц консул был завален рекомендациями от разных лиц, которые меня знали и не знали, и, наконец, мои посещения так странно начали нервировать его, что визу он мне дал.

Перу, моя мечта, моя обетованная земля — ты моя.

Я поселилась у самого подножья Кордильер. Там, где истоки Амазонки, величайшей реки в мире. Интересно, что величайшая река начинается именно в Перу. Почему река избрала Перу для своих истоков? В этом какое-то знамение. Она могла бы начаться с той стороны Кордильер, или вообще в другом месте, никто ей не мешал. Нет, Амазонка начинается именно в Перу. К счастью, реки начинаются и кончаются там, где они хотят, человек тут не при чем, и в избрании ею Перу есть какой-то мистический смысл, какое-то знамение.

Я живу в древнем замке инков, прекрасно сохранившемся. Моя комната в левой башне, сплошь увитой плющом. Там, вдали, начинается зеленая лавина джунглей. Прислуживает мне метис Умберто. Он очень интересуется Европой.

— Так вы действительно, мадам, из Европы?

— Из Европы, настоящей Европы, из Парижа, куда уж больше.

— Гм! — удивляется Умберто, — и они вас не съели?

— Да, голубчик, почти съели, еще немножко и ничего не осталось бы.

— Зверский народ. Все воюют?

— Воюют, отдохнут и опять воюют.

— А сейчас что?

— Сейчас они отдыхают, но чтобы время не пропадало — воруют, убивают, предают, умирают с голода.

Умберто настоящее дитя Перу, на глазах у него слезы:

— Пошлем им, мадам, немного бананов.

— Не стоит, Умберто. Они подумают, что у нас слишком много бананов и объявят нам войну.

— Да, народ... Это счастье, мадам, что вы вырвались оттуда.

Из-за Кордильер поднялась луна. Такой луны я в Европе не видала. Здесь как поднимается луна, хочется петь, играть, скакать. Мир прекрасен, но смотреть на него надо из Перу. Снаружи башни раздалось бренчанье гитары и какой-то баритон упоительно выпевал:”О, миа каро дульче... “

— Кто это, Умберто?

Умберто немного сдвинул занавеску и выглянул. Полянку перед башней заливает луна.

— Это наш президент, мадам.

— Как президент? Ведь ему сто сорок лет!

— Да, но у нас это самый цветущий возраст.

Какая все-таки удивительная страна. Притом президент... Разве европейский президент пошел бы так романтически приветствовать чужестранку? Я наспех попудрилась и выглянула в окно. Звуки гитары прервались.

— Здравствуйте, господин президент! Как это любезно с вашей стороны

Здравствуйте, господин президент! Как это любезно с вашей стороны!

— Это моя приятная обязанность, мадам.

— Но ведь как президент вы, наверное, обременены государственными делами?

— Моя государственная обязанность — выразить свое почтение иностранке. Сердце президента находится у ног прекрасных женщин, мадам. Таков закон Перу.

В тот вечер мне не суждено было успокоиться. Очаровательнейшая страна, замки инков, серебристая лента Амазонки, джунгли, отовсюду звон гитар, чувствовалось, что весь воздух напоен любовью. Боже, как можно хорошо жить, а мы и забыли об этом.

У меня на глазах почти слезы. Как вразумил меня Бог найти мое Перу? И как бы я продолжала жить там, в Париже. Какое счастье, какое невероятное счастье.

Облокотившись на баллюстраду, я глубоко задумалась. Написать разве кое-кому из друзей в Париж? Когда человек очень счастлив, то ему хочется поделится с другими.

”Напишу!“— решаю.

— Умберто!

Где-то в кустах раздается слабый визг, заглушенный шепот, кусты раздвинулись и показался немного смущенный Умберто.

— О, Умберто, — ласково упрекаю я, — ведь вам исполнится скоро сто шестьдесят, а и вы туда же.

— Но ведь мы, к счастью, не в Европе, мадам. Я невольно улыбаюсь.

— Ничего, идите, Умберто, вы мне не нужны, я раздумала.

Я действительно раздумала. Я вообразила людей, отравленных Европой. Что они устроят здесь, в нашем милом замке? Прежде всего политика. Опять все поссоримся, возненавидим друг друга. Потом начнем снисходительно критиковать Перу, Божью страну. Кой кто напьется и начнет скандалить. Умберто оставляет свой кошелек где попало — конечно, украдут. Жителей начнем вводить в обман, рассказывая небылицы про Европу и ее культуру. Президента — такой

прекрасный баритон — конечно, убьют. Так, не из-за чего, дурная привычка, — не ходи, мол, без охраны. Откроют веселый домик. Добьются власти и такие закатят налоги, что небо покажется с овчинку. Пропало Перу.

У меня похолодели руки и ноги. Нет, никому не скажу, хотя это, быть может, и грех. Вообще, напрасно болтала так много о Перу.

Утром я проснулась поздно и подумала, что проспала кофе. Знаменитый перуанский кофе, от которого в жилах начинает бежать бурно кровь, а аромат от чашки разносится на километр. Но, к моему удивлению, весь замок еще спит. Я вышла на плоскую крышу нашего замка, сплошь убранную розовыми кустами, напоминающими наш шиповник, но здесь каждый цветок в кулак. В туманной дали вздымался туман над джунглями, а передо мной пустынные сады. Ни одного существа. Только там, на истоках Амазонки, сидел рыбак в огромной шляпе и занимался тем, что прятал свою удочку от атакующих его рыб. Солнце озаряло благословенную страну. Но где же люди? Впрочем, удивительная благодать кругом, особенный божественный воздух, напоенный ароматами, — я задумалась. На глазах моих почти слезы. Вся доброта, которая не была вытравлена еще во мне Европой, проснулась, и хотелось быть такой же угодной Богу, как вот эта летящая пчелка, хотелось слиться с этим ландшафтом, быть приятной окружающим людям.

Я и не подозревала, что так приятно, так блаженно чувствовать себя доброй. В кустах запела колибри, пролетел красный пылающий попугай, около меня сел, не боясь, огромный какаду и пытливо глядит на меня одним глазом.

Только к полудню началось какое-то оживление. Возвращающийся с купанья с мохнатым полотенцем через плечо греховодник Умберто очень удивился, увидев меня уже одетой, сидящей в одиночестве в кустах роз на крыше.

Оказывается, таков здесь обычай — день начинается с полудня.

После кофе, завтрака — почти одни фрукты — я прошлась немного по лесу и играла с обезьянами. Они, сидя на деревьях, любопытно осматривали меня и бросались цветами.

Надо, однако, ехать в город. Я живу в отеле, могут подать счет, а у меня еще не разменены французские деньги. К тому же я не была еще в городе. Лима, столица, какое поэтическое имя.

Не могу описать красоты этого города, раскинутого между Кордильерами и океаном. Однако у меня деловое настроение — надо идти в банк.

Вот он, храм Маммоны. Отсюда пошла поговорка по всему свету “заработать Перу”, то есть добыть баснословное богатство. Пройдя среди снующей толпы мужчин и женщин, я направилась к окошку, где красовалось: “Размен денег”. Передо мной стояли дама с ребенком и какой-то господин, пересчитывающий пачку денег.

— Мам, это европейка! — вдруг с ужасом закричал малыш.

— Не может быть, — растерянно забормотал господин, сгребая деньги прямо в портфель. Толпа хлынула от меня, глядя с ужасом и любопытством.

— Бывшая, — улыбаюсь я, — бывшая, теперь я навек ваша.

Порывшись в сумке, я протянула испуганному малышу конфетку, и постепенно все успокаивались, но все-таки сторожко посматривали на меня.

— Разменяйте мне, пожалуйста, тысячу франков, — обращаюсь к кассиру. Он задумчиво повертел в руках бумажку.

— Но ведь вы иностранка?
— Ну да.

Кассир вздохнул и протянул мне билет обратно:

— Не имею права, мадам.

— Но почему, разве...

— Мадам не знает наших законов. С иностранных особ прекрасного пола у нас не берут денег.

— Боже мой. Значит...

— Ну да, мадам, все бесплатно.

— Но все-таки разменяйте, мне как-то спокойней.

— Не могу, мадам. Вдруг кто-нибудь соблазнится, и тогда мы должны будем [по]садить его в тюрьму.

На всю эту суматоху вышел директор банка. Красивый господин, с нежным румянцем, глубоким взглядом черных глаз, чрезвычайно элегантный. Потом я узнала, что ему всего только сто лет. Директор стал в позу и вдруг запел изумительным тенором:

“Нам каждый гость дарован Богом...”

И тут случилось чудо. Барышня быстро накрыла клеенкой свою машинку, кассир сгреб деньги в ящик и звякнул замком, клерки побросали свои книги, и все живописно столпились около директора, как хор в опере. Создался импровизированный праздник, меня, обвитую цветами, вынесли из банка — его на сегодня уже закрыли — и со смехом толпа доставила меня в отель.

Но Боже мой, что я могу сделать этим добрым людям?

Хотелось бы по крайней мере рассказать о них, но кто мне поверит.

Сидя в отеле — странно, никто мне не надоедал, мужчины, проходя мимо, не делали пошлого лица — я вдруг душевно вернулась в свою Европу. Нет, думаю, меня не проведешь. У розы есть и шипы. У блаженной страны должны быть и недостатки. Вот кассир проболтался про тюрьму. Посмотрю на это учреждение, а то я прямо растворяюсь в непривычном блаженстве.

— В тюрьму, — подхожу я к портье, — где у вас тюрьма?

Портье не удивился, только грустно спросил:

— Разве мадам не нравится у нас?

Сопровождаемая каким-то добровольцем из служащих отеля, я пришла к тюрьме. Сердце мое — все-таки рецидив, атавизм европейства — радостно, именно радостно, дрогнуло: передо мной высилось огромное мрачное здание. Таких огромных и мрачных тюрем я еще не видела. Виднелись маленькие окошечки, заделанные решеткой, вокруг шла высоченная стена. Входные ворота в этой стене казались маленькими, хотя в них проехал бы пятитонный грузовик.

Проводник дернул за ручку звонка. Сначала шумела проволока, потом далеко раздавалось дребезжанье колокольчика. Никого. Так мы звонили с полчаса, причем мой спутник уже дергал непрерывно, где-то внутри тюрьмы колокольчик звучал, вероятно, как набат.

— Кто там? — раздался голос над нами.

Я подняла голову и увидела, как в раскрытое окно высовывалась грузная фигура какого-то джентльмена, завязывающего галстук.

На наше пояснение он сердито обратился к моему спутнику:

— Входите же, разве вы не знаете, что тюрьма никогда не запирается! Я толкнула дверь и действительно она сейчас же открылась.

Мы вошли в огромный двор, устланный булыжником. Мне показалось странным, что между камнями выросла высокая трава. Двор был перегорожен стенками и решетками, и над каждой дверью была надпись. “Для прогулок”, “Свиданья с родственниками”, “Отдел для наказаний” и прочее.

Попасть с горячего воздуха, из шумной толпы, из глядящегося в океан прекраснейшего города Лима в тюрьму со страшными стенами и мрачными решетками было ужасно. Сердце мое забилось. Сейчас я увижу бледных изнеможденных заключенных, потерявших, может быть, надежду выйти когда-нибудь на волю, смотрящих на нас, как на пришельцев из другого, счастливого мира.

Между тем слышался звон ключей и шлепанье туфель. К нам спускался начальник тюрьмы. Действительно, из двери с надписью “Главная контора” показался этот сеньор, но уже приведший себя в порядок. Я с содроганием взглянула на него. В лице его профессиональное равнодушие, неумолимость, способность к быстрым и неоправданным вспышкам гнева, жестокость. Впрочем, довольно любезно он обратился ко мне:

— Мадам желает осмотреть учреждение?

— Да, пожалуйста, если можно.

Начальник потряс связкой ключей и направился в одну из дверей. Я за ним, удивляясь, как все здесь предусмотрено и сделан невозможным побег. Двери, двери, коридоры, их пересекают другие; смотровые вышки для стражи. Нет, отсюда не убежишь. И кругом гробовая тишина. Это очень многозначительно, и я сразу догадалась, что это результат железной дисциплины. Заключенные обречены не только на лишение свободы, но и на гробовое молчание. За этими дверьми — мы их проходили множество, и справа и слева — сидит какой-нибудь грешник, выполняет порученную на сегодня работу — плетет циновку, не нужную никому, и молчит. И так изо дня в день, изо дня в день. Я бы не могла, покончила бы с собой.

Наконец, пройдя несколько этажей и сотни запертых камер, начальник остановился перед одной дверью и распахнул ее. Она не была заперта.

— Вот здесь, — начал он, но остановился: камера была пуста.

— Ну так я и знал, — заворчал он, — как раз теперь, когда пришла иностранка осмотреть учреждение, он опять ушел. Да и не ночевал он, — добавил начальник, прикасаясь к убранной постели.

— Жалко. А куда он мог уйти?

— А почем я знаю? Разве они спрашиваются. Может, рыбачить пошел, а то по делам. Но ничего, мадам. Пойдемте к следующему.

Мы толкнулись еще в одну дверь, тоже незапертую, но и там никого не было.

— Не везет вам, мадам. У меня еще один заключенный есть, но его я сам послал на охоту. Зайдите как-нибудь в другой раз, я их предупрежу.

— У вас всего только трое заключенных? — удивилась я.

— Да, мадам, сейчас уже трое.

— Зачем же такая большая тюрьма?

— Ну, почему же большая? Ее строил наш архитектор, который учился за границей. Мы гордимся этим зданием.

— Но все же, почему такой размах?

— Да, у нас есть размах. К тому же кто знает, мадам. Может быть, постепенно к нам просочится европейская культура...

— Да, конечно. А стража у вас есть?

— Нет, какая же стража. Вот я, жена и сынишка пяти лет. Мы и охраняем.

— Но ведь вы рискуете остаться совсем без заключенных? Начальник вздрогнул

— Но ведь вы рискуете остаться совсем без заключенных? Начальник вздрогнул.

— Представьте, мадам, такая возможность угрожала нам не дальше как в прошлом году. Оставался один заключенный, и ему срок кончался. Положение критическое. Суд как раз осудил еще одного гражданина, и я добивался, чтоб его дали мне. Но повсюду интриги. Начальник большой тюрьмы в Эль-Каллао что-то смошенничал и заполучил молодца прямо к себе.

— Как же вы устроились?

— О, мадам, я сознаюсь в одном маленьком грехе. Я сговорился с заключенным, и мы вместе подскребли книги и приписали ему еще один год. Так он и остался, а за это время Бог послал еще двоих.

— Но за что они сидят?

— Мошенники, мадам. Ну прямо мошенники. Один наговорил на себя, что он три раза не видел закат солнца.

— Разве это преступление?

— Конечно, мадам. Тот, кто не смотрит восход и закат солнца, у того душа не чиста. Закон преследует таких.

— Вы говорите “наговорил”. Что же, он сам стремился в тюрьму?

— Конечно. Только у нас это не так просто. Если вы попроситесь, то как для иностранки вам, может быть, сделают исключение...

В глазах начальника мелькнула какая-то мысль.

— Нет, спасибо, — заторопилась я, — благодарю вас за предоставленную возможность осмотреть ваше учреждение и очень сожалею, что не видела самих заключенных.

— В другой раз, мадам, — угодливо говорит начальник, провожая меня.

В Лиме какой-то предприимчивый американец выпустил газету. Газет в Перу не любят и не читают. Но, зная это, предприниматель выпустил совершенно сенсационный номер. Портье с доброй улыбкой, заранее зная, как мне будет приятно прочесть, протянул мне номер.

[“Сенсационные события в Европе, — читаю я, — какой-то простодушный пейзан нашел и опубликовал средство, обеспечивающее на этот раз невозможность каких-либо войн в будущем. Несмотря на сопротивление международных организаций и государственных мужей, соображения пейзана стали известны всему свету и вызвали всеобщий энтузиазм. Государственным мужам оставалось сделать только сладкую мину и принять предложение...”]

Интересно, думаю, только... Уж сколько раз.

“Предложение очень простое: запретить международную торговлю, кроме хлеба и других продуктов питания. Гарантия — закрыть фабрики, работающие на экспорт, во всех странах”.

Не успела я прочитать всех подробностей проекта, как над ухом кричат:]

— Экстренный выпуск. Потрясающая сцена встречи четырех глав государств Европы и Америки.

Я почему-то взволновалась. На снимке — в обнимку, плачущие радостными слезами четыре знакомые всему миру персоны. Двое из них застыли в поцелуе.

— Неправда это! — заступилась я за Европу. — Никогда. Это ложь!

Что со мной сделалось, почему я не обрадовалась, почему оскорбилась за Европу — не понимаю. Разве возможность истинного, а не фальшивого мира так уж позорна для Европы? Разве есть какая-то красота или гордость в том, что мы не можем жить без вражды? Не понимаю. Может быть, это оттого у меня, что разболелась голова.

Я попросила портье позвать врача. Он усмехнулся:

— У нас нет врачей. Когда какое-нибудь недомогание, мы принимаем перуанский бальзам.

— Так дайте мне немножко.

Несколько капель, влитые в стакан чистейшей воды из Амазонки, произвели чудесное действие: голова прояснилась, а, главное, я почувствовала избыток моральных сил в себе.

Поэтому я осмотрелась и увидела знакомые книги, рукописи и мое парижское окно — увы, слишком знакомое мне. Я перечитала то, что изложено здесь. Правда это или неправда? Но разве правда только то, что мы действительно видим своими глазами и можем прикоснуться? Прошу мне верить — все правда. Я так и думала — не мог Бог так оставить людей. Он сохранил им прекрасную страну Перу.

Но визу я все-таки не использовала. Пусть консул думает, что он думает.

— Почему однако вы все-таки не едете в вашу Перу? — спрашивают меня.

— Я не хочу. Мои испорченные Европой глаза могут заставить увидеть не то, что есть в действительности, и породят разочарование. А сейчас мне легко и хорошо. Пусть кругом трудно, но меня сейчас это меньше трогает — у меня есть все-таки Перу. Я хотела бы, чтоб каждый в душе имел свое Перу, и тогда всем лучше станет.

Публикация Е. М. ТРУБИЛОВОЙ

Дневник Ариадны

Зимина А.Д.Дневник Ариадны / Публ. [и вступ. ст.] Ю. В. Алехина // Российский Архив:

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 620—642.

Дневник — личностная форма приобщения к Истории. Кажется, что только громадная значимость этой задачи заставляет автора — зачастую неосознанно — забывать о самом простом и важном: указании собственного имени в соответствующем времени и пространстве.

Нам повезло — не просто безымянная сестра милосердия Белой армии, а смелая и глубоко чувствующая девушка с сильным характером, Ариадна Дмитриевна Зимина, оставила для потомства краткую летопись своей жизни.

По своей стилистике “Дневник Ариадны” близок к психологической драме. Правда, это, в итоге, убеждает в его некоторой заданности, почти — сюжетности. Об этом же, кстати, говорит и самый скромный текстологический анализ, позволяющий, например, признать авторство Ариадны Дмитриевны и во вставном предсмертном письме к ней ее несостоявшегося мужа — офицера В. А. Зимина.

Остается неизвестным, поставила ли Ариадна Дмитриевна точку в своей жизни там, где она стоит

в ее “Дневнике”. Впрочем, и сам “Дневник” неисповедимыми путями попал в Русский Заграничный Исторический Архив в Праге. Ныне он хранится в ГАРФ (Ф. 5881. Оп. 1. Д. 70).

***

15 мая 1918 г.

Зачем я сажусь сама за дневник, когда всегда смеялась над подругами за это? Но так тяжело, так страшно тяжело на душе. Какая-то томительная тоска мучит меня унылыми днями, не давая ни минуты покою; так хочется плакать беспричинными горькими слезами о чем-то утерянном и разбитом, которое никогда-никогда не вернется; так хочется говорить кому-нибудь о своей тоске, чтобы словами выразить ее, и кажется, что будет легче и понятнее она, если не будешь молчать и таить ее в глубине души. Но кому говорить? Посторонним, своим? Все так заняты собою, у всех свое горе, разочарования и несчастья, что взваливать им на плечи еще свою тоску было бы жестоко. Теперь остается только этот способ. Бумага все терпит, а может быть будет легче.

Прошел уж год, как над нашей мирной и счастливой жизнью разразилась страшным ударом русская революция. Разразилась и, не остановившись, покатилась с головокружительной быстротой в зияющую бездонную бездну, таща за собой и всю Россию. Тебе кажется, что ты стоишь на краю бездны и видишь, как на дне ее в мрачную и темную глубину летит все, что тебе было когда-то дорого, что уважала и любила и чему молилась. Жутко больно становится тебе, и ты не замечаешь, что и сама незаметно, но также быстро и бесповоротно летишь туда же. Только иногда очнешься, придешь в себя и видишь, что ты уже не на краю пропасти, а так же, как и все остальные, стремительно падаешь на дно ее. И тогда неизъяснимый ужас закрадывается в сердце, и ты делаешь все усилия, чтобы остановиться и остановить других, нечеловеческие усилия, но все напрасно.

Прошел год, только год с того дня, когда я в первый раз услыхала торопливые ружейные залпы, сухой треск пулеметов и отдаленное тяжелое уханье пушечных выстрелов, а мне кажется, что прошли десятки лет томительных и долгих. За этот год я увидела толпу взбунтовавшихся рабов, разорвавших свои цепи, поющих хриплыми нестройными голосами торжественно-наглый гимн революции; я увидела ее, эту толпу, озверевшую и злобную, требующую все новых и новых жертв, все новой и новой крови своих врагов; я увидела всю грязь души людей, говорящих о свободе, равенстве и братстве, о счастье России и блаженстве ее народа; я поняла, что этим людям не нужно ничего, кроме позора России и того ужаса, в который они ее толкнули. За этот бесконечно длинный год я испытала животный дикий ужас перед грозящей опасностью за себя и за близких; я увидела людей, бодро и смело идущих на мучения и смерть, оттого что они не

пожелали продаться предателям народа, а честно и до последней минуты защищали свою честь и честь России; я видела обезображенные трупы замученных и научилась плакать о страданиях этих посторонних мне людей, которые виноваты были только в том, что носили погоны. Да, пережить большевизм даже в течение трех месяцев, как это было в Крыму, не так-то легко. Теперь их уже нет. Их место заменили немцы.

Я помню, как стройными и плотными рядами их небольшой отряд входил в наш город. Боже, какой жгучий стыд за Россию, какая ненависть к ним, врагам-победителям, поднялась во мне в эту минуту. Кажется, что лучше этого все: даже красный террор, потоки крови, бессмысленно-злобные лица комиссаров, томительный страх за себя и за близких.

Мне кажется, что я уже лежу на дне той пропасти, в которую падала. Темно, беспросветно темно кругом. Здесь — позор и стыд побежденного перед победителем, там, на севере, — голод и отвратительный призрак красного террора. Как выбраться из этой бездны, как подняться? Ничего не видно кругом, не видно даже клочка голубого светлого неба, который бы дал тебе хоть искру надежды. Неужели пропасть так глубока, что даже не видно солнечного света?

16 мая

Нет, солнечный свет проник в нашу бездну, и я увидела клочок голубого неба. Сегодня был у нас Виктор Александрович Зимин, офицер, сын нашего хозяина квартиры. Он передавал рассказ одного из своих товарищей, приехавшего с Кубани, об образовавшейся там армии с ген(ералом) Алексеевым во главе. Добровольческая армия, кучка героев среди обезумевшего и озверевшего населения, решилась вырвать Россию из окровавленных рук комиссаров-преступников. “Я тоже еду туда, Дмитрий Павлович”, — говорил он моему отцу, которого любил и которому безгранично верил. “Довольно этой трусливой жизни в темном углу, чтоб тебя не заметили, лжи, чтоб тебя не убили за правду. Сказать правду одному не хватает храбрости, а с другими — может быть, и сумею”.

Мне тоже надо ехать туда. Я хочу это, я должна. Я не могу больше жить так, как я жила весь этот год, думая только о своей безопасности, бессильная сделать что-либо для других, чтоб облегчить их страдания, томительно ожидая то время, когда все опять будет хорошо. Нет, довольно, хватит. Так не может это продолжаться, я не могу больше оставаться зрительницей разыгравшейся трагедии, когда все рушится и падает вокруг меня. Мне стыдно, мучительно стыдно жить и ждать, когда другие умирают за Россию. Я тоже люблю ее, люблю настолько, что имею право бороться за ее счастье. Но как уехать? Вот в чем вопрос. Меня не пустят; станут убеждать, уговаривать, приведут целый ряд доказательств, что не принесу пользы, будут плакать — пока не соглашусь. Пусть я не принесу пользы; но я хочу иметь право сказать, что я русская и люблю свою родину. А разве теперь я имею это право? Меня не пустят одну; я это знаю, я это чувствую. Господи, что бы мне придумать? Хоть бы иметь какое-нибудь, хотя бы фиктивное, но реальное право оставить семью; хоть бы один человек нашелся, который поддержал меня. Виктор Александрович едет. Это видно по его лицу и по словам его матери, которая умоляет папу убедить ее Витю остаться. Он едет, а я останусь. Мне стыдно глядеть ему в глаза, говорить с ним. Боже мой, что бы сделать? Я теряюсь, мне хочется плакать от зависти и злобы, хочется громко проклинать себя за свою слабость, не способную выдержать даже такой небольшой открытой борьбы без посторонней помощи.

17 мая

Сегодня я видела сон. Мне снилось: большая безграничная степь, покрытая толстым слоем снега, темное небо со свинцовыми тучами, низко нависшими над землей; холодно, воет ветер и снег мягкими хлопьями кружится и падает вокруг меня. Я одна в этой степи, среди этой метели. Мне страшно и жутко и кажется, что я теряю дорогу. Но вдруг на горизонте мелькнул свет, мелькнул и погас, как будто зажгли спичку и ее задуло порывом ветра; опять сверкнул огонек и опять погас; и так много-много раз зажигался и потухал он, все чаще и чаще вспыхивая и все увереннее и больше горя. И вот, наконец, зажегся свет яркий и сильный, залил часть степи и, разгораясь все сильнее и сильнее, осветил уже половину ее. И пока на моей стороне бушевала метель и выл ветер, там, впереди ярко блестел и искрился снег под ярким светом. Я проснулась. Что значит этот сон? За этот год я стала верить снам, приметам, предчувствиям.

19 мая

Я еду, еду туда. Как я счастлива, как радостно, легко и спокойно на душе. Как это случилось? Этот день показался мне таким коротким, а в то же время произошло в течение его такое событие, которое перевернуло всю мою жизнь. Я сидела одна в комнате с работой в руках и все с одной и той же тоскливой и назойливой мыслью: как уехать, не дававшей мне покою, когда постучались. “Войдите”. Вошел Виктор Александрович: “Вы одна? — спросил он, здороваясь. — Дмитрий Павлович не дома?” “Нет. А что?” “Я бы хотел с ним поговорить и посоветоваться”. — “О чем?” — спросила я машинально, а сердце тупо ныло от боли и зависти. “Да так, насчет отъезда. Так я приду вечером. Можно?” — “Приходите”. Зимин уже подходил к двери, как в моей голове мелькнула странная мысль. “Виктор Александрович, постойте, — остановила я его. Он вернулся. — Мне нужно с Вами переговорить. Только, пожалуйста, не перебивайте меня и не удивляйтесь”. Я задыхалась, сердце тяжело и часто стучало у меня в груди. “Я тоже хочу поехать

удивляйтесь". Я задыхалась, сердце тяжело и часто стучало у меня в груди. "Я тоже хочу поехать в Армию, — начала я. — Меня не пустят одну добровольно, а выдержать борьбу или разорвать со своими я не в силах. Одним словом, без посторонней помощи мне не обойтись. И Вы можете мне помочь". Виктор Александрович сделал жест, чтобы перебить меня. "Нет, постойте. Не перебивайте". Волна смелости подхватила и понесла меня; я уже не чувствовала ни стыда, ни робости. "Видите: если бы я была замужем и муж бы уезжал в армию, меня бы сами родители послали бы за ним. Если бы я его любила, то я поехала бы с любимым человеком, чтобы разделить его участь. И меня бы никто не стал удерживать — это было бы моим правом, да и против любви спорить труднее, чем против отвлеченной идеи. Вы не понимаете, что я хочу сказать? Нет? Женитесь на мне. Я Вас не люблю и знаю, что и Вы меня не любите, но мне нужен этот брак, чтобы вырваться отсюда. Вы получите свободу, как только она Вам будет нужна, а я — ничем не замараю Вашего имени, пока буду его носить". Я кончила; он молчал. "Вы не согласны, Виктор Александрович?" — "Нет, Ариадна Дмитриевна, отчего же, я готов помочь Вам в этом деле. Только..." "Не надо никаких только. Говорите, что влюблены в меня, что я люблю и хочу ехать с Вами, что Вы меня отговаривали, но я ничего не слушаю, — одним словом все, что хотите, только не выдавайте секрета". Он встал со стула, на котором сидел; в темно-серых, холодных, немного насмешливых глазах его мелькнул лукавый огонек. "Вы разрешите, Ариадна Дмитриевна, просить Вашей руки сегодня вечером?" — спросил он. Мне вдруг сделалось беспричинно весело, даже в комнате стало как будто светлее, и солнце заблестело ярче на темно-голубом небе. "Не только разрешаю, но даже прошу". "Ну, а теперь я ухожу, чтобы нас не застали вместе, как заговорщиков", — пошутил он, скрываясь за дверью.

Зачем я сделала это? Не знаю. Просто, когда он подходил к двери, я поняла, что если сейчас не сделаю решительного шага и не уеду с ним, то никогда не выберусь отсюда на Кубань; просто какая-то невидимая сила толкнула меня, и я, зажмурив глаза и не рассуждая, бросилась вперед, отрезав себе все пути к отступлению. Ну, и слава Богу. Теперь, после этого решительного шага, отступать невозможно и бороться будет легче, когда возврата нет.

Вечером меня утащили гулять, а когда я вернулась, все уже было сделано. Я это почувствовала сразу, как только вошла в комнату. "Ида", — позвал меня отец. "Господи, помоги", — молча молилась я, идя на его зов. "Сегодня был Витя", — начал папа. — Ты знаешь, о чем он говорил?" Что я отвечала и что мне говорили, я не знаю. Но только мой расчет удался вполне. Сопротивление было маленькое. После нескольких предупреждений о важности моего шага, после нескольких советов переждать это время отец, наконец, сдался. "Я не могу тебя удерживать, Ида, — сказал отец, — раз вы действительно любите друг друга. Любовь имеет свои права и отрицать их было бы безумием. Витя человек хороший, я его люблю, как собственного сына, и верю ему. Будьте счастливы, насколько это возможно в это время". И притянув меня к себе, он прибавил: "Знай только, Ида. На свете бывают всякие случайности. Если ты ошибешься и тебе нужна будет помощь и участие, ты всегда найдешь это у нас". Он поцеловал меня. Мне на минуту сделалось больно, что я их обманываю, и я чуть не сказала правды, но вовремя удержалась. "Спасибо, папа, я это знаю и буду помнить".

Нет, что бы ни случилось, я никогда не приду к вам, дорогие мои, за помощью. Я не имею на это права после этого обмана, на который я пошла. Как-нибудь справлюсь сама. Да что может случиться? Конечно, ничего! Только напрасно настраиваться всякими этими глупыми предчувствиями.

А я и не знала, что я умею так великолепно, так классически лгать! Ведь ни у кого нет ни малейшего подозрения. Господи, как я счастлива, как я безумно счастлива и благодарна Тебе.

27 мая

Вся неделя прошла в хлопотах и приготовлениях. Мне было весело, несмотря на то, что скоро я расстаюсь со своими надолго, может быть, навсегда; но не хватало времени думать об этом; приходилось говорить о стольких мелочах, что не было ни минуты свободной, чтобы предаваться этим мрачным мыслям: приготовления, формальности, прием немногочисленных знакомых,

выслушиванье их поздравлений, советов, удивления занимали весь день с утра и до вечера; а вечером, ложась в постель, я засыпала сразу от суеты и усталости. Виктор целыми днями сидит у нас. Он весел и доволен. Кажется, я его невольно спасла от домашних сцен, слез и упрашиваний не уезжать. Он все время шутит с братом, дает невероятные советы маме, которые, конечно, не исполняются, предлагает свою помощь, которая никому не нужна. Со мной он говорит очень мало и то только ради приличия. Лишь изредка лукаво посматривает в мою сторону, насмешливо щуря большие темно-серые, немного холодные глаза свои.

Завтра свадьба. После обеда мы сразу уезжаем. Так лучше. По крайней мере, не будет длинных проводов, лишних слез и лишней лжи. И нам с Виктором легче будет вдали от своих, когда некого будет обманывать и можно будет сбросить маску, которую мы оба надели.

Вечером нас оставили одних. Мы сидели на скамейке на берегу моря. Над нами темно-синее далекое, недостижимое небо светилось холодным мерцающим пламенем звезд, и луна бледным и дрожащим светом серебрила землю; перед нами расстилалась необъятная ширь темного бездонного моря, чуть подернутого мелкими волнами; все тихо было кругом; только трещали цикады, хлюпали волны о прибрежный песок да изредка доносился смутный говор отдаленных голосов. Мы оба молчали. О чем мы могли говорить друг с другом, чужие, посторонние люди? Мне вдруг сделалось грустно, как будто жаль чего-то. Стало жаль своей прежней жизни под крылышком своих, без тяжелой думы о завтрашнем дне и стало страшно идти в неведомую даль с чужим мне человеком, с которым у меня нет ничего общего, кроме имени и желания служить одному делу. Зачем я ухожу отсюда, из этой тихой и мирной обстановки, от синего неба и необъятного моря? Зачем?

Виктор Александрович вдруг прервал молчание: “Ариадна Дмитриевна, я сегодня дал Вашему отцу слово не оставлять Вас одну и работать с Вами по возможности вместе. Он просил меня об этом, и я не вправе был отказать Дмитрию Павловичу в этой просьбе. Вы ничего не имеете против?” “Нет. Я очень рада. Я не буду себя чувствовать такой одинокой, когда Вы будете близко”, — ответила я. И опять мы замолчали, каждый занятый своими мыслями, до которых другому не было никакого дела. Молча дошли мы до дому и молча простились у входной двери.

2 июля

Сегодня в первый раз после отъезда из Евпатории, я наконец, осталась одна со своими мыслями и могу опять сесть за дневник. Что произошло за эти полтора месяца? Сразу после обеда мы отправились на вокзал. Поезд по теперешнему российскому свободному обыкновению опоздал на два часа, по крайней мере. Но, наконец, его подали, мы сели, и он, мерно постукивая, тронулся.

Когда совсем исчез из виду маленький деревянный вокзал и скрылись даже крыши домов и купол собора города, Виктор заговорил со мной. “Ариадна Дмитриевна, теперь, когда все кончилось, нам нужно решить вопрос, как мы будем вести себя в будущем. Я думаю, что в виду того, что работать мы будем вместе, мы сможем воспользоваться нашими правами, полученными сегодня в церкви. Это будет удобнее для нас и проще по отношению к другим. Как Вы думаете?” “Я думаю также, Витя”, — отвечала я, — тем более, что это не нарушает договора, заключенного между нами с глазу на глаз”. Он улыбнулся в ответ доброй и веселой улыбкой. “Ну, слава Богу; теперь все ясно и просто”, — шутливо заметил он.

Путешествие было довольно долгое и утомительное. Но, наконец, мы достигли Кубани и через три дня уже были зачислены в отряд: я — сестрой, он — рядовым. В отряде нас приняли приветливо и ласково, и мы сразу почувствовали себя легко и свободно в этом маленьком, но тесном и дружеском кружке. Во главе стоит старый гвардейский офицер полк(овник) Хотский. Высокий и плотный, с твердой и энергичной походкой и твердым, немного суровым взглядом зеленоватых глаз, он производит сразу самое чарующее впечатление. В этом человеке видится страшная сила, с ним не страшно очутиться ни в одном опасном положении. При взгляде на его всегда спокойное лицо, на уверенную манеру держать себя, слыша его звучный голос, ты доверяешь ему всю себя в безотчетной вере в его силу и мощь. Несмотря на его видимую

доверяешь ему всю себя в безотчетной вере в его силу и мощь. Несмотря на его видимую суровость, он относится к своим “мальчикам”, как он называет своих подчиненных, с трогательною заботливостью, почти нежностью. Я не раз видела слезы на его глазах, когда после жестокого боя приходилось хоронить одного из героев-бойцов. Тогда в суровых глазах появлялась глубокая нежность и какая-то тихая и затаенная печаль. Раз, отправив несколько человек в опасную разведку, он встретил меня. Прошло больше времени, чем он думал, а они все не возвращались. Хотский не мог себе найти места, хотя ни одна черта его сурового лица не выдала волнения. Но, встретив меня лицом к лицу, он не выдержал. “Вы не можете себе представить, Ариадна Дмитриевна, какая это пытка сидеть здесь и ждать, как они вывернутся из этого проклятого дела. А идти с ними и оставить отряд без себя не имеешь права. Вы поймите, что я переживаю каждый раз, отправляя этих детей почти на верную смерть! Мне каждый раз кажется, что я отправляю собственного сына. Я его потерял под Тернополем. Он был такой же молодой, честный, чистый и увлекающийся, как и эти, и погиб. Я успокаиваю свою совесть только тем, что, если б он был жив, он, как и они, тоже служил бы здесь и так же бы исполнял свой долг, как эти”. И вдруг, спохватившись, как будто сказал слишком много, он проговорил: “Простите, сестра, мне сегодня уж очень ясно вспомнилось, как на моих глазах убили моего мальчика”, — и круто повернувшись, он большими шагами отошел от меня.

Его мальчики! Это определение так подходит к рядовым его отряда, состоящим сплошь из только что произведенных офицеров, юнкеров, гардемаринов, кадетов и гимназистов. Самому старшему из них будет не более 25 лет. Все это зеленая молодежь, почти дети. Когда в первый раз я увидела их, то я не могла придти в себя от изумления и от, если можно будет так выразиться, какого-то тайного ужаса. “Господи, зачем эти-то здесь? Что они могут, эти дети”? — подумалось мне. Полковник Хотский, заметив мое выражение, обратился ко мне. “Вы не удивляйтесь, сестра. Мы из молодых, да ранние, — пошутил он и потом прибавил уже серьезно, — Вы скоро увидите, что они могут”.

Да, я скоро это увидела и видела их подвиги в течение целого месяца. Что давало им эту храбрость, эту силу и выдержку? Бывало часто, что проводя бессонные ночи, не имея времени, чтобы есть, наш отряд перебрасывался с места на место, чтоб отбивать атаки с двух сторон, ожесточенные упорные атаки вчетверо сильнейшего противника; бывало, бои продолжались целыми сутками почти без перерыва, и их приходилось принимать почти без снарядов, сражаясь голыми руками; бывали поспешные отступления с того места, которое окружили красные со всех сторон крепкой, почти стальной цепью войск; отступления, в которых не оставлялось ничего позади: раненые, даже трупы убитых товарищей брались с собой, чтобы не оставлять их на посмешище красным чудовищам. И всегда я видела их одинаково бодрыми и веселыми, бросающимися вперед на верную смерть с одной мыслью о спасении России, с одной надеждой

на победу своего правого дела. Там, где бы здоровый и сильный мужчина отказался от всего и оставил бы всякую попытку довести до конца свое дело, их молодая пылкая вера в свою правоту разбивала все препятствия и быстрыми и смелыми шагами шла к грезящейся всем нам победе.

Каждый в отряде готов на какую угодно жертву, чтобы спасти другого, и каждый знает, что его не оставят одного в минуту опасности и будут спасать, чего бы это ни стоило. А если спасти было уже нельзя, то дорого обходилась красным такая наша жертва. Да, они дорого продают свои жизни в бою. А так, сколько их умерло от болезней, легких ранений, принимавших на истощенных молодых организмах опасные формы, от чахотки, развивавшейся от переутомления и недоедания. Редко кто сам ложился в лазарет: обыкновенно приводили силой товарищи или болезнь принимала такие размеры, что выносить ее на ногах не было возможности. Каждый перемогался до последнего времени и только в крайности приходил к нам. Да, по правде сказать, не сладко у нас лежать: в какой-нибудь грязной и душной избе, на полу, покрытом соломой, а то в телеге или холодной теплушке, среди умирающих и часто холодеющих трупов усопших, почти без ухода, так как не хватает рук. Да что мы можем сделать без лекарств и инструментов, без перевязочного матерьяла? “Облегчить лишь их переход из бытия в небытие”, — как говорит доктор. И часто жутко и страшно становится, глядя на эти страдания и жертвы. И страшный вопрос неотвязно стучит в голове: “Стоит ли наша цель таких жертв, не слишком ли дорога наша

вопрос неотвязно стучит в голове: "Стоит ли наша цель таких жертв, не слишком ли дорога цена счастья нашей родины?" Правда, почему на это дело не пошли люди уже пожившие, люди, которые составляют прошлое России, а не ее будущее, и зачем послали детей? Я как-то это сказала доктору. "Вот почему, дорогая Ариадна Дмитриевна. Во-первых, на такое безумно-смелое дело должны идти люди, в которых не угасла безграничная вера в высшую справедливость, люди пылкие, увлекающиеся, которые за свои идеи могут приносить какую угодно жертву, и не из чувства долга, как необходимость, а с твердой уверенностью, что они выйдут победителями. А где вы найдете таких людей среди нас, стариков. Теперь у всех угасла всякая вера; ее выжгли красивыми словами о правде и справедливости из наших душ. Только среди этой молодежи и горит еще она неугасимым пламенем. А во-вторых — то дело, которому будут принесены такие жертвы, не может погибнуть. В лице их Россия дает самое дорогое, самое любимое, чтобы восстать из того мрака, в который ее толкнули. Я верю в Высшую справедливость и верю, что эти жертвы — залог нашей победы".

Да, он прав. А что, если вдруг победы не будет? Нет, этого не может быть; тогда нет справедливости на этом свете, тогда нет Бога на небесах.

15 августа

Еще одна жертва на алтарь спасаемой России. Сколько их уже принесено? Сколько еще надо принести? Один Бог это знает. Молодой, здоровый, жизнерадостный и смелый, он был душою нашего отряда. Такой талантливый: иногда начнет рассказывать, так забываешь весь ужас этой жизни и смеешься, как прежде — беззаботно и весело; а то он пел, и под звуки его молодого и красивого голоса грезилось о счастье, о покое, о прежней мирной жизни, и беспричинные сладкие слезы закипали в груди и медленно поднимались к глазам. Всегда веселый! В самые опасные минуты, когда смерть уже заглядывала в глаза, я видела его с его вечной веселой улыбкой на красивом лице. Он верил в свою звезду и в свое счастье и был во всех опасных местах: под обстрелом, в разведке, с опасным поручением. На все предупреждения он, смеясь, отвечал: "Я заколдован. Меня не тронет вражеская пуля", — и еще смелее лез вперед. Вот и не тронула. Принесли его к нам с раздробленной ногой. Он еще верил, что это пустяк и все пройдет, но когда узнал, что нужна ампутация, вдруг взмолился: "Доктор, застрелите меня. Кому я нужен калекой. Все равно в строй не вернусь. Доктор" А потом сразу утих и присмирел. Операцию выдержал без хлороформа (нет его), и ни стона, ни крика не вырвалось во время ее из его груди. Даже старался улыбаться побелевшими губами и только в конце потерял сознание.

16 августа

Для чего мы мучили его вчера? Чтоб он по всем правилам отправился в лучший мир? Или думали спасти голыми руками без лекарств, почти без инструментов? Он умер сегодня на моих руках. "Сестра, я знаю, что умру. Я рад. Все равно мне не вернуться в ряды, а жить так — я не хочу. У меня остались отец, мать и невеста там, в Совдепии. Я поклялся спасти их от голода и смерти. Если Вы увидите их, скажите, что я их не забыл, что я честно сражался и честно умирал. Говорите все, что знаете. Только, ради Бога, про операцию — ни слова. Мучения прошли и не вернутся, а их что мучить! Хотелось бы дожить до полной победы. Но она будет, я знаю, я чувствую это". Он долго говорил, как будто хотел наговориться перед вечным молчанием. Вскоре слова перешли в бред. Он грезил прежней безмятежной жизнью, счастьем ушедшего детства, семьей, будущим блаженством воскресшей России. Только в самом конце он вспомнил муки операции, в бреду умоляя "не резать его, все равно напрасно, бесполезно". И под леденящим дыханием смерти он в ужасе звал на помощь, повторяя все одно и то же женское имя. "Наташа, помоги, спаси меня, Наташа, дай руку", — твердил он, мечась в жару по постели. Я дала ему свою руку — он успокоился. Он умер к вечеру.

Еще один обрел вечный покой и счастье в том лучшем мире бесконечного блаженства.

3 декабря

Холодно. Все стынет кругом. Стынут мысли в отяжелевшей голове. Почерневшие, отмороженные ноги, синие лица со свинцовым тяжелым взглядом голодных глаз. Нет теплых вещей, нет белья, нет пищи, нет снарядов, ружей, ничего нет, кроме безумной надежды безумных людей на близкое счастье. Боже, как холодно и страшно.

8 декабря

Мы отступаем так же быстро, как шли вперед. Опять обратно. Больные мрут в дороге, как мухи.

1919 г. 29 января

Сегодня замерз один. Замерз, а не умер. Мне все грезится его посиневшее застывшее лицо, стеклянный взгляд неподвижных мертвых глаз. Как только остаюсь одна или закрою глаза, он стоит передо мною страшным призраком, как будто я его убийца. Господи, ведь Ты все можешь. Зачем Тебе эти детские жертвы, эти замершие трупы полубольных людей? Ведь это же жестоко. Быть убитым — да, но замерзнуть, замерзнуть в лазарете?.. За что?..

5 марта

Слава Богу, опять тепло. С оживающей природой оживаешь и ты, и воскресла опять надежда и вера в грядущее счастье. Оно кажется теперь таким близким и достижимым в сверкающем солнце.

8 марта

Сегодня, пока я говорила о чем-то с доктором, к нам подошел полк(овник) Хотский в сопровождении мальчика лет 16. “Доктор, возьмите его в лазарет, его надо вылечить”. И пока доктор выслушивал больного, заметил мне: “Вот не хочет ложиться, уверяет, что здоров, а тает на моих глазах, как свечка”. Осмотр кончился. “Неправда ли, доктор, я здоров. Это временная простуда. Весной у меня всегда так, но ведь это же не причина ложиться отдыхать. Правда, доктор?” Ввалившиеся глаза блестели лихорадочным блеском, на впалых щеках алели два зловещих багровых пятна. “Конечно, голубчик, это пустяки. Так пройдет”, — отвечал доктор, хлопая его по плечу, и когда тот вышел, обратился к Хотскому: “Оставьте его. Все равно не протянет больше недели. А омрачать последние минуты не стоит: ведь у нас несладко. Пусть уж лучше умрет на открытом воздухе, среди товарищей, чем проводить последние минуты в нашей дыре”. Полковник хотел что-то ответить, но только махнул рукой и вышел. Я заметила, как нервно дрожали у него веки и как-то странно заблестели глаза.

12 марта

Сегодня нам его привезли в глубоком обмороке. Не приходя в себя, он умер. На что уж мы привыкли ко всему, а и то у доктора навернулись слезы, когда последний вздох вылетел из груди умиравшего.

“Я помню его, как он в первый раз пришел к нам. Здоровый, краснощекий, кровь с молоком. Пришел, уверяет, что его прислали из штаба, что бумаги в порядке и через несколько дней будут. Приняли. А через несколько дней приехал отец, требуя вернуть его домой. Ему не было 18 лет. Как он просил тогда, как плакал. Совсем ребенок. Ну, упросили отца; старый военный был — позволил. Я тоже просил. Хорошо ли, дурно ли сделал? Бог знает. Только уж очень скоро он угас. Еще четырех месяцев нет”. Доктор замолчал. “Только я верю, — начал он опять, — что с такими жертвами победа — наша. Иначе это было бы глубокой несправедливостью со стороны Бога принимать их”. Да, с такими жертвами мы должны победить.

12 февраля*

Одесса пала. Оставлен Крым. Оккупированные союзниками города оставлены их войсками

Одесса пала. Оставлен Крым. Оккупированные союзниками города оставлены их войсками, трусливо бежавшими перед

наступающим красным врагом. Еще несколько тысяч невинных жертв принесутся в жертву красному террору их изменой. Ну, так что же? Россия привыкла страдать и привыкла безропотно жертвовать все, что у нее есть самого дорогого. Только вечным позорным пятном будет лежать на них их подлая измена нам в критические минуты, да победа оттянется на несколько времени. Но все же она будет нашей. Как мы начали, без посторонней помощи, так и кончим ее одни. Может это и лучше? По крайней мере, нашим счастьем мы будем обязаны только себе, а никому другому.

Доктор ходит мрачнее тучи. “Будь они трижды прокляты. Когда устилались русскими трупами поля Западной Пруссии, чтобы оттянуть немецкие войска и помешать Вильгельму “обедать” в их сумасшедшей столице, тогда они были нам верными союзниками. А теперь, когда их помощь нужна нам, они поворачиваются к нам спиной. Ну что же? Свет ведь не клином сошелся. У нас остается Берлин”. “Доктор!” “Что, доктор? — передразнил он меня. — Вы думаете, что мы сами виноваты, сами первые предали их, когда наши войска бежали, отдавая Россию врагам без всякого сопротивления? Да кто изменил, кто предал-то их? Не мы же, а эта грязная демократия, в руку которой они играют теперь. А мы... Вы видели Тернопольское наступление? Нет? А я видел. Бежало все в панике, оставляя немцам оружие, пушки, обозы и раненых. А они, офицеры, чтоб только не бежать, чтоб не изменить общему делу, шли вперед. Взявшись за руки, шли они длинной цепью на верную смерть. Верную, потому что стреляли и спереди, и сзади. Они умирали, чтобы никто не смел их назвать предателями, чтобы умереть честно в бою и не изменить друзьям своим. А друзья вместо того, чтобы вспомнить и отблагодарить их, бросили еще несколько тысяч офицеров на мучение и смерть в чрезвычайке. Только им это никогда не забыть и никогда не простить. Как только Россия восстанет из своего падения, она отомстит им за это предательство. Она вспомнит это”.

Может быть, доктор и прав. И я никогда не забуду этой измены.

27 апреля

Мы отступаем. Медленно, с упорными и ожесточенными боями отходим мы, дорого отдавая врагу каждую пядь завоеванной нами земли. Кругом бегут. Бросая оружие, в панике бегут донские войска, обнажая фронт то там, то здесь. Мы одни лицом к лицу с бесконечно более многочисленным, чем мы, врагом, но с нами Бог и правда, а впереди победа. Еще немного напряжения, еще последнее усилие, и победа наша. Скоро услышим мы торжественный звон колоколов спасенной нами голодной и окровавленной Москвы. Победа с нами. Если были какие-

нибудь колебания или возникали сомнения, то теперь их нет. С таким вождем, как наш, можно уверенно и смело идти, куда угодно, и завоевать весь мир. Я видела ген(ерала) Деникина. Он принял командование в свои руки и объезжал фронт. Долго говорил он с полк(овником) Хотским, сказал несколько слов отряду и уехал, оставив за собой восторженно-преданных ему и его делу, готовых броситься по одному его слову на верную гибель несколько сотен людей. В ласковом взгляде его лучистых глаз столько спокойной уверенности, столько веры в себя и свои войска, столько несокрушимой силы, что сразу становится ясно на душе, и ты вся восторженно отдаешься во власть его обаяния, не рассуждая, с радостной готовностью умереть за него и по его приказанию.

Мы победим! Теперь не страшны ни измена союзников, ни предательство казачьих войск. Он с нами, и смелой и твердой рукой ведет нас к победе.

2 мая

Мы окружены. Отрезаны от нашего отряда стальною цепью красных войск. Они еще не знают, сколько нас, и не решаются подойти ближе к хутору, в который нас загнали. А когда поймут, тогда все кончено. Ведь 30 человек при всей их беззаветной храбрости и чудесной силе ничего не

тогда все кончено. Ведь 30 человек при всей их беззаветной храбрости и чудесной силе ничего не смогут против нескольких сотен. Остался еще час, самое большее полтора жизни, а там вечный мрак и вечный покой. Сейчас свести последние счеты, подвести последние итоги... Да что толку. Все разберется через несколько лет чужими, беспристрастными людьми. Все точно взвесится и, если были ошибки, то их не искупишь никакими жертвами, никакими подвигами перед глазами холодно-справедливой и безжалостной истории. Я слышу тяжелое прерывистое дыхание нескольких лежащих без сознания больных. Ваша жизнь кончена. Через несколько минут я собственной рукой отправлю вас в лучший мир из этого мира преступлений и жертв. Ни сама не делаю жертвы, ни вас не оставляю в жертву врагам. Я чувствую холодное, твердое прикосновение револьвера к горячей руке. Наконец-то и он пригодился. Восемь выстрелов. Семь для лежащих больных и один для себя. Только, Боже, как томительно ждать и как страшно умирать. Так хочется еще жить, так хочется увидеть нашу победу и умереть в спасенной, вновь счастливой и великой России. А что, если рука дрогнет в последний момент, и попадешь в грязные лапы?.. Нет, лучше не думать. Где же Виктор? Хоть бы он помог в последнюю минуту, и все бы было кончено между нами.

Мы спасены, спасены. Чудом или чем иным — не знаю. Пока я сидела в томительном ожидании, когда можно будет одним выстрелом покончить со своим земным существованием, вдруг послышался такой знакомый, почти родной мне треск пулемета. Я выбежала. Наши суетились с оживленными, немного удивленными радостными лицами. А впереди красные в смятении и страхе отступали, оставляя все, что могло бы мешать их скорому бегству. Оказалось, что Виктор незаметно пробрался им в тыл и пустил пулемет. Подумали, вероятно, что пришло подкрепление. А если б знали, что это один человек? Виктора чуть на руках не носят. Меня поздравляют.

Улучив минутку, когда мы остались с ним одни, он махнул мне: “Если б не мысль, что ты попадешь в их руки, и ответ, который бы мне пришлось дать твоему отцу, Ида, на том свете, все бы мы спали непробудным сном”. Что это? В его словах ничего нет. Но взгляд — этот холодный взгляд немного насупленных глаз — показался мне совсем иным; или это только показалось?

13 июня

Харьков пал.

24 июля

Полтава наша.

14 августа

Сегодня к нам в отряд перебежал офицер. Истощенный, больной, с впалыми щеками, с безумным взглядом глубоко запавших глаз. Его не хотели принимать в ряды как служившего в красной армии. Он просил, валялся в ногах у Хотского, целовал ему руки — пока не разрешили.

Он говорит много, бесконечно, болезненно много, как будто он молчал целыми годами и только сегодня в первый раз услышал звук своего голоса. “Я столько молчал, столько молчал. Молчал, когда братались солдаты, молчал, когда они бежали, обнажая фронт, — что мог я сделать? — молчал, когда хватали и уводили на расстрел и истязания моих товарищей, молчал, пока на моих глазах не расстреляли моего лучшего друга, человека, заменившего мне отца. Тогда я заговорил — меня арестовали. Держали долго в сыром и темном подвале среди таких же несчастных, как я. Каждый вечер от нас уводили “на допрос” (они уже не возвращались) и каждый день приводили новых. Я ждал, когда вызовут, наконец, и меня, чтобы уйти и уже больше не возвращаться. О, как томительно был ждать! Каждый день я молился, чтобы очередь, наконец, дошла бы до меня и прекратилось бы это томительное ожидание, и каждое утро облегченно вздыхал, зная, что еще целый день жизни впереди. И вот...” Он вдруг остановился; холодный пот выступил на лбу его, и он заговорил шепотом, отрывисто и медленно, вперив вперед широко раскрытые, полные ужаса, безумные глаза свои. “Вызвали. Посадили в автомобиль. Повезли. Пьяные. С циничными

шутками и грубым смехом. Остановились. Высадили. Ночь. Темно. Кругом поле. Города не видно. Слышатся стоны, мольбы, женские рыдания и плач, тоненький, жалобный плач грудного ребенка. Затем — грубый окрик, пьяный смех и опять выстрел. Меня толкнули, подвели; подвели к темной яме, близко, близко. Едва брезжило утро. Глубокая яма и темно-серая неподвижная масса, с яркими пятнами свежей крови, на дне ее. И вижу я, как эта груда начинает шевелиться; поднимается рука со скрюченными, сведенными судорогой пальцами, слышится стон, и опять тяжкое, едва заметное движение тел на дне могилы. Меня увели. Потом освободили. Призвали. Послали в армию, и я опять молчал. Я не могу больше так жить. Я не могу молчать, — вдруг каким-то стоном вырвалось из груди его. — Каждую ночь я вижу эту яму с живыми трупами на дне ее, каждую ночь я слышу этот протяжный стон и предсмертный крик ребенка. Я должен искупить свое подлое молчание, я должен отомстить им за это".

13 августа

Он искупил своей смертью свои грехи. Сегодня он убит в первом же бою. Убит наповал первой же пулей.

15 августа

Киев взят нашими войсками! Вчера вошли передовые отряды. Завтра въезжает и наш лазарет.

18 августа

Слава Богу! Наконец, после такого долгого времени я опять сижу в высокой, светлой и чистой комнате на мягком кресле. Тихо ноет тело от вдруг появившейся страшной усталости, и сладкая истома охватывает тебя всю; чуть-чуть кружится голова...

Как мы вошли в Киев? Яркое утро, яркое солнце, синее небо, яркая, разряженная толпа встречающих "добровольцев" зрителей; звон колокольный торжественно гудит в прозрачном воздухе, громкое "ура" несется навстречу вступающим в город отрядам; пустые магазины, битые стекла, полуразрушенные кое-где снарядами дома; кругом тебя радостные улыбки на измученных лицах, благодарные собачье-ласковые глаза и частые и крепкие пожатия незнакомых, чужих рук. Как радостно, светло и спокойно у меня на душе. Конец теперь мученьям ставших мне такими близкими и дорогими мальчиков; конец их "крестному шествию", их великим, молчаливым, почти тайным подвигам и жертвам. Скоро конец мученьям и там, на далеком севере, в голодных, исходящих кровью столицах. Боже, как я счастлива, как бесконечно благодарна Тебе!

22 августа

Я шла по Крещатику, возвращаясь из лазарета домой. Смеркалось. "Ида", — окликнули меня. Я обернулась. Меня догонял Виктор. "Я сейчас из штаба Бредова, — начал он. — Записалось 17 000 добровольцев. В течение одного дня такое количество велико, и даже очень". Он замолчал и через некоторое время заговорил снова. "Мне, Ида, предлагают командировку в Ростов. Командировка довольно длительная. Я не знаю, взять ее или нет? Сейчас я чувствую себя таким измученным и разбитым, да и ты на себя не похожа. Если б нам теперь немного отдохнуть в мирной обстановке. Мы свое дело сделали. Наше место заменят другие, и этих других много теперь. А потом мы можем вернуться опять в строй. Как ты думаешь?" В его голосе слышалось беспокойство и волнение; лица его в темноте не было видно. Мне вдруг тоже захотелось немного покоя, увидеть своих, пожить прежней беспечной и мирной жизнью. "Что ж, я согласна, я тоже чувствую себя такой усталой", — ответила я.

Я согласилась, не подумав, а теперь страшно становится. Во что выльются наши отношения с ним. В отряде мы были хоть и вместе, но так далеки друг от друга. А теперь? Но он ничего не говорит, а мне начинать... Я не вправе рвать наш союз, пока он не потребует этого сам. Да,

может оно и лучше: не будет объяснений со своими, которые омрачат первые радостные дни, не будет недоумения и всех других неприятностей, которые повлечет за собой наш разрыв. Будем жить, как жили; ведь не мешать друг другу мы привыкли, а я сейчас так устала, что не в состоянии о чем-нибудь думать, серьезно говорить или что-либо предпринять.

4 сентября

Ростов — наша временная столица. Петроград в миниатюре! Уже давно, с самого первого дня революции, я не видела такого города: оживленный, шумный, праздничный и деловитый. Широкие улицы запружены нарядной, веселой, куда-то спешащей толпой; снуют экипажи, автомобили, с однообразным шумом быстро проезжают переполненные трамваи; широкие окна переполненных товарами магазинов, ярко освещенные. Нет нигде грязной, обтрепанной, хамски-наглой толпы почувствовавших свою силу рабов; нет посеревших от времени красных тряпок — эмблемы революции; нет отупевших и бессмысленно-жестоких лиц расфранченных комиссаров; нет измученных, уставших людей с тупым отчаянием в голодных глазах.

Мне весело и приятно идти по широкой улице, среди спешащей куда-то толпы, слышать ее смутный говор, выкрики газетчиков, редкие и звонкие взрывы смеха, от которого я уже успела отвыкнуть; весело останавливаться перед ярко освещенной витриной Освага и видеть, как черный шнур, отмечающий расположение наших войск, быстро и уверенно поднимается кверху.

Я свиделась наконец со своими. Сколько расспросов, рассказов, молчаливых улыбок и радостно-сладких слез свидания! Мама с папой сильно постарели за это время; но теперь все прежнее забыто; они радуются, что снова видят меня живую и здоровую и, как они думают, счастливую, любимую и любящую своего мужа; ни малейшего подозрения нет у них. Да и откуда оно может придти? Мы живем тихо и спокойно, равнодушные друг к другу, без бурь и треволнений, возникающих во время любви и совершенно нам незнакомых за ее полным отсутствием.

Днем мы оба заняты. Виктор в Управлении, я — в лазарете. А вечером у нас собираются наши друзья, и мы весело проводим время в разговорах, шутках, воспоминаниях и в надеждах на будущее. Вспоминается тот “пятачок” земли, на котором небольшая кучка измученных людей с ожесточением отчаяния и безумной надеждой в свою силу и правду отбивала атаки большевистских орд; сравнивали его с теперешней территорией, предсказывалась скорая победа. Часто слышались возгласы “Теперь это пикник в сравнении с тем, что было! Partie de plaisir*. Снаряды, оружие, продовольствие, обмундирование — все к твоим услугам. А раньше... Помните, Ариадна Дмитриевна, когда Вы брали у нас стирку и штопку, многие из нас сидели без белья?” Помню, как не помнить, когда у меня сердце исходило кровью и отчаянием за вас, и я готова была бы отречься от всего, только чтоб вы больше не мучились и не страдали!

10 сент(ября)

Сегодня было у нас Витино начальство — полковник Новиков. Он сразу производит самое приятное впечатление, а при ближайшем знакомстве невольно поддаешься его очарованию. Высокий, плотный, немного мешковатый, с медленными и широкими движениями; низкий и мягкий голос, а главное — ласковый и спокойный взгляд небольших карих глаз; он весь полон спокойствием, мягкостью и той характерной чисто русской ленью. Но за всем этим скрывается огромная сила, крепкая воля, готовая проломить все на свете ради воздвигнутой цели и появляющаяся в страшные минуты жизни. И как-то неизъяснимо легко и приятно, поддаваясь его спокойствию, чувствовать эту силу и знать, что кроме тебя, никто ее не видит. Он кого-то мне напоминает; кого-то страшно близкого и дорогого. Но кого?

К Вите он относится с немного насмешливой нежностью. “Ваш муж, — обращается он ко мне, улыбаясь, — ужасно непримиримый человек. Мне все время приходится сдерживать его рвение”. “Что делать, полковник, мы с ним прошли такую школу, которая нас научила не стесняться и не останавливаться ни перед чем”. “Молодость, — ответил он на это, — пожили бы с мое, так с многим бы примирились и многое бы простили”.

20 сент(ября)

Анатолий Николаевич Новиков часто бывает у нас. Он любит приходить к нам вечерком “поболтать”, как он выражается. Я тоже люблю его посещения. Его присутствие как-то умиротворяет тебя; а после разговора с ним становится яснее на душе, которая у нас всех какая-то смутная и беспокойная теперь. Сегодня разговор зашел об офицерах, служивших в красной армии. Витя, нервно ходя по комнате, взволнованно говорил: “Нет, Анатолий Николаевич, я никогда не изменю своего мнения. Когда мы умирали от холода и голода, когда на каждого из нас приходилось по 20 противников и победа казалась безумием, пустой грезой измучившихся людей, почему никто тогда не присоединился к нам. А теперь, когда победа на нашей стороне, все лезут к нам с изъявлениями дружбы, преданности и желанием служить. Согласитесь, что это только шкурный вопрос, и кроме презрения, эти люди ничего не заслуживают”. “Виктор Александрович, я сидел в Быхове и, следовательно, с самого основания Добровольческой Армии служил в ней и ей. Нам, быховским узникам, ничего не оставалось делать иного: лишь идти на верную гибель или бороться со своим врагом и, может быть, победить. Это тоже шкурный вопрос. Что бы мы сделали в других условиях — я не знаю. За себя я не ручаюсь — может быть...” “Простите, господин полковник, я не верю Вам. Это совершенно напрасно говорить о том, что бы было, надо говорить о том, что есть”. Я тоже не верю его словам о том, что, может быть, он поступил бы иначе; это только его слова, слова этого на редкость честного и чистого человека.

24 сент(ября)

Я знаю теперь, на кого он похож. На генерала Деникина. Только Деникин недостижимое, бесконечно-далекое, боготворимое существо, на которое можно только восторженно молиться и перед которым остается только преклоняться, а он близок мне как простой человек и как человек более понятен моему разуму. Я жду его с нетерпением каждый вечер и часто ловлю себя на том, что захожу к Вите на службу, чтобы лишний раз увидеть его или услышать его голос.

25 сентября

Наши войска подходят к Орлу. Газеты полны описанием побед, иностранные представители приезжают на поклон к Деникину, державы согласия всячески выражают свою дружбу и преданность. В воздухе чувствуется напряжение ожидания, ожидания чего-то большого и радостного. Я никогда не испытывала такого полного счастья, такого почти полного спокойствия. Почти маленькое беспокойство, смутное предчувствие чего-то ютится где-то в глубине души, и сердце как-то сладко и в то же время больно замирает и бьется.

2 октября

Орел пал. Еще один переход — и Москва наша, и Россия спасена!

5 октября

Пора сказать, наконец, себе правду — я люблю его; люблю в первый раз в своей жизни; люблю все: и его высокую, немного мешковатую фигуру, и грациозную лень движений, и седую красивую голову, и ясную ласку лучистых глаз, а главное эту внутреннюю скрытую силу, которую вижу одна я. Я люблю и мне кажется... кажется, что и он смотрит на меня иначе, чем на других, и в глазах его я читаю залог своего будущего счастья, если бы не было одного препятствия. Но ведь его снять, и я свободна. Одно мое слово — и наш союз распадется и некрепкие цепи, связывающие нас, порвутся. Чтобы быть его, принадлежать ему всецело и быть им любимой, я готова смести со своего пути и не такое маленькое препятствие, как это. Виктор тоже собирается что-то сказать мне; я чувствую это по его лицу, по довольно частым отлучкам, по загадочному молчанию. Неужели и ему нужна свобода, но он только не решается сказать это мне? Я первая начну тогда этот разговор и одним словом все выясню. Господи, как я счастлива,

как я безумно счастлива. Неужели вместе со всей Россией я обрету свой покой и свое блаженство? Я люблю, я счастлива.

Сегодня после ухода Анатолия Николаевича Виктор подошел ко мне. По его сосредоточенному лицу, по тому, как он взглянул на меня, подходя, я сразу почувствовала, что он хочет сказать что-то важное для нас обоих. Сердце радостно екнуло у меня в груди. Неужели сейчас я буду свободна, совсем свободна. Но Виктор вдруг устало провел рукой по глазам и лениво проговорил: “Устал сегодня. Пора и спать. Спокойной ночи, Ида”. Неужели это все? Или он не решается, и придется начать мне этот разговор? Ну что ж — я начну сама. Анатолий Николаевич так долго говорил со мной, рассказывая о детях, о покойной жене, и глядел на меня такими грустно-ласковыми глазами, в которых мне чудилось — “люблю”. Но почему так жутко начинать объяснение, так жутко поднимать этот вопрос, который мы оба так старательно обходили молчанием все это время?

?* 16 октября

Сегодня грустный день. Воронеж отдали обратно. Под Орлом какая-то заминка, а в тылу смутно, но настойчиво растет страх перед все сильнее разгорающимся восстанием батьки Махно. Мне кажется, что это только временная задержка: придется оттянуть часть войск с фронта, чтобы подавить восстание, а там опять пойти вперед, так же быстро, как и до этого. Я уверена в этом. Что же может быть другое? Другого не может быть ничего. Их бьют со всех сторон.

Армия ген(ерала) Юденича у самого Петрограда. Со дня на день можно ожидать его падения, и скоро близкий моему сердцу, родной мне Петроград будет в руках стойких и честных борцов за величие России, и пройдут для него навсегда кровавые дни красного террора.

Сегодня хотела начать разговор о том, но внутренний голос остановил меня от этого шага. Да, этот разговор совсем не так прост, как мне казалось сначала. Какое-то тайное, гнетущее беспокойство растет в моей душе. Что-то недоброе назревает в нашей жизни. И потом этот странный взгляд Виктора, как он мне знаком. Где я его видела, этот лихорадочный блеск? Что-то странное видится в этом взгляде. Неужели это... Нет, не может этого быть. Это было бы слишком жестоко, жестоко так подшутить надо мной.

29 октября

Анатолий Николевич все чаще заходит к нам. Я люблю его. Все беспокойство, весь гнет и все предчувствия исчезают сразу, как только он своей размашистой и ленивой походкой входит в комнату, в которой тяжело нависла атмосфера недоговоренности и... лжи. Лжи, потому что я

тщательно скрываю свою любовь. Зачем? Не знаю. Ведь все бы выяснилось само собой, если бы Виктор увидел, что я люблю и, может быть, любима, что я счастлива этим и мне нужна только свобода. Но какая-то внутренняя тайна удерживает меня каждый раз, как я хочу избавиться от этой лжи, мне кажется, что последствия правды будут самые ужасные. И вот я трусливо прячусь за ложь, с тайной надеждой, что все устроится само собой как-нибудь.

?** 8 ноября

Армия Юденича бежит. Петроград, бывший так близко от избавления, опять отдан во власть голода и смерти. Что стало с армией, так смело и уверенно идущей вперед к своей славной цели? Ничего пока неизвестно. Смутно говорят о какой-то измене, о прекращении подвоза снаряжения и продовольствия в самый критический момент, о какой-то мерзкой политической игре, стоившей жизни стольким людям.

16 ноября

Теперь все ясно!

Как тогда в Одессе нас, так теперь их, несчастных, заманили вперед и захлопнули в ловушке, которую сами соорудили из дипломатической лжи.

Я читала письмо с севера, оттуда: полное ужаса и горечи, полное жгучей ненависти и бессильной злобы против этих друзей-предателей, с отчаянной мольбой к нам о поддержке и помощи.

Они предавали их с самого начала, понемногу, изредка, но всегда ударяя безошибочно в самое больное место, пока не наступил момент генерального предательства. И тогда они оставили их, этих несчастных, геройски умирать за погибшее дело. О, как я ненавижу, как презираю их, наших союзников, друзей-предателей. Большей ненависти я еще не испытала ни к одной стране. Да, и не только я, а все лучшие слои русского общества, все патриоты, все честные люди.

Нет, пора кончить эту игру с ними. Пора прямо сказать им, что довольно этой тонкой игры, что они не нужны нам больше с их представительством, что Россия не позволит больше себя дурачить, что она найдет себе друзей преданных и верных, что они есть уже; и эти друзья — враги наши. Враги, но они не предадут нас так нагло-бесстыдно, как предавали нас все время друзья. Те враги, боровшиеся с нами всеми способами, гораздо честнее друзей, в глаза говорящих о любви и дружбе, а за спиной точащих кинжал, чтобы вонзить его в наше тело из-за угла — об этом нечего и говорить.

Пора сказать себе правду. Им не нужна Великая Россия — это ясно. Какая бы она не была — прежняя царская или новая Добровольческая, даже большевистская — она им враг, она страшна им. Им нужна Россия такая, какова она сейчас: обессиленная и обескровленная, изнемогшая в гражданской борьбе. И они поддерживают ее, эту борьбу, помогая слабейшей стороне, а когда эта слабая сторона становится сильной и Россия восстает от своей болезни и начинает вновь приобретать единство и силу, они ловко толкают к гибели победителя, и мы опять летим в бездну раздора и распрей.

Они предадут и нас. Я это чувствую. Пусть только настанет момент, когда они одним движением, одним словом смогут столкнуть нас с победы к распаду и поражению. Они сделают это, если мы сами не оттолкнем их и не пойдем по той дороге, которая поведет нас к полной победе. Пора перестать играть в благородство. Те жертвы, принесенные нами в Одессе и теперь на севере, уже давно дали нам право сделать этот шаг. За свою измену им мы заплатили больше, чем следовало, мы искупили свою вину кровью и жизнью лучших сынов России.

Почему Деникин не скажет решительного слова? Передают слова, якобы сказанные им, что “по моральным причинам” он никогда не пойдет на разрыв с Антантой. Он не хочет запятнать свою

чистую репутацию честного человека изменою друзьям. Да ведь измены нет! Ну, а если бы была? Ведь наша цель так высока, так велика, что для нее можно принести даже такую жертву, как душу ген(ерала) Деникина. “Кто душу положит за друга своя...” — припоминается мне текст Евангелия. Неужели наш бог, наш светлый вождь не принесет на алтарь спасения России эту жертву? О, это была бы самая чистая, самая дорогая жертва, когда-либо отданная для тебя, моя Родина. Как бесконечно бы велик был бы он, принеся эту жертву, и как бы оценил ее и Бог и вся Россия. Только неужели он не принесет ее? Нет, этого не может быть, или это будет ужасная, роковая, непоправимая ошибка.

23 ноября

Неужели мои предчувствия сбываются, неужели то, что я не смела не только сказать, но даже подумать, — правда, неужели судьба так безжалостно и жестоко подшутила надо мной — неужели Виктор меня любит? Теперь ясно все: и его неуверенность, и какая-то робость в обращении со мной, и странные взгляды, и гнетущее молчание. Любит... За что? Что я ему дала, что я ему сделала, чтобы он любил меня? Господи, неужели теперь все пропало, все кончено? Теперь сказать Виктору правду, рассказать про свою любовь. Нет, это невозможно. Никогда не

начну я говорить об этом, никогда в жизни я не скажу этого, никогда я не имею на это права. Я связала себя с ним безумным роковым шагом и должна отвечать за все последствия. Ведь я не девочка. Но моя любовь, что будет с нею? Ведь я люблю, люблю, и мне казалось, что любима. Может быть, это только казалось. Наверное, казалось. Сегодня был у нас А(лександр) Н(иколаевич). Он так же, как и на все другое, смотрит на меня, так же, как и со всеми, говорит со мной. Где его любовь, которая чудилась мне в его глазах, в его голосе? Нет ее? Было ли это только игрой влюбленного воображения, грезой жаждущей счастья души, или, может быть, он скрывает ее — эту любовь? Господи, что мне делать, как все это кончится? Ведь мне остается только молчать, ждать и... надеяться. Ждать чего? На что надеяться? На чудо? А разве бывают на этом свете чудеса? Да я и не верю им больше. Я скоро, кажется, ничему не буду верить.

26 ноября

Наша армия отступает. Что-то странное, необъяснимое совершилось там на севере, почти под самой Москвой, далеко от беззаботного Ростова. Быстро, быстро спускается роковой черный шнур в витрине Освага. Каждый вечер, возвращаясь из лазарета, я, с замиранием сердца, останавливаюсь перед широким ярко освещенным окном с тайной надеждой, что он, наконец, остановится, и каждый раз он все ближе и ближе от Ростова.

Не может быть, чтоб это было отступлением; ведь это же не отступление, а бегство. Стратегический отход? Но почему так далеко отводят войска?

29 ноября

Харьков пал. Нет, это не стратегический маневр. Это отступление перед наседающим врагом, делающим последнее усилие, последнюю попытку спасти себя от неминуемой опасности. Один смелый и решительный удар — и враг побежит и все будет кончено. Все это пройдет, как только Деникин возьмет командование в свои руки, как тогда в прошлом году, и смелой и твердой рукой нанесет последний смертельный удар красному чудовищу. Все пройдет тогда, как тяжелый сон, как маленькое напоминание тыловым городам, что еще рано жить беззаботной мирной жизнью, какою они жили до сих пор, что не все кончено, что опасность еще не прошла.

Харьков пал. Ну, так что же? Минутная слабость. Опять измена донцов. Но мы победим. Наша армия сильна, сильна, как в прошлом году.

5 декабря

Начинают прибывать беженцы из Воронежа, Курска и других оставленных нами городов. В

паническом ужасе от пережитых потрясений, еще не освоившиеся с мыслью, что они спасены и не попали в руки большевиков, усталые и измученные утомительной дорогой, они мрачно предсказывают гибель нашего дела. Я не верю этому; этого не может быть. Это была бы такая несправедливая жестокость со стороны Бога, что угасла бы вера во все то, что давало нам когда-то силу переносить все испытания. Бог не может быть так несправедлив, так жестоко несправедлив.

Масса раненых в лазаретах. Не хватает мест: лежат на полу. Опять сыпной тиф, отмороженные конечности, недостаток лекарств, теплых вещей. Еще не все кончено, не все перенесено. Нужны еще жертвы. Уж не довольно ли их, Господи?

25 декабря

Я работаю в лазарете круглые сутки — не хватает рук. Виктор тоже сидит целыми днями в Управлении. Только поздно ночью видимся мы мельком, когда усталые и разбитые возвращаемся домой с работы. “Что нового?” “Ничего, отступаем”, — мрачно отвечает он мне, и в полутемной от плохого света комнате становится еще темнее от этого мрачного вынужденного молчания.

Надо объясниться — это чувствуем мы оба, и оба молчим. Я не могу говорить, зная, что он меня любит; не могу сказать, что он мне чужой, больше, чем чужой, — он враг мне; не могу я этого сказать и никогда не скажу. Но почему он молчит? Ведь он ничего не преступил, никому не наносит удара? А молчание гнетет нас все больше и больше.

Большевики все ближе и ближе. Небольшой прорыв фронта — и они в городе, и мы приговорены к смерти. Холодно и жутко становится на душе от этой нависшей угрожающей опасности. В городе идет спешная эвакуация, вывозятся Управления, бегут жители в панике перед наступающим красным чудовищем. Город пустеет и уже совсем потерял свой первоначальный вид. Днем он живет лихорадочной жизнью, направленной исключительно к тому, чтобы спастись, вечером — он замирает. Темно на улицах, темно в домах — электричество больше не горит. Проходят через город банды бежавших с фронта солдат, ободранные, без ружей, обозленные и нахальные. Проходят они нестройными частыми кучками через город, и жители провожают их испуганными взглядами беззащитных людей, оставленных своими защитниками на произвол сильного и безжалостного врага. Ночью город погружается в напряженное томительное молчание, ожидая в темноте самого ужасного. Изредка слышатся пьяные выкрики, чей-нибудь крик и жуткие одиночные выстрелы; вздрагивает город от этих звуков и опять испуганно ждет чего-то страшного, неотвратимого. На улицах появляются неожиданно откуда-то пришедшие типы с характерными трусливо-наглыми, бесстыдными лицами почуявших свою скорую власть негодяев-преступников. Внимательно-злобным взглядом смотрят они на тебя, и тебе кажется, что ты уже приговорена к смерти этим долгим взглядом предвестников красных убийц. Город все больше и больше пустеет.

Анатолий Николаевич уже выехал с семьей. Его присутствие так успокаивало, так примиряло тебя. В его взгляде чувствуется уверенность в чем-то, нет того отчаяния, которое неслышными шагами медленно подкрадывается к тебе. Он что-то знает, что-то видит поверх событий, чего не видят другие. И эта внутренняя (он ничего не говорит) уверенность и вера в лучшее будущее, которая чувствуется в нем, сразу возвращает надежду, начавшую уже меркнуть и гаснуть. Теперь его нет. Не может быть, чтоб сдали Ростов! Его не сдадут! А в душе все больше и больше растет страх и сомнения в нашей победе и силе.

Новороссийск 12го января 1920 г.

Сейчас ночь. Я сижу в лазарете на дежурстве. В комнате темно. Тускло горит лампочка на столе. Я давно не открывала дневника. Много событий прошло за это время.

Мы с Виктором бежали в последний момент: уже трещали пулеметы на окраинах, ухали снаряды, и толпа обезумевших от ужаса жителей кидалась из стороны в сторону, запружая

дорогу и не давая ни пройти, ни проехать. Мы до Батайска шли пешком, шли молча, изредка обмениваясь короткими словами. Я чувствовала сильную руку, поддерживающую меня, и быстро шла вперед. Чтоб спастись и уйти подальше от пасти рассвирепевшего зверя — торжествующей революции, — я готова была на все испытания, готова была преодолеть все трудности, взять все препятствия. Я не чувствовала ни усталости от лихорадочной работы последнего времени, ни бессонных ночей, проведенных в лазарете, ни холода — ничего. Уверенно и бодро шла я вперед, пробираясь среди экипажей и растерянной толпы. Стоны, усталые вздохи, окрики, грубые площадные ругательства, свист хлыстов, ржанье лошадей, истерические крики женщин, рыдания обессиленных, изнемогающих лиц — все это сливалось в сплошной отвратительный гул. На дороге валялись сломанные повозки, испорченные автомобили, нагруженные вещами, трупы умерших в дороге и замерзающих людей. Я до сих пор не могу опомниться от этого переезда. Я многое перенесла за свою походную жизнь, но такого ужаса я еще не испытала. Там мы были маленькой сплоченной группой, спаянной крепко одной идеей, одним стремлением, одной надеждой, каждый член которой меньше всего думал о самом себе и своей безопасности. Там каждый знал, что его не бросят в опасности и спасут самой дорогой ценой. А тут? Каждый не только не думал о другом, но даже старался вредить этому другому бесцельно гадко и подло, только чтоб выдить на кого-нибудь ту злобу и ненависть

другому особенно гадко и подло, только чтоб вылить на кого-нибудь ту злобу и ненависть, которая переполняла его. Это были не люди и даже не звери. Это было нечто ужасное, чудовищное, мучительный кошмар, бред безумного.

А потом — эти ожидания паровозов и мучительно-томительное чувство все ближе и ближе придвигающейся опасности; а эта езда, то медленная, то безумно быстрая, с пулеметами на паровозах и револьверами, приставленными к виску машинистов; и эти лица "товарищей" с иронически-злобными взглядами, торжествующих наше поражение и свою победу большевистских друзей; казалось, они говорили: "А, бегут, бегут буржуи. Ничего, не убежите. Всех прихлопнем, все будете болтаться на одной веревочке". Я не чувствовала усталости, но минутами мне казалось, что я схожу с ума. Даже теперь, через несколько дней по приезде в Новороссийск, я еще не могу придти в себя, и каждый раз, как я вспомню эту дорогу, невольная дрожь охватывает меня.

Виктор собирается на фронт. На днях он уезжает. "Довольно отдыхать. И так засиделся позорно долго, — говорит он нервным голосом, — теперь нужна опять наша помощь, нас — старых добровольцев. Не все еще потеряно. Не в первый раз враг превосходит нас числом и силою, и всегда мы побеждали. Победим и теперь". Я тоже прошусь на фронт. Виктор просит остаться на некоторое время, пока все не придет в порядок, и тогда обещает сам устроить меня в передовой отряд. Довольно мучений личной жизни. В общем деле забудутся они и сгладится все, что назрело в России.

15 янв(аря)

Виктор уехал сегодня. Перед отъездом я сказала ему, что я тоже иду на фронт. "Куда?" — спросил он меня вдруг зазвеневшим как-то странно голосом. "Не знаю, — ответила я. — Теперь так трудно разбирать. Куда назначат". Загоревшийся вдруг взгляд погас; он хотел что-то сказать и не сказал. Не признаться ли ему сейчас — мелькнуло у меня в голове. Сейчас, когда, может быть, мы видимся в последний раз. Но я удержалась. Какое я имела право отравлять ему эти и без того тяжелые минуты. Виктор встал со стула, на который только что сел. "Ну, прощай, — проговорил он отрывисто. — Храни тебя Бог. Старайся попасть в мой отряд: будем опять работать вместе. Ведь не совсем же чужие мы люди друг другу. Прощай". Он низко нагнулся, целуя мою руку, и быстро вышел из комнаты. Мне хотелось броситься за ним, удержать его, остановить и вылить ему все, что накопилось у меня на душе. Сказать обо всем Виктору, вымолить у него прощение, забыть свою любовь в общем деле, в общей работе и дать ему, Виктору, счастье. Но я стояла неподвижно, как заколдованная, на том месте, на котором он меня оставил, пока не хлопнула входная дверь, и только тогда я опомнилась и побежала за ним. Но было уже поздно: задребезжал и зашумел автомобиль, унося его прочь от меня. Что я сделала, Господи, почему я его не остановила? В его глазах было столько муки, столько страшной решимости, так безжизненны и тусклы были всегда блестящие холодно-насмешливые глаза его.

Что давит меня, не давая мне ни минуты покоя; просыпается и растет предчувствие чего-то страшного, неотвратимого. Мне нужно нагнать его, переговорить с ним, выяснить все, о чем я лгала, иначе... иначе случится что(-то) ужасное, непоправимое. А я сижу здесь, бессильная что-либо предпринять, с тупым отчаянием смутного предчувствия, и сердце бьется медленно до боли в ожидании беды, готовой обрушиться на меня и на него и похоронить нас обоих под своими обломками. Мне кажется, что я не увижу его больше, что это было в последний раз в моей жизни.

Остается только молиться: "Господи, спаси его. Спаси нас". Что будет?

17 янв(аря)

Сегодня уехал в Сербию Анатолий Николаевич. Он приходил ко мне проститься. "Уезжаете?" — спросила я его. "Да. У меня дети. Их надо спасать. На мне большая ответственность. Если бы была жива жена — другое дело. Да, впрочем, мы уже тут ни к чему. Мы сделали свое дело и

должны уйти, очистить свое место другим. Теперь нужны другие люди, другие способы, другие идеалы. Оставаясь на местах, мы только губим дело. Мы лишние, бывшие люди", — с невеселой улыбкой закончил он. "Ну, а вы?" "Я еду на днях на фронт. Сестра всегда нужна, какие бы идеалы ни были, какие бы люди ни умирали". "До свидания, дорогая Ариадна Дмитриевна, дай Бог Вам удачи и счастья, если только оно может быть теперь. До свиданья". Я задержала его руку в своей немного дольше: мне не хотелось расставаться с ним так скоро. Пытливым, пристальным взглядом смотрела я долго в его глаза. Они были все те же — спокойные и ласковые, немного грустные, и в них еще даже теперь горел огонек надежды в будущую победу. Он ушел. Он не любит меня, никогда не любил, даже не думал об этом. А я? Мне хочется громко смеяться над своими мечтами, которые рухнули. Да рухнули ли? Разве может рухнуть непостроенное здание? Он уехал. С ним все кончено. Мне кажется, что с его отъездом завяла и исчезла часть моей души. Чего-то мне не хватает теперь в моей жизни: не хватает то воскресающей, то потухающей надежды, ежедневных разочарований, ежедневных мучений неудовлетворенной любви. Неполный полумертвый человек.

И потом это гнетущее ожидание несчастья. Я не могу больше жить. Если оно должно быть, пусть оно будет сейчас, скорее, не то я сойду с ума, ожидая его со дня на день, с часу на час.

20 янв(аря)

Его уже нет. И я одна, одна и свободна. Но какою ценой получила я эту свободу, такую желанную когда-то и такую ненужную теперь? Да, мы шли с ним по узкой дороге, на которой двоим нет места, и он очистил мне его, бросившись в мрачную бездну небытия, чтоб я могла пройти.

К чему эта смерть, эта жертва? О, как бессмысленно-напрасна она. Все равно между им и мной ничего нет. Я это поняла в последнее свидание. А может быть, судьба, которой я так верю? Нет, нет. Виктор, какой позор, какой стыд мечтать о счастье, о своем, о личном, когда ты умер, когда в предсмертных судорогах умирает Добровольческая армия. За что, за что ты так страшно, жестоко наказал меня? Твоя смерть всегда, всю жизнь будет стоять передо мною страшным укором, жутким призраком загубленной мною чужой жизни. Твое письмо, за что ты мне его послал?

Как человека тянет в бездну, так и меня тянет к нему, к твоему письму. Через него я заглянула в твою душу. И жутко, и больно видеть ее, страдающую и разбитую, и хочется все больше и больше продолжать эти муки угрызения, чтобы хоть этим искупить свою вину.

Его письмо

Когда придут за этим письмом, чтоб отвезти его к тебе, меня уже не будет в живых. Мне надо умереть, и я умру; умру

оттого, что больше не для чего жить: все, что привязывало меня когда-то к земле, во что я верил, что любил, на что надеялся, ушло от меня навсегда, не оставив ничего позади, что бы могло служить предлогом для моей жизни.

Перед смертью я только хочу сказать тебе несколько слов, Ида; побеседовать с тобой откровенно, по душе; ведь за всю нашу совместную жизнь с тобой мы ни разу так не говорили друг с другом. Это правда будет страшной, жестокой; ты не заслужила ее — но ты ее услышишь от мертвого. А мертвым все прощается, и ты должна мне ее простить.

Я любил тебя, Ида. Любил так, как никогда и никого не любил в своей жизни, и кроме страданий, ничего не дала мне эта любовь. Я полюбил тебя с того дня, как ты смело и уверенно, без колебаний связала свою жизнь с моей, жизнью незнакомого, чужого тебе человека, ради отвлеченной идеи; я любил тебя за твою страстную любовь к России, за безграничную веру в Добр(овольческую) армию, за восторженное преклонение перед вождем ее — генералом

Деникиным; я любил тебя за твою самоотверженную работу, за то, что, проведя ночь с умирающим, ты наутро, всегда спокойная, бодрая и ясная, энергично делала свои дела, стараясь облегчить тяжелую жизнь живых; я любил тебя за то, что в холод и отступление, в самые страшные минуты ты, забывая о себе, страдала и мучилась нашими страданиями. В первый раз я ясно почувствовал свою любовь, когда мы, окруженные со всех сторон красными, ждали своей смерти. Помнишь ли ты тот день, Ида? Что толкнуло меня на мой безумно-смелый шаг? Мысль, что ты можешь попасть в грязные лапы какого-нибудь отвратительного комиссара, ты, такая чистая, не принадлежавшая даже мне. И я решил тогда какой бы то ни было ценой спасти тебя и твою жизнь — и я спас. А в Киеве, когда я ждал твоего согласия на переезд в Ростов, как тревожно билось сердце в страхе, что ты откажешь. Но ты согласилась, и я мечтал, что, может быть, отдохнув, ты взглянешь на меня иными глазами, и любовь проснется в твоем сердце! Иногда мне казалось, что ты любишь. Но это только казалось, а я продолжал надеяться и ждать, и грезить о твоей любви. Как часто, оставаясь наедине с тобой, я порывался сказать тебе всю правду, и каждый раз слова застывали у меня на губах, и я молчал. Разве я имел право начать это первым? — ты доверялась мне, и я не мог сделать это, хоть и маленькое, но все же насилие; я не смел злоупотребить твоим доверием. И я трепетно ждал, когда ты сама начнешь об этом говорить или хотя бы словом или взглядом дашь мне право сказать “люблю”.

Нет, ты не любишь. Я ясно это увидел, когда уезжал, прощаясь с тобой. Так не прощаются, когда любят. Ты думала о чем-то тяжелом и грустном, ты готова была разрыдаться, но не надо мной. Нет, не я был бы причиной этих слез. Ты никогда не любила меня и никогда не полюбишь. Я это понял тогда и тогда же понял, что между нами все кончено.

Тогда я решил забыть свою личную жизнь и счастье и отдаться совсем на служение своему долгу, на спасение России и Добр(овольческой) армии.

Но теперь нет и этого. Наше дело погибло, погибло безвозвратно и навсегда. Ида, если б ты знала, если б ты видела, во что превратилось наше божество, наш кумир, наша Добровольческая армия! Где же смелость и чудесная сила, позволявшая одному бороться против 20 и побеждать их? Где та пылкая вера в свою правду, надежда на близкое счастье, любовь к своему вождю, заставлявшая нас бросаться, не раздумывая, на верную гибель по одному его слову? Где они? Их нет. Вместо них я вижу животный страх, желание скорее спастись, уйти от смерти, забыв обо всем: о чести и долге. Вооруженная толпа беспорядочно бегущих от врага людей, озлобленных и изверившихся, — вот она, наша теперешняя армия. Они злобно ропщут, они хотят, они почти требуют смещения ген(ерала) Деникина. Что они делают? Какое они имеют на это право? Разве они не понимают, что в нем одном залог нашей победы, что без него мы погибнем и погибнет Добровольческая армия. Он уйдет, уступая их требованиям, уйдет для спасения дела, чего бы это ему не стоило, — я это чувствую.

Моя жизнь не нужна теперь никому. Все равно мы не создадим России, мы не достигнем цели, к которой шли, забыв обо всем на свете.

Великая, Единая, Неделимая Россия будет, но она будет создана не нашими руками, ее создадут другие. Но такая Россия мне не нужна; мне не нужна Россия, созданная забрызганными кровью руками приспешников жидовских комиссаров, наемниками убийц, не нужна. Для меня теперь все кончено. У меня нет ничего в жизни, мне остается только умереть и умереть с честью.

Я умираю, Ида, исполни мою последнюю просьбу. Спасайся, беги, пока не поздно. Я знаю, что ты не оставишь меня здесь

одного и не уедешь одна, я это знаю — и поэтому не жду своей смерти, а сам иду к ней. Не все ли равно теперь, как умереть — от своей ли руки или от руки врага? Только в первом случае — ты можешь еще спастись, а во втором — не знаю. Теперь дорог каждый день, каждый час. Еще немного и будет поздно, и ты погибла.

Ида, зачем принесено столько жертв, принесено столько страданий, погублено столько молодых

жизней? Теперь, когда все кончено, я вижу, как безумно все это было. Для чего мы умирали, для чего кидали все самое дорогое — не для того ли, чтобы увидеть, во что все превратилось, в какой ужас и позор вылились наши мечты и грезы о славе и счастье России? Зачем разбили столько жизней? Ведь никто из нас не знал личного счастья. Не было времени думать о нем, а если и успели создать, то это было не счастье, а отвратительная пародия на него. Всякий твердый человек с ужасом бы отвернулся от него, а мы — мы считаем его блаженством.

Но и этого не дали им, и это отняли от них, отняли навсегда. Многие стремятся спастись и уехать. Пускай не думают они о спокойной жизни теперь. Они спасут свою жизнь, им не будет угрожать вечная смерть от руки убийц — но вечным тяжелым гнетом будет лежать мысль, что они не в России, что они никому не нужны, что они незваные гости в чужой стране.

О, будь проклят тот, кто был виноват в нашей гибели.

Ида! Почему ты меня не любишь? Почему? Ведь мы могли бы быть счастливыми несмотря ни на что — мы имели на это право,

мы заслужили это. О, если б только ты меня любила, Ида, любила хоть в половину того, как я тебя люблю.

Нет. Все кончено. Пора. Прощай и прости меня за все, что горького я написал тебе сейчас. Помни мой завет, исполни его. Уезжай скорей. Не оставайся. Я этого хочу. Прощай.

Твой Виктор

Белград

19 февр(аля)

Наконец я в Белграде. После месячного томительного пути я, наконец, достигла места своего назначения. Как я села на пароход, как я выехала, как я ехала — я не знаю. Весь этот месяц я ходила в каком-то тумане, в каком-то тяжелом забытьи. Я говорила и делала все, что нужно, машинально, не отдавая себе отчета, а в ушах звенели слова письма моего мужа. И голова упорно и настойчиво, почти до полного помешательства, работала над одним вопросом: я ли твоя убийца, Виктор? Ты убил себя потому, что не было цели в жизни, потому что безвозвратно погибла Добровольческая армия; нет, если б была надежда на личное счастье, ты остался бы жить; “о, если б только ты меня любила...” А потом, если б ты ждал своей смерти, а не шел к ней, все могло измениться, и ты остался бы в живых. Ведь теперь время — все. И так целыми днями я то оживала от мысли, что я не его убийца, то вновь холодела, когда слова письма ясно говорили, что ради меня, ради моего спасения он ушел из этого мира. И вечером, вся разбитая и усталая от этих мыслей, я засыпала тяжелым сном, не приносящим ни покоя, ни облегчения.

Ко мне являлись призраки ваши, святые борцы за свободу и честь России. Вот он, веселый и смелый, спасавший родителей и невесту, в минуту смерти грезивший о счастье и славе России; вот он, мальчик, умерший на своем посту, до последней минуты несший свой тяжелый непосильный долг; вот ты, Виктор, такой, каким я видела тебя в последний раз, — с немым укором и какой-то страшной решимостью в потухших больших серых глазах. Все вы стояли передо мной с безнадежной тоской в неподвижном взгляде стеклянных глаз, с немым вопросом в лице: “Неужели мы умирали для того, чтобы слышать, как теперь забрасывают грязью Добровольческую армию?” Слезы жгли мне глаза, и я просыпалась. Мне хотелось кричать и плакать о них и немного облегчить тот тяжелый гнет, который страшной тяжестью лежал на моей груди. Но я не могла выдавить ни одной слезинки, а в ушах уже отзвенело роковое письмо.

Теперь я спасена, Виктор. Я исполнила твой завет. Я вдали от большевиков; мне не грозит ни смерть, ни чрезвычайка, ни голод. Я не вижу красного террора. Я спасена. Но для чего? Для чего я буду теперь жить на этом свете? Я не знаю. Или, может быть, то, о чем я мечтала в России

я буду теперь жить на этом свете? Я не знаю. Или, может быть, то, о чем я мечтала в России, сбудется здесь? Ведь Анатолий Николаевич в Белграде. Он работает в беженской организации, я могу его видеть каждый день — сегодня, завтра, послезавтра... И похороненная навеки, как мне казалось, надежда и любовь опять оживает и начинает жить и трепетать в моем сердце. Может быть, он меня любит. А то равнодушие было игрой, деланной холодностью честного человека? Может быть теперь, когда я свободна, все выяснится, он все скажет, и я получу то, о чем грезила я в счастливые дни победы в Ростове? Свободна? Боже, что я думаю. Виктор, прости, прости мне, что на твоей могиле я хочу строить свою жизнь и думаю о своем счастье. Какой позор! Какой стыд!

Я не вытерпела и была в Организации, вечером, когда уже расходилась толпа беженцев и утомленные служащие собирались уходить. Я не сразу в полутемной комнате узнала его. Но вот сердце вдруг замерло и начало биться медленно до боли: я увидала его, увидала его, такую знакомую мне, высокую фигуру, красивую седеющую голову, дорогой взгляд ласковых карих глаз, почувствовала мягкое, но сильное пожатие крупной руки. “Вы тоже здесь? Одна? А Виктор Александрович?” — приветливо встретил он меня. Я молчала. “Вы в трауре? Убит?” — робко-испуганно задал он мне вопрос. “Застрелился”, — глухо ответила я. Верно, уж очень странно прозвучал мой голос или я изменилась сильно в лице, так как он быстро перевел разговор на другое. “Хорошо устроились?” Я машинально отвечала, а мне казалось, что шатаются стены и пол уплывает из-под моих ног. Нет, я не ошиблась тогда, и только напрасно подлая жажда счастья мучила меня весь этот день. Он не любит. А я? Я опять чувствую ее, эту любовь, как она с прежней силой оживает во мне. Но ведь все напрасно. Зачем я спасалась. Зачем, Виктор, спас ты мне жизнь, которая будет полна страдания, и муки, и лжи,.. и угрызений совести?

24 февр(аля)

Боже мой, в каком ужасе, в каком кошмаре я живу. Мне кажется, что я не переживу его и сойду с ума. Я чувствую, как начинает пухнуть моя голова, как будто она готова лопнуть. Я не знаю — переживал ли кто-нибудь то, что я переживаю сейчас? Мне думается, что нет. Это слишком ужасно, не дай Бог никому это испытать.

Яркий солнечный день: яркое солнце, яркое небо, яркие туалеты женщин. Широкая улица князя Михаила. Я иду по ней. Много русских. Много военных. Но что это с ними? Я не узнаю их. Во что превратились эти люди, на которых я привыкла только молиться? Развязные и разнузданные, они безутешно шатаются по улицам, проводят время по ресторанам, бросая деньги направо и налево.

Дивный вечер. Сад русского Посольства. Одуряющий пьянящий аромат белой акации, нежный запах распускающейся зелени, чириканье птиц, редкие и робкие трели соловья. Густая и шумная толпа русских в саду, во дворе, в здании находящейся тут же Организации. “Они” тоже здесь. Развязные, с деланным нахальством, с наигранной наглостью в лице, они кричат о чем-то, чего-то требуют, говорят о своих правах, униженно просят и, если им отказывают в чем-нибудь, грозятся, ругаются, грозясь даже прибегнуть к скандалу, к насилию. Есть и другие: это больные, измученные, загнанные и забитые люди. Они робко ждут своей очереди, робко спрашивают, робко, не выяснив, чего хотели, уходят. Они боятся напомнить о себе, не спешат просить. В глазах их столько муки, столько жуткой покорности. Такое выражение видишь у собаки, которую незаслуженно прибили, когда тебе кажется, что она говорит: “За что ты меня бьешь? Ведь я хотела тебе добра, охраняла твое имущество, твой дом. За что?” Кто из них возбуждает больше жалости, те или эти? Не знаю. Но я вижу презренье, с которым смотрят сербы на них, сидящих в ресторанах и бросающих деньги, полученные от сербского правительства, на кутежи. Так смотрит богатый и сытый человек на нищего, просящего милостыню на бутылку водки, чтобы опохмелиться.

Неужели они ничего не видят, ничего не чувствуют за этой наигранной внешностью? Ах да, ведь они не жили с ними так долго, как я, не бежали из Ростова, не получали таких писем, какое получила я от Виктора.

получила я от Виктора.

А я в каждом лице вижу глубокую скорбь о чем-то утерянном и разбитом. Скорбь людей, у которых отняли все, все самое дорогое, на что они молились, что любили, чем дышали, на что надеялись; у которых грубо и нагло вырвали из рук цель их жизни, их дитя, которое они холили и за которое умирали; у которых все взяли и ничего не дали взамен, кроме пустой бесцельной жизни на чужбине. О да, Виктор, ты был прав, тысячу раз прав, говоря, что они не найдут себе счастья нигде, как не нашли его у себя в России. Ты прав был, Виктор, что не захотел отведать этой жизни, полной позора, стыда и унижения, и одним выстрелом избавил себя от этого. Но разве они виноваты, что им еще хотелось жить и не хотелось умирать, что они еще надеялись на что-то?

И когда я вижу ваше презрение, вас — здоровых, уравновешенных, корректных иностранцев, с которым вы смотрите на них, мне хочется крикнуть: “Ведь они больные люди. Над ними плакать надо, плакать, а не презирать”.

Мне хочется плакать, плакать такими слезами, которыми плачут над дорогим покойником. Вот он лежит перед тобою в гробу; ты вспоминаешь его здоровым и сильным, вспоминаешь взгляд его теперь безжизненных глаз, игру его лица; ты пристально вглядываешься в закрытые глаза, в холодный покой смерти его лица; ты видишь, как опали его щеки, как заострился нос, как растянулись мускулы, ты начинаешь чувствовать трупный запах. И ты все пристальнее вглядываешься в это такое дорогое тебе лицо и ждешь, что вот-вот он стряхнет с себя это могильное молчание, откроет глаза, встанет и заговорит; ты трепетно ждешь этого чуда и знаешь, что все напрасно, все кончено, его унесут сейчас, и ты не увидишь его больше.

И среди этого, как трепетный луч солнца в ненастный день, он, моя любовь, мое страдание, мой позор и мое блаженство — Анатолий Николаевич. Он все тот же: то же безмятежное спокойствие, та же скрытая сила, та же твердая ясная уверенность в чем-то. Он что-то знает, чего не знают другие; что-то видит поверх событий, чего не видим мы. Что видит он за этим туманом? Нашу победу? Развал и поражение красных? Я не знаю. Я никогда не говорила с ним об этом. Но каждый раз, как я чувствую на себе ласковый мягкий взгляд его карих глаз, мне становится легче на душе, и затихает мое измученное и разбитое сердце.

Я каждый день хожу в Организацию, придумывая разные предлоги, чтоб лишний раз пойти туда, увидеть его, услышать его голос. Я долго разговариваю с ним, каждый раз оттягивая время ухода. Я чувствую, как сильно начинает биться сердце, как приливает кровь к голове, как начинает оживать трепетная надежда в груди моей.

О, если б можно было опереться на его крепкую руку; если б можно было отдаться всецело ему, его силе и, закрыв глаза на все, идти, куда он тебя поведет сам; если б только можно было бы забыться хоть немного под его защитой, забыться и отдохнуть!

Господи, о чем я думаю? Разве я смею думать и грезить о счастье среди всего окружающего нас ужаса, когда ни у кого нет этого счастья; разве я смею строить новую жизнь на смерти моего мужа, думать о своем будущем на его могиле? Виктор, прости меня. Прости мне эти мечты, эти грезы, прости мне мою любовь. Все равно я счастья не найду — я это знаю. Дай мне только немного погрезить, не отнимай у меня этой единственной радости в жизни. Ведь от одного его взгляда, одного ласкового слова я счастлива на целый день. Если этого не будет — я не выживу, не выживу среди этого кошмара, Витя!

25 февр(аля)

Сегодня встретила полковника Хотского. Я шла задумавшись по улице, когда чей-то знакомый голос окликнул меня. “Ариадна Дмитриевна, и Вы здесь? Вот не ожидал. Как Вы живете? Не правда ли, здесь чудесно?” Я молчала. “Вы такая грустная, почему? Посмотрите, какой чудесный день, какой воздух, какой аромат. Вам бы только и жить теперь, и наслаждаться. Ну, прощайте

день, какой воздух, какой аромат! Вам бы только и жить теперь, и наслаждаться. Ну, прощайте, меня ждут. Здесь чудесное вино, в Сербии". Он ушел, а я, как вкопанная, стояла на месте, долго смотря ему вслед. Он был пьян — это ясно. Я это сразу почувствовала по его лицу, по голосу, по этому отвратительному винному запаху. Господи, если уж Хотский пьян, тогда что же другие? Если тот человек, который плакал когда-то над трупами своих "мальчиков", способен теперь смеяться на могиле Добровольческой армии, — тогда нечего удивляться, что другие делают то же. Но, Боже мой, какой это ужас, какой ужас!

27 февр(аля)

Сегодня я была на панихиде по Колчаку. В незнакомой церкви, среди незнакомой толпы, при звуках незнакомых оперных мотивов молитв я чувствовала себя наедине со своим горем. От пышного богослужения, от бравурного пения становилось еще тяжелее на душе. Передо мною стоял его образ, каким я видела его столько раз на портретах: слегка сдвинутый нахмуренный лоб, суровый взгляд, прямой нос, твердый подбородок и крепко сжатые тонкие губы, чуть-чуть тронутые легкой иронической усмешкой. Мне казалось всегда, что эта усмешка поднимается от губ к глазам и светится в его суровом пристальном взгляде. Так может усмехаться только человек, уверенный твердо в своей победе, который говорит врагу: "Ну, что еще? Что еще ты проделаешь? Делай. Все равно ты в моих руках, и тогда мы посмотрим". В самые страшные дни в Ростове эта ироническая усмешка в глубине его глаз возвращала мне надежду и уверенность. Теперь тебя нет. Тебя замучили и убили. "Вечна-я п-а-а-мять..." — поет хор. И мне кажется, что я хороню не только тебя, но всех замученных и убитых, всех, кто, как ты, горячо любил Родину, как ты, смело сражался и, как ты, погиб бесполезно и бесцельно. Глубокая, невыразимая тоска охватывает меня; меня душат слезы, душит бешеная злоба на Провидение, на Бога за то, что он принял эти жертвы и дал погибнуть их делу. Вы заслужили вечную память, да, но вы заслужили и кое-что побольше — вы заслужили победу, а вам не дали ее.

Когда я выходила из церкви, меня остановил полковник Хотский. "Простите меня, ради Бога, Ариадна Дмитриевна, за то, что я наговорил Вам тогда. Я не знал о Вашем горе. Только вчера мне сказали об этом. Это не банальное утешение, но Виктор Александрович счастливее нас сейчас — по крайней мере, он не испытывает тех унижений, которые испытываем мы здесь". В его глазах появилась та грусть, которая лежала в них тогда, когда он хоронил одного из своих "мальчиков", которая была мне так знакома. "Я был пьян, — вдруг, не выдержав, заговорил он. — Я знаю, что это отвратительно, я чувствую, с каким презрением на меня смотрят сербы, я сам себе гадок в эти минуты — но я не могу иначе. Если б я не пил, я не мог бы жить, хоть стреляйся. А у меня нет этой смелости. Правда, я должен бы был быть там и умереть на своем посту. Но я не могу, я не в силах больше видеть, как они умирают, и посылать их на эту бойню, когда все равно надежды нет. Я не могу этого. Уж лучше это". Он замолчал и некоторое время мы шли молча, каждый занятый своими мыслями. "Вот и Вы, я вижу, мучаетесь тут тем же недугом. Так вино — прекрасное лекарство от этой болезни. Я Вам советую", — прибавил он с кривой усмешкой и, быстро попрощавшись, ушел. Правда, не попробовать ли мне этот способ? Может быть, будет легче. А что скажет Анатолий Николаевич? Наверно, уж не будут так ласково светиться его глаза. Ну что ж, пускай. Все равно надежды нет никакой. Да я ему и не покажусь в таком виде. А может быть, будет легче.

2 марта

Вчера я сделала опыт. Великолепный способ. Закружилась голова и рассеялись мрачные мысли. На душе сделалось так ясно, так легко и понятно. Забылась гнетущая тоска, тяжелое прошлое, беспросветное будущее...

4 марта

Боже мой, что я сделала, что я сделала!

Вчера, когда я сидела у себя одна, повторив свой опыт, ко мне постучался и вошел Анатолий

Николаевич. Я встала к нему навстречу и, пошатнувшись, схватилась за спинку стула. “Вы нездоровы?” — спросил он меня, ласково глядя на меня мягким и участливым взглядом. “Нет, отчего. Я сегодня себя чувствую лучше, чем когда-либо”. — “Ну, слава Богу, а я думал...” И вдруг я рассмеялась резким неудержимым пьяным смехом. Он удивленно взглянул на меня; я что-то сказала — что, не помню, но он вдруг все понял. Я это ясно увидела по нахмурившемуся лицу, по стеклянному холодному взгляду всегда таких ласковых и мягких карих глаз. И тогда пьяная решимость и злоба охватили меня: я вылила ему все, что так долго скрывала, что так долго тяжелым гнетом лежало у меня на душе; я сказала ему, что я его люблю; что я не девочка-гимназистка, в первый раз влюбившаяся в учителя, которой в ее обожании достаточно одного слова, одного взгляда в награду; что я женщина и за свою любовь требую такой же любви; что я жду ее и требую от нее этой награды. Он молчал. Я кончила. Он медленно встал и медленно, повернувшись, молча вышел из комнаты. Я не остановила его, даже не окликнула; а только молча ждала, когда совсем затихнут его шаги и хлопнет входная дверь... И тогда я заплакала в первый раз после такого долгого времени, заплакала молчаливыми слезами, без рыданий и истерик, слезами, которые отравляют душу и тяжелым бременем ложатся на груди.

Теперь все кончено. И темная беспросветная жизнь стала еще темнее. Неясный, мутный и далекий призрак маленького и больного счастья, построенный на лжи, рушился и исчез навсегда от первого слова правды, сказанного мной.

А что теперь? Что дальше? Или одинокая, темная и тяжелая жизнь без прошлого и без будущего в чужой, незнакомой, такой холодной и официально-гостеприимной стране, среди чужих, здоровых и не понимающих тебя людей? Или бесшабашная жизнь с такими же больными, кончеными, отпетыми людьми, как я? Или?.. Нет, нет.

Или одним движением руки положить конец всему и обрести себе вечный покой и блаженство? — я их заслужила. Мне чудишься ты, Виктор, твой взгляд, полный тоски, и упрека, и скрытой любви, когда я видела тебя в последний раз; мне слышится твой голос и легкий укор в нем. Как странно сплелась моя судьба с твоею... Случайно встретившись и случайно связав собою друг друга, мы так же случайно встретимся с тобой там... Может быть, своею смертью я искуплю свой безумный, роковой и гибельный шаг.

Вот он, маленький и верный друг. Холодно, стальным блеском сверкает поверхность темного металла под ярким светом электрической лампы. Одно движение, одно усилие — и все кончено. Боже, помоги мне! Как пусто и темно на душе. Как страшно, бесконечно страшно умирать... Хоть бы луч надежды мелькнул сейчас в моей душе, чтоб за него схватиться. Нет, ничего нет. Все так пусто и темно кругом. Даже ничего не болит и не ноет там, внутри у меня. Все умерло, и нету сил для новой жизни, нет веры ни во что. Я столько верила, столько верила в это время!

Теперь у меня взяли последнее. Мне хочется поверить во что-нибудь опять. Ведь там, на юге опять блестит светлая яркая точка — но все напрасно: измученное сердце разбито навеки и не может опять ожить и опять начать верить, как прежде.

Ну что ж... Все кончено... Моя песенка спета... Смерть — так смерть, и может быть... вечное блаженство. Витя, сейчас я опять твоя, совсем, навеки, навсегда...

Публикация Ю. В. АЛЕХИНА

Воспоминания Т. Фохт-Ларионовой

Фохт-Ларионова Т. Воспоминания Т. Фохт-Ларионовой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 643—661.

Светлой памяти выдающегося русского актера

Всеволода Дмитриевича Ларионова, принесшего нам
рукопись Воспоминаний своей матери,
посвящает редакция эту публикацию

ГЛАВА I

КУДРИНО — КОЛЫБЕЛЬ МОЕГО ДЕТСТВА

“Татьяна Фохт родилась 10-го июня 1900 г., в субботу, в 1 ч 20 мин дня. Луна в ущербе”. Так гласила запись бабушки моей Натальи Алексеевны Антоновой, матери моей матери, в ее молитвеннике.

Это событие произошло в частной родильной лечебнице на Никитском бульваре.

Трудным далось мое появление на свет, роды матери были очень тяжелые, и отец, бывший в это время вольноопределяющимся, обратился к полковнику с просьбой дать ему увольнительную, так как жена рожает. “Почему?” — спросил полковник. “Не могу знать, Выше высокоблагородие”, — отрапортовал мой отец.

В лечебнице я задержалась довольно долго: у меня был родимчик. Это очень неприятная история, и врачи должны были наблюдать за характером моих припадков. Первый припадок приключился на руках моей матери, у меня начались судороги конечностей и совсем перекосилось лицо. Мама от неожиданности и с перепугу уронила меня. Хорошо, что не на пол, а в мягкую кроватку. А маме не было еще и 22-х лет. Было с чего испугаться.

Кудрино, где протекало мое детство, я довольно хорошо сохранила в своей памяти. Это был большой участок земли с садом, принадлежавший моей бабушке Елизавете Сергеевне, урожд(енной) Сухотиной. На этом участке был большой дом с мезонином и с двухсветным залом, он сдавался. Двухэтажный дом — наверху жили моя бабушка с Львом Андреевичем Боратынским и с дочерью Наташей Боратынской, а внизу жила наша семья. Был еще и деревянный двухэтажный флигель, где жили папины братья: Гриша, Сережа и студент Юргис Казимирович Балтрушайтис, которого приютили у себя Боратынские.

В конце Кудринского переулка, сзади высотного дома, до сих пор еще сохранились старые деревья, которые шли широкой аллеей от террасы нашего дома к воротам усадьбы. Эта аллея была прекрасным местом для игр: крокета и городков, для всей молодежи. Молодежь эта: мама и папа, его братья, Балтрушайтис, родственники — студенты Лева Сухотин, Вася Перфильев, Митя Дьяков (мать Михаила Сергеевича и Елизаветы Сергеевны Сухотиных была урожденная Дьякова Мария Алексеевна), Володя и Коля Колокольцевы — все они были дяди Сережины товарищи по университету. Весело им жилось!

Мой прадед по линии отца Богдан Иванович Фохт был преподавателем немецкого языка в Московском императорском коммерческом училище на Остоженке. Николай I, царствовавший в то время в России, приезжал иногда в училище, и мой прадед так панически его боялся, что падал от страха в обморок. Прадед был женат на француженке Эмилии Егоровне Де-Безанкур. Эмилия Егоровна была прекрасная хозяйка. Каждый день, когда Богдан Иванович садился за стол, он требовал подать ему к столу любимую закуску: поросячьи ушки в сметане.

Эмилия Егоровна ухитрялась жить на то небольшое жалованье, что получал учитель, с шестью детьми: тремя девочками и тремя мальчиками. Все дети получили прекрасное воспитание и образование. Девочки знали по три иностранных языка.

За одной из дочерей ухаживал некто Мейер, у него была манера, уходя, просить мелочь. И вот однажды, прощаясь, он обратился к Богдану Ивановичу: “Могу я у Вас попросить...” “Ich chabe Kein geld!” — вскричал Богдан Иванович. Смутившийся Мейер смущенно пролепетал: “Я хочу просить руки Вашей дочери...” “Bitte, bitte!” — рассмеявшись, радостно ответил Богдан

просить руки Вашей дочери...” — “Bitte, bitte!”, — рассмеявшись, радостно ответил Богдан Иванович.

Двое из сыновей Богдана Ивановича Альфред и Александр стали впоследствии врачами. Аделаида Богдановна стала врачом гомеопатом. Александр Богданович был профессором Университета, известным врачом-сердечником. Мой же дед Николай Богданович был преподавателем русского языка в 1-й мужской гимназии. Женился Николай Богданович на Елизавете Сергеевне Сухотиной. Ее дочь Наташа Боратынская впоследствии вышла замуж за Н. Л. Оболенского, мужа покойной дочери Л. Н. Толстого — Маши. Брат Елизаветы Сергеевны — Михаил Сергеевич первый раз был женат на Марии Николаевне Боде-Колычевой, но она умерла очень рано от чахотки и (оставила) пять мальчиков — Льва, Михаила, Сергея, Алексея и Федора.

Во второй раз в 1899 г. Михаил Сергеевич женился на дочери Льва Николаевича Толстого Татьяне Львовне. Они оба были уже не так молоды, когда у них родилась дочь Танечка, которую Лев Николаевич называл Татьяной Татьяновной. Лев Николаевич Толстой очень часто навещал Боратынских. Вместе со своей огромной собакой он шел пешком из Хамовников в Кудрино. Его собака облюбовала себе уютное местечко под столом, где она терпеливо ожидала, когда ее хозяин отдохнет и они отправятся домой в Хамовники.

Хочется несколько слов сказать о дяде Мише, так я его называла, хотя он был мне дед. У него было необыкновенное дарование — не имея голоса, он очаровательно пел, сам себе аккомпанируя на рояле, старинные и цыганские романсы с необыкновенной душевной передачей. Им были написаны куплеты, посвященные своим трем племянницам Свербеевым, проживавшим в соседстве с Кочетами — имением дяди Миши.

Куплеты дядя Миша пел на мотив “Что за хор певал у Яра”.

Маше (впоследствии кн. Голицыной):

МАШЕ:

Что там несется за амазонка,
Глаза, как уголь, стан осы.
И губы сжаты очень тонко,
Горда сознаньем красоты.

ЛЮБЕ:

У нашей Любочки-резвушки

Люблю я видеть на носу
Все те же милые веснушки,
Лица весеннюю красу.

ЛЕНЕ:

У Саввки в лавке жамки сладки.
Хоть Вока глуп, хоть он торгаш,
Но в отдаленной дикой Вятке
Забыт давно уж Гриша наш.
Вот приедет Балтрушайтис
Философ юный и поэт.
Ах, девы все, остерегайтесь,
Он презабавнейший предмет.

Лена Свербеева крутила с дядей Гришей серьезную любовь, но когда дядя Гриша был сослан в Сибирь, быстро вышла замуж за сына миллионера Саввы Ивановича Мамонтова — за Всеволода

Сибирь, быстро вышла замуж за сына мецената Саввы Ивановича Мамонтова — за Всеволода Саввича.

Дядя Гриша унаследовал дарованье дяди Миши, у него тоже было полное отсутствие голоса, но тем не менее он пел так, что хватало за душу. Пел он те же романсы, что и дядя Миша, только под гитару, а из ссылки он вывез очень много песен каторжан. Летом дядя Гриша часто гостил в Кочетах, а еще чаще в мамонтовской Головинке.

Тень высокого старого дуба
Бесприютная птичка любила
И в ветвях, надломленных бурей,
Она счастье, приют находила.

И, казалось, старому дубу
Было внятно ее щебетанье,
Веселей его ветви качались
И слышней было листьев шептанье.

Улетела веселая птичка,
Или слабую бурей умчало,
Но в ветвях, надломленных бурей,
Неприветливо, холодно стало...

И стоит дуб, поникнув ветвями.
Весь исполненный грустью глубокой,
Вспоминая веселую птичку,
Сиротея в тоске одинокой.

Один из любимых романсов, которые пел дядя Миша, а потом дядя Гриша, был романс на музыку В. К. Шиловского:

По маминым воспоминаниям, еще очень хорошо пел дядя Гриша под гитару такой романс:

Уезжая, она говорила:
Не забудь ты меня на чужбине —
Ведь тебя одного я любила
И любовь берегла, как святыню.

Одному ведь тебе позволяла

Целовать свои смуглые плечи
И румянец щеки своей алой
В чудный час упоительной встречи.

За тебя одного ведь могу я
Покраснеть перед светом суровым,
За тебя одного ведь солгу я
И улыбкой, и чувством, и словом.

Николай Богданович умер очень рано, ему не было 40 лет, от пустяковой с нашей точки зрения болезни, от аппендицита, имея двух братьев врачей. В то время операции аппендицита еще не делали.

Николай Богданович был прекрасным человеком и потеря его была очень большим горем для бабушки. Рыдая, она воскликнула: “Я не могу без него жить. Я умру!”, а ее мать на это отвечала ей: “Ну и умирай, матушка, без него действительно жизни тебе нет”. У Елизаветы Сергеевны и

Николая Богдановича было три сына: Григорий, Сергей и Алексей.

После смерти Николая Богдановича Елизавета Сергеевна была вторично замужем за вице-губернатором Москвы Львом Андреевичем Боратынским. Первые годы они жили гражданским браком, на что в то время смотрели очень косо, и бабушка перестала совсем выезжать, боясь попасть в неловкое положение и не быть принятой в каком-нибудь знакомом доме. Очень ее поддержала дружба с тетками моей матери: Елизаветой Алексеевной Гиацинтовой (урожд. Венкстерн) и Ольгой Егоровной Венкстерн (урожд. Гиацинтовой). Ольга Егоровна была женой Алексея Алексеевича Венкстерна брата Елизаветы Алексеевны и моей бабушки Натальи Алексеевны Антоновой (урожд. Венкстерн). После женитьбы моих родителей — Алексея Николаевича Фохта и Надежды Александровны Антоновой — Елизавета Сергеевна и Наталья Алексеевна породнились. Ольга Егоровна Венкстерн была сестрой Владимира Егоровича Гиацинтова — отца народной артистки Союза Софьи Владимировны Гиацинтовой.

Лев Андреевич Боратынский приходился внучатым племянником поэту Е. А. Боратынскому. Писал очень острые эпиграммы. У него был лакей, который в часы досуга отдыхал в кресле в передней, держа в руках газету вверх ногами по неграмотности.

Дядя Гриша был очень революционно настроенный человек. Он на чердаке дома своего отчима, вице-губернатора, устроил типографию, печатавшую революционные прокламации. Казалось, что место выбрано надежное, но кем-то он был выдан и сослан в Сибирь. В ссылке он был сравнительно недолго, отчим выхлопотал ему возвращение. Оттуда он приехал с женой Зоей. Помню, что лицо у нее было какое-то зеленое, а волосы рыжие. После смерти бабушки Лев Андреевич отбил ее у дяди Гриши и женился на ней. Она родила ему двух сыновей.

Лев Андреевич был страшно ленив. Когда к нему приносили на подпись бумаги, он часто обращался к моему отцу: “А ну, ну, Алешечка, подпиши за меня бумаги”. Скуп он был феноменально: на службу ездил на конке, причем наверху, так как там на копейку было дешевле. Он был моим крестным отцом и за все время, что мы жили в Кудрине, он мне подарил одно яблоко.

Дядя Гриша работал в лаборатории богатого купца Чичкина и давал уроки его сыну. Он и жил у них. Каждую свою получку он разменивал на рубли и в воскресный день в кафе Филиппова на Тверской раздавал все деньги проституткам, чтобы они хоть один день могли отдохнуть от своей кошмарной профессии. За это доброе дело над ним была назначена опека и жалованье ему на руки не давали. Во время войны 1914 года, проезжая верхом по деревне, где свирепствовал менингит, дядя Гриша заразился. Приехав в отпуск с фронта в Москву, на третий день он умер от молниеносного менингита.

Дядя Сережа, кончив университет, увлекся театром и поступил в Малый театр, в котором работал до самой смерти. Был женат три раза: первая жена была арт(истка) Малого театра Мария Петровна Юдина, второй раз женился на племяннице Василия Сергеевича Перфильева — Федосье Александровне (от этого брака родилась дочь Лиза) и третий раз на Аиде Георгиевне Томас.

Мой отец, Алексей Николаевич, до Первой германской войны был артистом и администратором у Балиева в “Летучей мыши” — кабаре, пользовавшемся большой любовью москвичей. В 1914 году он был отправлен на фронт, где был контужен и засыпан землей. Из всей “Железной бригады” он один остался в живых и был взят в плен.

Вернувшись из плена из Австрии, отец поступил в Малый театр, взяв себе театральный псевдоним Кудрин, так как в театре был уже один Фохт — его брат Сергей.

Во время спектакля “Бойцы” на сцене отца хватил удар. На этом спектакле присутствовал В. М. Молотов, который отдал распоряжение следить за его здоровьем и периодически помещать его в

нервную клинику. На сцену он больше не вернулся. В парализованном состоянии он прожил 18 лет. Умер он 76 лет.

Мать разошлась с моим отцом, когда мне было 6 лет. Два года до 1908 г. жилось нам очень трудно. Мы жили в очень плохой дешевой квартире, в подвале. Было у нас три комнаты, но жить можно было только в двух, третья была так сыра, что на шкафах, которые в ней стояли, росли грибы плесени. Я помню, что у меня так болели ноги, что я плакала, лежа в постели, потому что не могла им найти положение, чтобы успокоить боль. Наверное, это от сырости.

Мой дед по матери Александр Александрович Антонов был незаконнорожденный. Его отец — генерал Антонов-Дольский, мать его была прислугой. Моя бабушка вышла замуж очень юной за Александра Александровича, который был студентом медфакультета и давал уроки брату моей бабушки. Родители бабушки — отец и мачеха — так были разгневаны этим браком, что лишили ее всех материальных благ. Окончив университет, Александр Александрович получил место врача в Орле.

Родилась мама в Орле, у нее было три брата. Старший, Яков, затем Николай и младший Георгий. Отец бросил семью, когда дети еще не встали на ноги. Мамины братья были ребята довольно занятные. Они все время что-то изобретали. Изобрели блок, которым поднимали себя своими руками к потолку. Занимались они за простым деревянным столом с толстой некрашеной доской, чтобы ее периодически можно было соструг ивать. В то время в орловских учебных заведениях практиковались посещения педагогами на дому учеников. И вот, придя к Антоновым, учителя увидели на столе талантливо нарисованные карикатуры на всех педагогов. Конечно, рубанок моментально все уничтожил, а за поведение стояла двойка.

Со старшим братом мамы Яковом учился Леонид Андреев. Они были очень дружны, и Андреев часто бывал у них в доме. Андреев и мама полюбили друг друга, и Андреев сделал маме предложение, но бабушка категорически отказала. Маме было всего 16 лет, да не только мамин возраст играл тут роль, бабушку пугал характер Андреева, его выходки, любовь его выпить. Например, был такой случай: на пари он лег на шпалы между рельсами под проходящий поезд. В “Орловском вестнике” от 9-го сентября 1895 г. появился рассказ Андреева “Он, она и водка”, где без указания имени героиней рассказа была выведена мама, а тема — неудачная любовь, родные девушки не позволяли ей даже встречаться с героем рассказа. Прочтя этот рассказ, мама спрятала газету, чтобы она не попалась в руки матери, а бабушка, прочитав газету, спрятала ее, чтобы она не попала в руки дочери.

По окончании мамой гимназии семья Антоновых переехала в Москву, где в это время Леонид Андреев учился в Московском университете. Андреев повторил свое предложение и вторично получил отказ. Отказ очень огорчил Л. Андреева, но не мог заглушить в его душе любовь к

Надежде Александровне.

В дневнике Л. Андреева, начатом 27 марта 1897 г., много страниц посвящено Надежде Александровне Антоновой. “Четвертый дневник начинаю я во имя Надежды Александровны, — писал Л. Андреев. — Значение этой любви для меня громадное. Она — единственный смысл моей жизни” (дневник № 4 хранится у И. С. Зильберштейна).

В 1899 г. мама вышла замуж за моего отца Алексея Николаевича Фохта, но любовь к Андрееву не угасала. После развода матери с отцом была попытка к сближению с Л. Андреевым. Мама с овдовевшим Леонидом Николаевичем в начале 1907 г. уехала в Италию на Капри, куда его пригласил Горький. Но недолго она с ним прожила, он страдал запоем, она не могла с этим смириться и ночью, когда он спал, ушла от него. По окончании запоя они вместе вернулись в Москву. Эти запои у Л. Андреева вызывались мучительной душевной тоской, которая периодически им овладевала, он называл это состояние “г-жой Т.” В его письмах к маме (а они переписывались до самой его смерти)* часто повторяется фраза: “Я был болен, опять меня посетила г-жа Т.” Одно из писем Л. Н.: “Наденька! Я потому молчу, что отношение мое к тебе

все утыкано противоречиями. То я совсем не думаю о тебе, то чувствую дружбу — а то очень много думаю, больше, чем полагается для истинного христианина, злюсь от глупого желания тебя обнять. Всю жизнь мы живем с тобой в какой-то неправде. Когда прежде мы жили отдельно, и ты отвратительно вышла замуж — это была неправда. Потом, очень недолго, мы пробовали жить вместе и близко — опять вышла неправда. Говоря по правде, мы ужасно сглупили: поторопились увидеться и все прочее. Получился диссонанс и кривизна, сон отравил действительность — хотя и не убил ее. Теперь мы опять живем отдельно и друг другу чужды — и опять неправда. Да, я хочу увидеться с тобою, и это ничего не стоит сделать... но

как

увидеться? Скажи мне, Надя, когда мы виделись с тобой в Орле, — ты любила меня немного? И вообще любишь ты меня (о, Господи, немного!) или это я один чувствую неправду, а ты великолепно насладилась, стала равнодушна, спокойна, ничего антихристианского не хочешь?

Меня взлохматило то, что ты тогда в августе не приехала сюда — я обозлился. Потом ты написала два кислых дружеских письма — очень мне нужна твоя дружба! И вот что скажу тебе, Надя: или лучше нам с тобой совсем не видеться, или...!?!

Вот ты и ответь мне, Надюшенька, беленькие зубки, которые мне отчаянно хочется поцеловать — ответь, а я подожду ответа. У тебя умная и хитрая голова: ты можешь пока ответить мне только принципиально . Тогда я приеду — тоже принципиально. А пока буду молчать, злиться и ждать, и думать о жестокой бессмыслице наших отношений.

Подумай, Надя: наступит время и мы оба умрем и из нас вырастет лопух, и никому не будет дела до этих двух покойников под крестами: падали они или не падали. А еще до смерти наступит худшее: старость, холод, бесплодное и одинокое сожаление.

Вот тебе сказочка, сочинил сейчас для нас с тобою. Была белочка с беленькими зубками, смеялась потешно, и послал Бог белочке орешек — кушай, белочка! А белочка была благоразумна и говорит: сейчас скушаю, а что потом будет? — Нет, лучше спрячу я орешек до черного дня.

Спрятала орешек и только любуется им по воскресеньям. Но вот наступил и черный день, вынула белочка орешек с упованием — а разгрызть-то и нечем!

Если это и не мудро, то достаточно выразительно. До свидания, Надечка моя милая — целую тебя принципиально, очень крепко, очень безнравственно, очень мудро и очень, очень безнадежно. Ответь мне по совести. Твой Л.”.

Удивительно, что в эти периоды тоски написаны Андреевым лучшие его рассказы, например: “Рассказ о семи повешенных”.

В трудные для нас с мамой годы всегда приходил на помощь Л. Н. Их отношения в конце концов переродились в большую, теплую и нежную дружбу. Это давало возможность маме в трудную минуту принять от него помощь. Позднее Л. Н. сосватал маму в театр к Федору Адамовичу Коршу.

В 1908 г. маму познакомила одна ее приятельница с Николаем Николаевичем Чукмалдиным, мама стала его женой. Он был очень ревнив и потихоньку от мамы все письма и дневники Леонида Николаевича Андреева, когда они куда-то с мамой уезжали, отдал в чьи-то руки якобы “на сохранение”, но, конечно, этот или эта “некто” их не вернул и только сохранилось несколько писем. Я очень хорошо помню клеенчатую, очень толстую тетрадь дневника, в которой были вклеены иллюстрации, нарисованные масляными красками Леонидом Николаевичем. Он очень хорошо рисовал. Помню такой рисунок: лес, мама идет с каким-то студентом, а из-за дерева в них целится с револьвером в руке Андреев, одетый в студенческую тужурку.

В 1903 году, лечась в Кисловодске, мама заболела зараженьем крови, ее привез Николай Николаевич. В очень тяжелом состоянии. Она была при смерти. От меня это скрывали. Я в это время лежала в скарлатине в больнице. Стоя около маминой постели, Николай Николаевич сказал ей: “Юшенька, только выздорови, я исполню все твои желанья”. И на счастье мама выздоровела и как только встала на ноги, объявила, что хочет идти на сцену. Давно она мечтала о сцене. Ее мать в юности со своим братом Алексеем Алексеевичем Венкстерном играли: он — Гамлета, а она — Офелию. Об этом любительском спектакле и о них писали в газетах. Видно, сильна актерская кровь! Унаследовали ее и мама и С. В. Гиацинтова. Когда они еще жили с моим отцом, оба играли в любительских кружках. В Москве был известный очень серьезный “Шекспировский кружок”, возглавляемый директором Поливановской гимназии, ученым Поливановым. С этого и началась мамина сценическая деятельность. Мама хотела получить театральное образование и пошла держать экзамен в филармонию. В филармонии преподавали артисты Малого театра: Николай Капитонович Яковлев, Марья Петровна Юдина, Николай Осипович Васильев. Когда мама пришла в филармонию, увидев ее, Николай Капитонович Яковлев сказал: “А Вам тут делать нечего”. Мама с ним очень много играла. С большим успехом они играли “Ночное”. Приняли маму сразу на II курс. Актриса она была хорошая, бытовая, характерная и очень рано начала играть комических старух. Когда она служила в одном из сибирских городов, если мне не изменяет память в Томске, там жил в то время известный театральный критик и театровед Сергей Николаевич Дурылин. В одной рецензии он написал о ней: “Наша Блюменталь-Тамарина — Надежда Александровна Чукмалдина”.

Судьбы маминых братьев таковы. Брат Яков (мамин любимый брат) кончил Военную академию в Петербурге, был военным инженером, строил форт на Амуре, а затем Маньчжурскую железную дорогу. Был убит хунхузами во время купанья в Амуре. Труп его всплыл через 40 дней значительно ниже по течению. Узнали его только по широкой грудной клетке, и опознал его денщик по пломбам в зубах. Он был необычайной силы человек. Еще в Орле, когда гимназисты выходили на берегу Оки стенкой на учащихся других учебных заведений, если выходил Антонов, противники не являлись на место боя. Похоронен он на Военном кладбище в Хабаровске.

Брат Николай был очень талантливым инженером-путейцем. До революции он был начальником путей сообщения Казанского округа. Был женат на Наталье Константиновне Юшковой, близкой родственнице Л. Н. Толстого. Смерть его застала в Народном комиссариате путей сообщения, он работал у Феликса Эдмундовича Дзержинского. После его смерти спасенный им от обмеления канал на Волге носит его имя — “Антоновский”.

Младший брат — Георгий, в семье его звали Горюшка. В Первую мировую войну с немцами он вызвался в очень опасную разведку и был убит. Посмертно был награжден боевым орденом “Георгия”.

Близ храма Христа Спасителя в Новом, Лесном пер., против дома Перцова, находилась “Гостиница бояр”. Там снимали комнаты мои бабушки. Александра Алексеевна Венкстерн — писательница, писала под псевдонимом П. В. Стерн. Печаталась в журнале “Нива”. В Малом театре шла ее пьеса “В приюте муз и граций”, написанная для Гликерии Николаевны Федотовой, с которой она была в дружеских отношениях. И другая, моя родная бабушка Наталья Алексеевна Антонова — вот к ней-то и подкидывала меня мама, когда куда-нибудь уезжала. Да и так, когда я к ней приезжала, оставалась всегда у нее на несколько дней. Очень я любила к ней ездить. Она меня любила и, как все бабушки, баловала. Был у меня там большой друг, почти мой ровесник, старше меня на два года — мне было четыре, ему шесть лет, Шурик Зякин. Дядя Горюшка, сам еще молодой человек, сажал нас на плечи и носился с этим грузом по коридору, вызывая у нас восторг и страх свалиться. Вот в одну из этих поездок на дяде Шурик объявил мне, что когда он будет большой, он обязательно на мне женится, и потребовал моего согласия.

Шурик вырос и из Шурика Зякина превратился в Александра Александровича Румнева, и... не женился. Но дружили мы с ним до самой его смерти.

В 1908 г., еще до второго маминого замужества, весной, мой отец отвез меня к Сухотиным в Кочеты в Тульскую губернию. Доехали мы до станции Мценск. За нами были присланы лошади. От Мценска до Кочетов путь длинный, верст 25. В дороге отдыхали мы, и лошадям надо было дать передышку. Приехали к обеду к шести часам. Нас ждали с обедом. Овальный большой стол был полон народу: дядя Миша, тетя Таня, дядины дети: Наташа, старший сын Лева с женой Лелей (урожд. Базилевской), Миша (кавалергард), Сережа — студент Оксфордского университета, близкий друг Феликса Юсупова (учились вместе в Оксфорде). Юсупов в те годы был чемпионом по теннису и приезжал с Сережей в Кочеты, где они проводили целый день на теннисной площадке. Алик — лицеист и Дорик — 12-летний оболтус, на вид ему можно было дать 16 лет, вид у него был деревенского парня. Всегда к столу он приходил с грязными руками, и тут же дядя Миша отправлял его их мыть. Дядя Миша звал его “Теодор”, и это так к нему не подходило и звучало даже насмешкой. Был слушок, что первая жена дяди Миши, Мария Николаевна, родила своего последнего сына не от дяди Миши. Может быть, этим можно объяснить суровость дяди Миши к Дорику. Трехлетняя Танечка и трехлетний сын Левы Мика обедали в детской. Кроме семьи за столом был врач больницы, выстроенной дядей Мишей для крестьян.

Когда я приехала в Кочеты, нас оказалось три Татьяны. Решено было, что тетя Таня будет Таней, Танечка будет Танечкой, а я буду Танюшей. Так это за нами и закрепилось.

В шести верстах от Кочетов было имение Мамонтовых Головинка. Всеволод Саввич Мамонтов был женат на двоюродной сестре моего отца Елене Дмитриевне Свербеевой. Имение принадлежало ей. В прошлом Головинка принадлежала Федору Михайловичу Сухотину.

У Мамонтовых было трое детей: старший Андрей (старше меня на два года) и две девочки: Катя — почти моя ровесница, между нами несколько месяцев разницы, и младшая Соня. Гостила там наша родственница Лёнца Петровская, она была ровесницей Андрея. Приезжали племянник и племянница тети Лены, дети ее сестры Маши — Кирилл и Леночка Голицыны. У них мне было очень весело, и я гостила там неделями. Каждый день, под вечер, мы с дядей Вокой совершали прогулки верхом.

Летом в июне 1909 г. как-то вечером из Кочетов в Головинку за мной прислали лошадей. В дороге кучер мне рассказал, что в Кочеты приехал отдыхать Лев Николаевич Толстой с Софьей Андреевной и с доктором Душаном Петровичем Маковицким. Душан Петрович был не только доктор Льва Николаевича, а он делал великое дело: он наловчился в кармане карандашом записывать за Львом Николаевичем все, что тот говорил, а вечером, когда Лев Николаевич уходил спать, читал вслух свои записи. Очень мне полюбился Душан Петрович. Это был мягкий, ласковый, очень душевный человек. Зимой он мне писал милые интересные письма, но увы, его письма не сохранились.

Приехала я в Кочеты поздно, поужинала и отправилась спать. Когда я лежала уже в постели, ко мне вошла тетя Таня, взяла меня на руки и в ночной рубашонке, почему-то мне запомнилось, что она была в розовую и белую полосочку, вынесла меня в гостиную (она была рядом с моей комнатой) и поднесла меня ко Льву Николаевичу. Лев Николаевич в это время играл в шахматы с дядей Мишей. На нем была накинутая на плечи вязаная песочного цвета куртка, а на голове черная шелковая шапочка. Лев Николаевич ласково похлопал по самому мягкому месту моего тела (по сему случаю один мой приятель сострил, назвав это место “мемориальным”).

Когда в Кочетах гостил Лев Николаевич, туда приезжали: его секретарь Николай Николаевич Гусев, В. Г. Чертков, младшая дочь Саша, П. И. Бирюков, Сергей Львович, Андрей Львович. Приходится жалеть, что мне было 9—10 лет от роду. В этом возрасте разговоры взрослых скучны и неинтересны, меня тянуло к сверстникам в Головинку.

Софья Андреевна нежно любила свою внучку Танечку и часами с ней занималась. Для ее забавы она рисовала ей книжечки, отображая в них всякие забавные случаи Танечкиной жизни. Очень милы были эти примитивные рисунки с юмористическими текстами. Последнее мое пребывание

в Кочетах было летом 1910 года. В это лето я последний раз видела Льва Николаевича.

Чуть было не забыла рассказать об одном случае, вызвавшем страшное волнение. Лев Николаевич ушел гулять после завтрака и пропал. Было совсем темно, когда его нашли. Кочетовский парк был огромный и сливался с лесом. В лесу были и болота, и глубокие овраги, он был очень глухой и было там такое место, от которого в разных направлениях шли тропинки, как лучи. Там очень легко можно было заблудиться. Вот там-то и присел на пенек Лев Николаевич в раздумьи, какая же тропинка приведет его в парк к дому.

Моя бабушка, писательница, когда я вернулась из Кочетов, впервые увидев Льва Николаевича, уговаривала меня записать, пока я хорошо помню, свою встречу с Л. Н., но мне понадобилось 63 года, чтобы выполнить ее желание.

Тетя Таня Сухотина была прекрасным человеком, и все дети Михаила Сергеевича ее любили и уважали. Я никогда не видела ее раздраженной, я никогда не слышала ее повышенного голоса. Ежедневно она занималась добрыми делами. Почти каждый день приходили из деревень просить помощи. Часто она брала Танечку и меня с собой и мы шли, а иной раз и ехали, если это было далеко, и несли с собой одежду и продукты нуждающимся. Приходили погорельцы, и дядя Миша помогал им заново отстраиваться. Хорошим рукодельницам давали заработок, отправляя их вышивки в Москву, в “Кустарь”.

Дом в Кочетах был очень старый. В нем было много интересного. По всему коридору стояли шкафы с книгами и архивом. Над шкафами висели портреты предков. В гостиной висел портрет военного в красном мундире, с пудреной косичкой, очень похожего на моего отца. В передней, разделенной аркой, по всем стенам висели: щиты, кольчуги, самострелы, шлемы, стремена, мечи, пики, сбруя, колчаны. В архиве хранилась переписка Державина с Сухотиным, письма к Сухотиной Воронцовой-Дашковой, в которых подобно рассказывалось о перевороте 1762 года, родословное сухотинское древо. Род Сухотиных происходил от татарина Сухоты — сподвижника то ли Батыя, то ли Чингис-хана.

Много было рассказов “о привидениях”. Утром собравшиеся к столу к утреннему чаю рассказывали, кому что ночью привиделось. Мне было страшно.

В подвалах дома стояли сундуки со старинной одеждой предков. Каждую весну экономка Верочка развешивала на дворе камзолы, лифы, юбки, фижмы, все проветривалось, бережно вычищалось и укладывалось обратно.

К большому дому с двух сторон были пристроены флигеля. Один был старый, в нем жили Дорик с Мишей и экономка Верочка с древней старухой — своей матерью, 20 лет прикованной к

постели... У кровати Дорика на этажерке стоял картонный домик, красиво разрисованный, с вьющимся виноградом, с окнами и дверью, в нем жили белые крысы с красными глазами и розовыми длинными хвостами.

С другой стороны дома буквой Г был пристроен новый флигель для Левы, когда он женился. Там все было очень красиво. В нем останавливался Лев Николаевич с Софьей Андреевной.

Третий флигель стоял во дворе. Там жили Сережа и Алик. На обтянутых красным сукном полках, кругом всей комнаты, лежали Мамонтовы кости, клыки и разные окаменелости, найденные мальчиками Сухотиными в раскопках курганов.

Начиналась Первая империалистическая война. За несколько дней до ее объявления скончался дядя Миша. Миша, Сережа, Дорик были призваны. Миша был убит, Дорик тяжело ранен в легкое, умер от чахотки в Италии. Сережа сделался “историческим лицом”. Он был участником убийства в Юсуповском особняке Григория Распутина. Вместе с Юсуповым отвозил труп Распутина к реке, где на берегу потеряли его калошу. Умер Сережа в Париже у Юсупова.

После революции, в 1920 году, тетя Таня с Танечкой перебрались в Москву. Сначала они жили при музее Льва Николаевича Толстого на Пречистенке. Там тетя Таня открыла вечернюю студию рисования, где преподавала она сама (она была хорошей художницей) и художник Сергей Арсеньевич Виноградов. Я посещала эту студию, но, к сожалению, недолго. Сергей Арсеньевич очень любил Головинку, он постоянно там гостил и зимой, и летом и много там писал. Им написан мамонтовский дом в Головинке со всех сторон и во все времена года. 12 картин его находятся в Третьяковской галерее и много его полотен по разным городам России и за рубежом...

В 1923 году тетя Таня стала директором музея. Из музея тетя Таня с Танечкой перебрались на Поварскую в дом, принадлежавший раньше графу Соллогубу (теперь Союзу писателей). Сестра первой жены дяди Миши была замужем за Соллогубом. Тетя Таня, смеясь, говорила, что первая жена ее мужа жила во дворце, а вторая на конюшне. Из этих конюшен были сделаны маленькие квартирки. А из конюшен в 1925 году тетя Таня с Танечкой уехали в Париж. В Париже они сильно нуждались, жили на деньги, что зарабатывала тетя Таня лекциями о Толстом.

Весной 1912 года мама окончила филармонию. Ее муж, Николай Николаевич Чукмалдин взял летнюю антрепризу — летний театр в дачной местности Пушкино. Труппу он набрал из окончивших филармонию и окончивших годом раньше Фрелиха с его женой.

Мои родители очень подружились с этой четой. Приглашали их и на зимний сезон в Калугу, куда мама ездила как гастролерша, т. к. служила в Москве.

Мое детское 12-летнее сердечко было отдано Олегу Николаевичу на долгие-долгие годы вплоть до его смерти. Олег Николаевич получил разрешение от моей матери навещать меня в дни приема в институте, где я училась.

Наша лестница, которая вела из вестибюля в приемный зал, была отделена от рекреационного зала стеной с огромным окном почти в ширину всей стены, и вот когда Олег Николаевич, высокий, молодой, очень красивый человек, поднимался по этой лестнице, все окно было буквально облеплено любопытными воспитанницами старших классов.

Таня поступила в русский театр, заработок был маленький. В 1930 году Танечка вышла замуж за итальянца, известного римского юриста и общественного деятеля Леонардо Альбертини. Тетя Таня не пожелала жить на средства зятя, жила отдельно на свои заработки: читала лекции об отце, вязала кофты, писала портреты и много писала об отце. Скончалась в Риме в 1950 году*. У Танечки двое детей: сын и дочь. Связь у меня с ней с их отъездом оборвалась. На юбилейные дни Толстого Ясная Поляна послала Танечке приглашение приехать, но она отказалась. В 1976 году

на неделю она приезжала в Москву. Я жила на даче и пропустила ее приезд. Узнав ее адрес, я ей написала в Рим и получила от нее ответное письмо.

ГЛАВА II

В лето 1914 года началась Первая мировая война. Я жила в это лето у своей подруги на даче. Рядом с нами жила молодая пара супругов с грудным ребенком. Мать моей подруги, когда увидела на их участке развешанное на веревке сохнувшее кружевное белье, сказала, что порядочные женщины такое белье не носят. Мне до смерти захотелось познакомиться с нашими соседями и мне это удалось: я просто влезла в дырку забора. Сосед оказался молодым поэтом Вадимом Шершеневичем, а его жена — дочерью музыканта Давида Шора. Шор, Эрлих и Крейн были очень известны. Женя Шор была очаровательной и скромной женщиной. Хотя и ходила в кружевном белье. На долгие годы я подружилась с семьей Шершеневичей.

Москва была полна лазаретами для раненых. Многие богатые люди отдавали часть своих больших квартир, особняков под лазареты. Артисты всех театров обслуживали госпитали и

лазареты.

Мама очень часто ездила на эти концерты и втянула меня. Вот тогда-то я и начала читать стихи и играть маленькие роли в водевилях. Наша группа состояла: Чукмалдина (моя мать), она служила в театре Корша, Валецкая (артистка Малого театра, жена Фрелиха), Фрелих и Щепановский (артисты Камерного театра) и я. Николай Евгеньевич Щепановский был обаятельный человек, но со странностями: ходил круглый год без шляпы и не подавал руки. Знакомясь, он всегда предупреждал, что руки никому не подает. В ранней молодости он был обвинен в убийстве, сидел в тюрьме, потом был оправдан и выпущен из тюрьмы. Но у него появился страх, что ему кто-нибудь не подаст руки. Вот почему он сам никому не подавал руки.

Олег Николаевич Фрелих сыграл большую роль в воспитании и развитии моего вкуса. По его огромным спискам я знакомилась с литературой, с русскими и иностранными авторами. После прочитанного мною мы с ним интересно беседовали. Многие свои свободные часы он посвящал мне. Мы бродили по далеким улицам и закоулкам, сохранившим старинные дома, заходили в старенькие церквушки, где смотрели старинную иконопись. Он читал мне свои записки, свои стихи. Его письма всегда были содержательны и интересны.

В доме Шершеневичей я встречала многих молодых поэтов: Сергея Есенина, Сандро Кусикова, Константина Липскерова, Сергея Третьякова, Илью Эренбурга, Анатолия Мариенгофа, молодого писателя Бориса Лавренева. Художник и актер Камерного театра Борис Эрдман привел своего младшего, совсем еще юного брата Николая читать нам свои первые стихи. Когда Николай Эрдман был сослан в Сибирь, он подписывался в письмах к матери “Мамин Сибиряк”.

Дом Шершеневичей был очень гостеприимный, его двери были открыты и днем, и ночью. Все это время голодали и холодали, шел 1917 год. У Шершеневичей топилась “буржуйка” и на ней на всю братию варилась в чугунке либо пшеничная, либо ржаная каша. Просиживали мы до утра, по ночам ходить по темным улицам Москвы было довольно-таки жутковато. Все сборище поэтов затевало игры в рифмы, или на срок по минутам писать стихи, или стихи на заданную тему. Вадим Шершеневич однажды предложил написать четверостишие на мою фамилию, но я запомнила только четверостишие Сережи Третьякова:

Старый дурень, волчья сыть,
Все же как не плох ты,
Тебя могут полюбить
Маленькие Фохты.

В 1916 году, окончив институт, я осенью поступила по настоянию моего институтского учителя рисования Николая Ивановича Козлова в подготовительный класс Строгановского училища. В

подготовительном классе Николай Иванович преподавал рисунок. С нового года меня перевели в 1-й класс. Там я слушала лекции профессора Павла Павловича Пашкова о стилях. Профессор Ноаковский читал историю искусств, у Ягужинского училась работать акварелью, без рисунка карандашом. Во 2-м классе у Бориса Григорьева мы писали натуру. У нас была одна натурщица, которая, когда раздевалась, мы ее одежду на палке, чтобы не прикасаться руками, вывешивали в форточку — вымораживать вшей. Тело же ее было все в царапинах с разными направлениями. Декоративным искусством занимались с нами Иван Сергеевич Федотов и Федор Федорович Федоровский. Декоративные мастерские для старших классов учеников были у Ф. Ф. Федоровского, Георгия Богдановича Якулова и у Лентулова. Из прикладных искусств я выбрала резьбу по дереву, но сначала для знакомства с деревом меня отправили в столярную мастерскую.

Во время урока профессор Ноаковский брал у кого-нибудь из нас небольшой кусочек слоновой бумаги или ватмана и обожженной спичкой делал буквально несколько штрихов, потом возьмет чью-нибудь кисточку, ткнет в краску, нанесет пятнышко, и под его рукой рождается то розовенькая церквушечка, то часовенка, то греческая ваза на фоне колоннады греческого храма. Эти очаровательные лаконичные наброски продавались у нашего швейцара и в магазине при

Эти очаровательные лаконичные наброски продавались у нашего швейцара и в магазине при Строгановском училище (после революции ВХУТЕМАС), где продавались работы наших учеников, а деньги за рисунки Ноаковского шли в помощь нуждающимся ученикам.

После Февральской революции исчез наш директор Н. В. Глоба. Административное хозяйство Строгановского училища временно педагоги и старшие ученики взяли в свои руки. Меня выбрали как контролера от учеников работать в столовой. В 7 часов утра, задолго до начала занятий, приходилось быть уже в столовой. С продовольствием было трудно. Зорко надо было следить на выдаче, чтобы обеды выдавались только по талонам, чтобы не было случаев — "кто смел, тот два съел". Обед был скромный: суп из воблы, селедка, черный хлеб и морковный чай. Я получила разрешение свою селедку уносить домой маме. Сама я питалась черным хлебом, поджаренным в подсолнечном масле, и морковным чаем. Представьте себе, как мы обрадовались, когда, придя утром в столовую, увидели в сенях дохлую лошадь, привезенную нам для "мясных" обедов.

Получили мы с мамой как-то посылку от старого маминого друга ее юности — ржаную муку. В нашей столовой шеф-повар пекла мне ржаные лепешки на подсолнечном масле. Ну, тогда у нам дома был праздник.

В Москве на запасных путях формировался состав, который должен был отправиться в Сибирь за политсосланными. Из учеников набрали бригаду для украшения поезда приветственными плакатами и лозунгами. Попала в нее и я. Возглавляли нашу бригаду старшие ученики Ф. Ф. Федоровского: Миша Сапегин, Вася Комаренков и Вася Мочалов. Работали с раннего утра до позднего вечера. Когда у нас все было готово и мы собрались расходиться, конечно, пешком, через всю Москву, по своим домам, нас задержали, и в наш вагон, где мы работали, внесли огромные сковороды с жареным мясом, залитым яйцами. Нам показалось это сном. С криками "Ура" мы набросились на этот ужин и в один миг все слопали. Только под утро мы добрались до своих домов.

Однажды к нам в училище явился молодой человек с предложением записаться в кружок "Учащихся искусству". Назывался этот кружок сокращенно УЧИСК. Находился он у Покровских ворот в помещении выставки "Единорог". Занимались мы вечерами, после закрытия выставки. Возглавляли наш кружок Вацлав Викентьевич Протасевич и Николай Иванович Львов. Все мы, собравшиеся в этом кружке, были разбиты на секции: художественная, пластики и балета, литературно-поэтическая, музыкальная, драматическая и чтецкая. Я записалась в чтецкую. Во время урока пластики ученики художественных училищ делали зарисовки. Я читала стихи петроградской поэтессы Лидии Лесной и свои. Раз в месяц мы делали открытые вечера с приглашением зрителей. Мы показывали наработанные за месяц вещи. Получались интересные концерты, разыгрывали миниатюры, написанные нашими кружковцами, читали стихи наших поэтов, показывали балетные комедийные сценки. Наши художники оформляли эти концерты. К нам в гости приезжали режиссеры, писатели, поэты, художники, артисты. Бывал у нас Вадим Шершеневич, Александр Кусиков, Василий Каменский, Давид Бурлюк. На один из вечеров Кусиков приехал с Еленой Бучинской. Он прочел свою "Восточную молитву":

Ля эль-ля-ля, Алиен вали оля!
Мехаметен рассул ля-ля!
Мой великий Аллах
Высоко в облаках
В своих светлых и райских садах.

Мой кривой ятаган,
Моя вера — Коран.
Мой любимый, мой конь Ураган.

Я свой острый кинжал
Крепко к сердцу прижал

Крепко к сердцу прижал.
Злой гяур подо мною дрожал.

Я люблю выси гор,
Я люблю их простор,
Свой священный молитвы ковер.

И по нескольку раз
Я творю свой намаз,
Свой Коран я храню, как свой глаз.

Я родился в горах
И неведом мне страх,
Я живу на холодных снегах.
Надо мною мой Аллах
Высоко в облаках
В своих светлых и райских садах.

Ля эль-ля-ля, Алиен вали оля!
Мехаметен рассул ля-ля!

Елена Бучинская читала "Восточную" Василия Каменского. Вышла она на эстраду в свободном длинном хитоне, с оголенными руками. Читала стоя на коленях, с очень пластичными движениями рук. Свою манеру чтения она назвала "словопластикой". Вадим Шершеневич читал "Коробейники", Василий Каменский — "Сарынь на Кичку".

С Еленой Бучинской я очень подружилась и познакомилась с ее матерью, известной в то время писательницей-юмористкой Тэффи. Потом они обе уехали за границу и связь с ними порвалась.

Мы сколотили группу и выезжали с концертами за хлебный паек. Сидя в теплушке, составляли программу, репетировали импровизацию комических сценок. Всю группу не помню, помню Бориса Плотникова, Юру Решимова, Кэти Хомзе (нашу художницу, мы учились вместе в Строгановском училище), Костю Трунова, из балетных — Веру Малкину, Зою Куманину, Колю Фреймана. Витя Вермель — ученик Школы живописи, ваяния и зодчества — был и актером, и аккомпаниатором, и художником. Кончилось это тем, что более одаренные приглашались на работу в театры. Протасевича пригласили в Художественный театр на художественно-административную должность. Толмачева в Вахтанговский театр, Решимова — в Драматический театр. Ушли Борис Плотников, Костя Трунов, Зоя Куманина. Меня пригласил читать стихи с эстрады в "Кафе поэтов" Вадим Шершеневич. УЧИСК закрылся. В свой репертуар я включила стихи, мне посвященные нашим поэтом из УЧИСК'а В. Любиным.
В. ЛЮБИН

ПОСВЯЩАЕТСЯ Т. ФОХТ

Это было не день и не два,
А только минутку.
Говорили какие-то слова,
Совсем не похожие на шутку.

А потом? Потом распрощались,
Вы пошли направо, а я налево.
Ведь Вы королева!
Королю в награду достались.

Ну, и честь Вам, и слава.
Ах, Вам нужен паж для забавы?

Ах, Вам нужен паж для забавы?
А пажу какая отрада?
Таскать шлейф да петь серенады,

Ожидая милого взгляда в награду
И, любя не на шутку,
дожидаться минутки.
Дудки!!!

***

Когда он приходит к тебе целоваться,
Ты прими его ласково, усади на диван.
Угощай его чаем и можешь смеяться
Над тем, что любовью он пьян.

Об одном лишь прошу тебя: будь с ним построже,
Когда речи о прошлом он с тобой заведет,
И скажи ему: “Прошлое — это ведь то же,
Что уехавший поезд — назад не вернешь”.

Ведь тебе не мешают картины и книги
И даже страницы поблекших стихов.
Зачем же будить невозвратные миги.
Посидим лучше молча, без слов.

Потому что ведь прошлое это же наше
И его никому, никогда не отнять.
И ему не позволено спрашивать даже,
Когда он приходит тебя целовать.

В 16 лет я сделалась невестой Володи Цветкова, брата моей подруги Наташи Цветковой*. Мы оба родились в июне, а потому решили, что мы созданы друг для друга. Когда я объявила это маме, у нее сделалась от этого ужаса мигрень, продолжавшаяся трое суток. Володя был прапорщик и должен был ехать на фронт. Шла война с немцами. До его отъезда мы должны были повенчаться. И вот маме пришла гениальная мысль. Она прекрасно поняла несерьезность этого моего решения и предложила повременить со свадьбой до окончания войны, а пока только обручиться. На эту церемонию в церковь никто из наших родственников не пришел. Возвращались мы из церкви довольные и веселые. И вдруг я вижу, как Володя проходящей по другой стороне девушке показывает кулак. “Ты что? С ума сошел?” — закричала я, а он захохотал и говорит: “Да я показываю ей обручальное кольцо”. Мне тоже очень нравилось держаться за петлю в трамвае той рукой, на которой блестело золотое обручальное кольцо. Мамина хитрость удалась, и на этом все кончилось. Возвращаясь домой из театра оперетты Потопчиной, где мы с Шершеневичем смотрели спектакль “Принцесса долларов”, я рассказала ему о моем разрыве с Володей. И на следующий день я получила от него стихи. Позже они были напечатаны в журнале “Без муз”.

В. ШЕРШЕНЕВИЧ

ПОСВЯЩАЕТСЯ Т. ФОХТ

Вы прошли над моими гремящими шумами
Этой стаей веснушек, словно пчелы звеня.
Отчего же неверная, столько лет вы думали
Любить? Или нет? Меня.

Подойдите и ближе, я знаю, прорежете
Десна жизни моей, словно мудрости зуб.
И жуть самых нежных нежитий
Засмеется из алой трясины Ваших тонких губ.

Сколько дней занесенных моею тоскою
Моим шагом торопится опустевший час.
Вот уж помню: извозчик и сиренью морскою
Запахло из раковин Ваших глаз,

Вся запела бурей великолепий,
Прозвенев на весь город, с пальца скатилось кольцо.
И, сорвав с головы своей легкое кэпи,
Вы взмахнули им улице встречной в лицо,

И двоясь хохотали в пролетавших витринах
И роняли из пригоршней глаз виноградыы зрачка,
И лихач задыхался на распухнувших шинах,
Торопя прямо в полночь своего рысака.

Вадима Шершеневича пригласили возглавить отдел изобразительных искусств, только что открывшийся при Наркомпросе. Он набрал в свой штат голодающих поэтов и актеров. Меня он взял своим секретарем. К нам свозили конфискованные библиотеки.

Пришло в гениальную голову Вадима дать нам подработать, и он протащил через высшие инстанции свою идею: создать современный Советский энциклопедический словарь художников. Мне он давал, что полегче. Я читала в старой энциклопедии, что написано о старых художниках, и должна была разобрать их и оценить их творчество с нашей “новой советской точки зрения”. Поначалу это было адски трудно, потом что-то стало получаться. Конечно, Шершеневич редактировал мною написанное. Самое главное — получились деньги, что нам с мамой, ой, как было нужно. Это было большое подспорье, хотя мы обе работали. Мама служила в театре Корша.

В то время было очень трудно с печатью. Стихи молодых поэтов печатались с большим трудом, не было бумаги. И опять Вадиму Шершеневичу пришла в голову идея: договориться с владельцами кафе и с эстрады знакомить публику с новыми, еще не напечатанными стихами молодых поэтов. В “Кафе поэтов” за наши ежевечерние выступления мы получали бесплатный ужин и 20 рублей “керенками”. Я читала стихи Лидии Лесной. Публика меня очень хорошо принимала, ее стихи были уже изданы, но в очень малом тираже, купить их было почти невозможно. Узнав обо мне, Лидия Лесная стала с оказией присылать мне новые.

Подражая Лесной, я и сама пописывала, но никогда свое авторство не объявляла.

Первый приют поэтов была “Музыкальная табакерка”, большое кафе Трамбле на углу Петровки и переулка, который идет к проезду Художественного театра. Туда часто забредал Владимир Маяковский. Называл он меня Фохтица. Он очень любил слушать стихотворения Лесной, и когда я выходила на эстраду, он громовым голосом требовал: “Фонтанка, Мойка, Мойка, Фонтанка”.

После вчерашнего бала в моем сердце ранка.
Ему надо было на Мойку, а ей на Фонтанку.
Он никогда никого не провожает,
Но им по пути и он с ней уезжает

Скажет ли он на углу: “Извозчик, стой-ка”
Простится и один поедет на Мойку

Простится и один поедет на Мойку
Или он ее довезет...
Ах, злая мысль, как змея, мне сердце грызет

И от этого там ранка...
Фонтанка..., Мойка..., Мойка..., Фонтанка...

В кафе у нас читали: Владимир Маяковский, Лев Никулин, Вадим Шершеневич, Владимир Королевич, Рюрик Ивнев, Константин Липскеров, Илья Эренбург, Сергей Спасский, Сандро Кусиков, Демьян Бедный, Давид Бурлюк, Василий Каменский, Анатолий Мариенгоф, Лев Монсзон, Наталья Поплавская, Галина Владычина, Надежда Павлович.

Был такой невзрачный поэт Лисин, и Маяковский, увидя его, кричал: “Когда на эстраде лысина, просим поэта Лисина!”

Каждый вечер Лев Никулин читал свое стихотворение “Палач”:

У палача была любовница,
Она любила пенный грог.
Кто знает, где теперь виновница
Его мучительных тревог?

И кончалось оно так: палача убивают. Заключительная строчка:

А поутру в одном заколотом
Толпа узнала палача.

К сожалению, память мне изменяет, и я не помню, кто именно из поэтов написал пародию:

И каждый вечер словно молотом
Никулин Лев долбит с плеча...

и кончалось так:

А поутру в одном заколотом
Опознан был Никулин Лев.

Одно стихотворение Л. Никулина я включила в свой репертуар:

Из сборника “Стихи Анжелики Сафьяновой”

Вы позвонили в вечер ранний,
Когда заметнее уют.
И стало ближе и желанней
Ловить мерцание минут.

О! Эти шутки так опасны.
Вы мне сказали слово “нет”.
Закрыв глаза, я вижу ясно
Улыбку, мушку и лорнет.

Как вы тряхнули кружевами,
Как Вы сказали слово “Да!”
Я говорил о страсти с Вами
И нежно гладил провода.

Сандро Кусиков подарил мне свою “Восточную” для чтения:

Сандро Кусиков подарил мне свою "Восточную" для чтения:

У меня есть звучный тар
Для тебя, моя Джан.
У меня поэта дар
Для тебя, моя Джан.

Твои губы кораллы, сапфиры глаза.
Приходи, моя Джан.
Жизнь тебе я отдам — талисман бирюза.
Приходи, моя Джан.

Твои брови кривые, кривой мой кинжал.
Я люблю тебя, Джан.
Я рабом бы у ног твоих вечно лежал.
Я люблю тебя, Джан.

Я вложу твое сердце в рыдающий тар,
Буду петь тебе, Джан!
Разольется по струнам любви моей жар.
Буду петь тебе, Джан.

И еще я читала:

Вы сказали мне: "В восемь".
Вечер. Сумерки. Как-то тоскливо.
На часах скоро восемь.
В моей вазе лиловые сливы.

Так незаметно и осень.
Неужели умрет все, увянет,
Мрачно мимо пройдет —
Я все жду, а мне дождь барабанит —
Нет, не жди! — не придет.

Стекла окон расплакались слезно.
Вечер в тунику жути одет.
Уже поздно, так поздно, А Вас нет!
Подождите! Зачем уже бьете,
Безразличные часики, "восемь",
Значит, Вы не придете?
Значит... осень...

И еще я читала В. Маяковского, из его ранних стихов "Военно-морскую любовь".

Мы выступали в кафе "Домино", оно находилось напротив теперешнего Ермоловского театра. Туда в первый раз пришел приехавший из Петрограда Сережа Есенин. Он пришел в русской белой вышитой рубашке, с довольно длинными белокурыми волосами, совсем как нестеровский пастушок. Говорил он слегка окая, но у него это быстро исчезло. Какие крайние полюса! Эта русская рубашка, а спустя некоторое время черный фрак с белой хризантемой, с цилиндром на голове, черная пелерина на белой шелковой подкладке и лакированные туфли. Есенин и Мариенгоф так ходили одинаково одетые.

Первый раз Есенин читал "Марфу Посадницу". Кто-то из публики свистнул во время его чтения и, не прерывая чтения, в той же тональности он проговорил без паузы:

“Я тебя, сукина сына, в окошко выброшу”. Вот тогда ярко прозвучало “о”.

В кафе “Домино” предприниматель этого кофейного дела грузин Долидзе, видно ему лавры читающих не давали покоя, начал читать Игоря Северянина. Читал он так:

Это было у морра,

Где волна бирузова и т. д.

Это было очень смешно, но... он был наш хозяин.

В кафе висел портрет Кусикова, нарисованный мною пастелью. Были и карикатуры, и на меня в том числе.

Была там очень колоритной фигурой бывшая графиня Ротермунд, выступавшая под фамилией Де Гурно. Явно выкрашенные в рыжий цвет волосы, сильно накрашенное лицо с сильно подведенными глазами, далеко не первой молодости, странно допотопно одетая в светлое, длинное, видимо, из сундука графини-бабушки вынутое вечернее платье, очень грязного вида газ и кружева. Выступление она начинала своим стихотворением “Я женщина с безумными глазами”, но кроме глаз, по-моему, она сама тоже смахивала на безумную.

Иногда мы выступали в кафе около ресторана “Савой”. Называлось оно “Венок искусств”. Но это носило эпизодический характер.

После “Домино” нашим последним местопребыванием было кафе “10-я муза”, близ Художественного театра. Запомнился мне один интересный вечер: состязания поэтов. По заказанной публикой теме, с коротким хронометражем, всего несколько минут, без записи, Валерий Брюсов и Вадим Шершеневич должны были прочесть стихи. Вадим очень легко, гладко и быстро прочел. Валерий Брюсов читал после него. На него было тяжко смотреть. Он был напряжен, и его было трудно слушать.

Есенин, Мариенгоф и Кусиков в ту пору очень дружили. Как-то ночью они расписали выдержками из своих стихов стены Страстного монастыря.

А однажды пришло им в голову заменить название переулков своими фамилиями, Теперешний проезд Художественного театра — ул. Есенина, Столешников пер. — ул. Мариенгофа. Написали на дощечках новые названия, взяли гвозди, молоток и меня. Анатолий Мариенгоф был высокого роста. При помощи Есенина и Кусикова взобралась к нему на плечи. Подали мне дощечки, гвозди и молоток, но каменная стена моим силенкам не поддалась, а тут и рассвет начался, а с рассветом вышли дворники на уборку улиц. Решили от скандала разойтись по домам, чтобы не прослыть хулиганами. Но идею эту они не бросили и, не знаю уж в какой компании, они ее повторили.

В Настасьинском переулке, в каком-то пустом сарае футуристы открыли свое кафе “Стойло Пегаса”, расписав стены футуристическими рисунками. Иногда нас приглашали туда читать. Бывал там и Анатолий Васильевич Луначарский.

Как-то поздно ночью, когда публика уже разошлась и остались только свои, Елена Бучинская голая танцевала на столе. Вокруг, по краям длинного стола, прикрепили свечи. Мама (она была со мной) сняла с себя египетский серебряный шарф. Он был сплошь заткан маленькими серебряными пластинками, напоминая кольчугу, и надела на Елену. Было это очень эффектно и, кстати, поприличнее.

Наконец, дело с печатаньем стихов у поэтов наладилось. Было разрешено издательство. Позвонила я как-то Кусикову. Дома его не было, подошла его мать к телефону. По-русски она говорила плоховато. Кусиковы были текинцы и настоящая их фамилия была Бей-Булат-Ку. Во

говорила плоховато. Кусиковы были чеченцы и настоящая их фамилия была Бей-Булат-Ку. Во время нашего разговора я чихнула и одновременно с моим чихом разговор прервался. Когда Сандро вернулся домой, она ему рассказала: “Звонила Танюшка, сказала чихи-пихи, центральная рассйрдилась (она сделала ударение на “е”), и разъединила”. Так родилась марка издательства “Чихи-Пихи”. Художник Борис Эрдман нарисовал марку: телефонная трубка по диагонали квадрата, в верхнем углу “чихи”, в нижнем правом “Чихи”. У меня была книжка Кусикова “Сумерки”, на ней была эта марка. И хорошую надпись он мне сделал: “Твоя солнцевейная юность будет вечной”. Как же он ошибся, увы! Старость свое взяла.

Как-то после нашего очередного вечера нас несколько человек, Есенина, Шершеневича, Кусикова и меня, пригласил к себе ужинать один доктор, часто посещавший наши вечера. Возвращаться домой одной было страшно, и я пошла ночевать к Шершеневичам. Утром я позвонила Сандро, у него тогда жил Есенин. Кусиковы жили очень близко от Шершеневичей. Сандро предложил мне зайти к ним послушать стихи Есенина, написанные им ночью. Вспоминая это утро, мне захотелось написать несколько строк, посвятив их памяти Сережи.

Ты стихи мне написал,
Я их позабыла...
Помню, ты мне их читал,
Помню, грустно было.

А стихи забыла...
Утонула в сини глаз,
Рожь волос любила.
Вот что вспомнила сейчас,

Профсоюз парикмахеров после своего собрания в помещении бывшего Эрмитажа устроил концерт. Пригласили и меня. Я читала много, меня не отпускали. Прочла все, что знала. Долго потом в парикмахерских помнили и стригли бесплатно.

К концу 1917 года я вышла замуж за Дмитрия Васильевича Ларионова, с которым познакомилась благодаря своему чтению. Была приглашена вместе с мамой участвовать в концерте ГУВУЗ, где он работал и был устроителем этого вечера.

Зимой я вступила в труппу военного театра 2-ой артиллерийской бригады в Хамовниках. Вадима Шершеневича пригласили туда в качестве режиссера. Труппа была очень слабая. Шершеневич пригласил прекрасную “старуху” Ольгу Павловну Нарбекову, ее мужа Закушняка и Невельскую — артистку МХАТа 2-го. Служили мы за солдатский паек. На довольствие меня зачислили канониром.

В то же время на халтурной площади, так актеры прозвали Страстную площадь, собирались группами актеры со всех театров. Я попала в группу бывших коршевцев, где служила моя мать. Ехали кто куда играть наскоро сляпанные спектакли с одной, с двух репетиций. Чаще всего мы играли у устроительницы этих выездов Наталии Николаевны Ланской, жены Сергея Ивановича Ланского, режиссера Малого театра. От этого левого заработка не отказывались и крупные артисты. Маму и меня часто приглашали артисты Малого театра. С Остужевым я играла “Дети Ванюшина” — Аню. С Ольгой Осиповной Садовской играла Тишку в “Свои люди — сочтемся”. Перед выходом на сцену она огрела меня по спине и сказала: “Молодец, хорошо играешь”. Отцу моему она сказала, что мне надо идти на сцену. С Блюменталь-Тамариной и Евдокией Дмитриевной Турчаниновой много раз сыграла ходовую в то время пьесу “Мораль пани Дульской” — Мелю. Иногда Дульскую играла мама. Предложил мне Олег Николаевич Фрелих сыграть с ним и его женой Верой Николаевной Валецкой “Черт” Мольнара. “Там же много народа”, — сказала я. “А мы их всех поубивали с Верой”. Я дала свое согласие. Вот какие занятные бывали у нас спектакли.

В ту пору молоденький офицер "Федя" Каверин устраивал сборные спектакли. Он нас с мамой пригласил играть "Женитьбу" с В. Н. Давыдовым.

В 1924 году мой отец собрал коллектив из оставшихся в Москве актеров Малого театра и приглашенных из других театров. Из Малого театра: М. М. Русецкая, Е. М. Садовская, Кл. Ив. Алексеева, Соня Фадеева; из приглашенных — Ольга Матисова, А. И. Анненская, я и др. Из мужчин: А. И. Истомин, С. А. Полетаев; из приглашенных — П. Ц. Брянский, Б. А. Свобода и др. Из всего того, что мне пришлось сыграть в этот летний сезон, самое приятное воспоминание сохранилось о Спинозе в "Уриель Акоста".

В Малом театре я несколько лет была сотрудницей, но на мое счастье мне выпадали и рольки. Я стала разовой актрисой, что оплачивалось более ощутимо. Со Степаном Кузнецовым играла портняжку в "Мещанин во дворянстве". Самая моя любимая роль была драматическая. Это роль юнги в спектакле "Золото" О'Нейля в постановке Ивана Степановича Платона. В "Иван Козырь" играла мужскую роль сыщика. В "Горячие будни" — беспризорника. Пришлось учиться играть на деревянных ложках и петь. Из разовых актрис я перешла на штатную работу помощником режиссера. Проработала я в Малом театре с 1925 по 1934 год. Во 2-м МХАТе при театре открылась студия, и Иван Николаевич Берсенев предложил мне место секретаря учебной части студии. Во 2-м МХАТе помощником режиссера работала моя приятельница Зина Лемм. Она умерла и перед своею смертью просила Ивана Николаевича перевести меня на ее место...

Помощник режиссера во 2-м МХАТе был личностью всеми уважаемой. Работать было очень интересно. Я была счастлива, что мне пришлось работать с такими прекрасными артистами, как И. Н. Берсенев, Софья Владимировна Гиацинтова* Влад. Вас. Готовцев, Серафима Германовна Бирман, Лид. Ив. Дейкун, Ал. Ив. Чебан, Мар. Ал-ровна Дурасова, Азар. Мих. Азарин, Ал-др Ал-др. Гейрот, В. Попов, Влад. Аф. Подгорный, тогда еще молодой актер Сергей Владимирович Образцов.

Два года, проведенные во 2-м МХАТе, были для меня самыми счастливыми и радостными.

После закрытия театра меня перевели с группой артистов МХАТа 2-го в Малый театр помощником режиссера.

За все время пребывания в Малом театре я застала таких корифеев, как А. А. Яблочкина, Е. Д. Турчанинова, В. Н. Рыжова, В. Н. Пашенная, В. А. Массалитинова, П. М. Садовский, Н. К. Яковлев, К. А. Зубов, М. М. Климов, Н. Ф. Костромской, М. М. Блюменталь-Тамарина, С. А. Головин, С. Л. Кузнецов, Н. В. Рыбников, М. И. Царев. Иногда меня приглашали провести спектакли гастролирующих в Москве театров. Так судьба меня столкнула с П. Н. Орленевым, с братьями Рафаилом и Робертом Адельгеймами.

Иван Николаевич Берсенев после работы в театре Моссовета был переведен в театр ТРАМ, куда он перешел вместе с С. В. Гиацинтовой и Серафимой Германовной Бирман. Из ТРАМа родился театр им. Ленинского комсомола. Иван Николаевич начал работать над ролью Сирано де Бержерака в постановке Серафимы Германовны Бирман. Чтобы легче было усваивать стихотворный текст, он попросил меня следить за ним, подсказывать и читать текст его партнеров. Времени на такую работу не было, пришлось работать ночами. После спектакля я шла к Берсеневым, и, поужинав, мы принимались за работу до 4-х часов утра. Конечно, я оставалась ночевать. Очень было интересно слушать Ивана Николаевича и наблюдать во чреве зарождение образа Сирано. Играл он его замечательно, особенно финальную сцену поединка и смерти. На всех репетициях и на первых спектаклях я стояла с текстом пьесы для его покоя, но на спектаклях подать текст ему не пришлось ни разу. До сих пор в моей памяти звучат, как музыкальная мелодия интонации Петра Массубра, Феди Протасова, Сирано.

Война, эвакуация разорвали нашу связь, и из эвакуации я была вызвана Юрием Петровичем Солониным, заместителем директора Малого театра, в Челябинск с моей семьей. Двое пом.

режиссера были призваны в армию, и со дня приезда в Челябинск я была зачислена помощником. В январе 1942 года я овдовела. В 1945 году умерла мама.

В Малом театре я проработала 40 лет. Последние годы я занимала место заведующей текущим репертуаром в режиссерском управлении театра, оттуда и ушла на пенсию, но уйдя на пенсию, продолжала держать связь с театром и садилась в суфлерскую будку, когда надо было выручать товарищей.

В 1925 году у меня родился сын Георгий. Звали мы его Горушкой, прожил он недолго: 8-го сентября 1927 года он скончался от дизентерии 2-х лет и 4-х месяцев. 11-го сентября 1928 года родился сын Всеволод. После смерти Горушки я быстро забеременела, и мне ужасно хотелось родить сына. Незадолго до родов мне приснился сон, что я родила ребенка и ему уже 2 года, а я не решаюсь посмотреть и выяснить, кого же я родила — мальчика или девочку. К счастью моему, желание мое исполнилось — родился сын. Хотелось мне его назвать старинным именем Дидим. Мои товарки по театру прислали мне письмо, отговаривая меня, мама сказала, что дав это имя, я сделаю несчастным его на всю школьную жизнь, потому что его будут дразнить: “Дидим, мы тебе в морду дадим”. И мне как-то стало все равно, какое у него будет имя. И вот с поздравленьем я получаю букет огромных белых хризантем от Всеволода Аксенова. Решено: сын будет Всеволод. В театре Александра Александровна Яблочкина спросила меня, в чью же честь он назван. В честь Всеволода Мейерхольда или в честь Аксенова? В те годы я была очень дружна с Ел. Ник. Гоголевой и Всев. Ник. Аксеновым.

Когда Воке было года 3—4, как-то мама хотела заглянуть в комнату, где он играл, и в щелочки двери увидела такую картину: посреди комнаты лежал чемодан, на чемодане стоял детский стульчик, впереди была деревянная лошадка. В странной развалившейся позе, с полузакрытыми глазами, он дергал вожжами и что-то невнятно бормотал. Мама не вошла, чтобы не прервать его “творческого состояния”. Тихо прикрыла дверь и шепнула мне: “Он будет актером”. Когда мы его спросили, во что он играл, он ответил: “В пьяного Филиппа”. Итак, на его счету первая роль. В театре Ленинского комсомола он играл в “Норе” с Иваном Николаевичем Берсеневым и С. В. Гиацинтовой Ивара.

В школьные годы Союздетфильм Воку и Наташу Садовскую пригласил играть в сказке Андерсена “Снежная Королева” Кая и Герду. Съемки начались, но война их прервала. По приезде из Челябинска он был вызван на пробу, а затем приглашен на “Пятнадцатилетнего капитана” по роману Жюля Верна. Так началась его жизнь в кино. После картины “Крейсер Варяг” был принят в студию театра Ленинского комсомола. Окончив студию, уехал сниматься в фильме “Пржевальский”, играл Роборовского — ученика Пржевальского. Службу в Советской армии он прошел в театре Советской Армии. Во время спектакля “Флаг адмирала” он сорвался с большой высоты и получил серьезную травму — компрессионный перелом позвонка, после чего был демобилизован и вернулся к себе домой в театр Ленинского комсомола, где и работает поныне.

Теперь он Народный артист РСФСР, любит работать на радио, много снимается в кино и увлеченно озвучивает иностранные фильмы*.

На этом Пимен-Фохт оканчивает свои сказания.

Указатель имен

Указатель имен // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 662—671.

Абаза 321, 324

Абакумов 149, 150

Абамелек-Лазарев С. Д. 283, 310

Абамелек-Лазаревы, 286

Абаринова (урожд. Рейхельт) А. И. 394, 409

Абельсон И. О. 497

Абрамов Л. 499

Августин Аврелий 577

Адан А. 408

Адлерберг А. В. 447, 449, 459, 483

Адлерберг В. Ф. 74, 76, 82, 98, 187, 189

Адлерберг (урожд. Полтавцева) Е. Н. 447

Адлерберг Н. В. 73, 76

Адлерберг С. 73

Адлерберг (в замуж. Баранова) Ю. Ф. 371

Адлерберги, семья 72, 444

Адрианов (Андрианов) А. А. 597, 601, 602

Азанчевские, семья 135—137

Аксаков И. С. 337—349

Аксаков С. Т. 388

Александр 118, 36, 38, 39, 71, 583

Александр II 73, 76, 87, 187, 188, 226, 305, 324, 353, 355, 362, 363, 367—374, 389, 392, 394, 405, 407, 408, 410, 453, 483 484

Александр III 79, 188, 347, 348, 368, 372—374, 390, 408, 442, 446, 447, 454, 456—462, 464, 465, 467—470, 472, 474, 475, 480, 481, 483—485, 487, 605, 609

Александр Михайлович, вел. кн. 484

Александр, принц Гессен-Дармштадский 116

Александра Георгиевна (Аликс), вел. кн. 454, 460—464, 473, 479, 484

Александра Иосифовна (тетя Сани), вел. кн. 458, 483, 581

Александра Каролина Мария (т. Аликс), (урожд. принц. Датская королева Великобритании.) 456, 458, 459, 464, 467, 476, 483

Александра Николаевна, вел. кн. 74, 77

Александра Федоровна, имп., супруга Николая I 64, 67, 75—77, 143, 180, 200, 268, 302, 312, 371, 412, 413

Александра Федоровна, имп., супруга Николая II 453—455, 465—474, 478, 479, 481, 485—487, 539, 554, 555, 557, 563

Александра, принцесса Саксен-Кобург-Готская 466, 485

Андреев-Бурлак В. Н. 409

Александров П. К. 74, 77, 189

Александровы И. и Я. 175

Александровичева А. И. 94, 143, 144

Александровская А. И. 605

Алексеев 563

Алексеев М. 193

Алексеев М. В. 521

Алексеев Н. И. 202

Алексеевский А. П. 497

Алексеевский Л. А. 489

о. Алексей (Васильев) 565

Алексей Николаевич, вел. кн., наследник цесаревич 454, 455, 540, 566

Алехин Ю. В. 449

Алиса, вел. герц. Гессенская 453

Алисов И. А. 92, 97, 99, 103, 104, 187

Алопеус А. Д., Д. М. 69

Алферовы, семья 517

Альберт-Виктор (Эдди), принц Кларенский и Авондальскнй 459, 484

Альберт Эдуард Уэльский см. Эдуард VII

д'Альбис, маркиз 227

Альфонский А. А. 294, 295, 311

Альфред Эрнест Альберт, герц. Эдинбургский и Саксен-Кобург-Готский 372, 483, 484

Алябьев А. А. 37, 39

Аметистов А. К. 581

Анастасий, архиеп. 456

Анастасия Николаевна (Стана), вел. кн. 367, 461, 462, 470—474, 484—486

Анастасия Николаевна, вел. кнж. 479, 487

Андреев А. Н. 494, 498

Андреев В. 497

Андреев Д. Л. 499

Андреев Л. Н. 488—499

Андреев С. Л. 493, 498

Андреева (урожд. Денисевич в перв. браке Карницкая) А. И. 497

Андреева (урожд. Пацковская) А. Н. 492, 497, 498

Андреева В. Л. 498

Андроников И. Л. 198

Аникин 87, 94

Анненков Д. Н. 213, 269, 304

Анненков И. А. 306, 308

Анненков Н. Н. 213, 243, 304

Анненкова (в замуж. Теплова) А. И. 259, 261, 264, 308

Анненкова (урожд. Гебль) П. Е. 308

Анненкова (урожд. Якоби) А. И. 243, 264, 306

Анненкова В. Н. 213, 269, 304

Анненкова (урожд. Гагарина) С. А. 213, 240, 269, 304, 306

Антонов Я. А. 491, 497

Антонова Н. А. 488

Апраксин В. С. 304

Апраксин И. А. 258

Апраксин С. Ф. 73, 76

Апраксина (урожд. Толстая) С. П. 213, 304

Апраксина Н. В. 213, 251, 304

Апраксины 135, 137, 266

Апухтина А. П. 301, 311

Апухтина Н. Д. см. Фонвизина

Апухтины Пав. В. и Петр В. 301, 311

Арамович Л. 333, 334, 337

Арбелиан (Орбели) кн., 130

Аргутинскнй, князь 131

Арендт Н. Ф. 105, 188

Аристовы, семья 191—194

Аркадий (Федоров Г. Ф.), архиеп. 190, 195, 197

Арнольди А. И. 325, 328

Арнольди Л. И. 328

Арсеньев К. К. 344, 349

Арсеньева (урожд. Столыпина) Е. А. 206, 223, 243, 277, 302—305, 307, 309

Артамонова Л. Е. 610

Архипов А. 329

Арцыбашев М. П. 512, 521, 556

Арцыбашева М. В. 498

Астафьев 74

Астафьев М. 81

Ассандри 272

Атапин С. С. 197

Афанасьев-Чужбинский А. С. 586

Ахвердов 394, 395

Ахвердова (урожд. Меллер) Е. Б. 23, 24, 28, 38

Ахвердова (в замуж. Голицына) Н. Ф. 23—39

Ахвердова (урожд. Арсеньева) П. Н. 23, 38

Ахвердова (в замуж. Муравьева) С. Ф. 23, 38

Ахвердовы Н. И. и Ф. И. 23, 38

Ахматов 130

Ахматова Е. Н. 392, 409

Бабук О. А. 387

Багратион-Давыдов, князь 526, 527, 529, 565

Багреев см. Фролов-Багреев А. А.

Багрецов 337

Баженов И. А. 414, 415

Баженова А. Е. 413, 414, 415

Базанов В. Г. 38

Базилевская см. Дубельт А. И.

Бакунин А. М. 279, 309

Бакунин А. П. 135

Бакунин В. М. 254, 270, 303, 309

Бакунин М. А. 279, 309

Бакунин М. М. 279, 303

Бакунина 128

Бакунина (урожд. Голенищева-Кутузова) В. И. 303

Бакунина Евд. М. 202, 203, 206, 214, 228, 229, 279, 295, 303

Бакунина П. М. 214, 254, 295, 303

Бакунины Ек. М. и Л. М. 214, 295, 303

Бакунины, семья 202, 207, 264, 270, 279, 295, 300, 301

Балабина Е. П. 69

Балиев Н. 488

Балле 138

Баранов А. И. 268, 281

Баранов И. Н. 203, 254, 255, 261, 268, 272, 278, 281, 286, 303

Баранов Н. И. 281, 286

Баранов Н. М. 407, 410

Баранов Н. Т. 73, 76

Баранова 110

Баранова Ю. Ф. см. Адлерберг

Баранова (урожд. Болтина) В. А. 203, 205, 207, 210

Баранова В. И. 281, 286

Баранова Е. И. 286

Баранова (урожд. Языкова) Е. П. 261, 268, 303

Баранова З. И. 261, 268, 281, 308

Баранова О. И. 261, 268, 281, 286, 308

Баратынский А. И. 295, 311

Баратынский Л. А. 64, 65

Бартенев П. И. 65

Бартенева 75

Бартенева П. А. 75, 77

Бархатов, поручик 166

Барчик С. 446, 448

Барышев И. И. 497

Барятинская, кн. 49

Барятинские М. И. и М. Ф. 72, 75

Барятинские, семья 72

Барятинский 172

Барятинский А. П. 20, 49, 60

Барятинский Ан. И. 258, 261, 308

Баташов Н. П. 243, 263, 267, 276, 278, 282, 294—296, 300, 301, 306

Баташова О. П. 243, 306

Батюшков К. Н. 70

Баумгартен Л. Н., фон 606

Бауэр К. Ф. 18, 19

Бахметев Н. Ф. 201, 204, 207, 215, 217—224, 226—231, 238, 239, 242, 248, 253, 256, 257, 260, 263, 267, 268, 270, 277, 282, 293, 294, 302

Бахметев П. В. 464, 484

Бахметева (урожд. Ховрина) А. Н. 321, 327

Бахметева (урожд. Ховрина) А. Н. 321, 327

Бахметева (урожд. Лопухина) В. А. 198—201, 204, 205, 208, 212, 214, 215, 217, 220—228, 231, 232, 236—239, 242, 246, 248—250, 253, 256, 257, 260—263, 270, 271, 275, 282, 286, 288, 294, 299, 301—303, 306, 308, 309

Бахметева Е. 202, 205, 254, 303

Бахметева (в замуж. Базилевская) О. Н. 199, 201, 205, 220, 221, 228—232, 256, 271, 275, 288, 292, 301, 302

Бахметева О. 202, 205, 236, 254, 303

Бахметева С. 202, 205, 235, 236,, 245, 254, 273, 303

Бахметевы, семья 244, 268, 274, 278, 290, 294, 296, 297, 301

Бахтеев 254

Безобразов 93, 104

Безсонов (Бессонов) П. А. 345, 348, 349

Беккер 562, 563

Беккер С. 595

Беклешова (урожд. Сушкова) М. В. 236, 306

Беликов 606

Белинский В. Г. 400, 410

Белов Н. Н. 496

Белосельская-Белозерская (урожд. Бибикова) Е. П. 76

Белоусов И. А. 497

Беляев Б. 551

Бенкендорф (урожд. Донец-Захаржевская, в первом браке Бибикова) Е. А. 72, 75

Бенкендорф А. Х. 64, 73, 76, 89, 187, 189

Бенкендорфы, семья 72

Беннигсен Л. Л. 18, 19

Бентивоглио, кн. 227

Бенуа 86, 87, 96, 98

Бергонье 496

Берже 570

Беринг (в замуж. Колокольцева) 279

Беринг В. 94

Беринг (в замуж. Новосильцева) М. А. 259, 308

Берков П. Н. 451

Берлиоз Г.-Л. 300, 311, 329

Бернадаки 447

Беррийская Мария-Каролина, герц. 224, 305

Беррийский, герц. 305

Берс 134

Бессель А., фон 79

Бестужев Н. А. 20, 60

Бестужев-Рюмин К. Н. 353, 357, 358, 371,

Бетховен Л., ван 329

Бецкой И. И. 352

Бибиков Г. И. 320, 321

Бибиков И. П. 320—322, 327

Бибиков С. Г. 320—324, 327

Бибиковы 324, 329

Бильбасов В. А. 402, 410

Бирон К.-Г. 292, 310

Благов (Благой), помещик 92, 97, 150, 151

Благово О. А. 104, 110, 147, 150, 151, 176

Благовы, семья 143, 161

Благосветов Г. Е. 592

Блер (Блэр) Х. 33, 39, 87

Блохин С. С. 488

Блудов Д. Н. 337—340, 342, 347, 348

Блудова А. Д. 337—349

Блюмер 518

Бобринев А. 349

Бобринская (урожд. Самойлова) С. А. 63, 64, 73, 76, 312, 316

Бобринская (урожд. Соковнина) С. П. 247, 307

Бобринсккие, семья 61, 388, 395

Бобринский А. А. 312, 315, 317

Бобринский А. В. 247, 307

Бобринский В. А. 247, 302, 322, 327

Бове (урожд. Шамбо) А. П. 426, 442

Бове М. М. 426

Бове М. О. 426, 442

Бове О. И. 442

Богарне Е. 304

Богров Д. Г. 487

Богуславская 337

Боде А. К., де 510, 521

Боде (в замуж Олсуфьева) Ек. Л. 261, 308

Боде (в замуж. Баратынская) Ел. Л. 295, 311

Боде С. А. де 510—512

Бодунген К. К. 364, 366, 372

Бодунген Ф. К. 364, 372

Бойко В. М. 311

Бойчук Л. Л. 15

Бокова В. М. 39, 320, 410, 442

Бонапарт Жером 305

Бонч-Бруевич В. Д. 80

Бордоский (граф Шамбор А. Ш.), герц. 229, 305

Борер 300

Бородаевская-Ясевич В. 584

Бородин А. П. 329

Бороздина (в замуж. Урусова) А. Н. 66, 69

Бороздина Н. 72

Бороздина (в замуж. Мосолова) О. Н. 66, 69

Бороздины, семья 216

Боссюэ Ж. Б. 12

Боткин С. П. 359

Бочкарева М. Л. 507—510, 512, 514, 519, 521

Брадке Е. Ф., фон 584

Брискорн М. М. 189

Бродовский Р. 610

Бродские А. Д. и А. Л. 451, 452

Брозе, генерал 86

Брокгауз Ф. А. 573

Бруар Ш. Ф. 533, 565

Бруннов Ф. И. 74, 77

Брусилов А. А. 443, 508

Брусилова Н. В. 508

Брусянин В. В. 497

Брэд, врач 20

Буассоне, торговец 234

Буланже 315

Булгак Г. 609

Булгаков А. Я. 100, 103, 188, 306

Булгаков К. П. 67, 70

Булгакова 433

Булгакова (урожд. Варлам) М. К. 67, 70

Бунина А. П. 32, 33, 38, 39, 189

Буранов Ю. 453

Буслаев Ф. И. 371

Буссе В. Ф. 364, 372, 366

Буташевич-Петрашевский М. В. 188, 189

Бутиков 514

Бутлеров А. М. 337

Бутурлин М. Д. 255, 305

Бутурлина (урожд. Нарышкина) Е. И. 227, 228, 255, 256, 290, 305

Бухерт В. Г. 349

Быков П. В. 587

Бычков А. Ф. 411, 438, 439, 440

Бычкова Е. А. 438

Бычкова (урожд. Румянцева) Н. А. 410—443

Бычковский 178

Бюцов Е. К. 460, 484

Вагнер (Грубер) О. А. 353, 371, 357, 358

Вагнер Н. П. 358, 371

Вагнер П. И. 356—358, 371

Вадковская (урожд. светл. кнж. Меншикова) А. А. 304

Вадковские (А. Ф.; И. Ф.; Ф. Ф.) 308

Вадковские В. И. (в замуж. Катенина); Е. П. (урожд. Морлчанова) 258, 308

Вадковский И. Я. 207, 304

Валуа Э. 272, 278, 280, 284, 292

Валуев 73

Валуев П. А. 344—346, 349

Валуев С. П. 240, 257, 306

Валуева (урожд. Ладыженская) А. П. 306

Валуева (урожд. Маслова) Е. П. 240, 257, 306

Вальдемар, принц Датский 458, 478, 483

Вандаль Б. Ж. 450, 451

Ванин И. Ф. 192

Варламов К. А. 397, 409

Васильев А. В. 224, 305

Васильев А. Д. 89, 187

Васильев В. П. 356, 357, 371

Васильев Л. А. 526, 554, 555, 565

Васильев П. В. 391, 405, 408

Васильева Н. 405

Васильева О. 356, 357

Васильчиков А. В. 67, 70

Васильчиков Д. В. 66—69

Васильчикова Александрина 66

Васильчикова (урожд. Апраксина) А. П. (Адель) 65—67, 69

Васильчикова М. А. 458, 483

Васильчикова (в замуж. Кочубей) М. В. 60, 67, 69

Васильчикова (в замуж. Сверчкова) С. Н. 290, 310

Васильчиковы Ек. Д. (в замуж Кушелева-Безбородко); Ел. Д. (в замуж. Протасова); С. Д. (в замуж. Васильчикова) 65—69

Вахновская С. см. Дюклу Е. А.

Вейдеман, врач 368

Велигорская А. М. 488

Велигорская (в замуж. Доброва) Е. М. 495, 499

Великанов В. А. 375

Великанова А. И. 375

Веневитиновы А. В. и Д. В. 68, 71

Веремчук Д. 602

Верещагин, обер-полицмейстер 264

Верещагин А. Н. 311

Верещагина (в замуж. Засецкая) Е. Л. 296, 311

Верещагина (урожд. Анненкова) Е. А. 203, 204, 206, 209—212, 218, 223, 228, 229, 233, 237, 245—247, 249, 252, 254, 256, 259, 260, 262, 266, 274—276, 279—282, 285, 286—289, 292—294, 299—300, 302, 303, 306

Верещагина А. И. 304

Верстовский А. Н. 388

Верховский А. И. 509, 521

Веселкин М. М. 606

Веселкина (урожд. Столыпина) М. В. 606

Веселкина О. М. 606, 607

Веселовский Б. Б. 484

Вехтер 260

Виардо-Гарсиа П. 272, 283, 309

Вивьен М. 442

Вивьен, композитор 332

Видковский, полковник 228, 265, 304

Виельгорские, семья 72

Виельгорские И. М. и М. Ю. 73, 76

Виктория I Александрина, королева Великобритании и Ирландии 372, 453, 466, 484, 485

Виктория, принц. Баттенбергская (урожд. принц. Гессенская) 457, 466, 481, 483, 485, 487

Виктория-Мелита (Даки), принцесса Саксен-Кобург-Готская 465, 466, 468, 469, 472, 485, 486

Виллие Я. В. 36, 39, 197

Вильгельм II (Вилли, Вильям), имп. Германии 465, 466, 483, 485

Вильгельм, принц шведский, герцог зюдерманландский 479, 484, 487

Виндинг О. Д. 494, 498

Виотти 272

Вирачев И. 191

Вирачева Е. 191, 195

Виталис 447

Вишневский, поручик 445, 446

Вишнякова 72, 75

Владимир Александрович, вел. кн. 188, 396, 409, 461, 462, 468, 472, 478, 484, 486

Власаков Ф. 448, 449

Власов 183

Войлощников 424

Войнов (Воинов) М. М. 418, 441

Волгин П. М. 593

Волгина см. Мордвинова Н. Н.

Волков М. П. 609, 610

Волков 191

Волконская (урожд. Репнина) А. Н. 59, 65

Волконская В. М. 67, 70

Волконская (урожд. светл. княж. Волконская) Е. Г. 63, 64

Волконская (урожд. Белосельская-Белозерская) З. А. 68, 71

Волконская (урожд. Волконская) С. Г. 70

Волконская (урожд. Раевская) М. Н. 39—64, 148, 149

Волконские Г. П. и Д. П. 67, 68, 70, 72, 75, 76

Волконские, семья 72

Волконский Г. С. 69

Волконский М. С. 61—64

Волконский Н. Г. 67, 70, 71

Волконский Н. С. 44, 49, 50, 59

Волконский П. М. 67, 70, 75, 77, 168, 190

Волконский С. Г. 43—53, 55—59, 63, 64, 78, 149, 189

Волконский С. М. 312

Волошинов П. 12

Вольтер 12

Воробьева 422

Воронский 391

Воронцов М. С. 40, 122, 123, 131, 172, 188, 317

Воронцов С. М. 188, 310

Воронцова-Вельяминова М. П. 610

Воронцова-Дашкова (урожд. Нарышкина) А. К. 72, 76

Воронцов-Дашков И. И. 73, 76, 476

Всеволожская 236, 266, 276, 309

Всеволожская (урожд. княж. Трубецкая) С. И. 75, 77

Всеволожский (Всеволжский) 24, 73, 102

Всеволожский Н. С. 288, 310

Вырубова (урожд. Танеева) А. А. 524—533, 535, 554, 555, 565

Вяземская 283

Вяземская (урожд. княж. Гагарина) В. Ф. 57, 61, 310

Вяземская (урожд. Новосильцева) Е. П. 325, 327, 328

Вяземская (урожд. Шишикина) П. С. 275, 309

Вяземский В. Н. 309

Вяземский П. А. 61, 70

Гааз Ф. П. 215, 305

Гаар М. А. 525

Гагарин 258

Гагарин Л. А. 240, 306

Гагарин П. П. 254

Гагарина 66

Гагарина (урожд. Рахманова) Л. 199

Гагарина М. 259

Гагарины, семья 213

Гадон В. С. 458, 483

Гаевский В. П. 389, 408

Галаган П. 578

Галкина А. И. 424, 435

Галли 67

Гамалея Н. М. 113, 114, 188

Гампель (Гампельн) К. К. 37, 39

Ганскфельд 177

Гарнерин (Garnerin) 16

Гартунг Л. Н. 189

Ге И. Н. 410

Гедеонов А. М. 73, 75, 76

Гедеонов С. А. 392, 409

Гейден, граф 74, 130

Геккерн Луи 451

Геккерн Л. Ж. Ж. и Л. Ш. 450, 451

Геккерн-Дантес Ж. Ш., см. Дантес

Гельмгольц Г. Л. 572

Геммингем Луиза 237, 246, 254, 260, 263, 282

Геммингем Людвиг 241, 254, 270, 282, 294

Гендрикова А. В. 540, 566

Гензельт А. Л. 332

Генрих, принц Прусский 483

Генцель 247

Георг (Джорджи), принц Греческий 459, 483

Георг I (Willy), король Греции 472, 473, 483, 484, 486

Георг V (Джорджи), король Великобритании и Ирландии 459, 484

Георгиевский Г. Т. 605—608

Георгий Александрович (Джорджи), вел. кн. 464, 469, 484

Георгий Михайлович, вел. кн. 481, 484, 487

о. Гермоген (Добронравин) 400

Гермоген (Долганов Г. Е.), архиеп. 548, 565, 566

Герцен А. И. 441, 606

Гершельман, корнет 520

Гете И.-В. 357

Гиль М. С. 532, 535, 565

Гиль, помещица 195, 196

Гиркс 207

Гильотен 19

Глебов А. И. 605

Глинка А. П. 388

Глинка Ф. Н. 19—38, 388

Гогель 74

Гогенфельзен О. В., см. Пистолькорс

Гоголь Н. В. 65

Голицын 170, 182

Голицын А. Б. 23—38

Голицын А. Н. 59

Голицын А. С. 223, 228, 305

Голицын А. Ф. 188

Голицын Б. А. 37, 39

Голицын В. Д. 254, 307

Голицын В. М. 258, 307

Голицын Д. В. 244, 255, 275, 306

Голицын Д. П. 608

Голицын Д. Ф. 299, 310

Голицын И. Ф. 204, 215, 253, 254, 273, 274, 300, 303

Голицын С. М. 73, 213, 268, 304

Голицын С. Ф. 299, 311

Голицын Ф. Ф. 204, 303

Голицын Ю. Н. 413, 441

Голицына, кн. 236, 341, 342, 469

Голицына (урожд. Бахметева) А. Ф. 199, 215, 236, 253, 254, 256, 302, 303, 307

Голицына (урожд. Нарышкина) Е. М. 299, 311

Голицына Е. С. 258, 308

Голицына (урожд. Баранова) Л. Т. 251, 256, 268, 307

Голицына (урожд. Толстая) П. И. 258, 307

Голицына (урожд. Васильчикова) Т. В. 244, 306

Голицына (в замуж. Прокунина) Ю. П. 300, 311

Голицыны, семья 215, 254, 300, 457

Головачев П. М. 60

Головин Е. С. 565

Головин И. Г. 279, 309, 310

Головина М. Е. 530, 531, 565

Головкина, графиня 207

Головнин А. В. 343, 349

Голоушев (псевд. Глаголь) С. С. 497, 499

Голубинина В. 366

Голубкина З. 329

Гончаров Д. Д. (мл.) 449—451

Гончаров Д. Д. (ст.) 450, 451

Гончаров И. А. 349—351, 388

Гончаров С. Н. 321, 324, 328

Гончарова (урожд. Бергман) В. К. 450, 451

Гончарова (урожд. Назарова) Е. Е. 452

Гончарова (урожд. Шлиппе) О. К. 450

Гончарова Е. Д. 449—451

Гончарова (в замуж. Дантес) Е. Н. 449—451

Гончаровы, семья 281, 449

Горсткин И. Н. 228, 305

Горсткина (урожд. Ломоносова) Е. Г. 228, 305

Горчаков А. М. 281, 309, 310

Горчакова (урожд. Урусова, в перв. браке Мусина-Пушкина) М. А. 273, 309, 310

Горчаковы, семья 292

Горький (Пешков) А. М. 488

Горюнков П. 602

Горяинов 203, 254, 255

Горяинова (урожд. Шишкина) Е. П. 254, 255, 307

Гофман А. Л. 142, 143, 175, 189

Грамматчикова Л. Ф., см. Кони

Грановский 538, 540, 565, 566

Грановский Т. Н. 371

Грейар де Гренвиль Б. К. 11

Грейнерт Е. И. 605, 609

Греч Н. И. 38, 87, 92, 121, 187, 388

Гречулевич В. В., свящ. 365, 370, 372

Грибоедов А. С. 23, 38

Гривелли 253

Григорова О. С. 609

Григорович И. И. 365, 372

Григорьевы, семья 330

Гриневицкий И. И. 374

Грищук 162, 164, 177

Громов И. Ф. 407, 410

Гротенгельм 264

Гротенгельм М. М. 146, 189, 264

Грузинские, князья 17

Грушка А. И. 581

Грюнвальд 73

Гудович А. А., см. Трубецкая

Гуммель И. 337

Гурко 203, 283

Гурко И. В. 448

Гурьялов, кн. 152

Давид И. (I. David) 610

Давыдов 203, 290

Давыдов В. В. 269, 309

Давыдов И. Ю. 418, 441

Давыдов П. Л. 55, 57, 60

Давыдова (урожд. Потапова) А. И. 43

Давыдова А. М. 110, 111, 115, 121, 126, 141, 178, 185

Давыдова (в замуж. Эглофштейн) А. П. 202

Давыдова (урожд. Оболенская) С. А. 272, 309

Дагмара см. Мария Федоровна, имп.

Дантес А. 450, 451

Дантес-Геккерн Ж. Ш. 449—451

Дантесы, семья 449

Дараган, начальница 333, 334, 335

Дараган 333, 334

Дашкова Е. Р. 11

Де-Бове О. М. 496

Девятова 387

Делез Ж. 36, 39

Дельвиг А. А. 39

Делянов И. Д. 348, 349, 581

Делянова (в замуж. Манук-Бей) Е. Д. 245, 306

Демидов 167

Демидов 191, 192, 195

Демидов А. Н. 189

Демиховская Е. К. 351

Демьянов 207

Деникин А. И. 521

Державин Г. Р. 364

Денисевич А. И. 488

Дероберти П. М. 26, 39

Десятов А. 329

Дешевов 96

Джунковский В. Ф. 464, 484, 486, 487

Дивова 228

Диджинфилд 273

Дмитриева Е. Л. 451, 452

Дмитрий Константинович, вел. кн. 581

Дмитрий Павлович, вел. кн. 463, 464, 473, 475—480, 486

Добров Ф. А. 495, 499

Добровы, семья 495

Докучаев И. И. 435, 442

Долгорукий, кадет 90

Долгоруков, кн. 74

Долгоруков А. Н. 315

Долгоруков В. А. 66, 69, 73, 76, 341, 342, 349

Долгоруков И. А. 74, 76

Долгоруков Н. 73

Долгоруков Р. А. 308

Долгорукова В. 75

Долгорукова (урожд. Салтыкова) Е. А. 75, 77

Долгорукова (урожд. Малиновская) Е. А. 265, 308

Долгорукова (урожд. Голицына) Ек. Д. 75, 77

Долгорукова (урожд. Чернышева) Н. Г. 57, 61

Долгорукова (урожд. Булгакова) О. А. 240, 251, 265, 306

Долгорукова С. Н. 606

Долецкая 387

Долецкая 567

Домонтович М. А. 499

Донат, архиеп. Донской 580

Донец-Захаржевская (урожд. Тизенгаузен) Е. П. 72, 75

Донец-Захаржевский Г. А. 73, 76

Доницетти Г. 351

Дорофеева Е. И. 68

Дорошевич В. М. 521

Достовалов Е. И. 514, 522

Достоевский Ф. М. 375, 388, 403, 404, 410

Дохтуров Д. П. 208

Дохтуров П. Д. 208, 304

Дохтурова (урожд. Столыпина) А. А. 208, 273, 304

Драшусова Е. А. 303

Дроздовы А. Т. и Т. П. 191

Дроков С. В. 508

Друцкой Д. С. 202, 244, 306

Друцкой И. С. 202, 203, 207, 214, 216, 236, 238, 244, 256, 270, 306

Друцкой С. А. 202

Дубасов Ф. В. 478, 486, 601, 602

Дубельт (урожд. Базилевская) А. И. 79, 153

Дубельт (урожд. Замайская) А. К. 19, 81, 126, 129, 134—137, 139, 144, 145, 157, 162—164, 166, 169, 174—176, 178, 180, 187, 188

Дубельт (в замуж. Кондарева) А. М. 79, 80

Дубельт (урожд. Перская) А. Н. 78—190

Дубельт В. И. 18, 189

Дубельт Евг. И. 18, 78

Дубельт (урожд. Ригина) Евд. И. 190

Дубельт (урожд. Джоржеске) Ел. И. 190

Дубельт К. И. 168, 189, 190

Дубельт К. И. 188, 189, 190

Дубельт К. П. 175, 190

Дубельт Л. В. 18, 78—190, 286, 310, 338, 348

Дубельт Л. М. 79

Дубельт (в первом браке Шперберг) М. Г. 18, 19, 166, 189

Дубельт М. Л. 78—87, 90—94, 98, 101, 102, 107, 110, 114, 116—119, 121, 125—131, 140, 146, 148, 152—159, 161, 170—174, 176, 177, 180—187, 189

Дубельт М. П. 99, 188

Дубельт (в замуж. фон Бессель) Н. М. 79

Дубельт Н. Л. 78—87, 90—102, 104, 108, 109, 111—117, 119, 122, 124—130, 132—136, 142, 144, 146—152, 154—159, 161, 164, 165, 167—175, 180—187

Дубельт П. В. 18, 19, 187, 188

Дубельт С. П. 129, 135, 137, 138, 140, 144, 152, 162—167, 172, 174, 176—178, 180, 181, 186, 188

Дубельты (А. П.; К. П.; М. Н.; П. П.; С. П.; Э. П.) 19

Дубовицкая (урожд. Мусина-Пушкина) А. С. 254, 258, 307

Дубовицкий Н. А. 307

Дуван-Торцов И. Э. 496

Дузэ Э. 504

Дунина-Борковская (урожд. Пенол) Г. И. 373, 374

Дурново (урожд. Волконская) А. П. (Алина) 67, 68, 70

Дурново Д. Н. 67, 70

Дурново (урожд. Демидова) М. Н. 67, 70, 346

Дурново П. Д. 67, 68, 70

Дурново П. Н. 478, 486

Дурновы 103, 104, 142, 151, 159, 160, 184

Дьякова А. Г. 141

Дьяченко В. А. 392, 395, 408, 409

Дюбуар 363

Дюжикова А. М. 397, 409

Дюклу (в первом браке Ладыженская, во втором Палтова) Е. А. 325, 326, 328

Дюклу (урожд. Бибикова) М. Г. 325, 326, 328

Дюклу (урожд. Бибикова) М. Г. 525, 526, 528

Дюма А. 311

Евдокимов Д. Г. 417, 441, 430, 432

Евдокимов И. Г. 441

Евдокимов М. Д. 417, 422, 428, 429, 440

Евдокимов Н. Д. 422, 429, 430

Евдокимова (урожд. Ушакова) А. А. 430, 442

Евдокимова А. Аф. 429

Евдокимова Г. С. 422, 429, 430

Евдокимова М. Д. 422—440

Евдокимовы, купцы 421, 435, 440

Евреинов П. А. 216, 254, 269, 303, 307

Евреинова (урожд. Столыпина) А. А. 258, 307

Евреинова (урожд. Оболенская) С. А. 205, 206, 211, 216, 235, 239, 254, 261, 266, 303

Евсюков 300

Евсюкова (урожд. Устинова, во втором браке Загоскина) А. А. 286, 310

Екатерина II 19, 352

Екатерина Вюртембергская 305

Екатерина Павловна, вел. кн. 371

Елена Павловна (урожд. Фредерика Шарлотта Мария,

принцесса Вюртембергская), вел. кн. 75, 77, 118, 188, 249, 307, 350, 351

Елизавета Алексеевна, имп., жена Александра 1 35, 39, 583

Елизавета Маврикиевна, вел. кн. 458, 483

Елизавета Михайловна, герцогиня Нассауская 279, 310

Елизавета Петровна, имп. 352

Елизавета Федоровна (Элла), вел. кн. 453—487

Енченков Н. 602

Еринарх, еп. 548

Ермолаев Н. С. 15—17

Ермолов А. П. 307

Ермолов А. П. 307

Ермолов Ф. А. 280, 307

Ермолова (урожд. Щербатова) А. Н. 253, 269, 280, 307

Ерошкин см. Ярошинский К. И.

Есипова (в замуж. Сабурова) 199, 200

Ефимович 207

Ефимовская (урожд. Палицына) Н. П. 236, 306

Ефимовский А. П. 236, 258, 259, 306

Ефимовский Б. А. 258, 259, 308

Ефремова-Рамазанова Н. Н.

Ефрон И. А. 573

Ешевская А. С. 352—372

Ешевская Ан. 358

Ешевская Е. В. 353, 355—359

Ешевская О. С. 353, 357—359, 368

Ешевский С. В. 352, 353, 371

Желтухин 96

Жилярди И. Д. 605

Жоли К. К. 234

Жотиков З. П.

Жуковский В. А. 70, 74, 77, 157, 172, 189, 305, 364

Жулева Е. Н. 397, 409

Жюльвекур (урожд. Всеволожская, в первом браке Кожина) Л. Н., де 208, 266, 276, 288, 304, 310

Жюльвекур Поль, де 208, 217, 266, 276, 288, 304

Жюльвекуры, семья 240, 288

Завадовская (урожд. Влодек) Е. М. 66, 69

Завадовский, граф 228

Завальевский 87, 88

Загорский А. 197

Загоскин М. Н. 251, 307

Загоскин С. М. 189

Загряжская (урожд. Разумовская) Н. К. 66—69

Задорновские, семья 564

Зайончковская Л. К. 178

Заккит К. К. 602

Замайская А. К., см. Дубельт

Замятины, семья 424

Зандер, доктор 354, 368

Заседателев Ф. Ф. 489

Засецкая (урожд. Федорова) А. А. 203, 296, 311

Засецкий П. П. 296, 311

Захаржевский 102

Захарова В. 193

Захарьин Г. А. 426, 442

Зворыкина М. М. 610

Зекендорф Л. 273

Зильберштейн И. С. 60, 489

Зимин С. И. 522

Зимина А. Д. (Ариадна) 620—642

Зиновьев 351

Зиновьев Н. В. 116, 188

Змеев Л. Ф. 577

Зоновы 553

Зотов, золотопромышленник 189

Зубов А. Н. 228, 254, 261, 305

Зубов В. Н. 205, 254, 261, 266, 303

Зубов (наст. фам. Попов) Н. Н. 397, 409

Зубова (урожд. Облеухова) Е. А. 205, 245, 261, 266, 303, 304

Зуоова (урожд. Оболенская) Е. А. 205, 245, 261, 266, 303, 304

Иван III, царь 575

Иванов А. А. 357

Иванов М. И. 92, 103, 187

Иванов М. Т. 408

Иванов Н. И. 419, 438

Иванов 444—447

Иванова 509

Иванова (урожд. де Спилер) Е. Н. 419

Ивановы, семья 424

Ивашев 101, 104

Ивашев В. П. 234, 305

Ивашев П. Н. 305, 234

Ивашева (урожд. Ле-Дантю) К. П. 234, 305

Измайлов А. Е. 391, 409

Игельстром Е. А. 310

Иглосштейн 284

Игнатьев А. Д. 203, 205, 282, 288, 303

Игнатьев Н. П. 348, 349

Игнатьев П. Н. 73, 76, 96, 99, 147, 150, 188

Игнатьева Е. А. 205, 303

Игнатьева (урожд. Воейкова) П. А. 205, 207, 288, 303

Игорь Константинович, кн. 456

Извольский А. П. 444, 447

Иноземцев Ф. И. 222, 305

Иоанидис П. 484

Иоанн IV Грозный, царь 575

Иоанн Константинович, кн. 456, 458, 483

св. Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич) 388, 471, 472, 486

Иоанн 541

Иоанн, митр. 541

Ирена Луиза Мария (урожд. принц. Прусская, принц. Гессенская) 456, 483

Ишутин Н. А. 389, 408

Каблукова (в замуж. Голицына) В. В. 223, 228, 305

Каблукова (в замуж. Барятинская) О. В. 258, 261, 308

Каблукова (урожд. Завадовская) Т. П. 203, 303

Кавелин А. А. 74, 76

Каглинская 165

Казаков М. Ф. 302

Казимирский Я. Д. 60

Каирова А. В. 375—387

Каирова Н. А. 376, 387

Каирова Н. В. 376, 378, 387

Каирова Н. И. 376, 378, 379, 387

Каировы (В. Ф.; Н. А.; Ф. Н.) 376, 387

Калайдович И. П. 581

Калиновская (в замуж. Огинская) О. И. 72, 76

Каменев И. Л. 113, 114, 118, 188

Каменская (урожд. Толстая) М. Ф. 20, 396, 409

Канкрина (урожд. Муравьева) Е. З. 44, 45, 48—50, 57, 59—61

Кант Э. 577

Кантемир Д. К. 11

Каравкевич, см. Коропчевский

Караев (Кареев) Ф. Д. 396, 409

Каракозов Д. В. 389, 408

Карамзин Н. М. 70

Карамышев 165

Каратыгин В. А. 207, 301, 304, 311

Каратыгина (урожд. Колосова) А. М. 301, 304, 311

Каргаполова Н. А. 372, 507

Карельских Е. К. 609

Карл I, король Вюртембергский 310

Карл X, король Франции 305

Карнаухом А. 175

Карр (в замуж. Коропчевская) М. А. 208, 304

Каталани А. 227, 305

Катенин А. А. 258, 308

Катков М. М. 606

Катков М. Н. 344, 349, 371, 404, 410

Каула 287

Кауфман К. П., фон 394, 409

Каханов П. А. 286, 310

Каханова (урожд. Столыпина) В. А. 310

Каховская Н. В. 91, 96

Каховский Н. Г. 91, 96, 105, 187

Кашкарова М. 362, 363

Квашнина-Самарина А. П. 46, 60

Келлер Ф. А. 475, 486

Керенская О. Л. 508

Керенский А. Ф. 508, 514, 521

Керн А. П. 304

Киль Л. И. 73, 76

Киндякова Е. П., см. Раевская

Кирилл Владимирович, вел. кн. 486

Кирпичниковы, семья 403, 404

Киселев П. Д. 74, 76

Киселевский И. П. 397, 409

Китаев И. 193

Киттара Е. П. 358

Кладо Ф. Н. 394, 409

Клейнмихель П. А. 479, 578

Клеменко Е. К. 354, 359—361, 365, 371

Климович Е. К. 598, 602

Клица И. И. 174, 176, 190

Ключевский В. О. 11

Кнауер (в замуж. Хилл) 240, 273

Книппер О. Л. 449

Кнорринг (в первом браке Нарышкина, во втором Дюма) Н. И. 295, 311

Кнорринг Н. Н. 448

Княжевич В. М. 388

Кобле К. Ф. 34, 39

Кобле Ф. А. 39

Кобылин А. см. Сухово-Кобылин А. А.

Кобылина Е. В. см. Сухово-Кобылина

Ковалевский Е. П. 340, 343, 349

Ковалевский 445

Ковен, семья 159

Кожин Д. И. 290, 310

Козлов И. И. 70, 307

Козлова А. И. 247, 307

Козлом (урожд. Давыдова) С. А. 254, 307

Козловские, князья 16, 560—563

Кок П., де 281

Коковцов В. Н. 455

Кокошкина 337

Колбина Е. А. 444, 447

Колганова Г. М. 456

Коллонтай (урожд. Домонтовнч) А. М. 499—507

Коллонтай В. 499

Кологривова (урожд. Вельяминова-Зернова) А. Ф. 258, 259, 290, 308, 310

Кологривова (в замуж. Кожина) М. С. 290, 310

Колокольцев 279

Колтен 287

Колчак А. В. 498, 517, 520, 522

Комаров, архитектор 183

Комаровы, семья 424

Комиссаром (в замуж. Головина) 279

Кондратский А. 150, 151, 176

Кондырев П. С. 80

Кондыревы (А. А.; А. П.; Н. А.; П. А.) 80

Кони (Грамматчикова) Л. Ф. 375, 384, 387

Кони А. Ф. 388, 389, 404, 406, 410

Кони О. Ф. 387

Кони Ф. А. 375

Конради Е. П. 583

Константин (Тино), принц Греческий 459, 484

Константин Константинович (ст.), вел. кн. 456, 458, 483

Константин Константинович (мл.), кн. 456, 581

Константин Николаевич, вел. кн. 76, 87, 187, 350, 351, 483, 484

Константин Павлович, вел. кн. 19, 77, 189

Константинов М. К. 499

Копп, доктор 217, 220, 222

Копылов И. В. (псевд. Орлов) 388

Кораблев А. 434

Кораблем А. П. 434

Корагинская А. Я. 178

Кормильцев 394

Корнель П. 399

Корнилов А. А. 484

Корнилов А. П. 482, 487

Корнилов И. П. 345, 349

Корнилов Л. Г. 512, 514, 521, 522

Коропчевский 208, 304

Коровин К. 329

Корсаков 266

Корсаком (урожд. Мордвинова) А. С. 108, 132, 188

Корсаком В. 177

Корсакова С. Н. 108, 177

Корсаковы Н. С. и С. Н. 108

Корсаковы, семья 107, 151

Корф (урожд. Ладыжеская) А. Ф. 236, 306

Корф Н. А. 236, 306

Корфы, семья 236, 275, 282, 292, 301, 388

Корш Ф. А. 493—495, 498, 499

Кослер Е. В. 426, 427

Костин Б. 448

Костич И. 343, 349

Костомаров Н. И. 20, 345, 349

Кочубей 213

Кочубей А. Н. 63, 64

Кочубей В. В. 66, 67, 69, 74, 77

Кочубей В. П. 69, 70

Кочубей Д. В. 67, 70

Кочубей (урожд. Волконская, в перв. браке Молчанова) Е. С. 62—64, 148, 149, 189

Кочубей М. В. 74, 76

Кочубей М. Н. 63, 64

Кочубей Н. А. 62, 64

Кошелем 208, 273

Краевский А. А. 68, 71, 374

Крамской И. Н. 481, 487

Крапоткин А. И. 341, 349

Крапоткин, князь 24, 38

Крассовский А. Я. 462, 484

Кротков А. 207, 240, 251, 288

Кротковы, семья 240

Кругликова (урожд. Чернышева) С. Г. 56, 57, 59—61

Крузенштерн И. Ф. 70

Кручинин А. Н. 496

Крылов, профессор 329

Крылов И. А. 295, 357

Крылова Ю. 336

Крюденер (урожд. Лерхенфельд, во втором браке Адлерберг) А. М. 72, 75

Ксения Александровна, вел. кн. 456, 460, 472, 479, 480, 484, 579

Кугушев 286

Кубелик Я. 473, 474, 486

Кудрявцевы, семья 400

Кузнецов И. Д. 193

Куликов А. Н. 390, 408

Куликов И. Н. 388, 390, 391, 404, 405, 408

Куликов Н. И. 388, 391—393, 396, 399, 402, 403, 405—408, 410

Куликов Н. Н. 388, 390, 391, 394, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 407—409

Куликова В. Н. 388—410

Куликова (в замуж. Шестакова) М. Н. 388, 390, 396, 397, 400, 407, 408, 410

Куликовский Н. А. 485

Куропаткины, семья 528

Кутайсов И. П. 228, 305

Кутайсова (урожд. Шепелева) Е. Д. 228, 305

Кутузов 66

Кушева Е. Н. 15

Кушелев Г. Г. 67, 68, 70

Кушелев-Безбородко А. Г. 65, 69, 70, 160, 162, 189

Кушелева-Безбородко (урожд. Репнина) А. Н. 65—69

Кушелева-Безбородко (в замуж. Кочубей) В. А. 66—68, 71

Кюхельбекер В. К. 38

Лаблаш Л. 350, 351

Лаваль (урожд. Козицкая) А. Г. 66, 70

Лавров С. П. 80, 84—86

Лаврова М. Н. 80, 81, 84—86, 91, 95, 97, 100, 102

Лавровская (урожд. Цветкова) Г. А. 432, 442

Лавровский В. Е. 432, 442

Лавровский С. В. 432

Лавуазье А. 19

Ладыженская 425

Ладыженская (урожд. Исленьева) В. А. 304

Ладыженская (в первом браке Львова, во втором браке Розен) М. Ф. 211, 236, 262, 266, 274, 275, 281, 282, 292, 299, 304, 306

Ладыженские, семья 206, 236, 282

Ладыженский А. Ф. 326, 328

Ладыженский Ф. И. 304

Лажечников И. И. 409

Лакост 461

Ламан Д. Н. 532

Ламартин А., де 323, 327

Ламберт, де 40

Ланская см. Пушкина Н. Н.

Ланские, семья 79, 154, 161, 174, 176, 181, 182, 184, 185

Ланской П. П. 114, 161, 189

Лапины, семья 391

Ларионов В. Д. 489, 643

Лахтина (Лохтина) О. В. 530, 531, 534, 535, 537, 565

Леберехт 19

Левитан И. 329

Левицкая (урожд. Пражевская) В. П. 303

Левицкая (в замуж. Скалон) Е. М. 213, 244, 248, 291, 296, 303, 306

Левицкая С. М. 213, 296, 303

Левицкая (в замуж. Титова) Ю. М. 205, 213, 244, 303

Левицкие, семья 202, 205, 236

Левицкие М. И. и Н. М. 303

Левкеева Е. И. 394, 409

Левкеева Е. М. 394, 405, 409

Левстрем С. 363

Ле-Дантю М. П. 234, 305

Лейн Я. Л. 496

Лейхтенбергский Г. М. 470, 485, 486

Лейхтенбергский Максимилиан Евгений, герцог 213

Лемке М. К. 18

Ленин (Ульянов) В. И. 500

Леннарт, граф Бернадот 487

Ленский Д. Т. 410

Лентовский М. В. 596

Леонтьева М. П. 354, 359, 366—368, 371

Леонтьева Н. Л. 579

Лепарский С. Р. 44, 50, 59, 60

Лермонтов М. Ю. 38, 198, 203, 206, 218, 223, 242, 243, 302—311, 322, 326—328, 411

Лернер Н. О. 80

Лерукс 461

Лестремн 116

Летов В. Я. 329

Лешетицкий, профессор 363

Либерман А. 74, 77

Ливен Е. А. 465, 485

Ливен Х. А. 74, 76

Лизогуб 112

Линден, де 202, 218

Линская (урожд. Коробьина) Ю. Н. 391, 392, 408

Лиондер, доктор 25—28, 30, 32, 33, 36—38

Лисицын, купец 156

Лист Ф. 259, 308

Литке Ф. П. 74, 76

Лихарев В. Н. 59—61

Лихарева (урожд. Бороздина) Е. А. 53, 57, 59—61

Лобанов, кн. 72

Лобанова-Ростовская (урожд. Кушелева) А. Г. 67, 68, 70

Лобанова-Ростовская А. Н. 461, 484

Ловейко (в замуж. Солнцева) М. Е. 199, 200, 203, 206, 227, 241, 246, 257, 275, 281, 283, 302, 306

Ломан 66, 67, 70

Ломиковский 110

Ломоносов М. В. 11, 64

Лонгинов Н. М. 66, 67, 70

Лопухин Ал-р. Ал. 223, 227, 235, 238, 299, 305

Лопухин Ал. А. 198—201, 203, 204, 206—213, 215—217, 223, 227, 234—244, 246, 250, 251, 253, 262, 263, 264, 267, 270, 278, 282, 283, 285, 293, 299, 302, 305

202, 203, 204, 207, 270, 278, 282, 283, 285, 290, 299, 302, 303

Лопухин А. Н. 198

Лопухина 266

Лопухина (урожд. Оболенская) В. А. 205—217, 223, 235, 236, 238—241, 246, 248, 250, 253, 257, 260, 261, 263—265, 268, 270, 275, 282—284, 291, 293—296,

Принятые сокращения // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 671.

ГАРФ

— Государственный архив Российской Федерации

ОПИ ГИМ

— Отдел письменных источников Государственного Исторического музея

РГАДА

— Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ

— Российский государственный архив литературы и искусства

РГВИА

— Российский государственный военно-исторический архив

РГИА

— Российский государственный исторический архив

РГАСПИ

(РЦХИДНИ)

— Российский государственный архив социально-политической истории

РО ГЛМ

— Рукописный отдел Государственного литературного музея

РО РГБ

— Рукописный отдел Российской государственной бибилиотеки

РО РНБ

— Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

РО ИРЛИ

РАН

— Рукописный отдел Института русского языка и литературы Российской академии наук

(Концевая страница) // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. — М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2001. — [Т. XI]. — С. 672.

Р 76

«Российский Архив» (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Выпуск XI. — М.: АНО «Редакция альманаха «Российский Архив». 2001 — 672 с. ил.

ISSN 0869—2009

ISBN 5—86566—035—7

Альманах посвящен истории Государства Российского. В нем помещены ранее не публиковавшиеся исторические документы (дневники, воспоминания, письма и др.), хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах. Все документы публикуются без изъятий.

Среди них Записка Ф. Н. Глинки о магнетизме, “Назидательные правила” П. И. Фонвизина, письма А. Н. Дубельт к мужу, письма Л. Н. Андреева, автобиографический очерк А. В. Каировой, из воспоминаний Э. В. Экка, письма М. А. Лопухиной к баронессе А. М. Хюгель (Верещагина), письма вел. кн. Елизаветы Федоровны к имп. Марии Федоровне и др.

В разделе “Галерея” представлен альбом выпускниц Александровского института. В “Приложении” публикуется рассказ Н. А. Тэффи “Перу” из Бахметевского архива (Нью-Йорк, США), воспоминания Т. А. Фохт-Ларионовой, дочери Н. А. Чукмалдиной.

Альманах снабжен научно-справочным аппаратом.

Для историков, филологов и всех интересующихся историей.

ББК 63.3.(2)5—7

РОССІЙСКІЙ АРХИВЪ

История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.

Новая серия

Редакторы Т. Е. Павлова, В. В. Шибаева
Корректор Е. Л. Яценко
Издат. лицензия ЛР № 071963 от 10.09.1999.
Подписано в печать 05.12.2001. Формат 70 ? 100 1/16.
Гарнитура «Академическая». Печать офсетная. 42 п. л. + вкл. 1 п. л.
Усл. печ. л. 54,43 + альбом = 55,73.
Тираж 2000 экз. Изд. № 24. Заказ № 2285.
АНО «Редакция альманаха “Российский Архив”»
103001, Москва, Гоголевский бульвар, 6/7, стр. 1.
Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.